

ОМИРОВЫХЪ ТВОРЕНІЙ

часть I.

содержащая въ себѣ
двенадцать пѣсенъ
ИЛІАДЫ.

перевелъ
съ Греческаго языка Коллежскій Секретарь
ПЕТРЪ ЕКИМОВЪ

152552

цѣна 70 коп.

При Императорской Академіи Наукъ
1776 года

ЖИЗНЬ ОМИРА.

Какъ всѣ писатели единомысленною ревностію усладились ко хвалѣ мужа сего и нѣтъ ни одного, кой бы опсуждался противорѣчить; такъ напрошивъ того никто по себѣ сполько не оставилъ раздоровъ, несогласія и неизвѣстности о жизни своей какъ Омиръ. Самъ онъ отъ скромности ли и преврѣія къ славѣ или и не помышляя, чтобъ память его у потомственныхъ временъ была въ шоликомъ почтеніи, нигдѣ въ твореніяхъ своихъ ничего какъ о рожденіи, такъ о опечесствѣ не упомянулъ. Изъ бывшихъ же по немъ всякъ, кто ни писалъ, писалъ или баснословно, или по своему желанію. Иродотъ Аликарнаскій повѣствуетъ, что нѣкоторый гражданинъ Кумейскій Меланотъ при смерти оставилъ для воспитанія Клеанакту другу своему дочь Крисеиду, которая по прошествіи нѣскольکو времени отъ тайной съ неизвѣстнымъ мужемъ любви родила при рѣкѣ Мелисѣ сына, сего достопамятнаго Греческаго Стихотворца, коему прежде отъ рѣки и имя дано было Мелисигенъ, послѣ же какъ лишился зрѣнія, начали звать его Омиромъ: ибо Кумейне и Іоняне всѣхъ слѣдующихъ такъ называли, Крисеида изу-

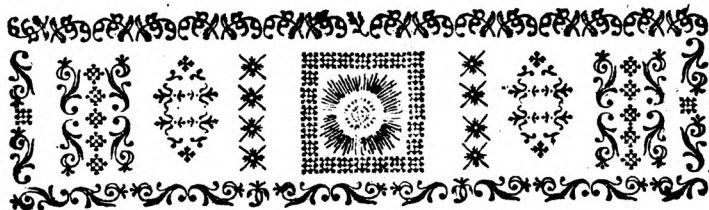
чена бывъ всякому руководѣлю, пристойному женщинамъ, воспитывала и сына отъ трудовъ своихъ : ибо Клеанактъ лишилъ ее прирѣнія своего. За скромную же жизнь и за искусство въ руководѣліи понравилась Смирнскому учителю Фимію , который вскорѣ и взялъ ее въ жену себѣ ; сына же ея Омира воспитывалъ и обучалъ какъ сына своего , кой не чрезъ многое время толико преуспѣлъ въ ученіи, что ничемъ не ниже былъ и учителя. Наконецъ Фимій умеръ, оставя все имѣніе Крисейдѣ и сыну ея ; не по многому времени умерла и Крисейда , Омиръ же возмужавъ вступилъ на мѣсто Фимія въ должность учительскую ; сладостию же своего ученія не токмо многихъ учениковъ , но и слушателей какъ Смирнскихъ , такъ и отъ чужихъ странъ привлекалъ къ себѣ. Послѣ сего оставя должность оную принялъ намѣреніе странствовать и осмотрѣть всю Грецію. Сѣдши же на корабль богатаго Левкадскаго купца , кой содержалъ его въ великомъ почтеніи, отправились въ море, гдѣ на многихъ островахъ приставали для удовольствія любопытства , пробжавъ Тирсінію и Ивирію прибыли въ Иоакъ, гдѣ Омиръ занемогши глазами оспался ; и Ментей для призрѣнія и врачеванія отдалъ его другу своему Ментору. Въ теченіи не многого времени изцѣлились глаза его , и Ментей возвратясь пакѣ взялъ его съ собою на корабль ; приплывъ въ Колофонъ впорочно занемогъ гла-

глазами, и путь на вѣкъ лишился зрѣнїа. Изъ Колофона прибывъ въ Смирну началъ упражняться въ Стихотворенїи, которое такъ прославило его по всей Греціи, что многіе нарочно прибѣжали слушать его, и за удовольствїе почипали братья его съ собою въ другіе города, въ чемъ онъ и послушенъ былъ, по чему всей Греціи нарѣчїа видны въ дѣлахъ его; а изъ сего заключается, что онъ ни одного мѣста въ Греціи не оставилъ, гдѣ бы не странствовать. Въ прочемъ мужъ сей по Иродотову свидѣтельству умеръ во островѣ Іосѣ.

Ефоръ Кумейскій писатель доказываетъ, что Омиръ былъ родомъ Кумейнинъ и свидѣтельствуемъ такъ: Апеллій, Меонъ и Дій были при брата родные, опечесствомъ Кумеяне, изъ коихъ Дій впадъ въ великіе долги, переселился изъ города въ Віотійское село Аскру, и тамъ взялъ себѣ въ жену Пикимиду; имѣлъ отъ нее сына Исюда, которой и нынѣ славенъ своимъ Стихотворенїемъ; Апеллій умеръ во своемъ опечесствѣ, оставя дочь свою Кривиду въ призрѣнїи брата Меона, которой и имѣлъ ее вмѣсто жены, и какъ позналъ, что она очереждала, то для избѣжанїя стыда отдалъ ее въ замужство Смирнскому учителю Фимію, за коимъ Кривида не многое время бывъ родила реченнаго сына при рѣкѣ Мелитѣ.

Пиндаръ и Симонидъ приписываютъ ему опечесство островъ Хіосъ; Антимахъ и Ни-

каждѣ поставляютъ рожденіе его въ Коло-
фонѣ; Аристархъ и Діонисій Эракійскій въ
городѣ Аѣинахъ; иные производятъ его отъ
Египта, иные отъ Италіи, иные отъ Ри-
ма, иные отъ острова Кипра, иные отъ Ро-
доса, иные отъ Иѣаки, иные отъ града Ми-
кѣнъ, иные отъ Трои, иные отъ Саламина.
Харакъ писатель называетъ отца его Мео-
номъ, а мать Евмиспидой; иные даютъ име-
на Марона и Миринѣы, иные Тилемаха сына
Одиссеева, а мать Поликасту дочь Неспор-
рову. Порфирій писатель увѣряетъ, что
Омиръ былъ женатъ на Арисифонѣ дочери
Кумейскаго гражданина, и имѣлъ двухъ сы-
новъ: Ерифона и Θεολая и дочь одну. Ари-
сифонъ пишетъ баснословно, аки бы Омиръ
родился отъ нѣкотораго духа пріятеля Му-
замъ и отъ бѣдной дѣвушки; а иные отъ
Аполлона и Калліоны; другіе отъ рѣки Ме-
лита и Нимфы Кривоиды. Въ прочемъ тво-
ренія его суть сіи (1) Иліада, въ которой
баснословно описывается Троянская брань,
чрезъ что показываетъ пѣлесную храбрость
и бодрость; (2) Одиссея, или странствованіе
Улиссово, бывшее послѣ Троянской бра-
ни: здѣ изображается величество и крѣ-
пость духа; (3) нѣсколько похвальныхъ пѣ-
сенъ въ честь боговъ. Многие писатели увѣ-
ряютъ, что Омиръ творенія свои пѣлъ раздѣ-
по городамъ, кои проходилъ; Писистратъ
же Аѣинскій собралъ оныя въ едино мѣсто.

ОМИРОВОЙ ИЛІАДЫ

пѣсни перьвой

содержаніе.

Хризъ священникъ Аполлоновъ приходитъ ко Греческому корабельному ополченію, желая изхулиши отъ лѣвна дщера свою Хризиду* но не получивъ ея, лаче же и съ безчестіемъ бывъ прогнанъ отъ Агамемнона, молишь на лупи своемъ Аполлона, о отмщеніи Ахейнамъ. Богъ сей посылаетъ на воинство язву, котрая день отъ дня умножаетъ ладеніе людей; по чему Ахиллъ созываетъ военачальниковъ на совѣтъ, гдѣ Калхантъ открываетъ истинную причину злоключенія; Ахиллъ совѣтуетъ умилоствити бога; но Агамемнонъ совѣтомъ его раздраженъ, злобствуетъ и лохищаетъ отъ него Врисиду, данную по общему согласію всего воинства въ награжденіе. Ахиллъ огорчается противъ всѣхъ Ахейнъ и приноситъ жалобы матери своей Тетидѣ, которая возшедъ на небо умоляетъ Юлитера, да поборствуетъ Троянамъ

А

Греховъ

* Имя сіе дѣвицы не есть настоящее, но по отцу, собственное же ея имя Астинома: равнымъ образомъ и Ахиллова любовница Врисеида называется Иллодамія.

Греховъ же изложитъ. Ира познавъ о семъ воз-
двизаетъ вражду со Юпитеромъ; но вскорѣ при-
мирятъ ихъ Ифестъ радостотворные содѣвая слу-
женія на лиришествѣ всѣхъ боговъ. На конецъ
прелпроводя день въ ликованіяхъ, отходятъ ко
сну.

П Ъ С Н Ъ І. А Л Ф А.

В Оспой богиня пагубоносный Пиле-
ева сына Ахилла гнѣвъ, который
тысящныя на Ахейнѣ навлекъ бѣ-
ды и многія храбрыя Ироевъ души низ-
вергъ во адъ, оставя тѣла ихъ въ бра-
шно пшицамъ и псамъ на разшерзаніе.
Юпитерово бо изволеніе тако соверша-
лося: егда Агамемнонъ сынъ Амреевъ
царь народовъ и божественный Ахиллъ,
непримиримою возгорѣлися враждою.

Но кое божество привело ихъ къ
сему несогласію? Юпитеровъ отъ Ли-
тты сынъ: сей прогнѣванъ будучи ца-
ремъ, послалъ лютую болѣзнь на во-
инство и смерть пожирала множество
народа за содѣянное Агамемнономъ без-
честіе

честіе священнику его Хрису, который ко Ахейскимъ кораблямъ пришелъ для изкупленія дщери, имѣя съ собою дары, въ рукахъ держа злшый скипетръ и вѣнцы спрѣломещущаго Аполлона, для умилоствленія всѣхъ Ахеянъ, а наипаче двухъ военачальниковъ Апсреевыхъ сыновъ, прося тако: О чада Апсреевы, и вы всѣ храбрые воины! пріимите отъ меня сіи дары, и воздавая почтеніе Юпитеру сыну Аполлону, возвратите мнѣ возлюбленную дщерь мою, за что да подадутъ вамъ обитающіе на Олимпѣ боги плѣнниці Пріамовъ градъ, и благополучно возвратитися паки во свои дома. На сіе моленіе соизволяя всѣ Ахейяне, хотѣя и желали содѣлати священнику удовольствіе принявъ отъ него дары; но Агамемнонъ тѣмъ толико огорченъ былъ, что съ поруганіемъ его отгнавъ вопіетъ: Старче! не помогушъ тебѣ ни скипетръ, ни вѣнецъ бога, естли я увижу тебя здѣ при корабляхъ, или медлящаго днесъ, или послѣ паки возвращающагося; а ее я не отпущу, доколѣ не постигнешъ ее старость, но отдаленна отъ своего отечества, пребудетъ

въ нашемъ домѣ, во Аргахъ прядущая кудель, и ложе мое украшающая; опыди, не раздражай меня, да возвратишися здравъ! Сарецъ убояся, повинулся его словамъ и въ молчаніи направляешъ стопы свои по берегу волношумящаго моря. Пошомъ опшедши одалъ воздѣваетъ руки ко царю рожденному ошъ прекрасныя Лишы, моля его тако: О шы, владѣющій сребрянымъ лукомъ, охраняющій Христу и божественную Киллу, всеильный Тенедъ владѣтель, Сминеей! аще я когда во благоугодность тебѣ возлюбленный швой храмъ украсилъ вѣнками, или ошъ воловъ и козъ сожегъ тебѣ въ жершву тучныя бедра, внемли нынѣ гласу моему и исполни хотѣніе мое: ошмсти Данаямъ мои слезы швоими спрѣлами.

Таковое моленіе услышавъ Фивъ Аполлонъ, раздраженный низходитъ съ высошы Олимпа подобенъ темной ноши, на плещахъ имѣя лукъ и шулъ наполненный спрѣлами, которыя страшный выпускали ошъ себя на раменахъ идущаго бога прескъ. Съдши же прошиву кораблей, наляцаетъ лукъ и пушаетъ спрѣлу: она разсѣкаетъ воздухъ со ужаснымъ

нымъ свисномъ, и язва первая постигаетъ мсковъ и псовъ; послѣ сего мечетъ смертоносную стрѣлу и на самихъ Ахейнъ. Вездѣ горятъ костры съ возложенными на нихъ трупамн; девять дней Аполлонова рука поражала воинство. Въ десятый день Ахиллъ повелѣваетъ созвать народъ; шаковыя мысли вложила въ сердце его божественная Ира: ибо печалилася о Данаяхъ, видя ихъ умирающихъ. Возставъ же отъ своего мѣста предъ сонмомъ начинаетъ тако: Агамемнонъ! Я вижу, что мы наконецъ должны будемъ плавать по морю, возвратиши отъ сихъ мѣстъ, когда избѣгнуши смерти желаемъ; зане купно война и морь погубляютъ Ахейнъ. Но спросимъ ли предсказателя или жреца, или снополокователя, (ибо и сонныя видѣнїя бывають отъ воли Юпитера) который бы открылъ: чѣмъ по-лико прогнѣвали мы Фива Аполлона; наказуешь ли онъ насъ за неусердное къ нему моленіе, или за неприношеніе Екашомвы, или требуетъ отъ насъ избранныхъ овецъ и козъ на жертву для отвращенїя постигшихъ насъ злоключенїй? Окончавъ сіе сѣлъ на своемъ мѣстѣ.

По томъ восталъ Калхантъ сынъ Фе-
споровъ искуснѣйшій изъ прорицателей, и
копорому явно было настоящее, предше-
щее и будущее; за справедливостъ же въ
предсказаніяхъ былъ вождемъ Ахейскихъ
кораблей подъ Трою; сей мужъ испол-
ненъ премудрости вѣщаетъ шако :

О любезный Юпишеру Ахиллъ! повели-
ши ли мнѣ открыти предъ вами гнѣвъ
Аполлона царя далече стрѣлы мещущаго;
вѣщаю убо тебѣ: положи со мною завѣтъ, и
кленися быти моимъ гоповымъ защитни-
комъ какъ словами, такъ и дѣломъ. Ибо я
вѣрно мню, что прогнѣвается сильный вла-
дѣтель Аргивовъ и повелишь всѣхъ Ахе-
янъ. Могущество бо царя, тогда сильное
является, егда онъ на подданнаго гнѣ-
вается, и хотя въ томъ же день сми-
ритъ гнѣвъ свой, но послѣ питаетъ его,
доколѣ совершитъ во своемъ сердцѣ. Вѣ-
щай убо мнѣ, сохраниши ли мя? На что
Ахиллъ отвѣтствовалъ ему: Калхантъ!
дерзай и не спрашися открыти пророче-
ства свѣдомаго тебѣ. Кленуся возлю-
бленнымъ Юпишевымъ сыномъ Аполло-
номъ, копорому ты обѣты твоя откры-
ваеши пророчества Данаемъ; кленуся,
что

что никто, доколѣ жизнь во мнѣ и свѣтъ во очахъ моихъ пребудетъ, изъ всѣхъ Ахейнъ находящихся на корабляхъ, ниже самъ Агамемнонъ, котораго въ войскѣ больше всѣхъ превозносятъ, не возложитъ на тебя рукъ.

Симъ увѣренъ избранный прорицатель, начинаетъ тако: ниже за моленіе, ниже за Екашомву наказываетъ насъ Аполлонъ; но за священника, которому содѣлалъ безчестіе Агамемнонъ, не освободивъ его дщери, ниже принявъ отъ него даровъ. Симъ раздраженъ богъ послалъ на насъ болѣзни, и еще пошлетъ, ниже прежде воздерживъ сильныя свои руки поражая насъ язвою, доколѣ любезному опцу безъ всякаго изкупленія не будетъ возвращена прекрасная дщерь, и съ нею отпустиши въ Хрису священная Екашомва; тогда отворотимъ ярость его отъ насъ, тако рекъ сѣлъ.

По томъ возсталъ Ирой пространнѣйшій владѣтель Агамемнонъ съ лицемъ смущеннымъ, внутренность его полна кипящаго злобы, очи подобно сверкающему огню бѣгали, и томъ часъ устремя взоръ яростный на Калханта вѣщаетъ ему: прори-

цашель бѣдѣ! ниже единожды внушилъ ты мнѣ пріятное слово, ниже что сотворилъ благое; но сердце швое всегда склонно къ предвозвѣщенію злыхъ случаевъ; какъ и нынѣ пророчествуя Данаямъ возвѣщаеши, аки бы лученосное божество посылаетъ болѣзни за то, что я Хрисовой дщери не хотѣлъ воспріяти даровъ; желаніе бо мое есть имѣти ее всегда въ моемъ домѣ: ибо разумъ ея, красота и искусство въ рукодѣліи, столько мнѣ любезный сушь, что предпочитаю молодой и еще не познавшей чадородія женѣ моей Клитемнистрѣ. Но при всемъ томъ желаю возвратити ее отцу, естли того польза требуетъ: хочу народу моему здравія, а не пагубы. Вы же немедленно да приготовите мнѣ вмѣсто ея другое мздовоздаяніе; да не буду единъ лишенъ корысти, сіе и не прилично; ибо всѣ вы зрите, что прежній жребій мой похищается отъ меня.

На что отвѣтствуетъ ему божественный Ахиллъ тако: о ты щеславнѣйшій и ненасытнѣйшій Агамемнонъ! какимъ образомъ возмогушъ даши тебѣ награжденіе великодушные Ахеяне? ибо
извѣ-

извѣстно всѣмъ, что общественныхъ сокровищъ мы не имѣемъ; что же при плѣненіи градовъ взяли въ добычу, то все уже раздѣлено: народамъ же раздѣленное паки собравъ во едино мѣсто сносити не прилично есть. Но ты отдай сію дѣвицу богу; мы же всѣ Ахеяне усугубляя усугубимъ и воздадимъ тебѣ, когда Юпитеръ поможетъ намъ крѣпкіе стѣны Троянскіе разрушити.

На сіе отвѣстствуя царь Агамемнонъ рекъ: Хотя ты и богу подобишься, но не скрывай мыслей твоихъ; ибо ни хитрость, ни совѣты твои каковымъ либо воспользуются успѣхомъ. Или ты повелѣвая мнѣ возвратити сію плѣнную, мнишь, что я могу снести видя тебя довольно награжденнаго, мнѣ же пребыти лишеннымъ и малѣйшія корысти? Возвращу, если храбрые Ахеяне единодушно соглася между собою, содѣлаюшъ мнѣ равномѣрное воздаяніе; аще же отрекутся, самъ возьму или отъ тебя, или отъ Еанта, или отъ Одиссея, мужъ же тотъ прогнѣвается къ кому прииду. Но о семъ паки будемъ разсуждати послѣ. Днесъ же повлечемъ корабль на божественное

А 5

море

море, и соберемъ искуснѣйшихъ мореплавателей, внутрь введемъ Екатомву, послѣ же всего выдетъ и прекрасная дочь Христова. Тамо должно единому благо-разумному князю, или Еаншу, или Идо-менею, или божественному Одиссею, или тебѣ прехрабрѣйшій изъ мужей быти для принесенія жершвы раздраженному богу, и для умилоствивленія его къ намъ.

По томъ яростно возрѣвъ на него Ахиллъ вопіетъ: О безстыдный льстецъ! кто изъ Ахейнъ возможетъ швоимъ словамъ съ желаніемъ сердца повиноватися, чѣмъ ищи въ походъ, или на непріятеля храбро наступати? А я собственными ли моими нуждами влекомъ вступаю здѣ ратовати съ мужественными Троянами? Они ни скопа моего отогнали, ни коней, ниже въ плодоносной когда Фѣи повредили земледѣліе: ибо съ единыя страны непроходимыя горы, съ другія свирѣпое и пространное море раздѣляя насъ отъ нихъ граничатъ, но единственно мы всѣ тебѣ усердствуя, за тобою слѣдуемъ, дабы Мене-лай и ты безстыдный пещъ возрадовались, егда увидите насъ обиду вашу отмсши-

мстившихъ Троянамъ. Ты же ни печеши-
ся о насъ, ни почитаеши, но еще грози-
ши отнятіемъ у меня той добычи, за ко-
торую я довольно шрудился, и кошорую
мнѣ Ахейскіе сыны дали. Есѣли мы плѣ-
нимъ пространнѣй оный градъ Трою, и
хотя сѣи мои руки спремительною войною
больше прочихъ управляющѣ; но когда
пріидетъ время раздѣленія, тебѣ боль-
шая всѣхъ часть ошдается; а я и ма-
лымъ, но со сладостію довольствуюся,
послѣ всѣхъ воинскихъ шрудовъ возвра-
щаюся къ кораблямъ своимъ. Нынѣ же иду
во Фѣю: ибо похвальнѣе естѣ возвраще-
ніи въ домъ на корабляхъ своихъ; но я
здѣ уничиженъ бывъ побою не мню, чѣмъ
возмоглъ ты получиши богатства и со-
кровища.

На сѣе отвѣшествовалъ ему царь Агамем-
нонъ тако: Когда сердце твое спремится,
бѣги хотя сей часъ; не прошу я тебя пре-
бывати здѣ меня ради. Многіе сущѣ, кото-
рые и кромѣ тебя воздавать будутъ мнѣ
почитаніе; больше же всѣхъ прославятъ ме-
ня Юпитеръ, ты же ненавистнѣйшимъ мнѣ
нынѣ паче всѣхъ воспѣшанныхъ отъ Юпи-
тера царей. Склоноспи бо твои сущѣ вой-
на,

на, раздоръ и несогласіе: ежели ты мужественную имѣши крѣпость, воистинну богъ тебѣ далъ сіе. Возвращайся со швоими кораблями въ домъ швой, и повелѣвай надъ любезными швоими Мирмидонами, о тебѣ же я не имѣю попеченія, ниже взираю на швою злобу; паче же угрожаю тебѣ тако: когда отъ меня Фивъ Аполлонъ похищаетъ Хрису дщерь, которую я на корабль нынѣ отпущу съ моими совоисшвенниками; того ради сей часъ иду самъ во швою сѣнь, и изшоргну швою добычу, прекрасную дщерь Хрису, да познаеши, коликое имѣю преимущество надъ тобою, и да убояшся и прочіе равными и подобными мнѣ нарицатися.

Тако рекъ, и объяла болѣзнь Пилеева сына, котораго сердце имѣло двоякіе мысли: смягчиши ли гнѣвъ свой и усмирить ярость, или извлекши острый мечъ препоясанъ на чреслахъ, всѣхъ предстоящихъ изгнать, и вонзить въ сердце Агамемнона? въ сихъ помышленіяхъ волнуясь, мгновенно обнажаетъ мечъ: но пришедшая съ небесъ Аѳина ставъ позади, касаясь власамъ его ни кому не будучи зрима,

зрима, кромѣ его; предпослала бо ее Ира обоихъ оныхъ мужей любящая и хранящая. Ахиллъ устрашился, обративъ же лице вспяшь, вскорѣ позналъ Палладу Аѳинейскую, по величественному ея и огнеблиспательному взору, и дерзновенно вопрошаетъ: О Юпитера Егѳоха порожденіе! Возвѣсти мнѣ вину твоего пришествія къ намъ? или желаеши знаши обиду, каторою разишь меня Агамемнонъ? Но что реку тебѣ, оному и совершитися хошу днесь: вскорѣ погубишь его душу гордостью. На что отвѣстствуя ему, Аѳина глаголетъ: божественная Ира обоихъ васъ равнобрно любя и охраняя предпослала меня съмо и я низшла отъ небесъ для усмиренія твоего гнѣва; преснани отъ шолікія ярости, довольно будешь, когда обиду твою отмстиши словами, мечемъ же не касайся. Я тако повелѣваю и повелѣніе мое да исполнится, тебѣ же за претерпѣніе сея досады сугубо нѣкогда воздадутся великолѣпные дары; нынѣ воздержи себя и повинися намъ. Ахиллъ на сіе отвѣщаетъ ей: хоша и вся во мнѣ кровь горитъ отъ пламенныя люто-
сти, но твое божественное повелѣніе съ-
радо-

радостію въ моемъ сердцѣ заключаю
вѣдая, что всякъ слушающій боговъ ни-
когда не бываетъ отъ нихъ оставленъ.
Сіе вѣщая сильною своею рукою держалъ
мечъ, и егда повинуюся ея повелѣніямъ,
возвратилъ его обратно во влагалище,
Аѳина вознеслася на небо къ селеніямъ
Юпитеровымъ, въ собраніе прочихъ боговъ.
Ахиллъ же не преставая отъ гнѣва паки
начинаетъ Агамемнона поносить укори-
зненными словами: о ошягченный виномъ!
взоръ имѣющій пса, сердце же еленя!
ты никогда не отважился съ прочи-
ми Ахейскими полководцами на военныя
хитрости, или купно со всѣмъ воин-
ствомъ прошиву враговъ вооружившись;
сіе зришь тебѣ смертію. Конечно луч-
ше по обширному Ахейскому воинству
похищаши корысти, естли хоша мало
кшо вопреки тебѣ содѣлаешь. О царь
народа пожираТЕЛЬ! и власть твоя надъ
недостойными: воистинну послѣднее содѣ-
лалъ ты мнѣ огорченіе. Но я тебѣ возвѣ-
щаю и клянуся клятвою великою: симъ
жезломъ, кошорый первое посѣченіе оста-
ва на горахъ, не можешь уже нико-
гда листвія и отраслей отъ себя изда-
ти;

ти; ибо кора его и въшвы мечемъ очи-
щены, нынѣ же паки носящъ его въ ру-
кахъ судїи Ахейскіе почерпнувшїя законы
отъ самаго Юпишера; сіе да будетъ
тебѣ великою клятвою: воистинну всѣ
сыны Ахейскіе возжелоушъ нѣкогда Ахил-
ла, и шы печалю своею ни малѣйшїя
помощи не возможеша имъ подати; видя
многихъ отъ Екшора челоуѣкоубійцы па-
дающихъ мершвыхъ; и сердце швое бу-
дешъ раздираемо гнѣвомъ, ибо не воздалъ
почтенїя лучшему отъ всѣхъ Ахейнъ.
Сїе изрекши повергль на землю скипетръ
окованный златыми гвоздьми и самъ
сѣлъ. Отъ другїя же страны равнымъ
образомъ и Агамемнонъ гнѣвался.

По семъ возсталъ краснорѣчивый Пв-
лїйскїй проповѣдникъ Несторъ, у котораго
слова изъ устъ прїятнѣ всякаго меда
происпекали, и кошорый два вѣка смер-
шныя челоуѣческія жизни претекши,
видѣлъ многихъ съ собою и рожденныхъ
и воспитанныхъ въ божественномъ оспровѣ
Пилѣ, и уже на третїй вѣкъ царствованїя
своего вступилъ. Сей обѣимъ имъ желая
всякаго блага, начинаешъ тако: Увы!
Воистинну великїй плачь постигаетъ
землю

землю Ахейскую! воистинну возрадуешся
 Пріамъ со своими сынами, и всѣ Трояне
 возвеселяица всѣмъ сердцемъ, внигда услы-
 шатъ васъ толикою враждою злобству-
 ющихъ. Хотя вы совѣсами своими и
 искусствомъ въ воинскихъ дѣлахъ превоз-
 ходите всѣхъ Данаевъ: но вы оба млад-
 шіи меня лѣтами, и я нѣкогда съ луч-
 шими, нежели вы, обращался мужами и
 никогда отъ нихъ не былъ уничтожае-
 мымъ. Не видѣлъ я, ниже увижу когда та-
 ковыхъ мужей, каковы были Пиріей,
 Дріантъ правитель народовъ, Кеней,
 Эксадій, Полифимъ равный богамъ, и Ти-
 сей сынъ Егеевъ подобающійся безсмерт-
 нымъ. Прехрабрѣйшіе они были отъ всѣхъ
 на земли воспитанныхъ мужей, прехра-
 брѣйшіе конечно и съ прехрабрѣйшими го-
 рожищами исполинами войну имѣли, и
 ихъ со славою изпребили. Съ таковыми
 я обращеніе имѣлъ, пришедъ изъ Пила
 отъ далечайшія земли Апейскія, откуда
 сами они меня призывали; и я тогда
 сражался самъ собою; нынѣ же ни одинъ
 изъ всѣхъ земнородныхъ не дерзнулъ бы
 противу ихъ рашовати. Они слѣдовали
 моимъ совѣсамъ и повиновались моимъ
 настав-

наставленіямъ; послушайте убо и вы меня; ибо послушаніе лучшее есть дѣло: ты Агамемнонъ, хотя и надъ всѣми имѣши преимущество, не опымай у него дѣвицы, но уступи, какъ ему сперва воинство Ахейское дало оную въ награжденіе; ты же Ахиллъ воздержися поносить царя: ибо ниже единъ кто когда подобною превознесенъ былъ честію изъ всѣхъ скипетроносныхъ царей прославленныхъ Юпитеромъ; и хотя превосходиши крѣпостію силъ твоихъ и рожденъ отъ матери богини, но ему отъ боговъ поручена большая власть и всѣ его повелѣніямъ покарются. Еще молю обуздай Агамемнонъ власть твою, ты же Ахиллъ обуздай гнѣвъ твой; когда всѣ отъ тебя въ зловредной сей войнѣ ожидаютъ защипщенія.

На сіе Агамемнонъ отвѣщалъ тако: воинстинну всѣ сіи слова твои справедливо изречены; но сей человѣкъ желаетъ быти больше всѣхъ, ищетъ надъ всѣми власти и господства, хочетъ дабы всѣ были послушны его повелѣніямъ; но не уповаю сему исполниться; и ежели присносущные боги создали его храбрымъ

воиномъ, шо не уже ли они для того дозволяютъ ему и поносиши меня?

Сии слова прервавъ Ахиллъ отвѣщаетъ ему: достойно бы всѣ меня назвали робкимъ и подлѣцомъ, естлибъ я во всякомъ дѣлѣ тебѣ повиновался; инымъ тако повелѣвай, но не мнѣ; и не мысли, чтобъ я могъ когда тебѣ послушнымъ быти. Ты же слова мои, которые днесъ изреку тебѣ, запечатлѣй крѣпко на швоемъ сердцѣ: сражашися за дѣвицу не намбрень я, ниже съ тобою, ниже съ инымъ кѣмъ; ибо ошымаете у меня шо, что дали; изъ прочихъ же сокровищъ хранимыхъ на корабль моемъ, ничтоже возможеша похищати противу желанія моего; и ежели невѣроятнымъ тебѣ сѣ видится, испытай, да познаютъ всѣ предстоящїи здѣ; вскорѣ по сему копѣю помечетъ черная кровь швоя.

Таковымъ образомъ взаимно другъ друга понося возспали отъ мѣстъ своихъ, и народъ бывшїй въ сомнѣ отпустили къ кушамъ и кораблямъ.

Ахиллъ съ Патрокломъ и со прочими совоиншвенниками пошелъ во спаны къ кораблямъ своимъ. Агамемнонъ же

же повелѣлъ спустити на море корабль и самихъ лучшихъ отправилъ на него двадцать мореплавателей, внутрь ввелъ жертву Екашомву, обѣщанную богу Аполлону; послѣ всего самъ возвелъ прекрасную дочь Хрисову; и съ нею купно присудствовалъ мужъ великаго совѣща князь Одиссей. Когда все уже исполнено было, началъ быстрый корабль разсѣкати морскіе волны лешая по мокрымъ спезямъ.

По отшествіи ихъ повелѣлъ Агамеионъ всему народу очистишися; по отправленіи же очищенія всю нечистоту ввергли въ море, и принесли Аполлону уготованную Екашомву ошъ воловъ и козъ близъ моря на безплодномъ брегѣ; и дымомъ ошъ шука жертвеннаго наполнился воздухъ до небесъ.

Таковымъ образомъ сіе совершалось. Агамеионъ же не преспавалъ ошъ ярости, которою угрожалъ Ахиллу, но призвавъ Талевія и Евриваша, (сіи были провозвѣстники и вѣрные служители) вѣщаетъ имъ: идише въ сѣнь Ахилла сына Пилеева, и руками возьмете прекрасную дочь Врисову приведише ко мнѣ, ежели же онъ не дастъ;

я самъ со многими пришедъ силою изпоргну, и сѣ вѣшшимъ поразитъ его ужасомъ. Таковое повелѣніе сугубо подтвердивъ оппустилъ.

Они же опшедше, съ уныlostію возпріали путь свой по берегу морскому; и пришедъ къ Мирмидонскимъ спанамъ, видѣя близъ корабля вѣсѣни сѣдѣщаго Ахилла, кой воззрѣвъ на ихъ не возрадовался. Они же спавъ со страхомъ и почтеніемъ прошиву его, не произносили ни единого слова, ниже спросили его. Но онъ познавъ мысли ихъ вѣщаешъ: Радуйшесѣ предсказатели и провозвѣстники божіи и человѣческіе? приступите ближе; вы предо мною ни въ чемъ невинны; но Агамемнонъ, пославый васъ для дщери Врисовой. Благороднѣйшій Папроклъ! призови дѣвицу и отдай имъ, да ошведутъ ея. Вы будете сами свидѣтели предъ безсмертными богами и всѣми людьми и предъ неистовымъ царемъ, когда пошребуете отъ меня помощи ко отвращенію зловредныя язвы. Но Агамемнонъ нынѣ пагубными упоенъ совѣтами, ниже мало что можеть разсуждаши о прошедшихъ и будущихъ случаяхъ,

чаяхъ, каковымъ бы образомъ могли Ахейне благополучно продолжати брань; шакко рекъ. Патрокъ же повинуюся любезному другу, извелъ изъ сѣни дочь Врисову и ошдалъ посланнымъ, которые шомъ часъ обратно пошли къ кораблямъ Ахейскимъ. Дѣвица же неволею путь возпріяла съ ними.

Ахиллъ вскорѣ оплучася ошъ всѣхъ воинствениковъ сѣлъ на ошдаленномъ мѣстѣ морскаго берега и взирая на черное море въздѣваетъ руки къ возлюбленной своей матери, и со слезами вѣщаетъ ей шакко: Дражайшая матери, породившая меня человекомъ подлежащимъ кратковременному бытію! нынѣ зрю, что я ни малѣйшій не сподобился славы, которою бросающій грома съ высоты небесныя Юпитеръ долженъ былъ меня прославити: ибо обладающій Ахейскимъ воинствомъ Агамемнонъ до крайности меня посрамилъ, насильственно изторгая онъ меня вонъ.

Такъ во слезахъ вѣщающаго услышала священная мать его, сѣдѣющая во глубинахъ морскихъ у престарѣлаго ошда; вскорѣ же изходитъ ошъ снѣга моря

моря аки малый облакъ ; сѣдши же предъ плачущимъ утѣшаетъ поглаждая его рукою и называя по имени вопрошася шако : сыне ! о чемъ рыдаеши ? кая печаль терзаетъ твое сердце ? повѣждай и не скрывай горестей твоихъ , да познаю и я .

Ахиллъ воздохнувъ изъ глубины сердца начинаетъ къ ней шако : о чемъ во звѣщу ? тебѣ извѣстно все . Пришедши мы съ воинствомъ во священный Іешіоновъ градъ Ѡивы опустошили его , и что принесли съ собою все раздѣлено между сынами Ахейскими . Агамемнону же въ награжденіе избрали прекрасную дѣвицу дочь Хрисову ; но по прошествіи нѣко-го времени отецъ ея , священникъ спрѣдомещущаго Аполлона Хрисъ , горя желаніемъ изкупити дочь свою изъ плѣна , пришелъ ко Ахейскимъ кораблямъ , имѣя златый скипетръ и нося съ собою многіе дары , для умоленія всѣхъ Ахейнъ , особливо же двухъ Атреевыхъ сыновъ , князей Ахейскаго народа . Тогда все Греческое воинство единодушно утвердили содѣлать священнику почтеніе и принятии отъ него дары ; но единого Агамемнона

серд-

сердце тѣмъ тако огорчилось, что обру-
гавъ его поносными словами, отпустилъ
сѣ посрамленіемъ. Разгнѣванный же спа-
рецъ пошедъ обратно молилъ Аполлона
о отпущеніи. Сей же услышавъ его, какъ
вѣрнаго своего священнослужителя, неме-
дленно пустилъ на Ахеянъ смертоносную
стрѣлу, которая великое оныхъ множе-
ство принуждала вкушаши горчайшую
смерть. Стрѣлы же божіи обращались
всюду по пространному Ахейскому воин-
ству. Мы услышавъ отъ искуснѣйшаго
предсказателя откровеніе бога, потѣ-
часъ повелѣли и во первыхъ я, умило-
стививши гнѣвъ его. Агамемнона же сіе
къ толикой возбудило ярости, что по-
гоже часа восставъ отъ мѣста своего
угрожалъ мнѣ словомъ, котораго и испол-
неніе уже содѣлано: ибо Хрисову дочь
обратно отпущаютъ Ахеяне на кораблѣ
ко отцу ея, и царю приносятъ дары. Ко
мнѣ же пришедше провозвѣстники, взяли
по повелѣнію цареву дочь Врисову,
данную мнѣ въ награжденіе отъ сыновъ
Ахейскихъ. Но ты еще можешь что, по-
моги сыну своему; возшедъ на небо умо-
ли Юпишера, ежели когда сердце его

уладила , или словомъ или дѣломъ ; ибо
 многократно я слышалъ тебя въ домѣ
 родишелевомъ превозносящуюся, что еди-
 на ты изъ всѣхъ боговъ опровергнула
 убійство на пожинающаго облаки Юпи-
 тера , егда Ира , Посидонъ , Паллада
 Аѳинская и прочіе небожители умысли-
 ли связати его оковами. Но ты , о бо-
 гиня ! пришедъ свободила его отъ узъ ,
 призвавъ на высочайшій Олимпъ Испо-
 лина споручнаго , называемаго отъ бо-
 говъ Вріарею , отъ человѣкъ же Егео-
 номъ , который крѣпостію превосходитъ
 отца своего сѣдящаго на престолѣ близъ
 отца боговъ и превозносящагося гордостію ;
 предъ онымъ вострепещали безсмертные
 боги , ниже связали. Сіе предъ нимъ
 вспомняувъ припади къ нему , и обими
 колѣна его моля , да благоволишь по-
 сласти помощь Троянамъ ; Ахейнъ же по-
 разивъ смертію , да поженешь и съ ко-
 раблями ихъ до предѣлъ моря ; и тогда
 всякъ насладится своимъ царемъ ; Ага-
 мемнонъ же да познаешь казнь свою ,
 что содѣлалъ лучшему изъ всѣхъ Ахе-
 йнъ обиду. Сіе слышавъ Ѳетида , оп-
 вѣщаетъ ему со слезами : О сынъ ! по-
 чшо

что я породила тебя, или почто воспихала къ несчастію? О естли бы возможно было тебѣ пребыти въ корабляхъ твоихъ невредиму и безъ слезъ! Нынѣ же купно и вскорѣ умерши и бѣдственнѣйшій паче всѣхъ; и для того къ несчастному року произвела я тебя въ домъ на свѣтъ. Но иду нынѣ на изобилюющій снѣгомъ Олимпѣ къ моліеносному Юпитеру, аще благоволишь послушати меня; ты же пребуди у кораблей твоихъ, злобствуя на Ахейнѣ, и отъ брани конечно удержишься. Ибо Юпитеръ вчера внѣ предѣловъ Океановыхъ отшелъ къ великодушнымъ Еѳіопамъ на вечерю, куда и всѣ боги послѣдовали; во вторый же надсять день паки возвратишся на небо; и тогда я пойду въ пресвѣтлыя его чертоги, припаду къ ногамъ его съ моленіемъ, и тѣмъ уповаю преклонити его. Сіе изрекши отошла, оставя сына своего гнѣвающегося о прекрасной дѣвнцѣ.

Тѣмъ временемъ Одиссей приблизился ко острову Хрисъ со священной Екатомвою, и входя во глубочайшее пристанище повелѣлъ собрати вѣтрила, спустиши яблоко

и положиши на корабль; подбѣхавъ же веслами бросили копвы и привязали корабль крѣпкими ужами, изшедши на брегъ поставили въ порядокъ скоповъ привезенныхъ на жертву. По шомъ изведши Одисей дѣвицу повелъ къ жертвеннику, и вручая оную дражайшему отцу ея вѣщаетъ: о Хрисъ! Агамемнонъ царь народовъ предпослалъ меня съмо для возвращенія тебѣ возлюбленной твоея дщери, и принести священную жертву Екапомву царю Аполлону, для умилоствленія его къ Данаямъ обремененнымъ отъ него многими болѣзнями и воздыханіями.

По изреченіи сихъ словъ воспріялъ отецъ возлюбленную дщерь свою съ радостію. Они же привезенную жертву богу поставили окрестъ священнаго олшаря, и умывъ руки взяли возліянне.

Священникъ просперъ руки начинаетъ со усердіемъ молиши Аполлона тако: О ты владѣющее серебрянымъ лукомъ и стрѣлами божество, управляющее Хризою и пребожественною Киллою, сильною твоею десницею повелѣвающее надъ Тенедомъ! Какъ прежде нѣкогда внушилъ ты моленію моему, и прославляя

мя

мя послалъ вредоносную язву на народъ Ахейскій, тако и нынѣ соверши моленіе мое, прогоняя посланную шобою Данаямъ смертоносную язву.

Тако молящагося священника услышалъ Аполлонъ.

По томъ какъ всѣ престали отъ молитвы, опровергли сосуды съ возліянiемъ на жершвенникъ, и ошвлекши скотъ начали закалать; по сняшiи же кожи разсѣкли бедра и покрывъ шумомъ возложили на дрова усугубляя; поверхъ ихъ возложили сырые мяса и жрецъ зажегши огонь возлилъ тамо красное вино. Юноши же близъ его стоя держали рожны съ пшiю острыми концами. Егда же згорѣли бедра и внутренности пожрали, тогда и прочіе мяса разсѣкли на малые части вонзили на рожны и изжарили со тщанiемъ. По совершенiи всѣхъ трудовъ безъ малѣйшаго недостатка всѣ насытились со удовольствiемъ. Окончавъ же вечерю младшіе изъ Ахеанъ наполня великіе чаши виномъ, и украсивъ вѣнками подносили всѣмъ пити; и весь оный день препроводили въ радостныхъ восклицанiяхъ,

возсылая пѣсни въ чesть и умилошвив-
леніе стрѣломещущему богу, который
внемя ихъ моленію улаждался серд-
цемъ.

А какъ уже солнце сокрылося и шма
покрыла свѣтъ; тогда всѣ спали на
кормѣ корабля. Егда же явилася багря-
ными перстами красящаяся Іоа, возпрі-
яли обратный путь ко Ахейскому воин-
ству; и умилошвивленный Аполлонъ по-
слалъ способный къ ихъ плаванію вѣтръ.
Они подняли яблоко и разпустили вѣ-
трила, въ которые свирѣпо стремяся
вѣтръ, принуждалъ корабль съ шумомъ
разсѣкаши пѣнащіяся подъ нимъ морскіе
воды. Наконецъ приплыли ко своимъ
станамъ; пошанова же корабль на су-
шѣ и ушвердивъ подпорами, разсѣялися
всѣ по своимъ мѣстамъ; иные на кораб-
ли, другіе же по кушамъ. Мужествен-
наго же Ахилла ниже въ собраніяхъ, ни-
же въ совѣсахъ можешъ кто видѣти:
ибо сокрушая свое сердце пребывалъ не-
отлучно у кораблей своихъ. Все его же-
ланіе въ шому точію стремилоса, дабы
слышаши плачь, стонъ и вопль военный.
Между тѣмъ насталъ вшорыйнадесять
день

день и Юпитеръ провождаемый всѣми богами возвратился на пресвѣтлый Олимпъ.

Фетида помня прошеніе сына своего, оставила глубины морскіе, и возшедъ по утру на небо, зришъ молніеноснаго Сатурнова сына, сѣдѣщаго въ неприступномъ сіяніи, и опдаленнаго ошъ всѣхъ небожителей. Сшавши же предъ нимъ, и положивъ шуицу на колѣно; десницею же обѣмши за выю, начинаешъ ему тако: О отче Юпитеръ! естли я между безсмертными когда нибудь или словомъ, или дѣломъ благоугодила тебѣ, исполни прошеніе мое: прослави сына моего, которому ближайшій предѣлъ жизни шобою назначенъ; нынѣ же многихъ народовъ повелитель Агамемнонъ обезчестилъ его, насильственно изторгнувъ награжденіе данное ему по общему согласію всѣхъ Ахейнъ. Но ты, о высочайшая премудрость! возвеличи его швоею славою, низпославъ Троянамъ крѣпость и одолѣніе, доколѣ Ахейне умножая умножашъ ему чesпъ. Тако рекла, но погоняя облаки Юпитеръ ничего ей не отвѣшствуя долго пребылъ въ молчаніи. Фетида же паки начинаешъ ему

сту-

стужаши второе : или обѣдай свое благо-
 воленіе исполнивъ желанія мои , или
 опрекися : ибо нѣсть тебѣ никакого страха , да
 увѣмъ воисшину , колико я между всѣми
 безсмертными побою уничтоженна есмь . Юпитеръ
 воздохнувъ изъ глубины сердца вѣщаетъ ей : зло-
 вредно естъ сіе , что совѣшуеши мнѣ воспріяти
 вражду противу Иры преогорчевающей мя
 всегда поносными словами ; ибо она все-
 гда со мною между прочими безсмертными
 воздвизаетъ распрю , и возвѣщаетъ имъ
 аки бы я помогаю Троянамъ . Но ты
 нынѣ возвратися вспяшь , да не увѣсть
 о тебѣ Ира ; я же о исполненіи сего
 буду имѣти стараніе . Но внимли ! се
 вскорѣ сотворю главою моею помаваніе ,
 да увѣришися : сіе бо естъ величайшее
 ко всѣмъ безсмертнымъ знаменіе ; и по-
 гда ничто не можетъ уже возврати-
 ться , или несовершенно быти , или измѣ-
 ниться , внегда главу мою поколеблю .
 Рекъ , и абіе черными своими вѣдъми
 благоволилъ . Потряслися царевы благо-
 вонные власы на безсмертной главѣ , и
 вострепешалъ великій Олимпъ . Тако со-
 вѣщевая раздѣлилися : Тетида отъ свѣ-
 тлостей

плосстей небесныхъ низходитъ во глубины морскія; Юпитеръ же въ сіяющіе свои чертоги, котораго егда узрѣли прочіе безсмертныя грядущаго, всѣ опъложъ своихъ возстали, и ниже единъ дерзнулъ ожидать его прихода на своемъ мѣстѣ; но совокупно изошли ему во срѣщеніе. Егда же сѣлъ на своемъ престолѣ; тогда Ира возрѣвъ на него проразумѣла: что совѣщевала серебряныя имѣющая ноги морскаго старца дочь, и вскорѣ начинаетъ ему досадительными словами тако: О льстивѣйшій изъ боговъ! кто паки съ тобою совѣщевалъ совѣщанія? Тебѣ всегда пріятно есть о сокровенныхъ дѣлахъ умствования безъ моего присутствія; ниже единого слова возмогъ ты мнѣ доселѣ повѣдать, о чемъ помышляеши? Отецъ боговъ и человѣковъ отвѣтствуетъ ей тако: Ира! никогда не имѣй надежды всѣ мои совѣщанія познати; ибо не можешь понести ихъ, хотя и нарицаешься моею женою; что же благоприсстойно будешь тебѣ услышати, того ниже отъ боговъ прежде, ниже отъ смертныхъ кто можешь познати. Но что восхожду единъ собою ура-

уразумѣши, о томъ ниже вопрошай, ниже испытывай.

Обладательница царствъ свирѣпообразная Ира слышавъ сіе, о несноснѣйшій Кроновъ сынъ! рекла ему, какое днесъ слово изрекль ты мнѣ? Я и прежде ничего отъ тебя испытывати или вопрошати не сшаралася, и ты вся твориши тайно, что хочеши. Нынѣ же страшуся въ моемъ сердцѣ, да не прельстятъ тя сребряноногая Ѳеида морскаго бога дщерь; по утру бо сидѣла близъ тебя, обѣмля колѣна твои: и мню, что во истинну благоволилъ ты ей погубиши многихъ Ахейнъ для прославленія Ахилла.

Собираяй во едино облаки Юпитеръ вѣщаетъ ей: всегда меня бѣдная подозрѣваеши; не скрываю отъ тебя; но не можеши ничего содѣлати, паче же отвращеніе сердца моего узриши, кое несноснымъ тебѣ будетъ. И естли сія тако суть, мнѣ оное пріятно естъ. Ты же пребуди въ молчаніи и повинися моему слову; ибо никто тебѣ не поможетъ изъ обитающихъ на всей небесной высотѣ, ввсегда приближуся къ тебѣ

и неприкосновенные мои руки простру
на і.я.

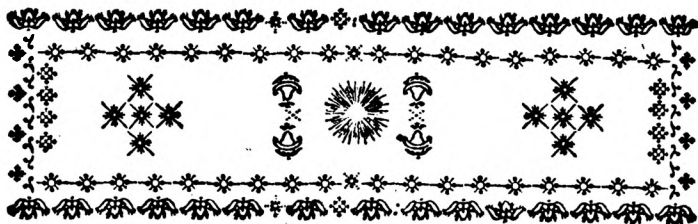
Тако гнѣвающагося убоялася свирѣ-
пообразная Ира, и смирля свое любезное
сердце умолкла; прочіе же боги со тре-
петомъ воздохнули въ домъ Юпите-
ровомъ. Ифестъ славный художникъ,
увѣщевая мать свою швориши благо-
угодная предъ ошцемъ боговъ начинаешъ
такъ: во истинну вредоносные и нес-
терпимые дѣла сіи будуще, аще вы
шолікою враждою злобствуете смер-
тныхъ ради, воздвизая смятеніе ме-
жду безсмертными! никакой не будешь
сладоути въ нашихъ ликованіяхъ. Ибо
благое всегда препобѣждаемо естъ злымъ.
Но ты о мать дражайшая! хотя и
вся тебѣ извѣстна суть, пріими совѣты
мои: не раздражай любезнаго нашего
отца, да не паки прогнѣвается на насъ,
и радостную сію бесѣду смятешъ; все-
силенъ бо естъ держащій въ рукѣ своей
молнію, и внегода восхоощій, можетъ
пошрясти всю твердь небесную; но ты
улади его швоими пріятными словами,
и абіе умилошвивленъ будешь отецъ
нашъ небесный.

Рекъ сѣ поднеслъ матери своей чашу, вручая же вѣщаетъ: хотя и прискорбно тебѣ, но сноси и претерпи возлюбленная мами, да не узрятъ очи мои наказуемую ты, и тогда при всей моей сыновней печали не возмогу тебѣ дать помощи; ибо силы всѣ прежде оны насъ оскудѣють, нежели хотя мало возможемъ ему противоборствовать. Ибо и прежде нѣкогда спремѣщагося меня въ нѣкоторомъ случаѣ на помощь, возхитивъ за ногу низвергль съ божественнаго неба. Весь оный день летѣлъ я стремглавъ; при захожденіи же солнца низпалъ въ Лемнѣ едва имѣя малое дыханіе, гдѣ Синтійскіе мужи вскорѣ воспріяли меня упавшаго.

Прекрасная Ира на сіи слова осклабяся взяла чашу изъ рукъ Ифестовыхъ; онъ же наполнивъ сладчайшимъ Нектаромъ другіе подобные той, началъ подносиши прочимъ богамъ; и шаковымъ своимъ служеніемъ всѣхъ къ величайшему подвигнулъ смѣху. Весь оный день до захожденія солнца провожденъ былъ во всякомъ удовольствіи и въ радостныхъ ликованіяхъ: не было недостатку въ
лирѣ,

лирь, на которой самъ Аполлонъ игралъ тогда, ни въ сладостныхъ пѣнiяхъ, которые отъ девяти прекрасныхъ мусъ попеременно до самаго вечера продолжаемы были. Какъ солнце лучи свои сокрыло, тогда всѣ разошлись покоиться по своимъ домамъ, которые съ неподражаемымъ искусствомъ хитрою рукою знаменишаго хромоногаго художника каждому особъ были построены. Юпитеръ также пошелъ во свою ложницу, гдѣ прежде имѣлъ обыкновенiе почивати, когда сладкiй сонъ въ его чувства вселялся; тамо возшедъ на ложе почилъ и съ нимъ купно златопрестольная Ира.

ОМИРОВОЙ ИЛІАДЫ

ПѢСНИ ВТОРОЙ

с о д е р ж а н і е.

Юлитеръ помня обѣщаніе данное Ѡефидѣ, въ ночное время посылаетъ ко слящему Агамемнону бога сна, да оболѣститъ его, повелѣвая извести воинство на сраженіе противу Троянъ со обѣщаніемъ конечныхъ побѣды. Агамемнонъ собираетъ военачальниковъ на совѣтъ и открываетъ имъ сонъ свой; по томъ созываетъ всѣхъ воиновъ, и искушаетъ ихъ вѣрность совѣтуя возвратиться во отечество. Воины съ послѣщеніемъ и радостію пріуготовляются оставить Троянскую страну. Но Одиссей удерживаетъ стремленіе ихъ: по томъ огорчается на Ѡерсита возмущающаго все воинство къ побѣгу. Неспоръ такожде открываетъ свои совѣты, коимъ повинуюсь Агамемнонъ приноситъ жертву Юлитеру и изходитъ со всѣми на брань. Наконецъ изчисленіе Греческихъ кораблей, Троянскаго ополченія и пришедшихъ къ нимъ на помощь.

П Ъ С Н Ъ И.

В И Т А.

Между тѣмъ, какъ всѣ небесные жители и храбрые Ахейскіе всадники чрезъ всю ночь наслаждались сномъ, единый Юпитеръ не могъ сладкимъ покоемъ наслаждаться, но пребывалъ волнуясь помышленіями, какимъ образомъ прославити Ахилла, многихъ же отъ Ахейцевъ погубити при корабляхъ. Лучшее паче всѣхъ совѣщаніе наконецъ положилъ въ сердце своемъ, послаши ко спящему Агамемнону пагубный сонъ, котораго абіе возвавъ грознымъ гласомъ рекъ: зловердый сонъ! спремися сей часъ отсюда ко Ахейскимъ кораблямъ, и тамо вшедъ во Агамонову сѣнь, повѣждай ему вся по единому, какъ днешь тебѣ изреку: повели ему, да ополчишь все Ахейское воинство сей день на брань; ибо нынѣ предашь въ руки ихъ гордо возвышающіеся стѣны Троянскіе; шако благоугодно явилось предъ всѣми богами, къ чему прошеніями своими склонила ихъ Ира. Приближающа убо Троянамъ злая.

Таковая слышавъ сонъ опшелъ , и приближася ко Ахейскимъ полкамъ вшелъ въ ложицы спящаго Агамемнона , преобразясь же въ видъ и подобіе Нилеева сына Нестора , который у царя паче всѣхъ въ почтеніи былъ ; разлился по всѣмъ его членамъ , и ставъ у возглавія вѣщаетъ тако : о сынъ премудраго Агрея ! не подобаешь чрезъ всю ночь спасти мужу , отъ котораго многіе ожидаютъ совѣтовъ , и коему народное правленіе поручено съ неизчешными попеченіями. Но ты днесъ внемли моимъ словамъ , которые возвѣстятъ тебѣ посланъ есмь отъ Юпитера жалбующаго , и всячески промышляющаго о тебѣ : онъ повѣлываетъ сей день всѣмъ Ахейскимъ полкамъ вооружиться ; ибо нынѣ славный градъ Троянскій плѣненъ будетъ отъ рукъ вашихъ : тако благоволили всѣ небесные жиители преклонены къ тому прошеніями Иры. Приближаются убо Троянамъ злая ; ты же запечатавъ на швоемъ сердцѣ сіи слова , и не забуди ихъ , егда възпрянешь отъ сладкаго швоего сна.

Рекъ сіе опшелъ , оставя царя сладосными мяшущагося помышленіями , которыми

порымъ не можно еще было исполнишися: опредѣлялъ легкомысленный во умѣ своемъ того дня плѣнниши градъ Пріамовъ, крѣпкою же бранію содѣлаши плачь и болѣзни Троянамъ, купно и Ахейнамъ; но не вѣдалъ, какія дѣла хочешь устроиши Юпитеръ. Вскорѣ послѣ сего возпрянувъ отъ сна, воспалъ съ ложа и сѣлъ внимая со страхомъ; мнѣлъ что еще слышится божественный оный гласъ. Облекаешься попомъ въ богатые новые одежды, на рамена возлагаешь порфиру, подѣ ноги привязываетъ крѣпкіе сапоги, препоясываетъ на бедрахъ мечъ со златыми гвоздьми, и взявъ скипетръ отъца своего изходитъ къ кораблямъ Ахейскимъ.

Уже денница возшла на пространнѣйшій Олимпъ, принося Юпитеру и всѣмъ безсмертнымъ свѣтъ, какъ Агамемнонъ призвавъ провозвѣстниковъ повелѣваетъ собрати военачальниковъ на совѣтъ къ кораблю Пилійскаго царя Нестора; собравшимся же вскорѣ премудрымъ старцамъ ставъ предъ ними вѣщаетъ: внимайте, о любезные други божественное благоволеніе! въ сію прешедшую божественную ночь спящему мнѣ на одрѣ моемъ

явился богъ сна, принявъ на себя образъ, возрастъ и всего тѣла подобіе божественнаго Нестора; славъ же надъ главою моею зываетъ меня по имени и во первыхъ осуждаетъ за лѣность и нерадѣніе, потомъ повелѣваетъ ополчиться на брань всему нашему воинству, открывая Юпитерово въ семъ быти соизволеніе и обѣщаніе предаши въ наши руки Троянскій градъ. Того ради предваримъ исполниши волю отца боговъ. Но прежде хочу изкусити воиновъ нашихъ словами, колико возможно предложивъ имъ совѣты, дабы бѣжати на корабляхъ отсюда, вы же удержите ихъ словами.

Такъ вѣщая возлеглъ; но семъ воссталъ Пилійскій царь Несторъ. Сей желая имъ всякаго блага вѣщаетъ: Олюбезные Аргивскіе вожди и совѣтники! Ежелибъ инный кто изъ Ахейнъ таковое сонное видѣніе повѣдалъ, праведно почли бы за ложь и къ тому презрѣніемъ презирая отверглибъ оное; но днешній сонъ явился избраннѣйшему паче всего воинства: того ради потщимся вооружити сыновъ Ахейскихъ. Окончавъ сіе изшелъ отъ сонма; повинудися же пастырю народовъ и прочіе скипетро-

петроносныя цари. Собираюшся народы: какъ рои пчелъ многихъ непрерывно изходя отъ каменныя разсѣлины лешающъ во всѣ страны ища цвѣтовъ: шако многіе языки отъ кушей и кораблей изходили на безпредѣльный морскій брегъ; предъ собою же зрящъ парящую на воздухъ Юпитерову провозвѣстницу Славу, и земля спонетъ отъ тяжести безчисленнаго множества. Девять провозвѣстниковъ обшекая воинство вопіющъ; да удержатъ шумъ произходящій отъ разглагольствія и да внемлющъ царевымъ повелѣніямъ. Мгновенно преспаеетъ смяшеніе народное; возпріятъ же молчаніе возлегли на мѣстахъ.

Агамемнонъ спалъ предъ лицемъ всего воинства, имѣя въ рукахъ скипетръ, кошорый содѣланъ былъ Ифестомъ и данъ отъ него Кронову сыну Юпитеру, Юпитеръ же далъ вѣстнику своему и убійцѣ Арга Ермію; сей же опдалъ храброму всаднику Пелопу; отъ Пелопа же паки получилъ пастырь народовъ Атрей, кошорый умирая оставилъ его гобзующему спадами Ёіесту; Ёіестъ же позволилъ носити Агамемнону во знакъ цар-

спованія надѣ Аргомѣ и многими островами. Возклоняся же на него просшираетѣ къ народу таковыя глаголы: о храбрыя Данайскіе Ирои, избранные всадники Ареевы! зловредный Кроновѣ сынѣ Юпитерѣ послалѣ на мя тяжчайшую печаль: онѣ обѣщалѣ и благоволилѣ мнѣ опшешствіе отсюду по разореніи Трои; нынѣ же щещною обольстивѣ надеждою и по претерпѣніи шоліаго урона людей, повелѣваешѣ возвратиши вѣ Аргѣ со безславіемѣ: тако угодно естѣ всесильному Юпитеру, который преврашилѣ уже и можетѣ преврашиши вѣ прахѣ гордящіяся крѣпостію своею градскіе стѣны; ибо все-сильно естѣ могущество его. Мерзско будешѣ услышати и пошомкамѣ нашимѣ, когда шоль великое множество народа Ахейскаго прошиву малѣйшаго воинства ищещно будешѣ продолжати брань, ниже совершитѣ оныя; окончаніе же сокровенно естѣ отѣ насѣ. И естѣли возхощемѣ, положивѣ мирный завѣшѣ, содѣлати изчисленіе Ахейскому воинству и всѣмѣ Троянамѣ; тогда всякѣ увидишѣ, что прошиву десяти Ахейнѣ не достанешѣ по единому изѣ всѣхѣ обитающихѣ во Трѣхъ;
но

но отъ другихъ градовъ приходящее къ нимъ на помощь воинство збло меня смущаетъ и препятствуетъ опровергнути прекрасную Трои. Девять лѣтъ уже протекло нашему странствованію, корабли повреждены, верви согнили, жены наши и чада ожидаютъ насъ въ домахъ. Мы же пребываемъ здѣ, не имѣя надежды привести къ концу наши дѣла, ради коихъ пришли сюда; пошщимся убо повинувшия вси, какъ я вамъ рекъ. Возвратимся во свои дражайшія отечественныя земли; не къ тому бо прочее возможемъ плѣнити вредоносный сей градъ.

Тако рекъ, и абіе всѣхъ, елико слышали совѣтъ сей, возпламенилися сердца. Какъ волны на пространномъ Икарійскомъ морѣ возносимые отъ сѣвероюжнаго вѣтра изшедшаго отъ облаковъ Юпитеровыхъ, или аки свирѣпый Зефиръ изшедъ на пространныя нивы падетъ на класы: тако во всемъ Ахейскомъ воинствѣ смященіе воспало; съ воплемъ текутъ къ кораблямъ, подъ ногами возносится прахъ песка, вопль возходитъ до небесъ, другъ друга понуждаютъ влещи корабли на божественное море, извер-

извергають нечистоту, уже несуть подпоры.

И опшествое прежде времени Аргивянамъ непременно бы содѣлалось, аще бы Ира не возглагонала ко Аѳинѣ! увы непреодолима дщерь Юпитера Егѳоха! тако ли побѣгушъ Аргивяне по морю въ любезную отечественную землю, оставляя Пріаму славу и Троянамъ Аргивскую Елену, ради которыхъ многія изъ Ахейнѣ лишася возлюбленнаго отечества, погубили жизнь? Но ошуди къ народу Ахейскому и удержи каждого мужа швоими благими совѣтами, ниже попусти влещи корабли на море.

Тако рекла; Аѳинская же Паллада повинулася ея волѣ и вскорѣ оставя Олимпѣ, низходитъ ко Ахейскимъ кораблямъ, гдѣ зрѣтъ Одиссея споящаго; ибо онѣ не прикасался къ кораблю своему; болѣзнь же снѣдала его сердце и умъ. Ставъ же близь его вѣщаетъ: благоразумнѣйшій сынѣ Лаертовѣ! тако ли побѣжите въ любезную вашу отечественную землю, оставляя славу Пріаму и Троянамъ Елену, ради которыхъ многія изъ Ахейнѣ лишася отечественной возлюб-

любленной земли, погубили жизнь свою во Троѣ; но ты иди къ народу Ахейскому и не опходи; удержи каждого мужа твоими благими совѣтами и непусти влещи корабли на море.

Тако рекла; боголюбезный же Одисей, повинуясь ея велѣніямъ, повергль порфиру, которую воспріялъ Иѳакскій провозвѣстникъ Евриватъ слѣдующій стопамъ его, и устремился съ поспѣшеніемъ. Встрѣшяся же на пуши со Агамемнономъ, взявше отъ него скипетръ, съ которыми обшекая Ахейскіе корабли, каждого царя, князя и полководца, еспльи гдѣ обрящетъ, увѣщевалъ тако: О несчастный! неприлично тебѣ какъ малодушному спрашиваться, но ты самъ сиди и прочихъ усмирай народовъ; ибо не можешь еще постигнути сердце Агамемнона; нынѣ искушаетъ, но послѣ проліетъ ярость свою на сыновъ Ахейскихъ: въ сонмъ же не всѣ слышали мы его глаголы, да непрогнѣванный накажетъ злыхъ сыновъ Ахейскихъ. Гнѣвъ же царя великъ и честь его отъ бога есть, любитъ бо его Юпитеръ. Естли же видѣлъ жого неразумнаго изъ воиновъ упорствующаго

щаго шаковымъ совѣшамъ , сего или строгими словами, или жезломъ наказывалъ увѣщевая шако : О безумный ! пребудь въ молчаніи и повинися другихъ совѣшамъ , кои превосходящѣ тебя разумомъ ; ты же купно несмысленъ и безсиленъ , ниже въ числѣ воиновъ , ниже въ сонмѣ совѣша достойнѣ счислятися. Или всѣ Ахеяне будемъ царствовать ? нѣсть благо владѣніе многихъ ; но единъ , да будемъ князь , единъ и царь , кому премудрѣйшій Юпитеръ вручилъ скипетръ и законы управляти народами. Тако божественный Одиссей вразумлялъ Ахейское воинство : какъ возмущеннаго моря волны на пространномъ брегѣ стонутъ и по водамъ раздаешь гласъ : шако Данаискіе воины оспавляютъ кущи и корабли , шекутъ съ шумомъ и воплемъ , поспѣшая къ собранію ; иные сѣдши на шравѣ пребывали въ молчаніи.

Но единъ жестоковыйный и буесловный упорствовалъ Тирситъ , коего всѣ совѣшны были развратные и безумные , прошивные царямъ ; и что ему являлося благимъ , оное прочимъ Артивянамъ было въ посмѣяніе , сквернѣйшій паче всѣхъ пришедшихъ
подъ

подъ Трою: кривоокій, хромоногій, рамена слячены и спѣснены персями, острая и неимѣющая власовъ глава, ненавистнѣйшій же паче всѣхъ Ахиллу и Одиссею; ибо ихъ укоризненно поносилъ; тогда паки изошрялъ языкъ свой на поруганіе Агамемнона. Ахеяне его зѣло ненавидѣли и гнушались всѣмъ сердцемъ за необузданную строптивость языка. Но онъ возвышая паче всѣхъ гласъ свой, начинаетъ злословити Агамемнона тако: сынъ Апреевъ! о чемъ еще приносиши жалобы? Чего просиши? полны суть кущи швои мѣди; многихъ имѣеши красныхъ женъ, которыхъ мы Ахеяне тебѣ изъ всѣхъ первѣйшему приводимъ при плѣненіи cadaго града; или злата еще жаждеши цѣну изкупленія; да принесетъ кто изъ Трои изкупая сына своего, котораго или я, или инный кто изъ Ахейнъ скованнаго къ тебѣ приводимъ? Или не достаеъ тебѣ молодой наложницы, дабы во объятіяхъ ея наслаждашися любовію и которую единъ бы почію ты имѣлъ? Не доспойтъ воистинну князю вводиши въ напастъ сыновъ Ахейскихъ. Малодушные! вы уже не храбрые воины, но без-

силъ.

сильные жены; возвратимся на нашихъ
корабляхъ во свои дома, сего же оста-
вимъ во Троѣ раздѣляши корысти; да
увѣсть, колико мы послушны его пове-
лѣнїямъ. Не содѣлалъ ли онъ поношенїя
избраннѣйшему паче всѣхъ Ахиллу, по-
хитивъ отъ него возмездїе, коимъ нынѣ
самъ наслаждается? Но Ахиллъ конечно
не помышляетъ о мщенїи; въ против-
номъ же случаѣ, послѣднее бы въ жизни
твоей содѣлалъ ему огорченїе. Тако
Ѳерситъ поносилъ Агамемнона! Пред-
ставъ же ему вскорѣ божественный Одис-
сей, и яростнымъ возрѣвъ на него окомъ
въщаетъ: О безусловнѣйшїй Ѳерситъ! пре-
стани единъ упорствовать царямъ. Нѣсть
злѣйшаго тебя во всѣхъ пришедшихъ со
Апреевыми сынами подъ Трою; не тво-
ри убо поношенїя имѣя во устахъ царей
и храня возвращенїе, ибо не вѣдаемъ со-
вершенно, како будутъ сіи дѣла: во бла-
гое ли или во злое возвратимся сыны
Ахейскіе. Ты же злословиши Агамемно-
на за приносимые ему отъ Ироевъ да-
найскиѣ великіе корысти. Но я тебѣ
глаголю, сіе и да будетъ исполнено:
аще обрящу шя безумствующаго какъ и
нынѣ

нынѣ, да не будетъ глава Одиссеева на
 раменахъ сихъ и да не буду ошцемъ
 Тилемаха, ежели возхивѣвъ шебя и со-
 влекши одежды твои плащѣ, срачицу,
 и что прикрываетъ спудные члены, пла-
 чущаго шебя не изгоню отъ сонма къ
 кораблямъ, наказавъ жестокими ранами.
 Тако рекъ бѣя его по раменамъ и по де-
 снамъ скипетромъ; онъ же уклонился про-
 ливая слезы, и знаки кровавые явились
 на челюстяхъ его отъ скипетра злата-
 го; успрашася же сѣлъ со плачемъ и не-
 навистно взирая опирая слезы. Ахеяне
 же аще и печальны будучи съ веселѣмъ
 на сѣе взирали другъ ко другу вѣщая:
 воиспину Одиссей тысящная благая со-
 дѣла, возобновляя благіе совѣты и во-
 оружая брань.

Нынѣ же достопамятнѣйшее показалъ
 дѣло, возбранивъ отъ собранія сему буе-
 словному поносителю: уже не попустилъ
 ему гордый духъ паки злословиши ца-
 рей поносными словами: тако вѣщало
 множество.

Градоразрушитель же Одиссей воспе-
 етъ со скипетромъ и съ нимъ грядетъ
 Аѣина во образъ провозвѣстника, заповѣ-

дая всѣмъ молчаніе, да весь сонмъ сыновъ Данаевыхъ, первыс купно и послѣдніе внушатъ глаголы и уразумѣютъ совѣщаніе Одиссея, который желая всякаго блага вѣщаетъ: царь, сынъ Атреевъ! нынѣ хотятъ тебя Ахеяне показати посрамленнымъ паче всѣхъ смертныхъ; ниже данное тебѣ обѣщаніе исполнити щастся пришедшии съмо изъ Арга, хвалящагося коньми, дабы опровергнувъ крѣпкую Трою возвратишися: ибо аки младенцы или вдовы жены возвратишися въ домъ жеютъ. Воиспину должно возвратишися претерпѣвшему прискорбію: ибо единый мѣсяцъ оплученному отъ жены печально есть пребывать на кораблѣ, егда осеннею бурей воздвигаемое море препяствуетъ; намъ же пребывающимъ здѣ девятый уже годъ преходитъ. Не обвиняю убо печалующихся на корабляхъ Ахейнъ, но и пребывать долго, и тщетно возвратишися есть не похвально. Претерпите други и пребудите еще годъ, да познаемъ, истинно ли есть предсказаніе Калханшово: ибо все мы совершенно знаемъ, и вы сами свидѣтели коихъ вчера и шретьяго дня не пожила

шла смерть, егда въ Віотійскую Авли-
ду Ахейскіе корабли собиралися носѣ
злая Пріаму и Троянамъ; мы же при
источникѣ окрестѣ священныхъ олша-
рей совершенную безсмертнымъ приноси-
ли Екашомву подѣ прекраснымъ клено-
вымъ древомъ, гдѣ исшекала свѣшлая
вода. Тамо явилосѣ великое знаменіе:
Драконъ страшный съ червленѣющимъ
хребтомъ, посланный на свѣшъ отъ са-
мага Юпишера, исходя отъ олшаря
возшелъ на древо, гдѣ были осмь вра-
біевъ пшенцовъ лешающихъ подѣ листви-
емъ на сучцахъ, девѣтая же матеръ
родившая чадъ; тамо онъ пожираетъ ихъ
безъ жалости; матеръ же вокругъ ле-
шая оплакивала чадъ своихъ; на конецъ
и еѣ вопіющую возхитилъ за крыло.
Егда же пожралъ чадъ и съ матерію, то-
гда явное знаменіе ошкрылъ богъ показа-
вшій его: ибо хитраго Крона сынъ со-
дѣлалъ его камнемъ. Мы же сроимъ во
изумленіи, удивляяся бывшему, како ве-
ликіе знаменія случилися отъ боговъ во
время жертвоприношенія. Калхантъ къ
намъ абіе пророчествуя вѣщаеиъ: о му-
жественные Ахейцы! что стоите во изу-

мленіи? Сіе есть великое знаменіе посланное намъ отъ отца боговъ на послѣдокъ временъ сихъ, и слава его во вѣки не погибнетъ: якоже драконъ сей потребишь осмь пшеницъ и девяшую родившую ихъ матеръ, и къ тому не сущъ; тако протекутъ девять лѣтъ пребывающимъ намъ здѣ на брани; въ десятое же падуть со своею гордостію пространѣйшаго онаго града сѣны. Сидевая отъ Калханша предзнаменована сущъ, и сія вся нынѣ совершаются. Пребудите убо здѣ храбрые Ахейне доколѣ плѣнимъ великій градъ Пріамовъ. Тако рекъ: Ахейне же зѣло возопили, и отъ шума онаго корабля страшно возгремѣли.

По сѣмъ храбрый всадникъ Несторъ вѣщаетъ: воистинну вы подобни дѣтямъ не имѣющимъ ни разума, ни попеченія о воинственныхъ дѣлахъ. Камо пойдутъ клятвы и дружество наше? Во огнь будупъ совѣшны, попеченія мужей, жертвы принесенныя и десницы, на которые мы уповали: тщешно будетъ наше словопрѣніе, и никакого не возможемъ обрѣсти средства шоль многое время пребывая здѣ. Агамейнонъ! какъ прежде об-

ладалъ

дадалъ ты премудрымъ совѣтомъ, тако
и нынѣ повелѣвай надъ Аргивянами въ
крѣпкой сей брани; сихъ же единого или
двоихъ отъ Ахейнъ остави пребываши
въ развратныхъ желаніяхъ: ибо не со-
вершился зловерное ихъ опшествое, до
колѣ не познаемъ, аще истинно естъ
или ложное Юпитерова общаніе; въ день
бо оный, егда Ахейне возходили на ко-
рабли нося мещь и смерть Троянамъ,
всесильный Кроновъ сынъ явилъ свое бла-
говоленіе: мещемъ отъ своея десницы
громы, показуя божественныя знаменія;
да не поспѣшаешь убо ни единъ возвра-
тиши въ домъ, доколѣ не пребудетъ
на ложи со женою Троянскою, да симъ
опшспши въздыханіе и слезы Елены.
Аще же кто страхомъ обѣмлемъ хо-
щетъ возвратиши во свой домъ, той
да прикоснешя къ кораблю своему; и
тогда прежде всѣхъ възпріиметъ смерть.
Но ты, о царю! потщися самъ, и по-
вели прочимъ исполнити слово сіе, ко-
торое днесь изреку тебѣ: ибо оно бу-
детъ потребно на всякое время: раздѣ-
ли мужей по опшествоамъ ихъ, да язы-
ки языкамъ, и народы народамъ помо-
гающе;

гаютъ; естли сотвориши тѣе и послу-
ютъ тѣ Ахейне, вскорѣ познаеши вся-
каго вождя и всякаго народа качества:
ибо сами собою будутъ разовати, и
тогда совершенно уразумѣши, возмо-
жемъ ли пѣннати по пророчеству градъ
сей, или отъ небреженія и неразумія
воиновъ сами погибнемъ.

На сѣ отвѣщая Агамемнонъ рекъ
ему тако: о почтенный старецъ! во-
истинну паки совѣтами швоими побѣж-
даеши сыновъ Ахейскихъ: о ошче Юпи-
теръ! Паллада и Аполлонъ, ежелибъ я
имѣлъ таковыхъ Ахейскихъ десяшь со-
вѣтниковъ, давно бы уже низпалъ градъ
Прѣамовъ. Но Юпитеръ Егѣохъ сынъ Кро-
новъ послалъ мнѣ болѣзни, и ввергъ въ
неразрушимую злобу: ибо я и Ахиллъ
воздвигли вражду за дѣвицу, распри же
оныя виною естъ люшый гнѣвъ мой;
естли же содѣлаешся между нами при-
мирение, Троянамъ ниже малѣйшая послѣ
того будетъ отрада; но вы днесъ гря-
дите вечераши, и будите гошовы за
утра на брань: всякъ да имѣетъ копѣе
острое, щитъ утвержденъ, дадите изсѣ-
бильную пищу конямъ вашимъ, и коле-
сн-

сницы да будутъ добръ устроены: ибо за упра не прежде окончимъ брань, доколѣ не постигнетъ ночь и раздѣлитъ силы мужей, омочится въ потъ щитъ покрывающій перси челоуѣка, утрудится рука отъ копія, изнеможетъ конь носящъ колесницу свѣшлую. Аще же кого обрящу нерадива и удаляющася отъ брани и пребывающаго въ корабляхъ, тому не будетъ времени убѣжати отъ псовъ и пшицъ.

Такъ рекъ; аки вода бурнымъ возносимая въпромъ реветъ съ зѣльнымъ шумомъ, ударяя въ возвышающіеся изъ глубины камни; тако сонмъ сыновъ Данаевыхъ возвращался къ кораблямъ своимъ. Пришедъ же во свои кущи приготавливали вечерю и приносили жертвы богамъ, моляся о избавленіи отъ смерти и отъ гнѣва Ареева.

Агамемнонъ же Юпишеру освятилъ въ жертву пшлѣшняго упишаннаго шельца, и созвалъ первѣйшихъ военачальниковъ Ахейскихъ: Несшора, Идоменея, обихъ Еаншовъ, Одиссея, Менелай же самъ отъ своего произволенія пришелъ, вѣдая, колико труда возпріалъ братъ его. По-

ставивъ же шельца онаго посреда сего собранія тако моляся рекъ: о препрославленный, величайшій, замиѣвующій облаки, обитающій превыше звѣздъ Юпитеръ! не даждь солнечнымъ лучамъ покрытися мракомъ, прежде даже не падущъ Пріамовы стѣны подъ ноги наши; да поясъ огонь крѣокія врага его; шлемъ же Екпоровъ покрывающій перси его, да раздѣлится на двое отъ меча, и да падущъ многіе окрестъ его совоинственники на песокъ, терзая землю устами.

Такъ рекъ: но не совершилъ сего Юпитеръ; принявъ бо отъ него жертву, умножилъ ему великій трудъ. По окончаніи моленія опровергли возліаніе, и ошвлекши шельца заклали; по снятіи же кожи разсѣкли бедра, и удвоая покрыли шукъ; поверхъ же возложили сырые мяса; все же сіе сожгли на дровахъ не имѣющихъ лисствія; внутренности же вонзивше на рожны посвятили въ честь Ифесу; егда же згорѣли бедра и внутренности пожрали, тогда и прочіе мяса разсѣкли на малые части вонзили на рожны и изжарили со щпаніемъ. По окончаніи трудовъ сошво-
рили

рили вечерю, и насытились со удовольствіемъ, не имѣя ни малѣйшаго недостатка. По насыщеніи же придею и пишемъ, Несторъ воставъ отъ вечера начинаетъ тако: препрославленный царь мужей Агамемнонъ! всуе прошечешъ время въ разглагольствіи нашемъ и нѣсть безвредно ошлагати дѣла, которыя самъ богъ заводитъ; но повели провозвѣстникамъ Ахейскимъ, да соберутъ народъ къ кораблямъ; мы же здѣ собранные ошйдемъ во проспранное Ахейское воинство и съ поспѣшеніемъ возбудимъ пламеннаго Арея. Тако рекъ и повинулся ему Агамемнонъ. Абѣ повелѣвъ провозвѣстникамъ воззвати Ахейцъ на брань: стекающія отъ всюду съ великимъ поспѣшеніемъ. Божественные же цари, окрестъ Агамемнона собралися совѣщаши и съ ними купно Аѳинская Паллада вооружена щитомъ великолѣпнымъ, не спарѣющимся, и безсмертнымъ; устремляясь же въ народъ Ахейскомъ бодрственно понуждала на брань, и вливала во всѣхъ крѣпость, мужество и дерзновеніе. Въ той часъ воинамъ пріятнѣйшая была брань, нежели возвращеніе во отечественную

любезную спрану: аки огонь посядающій
нощю на вершинахъ горъ обширные лѣса,
далеко являетъ свѣтъ; тако происходило
чудное блистаніе мѣди отъ Ахейскихъ вои-
новъ и устремлялося чрезъ воздухъ до не-
бесъ. Какъ на Асійскомъ полѣ при изходи-
щахъ Каистра многіе роды пшницъ, гусей,
журавлей и лебедей долгошеихъ радость
изъявляя крылами непостоянно летаютъ;
воплъ же гласа ихъ раздается по полю:
тако Ахейскаго воинства многіе языки
отъ кущей и кораблей стремилися на
равнину Скамандрскую, и земля спрашно
возстонала подъ ногами коней и мужей.
Спали на Скамандрскомъ цвѣтами из-
пещренномъ полѣ безчисленное множество,
колько лисвіе и цвѣтовъ раждается
весною. Аки многіе роды мухъ при спо-
ялахъ пасырьскихъ во время весны заб-
луждаютъ, егда млеко сосуды омочаетъ,
толикое Ахейнъ множество стояло въ
готовности браться со Троянами; аки
пасыри отдѣляютъ великіе стада козъ,
егда на паствѣ смѣсятся, тако всякъ
вождь отдѣляетъ свое воинство взыти
на рать. Агамемнонъ же очами и главою
подобенъ былъ молніеносному Юпитеру,
препоя-

препоясаніемъ Аркою, персями Посидону,
и аки телецъ избранныйшій во всемъ
сшадъ, каковъ приличествуетъ собран-
нымъ кравамъ. Такого Агамемнона по-
казалъ Юпитеръ въ день оный, избран-
нѣйшаго и превосходнѣйшаго многихъ И-
роевъ.

Повѣждаше нынѣ Мусы обитающіе въ
небесныхъ селеніяхъ; вы бо есте прис-
носущные и знаете вся; мы же по еди-
ной почтѣю славѣ слышимъ, ниже знаемъ,
какіе Данайскіе вожди и князи были,
множества же не возвѣщу, ниже нареку,
аще бы десять языковъ и шоліко же
устъ имѣлъ, гласъ бы не преклоненъ и
сердце мѣдяно было бы, аще не небе-
сныя Мусы дщери Юпитера Егіоха возвѣ-
стятъ колико подѣ Трою пришло.

Князей и всѣхъ кораблей изчисленіе
повѣдаю.

ИЗЧИСЛЕНІЕ КОРАБЛЕЙ

ИЛИ

ВІОТІЯ.

Собранные отъ разныхъ странъ и градовъ въ Віотію народы были слѣдующіе: Обишавшіе въ Ирїи, въ каменистой Авлидѣ, въ Схинѣ, въ Сколѣ, въ гористомъ Ешеонѣ, въ Ѳеспїи, Греи, въ пространномъ Микалисѣ, въ Армахѣ, въ Илесѣ и Ериерахѣ. Жители Елеона, Илы, Петеона, Окалеи, славнаго града Медеона, Копѣ, Евшрики, пишательницы голубей Ѳисвы, Коронеи, многозначнаго Алїарша, Плашеи и Глиссы; обишавшіе окрестъ знаменишаго града Ѳивѣ и близь священныя Посидоновой дебри Онхешта, въ Арнѣ хвальнойся множествомъ виноградныхъ лозѣ, въ Мидїи, въ божественной Ниссѣ и во Анеїдонѣ. Сїи Віотійскіе народы имѣли пятьдесятъ кораблей, и каждый корабль вмѣщалъ сто двадцать юношей. Вожди ихъ были: Пинелей, Ліишѣ, Аркесилай, Провоинорѣ и Клопїи.

Аспли-

Асплидоняне, Орхоменяне и Мийяне
вождей имѣли: Аскалафа и Галмена, ко-
ихъ родила дѣвица Астіоха отъ Ареса
въ домѣ Актора сына Асіева возшедъ въ
вышнее зданіе селенія и пребывъ тайно
съ нимъ на ложи. Воинство оныхъ имѣ-
ло тридесять кораблей.

Фокійскіе народы, обитавшіе въ Ки-
парисѣ въ каменистомъ Пиѳонѣ, въ бо-
жественной Крисѣ, въ Давлидѣ, Пано-
пей, во Анеморіи въ Іамполѣ, при боже-
ственной рѣкѣ Кифисѣ и въ Лилеѣ при
источникѣ Кифисѣ. Сіи слѣдовали на
четырехъдесяти корабляхъ; вождей имѣли
Схедія и Епистрофа сыновъ храбраго
Ифипа сына Навволова.

Локрскіе народы, обитавшіе въ Ки-
нѣ, въ Опоенѣ, въ Калліарѣ, въ Висѣ,
въ Скарѣ, во Авгіяхъ, въ Тарѣ, во
Ѳронѣ, и окрестъ изходищъ Воагрѣ-
выхъ. Сіи народы поселившіися во от-
даленномъ разстояніи отъ священныя
Еввіи слѣдовали на четырехъдесяти ко-
рабляхъ. Вождемъ имъ былъ Еантъ, сынъ
Оилеевъ, не шλικій возрастомъ, какъ
Еантъ сынъ Теламоновъ, но много мень-
шій, облеченъ же былъ во льняную одеж-
ду;

ду; копѣмъ своимъ украшалъ всѣхъ Ел-
линъ и Ахейнъ.

Еввійскіе народы, храбрые Авантя-
не: обитавшіе въ Халкидѣ, въ Иретріи,
въ Истїенѣ красящейся плодоносѣмъ ви-
ноградныхъ лозъ, въ приморскомъ Кири-
нѣ, во градѣ Діевои, въ Каристѣ и
Спирѣ. Сїи вождѣмъ имѣли Авантскаго
князя Елефинора, сына Халкодонтіева
изчадіе Ареево. Со оными народами ку-
пно слѣдовали за нимъ и Авантяне имѣ-
юще великіе власы, зѣло искусные ра-
шники, великими буковыми копѣями скоро
разрывающе броню враговъ округъ пер-
сей. Кораблей было чешыредесять.

Обитавшіе во пресловутомъ градѣ
Аѣинахъ, народъ великаго Ерихсея, ко-
его возпитала нѣкогда Аѣина дщерь
Юпитерова, родила же плодоносная зе-
мля и посадила во Аѣинахъ во своемъ
собствѣнномъ шучномъ храмѣ, гдѣ Аѣин-
скіе жители по обращеніи каждаго года
воздающе ей жертву отъ овиновъ и агн-
новъ. Сїихъ народовъ былъ вождь Пеше-
въ сынъ Менесей, коему никто отъ
смертнаго мужа рожденъ не былъ подо-
бнымъ въ учрежденіи воиновъ и коней.

Единъ

Единъ Несторъ моглъ ему противостати: ибо древностію лѣтъ превозходилъ его. За нимъ кораблей Аѳинскихъ слѣдовало пятьдесятъ.

Еантъ Саламинскій путеводительствовалъ дванадцати кораблямъ, и сталъ со оными близъ Аѳинскаго ополченія.

Обишавшіе въ Аргъ, въ Тиринѣ крѣпкими стѣнами огражденномъ, въ Ерміонѣ, Асинѣ, въ Тризинѣ, въ Иіонахъ, въ плодородномъ Епидаврѣ, въ Егинѣ и въ Массиѣ. вождемъ имѣли громогласнаго Дюмида; съ нимъ же купно Сѣенела сына Капанеева, и прешіяго богоподобнаго мужа Евріала сына Микисшеева. Надъ всеми же сими преимущество имѣлъ Дюмидъ, и кораблей за нимъ слѣдовало осмьдесятъ.

Обишавшіе въ пространномъ градѣ Микинахъ, во хвалящемся множествомъ богатства Коринѣ, въ крѣпкихъ Клеонахъ, въ Орніахъ, во Ареосирѣ, въ Сикіонѣ, когда Адрасъ первый царствовалъ, въ Иперисіи, въ высокомъ Гиноесѣ, въ Пеллинѣ, въ Егѣ и по всему берегу и окрестъ пространныя Елики, имѣли сто кораблей. Надъ всеми же сими

влады-

владычествовалъ божественный Агамемнонъ сынъ Атревъ; съ нимъ купно слѣдовали зѣло многіе и избраннѣйшіе народы: самъ же облеченъ былъ въ сѣющую мѣдную броню; хваляся, что всѣхъ ироевъ превосходитъ: ибо избраннѣйшій былъ надъ всѣми, и множайшіе паче всѣхъ народы велъ.

Обишавшіе въ пространномъ Лакедемонѣ, въ Фарѣ, въ Спартѣ, въ Мессѣ питательницѣ голубей, во Врисіяхъ, въ прекрасныхъ Авгіяхъ, Амиклахъ, въ приморскомъ градѣ Елѣ, въ Лаѣ и Ишилѣ слѣдовали на шестидесяти корабляхъ. Надъ всѣми же сими повелителемъ былъ Менелай, братъ Агамемнона, и ополченіе свое устроилъ отдѣляясь отъ него. Шествовалъ же на брань пламенное имѣя сердце, и возхищаемый желаніемъ наказати соблазны и воздыханіа Елены.

Обишавшіе въ Пилѣ, въ прекрасной Аринѣ, въ Тріѣ (Алфеевъ бродъ), въ Епѣ, въ Кипариссіенѣ, въ Амфигеніи, во Пшелеѣ, въ Елѣ и Доріѣ, гдѣ Мусы раздраженные Оракійскимъ Оамиромъ встрѣтившіся съ идущимъ изъ Ихаліи отъ Еври-

Евриша царя, отбѣяли отъ очей его зрѣніе и память божественнаго пѣнія; ибо съ киченіемъ общался превзыши дочерей Юпитера Егіоха своею свирѣлю. Оныя народы слѣдовали на девяносты корабляхъ, и вождемъ ихъ былъ престарѣлый всадникъ Несторъ.

Обитавшіе во Аркадіи подъ высокою Киллинійскою горою при гробѣ Епита мужи воинственные. Обитавшіе въ Фенеѣ, во многопасивенномъ Орхоменѣ, въ Рипѣ, въ Спратѣ, въ противоположенной дыханію вѣтровъ Енисѣ, живущіе въ Тегеѣ, въ Маншинеѣ, въ Стимфилѣ и Паррасіи слѣдовали на шестидесяти корабляхъ, и въ каждомъ изъ нихъ много число вмѣщалось воиновъ. Мужи Аркадяне искусившіеся въ дѣлахъ ратныхъ. Корабли же оныя даны имъ были отъ самаго царя мужей Агамемнона для прешествія чрезъ Черное море: ибо Аркадяне къ морскимъ дѣламъ пщанія не имѣли.

Вупрасіане, Елидяне, и колико вмѣщаетъ Ирминъ и Мирсинъ, и поселившіеся окрестъ Алисіа и Оленійскаго камня имѣли чешырехъ вождей: Амфимаха

сына Евриптова, Фалпия сына Спесипова, храброго Діора сына Амаринкова, и богopodobнаго Поликсена сына Агаспенеева; каждый изъ сихъ имѣлъ десять кораблей со множествомъ храбрыхъ юношей.

Изъ Дулихія и отъ священныхъ Ехинейскихъ острововъ, лежащихъ при концѣ моря противу Елиды слѣдовали чешыредесять кораблей, и надъ овыми повелѣвалъ Мегей рожденный отъ возлюбленнаго Юпитеромъ Филея, на коего озялая нѣкогда сынъ, оставилъ островъ Дулихій.

Храбрые Кефалоняне и живущіе въ Исахъ, въ Нирихъ, въ Крокиліяхъ, въ Егилипъ, въ Закинѣ, въ Самѣ, въ Епиръ и въ противоположащихъ островахъ слѣдовали на дванадцати корабляхъ красные имѣющихъ носы, и надъ оными владычествовалъ подобійся Юпитеру совѣтами Одиссей.

Ешоляне и обитавшіе въ Плевронѣ, Оленѣ, Пилинѣ, въ приморской Халкидѣ и въ каменистомъ Калидонѣ плыли на чешыредцати корабляхъ, и оными управлялъ Феоантъ сынъ Андремоновъ: ибо Иней и сыны его между живыми уже не обрѣ-

обрѣшались ; умерѣ такожде и Мелеагрѣ ;
 Иоанну убо ввѣрено было правленіе Ето-
 лянѣ.

Стограднаго Криша народы : отѣ
 Кносса , Горшины , Ликша , Милиша , Ли-
 касша , Фесша , Ритія и отѣ инныхъ
 Кришскихъ градовъ слѣдовало осмдесятъ
 кораблей , коихъ вождемъ были знамени-
 тый копѣмъ ратникъ Идоменей , и подо-
 бившійся мужеубійцѣ Арю Миріонѣ.

Родійскихъ народовъ сошедшихся отѣ
 Линда , Іелисса и Камира , всѣхъ кора-
 блей было девять , коими управлялъ ве-
 ликій и сильный копѣмъ ратникъ Тли-
 полемъ сынъ Иракліевъ отѣ Астіохіи ,
 которую привелъ отѣ Ефиры града спо-
 ящаго при рѣкѣ Селліенѣ , егда опро-
 вергалъ многіе грады боговозпишанныхъ
 мужей . Тлиполемъ пришедъ въ совер-
 шенный возрастъ вскорѣ убилъ возлюб-
 леннаго Иракліева дѣда уже состарѣвша-
 гося Ликимніа ошрасль Арееву ; бояся же
 нападенія другихъ сыновъ и внушатъ
 произшедшихъ отѣ крѣпосни Иракліевой ,
 вскорѣ создалъ корабли и собравъ мно-
 жество народа отшелъ въ море , гдѣ за-
 блуждая прещерпѣвъ многіе бѣды и на-

конецъ присталъ къ роду острову, который обитаемъ былъ отъ шрехъ колѣнъ, и любезенъ есть Юпитеру владычествующему всѣми богами и человеками; ибо чудное богашство изливаеѣтъ на сей островъ.

Нирей Харопа царя и маѣри Аглаи сынъ велъ отъ Симы три корабля. Сей вождь красотою своею превозходилъ всѣхъ Данаевъ пришедшихъ подъ Трою, кромѣ единого Ахилла; но въ силахъ былъ слабъ, и для того малое воинство за нимъ слѣдовало.

Фидиппъ и Аншифъ сыны Тессала царя отъ Ираклѣвой крови произшедшаго имѣли шрдесятъ кораблей отъ Нисира, Карпаѣа, Каса, отъ Кона града Еврипилова, и отъ Каалидскихъ острововъ.

Обишавше въ Пеласгійскомъ Аргъ: въ Алъ, въ Алогъ, въ Трихинъ, во Фѣи и Елладъ хвалящейся красотою женъ. Всѣ сѣи называлися: Мирмидоняне, Еллины и Ахеяне. Кораблей имѣли пѣшдесятъ; владычествовалъ же ими князь Ахиллъ. Но воины его не возпоминали о войнѣ, и не имѣли никого, кѣмъ бы предводительствовалъ ими ко брани: ибо
скоро-

скороногий божественный Ахиллъ лежалъ въ корабляхъ, гнѣваяся за красящуюся власами дѣвицу Врисенду, которую взялъ изъ Лирнисса, многіе претерпѣвъ труды, опровергнувъ Лирниссъ и Ѡивскіе стѣны, низложивъ Маниша и Епистрофа храбрыхъ сыновъ Евина царя сына Селипадова. Сея ради сокрушаяся лежитъ, вскорѣ имѣющей возстати.

Отъ Филаки, отъ излещенной цѣвѣтами Димитриной дебри Пирраса, отъ Ипона машери овецъ, отъ приморскаго Антрона, и отъ злачнаго Пшелеля слѣдовало чепыредесять кораблей, и вождемъ имѣли храбраго Прошесилая, когда между живыми обрѣтался, но тогда уже земля въ нѣдрахъ своихъ содержала его. Сей мужъ оставя въ Филакѣ печальми снѣдаемую жену и не довершенный домъ, прибылъ съ прочими Ахейцами подѣ Трою, гдѣ перьвый изъ всѣхъ Ахейцъ изскочивъ отъ кораблей своихъ на землю, перьвый и убишъ былъ отъ мужа Дарданскаго. Воины же вмѣсто его имѣли вождемъ Арееву ошрасль сына Ификлова единоушробнаго брата великодушному Прошесилаю Подарка, который

младшій его былъ лѣтами; оный же прои
превозходилъ и храбростію и лѣтами; на-
роды его не требовали иного вождя,
но желали воинственнаго онаго ратника.

Обишавшіе въ Ферахъ при Вивеевомъ
блатѣ, Вивѣ, въ Глафирахъ и въ Яолкѣ
слѣдовали на одиннадцати корабляхъ,
вождемъ имѣли Евмила сына Адмито-
ва, отъ Алкиспиды прекраснѣйшій изъ
всѣхъ дочерей Пеліевыхъ.

Обишавшіе въ Миѳонѣ, въ Фавмакии,
въ Меливіи и Олизонѣ слѣдовали на сель-
ми корабляхъ, изъ которыхъ въ каж-
домъ было пятьдесятъ изкуснѣйшихъ
стрѣльцовъ совершенно познавшихъ рат-
ныя дѣла. Вождемъ имѣли Филокшита
знаменитѣйшаго онаго стрѣльца. Но
мужъ сей лежалъ тогда въ божествен-
номъ островѣ Лемнѣ, гдѣ его оставили
сыны Ахейскіе, претерпѣвающаго лютыя
болѣзни отъ зловредныя язвы пагубнаго
Идра. Тамо лежалъ онъ воздыхая; но
вскорѣ вспомянули Аргивяне у кораб-
лей о Филекшитѣ царѣ, и войны его не
были безъ вождя, и желали своего кня-
зя; но вмѣсто его управлялъ ими сынъ
градоразрушителя Илея, рожденный отъ
Рины.

Оби-

Обишавшіе въ Трикъ, въ Иѳомъ и въ Ихаліи градъ Еврита Ихалійскаго слѣдовали на придесяти корабляхъ. Вожей имѣли двухъ Асклипіевыхъ сыновъ изкуснѣйшихъ врачей Подалирія и Махаона.

Обишавшіе въ Орментъ, при источникъ Ипертіи, въ Астеріѣ и при бѣлыхъ Титановыхъ горахъ слѣдовали на чешыредесяти корабляхъ. Вожемъ имѣли Еврипила сына Евемонова.

Омъ Аргиссы, Гирпоны, Орѣы, Илоны и Олооссона слѣдовали на чешыредесяти корабляхъ; вожей имѣли Леонтея отрасль Арееву, сына храбраго Корона Кенеева, втораго Менешполема Полипила сына Пириѳоева, рожденнаго Юпитеромъ омъ Ипподаміи въ день оный, когда убивалъ косматыхъ Тиривъ, прогоняя ихъ изъ Пилія до Евиковъ.

Гуней изъ Кифа велъ двадцать два корабля; слѣдовали за нимъ Енїане, Перевяне, и имѣющіи селенія окрестъ студеной Додоны, и при вождедѣнной рѣкѣ Титаристѣ, кошорая сладко текуще свои воды изливая въ красящуюся серебрянымъ дномъ рѣку Пиней не мѣшается съ нею; но аки масло течетъ по-

верхъ ея : ибо шеченіе сея воды есть
клятва горькаго Спига.

Магнияне, живущіе округъ Пиней
и сѣнолиственнаго Пилія, вождемъ имѣ-
ли Провоя, и слѣдовали на чешыреде-
сяши корабляхъ.

Сии были путеводители и князи Данайскіе.

Ты днесъ Муса возвѣсти мнѣ! кто
былъ паче всѣхъ данаевъ послѣдовавшихъ
за Ашреевыми сынами пресловутѣйшій
крѣпостію силъ, такожде кто имѣлъ
и коней красящихся скоростію ногъ?
Кони были лучше паче всѣхъ Евмило-
вы: быспрошою шеченія подобны пши-
дамъ, равные лѣтами, равные и цвѣ-
томъ, воспитаны самимъ Аполлономъ на
горѣ Птерійской, носящіе страхъ Арея;
изъ всадниковъ же не было равнаго крѣ-
постію силъ Еаншу Теламонову сыну, до-
колѣ Ахиллъ гнѣбался; сей бо мужъ прехра-
брѣйшій былъ, шакovy были и кони, нося-
щіе его, но озлобленъ бывъ Агамемнономъ
и враждою ушѣсняемый, пребывалъ не-
оплучно у кораблей своихъ; войны же
его упражнялися въ мешаніи круговъ и
въ сырбляніи изъ луковъ; кони стояли у
соб-

собственной каждого колесницы питаясь Лошомъ. Колесницы царей стояли подъ покровами; воины жажда своего князя и вождя, пребывали праздны.

Возходящимъ Ахейнамъ на брань, земля зрится аки огнемъ питающаяся, и спенящая вьегда отъ прогнѣваннаго молніеноснаго Юпитера поражается остроувъ Аримы, гдѣ повѣсвуютъ быши ложе Тифѣя: шако подъ ногами множества Ахейскихъ языковъ возстенала земля, и вь скорости преходящъ поле. Тогда быспрошеющая Ирида отъ Юпитера Егіоха идетъ ко Троянамъ съ печальнымъ возвѣщеніемъ.

Ошходя пріемлетъ образъ и подобіе гласа Полиша сына Пріамова, который уповаа на быспрошу ногъ своихъ, сидѣлъ на гробѣ древняго Есіиша, ожидая, когда воздвигнушя отъ кораблей Ахейне; пришедши же видитъ со всего града собравшихся спарцевъ и юношей совѣщавающихся совѣшы во вратахъ дому Пріамова; приближася къ нимъ вѣщаетъ: О спарецъ! всегда тебѣ любезны суть слова отвергающіе всякое попеченіе, равно какъ и во дни мирныя. Брань же неизбежная приближается:

уже воинстинну во многіе входила я брани, но такого и толкаго народа нигдѣ не видѣла. Воинство подобно листвію или песку, идеѣ ратовати о кругѣ града. Но ты Екторѣ внуши повелѣнія мои, и соверши ихъ: многіе сущѣ во градѣ Пріановомѣ отъ разныхъ странъ языки пришедше на помощь; всякъ убо вождѣ да возвѣститѣ подѣ властію его сущимъ; сихъ же да изведетѣ управляющій гражданами. Екторѣ слышавъ сіа, повинуется съ радостію божественнымъ повелѣніямъ, и абіе отпускаетѣ сонмъ. Всѣ устремилися ко оружію, отверзающія врата градскіе; изходитѣ воинство пѣшее и конное, и содѣлалося великое смятеніе? Гдѣ на полѣ равномъ стоитѣ высокій холмъ, окруженъ двумя стезями, и нарицаемый отъ чловѣкъ Ватія, отъ боговъ же гробъ Мирины легчайшіа, тамо раздѣляется воинство Троянское, отъ воинства пришедшаго на помощь.

Имена Троянскихъ военачальниковъ и пришедшихъ къ нимъ на помощь.

Трояне имѣли воеводу силъ, красящагося высокимъ шлемомъ великаго Ектора,

ра, съ нимъ множайшіе и избраннѣйшіе вооружалися на брань, имѣя гошовые копѣя.

Надѣ Дарданіанами начальствовалъ Еней коего божественная Афродита родила отъ Анхиса, безсмертная пребывъ во обѣщаніяхъ смертнаго на горѣ Идѣ: со Енеемъ купно были два сына Антиноровы: Архилохъ и Акамантъ искусные ратоборцы.

Обищавшіе въ Зелѣи при подошвѣ горы Иды, и пьющіе черную воду Есипову; имѣли вождемъ Ликаонова сына Пандара, коему самъ Аполлонъ далъ лукъ.

Живущіе во Адрастѣи, во Апесѣ, въ Питѣ и на высокой горѣ Тирѣ подѣ властію были у Адраста и Амфія сыновъ Меропа Перкосія, которому паче всѣхъ откровенны были пророчества и гаданія. Сей удерживалъ своихъ сыновъ отъ вредоносной брани, но они не повиновались совѣщанію его, и рокъ смертный повлекъ ихъ на сраженіе.

Обищавшіе въ Перкошѣ, Практѣ, Сесѣ, Авидѣ и въ божественной Арисѣ; повелѣтеля надѣ собою имѣли князя Асіа сына Иршакова, котораго изъ Ари-
свы

свы несли пламенные кони ошѣ рѣки Сел-
леенша.

Ипповой сынѣ Лиѳа Тевшамова велѣ
яыки храбрыхѣ Пелазговѣ, изѣ конихѣ
итныне обитали въ плодотворной Лариссѣ,
и съ нимѣ купно отпрашѣ Ареева бращѣ
его Пилей повелѣвалѣ.

Оракіанамѣ и всѣмѣ жившимѣ при
Еллеспоншѣ, вождями были Акаманшѣ
и Пирой.

Евфимѣ же сынѣ Кеада Тривинскаго
владычествовалѣ надѣ Киконами.

Пирехмѣ подѣ властію имѣлѣ Пео-
нянѣ славныхѣ спрѣльцовѣ изѣ далека
страны Амидонскія, ошѣ быспрошеку-
щія рѣки Аксія, коея сладкая вода оро-
шаетѣ землю.

Надѣ Пафлагонянами и обитавшими
въ Кишорѣ, Сисамѣ, при рѣкѣ Пареенѣ,
въ Кромнѣ, Егіалѣ и Ериѳинахѣ; вож-
демѣ былѣ Пилеменей жестокосердый ошѣ
Евешянѣ, гдѣ дивніи ослы рождаются.

Ализонянами управляли Дій и Епи-
строфѣ пришедшіе ошѣ Аливы, гдѣ сре-
бро во множествѣ рождается.

Мисянамѣ предводительствовали Кро-
мій и прорицатель Епномѣ, коему на-
по-

помогли прорицанія его, но вкусилъ горчайшую смерть, убіенъ бывъ отъ руки сына Еакова на рѣкѣ, гдѣ и иные многіе Трояне поражены отъ него.

Фригіанами управляли Форкій и божественный Асканій пришедши отъ далекія страны Асканіи храбрые разоборцы.

Меселъ и Антифъ сыны Пилемениевъ, рожденные отъ Гигеи при бластѣ, предводительствовали Міонянамъ обитавшимъ при рѣкѣ Тмолѣ.

Грубоглаголивыми Каріанами, Милишянами, обитавшими во Фейрахъ при сѣнолиственной горѣ, при Меандровыхъ печеніяхъ, и на высотѣ Микалы повѣлвали Насъ и Амфимахъ сыны Номіона: Амфимахъ аки опроковица безумная пришелъ на брань, имѣя съ собою злато; но оное не помогло ему убѣжать горчайшія смерти: ибо воспріалъ конецъ живоша отъ руки сына Еакова на рѣкѣ; злато же въ корысть получилъ Ахиллъ.

Сарпидонъ и Главкъ владычествовали надъ Ликіанами, пришедшими отъ быстрошекуща рѣки Ксанѳа.

ОМИРОВОЙ ИЛІАДЫ

ПѢСНИ ТРЕТІЕЙ

с о д е р ж а н і е.

Александръ или Паридъ изходитъ съ Менелаемъ на поединокъ и отъ обоихъ воинствъ причислется къ лавренному заветчанію, да Елена будетъ любвѣншаго женою. Ирида возвѣщаетъ о томъ Еленѣ, которая пришеде для зрѣнія повѣствуетъ Пріаму о полководцахъ Греческихъ, коихъ могла познать. Александръ съ Менелаемъ сражается; наконецъ любвѣнъ уходитъ въ домъ, куда и Елену призываетъ; по взаимномъ же разглагольствіи идутъ на ложе.

ПѢСНЬ III. Г А М М А.

 Когда всѣ купно со своими вождами
устроилися на брань; Трояне воз-
движутся съ шумомъ и воплемъ подоб-
ны пшицамъ, аки гласъ журавлей на
воздухъ, внигда по прошествіи зимы ю
вели-

великихъ дождей летяшъ ко изходищамъ
Океановымъ, нося злую распрю, убив-
ство и смерть Пигмеямъ; Ахейне же ше-
ствуюшъ въ пишинъ, дыша яростію и
готовы другъ другу помогати всѣмъ
сердцами. Аки вѣтръ отъ горъ излива-
етъ шениый облакъ пастырямъ проши-
вный, шаю же пріятнѣйшій ноши, и
егда шолко можно есть зрѣти, koliko
вергнуши камень: тако воздвигся на
полъ прахъ подъ ногами идущаго воин-
ства; ибо зѣло скоро прешли поле. Со-
шедшимся же обоимъ спранамъ, предъ
Троянами является въ первыхъ рядахъ
божественный Александръ, на раменахъ
имѣя кожу шигра, препоясанъ мечемъ,
въ рукахъ держа лукъ со двумя стрѣ-
лами, и зывая лучшихъ отъ Аргивіи,
сразитися съ собою. Менелай познаетъ
его ходящаго предъ полками. Аки левъ
великій удручаемый голодомъ радуется,
егда обрываетъ еленя или дикую козу,
и съ жадностію пожираетъ, да не по-
стигнутъ его псы скорые и молодые юно-
ши: тако храбрый Менелай возрадował-
ся душою узрѣвъ божественнаго Але-
ксандра; ибо мнѣлъ отысстиши согрьши-
вшему

вшему предъ нимъ; стремится съ колесницы на землю со оружіемъ. Но егда урѣлѣ Александръ изшедшаго его предъ Ахейскіе полки, абіе возлюбленное его сердце содрогнулося; для избѣжанія же горчайшїа смерти вскорѣ отходитъ внутрь полковъ своихъ. Якоже кто урѣвѣ дракона, бѣжитъ шрепеща со ужасомъ поражающимъ вся чувствїя его, и сокрывается во вершепахъ горъ: тако Александръ бояся Ашреева сына, токрывается во множествѣ горлыхъ Троянѣ.

Екшоръ урѣвѣ его начинаешъ поношии злобными словами: сладострастный Паридъ! льстецъ женскій! О коль долженствовало бы тебѣ не родишися, и не быши браку швоему! воистинну оѣ посмѣянїемъ рекутъ Ахеяне: избраннѣйшїй есть защитникъ! се красенъ лицомъ, но мужества и силы ни мало не имѣетъ. Таковъ ли ты былъ егда преплывъ море въ корабляхъ съ лучшими юношами и бывъ пришельцемъ похищаль отъ далечайшїа земли прекрасную жену, невѣсту воинственныхъ мужей, отцу швоему и всему граду принося пагубу, врагамъ радость, тебѣ же

же печаль. Вскорѣ узриши храбраго Менелая, и тогда познаеши, какого мужа жену имѣеши: не помогутъ тебѣ ниже Афродита, ниже дары Афродиты, ниже власы, ниже лице, егда на песокъ семя проліеши кровь твою; но Трояне зѣло страшливы: воистинну нынѣ одлекся бы ты въ каменную одежду золь ради содѣянныхъ побою.

По семѣ отвѣщаетъ ему божественный Александръ тако: Екторъ! по достоянію моему укоризны твои изречены суть, и сердце твое всегда есть непреодолимо. Аки сѣкира сѣкущая древо на созиданіе корабля, и умножающая спремленіе мужа, тако духъ въ персяхъ твоихъ не преклоненъ есть; но сладчайшихъ даровъ златыя Афродиты блюдися предлагати мнѣ съ поношеніемъ: ибо не достоинъ отвергати даровъ, кои посылаюшя богами: добровольно же никто же бы пріялъ; нынѣ аще желаеши мнѣ рабовати, повели всѣмъ Троянамъ и Ахеянамъ возлещи; мнѣ же единому посреде обоихъ воинствъ сразитися со единымъ Менелаемъ за Елену и за вся ея стяжанія, и кто изъ обоихъ насъ явится

Е побѣ-

побѣдителемъ, той да возьметъ жену и
 вся спяжанія ея, и да опыдетъ въ домъ;
 вы же положивъ между собою дружество
 и мирный завѣтъ, да обихаете во пло-
 доносной Троѣ; сїи же да опыдутъ въ
 Аргъ конепитательный и въ Ахаиду
 хвалящуюся красными женами.

Такъ рекъ! Екторъ же слышавъ сїя,
 возрадовался, сердцемъ и вшедъ на среди-
 ну обоего воинства, возпятилъ Троя-
 намъ держа копіе. Аргивяне мещутъ на
 него стрѣлы и каменіе; управляющій же
 воинствомъ Агамемнонъ возопилъ къ нимъ:
 воздержитесь Аргивяне! и да не верже-
 те юноши Ахейскіе: Екторъ бо зрится
 нѣкое слово хопящій къ намъ въщати.

Такъ рекъ; престали отъ брани,
 и вси пребыли въ молчаніи; божествен-
 ный же Екторъ ко обоимъ воинствамъ
 начинаетъ тако: мужественные Трояне
 и вы сильные Аргивяне внимайте гла-
 голамъ реченнымъ отъ Александра вино-
 вника всѣмъ симъ злоключеніямъ! се по-
 велѣваетъ Троянамъ и Ахейнамъ положи-
 ти оружіе на землѣ многихъ пишающей;
 самъ же и воинственный Менелай да
 изыдутъ здѣ на средину едины сразити-

ся

ся съ собою за Елену и за вся сокровища ея, и кто побѣдитъ, той да возьметъ жену со всѣми ея спяжаніями, и да омыдетъ въ домъ; мы же вси клятвою утвердимся во дружествѣ.

Тако рекъ и умолкли вси. По семъ громогласный Менелай возвыся гласъ свой начинаетъ тако: внушите и мои слова мужественные полководцы и сильные всадники! ибо душа моя обѣята есть болѣзнію: хочу и я, да ошлучится воиство Аргивское отъ воинства Троянскаго, вы бо претерпѣли всякое зло меня ради и Александра; и между нами двоими той да умретъ, которому смерть опредѣлена; да ошлучитесь убо вскорѣ; приведите же съмо единого агнца блага въ жертву солнцу, и едину агницу въ жертву землѣ; всесильному же Юпитеру принесемъ другаго; приведите же и Пріамову силу, и да сотворишь клятву самъ; ибо сыны его суть горды и невѣрны, да не кто клятву Юпитерову прешупитъ; умы молодыхъ мужей суть непостоянны, но гдѣ присутствуетъ единъ отъ старцовъ, всякъ узритъ, что и прежде и послѣ со обоими благо будетъ.

Тако рекль, и возрадовалися Ахеине купно и Трояне, чая престаши отъ многобѣдственныхъ сѣя брани; коней опшодящъ внѣ полковъ своихъ, оружіе положи на землю другъ противу друга; ибо малое между ими разстояніе было. Екторъ посылаетъ во градъ двоихъ провозвѣстниковъ, да приведутъ агнцовъ и призовутъ Пріама: равнымъ же образомъ и Агамемнонъ посылаетъ Фалевія къ кораблямъ, да приведетъ агнца.

Въ той часъ Ирида идетъ во градъ возвѣстиши прекрасной Еленѣ; преобразясь же въ видъ и подобіе Лаодики прекрасныя дщери Пріамовой, жены Еликаона сына Аншинорова, входитъ въ ея чертоги и обрѣтаетъ упражняющуюся въ тканіи великаго покрыва и изображенія Ахейскаго со Троянами рашованія и всѣхъ золъ прешерпѣнныхъ ея ради. Ставъ же предъ нею вѣщаетъ: гряди со мною возлюбленная невѣста и узриши дѣла достойныя тебя! ибо Трояне и Ахейне принеши съ собою плачевнаго Ареса на поле, и жаждущіи пагубныя брани, нынѣ возлежатъ въ молчаніи возносясь на щиты; брань бо престае, и
близь

близъ ихъ водружены въ землю острые
 копія; Менелай же и Александръ копія-
 ми сразятся за себя, и побѣдившаго
 наречешися возлюбленною женою. Сіе
 вѣщая вдохнула сладкое желаніе въ серд-
 це ея, видѣши перваго мужа, градъ и ро-
 дишелей; по семъ возложя покровъ пон-
 чайщій на лице свое, изходишь изъ чер-
 шога проливая слезы; послѣдуютъ же
 ей двѣ рабыни: Еора дщерь Питтесева
 и прекрасная Климена; пришедъ же ко
 вратамъ Скейскимъ видятъ тамо сидя-
 щаго Пріама и окрестъ его старцевъ
 градскихъ; Панѳоя, Фимиппа, Лампа,
 Клиштія, Икешаона сына Ареева, Ука-
 легона и Аншинора, кошорые старости
 ради оставили военные дѣла, но были
 совѣтники благіе, подобны спрєказамъ
 въ лѣсахъ на древѣ сидящимъ и издаю-
 щимъ свѣпмый гласъ. Сіи узрѣвъ иду-
 щую Елену и удивляясь красотѣ ея, ши-
 жимъ гласомъ другъ ко другу вѣщають:
 не спыдъ Ахеянамъ и не поношеніе Троя-
 намъ, шолікое время прещерпѣвати бѣ-
 ды ея ради: лѣпота бѣ зрака ея, аки
 лѣпота безсмертныхъ богинь; но аще и
 шакѡва зрится, да опыденъ на кораб-
 ляхъ,

ляхъ, и да не оставитъ намъ и сынамъ нашимъ печали.

Такъ рекли: Пріамъ же Елену воззвалъ гласомъ: гряди сѣмо возлюбленная дщерь моя и сяди близь меня, да узриши перваго мужа и ближайшихъ друзей твоихъ; ибо не ты виною, но боги сушь виновны, воздвигши плачевную брань Ахейнъ: возвѣсти мнѣ! кто сей есть изъ Ахейнъ мужъ чудный? аще главою и многіе превосходятъ его, но тако краснаго лицемъ и почтительнаго никогда не видалъ, подобенъ бо есть царю. На сіе отвѣщающая божественная въ женахъ Елена рекла Пріаму тако: Почтенный и возлюбленный мой свекоръ! колико долженствовала смерть пріятнѣе мнѣ быти, егда оспавя брашню и единую возлюбленную дщерь, слѣдовала сыну твоему во страну сію! но сіе не содѣлалось; того ради плачущи изсохла. Вѣщаю убо тебѣ сіе, о чемъ вопрошаеши или испытуети. Сей есть Агамемнонъ владычествующій Ахейскимъ воинствомъ, сей есть единоутробный братъ мужа моего, мнѣ же, аще не опречется ошъ безсудная, ближайшій родственникъ;

никъ; сей есть благій царь и крѣпкій воинъ.

Такъ рекла; царь же слышавъ сія вѣщаетъ ей со удивленіемъ: О благополучный и богатый сынъ Апреевъ: воистинну многіе убиты суть юноши Ахейскіе, когда во плодоносную сригію приходили; зѣло многъ народъ видѣлъ я тамо подъ властію божественныхъ брашійевъ Опрея и Мигдона, бывъ призванъ къ нимъ на помощь въ день оный, егда на берегахъ Сангарскихъ ратовали храбрые Амазоны; но шоліко не видѣлъ, какъ здѣ нынѣ вижу.

По семъ узрѣвъ паки Одиссея, вопрошаетъ: любезная дочь вѣщай мнѣ! кто сей есть? аще и не тако возвышающійся возрастомъ какъ Агамемнонъ, но перси и плечи его зрятся мужесквеннѣйшими; оружіе его положено на землѣ многихъ мужей питающей; самъ же аки овенъ бѣгаетъ по всѣмъ собраніямъ воинскимъ; овну я его уподобляю имѣющему густую волну и рыщущему въ великомъ спадѣ между бѣлыми овцами.

На сіе отвѣщаетъ дочь Юпитерова Елена тако: сей есть сынъ Лаерта, князь

безплоднаго острова Иоаки Одиссей, изкусившійся во всѣхъ хитростяхъ, силенъ въ премудрыхъ совѣщахъ и исполненъ разума и всякаго знанія.

Сіе слышавъ мудрый старецъ Антиноръ вѣщаетъ ей: О жена! истинно слово сіе есть реченное днесь тобою; ибо въмѣ совершенно божественнаго Одиссея, егда во страну сію приходили съ Менелаемъ принося возвѣщеніе о тебѣ; въ то время былъ я имъ гостепріимцомъ, обоимъ возлюбилъ, позналъ нравы ихъ и уразумѣлъ совѣщы премудрыя. Егда въ собраніи Троянскомъ стояли, Менелай широкими плечами превосходилъ его; сдѣлавъ же имъ почтительнѣйшій былъ Одиссей.

Но егда слова и совѣщы предъ всѣми вѣщали: воистинну Менелай произносилъ кратко и мало, но зло высоко и не многоглаголивъ, былъ, ниже въ разглагольствіи погрѣшающъ, аще и младшій лѣтами; егда же возставаѣ премудрый Одиссей, стоялъ и поникаѣ въ землю зрѣніе свое, скипетра ни въ кошорукъ страну не воздвигалъ, но держалъ непоколебимо, аки мужъ не искусенъ, или наре-

нареши несмысленнымъ и лишеннымъ ума; но егда опѣ персей выпускалъ гласъ великій и глаголы подобные свѣгу, тогда ни единъ человекъ со Одиссеемъ прѣшися не могъ, и мы тогда не удивлялися уже взирая на его образъ.

По семъ узрѣвъ старецъ Еанша паки спросилъ Елену: кто сей есть инный Ахейнинъ добрый и великій, превосходящій Аргивянъ главою и широкими плечами?

Божественная въ женахъ, имѣющая опущенное покрывало Елена отвѣщаетъ ему тако: сей есть Еаншъ крѣпкое защищеніе Ахейнамъ; со другой же страны Идомей въ Кришянахъ, аки богъ стоить, окрестъ его собираются крѣпкіе вожди: многожды его въ домъ нашемъ угощалъ воинственный Менелай приходящаго изъ Криша. Вижду же и иныхъ многихъ Ахейскихъ военачальниковъ, познаю ихъ явно и могу всѣхъ имена повѣдати; но не могу узрѣти двоихъ князей народа крѣпкаго всадника *Кастора* и мужественнаго ратника *Полидевка*, моихъ любезныхъ единоутробныхъ братьевъ; или же послѣдовали изъ сладчайшаго *Лакеде-*

мона, или послѣдовали сѣмо въ мореходныхъ корабляхъ, но не восхотѣли изыти на рашь бояся поношенія и укоризны, кои мнѣ сущь. Тако рекла не вѣдая, что плоши ихъ объемлетъ живошворная земля шамо въ Лакедемонѣ, въ любезной отечественной странѣ. Провозвѣстники же несутъ отъ града вѣрныя боговъ кляшвы: двухъ Агнцовъ и вино веселое плодъ земли, въ коземъ мѣхъ; Идейскій проповѣдникъ несетъ чашу свѣтлую и златыя сосуды. Ставъ же предъ старцемъ возбуждаетъ его; сынъ великаго Лаомедонша! воспани; избраниѣйшіе отъ всадниковъ Троянскихъ и Ахейскихъ зываютъ шя, да снидеши къ нимъ на поле совершиши кляшву вѣрную. Александръ бо и воинственный Менелай сразятся великими копіями за жену, за побѣдившимъ же послѣдуетъ жена и вся ея спяжанія; мы же утвердивъ вѣрную кляшву и дружество, будемъ обихати во плодосной Троѣ; они же опыдутъ въ конепиташельный Аргъ, и въ Ахаиду хвалящуюся красными женами.

Тако рекъ и убоился старецъ, и повелѣлъ друзьямъ угошоваши коней; возшедши

шедши же на колесницу и принявъ со Аншиноромъ въ руки бразды, погнали коней, изходятъ Скейскими вратами на поле, и пришекши ко Троянскому воинству низходятъ на землю и идутъ на средину Троянскаго и Ахейскаго воинства.

Вскорѣ убо по семъ воздвиглся царь Агамемнонъ и съ нимъ премудрый Одисей; за ними же послѣдовавъ провозвѣстники со клятвеннымъ жертвоприношеніемъ, изыяли въ-чашу вино и царямъ на руки воду. Агамемнонъ извлекши ножъ, который всегда висѣлъ у него при мечѣ, отрѣзалъ онымъ власовъ отъ главъ агнчихъ; провозвѣстники же раздѣлили ихъ вождямъ Троянскимъ и Ахейскимъ.

По семъ Агамемнонъ возведя взоръ на небо, и воздѣвъ руки начинаетъ молиться тако: О препрославленный и все-сильный отче Юпитеръ повелѣвающій отъ Иды! О ты всевидящее и все слышащее солнце! О рѣки, земля и вся произподняя наказующая людей разрушающихъ кляшву! Да будете зрители и свидѣтели клятвеннаго сего нашего за-вѣщанія; аще Александръ убіетъ Мене-налая, да будешь Елена безпрешкновен-

но ему женою и да обладаетъ всѣми
 ся спяжаніями; мы же вскорѣ отсюда
 опыдемъ въ корабляхъ преходящихъ мо-
 ре. Аще же Менелай поразитъ смертію
 Александра, да возвращаетъ ему Трояна
 немедленно жену его Елену и вся ея спя-
 жанія; да дастся же и цѣна безчестія
 по достоянію ея; когда же и по смерти
 Александра не возхотятъ Пріамъ и сы-
 ны его дати цѣны оныя, тогда я и па-
 ки не престану ратовати въ наказаніе
 ихъ, доколѣ не обрящу конца брани сея.

Реклъ, и въ той часъ поразилъ ме-
 чемъ агнцовъ и положилъ ихъ на землѣ,
 лишенныхъ живота; ибо силу ихъ отъ-
 ялъ мечъ; вино же провозвѣстники излія-
 ли почерпая изъ чаши сосудами въ честь
 и умилоствивленіе безсмертнымъ богамъ.
 Въ то время ибѣи отъ Троянъ и Ахе-
 янъ молилися тако: О всесильный Юпи-
 теръ и всѣ препрославленные боги! кто
 первый согрѣшилъ противу клятвы сея;
 тако да изшечетъ мозгъ отъ главы
 того и сыновъ его, яко же вино сіе; же-
 ны же ихъ да смѣются съ чуждыми. Та-
 ко совѣщали; но Кроновъ сынъ не совер-
 шилъ желанія ихъ.

Пріамъ

Пріамъ же возвыся гласъ свой къ воинствамъ возопилъ: внушите слово мое, о мужеспивенные воины! се вскорѣ опхожду ошсюду ко граду моему: не могушъ бо очи мои взирати на любезнаго сына моего сражающагося съ сильнымъ Менедаемъ? Зевсъ и прочіе безсмертные боги знаютъ кому изъ сихъ двоихъ предѣлъ жизни положенъ есть нынѣ.

Рекъ сіе и божественный мужъ положивъ на колесницу агнцовъ, возходитъ самъ на оную и пріемлетъ въ руки бразды; съ нимъ же возшелъ и Аншиноръ; и тако воспріали обратный путь ко граду.

Екторъ же со Одиссеемъ избривъ мѣсто и взявъ жребій положили въ мѣдномъ шлемъ, кому первому подобаетъ вергнуть мѣдное копье. Въ то время оба воинства воздѣвъ руки на небо молилися тако: О всесильный и препрославленный Юпитеръ повелѣвающей отъ Иды! да снидетъ пораженъ смертію въ домъ ада той, кто виновникъ есть дѣламъ симъ; намъ же положи мирный завѣтъ и вѣрное дружество. Тако вѣщали, красящійся же великолѣпнымъ шлемомъ Екторъ мѣшаетъ жребія, и вскорѣ падетъ

десть жребій на Париду ; послѣ сего воз-
легли воины по рядамъ, гдѣ кони мещущіе
свои ноги въ верхъ и украшенное ору-
жіе лежали.

Божественный Александръ, мужъ кра-
сящійся власами Елены, во первыхъ обу-
вается въ поножи крѣпкіе украшенные
златыми пряжками ; послѣ сего на пле-
щи возлагаетъ броню брата своего Ли-
каона, и укрѣпляетъ оную. На чреслахъ
препоясуетъ мечъ мѣдянь, украшенъ сре-
бряными гвоздьми ; на главу крѣпкую
возлагаетъ шлемъ добръ сооруженный и
украшенный власами конскаго хвоста.
Послѣ сего пріемлетъ щитъ крѣпкій
и великій ; гребень же на немъ колеблется
съ тяжестію ; пріемлетъ копіе крѣпкое ,
сходствующее силамъ рукъ его.

Равнымъ образомъ и воинственный
Менелай облакается во броню.

Такъ сіи вооружая, кійждо отъ стра-
ны своего множества изходятъ на среди-
ну взирая со гнѣвомъ. Ужасъ объялъ
Троянь усмирителей коней , и Ахейанъ
крѣпкіе сапоги имѣющихъ. Стали на измѣ-
ренномъ мѣстѣ сотрясая копія свои , и
гнѣваяся другъ на друга ; а бже Александръ
мещетъ

мечемъ великое копѣе на Менелая, и ударяетъ въ щитъ опивсюду равный, но мѣди пронзити не могло; ибо конецъ острія его преклонился въ крѣпкомъ щитѣ. По семъ Менелай воздвиглся со оружіемъ моля Юпитера отца: царю Юпитерѣ! даждь наказаніе божественному Александру, который содѣлалъ мнѣ злая, и усмири его подъ моими руками, да устращашся всѣ потомки людей, твориши обиды страннопріимцу подающему дружество. Рекъ сіе вергнувъ на Пріамова сына копѣе великое и ударяетъ въ щитъ опивсюду равный; крѣпость его проходитъ сквозь свѣшлый щитъ, пресѣкаетъ украшенную броню и раздираетъ одежду; но Александръ уклонился, и избѣжалъ горчайшія смерти. Менелай извлекши мечъ украшенъ серебряными гвоздьми, и возвыся ударяетъ въ средину шлема; но онъ преломяся въ шрое и чешверо, рассыпался во кругъ главы и низпалъ изъ рукъ; Атреевъ же сынъ воззрѣвъ на небо со слезами рекъ; Юпитерѣ отче! нѣсть зловреднѣйшаго изъ боговъ кромѣ тебе единого! мнѣль я, что накажется злодѣяніе Александра; нынѣ же въ рукахъ моихъ прело-

преломился, мечъ и копѣе пущено естъ во-
 тще, ниже поразило его. Реклъ, и припе-
 кши возхитилъ его за шлемъ; обратися же
 ко храбымъ Ахеянамъ, повлекъ во слѣдъ
 себя и ремень изпещренный швенемъ, кото-
 рый ушверждалъ шлемъ его, сильно стѣ-
 снялъ младую гортань его. И привлекъ
 бы и възпріалъ бы великую славу; аще бы
 вскорѣ не уразумѣла о семъ Юпитерова
 дщерь Афродита, которая прервала ре-
 мень убитаго крѣпостію вола; и за шу-
 чною рукою, слѣдовалъ шлемъ праздный,
 который послѣ отъ Ироя поверженъ былъ
 на землю между храбыми Ахеянами, и
 любезные други възпріали его; самъ же
 желая убити Париды устремилъ вспяшь
 съ мѣднымъ копѣемъ; но Афродита, яко
 богиня возхитивъ его мгновенно и по-
 крывъ великою мглою, посадила въ чер-
 тогъ исполненномъ благоуханія; сама же
 отходитъ воззваши Елену и вскорѣ
 обрѣвши ее на высокой стражницѣ сто-
 ящую со многими Троянскими женами;
 касается благовоныя ея одежды, сотря-
 сая рукою; възпріавъ же на себя образъ
 престарѣлыя рабыни, которая въ Лаке-
 демонъ обивавшей Еленѣ пріала съ вели-
 кимъ

кимъ знаніемъ волну и зѣло любима была; ей уподобяся божественная Афродита вѣщаетъ: гряди сѣмо; Александръ взываетъ тя, да снідеши въ домъ къ нему; се онъ въ чертогъ на ложи сія красотою и одеждою: не возможно есть познати, что онъ вооруженъ на брань, но праведнѣ рещи, что идетъ къ ликованію или отъ ликованія утружденъ возлежитъ.

Тако рекла и возбудила сердце Елены, которая возрѣвъ на прекрасную вью, на сладостные перси, и на блистающіе очи познаетъ богиню, и ужаснися называетъ по имени и вѣщаетъ: Блаженная! по что желаеши прельстити меня сими? Камо во отдаленнѣйшую страну благонаселенныхъ градовъ поведеши? Во Фригію ли? или въ любезную Меонію? ежели и во оныхъ разноразныхъ народахъ есть тебѣ любезенъ кто; ибо нынѣ Менелай побѣдивъ божественнаго Александра, меня ненавистную опведетъ въ домъ. Сего ли ради нынѣ соплетая козни, пришла сѣмо? но ты сама оставя пути боговъ не возвращайся на пресвѣтлый Олимпъ; шедши же къ

Ж

нему

нему пребуди съ нимъ неразлучно, утѣ-
шая въ печали и сохраняя, доколѣ со-
дѣлаешь шебя или женою или рабынею;
я же не пойду уготовати ложе его; ибо
поносительно мнѣ будетъ, и жены Тро-
янскія посмѣются мнѣ послѣ; болѣзни же
неизчетныя имѣю въ сердцахъ.

Божественная Афродита со гнѣвомъ
вѣщаетъ къ ней: не раздражай меня не-
щасная, да не прогнѣванная оставлю
тебя и возненавижу тако, какъ нынѣ чу-
дно возлюбила, и посреди Троянъ и Да-
наевъ положу пагубныя вражды, ты же
влою смертію потребишися.

Такъ рекла и убоялася рожденная
Юпитеромъ Елена: идешь съ молчані-
емъ покровенна одеждою чистою и свѣ-
тлою, и ошь всѣхъ Троянскихъ женъ не-
видима: ибо предшествовала ей богиня.
Когда же пришли въ домъ, рабыни вско-
рѣ обратилися ко своимъ дѣламъ; боже-
ственная же въ женахъ вошла въ высо-
кій чертогъ, гдѣ веселообразная Афро-
дита принеши сѣдалище поспановила
противу Александра; тамо Юпитера Егѳ-
оха дщерь Елена сѣвши и отвращая очи
вспяшь, поносила мужа тако: пришелъ
ошь

отъ брани? О колико долженствовало тебѣ погибнути тамо убіену отъ мужа крѣпкаго, который первымъ былъ моимъ супругомъ! Воистинну хвалился ты крѣпчайшимъ быти паче воинственнаго Менелая силою своею, руками и копѣемъ. Иди нынѣ и воззови божественнаго Менелая паки на брань; но я тебѣ повелѣваю престати ратовати противу крѣпкаго Менелая безумно, да не вскорѣ убіенъ будеши отъ него копѣемъ.

Паридъ на сіе опивѣшствуя рекъ ей: не раздражай жена сердца моего своими жестокими укоризнами; нынѣ побѣдилъ меня Менелай со Аѳиною; послѣ же и я его побѣжду: ибо и мы имѣемъ боговъ. Но днесь да насладимся любовію на ложи; ибо мысли мои никогда толикія не ощущали любви, ниже когда изъ любезнаго Лакедемона похишивъ тебя, и прошекая воды въ мореходныхъ корабляхъ на островахъ Крана въ первое совокупился съ тобою любовію и ложемъ, какъ нынѣ возлюбилъ тебя, и сладчайшее желаніе объемлетъ мя. Рекъ и идетъ на одръ поспѣвающей купно и женѣ его, гдѣ и почилъ на великолѣпномъ ложи.

Ашреевъ же сынъ проходилъ множество подобяся звѣрю, дабы узрѣши божественнаго Александра. Но ни единъ ошъ Троянъ и славныхъ помощниковъ не могъ тогда показати Александра воинственному Менелаю; ибо не сокрыли бы его и по дружеству, естлибъ кпо видѣлъ, зане всѣмъ ненавистнѣйшій былъ паче горькія смерти.

Царь же мужей Агамемнонъ рекъ къ нимъ: послушайте меня Трояне, Дарданяне и помощники! побѣда явная есть храбраго Менелая; возвратите убо вы Аргирскую Елену и спяжанія ея, купно же и цѣну безчестія достойную, которая будешъ и попомсшвеннымъ людямъ. Тако рекъ Агамемнонъ и похвалили всѣ Ахейне.

ОМИРОВОЙ ИЛІАДЫ

ПѢСНИ ЧЕТВЕРТОЙ

содержаніе.

Боги собираются на вечерю къ Юлитеру , гдѣ Ира противу его вскорѣ воздвигаетъ разолрю , требуя разорити Троянское владѣніе ; на конецъ Юлитеръ соизволяетъ на ея желаніе. Ира посылаетъ Палладу къ Пандару возбудити его къ нарушенію клятвы. Пандаръ по наущенію ея разрушивъ вѣрность , пускаетъ на неожидающаго Менелая стрѣлу и уязвляетъ , но Махаонъ изцѣлилъ его. Агамемнонъ видя нарушенную вѣрность , пакы вооружается со всѣмъ воинствомъ противъ Троянъ , и убивство происходитъ между обоими силами страшное.

ПѢСНЬ IV.

ДЕЛТА

Боги же у Юпитера возлежа на златомъ коврѣ разглагольствовавали , и священная Ира подносила имъ Нектаръ ; они же златыми чашами другъ ко другу взаимно пѣя , взирали на градъ Троянскій. Кроновъ сынъ не преставаѣ раз-

дражати Иру хитрокозвенными словами
пришворно вѣщая: двѣ суть отъ богинь
помощницы Менелая: Аргивская Ира и
сильная Аѳина; ибо они отлучася отъ
всѣхъ съ радостію взирали на побѣжда-
ющаго Менелая; любящая же всегда ве-
селие Афродита предшавъ Париду от-
гнала смерть его, и уже помышляюща-
го тогда умерши спасла. Но да будетъ
побѣда воинспвеннаго Менелая. Мы же
положимъ совѣтъ, како будущъ дѣла сіи:
воздвигнуши ли паки вредоносную брань
и пагубную вражду, или положиши ме-
жду обоими дружество; и естли сіе
всѣмъ пріятно и любезно зрится, во-
истинну градъ царя Пріама обитаемымъ
пребудетъ, и Менелай Аргивскую Еле-
ну паки отведетъ.

Такъ рекъ: Ира же со Аѳиною со-
вокупно сидя вознегодовали совѣщая па-
губу Троянамъ. Воистинну Аѳина пре-
была въ молчаніи, и бывъ во гнѣвѣ ни
единого слова не произнесла Юпитеру
отцу; гнѣвомъ же великимъ одержима
была. Но Ира не вмѣшивъ ярости въ
сердцѣ вѣщаетъ къ нему.

Несноснѣйшій сынъ Кроновъ ! какое слово реклъ ты ? Како хоцещи содѣлати трудъ мой щещнымъ и пошъ, который проливала я во трудъ, несовершеннымъ ; когда собирала я народъ, ушрудилися и кони мои. Но ты Пріаму и сынамъ его сошвори злая ; въ прошивномъ же случаѣ не похвалишъ ты никшо изъ боговъ.

Погоняяй облаки Юпитеръ воздохнувъ зѣло реклъ къ ней : несчастная ! какое зло показали тебѣ Пріамъ и сыны Пріамовы, что непрестанно желаеши опровергнушися преславному граду Іліанскому ? Когда бы ты вшедши во врата и во окружающіе градъ стѣны живаго пожрала Пріама, сыновъ его и иныхъ Троянъ ; тогда бы насытила гнѣвъ твой. Твори что хоцещи, да разпря сія на конецъ тебѣ и мнѣ не будетъ великою враждою. Иное тебѣ глаголю, ты же сохрани оное въ мысляхъ твоихъ : когда и я возхощу опровергнути градъ, въ кошоромъ любезные тебѣ мужи рождены сущъ, да не воздѣржиши гнѣва моего, но остави мя ; ибо я тебѣ далъ волею, но сердцемъ нехотящимъ. Колико обрящется

щется подѣ солнцемъ и подѣ изпещрен-
нымъ звѣздами небомъ градовъ обита-
емыхъ земными людьми, паче всѣхъ сихъ
отъ сердца почитаю я священный Ілій;
Пріама и крѣпкій народъ Пріамовъ; ибо
никогда не оскудѣлъ тамо олтарь мой
отъ достойнаго приношенія тука и воз-
ліянія; сію же честь имѣемъ мы вси.

Священная же Ира на сіе отвѣстиву-
етъ ему тако: воиспину при мнѣ гра-
да паче всѣхъ любезнѣйшіе сущъ: Аргъ,
Спарта и пространная Микина. Сіи
когда будутъ ненавистны во твоемъ
сердцѣ, разруши ихъ, я не защищаю,
ниже злобствую; но хотя бы я и воз-
негодовала противу тебя, и не допу-
скала изтребити грады оныя, ничего не
успѣю злобствуя; ибо силою твоею
много превозходиши мя. Но не должно
и мой трудъ содѣлать щетнымъ; ибо
и я есмь богиня; родъ же мой отшуду,
отшуду и твой, такожде и я рожденна
отъ премудраго Крона, я и сестра и
жена твоя; ты же царствуеши надъ
всѣми безсмертными. Но вся сія оспа-
вимъ взаимно, я тебѣ, ты же мнѣ; ибо
послѣдуютъ и прочіе безсмертные боги.

Но ты повели вскорѣ Аѳинѣ вниши во
Троянское и Ахейское воинство и изку-
систи, дабы первые Трояне разрушивъ
мирный завѣтъ, начали Ахейнѣ раздра-
жать.

Такъ рекла: повинулся же ей отецъ
боговъ и человековъ; и вскорѣ ко Аѳинѣ
глаголетъ: зѣло скоро иди во Троянское
и Ахейское воинство и тамо искуси,
дабы первые Трояне разрушивъ мирный
завѣтъ, начали раздражать Ахейнѣ.

Такъ рекъ и вѣще понудилъ въ го-
товности бывшую Аѳину. Сѣя съ поспѣ-
шеніемъ низходитъ отъ высоты Олимпа:
какую премудраго Крона сынъ звѣзду
посылаетъ мореплавателямъ, или про-
странному воинству народовъ во знакъ
свѣтлый и искры отъ нея многіе сіяютъ;
шако Паллада Аѳинская явилася на зе-
мль посреди обоихъ воинствъ. Усмири-
тели же коней Трояне, и храбрые Ахе-
не видя сѣе устрашились; взирая же
другъ на друга вѣщали: или паки сви-
рѣпую брань и жестокую рать, или
примиреніе ко обоимъ посылаетъ Юпи-
теръ, который человѣческія брани есть
сражѣ. Такъ вѣщали Трояне и Ахейне.

Аѳина же възпрѣявѣ на себя образѣ
Лаодока храбраго воинственника сына
Аншинорова, входитѣ во множество Тро-
янское, желая обрѣсти богоподобнаго
Пандара сына Ликаонова; и вскорѣ обрѣ-
щаетѣ мужественнаго и крѣпкаго онаго
рашника стоящаго и окрестѣ его крѣп-
кіе полки щитоносныхъ народовъ, кои
послѣдовали за нимъ отъ волнъ Есиповыхъ.

Приближася же къ нему скорые слова въ-
щаетѣ: храбрый сынъ Ликаоновъ! желае-
ши ли повинутися мнѣ? Дерзнеши ли пу-
стиши быструю стрѣлу на Менелая? и воз-
прѣмеши за то отъ всѣхъ Троянѣ славу и
честь, паче же всѣхъ отъ Александра царя.
Онѣ тебѣ первому отъ всѣхъ воздастѣ вели-
колѣпные дары, когда узришѣ воинствен-
наго Менелая сына Атреева пивоею стрѣлою
смирненнаго и возшедшаго на печальный
срубѣ. Дерзай убо поразити стрѣлою сла-
внаго Менелая. Сотвори же завѣщаніе Ли-
кигену Аполлону красящемуся сребрянымъ
лукомъ воздаши сточисленную жертву
отъ агнцовъ первородныхъ, егда возврати-
нися въ домъ во священный градъ Зелію.

Тако рекла Аѳина; безумецѣ же оный
повинулся совѣщанію ея: вскорѣ извлека-
етѣ

ещѣ блестящій лукъ дивія серны, которую самъ нѣкогда исходящую отъ камня въ шайномъ ловительствѣ уязвилъ въ сердце; она же упала вспяшь на камень; роги же отъ главы ея израсли съ шестьюнадесятью отраслями; дѣлатель очистивъ оныя и уголовавъ сооружилъ лукъ; концы же его украсилъ златомъ. Пандаръ приклонивъ къ землѣ, напрягъ его; сопредѣ же храбрые други держали крѣпкіе щиты, дабы прежде не напали мужественные сыны Ахейскіе, доколѣ не будешь пораженъ сильный вождь Ахейя; по семъ извлекаетъ отъ шула стрѣлу новую, пернашую, тяжчайшихъ болѣзней основаніе, дая обѣщаніе Аполлону Ликигену принести спочисленную жертву отъ агнцовъ первородныхъ, когда возвратишься въ домъ во священный градъ Зелію. Взявъ же пернашый ея конецъ купно и съ воловыми жилами приложилъ къ десной справѣ персей, и когда напряженному окружію прикоснулось желѣзо, вскорѣ зашипѣлъ лукъ, возшумѣла шестива крѣпкая, поскакала стрѣла острая, желая прилѣстьши ко множеству. Но блаженные и бессмертные боги не забы-

ли тебя о Менелай; и во первых ору-
женосица дочь Юпитерова ставъ предъ
нимъ отвратила смертоносную стрѣлу,
и тако воспяшила прикоснувшись тѣлу
его, какъ мать прогоняющая мухъ отъ
сына, когда сладкій сонъ обѣмлетъ его;
отвративъ же направила на поясъ, гдѣ
златые пряжки соединяютъ концы его,
и край одежды совокупляются вдвое,
тамо падетъ стрѣла горькая, проходитъ
сквозь поясъ златотканый, пронзаетъ и
одежду драгоцѣнную; раздирается отъ
острія тѣло мужа крѣпкаго, и вскорѣ
пошла изъ раны кровь черная. Аки
слонова кость Міонійскою или Карій-
скою женою омочена въ багряницу ле-
жащій въ чертогѣ, которую многіе всад-
ники желаютъ имѣти, но она пребудетъ
въ сугубое веселіе царю: во украшеніе
коню его и въ честь возницѣ; тако швои,
о Менелай! бедра крѣпкія, лядвія и лы-
сца осквернены были кровію.

Царь же Агамемнонъ, когда узрѣвъ
ліющуюся кровь отъ раны ужаснулся,
ужаснулся и самъ воинственный Менелай;
но когда позналъ, что углы стрѣлы
суть на поверхности тѣла, паки укрѣ-
пился

пился духъ его въ персяхъ. Агамемнонъ
 же держа брата за руку и въздыхая
 отъ сердца рекъ: любезный братъ! во-
 истинну на смерть твою положилъ я
 завѣщаніе, опредѣляя тебѣ единому за
 всѣхъ Ахейнъ ратовати со Троянами.
 Тако поразили тя враги разрушивъ вѣр-
 ные клятвы! но никакo не могутъ преи-
 сти вошще клятва, кровь Агнцовъ, жер-
 твы и десницы, на которыя мы упова-
 ли: ибо естли небесный отецъ не со-
 вершилъ вскорѣ, совершишь поздно и мще-
 ніе пребудетъ на главахъ ихъ на же-
 нахъ и на чадахъ. Вѣрно уповаю въ мо-
 емъ сердцѣ, что будетъ день, въ кото-
 рый погибнетъ Троя, Пріамъ и народъ
 его; самъ Юпитеръ сидящій въ непри-
 ступномъ сіяніи, обитающій превыше
 звѣздъ, преогорченный сею лестію сош-
 рясетъ надъ главами ихъ смертоносный
 свой щитъ, и злодѣяніе сіе не пройдетъ
 всуе. Но мнѣ о тебѣ, о Менелай! несно-
 сная печаль будетъ, естли умреши и
 исполниши печеніе дней твоихъ, я же
 съ поношеніемъ возвращуся въ Аргъ; ибо
 вскорѣ тогда вспомянутъ Ахейне о оше-
 чественной землѣ; Пріаму же оставимъ
 славу

славу и Троянамъ Аргивскую Елену; ко-
спи же твои соплѣють въ землѣ сей не
совершившуся дѣлу, и тогда отъ гор-
дыхъ Троянъ нѣкии наскакывая на гробъ
славнаго Менелая съ киченіемъ рекушъ
шако: О дабы гибѣвъ Агамемнона совер-
шился шако надъ всѣми, какъ и нынѣ
вошше привелъ сѣмо воинство Ахейское,
и уже возвратился въ домъ въ любезную
отечественную страну свою, имѣя празд-
ные корабли и оставя брата своего Ме-
нелая. Тако рекушъ нѣкогда, и тогда
пространная земля да поглотитъ мя.
Менелай же ободряя брата своего вѣща-
етъ къ нему:

Дерзай и не приводи въ страхъ на-
рода Ахейскаго: ибо стрѣла не въ смѣрш-
номъ мѣстѣ вонзенна; быспрошу же стре-
мленія ея удержалъ поясъ, кольчатая бро-
ня и дска, которую содѣлали мужи ху-
дожники мѣди.

Агамемнонъ на сіе отвѣстствуя рекль
ему.

О дабы тако было, любезный Менелай!
рану же твою да узришъ врачъ, и возло-
жишъ масти могущіе смягчити люшость
болѣзни твоея. Рекль и абіе взываетъ
боже-

божественнаго провозвѣстника Талевія
и къ нему вѣщаетъ:

Талевій! иди скорыми стопами, и
призови мужа Махаона, сына искуснѣй-
шаго врача Асклипія, да узришь Ахей-
скаго князя храбраго Менелая, котораго
поразилъ нѣкто отъ Троянъ или Ликі-
янъ стрѣлою, ему во славу, намъ же въ
плачь.

Такъ рекъ: провозвѣстникъ же пови-
нуся цареву хотѣнію отходитъ въ во-
инство Ахейское созерцая очами храбра-
го Махаона, и вскорѣ познаетъ его спо-
ящаго посреда щитоносныхъ полковъ, ко-
торые послѣдовали ему отъ конопита-
шельныхъ Трики; приблизився же къ не-
му скорыми словами вѣщаетъ:

Сынъ великаго Асклипія востани!
царь Агамемнонъ взываетъ тя, да узри-
ши Апреева сына воинственнаго Мене-
лая пораженнаго отъ враговъ стрѣлою,
имъ во славу, намъ же въ плачь.

Такъ рекъ: Махаонъ же повинуюся
ему отходитъ совокупно внутрь пол-
ковъ Ахейскихъ, и когда пришли на мѣ-
сто, гдѣ пораженный Менелай пребывалъ
окуренъ избраннѣйшими мужами, ставъ

по-

посредѣ ихъ богоподобный оный мужъ
вскорѣ извлекаетъ отъ пояса стрѣлу;
углы же ея преломлены остались въ по-
лѣ, который отстрѣшивъ совлекаетъ коль-
чашую броню и окружіе; узрѣвъ же яз-
ву, которую содѣлала стрѣла горькая,
опираетъ кровь и возливаетъ масти на-
слѣдствованные нѣкогда ошцею его отъ
мудраго Хирона.

Доколь сіи тако упражнялися вспо-
моществуя Менелаю, шѣмъ временемъ
храбрыхъ Троянъ полки нападаютъ; Ахе-
яне съ поспѣшностію берутъ оружіе и
съ безспрашемъ текутъ противу вра-
говъ. Тогда узрѣлъ бы ты божествен-
наго Агамемнона не дремлющимъ, небо-
язненнымъ и неоприцающимъ, но зѣ-
ло поспѣшающимъ къ кровопролитной
брани. Коней и колесницу блестящую
мѣднымъ украшеніемъ отпустилъ, пове-
лѣвая хранили неопступно Евримедон-
ту сыну Птолommeеву слугѣ своему, ко-
гда утрудятся члены его правленіемъ
многихъ. Самъ же пѣшцемъ проходилъ со-
зерцающій учрежденія воинства своего, и гдѣ
видѣлъ поспѣшающихъ Данайскихъ всад-
никовъ, оныхъ увѣщевалъ сими словами:

Аргивя-

Листъ 844

ОМИРОВОЙ ИЛІАДЫ

ПѢСНИ ПЯТОЙ

содержаніе.

Паллада обѣщая помощь свою Діомиду изводитъ его на сраженіе, гдѣ онъ многіе показавъ дѣйствіемъ своей храбрости, раненъ и самъ отъ Пандара, который послѣ узрѣвъ его злорадаго и свѣршующаго какъ и прежде, вооружается совокупно съ Енеемъ противъ Діомиды; но пріемлетъ смерть отъ него. Еней пораженъ отъ него же камнемъ, спасается Афродитой, которая и сама уязвлена въ руку отъ того же Ироя, приходитъ къ матери и приноситъ жалобы. Сарпидонъ убиваетъ Тлилолема. Ира съ Палладой приутопляются на бранѣ; Арей уязвляется отъ Діомиды, и Пеонъ пѣцблаетъ его.

ПѢСНЬ V.

ЕПСИЛОНЪ.

Тогда паки Аѳинская Паллада Тидееву сыну Діомиду послала крѣпость и дерзновеніе, да явленнымъ сотворитъ во всѣхъ Аргивянахъ и возпріиметъ великую славу: ешъ шлема его и
и отъ

отъ щита блисталъ немерцающій огонь подобенъ осенней звѣздѣ умывшейся во Океанъ и издающей велие сіяніе. Таковъ огонь происходилъ на главѣ и на раменахъ Діомидовыхъ, коего возбудила богиня вкити внутрь брани, гдѣ ваящій мѣсечъ раждался.

Былъ нѣкто между Троянами богатый и добродѣтельный Ифестовъ священникъ Дарей, и имѣлъ двухъ сыновъ Фигея и Идея искуснѣйшихъ во брани мужей.

Сїи оплучая отъ своихъ воздвиглися на колесницѣхъ противу пѣшаго Діомиды; сошедши же близко перьвый Фигей вергнувъ на Діомиды копье, котораго остріе прешло по лѣвому раму безъ успѣха ниже уязвило его; послѣ сего воздвиглся вскорѣ Діомидъ съ копьемъ, кое не вошше полетѣло изъ рукъ его, но посреди самихъ персей между сосцами вонзилось и низвергло всадника съ колесницы.

Идей оставя колесницу оную побѣгавъ не возмогши зудищаши убіеннаго брата своего: ибо и онъ воистинну не избѣжалъ бы горчайшія смерти; но Ифестъ возхишивъ

хитивъ отъ брани и покрывъ мракомъ спасъ его: да не вовсе престарѣлаго ихъ отца снѣсть печаль; Діомидъ же коней опвлекши отдалъ своимъ совоинственникамъ, да отведутъ къ кораблямъ его.

Великодушные Трояне узрѣвъ Дарифовыхъ сыновъ единого убійца, другого же бѣгуща, подвиглися сердцемъ; но божественная Аѳина взявши за руку злобнаго Ареса вѣщаетъ къ нему тако: Аресъ, Аресъ, язва человѣческая, оскверненный убійствомъ, градосотрясашель! или еще не оставимъ Ахейскіе и Троянскіе ратоваши, кому отъ нихъ ошестъ небесный подаспитъ славу? Мы же изыдемъ отсюду, да избѣжимъ Юпитерова гнѣва.

Тако вѣщая извела Ареса отъ брани, и посадила его на берегахъ рѣки Скамандра; вскорѣ Данаи обратили въ бѣгство Троянскіе, и тогда каждый вождь убилъ мужа: первый Агамемнонъ царь народовъ низвергъ съ колесницы Ализонскаго вождя Одія; ибо обращающемуся ему въ бѣгство вонзилъ во хребетъ посреди раменъ копье, кое проходитъ и сквозь перси: падетъ отъ колесницы всадникъ со звукомъ, возгремѣла и броня на немъ.

Превозносящійся силою копія Идоменей поражаетъ въ десное рамо пришедшаго опъ каменистой Тарны Феста сына Мюнова возходящаго на колесницу; падетъ стремглавъ, и мракъ страшный покрываетъ его; слуги же Идоменеевы совлекли со трупа броню и одежду.

Менелай сынъ Атреевъ узрѣвъ бѣгущаго предъ собою искуснѣйшаго стрѣльца Скамандрія сына Спрофѣева, и достигши его поражаетъ во хребетъ копьемъ острымъ посреди раменъ и прободаетъ перси; не помогла ему въ то время красящаяся стрѣлами Аршемида, которая сама научила его стрѣляши всякій родъ звѣрей обитающихъ въ горахъ и лѣсахъ; падетъ на песокъ разпростертъ и возгремѣло оружіе на немъ.

Миріонъ убилъ Ферекла сына древодѣлшеля Армонида, коего Аѳинская Паллада возлюбивъ паче мѣры, научила всякому древодѣльному художеству, и который Александру создалъ корабли оныя начало всѣхъ золъ приключившихся Троянамъ и ему самому: ибо не позналъ божескихъ отъяшнвъ; Миріонъ постигъ Ферекла,

рекла, поражаетъ копѣмъ въ десную сторону хребта, и остріе пронзаетъ сквозь кости, падетъ на колѣна со плачемъ, и горькая смерть покрываетъ его.

Мегей убиваетъ Аншинорова ошъ наложницы сына Пидея, коего божественная Феана благоугождая мужу своему возпиала равно какъ и происшедшихъ ошъ ея упробы чадъ. Сего Филеевъ сынъ постигши поражаетъ копѣмъ въ выю, и остріе пронзаетъ гортань, и разсѣкаетъ языкъ и проходитъ сквозь зубы; падетъ на песокъ и смертоносную мѣдъ перзаетъ зубами.

Еврипилъ сынъ Евемоновъ убиваетъ божественнаго Ипсинора сына великодушнаго Долопіона бывшаго въ Камандрѣ жрецомъ, который ошъ народа почитаемъ былъ аки богъ. Еврипилъ постигая бѣгущаго Ипсинора, разитъ стремителемъ мечемъ въ рамо, и отсѣкаетъ руку сильную; падетъ окровавленная досница на подъ, и свирѣпый ронъ неумолимая смерти отъемлетъ съѣтъ ошъ очей его.

Такъ сіи трудились во крѣпкой брани: Тидея же сына Дюмида не возмо-

жно было познаши, гдѣ пребываетъ; между Троянами ли растуешь или со Ахейнами обращается: ибо протекалъ поля подобенъ наводнившейся рѣкѣ и быстрымъ своимъ теченіемъ разсыпающей мосты, которая пришедъ внезапно отъ множества изливаемыхъ Юпишеромъ дождей, не можешь возпятишися ниже утвержденными мостами, ниже забрами веленѣющихъ луговъ, и многія благія дѣла юношей лежашъ отъ нея разрушены. Тако Тидеевъ сынъ приводилъ во смященіе крѣпкіе полки Троянскіе, которые во множествѣ силы своея не могли противитися ему.

Храбрый сынъ Ликаоновъ Пандаръ познавъ Тидеева сына стремящагося чрезъ поле, и предъ собою разрушающаго полки, вскорѣ напрягаетъ лукъ; излещаетъ стрѣла горькая, разсѣкаетъ брону мѣдную и поражаетъ мужа грознаго; уловивъ его въ десное рамо, обагрываетъ броню кровію. Ликаоновъ же сынъ возхищенъ радостію вопіетъ: храбрые всадники, великодушные Трояне подвизайшесь! ибо лучший изъ Ахейнъ пораженъ есть нынѣ, и естели во благое царь Юпишеръ подвиглѣ

двигль мя изыши ошъ Ликѣи на брань, не уповаю долго пребываши ему живому ошъ крѣпкія стрѣлы моея.

Такъ рекль въ превозношеніи; Діомидъ же стрѣла не убила, но шочію поранила; ибо онъ отшедъ сталъ близъ колесницы своей и Сѣенелу вѣщаеши: любезный другъ сынъ Капанеевъ! восшани и гниди ошъ колесницы, да изшоргниши ошъ рама моего стрѣлу горькую.

Такъ рекль: Сѣенель же сошедъ ошъ колесницы на землю, и представъ Діомиду изшоргаетъ быспрую стрѣлу ошъ рама; ліется ошъ язвы кровь по бронѣ его.

Тогда Діомидъ моля Аѣинскую Палладу вопіеши тако: услыши мя непреодолима дщерь Юпитера Егіоха! ежели когда любя меня и отца моего усердствовала намъ во свирѣпой брани; нынѣ паки возлюби мя божественная Аѣина: даждъ спремительнымъ симъ копіемъ убити мнѣ мужа, который прежде уязвилъ мя стрѣлою и шѣмъ превозношися, ниже паки солнечнаго сіянія зрѣти мнѣ предвѣщаеши.

Такъ рекль въ моленіи своемъ, и Аѣинская Паллада услышала его: руки, ноги и всѣ члены его содѣлала легкими;

приблизися же къ нему вѣщаетъ скорые глаголы :

Держай, о Діомидъ, паки воздвигну-
тися противо Троянъ; ибо персамъ тво-
имъ даю непреклонную силу, каковую
храбрый щитовосецъ отецъ твой Тидей
имѣлъ, паки отъвемлю отъ очей твоихъ
тѣмъ, кошорая прежде была, да позна-
еши бога, такожде и человѣка. Аще
убо изкушая ты прїидетъ съмо богъ,
блюдися ратовати противо всѣхъ без-
смертныхъ; но ежели Юпитерова дщерь
Афродита прїидетъ на брань, рази ея
копѣмъ твоимъ. Тако вѣщая премудрая
Аѳина опходишь.

Діомидъ соединяся со своими помощ-
никами паки идетъ ратовати противо
Троянъ сугубымъ дерзновеніемъ, и непо-
колебимыми силами вооружая сердце свое.
Аки левъ, кошораго пастухъ на полѣ
прескачущаго во ограду къ руноноснымъ
овцамъ не убивъ ниже опогнавъ, но по-
чѣю раздраживъ и къ вѣдшей люшости
возбудивъ силы его, убиваетъ множество
овецъ, и насыщенъ изходитъ внѣ ограды;
тако безстрашный Діомидъ съ жадно-
стію успремился внутрь полковъ Тро-
янскихъ.

янскихъ. Тамо убиваетъ Астиной и Иппо-
нора пастыря народовъ: сему прободаетъ
копьемъ перси поверхъ сосцовъ; второго же поражаетъ мечемъ великимъ, и
отсѣкаетъ рамо отъ выи и хребта. Сихъ
также оставя постигаетъ Аванша и По-
лїида сыновъ престарѣлаго снополокова-
теля Евридаманта, который предвѣщалъ
имъ не возвратиться во отечественную
землю: Діомидъ постигши убиваетъ обо-
ихъ. Послѣ сего идетъ противъ Ксанона
и Фодона единоуспробныхъ сыновъ слячен-
наго болѣзненною старостію Фенопа, ко-
торый иного сына, дабы спяжанію ему
оставити, не имѣлъ. Сихъ же убилъ Діо-
мидъ отъѣмши духъ обоимъ любезнымъ
братіямъ; опіу же въ старости оставя
плачь и лютое сокрушеніе сердца; ибо
не возпріалъ ихъ пришедшихъ отъ бра-
ни живыхъ и чуждіи раздѣляли наслѣд-
ство ихъ. По семъ паки возносятся со-
противъ двухъ Пріамовыхъ сыновъ быв-
шихъ вкупѣ на единой колесницѣ: Ехе-
мона и Хромія. Аки левъ стремительно
наскочивъ на шельца, или юницу пасу-
щихся въ лѣсахъ удобно сокрушаетъ выю
ихъ; тако Тидеевъ сынъ пламенный Діо-

мидѣ злѣ низвергль отѣ колесницы обо-
ихѣ брашѣвѣ. Совлекши же оружіе куп-
но съ коньми отдалѣ своимѣ совониспвен-
никамѣ, да ошведушѣ къ кораблямѣ его.

Еней познавѣ разрушающаго Троян-
скіе полки Діомидѣ, идетѣ внутрь брани
посредѣ шреску оружіѣ, желая обрѣсти
божественнаго Пандарѣ. Вскорѣ же узрѣвѣ
крѣпкаго сего ратника досшойнаго сына
Ликаонова, и приближѣся къ нему вѣ-
щаетѣ тако: Пандарѣ! гдѣ крѣпкій лукѣ
швой и быстрые стрѣлы и слава, ко-
цороку ни единѣ мужѣ здѣ не можѣшѣ
прѣшисѣ съ шобоку; ниже вѣ Ликіи обра-
щѣшѣся кшо, да явившѣя превозходнѣйшимѣ
паче тебѣя. Но просши руки ко Юпи-
теру и вергни стрѣлу на мужа сего по-
бѣждающаго всѣхѣ и великіѣ бѣды со-
дѣвающаго Троянамѣ; ибо многіе храбрые
мужи сокрушили предѣ нимѣ крѣпкіѣ ко-
лѣна свои. Или отѣ боговѣ кшо прогнѣ-
валѣся на Троянѣ за жертвоприношеніѣ?
гнѣвѣ же бога нестерпимѣ естѣ.

На сіе божественный Пандарѣ отвѣ-
щая реклѣ ему тако: мужественныхѣ
Троянѣ о премудрый совѣшникѣ Еней!
взираѣя на коней мужа онаго, на щипѣ

и на треугольный шлемъ, познаю быши
во всемъ подобнаго Тидееву сыну Діоми-
ду; истинно же не вѣмъ, богъ ли ка-
кій есть оный храбрый сынъ Тидеевъ;
или человекъ: не безъ бога шоль чуд-
ныя дѣла шворитъ; но нѣкто отъ без-
смертныхъ имѣя покровенные облакомъ
плещи присудствуетъ съ нимъ и отвра-
щаетъ отъ него быстрое летаніе стрѣлъ:
ибо напргнши лукъ мой крѣпкій, пу-
стилъ уже на него оспрую мою стрѣлу
и поразилъ въ десное рамо, пронзивъ всю
броню его, и уповалъ, что въ той же
часъ низвергну его ко Едонею, однако
не убилъ. Воистинну богъ нѣкій про-
гнѣвался. Нынѣ же коней и колесницы
не имѣю, да взыду на оную; въ дому
же отца моего Ликаона суть единонаде-
сять колесницы новыя, крѣпкія, укра-
шенныя, имѣющіе разпущенныя завѣсы;
каждая отъ нихъ имѣетъ супругъ коней,
питающихся бѣлою пшеницею и жипомъ.
Воистинну престарѣлый ратникъ Лика-
онъ многаяжды въ домъ своемъ отходяще-
му мнѣ повелѣвалъ, дабы коней и коле-
сницы взять съ собою на крѣпкую брань
Троянскую; но я не послушалъ хошѣнія
его,

его, которое много бы полезнѣе мнѣ было, и не взявъ коней щадя ихъ, да приобыкши ко изобильной пищѣ не востребуютъ оныя, когда всѣ мужи будушъ упражняшися во брани; и тако оставя ихъ пришелъ пѣшцемъ во Трою уповая на лукъ мой, который нынѣ мнѣ безполезенъ есть; ибо противо двухъ славныхъ випязей, противо Діомиды и Аякса сына Агамемнона напрягалъ его мѣщъ стрѣлу; но щачю ошъ пораженія онаго кровь чистая изсякнула ошъ тѣла ихъ, и тѣмъ вѣще раздражилъ. Къ несчастному убо року взявъ я его съ мною въ день оный, когда въ возлюбленной Трои пушководительствовалъ Троянѣмъ, подавая помощь божественному Ектору. Внегда же возвращуся отсюду во прекрасную Ликію, и узряшъ очи мои любезную опечесивенную страну, жену и возвышенный домъ отца моего Ликаона, да ошѣчетъ мужъ чуждый главу мою въ той часъ, аще не сокрушу руками лука сего зловреднаго, и не ввергну его во огонь: ибо бесполезный былъ мнѣ спутникъ сей.

Еней на сіе ошвѣщая рекъъ ему: не глаголи тако; прежде же не будешъ иначе,
какъ

какъ изыдемъ обое во стрѣшеніе мужу
сему и изкусимъ оружія наши; взыди
убо на колесницу со мною и тогда узри-
ши, како Троянскіе кони изучены про-
текаши поля и врага безстрашно пости-
гаши, кои и насъ принесутъ здравыхъ
во градъ, ежели паки Юпистеръ подастъ
славу противу Тидеева сына Діомидѣ.
Возпріими убо бразды коней и управляй
ими, я же взыду на колесницу брашися
съ нимъ; или ты вооружися противу
его, мое же будетъ попеченіе управляти
коней.

На сіе Пандаръ отвѣщаетъ ему та-
ко: Еней! ты возпріими бразды, да подѣ-
швоимъ наученіемъ приобыкшіи кони удо-
бнѣ изнесутъ колесницу, когда побѣ-
димъ отъ Тидеева сына, и да не устра-
шатся возхитити насъ отъ брани, ко-
гда гласа швоего не услышатъ; Діо-
мидъ же постигши насъ убіетъ и коней
отведетъ къ кораблямъ своимъ; управ-
ляй убо колесницею швоею и коньми; я
же воздвигну острое мое копѣе на гря-
дущаго противо насъ.

Такъ разглагольсивуя возходятъ на
изпещренную колесницу, и направляють
коней противу Діомидѣ.

Ка-

Кананеевъ сынъ Сөөнелъ узрѣвъ спремленіе ихъ, вскорѣ начинаетъ къ Діомиду тако: возлюбленный мой другъ! зрю мужей безмѣрныхъ имѣющихъ силы, поспѣвающихъ рашоваши противъ тебя: единъ отъ нихъ искуснѣйшій стрѣлецъ Пандаръ сынъ Ликаоновъ; второй же Еней сынъ мужественнаго Анхиса, рожденный отъ божественныя Афродиты; возвратимся убо на коняхъ вспять, и не изходи братися съ ними, да не погубиши дражайшаго живота твоего.

Мужественный Діомидъ возрѣвъ на него свирѣпымъ окомъ рекъ: не устрашай мя твоими словами, и не мнѣ послушну мнѣ быти твоимъ совѣтамъ: ибо не прилично есть мнѣ страшитися и бѣгати отъ брани; еще я довольно имѣю силъ. На колесницу взыти не хочу, но пойду во стрѣшеніе имъ пѣшцемъ; ибо шепеташи не дозволяешь мнѣ Паллада Аѣинская. Сихъ же мужей не изнесутъ отъ насъ кони обоихъ здравыхъ, хотя единъ и избѣжитъ; ты же слова мои, которые днесъ изреку тебѣ, сохрани на своемъ сердцѣ: когда премудрая Аѣина пошлетъ мнѣ свою славу обоихъ сихъ мужей.

мужей убиши, тогда не забуди ошрѣшиши Енеевыхъ коней отъ колесницы, и ошвести ихъ ко Ахейскимъ кораблямъ: ибо кони сіи суть отъ сѣмени коней тѣхъ, коихъ всесильный Юпистеръ въ воздаяніе за Ганимида далъ царю страны сея Трою, и каковыхъ во всей подсолнечной никто не обрящетъ. Отъ сего сѣмени царь Анхисъ тайно похищивъ у Лаомедонта имѣлъ рожденных во своемъ домѣ шесть коней, отъ коихъ четырехъ возпиталъ самъ при своихъ ясляхъ, двухъ же отдалъ Енею; и ежели убо сихъ получимъ, великую воистинну приобрьшемъ славу.

Сіа имѣ между собою разглагольствующимъ вскорѣ приближаются на быстрыхъ коняхъ Троянскіе оные два всадники и первый отъ нихъ знаменитый сынъ Ликаоновъ Пандаръ возопилъ къ нему: храбрый, мужественный пресловутаго Тидея сынъ! или смертоносное остріе горькія моя стрѣлы не убило тебя? Нынѣ паки изкушу щастіе мое копіемъ симъ. рекъ сіе и абіе мечетъ великое копіе свое, которое пронзаетъ Діомидовъ щитъ, и мѣдное остріе его пролетая увязаетъ во брони. Пандаръ вскорѣ возопилъ съ радостно-

радостью : уязвлено естъ чрево твое , о
Діомидъ ! и не мноу долго пребыши тебѣ
въ живыхъ ; мнѣ же содѣлалъ ты вели-
кую славу.

Мужественный Діомидъ не бывъ устра-
шенъ отвѣщаетъ ему : прельщаешься о
Пандаръ , чая пораженного мя быти ; но
я уповаю не возвратишися вамъ отсю-
ду , доколѣ поне единъ отъ васъ падетъ
и напитаетъ кровію сильнаго воинствен-
ника Арея.

Такъ рекъ вергнулъ копіе , которое
божественная Аѳина направила подъ око
близъ носа ; остріе его сокрушивъ зубы,
разсѣкаетъ языкъ и проходитъ выю ; па-
детъ отъ колесницы ; изпещренное же
и сіяющее оружіе возремѣло на немъ ,
успрашилися быстрые кони , и душа со
жрѣпостию разрѣшается.

Еней бояся , да не похитятъ Ахивяне
мертваго , устремляется со щитоу и
великимъ копіемъ обтекаая трупъ Панда-
ровъ , аки левъ уповаю на свои силы :
спавъ же предъ нимъ простерлъ копіе и
ждетъ отсюду равный , всякаго хоща-
щаго ити ему во стрѣшеніе гошовъ уби-
ти спрашно вопія на всѣхъ : Діомидъ же

ВОЗХИ-

Аргивяне! ничего не упустите отъ
вашей мужественныя крѣпости: ибо ошѣдъ
небесный Юпитеръ не во лжи помощникъ
будетъ; но кто разрушивъ мирный за-
вѣсъ преогорчилъ его, оныхъ тѣла по-
жертвы будутъ нощными вранами; мы
же любезныхъ женъ и молодыхъ чадъ па-
ки на корабляхъ отведемъ въ дома, ко-
гда плѣнимъ градъ. Спрашащихся же
плачевныя брани укоризненными слова-
ми со гнѣвомъ поносилъ тако: Аргивяне
безчестные и достойные прободенія! по-
что не подвизаетесь? Что стоите аки
буи козлища, когда ушрудятся бѣгая
по пространному полю, и не имѣютъ
крѣпости въ сердцѣ: тако вы стоите
безумствуя и не готовы ко брани? или
ожидаете Троянъ, когда приближатся къ
кораблямъ стоящимъ на брегѣ моря си-
няго, и тогда чаете узрѣши подастъ
ли вамъ руку Юпитеръ?

Такъ созерцая полки мужей пришелъ
ко Крипскимъ кущамъ, гдѣ округъ Идо-
менея вооружались храбрые воины; самъ
же Идомей стоялъ между ими вепрю
подобенъ крѣпостію; послѣдніе же полки
возбуждалъ ко брани Миріонъ. Сихъ ви-

дя царь мужей Агамемнонъ веселился сердцемъ, и вскорѣ ко Идоменею вѣща-
етъ со сладостию:

Идоменей! паче всѣхъ Данайскихъ всад-
никовъ почишаю тебя какъ во брани,
шако и во инныхъ дѣлахъ и въ пирше-
ствѣ, когда драгоценное красное вино
вельможи Аргивскіе растворяютъ въ ча-
шѣ; ибо прочіе Ахейне пѣютъ мѣрою;
швоя же чаша всегда полна есть, равно
какъ и моя, когда желаніе есть пищи;
но взыди нынѣ на брань, какъ и преж-
де прославленъ былъ.

На сіе Крипскій вождь Идоменей от-
вѣтствовалъ ему шако.

Сынъ Атреевъ! воистинну на всякое
время пребуду вѣрнымъ тебѣ другомъ,
какъ и прежде далъ тебѣ мое обѣщаніе
и соизволеніе; но ты прочихъ увѣщевай
Ахейнъ ко скорѣйшей брани: ибо кляш-
ву нарушили Трояне, коимъ смерть и
болѣзнь пребудутъ на вѣки; ибо первые
они явились раздражателями истинны.

Такъ рекъ; Агамемнонъ же возхи-
щаяся сердцемъ приблизился къ Еан-
шамъ, проходя полки мужей, и зрѣтъ
ихъ вооружающихся на брань. Какъ па-
стухъ

стухъ, когда узритъ возносящуюся отъ моря тучу черную аки смола, исполнену многого дождя, свирѣпствующую бурнымъ вѣтромъ, ужасается и отъ страха гонитъ овецъ укрышися въ пещеръ; шаковы были Еанты воздвизающіися на брань со своимъ многимъ воинствомъ вооруженнымъ великими щитами и копіями.

Агамемнонъ узрѣвъ ихъ возрадовался, и съ веселіемъ возопивъ вѣщаетъ: пресловутые Аргивскіе полководцы Еанты! вамъ не хочу повелѣнія или увѣщанія творити и неприлично есть; ибо сами вы довольно вѣдаете управляти воинствомъ. О Юлиперъ, Аѳина и Аполлонъ! ежелибъ во всѣхъ сердцахъ такое было мужество, давно бы градъ Пріама царя плѣненъ и изпроверженъ былъ нашими руками.

Такъ рекъ; оставя же ихъ ошелъ ко инымъ, гдѣ обрѣтаетъ премудраго Пилійскаго князя Нестора, учреждающаго полки свои и возбуждающаго ко брани. Окрестъ же его зрѣтъ собравшихъ полководцовъ: Пелагонша, Аласшора, Хромія, Емона и Віанша. Всадниковъ съ коньми и колесницами поставляетъ на-

преди; пѣшцамъ же повелѣваешь стояти
созади; внутрь обонхъ силъ вводилъ
ѣхъ, коихъ нерадѣіе извѣстно ему бы-
ло, дабы и насильственно понуждаеми
могли сражашися. Всадникамъ повелѣва-
ешь коней держати неподвижно, да не
возмутишься все множество, или дабы
что надѣяся на свое мужество и силу
коней, дерзнулъ оставя прочихъ, единъ
бѣжати и битися со Троянами, ниже
отступати вспяшь; ибо тако вскорѣ бу-
дете безсильны, рекъ имъ; мужъ же,
который оставя свои колесницы ослу-
чится ко инымъ, да повержется копѣмъ
на землю: ибо и древніе предки опро-
вергали градскіе стѣны, храня въ сер-
дцахъ своихъ сіи установленія и законы.

Такъ спарецъ много изкусившійся на
брани увѣщевалъ свое воинство.

Агамемнонъ узрѣвъ его возрадовался
сердцемъ, и вскорѣ возопилъ къ нему съ
веселіемъ:

Знаменишый спарецъ! о когда бы
толико колѣна твои были крѣпки и силь-
ны, колико разумъ непреклоненъ есть!
но уже старость досадительная тебя
смиряетъ; лучше бы инный что имѣлъ
ее,

ее, шы же между юношами счислялся бы.

На сіе отвѣщаетъ ему почтенный всадникъ Несторъ тако:

Сынъ Амреевъ! отъ всего сердца желалъ бы я и самъ таковымъ нынѣ быти, каковъ былъ въ то время, когда убилъ божественнаго Ереѡаліона; но безсмертные боги не вся вкупѣ дали челоѡку: ибо тогда былъ младъ, нынѣ же старость постигла; но и тако не ошлучуся отъ прочихъ всадниковъ, и буду вспомошествовати имъ совѣтами моими и увѣщаніями: ибо сія есть должность престарѣлыхъ людей, копіями же да дѣйствующи младши; кои на свои лѣша и силы имѣютъ упованіе.

Тако рекъ: Агамемнонъ же отшелъ радуясь сердцемъ, и вскорѣ по семъ обрѣтаетъ Менесеея сына Пешеева, стоящаго праздна; окрестъ же его Аѣніяне изкусившіеся во брани; не далече отъ сего видитъ премудраго Одиссея, и близъ его крѣпкіе Кефалинскіе полки такожде праздно; ибо не пришла къ нимъ слава воздвигшейся брани, но пребывали ожидая отъ другихъ Аѣйскихъ полковъ нападенія на Троянъ и начаша брани. Сихъ

узрѣвъ царь мужей Агамемнонъ начина-
етъ поносить, вопія имъ шако: о сынъ
возпишаннаго Юпитеромъ царя Пешей,
и ты злокозненный льстецъ Одиссей!
что трепеща отходише и ожидаете ни-
ныхъ? Вамъ подобало между первыми
стояти и предупреждать всѣхъ во пла-
менной войнѣ: ибо егда приготавливаю
вечерю старѣйшинамъ и князямъ Ахей-
скимъ, вы поспѣшаете прежде всѣхъ по-
жраши со сладостію жареные мяса, и
питы чаши пріятнаго вина, koliko же-
лаете; нынѣ же спокойнымъ духомъ взи-
раете, хотя бы и десять полковъ Ахей-
скихъ ратовали свирѣпымъ мечемъ предъ
вами.

Премудрый Одиссей возрѣвъ на него
яроснымъ окомъ отвѣстствуетъ:

Сынъ Атревъ! какое слово извергъ
предъ нами ты? Како вѣщаеши убѣгати
насъ отъ брани, когда прочіе Ахеяне
поощряютъ кровопивственнаго Арея? Узри-
ши, когда желаеши, и естли о семь
печешися, узриши Тилемахова возлюб-
леннаго отца подвизающагося среди Тро-
янъ; ты же сія вѣщаеши шлещи.

Агамем-

Агамемнонъ познавъ Одиссея быти разгнѣваннаго съ веселымъ видомъ паки къ нему вѣщаетъ: благороднѣйшій сынъ Лартовъ премудрый Одиссей! не обвиняю тебя, ниже повелѣваю тебѣ: ибо знаю, что сердце твое сокрываетъ совѣты крошкіе, и пожеде мыслиши, что и я но вооружися нынѣ; что же изречено нынѣ во излишество, примирится въ будущее время, и боги все сіе содѣлаюшъ щещнымъ.

Такъ вѣщая осѣлавилъ ихъ и отшелъ ко инымъ. Обрѣщаетъ же великодушнаго Тидеева сына Діомиды стоящаго между коней и колесницъ, и съ нимъ Капанеева сына Сѣенела. Сихъ такожде видя царь Агамемнонъ поноситъ, вопія скорыми словами тако: о сынъ воинственнаго всадника Тидея! почто спрашишися и зриаеши на преходящую брань? Тидей не любилъ тако боявися, но прежде всѣхъ своихъ любезныхъ совоинственниковъ восходилъ на рать. Тако повѣдали мнѣ о немъ, кои видѣли его трудившагося; я же съ нимъ нигдѣ не встрѣтился, ниже видѣлъ гдѣ, и повѣствуюшъ, что онъ превосходилъ прочихъ: ибо во-

истиину не имѣя воинства, и пришлецъ бывъ, вшелъ въ Микины съ божественнымъ Полинкомъ для собранія народа, который тогда ратовалъ при священныхъ стѣнахъ Фивскихъ. Зѣло просили жителей даши имъ помощь; они хотѣли и общались исполнити ихъ желаніе; но Юпистеръ пославъ страшныя знаменія отвратилъ сіе. Они отходятъ и протекшая путь, пришли въ сѣнолиственный Асопъ. Тогда паки посылаютъ къ нему Ахейне возвѣщеніе; но онъ не возвратился; многихъ же обрѣтаетъ Кадміанъ * ликующихъ въ домъ владычества Етеоклова. Тогда сильный воинственникъ Тидей пришельцемъ бывъ, и единъ собою не утѣшился многихъ Кадміанъ, но зывалъ на брань и каждого побѣждалъ безъ труда. Таковая помощница была ему Лейна.

Кадміане раздраженные возвращающуся ему устрояютъ сѣти; постановя пятьдесятъ юношей со двумя предводителями: Меономъ сыномъ Еионовымъ и Ликофонтомъ сыномъ Автофоновымъ; но
Тидей

Имя сіе происходитъ отъ Кадма древняго царя Финикійскаго и основателя Фивскаго.

Тидей всѣхъ поносною умершвилъ смер-
тію; повинуюся же изволенію боговъ ос-
тавилъ въ живыхъ единого Меона, да
возвратится въ домъ свой. Таковъ былъ
Тидей Епольскій; но сынъ его родился
малодушенъ во брани, склоненъ же къ
велерѣчію.

Такъ рекъ. Но храбрый Діомидъ во-
здавая честь укоряющему царю, не оп-
вѣстствовалъ ни единого слова; Капане-
евъ же сынъ Сфенелъ вѣщаетъ ему тако:

Агамемнонъ! не лги, когда можешь
повѣдати правду; ибо мы далеко пре-
возходимъ опцевъ нашихъ: мы плѣнили
престоль седмивратнаго онаго града
Фивъ, малѣйшее приведши воинство подъ
Ареевы стѣны, надѣяся на знаменія бо-
говъ и на помощь Юпитерову; они же
погибли отъ собственнаго своего неразу-
мїя. Того ради не та же честь возда-
вшая имъ должна, каковая и намъ.

Діомидъ свирѣпо возрѣвъ на Сеспела
рекъ: друже, пребуди въ молчаніи и мо-
его послушайся слова; ибо и я же тѣ-
ваюся на Агамемнона пастыря народовъ
ободряющаго. Ахейнъ ко брани: ибо за
нимъ слѣдуютъ будещъ слава, когда

Ахейне побѣдятъ Троянѣ и плѣнятъ Ил-
ианскія сѣбны, и паки ему будетъ ве-
ликая болѣзнь, когда Трояне побѣдятъ
Ахейнѣ. Но потщимся и мы двое о му-
жественной храбросши.

Рекъ и устремился съ колесницы на
землю; спрашно возгремѣла мѣдь на пер-
сахъ подвигшагося царя; и самого дерз-
новеннаго обѣялъ бы страхъ.

Какъ на многогласномъ морскомъ бре-
гѣ возносимые свирѣпымъ вѣтромъ вол-
ны съ начала возстающъ на морѣ; послѣ
же приближася къ землѣ ударяющъ съ
шумомъ, и возвышаяся гласъ свой раз-
дающъ во окрестныхъ мѣстахъ, и воды
умножаютъ свою пѣну: тако Данаискіе
полки непрерывно воздвизались на брань;
всякъ вождь управлялъ своими воинами.
инные воздавая почтеніе военачальникамъ
шествовали въ толковой тишинѣ, что
не возможно было познаши, дабы толк-
и народъ слѣдовалъ и имѣлъ бы въ пер-
сахъ гласъ; блистаніе всюду производи-
ло отъ украшеннаго оружія, въ кошорое
облечены были воины идущіи на брань.
Трояне же аки овцы въ домъ богатаго
муза, стоя тысящами, когда доятъ мле-

ко, непрестанно блѣютъ слыша гласъ
овновъ: тако вопль Троянъ слышанъ
былъ во всемъ пространномъ воинствѣ;
ибо не всѣхъ единъ былъ гласъ, но смѣ-
шанные языки и изъ разныхъ многихъ
мѣстъ собранные народы. Ахеянъ ко бра-
ни возбуждала Паллада Аѳинская; Тро-
янъ же возпламенялъ Арей: страхъ,
ужасъ и ненасытно злобствующая чело-
вѣкоубійца Арея сестра и другиня Ери-
да *, кошпорая съ начала является малою,
но послѣ утверждаетъ главу на небѣ и
по землѣ ходитъ: сія и между ими по-
гда ввергла непримиримую вражду, про-
ходя посреда многихъ народовъ, и умно-
жая воздыханія мужей.

Сошедшимся обоемъ воинствамъ на
едино мѣсто, воздвизаются копія и си-
лы мужей, соединяются щиты противу
щитовъ; великій мясежъ возносится,
вездѣ слышишся стонъ умирающихъ и
превозношеніе убивающихъ; потекла зе-
мля кровію. Какъ быстрые рѣки отъ горъ
низ-

* Имя сіе Творецъ употребилъ за собственное,
по чему и прочіе стихотворцы, послѣдую
ему, сдѣлали изъ онаго богиню злобы и вра-
жды; на нашемъ языкѣ значитъ просто
вражду.

нападаѣ въ долину, стремительные свои воды несуть къ новымъ обѣщаніямъ; гласъ же паденія ихъ слышитъ издали на горахъ пастухъ; равенъ сему былъ вопль и ужасъ смѣшавшимся воинамъ.

Первый Аншилохъ убилъ храбраго мужа Троянскаго Ехепола сына Фалисіева, стоявшаго въ первыхъ рядахъ, поразивъ его посреди шлема копьемъ въ чело, и остріе мѣдное пронзаетъ кость; очи же его покрываетъ тѣма; падетъ аки высокая стрѣлометница среди крѣпкой брани. Авантскій же царь Елефизоръ сынъ Халкодоншій въ возхитивъ мертзаго за ноги, повлекъ отъ среды брани, желая оружіе его взять себѣ въ корысть, но не помогло ему поспѣшеніе: ибо храбрый Агиноръ узрѣвъ влекущаго трупъ поразилъ мѣднымъ копьемъ въ бокъ, который отъ наклоненія его не покрытъ былъ щитомъ: разрушаетъ и сей свои члены и духъ жизни оставилъ его.

Отъ сего брань между Троянами и Ахейцами жестокая произошла: аки волки другъ прогнѣву друга устремляющіяся; мужъ мужа убиваетъ: въ это время Еантъ сынъ Теламонъ убиваетъ Анесимона сына

сына Симоисія , котораго мать нѣкогда послѣдуя за родителями согладаши пасущихся овецъ низходя отъ горы Иды возвратиши въ домъ , родила на берегахъ рѣки Симоента ; отъ сего и нарекли его Симоизіемъ ; ниже родителями сотворилъ воздаянія за воспитаніе : ибо крашкая жизнь его была , когда отъ мужественнаго Еанта сохренъ былъ ; перваго его всадникъ оный поразилъ копѣмъ въ десную страну персей , и острѣ мѣдное проходишъ сквозь лѣвое рамо ; падешъ на песокъ земли . Аки шополевое древо , произращенное во влажности великаго блага , имущее въшви шочію на вершинѣ высоты своея ; древодѣлатель же узрѣвъ его посѣкаетъ блестящею желѣзною сѣкирою , да содѣлаетъ окружіе колеса , и древо оное изсыхая лежитъ на берегахъ рѣки ; шаковъ лежалъ Симоисій сраженъ отъ божественнаго Еанта , котораго Антифъ красящійся изпещренною одеждою вергнувъ острое копѣ , но вмѣсто его поразилъ во чрево Левка вѣрнаго друга Одиссея , когда онъ шрупъ на другую страну за собою влекъ ; падешъ мертвъ близъ мертваго , оставляя шрупъ

трупъ чуждый лежати купно со своимъ.

Одиссей о смерти его возпламеняся яростию идетъ, чрезъ первые ряды вооруженъ блестящею мѣдною броней; ставъ же зѣло близко, и обозрѣвся вергнулъ свѣшное копье. Трояне же отступили вспять, узрѣвъ мужа сего, который копье свое не вообще пустилъ, но Пріамова отъ наложницы сына Димоконта на быспрошекущихъ коняхъ, пришедшаго отъ Авида поразилъ, и остріе мѣдное проходитъ сквозь скранія его: тѣма покрываетъ очи его, падетъ со звукомъ и оружіе возгремѣло на немъ. Отступаютъ стоящіе напереді воинственники, отступаетъ и самъ храбрый Екторъ; Аргивяне же воздвизающъ вопль велій и похищаютъ трупы.

Аполлонъ взирая отъ Пергамскихъ стѣнъ со гнѣвомъ вопіетъ Троянамъ: умирители коней мужественные Трояне! подвизайтесь и не уступайте во брани Аргивянамъ: ибо тѣло ихъ не есть желѣзо, ниже камень, чтобъ не могли уязвлятися, когда копьями поражаются; ниже Ахилла сына прекраснаго Ѳетиды
обра-

обращаете на войнѣ, но онѣ въ корабляхъ сердце свое перзаетъ гнѣвомъ.

Такъ рекъ отъ града страшный богъ; Ахейнѣ же возбуждала Юпитерова дщерь Трипогенія * входя въ полки, кои зрѣла ослабѣвающе. Тогда паки рокъ похищаетъ Диорея сына Амаринова, ко- его Фракійскихъ мужей вождь Пиръ сынъ Имврасіевъ, пришедшій отъ Ена пора- зивъ камнемъ, сокрушилъ лѣстна десныя ноги его и обѣ жилы пресѣклъ: вскорѣ падетъ вспять на песокъ земли, и ош- дая послѣднее дыханіе, простираетъ ру- ки ко возлюбленнымъ своимъ совоинствен- никамъ; но Пиръ притекши паки пора- жаетъ его копіемъ во чрево, и абіе из- ливаются внутренняя; шма же покрыва- етъ очи его. Феоантъ нападающаго Пира ударяетъ копіемъ въ перси, и ос- тріе мѣди вонзается въ легкое; прите- кши же изторгаетъ копіе отъ персей,

и

* Симвъ именемъ называется Аѳина или Ми- нерва по причинѣ той, что явилась (какъ стихотворцы сказуютъ) близъ озера Трипо- на въ дѣвичьемъ видѣ, или что родилась отъ Юпитеровой главы; Еоляне же главу называютъ Трипо.

и извлекши мечъ острый разсѣкаетъ
онимъ чрево и опыхаетъ жизнь; ору-
жія же совлещи не возмоглъ: ибо обсто-
яли вождя своего Фракіане имбующіе ве-
ликія копія, конми крѣпкій, храбрый и
сильный Фоантъ прогнанъ, и принужденъ
былъ со страхомъ отступити ко своимъ
полкамъ, и тако лежатъ на пескѣ про-
стертые другъ близь друга два вождя:
сей Фракійскій, оный же Епійскій; мно-
гіе и ниниые убиты въ то время.

Тогда не содѣлалъ бы уничтоженія бра-
ни, аще бы кто отъ мужей немогущій
острѣмъ оружія уязвишися вшедъ внутрь
раши проходилъ посреди множества и
предводительствовала бы ему Паллада
Аѳинская, отрѣвая всякое стремленіе
спрѣлъ; ибо многіе отъ Троянъ и Ахе-
янъ въ день оный разпростертыми тѣ-
лами лежали на пескѣ.

возхишивъ великія тяжести камень, ка-
кого ниже два мужа нынѣшнихъ временъ
понести могутъ; онъ же удобно его всю-
ду обращалъ, мещетъ на Енея, сокру-
шаеиъ колѣно и раздирая рѣло, преры-
ваетъ жилы. Падетъ Ирой на колѣна,
возклоняется на руку сильную, и ношъ
шемная покрываетъ очи его. И тако
воистинну погибъ бы въ той часъ царь
Еней, ежели бы не познала дочь Юпи-
терова Афродита, родившая его отъ
Анхиса, когда онъ паслъ стада. Ибо
вскорѣ представъ любезному своему сы-
ну, простерла окрестъ его сладчайшія
свои объятія, и оградила чистѣйшимъ
покровомъ въ защищеніе отъ стрѣлъ, да
не кто отъ Данайскихъ всадниковъ при-
шекъ вонзитъ въ перси мечъ и извлечетъ
душу; и шако изнесла возлюбленнаго
своего сына отъ брани. Капанеевъ же
сынъ Сѣенелъ не забылъ повелѣній дан-
ныхъ отъ Діомида; но возсягнувъ браз-
ды удержалъ печеніе коней своихъ, и
постановя во ошдаленномъ отъ сраженія
мѣстѣ, устремился ко Енеевымъ конямъ,
и ошрѣшивъ ихъ привелъ внутрь полковъ
Ахейскихъ, и шамо ошдалъ любезнѣйше-

му паче всѣхъ совоинственниковъ, и познавшему благоугождаши по сердцу его другу Діипилу, да опшведетъ къ кораблямъ. Самъ же возшедши на свою колесницу, възпріялъ правленіе коней, желая вскорѣ постигнути Діомида; но сей со смертоноснымъ оружіемъ направлялъ тогда бѣгство свое за Афродитою, познавъ богиню сію быти безсильную, ниже изъ числа тѣхъ богинь, которые управляютъ брани мужей; каковыя сущь премудрая Аѣина и градоразрушительница Енія; протекая же великое множество народовъ великодушнаго Тидея сынъ, наконецъ обрѣтаетъ богиню оную, устремляетъ противу ея копье свое, уязвляетъ онымъ безсильную руку, острие скоро проходитъ божественную завѣсу, которую Хариты шкали ей; и раздираетъ поверхность тѣла ея; изшекаетъ безсмертная кровь богини; кровь, какую имѣютъ блаженные боги: ибо они ни хлѣба не ядятъ, ниже вино пѣютъ; безкровныя убо сущь и безсмертныя нарицаются. Афродита болѣзненно воспонавъ повергла на землю сына своего Енея, коего Фивъ Аполлонъ възпріемъ на руки, покрылъ

покрылъ темнымъ облакомъ, да не кто
отъ Данайскихъ всадниковъ пришекъ вон-
зисъ въ перси копѣе и извлечешъ душу.
Діомидъ возвыся гласъ свой вопѣшъ къ
ней: дщерь Юпитерова! изыди отъ бра-
ни и сраженія, или не довольно тебѣ,
что безсильныхъ женъ прельщаеши? И
ежели будеши здѣ обращашися, воистин-
ну мною, что и имя войны, гдѣ либо
слышавъ ужаснешися.

Такъ рекъ: Афродита отходишь со-
крушаема печалію и болѣзнію; быстро-
текущая же Ирида взявъ ее извела отъ
брани опягченную болѣзнями, и прекра-
сное тѣло ея пошенило. Вскорѣ послѣ
сего обрѣтаешъ стремительнаго Арея,
сѣдѣющаго на лѣвой спранѣ воинства;
близъ же его стоящее на воздухъ копѣе
и быстрыхъ коней. Пришедши къ воз-
любленному своему брату, и падши предъ
нимъ на колѣна, молишь со слезами ша-
ко: возлюбленный братъ! изнеси мя от-
сюду; дай мнѣ коней твоихъ, да взыду
на Олимпъ въ селенія безсмертныхъ бо-
говъ: зѣло изнемогаю отъ язвы, копо-
рую содѣлавъ мнѣ мужъ смертный Діо-
мидъ сынъ Тидеевъ; нынѣ же и противо

отца боговъ Юпишера готовъ воздвигну-
ти брань.

Такъ вѣщающей Арей соизволяетъ на-
хотѣніе ея, и божественная Афродита
возходитъ на колесницу, сокрушая лю-
безное свое сердце печалію; съ нею же
купно возшла Ирида и приняла правле-
ніе коней, которые понуждаемы ударе-
ніемъ стремительно подешъли. Вскорѣ
послѣ сего прибывъ на высочайшій Олимпъ
въ селенія боговъ, быспропекущая и вѣ-
шреноногая Ирида удержала бѣгство ко-
ней и отрѣшивъ отъ колесницы, пред-
ложила имъ безсмертную пищу; божест-
венная же Афродита пришедъ къ матери
своей Діонѣ, падешъ къ ней на колѣна.

Сія пріемши дочь свою во объятія,
и поглаждая рукою называетъ по имени,
и вѣщаетъ: возлюбленная дочь! кто
тебѣ отъ небесныхъ жителей сія шоль
дерзновенно сотворилъ, аки явно содѣлав-
шей нѣкое зло?

Радостнопотворная Афродита отвѣтству-
етъ ей тако: Тидеевъ сынъ великодуш-
ный Діомидъ уязвилъ мя; ибо я любез-
нѣйшаго паче всѣхъ сына моего Енея из-
несла отъ брани: нынѣ уже Ахелле не

со Троянами брань шворятъ , но проши-
во безсмертныхъ вооружаются.

Божественная Діона на сіе отвѣща-
етъ тако: о дщерь моя! снеси и претерпи
сія , аще и прискорбно есть ; ибо многіе
изъ боговъ спраждемъ нанесенныя отъ че-
ловѣкъ тяжчайшія огорченія : пострадалъ
Арей , когда его Отъ и сильный Ефіалтъ
сыны Алоэвы связавъ крѣпкими оковами
принадесяшь мѣсяцовъ содержали въ мѣ-
дной темницѣ . Воистинну погибъ бы
тогда кровоненасытныи Арей , ежели бы
прекрасная Аеривія не спасла его , скло-
нивъ прошеніемъ своимъ Ермія , который
шайно похитилъ его изъ темницы оныя
уже изнемогшаго ; ибо тяжчайшія узы
изнуряли тѣло его . Пострадала тако-
же Ира , егда оную крѣпкій сынъ Амфи-
пріоновъ презубною стрѣлою поразилъ
въ десную страну сосцовъ ; тогда неиз-
цѣльная болѣзнь объяла душу ея . По-
страдалъ и самъ Аидъ , когда его той
же мужъ сынъ Юпитеровъ , стоявшаго во
врахахъ между мертвыми , уязвивъ лю-
шою стрѣлою предалъ тяжчайшимъ бо-
лѣзнямъ ; стрѣла вонзилася въ крѣпкое
рамо его , сокрушается мужественное
I 3 сердце,

сердце, и изтаеваютъ крѣпкія силы отъ
 лютоcти болѣзней: но онъ вскорѣ возхо-
 дитъ на высоту Олимпа въ селенія Юпи-
 теровы; гдѣ Пеонъ возливъ масть на яз-
 ву его изцѣлилъ отъ болѣзней; ибо не
 смертнымъ рожденъ былъ Аидъ. Злоче-
 стивый, звѣроподобный, неимѣющій по-
 печенія о людяхъ дѣлахъ, озлобившій
 боговъ своими стрѣлами! противо тебя
 же Тидеева сына воздвигла Аѳинская Пал-
 лада; но безумный Діомидъ не помыш-
 ляетъ и о томъ, что всякъ восстающій
 противо боговъ не долговремененъ есть,
 не знаетъ и того, что чада его не при-
 шекутъ къ колѣнамъ его, и не нарекутъ
 отцемъ; нынѣ убо еще и зѣло крѣпокъ
 есть, но да блюдется, чтобъ не во-
 ссталъ нѣкто крѣпчайшій паче его сра-
 зиться съ нимъ, когда прекрасная дочь
 Адраспова Егіалея, жена храбраго всад-
 ника Діомиды, многое время воздыхая на
 ложѣ своемъ, и желая дѣвическаго мужа
 своего возбудитъ отъ сна домашнихъ
 любителей. Рекши сіе отерла кровь дще-
 ри своей, вскорѣ прекратилися болѣзни
 и изцѣлилася рука ея.

Ира же со Аѣиною взирая на Юпишера помышляють о раздраженіи его, и первая изъ нихъ Аѣина вѣщаетъ къ нему тако: отче Юпишеръ! егда прогнѣваешися на мя за слова, кои нынѣ хочу возглаголаши предъ тобою: Киприда * обольщая едину отъ Ахейскихъ женъ, дабы послѣдовала за Троянами, и поглаждая оную уязвила прекрасную свою руку злашою пряжкою.

Такъ рекла: отецъ же боговъ и челоуковъ на сіе осклабся и возвавъ злашую Афродиту глаголетъ: не тебѣ дщерь моя поручены суть ратныя дѣла, но долгъ швой естъ наблюдаши браки сопрягающихся взаимною любовію, смотрѣніе же брани да будешь во власти Ареса и Аѣинскія Паллады.

Такъ сіи между собою разглагольшвовали; сильный же Діомидъ спремился за Енеемъ, и хощя познавъ, что самъ Аполлонъ своими руками покрываепъ его, но не успрашилъ шоль великаго бога, не-

* Имя сіе творецъ далъ Афродитѣ по острову Кипру, при которомъ и рожденіе свое получила, вышедши изъ жемчужной раковины, зачала бывши отъ морской дѣвы.

премѣнно желая убиши Енея, и совлещи славное оружіе его; трижды послѣ нападалъ на него Діомидъ, и трижды щипъ его ошрѣваемъ былъ Аполлономъ; въ четвертое же устремившуся богоподобному оному ратнику далеко мещущій богъ стрѣлы со гнѣвомъ понося вѣщаетъ: Тидеевъ сынъ! разсуди и уступи, ниже равная богамъ желай мудрствовать; ибо родъ безсмертныхъ боговъ никогда не былъ равенъ роду по землѣ ходящихъ людей.

Тако рекъ: Діомидъ же отступилъ не много вспяшь, убѣгая гнѣва стрѣломещущаго Аполлона, которъ возхитивъ Енея отъ народа пренесъ въ Пергамъ, и положилъ его во своемъ храмѣ; тамо во священномъ олшарѣ божественная Лиша, и красящаяся стрѣлами Артемида имѣли о немъ попеченіе, и ободряли ко славѣ. Аполлонъ же создалъ истуканъ образомъ и оружіемъ подобный Енею: во кругъ котораго Ахейне со Троянами воздвигли брань, другъ друга поражая въ крѣпкіе щипы охраняющіе перси мужей. Тогда Аполлонъ ко сшремительному Арею вѣщаетъ тако: Арей, Арей, язва чело-
вѣческая,

вѣческая, оскверненный кровію градосо-
трясатель! почепо не извлечеши мужа
сего Діоміда, который нынѣ готовѣ во-
сташи и прошиво Юпитера? Ибо во перь-
выхъ Афродиту уязвилѣ въ руку, послѣ
же и прошиво меня вознесся аки богъ
нѣкій.

Тако вѣщая возлежалѣ на Пергамскихъ
высокихъ стѣнахъ. Зловредный же Арей
уподобяся храброму Фракійскому вождю
Акаманту, вшелѣ внутрь Троянскихъ
полковъ, возбудилѣ ихъ, и приблизися ко
Пріамовымъ сынамъ ободряешѣ ихъ тако:
о чада возпитаннаго Юпитеромъ царя
Пріама! доколѣ попустите народу ваше-
му погибати отъ Ахейнъ? или ожидае-
те приближенія ихъ ко вратамъ град-
скимъ? Лежитѣ сынѣ великодушнаго Ан-
хиса, мужѣ крѣпкій Еней, коего почи-
ли равнымъ быши божественному Екто-
ру; но пошщимся храбраго друга изба-
вйши отъ мятежа. Тако вѣщая возбу-
дилѣ всѣхъ сердца къ мужеству.

Въ то время Сарпидонѣ узрѣвъ бже-
ственного Ектора начинаетѣ поносити:
Екторъ! гдѣ мужество, кое прежде имѣлъ
ты? Надѣешися ли спасти градъ твой

безъ народа и помощниковъ единъ по-
 кмо со твоими ближними и братьями,
 коихъ нынѣ я ниже единого видѣши могу,
 но они аки псы округъ льва препещуть;
 мы же пришедшіи къ тебѣ на помощь сра-
 жаемся. Ибо я къ быспротекущему се-
 му Ксанеу пришедъ отъ далечайшія стра-
 ны Ликійскія, гдѣ оставилъ возлюблен-
 ную жену, сына во младенчествѣ, и
 множайшее спяжаніе, ободряю Ликійское
 воинство ко брани, готовъ и самъ со
 всякимъ мужемъ сражаться, хотя и ни-
 чего здѣ не имѣю, чюбъ могли Ахеяне
 похитиши отъ меня въ корысть себѣ;
 ты же споиши, ниже повелѣваеши дру-
 гимъ народамъ бодрствовать, и содѣла-
 ши помощь женамъ. Блюдитесь убо, да
 не когда крѣпкими свяжешся льняными
 узами, и будете въ корысть врагамъ,
 кои вскорѣ опровергнутъ многонаселенный
 сей градъ вашъ. Но тебѣ единому о всѣхъ
 сихъ должно промыслъ имѣти; князей же
 званыхъ побою отъ далечайшихъ странъ,
 да молиши день и ночь; и тако возмо-
 жеша избѣжати злаго поношенія.

Такъ рекъ Сарпидонъ; Екторъ же
 возмущенъ бывъ сими словами, вскорѣ ни-

зходитѣ отѣ колесницы со оружіемъ на землю, и устремляя всюду копіе, протѣкаетъ всего воинства ряды, увѣщая ко брани, и шѣмъ воздвиглѣ ужасное кровопролитіе.

Трояне обратяся отѣ бѣгства ко брани стали сопротивлѣ Ахейнѣ, кои совокупными силами ожидали ихъ безбоязненно. Какъ въпромѣ возносимой соломы лежатъ бѣлые снопы, когда мужи земледѣлашели во священныхъ гумнахъ помощію въпромѣ очищаютъ посланные божесвенною желтообразною Димитрою плоды; тако на Ахейнахъ видѣ содѣлался бѣлѣ отѣ покрывшаго ихъ праха, кошорый воздвигли ноги конскіе до самыя вышоты небесныя. Обратилися возницы, крѣпостѣ рукънося горѣ; стремительный же Арей помощникъ Троянскій всюду преристая изливаетъ тѣму на воинство, и со щачаіемъ исполняетъ повелѣнія, данныя отѣ красящагося златымъ мечемъ Фиды Аполлона, кошорый повелѣлѣ ему ободрити сердца Троянѣ; ибо видѣлѣ и Аѣинскую Палладу, кошорая Данаямъ помощницею была, во всѣ страны претѣкающую. Самъ же Аполлонѣ извелѣ Енея отѣ бо-
же-

жественнаго олшаря, и пославъ въ крѣ-
пость перси сего мужественнаго пасшы-
ря народовъ, постановляешъ посредъ со-
воинственниковъ, кои узрѣвъ его жи-
ва, здрава и прежніе силы имѣющаго,
возрадовалися всѣмъ сердцемъ, но ничего
тогда не испытывали отъ него: ибо не
попускалъ шрудъ, кой воздвигли Апол-
лонъ, челоуѣкоубійца Арей и неусыпно
бодрствующая Ерида. Ахейя же обо-
дряли ко брани два Еанта, Одиссей и
Діомидъ; но воинство сіе и само собою
не боялося ни силъ Троянскихъ, ниже
вопля ихъ; но мужественно и неподви-
жно ожидали нападенія ихъ подобны обла-
камъ, коихъ Юпитеръ во время пишины
постановляешъ на высотъ горъ, когда
Вореева и иныхъ свирѣлыхъ въпровъ до-
хновеніемъ своимъ наносящихъ темные об-
лака, смягчается сила.

Агамемнонъ вшедъ внутрь множе-
ства увѣщевалъ воиновъ тако: о други!
мужайшесь и возпріимите сердце крѣп-
кое; ободряйте другъ друга во свирѣпой
сей брани: ибо дерзновенные мужи здра-
вы паче пребывающъ, нежели живощъ
губящъ; за бѣгущими же ниже слава,
ниже

ниже крѣпость послѣдуютъ. Реклъ и абіе
вергнулъ копіе, и поразилъ храбраго во-
инственника, великодушнаго Енеева дру-
га Дікоонта сына Пергасова, коего Тро-
яне равно почитали какъ и Пріамовыхъ
сыновъ: ибо во брани между перьвыми
всегда обрѣтался; сего Агамемнонъ пора-
зилъ въ щитъ, который не могъ воз-
препятствовать копію: ибо остріе его
прошедъ сквозь щитъ и поясъ вонзило-
ся во чрево; паденіе со звукомъ и возгремѣ-
ло оружіе на немъ.

Тогда паки Еней убиваетъ избран-
нѣйшихъ отъ Данайскаго воинства Діо-
клеевыхъ сыновъ Криѳона и Орсилоха,
коихъ отецъ обиталъ во многонаселен-
ной Фирѣ, имѣя многое стяжаніе; родъ
же его происходитъ отъ рѣки Алфея,
текущія во странѣ Пилійской; ибо отъ
Алфея рожденъ царь многихъ мужей Орси-
лохъ, Орсилохъ же родилъ великодушнаго
Діоклея, отъ Діоклея же рождены близ-
нецы: Криѳонъ и Орсилохъ, юноши изку-
сившіися во всѣхъ ратныхъ дѣлахъ. Сіи
пришедъ въ совершенный возрастъ, по-
слѣдовали купно на корабляхъ со Арги-
вянами во изобилующую множествомъ ко-
ней

ней Трою, воздавая честь Агамемнону и Менелая, и тамо печеніе живоша ихъ совершилося. Аки два льва воспитанные матерію на вершинахъ горъ, въ непроходимыхъ лѣсахъ, похищая воловъ и тучныхъ овецъ, опустошаютъ челоѵческія стояла, доколы и сами отъ остраго оружія падутъ подъ руками мужей: тако сіи Енеевою крѣпостію усмирены пали подобно высокимъ соснамъ.

Храбрый Менелай возмущая душею о паденіи юношей, идетъ чрезъ первыя ряды, вооруженъ сіяюще броней сопярая копіе; сердце же его возбуждалъ Арей, желая, дабы убіенъ былъ отъ рукъ Енеевыхъ.

Аншилохъ сынъ храбраго всадника Пилійскаго Нестора узрѣвъ Менелая, послѣдуетъ и самъ за нимъ, бояся, да не посражаетъ зла пастырь народовъ Менелай, и желая отвратить обоихъ оныхъ противоборниковъ шрудъ.

Ибо и руки и острыя копія напрявши единъ прошиво другаго, стояли гошовы сразитися, какъ тѣмъ временемъ Аншилохъ приблизился къ Менелая. Еней хоша и мужественъ былъ ратникъ; но не ожидалъ

далъ двухъ мужей стоящихъ совокупно. И тако Менелай и Анпилохъ возхитивъ убиенныхъ, отвлекли къ народу Ахейскому, и отдали сихъ несчастныхъ въ руки своихъ совоинственниковъ; сами же обратилися паки на брань.

Тогда Менелай убилъ князя мужественныхъ щитоносцовъ Пафлагонянъ подобнаго Арю Пилемenea, поразивъ его спящаго въ рамо копьемъ. Анпилохъ же повергъ Мидона возницу и слугу Пилемeneева, егда обращалъ коней своихъ вспять, поразивъ его камнемъ посреди лактя; падущъ изъ рукъ его на землю бразды украшенные слоновыми костями. Анпилохъ пришекъ разитъ его въ скранія мечемъ: Мидонъ возстонавъ тяжестно, падетъ стремглавъ отъ прекрасныя колесницы на землю плечами и хребтомъ, и долго стоишь неподвиженъ: ибо глубина песка препяшествовала ему пасти, доколь кони обращая колесницу повергли его на землю. Анпилохъ возхитивъ оныхъ коней, ошвелъ ко Ахейскимъ полкамъ.

Екторъ познавъ Менелая и Анпилоха во Троянскихъ полкахъ, шечетъ на
нихъ

нихъ съ воплемъ; за нимъ же послѣдовали и прочіе многіе полки, коими предводительствовали Арей и страшная Еніона носящая лютый мясежъ брани. Арей обращая въ рукахъ великое копіе свое, ово предшествовалъ Екшору, ово послѣдовалъ за нимъ.

Мужественный Діомидъ узрѣвъ божественнаго Екшора ужаснулся сердцемъ: аки мужъ буй претекши великое поле, останавливается при быстроспекущей рѣкѣ впадающей въ море; зря же приближающуюся пѣну отбѣгаетъ вспяшь: Тако Діомидъ направилъ шюпы свои ко Ахейскимъ полкамъ, и шамо рекъ къ народу: о любезные совоинственники! достойно вси мы удивляемся крѣпости и силамъ дерзновеннаго ратоборца божественнаго Екшора; воистинну единъ отъ боговъ всегда присутствуетъ съ нимъ и отворачиваетъ смерть отъ него, какъ и нынѣ во образъ человѣческомъ оный Арей предстоитъ ему помощникомъ; вы убо обратившись ко Троянамъ всегда отступайте вспяшь, и не держайте ратовати прошиво боговъ.

Тако

Тако рекль; Трояне же збѣло скоро
 приблизились; тогда Ексоръ убилъ двухъ
 искусныхъ во брани мужей бывшихъ на
 единой колесницѣ: Менсеея и Анхіала.
 О паденіи же ихъ жалѣя Еантъ сынъ
 Телемановъ, и пришекъ ко Троянамъ вер-
 гнуль сіяющее копѣе, и поразилъ Амфія
 сына Селагова, кой обиталъ въ Песѣ,
 имѣя збѣло многое стяжаніе и богатство;
 но судьбою приведенъ на помощь ко Прі-
 аму и сынамъ его пораженъ былъ отъ
 Еанта въ поясѣ, и остріе великаго копія
 вонзилось во чрево; падетъ со звукомъ.
 Еантъ желая получить въ корысть бро-
 ню его, вскорѣ припеклъ къ нему; но
 въ то же время Трояне пустили на не-
 го свои острые стрѣлы и щипъ Еантовъ
 великое множество оныхъ воспріималъ:
 онъ же обративъ хребетъ свой прибли-
 жился къ мершвому и извлекъ мѣдное
 копѣе свое отъ шрупа, иныя же брони
 отъ раменъ его совлещи не возмоглъ; за-
 не возпященъ былъ множествомъ стрѣлъ.
 Видя же великое нападеніе сильныхъ Тро-
 янъ, и многихъ устремляющихся проти-
 во его съ копіями убоялся; и хощя крѣ-
 постію силъ и мужественнымъ дерзнове-
 ніемъ

нѣмъ превозходилъ. всѣхъ, но прогнанъ
былъ и принужденъ отступити вспянь.

Такъ сѣи шрудились во крѣпкой брани!

Тогда паки рокъ свирѣпый воздвиза-
етъ мужественнаго и крѣпкаго ратника
Тлиполема сына Иракліева сопротивъ бо-
жественнаго Сарпидона. Сошедшия же
единъ противъ другаго внукъ собираю-
щаго облаки Юпитера Тлиполемъ вѣ-
щаетъ къ сыну его тако: благій совѣт-
никъ Ликійскій Сарпидонъ! кая нужда
привлекла тя сѣмо страшитися, ежели
не искусился въ ратныхъ сихъ дѣлахъ?
Не праведно рекутъ быти тя изчадіе
Юпитера Егіоха: ибо много различествую-
щи отъ шѣхъ мужей, кои во древнихъ
временахъ рождены суть отъ отца бо-
говъ. Но какую быти повѣдають силу
Иракліеву? Онъ былъ ошедръ мой, дерз-
новеніе имѣлъ мужественное и сердце
львово. Онъ нѣкогда приходилъ во стра-
ну сію ради Лаомедонтовыхъ коней, имѣя
почію шесть кораблей и малое число му-
жей; разорилъ градъ сей и опустошилъ
пути; твое же сердце есть злое; ибо
погибають народы; и не уповаю, чшобъ
ты пришедъ отъ Ликии, былъ помощію

Тро-

Троянамъ , каковую бы шы ни спяжалъ
крѣпость силъ: но мною убіенъ бывъ сн-
деши во врапа адовы.

На сіе Ликійскій вождь Сарпидонъ во-
преки отвѣщаетъ ему шако: Тлиполемъ!
воистинну ошецъ швой изпроверглъ свя-
щенную Трою , по безумію знаменишаго
мужа Лаомедонша , кошорый за благодѣ-
лнѣя его озлоблялъ поносными словами, ни-
же ошдалъ коней , ради коихъ изъ дале-
чайшѣя страны пришелъ; тебѣ же я возвѣ-
щаю , нынѣ приближающуюся ошъ руки
моея горькую смерть: симъ копѣемъ по-
раженъ бывъ содѣлаеши мнѣ славу; ду-
шу же швою низрину ко хвалящемуся
знаменистыми коньми Плушону.

Тако рекъ Сарпидонъ; Тлиполемъ же
возносилъ буковое копѣе свое: и вскорѣ
ошъ рукъ обоихъ мужей полетѣли вели-
кія копѣя; Сарпидонъ поражаетъ Тлипо-
лема посредѣ выи , и болѣзненное остріе
проходитъ на другую страну; ночь же
темная покрываетъ очи его. Тлиполемъ
же копѣемъ своимъ поражаетъ Сарпидона
въ лѣвое бедро , и остріе желѣза мгно-
венно раздираетъ шѣло его и вонзается
въ кость; ошецъ же ошврашилъ смерть

К 2

ошъ

отъ него. Вскорѣ божественнаго Сарпидона храбрые совоинственники износятъ отъ брани, и великое копѣе влекущееся за нимъ ошягчаетъ члены его; изторгнувши же оное отъ бедра ни единый не проразумѣлъ, доколѣ съ поспѣшеніемъ пришли на мѣсто; ибо шаковый трудъ имѣли износивши его. Со другой же страши мужественные Ахеяне износили отъ брани Тлиполема.

Имѣющій мужественное сердце божественный Одиссей проразумѣвъ о семъ, возмущился любезною душею и послѣ помышлялъ во умѣ и сердцѣ: прежде ли устремитися за сыномъ страшногременаго Діа, или на мѣстѣ отбѣяши души многихъ Ликіянъ? Но великодушному Одиссею не опредѣлилъ рокъ убиши остримъ копѣемъ крѣпкаго Юпитерова сына. Божественная же Аѣина обратила сердце его ко множеству Ликіянъ: тогда онъ убиваетъ Кирана, Аластора, Хромія, Алкандра, Алія, Ноимона и Припанія, убилъ бы и еще множайшихъ божественный Одиссей, аще бы вскорѣ не позналъ красящійся великолѣпнымъ шлемомъ сильный Екторъ. Идетъ чрезъ пер-

вые

вые ряды вооруженъ блестящею мѣдію
страхъ нанося Данаямъ.

Сынъ же Юпитеровъ Сарпидонъ узрѣвъ
его приближающагося возрадовался, и со
слезами рекъ къ нему: о сынъ великаго
Пріама! не остави мя лежати въ ко-
рысь Данаямъ, но помоги, да скончаю
жизнь во градъ вашемъ; ибо не возвра-
щуся въ домъ мой въ любезную опече-
сшвенную землю, ниже возрадуется о
мнѣ возлюбленная жена моя съ малѣй-
шимъ сыномъ.

Тако рекъ: Екторъ же не ошибая
ему ни единого слова, съ поспѣшеніемъ
шечетъ, желая скоро отгнаши Аргивянъ
и многихъ души изторгнуши. Божествен-
наго Сарпидона посадили мужественные
совоинственники подъ прекраснымъ шопо-
левымъ Юпитера Егіоха древомъ, гдѣ
храбрый Пелагонъ любезный другъ Сар-
пидона, извлекъ отъ бедра его кленовое
копѣе; вскорѣ Юпитерова сына оставля-
етъ душа и тѣла изливается на очи
его, но паки воспріемлетъ дыханіе, и
сила Вореева оживотворила сѣснениый
духъ его.

Аргивяне узрѣвъ сильного браноносца
 Ектора и съ нимъ совокупно страшна-
 го Арея, ниже обращалися къ кораблямъ,
 ниже воздвизалися на брань; но всегда
 опшѣвали вспяшь, когда познали, что
 со Троянами обращается Арей. Въ то
 время сынъ Пріамовъ и непреодолимый
 Арей поражаютъ храброго Теверанша,
 сильного всадника Ореста, крѣпкаго Ето-
 лійскаго воинственника Триха, мужествен-
 наго Иномая, Инопова сына Елена, и кра-
 сящагося великолѣпною Мишрою * Оресвія,
 который обиталъ въ Илѣ, окруженъ Ки-
 фиссовымъ озеромъ, собирая великое бо-
 гатство; близъ же его и инные обита-
 ли Вюшіане, имѣющіи зѣло богатый на-
 родъ.

Божественная Ира проразумѣвъ тако
 погибающихъ Аргивянъ на жестокой бра-
 ни, абѣ скорые слова вѣщаетъ ко Аѳи-
 нѣ: о непреодолима дщерь Юпитера Егѣ-
 оха! воистинну щещное слово общали
 мы Менелаю, что по разореніи крѣпка-
 го

* Симв именемъ означаетъ шапка на подо-
 біе Турецкой чалмы; творецъ же описыва-
 етъ ее изпещренною, изъ чего должно за-
 ключать, что обивки ея были разноцвѣтныя.

го града Трои возвратится въ домъ, еже-
ли тако свирѣпшоваши вредоноснаго
Арея оставимъ; пощимся убо и мы ша-
кожде възпріяти стремленіе силъ.

Тако рекла и повинулася ей прему-
драя Аѣина. Дщерь же великаго Крона,
первенствующая богиня Ира съ поспѣшені-
емъ приугошвила коней со злшыми браз-
дами; Ива скоро возлагаетъ на желѣзную
ось мѣдныя колеса, имѣющіе осьмь лучей,
коихъ окружіе злшое и неслѣнное,
поверхъ его ободъ мѣдный; чудное
зрѣніе! влагалище оси оковано всюду сре-
бромъ, сѣдалище колесницы разпростер-
то на злшыхъ и серебряныхъ ремняхъ,
по странамъ сѣдалища два кольца *, ды-
шло оныя колесницы серебряное; при кон-
цѣ же его яремъ злшый сооруженъ омъ
усменъ широкихъ злшыхъ.

Ира жаждущая распри и вопля при-
водитъ быспротекущихъ коней подъ иго.
Дщерь же Юпитерова Аѣина возлагаетъ
на плечи тончайшую изпещренную ризу
отца своего ея руками содѣланную, и
оставляетъ оную влещися по полу, и

К 4

облек-

* Сіи кольца были употребляемы для привязыва-
нія вожжей, когда будуще кони остановлены.

облекшися въ хитонъ погоняющаго обла-
ки Юпитера вооружается ко плачевной
брани, на раменахъ укрѣпляетъ щитъ,
окружаемый опъсюду страхомъ; тамо
вражда, тамо крѣпость, тамо смертное го-
неніе, тамо Горгонская ужасная глава стра-
шное чудовище, страшное знаменіе Юпите-
ра Егіоха; на главѣ успроетъ златый съ
четырью острыми столпцами шлемъ, могу-
щій вмѣстити воиновъ собранныхъ отъ спа-
градовъ; возходитъ на колесницу, и прі-
емлетъ копье великое, крѣпкое и дебелое,
коимъ сильныхъ ироевъ ряды сокрушаетъ,
когда гнѣвается рожденная отъ сильного
отца; Ира же ударяя коней, понудила
ихъ къ скорѣйшему шеченію. Сами от-
верзаются врага небесныя хранимыя Ора-
ми, коимъ повѣрено есть высочайшее про-
странство небесъ, дабы навести или
прогнати темныя облаки.

Симъ путемъ протекая погоняли ко-
ней; обрѣвши же Кронова сына, сѣдя-
щаго въ непостижимой высотѣ Олимпа,
отлученна отъ прочихъ боговъ, Ира воз-
пявши бѣгство коней, высочайшаго Кро-
нова сына Юпитера вопрошаетъ вѣщая
ему тако: отче Юпитеръ! доколь тер-
пиши

пиши зловердые дѣла сѣи Ареєвы? Ка-
ковый и коликій отъ него погубленъ
есть народъ Ахейскій, безумно ниже по
достоянію; я болѣзную, красящуюся же
серебрянымъ лукомъ Аполлонъ, и радо-
стотворная Афродита веселятся наущая
сего безумца, который ни единыя исти-
ны не позналъ. Отче Юпитеръ! еда
прогнѣваеши на мя, аще тягостною
поразишь Арея раною, изгоню его отъ
брани?

Погоняющій облаки Юпитеръ на сѣ
отвѣщая рекъ ей: иди и возбуди сопро-
тивъ его браноносицу Аѣну, которая
всегда щитится оскорбляти его люшыми
болѣзнями.

Такъ рекъ и повинулася ему злапо-
престольная Ира. Понужденные же отъ
нея кони текутъ между землею и звѣз-
доблистающимъ небомъ со всякою охо-
тою. Коликое разстояніе воздуха измѣ-
ряетъ человекъ очами сѣдящъ въ пеще-
рѣ, егда взираетъ на море, толико пу-
ти единымъ прескаканіемъ прелешаютъ
божественные высокогремящіе кони. Но
когда уже достигли Трои и быстрое-
кущихъ рѣкъ, гдѣ Симоеишь и Скамандръ

соединяють свои воды; тогда красящаяся бѣлѣйшими нѣдрами Ира воздержавъ коней и опрѣшивъ отъ колесницы, оградила ихъ шемнымъ облакомъ, гдѣ Симонъ произрасталъ имъ Амвросію на пищу. Сами отходятъ спупаніемъ подобны голубицамъ спрашливымъ, поспѣшая на помощь ко Аргивскому воинству; но когда пришли, гдѣ многіе и избраннѣйшіе стояли собранные окрестъ сильнаго всадника Діомиды, подобны лвамъ сыродцамъ или дивимъ вепрямъ, тогда ставъ божественная Ира, и возпріавъ образъ храбраго Сшеншора (имѣющаго гласъ подобенъ мѣди, и которъй толь сильно вопіалъ единъ, колико иные пятьдесятъ мужей) вопіетъ: спыдъ вамъ и поношеніе, о Аргивяне доброзачнїи! доколѣ божественный Ахиллъ обращался во брани, Трояне никогда отъ врагъ Дарданскихъ не изходили; ибо боялися его крѣпкаго коня; нынѣ же далече отъ града близъ вашихъ кораблей ратують.

Тако рекла и возбудила каждаго сердце и силы.

Премудрая же Аѣина отходитъ къ Тидеєву сыну Діомиду и обрѣщаетъ бож-

жестваеннаго царя сего пребывающаго
 близъ коней и колесницъ, прохлаждающа-
 го язву, которую содѣлала спрѣла хра-
 браго Пандара: ибо изнемогалъ онъ по-
 та лющагося подъ широкимъ ремнемъ
 круглаго щита, ослабѣвала и рука
 его отъ раны облегчая же ремень, опи-
 ралъ кровь черную. Богиня прикоснувши-
 ся ярму конскому вѣщаетъ: воинствен-
 ную подобнаго родилъ себѣ Тидей сына;
 Тидей былъ шломоу малъ, но воинствен-
 никъ, и хотя я ему ратовати не дозво-
 ляла ниже устремлятися къ ярости, ко-
 гда единъ токмо безъ Ахейнъ приходилъ
 вѣспникомъ въ Оивы, но повелѣла ему пир-
 шествовати съ пишиною въ чершогѣхъ
 между многими Кадміанами; но онъ имѣя
 сердце какъ и прежде крѣпкое, взывалъ
 юношей Оивскихъ, и каждого побѣждалъ
 безъ труда; ибо я ему шаковою помощ-
 ницею была. Съ тобою же хотя я и
 всегда присудствую, и сохраняя повелѣ-
 ваю тебѣ со Троянами безспрашно ра-
 товати, но уды твои или многобоязнен-
 ный трудъ объемлетъ, или поноснымъ
 страхомъ одержими сущь. Ошнынъ убо
 недостойнъ ты нарицаиши изчадіемъ
 премудраго сына Инеева.

На

На сіе отвѣщевая храбрый Діомидъ
реклъ: познаю ты богиня дщерь Юпите-
ра Егіѳа; того ради со цѣломудріємъ
вѣщаю тебѣ, и не ушаю ничего: не
страхъ одержитъ мя ниже уныніе, но
еще помню твои повелѣнія, кои ты мнѣ
завѣщала возбраняя раповати съ безмер-
тными богами; но ежели Юпитерова
дщерь Афродита прїдетъ на брань, ра-
зиши ее остріемъ мѣди повелѣвала ты.
Ся убо ради вины отхожу, нынѣ самъ;
повелѣваю же и прочимъ всѣмъ Аргива-
намъ обратися на мѣсто сіе; ибо по-
знаю Арея управляющаго брань.

На сіе божественная Аѳина отвѣща-
етъ ему тако: возлюбленный моему сер-
дцу Діомидъ! не устрашайся Арея онаго,
ниже иного кого отъ безсмертныхъ бо-
говъ; таковая тебѣ помощница я есмь.
Скоро убо пощися возбудити крѣпкихъ
коней твоихъ сопротивъ его, ниже убой-
ся спремительнаго, вѣроломнаго, отъ при-
роды злаго и непостояннаго онаго бога,
который не давно обѣщался предо мною
и Ирою помогати Аргивянамъ, Троянамъ
же противоборствоваши; нынѣ обращаеш-
ся со Троянами, Ахей же забылъ.

Тако

Тако иѣщая низвергаетъ Соевила отъ колесницы на землю, держа его рукою создаи; сей же вскорѣ низшелъ. Сама же богиня съ радостію возходитъ на колесницу къ божественному Діомиду; зѣло возстенала буковая ось подъ тяжестію; ибо несла на себѣ богиню и избранныйшаго мужа. Возпріемлетъ Аѣинская Паллада бичъ и бразды и вскорѣ понуждаетъ быстрыхъ коней сопротивъ Арю, который въ то время убилъ избранныйшаго Ешольскаго князя Охисіева сына, чуднаго Перифанша; сего убилъ кровопивственный Арей. Тогда Аѣина покрываетъ главу свою шлемомъ темнаго ада, да не познана будетъ отъ зловреднаго Арю: человекоубійца же сей богъ когда узрѣлъ божественнаго Діомиды, оставилъ чуднаго онаго Перифанша лежати на мѣстѣ, гдѣ прежде убивъ его изшоргъ душу, устремился прошиво мужественнаго всадника онаго. Сходящимся имъ другъ прошиво друга, когда приближались одинъ ко единому, первый Арей вергнувъ копіе поверхъ коней жаждающаго поубити душу; но премудрая Аѣина возхитивъ рукою копіе его отворачи-

ла

ла отъ колесницы, и повергла щеп-
нымъ на землю. По семъ устремился
громогласный Діомидъ со своимъ мѣднымъ
копѣмъ, кошорое Паллада Аѳинская на-
правила во чрево, гдѣ поясъ лежалъ: въ
се мѣсто постигнувъ копѣе горькое раз-
дираетъ прекрасное шло его; возспеналъ
непобѣдимый Арей; коликій гласъ изхо-
дитъ отъ девяти или десяти тысячъ
мужей воздвизающихся на брань;
шолікій вопль слышанъ былъ кровожад-
душдаго сего бога. Ужасъ обѣмлетъ Ахеянъ
и Троянъ. Какая шма отъ облакъ яв-
ляется на воздухъ, возносимая отъ зной-
наго вѣтра, таковъ Тидееву сыну Діо-
миду явился непреклонный Арей возходя
купно со облаками на пространнѣй-
шій Олимпъ. Вскорѣ убо пришедъ на вы-
сошу Олимпа въ собраніе боговъ, и со-
крушаяся сердцемъ возлегъ близъ Кро-
нова сына Юпитера, да покажетъ предъ
всѣми безсмертную кровь, текущую отъ
раны его, и тогда со плачемъ скорые
слова вѣщаетъ къ нему:

Отче Юпитеръ! доколѣ въ огнь вѣе-
ишися зря нестерпимыхъ дѣла твои? Во-
истинну всегда мы вси безсмертные стра-
ждемъ

ждемъ люшья оскорбленія, воздавая благодареніе смершнымъ. За шебя мы вси рашоборствуемъ; ибо ты родилъ безумную и зловердную дщерь, коея все стараніе шочію о пагубныхъ дѣлахъ; вси боги коликѣ обирающъ на пресвѣтломъ Олимпѣ, шебѣ повинуюшся, и всегда послушны сущъ; сію же ниже словомъ, ниже дѣломъ шщипиши воздержати, но благоволиши ей на все. Или шого ради, что ты самъ родилъ зловердную дщерь сію? которая и нынѣ великодушнаго Тидеева сына Діомида воздвигла рашовати сопротивъ безсмертныхъ боговъ; и во перьвыхъ Афродишу уязвилъ во длань, по шомъ и прошивѣ меня вознесся подобенъ Демону, но скорые ноги мои спасли мя; воиспинну долго бы я шамо спрадалъ болѣзни лежа между множествомъ шруповъ, аще бы я рожденъ былъ подлежащимъ шлѣнію.

Собирающій облаки Юпитеръ возрѣвъ на него свирѣпымъ окомъ рекъ: о лъстецъ злокозненный! не плачь предо мною возлежа; ты ли ненавистнѣйшій паче всѣхъ боговъ обирающихъ на Олимпѣ: ибо шебѣ всегда любезны сущъ распря, брани и

несогласіе: матери твоея Иры иибеши разумъ стропошный и неудобъ терпимый; за что всегда отъ меня поносима естъ укоризнами: того ради мню, что и ты сія спраждеши совѣтами ея. Но не хочу уже зрѣши тебя спраждущаго болѣзни сіи; ибо отъ меня рожденіе твое естъ, и мнѣ мать твоя родила тебя; аще же бы отъ инаго кого изъ боговъ рожденъ былъ шоль злымъ, давно бы уже былъ ниже Титановъ.

Такъ рекъ и повелѣлъ Пеону врачевати его. Пеонъ возливъ масти могущіе смягчити болѣзнь, изцѣлилъ его; ибо не смертнымъ рожденъ былъ Арей. Аки млеко отъ смоковняго сока огушѣваетъ; ибо вѣло скоро возмущается отъ дѣлашеля, тако Пеонъ вскорѣ прекратилъ болѣзни стремительнаго Арей. Ива умывъ его облекла во свѣтлыя одежды; онъ же возлегъ близъ Юпитера возносяся славою. Аргивская Ира и сильная Аѣина возвращающія въ домъ великаго Юпитера, егда усмирили пагубнаго Арей отъ убійства мужей.

ОМИРОВОЙ ИЛІАДЫ

ПѢСНИ ШЕСТОЙ

содержаніе.

Браня происходитъ безъ присудствія и помощи боговъ; Греки многихъ убиваютъ Троянъ. Екаторъ по совѣту Елена идетъ во градъ и проситъ мать свою Ехаву идти во храмъ и совершить моленіе Палладѣ со обѣщаніемъ принести дванадесять воловъ на жертву, да отарашитъ Діомидъ отъ браней. Главъ и Діомидъ вполнѣ согласіе отцовъ своихъ вступаютъ и сами въ дружество; для лучшаго же увѣренія перемѣняются взаимно оружіемъ. Екаторъ пришедъ въ домъ Паридовъ разглаголаствуетъ со Еленою; по томъ обрѣвши жену свою Андромеху, прощается съ нею, и выходитъ съ братомъ своимъ на браня.

ПѢСНЬ VI.

З И Т А.

Уже Трояне и Ахейне ратоборствуютъ едины безъ помощи боговъ: во всѣхъ мѣстахъ пространнаго поля браня ненасытно свирѣпствуетъ, взаимно устремляюся

ляются мѣдныя копія посредѣ потоковъ Симоенша и Ксанѳа. Огражденіе Ахейское Еантъ сынъ Теламоновъ первый прерываетъ Троянскіе ряды, нося свѣтъ своимъ совоинственникамъ и вскорѣ убиваетъ избранныйшаго и сильнаго Фракійскаго вождя Евсорова сына Акаманша, поразивъ его посредѣ шлема украшеннаго конскими власами: остріе мѣдное вонзается въ чело и проходитъ внутрь кости; шма покрываетъ очи его.

Діомидъ убиваетъ Тевѳранова сына Аксила, обитавшаго во Арисѣ и имѣвшаго многое спяжаніе. Сей великимъ былъ человѣческимъ благодѣтелемъ; ибо обитая при пуши всѣхъ мимоходящихъ угощалъ во своемъ домѣ, но никто тогда не помогъ ему, ниже отвратилъ горчайшія смерти; равенъ былъ жребій и слугъ его Калезію, кошорый тогда былъ возницею; обое низходятъ въ землю. Евріалъ убиваетъ Дриса и Офелтія; послѣ сего идетъ на близнецовъ Есипа и Пидаса сыновъ Вуколіоновыхъ, коихъ имѣлъ отъ Нимфы Наяды-Аварварен; Вуколіонъ же былъ спаршій сынъ знаменишаго Ламедонша, но рожденіе его не извѣстно:
бывъ

бывъ же пастухомъ совокупилъ съ нею
 на паствѣ дружествомъ купно и ложемъ;
 сія очреватъ, родила двоихъ сыновъ,
 коихъ силу и крѣпкіе члены сокрушилъ
 Евріалъ сынъ Микисіевъ и броню отъ
 раменъ ихъ совлекалъ себѣ въ корыстѣ.
 Храбрый рашникъ Полипишъ убиваетъ
 Астіала, Одиссей пронзаетъ копіемъ Пер-
 косія сына Пидеева; Тевкръ поражаетъ
 божественнаго Аретаона, Антилохъ сынъ
 Несторовъ сокрушаетъ блистающимъ ко-
 піемъ Авлира, царь мужей Агамемнонъ
 повергаетъ Елата обивавшаго въ Пи-
 дасъ при берегахъ пространно текущаго рѣки
 Сашіюенша. Ліишъ убиваетъ Филака,
 Еврипилъ Меланѳіа; мужесивенный Менелай
 уловляетъ живаго Адриста; ибо
 кони его успрашася отъ великаго смя-
 тенія, егда шекли съ яростію, сокру-
 шили ось у колесницы о древо стоявшее
 на полѣ; всадника же своего спрем-
 главъ низвергли на земаю и сами успре-
 милися ко граду, куда и инные пораже-
 ны ужасомъ шекли; въ то время Менелай
 приближился къ нему, держа великое ко-
 піе; но Адристъ обѣмъ колыни его мо-
 лилъ тако: о храбрый сынъ великаго
 Атрея!

Апреля! живаго меня возьми, и воспріими по желанію швоему достойную цѣну извупленія моего; ибо многое спяжаніе богашества хранишся въ дому отца моего: мѣдь, здашо и чистое желѣзо; отъ сихъ сокровищъ отецъ мой воздастъ тебѣ незначешные дары, аще услышишь мя живаго пребывающаго на корабляхъ Ахейскихъ: тако вѣщая преклонилъ сердце на персяхъ Менелая, который егда поведаѣваетъ слугѣ своему ошвести его на корабль, Агамемнонъ пришеклъ со гнѣвомъ вопіетъ: о малодушный Менелай! почшо печешися о людяхъ сихъ? Воисшинну великая благая отъ Троянъ содѣлана сушь въ домъ швоемъ; да не избѣжитъ убо ни единъ отъ нихъ горчайшія смерти и нашихъ рукъ, ниже шой, моего машеръ носишь во ушробѣ своей; но купно вси да изшребятся со градомъ сымъ и погибнутъ неоплаканы.

Тако рекъ и преклонилъ сердце брата своего, совѣтуя ему истициная: тогда Менелай отринулъ рукою отъ себя Адришта; Агамемнонъ же прободаетъ во чрево копіемъ, и повергаетъ вспашъ на землю, но шомъ спавъ на персяхъ его изшоргаетъ копіе свое. Не-

Несторъ въ то время возвыся гласъ увѣщевалъ Аргивянъ тако вопія: о любезные совоиншвенники мужественные слуги Ареевы! да не жаждешъ нынѣ ни-кшо корыстей, дабы изъ оныхъ опнесши къ кораблямъ; но всякъ да шщися уби-ни мужа; послѣ же когда будете спо-койни, похищайте вся благая со шру-повъ сихъ лежащихъ на полѣ.

Тако вѣщая возбудилъ во всѣхъ крѣ-пость и мужество.

Тогда паки Трояне сокрылися бы во градъ отъ храбрыхъ Ахейнъ, усмирены будучи безсилемъ, аще бы Еленъ сынъ Пріамовъ искуснѣйшій Троянскій прорицатель не предсхалъ Енею и Екшору, вѣ-щая имъ тако: о Екшоръ и шны Еней! Троянъ и Ликіянъ шрудъ паче всѣхъ на-васъ единыхъ возлежишъ; ибо во всякомъ стремленіи какъ во брани, тако и въ со-вѣсахъ избраннѣйшими почитаетесь отъ всѣхъ: спаниште убо во врашхъ оныхъ, и възпяшите народъ вашъ; ибо похваль-нѣе есть во всякомъ мѣстѣ бѣгущимъ па-сти, нежели въ рукахъ женъ, и быши въ посмѣяніе врагамъ. Егда же обрати-те ихъ вспяшь, мы будемъ рашовати

прошиву Данаевъ неопшупно, хоня и силы наши оскудѣваюшъ; но нужда шого пребуешъ: ты же Екторъ иди во градъ и возглаголи тамо машери нашей, да возметъ драгоцѣннѣйшую и ей паче всѣхъ любезнѣйшую въ дому ея ризу, и да соберетъ всѣхъ благородныхъ женъ, и възидетъ на верхъ спѣнъ градскихъ и тамо ошверзши двери священнаго храма божественна Паллады и вшедши въ него, да положишъ ризу оную предъ ногъ божества; по семъ да сотворитъ общаніе принести въ жерству ей дванадесять юницъ неукрошенныхъ, аще спасешъ градъ нашъ и помилуетъ женъ Троянскихъ и чадъ ихъ, аще отъ священна Трои отвяршитъ лютаго воинственника, сильный ужасъ наносящаго Тидея сына Діомиды, коего мно быши крѣпчайшаго паче всѣхъ Ахейнъ: ибо ниже Ахилла князя мужей когда шако боялся мы, котораго повѣдаюшъ рожденнымъ быти отъ богини; во Діомидъ зѣло свирѣпствуешъ, и никшо ему не можетъ крѣпостию силъ сравнишися.

— Тако рекъ: Екторъ же повинуется брату съ радостію; абіе мещетъ съ колесницы

лесницы на землю со оружіемъ, и возно-
ся копіе, съ поспѣшностію протекаетъ
всюду воинство свое, ободряя всѣхъ къ
мужеству и вскорѣ воздвизаетъ жесто-
кую брань: Трояне обратились отъ бѣг-
ства, и сшали спрошивъ Ахейнъ, кои
отступивъ вспяшь пресшали отъ убій-
ства; ибо мѣли нѣкого отъ безсмерт-
ныхъ низшедшаго съ небесъ на помощь
ко Троянамъ.

Ексоръ возвыся гласъ увѣщевалъ Тро-
яиъ тако: храбрые Трояне и вы любез-
ные совоинственники пришедшіи на по-
мощь! мужайшесь други мои, не забудь-
те ваша бодрственныя храбрости, до-
колѣ взыду во градъ сотвориши завѣща-
ніе старѣйшинамъ градскимъ и женамъ
нашимъ, да моляшъ безсмертныхъ боговъ,
и да принесутъ спочисленную жертву.

Тако вѣщая отходитъ красящійся
шлемомъ Ексоръ; по выи же его и по
ногамъ ударялася черная кожа окружіе
щипа.

Тѣмъ временемъ Главкъ сынъ Иппо-
лоховъ и Діомидъ изходяшъ на средину
обоихъ воинствъ сразишися; сошедшимся
же имъ Діомидъ первый вопрошаетъ Глав-

ка шако: кто ты прехрабрѣйшій изъ
смертныхъ! повѣждь мнѣ имя швое; ибо
доселѣ я шебя никогда не видѣлъ на слав-
ной брани, нынѣ же паче всѣхъ вознесся
дерзновеніемъ твоимъ; когда къ сему вели-
кому копю приближился ты. Но несчаст-
ныхъ отцовъ чада идущъ во срѣщеніе крѣ-
пости моей: еще же ты отъ безсмерт-
ныхъ кто низходиши съ небесъ, съ бо-
гами сражатися никогда не буду: ибо
и Дріантовъ сынъ Ликургъ, который со-
прошивъ боговъ возставалъ, не долго
жилъ: сей нѣкогда во священномъ Нис-
сѣ гонилъ Діонисовыхъ питашельницъ,
кои вси біемы будучи отъ него повер-
гли жезлы свои на землю: самъ Діонисъ
устрашенъ бывъ низходитъ во глубину
морскую, и тамо шрепещущаго пріемлетъ
на лоно божественная Тетида. Ибо
гнѣвъ мужа вселилъ въ сердце его страхъ
великъ. Всѣ небесные жителі послѣ на
него прогнѣвались; Кроновъ сынъ содѣ-
лалъ его слѣпымъ и не долго жилъ во
томъ; ибо всѣмъ безсмертнымъ былъ не-
навистнѣйшій. Не хочу убо и я восста-
ти противу боговъ. Еще же ты отъ
смертныхъ кто ядущихъ плоды земныя,
при-

приступи ко мнѣ, да скорѣе придеши
ко предѣламъ смерти.

На сіе знаменитый сынъ Ипполлоховъ
отвѣщалъ ему тако: великодушный сынъ
Тидеевъ! почто вопрошаеши о родѣ мо-
емъ? Какое есть рожденіе листвія, та-
кое рожденіе и мужей: ибо листвіе вѣтрѣ
разсыпаетъ по землѣ; другое же лѣсъ
прозябая износишь, и во время весны про-
изростаешь; тако рожденіе мужей: ови
раждаются, ови умирають; но ты есмь
ли желаеши знати и сіе, дабы испыта-
ти испинну о родѣ нашемъ, вѣдай, что
онъ многимъ извѣстенъ есть.

Во отдаленныхъ конепиташельнаго
Арга странахъ есть градъ нарицаемый
Ефира; тамо былъ Сисифъ сынъ Еоловъ,
Сисифъ сквернѣйшій въ человѣческомъ ро-
дѣ; онъ родилъ сына Главка, отъ Глав-
ка же родился знаменитый оный Велле-
рофонъ, коего боги одарили красою
и мужествомъ: но Пришь совѣщая во
своемъ сердцѣ злая, изгналъ его отъ сво-
его народа; ибо сильнѣйшій былъ паче
прочихъ Аргивянъ, но Юпитеръ отдалъ
во власть державъ его. Вожественная Ан-
жія, жена Пришова вождѣла тайною

любовію смѣсишися съ Веллерофонтомъ ,
 но цѣломудренный разумъ его совѣщаю-
 щій благая не могъ къ тому преклони-
 тися; того ради Аншія возноситъ на
 него предъ царемъ Припомъ ложь , въ-
 щая тако: умреша , о Припъ ! аще не
 убіеши Веллерофонта , который желалъ
 насильственнымъ любовію смѣсишися со
 мною. Царь слышавъ о семъ разгорает-
 ся гнѣвомъ , но убити его не хочетъ ,
 и страшится во своемъ сердцѣ ; того
 ради посылаетъ его въ Ликію со зло-
 вреднымъ писаніемъ , да покажетъ оное
 тесноу его , дабы погибнути Веллеро-
 фонту. Но сей отходитъ въ Ликію ,
 подъ препровожденіемъ боговъ. Пришед-
 шаго во страну оную къ быстрошеку-
 щему Ксанѣу , пріемлетъ царь съ до-
 стойною ему честію , чрезъ девять дней
 угощаетъ и закалаетъ девять тельцовъ
 на жертву. Въ десятый же день , егда
 явилася красящаяся багрянными перста-
 ми денница , вопрошаетъ царь , и проситъ
 видѣти писаніе принесенное отъ Припа;
 по прочтеніи пагубнаго писанія повелѣ-
 ваетъ царь изыти ему на сраженіе про-
 шиву Химеры и убити оную. Сія же
 была

была не человѣческое, но божественное
 порожденіе: сопреди левъ, посреди коза,
 создаи драконъ и великою силою горя-
 щаго огня дышала. Веллерофонтъ упо-
 вая на знаменія боговъ убилъ чудовище
 оное. Второе паки раповалъ прошиву
 славныхъ Солимовъ; брань сія, какъ онъ
 самъ повѣстповалъ, была сильнѣйшая изъ
 мужей. Третье убилъ дѣвицъ Амазонокъ;
 возвращающемуся же ему царь приуго-
 товляетъ иные крѣпкіе сѣши: избравъ
 сильнѣйшихъ отъ всея Ликіи мужей, по-
 спановляетъ ихъ въ подсадъ; но ниже
 единъ изъ нихъ возвратился живъ въ домъ
 свой; ибо всѣхъ погубилъ избраниѣйшій
 Веллерофонтъ. Но когда царь позналъ
 быти его божественное изчадіе, удер-
 жалъ его шамо, и отдалъ ему дочь
 свою, раздѣливъ съ нимъ все царское до-
 стоинство. Ликіане же дали плодono-
 снѣйшее отъ всѣхъ поле со древами и
 нивами, да дѣлаетъ въ нихъ. Вскорѣ по-
 слѣ сего премудрый Веллерофонтъ имѣлъ
 отъ жены своея шрехъ чадъ Исандра,
 Ипполоха и Лаодамію. Лаодамія пребывъ
 съ Юпишеромъ, родила божественнаго Сар-
 пидона. Но Веллерофонтъ пришедъ въ
 нена-

ненависть всѣмъ богамъ, пребывалъ единъ на Алійскомъ полѣ, сокрушая свое сердце, и удаляясь содружества людей. Исандра сына его убилъ кровожаждущій Арей на брани прошиву Солимовъ; Лаодамію же убила красящаяся златыми браздами Артемида. Ипполохъ же есть мой ошецъ, который опущая меня во Трою далъ многіе завѣщанія о честномъ житіи, и дабы превзыши щался прочихъ, да не сотворю поношенія роду ошцевъ нашихъ, кои во Ефирѣ и въ Ликіи зело прославлены были. Ошъ сея убо крови имѣю мое произхожденіе!

Тако рекъ: мужественный же Діомидъ возрадовался сердцемъ и водрузивъ копіе свое во многопаственную землю, дружески вѣщаетъ къ пасырю народовъ: воистинну древній ты отеческій мнѣ гость: божественный Иней угощалъ нѣкогда чрезъ двадесять дней во своемъ домѣ храбраго Веллерофонша и другъ друга снабждали взаимно дарами: Иней Веллерофоншу въ даръ далъ златобагряный поясъ, Веллерофоншъ же Инею далъ златую чашу; Инея отходя въ сію страну, оставилъ я въ моемъ домѣ; но Тидея не помню; ибо
оста-

оставилъ мя во младенчествѣ, егда Аргивское воинство погибло на брани въ Фивахъ. Общаю убо и я шебъ дружество мое и угощеніе, егда возвращуся во Аргивскую страну; равнымъ образомъ хочу, да и ты соблюдеши ко мнѣ шожде завѣщаніе, когда прииду въ Ликійскую страну. Нынѣ же на сей брани пощимся убѣгати отъ взаимнаго другъ прощиву друга сраженія; ибо многіе здѣ сущъ Трояне и ихъ знаменитые помощники, коихъ богъ пошлетъ мнѣ на убіеніе, и кого постигнутъ ноги мои; шакже многіе и для себя сущъ Ахеяне, коихъ можеша поражаши. Премѣнимъ убо взаимно между нами оружія наши, да познаюшъ вси, яко мы древніе опцевъ нашихъ други нарицаемся.

Такъ разглагольшвуя низходятъ отъ колесницъ, и во знакъ соблюденія вѣрности емлютъ другъ друга за руки. Въ то время Юлистеръ отъялъ разумъ отъ Главка: ибо премѣнилъ оружіе свое златое, цѣною во сто воловъ, на оружіе діомидово мѣдное, цѣною девять воловъ.

Тѣмъ временемъ Екшоръ приходитъ Скейскими вращами ко спратницъ; окрестъ же

же его печетѣ множество женѣ и дщерей вопрошая о сынахѣ, мужахѣ, братіяхѣ и согражданахѣ; но онѣ повелѣваетѣ имѣ, да сотворятѣ вси безѣ извѣстія моленіе богамѣ. По семѣ приходитѣ въ великолѣпный Пріамовѣ домѣ, коего лѣсшвицы созданы были отѣ камней блискающихѣ: тамо пѣтъдесятѣ чершоговѣ единѣ близѣ единого созданы отѣ камня свѣшлаго; во оныхѣ обитали Пріамовы сыны съ законными женами; на противу сихѣ внутрь дому дванадесѣтъ возвышенныхѣ чершоговѣ единѣ близѣ единого отѣ камня блискающаго для дщерей его съ мужами ихѣ.

Тамо изходитѣ во спрѣшеніе ему крошчайшая машерь его ведя съ собою прекраснѣйшую изѣ дщерей Лаодику; падши же къ нему во обѣстія называетѣ по имени и вѣщаетѣ; почто пришелѣ сѣмо оставя зловредную войну? Или зѣло уже ушѣсняютѣ ненавидимые сыны Ахейскіе ратуя близѣ града; ты же опшуду шечеши; дабы со швердыни града сего воздѣвши руки ко Юпитеру? Но пребуди здѣ мало и принесу сладкое вино, да сотвориши отѣ него жертву

Юпи-

Юпитеру и всѣмъ безсмертнымъ, послабди же и самъ изпѣши ко укрѣпленію силъ твоихъ: ибо вино упружденному мужу зѣло возобновляетъ крѣпость, какъ и ты утрудился защищая гражданъ твоихъ.

Красящійся великолѣпнымъ шлемомъ Екторъ на сіе отвѣщая рекъ: не приноси мнѣ сладостнаго вина почтеннѣйшая мать и не приводи мя въ слабость: ибо забуду о крѣпости и силахъ моихъ; неумовенными же руками спрашуся и жертву воздапи Юпитеру отъ краснаго вина: ибо не лѣтъ есть оскверненному кровію и мертвечиною приносить моленіе зашмѣвающему облаки Кронову сыну. Но ты созвавъ благороднѣйшихъ женъ, да возмешь драгоцѣннѣйшую въ домъ твоемъ, и паче всѣхъ любезнѣйшую тебѣ ризу, вшедши же во храмъ божественныя Паллады со благовоннымъ куреніемъ положи предъ ногами ея и сотвори обѣтъ принести во храмъ ея дванадесять юницъ чистыхъ и неукрошенныхъ, аще спасетъ градъ сей и помилуетъ Троянскихъ женъ и молодыхъ чадъ ихъ, аще лютаго, крѣпкаго и страшнаго врага нашего Діомиды поженетъ

нѣтъ отъ града нашего. Взыди убо днесь
во храмъ ея, я же опихожу къ Париду
воззвати его, аще воззошетъ послуша-
ти мя. О дабы разверзлася земля подъ
нимъ! ибо къ великому Пріама, сыновъ
его и всѣхъ Троянъ вреду воспиталъ его
Юпитеръ; когда бы узрѣлъ его низходя-
ща во адъ, мню, яко предалъ бы заб-
венію всѣ горести души моея.

Такъ рекъ, и абіе отшедши мать
его Екава * созываетъ рабынь, повелѣ-
вая имъ собрати благородныхъ женъ; са-
ма же входитъ во благовонный чертогъ,
гдѣ хранимы были изпещренныя разны-
ми цвѣтами одежды дѣла женъ Сидон-
скихъ, привезенныя отъ града онаго са-
мимъ Александромъ, егда преплывалъ мо-
ре тѣмъ путемъ съ похищенною Еленою.

Вземши же избраннѣйшую отъ всѣхъ
ризу сіяющую аки звѣзды, воспріемлетъ
пусть со всѣми собранными женами; при-
шедшимъ же имъ на верхъ твердыни ко
храму Палладину, абіе ошверзаетъ две-
ри прекрасная Феана, жена Аншинорова,
копо-

(*) Имя сіе то же значить, что въ переве-
денныхъ прежде сего книгахъ Гекуба.

которую учредили жрицею божественныя
Аѳины. Екава же и всѣ жены воздѣвъ
руки наполняютъ храмъ воплемъ; жри-
ца возпріавъ ризу отъ руки Екавы, по-
лагаетъ предъ ногами богини, моля
дщерь Юпитера великаго: почтеннѣйшая
Аѳина! защищеніе града сего! сильное
божество! сокруши копіе Діомидово и со-
твори, да падетъ мертвъ предъ враща-
ми Скейскими, и вскорѣ принесемъ ше-
бѣ въ жертву дванадцатъ юницъ чи-
стыхъ, когда помилуеши градъ сей, Тро-
янскихъ женъ и чадъ ихъ. Тако Ѳеана
молилася, но Паллада Аѳинская не бла-
говолила услышати.

Тѣмъ временемъ божественный Екторъ
пришедъ ко Александру въ домъ, кото-
рый самъ онъ особъ построилъ съ мужа-
ми, каковыя тогда во всей Трои обрѣ-
тались искуснѣйшіе созидатели, кои со-
здали ему домъ, дворъ и чертогъ на
швердынѣ близъ Пріамова дому: тамо
входитъ боголюбезный Екторъ пося съ
собою копіе долгою въ десять лакшей,
котораго мѣдное остріе со златымъ окру-
женъ блистало; обрѣтаетъ Александра
въ чертогъ располагающаго оружіе, очи-

щающаго щитъ, броню и лукъ; Аргивскую же Елену съдающую между рабынями и назначающую имъ исполненіе дѣлъ. Приступивъ же къ нему Екторъ наполненъ, гнѣва вѣщаетъ со укоризною: нещасливый! воистинну поносное негодованіе положилъ ты во швоемъ сердцѣ. Народы ратуя окрестъ града и стѣнъ погибають тебя ради, вопль и брань объемлютъ градъ сей; ты же точію гнѣваешься, ежели кого узриши бѣгущаго отъ пагубныхъ сея брани; блюди убо, да не вскорѣ сопротивныхъ огонь поястъ градъ сей.

Божественный Александръ на сіе отвѣщаетъ ему тако: Екторъ! укоризны твои изречены мнѣ по долгу твоему и по достоянію моему; вѣщаю убо тебѣ, ты же внуши и послушай мя: не отъ гнѣва ниже по ненавидѣнію ко Троянамъ пребывалъ я въ чертогъ, но желая отвратить печаль; нынѣ же повинуюся совѣтамъ и увѣщаніямъ жены моя изхожу отсель на брань: ибо тако благо зрится предъ нею и предо мною: побѣда же между смертными премѣняетъ свое обращеніе. Но ты пребуди здѣ, доколѣ облекуся

лекуся во броню рашную, или предшес-
твуй; я же послѣдую тебѣ и вскорѣ на-
дѣюсь постигнуть тебя.

Такъ рекъ: Екторъ же на сіе ни
единого слова ему не отвѣщивалъ.
По семъ Елена ко Ектору вѣщаетъ со
слезами: о дражайшій мой! о я без-
студная и горестная въ женахъ! коль
крашъ было бы полезнѣе мнѣ въ день
шой, когда меня родила мать, погиб-
нути: или бурного вѣтра вихрь возни-
шилъ бы мя на гору, или въ волногре-
мящія морскія воды и тамо погрузилъ
бы мя, доколѣ сія меня ради не содѣ-
лалися? Но когда уже боги сія тако
опредѣлили, хошу быши женою лучша-
го мужа, коему бы не свѣдомы были по-
ношенія и укоризны человѣческія; сей же
мужъ ниже нынѣ крѣпкаго есть разума,
ниже будетъ когда: мню убо вскорѣ по-
стигнуть его наказанію; но ты благоволи
нынѣ вниши и возлещи на семъ сѣдали-
щи, да почѣши мало: ибо мысли твои
несказаннымъ трудомъ обѣяты суть ме-
ня ради безстудныя и ради Александра,
комъ Юпитеръ послалъ лютый жребій,
да въ потомшвенные времена будемъ воз-

поминаеми съ посмѣяніемъ. Екпоръ на сіе ошвѣщаетъ ей тако: возлюбленная Елена! не принуждай мя возлещи; ибо не могу повинутися щвоему совѣшу: сердце мое уже спремится на помощь Троянамъ, кои съ великимъ желаніемъ ожидаютъ меня отсудствующаго; но ты понуди мужа твоего, да поспѣшишь постигнути меня еще внутрь града; я же отхожу въ домъ мой, да узрю домашнихъ, любезную жену и сына; ибо не вѣмъ, возвращуся ли паки къ нимъ, или боги смирятъ меня подъ руками Ахейвъ?

Рекъ ей, и абіе отходитъ; пришедши же во благообитаемые свои чертоги не обрѣлъ тамо прекрасныхъ Андромахи; ибо она съ сыномъ и рабынею стояла на стражницѣ плача и воздыхая; когда же не узрѣлъ благія своя жены, ставъ при прагѣ вопрошаетъ рабынь: истинну повѣдьте мнѣ рабыни, камо изшла отъ чертоговъ прекрасная Андромаха, къ мужамъ ли сестръ моихъ, или къ женамъ братьевъ моихъ, или во храмъ Паллады, гдѣ и прочіе Троянскіе красящіяся власами жены приносятъ моленія жестокосердой богинѣ.

На сіе едина вѣрная отъ рабынь вѣщаетъ ему тако: Екторъ! когда всю истинну повелѣлъ ты изрещи, внуши: ниже въ домъ ближайшихъ твоихъ, ниже во храмъ Паллады изшла Андромаха, но на высокую спражницу града: ибо когда она услышала, что воинство Троянское зѣло приѣсняется; крѣпость же силъ Ахейскихъ паче умножается, съ крайнимъ поспѣшеніемъ и аки лишенная ума възпріяла пушь на швердыню и съ некупно пишательница несешъ своего сына.

Тако рекла рабыня. Екторъ слыша сія ошходитъ тѣмъ же пушемъ чрезъ благонаселенные спогны; проходя же великій градъ, когда приблизился ко вратамъ Скейскимъ (ибо отсюду должно было изходиши ему на поле), тогда идешъ во срѣшеніе великоименная жена Андромаха, дочь мужественнаго Іестіона, который обиталъ въ Фивскомъ Ипплакѣ царствуя надъ Киликійскими мужами, сего дочь была женою храброго Ектора. Сія изшла ему во срѣшеніе и съ нею рабыня держащая на лонѣ младенца возлюбленнаго сына его подобнаго блистающей звѣздѣ, коего ошещь

нарекль Скамандріємъ; народъ же Астіа-
накомъ: ибо всему граду единъ Екторъ
крѣпкое защищеніе былъ. Отецъ воз-
зрѣвъ на сына ослабилъ въ тайнѣ;
Андромаха же приближася и падши на
выю мужа со слезами ему вѣщаешъ: воз-
любленный мой! погубить тя крѣпость
швоя, ты же не жалѣши ниже о мла-
денцѣ семъ, ниже о мнѣ несчастной иму-
щей вскорѣ быти твоею вдовицею? Ибо
Ахеяне совокупными силами содѣлавъ
прошиво тебя единого спремительное
нападеніе, вскорѣ убійтъ тебя. Мнѣ же
оставленной полезнѣе было бы низыти
въ землю: ибо не будетъ мнѣ иного
утѣщенія, когда тебя смерть похититъ,
но печаль снѣсть мя; не имѣю я ни оца,
ни матери; отецъ бо мой Ге-
тійонъ повелитель Киликійскій при ра-
зореніи преславнаго града Тивъ убить
Ахилломъ, который сохраняя преданную
святость не совлекъ съ него оружія, но
со всею броней передалъ тѣло его огню,
и создалъ надъ нимъ могилу; вокругъ
же ея Нимфы Орестіады дщери Юпи-
теровы, насадили древа сънолиственные:
равнымъ образомъ и братія мои, коихъ
имѣла

имѣла седмъ, при паствѣ безчисленныхъ
стадъ въ единъ день пали мершвые: ибо
всѣхъ ихъ убилъ храбрый божественный
Ахиллъ; машерь же мою царицу Фивскую
взялъ во плѣнь со многими сокровищами,
привелъ съмо, и вскорѣ содѣлалъ сво-
бодною, принявъ неизчетные дары цѣну
изкупленія: спрѣломещущая же Артеми-
да убила ее въ домѣ отца моего. Но
ты Екшоръ мнѣ отецъ, машерь, братъ
и дражайшій мужъ! сотвори убо милость,
пребуди здѣ на спражницѣ, не содѣлай
сына твоего сирымъ и меня вдовицею:
повели воинству твоему стати на раз-
пути ономъ, гдѣ стѣны града сего къ
набѣгамъ непріятельскимъ удобнѣйшее да-
ютъ отверстіе: ибо трижды симъ пу-
темъ покушались на градъ прехрабрые
мужи: обое Еанты, Идомей, Агамем-
нонъ, Менелай, и Діомидъ; прорицашель
ли какій возвѣстилъ имъ о томъ мѣстѣ,
или сердце поощряло ихъ шуда.

Екшоръ на сіе отвѣщая рекъ ей:
воистинну и я о всемъ томъ великое
имѣю попеченіе; но зѣло стыжуся Тро-
янъ и женъ ихъ, да не возмнятъ о мнѣ,
что страхомъ и уныніемъ одержимъ убѣ-

гаю отъ брани, ниже сердце возможетъ
 мнѣ сіе совѣщати: ибо изъ млада навывклъ
 быши неустрашимымъ, и первымъ все-
 гда между Троянами ратовати, стяже-
 вая отцу моему и мнѣ великую славу.
 Знаю совершенно, предразумѣваетъ же и
 сердце мое, что будетъ день, въ кото-
 рый погибнешъ священная Троя, Пріамъ
 и весь народъ его, но ниже о Екавъ ни-
 же о Пріамъ, ниже о братьяхъ моихъ,
 отъ коихъ многіе уже и крѣпкіе скон-
 чали жизнь подъ руками непріятельски-
 ми, не сибдается мое сердце печалію то-
 лико, коликo о тебѣ, когда слезящую
 поведутъ тебя Ахеяне въ плѣнъ, лишая
 на вѣкъ дней свободныхъ, и когда во Аргив-
 ской странѣ въ чуждемъ домѣ будешь
 прости леи и носиши воду отъ исто-
 чниковъ Мессиды и Иперіи, аще и не хо-
 тящая; ибо будетъ належаши нужда
 зѣльная; и тогда видящій проливающую
 слезы возглаголютъ: се жена храбра-
 го онаго Троянскаго ратоборца Екшора;
 тако нѣкогда рекутъ, и тогда болѣзнь
 пѣвою паки возобновиши, поминая лише-
 ніе толкаго мужа, который бы могъ
 тебѣ изкупити отъ работы; но да со-
 троешь

кроетъ мя мертвѣго земля во свои нѣдра прежде, неже услышати мѣ пльнѣи и стѣнавіе швое.

Сіа рекъ приближается къ сыну, желая възпріяти его на руки; но онъ възрѣвъ на своего отца и видя на немъ блистающую отъсюду мѣдную броню и на шлемъ спрашно колеблющіеся конскіе власы, съ воплемъ отъ страха сокрылъ лице свое въ нѣдрахъ питательницы. Отецъ и мать зря сіе возсмѣялися: вскорѣ убо Екшоръ отрѣшивъ отъ главы своей шлемъ положилъ его на землю, и пришедъ къ сыну облобызалъ его многократно; възпріавъ же на руки простиралъ моленіе ко Юпитеру и прочимъ богамъ тако: о Юпитеръ, и вы вси небесные жители! пошлите сему сыну моему славу, каковою и я прославленъ былъ во всѣхъ концахъ Троянскаго обладавія, даждьте царствовать ему надъ Троею со крѣпостію силъ, какою и я отъ васъ одаренъ былъ, да рекушъ нѣкогда: се сынъ достойнѣйшій паче отца! да не возвратишя щѣтъ отъ брани; но да принесетъ съ собою корысти облагренныя кровію врага убишаго рукою его,

и о семѣ да возвеселится сердцемъ матеръ его.

Такъ рекъ отдалъ сына возлюбленной женѣ своей: сія же пріемши во благовонное свое лоно, смѣшала слезы со радостію. Екторъ зря сіе возмущился духомъ и объявъ Андромачу вѣщаетъ: возлюбленная! не сокрушай сердца твоего меня ради; ибо не снидетъ человекъ во адъ, доколѣ рокъ его не пошлетъ: всякъ же получившій рожденіе злый или благій, никако же возмощетъ избѣжати смерти: но ты возвратися въ домъ твой и исполняй дѣла, упражняйся во тканіи и пряденіи, понуждая и рабынь къ повелѣннымъ трудамъ ихъ; о брани же попеченіе остави имѣти мужамъ паче же всѣхъ мнѣ.

Сія рекъ возлагаетъ шлемъ на главу и абіе отходитъ; Андромача же возвращаяся въ домъ проливаетъ изсточники слезъ; пришедъ же во свои чертоги подвигла всѣхъ рабынь къ рыданію и сътованію, кои оплакивали Ектора еще жива суща; ибо не надѣялися паки возвратитися ему отъ брани спашемуся отъ сильныхъ рукъ Ахейскихъ. Тѣмъ време-

временемъ Паридъ оставя свои чертоги
 облеченъ во блестящую броню съ по-
 спѣшеніемъ идетъ по граду уповая на
 скоросшь ногъ своихъ. Аки конь многое
 время питающійся пшеницею заключенъ
 стоишь при ясляхъ, наконецъ прервавъ
 узы устремляешь бѣгство свое на поле;
 обыкши же умывашися во пространной
 рѣкѣ, радуется и возноситъ главу; вла-
 сы же гривы его возмечаются округъ
 выи; по шомъ паки надѣясь на крѣпосшь,
 удобно обращаетъ колѣна тещи пупъ
 свой ко стояламъ и паствѣ коней: шако
 Пріамовъ сынъ съ веселіемъ изходитъ отъ
 града сіяющій во оружіи аки солнце, и
 скорые ноги несли его съ легкостію;
 обрѣвши же брата своего Ектора на мѣ-
 стѣ, гдѣ ямьль онъ разглагольствіе со-
 женою своею и приближася къ нему вѣща-
 етъ: возлюбленный братъ! воистинну
 медлѣніемъ моимъ удержалъ я твое по-
 спѣшеніе, ниже пришелъ такъ скоро, какъ
 ты мнѣ повелѣлъ. Екторъ на сіе отвѣ-
 щаетъ тако: мужественный братъ! кто
 отъ человекъ бывъ истиненъ къ тебѣ
 возможетъ уничтожиши ты, когда воз-
 зришь на храбросшь твою? Почто убо
 явля-

являеши нехотѣніе твое ко брани и бѣ-
жиши отъ нея волею? мое же сердце воз-
мущается печалію, когда слышу о тебѣ
поношенія отъ Троянѣ страждущихъ те-
бя ради величайшія злоключенія. Но
идемъ днесъ совокупно, сія же усмири-
ти оставимъ будущимъ временамъ, когда
Юпитеръ благоволишь намъ по изгнаніи
отсюду враговъ устроиши чашу веселія
въ честь безсмертнымъ небеснымъ жише-
лямъ.

ОМИРОВОЙ ИЛІАДЫ

ПѢСНИ СЕДЬМОЙ

содержаніе.

Екторъ по Еленску совѣту вызываетъ лучшихъ отъ Ахей-
нъ на поединокъ. Десять избранныхъ Ахей-
скихъ мужей мещутъ жребій, которому изыти
противъ Ектора; жребій падаетъ на Еанта. Со-
шедшихся ихъ и мужественно сражающихся на-
водятъ подъ вечеръ провозвѣстники. Въ слѣдую-
щій день съ обѣихъ странъ трупы убитыхъ по-
гребаютъ. Ахейне создаютъ свѣну близъ кораб-
лей, за что Посидонъ прогнѣвался и Юлипперъ
въ ночное время показываетъ имъ знаменія буду-
щихъ злоключеній.

ПѢСНЬ VII.

И Т А.

Тѣмъ вѣща изходятъ отъ вратъ Ек-
торъ и съ нимъ купно братья Але-
ксандръ, готовы обое всѣмъ сердцемъ ра-
шоваши и брань шворити. Аки благопо-
спѣшный вѣстръ чающимъ его мореплава-
телямъ

шеламъ посылается отъ бога, когда утрудятся и изнемогутъ силы ихъ греблею преплавая море; тако они ожидающимъ ихъ возвращенія Троянамъ явились.

Первый Александръ убилъ обитавшаго въ Арнѣ Менесѳа, коего Ариѳъ родилъ отъ прекраснаго Филомедусы; Екшоръ же Иѳноя поразилъ подъ крѣпкій шлемъ въ выю; Главкъ сынъ Ипполоховъ вождь Ликійскихъ мужей убилъ Иѳиноя сына Дексіева поразивъ его въ рамо копіемъ, когда возходилъ на колесницу, и повергъ на землю, сокрушивъ крѣпость членовъ его.

Тако погибающихъ Аргивянъ на брани, когда проразумѣла божественная Аѳина съ поспѣшеніемъ низходитъ отъ высоты Олимпа во священную Трою; узрѣвъ же ее отъ Пергама Аполлонъ спремится во срѣщеніе и абіе вѣщаетъ: дщерь великаго Юпитера! что тако злобствуя низходиши отъ Олимпа, имѣя сердце наполнено великія ярости? или желаеши Данаямъ подати побѣду; ибо о погибели Троянъ ниже мало милосердствуеши; но когда послушаеши меня полезнѣе будетъ; разшоргнемъ днесь ужасную

свою брань сію, послѣ же паки воздвигнемъ, доколѣ конецъ прїидетъ Трои; ибо шако благоугодно явилось безсмертнымъ вашимъ сердцамъ опровергнути градъ сей.

На сіе божественная Аѳина вѣщаетъ ему шако: Аполлонъ! да будетъ шако: ибо я сама о томъ же помышляя низхожу отъ Олимпа ко Ахеянамъ и Троянамъ. Твори убо какъ благо зрится предъ тобою и усмири брань мужей.

Паки сынъ Юпитеровъ царь Аполлонъ рекъ къ ней; воздвигнемъ крѣпость силъ воинственнаго онаго преборника Ектора, да воззоветъ отъ Ахеянъ сразится единому со единымъ въ крѣпкой сей брани, шакоже и браноносные Ахеяне удивятся сему, да возбудятъ единого отъ своихъ радовать съ божественнымъ Екторомъ.

Тако рекъ и повинулася хотѣнію его божественная Аѳина. Возлюбленный сынъ Пріамовъ Еленъ проразумѣвъ совѣщны благоугодныя безсмертнымъ богамъ идетъ ко Ектору; приблизився же вѣщаетъ ему шако: о сынъ Пріамовъ! подобящійся совѣщаніи твоими Юпитеру Екторъ! повинися моимъ глаголамъ; ибо я братъ ше-
бѣ

бѣ: повели возлещи всѣмъ Троянамъ и Ахейнамъ, самъ же воззови избраннѣйшаго отъ Ахейнъ, да единъ со единымъ шобою сразится въ крѣпкой сей брани; ибо не приблизился еще предѣлъ живоша швого, ниже умреша. Тако слышалъ я гласъ безсмертныхъ боговъ.

Божественный Екшоръ слышавъ сія возрадовался всѣмъ сердцемъ; взявши же копѣе идетъ внутрь полковъ Троянскихъ и возпящаетъ ихъ отъ брани; прешають всѣ: такожде и Агамемнонъ повелѣлъ возлещи всѣмъ Ахейнамъ. Премудрая же Аѣина и красящійся серебрянымъ лукомъ Аполлонъ утѣшаяся мужами, сбли совокупно подобяся пшцамъ горлицамъ сидящимъ на высокомъ кленовомъ деревѣ посвященномъ отцу боговъ Юпитеру Егіоху. По семъ Екшоръ ко обоимъ воинствамъ начинаетъ тако: мужественные Трояне и сильные Ахейне! внушите глаголамъ, кои сердце во внутренности моей повелѣваетъ днесь открыти предъ вами: обитающій въ небесной высотѣ Кроновъ сынъ Юпитеръ не совершилъ клятвоу нашего завѣщанія, но злое совѣщевая во своемъ сердцѣ, воздвизаетъ пагубу

губу ко обоимъ странамъ, доколѣ или
 вы укрѣпленную стражницами Трою плѣ-
 ните, или мы вашихъ сокрушимъ крѣ-
 постъ силъ при мореходныхъ корабляхъ.
 Кого имѣете во всемъ вашемъ Ахейскомъ
 воинствѣ избраннѣйшаго, да будетъ угод-
 но тому нынѣ сразиться единому со
 единымъ мною, и да взыдетъ отъ всѣхъ
 на мѣсто сіе противоборствоваши божес-
 твенному Ектору. Тако глаголю; Юпи-
 теръ же между нами въ семъ дѣлѣ да бу-
 дешъ свидѣтелемъ: когда я убіенъ буду
 остріемъ простертаго оружія его, да со-
 влечетъ оружіе мое и отнесетъ къ бы-
 строшекущимъ Ахейскимъ кораблямъ; тѣ-
 ло же мое да отдастъ обратно въ домъ
 мой, дабы Трояне и жены Троянскіе
 мертваго мя предали огню. Аще же я
 убью его и Аполлонъ пошлетъ мнѣ славу
 свою, совлеку оружіе его, принесу во
 священную Трою и повѣшу оное во хра-
 мѣ спрѣломещущаго Аполлона; тѣло же
 его возвращу ко крѣпкимъ Ахейскимъ ко-
 раблямъ; да погребутъ его краснѣе
 власами Ахейне и да созиждутъ гроб-
 ницу ему во прострѣнномъ Еллесπονѣ.
 Пошомстѣнныхъ же временъ люди пре-

плавая Черное море во многосѣдалищныхъ
корабляхъ нѣкогда рекутъ: сей есть гробъ
мужа древле умершаго, кошорый муже-
ственно рашуя сопротивъ пресловутаго
Ектора убитъ былъ отъ него. Тако нѣ-
когда возглаголютъ; слава же моя во
вѣки не погибнетъ.

Такъ рекъ; Ахеяне ничего ему не
отвѣщая пребывали всѣ во глубокомъ мол-
чаніи: ибо стыдились отпринути желаніе
его, боялися же и възпріаши.

Наконецъ Менелай восставъ отъ мѣ-
ста, и въ болѣзненныхъ въздыханіяхъ
творя поношеніе вѣщаетъ: о Ахеяне! вы
опшныи уже не мужи, но малодушные
жены. Воистинну злѣйшая будетъ сра-
мота и укоризна, ежели ни единъ отъ
Данаевъ нынѣ не изыдетъ сопротивъ бо-
жественнаго Ектора. Да будете убо
вси вы огонь и вода пребывая несмыслен-
ни купно и безчестни. Вооружуся убо
нынѣ самъ; предѣлы же побѣдъ сущъ отъ
безсмертныхъ боговъ.

Такъ рекъ облекся во броню крѣп-
кую. Тогда, о Менелай! явился бы ко-
нецъ живота твоего отъ рукъ Екторо-
выхъ (ибо много паче крѣпчайшій тебя
былъ)

былѣ), ежели бы не Ахейскіе цари во-
ставѣ удержали тебя. Самѣ простран-
но владѣющій Апреевъ сынѣ царь Ага-
мемнонѣ възпріавѣ десную руку его въ-
щаеѣ рѣчь возглашая тако: безумству-
еши о възпишанный Юпишеромѣ Менелай!
не лѣѣ еѣ безумствію сему подверга-
тися! воздержи себя хоѣя и прискорбно
еѣ, ниже желей брагися со Пріамовымѣ
сыномѣ Екшоромѣ, мужемѣ сильнѣйшимѣ
паче шебя, коего спраѣаѣся и инные;
самѣ Ахиллѣ, кошорый крѣпчайшій ше-
бя еѣ, ужаѣаѣся во знаменитой бра-
ни сей изыѣти ему во срѣпеніе. Пребуди
убо сѣдя во множествѣ друговѣ; проѣиво-
борника же ему Ахеяне изберутѣ инаго;
и хоѣя онѣ не уѣрашимѣ еѣ и не
преклоненѣ во брани, но мнѣю, что до-
бровольно преклонитѣ колѣна, когда из-
бѣжитѣ отѣ крѣпкія рати сея и отѣ ли-
ца сопротивныхѣ.

Тако вѣщаѣя преклонилѣ ирой сей мы-
сли брата своего, совѣѣѣѣѣ ему правед-
но, и Менелай повинулѣся ему; по ѣомѣ
вѣрные раби совлекли отѣ раменѣ бро-
ню его.

Неспорѣ воспавѣ между Аргивянами
вѣщаетъ: увы! воистинну великій плачь
поснигаетъ землю Аргивскую; воистин-
ну зѣло възрыдаетъ престарѣлый всад-
никъ благій Мирмидонскій совѣтникъ и
провозвѣстникъ Пилей, который нѣкогда
во своемъ домѣ вопрошая и испытуя ме-
ня о всѣхъ Аргивскихъ ошцахъ и сынахъ
неизреченно радовался; нынѣ же еще
всѣхъ ихъ услышишѣ спрашающихся Ек-
тора, не единожды простретѣ възлюб-
ленные свои руки ко безсмертнымъ, да
свидетѣ душа его отъ тѣла въ домъ
ада. О отче Юпитерѣ, Аѳина и Апол-
лонѣ! естли бы я былъ шако младѣ
нынѣ, какъ когда при волногремящей рѣ-
кѣ собранные Пиліане и вооруженные ко-
нѣями Аркадіане ратовали близъ Фій-
скихъ сѣнѣ окрестѣ потоковъ Іардано-
выхъ. Тамо отъ сопротивныя страны
первый стоялъ божественный мужъ Ере-
оаліонѣ на плечахъ имѣя оружіе Ариеоа
царя, божественнаго Ариеоа, коего му-
жи и красящіяся опоясаніемъ жены на-
рекли палиценосцемъ: ибо не лукомъ,
ниже копіемъ, но желѣзною палицею со-
крушалъ ряды мужей. Ликургѣ же убилъ
его

его не силою, но коварствомъ, гдѣ же-
лѣзная палица не могла възпяшиши смерть
его: ибо Ликургъ предваривъ его въ шѣ-
сномъ пуши проболъ чрево его копѣемъ
и падетъ вспяшь на землю; совлекая
оружіе его данное отъ непобѣдимаго Ареса
и оное послѣ самъ носилъ во время бра-
ни. Когда же Ликургъ состарѣлся, опи-
далъ любезному рабу своему Евреваліо-
ну, который имѣя оружіе оное взывалъ
всѣхъ избраннѣйшихъ сразитися съ собою,
но вси трепетали и боялися его, ниже
могли противишися; но сердце мое из-
кусившееся во многихъ напастехъ впері-
ло мнѣ дерзновеніе; и хотя я былъ то-
гда младшій всѣхъ, но сражался съ нимъ
и Аѳина послала мнѣ славу; убилъ мно-
го крѣпчайшаго Исполина; лежалъ раз-
простертъ скуду и скуду. О дабы я ны-
нѣ тако былъ младъ и крѣпокъ, вскорѣ
узрѣлъ бы Екторъ идущаго мя во сра-
женіе ему; изъ васъ же всѣхъ Ахейнъ,
коликѣ обрящется избраннѣйшихъ, не дер-
заетъ никшо изыти сопротивъ Ектора.

Тако укорялъ сшарецъ: сѣи же вси
девяшь восшали; и во первыхъ подвиглся
царь мужей Агамемнонъ, по немъ хра-
брый

брый Тидеевъ сынъ Діомидъ, послѣ сего мужественные рашники Еаншы, по нихъ Идомей со своимъ совоинственникомъ подобнымъ мужеубійцѣ Арею Миріономъ, по шомъ пресловущый Евемоновъ сынъ Еврипилъ, Андроменовъ сынъ Фоантъ и божественный Одиссей: всѣ сіи желали сражашися съ богоподобнымъ Екторомъ.

Почтенный же всадникъ Несторъ пакы вѣщаетъ къ нимъ: да мещете убо нынѣ жребій, и на кого оный падетъ, той сотворитъ помощь храбрымъ Ахеянамъ и самому себѣ, аще спасенъ будетъ во зловредномъ семъ сраженіи и крѣпкой брани.

Такъ рекъ: они же каждый положивъ на своемъ жребіи знакъ ввергнули во шлемъ Агамемноновъ. Народы же воздѣвъ руки къ богамъ молилися и взирая на небо тако вѣщали: ошче Юпитеръ! пошли жребій или на Еанта, или на Діомиду, или на самага царя златомъ изобилующихъ Микинъ.

Такъ рекли. Почтенный же всадникъ Несторъ мѣшаетъ жребій, и вскорѣ излетаетъ отъ шлема жребій, коего сами хощѣли, на Еанта. Провозвѣстникъ же

на-

начавъ опѣ страны десныя носилъ по
всему множеству, и показывалъ всѣмъ
вельможамъ Ахейскимъ, но они не познавъ
отреклись вси. Когда же проходя всюду
множество пришелъ къ самому Еаншу,
который подписавъ жребій положилъ во
шлемъ, приближая же простеръ руку
и возпріемъ его позналъ знаки свои, воз-
радовался сердцемъ; повергнувъ же его
къ ногамъ своимъ на землю рекъ: о дру-
ги! воистинну жребій мой, и самъ я
сердцемъ веселюся: ибо уповаю побѣдiti
знаменистаго Ектора. Но вы, доколѣ
я облекуся во броню рапную, молище-
ся Юпитеру царю въ тайнѣ, да не услы-
шатъ Трояне, но хопя и явно; ибо ни
мало не боимся никого; не хопящаго же
меня никшо силою не возможетъ понуди-
ти; ибо не такимъ невѣждою рожденъ и
возпитанъ я въ Саламинѣ.

Такъ рекъ. Воинство же молилося
Юпитеру царю и нѣки тогда взирая на
небо шако вѣщали: препрославленный,
величайшій царю повелѣвающій отъ Иды
отче Юпитеръ! даждь Еаншу возпріа-
ши славу и побѣду, аще же и Ектора

любиши и печешися о немъ, пошли обоимъ равную крѣпость и силу.

Тако молилися. Еаншъ же облекся во блестящую броню, и когда все оружіе возложилъ на себя, послѣ сего воздвигся. Аки великій Арей идеть на брань мужей, коимъ Юпишеръ даетъ крѣпость снѣдающія сердце вражды; таковъ великій Еаншъ огражденіе Ахейнъ воздвигся ескабляся страшнымъ лицомъ и ударяя въ землю копѣмъ, мещетъ ноги со дерзновеніемъ. Аргивяне взирая на него зѣло радовалися, спрахъ же вселяется во уды всѣхъ Троянъ, самаго Екшора сердце въ персяхъ возтрепешало, но не могъ уже убѣжати ниже укрытися во множествѣ народовъ: ибо самъ онъ взывалъ на сраженіе. Еаншъ приближаяся неслъ предъ собою щитъ аки стражницу града, мѣдный, отъ седми воловыхъ кожъ, вооруженный изящнѣйшимъ усмаремъ Тихіемъ обивавшимъ въ Илѣ, * который

(*) Повтореніе слѣдующее хотя и излишнее (такъ какъ и во многихъ мѣстахъ) но я стараюсь соблюсти порядокъ въ писаніи пѣвца сего, почелъ за нужное слѣдовать ему.

торый сооружилъ ему щитъ многослож-
ный отъ седми кожъ шучныхъ воловъ,
поверхъ же ихъ покрышо мѣдною доскою.

Сей щитънося предъ собою Еантъ
сынъ Теламоновъ, когда приблизился ко
Ектору со угроженіемъ къ нему вѣщаетъ:
Екторъ! нынѣ явно узриши бывъ единъ
противо единого, каковыя во Ахейнахъ
суть ратники и кромѣ Ахилла прерыва-
ющаго строи мужей и имѣющаго сердце
львово; но онъ нынѣ лежишь въ мореход-
ныхъ корабляхъ, гнѣваяся на Агамемнона
пастыря народовъ; изъ насъ же и многіе
суть такіе, кои шебъ во срѣшеніе мо-
жемъ изыти: начинай убо сраженіе и
брань.

Страшно на главѣ шлемъ колеблю-
щій Екторъ вопреки отвѣщаетъ ему та-
ко: сынъ Теламоновъ божественный Еантъ,
князь народовъ! не изкушай мя аки без-
сильнаго отрока, или жену несмыслящу
о ратныхъ дѣлахъ; довольно я изученъ
во брани убивати мужей, знаю управ-
ляти щитомъ въ десницѣ и шуицѣ
тако, что могу неослабно ратовать;
знаю такожде и во близи услаждаться
Ареемъ; знаю и на быспрошекущихъ ко-

нихъ воздвизати брань: нынѣ же въ шакомъ видѣ не хочу разиши себя соглядая въ тайнѣ, но ежели улучу явно.

Рекль и возвысивъ копіе великое мещѣ на Еанша; и поразилъ его во щитъ до мѣдныхъ доски, кошорая была осьмая, остріе копія пронзивъ шесть кожъ, увязло въ седьмой. По семъ божественный Еантъ вергнулъ копіе свое и поразилъ Пріамова сына въ щитъ отъ всюду равенъ; остріе копія прошедъ всю твердость щита хитрымъ художествомъ сооруженнаго, раздираетъ одежду лежащую близъ самага пѣла отъ страны чрева; но онъ уклонился и пѣмъ избѣжалъ горькія смерти. По семъ обое устремивъ копія мещутся другъ на друга подобни лвамъ сыроядцамъ или дивіимъ вепрямъ; Екторъ разишь Еанша посреде щита, но не пронзилъ мѣди; зане копія конецъ согнулся; по томъ Еантъ притекъ ударяетъ Ектора въ щитъ, копіе прободаетъ всю твердость, возпашаетъ стремленію Ектора, остріе касается выи его и изшекаетъ кровь черная; пламенный же Екторъ и тако не престаеши отъ брани, но отступивъ

вспяшь

вспяшь возхитилъ крѣпкою рукою лежа-
вшій на полѣ камень черный и великій,
мещебъ на Еянта и поражаетъ посре-
дѣ щита; возгремѣла на немъ мѣдъ. Послѣ
сего Еянтъ возхитивъ много большій она-
го камень и окружнымъ движеніемъ при-
ведя его къ сильнѣйшему стремитель-
ству вергнувъ на Ектора, сокрушилъ
жерновнымъ камнемъ щитъ и повредилъ
колѣна его; падешъ храбрый Екторъ вспяшь
возклоняся на щитъ; но вскорѣ Аполлонъ
возстаетъ его на ноги. Наконецъ воз-
носятъ другъ на друга мечи, но въ то
время приходятъ провозвѣстники божіи и
человѣческіи, единъ опъ Троянъ; другій же
опъ Ахейнъ, Талейвій и Идей, обоє пре-
мудрые: ставъ же посре-
дѣ обоихъ со ски-
петрами, изкусившійся во премудрыхъ со-
вѣтахъ Троянскій провозвѣстникъ Идей
вѣщаетъ къ нимъ тако: любезные чада!
не сражайтесь болѣе: ибо обоихъ васъ
любитъ собирающій облаки Юпитеръ;
знаемъ и мы вси, что обоє вы ратники:
ношь уже приближается, благо убо есть
и ноши новинушися.

Телемановъ сынъ Еянтъ отвѣщаетъ
ему тако: Идей! Ектору повели сія из-
рещи

реци: ибо самъ онъ взывалъ избраннѣйшихъ отъ насъ ко сраженію, да начнешь убо; я же повинуся съ радостію, ежели и онъ возхощетъ.

Храбрый воинственникъ Екторъ ошвѣщаетъ ему тако: Еантъ! когда богъ далъ тебѣ величество, силу и премудрость, между Ахейцами же счисляешься избраннѣйшимъ; престанемъ нынѣ отъ брани и сраженія, послѣ же паки начнемъ, доколѣ рокъ нашъ разыметъ и дастъ единому побѣду; ночь уже приближается, благо же есть и ночи повинутися; да ты возвеселиши при корабляхъ всѣхъ Ахейнъ, гражданъ и друзей, коихъ имѣеши; я же обрадую Троянъ и женъ Троянскихъ красящихся долгими ризами, кои съ моленіемъ о мнѣ внидутъ въ божественный храмъ; дадимъ же другъ другу взаимно знаменитые дары, да нѣкии отъ Ахейнъ и Троянъ рекутъ тако: воистинну сражались по злобѣ снѣдающей сердца, но паки примирившись разлучились во дружествѣ.

Тако рекъ подаешъ Еанту въ даръ мечъ серебряными гвоздьми изпещренный со вѣагалищемъ и препоясаніемъ; Еантъ

же

же далъ Экшору поясъ багряный. И тако разлучася обое, Еантъ ошходишъ ко Ахейскому воинству; Экшоръ же возвратился ко Троянскимъ полкамъ, кои урѣвъ его здраваго и живаго пришедша и избѣгшаго отъ непобѣдимыхъ рукъ и силъ Еантовыхъ, возрадовалися и привели во градъ, не чая быти ему живому. Со другой же стороны храбрые Ахеяне Еанта привели къ божеслвенному Агамемнону радующагося побѣдою. Пришедшимъ же имъ въ сѣнь царскую царь мужей Агамемнонъ принеслъ въ жершву всеильному Юпитеру пятильшняго вола, коего и приуготовили на пиршество; тогда Агамемнонъ далъ въ даръ Еанту великую часть отъ воловаго хребта. По насыщеніи же всѣхъ перьвый совѣты свои открываетъ Неспоръ, коего и прежде являлися разумѣнія полезными; сей благомудрствующій мужъ начинаетъ къ нимъ тако вѣщая: Агамемнонъ! и вы почтеннѣйшіе мужи! многіе нынѣ суть мертвые отъ храбрыхъ Ахейанъ, коихъ кровь черную свирѣпый Арей изпочилъ при брегахъ красношекушаго Скамандра, души же ихъ низшли во адъ; того ради подо-
баетъ

бастѣ тебѣ заутра сотвориши Ахея-
намъ запрещеніе отъ брани; мы же со-
беремъ шрупы на воловъ и ословъ, и сож-
жемъ оныя не далеко предъ кораблями
нашими, да всякъ принесетъ кости къ
сынамъ ихъ въ домъ, когда паки возвра-
тятся во отечественную землю; на мѣ-
стѣ сожженія сотворимъ отъ земли мо-
гилу всѣмъ общую на полѣ; близъ же
оныя созиждемъ вскорѣ стражницы высо-
кіе въ защищеніе кораблямъ и намъ са-
мимъ и да сотворимъ въ нихъ враша
зѣло укрѣпленные, дабы чрезъ оныя былъ
пушъ всадникамъ; отъ внѣшнія же стра-
ны близъ стѣнъ изкопаемъ ровъ, коего
окужіе будетъ препяшствіемъ конямъ и
народамъ, да не когда гордые Трояне
осягошятъ насъ бранію.

Тако рекъ и похвалили его вси ца-
ри: Трояне же содѣлавъ сомъ великій,
и возмущенныи собралися на швердыню
града ко Пріамову дому и премудрый
Антиноръ вѣщаетъ тако:

Трояне, Дарданяне и пришедшіи на
помощь! послушайте меня, да возвѣщу
вамъ, что сердце въ персяхъ моихъ по-
велѣваетъ: пошщимся Аргивскую Елену
со

со всѣми ея спяжаніями возвратиши Атре-
евымъ сынамъ; нынѣ же мы брань тво-
римъ пресступивъ клятвенныя обѣщанія :
ве надѣюся убо никакой быти намъ поль-
зѣ, когда не сотворимъ сего.

Тако рекъ возлегъ: по семъ воспа-
етъ божественный Александръ, мужъ пре-
красныя Елены, который скорыми сло-
вами отвѣщаетъ ему тако: непріятны
суть сіи мнѣ твои совѣщанія; зналъ ты
и лучшее повѣдати мнѣніе, нежели сіе:
но когда праведно сія вѣщаеши, воисшин-
ну боги отъяли разумъ отъ тебя; по-
вѣдаю убо и я мое мнѣніе Троянскимъ
всадникамъ: явно отрицаюся возврати-
ти жену мою, спяжанія же ея, кои въ
домъ нашъ изъ Арга принеслъ, всѣ хочу
ошдаши присовокупивъ къ нимъ и отъ
собственнаго моего имѣнія.

Тако рекъ возлегъ; по семъ воспа-
етъ богу подобящійся совѣтами Пріамъ,
который благомудрствуя вѣщаетъ къ
нимъ тако:

Трояне, Дарданяне и пришедшіи на
помощь! послушайте глаголовъ, кои сер-
дце мое повелѣваетъ вамъ открыти: иди-
те нынѣ въ воинство и вечеряйте какъ
и

и прежде, не забудьте вашей стражи и
всѣхъ да бодрствуютъ; завтра же Идей
пошлется ко Ахейскимъ кораблямъ, да
Атреевымъ сынамъ Агамемнону и Мене-
лаю возвѣститъ мнѣнїе Александра, ра-
ди коего распря сія воздвигнута есть,
присовокупитъ же и сіе слово разумно,
когда возхомятъ, дабы преставши отъ
страшныхъ брани сея, доколѣ сожжемъ
трупы; послѣ же паки будемъ ратова-
ти, доколѣ разыметъ насъ рокъ и дастъ
однимъ побѣду.

Тако рекъ и повинулися вси ему съ
радоснїю, вечеряли во всемъ простран-
номъ воинствѣ; завтра же Идей воз-
прїалъ путь къ кораблямъ Ахейскимъ:
тамо обрѣтаетъ Данаевъ служителей Арее-
выхъ собранныхъ въ сонмъ при Агамем-
ноновомъ кораблѣ; ставъ же посредѣ ихъ
возопилъ громогласный провозвѣстникъ: ча-
да Атреевы и вы храбрые Ахеяне! Прїамъ
и прочїе Трояне повелѣли мнѣ возвѣсти-
ти предъ вами, ежели будетъ вамъ прї-
ятно, слово отъ Александра виновника
разпри сея: спяжанїя, кои онъ изъ Арга
принесъ на корабляхъ во Трою (о koliko
погибнути долженствовало ему прежде)

хощетъ всѣ возвратити, ко онымъ же присовокупитъ и инныя; но младую жену знаменишаго Менелая отрицается отдать, хотя и совѣтуютъ Трояне; къ сему же повелѣли возвѣстити и сей глаголѣ; ежели возхощете престати отъ брани, доколѣ мертвыхъ сожгутъ; послѣ же паки будемъ ратоваши, доколѣ рокъ насъ разыметъ и дастъ однимъ побѣду.

Такъ рекъ; Ахейцы же пребыли въ молчаніи; наконецъ крѣпкій Діомидъ рекъ къ нимъ: да не возьметъ никто сокровищъ Александровыхъ, ниже самую Елену: ибо явно есть и самимъ младенцамъ, что Троянамъ конецъ приближается.

Такъ рекъ и возопили всѣ сыны Ахейскіе удивляясь мнѣнію храбраго всадника Діомиды. И тогда царь Агамемнонъ къ Идею рекъ: Идеи! мнѣніе Ахейцевъ истинну самъ слышиши, како тебѣ отвѣщающъ, и мнѣ сіе угодно зрится, о соженіи же мертвыхъ ни мало не завидую; ибо нѣсть пощады умершихъ трупамъ; когда уже скончали живыхъ, подобаетъ предати огню; во клятвѣ же да будетъ свидѣтель высокогремящій Юпитеръ мужъ Иры.

Тако рекъ подъялъ скипетръ ко всѣмъ богамъ; Идей же обратился вспять во священную Трою, гдѣ Трояне и Дарда-няне собрани всѣ пребывали въ сонѣ ожи-дая, когда возвратится Идей, который пришедъ и спавъ посредѣ ихъ открылъ возвѣщеніе Ахейнъ. Все съ великимъ по-спѣшеніемъ приуговоряюща: иные те-кутъ возхищшии трупы, иные созда-ютъ срубы.

Солнце же оставивъ глубину Океана, и возшедъ на небо ударило лучами сво-ими на поля; Трояне же вездѣ сѣшались другъ со другомъ; тогда не удобно было познаши каждаго мужа особъ. Омывая во-дою со шруповъ кровавый прахъ, и из-ливая горячіе слезы возлагали на коле-еницы; рыданіе же шворити запрещилъ великій Пріамъ. Они въ молчаніи возла-гали мертвыхъ на срубы сокрушая серд-це печалію; по сожженіи же шруповъ воз-вратились ко граду. Подобнымъ обра-зомъ со другія страны храбрые Ахейне трупы возлагали на срубы, сокрушая сердца свои, и по сожженіи возвращали-ся къ кораблямъ своимъ.

Доколѣ денница не явилася, но уже конецъ ношней темнотѣ приближался, тогда воины, кои назначены были, изшедъ соорудили могилу едину всѣмъ общую и близъ ея создали швердыню съ высокими стражницами въ защищеніе кораблей и ихъ самихъ; тамо сотворили врата зѣло укрѣпленные, кои возмогли бы отверсти путь всадникамъ; отъ внѣшней же страны изкопали ровъ широкій и великій и утвердили его подпорами.

Такъ трудилися храбрые Ахеяне; Боги же возлежа у молніеноснаго Юпитера взирали на сіе великое Ахейнѣ дѣло. Тогда сотрясашель земли Посидонъ начинаетъ вѣщати тако: отче Юпитеръ! кто есть опѣ смертныхъ на безпредѣльной землѣ, который бы безсмертнымъ богамъ положилъ свои совѣты и разумныя? или не зриши, что Ахеяне паки создали швердыню окрестъ кораблей; округъ же ея изкопали и ровъ, не сотворивъ богамъ сточисленные жертвы; воистинну о семъ дѣлѣ ихъ произыдесть слава во всю подсолнечную, предастся же забвѣнію то, что я и Фивъ Аполлонъ вели-

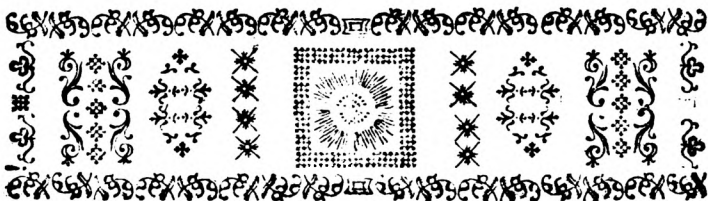
коименитому Лаомедоншу создали градъ подземля великіе пруды.

Погоняяй облаки Юпитеръ зѣло бывъ прогнѣванъ ошвѣщаетъ къ нему: о сильный сопрясатель земли! иный кто отъ боговъ много паче безсильнѣйшій тебя руками и крѣпостію уштрашилъ бы сего мнѣня; швоя же слава потребуетъ вездѣ, колико десница озаряетъ. Но ты, когда Ахеяне обратню ошыдутъ на корабляхъ во отечественную землю, разрушивъ всю оную сѣбну низвергни въ море и пространнѣй оный брегъ покрой паки пескомъ, да великая сія швердыня Ахейская превратится въ ничто.

Такъ сіи между собою разглагольствова-
вали. Солнце сокрыло свой свѣтъ и дѣ-
ло Ахеянъ совершилося. Волонъ въ ку-
щахъ закаляли и воспрѣимали вечерю;
въ то время многіе корабли приспали
несущіе вино отъ Лемна, кои послалъ
Евней сынъ Іасоновъ, рожденный отъ И-
псипилы; Агамемнону же и Менелаю особъ
прислалъ тысящу мѣръ вина. Тамо Ахе-
яне покупали вино иные на мѣдъ, иные
на очищенное желѣзо; иные на кожи,
иные на волонъ, иные на плѣнныхъ и
шѣмъ

тѣмъ приуговлявали изобильную вечерю;
и тако всю ночь проводили въ пирше-
ствѣ; равнымъ образомъ Трояне и ихъ
помощники упражнялися во градѣ. Юпи-
теръ же чрезъ всю ночь совѣщевалъ имъ
пагубу, меща страшные громы; страхъ
поражалъ ихъ, вино отъ чашъ излива-
лося на землю, и ниже единъ моглъ
пити, доколѣ не принесетъ отъ него
въ жертву всесильному сыну Кронову. На-
конецъ почили и сна дарованіе возпрі-
яли.

ОМІРОВОЙ ІЛІАДЫ

ПѢСНИ ОСЬМОЙ

с о д е р ж а н і е.

Юлитеръ запретивъ всѣмъ богамъ, дабы ни которому воинству не дѣлали помощи, низходитъ на гору Иду; и съ начала равная отъ обоихъ сторонъ браня производилъ, по томъ Трояне являються любодителями. Иру и Аяину идущихъ на помощь ко Ахейнамъ Ирида по повелѣнію Юлитерову удерживаетъ. Подъ вечеръ Екторъ позволяетъ воинству своему разложиться обозомъ на полѣ и имѣти чрезъ всю ночь огни.

ПѢСНЬ VIII.

Θ Ι Τ Α.

Красящаяся багряною одеждою денница уже по всей землѣ излилася, когда услаждающійся громомъ Юпитеръ созвалъ боговъ на сонмъ во превыспреннія мѣста

мно-

многочоламнаго Олимпа. Послушающихъ же всѣмъ совокупнѣо богамъ начинаеиъ тако :

Внушите вси боги и вси богини, да возглаголю, что сердце въ персяхъ поведаеиъ мнѣ; да никакая убо жена отъ богини, или мужъ отъ боговъ дерзнетъ опровергнути слово мое, но вси сокупнѣо ушвердине, да вскорѣ совершу дѣла сии: кого я отъ боговъ проразумѣю особъ волею своею опшедшаго на помощь ко Троянамъ или Данаямъ, шой не по приличію уязвленъ возвращиши на Олимпъ, или возхитиши его низвергну въ презнодную тѣмъ зѣло далеко, гдѣ глубочайшая подъ землею естъ бездна, гдѣ желѣзные врагъ и мѣдный полъ, поoliko ниже ада, коoliko земля опстоиши отъ неба; и тогда познаете, коoliko я паче всѣхъ боговъ сильнѣйшій есмь. Но вы боги изпышайте, да узрите вси: повѣсиши златую цепь съ небесъ низвѣсипсея и сами по ней, высочайшаго же совѣтника Юпитера не совлечете на землю отъ небесъ, хотя бы и всѣми тилами шрудилися; но когда и я желаніемъ моиъ возхощу, со всею землею и моремъ могу

повлещи, привязавъ же оную цепь окрестъ
высопы Олимпа, все оное возвышу отъ
мѣстъ своихъ. Толико я превыше всѣхъ
боговъ, и превыше всѣхъ человѣкъ есмь.

Тако рекъ; боги же вси пребыли въ
молчаніи глубокомъ, удивляясь глаголамъ
его: ибо со страшнымъ величествомъ про-
износилъ слова сіи.

На конецъ, премудрая Аѳина начина-
етъ къ нему шако: о отче нашъ, царю
царей Юпитеръ! вси мы совершенно зна-
емъ, что могущество твое непобѣдимо
есть, но мы жалѣемъ о храбрыхъ Дана-
яхъ, кои великую щещу претерпѣвъ
погибаютъ; отъ брани воистинну, какъ
ты намъ повелѣлъ, воздержимся, но пок-
мо полезные совѣщанія будемъ имъ подава-
ти; да не вси погибнутъ прогнѣвавшуся
тебѣ.

Собираяй облаки Юпитеръ вѣщаетъ
къ ней: дерзай возлюбленная дщерь моя
Трипогенія! не хопящимъ сердцемъ рекъ
я оное, къ тебѣ же хочу быти благо-
преклоннымъ.

Тако рекъ и приугодовалъ къ коле-
сницѣ быстросекущихъ коней, мѣдныя
имущихъ ноги и златую гриву возно-
сящихъ;

сящихъ; самъ облакается весь во злато, приемлетъ златый бичъ и возходитъ на колесницу. Со всякою охотою полевѣли кони между небомъ и землею. Пришедъ же на изобилующую изсточниками гору Иду питашельницу звѣрей къ Гаргару, гдѣ храмъ и жертвенникъ благовонный созданы ему были; тамо ошецъ боговъ и челоуковъ воздержавъ коней отрѣшилъ отъ колесницы и оградилъ великимъ облакомъ; самъ же возлегло на вершинѣ горы превознесенъ славою, взирая на Троянскій градъ и на корабли Ахейскіе. Между шѣмъ Ахеяне съ поспѣшеніемъ возпріѣвъ вечерю въ кущахъ, вооружилися. Отъ другія же страны вооружалось во градъ Троянъ малое число: ибо и тако въ готовности были ко брани по неизбѣжимой нуждѣ за чадъ и за женъ; всѣ отверзлись врага, изходятъ воины пѣшіе и всадники. Великое восстаетъ смятеніе.

Соедшимся обоимъ воинствамъ на единомъ мѣсто, воздвизаются копія и силы мужей вооруженныхъ мѣдною броней, соединяются щипы со щипами, великій мятежъ возносится, стонъ умирающихъ и превозношеніе убивающихъ слышатся

совокупно , пошекла земля кровію. До-
кохъ зоря была и возрасталъ священный
день , дотолъ стрѣлы со обоихъ странъ
прелетали къ мужамъ ; падешъ народъ :
тогда же солнце возшло на средину неба ,
тогда Юпитеръ простерлъ властные вѣсы
возложивъ на нихъ два предѣла долговре-
менный сонъ носящія смерти : единъ Тро-
янской , другій же Ахейскій ; вземлетъ
посредъ вѣсовъ , и преклонился смертный
день Ахейнъ , предѣлъ ихъ падешъ на
многопитающей землѣ , Троянскій же воз-
высился къ небесамъ .

Страшно возгремѣлъ Юпитеръ отъ
Иды , метнешъ пламенную молнію въ полъ-
ни Ахейскіе , кои зря сіе ужасались , и
страхъ вселился во всѣхъ сердца . Тогда
ниже Идомей , ниже Агамемнонъ , ниже
обое Еанты слуги Ареевы дерзнули пре-
быши на мѣстѣ ; но единъ Несторъ стражъ
Ахейскій остался принужденно : ибо на-
шемогалъ конь его , котораго Александръ
мужъ прекрасныя Елены уязвилъ стрѣ-
лою поверьхъ чела , гдѣ власы гривы на-
чинаютъ ; съ болѣзнію отскочилъ , но
стрѣла увязла въ мозгъ : падешъ , біешъ
о колеса и приводишъ во смятеніе
про-

прочихъ коней, доколѣ старецъ не поспѣшилъ отрѣзати мечемъ ремни его. Между тѣмъ текутъ чрезъ мятежъ быстрые кони Екторовы,нося дерзновеннаго всадника; и тогда погубилъ бы старецъ животъ свой, когда бы храбрый Діомидъ не узрѣлъ сего и не возопилъ страшно, зывая Одиссея: сынъ Лаертовъ премудрый Одиссей! камо бѣжиши обративъ плещи аки единъ отъ неискусныхъ во брани мужей? Блюдися да не буди бѣгущему тебѣ возишь копіе во древетъ; но возвратися, да защитишь старца отъ мужа страшнаго.

Такъ рекъ, но не услышалъ его многоискусившійся Одиссей; ибо, поспѣшавъ къ кораблямъ Ахейскимъ. Діомидъ же единъ бывъ присовокупился ко прочимъ совоинственникамъ; ставъ же предъ Несторовыми конями скорые слова вѣщаетъ къ нему: о старче! воистинну зѣло уже приѣхаютъ тебя молодые ратники, силы твои оскудѣваютъ, болѣзненная постигаетъ старость, безсиленъ твой слуга и кони ослабѣли; взыди убо на мою колесницу и узриши, съ какою скоростію по пространному полю постигати

и бѣжаши изучены Троянскіе кони, коихъ не давно изпорглъ я отъ рукъ Ене-евыхъ; твоихъ коней да хранятъ наши слуги, сихъ же мы направимъ прошиво всадниковъ Троянскихъ, да узритъ самъ Ексоръ, еда и мое копіе не послушно есть рукамъ моимъ.

Тако рекъ, и повинулся ему почтенный всадникъ Несторъ, коней его хранили слуги Сѣенель и Евримедонъ; Діомидъ же съ Несторомъ возшелъ на колесницу; великолѣпные бразды възпріемлешъ Несторъ, біетъ коней и вскоръ приближающа ко Ектору, на стремящагося же его пустилъ стрѣлу Діомидъ, но вмѣсто Ектора, возницу Иніопея сына Фивеева держащаго бразды коней поразилъ въ перси близъ сосца; падешъ отъ колесницы и кони уstraшенные совращаютъ отъ мѣста; сердце Екшорово сокрушается печалію о другѣ и возницѣ, но оставляетъ его лежаши, ищетъ иного дерзновеннаго возницу, и не долго пребыли кони его безъ правителя; ибо вскоръ обрѣтаетъ храбраго Архепшолема сына Ифитова; возводитъ на колесницу и ошдаетъ ему правленіе коней. Тогда было

ло убійство и чудные дѣла : заключили-
ся бы Трояне во градъ аки овцы при
яслахъ, но отецъ боговъ и мужей вско-
рѣ проразумѣвъ, со страшнымъ громомъ
мещетъ палящую молнію на землю предъ
коньми Діомидовыми, и нестерпимый пла-
мень горящія сѣры воздвигся : устраши-
лися кони подъ колесницею, самъ Не-
сторъ возтрепетавъ сердцемъ, пустилъ
изъ рукъ бразды и къ Діомиду вѣщаетъ :

Тидеевъ сынъ ! потщися направить
быстрыхъ коней твоихъ къ бѣгству ; или
не зриши , что Юпитеръ помощи не да-
етъ намъ ? Нынѣ Кроновъ сынъ посыла-
етъ славу Ектору , послѣ же и намъ ,
когда возхошетъ , пошлетъ ; человекъ же
хотя бы и зѣло силенъ былъ , никако же
возможетъ пропивитися хотѣнію Юпи-
терову : ибо онъ много паче сильнѣйшій
есть .

На сіе храбрый Діомидъ отвѣщаетъ
ему тако : воистинну все сіе возвѣщае-
ши праведно , но болѣзнь сердце и душу
мою снѣдаетъ : ибо Екторъ нѣкогда со
превозношеніемъ возглаголетъ : Тидеевъ
сынъ прогнанъ бывъ мною , сокрылся въ
жорабляхъ . Тако нѣкогда похвалишься ме-
жду

жду Троянами, и тогда да разверзнется земля подо мною.

Почтенный всадникъ Несторъ на сѣ отвѣщалъ ему: увы премудраго Тидея сынъ! какое слово рекъ ты? Хотя Ексоръ и наречетъ тебя безсильнымъ, но не имущъ ему вѣры Трояне и Дарда-ниане, и ихъ жены, коихъ молодые мужи повержены сущъ тобою на песокъ.

Такъ рекъ и обратился коней вспяшь во множество бѣгущихъ. Трояне же и Ексоръ съ великимъ воплемъ пустили множество горькихъ стрѣлъ; Ексоръ же во слѣдъ Діомидѣ возопилъ громкимъ гла-сомъ; Тидеевъ сынъ! паче прочихъ почи-тали тебя Данайскіе всадники первосѣ-далищемъ, мясами и многими чашами вина; нынѣ же прѣмнешь укоризны: ибо подобииши женѣ. Погибни малодушное зрѣлище: ибо, доколѣ живъ есмь, не взы-деши на спражницы наши, ниже отве-деши женѣ на корабляхъ, но прежде смерть прѣмнешь.

Такъ рекъ; Діомидъ же двояко рассу-мдалъ: обратиши ли коней, или сопровивъ ратовати; шрижды помышлялъ во умъ и сердцѣ, и шрижды ошъ горѣ Идейскихъ

возгремѣлъ всесильный Юпитеръ да зна-
меніе Троянамъ, брани премѣняющуюся
побѣду.

Тогда Екторъ громкимъ гласомъ вопіа
увѣщевалъ Троянъ: Трояне; Ликіане и
храбрые Дарданяне! мужайтесь други,
вспомяните о мужественной вашей крѣ-
пости: ибо познаю, что Кроновъ сынъ
посылаетъ мнѣ свое благоволеніе, побѣду
и великую славу, Данаямъ же пагубу.
Несмысленни, кои соорудили твердыню
сѣю слабую и презрѣніа достойную, кото-
рая крѣпости моя не удержитъ, ровъ же,
который изкопали, удобно прескочатъ ко-
ни. Но когда будемъ на корабляхъ Ахей-
скихъ, тогда должно поминати о огнѣ, дабы
зажечь корабли, самихъ же Аргивянъ ужа-
сомъ пораженныхъ отъ дыма, убивати.

Тако рекъ возопидъ къ конямъ: Ксанѣ
и шы Подаргъ, Еѳонъ и шы крѣпкій Дампъ!
нынѣ сотворите воздаяніе за пищу, слад-
кую пшеницу, которую въ великомъ изо-
бидѣи Андромаха дщерь великодушнаго
Іетіона предлагала, и вино, когда сер-
дце новелѣвало, въ пищу мѣшала вамъ
прежде, нежели мнѣ, который нарицаю-
ся младый мужъ ея; напразитесь убо и
по-

поспѣшите, да изторгнемъ отъ Нестора щитъ, о коемъ слава возходитъ до небесъ, что весь онъ и рукояпки его отъ злата состоятъ; отъ храбраго же всадника Діомиды изхитимъ броню, которую чудно сооружилъ художникъ Ифестъ. Ежели сія получимъ, надѣюся, что въ сію самую ночь взыдемъ на быстрые корабли Ахейскіе.

Тако рекъ въ превозношеніи; и огорчилась тѣмъ почтенная Ира, воздвиглася на сѣдалищи и сотрясла весь пространный Олимпъ; по томъ къ великому богу Посидону вѣщаетъ: увы протронновладѣющей Еяносигей! или сердце твое не воздыхаетъ о погибающихъ Данаяхъ, кои шебъ во Елику и Еги приносятъ множество пріятныхъ даровъ? Желай убо имъ побѣды: ибо ежели вси, колико обрящется отъ насъ, возхощемъ прогнаши Троянъ и усмирить далеко зрящаго Юпитера, тогда воистинну печалью сокрушаяся будетъ единъ онъ возлежаши на горѣ Идѣ.

Царь Посидонъ воздохнувъ отвѣщаетъ ей: дерзновенная словами Ира! какое слово рекла ты? Не желаю я никому отъ

отъ насъ ратовати сопротѣвъ Юпитера:
ибо много паче сильнѣйшій есть насъ.

Такъ сіи между собою взаимно разглагольствовали; Ахейне же все разстояние бывшее отъ кораблей до самаго рва наполнили всадниками и пѣшими щитоносцами мужами зѣло стѣсненными; подобный же стремительному Арю Екторъ гналъ ихъ тогда и пожегъ бы корабли Ахейскіе; ибо Юпитеръ далъ ему славу, когда бы Ира не послала въ сердце бодрствующему Агамемнону мыслей, дабы скорѣе возбудити Ахейнъ. Возпріемлетъ путь къ кущамъ и кораблямъ Ахейскимъ, имѣя въ рукахъ великую багряную ризу. Ставъ же на великомъ кораблѣ Одиссеевомъ, который посреди всѣхъ стоялъ и былъ удобенъ къ возвѣщенію на обѣ страны: къ сѣни Еанта сына Теламонова, и къ сѣни Ахилла, кои поставили корабли свои по обѣимъ странамъ, уповая на мужество и крѣпость рукъ; тамо возвыся гласъ вопіетъ ко Ахейнамъ:

Стыдъ Аргивяне, злое поношеніе! вы взоромъ токмо удивленія достойни! гдѣ наше киченіе сокрылось, когда въ Лемиъ пожирая многихъ воловъ мяса и пѣя отъ увѣн-

чанныхъ чашѣ вино , тщетно превозносилися быши избраннѣйшихъ васѣ рашниковѣ , и что единѣ изъ васѣ можетѣ спасти на брани сопротивѣ сѣа и двусотѣ Троянѣ ? Нынѣ же недостойни мы вси единого Екшора , который вскорѣ пожжетѣ огнемѣ корабли наши . Ошче Юпишерѣ ! кого изъ сильныхъ царей шолкимѣ урономѣ поразилѣ и лишилѣ великїа славы ? Я ниже на корабляхъ преплавая море во сѣрану сїю , оставилѣ когда либо прекрасный олшарѣ швой , но вездѣ сожигалѣ вѣ жертву шукѣ и бедра воловѣ , желая опровергнути благоукрѣпленный градѣ Трою . Изполни убо , о Юпишерѣ сїе мое желанїе : даждѣ поне намѣ самимѣ избѣгнути ошсѣду и спастися и не попусти тако Ахейнамѣ погибнути !

Такѣ реклѣ и умилоштивленѣ былѣ отецѣ слезами его : благоволилѣ народу его быши здраву ниже погибнути ; вскорѣ посылаетѣ совершеннѣйшую ошѣ пшицѣ орла , держащаго вѣ когтяхѣ юнаго еленя коего и низпустилѣ предѣ жертвенникомѣ Юпишеровымѣ , гдѣ Ахейне приносили жертву Юпишеру Паномфейскому ; узрѣвѣ же

же посланную пищу отъ бога вѣща-
ше устремлялися противо Троянъ воз-
помяная о брани. Въ то время, хотя
и многіе были Ахейне, но никто отъ нихъ
не дерзнулъ извести коней вѣрва и
сопрошивъ ратовати прежде Тидеева сы-
на Діомиды, который тогда первыи убилъ
Троянскаго мужа Агелая сына Фрадмоно-
ва, пронзивъ хребетъ его и перси копъ-
емъ посреди раменъ, когда обращалъ ко-
ней своихъ къ бѣгству; падетъ отъ ко-
лесницы и возгремѣло оружіе на немъ.
Послѣ сего изходятъ Ахрейвы сыны, Ага-
мемнонъ и Менелай, по томъ одѣвшись
спремительною крѣпостію текутъ обоѣ
Еаншы, послѣ ихъ Идомей со своимъ
другомъ Миріономъ, по томъ изходитъ
знаменимый сынъ Евмоновъ Еврипиль;
девятый же Тевкръ наляца лукъ по-
спѣшаетъ, и сталъ подъ Еаншовымъ щитомъ;
Еантъ же щитъ свой направилъ
ко укрывію его; тогда вистязъ оный обо-
зрѣвъ поразилъ стрѣлою во множествѣ
мужа нѣкоего, который падши выпускалъ
духъ, онъ же опшедъ вспять укрылся
за Еаншомъ, аки младенецъ подъ мате-
рію. Тогда паки Тевкръ многихъ убива-

епѣ отъ Троянѣ : Орсилоха перьваго, Ормена , Офелеста , Дешора , Хромія , храбраго Ликофонта , Амопаона сына Поліемонова и Меланиппа ; всѣхъ сихъ совокупно повергль на многопитающей землѣ.

Царь мужей Агамемнонѣ узрѣвъ отъ крѣпкаго лука его сокрушаемые Троянскіе ряды возрадовался и приближася къ нему вѣщаетъ : возлюбленная глава Теламоновѣ сынѣ Тевкрѣ , вождь народовѣ ! поражай тако и будеши во свѣтѣ Данаѣмѣ и опцу швоему Теламону , кошорый възпиталъ тебя отъ младенчества , и незаконнаго тебя възпріалъ въ домѣ свой ; возведи убо во отдаленіи сущаго его на славу. Я же тебѣ како нынѣ възвѣщу , сіе и исполнено будетъ : когда Юпитерѣ Егіохѣ и Аѣинская Паллада помогутъ мнѣ благосозданный градъ Троянскій опровергнути , перьвому тебѣ по мнѣ положу воздаяніе , или треножникѣ , или двухъ коней съ колесницею или жену , кошорая на единѣ съ щобою изыдетъ одрѣ.

Тевкрѣ вопреки ему отвѣщаетъ : знаменишѣйшій сынѣ Атреевѣ ! почто спѣшащаго меня возбуждаеши ? ибо , koliko силѣ

силѣ во мнѣ стѣ, не уступаю тебѣ; но
 опнелѣ же близъ града сего рашуемѣ, не
 престаю убивати мужей поражая ихъ
 лукомъ; осмь уже пустилѣ я стрѣлѣ
 острыхъ, и всѣ вонзенны сущѣ въ шѣ-
 лахъ храбрыхъ юношей, сего же люта-
 го пса не могу достигнути. Реклѣ и
 мещетѣ отъ лука стрѣлу прошиво Ек-
 тора, желая всѣмъ сердцемъ поразити
 его, но стрѣла измѣнила ему: ибо вмѣсто
 Ектора поразилѣ въ перси Горгиѣона Прі-
 амова сына, коего родила ему во Есимѣ
 прекрасная Кастіанира шѣломъ подобная
 богинямъ. Аки макъ осыгченный пло-
 домъ и весеннею росю, преклоняетѣ гла-
 ву свою на страну; тако Горгиѣонова
 глава осыгченная шлемомъ преклонилася
 на едину страну. Паки Тевкрѣ излу-
 скаетѣ другую стрѣлу спросивъ Екто-
 ра желая повергнути его, но и тогда
 не улучилѣ; ибо отвратилѣ Аполлонѣ;
 дерзновеннаго же Архепшолема возницу
 Екторова, спремящагося рашовати пора-
 жаетѣ въ перси близъ сосца: падетѣ отъ
 колесницы, быстрые же кони отскочили
 вспять, и душа со крѣпосшію разру-
 шаетсѣ.

Тяжкая болѣзнь обѣмлетъ сердце Екшора за смерть возницы его, но хотя и печаленъ бывъ, оставляетъ друга своего, и повелѣваетъ Кевріону брату близко сшоявшему воспріяти бразды коней; вскорѣ повинулся ему. Самъ же Екшоръ низшедъ отъ колесницы на землю возопилъ спрашно, и возхитивъ камень устремился прямо на Тевкра, желая сокрушити душу его. Сей тогда изторгнувъ отъ шула стрѣлу возлагалъ на щечиву въ то время храбрый Екшоръ уже наляцающаго лукъ Тевкра поражаетъ камнемъ въ рамо, гдѣ отдѣляется выя отъ перси, и мѣсто есть опаснѣйшее ко смерти; тамо сокрушаетъ жилу его; ошерпла рука, преклоняющся колѣна и лукъ низпадаетъ отъ руки его. Еантъ же не пренебрегъ браня своего, но пришекъ оградилъ его щитомъ; послѣ же вѣрные два друга Микистей сынъ Ехтѣвъ и храбрый Аласторъ поспѣшивъ отнесли къ кораблямъ тяжестно воздыхающаго.

Паки Олимпійскій Юпитеръ посылаетъ крѣпость Троянамъ, кои прямо Ахейцы погнали ко глубокому рву; Екшоръ же сопреди всѣхъ шечетъ меча возы

ры наполненные злобныя ярости. Аки песь уповая на быстрошу ногъ своихъ, постигаетъ вепря или льва, обращающуся же ему наблюдаетъ всѣ члены; такъ Екторъ гналъ храбрыхъ Ахейнъ, убивая каждого послѣдняго, овѣи же убѣгали; но когда прѣшли чрезъ ровъ и ограду и многіе уже были повержены отъ рукъ Троянскихъ, тогда пребывали неоплучно у кораблей взаимно увѣщевая другъ друга и ко всѣмъ богамъ воздѣвая руки высокимъ гласомъ молился всякъ. Екторъ же обращалъ всюду свирѣпыхъ коней своихъ, имѣя Горгонскіе и пагубнаго Арея очи.

Божественная Ира воззрѣвъ на Ахейнъ милосердствовала о нихъ и скорыми словами вѣщаетъ ко Аѣинѣ: о дщерь Юпитера Егіоха! или мы уже больше не будемъ имѣти попеченія о погибающихъ Данаяхъ поне въ послѣднее? которые совершивъ предѣлъ смерти, падутъ отъ ярости единого мужа Пріамова сына Ектора, нестерпимо свирѣпствующаго и многое уже зло содѣлавшаго.

Премудрая Аѣина отвѣщаетъ ей такъ: воистинну погубилъ бы Екторъ и

крѣпость и жизнь свою отъ рукъ Ахей-
 скихъ, сокрушенъ бывъ во отечественной
 землѣ, но ошецъ мой зловредными упо-
 енъ совѣтами, непреклоненъ, неправеденъ,
 противникъ силамъ моимъ, ниже возпо-
 минаетъ о томъ, что многажды я спа-
 сала сына его изнемогающаго при Еври-
 сеевыхъ подвигахъ; воистинну возносилъ
 онъ рыданіе къ небесамъ, но Юпитеръ
 низпослалъ меня къ нему на помощь. Если-
 ли бы я сіе предусмотрѣла въ моемъ пре-
 мудрому разуму, когда его Еврисеей по-
 сылалъ во адъ крѣпкіе врата имѣющій,
 да приведетъ изъ Ерева страшнаго пса
 Плупонова, не избѣжалъ бы тогда отъ
 глубокихъ потопковъ Стигійскія воды, нынѣ
 убо возненавидѣвъ меня совершилъ со-
 вѣты Тетиды, которая лобызала колѣ-
 на и поглаждала браду его, моля да
 прославитъ градоразрушителя Ахилла;
 но будетъ время, когда Аяину наречетъ
 возлюбленною. Но ты нынѣ приуголови
 намъ крѣпкихъ коней, доколѣ я возшеде
 въ селеніе Юпитера облекуся во оружіе
 ко брани да узрю, еда сынъ Пріамовъ
 храбрый воинственникъ Екторъ возра-
 дуется явившимся намъ на стезяхъ бра-
 ни.

ни. Воистинну нѣкто и отъ Троянѣ насыпишъ псовѣ и пшицѣ шукомѣ и плошю поверженѣ бывѣ при корабляхъ Ахейскихѣ.

Тако рекла и повинулася ей прекрасная Ира: опшедши приуготавливаетъ коней золотыми браздами красящихся, Ира первѣйшая богиня дщерь великаго Крона; Аѣина же возложивъ на рамена тончайшую изпещренную ризу отца своего, которую сама своими руками содѣлала, оставляетъ оную влещися по полу; облекшись же въ хитонѣ Юпитеровѣ вооружается ко плачевной брани, возходитъ на блистающую колесницу, прѣмлетъ копѣе крѣпкое, великое, тяжелое; симъ сокрушаетъ ряды мужей Ироевѣ, на коихъ гнѣвается рожденная отъ сильнаго отца; Ира же скоро понуждаетъ бичемъ коней; своею волею отверзаются врата небесныя, хранимыя Орами, коимъ повѣрено великое небо и Олимпъ, и могутъ прогнати или навести шемный облакъ; симъ путемъ прошекала направляли коней.

Отецъ Юпитеръ узрѣвъ ихъ отъ горы Иды зѣло прогнѣвался; призываетъ

злапокрылатую вѣстницу Ириду и вѣщающѣ къ ней: теки быстрая Ирида, обрати ихъ вспянь и непусти имъ прошивитися мнѣ; ибо не во благо соединимся на брани; тако вѣщаю сѣи да исполнится: быстрыхъ коней ихъ подъ колесницею содѣлаю хромыми, самихъ ихъ отъ колесницы низвергну, сокрушу колесницу, и раны, кои содѣлаешъ имъ громъ мой, не изцѣлѣютъ чрезъ цѣлыедесять лѣтъ, да познаешъ Аѳина, что противною явилася опущу своему; на Иру же я не только не злобствую, но ниже гнѣваюсь; ибо обykle всегда мнѣ препящивовати, о чемъ ни помышляю.

Такъ рекъ и вскорѣ воздвиглася провозвѣстница Ирида быстрая аки вихрь; прошекая же Идейскіе горы, возходитъ на высокій Олимпъ, и въ первыхъ вратахъ многосложнаго Олимпа сръшши богинь удерживаетъ и извѣщаетъ имъ глаголь Юпитеровъ: камо течете? Почто во внутренности вашей ярится сердце? не попускаетъ Кроновъ сынъ Ахейнамъ помогати; ибо какъ онъ грозилъ тако и совершилъ: быстрыхъ коней вашихъ содѣлаетъ хромыми, васъ самихъ низвергнетъ

гнѣтъ отъ колесницы и колесницу со-
крушитъ; раны же, кои содѣлаетъ вамъ
молнія его, въ цѣлыя десять лѣтъ не
изцѣлѣютъ, дабы тебѣ Аѳина воспомина-
ти, когда отцу своему противилася;
на Иру же не только не злобствуетъ
ниже гнѣбается; ибо всегда обыкла пре-
пятствовать хотѣніямъ его; но ты не-
сноснѣйшая, пѣсь неустрашимый, аще во-
истинну дерзнешь противу Юпитера воз-
нести страшное копѣе?

Сія тако возвѣстивъ отходитъ бы-
стропекущая Ирида; Ира же ко Аѳинѣ
вѣщаетъ: о дщерь Юпитера Егіоха! не
хощу уже отнынѣ воздвизати брань со-
противъ Юпитера смертныхъ ради, отъ
коихъ инный да живетъ, инный да уми-
раетъ, кому что рокъ опредѣлилъ; Юпи-
теръ же Троянамъ и Данаямъ да судитъ
во умѣ своемъ, что праведно ему есть.

Тако рекла и обратила крѣпкихъ ко-
ней вспять, коихъ Оры отрѣшивъ при-
вязали ко яслямъ сладкою пищею напол-
неннымъ, колесницу же приклонили ко
блистающей стѣнѣ; сами совокупно съ
прочими богами везлегли на златыхъ сѣ-
далищахъ сокрушася возлюбленнымъ серд-
цемъ.

цемъ. Опецъ Юпишеръ коней и колесницу обративъ на небо пришелъ въ собраніе боговъ; тогда знаменитый Посидонъ ошрѣшилъ коней его, колесницу поставилъ при олтарѣ возложивъ пончайшій покровъ; самъ же далеко видящій Юпишеръ возлегалъ на златомъ престолѣ и подъ ногами его поколебался великій Олимпъ.

Ира со Аѣиною особъ отъ Юпитера возлежа ниже разглагольствовали съ нимъ, ниже вопрошали его, но онъ познавъ во своемъ разумѣ вѣщаетъ имъ: что тако сокрушаешься Ира и Аѣина? Не долго вы шрудились во знаменитой брани погубляя Троянъ, прошиво коихъ несносный гнѣвъ возпріали. Воистинну вы знаете, коликая есть сила моя, и коль страшны руки, что всѣ обитающіе на Олимпъ боги не колеблютъ меня; прежде страхъ обыметъ прекрасные уды ваши, нежели узрите брань и наполненные попеченія ратные дѣла; како изрекъ я, тако и да совершится, и вы поражены бывъ громомъ на колесницахъ вашихъ, не возвратились бы вспять на Олимпъ, гдѣ селенія безсмертныхъ сущь.

Тако

Тако рекль; Ира же со Аѣиною совокупно возлежа шайно въздыхали и совѣщевали пагубу Троянамъ. Аѣина гнѣваясь на ошца Юпитера пребывала въ молчаніи, ниже рекла что; ибо великимъ негодованіемъ обѣято было сердце ея; Ира же не вмѣстивъ злобы своея въ персяхъ вѣщаешъ: несноснѣйшій сынъ Кроновъ! какое слово рекль ты? Воистинну жъ мы знаемъ, что могущество твое непобѣдимо есть; но мы сокрушаемся о даидайскихъ ратникахъ, кои совершивъ смершнй предѣлъ погибають отъ брани: какъ повелѣлъ ты, воздержимся, но пощю полезныя совѣшы подадимъ Аргивянамъ, да не вси погибнушъ прогнѣвавшуся тебѣ.

Погоняющій облаки Юпитеръ на сіе ошвѣщая рекль ей: когда желаеши прекрасная Ира, заушра рано узриши Кронова сына и паче сильнѣйшимъ, погубляющаго великое храбрыхъ Ахейнъ воинство: ибо не престанетъ отъ брани стремительный Екшоръ, доколѣ не возбудитъ при корабляхъ храбраго Пилеева сына Ахилла въ день оній, когда со крайнимъ ушѣсненіемъ близъ кораблей будишь

дуть ратовати за смерть Патрокла :
ибо тако опредѣлено есть ; швоему же
гнѣву я, не внемлю , аще снидеши и ко
вредѣламъ моря и земли , гдѣ Іапетъ и
Кронъ пребывають , не наслаждаясь ниже
лучей солнечнаго сіянїя , ниже вѣтровъ ;
зане окрестъ ихъ глубокая шьма ; аще
заблуждая и къ нимъ ошydеши не буду
имѣши попеченїя о гнѣвѣ швоемъ ; ибо
нѣсть ничто безспуднѣ себя .

Тако рекъ ; Ира же ни единого сло-
ва не отвѣщала ему . Блистающій свѣтъ
солнца падетъ во Океанъ , принося ночь
темную на плодоносную землю : свѣтъ
сокрылся противъ желанїя Троянъ ; ночь
же темная явилася прїятная и много-
желанная Ахейнамъ .

Знаменитый Екторъ отвeдши воин-
ство отъ кораблей ко многопучинной рѣ-
кѣ , собралъ сонмъ на чистомъ мѣстѣ ,
гдѣ труповъ не было . Трояне низшедъ
съ коней на землю внимали рѣчи , кошо-
рую любезный Юпитеру Екторъ вѣща-
етъ къ нимъ , имѣя въ рукахъ копѣе еди-
нонадесяти лакшей , коего острїе мѣдное
сопреди блистало со злымъ окружіемъ ,
возклоняся на него , скорые слова вѣща-
етъ :

етъ: Трояне, Дарданяне и помощники
 послушайте меня! не много предъ симъ
 уповалъ я, что погубивъ всѣхъ Ахейнъ
 и корабли ихъ возвращуся во Трою про-
 тивоположенную дыханіямъ вѣтровъ, но
 прежде тѣма пришла, которая нынѣ спа-
 сла Аргивянъ и корабли ихъ стоящіе
 при брегѣ морскомъ; повинемся убо те-
 мной нощи и приуготовимъ вечерю, ко-
 ней ошрѣшите отъ колесницъ и предло-
 жите имъ пищу, отъ града приведите
 воловъ и стучныхъ овецъ съ поспѣшені-
 емъ, купите сладкое вино, возьмите
 хлѣбы изъ домовъ; кромѣ сего соберите
 множество дровъ, да чрезъ всю ночь до
 самыя утренняя зари возжемъ многіе ог-
 ни и сіяніе взыдетъ на небо, да не ка-
 ко Ахейне покусятся бѣжати по простран-
 нымъ морскимъ хребтамъ, или поне да
 не взыдутъ на корабли спокойно; но
 чтобъ инный отъ нихъ и въ домъ из-
 цѣлялъ язву свою пораженъ бывъ стрѣ-
 лою или копіемъ возходя на корабль, и
 да устрашатся прочіи наносити плачев-
 ную брань храбрымъ всадникамъ Троя-
 намъ; возлюбленные же Юпитеру провоз-
 вѣстники, да повелятъ молодымъ юно-
 шамъ

шамъ и красящимся сѣдиною старцамъ
 болрспвовати окрестѣ града на страж-
 ницахъ созданныхъ богами; жены же во
 своихъ домахъ каждая да возжегъ огнь
 великій, и да будетъ крѣпкая стража,
 дабы не вошло во градъ нѣкое коварство
 отсудивующимъ народамъ; тако вели-
 кодушные Трояне да будутъ, како вѣ-
 щаю. Слово же, кое нынѣ не преложно
 изречено да будетъ, заутра паки хра-
 брымъ Троянамъ возвѣщу. Уповаю, мо-
 ля Юпитера и прочихъ боговъ, изгнати
 отсюду псовъ воздвигнутыхъ рокомъ;
 коихъ смерть привела на черныхъ кора-
 бляхъ. Нынѣ чрезъ ночь да хранимъ са-
 михъ себя, заутра же возшедшей денни-
 цѣ, вооружася начнемъ брань; тогда у-
 зрю, еда крѣпкій Діомидъ ошженетъ мя
 отъ кораблей ко твердынѣ, или я про-
 зивъ его оспрѣмъ, окровавленные коры-
 сии понесу; заутра узритъ крѣпости
 свою, когда дождется пришедшаго ко-
 нѣя моего; но во перьвыхъ мню, что за-
 утра возходящу солнцу будетъ лежащій
 уязвленъ, окрестъ же его и иные мно-
 гіе совоинственники. О когда бы я та-
 ко былъ безсмертенъ и нестарѣющійся во

всѣ дѣи, и тако прославленъ, како про-
славляются Аѳина и Аполлонъ! зане
день сей приноситъ пагубу Аргивянамъ.

Такъ Екторъ вѣщаль; Трояне же
возвысивъ гласы оспрѣшили коней, и ка-
ждый привязалъ у своей колесницы;
отъ града привели воловъ и шучныхъ
овецъ; купили сладкое вино и принесли
хлѣбы изъ домовъ; собравъ же многія
дрова, принесли сточисленную совер-
шенную жертву бессмертнымъ богамъ,
и благовоніе отъ тука возносили въшры-
къ небесамъ; но блаженные боги не бы-
ли оному причастны, ниже жедали: ибо
священная Троя, Пріамъ и народъ его
зѣло были ненавидимы имъ; но они над-
менными сердцами по воинскимъ рядамъ
сидѣли чрезъ всю ночь и многіе огни
вожженны были. Аки когда на небѣ о-
крестъ свѣтлая луны сіяютъ прекра-
сныя звѣзды, сущу воздуху безъ
вѣтра; являющся всѣ пещеры, высокіе
холмы и юдоли, зане свѣше отпрыгаеш-
ся свѣтъ великъ и всѣ звѣзды зрятся,
пастухъ же радуется сердцемъ: толи-
кіе между кораблями и потоками Ксанѳа.
Вожженные Троянами огни видимы были

предѣ градомѣ; тысяща огней горѣло на
 полѣ, и у каждаго возженія сидѣли пѣны-
 десятъ мужей; кони же ихъ стояли при
 колесницахѣхъ; пинаяся житомѣ и пше-
 ницею, и ожидая златопрестольныя ден-
 ницы.

ОМИРОВОЙ ИЛІАДЫ

ПѢСНИ ДЕВЯТОЙ

содержаніе.

Агамемнонъ устрашася Троюнской надъ собою побѣды помышляетъ бѣжать во свое отечество; но Дѣомидъ и Несторъ объявляя противное мнѣніе удерживаютъ отъ сего намѣренія. Несторъ же совѣтуетъ отправить къ Ахиллу пословъ съ общаніемъ великихъ даровъ. Они пришедъ объявляютъ прошеніе Ахейнъ и исчисляють дары, кои Агамемнонъ общалъ; но Ахиллъ не претавая отъ гнѣва отвергаетъ все и дары и прошеніе. Послы возвращаются къ Агамемнону съ опознаніемъ; на конецъ всѣ отходятъ ко сну.

ПѢСНЬ ДЕВЯТАЯ.

І О Т А.

Т^ако Трояне хранили свою стражу;
Ахейне же поражены великимъ
страхомъ помышляли искаши спасенія

бѣгствомъ, и начальные вожди плакали съ сокрушеніемъ сердца. Аки два вѣтра Востокъ и Зефиръ пришедъ незапно отъ Фракійскія страны, и устремяся на море воздвизающъ темную воду извергая морскія растенія на берега: тако раздиралися сердца Ахейскія. Агамемнонъ же сокрушаяся печалію повелѣлъ провозвѣстникамъ собрати весь народъ по именамъ, а не съ воплемъ; самъ же въ то время шрудился съ прочими вождями, проливая слезы аки источникъ темныя воды лиющійся отъ высокія горы; восшавъ отъ мѣста съ воздыханіемъ зѣльнымъ начинаетъ къ Ахейцамъ тако:

О любезные Аргивскіе вожди и начальники! зрю я, что Юпитеръ поражаетъ мя лютою пагубою, обѣщавъ прежде сего свое благоволеніе, помощь, и по испроверженіи Троянскаго града здравое въ дома возвращеніе; нынѣ же зловерная совѣщая повелѣваетъ въ Аргивскую страну возвратиться съ поношеніемъ, когда множество народа погубилъ. Тако благоугодно зрится предъ лицомъ всемогущаго Юпитера, кой многихъ славныхъ градовъ опровергъ твердыни,

дыни, и паки опровергнешь: ибо могущество его непобѣдимо есть. Да будетъ тако, какъ я вамъ реклъ: да послѣдуюмъ хотѣнію его, возвратимся на корабляхъ въ любезную отеческую страну: ибо нѣсть намъ надежды плѣнниши славный градъ Троянскій.

Тако реклъ: печальніи же сыны Ахейскіе долго пребыли въ глубокомъ молчаніи. На концѣ храбрый Діомидъ прервавъ безмолвіе вѣщаетъ тако:

Сынъ Атреевъ! съ тобою несмысленнымъ во первыхъ имѣши буду прѣніе, какъ праведно есть въ собраніи; твое же сердце да не раздражается о семъ. Ты первый крѣпосць мою въ сынахъ Данайскихъ посрамилъ, нарекая меня слабымъ и бессильнымъ, но о всемъ томъ знаютъ Аргивскіе спарцы и юноши; тебѣ Юпитеръ далъ власть управляти скипетромъ народы, и возвеличилъ паче всѣхъ, но не далъ крѣпости, которая всякую власть превосходитъ. Несчастный, или тако немощныхъ и слабыхъ мыслиши быти Ахейцы, какъ нынѣ реклъ? Ежели сердце твое стремится къ возвращенію, бѣги, пушь тебѣ извѣстенъ, корабли

послѣдовавшіи тебѣ изъ Микии стоятъ на морѣ въ готовность, но прочіи храбрыя Ахейцы пребудутъ здѣ, доколѣ Троя низложимъ; когда же и они побѣдутъ за щобою во свое отечество, знай, что мы, я и Сеснелъ будемъ брань пирити, доколѣ совершимъ конецъ спѣнамъ Иліадскимъ: ибо по божіему созвоненію пришли мы сюда.

Тако рекъ и возопили всѣ сыны Ахейскіе, удивляясь славомъ храбраго всадника, Дюмида; между ними же воставъ прешарѣлый Несторъ начинаетъ тако:

Тидеевъ сынъ! праведно есть, что крѣпостію силъ во брани и совѣтами превосходиши всѣхъ прочихъ; никто тебѣ въ щомъ не противорѣчитъ, ниже укоризны сотворишь, но до конца словъ еще не постигль. Во истинну младъ ты дѣшми, и мой бы сынъ юнѣйшій былъ ты; разумомъ же превосходиши Ахейскихъ Царей. Но да будетъ позволено и мнѣ старѣйшему паче тебя вѣдати предъ вами слово, и открою все, ниже единъ кто опровергнетъ слова мои, ниже самъ Царь Агамемнонъ. Врагъ истинны, безъ племени и безъ пристанища
есть

есть шотѣ, кто любитъ внутреннюю,
 зловредную брань. Нынѣ убо праведно
 есть повинупися темной ноши, и приго-
 шовиши пищу на вечерю; да поставяш-
 ся и спражи внѣ стѣнѣ окрестъ она-
 го рва; исполненіе сего младымѣ заповѣ-
 даю, но ты Агамемнонѣ первый начини
 ибо ты вышшій всѣхъ Царей Ахейскихъ;
 предложи вечерю симѣ вождямъ; тебѣ
 сіе соизвориши прилично есть: кушн твои
 наполнены суть виномъ, кое корабля
 изъ Тиракіи приносятъ ежедневно. Та
 многими повелѣвши и тебѣ недостатка
 ко угощенію сихъ ни въ чемъ не будетъ.
 Въ собраніи же семѣ послушай того, кто
 полезнѣйшій совѣтъ подастъ тебѣ; нынѣ
 же совѣты паче всякаго времени полезны
 суть Ахейцамъ: ибо враги приближаются
 къ кораблямъ и множество огней гвѣ-
 щаетъ поля. Кто о семѣ возрадуется?
 ночь же сія или истребитъ или спасетъ
 воинство наше.

Тако рекъ, и вси послушали его съ
 радостію; вожди же Трасимидъ сынъ Не-
 сторовъ, Аскалафъ со Іалменомъ сыни
 Ареевы, Миріонъ, Афарей, Дипиръ и
 Креоншовъ сынъ Ликомидъ и окрестъ

каждаго стю воиновъ вооружены великими
 копѣями съ поспѣшностію идущъ на спра-
 жу; пришедъ же возлѣгли внутри рва и
 освѣтили его великимъ огнемъ и приго-
 товили пищу. Агамемнонъ же старѣй-
 шихъ начальниковъ ведетъ въ сѣнь свою,
 и тамо предлагаеши имъ изобильную ве-
 черю; по насыщеніи же всѣхъ первый
 рѣчь свою начинаетъ старецъ Несторъ,
 коего и прежде совѣты всегда являлися
 благими; сей мужъ исполненъ премудрости
 рѣшаетъ имъ тако:

Препрославленный Царь мужей Ага-
 мемнонъ сынъ Атревъ! Опи тебѣ на-
 чну, на тебѣ и скончаю: ибо ты Царь
 повелѣвающий многими народами; тебѣ
 Юпитеръ вручилъ скипетръ и законы,
 да твориши промыслъ о народахъ сихъ.
 Тебѣ убо паче всѣхъ подобаетъ откры-
 вати хотѣнія свои и слушати прочихъ
 совѣты и исполняти ихъ, когда являся
 благими; во швоей же власти будешъ
 всякое начало. Повѣдаю убо мнѣе мое,
 коего полезіе никто тебѣ и никогда не
 откроетъ, какъ я и прежде помышлялъ
 и нынѣ рассуждаю; пошлися исправни
 обиду содѣянную шобою божественному

Ахиллу

Ахиллу въ томъ день, когда ты насильственно исторглъ отъ рукъ его прекрасную Врисеиду. И сіе сотворилъ ты противъ желанія всѣхъ насъ: ибо я первый многократно совѣщивалъ тебѣ воздержатися отъ сего, но ты слѣдуя киченію превознесеннаго сердца твоего, нанеслъ поруганіе мужу избраннѣйшему паче всѣхъ смертныхъ и коего боги прославили. Но помыслимъ нынѣ и пощипсимъ умиловивши его дарами и мольбою.

Царь мужей Агамемнонъ на сіе отвѣстивъ рекаъ ему тако: о почтеннѣйшій старецъ знаменитый всадникъ Несторъ! праведно исчисляеши обиды содѣянные мною; преогорчилъ я великаго мужа, но опшкрекаюся: паче многихъ народовъ лучше единъ есть мужъ, коего Юпитеръ любитъ отъ сердца, какъ и нынѣ его прославилъ; весь же народъ Ахейскій смирилъ. Но когда я раздражилъ его зловреднымъ повинувся мыслямъ, нынѣ отъ всего сердца желаю примиритися съ нимъ и умиловивши его и даши нечисленные дары, коихъ имена предъ вами нынѣ нареку: семь новыхъ шатановъ, двадесять

десять мѣдныхъ новыхъ котловъ, десять
 щаланцовъ чистаго злата, двенадцать
 быспрошекущихъ копей, кромѣ сего дамъ
 семь женъ разумныхъ, знающихъ дѣла
 приличныя рукавъ ихъ, и кои красоцою
 превосходятъ многіе роды женъ, сихъ
 избралъ я самъ во островѣ Лезвѣ, ког-
 да плѣнилъ его Ахиллъ; между сими
 женами будешь и прекрасная дочь Фри-
 сева, похищенная мною отъ Ахилла.
 Величайшую клятвою заклиная главу
 мою, что никогда не восходилъ на до-
 жею, ниже имѣлъ дѣла съ нею, какое
 законъ естества устави́лъ мужу и же-
 нѣ. Си всѣ дары дамъ ему немед-
 ленно и не премѣню обещанія моего.
 Но когда боги благоволятъ намъ низло-
 жити славный градъ Великаго Царя Прѣ-
 ама, корабль свой да наполнишь изоби-
 льно златомъ и мѣдью при раздѣленіи
 корыстей и да избереши самъ двадцать
 женъ, кои по Еленѣ, идущей ему пре-
 краснѣйшими. Когда же придеши во
 Ахейскій Аргъ соседъ земли, тогда да
 будешь мнѣ зять и возведу его че-
 стію равною Оресту сыну моему, кой
 единый мнѣ есть и воспитываешься со вся-
 кимъ

кимъ увеселеніемъ; три сущъ мнѣ дщери въ моемъ всякими благими изобилующемъ домѣ: Хрисеѳмія, Лаодика и Ифіанасса; изъ сихъ да избереши самъ по желанію и по сердцу своему и да примеши въ жену безъ малѣйшаго даянія мнѣ даровъ; ибо я самъ тогда его награжду великимъ множествомъ даровъ, каковыхъ никто никогда своей дщери не далъ; семь дамъ ему славныхъ градовъ: Кардамилу, Енопу, Иру, плодоносную Анеею, Фиру, прекрасную Епію и красящійся виноградными вѣтвями Пидасъ. Всѣ сіи грады стоятъ близь моря и населены сущъ народомъ стяжавшимъ великія различныхъ скошоу спада, которыми граждане почтуютъ его аки дарами, и подъ скипетромъ его воздадутъ дань богашую. Сіе все исполню не ложно, когда престанетъ отъ гнѣва. Отъ всего сердца молю да украситъ злобу свою; единъ Аидъ (*) не преклоненъ и не укрошимъ есть, для того смершнымъ паче всѣхъ боговъ ненавистнѣйшій. Душа моя жаждетъ примиренія его, того только хочу, да уступитъ мнѣ яко

СИЛЬ

(*) То же значитъ что на Латинскомъ Плутонъ.

сильнѣйшему Царю, и яко старшему его
лѣтами.

На сіе достойный починанія всад-
никъ Несторъ отвѣщаетъ ему: зна-
менитѣйшій Царь мужей Апреевъ сынъ
Агамемнонъ! дары во истинну славные о-
бѣщаеши Царю Ахиллу; пощимся убо
избрати пословъ, кои немедленно пой-
дутъ въ сѣнь его. Я избираю сихъ, и
они послушаютъ насъ; первымъ да бу-
детъ вождемъ возлюбленный Юпитеру
Фениксъ, ему да послѣдуютъ великій
Еантъ со божественнымъ Одиссеемъ, къ
нимъ да присовокупятся провозвѣстники
Одій и Евривантъ. Повели убо принести
воду и сотворимъ молчаніе и помолимся
Кронову сыну Юпитеру, да помилуетъ
насъ.

Такъ рекъ и благоугодна явилася
рѣчь сія предъ всѣми. Вскорѣ провозвѣ-
стники принесли воду и умыли руки;
юноши же убѣждали чаши съ пищемъ
и раздѣлили всѣмъ, прежде сами прику-
пивая; когда же насытились, сколько чье
сердце желало, направляютъ снопы свои
отыти въ пущь изъ сѣни Царя Ага-
мемнона.

Тогда

Тогда знаменитый всадникъ Несторъ при самомъ опшествіи многія разнымъ образомъ дѣлалъ имъ завѣщанія; паче же всѣхъ Одиссею, да пошщатся преклонивши гнѣвъ Пилеева сына Ахилла. Бывъ же въ пути подлѣ береговъ волношумящаго моря многократно молили Посидона окружающаго землю водами, да сократишь сердце Пилеева сына Ахилла. Пришедъ къ Мирмидонскимъ кораблямъ и кушамъ, обрѣшають божественнаго мужа Ахилла утѣшающаго духъ свой свирѣлью полученною между корыстными при плѣненіи града Іетіона, и воспѣвающаго знаменія дѣла великихъ мужей; на лѣвой сторонѣ Патроклъ единъ сидѣлъ, храня молчаніе и ожидая, когда престанешь воспѣвать.

Посланные предшествовавшему Одиссею приближася къ сѣни Ахилловой, на конецъ сопровивъ его сшали. Узрѣвъ же ихъ Ахиллъ удивился, и оставя сѣдалище воссталъ держа въ рукѣ свирѣль; равнымъ образомъ и Патроклъ узрѣвъ ихъ воссталъ.

Божественный же Ахиллъ воспріявъ пришельцевъ вѣщаетъ имъ тако: радуйтесь!

тесея! воистинну любезные вы мнѣ мужи пришли; зрю, что великое дѣло имѣете ко мнѣ. Хотя я и зблѣнный гнѣвъ пишаю въ моемъ сердцѣ противъ Ахейнѣ; но вы благопріятнѣйшіи мнѣ паче всѣхъ.

Такъ рекъ повелѣ ихъ во внутреннюю сѣнь и посадилъ на сѣдалищахъ и на порфировыхъ коврахъ; обратясь же къ Пашроклу вѣщаетъ ему тако: сынъ Менитіевъ! предложи намъ нынѣ большую чашу и наполни оную виномъ избраннѣйшимъ, и приготоуи каждому сосудъ: ибо любезнѣйшіи паче всѣхъ Ахейнѣ мужи пришли въ домъ мой. Тако рекъ и Пашроклъ повинулся своему другу; поставилъ сковороду на огненномъ пламени, и положилъ на оную три тучныя части: овечью, козью и свиную и посыпалъ ихъ священою солію; когда же оныя изжарились, поставилъ на столъ и принесъ хлѣбъ. Ахиллъ же раздѣливъ мяса сѣбѣ сонропизъ Одиссея; Пашроклу же повелѣлъ сотворити жертву богамъ; когда же вси насыпились, Еяшъ далъ знакъ Фениксу, и у разумѣлъ божественный Одиссей, кой наполнилъ сосудъ виномъ и
взялъ

взявъ Ахилла за руку вѣщаетъ тако:
 радуйся божественный Ахиллъ. Мы ниже
 въ ебни Агамемнона сына Апурева, ниже
 въ другомъ мѣстѣ, ниже нынѣ здѣ пре-
 буемъ пищи: ибо всякихъ благъ обильно
 имѣемъ; но не о пиршествѣ попеченіе
 намъ нынѣ предлежитъ. Мы пришли
 возвѣстити тебѣ, что вси Ахеяне зримъ
 отъ Юпитера несстерпимый изливающій-
 ся на всѣхъ гнѣвъ и мало предвидимъ
 надежды спасенія кораблямъ нашимъ;
 когда ты не препояшешься крѣпостію
 силъ твоихъ на брань противъ враговъ
 нашихъ мужественныхъ Троянъ; кои уже
 ко стѣнѣ сей и къ кораблямъ приближи-
 лись, нося великіе огни и хваляся, что
 никакая сила не возможетъ имъ проти-
 виться; но внидутъ въ корабли и ихъ
 до единого сожгутъ. Сынъ великаго Кро-
 на Юпитеръ благоспѣшныя подавая
 имъ знаменія, помаваетъ молніею; Екторъ
 же единымъ взоромъ приводя всѣхъ въ
 трепетъ неукротимою свирѣпствуетъ
 яростію уповаю на Юпитера; прочихъ
 же боговъ ни во что вѣняя, и страш-
 но неистовствуя молитъ шокмо, да у-
 шренняя заря придетъ скоро, и тогда
 на-

надѣется вниши со своимъ воинствомъ и
пожещи ихъ безъ пощады огнемъ, Ахе-
лиъ же всѣхъ убиши въ дымъ огня своего.

Отъ сего вострепешало мое сердце
и боюся, дабы не исполнили боги сихъ
его желаній; намъ же дабы не погибну-
ти въ зловредной сей странѣ ошлучив-
шимся далеко отъ любезнаго Аргивскаго
отечества. Востани убо хотя поздно и
благоволи утѣшенныхъ сыновъ Ахейскихъ
спасши отъ Троянскаго меча; тебѣ са-
мому послѣ сокрушишь сердце печаль,
но содѣянному злу средство обрѣсти уже
не возможно. Пошщися убо благовремен-
ною помощію твоею отвратиши яростный
день отъ Ахейцевъ. Возлюбленный другъ!
воиншину ошецъ твой Пилей въ день
онъ, когда тебя изъ Фтіи посылалъ
къ Агамемнону, завѣщаніе давалъ тебѣ
такъ: сынъ мой! крѣпость тебѣ да-
дуть Аѳина и Ира, ежели благоволятъ;
но ты сердце твое пошщися удержа-
ти отъ гнѣва и убѣгай распри и несо-
гласія, да паче прославяшъ тебя стар-
цы и юноши Аргивскіе: ибо дружело-
біе на всякое время полезно есть. Тако
заповѣдалъ тебѣ престарѣлый ошецъ
твой,

твой, но ты заповѣди его не помниши; преслани хотя нынѣ, и отвергни гибѣи сокрушающей всякаго сердце. Когда престанеши отъ злобы, Агамемнонъ достойныя воздастъ тебѣ дары, и ежели послушаеши меня, оныя предъ тобою изочшу: внемли, колико общалъ тебѣ Агамемнонъ во своей сѣни предъ всѣми нами: семь новыхъ тагановъ, двадцать мѣдныхъ новыхъ котловъ, десять шапашей чистаго злата, двенадцать быстросекущихъ коней, семь женъ разумныхъ, знающихъ дѣла приличныя рукамъ ихъ, и кои красотою превосходятъ многіе роды женъ, сихъ избралъ онъ самъ во островъ Лезвъ, плѣненномъ тобою; между сими женами будетъ и прекрасная дочь Врисеева, кою онъ похищилъ отъ тебя; величайшею же клятвою заклинаешь главу свою, что никогда не восходилъ на ложе къ ней, ниже имѣлъ дѣло съ нею, какое законъ естества устави́лъ мужу и женѣ. Сии всѣ дары воздастъ тебѣ немедленно и не премѣнитъ общанія своего. Когда же боги благоволятъ намъ низложиши славный градъ великаго Царя Пріама, ко-

С

раба

раблѣ твоей да наполниши изобильно златомъ и мѣдью при раздѣленіи корыстей, и да избереши самъ двадцать женъ, кои по Еленѣ явятся тебѣ прекраснѣйшими. По возвращеніи во Ахейскую плодоносную страну будешь ему зятъ, и возвеличишь себя честию равною Оресту сыну своему, кой единъ ему есть, и воспитывается во всякомъ веселіи; три сущи дщери въ его изобильномъ домѣ: Хрисоѳемія, Лаодика и Ифіанасса; изъ сихъ да избереши самъ по желанію твоему, и да поймешь въ жену себѣ безъ малѣйшаго даянія ему даровъ: ибо онъ самъ когда наградитъ тебя великимъ множествомъ даровъ, каковыхъ никто никогда не далъ своей дщери; семь дастъ тебѣ славныхъ градовъ: Кардамилу, Енопу, Иру, плодоносную Анеею, Фиру, прекрасную Епю, и красящійся виноградными вѣтвями Пидасъ. Всѣ сіи грады стояшъ близъ моря, и населены народомъ спяжавшимъ великія различныхъ скопьевъ спада, коими граждане почтутъ тебя аки дарами, и подъ скипетромъ твоимъ воздадутъ тебѣ дань богатую. Сіе все непременно исполнишь, когда отпринеши

мещи гнѣвъ твой на него; ежели же со-
противъ Агамемнона вѣще умножается
твое рвеніе, и вси дары его во твоємъ
сердцѣ зрятся мерзостны; но надъ про-
чими утѣшенными Ахеянами сотвори ми-
лость, кой тебя аки бога во всемъ воин-
ствѣ почтупѣ: ибо прославиши ихъ сла-
вою зѣло великою, и возможеша нынѣ у-
биши Ектора, кой близъ тебя уже обрѣ-
щается смертоноснымъ воспламеняя не-
истовствомъ, и никого не мнитъ равнымъ
себѣ быти отъ всѣхъ Данаевъ, кои на
жорабляхъ пришли во страну сію.

На сіе отвѣщая божественный Ахиллѣ
реклѣ ему:

Знаменитый Лаертовъ сынъ прему-
дрый Одиссей! надлежитъ рѣчь твою
кратчайшими словами опровергнути; что
я помышляю въ моемъ сердцѣ, сіе хочу
непреложно и исполнити: да не стужа-
етъ мнѣ никто отъ васъ и да не воспо-
минаетъ о семъ дѣлѣ: Агамемнонъ въ мо-
емъ сердцѣ зрится ненавистенъ равно
какъ и адовы врата; ибо иное изрыга-
ютъ уста его; иное же въ помышленіи
хранишь; но что я избралъ за благое,
о семъ предъ вами днесь возвѣду: ниже

Агамемнона, ниже прочихъ Ахейнъ мно-
 гога. послушаши; ибо нѣтъ никакого
 тому благодаренія, кто со усердіемъ все-
 гда брань шворишь противъ враговъ; рав-
 ное воздаяніе ушопающему во сладостяхъ,
 какъ и упражняющемуся безпрестанно во
 брани; равная честь лѣнивому какъ и
 храброму; равно умираетъ мужъ пребы-
 вающій въ праздности, какъ и излива-
 ющій потъ во трудахъ. Мнѣ же что
 шворити ошалося? понеслъ многія пе-
 чали въ сердцѣ изливая душу мою все-
 гда готовую ко брани. Аки птица не-
 могущимъ летати пшеницамъ приносить
 пищу, сама же спраждаетъ гладъ и шо-
 кмо ищетъ отдохновенія; шако и я
 чрезъ многія ноши не далъ скравіямъ
 моимъ покою, дни же проводилъ изли-
 вая кровь на брани и рашуя съ мужами
 женъ ради вашихъ. Корабельнымъ опол-
 ченіемъ разорилъ дванадесять градовъ,
 земнымъ же пушемъ одиннащцать лежа-
 щихъ окрестъ славнаго сего града Трои.
 Изъ всѣхъ сихъ сокровища драгія и не-
 исчесныя взяма приносилъ я ко Ага-
 мемнону; онъ все приема, мало что
 раздѣлилъ, но больше себѣ ошавилъ;

какія

какія давалъ дары Вождямъ и Царямъ,
 оныя у всѣхъ хранящся въ цѣлости; отъ
 меня единого между всѣми Ахейцами на-
 сильственно исторгъ жену, кою имѣлъ
 я паче всѣхъ воздаяній и возлежа съ нею
 наслаждается пріятностями ея. Почто
 убо брань шворити Аргивянамъ со Тро-
 янами? По что Агамемнонъ столь много-
 численно собранный народъ привелъ въ
 мѣста сіи? не ради прекрасной ли Еле-
 ны? или отъ всѣхъ людей живущихъ на
 земли Апреевы токмо сыны любящъ
 женъ; всякъ честный и разумный мужъ
 любящъ свою собственную жену и о ней
 печется; какъ и я сію любилъ отъ все-
 го сердца, хоша и чрезъ плѣненіе она
 получена была. Нынѣ же когда сей даръ
 похитилъ отъ меня и содѣлалъ обиду не
 возвратную, да не искушаетъ меня по-
 знавашаго совершенно лести его; не по-
 винуся отнынѣ совѣтамъ его. Но съ шес-
 бою о Одиссей! и со прочими Царями да
 тѣшится корабли Ахейскія спасти отъ
 огня Троянскаго; воистинну уже много
 содѣлалъ и безъ моея помощи: создалъ
 уже стѣну и ископалъ окрестъ ея ровъ
 великій и глубокій. Но да не мнитъ

сею оградою воспяшати силу Ектора
 челоуѣкаубійцы. Когда я за Ахейѣ сра-
 жался, Екторѣ не хотѣлъ на брань воз-
 двигнутися отъ стѣнъ градскихъ, и по-
 кмо доходилъ до Скейскихъ вратъ и до
 буковаго древа; во оныхъ мѣстахъ нѣ-
 когда меня единого ожидалъ, но едва
 избѣгалъ моего стремленія. Опныѣ же
 не хочу брань шворити съ божествен-
 нымъ Екторомъ; заутра сотворивъ жер-
 шву Юпитеру и всѣмъ богамъ внесу со-
 кровища мои на корабли и изведу ихъ
 на море; узриши, ежели хощещи, и еже-
 ли угодно тебѣ, узриши заутра кора-
 бли мои преплавающія Еллиспонтъ, и въ
 нихъ сѣдѣющее мое воинство; и когда бла-
 гопоспѣшное подастъ окружающій землю
 водами Посидонъ плаваніе, воинстинну въ
 прешій день въ плодоносную Фтію при-
 будемъ. Тамо имѣю многія сокровища,
 кои оставилъ отходя въ сіи мѣста ко
 вреду; понесу съ собою и отсюду чи-
 стое злато, красную мѣдь, блестящее
 желѣзо, молодыхъ женъ и все что при-
 обрѣлъ во странѣ сей; воздаяніе же, кое
 Агамемнонъ далъ мнѣ, онъ паки и взялъ.
 Возвѣсните убо ему все, что повелѣваю,
 да

да и прочіи раздражаша на него Ахеа-
не, ежели кого чаесть еще обольстити
упоенъ бывъ безуміемъ; ниже да дерз-
несть бесшудный песъ воззръши когда ли
бо на лице мое, и да не мнишь восполь-
зовавшись моими совѣтами ниже труда-
ми: ибо прельстиль уже меня и огор-
чилъ, паки же не прельститъ своими
словами; да наслаждаешься симъ и да по-
гибнешъ съ покоемъ, дающій премудрость
Юпитеръ лишилъ его ума. Ненавистни
мнѣ всѣ его дары, и самого почишаю аки
жребій смертный. Да дастъ мнѣ въ де-
сять и двадцать кратъ, колико нынѣ
онъ имѣетъ, или когда будетъ имѣти
или колико приносится богатства въ
Орхомень, или какія сокровища храня-
ся въ Египетскихъ Оивахъ, кои сто
врасть имѣютъ, и каждымъ исходящъ
двѣсти мужей съ коньми и колесницами,
да умножитъ дары свои аки песокъ мор-
скій и аки прахъ земный, не восхожу
и тогда послушати совѣтовъ его, до-
колѣ воздамъ ошмщеніе за обиду сокру-
шающую сердце мое; ниже пойму дочь
его въ жену себѣ, хотя бы она красо-
тою превосходила злую Афродиту;

рукодѣлемъ же премудрую Аенну; да
 избираешъ другого изъ Ахейнъ во срод-
 ство себѣ. Но когда сохраняшъ меня бо-
 ги и возвращаюся въ домъ мой, тогда
 мнѣ самъ Пилей обручишъ невѣсту: ибо
 многія суть въ Елладѣ и Ѡтѣи вельможи
 градоначальники, кои имѣютъ дщереи;
 изъ сихъ пойму себѣ въ любезную жену,
 кою восхожу. Тамо жаждетъ душа моя
 со законною и по сердцу избранною же-
 ною наслаждаться снѣжаніями, кои при-
 обрѣлъ престарѣлый отецъ мой Пилей;
 ибо съ жизнію ничего сравнати не могу:
 (ниже какъ повѣдаютъ) koliko сѣкровищъ
 во время мира и прежде прихода сыновъ
 Ахейскихъ имѣла славная Троя, ниже
 koliko сѣрѣломещущаго Фива Аполлуна
 каменный Пифійскій домъ сохраняетъ.
 Волы, овцы, кони и всякое богатство
 погубленное можетъ паки приобрѣстися;
 душа же человѣческая единожды разлу-
 чившаяся съ тѣломъ никогда не возвра-
 щается въ оное. Моя же мать сребра-
 ногоя богиня Ѡетидеа повѣдала, что
 два жребія ведуть меня ко смертному
 концу: когда пребываю здѣ буду бранъ
 шворити со Троянами, погибнетъ возвраще-

не въ домъ мой, но прославится на вѣкъ
имя мое; когда же оставя брань возвра-
щуся въ любезное ошечество мое погиб-
нетъ благая слава о мнѣ; но жизнь моя
будетъ долговременная, ниже скоро во-
схищитъ меня снѣрпный часъ. Совѣшую
убо и прочимъ Ахейнамъ оныши во свои
домы: ибо не обрящете конца возвыша-
ющимся стѣнамъ Иліанскимъ; зѣло ихъ
любимъ мещущій грома Юпитеръ и сво-
ею рукою защищаетъ, дерзновенны со-
дѣлалися и народы ихъ. Но вы шедъ
возвѣстите мои слова военачальникамъ
Ахейскимъ (ибо сіе есть званіе старѣй-
шинъ) да положатъ на сердцахъ своихъ
полезнѣйшій совѣтъ, кой сохранилъ бы
и корабли и народы Ахейскія. Сіе же
предпріятіе, кое нынѣ совѣщали, не со-
творитъ имъ помощи, когда меня про-
гнѣвали. Финиксъ пребудетъ здѣ съ ва-
ми и почіетъ чрезъ ночь, завтра же
послѣдуетъ на корабляхъ со мною во
ошечество когда пожелаетъ, силою же
не отвлеку его.

Такъ рекъ и пребыли вси во глубо-
комъ молчаніи удивляясь словамъ хра-
браго всадника Ахилла: ибо зѣло крѣп-

кое сотворилъ отрицаніе. По семъ престарѣлый всадникъ Финиксъ проливая слезы съ воздыханіемъ вѣщаетъ тако: когда опшествіе возлюбленный Ахиллъ полагаеши во швоемъ сердцѣ, и никакo не хощеши упорствуя гнѣвомъ отвратиши зловредный огонь отъ кораблей Ахейскихъ; како здѣ послѣ остануся безъ тебя любезный сынъ? Не мнѣ ли тебя престарѣлый всадникъ Пилей вручилъ въ день томъ, когда тебя изъ Фтіи посылалъ ко Агамемнону зѣло младаго и не искусившагося въ воинскихъ дѣлахъ ниже въ собраніяхъ, гдѣ люди научаются премудрости? Сея убо ради вины послалъ меня да научу тебя всему тому, и да буду наставникъ швой во всѣхъ дѣлахъ и разглагольствіяхъ. Того ради не хощу возлюбленный сынъ разлучитися съ шбою, хоща бы и самъ Богъ отрѣвующій старость, общался превратиши во младаго юншу, какимъ былъ, когда оставилъ красящуюся доброзрачными женами Елладу убѣгая распри отца моего Амимтора сына Орменова, кой гнѣвался на меня за прекрасную наложницу, которую самъ любилъ не швора почи-

ніа

нїя женѣ своей моей же матери. Сею огорчена бывъ виною всегда просила меня примѣситься ко лѣнамъ наложницы, да превратится любовь престарѣлаго въ ненависть къ ней. Послушалъ мащеръ мою и исполнилъ ея хотѣніе. Отецъ же мой вскорѣ познавъ сіе предалъ меня великимъ заклинанїямъ и призывалъ адскихъ лютыхъ мучительницъ, да никогда любезный сынъ рожденный отъ меня возложится на колѣна его. Боги же красящійся вѣчною ада темною Зевсъ и неумолимая Персефона совершили заклинаніе его. Отшолъ сердце мое всячески сшужало мнѣ, да никакъ обитаю въ домъ преогорченного отца. Воистинну многіе граждане и сродники обстоя меня съ моленїемъ долгое время воспящали исходъ мой изъ дому. Многія въ то время овцы и волы закланы были; многія свиньи ушученныя распроспершы лежали на пламени огня; многія сосуны съ вѣномъ отца моего опустошены были тогда. Чрезъ девять ночей окрестъ меня самого спали пребывая на стражу, и никогда не погасалъ огонь въ чертогахъ: единъ храмъ стражу во дворѣ близъ крыль-

крыльца, второй же при дверяхъ ложницы моей. Но когда десятая пришла ночь темная, тогда тайно съ хитростию отворилъ двери чершого моего и изшедъ прескочилъ ограду двора и ни единымъ отъ рабовъ и рабынь невидимъ бывъ утекълъ. На конецъ прешедъ всю пространную Елладу приблизился конюбилующей овецъ стадами Фшн и тамо явился Царю Пилею, кой восприявъ меня со всякимъ благоволеніемъ возлюбилъ меня какъ любилъ отцу единороднаго своего сына во многомъ спяжаніи, содѣлавъ меня богатымъ и давъ множество народа. Обишалъ я при концахъ Фшн владычествуя надъ Долопіанами и тебя шокмо единого оравный богамъ Ахиллъ возлюбилъ я отъ всего сердца моего; ты же со инымъ ниже на пиршество иши, ниже въ домъ яши когда либо хощѣлъ, доколѣ не восприму тебя на колѣна мои; прежде всѣхъ кормилъ тебя сладчайшею пищею и пилъ виномъ; ты бывъ во слабой юности многожды изрыгалъ вино на перси мои и омочалъ одежду мою; тако много съ побою бывъ прешерпѣлъ и много шрудился тебя ра-

ди, помышляя, егда боги не ,благоволили даши собственнаго мнѣ нечадія, тебя единого о богоподобный Ахиллѣ долженъ любими аки сына, да нѣкогда отвратиши поносную смерть отъ меня. Помощи убо нынѣ смириши духъ швой. Прилично ли тебѣ столь неумолимое имѣши сердце, когда и сами боги, коихъ власть, сила и могущество не сравнены сущь, жертвами же, моленіемъ усерднымъ, приношеніемъ шука и всеожженіемъ обращаются къ людямъ, когда кто молитъ ихъ о преступленіи или согрѣшеніи? Ибо моленія сущь дщери великаго Юпитера: хромья, морщиноватья и подслѣповатья, они и о содѣявшихъ раздраженіе пекутся: раздраженіе же въ силахъ крѣпкое и ногами бодрое, и по тому всѣхъ далеко предтечетъ, превращаетъ всю землю озлобляя людей; но кто почтетъ дщерей Юпитеровыхъ близко ко ошцу своему приходящихъ, сему скорую дають помощь и вмешуютъ прошеніямъ; когда же кто отрицается отъ нихъ и упорствуетъ, молящъ Юпитера, да неослучно съ нимъ послѣдуетъ раздраженіе, да накажется пови-

повинующийся ему. Но Ахиллѣ даждь и ты послѣдовати дщерямъ Юпитеровымъ чести, которая многихъ храбрыхъ мужей преклонила мысли. Ежели бы Агамемнонъ не приносилъ тебѣ даровъ и не нареклъ бы о будущихъ, но всегда бы пребывалъ покорствуя враждѣ: не со-
вѣшавалъ бы и я тебѣ отринувъ гнѣвъ повинущися прошеніямъ Аргивскимъ: нынѣ же купно и много и скоро даетъ, равно общаетъ и впредь, кромѣ сего послалъ съ прошеніемъ къ тебѣ мужей славныхъ и отъ всего воинства Ахейскаго избранныхъ, кои и тебѣ паче всѣхъ любезнѣйшіи сущи; не презри убо совѣ-
ты приносимыя къ тебѣ отъ нихъ; до нынѣ не поносно было тебѣ во гнѣвѣ пребывать. Тако слышали и о древнихъ мужахъ славныхъ витязяхъ, когда кто лютымъ гнѣвомъ одержимъ былъ, но да-
рами и моленіемъ преклонными являлися. Помню я иѣкое дѣло древле сотворенное, о коемъ нынѣ предъ всѣми вами друзьями возвѣщу тако:

Куришы имѣли брань со храбрыми Етолянами близъ града Калидона, Ето-
ляна защищая его, Куришы же пшася
опусто-

опустошити оружіемъ. Ибо великое зло между ими воздвигла златорепрестольная Артемида, прогнѣвана бывъ, что Иней не принеслъ ей жертвы за плодородіе земли, воздавъ прочимъ богамъ сточисленную жертву; великаго же Юпитера дщерь прешелъ забвеніемъ или и не помышлялъ; и шѣмъ содѣлалъ себѣ великій вредъ. Юпитерово стрѣломешущее порожденіе огорчено бывъ таковымъ нерадѣніемъ послало тучнаго, лютаго и великими зубами скрежещущаго вепря, кой водворяся въ поляхъ Инеевыхъ великое содѣлалъ зло: многія съ корнемъ высокія древа съ ихъ цвѣтами и плодами повергль на землю. Но Инеевъ сынъ Мелеагръ собравъ отъ гражданъ многихъ ловцовъ со псами убилъ сего звѣря: ибо съ малымъ числомъ людей не возможно было смирить его, толикъ былъ; и многихъ уже принудилъ вкусить горчайшую смерть. Таковымъ дерзновеніемъ богиня раздражена бывъ воздвигла великій мятежъ; за главу вепря и за щетиноватую кожу содѣлала брань между Куритами и храбрыми Еполянами. Доколѣ воинственный Мелеагръ пребывалъ

на брани; дошолъ Куришы побѣждаемы
 были, ниже дерзали приближаться ко
 сѣнамъ града, хошя и во многомъ чи-
 слѣ были. Но когда на Мелеарга на-
 шелъ гнѣвъ, (кой и иныхъ многихъ му-
 дрыхъ мужей возноситъ сердца кичені-
 емъ), тогда уже Куришы побѣждали Епо-
 лянъ. Мелеагръ раздраженъ бывъ горе-
 стно матерію своею Алеею пребывающъ
 неисходенъ у законной жены своей пре-
 красной Клеопатры дочери Марписсиной
 отъ Идея, кой крѣпостію превосходилъ
 всѣхъ смертныхъ бывшихъ въ то время
 мужей и сопротивъ самаго спрѣломещу-
 щаго Царя Аполлона не устрашился вос-
 прияти лукъ, за прекрасную Нимфу,
 которую тогда отецъ и мать называ-
 ли Алкіоною; мать жалѣя о похищен-
 ной Аполлономъ дочери своей долго пла-
 кала. Мелеагръ не помышляя о ушѣ-
 сненныхъ согражданахъ не исходилъ изъ
 чертоговъ гнѣваяся на мать, коя озло-
 блена отъ него убіеніемъ брата всегда
 стужала ему поношеніемъ принося бо-
 лѣзненный вопль ко безсмертнымъ бо-
 гамъ и проливая источники горькихъ
 слезъ орошала ими нѣдра свои, иногда
 воздѣ-

воздѣвала на небо руки, иногда устремляя взоръ къ питашельницѣ всѣхъ матери землѣ падала на оную и бѣя руками призывала Плутона и Персефону моля, да пошлютъ смерть сыну ея Мелеагру. Неумолимое имущая сердце, пронзающая воздухъ Еринія услышала изъ ада стenanія ея. Куришы приближася ко вратамъ града воздвигли мѣшежъ и уже слышанъ былъ трескъ разрушаемыхъ стражницѣ. Мелеагра молятъ старѣйшины града и посылаютъ избраннѣйшихъ къ нему священниковъ общая великія дары, да изыдеи на брань и защити градъ. Общаютьъ ему въ даръ избраши прекрасное село въ ушученной землѣ Калидонской и въ пріятномъ воздухѣ; пятьдесятъ подъ онымъ десятии земли, едина часть съ лозами виноградными къ дѣланію вина, другая же къ дѣланію земли на хлѣбъ. Многократно преспарѣлый всадникъ Иней восходя къ чертогу сына своего ударялъ во двери и со смиреніемъ просилъ его оставити гнѣвъ; многократно сестры и почитанія достойная матери молили его; но сей шѣмъ вѣдше отрицался и уничтожалъ моленіа

віа ихъ; многократно почтєнябйшіи онѣ
 вельможѣ и старцовѣ градскихъ и лю-
 безнѣйшіи паче прочихъ други восходи-
 ли къ чертогу его съ моленіємъ, но рав-
 нымъ образомъ не могли преклонити о-
 жесточеннаго сердца его. Уже начина-
 ютъ безпрестанно бити во двери чер-
 тога, и сами Курипы восходящѣ на
 опражницы и запалаютъ градъ; тогда
 приступивъ къ Мелеагру возлюбленная
 жена его молилъ со слезами и исчисля-
 етъ предъ нимъ всѣ бѣды, каковыя при-
 члючаются людямъ, коихъ градъ взем-
 лешся во плѣнъ: како мужи безъ поми-
 лованія убиваются, огонь дома граж-
 данъ превращаетъ въ пепелъ; дѣти же
 и младостію красящіяся жены похища-
 ются и влекутся съ поруганіємъ. Сіе
 слышавъ Мелеагръ преклонилъ сердце
 свое, и облекшись во блестящую броню
 нсшолъ сопротивъ Куриповъ; и тако
 онъ отпратилъ отъ Еполянъ день яро-
 стный, уступивъ гнѣву своему и не прі-
 явъ даровъ, но шуне содѣлавъ имъ по-
 мощь. Ты же не имѣй сего на сердцѣ
 твоємъ, ниже какій пріятствующій духъ
 да обратитъ тебя къ помышленіямъ та-
 ковымъ.

ковымъ. Злѣе будетъ помогаши, когда уже корабли начнешъ поядать огонь, но пощися взыши нынѣ на брань даровъ ради: ибо почтумъ тебя Ахеяне аки бога. Когда же не пріемля даровъ взѣдши на брань и хотя ошврашиши всѣ бѣды, не приобрѣдеши симъ почтенія.

На сіе божественный Ахиллъ отвѣщая рекъ ему тако: престарѣлый ошѣвъ возлюбленный Финиксъ! не взираю я на честь сію, но паче хочу прославиться Юпитера благоволеніемъ, кое дополъ не опуститъ меня опѣ кораблей моихъ, доколъ духъ пребудетъ въ персяхъ сихъ и доколъ ноги движутся; и что возвѣщу тебѣ нынѣ, оное сохрани на швоемъ сердцѣ: не возмущай моея души твоими слезами и сокрушеніемъ воздавая благодареніе Агамемнону; нѣсть достойно тебѣ любяши его: блюди да не будеши врагъ мнѣ любящему тебя. Не паче ли подобаетъ тебѣ злословити того, кто сотворилъ мнѣ обиду? Царствуй равно со мною и пріими равную честь; си да отрекушя, ты же пребывъ здѣ, почій на мягкомъ ложи; завтра когда воссияетъ заря, положи мѣ совъшшы, возврати-

ся ли намъ во опечесство наше или здѣ пребыти: сіе вѣщая даѣтъ знакъ Патроклу угошовити ложе Финиксу, да прочіи пришедшіи съ нимъ скорѣе возвратятся вспянь. Тогда богоподобный Теламоновъ сынъ Еантъ сопутникамъ своимъ рекъ:

Премудрый Лаершовъ сынъ Одиссей! опыдемъ: ибо зрю, что симъ путемъ не совершимъ конца разглагольствію нашему; намъ же скоро подобаетъ сіе возвѣщеніе хоща и не пріятное принести къ Данаямъ, кои съ радостію ожидаютъ возвращенія нашего; но Ахиллъ ожесточилъ свой гордый духъ, злобствуетъ и ни во что вѣняетъ нашу дружбу, коею паче всѣхъ Ахейнъ пришедшихъ на корабляхъ почитали его. Немилосердъ, ибо кто за убійство брата или сына своего воспріимъ искупленіе, убивый же пребываетъ въ народъ много воздая; но и ищущій отмщенія, когда воспріиметъ удовлетвореніе смягчаетъ обиженное сердце свое. Но въ тебѣ за едину дѣвицу положили боги злобный и непримиримый духъ; се мы нынѣ кромѣ прочихъ даровъ предлагаемъ тебѣ семь пре-

прекраснѣйшихъ дѣвицъ; смягчи твою неукротимую злобу и воздай почтеніе дому твоему: ибо мы твои домашніи изъ всего множества Данайскаго и желаемъ паче всѣхъ Ахейнъ ближайшими къ тебѣ друзьями быти. На сіе отвѣщая воинственный Ахиллѣ реклѣ ему: божественный Теламоновъ сынъ Еантѣ Князь народовъ! праведно вѣщаеши сіе, но сердце мое отъ рвенія шрепещетъ, когда воспоминаю о томъ, кто меня между Аргивянами посрамилъ аки нѣкоего бесчестнаго бѣглеца. Опыдите убо вы вспяшь и возвѣстите ему отвѣтъ мой: ибо не помышлю о смертоносной брани сей, доколѣ воинственного Пріама сынъ божественный Екторъ убивая Аргивянъ приближися къ Мирмидонскимъ кораблямъ и кушамъ и запалилъ ихъ огнемъ; отъ моего же корабля и сѣни со всею его неустрашимостію уповаю воздержати.

Такъ реклѣ: они же каждый испивъ отъ сосуда возвратилися вспяшь къ кораблямъ своимъ; предшествовалъ же имъ Одиссей. Патроклѣ же по отшествіи ихъ повелѣлъ другамъ и рабьямъ немедленно приготошовиши Финиксу ложе, кои по-

винуясь ему, какъ повелѣлъ, послали кожу овчую, перину и тонкую плащаницу. Тамо престарѣлый всадникъ опочилъ до утренней зари. Ахиллъ спалъ во внутренней ложницѣ и съ нимъ Формантова дочь прекрасная Діомида, кою привелъ изъ Лезва; отъ другія же страны спалъ Патроклъ и съ нимъ Ифидя, кою въ награжденіе далъ ему божественный Ахиллъ, когда плѣнилъ пространный Скиръ градъ Енѣевъ.

Когда Одиссей и его спутники приближились къ кушамъ Агамемноновымъ, тогда сыны Ахейскіе отъ всѣхъ странъ пріемля златыми чашами ихъ вопрошали, и первый Царь мужей Агамемнонъ вѣщаетъ: о велия слава Ахейнъ достохвальнѣйшій Одиссей! хочетъ ли Пилеевъ сынъ обратити злодѣйскій огонь отъ кораблей нашихъ или оприцается и своему покорствуемъ духу гордому?

На сіе паки многосрадальный Одиссей вѣщаетъ ему тако:

Препрославленный Царь мужей Атревъ сынъ Агамемнонъ! не токмо не хочетъ Ахиллъ прешати отъ гнѣва своего; но тѣмъ паче воспламеняется, ше-
бл

бѣ же и дары твои ни во что вѣня-
ешъ, повелѣвая да самъ ты совѣшuessя
со Аргивянами о спасеніи народа и ко-
раблей пришедшихъ въ страну сію; самъ
же онъ хоцешъ заутра со восшедшею
зарю извести корабли свои на море и
опыши во отечество свое, къ чему и
прочихъ общался преклонитъ; ибо не
къ тому вѣщаешъ, обрацѣмъ конецъ пре-
славнаго града Трои: ибо всесильный
Юпитеръ защищаешъ оную своею рукою
и народы дерзновенны сотворилися. Та-
ко повелѣлъ онъ намъ возвѣстити предъ
тобою, о чемъ и послѣдовавшии со мною
Еантъ и двое провозвѣстниковъ могутъ
утвердити; Финикса же удержалъ ша-
мо проводить ночь, да опыдешъ купю
съ нимъ за утра на корабляхъ во отеч-
ество, ежели хоцешъ, силою же не
возьмешъ.

Тако рекъ и вси пребыли въ мол-
чаніи глубокоу удивляясь словамъ хра-
браго Ахилла и печалясь о совершен-
номъ отрицаніи его. На конецъ прер-
вавъ молчаніе красноглазый Діомидъ
начинаешъ тако:

Препрославленный Царь мужей Апреевъ сынъ Агамемнонъ! не подобало тебѣ просити Пилеева сына Ахилла общева ему неисчетныя дары: ибо ты тѣмъ и ваяще возгордишь надменный киченіемъ духъ его; но оставимъ его, отыдеши ли или въдѣ пребудеши, намъ все равно, тогда паки взыдеши самъ на брань, когда желаніе пріидеши на сердце его и богъ воздвигнешъ. Нынѣ же сошворимъ тако какъ я вамъ возвѣщу: днесъ грядите ко сну ободришь сердца пищею и питіемъ; ибо сіе есть челоуѣку крѣпость и сила; но когда красящаяся багряными персты денница взыдеши на пресвѣтлый Олимпъ, повели вооружитися всему воинству и конямъ и спаша предѣ лицемъ кораблей; ты же увѣщевай и первый между всѣми подвижайся на брани.

Такъ рекъ и похвалили вси Цари великаго всадника Діомидъ удивляясь неустрашимымъ словамъ его. И тако испивъ отъ чаши мало вина благодаренія ради богамъ, возвратилися всѣ ко своимъ сѣнямъ и тамо почили наслаждаяся дарами сна.

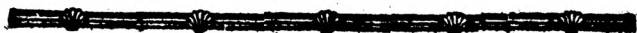

ОМИРОВОЙ ИЛІАДЫ

ПѢСНИ ДЕСЯТОЙ

содержаніе.

Агамемнонь также и Менелай отъ различныхъ помышленій не имѣя чрезъ ночь покоя возбуждаютъ отъ сна и прочихъ Ахейскихъ военачальниковъ и пришедъ ко рву по общему согласію посылаютъ въ Троянскіе станы лазутчиковъ Одиссея и Діомиды, кои на пути поймавъ Долона посланнаго также лазутчиковъ отъ Ектора убиваютъ. Извѣдавъ же отъ него о расположеніи Тракійскаго воинства и Царя ихъ Риса, и пришедъ въ ту ночь нападаютъ на спящихъ и убиваютъ нѣкоторыхъ вождй Тракійскихъ кулно и Царя, по шомъ отгоняютъ царскихъ коней съ колесницею и возвращающся къ кораблямъ своимъ.

ПѢСНЬ ДЕСЯТАЯ.

КАППА.

 Прочіи вельможи Ахейскіи чрезъ всю ночь спали близь кораблей своихъ спокойнымъ сномъ; единъ Ашреевъ сынъ

Агамемнонъ пастырь народовъ не вку-
силъ сладости сна волнуясь многими по-
мышленіями. Аки супругъ великолѣпный
Иры мещетъ молнію, когда посылаетъ
великій дождь или безмѣрный градъ или
снѣгъ, когда иней покрываетъ поля, или
когда горькой брани опровергаетъ вели-
кія уста, шако перси Агамемнона мно-
гажды подымались отъ воздыханія и сер-
дце шрепешало со всѣми внутренностями.
Когда взиралъ на поля Троянскія во у-
дивленіе приходилъ видя множество ог-
ней юрящихъ предъ градомъ и слыша
гласъ трубный и мятежъ людей; но
когда таки обращалъ очи къ воинству
Ахейскому и кораблямъ, тогда отъ воз-
мущенія сердца терзалъ власы отъ гла-
вы своей: простирая руки на небо по-
вергалъ ихъ на землю предъ Юпитеромъ.
Изливая же воздыханія отъ сердца на
конецъ положилъ во умъ своемъ ийти къ
первому отъ мужей Нилееву сыну Не-
стору да совокупно положашъ совѣтъ
изобрѣсти средство ко отвращенію золъ
отъ всѣхъ Данаевъ. Воставъ отъ одра,
перси облакаетъ въ хитонъ, подъ ноги
привязываетъ сапоги крѣпкія, на раме-
на

на возлагаеѣ кожу льва великаго низ-
вѣшенную до ногъ, въ руки возьмешъ
копѣе дебелое. Равнымъ образомъ и Ме-
нелай прешетомъ обѣятъ былъ, ниже ко
сну чрезъ всю ночь могъ склонился
бояся, да не что постраждутъ Аргивя-
не, кои его ради преходя пространство
моря пришли во Трою воздвизая брань
жестокую. Во первыхъ покрываетъ хре-
бешъ пестрою кожею страшнаго тигра,
на главу возлагаеѣ шлемъ мѣдный, въ
руки возьмешъ копѣе острое и идеѣ воз-
будиши брата своего владычествующаго
всѣми Аргивянами, коего аки бога почи-
талъ народъ. Обръшаетъ его близь ко-
рабля облакающагося во блестящую бро-
ню и пришествіе его было пріятно Ага-
мемнону, въ коему Менелай приближася
вѣщаетъ тако:

По что тако божественный братъ
вооружаешися? или хоцеша кого онъ
друговъ Ахейскихъ послати ко Троянамъ
преглядашаеѣ? Но вѣло спашуся, да-
бы кто не воспріалъ на себя дѣла сего
тогдашати воинство враговъ единъ собою
нощю; не уповаю, дабы кто только
дерзновенный былъ.

На

На сіе Царь мужей Агамемнонъ отвѣ-
щая реклъ ему :

Нынѣ потребно есть мнѣ и тебѣ иска-
ти премудрыхъ совѣтовъ : како спасши
и сохраниши воинство Ахейское и кора-
бли ихъ ; ибо явно есть , что мнѣніе
Юпитера премѣнилось и благоволеніе его
паче обратилося къ жертвамъ Екшора.
Ибо никогда я не видѣлъ , ниже слышалъ
мужа какого , шоль великія дѣла въ единъ
день содѣлавшаго , каковыя любезный
Юпитеру Екшоръ показалъ надъ Ахея-
нами , не бывъ ниже бога какого , ниже
богини сынъ. Содѣянное же имъ зло , мню,
что на многое время пребудетъ у Ахе-
янъ въ памяти. Толико бѣдъ онъ съ на-
ми сотворилъ. Но ты иди нынѣ со вся-
кимъ поспѣшеніемъ къ кораблямъ и воз-
зови тамо Еанта со Идоменею ; я же
пойду къ божественному Нестору и воз-
бужу его отъ сна , да идемъ совокупно
ко стражамъ воинства Ахейскаго и та-
мо сотворимъ повелѣнія : ибо его паче
послушаютъ ; зане сынъ его начальству-
етъ стражею и Идоменею послѣдова-
тель Миріонъ ; имъ паче всѣхъ поручи-
ли храненіе стражи.

Муже-

Мужественный Менелай вопрошаетъ его : како повелѣваеши мнѣ, пребыши ли съ ними на мѣстѣ ожидая пивого прихода? или, когда имѣ содѣлаю повелѣнія, мнѣ слѣдовати за тобою?

Царь мужей Агамемнонъ отвѣщаетъ ему : тамо пребуди, да не како совратимъ на разныя пущи; ибо многія суть въ воинствѣ спези; вопрошай, гдѣ пойдеши и повелѣвай бодрствовать, каждого мужа зови по отечеству и по роду, похваляй всѣхъ и не возноися гордостію; пошщимся и мы сами шрудишися: ибо тако Юпитеръ при рожденіи нашемъ возвергъ на насъ тяжкія бѣды.

Такъ вѣщая отпустилъ брата своего со благимъ наставленіемъ; самъ же направилъ путь къ пастырю народовъ Царю Несшору, коего обрѣтаетъ близъ корабля и сѣни лежащаго на ложи; окрестъ же его лежало оружіе: щипъ, два копія, сіяющій шлемъ и поясъ, коимъ препоясывался, когда восходилъ на брань предводительствуя народомъ; ибо не взиралъ на печальную старость. Восклоняся же на лапоть и главу положивъ на длань вопрошая Агамемнона вѣщаетъ:

Кше

Кшо тако преходя воинство грядеши
единъ къ кораблямъ нашимъ въ ночь
шмную, когда всѣ смершныя наслажда-
ются сномъ? Опъ стражей или опъ
друговъ кого ищешъ? опвѣдай и не при-
ближайся ко мнѣ въ молчаніи, чего шре-
буешъ?

Царь мужей Агамемнонъ опвѣщаетъ
ему: о Неспоръ Нилеевъ сынъ велія слава
Ахейская! познай Апурева сына Агамем-
нона, коего Юпишеръ обременилъ шру-
дами, доколѣ духъ въ персяхъ пребы-
ваетъ и крѣпость колѣнъ движется. За-
блуждаю по воинству Ахейскому: ибо
чрезъ всю ночь не возмоглъ обрѣсти о-
чамъ моимъ сладкаго дреманія возму-
щенъ бывъ попеченіемъ о брани и пе-
чали Данаевъ: ибо зѣло ужасаюся о нихъ,
духъ во мнѣ мятется, пораженъ есмь
страхомъ, сердце возносится выше пер-
сей, всѣ уды мои содрогаютъ опъ бо-
язни. Но ежели, что можешъ содѣла-
ти подай совѣты твои или помощь: ибо
зрю, что и ты чрезъ сію ночь не вку-
силъ сна; снидемъ убо ко стражамъ, да
узримъ, бодрствуютъ ли или побѣжде-
ны шрудами и сномъ спяшь, въ конецъ
забывъ

забывъ порученную имъ спражу, враги же близъ насъ сущь и мы не знаемъ, не сопворятъ ли и во время пощное нападенія.

Достойнѣйшій почитанія всадникъ Несторъ описываетъ ему:

Препрославленный Царь мужей Атреевъ сынъ Агамемнонъ! не всѣ Ектору помышленія исполнитъ всебѣдущій Юпитеръ, на кои нынѣ уповаешь, но мню, что вѣщимъ предастъ его попеченіямъ, когда божественный Ахиллъ обративъ отъ гнѣва возлюбленное свое сердце взывае на брань. Я же тебѣ нынѣ послѣдовать готовъ отъ всего сердца: пойдемъ и возбудимъ Тидеева сына Діомиды, Одиссея, Еанты и Филеева сына, пошлемъ звать и вѣселаго божественнаго Еанты и Идоменея Царя: ибо корабли ихъ збѣло далеко отстоятъ отъ насъ. Менею же, хотя его люблю и почитаю и хотя ты на меня прогнѣваешься, содѣлаю укоризны за нерадѣніе его; онъ спитъ, на тебя же всѣ возвергалъ попеченія; нынѣ подобало ему трудиться всѣми силами и просиши всѣхъ избраннѣйшихъ мужей: ибо нужда нестерпимая днесъ настѣпаетъ.

Царь

Царь мужей Агамемнонь на сіе отвѣщаая рекъ : о почтенный старецъ ! въ другое время повелѣлъ бы и я сошлорити ему поношеніе : ибо многожды не радилъ ни о чемъ и не хочетъ шрудишися , но всегда взираетъ на меня и ожидаетъ моего движенія ; нынѣ же много ранѣе меня воспалъ отъ сна и пришелъ ко мнѣ. Я его предпослалъ звать тѣхъ , о коихъ ты воспоминаеши нынѣ. Но пойдѣмъ, ихъ же обрящемъ предъ вратами между стражей : ибо въ ономъ мѣстѣ повелѣлъ я собраться имъ.

Пресшарѣлый всадникъ Несторъ вѣщаетъ ему : никто убо на него не будетъ гнѣвашися , но всякаго изъ Аргивявъ приведетъ къ послушанію, кого возбудитъ отъ сна или кому что ни повелитъ. Тако вѣщая облекается въ хитонъ и подвязываетъ сапоги крѣпкія подъ ноги , на рамена возлагаетъ порфиру , въ руки землетъ копіе крѣпкое и острое и направляетъ стопы первѣе къ кораблямъ Ахейскимъ , по семъ идетъ ко премудрому Одиссею. Приблизися же къ сѣни его взываетъ по имени и вскорѣ гласъ зовущаго Нестора приходитъ ко ушамъ

ушамъ спящаго Одиссея, кой воспрянувъ отъ сна и исшедъ отъ сѣни вопрошаетъ ихъ.

Что тако скипаетеся по воинству нощію? Или толь великая нужда предстоитъ?

Престарѣлый всадникъ Несторъ отвѣщаетъ ему:

Богорожденный Лаертовъ сынъ премудрый Одиссей! не раздражайся приходомъ моимъ: ибо великая нужда предлежитъ Ахеянамъ; но слѣдуй и ты съ нами, да возбудимъ и прочихъ кого подобаетъ, положиши совѣтъ: бѣжашь ли изъ сѣя страны или продолжашь брань.

Такъ рекъ; Одиссей же вшедъ въ сѣнь возложилъ на рамена щитъ и пошелъ съ ними. Приблизися же къ Тидееву сыну Діомиду обрѣшаетъ его въ сѣни спящаго со оружіемъ и окрестъ спали други его имѣя подъ глазами щиты, копія же водружены были въ округъ, и мѣдь далеко сіяніе свое простирала аки блистаніе отца Юпишера; подъ спящимъ Ироемъ Діомидомъ посплана была кожа великаго вола, подъ главою распростертъ

у

лежалъ

лежалъ сіяющій коверъ. Несторъ приближася къ Діомиду касается краемъ ноги возбуждаешъ и порицая вѣщаетъ:

Воспани Тидеевъ сынъ! почто тако чрезъ всю ночь покоишися сладкимъ сномъ? или не слышиши, что Тройне возлежатъ на холмъ поля сего не далеко отъ кораблей нашихъ? малое уже разстояніе осталось между нами и ими.

Тако рекъ; Діомидъ же скоро воспрянувъ отъ сна и вставъ отъ одра со гнѣвомъ вопіетъ на него: досаждаешъ старче! ты никогда не пресанешъ отъ трудовъ. Или во Ахейскомъ воинствѣ не обращай младшихъ паче тебя, мои обшекая всѣ мѣста могли бы возбудить каждаго Царя? во истинну ты единъ непреклоненъ никакими трудами.

Почтенный всадникъ Несторъ отвѣщаетъ ему тако: праведно ты рекъ сіе, что многія суть въ воинствѣ Ахейскомъ младшіи меня; имѣю и я сыновъ моихъ. Но зѣло великая нужда приближается къ Ахейцамъ: ибо дѣла нашего воинства въ такомъ состояніи обрѣтаются, что или жизнь или печальная смерть

смерть Ахелямбъ; и когда ты милосерд-
ствуеши о мнѣ, иди нынѣ къ Еаншу и
къ сыну Филееву и возбуди ихъ.

Такъ рекъ; Діомидъ же возложивъ
на плещи кожу льва великаго и пріявъ
копѣе пошелъ къ Еаншу и Филееву сыну,
коихъ возбудивъ повелъ созерцати стра-
жей; обрѣшаюшъ ихъ всѣхъ непреклон-
ныхъ сномъ но бодрственно со оружіемъ
сбдящихъ какъ стражей, такъ и вож-
дей ихъ. Аки псы слыша страшное рыка-
ніе звѣря сильнаго преходящаго по горамъ
во ближайшій лѣсъ спрегутъ овецъ во о-
градѣ, и многъ мятежъ востаетъ отъ лю-
дей собирающихся со псами сопротивъ у-
стремленія его, и исчезаетъ сонъ отъ всѣхъ:
Такъ Данайскаго воинства спражи ни на
малъ часъ не вкусили сна, храня сію зло-
вредную ночь. Ибо всегда обращали взоръ
къ полкамъ когда слышали Троянъ иду-
щихъ. Узрѣвъ же ихъ престарѣлый всадникъ
Несторъ возрадовался и ободрился духомъ;
приблизися же къ нимъ вѣщаетъ: Тако
любезныя чада! бодрствуйте, спрегите
не отягощайтесь сномъ, да не будемъ
въ посмѣяніе врагамъ нашимъ!

Тако рекъ исшелъ отъ рва, и по-
сѣдовали ему совокупно прочіи Аргив-
скіе Цари, кои званы были на совѣшъ
и съ ними Несторовъ сынъ и Миріонъ:
ибо они созывали Царей на совѣшъ. Ис-
шедъ же внѣ стѣны, сѣли на чистомъ
мѣстѣ, гдѣ не было лежащихъ труповъ
убитыхъ мужей, откуду при нашествіи
нощи возвратился храбрый Екторъ по-
губляя Аргивянъ.

Тамо знаменитый всадникъ преста-
рѣлый Несторъ первый между ими на-
чинаетъ тако: о други! кто отъ васъ
уповая на свое мужественное сердце воз-
приметъ дерзновеніе согладати Троян-
скіе полки? дабы кого уловиши или у-
слышаешь и познаешь совѣшы ихъ: гото-
вы ли пребываши близъ кораблей на-
шихъ, или возвращатся во градъ когда
смирили крѣпость Ахейнъ; кто все сіе
познаетъ и пріидетъ здравъ, велія слава
ему будетъ подъ небесами отъ всѣхъ
смертныхъ, и возпримѣвъ великое награ-
жденіе: колико обрящется вождей и вель-
можъ при корабляхъ сихъ, каждый да
дастъ ему овцу черную и плодородную.
Сему стяжанію нѣсть ни единого равна-
го;

го; всегда будешь званъ на пиршества и торжества.

Такъ рекъ и вси пребыли во глубокомъ молчаніи. На конецъ между ими храбрый Діомидъ вѣщаетъ тако: знаменитый старецъ Несторъ! меня дерзновенное сердце и неустрашимый духъ возбуждаютъ ити ко Троянскимъ полкамъ соглядатаемъ; но вѣщее дерзновение и лучшее упованіе будешь, когда и другій отъ васъ мужъ пойдетъ со мною совокупно: ибо гдѣ двое совершаютъ путь, тамо единъ предъ другимъ щитится полезнѣйшія подати совѣты; единъ же хоща что и проразумѣетъ, но сердце его медлительно есть и совѣщанія непостоянны.

Такъ рекъ и многіи восхотѣли послѣдовать ему: двое Еантовъ, Миріонъ, сынъ Несторовъ, Атреевъ сынъ Менелай и мидгострадаальный Одиссей, коего духъ всегда былъ дерзновенный.

Царь же мужей Агамемнонъ вѣщаетъ ему: возлюбленный сердцу моему великодушный Діомидъ! отъ сихъ, кого возжелаешь, избирай и кто явится очамъ твоимъ паче прочихъ достойнѣйшій: ибо

какъ самъ ты зриши, многіе готовы тебѣ послѣдовать. Но ты взирая на лице рода не преиди избраніемъ храбрѣйшаго и повинуюся спыду не возьми безсильнѣйшаго. Во швоей власти есть пояшь съ собою, хотя бы кто былъ знаменитѣйшій паче прочихъ Царей.

Сіе рекъ бояся о братѣ своемъ Менелай. По семъ храбрый Діомидъ вѣщаеъ: когда мнѣ самому повелѣваете избрать сопутника, како могу забыши здѣ Божественнаго Одиссея; коего разумъ премудрый и духъ неутомимый во всѣхъ трудахъ, и любитеъ его Паллада Аѳинская? ему спущешествующу изыдемъ оба невредимы изъ пламени огня: ибо зѣло премудры суть совѣшны его.

Божественный Одиссей на сіе отвѣщаеъ ему тако: Тидеевъ сынъ! не жажду я великія похвалы, не хочу же и поношенія; свѣдущимъ о семъ Аргивянамъ вѣщаеши. Но изыдемъ въ путь: ибо ночь совершаеъ уже шеченіе свое, и заря приближаетъ, звѣзды сокрыли свѣшъ свой, и двѣ части ночи протекло, шрешія шокмо остаеъся.

Тако вѣщающу ему вооружаются
броней крѣпкою: Тидееву сыну, далѣ
щитъ и мечъ обоюду острѣ воинствен-
ный Орасимидъ и возложилъ на главу
его шлемъ не украшенъ конскими власа-
ми, каковымъ молодые юноши покрываю-
тся. Миріонъ же далѣ Одиссею лукъ,
шуль, и мечъ и возложилъ на главу его
шлемъ кожаный внутри крѣпко связанъ
ремнями, ошѣ виѣшнія же страны укра-
шали его свинные зубы.

Тако вооружася пошли въ путь, о-
ставя всѣхъ вельможъ на томъ же мѣстѣ;
въ души же бывшимъ имъ Паллада Аѣин-
ская во благопоспѣшное знаменіе послала
птицу Еродія, кою за темною нощи не
могли видѣти очами, но шокмо слыша-
ли гласъ ея. Симъ обрадованъ бывъ О-
диссей взываетъ ко Аѣинской богинѣ моля
ея шако: о дщерь юпитера Егіоха во
всѣхъ моихъ трудахъ всегда присуствую-
щая и всѣ движенія мои созерцающая,
нынѣ наипаче услыши и возлюби мя
божественная Аѣнна! даждь намъ благо-
поспѣшно возвратитися паки ко Ахей-
скимъ кораблямъ и въ сопровивныхъ
полкахъ сотворити знаменитое дѣдо,

кое Троянамъ принесло бы великую печаль.

По семъ Тидеевъ сынъ Діомидъ воссылае къ ней моленіе свое тако: о порожденіе Юпишера божественная Амришона! услыши нынѣ и мой гласъ: послѣдуй со мною во Троянскіе полки, какъ нѣкогда послѣдовала со опцемъ моимъ божественнымъ Тидеемъ во градъ Фивы, когда онъ приносилъ возвышеніе ко старѣйшинамъ града сего за Ахейнъ оставя ихъ во Асопѣ, но возвращаяся отшуду показалъ чудесныя дѣла съ твоею о великая богиня помощію; тако покажи нынѣ и намъ твое благоволеніе и сохрани мя; тебѣ же принесу въ жертву юницу неукрожденную, на кою не возложенъ былъ храмъ, и роги ея позлащу златомъ чистымъ.

Такъ молилися храбрыя путешественники и услышала ихъ Паллада Аѣинская; по совершеніи молитвы пакы восприимлютъ путь, аки два льва неукротимыя не взирая ни на какій страхъ преходя въ темнотѣ ношной чрезъ шумы, чрезъ оружіе по окровавленному полю.

Равнымъ образомъ и отъ сопротив-
 ныя страны мужественный Екторъ по-
 велѣлъ бодрствовать Троянамъ въ пол-
 кахъ своихъ и созвавъ избраннѣйшихъ
 военачальниковъ предлагаетъ имъ разум-
 ный совѣтъ въщая тако: кто мнѣ объ-
 щаетъ сотвориши дѣло знаменитое? кто
 явится дерзновеннымъ иши въ ночь сѣю
 ко Ахейскимъ кораблямъ соглядатаемъ,
 да познаетъ: хранятся ли ихъ корабли
 стражами какъ и прежде, или смиренны
 бывъ подъ нашими руками совѣщаютъ о
 бѣгствѣ изъ страны сея и изнемогая
 отъ великаго труда не имѣютъ попече-
 нія о нощи сей? кто познавъ о семъ и
 пришедъ обратно возвѣститъ предъ на-
 ми, шопъ изду приобрететъ великую:
 дамъ ему колесницу и двухъ бодрыхъ
 жоней умѣющихъ носить искусно своего
 всадника во время брани, и великою сла-
 вою почтенъ будетъ отъ всего воинства.

Тако рекъ и пребыли всѣ въ молча-
 нїи глубокомъ.

Былъ нѣкто между Троянами Долойъ
 сынъ священнаго провозвѣстника Евмида
 гобзующъ злшомъ и мѣдью, лице имѣлъ
 безобразное, но ноги въ бѣганїи зѣло

скоря; сей ставъ предъ лицомъ Ектора
вѣщаетъ тако: величественный Екторъ!
мое мужественное сердце усстремляется
исполниши желанія и совѣсы твои; но
прежде, простри мнѣ скипетръ швой и
клянися общая дашъ мнѣ колесницу и
коней носящихъ знамениаго всадника
Ахилла. Я же не щешнымъ возвращуся
согладашаемъ: дошолъ буду преходиши
воинство Ахейское, доколѣ прииду къ
кораблю Агамемнона Царя, гдѣ мню что
собранныя вельможи совѣщающъ совѣсы
о бѣгствѣ или о брани.

Такъ рекъ; знаменитый же Екторъ
простеръ ему скипетръ кленясь тако:
да вѣсть нынѣ супругъ божественныя Иры
мещущій громы отъ высоты небесныя
всесильный Юпитеръ, что не инный
кто отъ Троянъ всядетъ на коней сихъ,
но ты единъ украшенъ возвеличиши
ими.

Такъ рекъ и пакы подтвердивъ
клятвою обѣщанія свои, повелѣваетъ спѣ-
шити въ путь. Долонъ же возложивъ
на рамо лукъ и шуль со стрѣлами и
облекшись въ кожу волчью и взявъ ко-
пье острое восприимлетъ путь къ ко-
раблямъ

раблямъ Ахейскимъ оставляя Троянское
воинство и не имѣя паки возвратитися
ко оному, и возвѣспиши приятное слово
о намбрѣнїяхъ Данайскихъ мужу сильному
Ектору. Но когда уже далеко ошшелъ
отъ воинства своего вскорѣ узрѣнъ былъ
отъ мудраго Одисея кой къ Діомиду ра-
достнымъ и тихимъ гласомъ вѣщаетъ :

Любезный Діомидъ! зри на страну
сїю и познай мужа поспѣшающаго въ пу-
ти отъ воинства; не знаю къ нашимъ
ли кораблямъ идешь соглядатаемъ, или
жаждешь получиши корысть отъ лежа-
щихъ сихъ мертвыхъ шруповъ; но дадимъ
ему нѣсколько прейти. поля, и тогда со-
зади постигая удобнѣе возможемъ уло-
вити его. Когда же будешь напредѣ
насъ, всегда щисся отвращаши отъ
воинства Троянскаго, гоня къ кораблямъ
верженіемъ копїа, да не утешетъ паки
во градъ.

Такъ вѣщая уклонились отъ пути
между шруповъ; Долонъ же не зря ихъ
аки безумный шечетъ прямо путемъ.
Но когда уже ихъ предшкль не въ да-
лекомъ разстоянїи, тогда они воздви-
глись отъ мѣста своего и пошекли во
слѣдъ

слѣдѣ его. Долонъ же услышавъ по-
 потъ идущихъ мужей, остановился по-
 мышляя во умѣ, что нѣкто отъ Троян-
 скаго воинства по повелѣнію Ектора и-
 детъ возвратити его вспять. Но когда
 толико уже опстоаялъ отъ нихъ, коли-
 кое есть верженіе козѣя, тогда позналъ
 быти мужей отъ сопротивныя страны;
 вскорѣ воздвизаетъ быстрыя ноги къ
 бѣгству. Аргивскія же дерзновенныя со-
 глядашаи спѣшатъ постигнуть его. Аки
 два пса изучены въ ловитвѣ звѣрей и-
 зошряя зубы съ яростію текутъ за сер-
 ною или зайцемъ; тако Тидеевъ сынъ
 мужественный Діомидъ и градоразруши-
 тель премудрый Одиссей напрягли си-
 лы сри постигнуть Долона. Но когда
 уже приближался ко стражамъ кораблей
 Аргивскихъ, тогда божественная Паллада
 Аѳинская послала силу Діомиду пости-
 гнути его, дабы не инный кто отъ
 Ахеянъ приближающагося его убилъ и
 ошѣлъ славу. Діомидъ убо постигая во-
 зопилъ къ Долону: или остановися на
 мѣстѣ семъ или копіемъ поражу тя; не
 мни избѣжати смерти отъ руки моея.
 Рекъ и вскорѣ мечетъ копіе, кое по-
 жела-

желанію Діоміда не прикоснулося тѣлу его, но чрезъ десное рамо прешедъ вонзилось на землѣ; Долонъ же ставъ у-страшился, и трепетъ объялъ всѣ составы его. Храбрыя всадники Аргивскія Ирои сильный Діомидъ и мудрый Одиссей притекъ взяли его трепещущаго за руки и со слезами вопіющаго: храбрыя мужи! не умерщвляйте меня, но живаго возьмите и дайте великую вамъ цѣну и скупленія; ибо въ домъ моемъ довольно имѣю злаша, мѣди и крѣпкаго желѣза; отъ всѣхъ сихъ отецъ мой дастъ вамъ неисчетныя дары, когда услышитъ, что я живъ обрѣтаюсь на корабляхъ Ахейскихъ.

Мудрый Одиссей отвѣщаетъ ему: буди дерзновененъ, и не помышляй о смерти, но повѣдай мнѣ истинну о чемъ вопрошу тя; почто тако единъ идеши отъ Троянскаго воинства къ кораблямъ Ахейскимъ въ ночь темную, когда всѣ смертныя наслаждаются пріятнымъ сномъ? желаеши ли получиши корысть отъ сихъ мертвыхъ труповъ, или Екторъ послалъ тебя къ кораблямъ Ахейскимъ со-глядати дѣла наши? или собственное дерзновеніе побудило тебя къ сему?

На

На сіе Долонъ весь бывъ во ужасѣ отъвѣщаетъ ему шакѣ: о знаменишые мужи! Екшоръ по принужденію въ сіи горчайшія злѣключенія ввергль меня обѣщавъ даши мнѣ коней и колесницу пресловутаго Данайскаго Ироя Ахилла, и повелѣль ишши въ сію зловредную ночь къ кораблямъ вашимъ, да испытаю, спрегутся ли они какъ и прежде, или поражены бывъ прошедшимъ ужасомъ помышляете искати спасенія бѣгствомъ и оставя Троянскія брега опыти во свою отечественную землю, ниже имѣете пощеченія о сей ночи упружены страшною оною бранію.

На сіе премудрый Одиссей усмѣхнувшись отъвѣщаетъ ему: о коль великихъ даровъ алкало твое безумное сердце! или не зналъ ты до днесь, что коней сихъ никакій смертный всадникъ усмирить не можетъ какъ токмо единъ знаменитый сей мужъ Ахиллъ, коего безсмертная мать родила? но возвѣсти мнѣ всю истину и открой не ушаева ничего: гдѣ нынѣ отходя отъ воинства твоего оспашивль пасыря народовъ пресловутаго Троянскаго вѣщающаго Екшора и гдѣ

крѣп-

ирѣпкая броня его лежишѣ и тѣбѣ сильныя кони его стояшѣ, како Троянскія спражи хранятсѣ, какія совѣты предпринимлюшѣ; желаютѣ ли стояти на мѣстѣ семѣ не далеко отѣ кораблей нашихѣ, или по усмирѣнїи Ахейнѣ хошатѣ возвратитсѣ во градѣ?

На сіе Долонѣ отвѣщаетѣ тако: о великіе мужи! всю истинну предѣ вами возвѣщу днесѣ и не сокрою ничего: Екшторѣ нынѣ созвавѣ премудрѣйшихѣ военачальниковѣ и отлучасѣ отѣ народа совѣщаетѣ совѣты при гробѣ божественнаго Ила; спражи же о коихѣ вопрошаеши не хранятѣ воинства и огни сіи, коихѣ зрите на полѣ, суть токмо Троянскія; пришедшее же на помощь воинство спитѣ, спражу же препоручили храниши Троянамѣ: ибо не имѣя при себѣ ни женѣ ни дѣшей, не имѣютѣ и попеченїя ни о чемѣ.

Премудрый Одиссей паки вопрошаетѣ его: како пришедшіи на помощь спятѣ? купно ли со Троянами или во отдѣленномѣ мѣстѣ? повѣдай мнѣ ясно, да уразумѣю всю истинну.

Долонѣ отвѣщаетъ ему: всю правду
открою нынѣ предъ вами во всемъ; при
морѣ возлежатъ Каріане, Пеоняне, Ле-
леги, Кавконы и Пелазги; при Тимврѣ
же Ликіане, Мисіане, Фригіане и Меоня-
не; но почто тако по единому вопро-
шаете? когда желаете ити внутрь во-
инства нашего, тамо перваго узрите
Фракійскаго Царя Риса сына Іонеева вно-
въ пришедшаго съ воинствомъ на по-
мощь Троянамъ. О коль прекрасныхъ,
коль великихъ и паче снѣга бѣлѣйшихъ
я видѣлъ коней его, кои въ бѣганіи по-
подобны вѣтрамъ! колесница же его вся
златомъ и серебромъ украшена; оружіе
(удивленія достойное дѣло!) все состо-
итъ отъ злата и смертнымъ носивши
его не прилично, но токмо единымъ бо-
гамъ. Вы нынѣ отведите меня на ко-
рабли ваши и тамо отдайте подѣ стра-
жу, или здѣ связавъ крѣпкими узами о-
ставъте на мѣстѣ семъ, и когда возвра-
титесь отъ воинства нашего, тогда по-
знаете, истинно ли было возвѣщеніе мое
предъ вами.

Храбрый Тидеевъ сынъ Діомидъ воз-
зрѣвъ на него свирѣпыми очами рекъ
ему:

ему : когда уже впалъ ты въ руки наши , тщетно помышляеши о спасеніи швоемъ , хощя и приятное возвѣщаніе принесть ты намъ : ибо ежели сотворимъ тебѣ освобожденіе и отпустимъ ко Троянскому воинству , тогда паки прїдеши къ кораблямъ нашимъ или соглядатаемъ или ратникомъ ; но когда погибнешъ животъ твой подъ руками нашими , уже не будешь во вредъ Аргивскому воинству.

Тако рекъ ; Долонъ же съ препетою и со слезами касается рукою браннаго его моля да оставитъ ему животъ ; но неукротимый Діомидъ въ то самое время ударяетъ мечемъ въ выю его и пресекаетъ обѣ жилы ; падетъ глава на землю и языкъ издаетъ безсловесный гласъ , песокъ же обогрѣется кровію . Преглядашаи совлекаютъ шлемъ ошъ главы его и волчью кожу ошъ раменъ , такожде лукъ и копіе . Премудрый Одиссей все сіе вознося горь и моля браноносицу Аяину вѣщаетъ :

Радуйся о великая Богиня ! сими корыстными первую себя ошъ безсмертныхъ призываемъ ; послѣдствуй убо , да видѣмъ

демь ко Оракійскимъ мужамъ и узримъ коней, колесницы и куши ихъ.

Тако рекъ и повѣсилъ корысть оную на древъ Мирикъ и положилъ шамо во знаменіе вѣшви и шростіе, дабы возвращающимся отъшуду извѣстенъ былъ путь сей. По совершеніи сего отходящъ отъ мѣста онаго и вскорѣ приближактся къ полкамъ Оракійскихъ мужей, кои упружены бывъ спали во глубокомъ снѣ; близъ же ихъ знаменитое оружіе водружено стояло въ три ряда и при каждомъ два коня съ колесницею; посреди же ихъ въ великолѣпной сѣни спалъ знаменитый Царь Рись, и близъ его стояли пресловушыя кони привязаны позади колесницы. Премудрый Одиссей первый узрѣвъ Царя къ Діомиду вѣщаетъ: сей тебѣ о Діомидѣ мужъ есть, сїи суть кони, о коихъ повѣдалъ намъ Долонъ, котораго убили мы нынѣ; покажи убо крѣпость силы твоея: не подобаешь стояти празднымъ намъ здѣ; отрѣшай коней или поражай сихъ смертію, о коняхъ же я имѣши буду попеченіе.

Тако рекъ и абіе вдохнула рожденная отъ Юпитеровой главы Аѳина дерз-

новенному Діомиду крѣпость, кой обращающаяся на всѣ страны убивалъ спящихъ; необыкновенный стонъ восходилъ отъ умерщвляемыхъ и черною кровію обагралася земля. Аки люшый левъ на неспрегомыя пасшырами овецъ или козъ спада навадъ свирѣпствуетъ не чувствуя сышости: тако Тидеевъ сынъ Діомидъ поражалъ смертію спящихъ Фракійскихъ мужей, доколѣ двенадцать умершилъ. Мудрый же Одиссей умерщвляемыхъ емя за ногу отвлекалъ на страну помышляя во умъ, дабы кони удобнѣ могли преити и не устрашилися мертвыхъ труповъ изрыгающихъ кровь; ибо не обыкли еще бѣгати посреди мертвыхъ. Діомидъ пришедъ ко Фракійскому Царю Рису лишилъ и его сладкаго живоша и сей былъ третій надсять между убіенными отъ Данайскаго Ироя: ибо въ сію страшную ночь по совѣту преудрыя Аѳины зловредный сонъ Инеевъ сынъ стоялъ у возглавія спящаго Царя Риса. Тѣмъ временемъ многострадаальный Одиссей отрубшии коней вложилъ въ челюсти ихъ крѣпкія бразды и ударяя лукомъ изводилъ отъ среды воинства; по семъ

засвисталъ дая знакъ Діомиду; сей же ставъ помышлялъ въ себѣ: что такое здѣлалъ недостойное, или возьмъ колесницу, на коей разное оружіе лежало, извлеши вонъ, или продолжаши убивство Фракійскихъ мужей.

Сіе ему помышляющу представъ божественная Аѣина вѣщаетъ: великодушнаго Тидея сынъ храбрый Діомидъ! приближилось уже время вспомянути вамъ о возвращеніи къ кораблямъ Ахейскимъ, да не какій Богъ возбудитъ и Троянъ отъ сна и тогда ошудеши со страхомъ.

Тако рекла: Діомидъ познавъ гласъ быти глаголющія Аѣины вскорѣ восходитъ на колесницу; Одиссей же ударяетъ коней лукомъ, кои полетѣли по возвращенію пуши къ Ахейскимъ кораблямъ.

Соглядашайство сіе не ушайлося отъ стрѣломещущаго Бога Аполлона, кой удрѣвъ Аѣину путешествующую со знаменитымъ Тидеевымъ сыномъ Діомидомъ и прогнѣвався на него вшелъ во Троянское воинство и тамо возбудилъ спящаго Фракійскаго мудраго мужа родственика Рисова Иппокоонта. Сей возшавъ отъ сна,

сна, когда узрѣхъ пустое мѣсто, гдѣ стояли кони Рисовы и колесница его, и многихъ мужей плавающихъ во своей крови, возрыдалъ громкимъ гласомъ зывая имя друга и родственника своего. Вскорѣ во всѣхъ Троянскихъ полкахъ восплаетъ вопль шумъ и збѣлый мясежъ; бѣгущъ отъ всѣхъ странъ и удивляются со ужасомъ чуднымъ и не обыкновеннымъ дѣламъ содѣяннымъ отъ мужей кои возвратились къ кораблямъ Ахейскимъ.

Соглядаша Данайскіе когда пришли на мѣсто, гдѣ убили Долоня посланнаго отъ Ектора, тогда возлюбленный Юпитеру Одиссей воздержалъ коней, Диомидъ же сошедъ на землю взялъ окровавленные корысти Долоновы и отдалъ ихъ въ руки мудрому Одиссею; самъ же паки восшелъ на колесницу и оба восприяли путь ко Аргивскому воинству.

Тамо первый Несторъ услышавъ шумъ бѣгущія колесницы вѣщаетъ: о возлюбленные друзья, вожди и благіе совѣтники Данайскіе! слухъ ли прельщаетъ меня или истинну реку? но сердце повѣщаетъ возвѣстити предъ вами: шумъ гремящихъ коней и гремящія колесницы ударяешь

даряешъ во уши мои; о дабы наши любезные совойншвенники мудрый Одиссей и храбрый Діомидъ шако скоро возвращи-
лся на коняхъ ошъ Троянскаго войн-
ства! но зѣло ужасается сердце мое, да-
бы избраннѣйшіи изъ Ахейнъ не по-
спрадали что злое ошъ Троянскаго воз-
мущенія. Едва шокмо рекъ сіе, какъ
мужешвенныя два Ироя приблизилися
къ нимъ, и сошедъ на землю восприемлюш-
ся ошъ всѣхъ военачальниковъ радостны-
ми десницами и благоприяднымъ поздра-
вленіемъ.

Первый между ими престарѣлый вса-
дникъ Пилеевъ сынъ Несторъ вопроша-
ешъ: великая слава Ахейнъ доспохваль-
нѣйшій Одиссей! повѣдай намъ, како во-
схишили знаменишыхъ сихъ коней въ шо-
ликомъ множествѣ Троянскихъ полковъ?
или кшо ошъ Боговъ ишедъ вамъ во
срѣщеніе подалъ ихъ? ибо зѣло подобны
суть солнечнымъ лучамъ. Всегда я ме-
жду Троянами брань швора обращаюся
и праздно у кораблей никогда не пре-
бываю, хошя и старосшію сляченъ есмь
войншвенникъ, но шаковыхъ коней ни-
когда я ниже видѣлъ ниже слышалъ. Во-
исшинуу

истинну нѣкій Богъ послалъ вамъ ихъ: ибо обоихъ васъ любилъ мещущій громы отъ высооты небесныя Юпитеръ и рожденная отъ главы его дщерь премудрая Паллада Аѳинская.

Мудрый Одиссей на сіе отвѣщая рекъ ему: о велія слава Ахеянъ достохвальнѣйшій знаменишаго Нилея сынъ Несторъ! когда Богъ восхощетъ, можетъ лучшихъ послати коней но сіи кони суть вновь пришедшаго ко Троянамъ на помощь Фракійскаго Царя Риса, коего нынѣ убилъ храбрый Діомидъ и съ нимъ двенадцать избранныхъ совоинственниковъ и шестягонадесять соглядатая Долона, коего Екторъ послалъ испытати совѣщши и стражу нашу.

Сіе вѣщая повелъ коней внутрь стѣны чрезъ ровъ, послѣдуютъ ему и прочіи Ахеяне радуясь. Пришедъ же къ великолѣпной Діомидовой сѣни, коней привязали къ столбамъ, гдѣ собственныя кони его стояли питаяся сладкою пшеницею; окровавленные же Долоновы корытши положилъ Одиссей на кормилъ корабля, доколѣ уготовятъ жертву божественной Аѳинѣ; сами же пошли на брегъ

моря и шамо омывали пошѣ и прахѣ
ошѣ шѣла своего. По прохладеніи сер-
дца паки пошли въ баню, гдѣ по умо-
веніи умаснили шѣло елеемѣ и по томѣ
сѣли вечеряти и въ честь премудрой
Аѳинѣ полными сосудами почерпая ошѣ
чаши пили сладко: вино.

ОМИРОВОЙ ИЛІАДЫ

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ НАДЕСЯТЬ.

с о д е р ж а н і е.

Агамемнонь вооружася повелѣваетъ и всѣмъ Ахей-
намъ вооружитися, потомъ вскорѣ со всемъ
войнствомъ исходитъ на брань. Юпитеръ пове-
лѣваетъ Ектору воздержашся отъ брани, дохо-
ля Агамемнонь къ кораблямъ не возвратится.
Одиссей окруженъ Троянами призываетъ Еанша
и Менелая и съ помощію ихъ спасается отъ
смерти, лучшіе изъ Ахейнъ уязвляются: Ага-
мемнонь отъ Коона, Одиссей отъ Соха, Діомидъ,
Еврипиль, и Махаонъ отъ Париды. Ахилль у-
зрѣвъ Махаона возвращающагося съ Несторомъ
отъ брани, посылаетъ Патрокла извѣдать, кто
уязвленъ. Сей пришедъ вскорѣ позналъ, что
Махаонъ уязвленъ. Несторъ увѣщаетъ Патро-
кла, дабы или Ахиллу присовѣтовалъ сопо-
ристь помощь Ахейнамъ, когда же онъ опре-
чется, то самъ облехшися во всея Ахилловъ сна-
рядъ исшелъ бы на брань. Патроклъ возвраща-
ясь къ Ахиллу срѣтаетъ Еврипила уязвленнаго

и ведетъ его къ кораблямъ гдѣ и старается
помощи его.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ НАДЕСЯТЬ. Л А М Д В А.

Когда лучезарная денница восшла
отъ блистающихъ чершоговъ обла-
дающаго морскою глубиною Тивона, на
высоту пространнаго Олимпа возвѣщая
безсмертнымъ и земнороднымъ приближе-
нiе дневнаго свѣта; тогда Юпитеръ
предпослалъ зловредную Ериду ко Ахей-
скимъ кораблямъ держащую знакъ смер-
тоносныя брани. Тамо посреди всѣхъ ко-
раблей стоялъ корабль мудраго Одиссея,
и удобно было слышати гласъ отъ него
изъ сѣни Еаншовой и Ахилловой: богиня
спавъ на Одиссеевомъ кораблѣ великимъ
возопила гласомъ ко Ахеянамъ, и шѣмъ
возбудила всѣхъ сердца бесстрашно сра-
жати; тогда Ахеянамъ приятнѣе было
брань шворити нежели возвращати въ
любезную отечественную землю.

Агамемнонъ ободренъ бывъ гласомъ бо-
гини,

гини, возопилъ ко Аргивянамъ повелѣвая
 всѣмъ вооружаться на брань; вскорѣ об-
 лекаешся и самъ во блестящую мѣдную
 броню: во первыхъ обуваешся въ сапоги
 крѣпкія ушвержденные серебряными за-
 стешками; по семъ возлагаешъ на пе-
 рси лапы данныя въ даръ отъ Царя
 Кинира во знакъ гостеприимства; (ибо
 дошла слава и до острова Кипра,
 что Ахейское многочисленное воинство
 имѣшъ намѣреніе преплывати море въ
 корабляхъ ко преславному граду Троѣ)
 дашъ сихъ десять спезей были отъ
 Чернаго Кіана, двенадцать отъ чи-
 стаго злата и двенадцать отъ оло-
 ва; окрестъ выи распростершы лежали
 при дракона имѣющіе цвѣтъ подобный
 радугѣ, кою положилъ Юпитеръ на об-
 лакахъ во удивленіе земнороднымъ; на
 раменахъ повѣсилъ острый мечъ, на ко-
 емъ гвозди златые издавали сіяніе ве-
 ликое; серебряное влагалище его держа-
 ли златые ремни; по семъ приемлешъ
 въ руки щитъ ошрѣвающій всякаго ору-
 жія сильное усурменіе, на немъ поло-
 жено было десять мѣдныхъ круговъ и
 двенадцать пуповъ бѣлаго олова, посре-
 ди

ди же ихъ былъ единъ великій отъ чернаго Кіана, на коемъ изображена была ужасный взоръ мещущая Горгона, окрестъ ея водворялся страхъ и трепетъ, отъ нея простертъ былъ серебряный ремень, на коемъ висѣлъ извитый синій драконъ со шрема изъ единой выи обращающимися едина спротивъ другой главами; на главу возлагаеъ шлемъ украшенъ конскими власами, кои страшнo возбѣвалися окрестъ главы его; въ руки приемлетъ два крѣпкія и острыя копія, коихъ блистаніе отъ мѣди восходило до небесъ; Паллада же Аѳинская и божественная Ира утвердили надъ ними смерть и ужасъ, желая прославити Царя града Мининъ.

По семъ каждый военачальникъ повѣлываетъ своему возницѣ содержать коней близъ рва во всякой готовности и порядкѣ: сами же пѣшіи восходятъ на брань вооруженны крѣпкою броней предупредая всѣхъ; прочіи же всадники послѣдуютъ за ними. Утренняя денница наполняется безмѣрнымъ воплемъ; Юпитеръ же воздвиглъ надъ ними страшное знаменіе, исшочивъ отъ облакъ кровавую

вавую росу шворя предвѣщаніе , что
многимъ знаменишымъ главамъ подобаетъ
сниши во адѣ.

Опѣ другія страны Трояне собрани
спояли на високомъ мѣстѣ поля, гдѣ пред-
водишельствовали ими великій Екторъ,
храбрый Полидамантъ и Еней, коего
Трояне аки бога почитали и три сына
Анпиноровы: Поливъ, Агиноръ и подоб-
ный безсмертнымъ Акамантъ. Екторъ
же между первыми шествовалъ имѣя предъ
собою щипъ аки гору. Какъ вредоно-
сная звѣзда ово является на небѣ сіяю-
щая, ово заходитъ въ темныя облаки;
тако Екторъ иногда видимъ былъ упра-
вляя первыми рядами, иногда послѣдни-
ми, и весь отъ главы и до ногъ покрытъ
бывъ мѣдною бронею блисталъ, аки бли-
скаетъ Юпитеръ когда мещетъ паля-
щую молнію. Трояне же и Ахейне единъ
сопротивъ другаго яростно устремляясь
вкушали горчайшую смерть, и лишив-
шись сладчайшаго живоша падали аки
снопы, когда земледѣлаше на гобзу-
ющихъ поляхъ съ радостію спѣшашъ по-
жати пшеницу или жито; бѣгали аки
волки, желая восхишши пицу себѣ.

Еди-

Едина отъ боговъ зловредная Ерида присудствуя на сей брани радовалася взирая на сїи плачевныя дѣла : прочїи же боги спокойно пребывали на высошѣ Олимпа, гдѣ на кругахъ его каждому особь созданы были прекрасные дома, и всѣ обвиняли погоняющаго облаки Сатурнова сына Юпитера; ибо онѣ хотѣлъ даши славу Троянамъ паче, нежели Ахейнамъ; но онѣ не вмѣнялъ ихъ ропшанїямъ, сидѣлъ единѣ во свѣтшозарныхъ своихъ чертогахъ радуясь неизреченною великолѣпїя славою и взирая на градъ Троянскїй и на корабли Ахейскїя, на блистанїе оружія, на убивающихъ и на погибающихъ.

Доколѣ заря была и возрасталъ священный день, дошолъ стрѣлы бесчисленные лешали отъ обоихъ странъ и великое множество падало народа : когда же мужъ древодѣлецъ посѣкая великія древа изнеможеть отъ трудовъ и ослабѣеть крѣпость рукъ его и сердцемъ взалкавъ пищи, уготовляеть обѣдъ желая насытїи; тогда Ахейне силою мужества своего прервали Троянскїя ряды увѣщевая другъ друга во всемъ волишѣ.

Первый Атреевъ сынъ мужественный
Царь Агамемнонъ устремляя въ воинства
убилъ пастыря народовъ сильнаго мужа
Віанора, потомъ и совоинственника его
храбраго всадника Илея, кой оставя ко-
ней и сошедъ съ колесницы на землю
стоялъ сопротивъ; Агамемнонъ же те-
кущаго къ себѣ поражаетъ острымъ ко-
пьемъ въ чело; не воспяшилъ тогда крѣ-
пости мужа шлемъ мѣдный, но остріе
копья пронзаетъ всю твердость его и
сокрушившейся кости истекаетъ мозгъ
отъ главы.

Такъ Царь мужей Агамемнонъ смирилъ
сихъ воинствеииковъ и совлекъ съ нихъ
одежды оставилъ плавати ихъ во своей
крови; самъ же прерывая ряды сопро-
тивныхъ спѣшилъ убить Пріамовыхъ сы-
новъ Иса и Антифа бывшихъ на единой
колесницѣ, (Исъ управлялъ конями, Ан-
тифъ же ратовалъ:) сихъ нѣкогда Ахиллъ
пасущихъ стада овецъ на хребтахъ горы
Иды связалъ тонкими вѣтвями и послѣ
разрѣшилъ восприявъ цѣну искупленія;
но тогда Агамемнонъ Иса поразилъ копь-
емъ въ перси поверхъ сосца, Антифа же
близь уха и тако обоихъ низвергъ отъ
колес-

колесницы на землю. Познавъ же что они нѣкогда были плѣненны отъ Ахилла и пребывали у кораблей Ахейскихъ поспѣшалъ совлещи богатую броню ихъ. Аки левъ крѣпкій пришедъ въ доже быспрыя лани и восхитивъ молодыхъ дѣшей ея сокрушаетъ безъ труда выихъ и яростными зубами шерзаетъ внутренняя; мать же ихъ предстоя взираетъ жалостными очами, но ни малѣйшя помощи не можетъ имъ сотворити, на конецъ и сама трепеща отъ страха легкѣя ноги направляетъ въ темные лѣса, шечетъ со шпремленіемъ укрытися въ горахъ отъ люшости сильнаго звѣря: тако двумъ всадникамъ сынамъ великаго Пріама никто отъ Троянъ не моглъ швраши смерть нанесенную сильнымъ Царемъ Агамемнономъ, но паче сами и скали спасенія бѣгшвомъ.

Агамемнонъ паки устремляетъ мужество свое сопрошивъ двухъ всадниковъ Писандра и Ипполоха сыновъ храбраго воинственника Аншимаха, кой отъ Александра великими дарами злата обольщенъ бывъ, воспретилъ совѣтами своими швраши прекрасную Елену Царю Мене-
лаю,

лаю, его сыновѣ Царь многихъ народовѣ
сынѣ Атреевѣ узрѣвѣ на единой колесни-
цѣ текущихъ, пресѣклъ путь. Они же
вострепешавъ отъ страха повергли браз-
ды на колесницу и ко приближающему-
ся Царю преклонивъ колѣна трепеща и
проливая слезы вѣщающъ: о сынѣ Атре-
евѣ! живыхъ возьми насъ и не предавай
горчайшей смерти повели отвести въ
плѣнъ къ кораблямъ Ахейскимъ; въ домѣ
нашемъ изобильно хранишся въ сокрови-
щахъ чистаго злата, красныя мѣди и
крѣпкаго желѣза; отъ всѣхъ сихъ отецъ
нашъ дастъ тебѣ неисчетныя дары, ког-
да услышишь, что мы живы обрѣтаемъ-
ся въ плѣненіи на корабляхъ Ахейскихъ.

Такъ молили юноши Царя Агамемно-
на со смиреніемъ, но отъ него слыша-
ли отвѣтъ немилосердый: когда отецъ
вашъ есть Ансимахъ, кой иѣкогда бывъ
во Троянскомъ собраніи совѣщевалъ стар-
цамъ градскимъ и вельможамъ Пріамовымъ
не опускати къ кораблямъ Ахейскимъ
Царя Менелая и божественнаго Одиссея
пришедшихъ съ возвѣщеніемъ о требова-
ніи Царицы Елены, но повелѣвалъ пре-
даши смерти; примите убо отъ руки

моея достойную мечь за неправедныя
 совѣшты отца вашего. Тако вѣщая уда-
 ряетъ копьемъ Писандра и пронзаетъ
 младая перси его; низвергается отъ ко-
 лесницы на землю и источая кровь чер-
 ную, напаяетъ оною песокъ сухій, душа
 же его водворяется въ жилища мрачныя
 тѣней мертвыхъ. Ипполохъ сошедъ отъ
 колесницы на землю равный воспріемлетъ
 жребій: ибо Агамемнонъ отсѣкъъ обѣ ру-
 ки и главу его оставилъ аки шаръ во
 множествѣ мяшущагося народа. Самъ же
 устремляется со прочими Ахейцами, гдѣ
 множайшія труды и сильнѣйшее убійство
 зрѣлъ; пѣшіи умерщвляютъ пѣшихъ и
 всадники всадниковъ, востаетъ на полѣ
 прахъ темный возносимый конскими мѣд-
 ными подковами; Царь же Агамемнонъ
 слѣдовалъ всегда убивая Троянъ и воз-
 буждая Аргивянъ. Аки высокія древа
 возрасшавшія чрезъ много лѣтъ падушъ
 едино за единымъ, когда скрывающійся
 въ нѣдрахъ питавшія ихъ матере земли
 огонь поестъ силу корня ихъ, и нападетъ
 отъ южныхъ страны вѣтръ, коему про-
 тивиться не могутъ: тако подъ крѣп-
 кою Агамемнона рукою падали многія

знамениыя главы бѣгущихъ Троянѣ. Многіи кони устращенны ратнымъ мятежемъ съ праздными колесницами бѣгали по воинскимъ рядамъ желая обрѣсти своихъ крѣпкихъ всадниковъ; но они уже лежали на землѣ бездыханны и пріятны вранамъ паче, нежели женамъ своимъ.

Ектора же Юпитеръ восхишилъ отъ среды смертоносныхъ спрѣлъ, отъ темнаго праха, отъ смерти, отъ крови, и отъ всего военного смятенія. Агамемнонъ покрылъ весь прахомъ и обогрѣвъ кровію убіенныхъ съ воплемъ слѣдовалъ за Троянами моля и увѣщевая Данаевъ да умножатъ силы и рвеніе свое; предъидши же гробъ древняго Ила сына Дарданова, когда приблизились ко вратамъ Скейскимъ и къ букову древу, спали на мѣстѣ ономъ ожидая прочихъ своихъ союзниственниковъ; Трояне же бѣгали по всему полю желая укрытися отъ смерти, и отъ ярости Царя Агамемнона, кой чуднымъ тогда свирѣпствовалъ неистовствомъ. Аки левъ прескочивъ нощію ограду устращаетъ всѣхъ воловъ, нападъ же на единого сокрушаетъ зыю и

повергѣ на землю, острыми ногтями раздираетѣ утробу его, крѣпкими зубами шерзаетѣ внутренняя и гладными челюстными сосетѣ кровь его: шаковѣ Царь Агамемнонѣ зримѣ былѣ, когда гвалѣ Троянѣ поражая всегда послѣдняго; многіе тогда разнообразно повержены лежали отѣ рукѣ его, многіе полумертвые не зря своихѣ любезныхѣ совоинственниковѣ прощирали руки ко врагамѣ и просили помилованія, но сошрены были конскими копытами и колесницами и шако живошѣ свой кончали съ горестію. Когда же приближались къ высокимѣ градскимѣ швердынямѣ; тогда ошецѣ Боговѣ и смертныхѣ, Крововѣ сынѣ Юпитерѣ оставя лучезарныя чертоги небесной швердыни нисшелѣ на изобилующую водными источниками, гору Иду и шамо на вершинѣ ея съѣ держа въ рукахѣ молнію, и вскорѣ красящуюся злыми крылами призываетѣ Ириду и вѣщаетѣ къ ней шако:

Быстролемящая Ирида! Теки вскорѣ къ мужесшвенному Екшору и возвѣсти ему слово, кое повелю шебѣ днесь: доколь будешѣ онѣ зрѣши Агамемнона не исповсѣвающего во Троянскихѣ цолкахѣ

и воздвизающаго смертный мятежъ между сильными ратниками, дотолѣ да воздержитѣ крѣпкія свои руки отѣ брани, и да отступаетѣ вспяшь повелѣвая токмо воинству своему бранѣ шворити со Ахейнами. Когда же Агамемнонѣ пораженѣ бывѣ отѣ сопротивныя страны коплѣмѣ или стрѣлою възидетѣ на колесницу спасая отѣ смерти, тогда пошлю ему крѣпость убиваши сильныхъ мужей данайскихъ, доколѣ прїдетѣ къ кораблямъ ихъ погоня своихъ сопротивныхъ смертію, и вси пошекутъ отѣ ярости лица его ища спасенія въ сокровенныхъ мѣстахъ; тогда зайдетѣ солнце и во глубинѣ моря погрузитѣ лучи свои и священная тѣма пришедѣ покроетъ весь свѣтъ.

Такъ рекъ и повинулася Юпитеру скоротекущая Ирида; оставя же крутые верхи Идейскихъ горъ вскорѣ прихдитѣ ко священному граду Троянскому и тамо обрѣтаетѣ божественнаго Пріамова сына храбраго Ектора стоящаго на украшенной златомъ колесницѣ и приближася къ нему вѣщаетѣ:

Богopodobный совѣтами сынъ великаго
 Пріама великодушный Екторъ! Юпитеръ
 предпослалъ меня отъ Идейскихъ высо-
 кихъ горъ возвѣстити тебѣ повелѣнія
 его: доколь будешь зрѣши Агамемнона
 неистовствующаго во Трояхъ сѣхъ полкахъ
 и воздвизающаго смершныи мяшежъ ме-
 жду сильными твоими ратниками, до-
 шолъ да воздержиши крѣпкія твои руки
 отъ брани и да отступаеши вспять по-
 велѣвая шокмо воинству твоему разо-
 ваши со Ахейнами; когда же Агамемнонъ
 пораженъ бывъ отъ сопротивныхъ страны
 копіемъ или острою стрѣлою взыдетъ на
 колесницу опасаяся отъ смерти; тогда
 пошлеть тебѣ крѣпость убивати силь-
 ныхъ мужей данайскихъ, доколь пріиде-
 ши къ кораблямъ ихъ погоняя сопро-
 тивныхъ твоихъ смертію и вси поше-
 куптъ отъ ярости лица твоего ища спа-
 сенія въ сокровенныхъ мѣстахъ; тогда
 зайдетъ солнце и во глубинѣ моря по-
 грузитъ лучи свои и священная тѣма
 пришедъ покроетъ весь свѣтъ.

Тако возвѣстивъ отходитъ скоросе-
 кушая богиня. Екторъ нисшедъ отъ
 колесницы со оружіемъ на землю идетъ
 по

по воинству своему возвышая и на всѣ страны устремляя копіе и возбуждая ко брани и паки возобновилъ убійство лю- тѣйшее паче перваго. Трояне воздвиг- лися сопрошивъ Ахейнѣ, кои равнымъ образомъ подкрѣпили ряды свои и смерть поглощала множество народа. Агамемнонъ притекъ сшалъ первый предъ своимъ воин- ствомъ горя желаніемъ брань швориши пре- жде всѣхъ.

Нынѣ божественныя мусы обитающія въ небесныхъ селеніяхъ повѣдайше мнѣ, кто тогда первый Агамемнону отъ Тро- янѣ или помощниковъ ихъ исшелъ во срѣщеніе? се первый Ифидамантъ вели- кій и храбрый Антиноровъ сынъ, коего въ изобилующей стадами овецъ Фракіи отъ младенчества воспиталъ Киссей дѣдъ матери его родившій прекрасную Феану; когда же доспиглъ въ юношескій цвѣтущій возрастъ оставилъ его при се- бѣ и отдалъ дочь свою въ жену ему. Но когда извѣстился славою о морепла- ваніи кораблей Ахейскихъ, тогда воору- жилъ и самъ двенадцать кораблей и на- полнилъ ихъ воинствомъ, кое и послѣдо- вало ему; пришедши же въ Перкоку ко-
X 4
рабли

рабли оставилъ и пошелъ пѣшій съ воинствомъ ко Троянамъ на помощь; гдѣ сошедшія со Агамемнономъ усстремилися единыя сопрошивъ другаго: Агамемнонъ первый мечемъ копіе, но оное не прикоснулося Ифидаманту и щепотно было устремленіе его; Ифидамантъ же ударяющъ Агамемнона въ поясъ, но онъ крѣпостію руки своея воспянулъ всю силу дѣйствія, ниже пронзилъ пояса, ибо остріе копія прикоснувся серебру согнулося аки свинецъ. Агамемнонъ восхищивъ ратовище копія привлеклъ его къ себѣ аки скорый и сильный левъ, испоргъ же изъ руки копіе пресѣкъ выю его мечемъ и разрушилъ всю крѣпость членовъ. Тако Ифидамантъ падъ на землю уснуль вѣчнымъ сномъ. Нещастный! желая сотворити помощь согражданамъ своимъ въ далечайшей странѣ оставилъ младую жену, коея нималѣйшими пріятностями не имѣлъ времени наслаждаться, и ради коей многіе далъ дары; во первыхъ сто воловъ, но послѣ обѣщаль дати тысячу овецъ и козъ, коихъ великія стада паслися въ его сѣжаніи; но се нынѣ поверженъ и лишенъ оружія лежитъ на зем-
ли.

ли. Агамемнонъ обратился къ воинству Ахейскому нося знаменитую броню его.

Старшій Аншиноровъ сынъ славнѣйшій силами и величествомъ зрака паче многихъ Троянскихъ Ироевъ Коонъ познавъ о смерти брата своего воссталъ отъ всего сердца и зѣльная бользнь покрыла свѣтъ очей его. Пришедъ въ память спалъ отъ сраны укрываясь Агамемнона и поражаетъ его копѣемъ посреди руки близъ локтя; блестящее остріе копія проходишь на другую срану тѣла и нападаетъ страхъ на великодушнаго Царя мужей Агамемнона. Но онъ ниже тако престалъ отъ брани: ибо узрѣвъ Коона влекущаго за ногу брата Ифидаманша подъ прикрытіемъ щита и зовущаго на помощь сильнѣйшихъ отъ Троянъ поражаетъ копѣемъ и сокрушаетъ жрѣпость членовъ его; на конецъ надъ трупомъ Ифидаманша отсѣкаетъ главу его. Тако Аншиноровы два храбрые сына подъ руками Агамемнона скончали печеніе живота своего, души же ихъ водворилися въ царство темнаго Арея. Агамемнонъ паки свирѣпствуетъ проходя Троянскихъ полковъ ряды, и доколѣ кровь и

стекала отъ раны его, дошолъ бѣгу-
щихъ и сопротивъ спреющихся поражаъ
копѣмъ, мечемъ и великими камнями; но
когда рана иссякла и кровь прекратила
печеніе свое, тогда вступили въ крѣ-
пость Агамемнона лютыя болѣзни аки
болѣзни коихъ Илиѣи дочери божественныя
Иры посылають женамъ при рожденіи чадъ.
Вскорѣ восходитъ на колесницу съ печалію
и повелѣваетъ, возницѣ спѣвши ко
Ахейскимъ кораблямъ вопія къ Данайскимъ
военачальникамъ: о други! Князи и во-
жди Аргивскіе! вы нынѣ пощитесь от-
вратиши зловредную войну отъ быстро-
текущихъ кораблей Ахейскихъ; мнѣ же
премудрый Юпитеръ не благоволилъ весь
день сей брань имѣти со Троянами.

Тако рекъ и возница понуждаетъ
коней, кои пошекли со всякою охотою
прямо къ кораблямъ Ахейскимъ; окро-
пляютъ подъ ногами своими землю и-
стекающею отъ крѣпкихъ персей пѣною,
нося знаменишаго Царя изнемогшаго отъ
брани ко отдохновенію.

Екторъ познавъ Агамемнона исшедша-
го отъ воинства къ кораблямъ и при-
шекъ ко Троянамъ и Ликіанамъ возопилъ:
хра-

храбрые мужи Троянскіе, Ликійскіе и Дарданскіе воинственники, ободритесь любезные други и вспомяните о прежнемъ вашемъ мужествѣ и великодушїи: уже опшелъ сильный Царь отъ воинства, мнѣ же Кроновъ сынъ Юпитеръ подаетъ нынѣ славу великую; но устремите сильныхъ вашихъ коней сопротивъ Данаевъ и потщитесь приобрести имени вашему вѣщшую славу.

Тако рекъ и возбудилъ во всѣхъ сердцахъ неустрашимое мужество. Аки ловецъ подушаетъ псовъ, когда узритъ въ лѣсу вепря или льва: тако подобящійся челоѵкоубійцѣ Арею Пріамовъ сынъ Екторъ ободрилъ великодушныхъ Троянъ сопрошивъ Аргивянъ. Самъ напередъ всѣхъ идетъ дерзновенно упоая на свое мужество и силу и устремляется на Данайское воинство аки вихрь на черное море. Кого тогда перваго, кого послѣдняго убилъ страшный Екторъ, когда послалъ ему Юпитеръ свою славу? Асей первый, потомъ Автоной, Опишъ, Долонъ сынъ Клишовъ, Офелтій, Агелай, Есимнъ, Оръ и сильный воинственникъ Иппоней. Сїи вожди и Князи Ахейскіе сопрены были подъ

подъ руками его, кромѣ великаго множе-
ства прочихъ воиновъ.

Аки бурный вѣтръ исшедъ отъ по-
луденныя страны, гонитъ мрачныя обла-
ки, падетъ на море и сильнымъ дохно-
вѣтѣмъ воздвизаетъ волны страшныя,
покрышы пѣною берега отдающъ гласъ со-
стономъ во пространныя лѣса; тако чуд-
ный Ексоръ прошекая Данайскіе полки
и обращая по всѣмъ рядамъ неистов-
ствовалъ надъ главами сильныхъ мужей.
Страшная тогда всѣмъ пагуба и чудныя
зрѣли были дѣла.

Воистинну прогнали бы Трояне Ахе-
янъ до самихъ кораблей, но мудрый О-
диссей не устращася и ко храброму
Тидею сыну Діомиду притекъ вѣщаетъ:
великодушный Діомидъ! зриши ли, koliko
мы пострадали отъ рукъ челоукоубійцы
Ексора забывъ о нашей храбрости? но
стой со мною на мѣстѣ семъ и не ош-
лучайся; о коль великое будетъ поноше-
ніе Ахейнамъ, когда знаменитый страш-
нымъ шлемомъ Ексоръ возьметъ корабли
наши въ плѣнъ!

Діомидъ отвѣщаетъ Одиссею тако :
воистинну пребуду съ тобою на мѣстѣ
семъ

семь и понесу все труды. Но что возможно полезного сотворить присутствием нашим, когда собирающий во едино облаки Юпитеръ хочешь дать крепость и славу Троянамъ паче, нежели Ахейнамъ.

Рекъ сие и поразивъ Эмврея копьемъ въ лъвую страну персей низвергъ отъ колесницы на землю; Одиссей же убилъ Моліона слугу Царя сего. Сихъ оставя поспѣшающъ къ принству спротивному и тамо вшедъ воздвизающъ великій мятежъ. Аки два зло дерзновенные неприя нападаютъ на ловчихъ псовъ; тако сии два храбрые мужа убивали Троянъ; прочіи же Ахейне убѣгая стремленія Екшонова отдыхали. Тогда Діомидъ нападе на двухъ сыновъ Мeroпа сына Перкосіева и поразивъ ихъ копьемъ лишилъ сладчайшаго живота и взялъ броню и щитъ въ корысть себѣ. Отецъ сихъ мужей Мeroпъ паче всѣхъ разумѣя знаніе пророчества, совѣщевалъ имъ не восходить на сію смертоносную брань; но они не повиновались совѣшамъ его: ибо рокъ смерти влекъ ихъ на помощь Троянскому граду. Равнымъ образомъ и Одиссей умертвилъ двухъ

двухъ мужей храбраго всадника Иппо-
дама и мужественнаго ратника Ипироха.
Доселъ взирающій отъ священныя горы
Иды Юпитеръ подавалъ обѣимъ странамъ
равную побѣду и войны другъ друга у-
мерщвляли взаимно. По семъ паки Діомидъ
поражаетъ мужественнаго Агастрофа въ
десную беду.

Екторъ услышавъ чинимое во своихъ
полкахъ нападеніе, печетъ съ великою
яростію и воплемъ и, ему послѣдующъ
многіе воины.

Узрѣвъ же сильный Діомидъ со стра-
хомъ вѣщаетъ къ мудрому Одиссею сто-
ящему близъ его: на насъ сіе неукроти-
мое зло лѣтится; се люшый спѣшитъ Ек-
торъ! Но пребудемъ на мѣстѣ семъ и
попощимся воздержати ярость его. Рекъ
и абіе мечетъ копіе и поражаетъ въ ко-
лецо щита, но остріе его не пронзило
мѣди, нѣтъ, трикнулося плѣту: ибо
воплати́дъ трояко острый плѣтъ дан-
ный ему отъ Оива Аполлона. Екторъ
вскорѣ отшедъ далеко внутрь своего во-
инства палъ на колѣна восклоняся на
сильную свою руку и ношъ темная по-
крыла свѣтъ очей его. Доколъ Діомидъ
по-

послѣ сего пораженія проходилъ многіе ряды Троянскіе убивая мечемъ и копѣемъ, дотолѣ Екторѣ прохлаждалъ духъ свой отъ ударенія. По семъ восшедъ на колесницу спѣшилъ къ дальнѣйшимъ полкамъ своимъ и тако избѣжалъ горчайшія смерти.

Діомидъ узрѣвъ бѣгущаго Ектора вопіемъ ему въ слѣдъ: о зловредный пещь! паки избѣжалъ ты отъ лютой смерти; воистинну приближался уже конецъ твоей жизни, но стрѣломещущій Фивъ Аполлонъ спаслъ животъ твой отъ гибели, уповаю и послѣ узрѣши тебя когда либо сръбшающагося мнѣ: ибо и мнѣ есть нѣкто отъ Боговъ помощникъ, нынѣ же изыду сопрошивъ другихъ, кого возмогу постигнуть; рекъ и Пеона поразивъ копѣемъ лишаетъ живота.

Александръ мужъ прекрасныя Елены стоя на гробѣ древняго Троянскаго старца Ила сына Дарданова узрѣвъ Діомиду совлекающаго щитъ, шлемъ и латы отъ трупа Агаспрофова, восклоняся же на столпъ стоявшій при гробѣ напрягаетъ лукъ, и мечешъ стрѣлу, коея летаніе было не щещно: ибо прободаетъ плесну

сну десныя ноги его и вонзается въ землю; Александръ же исшедъ отъ закрытїя и съ великимъ смѣхомъ въ перевозношенїи вѣщаетъ: воистинну пораженъшы нынѣ о Діомидѣ! и не тщетно издѣла стрѣла отъ лука моего. О когда бы тако вонзилася во чрево швое! мигъ, что не долго бы наслаждался сего священнаго солнечнаго сіянїя, и мужественныя Трояне боящїися тебя успокоились бы отъ бѣдъ.

Неустрашимый Діомидъ отвѣщаетъ Александру тако: стрѣлецъ безумный! младыхъ дѣвицъ соглядатай! взыди нынѣ сопротивъ меня да испытаети силу оружія моего и тогда узриши колико помогутъ тебѣ лукъ и шуль наполненный острыми стрѣлами, нынѣ же прикоснулся токмо плеснѣ ногъ моя; тщетно хвалишия пораженїемъ твоимъ, на кое столько я взираю, аки бы и бессильная жена или несмысленный младенецъ поразилъ. Недѣйствительна стрѣла есть мужа, бессильнаго и подлаго. Моихъ стрѣлъ острѣе много различествуетъ: ибо когда токмо прикоснется хотя мало какому мужу, вскорѣ ошѣмлетъ жившѣ

вошѣ его, младая его жена шерзаетъ власы и ланиты и дѣши остаются сирыми; мужѣ же шомѣ напоивъ землю кровію согнѣетъ и окрестъ его пшцы паче, нежели жены собираются.

Тако рекъ. Одиссей же приближася къ нему сталъ сопротивъ лица Діомидова, кой обративъ вспять исторгъ отъ ноги стрѣлу и болѣзнь люшая объяла все тѣло его. Вскорѣ потомъ восходитъ на колесницу и повелѣваетъ слугѣ направиши печеніе коней къ кораблямъ своимъ. Одиссей же единъ остался на мѣстѣ шомѣ и никакъ отъ Аргивянъ не былъ тогда при немъ: ибо всѣ объяшы бывъ страхомъ рассѣялись по разнымъ мѣстамъ. Воздохнувъ же вѣщаетъ во своемъ помышленіи тако: увы! Что стражду? великое будетъ поношеніе, когда страшася множества враговъ взыщу спасенія живому моему бѣгствомъ, горько души моей будетъ и то, когда единъ уловленъ буду: ибо прочихъ Данаевъ страхомъ рассыпалъ Юпитеръ! но почто сіе помышляю въ сердцѣ моемъ? ибо знаю, что боязливые убѣгаютъ отъ брани; но кто бодръ душою и крѣпокъ тѣломъ,

сему непременно подобаетъ споясти твердо, убіенъ ли кого, или самъ убіенъ будетъ.

Такъ помышляюще Одиссею во своемъ сердцѣ, текутъ Троянскіе щипоносные полки и отъ всѣхъ странъ окружаютъ его творя великія нападенія. Аки молодые юноши ловцы звѣрей текутъ со множествомъ псовъ, когда узрятъ сильнаго непря исходяща отъ темнаго лѣса и изощряюща зубы, и хотя спрашенъ видится яростію и силою своею, но ожидаютъ стремленія его дерзновенно и безбоязненно: тако Трояне свирѣпствовали окрестъ премудраго Одиссея, кой во первыхъ уязвилъ Діомиду копіемъ въ десное рамо, по семъ убилъ Фоона и Евнома и Херсидаманта нисходящаго отъ колесницы во чрево. Сихъ оставя умерщвляетъ Иппасова сына Харона, къ которому на помощь притеклъ единоушробный братъ мужъ подобный Богамъ Сокъ, и приближая ко Одиссею вѣщаетъ: о пресловутый Одиссей, лукавый соплетатель хитростей! сей день или прославитъ твоя смертью двухъ сыновъ Иппасовыхъ и похищеніемъ ихъ оружія въ корысть, или пора-

пораженъ бывъ симъ моимъ копѣемъ погубиши на вѣки животъ твой.

Такъ рекавъ ударяетъ его въ щитъ и крѣпкое остріе копья пронзаетъ всю твердость блестящаго щита прошедъ уже и крѣпко содѣланную броню, раздираетъ кожу на ребрахъ, но внутренности повредить не можетъ, ибо воспрепятствовала божественная Аѳинская Паллада.

Одиссей познавъ, что уязвленіе сіе не смертоносное было, отступаетъ вспять и къ Соку вѣщаетъ тако: о безумный! вскорѣ уже приближается конецъ животу твоему; но сердце мое жалуетъ о томъ паче, что ты отвлекъ меня со многими Троянами брань шворити. Предвѣщаю убо тебѣ, что сей день вкусиши горчайшую смерть и примешь лютое убійство, и гордость твоя смирится подъ симъ копѣемъ моимъ; душу же твою низрину во адъ ко хвалящемуся быстрыми конями Плутону и тѣмъ содѣлаеши мнѣ великую славу.

Сокъ слышавъ сіе обратился вспять ища спасенія бѣгствомъ; Одиссей же тѣмъ временемъ вонзаетъ копье посредѣ

рамень и пронзаетъ сквозь перси; падаетъ храбрый и сильный воинственникъ со стономъ и со звукомъ оружія.

Божественный Одиссей притекъ ко трупъ его вѣщаетъ съ посмѣяніемъ: о мужественнаго всадника Иппаса сынъ! предвѣрилъ тебя конецъ смертный и не избѣгль ты ошъ руки моея. Уже престарѣлый отецъ твой и почтенная мать не закроютъ очей твоихъ при смерти, но площадныя пшцы летая окрестъ тѣла твоего и бѣя крылами растерзаютъ утробу твою; когда я умру погребутъ меня знаменитые Ахеяне.

Такъ вѣщая исторгль копье Соково отъ тѣла и отъ щипа своего; вскорѣ истекла кровь и бользнь обѣяла сердце его. Трояне узрѣвъ кровь текущую изъ Одиссея стремятся въ великомъ множествѣ сопровивъ его, увѣщевая другъ друга, ошъ же отступая вспять призывалъ совоинственниковъ Аргивскихъ на помощь. Трижды, колико силы человѣческія могутъ, вопіалъ, и трижды гласъ его услышалъ храбрый воинственникъ Менелай, кой вскорѣ обратився къ сходящему близъ его Еаншу вѣщаетъ:

Божественный Теламоновъ сынъ Еантъ князь народовъ! слуху моему касается гласъ Одиссея страдающаго зло, и просящаго отъ Ахейнъ помощи, подобно аки бы Трояне нападъ на единого его хотятъ опдѣляти отъ полковъ данайскихъ; поспѣшимъ убо къ нему на помощь: спрашуся да не поспраждемъ, что бывъ единъ между множествомъ Троянъ, но тогда уже поздно восплачутъ Ахейне познавъ колікій уронъ претерпѣли смертію мужа сего.

Тако рекъ печетъ съ поспѣшеніемъ на мѣсто откуду гласъ слышалъ и ему послѣдуетъ богоподобный мужъ Еантъ; вскорѣ по семъ обрѣшаютъ премудраго Одиссея окруженнаго множествомъ Троянъ. Аки люпыя рыси собираются когда узрятъ на горахъ стрѣлою уязвленнаго еленя, кой уповая на быстроту ногъ своихъ, и доколѣ кровь и колѣна помогали спасался бѣгствомъ, но когда остріе стрѣлы отбѣло силы тогда звѣри оныя терзуютъ тѣло его; но въ то же время пришедъ левъ разгонитъ ихъ и самъ насытитъ корыстію сею: тако Трояне окружали премудраго въ со-
Ц 3 вѣсахъ

въ шахъ Одиссея. Менелай же пришедъ
 отвращилъ отъ него копѣмъ своимъ день
 пагубы; Еантъ нося щипъ аки тверды-
 ню града приблизился къ нему; тѣмъ
 временемъ Трояне рассеялися во всѣ стра-
 ны и воинственный Менелай извелъ его
 отъ брани, доколѣ слуга привелъ коней
 съ колесницею и посадивъ его изнеслъ къ
 кораблямъ. Еантъ же устремяся во мно-
 жество Троянъ убилъ незаконнорожден-
 наго Пріамова сына Дорикла; по семъ
 уязвилъ Пандока, Лисандра, Пираса и
 Пиларта. Аки рѣка наводненная по-
 сланными отъ Юпитера великими дож-
 дями нисходя отъ высоты горъ во про-
 странныя долины стремленіемъ быстрыхъ
 водъ влечетъ сухія дубы и сосны и
 всякое хврасіе гонитъ въ море: тако
 знаменишый Еантъ по всему полю гналъ
 Троянъ низлагая мужей и опровергая ко-
 лесницы со всадниками. Екторъ же до-
 селъ никакого о томъ извѣщенія не имѣлъ:
 ибо обращался на лѣвой странѣ брани
 при берегахъ рѣки Скамандра, гдѣ збло
 многія славныхъ мужей главы падали
 отъ меча и копія его, и великій вопль
 происходилъ окрестъ Идоменея и Нестора;

ибо

ибо Екторъ между ими аки вихрь пворилъ неудобопонятныя возмущенія; силою же копія опровергалъ цѣлые Данайскихъ воиновъ ряды.

Не соврашили бы Ахеяне опѣ пущи, ежели бы Александръ мужъ прекрасныя Елены не сокрушилъ силы пресловутаго врача Аргивскаго пастыря народовъ Махаона, поразивъ его преконечною стрѣлою въ десное рамо. Ахеяне зѣло устрашились, да не како убіютъ Трояне сего храбраго мужа; вскорѣ убо Идоменей приближася къ божественному Нестору вѣщающа: о великая слава Ахейская храбраго Нилея сынъ Несторъ! ускори нынѣ взыти на колесницу твою, съ тобою же да сядетъ божественный Махаонъ, и поиди скорѣйшимъ бѣгствомъ направиши коней твоихъ ко Ахейскимъ кораблямъ: ибо уязвленъ есть мужъ превосходящій славою всѣхъ Аргивянъ и врачъ подобающій безсмертнымъ Богамъ.

Такъ рекъ и повинулся ему достойнѣйшій почитанія всадникъ: вскорѣ восходитъ на колесницу и съ нимъ премудраго мужа Асклипія сынъ Махаонъ.

Кевріонъ узрѣвъ мяшежъ во Троянскихъ полкахъ и приближася ко Екшору вѣщаетъ: великаго Пріама великоименный сынъ Екшоръ! мы нынѣ обращаемся со Ахейнами брань творя при концѣ всѣхъ полковъ, но не зримъ коликое возмущеніе страждутъ Троянскіе всадники и кони ихъ; воистинну познаю чѣю мятешъ ихъ Еантъ сынъ Теламоновъ; ибо кто инный носити можетъ шоль великій щитъ? напомнимъ убо колесницы наши и пошечемъ во оный полъ брани, гдѣ вящшею лютошстію кровожаждущій Арей неистовствуетъ; я слышу велій вопль исходящій отъ страны оныя.

Тако рекъ; по семъ вскорѣ восходятъ оба на колесницу и понуждая коней шевкутъ ко Троянамъ и Ахейнамъ; шевкаются мѣдными подковами несчастныя шрупы сильныхъ воиновъ, сокрушаются щипшы крѣпкія, обагрѣется ось и окропляется колесница вся кровію храбрыхъ вишязей; Екшоръ на всѣ страны междовзоръ пламенный, жаждетъ вниши во множество, гдѣ лютейшая брань кипѣла; разрываетъ крѣпостію своею ряды мужей сильныхъ, опровергаетъ копѣемъ

колѣ-

колесницы со всадниками и коньми; мя-
нувшись Данайскія полки отъ ярости его
аки песокъ отъ вѣтра; сверкаетъ всюду
мечъ, не чувствуетъ утомленія копье,
лещатъ отъ сильныхъ рукъ его великія
камни, за всѣми же сими послѣдуетъ
смерть лютая.

Тако свирѣпствовалъ неукротимый
человѣкоубійца Екторъ, но съ Еантомъ
сразится не дерзаетъ. Отецъ боговъ
и человѣковъ поборствуя Ектору посы-
лаетъ ужасъ на Еанта, кой зря сви-
рѣпство Екторово устращился и спалъ
неподвижимъ на мѣстѣ; вскорѣ великій
свой щитъ отвергаетъ ко хребту, шре-
пещетъ озираяся на всѣ страны аки
звѣрь окруженный множествомъ ловцовъ,
отъ боязни колѣно съ колѣномъ премѣня-
етъ. Аки левъ шомимый голодомъ алчетъ
насытитися мяса тучныхъ воловъ, при-
шедъ же къ стояламъ ихъ, видитъ мно-
гихъ псовъ и пасырей стрегущихъ ста-
да свои и бордствующихъ чрезъ всю
нощь, голодомъ же возбуждаемый стре-
мится силою, но ничего не успѣваетъ:
ибо частыя стрѣлы и возженные лучи
возбраняющъ дерзновенію его, свѣщающе

же дню отходитъ съ печальнымъ сердцемъ: тако Еаншъ исходитъ отъ среды Троянъ съ зѣльнымъ преогорченіемъ. Аки оселъ приобыкшій крѣпкія шерпѣти на хребтѣ своемъ раны вшедъ на нивы поадаетъ класы наполненныя житомъ и пшеницею, ниже взираетъ на многія ударенія малыхъ дѣшей (ибо сила ихъ не чувствительна ему есть) и не исходитъ отшуду, доколѣ насытитъ пищую по своему хотѣнію: съ равнымъ сему медлѣніемъ отходилъ отъ Троянъ Теламоновъ сынъ Еаншъ, который иногда воспоминалъ о храбрости своей, иногда же вспять отступалъ, но всегда возбранялъ путь Троянскимъ всадникамъ ко Ахейскимъ кораблямъ.

Еврипилъ Евемоновъ сынъ познавъ Еанша угнѣтаемаго множествомъ стрѣлъ печетъ на помощь; приближася же къ нему мететъ копѣе на Аписаона сына Фавсіева и поражаетъ его въ сердце; падетъ князь народовъ мертвъ на песокъ, душа же его водворяется въ царство плачевное. Еврипилъ пришекъ совлекаетъ отъ раменъ его броню.

Божественный Александръ мужъ прекрасныя Елены узрѣвъ сѣ, вскорѣ направляетъ лукъ, пускаетъ острую стрѣлу на Еврипила и поражаетъ въ десное бедро. Уязвленный Еврипилъ спасаетъ жизньъ свой бѣгствомъ, пришекъ же ко своимъ полкамъ вопіетъ: о возлюбленные Аргивскіе князи и военачальники! дерзайте, стойте, потщитесь отгнаши зловредный день приближающійся ко Еаншу; воззрише, коликимъ множествомъ стрѣлъ угнѣбается отъ Троянъ: не уповаю избѣгнутьъ ему сей день живу отъ брани сея; но бордствуйте и защищайте мужествомъ вашимъ знаменитаго Данайскаго воинственника Теламонова сына Еанша. Тако рекъ воины же приближилися къ нему ограждая щитами и возвышая копія; вскорѣ и Еантъ исшедъ отъ брани пришекъ къ нимъ. Такому-жественные ратники подвизалися подобно огню горящему! тѣмъ временемъ быстрыя кони несли на колесницѣхъ пресловуемыхъ двухъ всадниковъ: почтеннаго старца Нилеева сына премудраго совѣтника Нестора и князя народовъ Божественнаго мужа сына Аскліпіева Махаона.

она. Ахиллъ узрѣвъ колесницу бѣгущую позналъ Нестора: ибо въ то время стоялъ на кормѣ корабля своего взирая, како шрудились храбрые мужи во много-плачевной сей брани; вскорѣ убо взываетъ возлюбленнаго своего Патрокла, который услышавъ гласъ его изшелъ отъ сѣни подобенъ страшному Арю. Сие было начало его злополучія. Приблизися вопрошаетъ: что зовещи меня Ахиллъ? какая тебѣ нужда во мнѣ?

Божественный Ахиллъ отвѣщаетъ ему: возлюбленный сердцу моему другъ, великодушнаго Мениція сынъ мужественный Патроклъ! нынѣ мню я, что вскорѣ Ахейне приидутъ ко мнѣ и обымутъ колѣна мои съ моленіемъ: ибо зрю, что постигаетъ ихъ нужда нестерпимая. Но иди возлюбленный Юпишеру Патроклъ къ почтенному Нестору и вопроси его: что есть сей износимый имъ на колесницѣ уязвленъ на брани? воистинну созда зрится во всемъ подобенъ быти Асклипіеву сыну Махаону, но лица его зрѣти не могъ: ибо кони съ великимъ поспѣшеніемъ прешекли.

Тако рекъ и повинулся Пятрокъ божественному Ахиллу. Идетъ съ поспѣшеніемъ ко Ахейскимъ кораблямъ. Несторъ же съ Махаономъ приближася къ сѣни нисходящъ отъ колесницы на землю, коней же опрѣшилъ Евримедонтъ слуга Несторовъ. Сами же оныя Ирой стоя на берегу моря прошиво вѣтра, прохлаждали утомленные свои силы и осушали потъ отъ одеждъ, пришедъ же въ сѣнь возлегли на порфировыхъ коврахъ. Тѣмъ временемъ угощала имъ пищу и питіе прекрасная знаменишаго Царя Арсиноя дочь Екамида, которую взялъ Несторъ изъ острова Тенеда, когда плѣнилъ его божественный Ахиллъ, и которую Ахейне по общему согласію избрали ему въ даръ за премудрыя его совѣты, коимъ всѣхъ тогда превосходилъ. Сія представила имъ блестящій столъ на черныхъ ногахъ, на немъ предложила мѣдную чашу со свѣжимъ медомъ и съ лукомъ для закушиванья питія, такожде и отъ священныхъ пшеницы хлѣбъ; по томъ принесла великолѣпную чашу, которую Несторъ взялъ изъ своего дому; она была украшена златыми гвоздьми, имѣла

четыре

четыре рукоятки, при каждой сидѣли
 два златые голубя аки питаея пищею;
 чашу сію отъ пиястия ея неудобно
 было воздвигнути иному отъ стола,
 Несторъ же безъ труда Единъ подымалъ.
 Подобная богинямъ Екамиды наполняла
 одну старымъ виномъ, наръзала мѣд-
 нымъ пожемъ козьева сыра и сверхъ его
 просыпала чистую мукою; по семъ пове-
 дѣла имъ пиши угощенное пишіе. Они
 же утоливъ жажду наслаждались при-
 по взаимными разглагольствіями. Тѣмъ
 временемъ божественный Пашрокъ при-
 ближася къ сѣни сшалъ во дверяхъ; Не-
 сторъ же узрѣвъ его восталъ отъ мѣста
 и пришедъ къ нему взявъ за руку и
 привелъ внутрь сѣни повелѣлъ сѣсти.
 Напротивъ сего Пашрокъ отрицаея вѣ-
 щаетъ къ нему: не сидѣнія нынѣ время
 есть, почтенѣйшій старецъ! и не мни
 преклонити меня къ сему: боюсь уко-
 ризнѣ шого, кто предпослалъ меня и
 сыпати, кого привелъ ты нынѣ уяз-
 вленнаго на брани; но познаю и самъ и
 зрю, что Махаонъ князь народовъ сему
 жребію подверженъ есть; ошхожу убо
 отсюду, да возвѣщу о семъ знаменитому.

Пиле-

Пилееву сыну Ахиллу: ибо знаеши о великѣй старецѣ! коль строптивѣ есть мужъ сей, вскорѣ и невиннаго обвинитѣ.

На сіе достойный почитанія всадникъ божественный Несторъ отвѣщаесть ему: почто тако Ахиллѣ милосердствуеши о сынахъ Ахейскихъ, изъ коихъ многіе уже стрѣлами уязвлены? не знаеши, колико плача содѣлаѣ онѣ во всемъ нашемъ воинствѣ; избраннѣйшіи вожди лежатѣ въ корабляхъ поражены оружіемъ сопротивныхъ: уязвленъ есть пресловутаго Тидея знаменитый сынъ Діомидъ, мудрый Одиссей, великѣй Агамемнонъ и храбрый Еврипилъ; Махаона же коего зриши здѣ, сей часъ изнесѣ я отъ брани равнымъ образомъ спраждутаго болязнь, нанесенную отъ люпыя стрѣлы; но хвалящійся мужествомъ Ахиллѣ не внимлетъ сщенанію Данаевъ, не милосердствуеши и не печется о нихъ. Или ожидаеши, доколь приидутъ враги со огнемъ и сожгутъ близъ моря корабли Аргивскіе и мы сами падемъ мертвыи единѣ на единого? крѣпосць же членовъ моихъ уже нынѣ не такова есть, каковуую имѣѣ я въ прешедшіа лѣта. О дабы

дабы нынѣ шако былѣ младѣ и силенѣ,
какѣ когда между Илѣйскими жѣшелями
и нами произошла распря за опогнаніе
волово. Тогда убилѣ я крѣпкаго мужа
пришедшаго на помощь ихѣ Ипирохова
сына Ишимонея обитавшаго въ Илѣдской
странѣ; онѣ первый пораженѣ былѣ крѣ-
пкимѣ копѣемѣ моимѣ и палѣ подѣ моею
рукою мертвѣ изрыгая душу свою съ
черною кровію, окрестѣ же насѣ воскре-
жешали народы, но помощи ни единыя
не могли содѣлаши имѣ. Мы же опогна-
ли сѣада зѣло многія; пятьдесятѣ сѣадѣ
волово, пятьдесятѣ сѣадѣ овецѣ, то-
лико же сѣадѣ свиней, толико же и козѣ;
конскихѣ же доилицѣ сѣо пятьдесятѣ,
при конхѣ многія были дѣши. Все сѣе
пригнали мы ношѣю во градѣ Нилеевѣ.
Цилѣ и Царѣ Нилей возрадовался серд-
цемѣ; но при восхожденіи утренняя за-
ри, когда раздѣляли мы между собою
корыстѣ, провозвѣстники обѣсая градѣ
приближилися кѣ намѣ возвѣщая прише-
ствіе враговѣ.

Есть нѣкоторый градѣ стоящій на
высокомѣ холмѣ нарицаемый Өріоесса близѣ
Илѣйскихѣ предѣловѣ при рѣкѣ Алфеѣ; его
обле-

облежали враги пришедшіи ко опште-
нію и гошovy низложити. Нокогда уже
все поле прешли, тогда божественная
Аѳина нисшедъ нощію отъ Олимпа воз-
вѣспила намъ пришеспівіе ихъ; на-
родъ же нашъ по повелѣнію богини со
всякою радостію и желаніемъ собирался
на брань. Но мнѣ ошецъ мой Нилей воз-
бранилъ исходити отъ дому и повелѣлъ
сокрыти коней: ибо помышлялъ, что я
не разумѣю военныхъ дѣлъ, но я и пѣ-
шій бывъ предводителствоваѣъ нашимъ
всадникамъ; ибо сама Аѳина вождемъ бы-
ла мнѣ ко брани.

Есть нѣкоторая рѣка нарицаемая Ми-
ній близъ града Арины текущая въ мо-
ре, гдѣ мы со всадниками Пилійски-
ми ожидали утрення зари, и на мѣсто
се собралось множество пѣшаго воин-
ства. Отшуду всѣ вооружены бывъ со
всякимъ устремленіемъ во время полу-
денное приблизились ко священной рѣкѣ
Алфею, гдѣ принесли изобильную жер-
тву молніеносному Юпитеру и заклали
теляца Алфею, шельца обладающему
водами Посидону, небеснаго же цвѣта
имѣющей очи премудрой Аѳинѣ неукро-
щенную

щенную юницу; по томъ восприяли вечерю по всѣмъ рядамъ воинскимъ и наслаждалися сномъ на брегахъ рѣки. Епеяне же обстояли градъ въ готовності бывъ разрушиши его, но прежде начатія узрѣли великое дѣло челоукоубійцы Арея. Ибо при восхожденіи солнца совершивъ моленіе Юпитеру и Аѳинѣ, когда Пиліане со Епеянами сошлись на брань, первый я убилъ сильнаго ратника Мулія зятя Авгеева, кой имѣлъ старшую дочь его Агамиду, которая шолко знала врачеванія, koliko пространная земля произноситъ. Сего я приближающагося ко мнѣ поразилъ мѣднымъ копіемъ; онъ палъ мертвъ на песокъ. Я восхитивъ коней его восшелъ на колесницу и сталъ между своими совоинственниками. Епеяне узрѣвъ паденіе славнаго своего предводителя разсѣялися и пошекли въ разныя страны; я же напалъ на воинство ихъ подобно страшной бурѣ взялъ пятьдесятъ колесницъ и убилъ сто мужей. Убилъ бы воистинну и Акторіоновыхъ двухъ сыновъ, но обладающій пространными морскихъ водъ сшеями Посидонъ покрывъ ихъ великимъ обла-

облакомъ спаслъ отъ ярости руки моея. Тогда молніеносный всеильный отецъ боговъ Юпитеръ ниспослалъ Пиліанамъ великую силу: ибо дотолъ мы враговъ нашихъ поражали смертію, собирая богатую броню ихъ, доколъ пригнали къ гобзующему паствою и пажитью Вупрасію и къ камню Оленійскому и къ полю Алисію; тамо паки обратила насъ Аѳинская Паллада вспянь. Тамо убивъ послѣдняго мужа оставилъ его на пскѣ изливати кровь черную; Ахейне же обративъ коней отъ Вупрасія погнали въ Нилеевъ градъ Пилъ. Тогда вси воздавали хвалу отъ боговъ всеильному Кронову сыну Юпитеру, отъ челоуѣкъ же Нестору: таковъ я былъ нѣкогда между мужами; Ахиллъ же своею крѣпостію самъ шокмо единъ наслаждается. Воистинну мною, что много будешь раскаиватися послѣ и оплакивати непреклонный гнѣвъ свой, когда народъ погибнетъ. О возлюбленный другъ! тако ли заповѣдалъ тебѣ отецъ твой Меницій въ день оный, когда я съ премудрымъ Одиссеемъ былъ во Фтіи, и когда онъ посылалъ тебя ко Агамемнону. Воистинну всѣ его завѣща-

нїя мы слышали: ибо, когда собирая
 воинство проходили всю плодоносную
 Ахейскую страну, и приблизились ко
 благонаселенному дому Пилееву, тогда
 шамо внутрь двора обрѣли мы дражай-
 шаго отца твоего Мениція и близь его
 сшоящаго тебя со Ахилломъ. Престарѣ-
 лый же всадникъ Пилей во оградѣ дво-
 ра приносилъ тучныя воловъ бедра въ
 жертву блистающему молніею и услаж-
 дающемуся громомъ Юпитеру, въ десни-
 цѣ держалъ златую чашу, и возливалъ
 отъ нея красное вино на горящія дрова,
 вы же приуговлаляли на пищу мяса. Мы
 въ то время пришедъ сшали въ преддверіи,
 и Ахиллъ узрѣвъ насъ обрадовался
 несказанно и со скоростію притекъ воз-
 приалъ насъ за руки, ввелъ внутрь до-
 му, и повелѣвъ сѣсти предложилъ изобильное
 угощеніе, какое страннопришель-
 цамъ подобаесть. Когда насыпилися пи-
 щей и питіемъ, тогда первый я началъ
 рѣчь увѣщевая васъ, дабы послѣдоваши
 съ нами совокупно на сію зловредную
 брань Троянскую; вы же оба желаніе
 свое открыли со всякимъ усердіемъ, и въ
 то время ошцы ваши давали вамъ за-
 вѣща-

вѣщаніе и наставленіе, какому всегда
 повиновапсія должны послушныя чада.
 Пилей своему сыну заповѣдалъ жизнь
 свою вести честно и щазпсія своими
 дѣлами превзыши прочихъ. Тебя же о-
 тецъ твой великодушнаго Акшора сынъ
 Менишій увѣщевалъ тако: сынъ мой!
 поколѣніемъ рода превосходитъ тебя А-
 хиллъ, лѣтами же ты преуспѣлъ его,
 и хотя рожденіе его велико есть, но на-
 ставленія и увѣщанія твои си ему да-
 же и съ повелѣніемъ не стыдися, и тако
 онъ во всемъ будещъ тебѣ повиновапсія
 ко благимъ дѣламъ. Тако заповѣдалъ
 тебѣ престарѣлый и мудрый отецъ швой,
 но ты завѣщанія его не помниши и не-
 радиши о спасеніи и животѣ любезныхъ
 швоихъ совоинственниковъ. Иди убо нынѣ
 и возвѣсти слово сіе храброму Пиле-
 еву сыну Ахиллу и пощися преклони-
 ти его къ примиренію, ежели послуша-
 етъ тебя; кто же вѣдаетъ? Моженъ
 бышь благоприятствующу какому духу
 и преклониши немиримое сердце его
 швоими совѣшаніи; увѣщаніе же друга
 полезно есть. Но когда помышленія его
 уштрашающя божественными предвѣща-
 ніями,

нїями, и ежели достойнѣйшая почита-
нїя мать его божественная Феида
возвѣстила чю ему отъ Юпитера,
тщїся умолиши его, да отпуститъ те-
бя на брань купно съ воинствомъ Мир-
мидонскимъ; и тогда воинстину нѣкое
спасенїе и облегченїе принесеши Данаямъ
озлобленнымъ; да дастъ же тебѣ броню
свою и оружіе крѣпкое, да видя враги
тебя въ его одѣяніи возмнѣтъ пришед-
шаго Ахилла и тако усмрашены преспа-
нутъ отъ брани. Ахейскїи же изнемогшіи
сыны хотя малое тѣмъ временемъ прии-
мутъ ошдохновенїе и тогда обновя си-
лы свои удобнѣе возмогутъ ушруден-
ныхъ прогнати отъ кораблей и кущей
ко граду.

Такъ рекъ престарѣлый Несторъ и
возбудилъ сердце въ персяхъ мужествен-
наго Пашрокла къ повиновенїю. Течетъ
со скоростїю къ кораблямъ Ахилловымъ;
но когда проходилъ корабли мудраго
Одиссея, гдѣ сооружено было мѣсто су-
дища и воздвигнуты богамъ олтари, ша-
мо сръбшаетъ Евемонова сына храбраго
Еврипила уязвленнаго острою стрѣлою
въ десное бедро идущаго со трудомъ и

болѣзнію отъ брани, потѣ же отъ главы и отъ раменъ его аки дождь падешъ и кровь черная отъ болѣзненныхъ раны аки вода отъ испочника бѣжитъ; но сердце его непоколебимо пребывало. Воззрѣвъ же на него мужественный воинственникъ Патроклъ возмущился духомъ, и проливая слезы съ горькимъ сердца сокрушеніемъ воздохнувъ вѣщаешъ: о храбрые! о знаменитые но злополучные князи и военачальники Данайскіе! шак ли во вредоносной сей Троянской спранѣ будете насыщати быстрыхъ псовъ бѣлымъ вашимъ шумомъ, разлучая далеко отъ сладчайшихъ женъ, отъ дражайшихъ чадъ, отъ любезныхъ друзей и отъ Ахейскія отечественныя спраны? но повѣдай мнѣ божественный висязь храбрый Еврипилъ! еще ли славные сыны Ахейскіе возмогутъ стати сопротивъ чуднаго челоукоубицы Ектора и понести неукротимую лютость рукъ его? или уже вси сокрушаются и падаютъ сопрены остріемъ копія его?

На сіе мудрый Еврипилъ отвѣщаешъ ему шак: великаго Менипія знаменитый сынъ Патроклъ! уже нѣтъ надежды видѣши Ахеянамъ защищеніе, но вси па-

душѣ отъ меча Троянскаго мертвы по-
среди кораблей своихъ: ибо вси, кои на-
рицалися мужественнѣйшими и сильнѣй-
шими во Ахейнахъ, лежащѣ въ корабляхъ
поражены и уязвлены отъ рукъ сопро-
тивныхъ, коихъ крѣпость и дерзновеніе
день отъ дня возрастаетъ. Но шлю-
безнѣйшій Папроклъ потщися спасти
животъ мой и приведѣ къ кораблю мо-
ему испоргни стрѣлу отъ бедра моего,
омой теплою водою кровь текущую
и возложи на рану мазь смягчитель-
ную, чему, какъ повѣдаютъ обучен-
ны Ахилломъ, сего же научилъ Хиронъ
праведнѣйшій паче всѣхъ Кентавровъ; и
хотя врачей имѣемъ Подалирія и Маха-
она, но сей какъ мнѣ лежитъ въ кора-
блѣ подобно уязвленъ и требуетъ иску-
снаго врача, Подалирій же на полѣ Троян-
скомъ брань творитъ со врагами защищая
своихъ совоинственниковъ.

Храбрый Менишеевъ сынъ Папроклъ
отвѣщаетъ ему тако: како будутъ дѣ-
ла сіи и что сотворимъ любезный Еври-
пилъ? я нынѣ спѣшу ко Ахиллу да во-
звѣщу слово, кое повелѣлъ мнѣ почтен-
нѣйшій сшарецъ мудрый хранишель Ахе-
янь

явѣ Несторѣ; но и тако не оставляю
тебя въ шоль плачевномѣ видѣ.

Рекѣ сѣе восхитилъ князя народовѣ Ев-
рипила, подѣ перси его и повелѣ къ сѣни,
слуга же узрѣвъ его вскорѣ послалъ во-
ловью кожу. Патроклѣ положивъ Еври-
пила, разрѣзалъ ножемъ рану и исторгъ
острую стрѣлу, омывъ же кровь теплою
водою исперлъ руками горькій корень и
возложилъ на рану. Вскорѣ посемѣ смя-
гчилися всѣ болѣзни, престала кровь и ра-
на затворилася.

ОМИРОВОЙ ИЛІАДЫ

ПѢСНЬ ВТОРАЯНАДЕСЯТЬ.

с о д е р ж а н і е.

Трояне оставя коней и колесницы лѣвши переходятъ чрезъ ровъ и видящъ неблагополучное орла предзнаменованіе. Раздѣлясь на пять частей приступаютъ ко стѣнъ Ахейской. Сарлидонъ низвергнувъ отъ стѣны бывшее на ней прикрытие. Екторъ сокрушивъ камнемъ ворота приближается съ войскомъ къ Ахейскимъ кораблямъ.

ПѢСНЬ ВТОРАЯНАДЕСЯТЬ.

М И.

Тако храбрый сынъ Менищевъ уязвленнаго Еврипила врачеваль, Аргивяне же со Троянами смѣсившися тогда брань шворили. Уже не могутъ воздержати спремленія Троянскаго ниже глубокой ровъ, ниже высокая швердыня, ко-
шорую

порую воздвигли предъ своими корабля-
 ми Аргивяне, дабы защищаши оною и
 корабли и корысти Троянскія, но при
 созиданіи не принесли сточисленныхъ
 жертвы безсмертнымъ богамъ, сего ради
 крашкое время пребыла не разруσιμοю.
 Доколъ Екпоръ живъ былъ и доколъ
 Ахиллъ хранилъ гнѣвъ во своихъ персяхъ;
 дотолъ градъ великаго Царя Пріама пре-
 былъ непоколебимъ, дотолъ и великая
 ограда Ахейская стояла въ цѣлой крѣ-
 постѣ, но когда знаменитѣйшіи вси Тро-
 янскіи мужи и многіе Ахейяне скончали
 животъ свой на многоплачевной сей бра-
 ни, тогда оныя сокрушенны были въ
 конецъ, сіи же остались и градъ Царя
 Пріама низложенъ есть въ десятый годъ;
 Аргивяне же возвратилися во свою опе-
 чественную землю. Тогда уже обладаю-
 щій пространствомъ водъ всемогущій По-
 сидонъ и красящійся вѣчною младостію
 стрѣломещущій Аполлинъ совѣщевали ме-
 жду собою опровергнути стѣну Ахей-
 скую и навести сопротивъ ея устремле-
 ніе быстро текущихъ рѣкъ, кои нисхо-
 дятъ отъ Идейскихъ горъ, и предѣлы
 свои полагаютъ во пространномъ морѣ;
 како-

каковыя суть : Рисъ, Ептапоръ, Карисъ,
 Родій, Гриникъ, Есипъ, Скамандръ и бо-
 жественный Симоеиъ при которомъ мно-
 гіе щипы, шлемы и славныхъ боже-
 ственныхъ мужей главы на песокъ пали.
 Сихъ всѣхъ рѣкъ стрѣломещущій Апол-
 линъ отверзлъ уста и чрезъ девять дней
 быстрыя воды устремляли свирѣпѣющее
 свое теченіе сопрошивъ Ахейскихъ соз-
 данныхъ близъ просторнаго моря стѣнъ;
 всесильный Юпитеръ повелѣлъ небеснымъ
 хлябѣямъ изрыгати непрестанный дождь,
 дабы скорѣе содѣлаши Данайскую твер-
 дыню плавающей поверхъ волнопишае-
 мыя морскія глубины. Самъ же зыблю-
 щій основанія пучинъ страшный Поси-
 донъ предшествовалъ держа во своихъ
 рукахъ презубное копѣе и основанія дре-
 весъ и камней содѣланныя съ нескazan-
 нымъ трудомъ Ахеянъ рассыпалъ яро-
 стію водъ своихъ и сотворивъ равными
 со просторнымъ Еллиспонтомъ паки по-
 крылъ великій брегъ тяжестію песка и
 стѣну содѣлалъ аки ни что не было ;
 на конецъ повелѣлъ сшаши водамъ во
 своихъ предѣлахъ, гдѣ и прежде тихія
 оныхъ струи текли. Тако напоследокъ
 Поси-

Посидонъ и Аполлинъ имѣли шворити; но тогда окрестъ Ахейскія крѣпкія стѣны воставалъ яростный мясежъ и несказанный вопль; уже высокія спражницы начали издавати прескъ и связи дебелыхъ бревенъ колебаться отъ сильнаго ударенія Троянскаго; Аргивяне же смиренны бывъ жезломъ великаго ошца Боговъ Юпитера не дерзали изыти отъ своихъ кораблей, но пребывали во оныхъ неисходно аки заключенны, спрашася ярости лютаго смертоносца Екшора, который равнымъ образомъ тогда какъ и прежде свирѣпствовалъ общекая всѣ мѣста и опровергалъ крѣпостію своею все срѣщающееся подобно исшедшему отъ высокихъ горъ ужасному вихрю.

Аки великій левъ или неукротимый вепрь окруженъ бывъ множествомъ дерзновенныхъ ловцовъ со псами, обращается на всѣ страны скрежещетъ крѣпкими зубами и лютоштію своею не взирая ни на что, устремляется на стрѣлы и на копія и благородное сердце ничемъ не можетъ устрашиться, дерзновение же убиваетъ его; куда направитъ стремленіе свое, тамо рассыплюшся всюду сопро-

прошивники его: шако удивленія достой-
ный воинсшвенникъ божественный Екшоръ
обращался во Троянскихъ полкахъ увъ-
щевая и ободряя ихъ прейти ровъ, ко-
его ниже сами быстрые кони дерзали
прескочиши, но стоя на краяхъ онаго,
наполняли воздухъ гласомъ ржанія. Ибо
устрашала ихъ глубина и широша, ко-
ея ниже прейти ниже прескочиши удоб-
но было: ибо вездѣ зримы были стрем-
нины и окруженъ былъ острыми вели-
кими и частыми тычинами, коихъ сы-
ны Ахейскіе положили въ защищеніе отъ
сопротивныхъ мужей Троянскихъ; тамъ
быстроотекущій конь носящій скорую,
колесницу не можетъ вниши.

Въ то время мудрый Полидамантъ
представъ дерзновенному Екшору въща-
етъ шако. Великаго Царя Пріама сынъ
великодушный Екшоръ и вы храбрые
Троянскаго ополченія вожди! тщетно
мы и безъ разума удручаемъ коней на-
шихъ понуждая ихъ неудобопроходный
прескочиши ровъ; вы сами зрите, что
онъ многими наполненъ естъ тычинами,
близъ которыхъ и высокая стѣна сто-
ишъ Ахейская; никакъ не возможно намъ
вниши

вниши въ него, ниже брань твориши на коняхъ: ибо видише вы тѣсныя шамъ мѣста, гдѣ мню, что погибель вскорѣ ниспадетъ на насъ. Воистинну Молніеносный отецъ Боговъ Кроновъ сынъ Юпитеръ совѣщаетъ пагубу на Ахейнъ, и хочетъ ихъ въ конецъ разорити, Троянскому же воинству посылаетъ помощь. Уповаю, что все сіе совершится непременно и вскорѣ, и Аргивяне ошлучася отъ своего любезнаго опечества погибнутъ съ безчестіемъ внутрь предѣловъ нашихъ; но когда изыдутъ отъ кораблей и обратився погоняиъ насъ, тогда ровъ сей глубокий смертоноснымъ будетъ намъ прѣпкновеніемъ, и мню, что ни единъ отъ насъ живъ не возвратишся во градъ, кто бы принеслъ возвѣщеніе о нашей смерти. Но послушайте меня и повинитесь моимъ совѣшамъ, кои днесъ вамъ открою: коней нашихъ препоручимъ держати на мѣстѣ семъ слугамъ; сами же пѣши со Екторомъ и прочими взыдемъ противъ Ахейнъ, кои не возмогутъ уже тогда повести нашего нападенія: ибо приближается конецъ живота ихъ.

Тако рекъ Полидамантъ; и угодно
 явилось слово сіе предъ божественнымъ
 Екторомъ: вскорѣ нисходитъ отъ коле-
 сницы со оружіемъ на землю, чему по-
 слѣдуютъ и прочіи Трояне бывшіи на
 колесницахъ; каждый повелѣлъ возницѣ
 своему держати коней во всякомъ по-
 рядкѣ близъ рва. Воины же раздѣляя
 на пяць частей послѣдовали всякъ сво-
 ему вождю: со Екторомъ идетъ муже-
 ственный Полидамантъ и храбрѣйшіи
 отъ всего воинства; ибо желали опро-
 вергнувъ стѣну сражаться близъ кораб-
 лей Ахейскихъ, третій послѣдовалъ имъ
 Кевріонъ, на котораго мѣсто при ко-
 лесницѣ оставилъ Екторъ другаго; вто-
 рому раздѣленію предводительствовалъ
 Паридъ, Алкаѳой и Агиноръ; претіему
 Еленъ и Дифовъ сыны великаго Троян-
 скаго Царя Пріама и Асіи пришедшій на
 знаменитыхъ коняхъ отъ Арисвы града
 населеннаго при рѣкѣ Селліентъ; чет-
 вертому вождемъ былъ престарѣлаго
 Анхиса божественный сынъ Еней и съ
 нимъ два сына Антиноровы искусившіися
 въ воинскихъ дѣлахъ Архелокъ и Ака-
 мантъ; пришедшими же на помощь по-
 велѣ-

вѣлѣвалъ великоименитый Юпитеровъ
сынъ Сарпидонъ и съ нимъ храбрый Главкъ
и мужественный ратникъ Астеропей ,
кои явились ему паче всѣхъ крѣпостію
силъ превосходнѣйшими. Вооружая крѣ-
пкими щитами, копіями и острыми меч-
ами текутъ на брань съ сердцемъ напол-
неннымъ яростію и мужествомъ помыш-
ляя, что Аргивяне усшремленія ихъ по-
несши не возмогутъ, но падутъ вси
мертвы при своихъ корабляхъ. Сіи вси
Трояне и пришедшіи на помощь по-
винулися мудрымъ совѣтамъ божествен-
наго Полидаманша, но храбраго Иршака
сынъ Асій вождь славныхъ мужей отри-
нулъ оныя и не восхоудъ оставши
быстропекущихъ коней своихъ и возни-
цу, которому они послушны всегда были;
но восшедъ на колесницу течець предъ
воиствомъ своимъ прямо ко Аргивскимъ
кораблямъ. О несмысленный! не помы-
шляя тогда о лютой смерти, и что
не восторжествуетъ на колесницѣ со-
свримъ коньми, ниже узритъ гордащіяся
высокими стражницами твердыни Іліан-
скія; но прежде очи его смѣшила смерть
лютая острымъ копіемъ пресловутаго

воинственника Идоменея сына знамени-
таго Девкала. Ибо направилъ теченіе
коней своихъ на лѣвую страну, гдѣ Ахея-
не бѣжали на колесницахъ съ поля; та-
мо обрѣшаетъ врата не зашворѣны; ибо
держали ихъ мужи опроверстыми, дабы
удобнѣ могли воспріяти и спасти жи-
вотъ своихъ совоинственниковъ, кои у-
страшася силы враговъ пошекутъ отъ
брани къ кораблямъ своимъ. Тамо у-
спремился Асій на колесницѣ со сво-
имъ воинствомъ вопія великимъ гласомъ:
ибо чаяли, что Аргивяне нападенія ихъ
понести не возмогутъ, но падутъ мер-
твы при корабляхъ своихъ. Безумныя!
но се обрѣшаютъ во вратахъ двухъ
сильныхъ мужей сыновъ отъ славнаго
рода чудныхъ Лапидовъ: единого Поли-
пиша сына страшнаго Пиріеоя, втораго
Леонтея подобящагося крѣпостію силъ
человѣкоубійцѣ Аркою; сіи стояли предъ
высокими вратами. Аки два высокіе
дуба на пространныхъ горахъ дебелые
свои корни глубоко распростеръ въ нѣ-
драхъ питающія всѣхъ машере земли
стоятъ не бояся свирѣпости бурныхъ
вѣтровъ, ниже паденія великихъ дож-
дей:

дей: тако сѣи два храбрые мужи Поли-
пипѣ и Леонтей ожидали устремленія
Асіева, ниже великій духъ ихъ страхомъ
какимъ поколебался. Асій со своими вое-
начальниками Іаменомъ, Орестомъ, Ака-
маншомъ, Ёоономъ и Иномаемъ и со
всѣмъ воинствомъ возвыся копія текутъ
сѣ великимъ воплемъ; Данаи же пребы-
вая внушрь стѣнъ единодушно другъ
друга ободряли увѣщевая защищати
всею храбростію корабли свои. Но ког-
да узрѣли, что Трояне въ великомъ
множествѣ приближаются ко стѣнамъ
ихъ, тогда воздвигли сильный вопль и
страхъ напалъ на всѣхъ Ахейнъ. По-
липипѣ же и Леонтей стоя предъ вра-
тами крѣпостію своею возбраняли всѣмъ
сопротивнымъ входъ. Аки два вепря на
высокихъ горахъ безстрашно ожидають
яростнаго устремленія мужей и псовъ;
пламенные ихъ челюсти источають пѣну,
скрежещущъ смертоносными зубами и
обращая всюду сокрушають дебелия
древа и исторгають ихъ сѣ кореньями;
и свирѣпствуютъ, доколь мужъ ловець
стрѣлою опшметъ животъ; тако на
крѣпкихъ персяхъ сихъ славныхъ двухъ

мужей бряцала блестящая мѣдная брѣня отъ сильнаго движенія ихъ сопротивъ Троянскаго воинства; ибо зѣло дерзновенно сражались упова на камни и на мужество свое. Аки частый градъ отъ темныхъ тучи принесенныя бурнымъ вѣтромъ съ великимъ шумомъ падеть на многопитающую мать землю; въ равномъ множествѣ летали стрѣлы отъ рукъ данайскихъ и Троянскихъ, мѣдные же шлемы и не преодолимые щиты поражаемые каменіемъ издавали великое бряцаніе.

Тогда дерзновенный Асій сынъ мужественнаго Иршака бѣя въ бедра свои со слезами и гнѣвомъ возопилъ тако: о отче Юпитеръ! воистинну зрю нынѣ, что и ты содѣлаался любящимъ ложь: помышлялъ ли я когда, что Ахейне возмогутъ понести крѣпость рукъ нашихъ, но они тщатся нынѣ сопротивлятися намъ. Аки осы или пчелы не хотѣвъ оставиши жилищъ своихъ, но ожидають мужей ловцовъ дабы возбраниши приходъ ко своимъ чадамъ: тако сѣи двое не хотѣвъ отступити отъ врагъ, доколѣ умерщвлены или плѣнены будутъ.

Тако

Тако реклъ; но всесильный ошеуъ Боговъ Юпишеръ не услышалъ ниже вопля ниже гнѣва Асіева: ибо Екшору паче всѣхъ желалъ подати славу. Въ то время прочіи Трояне близъ другихъ врагѣхъ сражались со Аргивянами. (Но мнѣ неудобно о всемъ томъ содѣлати повѣсть; ибо я не богъ) вездѣ окрестъ каменныхъ Аргивскія твердыни божественнымъ повелѣніемъ возженъ былъ огонь; Аргивяне же хотя и съ болѣзненнымъ сердцемъ, но нуждою влекомы были защищати корабли свои. Все Боги, которые помощниками были Данаямъ во брани, печалились душою. Храбрыя же сыны чудныхъ Лапидовъ стоя во врагахъ воздвигали брань жестокою. Дерзновенный Пиридовъ сынъ Полипитъ направля копіе на Дамаса поражаетъ въ чело, остріе проходитъ мѣдный шлемъ, ниже пѣрдоствѣ вспянула, приближишия горькой смерти, но сокрушивъ мѣдъ, сокрушаетъ и кость; шечетъ изъ главы его мозгъ и все члены лишаются чувствъ, душа же нисходитъ обитати въ сѣни шемныя, смиривъ сего дерзновеніе, убиваетъ потомъ Ормена и Цилона. Леонтей же отрасль

Ареева сынъ великодушнаго Антимаха
вонзаетъ дебелое свое копѣе сквозь по-
ясъ во чрево Иппомаху и повергаетъ мер-
твѣваго на песокъ; паки извлекъ острый
мечъ отъ влагалища устремляется
чрезъ множество народа и поражаетъ
его въ выю; падетъ и сей на землю
мертвъ. По семъ течетъ сопротивъ
Менона, Іамена и Ореста, равнымъ обра-
зомъ и сихъ лишаетъ сладчайшаго жи-
воша. Доколѣ Полипитъ и Леонтей со-
влекаютъ броню и оружіе умерщвлен-
ныхъ; се течетъ страшный Екторъ съ
божественнымъ Полидамантомъ и со из-
бранными мужественными юношами, кои
всѣмъ сердцемъ желали разрушити твер-
дыню Данайскую и пожесть корабли
ихъ.

По сіе же время стояли они близъ
рѣва разсуждая о видѣнномъ ими пред-
знаменованіи: ибо когда они хотѣли пре-
ходити ровъ, тогда узрѣли на лѣвую
спрану летящаго орла и несущаго въ
когтихъ своихъ величайшаго окровавлен-
наго дракона, кой не вовсе лишенъ бывъ
жизни началъ со врагомъ своимъ брань
и извиваяся разными видами уязвилъ
его

его въ перси близъ выи. Орелъ мучимый болѣзнію освободивъ дракона изъ кохтей низвергль на землю посреда воинства, гдѣ Екторъ и Полидамантъ пребывали, самъ же наполняя воздухъ доплемъ полетѣль отдаваясь во власнь дыханію въпра.

Трояне видя предъ собою лежащаго страшнаго дракона устрашилися и начали помышлять о зримомъ чудеси посланномъ отъ всесильнаго Юпитера Егіоха. Тогда мудрый Полидамантъ ставъ предъ дерзновеннымъ Екторомъ начинаешъ тако: Екторъ! ты всегда благія мои слова охуждаеши въ совѣтахъ. Да будешъ тако; ибо непристойно есть простонародну сущу челоуѣку прекословиши предъ тобою ниже въ совѣтахъ, ниже на брани, но подобаетъ всегда умножати власнь твою. Нынѣ же паки возвѣщу тебѣ, что зришся мнѣ благимъ и полезнымъ: да не взыдемъ нынѣ на брань ко Ахеянамъ, сражатися близъ кораблей; ибо тако нынѣ исполнишся со Троянами какъ видѣніе сіе явило намъ. Орелъ сей высокопарящій прилетѣль въ то самое время, когда мы

хотѣли ровѣ сей преходиши и приле-
тѣлъ отъ лѣвыя страны аки возбраня
нашему воинству; великаго же сего дра-
кона, коего неслъ онъ живаго въ кох-
тяхъ, повергъ на землю прежде неже-
ли приблизился къ своему вишалищу,
ниже совершилъ, да насытятся онымъ
пшеницы его. Тако и мы хотя враша
и сѣбѣ Ахейскую сокрушимъ великою
силою и хотя уступящъ Ахейне, но по-
тѣмъ же снесамъ со вредомъ возвратимся
отъ кораблей во градъ нашъ: ибо мно-
гихъ оставимъ нашихъ Троянскихъ со-
воинственниковъ, коихъ Ахейне острі-
емъ оружія убѣютъ защищая корабли.

Тако мудрый прорицатель предвѣ-
щалъ, коего разуму ошкременны были
гаданія и народы повиновались Стра-
шно колеблющій шлемомъ великій Ек-
торъ возрѣвъ на Полидаманта снѣ-
рѣпымъ окомъ отвѣщаеъ тако: Поли-
даманѣ! никогда я отъ тебя пріяшна-
го слова не слышалъ; или не могъ ты
лучшее что сего возвѣстити? Но ко-
гда праведно о семъ повѣдаеши, воинствуй
зрю, что сами боги отъяли разумъ
отъ тебя; ты повелѣваеши мнѣ забы-
ши

тии совѣты данныя отъ самаго всеильнаго Юпитера, кои отъ исполниши самъ мнѣ общался; но ты совѣтуеши мнѣ повинутися по воздуху носящимся птицамъ. Не взираю я на ихъ ни мало, ни же помышляю, на десную ли страну къ деилицѣ и солнцу, или на лѣвую къ темному западу. крыла свои простирая текутъ. Намъ паче всего надлежитъ послушати совѣшовъ молніеноснаго Юпитера, который надъ всѣми смертными и безсмертными владычествуетъ: единая паче всѣхъ есть лучшая птица защищати опечество. По что устрашаеши брани? хотя мы и вси единѣ близъ другаго падемъ мершвы при корабляхъ Аргивскихъ; но ты не имѣеши причины боятися смерти: ибо нѣтъ въ тебѣ ни мужества сопрошивъ враговъ, ни сердца дерзновеннаго ко брани; но когда ты или самъ не взыдеши на брань, или прочихъ будеши отвращати твоими совѣтами, вскорѣ симъ копіемъ моимъ исторгну отъ персей душу твою.

Такъ рекъ предшешествуетъ, послѣдуютъ ему и прочіи наполиая воздухъ безмѣрнымъ воплемъ. Въ то время мол-

нѣносный отецъ Боговъ Юпитеръ воз-
двиглъ отъ небесъ великую бурю въ-
шровъ, кои прахъ земный несли прямо
ко Аргивскимъ кораблямъ; на Ахейнъ
пустилъ великій страхъ, славу же ни-
спослалъ Екшору и Троянамъ, кои обо-
дрены бывъ симъ знаменіемъ и упова на
силу свою приступали съ неустраши-
мымъ дерзновеніемъ ко опроверженію ве-
лика швердыни Данайскія; уже влекутъ
лѣшвицы, опровергають стражницы,
низлагають высокіе столпы положенные
отъ Ахейнъ во укрѣпленіе. И хотя со-
вершенно чаяли разорити безъ труда
сѣбѣ сію, но не опсшупали Ахейне
отъ защищенія ея; и вооружены бывъ
крѣпкими щитами поражали ово стрѣла-
ми, ово каменіемъ приближающихся. Оба
же Еанты обпекая всюду по швердынъ
ободряли Ахейнъ мужество, иныхъ по-
хвалами и прошеніемъ, другихъ поноси-
ли жестокими словами, коихъ видѣли
во унынїи и опчаянїи увѣщевая тако:
о любезные Аргивскіе совоинственники!
кто мужественъ, кто посредственъ, кто
малосиленъ, (ибо не вси имѣете равныя
силы,) не бойшеся усстремленія Троян-
скаго,

скаго; ибо сами вы зрите, что, нынѣ
наипаче предлежитъ во всѣхъ васъ нуж-
да; бодрствуйте, не обращайтесь къ
вашимъ кораблямъ, шщитесь ободряти
другъ друга. Кто вѣдаетъ? можеть
быть и намъ Олимпійскій молніеносецъ
пошлетъ свою помощь отвратить сію
зловредную брань и прогнаши силу вра-
говъ ко граду. Тако сіи вопія ободряли
своихъ воиновъ, отъ коихъ многіе тогда
пущены были камни на Троянъ. Какъ
въ зимнее время, когда обладающій пре-
мудростію всесильный Юпитеръ восхо-
щетъ показати роду человѣческому
власть свою, прежде повелитъ въшрамъ
дохновеніемъ наполнити воздухъ, усми-
ривъ же ихъ пошлетъ великій облакъ,
отъ котораго рассыплеть множество
снѣга, коимъ покроются высокія горы,
великіе камни, плодоносныя поля, зе-
мледѣльцовъ шруды, морскіе берега при-
станища и все лице земли; въ подоб-
номъ сему множествѣ отъ Ахейнъ къ
Троянамъ и ко Ахейнамъ отъ Троянъ
лешали камни; по всей же швердынѣ
содѣлался великій шумъ и не обычный
мяшежъ.

Не возмогли бы тогда Трояне и крѣп-
кій Екшоръ своею силою сокрушивши
врагъ и крѣпкаго запора, ежелибъ со-
бирающій во едино облаки премудрый
Юнишеръ не воздвигавъ сопротивъ Арги-
внѣ храбраго сына своего Сарпидона,
аки льва на воловъ. Вскорѣ возлагаешъ
на рамо щипъ великолѣпный, швердый,
содѣланный отъ многихъ воловыхъ крѣп-
кихъ кожъ, покрытъ блестящею мѣдію,
окрестъ обложенъ златыми ободами;
пошомъ восприявъ два оспыря и дебелыя
копія, направляешъ ноги свои сопротивъ
Данаевъ.

Аки левъ воспитанный въ непрохо-
димыхъ горахъ, когда удручается ве-
ликимъ голодомъ, идетъ рыкая сердцемъ
наполненнымъ гордою яростию; узрѣвъ
же стада овецъ приближается искусити,
еда бодрствуютъ пастыри спрегущіе
ихъ со псами; вшедъ же не оныдетъ
безъ вреда; но или восхититъ овцу,
или самъ будетъ уязвленъ стрѣлою му-
жественнаго пастыря: тако божествен-
ному Сарпидону совѣщало дерзновенное
сердце взыши на швердыню и разру-
шивши защиты Ахейскія. Вскорѣ убо
воз-

воззвавъ Ипполохова сына Главка вѣщаетъ къ нему: любезный Главкъ! почто намъ Ликіане воздають паче всѣхъ честь предсѣданіемъ, пищею и пивіемъ? Взирають на насъ вси аки на боговъ; на прекрасныхъ брегахъ рѣки Ксанѳа обитаемъ во пространныхъ селахъ, имѣемъ вертограды насажденные всякаго рода плодами изобильные, поля гобзующія житомъ и пшеницею. Не первымъ ли убо намъ подобаетъ обращаться во вредоносной сей брани и защищать своихъ Ликійскихъ согражданъ? да рекутъ нѣкогда о насъ мужественные наши воины: се достойно храбрые наши Цари обладаютъ Ликійскою спраною, достойно ядять тучныхъ овецъ и пють избранное вино! воистинну храбры суть и во брани, ибо первые между Ликіанами ратуютъ! О любезный другъ! когда бы мы убѣгая брани сей могли вѣчно не состарѣться и быти безсмертными, воистинну не желалъ бы я самъ первымъ сражаться, не послалъ бы и тебя; но нынѣ когда всякому челоуку положенъ есть предѣлъ жизни его, и никому не возможно спастися или укрѣ-
шися

пшя отѣ смерши , пойдѣмѣ , да или мы кому смершю нашею содѣлаемѣ честь , или сами убивѣ какого знаменишаго мужа прославимся отѣ всѣхѣ !

Тако рекѣ ; и повинулся ему Главкѣ со всякимѣ желаніемѣ сердца . Текутѣ оба неустрашимые войны дерзновенно предводишельствуя многимѣ Ликійскимѣ полкамѣ . Узрѣвѣ же ихѣ Менесеей сынѣ Пешеевѣ устрашился ; ибо прямо кѣ его стражницѣ направляли пушъ свой нося горчайшя бѣдствя ; обративѣ же очи со стражницы на Ахейнѣ , дабы узрѣши кого отѣ военачальниковѣ , кошѣрый бы отвращилѣ отѣ него приближающійся часѣ ярости , вскорѣ позналѣ внутрѣ стоящихѣ обоихѣ Еаншовѣ и Тевкра ишедшаго отѣ сѣни ; не возможно было имѣ услышати гласа его : шолкѣ былѣ шумѣ , вопль поражаемыхѣ возносилѣ кѣ небесамѣ , шрескѣ ударяемыхѣ щитовѣ и сокрушаемыхѣ вратѣ , бряцаніе мѣдныхѣ шлемовѣ и всякія брони .

Вскорѣ убо кѣ Еаншу посылаетѣ провозвѣстника Ооота вѣщаая ему : шекѣ божественный Ооотѣ и призовѣ скоро обоихѣ Еаншовѣ ; лучшаго средства кѣ спасенію

сеню днесь не обрѣшаю: ибо отъ сѣх
наипаче страны приближается пагуба
Данаямъ; се зриши устремляющихся
Ликійскихъ вождей, кои мужествомъ и
силою превосходятъ многихъ; но когда
и имъ предстоитъ шамо трудъ и не-
избѣжимая нужда, поне единый Еантъ
сынъ Теламоновъ и знаменитый спръ-
лецъ Тевкръ да придутъ скоро ко мнѣ
на помощь.

Такъ рекъ утраченный Менесеей и
повинулся велѣнію его божественный про-
возвѣстникъ. Прітекъ же внутрь стѣ-
ны и представъ дерзновеннымъ Еантамъ
вѣщаетъ: пресловутые Аргивскіе военачальники храбрые Еанты! божественнаго
Пешеля возлюбленный сынъ Менесеей
молишь васъ прійти къ себѣ, да сотвори-
те ему помощь въ наступающихъ бѣд-
сшвіяхъ; молишь же обоихъ васъ наипаче,
зане скорѣйшее можете сотворити
спасеніе; ибо отъ его страны прибли-
жается великая гибель; текутъ съ
великимъ устремленіемъ храбрые Ликій-
скія вожди, кои многихъ превосходятъ
дерзновеніемъ и силами; но когда и вамъ
здѣ предстоитъ великій трудъ и неиз-
бѣжи-

бѣжимая нужда, поне единѣ ты Теламоновѣ сынѣ да взыдеша къ нему и да послѣдуетъ тебѣ знаменитый спѣшецъ Тевкръ.

Такъ рекъ божественный провозвѣстникъ Ооонъ, и послушалъ моленія его Еантъ сынъ Теламоновъ; вскорѣ убо вѣщаетъ къ Еанту сыну Идееву: Еантъ! пребуди здѣ съ мужественнымъ Ликомидомъ и поощишься воинство Ахейское возбуждати ко храбрости и ободряши ко брани; я же иду отсюда, да соворю помощь Пешееву сыну Менесеею и вскорѣ возвращуся, когда отъ него прогону приближающееся злополучіе.

Такъ рекъ Теламоновъ сынъ печетъ, и съ нимъ отъ единого отца рожденный братъ его Тевкръ, за коимъ послѣдовалъ Пандіонъ нося крѣпкій лукъ. Когда же приблизились ко стражицѣ, на коей Менесеей пребывалъ защищаяся, тогда Аикійскіе вожди со своимъ воинствомъ восходятъ на стѣну подобно великому вихрю; сошедшимся же воспалъ сильный вопль, и первый Еантъ сынъ Теламоновъ убилъ тогда храбраго мужа Епиклея друга Сарпидонова поразивъ его великимъ
мра-

мраморомъ, который лежалъ на тверды-
нѣ и коего обѣими руками не можешь
поднять мужъ вущій во цвѣтущей юно-
сти, каковыя нынѣ суть люди; Еанѣ
же восхитивъ его единою рукою вергнулъ
на Епикла и сокрушивъ племъ раздро-
билъ всѣ кости главы его; падетъ храб-
рый Ликійскій Ирой отъ сражницы на
землю и всѣ составы его лишаются
крѣпости, душа же нисходитъ ко
хвалящемуся темнопою Богу. Тевкръ
же Главка сына Ипполохова уязвляетъ
спрѣлою, гдѣ узрѣлъ обнаженное рамо
его; вскорѣ удаляется мужъ крѣпкій отъ
брани и болѣзнію мучимый нисходитъ
на поле съ твердыни шайно: дабы кто
отъ сопровивныя Ахейскія страны узрѣвъ
не посмѣялся пораженному.

Знаменистый Ликійскій Царь Сарни-
донъ вскорѣ позналъ Главка возвращаю-
щагося отъ брани; печаль объяла душу
его, но сражаться не престалъ, творя
же всюду устремленіе нѣчетъ на силь-
наго мужа Алкмеона сына Фесторова;
припекъ же прободаетъ его въ перси
копьемъ; падетъ мужъ Аргивскій и воз-
гребѣла мѣдная броня его, ослабѣваютъ
крѣп-

крѣпкія члены и силы превращаются въ ничто. Сарпидонъ исторгнувъ копіе мещется къ защитѣ стоявшей на всей Аргивской твердынѣ, сокрушаетъ оную сильными своими руками и низвергаетъ на поле; едино разрушенное мѣсто повлекло всѣ связи, стѣна обнажалася и многимъ содѣлался удобный путь.

Божественный мужъ Еаншъ и знаменитый стрѣлецъ Тевкръ нападаютъ на Сарпидона всѣми силами: Тевкръ пускаетъ отъ крѣпкаго лука острую стрѣлу; сія пронзаетъ близъ Персей ремень, на которомъ щитъ висѣлъ; но всесильный Юпитеръ восплотилъ смерть сына своего, да не будешь убитъ при корабляхъ Аргивскихъ. Еаншъ притекъ ударяетъ копіемъ посреда щита, остріе проходитъ всю твердость его; касается самаго въ неистовствѣ сущаго Сарпидона, который устрашенъ бывъ симъ удареніемъ отступилъ не много отъ защиты, но сражающійся не пресналъ: ибо сердце его уповало воспріявши надѣ данаими славу. Вскорѣ убо обратися ко своему воинству вѣщая: о славныя Ликіане! такъ ли хранище дерзновенное наше муже-

жество? или не зрите, что со всею моею крѣпостію не удобно мнѣ единому прогнати враговъ сихъ и открыши путь ко Ахейскимъ кораблямъ? но слѣдуйше совокупно и приближишеся ко мнѣ: ибо соединенныя силы больше преуспѣють.

Такъ рекъ божественный Сарпидонъ, воинство же устращася гнѣва Царя своего съ вѣщающею яростію ринулося совокупно и стало окресивъ его; отъ другія же спраны храбрыя Аргивяне съ равною бодростію защищалися внутрь стѣны и великое дѣло предстояло имъ. Ибо ниже мужественныя Ликіане могли прервать Данайскую стѣну и содѣлать путь ко Аргивскимъ кораблямъ, ниже воинственные Аргивяне могли мало отгнаши Ликіанъ отъ стѣны; но какъ съ начала пришли, тако и пребывали не отступно. Аки два мужа о предѣлахъ земли другъ другу не уступая прекословяшъ и держа въ рукахъ мѣры на общемъ полѣ творяшъ великую распрю о равенствѣ, стоя на маломъ мѣстѣ: тако Ликіане и Данай сражались на твердынь, сіи защищая, оныя же разрушая; единъ у единого перзающъ на персяхъ

воловыи кожи, сокрушають щипы крѣпкіе; раздирають броню мѣдную; многіе уязвляюся остріємъ оружія какъ стоящи сопрошивъ, такъ и обращающіи крѣбешъ, многимъ не помогали тогда ниже швердые щипы; стражницы и дѣшныи щипы вездѣ стояли обагрены кровію мужей какъ Троянскихъ тако и Ахейскихъ; но ниже таковымъ образомъ Данаи могли устрашенными показатися ошъ Ликіанъ. Аки праведная жена имущая ошъ своихъ рукъ пропитаніе, держа вѣсы раздѣляетъ равно волну, да содѣлаетъ чадамъ своимъ малое награжденіе, тако брань тогда равная ошъ обѣихъ странъ продолжалася, доколѣ Юпитеръ не послалъ великія славы Троянскаго Царя Пріама сыну чудному Експору.

Сей первый вшелъ внутрь Ахейскія швердыни неистовымъ гласомъ вопія ко Троянскому воинству: воздвизайтесе Троянскіе всадники! опровергайте Аргивскую швердыню! ввергайте огонь въ корабли Данаискіе!

Тако вопія ободрялъ и вси слышали гласъ его: шекуть отовсюду во мнѣжеснѣ устремляясь ко швердынь, не-
суть

суть лѣствицы, восходящѣ съ копѣями. Свирѣпѣющій же убійствомъ Екторъ во-
схитилъ камень снѣгавшій прямо вращѣ,
дебелый, великій и острый, коего ниже
два мужа крѣпчайшіи силами въ народѣ,
каковы нынѣ суть люди, могли бы воз-
двигнути отъ земли; но онъ всюду безъ
труда обращалъ его: ибо хитраго Кро-
на всесильный сынъ Юпитеръ въ то
время содѣлалъ его легкимъ. Аки па-
стухъ единою рукою безъ труда несетъ
овчее руно; ибо малая въ немъ тяжесть;
тако Екторъ неслъ восхищенный камень
прямо ко дверямъ зѣло укрѣпленнымъ
хранящимъ врата высокія со двумя де-
белыми запорами и единымъ замкомъ.
Сшавъ же зѣло близко, вергнувъ камень
по средѣ дверей, раздробилъ всѣ доски
и сокрушилъ запоры, раздается далеко
шрескъ, и камень пролетая падетъ съ
великою тяжестью; едва открылся
входъ во швердыню, абіе мещется чуд-
ный Екторъ подобая образомъ страш-
ной ноши, мѣдная броня, въ кою обле-
ченъ былъ, блистаетъ на немъ аки
молнія, взоръ очей его сверкалъ аки
пламень огненный, руки вооружены были

двумя дебелими копіями: тогда отъ смершныхъ никшо бы входа его не возмоглъ удержаши кромъ единыхъ боговъ. Входя же во врата обратилъ взоръ къ своему воинству и вопіялъ повелѣвая входиши внутрь стѣнъ: ринулося все множество, иные восходящъ по лѣствицамъ, другіе рвущя во врата; устрашенные же Дананіи рассѣялися всюду и пощеклаи къ кораблямъ своимъ; въ то время послѣдовалъ мяшежъ великій.

Конецъ первой части.

О М И Р О В О Й И Л Л А Д Ы

Ч А С Т Ь ІІ.

содержащая въ себѣ

послѣднія

двенадцать пѣсенъ.

Перевелъ

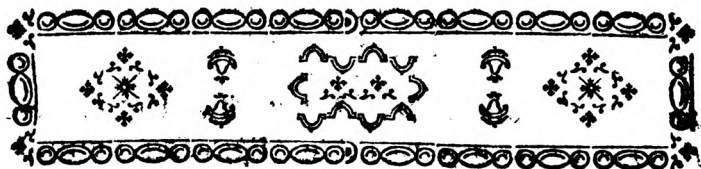
съ Греческаго языка Коллежскій Секретарь

ПЕТРЪ ЕКИМОВЪ.

163553

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
при Императорской Академіи Наукъ,
1778 года.

ОМИРОВОЙ ИЛІАДЫ

Ч А С Т Ь И.

ПѢСНЬ ТРЕТІЯНАДЕСЯТЬ.

с о д е р ж а н і е.

Посидонъ милосердствуя о побѣжденныхъ Дана-
лхъ принимаетъ на себя подобіе Калханта и
возбуждаетъ обоихъ Еантовъ къ брани, гдѣ Идо-
меней оказываетъ храбрость свою и убиваетъ
Отріоней и иныхъ; многіе же и Ахейне отъ
Траилъ умерщвляются, уязвляется Діифовъ
и Елендъ. Екшоръ собравъ свое воинство ведетъ
сопротивъ Ахейнъ и отъ обоихъ странъ ладятъ
многіе.

ПѢСНЬ ТРЕТІЯНАДЕСЯТЬ.

ИИ.

Юпитеръ приведъ Екшора и Тре-
янь ко Ахейскимъ кораблямъ о-
сшавиль ихъ въ великомъ шрудѣ, печал-
ли и возмущеніи; самъ же обрати́ль
сіяющія очи взирая на Фракійскую земь.

лю къ Мисіянамъ, Агавамъ, Иппимол-
гамъ, Глактофагамъ и праведнѣйшимъ
Авіанамъ; отъ Трои же вовсе отвратилъ
взоръ свой: ибо не уповалъ во своемъ
сердцѣ, дабы кто отъ безсмертныхъ при-
шелъ на помощь ко Троянамъ или Да-
наямъ. Колеблющій же морскую глуби-
ну и обладающій пространствомъ водъ
сильный Царь Посидонъ не щедное имѣлъ
созерцаніе: ибо тогда взирая на
брань Троянскую возлежалъ на высокой
горѣ красящагося великимъ лѣсомъ остро-
ва Самоса, откуду гору Иду, градъ
Царя Пріама и корабли Ахейскіе удобно
было видѣти. Тамо исшедъ отъ моря
возлежалъ смущаяся духомъ опсбѣжден-
ныхъ Троянами Данаяхъ; на Юпитера
же зѣло гнѣвался. Вскорѣ убо воздвиг-
нувъ быстрыя ноги свои нисходитъ: во-
спрешепшали высокія горы и великіе лѣ-
са подъ безсмертными стопами идуща-
го Посидона. Трижды покушался ити,
въ четвертое же приблизился ко пре-
дѣламъ Егадскимъ; гдѣ имѣлъ онъ свое
обитаніе, и со всякимъ великолѣпіемъ
созданный во глубинахъ морскихъ зла-
шый сіяющій и вѣчно нестарѣющій домъ.

Тако

Тако вшедѣ запрягаетѣ въ колесницу
 бысролетящихъ коней имущихъ мѣд-
 ные ноги, украшенныхъ златыми грива-
 ми; самъ облакается весь во злато, при-
 емлетѣ хитроплетенный златый бичъ
 и восходитѣ на колесницу; лешитѣ подѣ
 водами великій Царь и восходитѣ на
 верхъ оныхъ; текутъ во срѣщеніе стра-
 шные киты и играють подѣ ногами ко-
 ней познавъ Царя своего; разверзалося
 море отъ радости, ниже мѣдная ось
 окроплялася водами. Вскорѣ по семъ при-
 несли его кони къ Ахейскимъ кораблямъ.
 Есть нѣкоторая пространная пещера во
 глубинѣ моря посреде Тенеда и Имвра.
 Тамо колеблющій землю Посидонъ воз-
 державъ шеченіе коней отпрѣшилъ отъ
 колесницы и предложивъ имъ божествен-
 ную пищу связалъ ноги ихъ златыми
 не разрѣшимыми путами, дабы стояли
 неподвижно ожидая возвращенія Царя
 своего. Самъ же идетѣ къ Артивскому
 воинству, гдѣ Трояне подобно пламеню
 или бурѣ всюду устремлялися ненаемъ-
 нымъ свирѣпствомъ слѣдуя кровопийцѣ
 Ектору съ великимъ воплемъ и шумомъ;
 ибо уповали плѣнныи корабли и при-

нихъ умертвити все воинство Ахейское. Но окружающій водами землю Посейдонъ исшедъ отъ морскія глубины и воспри-
явъ образъ и гласъ подобный перевозвѣ-
стнику Калханту возбуждаетъ Ахейцъ,
во первыхъ же Еанта сына Теламонова
и Еанта сына Илсева вѣщая къ нимъ
такъ:

Мужественныя Еанты! вспомните
о вашей храбрости и не помышляйте
о смертоносномъ бѣгствѣ и потщитесь
спасти народъ Ахейскій. Въ иномъ мѣ-
стѣ не устрашаетъ меня силою рукъ
своихъ Трояне, и не взираю, что на-
ходящся уже зѣло многіе внутри стѣны
сея: ибо знаю, что усмирять ихъ Ахе-
йне. Устрашаетъ же меня несказанно
Екшоръ подобающійся лютою своею
пламеню и кой нарекаетъ себя сыномъ
Юпитера. О когда бы отъ боговъ кто
послалъ въ ваше сердце мысли таковыя,
дабы и сами вы стояли храбро и про-
чихъ ободряли, уповаю, что прогнали
бы скоро отъ кораблей вашихъ неч-
естовствующаго Екшора, хотя и самъ
Юпитеръ воздвигъ его на насъ.

Такъ

Тако рекъ выблющій морскія пучины Посидонъ, касается своимъ скипетромъ обоихъ вишазей и вселяетъ въ нихъ мужественное дерзновение и крепость; руки, ноги и всѣ члены ихъ содѣлалъ легкими; самъ же отходитъ. Аки быстроделашающій ястребъ возносится отъ высокаго камня, когда узритъ птицу другого рода и вскорѣ хочетъ постигнуть оную во снѣдь себѣ: тако сильный водъ Царь Посидонъ отшелъ.

По отшествіи его вскорѣ отъ двухъ Ировъ первый Еантъ сынъ Илеевъ ощущая въ себѣ обновившіяся силы, легкость и мужественное дерзновение отъ прикосновенія Посидонова, въѣзжаетъ къ Еанту сыну Теламонову: воисстинну отъ бессмертныхъ нѣкто боговъ обещающихъ на пресвѣтломъ Олимпѣ воспріявъ на себя подобіе прорицателя и ободривъ насъ новелѣваетъ нынѣ изыти на брань; не божественный провозвѣстникъ Калхантъ былъ сей; ибо при отшествіи удобно позналъ слѣды ногъ его; боги же зло познаваемы суть, но и сердце мое аки нѣкимъ божественнымъ поощреніемъ возбуждается ко брани; ноги же и руки мои

мои паче прежняго содѣлалися крѣпкими и легкими.

На сіе дерзновенный Теламбновъ сынъ отвѣщаетъ ему: такожде и мои руки аки насильственно устремляются восхитити копѣе; чувствую, что и силы мои движущіяся; ноги же аки не хощаго влекутъ; гошовъ нынѣ и единъ со Пріамовымъ сыномъ Екторомъ ненасытно сражаются. Доколѣ сѣи тако между собою разглагольствуютъ веселяся крѣпостию, которую Посидонъ въ сердца ихъ вдохнулъ; тѣмъ временемъ богъ сей ободрялъ прочихъ Ахейнъ, кои пребывали у кораблей творя отдохновеніе сердцамъ своимъ, и коихъ крѣпкіе члены изнемогли отъ безмѣрнаго труда; болѣзненно страдала душа ихъ, когда взирали на Троянъ, кои во множествѣ прешли швердыню ихъ, взирая же проливали отъ очей своихъ слезы: ибо не уповали избѣгнуть и сохраниши живость свой отъ рукъ Троянскихъ.

Посидонъ пришедъ въ полки Ахейскіе укрѣпляетъ ихъ мужествомъ и во первыхъ увѣщаетъ Ліиша, Тевкра, Пинеллея, Феоанша, Діипира, Миріона и Антилоха.

лоха искусныхъ во брани мужей вѣдая
 къ нимъ тако: спыдѣ намъ храбрые
 юноши Аргивскіе! дерзновенно уповалъ
 я, что вашимъ мужествомъ спасутся
 корабли наши; но когда вы не имѣете
 попеченія о смертоносной сей брани и
 не помышляете о защищеніи совоинствен-
 никовъ вашихъ, сей день узрите при-
 ближающійся отъ рукъ Троянскихъ ко-
 нецъ животу вашему. Увы! коль вели-
 кое сими очами зрю я чудо, какого ни-
 когда не помышлялъ видѣши! къ кораб-
 лямъ Ахейскимъ приближаются Трояне!
 они прежде были подобны брезливымъ
 еленямъ, кои заблуждая въ лѣсахъ бы-
 ваютъ во снѣдъ рысямъ, пиграмъ и вол-
 камъ; ибо не имѣютъ силъ, ниже дерз-
 новенія къ сопротивленію: тако Трояне
 прежде не дерзали искусити крѣпости
 и рукъ Аргивскихъ ниже мало, нынѣ же
 далеко отстоя отъ града брань тво-
 рятъ при корабляхъ Данайскихъ. Все
 сіе раждается отъ небреженія единого
 вождя и отъ унынія воиновъ, кои ра-
 спрю съ нимъ творя не хотятъ отвра-
 щити пагубы отъ кораблей своихъ, ни-
 же содѣлати помощи, но умерщвляются

близъ оныхъ. Хощя же бы и въ сачой истиннѣ виновенъ былъ Ирой пространно владѣющій Царь Агамемнонъ сынъ Атревѣвъ шѣмъ, что не воздалъ почтенія храброму Ахиллу; но намъ самимъ ни коимъ образомъ не подобаетъ оспавиши брань сію. Приложимъ убо скорре наше стараніе: ибо благихъ мыслей судъ удобоисцѣльнъ. Вы мало получилие вебѣ чести, когда избранными и лучшими отъ всего воинства нарицаея забываеши ваше мужество; не дѣлалъ бы я воинству укоризны и распри мужу такому, который по бессилію своему, ниже надѣяся на дерзновеніе опшсупаетъ отъ брани; на васъ же зѣло прегогорчено есть сердце мое. О расслабленные! вскорѣ вѣдущее зло узрите отъ вашей лѣности! но вообразите во умѣ вашемъ бесчестіе и понощеніе; ибо великій уже мятевъ рождаешся вънутрь твердыни нашея; страшный Ексоръ уже приближается; сокрушилъ врата и крѣпкій запоръ.

Такъ воздвигающій страшныя волны Царь Носидонъ увѣщевая Аргивянъ возбуждалъ ко брани; окрестъ же обоихъ Еаншовъ стояли крѣпкіе полки Данайскіе,

ске, коимъ ниже кровожаждущій брано-
творецъ Арей, ниже хранишельница на-
родовъ премудрая Аѳинская Паллада воз-
могли бы содѣлать поношеніе: ибо из-
бранныя и лучшія собраны были ошѣ
всего воинства, ожидаши пламеноснаго
Ектора и прочихъ Троянѣ устремленія;
копѣ копѣмъ стѣбсяемо было, щитѣ со-
щитомъ соединялся, шлемъ ко шлему
прикасался, мужъ мужа укрѣплялъ, вла-
сы конскіе на колеблющихся шлемахъ
спрашно возвѣвали, сошрясаемыя дерз-
новенными руками мѣдныя копѣ далеко
испускали блистаніе ошѣ острія своего;
готовы же бывъ ко брани воздвизающся
прямо и безъ боязни. Но прежде Тро-
янскіе полки содѣлали нападеніе, и во
первыхъ Екторѣ мещется сопрѣшивъ да-
найскихъ силъ. Аки великій камень ошѣ-
торгнутъ бывъ наводненіемъ, послан-
ныхъ ошѣ Юпитера дождей биспро-
шекущею же рѣкою ошѣ высокія го-
ры весется долу и гласъ устремленія
его восприимлютъ лѣса, дешитъ, и силы
его ничшо не можетъ удержати, доко-
лѣ притечетъ въ долину: тако неувро-
шимый Екторѣ въ полки Данайскія ри-
нулся

нулся и доселѣ сердце его уповало, что безъ труда пройдетъ до моря, до кораблей и до всѣхъ кушъ. Но когда пришеклъ во стѣсненныя полки Ахейскіе, тогда узрѣлъ себя отовсюду зѣло окруженнаго великимъ множествомъ знаменитыхъ воиновъ. Сыны Ахейскіе мещущся на него съ великою яростію, поражая же острыми мечами и копьями ошгоняюще отъ среды полковъ своихъ.

Ненавистный челоукоубійца отступивъ не далеко возопилъ страшно ко Троянамъ вѣщая имъ шако: Мужесвенныя Трояне и вы храбрые Ликійскіе воины вооружитесь дерзновеніемъ; не долго порадуются защищеніемъ своимъ Ахеяне, кои аки швердыя спражницы укрѣпили ряды свои; но уповаю, что вскорѣ сокрушу копіемъ симъ крѣпость ихъ, когда востинну величайшій отъ боговъ, мещущій грома отъ высоты пресвѣтлаго Олимпа супругъ божественныя Иры воздвиглъ меня нынѣ на брань.

Такъ рекъ и гласомъ своимъ ободрилъ всѣхъ сердца и силы: первый Дифовъ премудрый сынъ Пріамовъ идетъ вося предъ собою великій щитъ, коимъ защи-

защищалъ тѣло свое отъ ударенія мечей и пораженія копій. Миріонъ же направляя сопротививъ его дебелое копіе мечетъ и поражаетъ прямо въ щитъ содѣланный омиъ воловыхъ кожъ; но пронзити онаго не моглъ: ибо преломилось копіе. Діифовъ же ограждая щитомъ устрашилъ сердцемъ копія Миріонова; но сей вышязъ отшелъ ко своимъ совоинственникамъ и огорченъ бывъ побѣды ради и сокрушеннаго копія, идеиъ ко Аргивскимъ кораблямъ и кущамъ, дабы принести другое копіе, которое осталось въ сѣни его.

Прочіи же пребывали брань швоя, и тогда вопль восшалъ безмѣрный.

Первый Тевкръ сынъ Теламоновъ убилъ храбраго воинственника Имвриа сына Меншорова, кой имѣлъ великія стада коней, и доколъ не пришли сыны Ахейскіе на корабляхъ во Трою, дошолъ обишалъ въ Пидеѣ; жену имѣлъ Мидесикасту дочь Пріамову отъ наложницы; когда же ополченіе кораблей Данайскихъ явилось при берегахъ Иліанскихъ, тогда паки возвратился въ Трою и повелѣвалъ надъ гражданами; жилище имѣлъ близъ

банъ Пріама, который почиталъ его
 аки и сыновъ своихъ. Сего Теламоновъ
 сынъ подъ ухо поразиъ великимъ копъ-
 емъ и наки оное исторгнулъ; падешъ
 вспять мужъ крѣпкій аки дубъ, кото-
 рый на вершинѣ далеко зримыя горы
 ссѣченъ бывъ остріемъ мѣди, млада свои
 вѣтви преклоняетъ къ землѣ; цакъ палъ
 Иврій и возгремѣла на немъ броня мѣд-
 ная. Тевкръ желая получитьи оружіе его
 въ корысь себѣ, шечетъ ко шрупу и
 хощетъ совлести; Екторъ же во срѣще-
 ніе текущему вергнувъ коніе, но Тевкръ
 узрѣвъ, едва уклонился отъ острія его,
 и тако избѣжалъ горчайшія смерти;
 Екторъ пакъ увидя текущаго на брань
 великаго и сильнаго мужа Амфимаха Ак-
 торіонова сына, прободаетъ перси его ко-
 пѣмъ; падетъ великій мужъ со звукомъ
 и возгремѣла на немъ броня его. Екторъ
 шечетъ восхищшии шлемъ отъ главы
 великодушнаго Амфимаха; Еантъ же на
 текущаго мещетъ копѣе великое, но ни-
 гдѣ не зришь празднаго мѣла: ибо стра-
 шно былъ покрытъ весь блестящею мѣ-
 дію; но семъ ударяетъ въ пунъ щита
 и силою великою ошрѣваетъ успремле-
 ніе

и́е его; Ахейце же прише́хъ восхи́шилъ
оба шру́пы: Амфи́махъ шру́пъ Спихи́й
и Менесее́й. Князи Аѳи́нскіе понесла́
вну́шрь воинства́ Дана́йскаго, Имври́евъ
же повлекли́ два Еанша́. Аки́ два льва́
исторгна́увъ козу́ ошъ о́стрыхъ псо́выхъ
зубовъ несущъ́ чре́зъ густы́е лѣса въ
гладныхъ́ челю́стяхъ не дава́я прикосну́
тисѣя́ къ землѣ́: тако́ два Еанша́ совле́
кли́ броню́ со шру́па Имври́ева; главу́
же его́ ошъ́ млада́я выи́ ошѣ́вкъ Еантъ́
сынъ́ Илсе́въ раздраже́нъ бывъ́ смертно́
любезна́го своего́ совоинствени́ка и ме́
щетъ́ ону́ю чре́зъ наро́дъ предъ́ но́ги
Еа́тора.

Тогда́ сильный́ Царь́ Посидо́нь зря́
вну́ка своего́ Амфи́маха умерщвленна́го
на бра́ни, вѣ́ло проги́бвася́: вско́рѣ́ убо
напра́вляешъ́ стопы́ свои́ ко Ахейскимъ́
кораблямъ́ и ку́щамъ, да обо́дритъ́ му́
жествомъ́ все́ воинство́ Дана́йское ко
бра́ни; Троя́намъ́ же уго́швлешъ́ мно́гя
болѣ́зни и неисчи́сленны́е шру́ды. Въ́
то время́ пресла́вущый́ вождь́ Ахейскі́й
Царь́ Идомене́й срѣ́щаетъ́ Посидо́на возъ
вра́щаяся́ ошъ́ своего́ совоинствени́ка,
кошорый́ не да́же узавле́нъ бы́лъ въ ко́
лѣно

лѣно копѣмъ, но други его изнесли отъ брани; Идомей же повелѣвалъ тогда врачамъ да прилагаютъ попеченіе о исцѣленіи его. Писидонъ узрѣвъ его идуща отъ сѣни приемлетъ на себя гласъ и подобіе Андромона сына Фоамта, который надъ всѣмъ Плеврономъ и Калидономъ Еполянами владалъ, и аки богъ почитаемъ былъ отъ народа и вѣщаетъ къ нему:

Кришскій Царь премудрый Идомей! гдѣ нынѣ сокрылися страшныя прещенія, коими сыны Ахейскіе угрожали Троянамъ?

Знаменишый всадникъ Идомей на сіе отвѣщая рекаъ ему: о возлюбленный Фоантъ! ни единъ мужъ отъ Ахейнъ не обрѣщается виновенъ, колко разумѣю: ибо вси мы изучены ратоваши; никто отъ насъ не одержимъ естъ боязнію, ниже лѣность кому препятствуетъ ко вредоносной брани сей; но воиспину тако благоугодно естъ всесильному Юпитеру, да съ бесчестіемъ погибнутъ Ахейскіе народы во странѣ сей далеко разлучены бывъ отъ своея любезныя отечественныя земли. Но возлюбленный другъ!

какъ

какъ самъ ты прежде ревностенъ воин-
ственникъ былъ всегда ко брани, обыкль
же увѣщевати и прочихъ, кого видѣлъ
нерадѣющаго или страхомъ одержима не
преспавай убо и нынѣ повелѣвати всѣмъ.

Владѣющій пространнѣмъ царствомъ
водѣ Посидонъ отвѣщаетъ на сіе тако:
мужественный Идоменей! о дабы мужъ
тотъ никогда больше не возвратился
отъ Трои, но былъ бы тамо въ посмѣя-
ніе псамъ, кто въ день сей самонзволь-
но преспауетъ отъ брани. Но поспѣши
воспріяти оружіе и пріиди на мѣсто сіе,
да обще устроимъ о томъ совѣшны на-
ши, ежели возможемъ и двое бывъ содѣ-
лаши какую пользу въ настоящихъ сихъ
бѣдахъ: ибо соединенныя силы мужей
хотя и зѣло боязливыхъ много помощи
дѣлаютъ. Мы же и со храбрыми ебы-
кли брань твориши.

Такъ вѣщая Посидонъ отходитъ ко
брани, Царь же Идоменей пришедъ во
свою сѣнь облекается въ броню крѣпкую
и богатую, въ руки приемлетъ два ко-
пья и исходитъ на брань. Какъ блиста-
етъ молнія, когда всесильный Кроновъ
сынъ Юлисеръ отъ пресѣшлаго Олимпа

мещеѣ оную изъ рукъ своихъ; лучше же ея въ далечаѣшихъ странахъ являюща: тако на текущемъ Идоменѣ сѣдеѣ мѣдная броня окрестъ персей.

Вскорѣ по семъ сръбаетъ Миріона приближающагося къ сѣни, дабы взявши другое копѣе на мѣсто сокрушеннаго удареніемъ во щипъ гордаго Діфова. Идоменей пришедъ къ нему вѣщаетъ: Миріонъ, храбрый сынъ Молоѣ! мужественный ратникъ! возлюбленный другъ! что видиши оставляя совоинственниковъ и брань? Или уязвилъ шею и остріе копѣя сокрушило крѣпость силъ твоихъ? или приносиши какое возмѣщеніе? Я и самъ не желаю празденъ пребывать въ моей сѣни, но паче сердце мое воспламеняется ко брани.

Мудрый Миріонъ отвѣщаетъ на сіе Идоменею: Критскаго храбраго воинства знаменитый вождь Идоменей! иду воспріяти копѣе, когда ошалося какое во швоей сѣни: ибо, кое прежде со мною было, оное сокрушилъ удареніемъ во щипъ гордаго Діфова.

Критскій Царь Идоменей отвѣщаетъ Миріону: когда желаеши копѣя, скорѣе може-

можеша обрѣсти едино или дванацать
стоящія въ прищворѣ моея сѣни, кои
получилъ я въ корысть отъ убиенныхъ
Троянъ: ибо, никогда я не помышляю,
дабы издали сражались противъ враговъ;
и по тому довольно имѣю щитовъ, ко-
пій, шлемовъ и всякія крѣпкія брони.

Мужественный Миріонъ отвѣщая Идо-
менею рекъ: многія Троянскія корысти
и я храню въ сѣни и корабль моемъ, но
пусть далекъ естъ ко онымъ; о храбро-
сти же никогда я не забылъ: ибо когда
ни воздвигнеша брань, всегда дерзновен-
но стою въ первыхъ рядахъ воинскихъ.
Никто отъ Ахейнъ не знаетъ о
моей храбрости, тебѣ же все естъ из-
вѣстно.

Идомей пакы отвѣщаетъ Миріону:
возлюбленный другъ! довольно знаю я
твое мужество. Почему намъ о томъ вос-
поминаши? Когда бы мы вси военачаль-
ники собрались хранить при корабляхъ
подсаду, гдѣ наипаче храбрость мужей
вознаема бываетъ, тогда вскорѣ бы
открылося, кто естъ мужъ дерзновененъ
и кто бояливъ. Мужа боялива цѣль
въ лицѣ всякимъ образомъ замѣняется;

мысли его не могутъ удержаши, дабы на единомъ мѣстѣ сидѣль спокойно, ово храмлетъ, ово на обѣ ноги припадаешъ; сердце ожидающее смерти непрестанно въ персяхъ прелепещетъ, зубы взаимное ссраждутъ удареніе; великодушный же мужъ цѣль въ лицѣ имѣетъ всегда единъ; и когда виденъ въ подсаду, не колеблется страхомъ, но паче сражати-ся желаетъ во брани. Знаю, что я свое мужество и крѣпость нишо не дерзнетъ охуждати: уязвленъ ли копіемъ, или пораженъ мечемъ, но не отъ пыла въ выю, ниже во хребетъ; срѣтаютъ же лаву перси или чрево. Но не подобаетъ въ сихъ разглагольствіяхъ время иждивати аки дѣшамъ, да не посмѣется кто праздно стоящимъ намъ; теки убо скоро въ сѣнь мою и взявъ копіе, какое шебѣ угодно будешъ, возвращайся паки ко брани.

Такъ рекъ Идомей премудрый Царь Кришскій. Миріонъ же пришедъ въ сѣнь восхишилъ копіе и скоро возвратился ко Идомею, имѣя сердце наполненное помышленіями о брани. Каковъ является люшый челоѡкоубійца Арей, когда при-
хо-

ходить на брань послѣдующу за нимъ сильному и небоязненному сыну его Страху: тако шествовали на брань Аргивскіе вожди знаменитый мудростію и крѣпостію Критскій Царь Идоменей со храбрымъ Миріономъ и блистаніе мѣдныхъ брони ихъ далеко зримо было.

Миріонъ приближася ко Идоменею вѣщаеиъ ему: сынъ Девкалионовъ, мужественный Идоменей! отъ кося страны желаеши ратоваши сопротивъ Троянъ? Отъ десныя ли, или посреди всего воинства, или отъ лѣвыя, гдѣ, мню, что ослабѣвшіе Ахейне великія требуютъ помощи.

Знаменитый Критскаго воинства вождь сильный Идоменей отвѣщаеиъ ему: при корабляхъ помощь содѣланы могутъ два Еанта и искусѣйшій стрѣлецъ Тевкръ, кои довольно труда нанесутъ Пріамову сыну Ектору: и при всей его крѣпости силъ трудно будетъ ему со всею его храбростію преодолѣши мужество сихъ пресловурыхъ вождей Ахейскихъ и пожегши корабли наши, когда не низвергнетъ пламени самъ Кроновъ сынъ моліеностный Юпитеръ; мужу же смертному,

му, ядущему плоды богатія Димитръ и подлежащему всякимъ узавлєніямъ никогда не уступитъ Еяинъ сынъ Теламонъ, ниже самому Ахиллу; но мы направимъ силы наши на дѣвую страну, и тогда узримъ скоро: мы ли кому содѣлаемъ славу, или намъ кпо.

Такъ рекъ мужеспивенный Идомей; подобный же быспрому Арю Миріонъ течетъ къ пришеству небозненно. Трое уарѣвъ Идомея подобнаго крѣпостию пламеню и съ нимъ дерзновеннаго Миріона во блестящемъ оружіи устремилися вси другъ друга ободряя; брань была при корабляхъ равная отъ обѣихъ странъ. Аки отъ вѣтровъ сильныхъ мгновенно воспаетъ великая буря, и возмещаеымъ отъ земли прахомъ затмѣвается дневный свѣтъ, дѣбываетъ тма; таковъ тогда раждался маетъ на брань отъ обѣихъ странъ. Бошвы были всѣмъ сардцемъ другъ друга взаимно умерщвляти остриемъ оружія. Успрашила тогда тама: низложительница людей брань, помячилось лочей зрѣніе отъ блистанія ибданныхъ шлемовъ, щитовъ, панцырей и всяка свѣшля броне. Воцспинну зѣло муже-

мужественный былъ бы шотъ; кто видя страшное другъ друга убійство веселился бы не возмущаяся духомъ.

Кроновы два сына крѣпкіе: обитающій во пресвѣтломъ Олимпѣ молніеносный Юпитеръ и обладающій пространствомъ водъ морскихъ сильный Царь Посидонъ, имѣя въ сердцахъ несогласныя желанія, знаменитымъ храбростію мужамъ содѣлали люшья болѣзни: Юпитеръ хотѣлъ дать побѣду Троянамъ и божественному Екпюру, дабы прославить храброго Пилеева сына Ахилла, но не хотѣлъ вовсе погубити и народъ Аргивскій во Троянской странѣ; но прославилъ божественную Царицу водъ прекрасную Фетиду, купно и сына ея мужественнаго Ахилла. Аргивское же воинство ободрялъ Посидонъ тайно пришедъ отъ морскія глубины: ибо зѣло возмущался духомъ зря данаю утѣсненныхъ Троянами; сопротивъ же Юпитера имѣлъ великій гнѣвъ. Хотя обое отъ единого рода и отъ единого отечества имѣютъ происхождение; но Юпитеръ прежде родился и большее имѣлъ во всемъ знаніе; и для того Посидонъ боялся явно помогати Аргивянамъ, но все-

гда тайно возбуждалъ ихъ переходя по воинству во образъ мужа ратника. Юпитеръ и Посидонъ распростерли надъ обоими воинствами смертоносныя вражды и ужасныя брани неразрушимую цѣпь, которая многихъ великодушныхъ мужей колѣна предомила. Тогда мужеспвенный Идоменей ободривъ Ахейянь, ринулся со множествомъ ко Троянскимъ полкамъ и обратился ихъ къ бѣгству: убилъ Оеріонея пришедшаго опѣ Кависа ко Трѣб прославиться бранію. Опѣ Царя Пріама просилъ въ жену себѣ дщери его прекраснѣйшія паче всѣхъ Кассандры, обѣщая ему великаго дѣла исполненіе, хотѣлъ сыновъ Ахейскихъ изгнати опѣ Трои. Престарѣлый Царь Пріамъ согласіе и благоволеніе свое показавъ ему; обѣщавъ опѣдати прекрасную Кассандру въ жену. Исшелъ убо на брань имѣя сердце воображающее красоту дщери Пріамовой; но Идоменей узрѣвъ идущаго съ гордостію и направля копіе поражаетъ; не воспрепятствовала тогда сильному ударенію мѣдная броня, въ которую облеченъ былъ, но остріе копія проходитъ всю твердость мѣди и прободаетъ чрево; падетъ со звукомъ оружія. Идо-

Идоменей превознесенъ славою возопилъ: Оеріоней! паче всѣхъ смертныхъ тебя единого хвалю, когда совершенно исполниши всѣ обѣщанія данныя тобою Троянскому Царю Пріаму; ибо онъ тебѣ хотѣлъ отдать дочь свою въ жену: и мы воистинну совершили бы желаніе твое; дали бы тебѣ прекраснѣйшую изъ всѣхъ дочерей Агамемноновыхъ приведя оную отъ Аргивскія земли въ жену тебѣ, ежели бы ты съ нами согласился опровергнути преславный градъ Иліанскій. Но слѣдуй за нами, да въ корабляхъ Данайскихъ положимъ совѣщаніе обрانی: ибо и мы тебѣ не худые будемъ шесши.

Тако вѣщая пресловутый вишязъ Кришскій Царь Идоменей восхитилъ шрупъ Оеріонеевъ за ногу и повлеклъ во слѣдъ себя.

Асій зять Царя Пріама увидя Оеріоней убитаго нисходитъ съ колесницы на землю и печетъ на помощь; повелѣвъ коней держати слугъ, самъ же щипитъ всѣмъ сердцемъ поразити Идоменея, но сей предваривъ Асія, пронзаетъ копіемъ въ горшанъ и остріе проходитъ на другую страну. Аки крѣпкій дубъ или

младый шополь, или высокая сосна падеть, когда древодѣлецъ посякаетъ на горахъ остріемъ сѣкиры для созиданія корабля: тако Асіи распростертъ лежалъ предъ колесницею со хрипѣніемъ источая кровь, руками и ногами бія песокъ, обращая же разнообразно шерзалъ зубами напоенную своею кровію землю; возница же Асіевъ устрашенъ бывъ таковымъ зрѣлищемъ стоишь неподвижно и не дерзаетъ обрати́ти коней, дабы избѣжати смерти. Воинственныи Антилохъ пришекъ вонзаетъ копіе во чрево; не помогла ему ниже мѣдная броня въ кою облеченъ былъ, испустивъ же стонъ страшный ниспалъ отъ колесницы, коней же восхитилъ Антилохъ сынъ великодушнаго Нестора и опивелъ внутрь полковъ Ахейскихъ.

Дифовъ же сокрушаяся сердцемъ о смерти Асія приблизился ко Идоменею и напрягъ силы мещетъ на него копіе великое острое и дебелое; но Идоменеи узрѣвъ избѣжалъ стремленія его: ибо укрывся подъ пространнымъ щитомъ, который висѣлъ на двухъ ремняхъ покрытыхъ крѣпкою мѣдію и обращался всюду

ду по желанію его; копѣ пролетѣвъ по-
верхъ щита прикоснулося шокмо и воз-
гребло, но не вообще пущено было ошъ
сильныя руки: ибо поразилъ онымъ сла-
внаго вождя Ахейскаго Ипсинора сына
Иппасова въ селезенку, кой вскорѣ пре-
клонивъ главу свою падешъ мертвъ на
землю и разрушается крѣпость членовъ
его. Діфовъ же кичася славою возопилъ
великимъ гласомъ: се ошмстилъ я нынѣ
за великодушнаго мужа Асіа, и уповаю,
что онъ ко крѣпкимъ врагамъ страшна-
го ада приблизится съ веселіемъ; ибо
послалъ къ нему вѣрнаго спутника.

Такъ рекъ храбрый Троянскаго Ца-
ря Пріама сынъ Діфовъ; Ахейне видя
превозношеніе его болѣзновали всемъ сер-
дцемъ; паче же всѣхъ Аншилохъ возму-
щался духомъ, который при всей своей
печали не оставилъ любезнаго своего и
мертва суца друга, но притекъ ошгналъ
всѣхъ сопротивныхъ спремѣющихся при-
ближаться къ нему и покрылъ его щитомъ;
вскорѣ по семъ два возлюбленные
совоиншвенники Микисей сынъ Ехіеаъ
и божественный Аласторъ изнесли его
къ кораблямъ уже испускающаго душу.

Мужествопный же Царь Идомей не отступаеиъ отъ брани, но надбся на свои силы всегда щипиъ всбмъ сердцемъ, дабы отъ сопротивныхъ кого покрыти вбчныя шемношы ношю, или самому умрети отгнавъ пагубу отъ Аргивяиъ. Въ то время србшаеиъ идущаго на помощь сильнаго мужа Алкаеоя сына Есишова, который былъ зятемъ престарблому Анхису и имблъ женою спаршую дщерь его Иподамию, которую ошецъ и матеръ паче всбхъ во своемъ домъ любили: ибо она всбхъ сверспнищъ превосходила красою, разумомъ и рукодблемъ, по шому и знаменитбйшій мужъ во Трои взялъ въ жену себъ, коего тогда Посидонъ сокрушалъ подъ Идомееневою рукою помрачивъ глаза его и связавъ крбпость членовъ: ибо ни спасати животъ ббгствомъ ниже уклонишися возмогалъ, но аки сполбъ или высокое древо безбоязненио стоящаго его поражаетъ посреди персей копиемъ, острие сокрушивъ. твердость ибдныя брони и растерзавъ защищенiе бывшее на персяхъ проходитъ во внутренняя; возгрембля отъ ударенiя броня и вскорбъ падетъ со зву-

звукѣмъ оружія ; остріе вонзается посре-
дѣ сердца , которое біеніемъ своимъ по-
колебало верхъ копья стоящаго въ пер-
сяхъ. Тогда смертоносный Арей лишилъ
его всея силы.

Идоменей въ безмѣрномъ бывъ превоз-
ношеніи возопилъ великимъ гласомъ : Ді-
ифовъ ! не равна зрится брань , трехъ
вмѣсто единого убити ; тщетно хвали-
шися мужествомъ твоимъ ; но приближи-
ся и стани сопрошивъ меня , да узриши,
каково есть порожденіе Юпитера , кото-
рый перваго родилъ знаменитаго Девка-
ліона , Девкаліонъ же родилъ меня мно-
гимъ великимъ мужамъ и славному гра-
ду Криту Царя , коего нынѣ корабли къ
симъ брегамъ принесли въ пагубу отцу
твоему Пріаму , тебѣ самому и всѣмъ
Троянамъ.

Такъ рекъ сильный Царь Критскій
Идоменей. Діифовъ же въ то время дво-
якими колебался мыслями : отступивъ
ли вспять призвать кого отъ храбрѣй-
шихъ Троянскихъ военачальниковъ на по-
мощь сопрошивъ Идоменея превозносяща-
гося , или покуситься единому сража-
шися съ нимъ. Тако помышляюще ему
зрѣт-

зрится полезнѣ ити ко Енею, котораго вскорѣ обрѣтаетъ стоящаго позади воинства; ибо всегда гнѣвался на божественнаго Пріама, что за превосходное предъ прочими мужество и дерзновение не почиалъ его. Діифовъ приближася къ нему вѣщаетъ:

Знаменимый Троянскій князь мужественный Еней! нынѣ зѣло подобаетъ тебѣ сотворити помощь родственнику своему, ежели имѣши какое попеченіе. Слѣдуй убо со мною да совокупными силами поможемъ Алкавою, который нѣкогда младенцемъ сущаго воспишалъ тебѣ; нынѣ же его Критскій Царь Идомей убилъ копѣмъ.

Тако рекъ храбрый Діифовъ и возбудилъ своими совѣтами сердце дерзovenнаго Енея: течетъ вскорѣ ко Идомею имѣя сердце наполненное желаніемъ брани. Идомей же не поколебался спрaхомъ аки младенецъ, но пребылъ на единомъ мѣстѣ неподвижно. Аки великій вепрь услышавъ на горахъ мятежъ и вопль изощряетъ ярость свою; уповаѣ же на свои силы ожидаетъ въ пустынь множества текущихъ мужей, щетинами хре-

хребетъ остритъ, взоръ пламенный яв-
ляетъ, скрежещетъ зубами и мещетъ
на псовъ и на мужей, дабы опгнати
всѣхъ: тако Идомей безбожаненно о-
жидалъ приближающагося Енея; призы-
валъ своихъ совоинственниковъ; Аскала-
фа, Афарей, Діопира, Миріона и Анпи-
лоха вопія въ нимъ: ускорите подаши
вашу помощь мнѣ одному здѣ сущу;
ибо зѣло страшуся зря приближающаго-
ся Енея, коего крѣпость велика есть
убивати на брани мужей и двѣтуція
юношескія имѣетъ лѣша, въ конхъ сила
совершенно возрасла, когда бы я въ та-
кихъ былъ лѣсахъ и силахъ, тогда или
онъ получилъ бы славу надо мною или
я надъ нимъ.

Тако рекъ устрященный Идомей
къ совоинственникамъ, кои аки едино
сердце имѣя пришекли совокупно и спа-
ли окрестъ его преклоня отъ раменъ
великія щипы. Отъ другія же страны
Еней увѣщевалъ Троянскихъ военачаль-
никовъ, Дифова, Париды и божествен-
наго Агинора. Сіи были помощники, ко-
имъ послѣдовали и прочіе воины. Какъ
радуется пастухъ видя шумныхъ овецъ
стадо

стадо слѣдующее овну; тако возвеселился духъ во Енеевыхъ персяхъ, когда узрѣвъ помощниковъ текущихъ къ себѣ со множествомъ воинства. Сошедшимся близко востаетъ брань за Алкаѳоевъ трупъ; устремляются великія копія, страшно звѣнитъ на персяхъ мѣдь, другъ на друга мещутся; два знаменистые вѣнчаныи Еней и Идомений подобны пламенному Арю желали единъ съ единымъ сразитися смертоноснымъ остріемъ. Первый Еней мещетъ страшное копье на Идоменя, но сей узрѣвъ избѣжалъ пораженія его уклоненіемъ и остріе копья вонзается въ землю: ибо щещино было пущено отъ руки его. Идомений же поражаетъ Иномая во чрево; остріе сокрушаетъ крѣпость мѣдныхъ брони и раздираетъ чрево и внутренняя: падетъ мужественный ратникъ Иномай и лежа на пескѣ біетъ локтемъ землю. Идомений же паки испоргнувъ копье свое отъ трупа, другаго же оружія отъ раменъ убитаго совлеши не могъ: ибо отгоняемъ былъ стрѣлами; уже отъ членовъ крѣпость оскудѣвала, не могъ бѣжати ко своей стрѣлѣ, ниже укрытися отъ чужія,

чужія, уже не могли нести ноги отъ брани.

Діфовъ узрѣвъ Идоменея отходящаго по малу отъ брани мечетъ на него копье; ибо имѣлъ сопротивъ его неукротимую злобу, но и тогда тщетно было стремленіе копья его; поразилъ же вмѣсто Идоменея Ареева сына храброго Аскалафа и остріе копья пронзило рамо его; падетъ на землю мужъ сильный и смерть смѣжаетъ очи его. Отецъ же лютой браноносецъ Арей не слышалъ еще о паденіи сына своего на лютой брани: ибо возлежалъ тогда на пресвѣтломъ Олимпѣ подъ златыми облаками повинуюся изволенію отца боговъ молніеноснаго Кронова сына Юпитера, гдѣ и прочіи бессмертные боги пребывали возбранены бывъ присудствовати на брани. Мещущся Ахейне ко Аскалафу, но Діфовъ притекъ восхищилъ отъ главы его мѣдный шлемъ; подобящійся же Арю дерзновенный Маріонъ узрѣвъ Діфова со-
влекшаго шлемъ отъ главы любезнаго своего совоинственника мещется съ копьемъ и поражаетъ въ рамо; падетъ отъ руки шлемъ со звукомъ на землю.

Мирі-

Мирѡнъ пакѣ прѣтекъ акѣ хищная птица исторгаетъ копѣе свое отъ рама Дифова, кой вскорѣ по томъ отступилъ всякъ ко своимъ совоинственникамъ. Единоуспробный же братъ его Полипъ пришедъ къ нему и простеръ руки извелъ отъ брани; пришедъ къ быспрошеющимъ своимъ конямъ, которыхъ поведабно было храниши слугъ виѣ военного мятежа, восходитъ на великолѣпную колесницу; вскорѣ принесли его кони во градъ зѣло спѣнящаго: ибо зѣло много истекло крови отъ язвы его.

Въ то время прочіи непреставая сражались, вопль же отъ обѣихъ странъ вошлъ безмѣрный. Тогда престарѣлаго Анхиса божественный сынъ Еней устремляя на славнаго ратника Афарея сына Калишорова, разитъ его дебелимъ копѣемъ въ горшанъ; преклоняется мужественная глава его на единую страну, послѣдуетъ за нею великій щитъ и крѣпкій шлемъ, и смерть ненасыщная вскорѣ поглотила животоу его. Аншилохъ познавъ Ооона обращающагося отъ брани, вонзаетъ копѣе, раздираетъ хребетъ и пресѣкаетъ жилу, которая до выи проходитъ; падетъ на
пескъ

пескъ мужъ сильный и обѣ руки простираетъ къ возлюбленнымъ своимъ союзисшвенникамъ. Аншилохъ притекъ во-ехищаетъ отъ раменъ богатую броню его; Трояне же обстоя отъсюду ударяли копьями въ щитъ великій и твердый, но не могли ниже пронзити щита, ниже уязвити тѣла Аншилохова: ибо окружающій землю водами сильный Посидонъ Неспорова сына сохранялъ отъ смерти и посреде множества лютыхъ стрѣлъ. Никогда Аншилохъ не былъ отдаленъ отъ сраженія съ сопротивными, но всегда обращался окрестъ ихъ, ниже копье его стояло спокойно когда, но непрестанно обращено устремлялося всюду; ибо всегда созерцалъ и помышлялъ о томъ единомъ, да или отдалече вернется копье, или приближася умершнѣетъ кого.

Адамантъ сынъ Асіевъ познавъ Аншилоха стоящаго посреде множества Данаискихъ воиновъ устремился дерзновенно и притекъ вознелъ копье посреде щита его, но красящійся лазоревыми власми сильный Посидонъ спасая жизнь Аншилохову, копье Адамантово содѣлалъ

не дѣйствишельнымъ: ибо острый ко-
нецъ вонзился въ Анпилоховомъ щепѣ
аки обожженный колъ, шупая же часть
онаго лежала на землѣ. Вскорѣ самъ Ада-
мантъ избѣгая смерши отступилъ во
середину полковъ. Но Миріонъ постигнувъ
отходящаго пронзаеши копіемъ во чрево,
гдѣ наипаче вредное бываетъ уязвленіе
нещастивымъ людямъ. Аки препещетъ
волъ, коего пастухи связавъ на горахъ
ведутъ не хотящаго въ домъ: тако по-
раженный препешалъ Адамантъ, но не
долго, доколѣ Миріонъ приближася испоро-
гнувъ копіе свое отъ чрева, тогда ско-
рѣ покрыла шма очи его. По семъ хра-
брый Троянскаго Царя Пріама сынъ Еленъ
устремяся на Дипира возноситъ Ораки-
скій збло великій и тяжкій мечъ и по-
ражаетъ его во скрания; низвергаетъ
отъ главы его на землю мѣдный шлемъ
и падетъ подъ ноги Ахейскаго нѣкоего
воина, кой и восхитилъ его отъ земли;
Дипира же покрываетъ ночь мрачная и
низводитъ душу его ко вратамъ адо-
вымъ.

Апреевъ сынъ, мужъ прекрасныя Еле-
ны краснорѣчивый Менелай узрѣвъ Ди-
пира

пира сокрушеннаго идетъ сопровивъ Тро-
янского ироя Елена съ великими преце-
нїями вознося копѣе. Мужественный Еленъ
познавъ Менелая, извлекаетъ отъ шула
стрѣлу и напругъ лукъ пускаетъ; остріе
ея прикасается персямъ; но твердость
мѣдныхъ брони воспящаетъ пронзити, от-
летѣла вспять пагубная стрѣла. Мене-
лай приближася мечетъ копѣе въ руку,
которою лукъ держалъ, остріе прошедъ
вонзаеся въ лукъ; уязвленный Еленъ
избѣгая смерти отходитъ ко своимъ лю-
безнымъ совоинственникамъ повѣся руку
и за оною влечется вонзенное копѣе, кое
по пришествїи его внутрь полковъ истор-
гнувъ отъ руки великодушный Агиноръ,
руку же обвязалъ овчею волною, кошо-
рую имѣлъ при себѣ слуга его. Вскорѣ
по семъ возносится на знаменитаго Ме-
нелая Троянскій мужъ Писандръ, коего
плачевный рокъ велъ ко предѣлу жизни
имѣющаго вскорѣ сокрушиться подъ тво-
ею о Менелай рукою на многоболѣзнен-
ной сей брани. Сошедшимся же обоимъ
близко, первый Менелай мечетъ копѣе,
но остріе отвратилося; по семъ Пи-
сандръ ударяетъ Менелая въ щикъ, но
В 2 твер-

твёрдости его пронзити не могъ; ибо сокрушилося остріе копія. Менелай паки устремляется, извлекаетъ крѣпкій мечъ отъ влагалища серебряными гвоздьми украшеннаго и печетъ на сопрошивника, который равнымъ образомъ восхищается изъ подъ щита острую сѣкиру, коею и ударяетъ посредѣ шлема: Менелай же поражаетъ между лба и носа; сокрушающія кости и очи истекая съ кровію падаютъ у ногъ на землю, вскорѣ падетъ и все тѣло. Побѣдитель ставъ на перси совдекаетъ оружіе и съ великимъ превозношеніемъ вопіетъ: о неистовые! о ненасытныя человѣческія крови Трояне! тако на конецъ оставите корабли Ахейскія! вы всякаго поношенія и всякія мести достойны; вы беспудныя псы не помыслили въ вашемъ сердцѣ устрашитися молніеноснаго спраннопріимца Юпитера, который разрушитъ нѣкогда возвышающіяся града вашего стѣны; вы мою младую жену со многими ея слязаніями пришедъ безъ всякія вины похитили угощены бывъ стараніемъ возможнымъ, нынѣ паки творя нападеніе устремляетесь къ нашимъ кораблямъ и желаете

не убить Ахейскихъ ироевъ; но со всею
вашею гордою храбростію будете иѣко-
гда сокрушены. О отче Юпитеръ! во-
истинну ты превосходиши всѣхъ боговъ
и челоѡковъ мудростію швоею; опѣ ше-
бя убо единого вся сія сущь; ты по-
борствуеши Троянамъ, мужамъ обидли-
вымъ, коихъ крѣпость неправедная все-
гда умножается, ниже могутъ (какъ пра-
ведно есть) насытитися многоплачевныя
брани; во всемъ насыщеніе обрѣсти мо-
жно: во снѣ, въ любви, во сладкомъ пѣ-
ніи и въ приапномъ плясаніи; Трояне же
никогда не могутъ удовольствовашися
челоѡческому кровію.

Такъ вѣщая совлѣкъ окровавленную
броню отъ Писандроѡ тѣла и отдалъ
своинственникамъ да отнесутъ къ кора-
блямъ его, самъ же паки отшедъ ко
своимъ рядамъ начинаетъ защищаться
дерзновенно. Тогда знаменишаго Царя
Пилемenea сынъ Арпаліонъ, (кой послѣ-
довалъ ко Троянской брани со возлюблен-
нымъ опцемъ своимъ, но не возвратился
во отечество свое) пришекъ ударяетъ
Менелая копѣемъ посреѣ щита, но твер-
дости его пронзати не могъ; вскорѣ
убо

убо отступаетъ ко своимъ полкамъ избѣгая смерти и обращая взоръ на всѣ страны, да не будетъ уязвленъ отъ кого. Храбрый же Мерионъ въ то время натягъ лукъ пустилъ стрѣлу на отходящаго; остріе мѣди вонзается въ десное бедро и проходишь во внутренняя; падъ же на землю простираетъ руки ко своимъ возлюбленнымъ совоинственникамъ прося отъ нихъ помощи; но вскорѣ испуская духъ распростерся аки червь на песокъ; истекаетъ кровь черная и напаяется оною земля. Мужественныя Пафлагоняне зря своего вожда умерщвленнаго болѣзнуяшъ сокрушая сердце; возложивъ же на колесницу трупъ, относятъ во градъ Троянскій, слѣдуетъ купно за колесницею и отецъ проливая слезы; омищеніе же за смерть возлюбленнаго сына Царскаго ни какое не содѣлано.

Дерзновенный Паридъ познавъ о смерти Арпаліона огорчился всѣмъ сердцемъ: ибо сей пришелъ отъ Пафлагоніи во Трою со многымъ воинствомъ на помощь сопроотивъ Ахейя. Былъ нѣкто во Ахейскомъ воинствѣ Евхиноръ сынъ прорицателя

шеля Поліида, обиталъ въ славномъ
Коринѣ, имѣлъ стяжаніе зѣло многое, и
шѣломъ великъ былъ: сей вѣдая смерто-
носный свой рокъ пошелъ со прочимъ
Данайскимъ воинствомъ на корабляхъ во
строю: ибо многократно престарѣлый о-
щецъ его Поліидъ напоминалъ, что или
во своемъ домѣ тяжкою мучимый болѣз-
нью умреть, или на Ахейскихъ кораб-
ляхъ отъ руки Троянскія сокрушенъ па-
детъ; уклонялся же и отъ брани и
тщался избѣгнуть болѣзни, да не по-
страждетъ мученія лютаго. На сего
Паридъ напрягъ лукъ пустилъ стрѣлу,
коея остріе пронзаетъ кость между че-
люсти и уха; вскорѣ душа оставляетъ
члены и тѣма страшная обѣмлетъ очи
его. Тако Трояне со Аргивянами брань
швили.

Возлюбленный же Юпитеру страш-
ный Екторъ не свѣдомъ былъ доселѣ,
что Троянское воинство на лѣвой странѣ
кораблей утѣсняется отъ Ахейнъ и
слава сопротивныхъ паче возрастаетъ:
ибо тако окружающій землю водами Пе-
сидонъ ободрялъ Аргивянъ и самъ былъ
помощникомъ силъ ихъ; но Екторъ въ

то время былъ упражнялся во брани на
 странѣ сокрушенныхъ имъ врагѣ и швер-
 дыни, прерывая щитоносныя Данаискія
 полки и низлагая сильныхъ мужей крѣп-
 кія ряды, гдѣ Еаншовы и Протесилаевы
 корабли стояли при брегѣ. На семъ мѣ-
 стѣ твердыня была зѣло слабая и для
 сего воинство тамо было избранное отъ
 всѣхъ Ахейнъ, вожди и юноши прехрабрѣй-
 шіи и кони сильнѣйшіи; каковы суть
 Вютіане, Іоняне, Локры, Фтіане и
 славные Епейне; но всѣ сіи едва могли
 воздержати отъ кораблей своихъ чудна-
 го божественнаго Ектора мещущагося
 всюду подобно пламеню и не доставало
 силъ прогнати его въ твердыни. Аѳин-
 скіе избранные военачальвики сіи были:
 первый вождь Месоей сынъ знаменитаго
 Петея, по немъ слѣдовали Фидантъ,
 Стихій и Віантъ; Епейскимъ воинствомъ
 повелѣвали: Филидъ, Мегей, Амфіонъ и
 Драсій; Фтіанамъ предводительствовалъ
 сильный Медонтъ и мужественный раш-
 никъ Подаркъ: Медонтъ былъ не закон-
 ный сынъ божественнаго Идея, братъ
 же Еаншу и обиталъ въ Филакѣ въ
 опечесшвенныя земли: ибо убилъ брата
 мачихи

мачихи своея Ерїопиды которую имѣлъ Илей; Подаркъ же былъ сынъ великодушнаго Ификла. Сїи были Фтїйскіе крѣпкою бронею вооруженные вожди защищая корабли Данайскія съ Віомїанами. Еантъ же сынъ Илеевъ отъ Еанша сына Теламонова не оплучался ни мало; но аки два черныя вола сопряженные въ единое ярмо, идущъ совокупно по нивѣ раздирая землю и изливая многій потъ: тако два Еанша стояли не разлучно. За Еаншомъ Теламоновымъ многія и храбрыя слѣдовали совоинственники, кои воспрїимали щитъ его, когда ослабѣвалъ отъ труда и поща; за Илеевымъ же Еаншомъ никто отъ Локровъ не былъ; ибо не имѣли ни шлемовъ конскими власами украшенныхъ, ни щитовъ ниже копій, но надѣясь на лукъ со стрѣлами и на пращи пришли во Трою со прочимъ Аргивскимъ воинствомъ, коими часто прерывали крѣпкіе ряды Троянскіе. Прочїи тогда со Троянами и Екшоромъ сражались стоя напредѣ; сїи же созади своего воинства укрываясь мешали стрѣлы и пращи на сопротивныхъ; уже Трояне съ великимъ трудомъ удерживали брань: ибо стрѣлы

приводили ихъ въ великое возмущеніе. Тогда воинспинну со стыдомъ отступили бы Трояне отъ кушъ и кораблей Данаискихъ ко граду своему ежели бы Полидамантъ не содѣлалъ помощи; ибо едва шокмо позналъ о изнеможеніи своего воинства печешъ ко Ектору и ставъ предъ нимъ вѣщаетъ: Екторъ! жестоковыенны кѣ повиновенію совѣшамъ ближняго. Когда Богъ тебѣ далъ превосходное знаніе въ воинственныхъ дѣлахъ и крѣпость силъ; еда уповаеши и разумомъ превзыши всѣхъ? Но никакo не возможно единому тебѣ всѣми купно дарованіями обладаши: ибо иному далъ Богъ мужество и крѣпость въ воинственныхъ дѣлахъ, иному плясаніе, иному сладкій гласъ въ пѣніи, иному склонность кѣ гуслямъ, иному же далековидящій Юпитеръ послалъ въ сердце духъ разума, отъ коего многіе люди пріемлютъ наслажденіе благихъ: ибо имъ стоятъ грады неразрушимы, наипаче же самъ, кшо стяжалъ его, разумѣетъ. Но внуши совѣты мои нынѣ, кои зрятся мнѣ благими. Вездѣ окрестъ тебя горишь множество лютойшия брани; мужественные Трояне ниные

пре-

прешедъ внутрь Ахейскія швердыни оды-
дыхающъ со оружіемъ, иные же въ ма-
ломъ числѣ сопротивъ многихъ брань
творятъ рассѣяны между кораблей; шек
убо отсюду и собери лучшихъ военачаль-
никовъ, да на мѣстѣ семъ положимъ со-
вѣтъ: устремимся ли къ кораблямъ
Ахейскимъ, когда Богъ восхощетъ по-
бѣду даровати; или оставя оныя ошыми
намъ безъ вреда: ибо воистинну боюся,
да не воспріимутъ Ахеяне отъ насъ вче-
рашній долгъ. Знаю, что ожидаешь
насъ при корабляхъ мужъ ненасытный
во брани и мню, что не вовсе отпринулъ
воинственныя дѣла.

Такъ рекъ мудрый Полидамантъ и
угоденъ явился полезный совѣтъ его Ек-
шору; вскорѣ убо нисходишь отъ коле-
сниды со оружіемъ на землю и вѣщаетъ
ему: Полидамантъ! ты здѣ повелѣвай надъ
всѣми военачальниками, а же отсюду по-
шеку на срѣшеніе брани и вскорѣ паки
возвращуся содѣлавъ благое учрежденіе.
Сіе рекъ шечетъ подобенъ горѣ покрытой
снѣгомъ вознося великій гласъ, лешитъ
чрезъ Троянскіе полки, кои всѣ, едва у-
слышали гласъ Екшора, собиралися со ско-
ро-

ростію кѣ Панѳеову премудрому сыну
Полидаманту. Самѣ же протекая полки
растущихъ Троянѣ желалѣ обрѣсти
Елена, Діѳова, Адаманта сына Асіева
и Асія сына Иршакова; но никоимѣ об-
разомѣ не обрѣлѣ ихъ безвредныхъ ниже
живыхъ, но иные при концѣ кораблей
Аргивскихъ отъ Ахейскія руки погубивѣ
животѣ на песокѣ лежали распростерты,
иные же внутрь Аргивскія твердыни по-
ражены и уязвлены. Вскорѣ по семѣ на
лѣвой странѣ плачевныя брани обрѣтаеѣ
мужа прекрасныя Елены божественнаго
Александра ободряющаго совоинственни-
ковѣ и возбуждающаго ко брани. Прибли-
жая кѣ нему поносными вѣщаеѣ словами:
злополучный Паридѣ! льстецѣ женскій!
благообразный сластолюбецѣ! гдѣ суть
знаменистые совоинственники, Діѳовѣ,
божественный Еленѣ, Адамантѣ сынѣ
Асіевѣ, Асій сынѣ Иршаковѣ и великоду-
шный Опіріоней? весь нынѣ погиблѣ вѣ
конецѣ Иліанскій славный градѣ; нынѣ
совершенно приближилася кѣ тебѣ лютая
погибель.

Божественный Александрѣ вопреки опи-
вѣщаеѣ ему тако: Екшорѣ! швое серд-
це

це всегда готово есть осуждаши невиннаго; воиспину не могу я избѣжати отъ брани: ибо и меня не вовсе бессильнаго родила мать. Отъ коего времени воздвигль ты брань при корабляхъ Данайскихъ, непреставая сражаемся со Аргивянами; возлюбленные же наши совоинственники, о коихъ вопрошаеши ты, убишы суть; Діофовъ токмо и божественный Еленъ обое въ руку уязвлены копіями возвратилися ко граду, смерть же отспрашилъ отъ нихъ всесильный Юпитеръ. Но веи нынѣ куда сердце твое и духъ желаютъ, мы же совокупно послѣдовати тебѣ готовы и мною, что не оскудѣетъ наше мужество доколѣ силы въ насъ будутъ; но выше силъ хощя и принужденный никто не можетъ брань шворити.

Тако вѣщая усмирилъ строптивое сердце брата своего. Емлются совокупно пуши, текутъ гдѣ вядуще брань и убійство свирѣпствовали окрестъ Кевріона, Полидаманша, Фалка, Ореея, Полифита, и Палма, Асканія и Мора сыновъ Ипполіоновыхъ, кои отъ плодоносныхъ Асканіи пришли вчера на помощь ко Троянамъ;

намѣ; но тогда Юпитерѣ принудилѣ ихѣ
изыши на бранѣ. Текушѣ вси имѣя серд-
це наполненное яростію и желаніемѣ по-
жещи корабли Ахейскія. Аки страшная
буря яростныхѣ вѣтровѣ совокупя сѣ
громомѣ молвіеноснаго Юпитера прехо-
дитѣ поле, мгновенно падетѣ на про-
странство моря; тамо всею силою не-
сповствуя колеблетѣ глубину водѣ и
возноситѣ превыше градскихѣ швердынь,
волны же кипя пѣною едина за единою
текушѣ аки щася постигнути. Тако
воздвиглося Троянское воинство воору-
женное блестящею броней и каждое опол-
ченіе слѣдовало своему вождю. Подобный
же челоукоубійцѣ Арею Пріамовѣ сынѣ
Ексорѣ предводительствовалѣ всѣми но-
ся предѣ собою великій щитѣ содѣлан-
ный отѣ многихѣ воловыхѣ кожѣ, и по-
крытый швердою мѣдію, на главѣ его
блестящій шлемѣ страшно возвѣвалѣ кон-
скими власами. Приближася къ полкамѣ
сопрошивныхѣ устремлялся на всѣ ряды,
но не поколебалѣ сердца мужественныхѣ
Аргивянѣ; Еантѣ же первый ишедѣ отѣ
своего воинства возопилѣ:

Нешастный! приближися ко мнѣ; что
 тако устпрашаеши великодушныхъ Арги-
 вляѣ? воистинну и сами мы довольно
 обучены ко брани, но нынѣ люшый жезлъ
 Юпитеровъ смирилъ насъ. Ты уповаеши
 расхипиши корабли Данайскія, но вскорѣ
 узриши, что и наши руки готовы прогнаши
 васъ; воистинну предваритъ вашъ перевоз-
 носящійся высокими стражницами градъ
 плѣненъ бывъ отъ нашихъ рукъ и въ конецъ
 истребленъ. Самому же тебѣ возвѣщаю,
 что скоро приближается время, въ ко-
 торое будеши молиши всемогущаго Юпи-
 тѣра и всѣхъ бессмертныхъ, да подадутъ
 скоростъ конямъ твоимъ паче быстрое-
 шихъ истребовъ, дабы принесли тебя
 во градъ сохранивъ животъ твой.

Тако вѣщающу ему прилетѣвъ отъ
 десныя страны орелъ высокопарящій и
 возопило все воинство Ахейское ободрено
 бывъ благополучнымъ предзнаменованіемъ.
 Тогда Екшоръ оцѣвждаетъ: щещно хва-
 лилися празднословіемъ твоимъ Еянтъ!
 О дабы ~~яко~~ былъ я во вся дни сыномъ
 Юпишера Егіоха и рѣдила бы меня свя-
 щенная Ира и почишаемый былъ бы,
 какъ почишающся премудрая Аонійская

Паллада и стрѣломещущій Аполлинъ;
какъ сей день приноситьъ всѣмъ Ахейнамъ
лющѣйшую пагубу; и между ими ты жи-
вотъ твой погубиши, когда дерзнешь
спати сопрошивъ копія моего, кое вскорѣ
мягкое твое тѣло растерзаетъ и тогда
Троянскихъ пшицъ и псовъ насытиши
плотію твоею и шукомъ падъ мертвъ
при корабляхъ Данайскихъ.

Тако вѣщая предшествоуетъ, послѣ-
дуютъ ему и прочіи съ великимъ шу-
момъ, возопило и все воинство бывшее
созади; такожде и Аргиване отъ своей
страны вознесли гласъ шумный ниже за-
были о храбрости своей, но ожидали без-
страшно приближенія дерзновенныхъ Тро-
янъ. Водъ же отъ обихъ странъ пре-
ница въ воздухъ касается сіяніе Молніе-
ческаго Юпитера.

ОМИРОВОЙ ИЛІАДЫ

ПѢСНИ ЧЕТВЕРТОЙНАДЕСЯТЬ

содержаніе.

*Агамемнонъ взявъ съ собою раненыхъ и Нестора
исходитъ ко брани; Ира же испросилъ отъ Афро-
диты поясъ приходить къ Юлитеру и ласка-
ніями усыпляетъ его. Посидонъ лоборствуеши
Ахейнамъ и многія ладутъ отъ Троянской стра-
ны. Еантъ поражаютъ Ехтора великимъ кам-
немъ, отъ чего сей изрыгалъ кровь падеть въ
обморокъ.*

П Ъ С Н Ъ XIV.

К С И.

Въ то время божественный старецъ
храбрый всадникъ Несторъ со
уязвленнымъ Ироемъ Махаономъ пили во
своей сѣни красное вино; коснувшись убо
воплю ушамъ ихъ, Несторъ вѣщаетъ Аскли-
пиеву сыну: помысли великодушный Ма-
ха-

хаонѣ! како будущѣ дѣла сѣи; уже вѣщ-
 шій воспаетѣ вопль между обоими воин-
 ствами. Но ты сидя здѣ пѣи красное
 вино, доколѣ прекрасная Екамида согрѣ-
 етѣ воду и омоетѣ кровь опѣ раны
 твоея; я же опохожу на высокую страж-
 ницу, да познаю вину мятежа сего.

Такъ вѣщая приемлетѣ щитѣ сына
 своего воинственнаго Фрасимида лежащій
 вѣ сѣни, (ибо Фрасимидѣ взялъ на брань
 отца своего малый щитѣ) по семѣ взявъ
 копѣе и исшедѣ вѣ сѣни скоро узрѣлъ
 дѣло страшное: Ахейскія воинства мя-
 шутся отѣ сильнаго нападенія гоня-
 щихѣ Троянѣ, разсыпана уже и шверды-
 ня Аргивская. Аки темнѣетѣ простран-
 ное море тихо стоящимѣ водамѣ, ког-
 да почувствуетѣ бурныхѣ вѣтровѣ ско-
 рое нападеніе и ни къ единому берегу не
 движетѣ водѣ своихѣ, доколѣ прїидетѣ
 вѣтрѣ: тако знаменишій всадникѣ Не-
 сторѣ имѣлъ двоякія мысли во своемѣ
 сердцѣ: вниши ли вѣ полки Данайскихѣ
 мужей, или прежде узрѣши пастыря му-
 жей пресловутаго Аргивскаго Царя Ага-
 мемнона сына Атреева. Тако помышляя,
 за лучшее избираетѣ ити ко Агамемно-
 ну.

ну. Между воинствами же вѣдшееся раздалось смятеніе: едино во всѣхъ сердцахъ желаніе другъ друга убивати, бряцающъ на персяхъ шлемы мѣдные, сверкающъ мечи острые, вонзаются обоюдныя копія. Идущаго же Нестора ко Агамемнону срѣщаютъ божественныя Цари уязвленные остріемъ оружія, Діомидъ, Одиссей и Агамемнонъ, кои шли отъ кораблей подпираяся жезлами, дабы зрѣвши вопль и брань: ибо люшая печаль снѣдала мужественныя сердца ихъ. Узрѣвъ же Нестора зѣло устрашился, и тогда первый Агамемнонъ простеръ гласъ вѣщаетъ ему: О Нилеевъ сынъ храбрый всадникъ Нещоръ! великая слава Ахейнъ! почто идещи оставя многоплачевную брань? Устрашается мое сердце, да не исполнятся надо мною слова чуднаго Ектора, какъ нѣкогда онъ между Троянами въ ярости бывъ общалъ, что не прежде возвратишся во градъ свой отъ кораблей нашихъ, доколѣ сожжетъ ихъ и насъ всѣхъ умертвитъ; тако онъ вѣщалъ своимъ совоинственникамъ; уже нынѣ все сіе совершается. Увы любезныя други! зрю, что и прочіи прехрабрѣй-

шіи Ахеяне враждуютъ на меня сердца-
ми и не хотятъ брань шворити близъ
кораблей съ мужественными Троянами.

Тако рекъ великій Царь мужей Ага-
мемнонъ, достойнѣйшій же почитанія
всадникъ Несторъ отвѣщаетъ ему: вои-
спинну все сіе явно естъ, ниже иначе
молніеносный Юпитеръ возмогъ бы со-
дѣлати. Уже низвержена лежитъ высо-
кая швердыня, на которую мы доселѣ
уповали и чаяли, что будетъ кораблямъ
и намъ самимъ въ крѣпкое защищеніе.
Но се нынѣ близъ кораблей уже брань
неизбѣжимая и непрестанная воздвизает-
ся; и неудобно познаетъ кто опъ вы-
сокія стражницы, въ коей спранъ Ахея-
не сражаются. Толь мятежное родилось
убійство, вопль же къ небесамъ восходитъ.
Помыслимъ убо нынѣ (ежели что у-
спѣютъ совѣшы) како дѣламъ симъ бы-
ти. Вамъ же не совѣтую вступати на
брань, ибо уязвленному не возможно брань
шворити.

На сіе отвѣщая Царь мужей Агаме-
нонъ рекъ: Несторъ! когда уже при са-
михъ корабляхъ сражаются сопротивные
полки, ни созданная швердыня, ниже глу-
бокій

бокѣй ровѣ не помогли намѣ, надѣ коими много мы положили труда и уповали, что намѣ самимѣ и кораблямѣ Ахейскимѣ будуще въ защищеніе. Тако воистинну всесильному Юпитеру явилось угодно, дабы съ поношеніемѣ въ сей ненавистной странѣ разлучая отѣ своя любезныя опечесственныя земли погибли Ахеяне. Знаю я, что нѣкогда онѣ поборалѣ и Ахеянамѣ; знаю, что нынѣ онѣ Троянѣ почитаетѣ аки безсмертныхъ боговъ, наши же силы и руки связалѣ. Но повинитесь совѣшамѣ, кои предѣ вами днесь ошкрою. Корабли, кои стоятъ на сушѣ, пошдимся возвести на божественное море и поставимѣ оныя на кошвахѣ, доколѣ прїидетѣ ношѣ темная, и узримѣ престанутѣли и тогда Трояне отѣ брани, по шомѣ и всѣ корабли опведемѣ отѣ береговѣ на глубину моря: ибо нѣтъ ни какого бесчестія бѣжати отѣ гибели хотя и въ ношное время. Лучше спасти живомѣ бѣгствомѣ, нежели плѣнену быти.

Такое реклѣ божественный Царѣ мужей Агамемнонѣ; премудрый же градоразрушитель Одиссей возрѣвъ на него свирѣпымѣ окомѣ вѣщаетѣ: Атреевъ сынѣ!

какое слово днесъ отъ устъ твоихъ изле-
 летъ? зловерный! О дабы другому
 въ лѣности погруженному воинству ты
 предводительствоваѣ, а не намъ велико-
 душнымъ Ахейнамъ, коимъ Юпитеръ далъ
 отъ младыхъ лѣтъ даже и до старости
 упражнятися въ воинственныхъ дѣлахъ.
 Тако ли желаеши пространнѣ Троян-
 скѣ градъ оставити, для коего многѣ
 претерпѣли мы тяжчайшѣ напасти?
 молчи, да не услышитъ кто отъ Ахейнъ
 слова сего, коего ни единъ бы мужъ не
 испустилъ отъ устъ своихъ, кто при-
 личное разумѣетъ вѣдати бывъ князь и
 коему повиновались бы народы шолкѣе,
 надъ коими ты владычествуеши.
 Нынѣ же опровергаю твоѣ мнѣнѣ, кое
 днесъ открылъ ты повелѣвая созвати
 народъ отъ брани и корабли извести
 на море, да побѣждающѣ Трояне паче
 возрадуются видя желанѣ свои совер-
 шившѣся, намъ же неизбѣжное тяж-
 чайшее убѣйство приблизится. Ибо не
 возмогутъ уже Ахейне понести тогда
 брани, когда изведемъ корабли на море,
 но обраща взоръ ко онѣмъ и увидя го-
 шовѣ къ бѣгству добекутъ и сами
 отъ

отъ брани. Тогда твой совѣтъ много содѣлаетъ вреда. О князь народовъ! Та-ко рекъ Одиссей премудрый, Царь же мужей знаменитый Агамемнонъ отвѣща-етъ ему: Одиссей! укоризны твои зѣло чувствительны сердцу моему; но я ни-какъ не желалъ по принужденію повелѣ-вати сынамъ Ахейскимъ извести корабли на море. О дабы нынѣ явился предъ нами, кто бы полезнѣйшій сего подалъ намъ свѣтъ, младъ или старъ, мнѣ равно приятно будетъ.

Дерзновенный Тидеевъ сынъ Діомидъ прервавъ слова сіи вѣщаетъ: не долго будемъ искаши, близъ васъ есть мужъ, когда хотите повинутися его совѣтамъ; токмо да не будетъ распря между вами: ибо я младшій паче всѣхъ васъ; ежели взирати на рожденіе, имѣю и я отца знаменитаго Тидея, коего Фивы сокры-ваютъ во гробъ покрывомъ землею. Отъ Пореея три сына рождены были, оби-тали же во Плевронѣ и высокомъ Кали-донѣ: Агрій и Мелантъ, третій Иней отецъ моего отца, и мужествомъ превосходилъ обоихъ; сей пребывалъ во своемъ отечествѣ, мой же отецъ оби-
шалъ

сталъ въ Аргивской землѣ гонимый стран-
ствованіемъ: ибо шакѣ угодно было Юпи-
теру и прочимъ бессмертнымъ богамъ.
Жену имѣлъ отъ Адрастовыхъ дочерей;
домъ имѣлъ всякимъ спяжаніемъ изоби-
лующій, довольно плодоносныхъ полей,
многіе особъ насажденные разными дре-
вами вертограда, многіе стада овецъ:
превосходилъ же всѣхъ Ахейнъ копіемъ,
и сіе надлежитъ вамъ услышати, какъ
само истинное дѣло. Не мыслите убо,
что я происхожденіе мое имѣю отъ ро-
да нискаго или бессиленъ есмь, для сего
и не опровергайте моихъ совѣтовъ, кои
предъ вами открою: взыдемъ нынѣ на
брань хощя уязвлены но по нуждѣ,
токмо воздержимся отъ сраженія и да
убѣгаемъ отъ стрѣлъ, да не кто язву
на язву воспріиметъ: будемъ возбуждати
прочихъ, кои давно уже покоятся съ
радостію и не швоятъ брани.

Тако рекъ и зѣло угоденъ явился
всѣмъ совѣтъ его и повинулися со всякимъ
желаніемъ. Восприемлютъ путь и пред-
шествуетъ имъ Царь мужей Агамемнонъ.

Знаменистый же Царь окружающій
водами землю Посидонъ узрѣвъ ихъ пре-
обра-

ображается въ видѣ престарѣлаго мужа и пришедъ созда емлепѣ за десную руку Царя Агамемнона и вѣщаетъ ему тако: нынѣ уже зловредный Ахиллѣ радуется всѣмъ сердцемъ видя пагубу и бѣгство несчастныхъ Данаевъ: ибо о спасеніи своихъ совоинственниковъ нѣсть въ сердцѣ его помышленія ни мало. Но да погибнетъ онъ, и Богъ да сотворишь его мерзостнымъ предъ всѣми; на тебя же бессмертные боги не вовсе прогнѣвались; но будетъ нѣкогда время, въ которое Троянскіе князи и военачальники по сему пространному полю наполнятъ воздухъ прахомъ, и ты вскорѣ узриши Троянское дерзновенное воинство бѣгущее ошъ кораблей и кушъ ко граду Иліанскому. Тако рекъ сильный обладатель морскихъ пучинъ Посидонъ и протекая поле возопилъ гласомъ, коликій гласъ есть девяти или десяти тысячъ мужей собранныхъ на брань воздвигаемую смертоноснымъ Ареемъ, толикій испустилъ гласъ ошъ персей Царь Посидонъ и всѣхъ Аргивянъ ободрилъ крѣпостію великою, да сражаются непрестанно.

Сильная царствѣ обладательница Ира
 ниседѣ опѣ пресвѣтлаго Олимпа на го-
 ру стоящую близъ морскихъ береговъ,
 познала вскорѣ единоупробнаго своего
 брата сильного Царя Посидона упражня-
 ющагося во брани и возрадовалася всѣмъ
 сердцемъ; молніеноснаго же Кронова сына
 брата и мужа своего Юпитера божес-
 твенными очами узрѣвъ сидящаго на
 высотѣ изобилующія источниками горы
 Иды огорчилась душею: ибо ненавистенъ
 былъ ея сердцу. Но вскорѣ начала по-
 мышляти во умѣ своемъ, какъ прель-
 щитъ мужа своего и благоугодно яви-
 лось сердцу ея прежде украситися всѣ-
 ми небесными великолѣпїями и послѣ
 взыти къ нему на гору Иду, еда воз-
 желаетъ насладитися съ любовію красо-
 ты ея и да вліетъ сладкій сонъ въ зѣ-
 ницы очей его и въ премудрое сердце.
 Входитъ убо въ чертогъ, который со-
 дѣланъ былъ ея сыномъ Ифестомъ со крѣ-
 пкими дверьми и съ сокровеннымъ зам-
 комъ, коего ниже Богъ какій могъ опи-
 версти; шамо вшедъ затворила сіяющія
 двери: и прежде всего сладкою небесною
 Амвросіею омыла всѣ нечистоты опѣ
 пре-

прекраснаго своего шѣла, послѣ сего у-
 мастила оное приятнымъ, благоухан-
 нымъ божественнымъ елеемъ, коего бла-
 говоніе прошло до свѣшозарнаго дому
 Юпитерова, подобно наполнило всѣ про-
 странныя небеса и землю, симъ умаспи-
 ла все прекрасное шѣло свое, потомъ
 сіяющія божественныя власы украсила
 своими руками на бессмертной главѣ;
 облакается въ лучезарную хламиду, ко-
 торую сама Аѳинская Паллада искала
 ей, и многія тамо непоспѣжимыя умомъ
 видимы были дѣла; златыми застешка-
 ми укрѣпляетъ оную на прекрасныхъ
 персяхъ; опоясуетъ поясъ во сто рядовъ
 сложенный; во уши влагаетъ блистающія
 серги, коихъ великолѣпіе далеко зримо
 было, на божественную главу возлага-
 етъ покрывало новое, чистое аки солн-
 це; на конецъ все совершивъ украшеніе
 исходитъ отъ чертога, призвавъ же
 Афродиту отводитъ ее особъ отъ пре-
 чихъ боговъ и вѣщаетъ: Возлюбленная
 дочь моя! исполниши ли прошеніе мое,
 кое хочу открыти предъ тобою или
 отринеша огорчена бывъ гнѣвомъ, что
 я помогаю Ахейнамъ, ты же Троянамъ.

Пре-

Прекрасная дочь Юпитерова божественная Афродита отвѣщаетъ ей: Древняя богиня, дочь великаго Крона священная Ира! вѣдай, что угодно зриши предъ лицомъ твоимъ: сердце мое повѣлываетъ все исполнити во угожденіе тебѣ, ежели могу и ежели благоприсойно есть.

Священная Ира соплетая лести отвѣщаетъ Афродитѣ: даждь мнѣ нынѣ любовь и вождельніе, коими ты всѣхъ безсмертныхъ боговъ и смертныхъ челоуковъ смиряеши: ибо я иду соглядати многопитающія земли предѣлы, Океанъ порожденіе Боговъ, и мать Тиѣю, кои меня возрастили и воспитали со всякимъ удовольствіемъ во своихъ чертогахъ воспріявъ отъ Реи, когда всемоушый Юпитеръ дрежняго Крона низринувъ отъ Олимпа подъ землю и подъ бесплодное море. Ихъ иду я узрѣши, да разрѣшу вредныя между ими распри: ибо единъ на единого гнѣваяся, многое уже время воздержавъ между собою отъ ложа и любви. Воистинну всегда была бы я предъ ними любезна и почтенна, когда бы могла ихъ двухъ смягчиши сердца и

воз.

возвести на ложе, да совокупяшся любовію.

Любящая веселіе Афродита отвѣщаетъ великой царицѣ Ирѣ: не возможно, ниже праведно есть отринуть желаніе швое: ибо ты возлежиши у всесильнаго Юпитера во объятіяхъ. Сіе рекъ отрѣшила отъ божественныхъ своихъ персей поясъ, въ коемъ всѣ прелести заключены были: тамо водворялся любовь, вождельніе и женскія льстивыя рѣчи, отъ коихъ и зѣло премудрые обуяли разумы. Вручая же ей вѣщаетъ: Священная царица великая Ира! пріими нынѣ сей хитроплетенный поясъ и положи его въ нѣдро швое; въ немъ все содѣлано, и уповаю исполниться непременно, что возжелаеиъ сердце твое.

Такъ рекла Афродита: божественная же Ира усмѣхнулась и принявъ поясъ положила его въ нѣдро свое. По семъ дщерь Юпитерова возвратилася ко своимъ чертогамъ; обладательница же царствъ вскорѣ оставя гору Олимпъ, прескакивая же Піерію и веселую Имаѣю шечетъ къ вершинамъ покрытыхъ снѣгомъ Тракійскихъ горъ не прикасаяся ногами землѣ; отъ

отъ Аѳоя нисходитъ на море и вскорѣ приближается къ Лимну граду божественнаго Царя Ѳоанша.

Тамо зрѣтъ идущаго Сна брата смерти, приближася къ нему вземлетъ за руку и вѣщаетъ: Сонъ! Царь всѣхъ боговъ и всѣхъ челоуѣковъ! какъ прежде нѣкогда услышалъ ты прошеніе мое, тако и нынѣ повинися мнѣ, за что я тебѣ во вся дни воздавати буду благодареніе: усыпи мнѣ блистающія очи молніеноснаго мужа моего Юпитера, когда я совокуплюся съ нимъ любовію. Въ даръ тебѣ дамъ великолѣбный и неслѣбный златый престолъ сошворенный хромымъ сыномъ моимъ Ифесомъ, онъ пошлетъ тебѣ и подножіе, на которомъ нѣжныя твои почіютъ ноги во время пиршества.

Сладкій сонъ отвѣщаетъ ей тако: Древняя богиня дщерь великаго Крона! прочихъ бессмертныхъ Боговъ удобно бы могъ я усыпить и самое теченіе Океана, который всѣмъ есть Богъ; къ Юпитеру же и приближися не дерзаю, не токмо усыпить его, доколѣ не повелишь самъ. Помню я и прежде нѣкогда бывшее отъ тебя мнѣ повелѣніе въ день
шомъ,

попѣ , когда великодушный сынъ Юпитеровъ преплывалъ море по разрушеніи града Троянскаго. Воистинну тогда я усыпилъ сердце Юпитера Егіѳоха , изливая сладкое успокоеніе по всѣмъ членамъ его; ты же устроивала во швоемъ сердцѣ пагубу мужу оному воздвизая сильныя вѣтры и свирѣпое волнованіе на морѣ; послѣ же принесла его ко острову Кою разлучивъ отъ всѣхъ спутниковъ. Юпитеръ возбудився отъ сна гнѣвался зѣло и повергалъ всѣхъ Боговъ на землю, меня же паче всѣхъ искалъ , и воистинну обрѣтъ низвергалъ бы въ море, ежели бы не спасла меня усмирительница Боговъ и челоуѣковъ Ночь , въ коей пришекъ сокрылся , онъ же въ то время преспалъ отъ ярости; ибо боялся , да не раздражитъ ночи; нынѣ паки повелѣваеши мнѣ совершити вредоносное дѣло.

Священная Ира отвѣщаетъ ему паки: О сонъ ! почто о семъ тако помышляеши во швоемъ сердцѣ? или чаеши , что всесильный Юпитеръ тако помогаетъ воинству Троянскому, какъ нѣкогда гнѣвался за сына своего Ираклія? но опвергни страхъ швоего сердца и исполни
желаніе

желаніе мое; я же тебѣ дамъ въ жену
едину отъ Харитъ прекрасную Пасиѳею,
которую вся дни желаеши съ воздыха-
ніемъ.

Такъ рекла священная жена молніепо-
снаго Юпитера. Сонъ же слышавъ сіе
обрадовался и вѣщаетъ: кленися убо
мнѣ великая царица невинною водою стра-
шныя рѣки Стига и единою рукою ко-
снися питающей всѣхъ матери землѣ,
другую же простри на море, да всѣ бу-
дутъ намъ во свидѣтельство преисподнія
Боги окружающіе древняго Крона, что
ты дашъ мнѣ въ жену прекраснѣйшую
отъ Харитъ Пасиѳею, которую вся дни
желаю моимъ сердцемъ.

Такъ рекъ Сонъ и повинулася ему
божественная Ира: клялася какъ онъ
ей повелѣлъ и призывала всѣхъ пре-
исподнихъ Боговъ, кои Титанами наре-
каются. По совершеніи клятвы вскорѣ
оставляютъ Лимнъ и Имврѣ; облекшись
же воздухомъ скоро совершаютъ теченіе
пуши и приближаются ко изобилующей
источниками горъ Идѣ, гдѣ прежде оста-
вили море. Тамо нисходятъ на землю
и верхи лѣсовъ преклоняющся подъ ноги
ихъ.

и хъ. Сонъ восшедъ на древо вѣло высокое которое тогда высокою своею досягало облаковъ, сокрываеиша въ густыхъ вѣтвяхъ подобно пшницѣ выпающей на горахъ, которую Боги называютъ Халкидою, смершныя же Киминдою.

Украшенная небеснымъ великолѣпиемъ священная Ира восходитъ на самый верхъ Иды къ холму Гартгару; собирающій во едино облаки всемоушнй Юпитеръ узрѣвъ ю воспламенился любовью и сладостей вожелѣнне объяло вся помышленія его, какъ когда въ первое совокупилися любовью и вошли на ложе забывая возлюбленныхъ родителей. Ставъ же предъ нею вѣщаетъ: Ира! по что тако нисходиши отъ Олимпа съ поспѣшеніемъ? Или не имѣеши коней и колесницъ, которыя могли бы тебя принести по желанію твоему? На сіе божественная Ира соплетая лести отвѣщаетъ ему: Иду соглядати многонитающіе предѣлы, Океанъ порожденіе Боговъ и мать Титю, кои меня возрастили и воспитали во своихъ чертогахъ со всякимъ изобиліемъ; ихъ яду я узрѣши, да разрѣшу вредныя между ними распри: ибо одинъ на одина-

го гнѣваяся многое уже время воздержаш-
ся между собою отъ ложа и любви; ко-
ни же и колесница внизу сея горы стояшѣ
и пренесушѣ чрезъ море и землю. Нынѣ
же отъ Олимпа нисхожу тебя ради еди-
наго, да не како прогнѣваешия послѣ,
ежели сниду. въ чертоги Океановы не свѣ-
дущу тебѣ.

Такъ сопледающая лести Ира рекла
Юпитеру, который паки вѣщаетъ ей :
въ чертоги Океановы можеша и послѣ
отыти; нынѣ же пребуди здѣ, да по-
чѣмъ совокупно и насладимся любовію :
ибо никогда толико не владычествовала
надъ моимъ сердцемъ изливающаяся въ
персахъ любовь, ниже къ богинѣ или
женѣ какой: не былъ я шако уловленъ
любовію Иксионовой жены, которая роди-
ла Пирнею совѣтами, подобающаго бо-
гамъ: не былъ шако прельщенъ Данаею
прекрасною дочерію Царя Акрисія, ко-
торая родила Персея знаменитѣйшаго
паче всѣхъ мужей: ниже дочерію Царя
Финика, которая родила божественныхъ
сыновъ Миноя и Радаманея; ниже во гра-
дѣ Тивадѣ Алкиною, которая родила
сына чуднаго Ираклія; ниже Семелю,

которая родила Діониса веселіе людей;
ниже царицею Димитрою, ниже славною
Липою, ниже шобою когда прежде, какъ
нынѣ воспламенѣ къ тебѣ любовію и
сладкое вождельніе обѣмлешъ все мое
сердце.

Божественная Ира на сіе отвѣщала
ему: Юпитеръ! какое вѣщаеши слово?
Какъ желаеши наслаждаться любовію на
вершинѣ горы Иды, откуда всѣмъ будетъ
явно? Что будетъ, ежели кто отъ бе-
смертныхъ Боговъ узритъ спящихъ насъ
и пришедъ возвѣститъ всѣмъ Богамъ?
Какъ могу безъ поношенія возвратиться
въ домъ твой? Но когда желаеши любви
и приятно естъ сердцу твоему вождель-
ніе ея, имѣеши ты чертогъ, который
созданъ тебѣ любезнымъ сыномъ Ифе-
стомъ со крѣпкими дверями; увидимъ
въ него, когда угодно тебѣ почиши со
мною на ложи.

Моляеносный ошецъ Боговъ Юпитеръ
отвѣщалъ ей: не устрашайся сего; ни-
же отъ Боговъ, ниже отъ человѣкъ у-
зришь насъ кто; я простру влаторый об-
лакъ окрестъ тебя, тамо ниже самое
солнце имущее острѣйшіе и пронизатель-

нѣйшіе лучи возможеѣ насѣ увидѣши. Тако вѣщая приемлетѣ Юпитерѣ во объятія жену свою; божественная же земля произраспила подѣ ними новую младую траву росоносный Лопѣ, и благовонный сафранѣ, мягкій и густый Іакинѣ, который отѣ земли кѣ верѣху подымалѣ ихѣ; и егда возлегли, оградилѣя прекраснымѣ златымѣ облакомѣ и благовонная роса ниспадала на нихѣ. Тако ошецѣ Боговѣ при источникѣ Гаргарѣ почивалѣ наслаждаясь любовію и сномѣ держа во объятіяхѣ жену. Самѣ же сладкій Сонѣ полетѣлѣ тогда ко Ахейскимѣ кораблямѣ нося возвѣщеніе содержащему землю Царю Посидону и приближѣя кѣ нему вѣщаетѣ: о великій Посидонѣ! ускори нынѣ на помощь ослабѣвающихѣ Данаевѣ и подай имѣ славу хотя малую, доколѣ Юпитерѣ спицѣ: ибо я его усыпилѣ приятнымѣ сномѣ; Ира же прельстила его кѣ наслажденію любви.

Тако рекѣ опшелѣ во знаменитыя собранія людей, Посидона же паче преклонилѣ на помощь Данаимѣ. Вскорѣ убо пришедѣ кѣ военачальникамѣ ободряетѣ сердца ихѣ: Аргивяне! еда пакѣ мы у-

сшу-

ступаемъ побѣду Прѣмову сыну Ектору, дабы плѣнивъ корабли воспріялъ вѣщую славу? Онъ превозносился помышляя, что Ахиллъ имѣя въ сердцѣ гнѣвъ, не изыдесть отъ кораблей своихъ; но и намъ искаши помощи его не много будетъ нужды, когда другъ друга будемъ возбуждаши къ защищенію своему. Послушайте убо вси моихъ совѣтовъ: воспріимите щиты, колико обрящется въ воинствѣ паче всѣхъ твердѣйшихъ и большихъ, главы покройте шлемами крѣпчайшими, руки вооружите копіями острыми и долгими; и шако попечемъ на брань, я же буду вамъ предводительствовать, и не уповаю дабы Екторъ при всемъ своемъ мужествѣ возмогъ стати сопрошивъ меня. Но который мужъ есть воинственникъ сильный, щипъ же имѣетъ малый, да отдастъ его слабѣйшему, самъ же да идесть подъ великимъ щитомъ.

Такъ рекъ сильный Царь Посидонъ и вси повинулись съ радостію совѣтамъ его; прочихъ же сами язвами страдая, но дерзновенно ободряли Діомидъ, Одиссей и Агамемнонъ, кои преходя воинство

премѣняя оружія : крѣпкимъ воору-
жался крѣпкій, слабое же воспринималъ
бесильный. Облекшися во блистающую
мѣдную броню емлются пуши; предше-
ствуетъ имъ сотрясающій землю Царь
Посидонъ въ крѣпкой рукѣнося страш-
ный зѣло острый подобенъ сверкающей
молніи мечъ, сопротивъ котораго не воз-
можно стапѣ въ пагубной брани, но
страхъ обѣмлетъ всякаго мужественнаго
воинственика взирающаго на него. Отъ
сопротивныя же страны вооружилъ Тро-
янское воинство пламенный Екторъ. Вско-
рѣ по семъ воздвизаютъ лютейшее убій-
ство; красящійся лазоревыми власами
страшныхъ морскихъ пучинъ сильный о-
бладашель Посидонъ и страшный врагомъ
сопротивникъ лютей пожиратель душъ
человѣческихъ чудный Екторъ: сей по-
могая Троянамъ, оный же Данаямъ; воз-
двигло море свои воды до кушъ и кора-
блей Аргивскихъ. Не возреветъ толико
вода морская ударяясь во крушыя брега
бывъ гонима дыханіемъ бурнаго Ворея;
ниже во пространныхъ пещерахъ высо-
кихъ горъ слышится толикій трескъ ве-
ликимъ огнемъ горящихъ лѣсовъ, ниже

толико востонетъ гласъ вътра яростно
 стремящагося на уперствующіе вы-
 сокіе дубы; коликій восталъ вопль въ
 Ахейскомъ и Троянскомъ воинствахъ со-
 шедшихся на брань. Тогда первый Ек-
 торъ мечетъ на Еанша копіе, и остріе
 падетъ, гдѣ два пояса окрестъ персей
 распростершы лежали единъ подпорою
 былъ щиту, на другомъ же висѣлъ мечъ
 украшенный золотыми гвоздьми; сіи за-
 щитили Еаншово тѣло отъ увлеченія.
 Зло преогорчился духъ великаго Екшо-
 ра, что устремленіе копія его было
 тщетно; опходишь ко своему воинству;
 Еаншъ сынъ Теламоновъ восхитя великій
 камень мечетъ на опходящаго; поража-
 етъ въ перси по верхъ щита близъ
 выи. Аки молніеюснаго Юпитера силь-
 нымъ удареніемъ пораженный великій
 дубъ падетъ съ корнемъ: тако низла-
 гается Екшорова крѣпость на песокъ; па-
 детъ изъ рукъ великое копіе, повергающ-
 ся на него щитъ и шлемъ и возгремѣла
 окрестъ его мѣдная блистающая броня.
 Сыны же Ахейскія воздвигнувъ ужасный
 вопль текутъ уповая привлечь его къ
 себѣ; мечутъ великое множество стрѣлъ

и копій, но никто не могъ уязвити его: ибо храбрые вожди Полидамантъ, божественный Еней, мужественный Агиноръ, сильный Ликійскій вождь Сарпидонъ и дерзновенный Главкъ оградили его щитами и вскорѣ изнесли отъ брани доколѣ пришли къ быспротекущимъ его конямъ, кои стояли во опдаленіи отъ мѣста сраженія, при нихъ колесница и слуга. Возложивъ на колесницу тяжко воздыхающаго Ироя текутъ ко граду; вскорѣ приближася ко броду сладкотекущія рѣки Ксанѳа рожденнаго отъ отца Боговъ Юпитера, паки низлагаютъ Ектора отъ колесницы на землю и окропляютъ водою; восприимлетъ чувства и отверзаетъ очи, сѣдши же на землѣ изbleвалъ кровь черную; паки лишается чувствъ, преклоняется на землю, и ночь темная покрываетъ очи его.

Аргивское войнество узрѣвъ Ектора отлучившагося отъ брани восприимлютъ паки дерзновеніе и устремляются на Трозій. Тогда первый Еантъ сынъ Илеевъ пришекъ съ острымъ копьемъ поражаетъ Саввій сына Инопова, когото родила ему прекрасная Нимфа Нанда, когда

гда онъ баслѣ овчїя стада при брегахъ
рѣки Сатнїеонта ; сего храбрый Еантѣ
поразилъ копїемъ во чрево ; падетъ на
землю мертвъ , истекающъ внутренняя
и крѣпость разрушается отъ членовъ
его. Еантѣ возвращается ко своимъ со-
воинспивенникамъ ; прочїи же Трояне и
Аргивяне воздвигли жестокое убїйство
близъ трупъ Сатнїева. Мужественный
Полидамантѣ сынъ Панѣевъ прїтекъ на
помощь Троянамъ , видитъ Проѣонора сы-
на Арїиликова успремляющагося , шечетъ
сопротивъ его и вонзаетъ копїе въ де-
сное рамо ; смертоносное остріе прохо-
дитъ на другую страну ; падетъ мужъ
сильный на песокъ и руками шерзаетъ
перси , лїется кровь , душа же видитъ
сѣни мертвыхъ.

Полидамантѣ яростно кичася возо-
пилъ великимъ гласомъ : не мню , дабы
копїе отъ крѣпкія руки сына Панѣева
тщешно излетѣло , но врю , что нѣкто
мужъ сильный воспрїялъ его во своемъ
тѣлѣ ; се ему посохъ , съ коимъ снидетъ
по пуши ведущему ко вратамъ темнаго
Ада.

Тако рекъ дерзновенный Полидамантъ; Аргивяне слышавъ сіе зло озлобились поношеніемъ его, паче же всѣхъ воспламенилося сердце великаго Еанша сына Теламонова: ибо близъ самихъ ногъ его поверженъ былъ трупъ Сатніевъ. Вскорѣ убо мечетъ копіе великое на ошходящаго Полидаманта, но сей уклонився на страну избѣглъ горчайшія смерти; вмѣсто же его приемлетъ Архелохъ сынъ мужественнаго Антинора: ибо ему бессмертныя боги предопредѣлили смерть сію. Сего Еантъ поразилъ, гдѣ двѣ жилы главу съ выею соединяютъ; остріе пресѣкаетъ обѣ жилы. Падетъ Архелохъ простирая руки ко своимъ любезнымъ совоинственникамъ, но не долго просилъ ошъ нихъ помощи: ибо скорѣ очи его покрыла тма вѣчная.

Еантъ же надменъ бывъ убійствомъ симъ возопилъ къ Полидаманту стоявшему спросивъ его: воззри мужественный Полидамантъ и повѣдай мнѣ истинну; достоинъ ли сей мужъ умерщвленнаго тобою Прооинора: ибо мню, что не ошъ нискія крови имѣетъ рожденіе свое, но или братъ великаго всадника Антинора

шора или сынъ его и обличіемъ подобенъ ему. Сіе рекъ истинну познавъ. Троявъ же объяла великая печаль: тогда Акамантъ единоупробный братъ Архелоховъ уврѣвъ сильнаго Віотійскаго всадника Промаха желающаго восхитити трупъ Архелоховъ, поражаетъ копіемъ во усна; остріе смертоносныя мѣди сокрушаетъ зубы, раздираетъ языкъ и прошедъ выю вонзается въ землю съ поверженнымъ трупомъ.

Акамантъ отмстивъ смерть брата своего возопилъ: злобные Аргивяне, щеславные воинственники! не намъ единымъ будетъ плачь и трудъ въ пагубной сей брани, но шако и вынѣкогда погибнете. Зрише како Промахъ вашъ спитъ подъ остріемъ копія моего; не долго смерть Архелоха брата моего пребыла безъ отмщенія. Да желаетъ убо всякъ мужъ имѣти брата себѣ отмстителя смерти.

Тако рекъ сильный Акамантъ; Данаи же зѣло огорчились превозношеніемъ его; но паче всѣхъ раздражилъ сердце мужественнѣйшаго Царя Пинелея; шечетъ сопротивъ Акаманта и мечетъ копіе, но вмѣсто его поражаетъ Іліонея сына

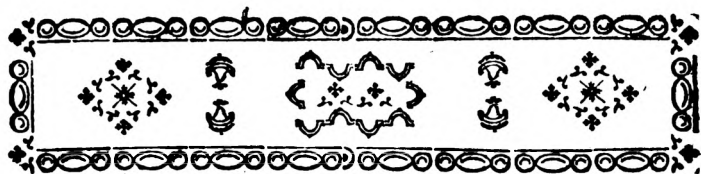
сына Форвантова, кой имѣлъ великія стада овецъ и воловъ; сего Ермій паче всѣхъ Троянъ любилъ и далъ стяжанія многія, матеръ же единого шокмо родила ему Иліонея, коего тогда Пинелей поразилъ во око^ю и остріе копія пресѣкло жилу выи; падетъ простирая обѣ руки ко своимъ совоинственникамъ, но Пинелей извлекъ острый мечъ отсѣкаетъ главу его и повергъ оную на землю со шлемомъ; восхишивъ же опѣ земли аки макаву главу возопилъ со превозношеніемъ: возвѣстите Трояне знаменитаго Іліонея отцу и матери да оплачутъ смерть сына своего: ибо не возрадуется и храбраго Промаха возлюбленная жена, когда сыны Ахейскіе возвращаются отъ града сего во свою любезную отечественную страну.

Такъ рекъ и всѣхъ Троянъ объялъ страхъ великій; взираютъ на всѣ страны помышляя како избѣжати люшья смерти.

Нынѣ возвѣстите мнѣ обитающія въ небесныхъ селеніяхъ божественныя Мусы; кто первый отъ Ахейнъ приобрѣлъ окровавленныя Троянъ ворысти, когда колеблющій

блущій землю знаменишый Царь водъ
Посидонъ преклонилъ побѣду на страну
Данаевъ. Первый тогда Еантъ сынъ
Теламоновъ убилъ Мисійскаго вождя Ир-
тїя сына Гиртїева, Аншилохъ Фалка и
Мермера, Мирїонъ Морїя и Иппотїона;
Тевкръ умертвилъ Провоона и Перифи-
та, Менелай же послѣ уязвилъ во чрево
Иперинора князя народовъ; внутренняя
излилася ошъ язвы, шьма покрыва очь
и душа вселилася во дворы адовы. Мно-
гихъ убилъ и Еантъ сынъ Илсеевъ: ибо
никто не могъ сравняться съ нимъ бы-
строю ногъ въ посмиженїи Троянъ,
когда молніеносный Юпитеръ обратилъ
ихъ къ бѣгству.

ОМИРОВОЙ ИЛІАДЫ.

ПѢСНИ ПЯТОЙ НАДЕСЯТЬ

с о д е р ж а н і е.

Юлитеръ воставъ отъ сна и видя Троянъ побѣжденныхъ, раздражается на Иру; вскорѣ посылаетъ провозвѣстницу Ириду къ Посидону съ повелѣніемъ, да воздержится отъ брани, къ Аполлону же да ободритъ сердце Ектора, кой восприимъ щипъ, называемый Егида, обращаетъ Ахелнъ къ побѣгу и прогоняетъ ихъ до самыхъ кораблей, гдѣ Еантъ сынъ Теламоновъ многихъ убиваетъ отъ Троянъ, кои несли огня къ кораблямъ.

П Ъ С Н Ъ Х V.

О МИКРОНЪ.

Трояне спасая животъ свой бѣгствомъ, когда прешли ровъ и ограду, многихъ лишася на брани совоинственниковъ, остановилися на конецъ при колесницахъ измѣняяся въ лицъ отъ страха.

ха. Юпитеръ же возбудився отъ сна на
 вершинѣ горы Иды и восставъ отъ объятій
 златопрестольныя Иры, видитъ Ахейнъ и
 Троянъ: сихъ побѣжденныхъ, оныхъ же по-
 бѣждающихъ и гонящихъ созда и съ ними
 купно сильнаго Царя Посидона. Узрѣвъ же
 и Ектора лежащаго на полѣ испускающаго
 тяжкое дыханіе, ярящагося сердцемъ и
 изрыгающаго кровь окресѣ его сѣдящимъ
 другамъ, возмутился духомъ отецъ Бо-
 говъ и человекъ и милосердствуетъ
 о немъ; обратився на божественную жену
 взоромъ зѣло раздраженнымъ, вѣщаетъ: лу-
 кавая Ира! воистинну твоея злобныя
 хитрости содѣйствіемъ божественный
 Екторъ престалъ отъ брани и лежитъ
 уязвленъ, народы же его вси устращены
 шепчутъ; но не уповай симъ злымъ тво-
 имъ совѣтомъ наслаждашися; скорѣ у-
 зриши на тѣлѣ твоемъ болѣзненныя ра-
 ны. Или забыла ты, когда отъ неба
 висѣла между облаковъ и воздуха имѣя
 руки скованы крѣпкою златою цепію,
 подъ ногами же дѣвъ наковальни: Боги же
 обитающіи во пространномъ Олимпѣ хо-
 тя и зѣло о семъ печалилися, но ни-
 что не могли сотворити тебѣ помощи

и кого восхищаль, низвергалъ отъ неба, доколѣ прилетишь на землю издыхая; но и тако не престалъ я отъ рвенія и ярости за божественнаго сына моего Ираклія, коего ты послала на неукротимое море, совѣщавъ прежде съ Вореємъ нанести ему пагубу, воздвигнувъ свирѣпую бурю; но послѣ привела его ко благонаселенному острову Ко, откуду я свободилъ его и принеслъ во хвалящейся коньми Аргъ, хотя и многіе претерпѣвшаго злоключенія. О семъ воспоминаю тебѣ, да преспанеши опѣ злыхъ совѣшовъ: сама узриши, помогутъ ли тебѣ любовь, коею днесъ прельстила меня, и ложе, на коемъ со мною здѣ почила, оставя небесныя селенія.

Тако рекъ и убоилася божественная Ира и вскорѣ возопивъ къ нему вѣщаетъ: да знаешь нынѣ земля и все простиранство небесъ и преисподнія воды рѣки Сстига, кои величайшею и священнѣйшею клятвою почищаются отъ боговъ, да знаетъ и твоя священная глава и наше дѣвическое ложе, коего никогда я не осквернила; клянуся всѣми сими, что никогда я не имѣла совѣщанія со окружающими

жающимъ водами землю Посидономъ къ погубленію Троянъ и Ектора, но собственное сердца произволеніе возбудило его на помощь Ахейнамъ, коихъ видя изнемогающихъ и утѣсняемыхъ при корабляхъ милосердствовалъ о нихъ; воистинну и я совѣшала бы ему слѣдоваши твоему о Юпитеръ предводительству.

Такъ рекла обладательница земныхъ царствъ; всесильный же овецъ Боговъ опѣщаетъ ей: ежели бы ты возлюбленная Ира едино сердце и равныя со мною имѣла помышленія, сколько бы Посидонъ ни упорствовалъ, вскорѣ обратилъ бы желанія свои къ нашему благоволенію: но когда истинну ты мнѣ повѣдала, взыди нынѣ на Олимпъ и призови ко мнѣ быспролетящую Ириду и красящагося серебрянымъ лукомъ Аполлина, да провозвѣстница Боговъ повелишь Посидону престати отъ брани и возвратитися ко своимъ чертогамъ; Аполлинъ же да укрѣпитъ мужествомъ Ектора, кой паки вшедъ на брань страхомъ своего присутствія поразитъ всѣхъ Аргивянъ и съ посрамленіемъ обратишь ихъ къ бѣгству.

ству. Многи тогда отъ крепости руки
его падушъ между кораблей Пилеева сы-
на Ахилла, который въ то время по-
шлетъ на брань возлюбленного своего
друга Патрокла, но сего за смерть сына
моего Сарпидона убѣшъ знаменитый
Екшоръ, который на конецъ и самъ прѣ-
вмешъ смерть отъ Ахилла. Я же не пре-
сшану отъ гнѣва, ниже дозволю кому отъ
боговъ творити помощь Ахейнамъ, доко-
ль совершу желаніе Ахилла, какъ я о-
бѣщаль ему прежде въ день оный, когда
возлюбленная моя, богиня Ѳеида обы-
мала колѣна мои прося да прославлю
сына ея.

Такъ рекъ Юпитеръ и повинулася
ему прекрасная Ира: вскорѣ восходитъ
отъ Идійскихъ горъ на пресвѣтлый
Олимпъ, гдѣ зрѣшъ собранныхъ въ Юпи-
теровыхъ чертогахъ боговъ, кои всѣ во-
спавъ отъ сѣдалищъ своихъ подносили
небесное во златыхъ чашахъ пиіе; но
она опшвергнувъ отъ всѣхъ приняла шок-
мо отъ Ѳеиды, которая прежде всѣхъ
исшедъ на срѣшеніе спросила тако: бо-
жественная Ира! что тако смущеннымъ
лицемъ восходиши на Олимпъ? Или мужъ
твой

твой молніеносный Юпитеръ устрашилъ тебя?

Ира воздохнувъ отвѣщаетъ ей: не вопрошай меня о семъ Оемида: извѣстно тебѣ и самой, koliko нестерпимъ и гордъ его духъ. Скоро познаюшъ вси бессмершныя, коль вредоносны дѣла устроили хотеть Юпишеръ; мню, что ни отъ Боговъ тогда, ниже отъ челоуѣкъ возрадуется кто. Тако вѣщая восшла на свой престолъ и отъ словъ ея возмутились сердца всѣхъ боговъ, сама же нѣсколько усмѣхнулась; но божественное чело ея и блистающія очи не показывали веселія и паки со гнѣвомъ ко всѣмъ вѣщаетъ: безумніи! почто несмысленно ропщемъ на Юпитера? или надѣмся смирить гнѣвъ его словами или силами нашими? онъ сидя на своемъ престолѣ не взираетъ ни на какія наши тщетныя старанія: ибо знаетъ, что могущество и власть его несравненны сущъ предъ всѣми нашими силами. Терпите убо какое кому отъ васъ ни пошлетъ бѣдствіе. Мню, что и нынѣ содѣлалъ печаль сильному Арею: ибо нынѣ убишъ на брани любезнѣйшій отъ мужей храбрыхъ

брый Аскалафъ, коего Арей нарицаетъ своимъ сыномъ.

Такъ рекла священная Ира; человекъ-коубійца же Арей объятъ бывъ печалію и бія въ перси со слезами вѣщаетъ: о боги обитающіи въ небесныхъ чертогахъ! не гнѣвайтесь на меня опшодящаго опшкуду нынѣ на брань ко опшщенію за смерть сына моего. Не взираю ни на что, хошя и меня самого поразитъ Юпитеръ молніею и опредѣлитъ лежати купно съ мертвыми въ крови и на песокъ.

Такъ рекъ повелѣлъ Ужасу и Спраху приготовами коней и колесницу, самъ же облекается во блестящую броню. Тогда воиштинну вѣщшая пагуба и неудобъ-спершимый гнѣвъ излилися бы вскорѣ отъ всесидьнаго Юпитера; но премудрая Аѣинская Паллада предвидя всѣмъ богамъ имѣющее отъ того родитися злополучіе, оставя сѣдалище свое вскорѣ послѣдовала за нимъ отъ чертога, да воспяшишь его устремленіе; восхищаетъ отъ главы его шлемъ и отъ раменъ щипъ, исторгаетъ отъ сильныхъ рукъ мѣдное копіе и со гнѣвомъ поноситъ ярость его, вѣщая шакко: безумный! неистовый! или не зриши

па-

Пагубы твоея? щещно даны тебѣ уши,
погибѣ разумъ твой, и не имѣши спы-
да. Не слышалъ ли ты, что повѣдала
предъ всѣми нами божественная Ира,
жена всеильнаго Юпитера, которая ны-
нѣ отъ него возвратилася къ намъ? или
желаеши лютейшїя бѣды къ бѣдамъ при-
совокупя возвратитися на Олимпъ и по-
нуждѣ сѣ болѣзнію и всѣмъ намъ содѣла-
ти великія напасти? ибо вскорѣ тогда
ошавя Троянѣ и Аргивянѣ прїидетъ къ намъ
и восколеблетъ весь пространный Олимпъ
и всѣхъ насъ винныхъ и невинныхъ нака-
жетъ любою яростію гнѣва своего. Пове-
лѣваю убо тебѣ паки оставити отмщеніе
твоего сына: ибо инный превосходнѣйшій
паче его крѣпостію силъ, или уже убитъ
лежитъ, или послѣ умерщвленъ падетъ.
Не возможно всѣхъ человѣкъ рожденія сво-
бодити отъ смерти. Тако рекла пре-
мудрая богиня и посадила кровожажду-
щаго Арея на престолѣ.

Ира же призвавъ стрѣломещущаго
Аполлина и провозвѣстницу боговъ бы-
спролешащую Ириду и изведъ ихъ внѣ
чертоговъ тако вѣщаеиъ: отецъ боговъ
и человѣковъ Юпитеръ повелѣваетъ вамъ

скорбѣйшими прїити къ себѣ стопами; когда же прїидете на гору Иду и явитесь лицу его, шворите скоро все, что ни заповѣдаетъ и безъ прекословія исполняйте повелѣнія его. Тако величественная Ира заповѣдавъ имъ обратилася въ чертоги и сѣла на престолѣ.

Аполлинъ же и Ирида ни мало не медля полетѣли отъ высоты Олимпа, и вскорѣ приблизились къ изобилующей источниками матери звѣрей горѣ Идѣ. Тамо всевидящаго Юпитера обрѣтають сѣдящаго на высотѣ Гаргара и окрестъ его распростертъ былъ благовонный облакъ.

Юпитеръ узрѣвъ ихъ вѣщаетъ къ Иридѣ: теки скоро къ Царю Посидону и возвѣсти мое желаніе: повели ему престати отъ брани и ити въ собраніе боговъ или во свой домъ; но когда не восхощетъ повинутися словамъ твоимъ и презритъ мое изволеніе, да не раскается послѣ во своемъ умѣ; не возмогутъ всѣ силы его стерпѣти моего гнѣва, ниже да дерзаетъ равнымъ нарицаться мнѣ, коего и всѣ страшатся.

Рекль и повинулася ему богиня. Аки
отъ темныхъ облаковъ ниспадаетъ снѣгъ
или отъ бурнаго Ворея градъ; съ равною
скоростію провозвѣстница боговъ оставя
Идейскія горы приближилася ко граду и
спавъ предъ Посидономъ вѣщаетъ: силь-
ный Царь Посидонъ! внуши вину моего
пришествія; страшный Юпитеръ Егіохъ
повелѣваетъ тебѣ преставъ отъ брани
иши въ собраніе прочихъ боговъ или въ
домъ твой, но когда не слушаеши
словъ моихъ и опринеши волю его, блюди
да не почувствуеши гнѣва его, ниже да
дерзнеши равнымъ нарицатися ему.

Посидонъ слышавъ сіе воздохнуль и
со гнѣвомъ вѣщаетъ: koliko благъ есть,
шoliko дерзновенны суть и слова его.
Какъ можетъ запрещати мнѣ силою,
когда равную съ нимъ имѣю честь. Ибо
при сына отъ матери Реи рождены Кро-
ну: Юпитеръ, я, и третій обладатель
мертвыхъ Аидъ, и на три части все намъ
раздѣлено по жребію и каждый изъ насъ
получилъ равное достоинство; я принялъ
во власть море и всѣ воды, Аидъ цар-
ство темное, Юпитеръ небо, возлукъ
и облаки; земля же и до нынѣ пребы-
ваетъ

ваетъ между нами общая; и для того не помышляю о гнѣвѣ его и не взираю на повелѣнія; да обитаетъ онѣ во своей претѣй части спокойно, силы же его не ушрашатъ меня ни мало. Полезныѣ будеть таковыя прещенія швориши сынамъ и дочерямъ, коихъ довольно имѣешъ; они и по нуждѣ убоишся его.

Такъ рекъ Посидонѣ; богиня же пакы вѣщаетъ къ нему: Сїи ли спрошвыя и досадишельныя слова повелиши мнѣ възвѣстиши предъ Юпитеромъ, или перемѣниши что? Ибо и благихъ мужей мысли перемѣняющся; извѣстно тебѣ, что лютыя мучительницы Еринїи больше усердствуютъ старшимъ сынамъ и дочерямъ.

Колеблющій землю Посидонѣ отвѣщаетъ ей: истинно есть слово швое о богиня, но сердце мое зѣло возмущается, когда зрю, что онѣ брата равнаго себѣ достоимствомъ и судьбою таковыми раздражаетъ словами; но нынѣ воиспину при всемъ гнѣвѣ моемъ уступлю желанію его; ты же внуши и мое прещеніе: когда онѣ мнѣ, премудрой Аѳинской Палладѣ, сильной обладательницѣ царствъ

Ирѣ,

Ирѣ, бысролетающему Ермію и пла-
менному Ифесту не сотворитѣ угожде-
нія, не разрушитѣ града Троянскаго и
не подастѣ крѣпости Аргивскому воин-
ству; да вѣдаетѣ, что непримиримая
злоба произыдетѣ между нами.

Тако рекѣ нисшелѣ въ морскія чер-
тоги оставя воинство Ахейское въ ве-
ликомѣ сокрушеніи. Въ то время Юпи-
терѣ ко Аполлину реклѣ: иди нынѣ воз-
любленный Фивѣ ко храброму Ектору:
опшелѣ уже сотрясающій землю Поси-
донѣ въ божественное море страшася на-
шего гнѣва, но полезнѣе и мнѣ и ему,
что онѣ убѣжалѣ отѣ рукѣ моихѣ. Ты
же воспріими щитѣ мой и вшедѣ въ Ар-
гивскіе полки наведи страхѣ на всѣхѣ
тамо сильныхѣ мужей; Ектора же по-
велѣваю тебѣ сохранять. Пришедѣ убо
къ нему воздвигни силы его, да поже-
нетѣ Ахейнѣ до моря и до кораблей;
тогда положу въ сердцаѣ моемѣ совѣтъ
и пакн Аргивяне пріимутѣ отдохновеніе.

Тако реклѣ и повинулсѣ ему стрѣло-
мещущій Аполлинѣ. Течетѣ отѣ Идей-
скихѣ горѣ подобно ястребу желающему
посстигнути голубя; вскорѣ обрѣнаетѣ

Пріамова сына божественнаго Ектора сѣ-
дѣаго, собирающаго силы и познаваю-
щаго своихъ совоинственниковъ, кои сто-
яли окрестъ его; потъ же и тяжелое ды-
ханіе престали, когда Юпитерово бла-
говоленіе ободрило его; приближася къ
нему вѣщаетъ: возлюбленный Екторъ!
что въ толикой слабости сидишь да-
леко отъ своего воинства? или болѣзнь
какая удручаетъ тебя?

Екторъ отвѣщаетъ ему: кто ты
отъ бессмертныхъ, который вопрошаешь
меня? Или неизвѣстно тебѣ, что пора-
вилъ меня Еантъ великимъ камнемъ въ
перси, когда я при корабляхъ умерщвлялъ
совоинственниковъ его. Тогда уже по-
мышлялъ я, что скоро увижу тѣни
мершвыхъ и царство темнаго ада. Апол-
линь пакн къ нему вѣщаетъ: мужествен-
ный Екторъ! дерзай нынѣ; я пришелъ
Аполлинь, коего Юпитеръ послалъ къ
тебѣ на помощь и повелѣлъ воздвигнути
силы твои. Спасая тебя купно и градъ
сей; иди убо ко воинству твоему и воз-
буди тамо всадниковъ, да потекутъ пря-
мо къ Аргивскимъ кораблямъ; предъ тво-
єю же колесницею я пойду, конямъ тво-
имъ

нмѣ открою путь и ноги ихъ содѣлаю легкими и пушу ужасъ на Данайскихъ Ироевъ.

Такъ вѣщая вдохнуль великую крѣпость мужественному Екшору. Аки стучный конь многое время стоявшій праздно питаяся при яслахъ пшеницею, прервавъ бразды съ радостію печать отъ своихъ стоялъ, желая прохладиться въ рѣкѣ и возвышая главу преристаеми поле, ржаніемъ наполняетъ воздухъ, возбъивается грива, размещается подъ крѣпкими ногами песокъ, уэрбъ же стада коней, мещется всѣми силами къ пастухъ ихъ, и шамо надѣяся на свою крѣпость неистовствуетъ надъ всѣми; шаковъ явился чудный Екшоръ, когда услышалъ гласъ бога и ободряя воинство исходилъ на брань.

Какъ когда ловцы со псами гоняшся за серною, желая постигнути, но оную спасаетъ или темный лѣсъ или высокая каменная гора, во время же вопля ихъ являеши при пушѣ страшный левъ, и тогда вси обращаются къ бѣгству, желая сохранить собственный свой животъ; шако Данайское воинство всегда прежде про-

прогоняло Троянѣ, поражая ихъ мечами и
 копїями, но какъ узрѣли чуднаго Екшо-
 ра приближающагося чрезъ ряды мужей
 устрашились вси, шепетъ обѣялъ всѣхъ
 сердца и сокрушилася крѣпость колѣнъ.
 Еполійскаго же воинства предводитель
 знаменитый силою и совѣтами Феоантъ
 Андремоновъ сынъ возопилъ тогда къ
 совоинственникамъ: о возлюбленные дру-
 ги! воинстину великое чудо зрю нынѣ
 сими очами; како паки восшалъ отъ смер-
 ти страшный челоукоубійца Пріамовъ
 сынъ Екторъ. Вси мы совершенно упо-
 вали, что мужественный Еантъ въ ко-
 нецъ истребилъ его животъ; но се нынѣ
 паки нѣкто отъ боговъ извелъ его крѣп-
 каго и невредимаго на брань. Какъ пре-
 жде онъ зѣло многихъ Аргивянъ крѣпо-
 стїю своею сокрушилъ колѣна, исторглъ
 животъ и низринулъ во Адъ; тако и
 нынѣ непременно мно сему быти: ибо
 не безъ помощи Юпитеровой мещется
 свирѣпствуя тако. Послушайте убо со-
 вѣтовъ моихъ, кои предложу вамъ нынѣ:
 повелимъ воинству нашему обратитися
 къ кораблямъ; знаменитыя же крѣпостїю
 вожди да соберутся вси на мѣсто сіе и
 спа-

станемъ сопротивъ единого и устремляя наши копія изыдемъ на люшаго врага сего; мню, что со всею пламенною яростию не дерзнешъ вниши во множество наше.

Такъ рекъ и повинулися совѣшамъ его: собираютъ избраннѣйшихъ отъ всего воинства Ироевъ; спекаются оповсюду къ Еаншамъ, ко Идоменею, къ Тевкру, къ Миріону, Месею и Ѳданшу, прочее же воинство обратилося къ кораблямъ. Укрѣпляютъ на мѣстѣ Данаискія вытязи и другъ друга ободряютъ Екторова нападенія.

Первые приближающіяся Трояне, Екшоръ же предшествоуетъ пушепроводительствующу Аполлину, кой покрытъ бывъ облакомъ, держалъ предъ Екшоромъ великій, страшный, крѣпкій и непобѣдимый Юпитеровъ щитъ, содѣланный Ифестомъ на обращеніе къ бѣгству сильныхъ мужей. Вскорѣ возносится отъ обоихъ странъ ужасный вопль, летятъ отъ луковъ стрѣлы острыя, мещутся отъ сильныхъ рукъ великія копія, нныя вонзаются въ тѣла и извлекаютъ животовъ, нныя же щещено падаютъ на землѣ.

Доколѣ Аполлинѣ держалъ щитъ въ рукахъ, дошолъ брань была равная и отъ обоихъ воинствъ падалъ народъ; но когда обраотя взоръ на Ахейскихъ всадниковъ испустилъ зѣло страшный гласъ, поколебалъ всѣхъ сердца страхомъ, соприяслъ ужасомъ крѣпкія колѣна, воспрепешали перси, ослабѣли руки и все мужество погибло.

Аки во время темной и бурной ночи два неукротимыя звѣря вшедъ во снадо великое, преристающіе всюду, поражающіе, умерщвляющіе множество овецъ или воловъ, ненасытно терзающіе, и весь возмущается скопъ: равнымъ сему страхомъ Данайскихъ избранныхъ всадниковъ поразилъ сильный Аполлинѣ, и обратилъ къ бѣгству, Ектору же и Троянамъ послалъ великую славу; рассыпается храброе Аргивское воинство отъ сильнаго Троянскаго нападенія, мужъ мужа убиваетъ. Екторъ аки смерть темная мгновенно поглотилъ двухъ мужей: знаменитаго Вюшійскаго вождя Аркесилая и вѣрнѣйшаго Менесеева друга Стихія; ни едино устремленіе копія, ни едино возношеніе меча его не было нищечно, Еней убиваетъ

заетъ Іаса и Медонша: Іасъ былъ Деи-
скаго воинства предводишель сынъ Сфи-
ловъ; Медоншъ же незаконный сынъ бо-
жественнаго Илея, братъ Каншовъ, но
ошлучася отъ своего отечества обиталъ
во градъ Филакъ за умерщвленіе брата
мачихи Ерїопиды. Полидаманшъ низла-
гаетъ Микиста, Полишъ Ехїя, Клонїа
Агиноръ, Діноха пронзаетъ на сквозъ
Паридъ доколъ сіи совлекали отъ тру-
повъ броню и оружіе, шѣмъ временемъ Ахе-
яне рассяся со скоростію переходили рѣвъ
и спасая животъ отъ руки Екшора, бѣ-
гали всюду и укрывались внутрь стѣны.
Екшоръ же постигая бѣгущихъ умерщ-
влялъ безъ пощады; но когда узрѣлъ,
что всѣ сокрылися внутрь стѣны, воз-
вращилъ отъ рва ко своему воинству, и
возопилъ спрашнымъ гласомъ: оставьте
всѣ корысти, бѣгите скоро къ кораблямъ,
несите огонь и послѣдуйте за мною; но
ежели кого узрю стоящаго далеко отъ
кораблей праздно, не взирая ни на что
повергну мертваго на томъ же мѣстѣ,
ниже братія или сестры возложатъ его
на срубъ для сожженія, но псы терзая
трупъ его повлекушъ предъ градомъ на-
шимъ.

шимъ. Тако вопія погналъ коней своихъ и обшекая ряды ободрялъ всѣхъ. Изливаются Троянскіе вишязи на колесницахъ съ великимъ воплемъ и пламеннымъ сердцемъ. Аполлинъ же предшествуя имъ низринулъ ногами край поля въ ровъ и шѣмъ сотворилъ удобный и пространный путь. Коликое расстояние копія, когда мещетъ его мужъ, испытавъ силы свои, толикая широта была пути, по которому переходило Троянское воинство. По семъ пришедъ ко швердынѣ опровергъ оную безъ всякаго труда. Аки малыя дѣти играя при морѣ возмешаютъ руками и ногами песокъ на воздухъ; шако ты, о Аполлинъ! въ ни что обратишь великій трудъ Ахейнъ, поборствуя Троянамъ.

Въ то время Аргивяне аки заключены пребывали въ великомъ страхѣ при корабляхъ своихъ, ободряя другъ друга и воздѣвая руки со усердіемъ молилися богамъ, паче же всѣхъ премудрый стражъ Ахейскій Несторъ простеръ на небо руки молился шако: о ошче Юпитеръ! ежели кто когда во плодоносной Аргивской странѣ принесъ тебѣ въ жертву шучныя воловъ или овецъ бедра, желая возвра-

возвратиши отъ сѣхъ страны, ты же
объщай и благоволи; вспомни о
сихъ о всесильный отче и отврати отъ
насъ вредоносный день сей и не даждь
такъ погибнуши Ахейцамъ отъ руки
Троянскія.

Такъ молящуся возгремѣвъ страшно
отъ высоты небесныя премудрый Юпи-
теръ услышавъ моленія его. Трояне же
гласъ грома сего принимая во благое себѣ
предзнаменованіе паче ринулися на Ахейцъ
и содѣлали нестерпимую брань. Аки во-
да морская возносимая бурнымъ вѣтромъ
преходитъ стѣны корабля; такъ Трояне
съ великимъ воплемъ переходили стѣну
и устремляясь на колесницахъ, ненасытно
сражались при корабляхъ.

Патрокъ же во время сраженія сего
сидѣвъ въ сѣни при уязвленномъ Еври-
пилѣ утѣшая его разлагольствіями и
посыпая траву на рану; но когда услы-
шалъ, что уже Трояне обрѣтаются при
корабляхъ и Аргивяне вси въ великомъ
страхѣ и изнеможеніи, востеналъ и про-
ливая слезы вѣщаетъ: любезный Еври-
пилъ! не могу съ тобою больше медля-
ти, хоша и вижу, что великая тебѣ во

миѣ есть нужда; ибо слышу, что великій воздвизается мяшежъ, но да будешь при тебѣ не ослучно слуга, я же поспѣшаю ко Ахиллу и пощуся возбудить его на брань. Кто знаетъ, можетъ быть и подвигну съ богомъ душу его моими совѣтами; дружескіе же совѣты много дѣйствуютъ.

Тако вѣщая отходитъ. Трояне же хотя и крѣпкое дѣлали нападеніе противъ Ахейанъ, но ошѣ кораблей прогнати не могли. Аки шетива напряженная руками мужа древодѣльца знающаго всю премудрость Аѣины, показываетъ ему прямую стезю на древѣ при созиданіи корабля: тако тогда брань была ошѣ обоехъ странъ равная.

Екшоръ познавъ Еанту стоящаго на кораблѣ мещеся пламеннымъ сердцемъ прерывая ряды мужей, но согнать его съ корабля не можетъ, такожде и Еантъ при всей своей крѣпости и со многими союзнистами бессиленъ есть прогнати Екшора; ибо привелъ его богъ. Тогда Еантъ узрѣвъ Калитора Климева сына несущаго огонь, дабы корабль зажечь, поразилъ вѣ перси копіемъ; падетъ мертвъ

со звукомъ оружiя. Екторъ видя сiе возопилъ къ воинству: любезные други! стойте, крѣпитесь, храните Калишора да не совлекутъ оружiя его ненасытныя Ахеянсѣ.

Тако вѣщая мечетъ копiе на Еанша, но сей уклоняся избѣгль смерти, вѣсто же его пронзилъ главу Ликофрона Масшорова сына сшоявшаго близъ Еанша; падетъ мужъ сильный отъ кораблей на песокъ, разрушающа, члены крѣпкіе, душа же нисходитъ во мрачныя обиталища.

Еантъ видя поверженнаго мертвѣ друга своего, устращилсѣ сердцемъ и со шрепешомъ ко брату вѣщаетъ: возлюбленный Тевкръ! убитъ уже вѣрнѣйшій другъ нашъ Ликофронъ, коего мы въ домъ нашемъ почитали равно какъ и дражайшихъ нашихъ родителей; люшая рука челоукоубицы Ектора сразила его; гдѣ твои смертоносныя стрѣлы? гдѣ лукъ данный тебѣ отъ Аполлина?

Тевкръ услышавъ сiе пришеклъ и сталъ близъ его съ лукомъ и шуломъ наполненнымъ стрѣлами: вскорѣ пускаетъ горькую стрѣлу и поражаетъ оною Полида-

маншова друга и возницу сына Писинорова Клиша держащаго бразды въ рукахъ и направляющаго стремленіе коней, гдѣ вѣдущій мятежъ брани происходилъ во убоженіе Троянамъ и Ектору. Но се нежданно сбѣгаетъ его смерть, коея никто не ожидалъ: ибо создаи его смертоносная стрѣла вонзается въ выю; падаетъ на землю мертвъ и кони влекутъ праздную колесницу. Полидаманъ познавъ коней своихъ воздержалъ бѣгство ихъ и повелѣлъ стрѣли Астиною сыну Протаонову, самъ же паки обратился на брань. Тевкръ паки пускаетъ вторую стрѣлу на божественнаго Ектора, и воистинну смирилъ бы неистовствующаго врага сего; но премудрый Юпитеръ неушомимый стражъ Ектора познавъ сіе; Теламонова сына Тевкра лишилъ славы: ибо напрягающе ему лукъ, прервалъ тетиву; стрѣла полетѣла въ неизвѣстное мѣсто, лукъ же ниспалъ изъ рукъ на землю.

Тевкръ устрашася таковымъ приключеніемъ вѣщаетъ ко брату: возлюбленный Еантъ! воистинну зрю, что совершенно уже пресѣкаетъ Богъ союзъ и намъ-

намѣренія брани нашей : се исторглабъ онѣ изъ руки моея лукъ, и прервалъ тепиву, кошорую я новую сего утра привязалъ.

Еантъ на сіе отвѣщаетъ ему : любезный братъ ! остави лукъ швой со стрѣлами лежати впуне ; ибо сокрушилъ оныя богъ завидуя Данаямъ. Нынѣ же восприявъ копіе и возложивъ на рамена щитъ, потщися сражати со Троянами и возбуждай прочихъ народовъ, да не безъ труда явимся побѣжденные.

Вскорѣ по семъ Тевкръ отходитъ во свою сѣнь и шамо повергнувъ лукъ, возлагаетъ на рамена щитъ, на главу шлемъ, въ руки приемлетъ копіе крѣпкое, исходитъ на брань и соединяется со Еантомъ.

Екторъ познавъ, что лукъ Тевкровъ сокрушился, великимъ гласомъ возопилъ ободряя свое воинство : храбрые Трояне и вы знаменитые Ликійскіе всадники ! мужайтесь любезные други, вспомните о вашей славной храбрости, помните о корабляхъ Ахейскихъ : ибо сими очами видѣлъ я, что пресловутаго стрѣльца сокрушился лукъ ; удобно же

познаваешь Юпитерово могущество, по-
даетъ ли онъ кому славу и побѣду, или
умалляетъ кому силы и отвращаетъ свою
помощь, какъ и нынѣ явно сокрушаетъ
Аргивянъ крѣпость, намъ же посылаетъ
свою помощь. Подвизайтесь неослабно!
сражайтесь бесстрашно! Хотя и будетъ
кто изъ насъ убитъ, да не устраша-
ется; умремъ: ибо защищающему оше-
чество похвально есть умереть; когда
же Ахейнъ побѣдимъ и прогонимъ отъ сея
страны во отечество ихъ, тогда жены
и чада наши останутся здравы, домъ и
все имѣніе наше пребудетъ невредимо.

Такъ вѣщая возбудилъ всѣхъ сердца;
отъ противныя же страны Еланъ увѣ-
щевалъ свое воинство: стыдъ намъ Ар-
гивяне! нынѣ приближилось время или
умрети или счасится и отвратиши яв-
ную пагубу отъ кораблей нашихъ. Или
вы уповаете принеи въши во свое оше-
чество, когда Екшоръ погубитъ корабли
наши? Или не слышите, како онъ свое
воинство ободряетъ? Уже готовъ есть
защести корабли сіи. Намъ же нѣтъ луч-
шаго совѣта и другія надежды, какъ
сошедшимся сражаться, а не издалека;
да

да или единожды умремъ или останемся живы, нежели шакъ долго по малу истребляшися при корабляхъ.

Въ самое сие время Екторъ поглотилъ Фокійскаго вождя Перимидеева сына Схедія, Еантъ же поразилъ Антинорова сына Лаодаманта; Полидамантъ сокрушилъ крѣпость Ота Килликійскаго вождя славныхъ Епеянъ. Мегей узрѣвъ надшаго своего совоинспвенника метнемъ копѣ на Полидаманта, но сей уклонился, вмѣсто же его поразилъ Кресма, съ котораго когда хотѣлъ совлещи оружіе, притеклъ Долопъ сынъ Ламповъ и устремивъ на него копѣ отгналъ токмо опѣ трупа, но не убилъ: ибо Мегей получилъ спасеніе отъ щита, который данъ былъ отцу его Филею Ефирскимъ царемъ Евфисомъ во знакъ дружды и угощенія. Мегей паки ударяетъ копѣмъ во главу Кимваха, но токмо шлемъ низвергъ на землю вреда же никакого содѣлати не могъ. Дѣколъ Кимвахъ гонимъ Мегея, тѣмъ временемъ пришедъ на помощь Менелай и укрываясь во множествѣ тайно поражаетъ Кимваха во хребетъ, острѣ копія пронзаетъ перси; падетъ знаменнѣ

шый мужъ на землю мершвъ; Мегей и
 Менелай текутъ совлекаши броню его,
 но Екторъ узрѣвъ сіе спрaшно возопилъ
 и отгналъ ихъ, обратясь же ко своимъ
 военачальникамъ со гнѣвомъ поноситъ и
 во первыхъ Меланиппа сына Икетеамова,
 кой прежде паслъ великія стада въ Пер-
 кошѣ; но какъ пришли корабли Данай-
 скіе, пакы возвратился во Трою и мно-
 гихъ превосходилъ крѣпостію, обиталъ
 въ домъ Пріамовомъ, который почиалъ
 его равно какъ и сыновъ своихъ, къ нему
 Екторъ со гнѣвомъ вѣщаетъ: тако ли о
 Меланиппѣ оставимъ любезнаго нашего
 родсшвенника лежати на поруганіе предъ
 Ахейцами? или сердце твое бесчувствен-
 но есть? Но послѣдуй мнѣ, ибо не то
 нынѣ время, чтобъ издали брань швори-
 ти; внидемъ внутрь полковъ Данайскихъ,
 да или убьемъ враговъ нашихъ, или по-
 гибеетъ градъ нашъ со всѣми обитаю-
 щими въ немъ: тако вѣщая мещется
 внутрь полковъ Ахейскихъ и за нимъ по-
 слѣдуетъ Меланиппъ.

Еантъ же Теламоновъ сынъ Аргивянь
 увѣщевалъ тако: о любезные други! му-
 жайшеся и положите въ сердцахъ ва-
 шихъ

шихъ стыдѣ; ибо стыдящіяся мужи больше цѣлы бывають, нерадивыхъ же и бѣгущихъ виновъ постигнешъ слабость и поношеніе.

Такъ вѣщая возбудилъ всѣхъ къ вѣщей храбрости, положили въ сердцахъ слово реченное имъ и оградили корабли свои щипами аки мѣдною стѣною; всесильный же отецъ боговъ Юпитеръ укрѣпляетъ Троянское воинство.

Въ это время Менелай пришедъ къ Антилоху вѣщаетъ ободряя его: возлюбленный Антилохъ! ты младостию лѣтъ, быстротою ногъ и крѣпостию силъ превосходиши всѣхъ Ахейнъ, но что стоиши праздно и никого не поражаешь. Едва рекъ сіе Менелай, Антилохъ исходитъ изъ рядовъ своихъ и мететъ копіе, Трояне ошшупають, устремленіе же копія не тщетно было, но остріе его поразило Икешаонова сына Меланиппа въ ребро; падетъ мужъ сильный и возгремѣло оружіе на немъ. Антилохъ идетъ совлеци броню но Екторъ узрѣвъ его шечетъ на срѣшеніе; распоргая ряды, Антилохъ шибится спасти животъ скоростию ногъ подобно звѣрю, кой вшедъ во стадо расшарвалъ вса или пасшука.

Въ то время Трояне аки свирѣпыѣ
 львы ринулися ко Ахейскимъ кораблямъ;
 ибо тако совершались повелѣнія Юпи-
 тера, кой всегда укрѣплялъ силы Тро-
 янъ, отъ Ахейцъ же отымалъ славу и
 надежду, желая превознести Пріамова
 сына божественнаго Ектора и исполни-
 ти прошеніе возлюбленныхъ морскія бо-
 гини Фетиды, дабы видѣти прежде го-
 рящій корабль Ахейскій, попомъ обра-
 тивъ къ бѣгству Троянъ послалъ на ко-
 нецъ Данаямъ славу. Тако всесильный
 Юпитеръ совѣщая во своемъ сердцѣ,
 возбудилъ вѣще страшнаго Ектора.
 Аки ненасытный челоуѣкоубійца Арей не-
 истовствуя въ полкахъ, пожираетъ мно-
 жество народа или аки неупомимый
 огонь въ густыхъ лѣсахъ свирѣпствуетъ
 надъ высокими древами; таковъ тогда
 вримъ былъ чудный Екторъ посредъ да-
 найскихъ полковъ. Уста его покрыты
 пѣною; дыханіе тяжкое, скрежетъ зубовъ
 аки зубовъ львовыхъ, очи его подъ страшны-
 ми бровями сверкаютъ аки пламень, шлемъ
 на главѣ мещущагося колеблется съ у-
 жаснымъ звукомъ. Тако сильный съ не-
 беси помощникъ Юпитеръ хотѣлъ его про-
 сла-

славиши и вознесши единого паче всѣхъ;
 ибо краткая оставалась жизнь его, и
 уже Паллада Аѳинская готовила предѣлы
 дней его положить подъ руками Пилеева
 сына Ахилла. Хотѣлъ сокрушити ряды
 мужей, мещется гдѣ зрѣтъ множайшихъ
 враговъ и сильнѣйшее оружіе, но при
 всемъ пламенномъ желаніи не могъ прер-
 вати силы Ахейскія: ибо они стояли
 аки швердая стражница или аки высо-
 кій и великій близъ моря камень, ко-
 тораго сильныя усилія бурныхъ вѣ-
 тровъ и множество возносимыхъ сопро-
 тивъ его водъ поколебати не могутъ.
 Блистая аки огнемъ крѣпкою броней,
 мещется на всѣ Данайскіе ряды, паче
 же гдѣ зрѣтъ крѣпчайшіе. Аки вода
 бурнымъ вѣтромъ возносима кипитъ отъ
 самаго дна и разливаясь всюду бѣетъ
 корабль свирѣпыми волнами, вѣтръ въ
 парусъ ударяя реветъ нестерпимо, пло-
 вущіи же въ немъ шрепещутъ бѣдствен-
 но душами; ибо зрѣтъ уже приближаю-
 щуюся смерть: тако Екторъ неистов-
 ствовалъ посреда множества крѣпкихъ
 воиновъ, тако Данайскія сердца разди-
 рались отъ страха ярости его.

Аки

Аки левъ пришедъ къ великому во-
ловъ стаду пасущемуся на тучныхъ
лугахъ при озерѣ, терзаетъ и пожира-
етъ, пасухъ же бѣжитъ на другую
страну и все стадо рассѣвается; тако
рассѣялися всѣ Ахейне отъ лица Екшо-
ра, кой въ то время убилъ знаменитаго
Микинскаго мужа Перифиша. Сей былъ
сынъ Копрея одаренъ всякаго рода до-
бродѣтелями, храбростію, силами и разу-
момъ, но тогда смертію своею содѣлалъ
славу Ектору: ибо во время бѣгства ихъ
запушавшися въ щитъ палъ на землю;
Екторъ гоня всѣхъ, когда узрѣлъ его, при-
текълъ и вонзилъ въ перси копіе и ин-
ныхъ многихъ совоинственниковъ окрестъ
его повергълъ мертвыхъ: ибо ни другу
составити помощи, ниже своего живота
могли спасти отъ руки челоукоубійцы
сего, кой съ воинствомъ своимъ прибли-
жался уже къ кораблямъ. Аргивяне у-
страшася текутъ отъ кораблей къ ку-
щамъ и тамо отъ брани не дерзають и-
зыти ниже рассѣялися: ибо запрещалъ
стыдъ и страхъ, но токмо другъ друга
ободряють.

Тогда

Тогда премудрый стражъ Ахейскій Несторъ видя наступающія бѣды обещая всѣхъ молилъ тако: любезные друзья! мужайшеся, ободрите духъ вашъ, помыслите, коликій будете намъ стыдъ отъ всѣхъ людей, вспомните вашихъ родителей, чадъ, женъ, дома и все смяженіе, защищайшеся крѣпко и не обращайтесь толь къ поносному бѣгству.

Такъ вѣщая возбудилъ всѣхъ сердца къ мужеству. Аѳинская же Паллада прогнала чудно отъ всѣхъ очей облакъ тьмы и содѣлала великій свѣтъ какъ отъ страны брани, такъ и отъ страны кораблей: вскорѣ познали Екшора, увидѣли своихъ совоинственниковъ, кои праздно въ страхъ стояли и кои сражались при корабляхъ. Мужественный Еантъ не терпитъ пребывать совокупно со прочими Ахейцами, но бѣгалъ по кораблямъ имѣя въ рукахъ древо дванадцати дву лактей деревянными гвоздьми сплоченное. Аки мужъ совершенно знающій управлять коньми имѣя при себѣ четырехъ, со стремленіемъ шепчетъ съ поля по общенародному пути къ великому граду и многія на него зрѣтъ мужи и жены; онъ же
при

при всей быстротѣ безопасно съ единаго на другаго прескакиваетъ: тако Еантъ обшечатъ корабли и вознося великій гласъ увѣщевалъ Ахейцы защищать корабли и кущь; Екторъ же всюду ристая искалъ, дабы кого пожраши. Аки знаменитѣйшій паче всѣхъ птицъ черный орелъ нападетъ на пасущееся при рѣкѣ стадо гусей или лебедей; тако Екторъ поражая всѣхъ ему сръшающихся летѣлъ къ кораблямъ: ибо сильная Юпишова рука побуждала его и все Троянское воинство.

Паки воспламенилася брань лютая при корабляхъ. Тогда всякъ узрѣвшій помыслилъ бы, что неупомимые и неукротимые сражаются воины. Ахейцы брань творили не имѣя надежды спастися, но мыслили что погибнуть вси; Троянскія же сердца уподая сожеши корабли и умертвити всѣхъ Ахейцы. Тако въ себѣ помышляя влѣще подвизались. Въ то время Екторъ низлагая ряды мужей Ахейскихъ мещется къ прекрасному кораблю, который принесъ во Трою. Прогрѣсшая, но не возвратилъ паки во отечественную землю. Многіе окрестъ его падають мертвы, другъ друга умерщвляютъ безъ пощады.

дѣнїа. Уже не издали брань ниворящѣ, ниже мещутѣ стрѣлы, но сѣкирами, бердышами, мечами и копїями аки связаны другѣ друга убивающѣ, многіе мечи лежатѣ повержены опѣ мертвыхъ рукѣ; потекла уже земля кровїю. Вкшорѣ единою рукою хвѣтаешя за кормило, другою же за бокѣ корабля того; держишѣ крѣпко и не отпускаетѣ, но вопїешѣ ко Троянамѣ: несите скоро огонь, собирайтесе, шеките ко мнѣ, воздвигните гласѣ великїй; нынѣ намѣ Юпитерѣ посылаешѣ благопоспѣшный день, сожещи корабли, кои проширѣ желанїа боговѣ пришли во страну вашу и содѣлали намѣ великїй вредѣ ошѣ нерадѣнїа старцовѣ, кои до нынѣ возбраняли мнѣ приближатися къ кораблямѣ и всему воинству запрещали; но ежели тогда всесильный Юпитерѣ соврапилѣ сердца наши, нынѣ возбуждаешѣ и повелѣваетѣ.

Тако вопїалѣ; Трояне же мещутся на Ахейнѣ. Еаншѣ уже не можешѣ больше пребывать на брани; ибо обременяемѣ былѣ множествомѣ стрѣлѣ, оставляешѣ корабли и отходитѣ не далеко ожидая смерти; стоишѣ взирая на брань

и воспящая копѣмъ всякому, кто несѣтъ
огонь и вопія ко Ахейнамъ ободрялъ ихъ
такъ: о возлюбленные Данайскіе Ирои,
слуги Аревы! мужайшеся, не забудьте
вашей храбрости. Или мните, что еще
остались намъ помощники? или тверды-
ня, которая защищала насъ, пребываетъ
не разрушенна? Не имѣемъ мы здѣ ни
града, въ коемъ укрытися, ни народа
благоприятствующаго намъ, но провож-
даемъ жизнь далеко отъ нашего отече-
ства на Троянскомъ полѣ окружены мо-
ремъ и врагами; сего ради въ рукахъ
только спасеніе наше, а не въ кротости.
Такъ вѣщая прогонялъ копѣмъ всѣхъ не-
сущихъ огонь и двенадцать тогда по-
верглъ мертвыхъ Троянъ.

ОМИРОВОЙ ИЛІАДЫ

ПѢСНИ ШЕСТОЙНАДЕСЯТЬ

с о д е р ж а н і е.

Патроклъ пришедъ къ Ахиллу объявляетъ ему отчаянное состояніе Ахейскаго воинства; желпросивъ же дозволеніе одѣться въ всеа его воинской снарядо изводитъ Мирмидонлянъ на сраженіе, когдѣ вскорѣ обращаютъ Троянъ къ лѣвѣ. Патроклъ убиваетъ Юлитерова сына Сарлидона, кой убилъ Ахиллова коня Пидаса въ колесницу запряженнаго. Наконецъ Патроклъ умираетъ отъ руки Вхлара.

ПѢСНЬ XVI.

П И.

†
Ако Трояне со Ахейцами сражались при кораблѣ Протисилаевомъ. Во время же сіе Патроклъ предсталъ паштырю народовъ Ахиллу наливая горяча

чїя слезы аки источникъ темныя воды текущїи оубо высокія горы. Воззрѣвъ же на него божественный Ахиллѣ поколебался духомъ и призвавъ его вѣщающа: что плачещи Патроклѣ аки малое дншя, которое бѣжа за матерію просишъ, дабы восприяла его на руки и прилѣпясь ко одеждѣ удерживающъ спѣшащую и взираетъ на нее со слезами? повѣдай мнѣ Патроклѣ! Мирмидонянамъ ли зло какое приключилось или мнѣ самому, или чиню изъ Фтїи слышалъ ты единъ? скажутъ, что живъ еще Менипей сынъ Актора, живъ и Пилей Еаконъ сынъ снъ Мирмидонянами; о коихъ смерти праведно есть обоимъ намъ сокрушающа. Или ты плачещи о Аргивянахъ, что погибаютъ за свою не правду? повѣдай и не сокрой во швоемъ сердцѣ.

Всадникъ Патроклѣ тяжело вздыхая отвѣщалъ ему: о прехрабрѣйшїй паче всѣхъ Данаевъ Ахиллѣ Пилесевъ сынъ! да не прогнѣваеши на печаль мою: ибо шоликая болѣзнь и всѣхъ Акеянъ постигла; вси уже, кои прежде были лучшіе, нынѣ лежатъ въ корабляхъ уязвлены и посѣчены. Уязвленъ Гидесевъ сынъ крѣпкій

кій Момидъ, уязвленъ знаменитый ко-
 пѣмъ Одиссеи и предсловущий Царь Ага-
 мемнонъ, уязвленъ такожде и Еврипилъ
 въ бедру копѣмъ; искусные же врачи
 трудятся около ихъ исцѣляя раны; ты
 же Ахиллъ неумолимъ пребываеши. Да
 не увидѣшь убо въ мое сердце никогда
 шодикій гнѣвъ, колѣкій цы храниши.
 Кто послѣ рожденный получишь отъ те-
 бя помощь, когда нынѣ не отвращаеши
 пагубы отъ Аргивянъ? о жестокосердый!
 не Пилей отецъ твой, ниже Фетида ма-
 терь твоя, но синее море и каменные
 высокія горы родили тебя: ибо сердце
 твое жестоко есть. Но ежели избѣгаеши
 какого пророчества, или священная ма-
 терь твоя повѣдала что отъ Юпитера,
 меня пошли скоро и дай мнѣ воинство
 Мирмидонское; можетъ быть, что я и во-
 свѣтъ буду Данаямъ, дай мнѣ обещися
 во твое оружіе, да Трояне уподобляя
 меня тебѣ воздержатся отъ брани, со-
 крушенные же сыны Ахейскіе примутъ
 ошдохновеніе; во брани же ошдохновеніе
 есть малое. И тогда новое воинство о-
 слабѣвшихъ отъ вопля мужей удобно воз-
 можетъ прогнаши отъ кораблей и кушъ
 ко граду.

Тако вѣщая молиаь его зѣло несмы-
сленный; ибо воисшину просилъ самому
себѣ смерти; Ахилла болѣзнуя сердцемъ
отвѣщаетъ ему:

О рожденный Юпитеромъ Панроклъ!
что ты мнѣ реклъ? Не имѣю я попече-
нія ни о божескомъ предвѣщаніи мнѣ свѣ-
домъ, ниже о томъ, что возвѣстала
мнѣ почтенная машерь, въ жестокая бо-
лѣзнь сердце и духъ снѣдаешь, когда
уже мужъ равнаго себѣ восхотѣлъ лиши-
ти части и отвѣсти награжденіе, кой
превосходитъ могуществомъ. Тяжка мнѣ
есть болѣзнь сія, ибо понеслъ я скорби
въ сердце моему. Дѣвицу, которую сы-
ны Ахейскіе избрали мнѣ въ награжде-
ніе, приобрѣлъ я копьемъ моимъ, опровер-
гнувъ крѣпкій градъ; сію паки отъ рукъ
моихъ исторглъ Царь Агамемнонъ, аки
на нѣкоего бесчестнаго изгнанника нападъ.
Но что прежде содѣлано оставимъ: ибо
не подобало бы беспрестанно гнѣвашися
сердцемъ; но я реклъ, что не прежде о-
сташаю гнѣвъ мой, доколѣ къ кораблямъ
моимъ придетъ вопль и брань. Ты же
облекися во знаменитую броню мою и
будь вождь храбрыхъ во брани Мирми-
донъ.

донянамъ: ибо темный облакъ Троянъ
 сильно обшекаетъ корабли; Аргивяне же
 на брегъ моря аки заключены пребыва-
 ютъ имѣя малую часть мѣста; Троян-
 скій же градъ весь ишелъ со дерзновені-
 емъ: ибо не видятъ чела блеснящаго
 моего шлема. Вскорѣ бы бѣжа наполни-
 ли рѣки трупами, когдабъ Царь Ага-
 мемнонъ предо мною зналъ кротость,
 нынѣ же брань творятъ окреснѣ воин-
 ства: ибо не свирѣпствуетъ конѣ въ ру-
 кахъ Тидеева сына Діомиды ко отворачи-
 нію смерти отъ Данаевъ, ниже слышатъ
 гласа отъ вредоносныхъ главы Аспреева
 сына увѣщающаго, но гласъ челоуѣко-
 убійцы Ектора ободряющаго Троянъ всю-
 ду возносится, они воплемъ цѣлое поле
 одержатъ побѣждая бранію Ахейнъ. Но
 ты Патроклъ щеки храбро ко отворачи-
 нію пагубы отъ кораблей, да не горѣ-
 щимъ огнемъ пожгутъ ихъ и наше воз-
 вращеніе отымутъ. Повинися какъ я
 тебѣ конецъ рѣчи положу въ сердцѣ, да
 принесеши мнѣ великую честь и славу
 у всѣхъ Данаевъ, и тогда возвратятъ мнѣ
 прекрасную дѣвицу и воздадутъ велико-
 лѣпные дары. Когда же прогониши отъ

кораблей, возвратися; но ежели паки
гибнливый мужъ Иры дастъ тебѣ во-
сприяти славу, не желай безъ меня ра-
товати со храбрыми Троянами: ибо тѣмъ
содѣлаши мнѣ бесчестіе; радуясь же
побѣдою и убивствомъ Троянъ да не при-
ведешь воинства твоего ко граду; да
не кто отъ боговъ снидетъ къ нимъ на
помощь; любивъ же ихъ зѣло стрѣлome-
щій Аполлонъ; но когда содѣлаеши
спасеніе кораблямъ, обрати ко мнѣ
вспянь, прочихъ же остави брань твори-
ти на полѣ. Отце Юпитеръ, Аѳина и
Аполлонъ! о дабы никто отъ Троянъ
купно и Аргивянъ, koliko ихъ обращае-
тъ, не избѣжалъ смерти, шокмо да спа-
семся мы едины и разрушимъ священныя
Троянскія сѣны.

Такъ сѣи между собою разлагольство-
вали. Еаншъ же больше не пребывалъ
во брани, ибо поражаемъ былъ множе-
ствомъ стрѣлъ; смирялъ же его Юпи-
теръ и знаменишыя Трояне мещущіе ко-
пья и стрѣлы. Великое бряцаніе исхо-
дило отъ блистающаго шлема его не-
престанно ударяемаго; изнемогалъ лѣ-
вымъ рамомъ держа всегда на немъ щитъ;

но съ мѣста прогнати не могли; съ великимъ трудомъ собиралъ шажкое дыханіе; великій потъ испекалъ отъ всѣхъ членовъ его; не могъ обрѣсти ниже малаго отдохновенія; отовсюду зло на злѣ утверждалось.

Нынѣ вы обитающіе въ Олимпійскихъ селеніяхъ Мусы повѣдайте мнѣ, како первый огонь палъ на Ахейскіе корабли.

Екѣторъ приближася ко Еанту сталъ близъ копія его, ударяетъ въ оное мечемъ великимъ и разсѣкаетъ на полы; остріе мѣдное копія падетъ на землю со звукомъ. Еантъ сынъ Теламоновъ устремляетъ едино древо всюду, но устремляетъ безъ успѣха; познаетъ сердцемъ дѣла боговъ и устращается, что мещущій грома отъ высоты небесныя Юпитеръ совѣты брани разрушаетъ совершенно, ниспосылая побѣду Троянамъ; вскорѣ по семъ исходитъ отъ брани, Трояне же мещутъ огонь въ корабль; разливается пламень и окружается онымъ кормило.

Ахиллъ урѣвъ пламень бьетъ себя по бедрамъ и вѣщаетъ ко Патроклу:

восшави храбрый всадникъ Патроклъ! уже зрю спремленіе влодѣйскаго огня при корабляхъ Данайскихъ; скоро облекися во броню, я же соберу воинство мое.

Тако рекъ; Патроклъ же началъ вооружашися во блестящую мѣдь: во первыхъ обувается въ сапоги крѣпкіе съ серебряными пришками; по томъ возлагаетъ на перси сіяющія латы, мужественнаго Ахилла; на раменахъ повѣсилъ мѣдный мечъ серебряными гвоздьми украшенный; по семъ восприимлетъ щитъ крѣпкій и великій; на мужественную главу полагаетъ шлемъ твердый украшенъ конскими власами, верхъ же онаго страшно колебался; напоследокъ приемлетъ копѣя крѣпкія, кои были способны рукамъ его, токмо не взялъ Ахиллова великаго и тяжелаго копѣя, которымъ никшо отъ Ахейнъ управляши не могъ, но единъ Ахиллъ зналъ оное сопрясаши: копѣе сіе было буковое и называлось Пиллада, ссѣченное Хирономъ на горѣ Пилѣ и данное отцу Ахиллову, да будетъ во смерть славимъ Ироямъ; коней же повелѣлъ угошавши Автомедонту, коего первымъ

первымъ почишалъ по храбромъ Ахиллѣ: ибо вѣрнѣйшій былъ наблюдашель всѣхъ его во брани повелѣній. Вскорѣ Авшомедонѣ привелъ коней Ксанѣа и Валіа, кои скоростію подобны были вѣтрамъ и конихъ Арпіа отъ вѣтра Зефира родила на лугу при водахъ Океановыхъ; на предѣ же припрягаетъ третьяго коня Пидаса, коего Ахиллѣ взялъ при плѣненіи града Іетіона; сей бывъ смертный, но шечетъ со бессмертными конями.

Ахиллѣ пришедъ къ Мирмидонянамъ и обшекая кущи вооружаетъ всѣхъ. Аки гладные волки свирѣпствуютъ сердцемъ, поймавъ же великаго еленя перзаютъ его съ несказанною жадностію и у всѣхъ челюсти наполнены кровію, насытивъ же идутъ стадами ко источнику и тамо пия воду изрыгаютъ убійства кровь, духъ же въ персяхъ неустрашимъ есть; ибо стѣсняется чрево: таковы шекли Мирмидонскіе вожди и князи со Ахилловымъ другомъ Патрокомъ, между ими же стоялъ Ахиллѣ понуждая коней и мужей щипшоносцовъ.

Пятьдесятъ было кораблей, съ конями Ахиллѣ пришелъ во Трою, и въ каждомъ

было по пятидесяти мужей, Дять надъ
оными, постановилъ вождей, самъ же надъ
всѣми владычествовалъ.

Первый вождь былъ Менесей сынъ
богоотекущія рѣки Сперхія, коего родила
Пилеева прекрасная дочь Полидора, же-
на смертная возлегши съ богомъ; но по-
слѣ прозывалася Вора по имени сына Пе-
рѣирова, который явно подалъ оную въ
жену давъ безчисленные дары.

Вторымъ вождемъ былъ мужествен-
ный воинственникъ Евдоръ, коего родила
искусная пѣвица Филантова дочь По-
димила. Сію крѣпкій Аргоубійца Ермій
узрѣвъ поющую въ собраніи дѣвицъ зла-
шолучныя и мятежныя Артемиды, воз-
любилъ; вскорѣ убо вшедъ къ ней въ
ложницу совокупился шайною любовію и
далъ ей знаменитаго онаго сына Евдора
скорого въ бѣганіи и храбраго во брани.
Когда же трудящаяся при рожденіяхъ
Илиѳа произвела его на свѣтъ и онъ
узрѣлъ солнечное сіяніе, тогда муже-
ственный Ехеклей сынъ Акторовъ давъ
неисчетные дары взялъ Полимилу во свой
домъ; Евдора же сына ея воспиталъ
престарѣлый Филантъ любя его акиссо-
его, сущаго сына.

Треть-

Третьимъ вождемъ былъ воинствен-
ный Писандръ, сынъ Мемаловъ, который
по Патроклъ превосходилъ всѣхъ Мирми-
донянъ копьемъ.

Четвертымъ вождемъ былъ престар-
бый всадникъ Финиксъ.

Пятый вождь молодой Алкимедонтъ
сынъ Лаеркеевъ.

Ахиллъ благоучредя все воинство свое
съ вождями заповѣдаетъ имъ тако: Мир-
мидоняне! да никто отъ васъ не забу-
детъ угроженій тѣхъ, которыми вы пре-
бывая въ корабляхъ свирѣпствовали со-
противъ Троянъ во все время моего гнѣва,
и меня вы вси обвиняли тако: жестоко-
сердый сынъ Пилеевъ! гнѣвомъ воспита-
ла тебя матерь твоя; неумолимый! по-
что принужденно держиши совоинствен-
никовъ твоихъ при корабляхъ? возвра-
тшимся паки въ дома наши, когда тако
гнѣвъ обладаетъ сердцемъ твоимъ. Се
вы собираясь ко мнѣ часто вѣщали; нынѣ
открылося сраженіа великое дѣло, кое
прежде желали; нынѣ имѣйте мужествен-
ное сердце во брани сопротивъ Троянъ.

Тако вѣщая возбудилъ дерзновение во
всѣхъ сердцахъ; вѣщше стѣсняются ряды
услы-

услышавъ гласъ царевъ. Аки человекъ
созидающій домъ шипится содблши стѣ-
ны крѣпкія и полагаетъ камни koliko
можно плотно, дабы укрытиса отъ на-
паденія вѣтровъ; тако совокупно стояли
ряды Мирмидонскіе. Шипѣ восклоняет-
ся на шипѣ; мужъ на мужа; сѣдиняются
красящіися конскими власами шлемы и
страшно колеблются на главахъ Мирми-
донскихъ.

Пафроклъ и Автомедонтъ имѣя еди-
но сердце прежде всѣхъ Мирмидонянъ во-
оружались ко брани. Ахиллъ же въ то
время пришедъ во свою сѣнь отверзаетъ
хитросодбланный ковчегъ, который ма-
шеръ его Фенида положила ему въ ко-
рабль на пущь наполня его разными о-
деждами и коврами; тамо хранилася ча-
на, отъ коея никто изъ смертныхъ не
могъ пипи вина, ниже изъ боговъ кому
приносима была жертва, токмо единому
отцу Юпитеру. Приявъ чашу сію со-
творилъ надъ нею каженіе сѣры, по томъ
омылъ чистою пекущею водою; умывъ
же и самъ руки наполнилъ оную виномъ,
спавъ же посреда ограда молился взи-
рая на небо внемлющу молѣнію Юпи-
теру:

Оби-

Обитающій въ превыспреннихъ Юпитеръ! Царь Пеласга! повелишь, хладныя Додоны, окружаемый пророками Селами не умывающими ногъ и спящими на землѣ! какъ нѣкогда прежде услышавъ шь моленіе мое прославилъ меня, народъ же Ахейскій збѣло смирилъ: шакѣ и нынѣ соверши желаніе мое; самъ я остаюся здѣ при корабляхъ, друга же моего посылаетъ съ Мирмидонянами на брань. Подаждь ему высокогромащій Юпитеръ славу, укрѣпи сердце и духъ его, да познаетъ Екшоръ, еда можетъ нашъ другъ изыти единъ на брань, или шокмо тогда неприкосновенныя руки его свирѣпствуютъ, когда я зрюся на пораженіи Ареевомъ; когда же отшвратишь вопль и брань отъ кораблей, да возвратишся ко мнѣ здравъ со всѣмъ оружіемъ и съ войнствомъ.

Тако рекъ моляся, и услышавъ его дающій премудрыя совѣты Юпитеръ едино желаніе его исполнилъ, другое же отринувъ: вопль и брань прогнати отъ кораблей помогъ, здраву же возвратишся отъ брани не благоволилъ. Совершивъ моленіе и жертву отцу Юпитеру

возвратился паки въ сѣнь, положивъ же чашу въ ковчегъ исшелъ и спалъ предъ сѣнью, желая сердцемъ еще зрѣши брань люютую Ахейнъ со Троянами.

Мирмидоняне же съ великодушнымъ Патрокломъ рядами восходили на брань, доколѣ съ дерзновениемъ приблизились ко Троянамъ. Аки осы гнѣздящіяся при пуши исходятъ отъ своихъ виталищъ раздражены бывъ малыми дѣтьми, кои несмысленни не разумѣютъ, что общій вредъ творятъ; ибо всякъ тогда мимоходящій человекъ, хотя и нечаянно прикоснешся единой, чувствуетъ всѣхъ ихъ гнѣвъ: ибо они защищая дѣтей своихъ далеко за нимъ гонятся: подобное имъ сердце и духъ имѣющіи Мирмидоняне исходили отъ кораблей своихъ вознося великій вопль.

Патроклъ же въ то время ободрялъ ихъ вопіа великимъ гласомъ: храбрые Мирмидоняне, любезные друзья Ахилла сына Пилеева: мужайтесь, воспомяните о вашей бодрственной храбрости, пошлѣмъ прославити Пилеева сына, кой паче всѣхъ Аргивянъ лучшій есть, таковое и воинство его, да познаешь про-
стран-

спранно владѣющій Царь Агамемнонъ сынъ
Атреевъ свою виву, которою раздражилъ
избраннаго отъ всѣхъ Данаевъ.

Тако вѣщая возбудилъ всѣхъ сердца
къ вѣщшему мужеству; текутъ на Тро-
янъ стѣсненныя рѣды Мирмидонянъ;
спранно возгремѣли корабли отъ великаго
вопла Ахелинъ.

Трояне увидя сильнаго Менелѣева сы-
на и слугу его блистающихъ во оружіи,
всѣ поколебались духомъ и возмутились
рѣды, чая, что Ахиллѣвъ отпринувъ тѣбѣ
и воспріявъ примиреніе исходитъ ко бра-
ни; взирающъ на всѣ страны, помышляя
къ уваженію отъ лютой смерти. Па-
проклѣ же первый мещенъ блестящее
копье на средину, гдѣ множайшій мясехъ
раждакъ при кормилѣ корабля велико-
душнаго Протисилая, и поражаетъ Пи-
рехма, кой привелъ Пелопидъ изъ Амидо-
на отъ пространно текущаго рѣки Ахеліа;
сего поразила въ десное рамо; паденъ на
пескъ съ тяжкимъ въздыханіемъ; воинство
бывшее окрестъ сего утѣрашилось. Па-
проклѣ убивъ храбраго во брани вождя
обращаетъ и прочихъ союзниственниковъ
къ бѣгству, прогоняетъ отъ кораблей и

по-

погашаетъ огонь, корабль остаетъся полусожженъ.

Трояне въ великомъ смященіи побѣгли, Данаи же ринулись къ кораблямъ и воспалѣ мятежъ безмѣрный. Какъ когда изъ за высокаго верха великія горы молниеносный Юпистеръ рассыплетъ густыя облаки, являются вси пещеры, высокія холмы, юдоли и открываеися неизмѣримыя высоты свѣтлостъ: тако Данаи получили нѣкоторое отъ вдохновеніе прекраща зловредный огнь въ корабляхъ. Брань же ни мало не престаеетъ; и хотя Трояне Ахеями обращены были отъ кораблей къ бѣгству, однако упорствовали защищаяся, отъ кораблей же отступили по нуждѣ. Тогда мужъ мужа убивалъ и воинство раздѣлилося по вождямъ.

Первый храбрый сынъ Менитіевъ поражаетъ обращающагося къ бѣгству Аріилла въ бѣдру копіемъ; острие прошедъ на другую страну сокрушило кость. Воинственный Менелай уязвляетъ Феоанта, имѣющаго обнаженную грудь близъ щита. Филидъ уязвилъ Амфикла, спремающагося предварять его поража копіемъ при

при концѣ голени, гдѣ тучнѣйшая есть у человека мышца, остріе копія прерываетъ жилы и шьма смѣжаетъ очи его. Аншилохъ же сынъ Неспоровъ разитъ копѣмъ Апимніа и мѣдію пронзаетъ чрево его; падетъ предъ нимъ на песокъ мужъ крѣпкій. Марій огорченъ бывъ смертію брата своего и стоя при трупѣ устремилъ копіе на Аншилоха, но божественный Ѳрасимидъ братъ Аншилоха, предускорилъ его уязвивъ копѣмъ въ ramo, остріе мѣди пресѣкая твердыя жилы отшоргло кость отъ состава; падетъ и Марій близъ брата своего со звукомъ оружія и ночь темная покрываетъ очи его.

Такъ сн погубивъ животъ подъ руками дву братіевъ, сошли во адъ мужественные Сарпидоновы совониственники сыны Амисодара, кой воспиталъ неукротимую Химеру, вредъ многимъ смертнымъ. Еантъ сынъ Илсезъ посщигнувъ Клеопула схватилъ его живаго запутавшагося во множествѣ, но и тамо сокрушилъ крѣпость силъ его отсѣкъ выю мечемъ; весь мечъ обогрился горячею кровію; смерть ужасная и рожъ немилосердый отбѣлелъ

И

савѣ

сѣбѣ очей Клеовуловыхъ. Стекаются по семъ единъ прошиво единого Пинелей и Ликонъ: ибо копѣ ихъ прежде взаимно солгали и щещно были иущены отъ рукъ; на конецъ паки восхошбли сразитися мечами. Тогда первый Ликонъ возноситъ мечъ и ударяетъ Пинелея по верхъ шлема, но мечъ не содѣлавъ никакого вреда предомился близъ рукоятки; по томъ, разитъ Пинелей Ликона близъ уха, весь мечъ входитъ въ выю; виситъ глава держима единою кожею и разрушается крѣпость членовъ. Миріонъ постигнувъ быстрыми ногами Акаманта всходящаго на колесницу, разитъ въ десное рамо; ниспадаетъ мужъ крѣпкій на землю и шѣма изливается во очи его. Идомеи прободаетъ Ериманта копѣемъ во уста, остріе мѣди проходитъ подъ мозгъ; сокрушаются кости бѣлыя, исторгаются зубы, наполняются глаза кровію; которую чрезъ ноздри и уста источаетъ съ пѣною; наконецъ темный смерти облакъ восхищаетъ живощего.

Син Данайскіе вожди убили каждый мужа. Аки хищные волки приближаясь ко стаду овецъ или козловъ, увидя же

на горахъ по безумію пастуха ошлучившихся овецъ похищаютъ вскорѣ какъ не имѣющихъ силы противившіяся: тако Аргивяне метались на Троянѣ, кои позабывъ прежнюю свою храбрость начали искать спасенія животу своему бѣгствомъ. Великій же Еаншъ всѣмъ сердцемъ желалъ случая поразити блестящаго мѣдію Ектора; но сей искушенъ бывъ бранію и покрывая сильныя рамена свои твердымъ щитомъ всегда назиралъ стремленіе стрѣлъ и звукъ оружія; воиспивну зналъ, что побѣда во брани часто бываешь подвержена переменѣ, пребылъ убо самъ невредимъ и спаслъ своихъ любезныхъ совоинсшвенниковъ. Аки ошъ Олимпа возносятся къ небесамъ облакъ, когда Юпитеръ во время ясное воздвизаетъ бурю: тако Трояне текли съ воплемъ ошъ кораблей и обратились вспять съ поношеніемъ. Ектора же износили быстрыя кони со оружіемъ; оставилъ Троянское воинство, коему глубокій ровъ перейти воспящалъ; многіе шамо кони прервавъ ремни оставили царскія колесницы. Патроклъ же слѣдовалъ ободряя всѣми силами Ахейнъ, сообщая пагубу Троянамъ, кои вели-

кимъ воплемъ и страхомъ наполнили всѣ
сѣзи, и прахъ возносился до облаковъ;
текутъ быстрые кони вспять отъ ко-
раблен и кушъ ко граду. Патроклъ съ-
вѣщающею яростію мечется тамо, гдѣ
вспыхнуло большее возмущеніе народа; па-
дутъ мужи крѣпкіе стрѣмглавы отъ ко-
лесницъ, колесницы же въ великомъ смя-
теніи едина за другою опровергаются;
уже прелетаютъ чрезъ ровъ быстрые
бесмертные кони данные богами Пилею.
Патроклъ всѣмъ сердцемъ желаетъ по-
стигнуть и поразить Ектора, но его
далеко уже износили скорые кони. Аки
отъ вихря во время осени вся земля ош-
тѣчается, когда молніеносный Юпитеръ
изливаетъ сильный дождь преогорченъ
бывъ мужами, кои на шоржищахъ су-
дятъ законы неправедныя и изгоняютъ
истинну не воздавая почитанія безсмерт-
нымъ богамъ; сего ради вси рѣки напол-
няются и потоки ниспадая отъ горъ со
стремленіемъ текутъ съ великимъ шу-
момъ во пространное море, быстрою
же водъ своихъ отшоргаютъ отъ горъ
великія камни, многія разрушая человѣ-
ческія дѣла: тако Троянскіе кони въ бѣ-
жаніи своемъ зѣло воздыхали. Па-

Патрокль рассыпавъ первые Троянскіе ряды паки погналъ ихъ къ кораблямъ, не попустивъ укрытися во градъ, но между кораблей, между рѣки и между высокія сѣбны убиваетъ постигая и воздая опмщеніе за многихъ. Въ то время перваго пораженіи копіемъ Проня имбющаго перси не покровенныя щипомъ; падетъ со звукомъ оружія и крѣпость членовъ разрушается. По семъ устремляется на Теспора сына Инопова, который сидѣлъ на великолѣпной колесницѣ и ужасомъ одержимъ бывъ не могъ держати бразды въ рукахъ; Патрокль же приближася къ нему поражаетъ копіемъ въ десную челюсть, остріе сокрушаетъ зубы и влечетъ изъ колесницы, копіемъ, аки человекъ сидящій на камнѣ извлекаетъ удою великую рыбу изъ моря; вскорѣ духъ оставляетъ ниспаднаго. Послѣ сего мететъ великій камень на Еріала текущаго сопротивъ его; сокрушаетъ главу покрытую крѣпкимъ шлемомъ и раздираетъ всю кость посреде ея; падетъ на землю лицемъ и смерть изливаясь во всѣ составы отъемлетъ животъ его. По томъ шечетъ на Ери-

манша, Амфотера, Епалша, Тлпполема сына Дамаспорова, на Ехія, Пира, Ифея, Евиппа и Полимила сына Ареева, всѣхъ сихъ погубивъ живопѣ на единомъ мѣстѣ преклонилъ главы ихъ къ матери землѣ.

Сарпидонъ же узрѣвъ тако умерщвляемыхъ своихъ совоинственниковъ отъ крѣпкихъ рукъ Патрокла сына Менипѣева, съ повошеніемъ увѣщеваетъ мужественныхъ Ликіанъ: стыдѣ о Ликіане! куда бѣжите? нынѣ ноги ваши скоры. Изыду убо я на срѣшеніе мужу сему, да познаю, кто сей есть тако свирѣпствуя и великое зло содѣвая Троянамъ; ибо многихъ и храбрыхъ мужей сокрушилъ колѣна.

Реклъ и абіе мещется съ колесницы на землю со оружіемъ: отъ другія же страны Патроклъ узрѣвъ Сарпидона нисходитъ отъ своей колесницы. Аки плотоядныя птицы на высокомъ камнѣ съ великимъ воплемъ брань творятъ когтьми и носами; тако сіи два знаменитые Ирои со ужаснымъ воплемъ ринулися единъ сопрошивъ другаго.

Отецъ боговъ и челоуѣковъ Юпитеръ хипраго Крона сынъ возрѣвъ на Сарпидона милосердствовалъ о немъ, къ сестрѣ же и женѣ своей Ирѣ вѣщающа: узвы! брѣбѣгается уже рокъ умреши: возлюбленному паче всѣхъ мужей сыну моему Сарпидону подѣ руками Патрокла сына Менитіева, но сердце мое двоюкими еще жѣлѣбается мыслями: восхищу ли его живаго: оиъ многоплачевныя сѣя брани и принесу въ Ликійскую страну къ бѣгѣщому народу, или поущу смиришися ему ошѣ рукъ сына Менитіева.

Свирѣпообразная Ира на сѣе отвѣдающѣ ему: священнѣйшій Кронѣвъ сынъ! какое слово нынѣ рекъ ты? мужа подѣверженна суца плѣвию, древле опредѣленнаго смерти паки хоуеши ошѣ смерти избавиши? Твори! но вси мы безсмертныя не оправдимъ тебѣ въ цюмъ, и ты нынѣ реку предѣ побѣю, себѣмоди во нѣмъ помышленіе: когда живаго оупутсиши во свой домъ Сарпидона, благодѣ не кто и ошѣ прочихъ боговъ своего возлюбленнаго сына восхощетѣ избави ошѣ вредоносныя сѣя брани: ибо многе сущѣ сыны безсмертныхъ пѣоряди брани

окрестѣ великаго сего Пріамова града ,
на коихъ збѣльный гнѣвъ пивой малѣши .
Но когда возлюбленное пивое сердце о
немъ болѣзнуешъ , преждепусти убле-
ну быти ему на брани сей отъ рукъ
Патрокла сына Менишѣва ; послѣ же кон-
да отыметъ душа отъ него и вѣкъ ,
остави его пріятии смерть и вѣчный сонъ
доколѣ приидетъ вопространное свое Ли-
кійское отечество ; шамо погребушъ его
братія и граждане и созиждутъ надъ
нимъ могилу и столпъ : ибо сіе есть че-
сти воздаяніе мертвымъ .

Такъ рекла ; и повинулся ей отецъ
боговъ и чедовѣковъ . Излилъ на землю
кровавый дождь прославляя возлюбленна-
го своего сына , коего Патроклъ имѣшъ
погубити во плодотворной странѣ Троян-
ской далеко отлученнаго отъ земли о-
течественныя . Сошедшимся обоимъ Ире-
амъ близко между собою первый Патроклъ
мещетъ копѣе на знаменитаго Фрасимида
возницу Сарпидонова и поразивъ подъ чре-
во сокрушаешъ крѣпость членовъ его . По-
томъ устремляешся Сарпидонъ съ копѣ-
емъ , но стремленіе имѣшъ уязвляешъ
шокию Ахиллова коня Пидаса въ десное
рамо ;

рамо; восстепналъ испуская духъ падешъ на песокъ со ржаніемъ, душа же далеко полетѣла; прочіе кони раздѣлились и бразды смѣшались, но Автомедонъ сему смятенію вскорѣ обрѣтаешъ конецъ: ибо извлекъ острый мечъ и пресѣкъ онымъ бразды отрѣшилъ падшаго коня; божественные же кони Ксанѣъ и Валій потекли куда направлялъ ихъ мужествовый Автомедонъ. Дерзновенные зидави паки спекаются: божественный Сарпидонъ паки мещетъ коніе на Пашроклъ и паки оное измѣняетъ ему; ибо остріе пролетѣвъ поверхъ лѣваго рама не сдѣлало вреда ни малаго. По семъ Пашроклъ испускаетъ отъ руки коніе, и верженіе его не щещно было, но остріе вонзается въ ребра, гдѣ внутренняя хранится окрестъ сердца. Аки крѣпкій дубъ или бѣлолиственный тополь, или высокая сосна падетъ на горѣ, когда мужи древодѣльцы ссѣкаютъ оную, на созиданіе корабля; тако знаменитый всадникъ Сарпидонъ распростертъ лежалъ предъ конями и колесницею, скрежеща и бѣя руками обогранный кровію песокъ. Аки левъ незале пришедъ во стадо убиваетъ

крѣпчайшаго и тучнѣйшаго наче прочихъ
вода, который лежитъ подъ зѣніемъ
пламенныхъ челюстей звѣря лютаго:
тако Ликійскихъ мужей храбрый вождь
Сарпидонъ пораженъ бывъ Папроклемъ
испускалъ душу предъ нимъ вѣщая ко сво-
ему совоинственнику тако:

Возлюбленный Главкъ! знаменитѣйшій
ратникъ! нынѣ подобаетъ быти тебѣ
мужественну и дерзновенну; нынѣ сердце
твое да устремляется къ пагубной сей
брани: прежде всего обтеки Ликійское
воинство и возбуди всѣхъ мужей сража-
вшихся за тѣло Царя ихъ Сарпидона, по-
томъ и самъ вооружися защищати меня.
Ибо всѣ дни живота твоего буду тебѣ
въ печаль и поношеніе, когда Ахейне со-
влекутъ съ меня оружіе и оставятъ наго
тѣло мое падшее на сраженіи при ко-
рабляхъ ихъ; буди убо мужественъ, теки
скоро и возбуди все воинство.

Тако вѣщающаго покрываетъ облакъ
темный; смерть сибѣжаетъ очи и пресѣ-
каетъ дыханіе. Папрокъ ставъ ногою
на перси исторгаетъ отъ тѣла копье
свое, послѣдуютъ за нимъ и внутренняя;
и тако извелкъ душу его купю и
остріе

остріе копія. Мирмидоняне восхитили колесницу праздну и коней лишившихся Царя своего.

Главка слышащаго сїи Сарпидоновы слова объяла несказанная бользнь; сокрушается сердцемъ, что не возмогъ содѣлати помощи; держа же рукою за рамо лютою страдалъ бользнію отъ язвы которую нанесъ ему Тевкръ поразивъ стрѣлою отъ высокія твердыни, прогоняя вредъ отъ своихъ совоинственниковъ. Воздохнувъ же отъ сердца молился Аполлону:

Услыши вопль мой о стрѣломещущій Царю! обитаеши ли ты во плодоносной странѣ Микійской или здѣ во Троѣ, но можешаи отъсюду услышати мужа бользнующаго, какъ и я нынѣ страдаю въ бользни; се лютою сїю рану держу и рука моя нестерпимымъ пронзается мученіемъ, ниже кровь можетъ престати отъ печенія, отягчилось рамо и вѣтъ силъ держати копія сего крѣпко, ниже взыти на брань противо враговъ. Се лежишь мужъ избранный Сарпидонъ сынъ Юпитера; но отецъ не помышляетъ о помощи сына своего. Ты убо о Царю
исцѣли

исцѣли язву сію нестерпимую, прекрати болѣзни, и подаждь крѣпость, да возмогу Ликійское ободрити воинство ко бранѣи да сниду самъ на сраженіе защищати тѣло мертвое царя моего Сарпидона.

Тако рекъ моляся и услышалъ его Фивъ Аполлонъ: вскорѣ смягчилъ болѣзни отерлъ отъ раны кровь черную и вдохнулъ въ сердце его мужество.

Главкѣ чувствуя во всѣхъ составахъ крѣпость и бодрость возрадовался сердцемъ, что скоро услышалъ моленіе его великій богъ. Во первыхъ обтекая Ликійскихъ вождей увѣщаетъ ихъ къ защищенію Сарпидонова тѣла; по семъ течетъ къ Полидаманту, къ Панѳою къ божественному Агнору, ко Енею и къ дерзновенному Ектору; къ коему приближаясь вѣщаетъ скорыя слова: нынѣ воистинну забылъ ты о пришедшихъ къ тебѣ на помощь, кои тебя ради далеко оставя друзей и глѣзлюбленную отечественную землю погубляютъ животъ во странѣ сей, ты же не имѣши попеченія о помощи ихъ. Се лежитъ знаменитыхъ Ликійскихъ мужей царь Сарпидонъ, кой Ликію охранялъ праведными своими дѣлами

дѣлами и мужесшвомъ. Нынѣ повергль
его челоуѣкоубійца Арей Патрокловыми
руками. Текише убо любезные други,
и да воспламеняшся сердца ваши къ за-
щищенію, да не совлекушъ броню его
Мирмидоняне и да не поругаются надъ
тѣломъ царя мершваго ошмщева я смерть
Ахейнъ, коихъ мы многихъ копїями на-
шими повергли при корабляхъ ихъ.

Тако рекль и обѣла Троянъ печаль
лютая и нестерпимая: ибо Царь сей,
хошя и чужестранецъ былъ, но граду
Троянскому содѣлалъ великое защищеніе;
ибо многія за нимъ послѣдовали народы,
между коими сей мужъ паче всѣхъ муже-
ственнѣйшій былъ. Текушъ прямо на Да-
наевъ, пламенные Трояне, Екторъ же ими
предводительствоваль наполненъ бывъ
яростію о смерти Сарпидоновой.

Ахейнъ же возбуждалъ мудрый Па-
троклъ и во первыхъ вѣщаешъ къ Еан-
тамъ, копорые всегда и безъ увѣщанія
готовы были на брань: Мужественные
друзи Еанты! какъ вы прежде между
избранными мужами были дерзновеннѣй-
шіе, тако и нынѣ потщитесь содѣлати
вашу помощь; уже поверженъ лежитъ
мужъ

мужъ знаменитый Сарпидонъ, кой первый на стѣну Ахейскую восшелъ; великую мы приобрѣтемъ славу, когда совлечемъ броню отъ раменъ его и восхитивъ тѣло мершвое къ кораблямъ поругаемся надъ нимъ и отъ защищающихъ его друзей убіемъ кого оспріемъ оружія.

Такъ рекъ и оба выпязи со всякимъ сердца желаніемъ гошovy были ко брани.

Трояне же и пришедшее на помощь Ликійское воинство, Мирмидоняне и Ахейяне отъ обоихъ странъ укрѣпивъ ряды свои и вознося страшный войль стекаются на сраженіе окрестъ мертваго тѣла Сарпидонова; ужасно возгремѣли оружія мужей. Юпитеръ же простеръ пагубную ночь, когда зловредный мятежъ брани раждался во время защищенія возлюбленнаго сына его. Тогда первые Трояне отогнали Ахейянь: ибо убитъ знаменитый въ Мирмидонянахъ мужъ великодушнаго Агаклея сынъ, божественный Епигей, который прежде царствовалъ во благонаселенномъ Вудѣ; но когда убилъ родственника своего пришелъ съ покорнымъ моленіемъ къ Пилею царю и прекрасной

Оетидѣ;

Оешидѣ; они же послали его купно съ сыномъ своимъ Ахилломъ на брань сопрошиво Троянѣ. Тогда его прикасающагося ко шрупу Сарпидонову сильный Екторъ поразилъ камнемъ во шлемъ и вся глава раздѣлилася на двѣ части; падетъ знаменитый мужъ на шрупъ царя Сарпидона и вредоносная смерть изливается во всѣ составы его. Папроклъ видя умерщвленна друга и совоинственника своего возмутился духомъ, идетъ прямо чрезъ ряды своего воинства. Аки быстрый ястребъ нападаетъ на малыхъ птицъ, тако ты Папроклъ устремился на Троянѣ и Ликіанѣ швора путь конямъ своимъ, понуждаемый гнѣвомъ ко отмщенію за смерть друга своего. Въ то время поразилъ онъ Сѣенелая любезнаго сына Иеменеева камнемъ въ выю и сокрушилъ жилы его; опшступили вспять первые Троянскіе ряды и знаменитый Екторъ. Коликое есть расстояние копія, когда мещетъ его мужъ на поединкѣ или на брани сопрошиво враговъ ошбемлющихъ животъ; толико отступило Троянское воинство отъ устремившихся на нихъ Аргивянѣ. Въ самое то время

Главкѣ

Главкѣ первый Ликійскихъ щитоносныхъ мужей вождь обратился вспять и убилъ храбраго Ваенikleя любезнаго сына Хаалковова, кой обиталъ въ Елладѣ и спяшаніемъ богатства превосходилъ Мирмидонянъ; сему Главкѣ гонящемуся за нимъ обратясь незапно вонзилъ посреди персей копіе, падетъ крѣпкій мужъ со звукомъ оружія; Аргивянъ же зрящихъ паденіе сильнаго совоинственника обѣла великая печаль, Трояне же зѣло возрадовалися и спали окрестъ сего шрупа въ великомъ множествѣ, но и Ахеяне о храбрости своей не забыли и устремлялися бестрашно сопротивъ Троянъ. Тогда паки Миріонъ убилъ Троянскаго мужа дерзновеннаго Лаогона сына Ониторова, кой былъ священникомъ Юпитера Идейскаго и ошъ народа, почитаемый былъ аки богъ; сына же его поразилъ Миріонъ копіемъ въ челюсть близь уха; вскорѣ исходитъ ошъ тѣла душа, и пѣма ненавистная отѣмлетъ свѣтъ очей его. Еней мететъ копіе на Миріона покрывающагося щитомъ, но онъ урѣвъ уклонился ошъ стремленія его и избѣжалъ смерти, острѣ копія вонзается въ землю, древо

древо же колеблется, тогда смертоносный Арей силу его привелъ во слабость: остріе копія Енсева вонзается въ землю; ибо тщетно пущено было отъ сильныхъ руки.

Еней раздраженъ бывъ симъ приключеніемъ реклъ со гнѣвомъ: Миріонъ! со всею твоею легкостію вскорѣ бы я смирилъ тебя, когда бы копье мое не солгало мнѣ.

Знаменистый копьемъ ратникъ Миріонъ отвѣщаетъ ему на сіе. Еней! не удобно тебѣ есть со всею твоею крѣпостию погасити силы всѣхъ людей, кои восхотѣвъ изыти сопрошивъ тебя: ибо воиспившу смертнымъ и ты сотворенъ; но ежели и моего оружія остріе коснется посреди тѣла твоего, вскорѣ сокрушу дерзновеніе твое и низложу упованіе рукъ твоихъ и тѣмъ содѣлаеши мнѣ славу, душа же твоя сидѣтъ во мрачныя сѣни ада.

Такъ реклъ; храбрый же Патроклъ сынъ Менистѣвъ со гнѣвомъ поноситъ его вѣщая: Миріонъ! разуменъ бывъ почти время изживаеши во тщетномъ разглагольствіи? О любезный другъ! не убоятс

за Трояне поносныхъ словъ и не оста-
влять сего шрупа, доколѣ не обыметъ
кого земля; конецъ брани состоитъ въ
дѣйстви рукъ, слова же потребны
во время совѣтовъ; не подобаетъ убо
нынѣ умножати разлагольствія по брань
дворяши.

Тако вѣщая предшествуетъ, боже-
ественный же Мирѳонъ послѣдуетъ за
нимъ. Каковъ рождается мятежь, ког-
да мухи дроводѣлаши посякающъ на
горахъ древа, гласъ же отъ ударенія съ-
жиръ далеко слышанъ есть; подобный
сему происходилъ шумъ со обонхъ странъ
отъ поражаемыхъ мечами и копіями щи-
повъ и мѣдныя брони. Тогда божествен-
наго Сарпидона никто не возмогъ бы по-
знаши; ибо стрѣлами, кровію и прахомъ
весь отъ главы и до ногъ покрытъ былъ.
Какъ во время весны собираются мухи
къ сподамъ и летая во множествѣ о-
крестъ наполненныхъ млекоу сосудовъ,
издающъ великій шумъ; тако Трояне
и Ахейцы обращалися при шѣлѣ Сарпи-
доновомъ.

Юпитеръ же ни на малое время не
отвращалъ блистающихъ своихъ очей
отъ

отъ брани сѣя, но всегда взиралъ на подвизающихся мужей имѣя збло многія помышленія о убійствѣ Патрокла: предаши ли его въ руки челоуѣкоубицы Екшора, да убіетъ на мѣстѣ, гдѣ божественнаго Сарпидона лежало тѣло и да совлечетъ отъ раменъ броню его, или еще на малое время продолжиши ему животъ, да содѣлаетъ вѣщшее убійство.

Тако помышляя за лучшее избираетъ, да вѣрный другъ Ахилла сына Пилеева паки Троянъ и блистающаго мѣдною броню Екшора прогонитъ ко граду и многихъ души испоргнетъ.

Первому убо Екшору вдохнулъ малодушіе, кой восшедъ на колесницу обратился къ бѣгству повелѣвъ и прочимъ Троянамъ бѣжати: ибо позналъ священную волю Юпитера. Тогда ниже мужественные Ликіане оспалися на мѣстѣ сраженія, но пошекли вси, когда узрѣли царя своего уязвленна въ сердце и лежащаго посредѣ множества труповъ; ибо многіе мертвыи пали на немъ, когда Кроновъ сынъ воздвиглъ великую распрю.

Ахейне же въ то время совлечли отъ раменъ Сарпидоновыхъ блистающую мѣд-

ную броню, которую храбрый сынъ Менишѣвъ повелѣлъ отнести къ кораблямъ своимъ.

Тогда собирающій во едино облаки Юпитеръ вѣщаетъ ко Аполлону: возлюбленный Фивъ! иди нынѣ и изми пѣло царя Сарпидона отъ крови и спрѣлъ и восхитивъ его принеси къ далечайшимъ потокамъ рѣки, и омой тамо чистою водою, помажи благовонною небесною Амвросіею и облеки въ бессмертныя одежды, и предаждь его скорымъ путешественникамъ близнецамъ смерти и сну, кои вскорѣ принесутъ его ко изобилующему богатствами Ликійскому народу, гдѣ погребутъ его братья и сродники и созиждутъ надъ нимъ могилу и надписаніе: ибо сіе есть мершвымъ воздающее чести.

Такъ рекъ и повинулся ему спрѣломещущій Аполлонъ: нисходитъ отъ Идейскихъ горъ на мѣсто брани. Вскорѣ восхищаетъ отъ спрѣлъ пѣло божественнаго Сарпидона, принесъ же къ рѣкѣ омылъ водою, помазалъ Амвросіею, облекъ въ бессмертныя одежды и предалъ скорымъ путешественникамъ близнецамъ смерти

смерти и сну, кои вскорѣ принесли его въ Ликійскую страну.

Патроклъ ободривъ коней и Автоме-
донта пѣчетъ постигнути Троянское
и Ликійское воинство, и тѣмъ содѣлалъ
себѣ великій вредъ. Безумный! ежелибъ
сохранилъ завѣщаніе данное ему отъ Ахил-
ла сына Пилеева, воистинну избѣжалъ
бы тогда предѣла горчайшія смерти; но
воля Юпитера предолѣваетъ всѣ человѣ-
ческія предразсужденія: ибо онъ крѣп-
чайшаго мужа силенъ есть устрашити
и отъяши побѣду, хотя и самъ пове-
лилъ воздвигнуши брань; какъ и тогда
послалъ онъ Патроклу дерзновенное сер-
дце и мужество. Но повѣдай возлюблен-
ный Патроклъ: кого ты перваго, кого
послѣдняго убилъ тамо, когда боги при-
зывали тебя ко смерти? перваго низла-
гаетъ Адриста, по шомъ Автоноя, Ехе-
кла, Перима сына Мегеева, Елистора,
Меланиппа, наконецъ Еласа, Мулія и
Пиларша; сихъ мужей убилъ, прочіи же
обратилися къ бѣгству.

Тогда воистинну сыны Ахейскіе плѣ-
нили бы славную Трою, когда бы Фивъ
Аполлонъ не стоялъ на высокой страж-
ницѣ

видѣ совѣщая пагубу Патроклау, Троя-
намъ же подавая помощь. Трижды Па-
тропоу приближался ко стѣнѣ и триж-
ды Аполлонъ ошгонялъ его ударяя бе-
смертными руками въ блистающій щитъ,
но когда въ четвертое устремился бого-
подобный сей мужъ, тогда спрѣломещу-
щій Аполлонъ съ великимъ прещеніемъ
возопилъ къ нему:

Ошибди благородный Патроклъ! ибо
не подѣ шюмиъ копѣмъ опредѣлено опро-
вегнутися Троянскому граду, ниже ошѣ
Ахилла который много превосходитъ тебѣ
крѣпостію силъ.

Такъ рекъ; Патроклъ же избѣгая
гибѣва Аполлонова отшелъ далеко. Ек-
торъ же въ Скейскихъ врагахъ держалъ
крѣпкихъ коней своихъ помышляя; у-
стремитися ли ему паки во множество
и начати брань, или повелѣши своему
воинству возвратитися ко твердынѣ.

Сіе помышляюще ему предсталъ Фивъ
Аполлонъ во образѣ младаго и крѣпкаго
мужа Асіа, который былъ знаменитому
всаднику Ектору родственникъ, братъ
матери его Екавы, сынъ Диманта оби-
жавшаго при пощокахъ рѣки Сангарія,
сего

сего подобіе воспріявъ на себя Фивъ Аполлонъ вѣщаетъ: Екторъ! почто престалъ ты отъ брани? прилично ли тебѣ стояши праздну? О дабы я колико низайшій себя есмь, толико былъ вѣрпчайшій; тогда по ненависти исшелъ бы ты отъ брани. Но прими дерзновеніе, взыди на колесницу и сѣдуй за Патрокломъ; не пошлешь ли тебѣ Аполлонъ славы убиши его.

Такъ рекъ отшелъ богъ паки ко брани; дерзновенный же Екторъ повелѣлъ храброму Кевріону понудити коней ко сраженію. Аполлонъ вшедъ въ воинство содѣлалъ великій мятежъ во Аргивянахъ; Троянамъ же и Ектору подалъ славу. Екторъ прочихъ Данаевъ оставя не хотѣлъ убивати, но направлялъ коней сопротивъ Патрокла; отъ другія же стрелы Патроклъ нисшедъ съ колесницы на землю лѣвою рукою держа копье, десною же восхишилъ отъ земли камень швердый мраморъ, кой всю руку его поврылъ; восклонясь мечемъ и верженіе его не тщетно было; но поражаетъ онымъ Екторова возницу Кевріона, незаконнаго сына Пріамова держащаго въ рукахъ

какъ бранды коней: сокрушаеѣ чело,
раздробляеѣ кость, падушѣ очи на пе-
сокъ предѣ ногами его; самъ же ниспа-
даеѣ отѣ великолѣбныя колесницы аки
водолазѣ. Храбрый всадникъ Пашрокъ
вида Кевріона низверженна сѣ посмѣяні-
емъ къ нему вѣщаеѣ: о коль мужѣ сей
легокъ естѣ! воинстину и между Троя-
нами обрѣтаются водолазы, кои знають
и на полѣ ныряѣ. Тако рекъ печеѣ
ко Ирою Кевріону. Аки левъ спремн-
ительный опровергающій стояла воловѣ
пораженѣ естѣ въ перси и своя крѣпость
погубила его; тако ты о Пашрокъ со
всякимъ желаніемъ успремился на Кеврі-
она. Отѣ другія страны паки Екшорѣ
мещеѣ сѣ колесницы на землю. Аки
два льва неукротимые шомимы голомъ
на высотѣ горы шворяѣ бранѣ жесто-
кую окрестѣ умерщвленныя лани; тако
два Ироя возбуждающіи вопль брани, Па-
шрокъ сынѣ Менишесѣ и чудный Ек-
шорѣ окрестѣ Кевріонова тѣла желали
другъ друга поразиши остріемъ оружія.
Екшорѣ взявѣ Кевріона за главу не оп-
пускалъ, отѣ другія же страны Па-
шрокъ къ себѣ влекъ за ноги.

Въ то время прочіи Трояне и Данаи
 воздвигли брань жестокою. Аки Еврѣи
 Номѣ упорствуютъ между собою сопря-
 сая въ долинѣ высокій лѣсъ буквъ, вязѣ
 и ясень, кои колебля распростертыя въ-
 шьви свои возносятъ великій шумъ, и
 трескъ отъ сокрушенія ихъ далеко слы-
 шится; тако Трояне и Ахейне мешаяся
 между собою брань пиворили ни мало не
 помышляя о зловредномъ бѣгствѣ. Многія
 окрестѣ Кевріона вонзены стояли острья
 копія и стрѣлы пущенныя отъ крѣпкихъ
 луковъ, многія великія камни ударялися
 въ щиты сражающихся при немъ мужей;
 Кевріонъ же распростертъ лежалъ во тѣ-
 мѣ праха забывъ правленіе коней. До-
 колъ солнце восходило на самую высоту
 неба, дошолъ отъ обоихъ странъ лета-
 ли во множествѣ стрѣлы и народъ па-
 далъ, когда же начало склонялися къ
 вечеру, тогда Ахейне преодолевъ Тро-
 янѣ унесли Ироя Кевріона отъ стрѣлъ и
 возмущенія Троянскаго во свои полки и
 совели брону отъ раменъ его. Па-
 троклъ же сообщая Троянамъ пагубу
 прииды устремлялся на нихъ подобно
 сильному Арю вознося великій вопль,

но когда въ четвертое устремился, тогда о возлюбленный Патроклъ уже приближался конецъ живота своего: ибо во плачевной сей брани исшелъ во сръшеніе ему страшный Фивъ Аполлонъ, коего Патроклъ во множествѣ идущаго не позналъ; ибо покрытъ былъ богъ сей великимъ щогода мракомъ. Ставъ же сзади ударяетъ его сильною своею рукою наноскоь по хребту и по раменамъ. Патроклъ обращаетъ очи вспять; Аполлонъ низвергаетъ отъ главы его шлемъ украшенный тремя рядами конскихъ волосъ; падетъ на землю со звукомъ подобноги коней; оскверняются кровію и прахомъ власы конскія на великолѣпномъ шлемѣ, коему прежде никакo не возможно было оскверниться, но щокмо покрывалъ главу и пріятное чело божественнаго мужа Ахилла; но щогда Юпитеръ возложилъ его на главу Ектора.

Уже приближается къ Патроклу смерть. Все сокрушалось въ рукахъ его копіе великое, щяжелое, крѣпкое дебе-
дое, ниспадаетъ отъ раменъ на землю щитъ купно съ ремнемъ; сынъ Юпитеровъ Царь Аполлонъ развязалъ латы
его;

его; страхъ объемлетъ Иройское сердце; ослабѣли члены крѣпкія, стоить изумленъ отъ ужаса; и се поражаетъ его острымъ копѣемъ во хребетъ посреда раменъ Дарданскій мужъ Евфоръ сынъ Панаеовъ, который метаніемъ копія, бѣганіемъ на коняхъ и скоростію ногъ превосходилъ совоинственниковъ своихъ: ибо онъ прежде низвергалъ отъ колесницъ двашцать мужей, когда приходилъ обучати-ся военнымъ на коняхъ дѣламъ; сей первый шебъ о мужественный всадникъ Панапроклъ вонзилъ копіе, но не могъ умершвити. Самъ же испоргнувъ отъ шѣла копіе, опшелъ ко своему воинству, ни же дерзнулъ ожидаши Панапрокла хотя и безоружнаго.

Панапроклъ пораженіемъ бога и остріемъ копія усмирень бывъ ошходитъ вспяшь во множество совоинственниковъ избѣгая смерти. Екшоръ узрѣвъ мужественнаго Панапрокла отступающаго отъ брани, пораженна остріемъ копія, шечетъ чрезъ ряды мужей и приближася вонзаетъ копіе въ бокъ, остріе проходитъ на другую страну падетъ со звукомъ и смертію своею навесалъ неизреченную печаль

Ахей

Ахейскому воинству. Аки неукротимаго
вепря сильный приѣсяешъ левъ и оба
на высотѣ горы со ужасною яростію
брань шворяшъ окрестъ малаго источ-
ника шумимы великою жаждою, но левъ
зѣло дыщущаго вепря своею крѣпостію
умерщвляетъ; тако многихъ погубивша-
го Патрокла храбраго сына Менишѣва
лишилъ живота Екторъ сынъ Пріамовъ
и съ посмѣяніемъ вѣщаетъ къ нему тако:
Патрокль! воинстину уповалъ ты опро-
вергнуши градъ нашъ и Троянскихъ женъ
лишивъ свободныхъ дней отвести на ко-
рабляхъ въ любезную свою отечествен-
ную землю. Несмысленный! но прежде
за нихъ Екторовы быстрошекущія кони
возжелали брань шворити; я же копіемъ
превосходя прочихъ мужественныхъ Тро-
янъ отвращаю отъ нихъ день пагубы,
но себя здѣ снѣдаютъ плошодныя пше-
цы. О злополучный! не помогъ тебѣ
ниже самъ деревенный Ахилъ, кой
иню, что при ошществѣи швоемъ съ ве-
ликимъ раченіемъ завѣщаніе далъ тебѣ
таковое: храбрый Патрокль! не прежде
возвращися ко мнѣ въ Мирмидонскія ко-
рабли, дакъ токмо расшернавъ окровав-
ленную

денную броню на персяхъ челоѡкоубійцы
Екшора; шако уповаю вѣщаль кѣ тебѣ
Ахиллъ и твоѣ безумное сердце прекло-
нилъ кѣ сему.

На сіе о мужественный всадникъ Па-
шрокль ошвѣщаль ему шако: ты нынѣ
уже превозносишися Екшоръ! когда Кро-
новъ сынъ Юпитеръ и Аполлонъ дали
тебѣ побѣду смиришъ меня удобно и ошвѣ-
яшъ броню ошъ раменъ моихъ; ежели бы
прежде мнѣ шаковыхъ мужей изошло во
срѣшеніе дващазъ, всѣ бы шамо погу-
били животъ свой сокрушены бывъ мо-
имъ копіемъ; меня же зловредный рокъ
и сынъ Лишы, ошъ челоѡкъ же Евфоръ
убили, ты же прешій скончалъ животъ
мой. Но ты сохрани во швоемъ сердцѣ,
что повѣдаю тебѣ нынѣ: уже не много
осталосъ времени и швоей жизни; при-
ближается смерть и неуполимый рокъ,
скоро душу швою излѣши подѣ руками
божественнаго Ахилла сына Еакова.

Тако вѣщающаго покрываетъ смерть.
Душа же излѣшъ ошъ тѣла пошла во
адъ оплакивая свой жребій и ошавъ силу
и младость.

Знаменитый же Екторъ и къ мертво-
му Патроклу отвѣщалъ: что мнѣ про-
рочесствуешь о смерти? кто знаетъ, не
Ахиллъ ли сынъ прекрасныя Ѳетида по-
раженъ бывъ моимъ копьемъ предваришь
погубиши душу свою?

Такъ рекъ; испоргавъ копье отъ ра-
мы приступивъ пятою на трупъ и от-
толкнувъ ногою тѣло отъ копья. Вскорѣ
по семъ пещетъ съ копьемъ на Автоме-
донша возницу Ахиллова желая умер-
твиши, но его изнесли уже быстрые бе-
смершвыя кони данные отъ боговъ Пилею
какъ великолѣпный даръ.

ОМІРОВОЙ ІЛІАДЫ

ПѢСНЬ СЕДЬМА ЯНАДЕСЯТЬ.

с о д е р ж а н і е.

О шлѣ Патрокловоѣ поставѣтъ между обоими
воинствами браня нестерлимаѣ, гдѣ Менелай
убиваетъ Епфорва; Екторъ же облекшисѣ въ
Ахилловоѣ снарядъ бывшій на Патроклѣ безъ
лощадѣнїѣ умерщвляетъ и гонитъ Ахейнѣ. Ме-
нелай и прочіе его совѣтственники посылаютъ
Антилоха къ Ахиллу съ возвѣщенїемъ о смер-
ти друга его Патрокла.

ПѢСНЬ XVII.

РО.

Храбрый сынъ Атреевъ Менелай по-
знавъ чшо Патроклѣ убіенъ оцѣ
Троянѣ, шечетъ разрывая первые ряды
всѣ блистѣѣ мѣдію и обшекаетъ Па-
троклово шлѣ. Аки мѣкаѣ агница бѣ-
гашѣѣ

гаеиъ перваго родившая Агидѣ не познавъ рожденія прежде; шако крѣпкій Менелай защищаль Патрокла нмѣя въ рукахъ два копѣя и щипъ ошовсюду равный готовъ убиши всякаго, кто изыдеиъ ему во срѣшеніе. Дерзновенный сынъ Панѣовъ узрѣвъ мужественнаго Патрокла падшаго мертва спалъ близъ тѣла его и къ воинственному Менелая вѣщаеиъ: Апреевъ сынъ Менелай знаменитый вождь народовъ! Ошѣди и ошави мертваго со окровленными корѣспми: ибо я первый оиъ Троянѣ и знаменитыхъ ихъ помощниковъ симъ моимъ копѣемъ поразилъ на брани, ошави убо мнѣ первому восприяти славу между Троянами; ошѣди да не сокрушу шебѣ и сладкій животъ швой исторгну.

Храбрый Менелай съ тяжкимъ воздыханіемъ на сіе реклъ: О отче Юпитеръ! похвально ли естѣ съ шоликою гордостію превозносиши! ниже сильный Тигръ, ниже страшный левъ, ниже пагубный дикий вепрь шолико дерзновенными сердцами свирѣпствуютъ, коликъ Панѣовы дѣти возносятся гордостію: ниже сильный Всадникъ Иперинонъ могъ долго насыщаться своею младостію, когда меня
пре-

презрѣвъ порицалъ немощнымъ паче прочихъ Данаевъ совоинственниковъ, и мню, что не возрадуются возлюбленная жена его ниже почтенныя родители узрѣвъ его возвращенія! шако и твою сокрушу крѣпость, когда еще будещи стояши со-противъ меня; но тебѣ совѣтую опыши ко своимъ полкамъ; не дерзай прошиви-тися мнѣ, до колѣ не поспраждени зла какова, содѣланное же зло на конецъ узналъ безумный.

Такъ рекъ Менелай, но не преклонилъ Евфорва, кой во прѣмъ отвѣщаешъ ему: о пресловущый Менелай! нынѣ воиспину достойное прѣмещи ошомщеніе азъ брата моего, коего ты убилъ, шдешию силою твоею хвалишися: содѣлаѣ ты младую жену его въ новомъ чертогѣ вдовицею, содѣлаѣ: несказанный плачь и лютую болѣзнь родителямъ; но я воиспину сихъ несчастныхъ прекратилъ бы слезы, ежели бы главу твою и оружіе предалъ въ руки Паяѳа и божественныя Афроиды, но не долго трудъ будешъ бѣѣ испытанія силъ и стрѣла обоихъ насъ.

Такъ рекъ разивъ Менелая копѣемъ во шивъ, но мѣди прѣмещи не могъ,

ябо конецъ острія прегнулся во твердо-
снѣи щѣиша. По томъ съ моленіемъ ко
Юпитеру устремился на него Менелай
сынъ Атревъ, и ошсупающаго вспяшь
поразилъ подъ чрево копіемъ, восклоняется
Евфоръ на копіе, но се пакѣ остріе ко-
пѣи разитъ младую выю его: падешъ со
звукомъ оружія и возгремела на немъ
мѣдная броня его, обрагрилися кровію
власы подобныя власамъ Харишъ, кои
перевязаны были златомъ и сребромъ.
Аки масличное зеленѣющее древо, кое
мужъ насадилъ въ пущынь, гдѣ обильно
испекаютъ воды чистыя прозрачныя и
мѣтры ошосюду дохновеніемъ движутъ,
шпоишъ украшено бѣлыми цвѣтами, по
пришедъ буря съ великимъ вихремъ
исторгаетъ съ корнемъ и повергаетъ на
землю: таковъ зримый былъ воинствен-
ный сынъ Паневъ; тогда мужественный
Менелай убивъ его совлеклъ оружіе.
Аки левъ на горахъ воспѣшанный, упова
на свою крѣпость, пришедъ къ великому
стаду похищаетъ вола тучнаго, прежде
сильными зубами сепрушаетъ выю его,
по томъ сосетъ кровь и вся внутренняя
перлаешъ ароматомъ; оарестъ же его мно-
гіе

гѣ пастухи со псами издалека велимъ
гласомъ вопіюшъ; но отъ страха при-
ближися не хошашъ: тако сердца Тро-
янъ не дерзали изыти сопрошиву славнаго
Менелая, кой воистинну удобно совлеклъ
бы знаменитую броню сына Панѳова,
ежелибъ не позавидовалъ ему Фивъ Ап-
полонъ, которой воздвиглъ на Менелая
Ектора подобнаго челоукоубійцѣ Арю,
воспріавъ на себя образъ Менша вождя
Гликоновъ, приближася же къ нему вѣ-
щаетъ: Екторъ! безумно желаеши ты
постигнути коней Ахилловыхъ, коихъ
ни какому смертному мужу не удобно
есть усмирить ниже въ колесницу за-
пряжи, какъ токмо единому Ахиллу,
котораго родила безсмертная мать,
но не зриши, что храбрый Менелай
сынъ Атревъ защищая тѣло Патрокло-
во убилъ знаменитѣйшаго отъ Троянъ
Евфора сына Панѳова и сокрушилъ крѣ-
пость силъ его: шако рекъ отшелъ богъ
на брань мужей.

Екторъ слышавъ сіе зѣло возмутил-
ся сердцемъ и обоэръвая ряды Ахейскіе
вскорѣ познаетъ Менелая совлекающаго
броню съ лежащаго на землѣ Евфора и

источающаго кровь раню , мещется ра-
 зрывая первые ряды вооруженъ блестя-
 щю мѣдою , подобно неугасимому Ифе-
 стову пламени и спрашно вопія : Мене-
 лаевъ вскорѣ познаетъ страшный гласъ
 его и съ воздыханіемъ во своемъ велико-
 душномъ сердцѣ вѣщаетъ : увы ! оставляю
 знаменитое оружіе и Патрокла лежащаго
 здѣ за мою честь . Не прогнѣвается ли
 кто отъ Данаевъ , когда узритъ , что я
 единъ бывъ уступлю Ектору и Троя-
 намъ спрашася да не како единого обы-
 душъ многіе : ибо зрю , что колеблющій
 шлемомъ Екторъ ведетъ сюда : но по
 что возлюбленное сердце мнѣ о семъ со-
 вѣщаетъ ? когда человекъ восхощетъ
 сразитися съ мужемъ , коего богъ про-
 славляетъ , вскорѣ претерпитъ великое
 бѣдствіе ; никто убо мнѣ отъ Данаевъ
 не сотворитъ нареканія . Кто узритъ ,
 что я уступаю Ектору ; ибо онъ отъ
 бога брань шворитъ : если бы я гдѣ у-
 зрѣлъ на брани крѣпкаго Еанта . Паки
 бы исшелъ съ нимъ небоязненно проти-
 ву Ектора , или противу какого бога ,
 и исторгнули бы тѣло Патрокла во
 угожденіе Пилееву сыну Ахиллу ; поне-

въ семь бѣдствіи было бы и сіе въ ошраду.

Тако ему помышляюще во своемъ сердцѣ: приближилися Троянскіе ряды предшесивующу Екшору Менелай со скоростію отходитъ ко своимъ полкамъ, оспява лежащее на земли: Патроклово тѣло; печетъ озираяся вспянь, аки красящійся великою гривой страшный левъ идетъ отъ ограды съ нехотѣніемъ, и унывая сердцемъ, когда мужи со псами и съ копіями и со многими воплемъ гонятъ его отъ стоялъ; тако знаменитый Менелай съ печалію оставилъ Патроклово тѣло, пришедъ же ко своимъ совоинственникамъ обращаетъ очи на всѣ страны, дабы узрѣши великаго Еанша сына Теламонова: вскорѣ познаетъ его стояща на лѣвой странѣ воинства увѣщающаго друзей своихъ и ободряющаго ко брани; ибо великій страхъ нанесенъ былъ имъ отъ Фива Аполлона; скоро убо печетъ и приближася къ нему вѣщаетъ: Возлюбленный Еаншъ! посѣвшимъ къ мертвому Патроклу, да поне тѣло его нагое принесемъ ко Ахиллу; ибо броню его со влекъ дерзновенный Екшоръ.

Тако рекъ подвигль премудрое сердце Еаншово; и идетъ чрезъ первыя ряды съ нимъ совокупно храбрый Менелай. Екторъ же, когда снялъ знаменитую броню съ Патрокла влекль его, да опсѣчетъ главу, тѣло же да повергнетъ псамъ Троянскимъ. Тѣмъ временемъ Еантъ приближился на предѣсобоудши акиспращниду, Екторъ же обратился ко своимъ совоинственникамъ и возшедъ на колесницу отдалъ Патроклово оружіе Троянамъ, да опнесутъ во градъ, дабы тѣмъ прославитися. Еантъ же ставъ при тѣлѣ Патрокловомъ оградилъ его щитомъ. Отъ другія страны храбрый воинственникъ Менелай сынъ Атревъ сталъ вознося великій плачь.

Главкъ Ипполоховъ сынъ знаменитый вождь Ликійскаго воинства свирѣпымъ лицомъ возрѣвъ на Ектора начинаетъ поносити его со гнѣвомъ. Екторъ! ты шокмо лицомъ красенъ, о брани же не помышляеши ни мало: воинстину все превозносятъ тебя великою славою, когда тако оставляеши воинство. Помысли нынѣ како возможеши спасти градъ сей и швердыню его бывъ единъ съ твоимъ наро-

народомъ, крй рожденъ есть во Тробѣ. Ибо кто отъ Ликійскихъ мужей изыдеи на брань сопротивъ Аргивянъ защищать градъ сей, когда нѣтъ никакого благодаренія безпрестанно обращающимся и изливающимъ кровь свою сопротиву враговъ! малодушный, како ты спасеши на брани мужа низайшаго, когда Сарпидона друга купно и пришельца оставилъ Аргивянамъ на разхищеніе и посмѣаніе? который когда живъ былъ, много шебъ и граду сему содѣлалъ помощи; нынѣ же не возмоглъ ты отвраштить отъ шѣла его псовъ. Нынѣ убо, ежели послушаеи меня Ликійское воинство вскорѣ возвратимся во опечество наше, и тогда Троянскому граду придетъ послѣдняя пагуба. Когда бы нынѣ въ Троянскихъ сердцахъ была неустрашимая крѣпость и дерзновенное мужество, какое бываеи въ мужахъ, кои защищая опечество отъ враговъ претерпѣвають всякій трудъ и брань, творятъ, вскорѣ бы Напирокла узрѣли мы влекомата внутрь града сего. Ежели бы сего врага извели мы отъ брани мертвого во градъ великаго Царя Пріама, вскорѣ бы Агривяне возвратили

намъ знаменитое оружіе Сарпидоново, и
шѣло его принесли бы мы внутрь града:
ибо былъ бы убіенъ другъ такого мужа,
который во Аргивскихъ корабляхъ паче
всѣхъ есть лучший, подобное ему и во-
инство его; но ты возрѣвъ на враговъ
обращающихся мужественно во брани не
возмогъ стояти противу великодушна-
го Еанша, ниже сразиться съ нимъ; ибо
онъ крѣпостію силъ превосходитъ тебя.

Кичащійся страшнымъ шлемомъ же-
стокосердый Екторъ устремя взоръ пла-
менный на Главка съ яростію къ нему
вѣщаетъ: Главкъ! како ты былъ столь
малый возмогъ поносить меня съ гордо-
стію? о другъ! воистинну я уповалъ,
что ты разумомъ твоимъ превосходиши
всѣхъ обитающихъ въ плодотворной Ликіи;
нынѣ же воистинну уничижаю помысле-
нія твои, кои ты открывъ предо мною,
аки бы я убоился ожидаши приближенія
великаго Еанша: никогда я брани не
спрашуся, ниже звука коней, но всегда
почишаю изволеніе Юпитера Егіоха, кой
самаго великодушнаго мужа силенъ есть
устрашиши, и можешь удобно отъбѣи
побѣду, когда онъ самъ возбуждаетъ ко
брани.

брани. Но шеки со мною, любезный другъ, и стоя близъ меня взираи на мой трудъ: изнемогутъ ли силы мои, какъ ты мнѣ рекъ, во весь день сражашия, или и самому кому хотя зѣло дерзновенному возбраню защищати тѣло Патроклово.

Тако вѣщая ободрялъ Троянъ съ великимъ воплемъ. Трояне, Ликіане и храбрые Дарданіане! мужайтесь возлюбленные други; вспомяните вашей бодрости, да облекуся во знаменитое оружіе прехрабрѣйшаго Ахилла, кое убивъ Патрокла совлекъ я отъ трупа его.

Тако вѣщая страшный Екторъ изшелъ отъ брани и вскорѣ постигъ своихъ совоинственниковъ, кои славное Пилеева сына оружіе несли ко граду: спавъ же особъ отъ много плачевныя брани премѣнилъ оружіе свое: опдалъ Троянамъ да отнесутъ во священный градъ Трою; самъ же облекся въ безсмертную Ахилла сына Пилеева броню, которую небесные боги дали возлюбленному отцу его Пилею, сей же состаревся опдалъ сыну своему, но сынъ во оружіи отца не состарѣлся.

Погоняющій облаки Юпитеръ уарблѣ Ектора облеченнаго во оружіе божественнаго Ахилла поколебавъ главою реклѣ во своемъ сердцѣ: О несчастный! не помышляеши о смерти швоей, кошорая близъ тебя уже обрѣшается, но ты облекся въ безсмертную броню мужа пресловутаго, коего страшатся вси; ты же убивъ крошкаго и сильнаго друга его совлеклѣ отъ раменъ и отъ главы оружіе: нынѣ же я тебѣ подамъ великую крѣпость во ошмщеніе сего оружія, коего никако не узришь молодая жена швоя Андромаха, ниже ты возвратишься въ домъ швой отъ брани. Тако вѣщая черными бровми сотвориѣ знаменіе своего обѣщанія.

Облекшуся Ектору во Ахиллово оружіе пришелъ сильный и страшный Арей; наподнился всѣ члены его крѣпостію и дерзновеіемъ: вскорѣ шечетъ съ великимъ воплемъ ко своимъ совоинственникамъ, кои всѣ узрѣли его блестящаго во оружіи великодушнаго Пилсева сына. Екторъ обтекая воинство ободряѣ паче всѣхъ Месѣла, Главка, Медонца, Оерсилоха, Асперодеа, Дисинора, Иппоѣра, Ооркія, Хронія и прорицашеля Енрона, вѣщая

шая къ нимъ тако: Внемлите безчисленныя народы обитающіи окрестъ насъ помощники! васъ и отъ вашихъ градовъ созвалъ во страну сію не для прославленія множествомъ воинства, но дабы вы Троянскихъ женъ и малыхъ дѣтей всѣмъ желаніемъ потщилися избавиши отъ рукъ ненасытныхъ Ахейнъ. Сіе имѣя въ моемъ помышленіи награждаю васъ дарами и снабждаю всякими потребностями. Сего ради попечемъ нынѣ безстрашно на брань, да или погибнемъ, или спасемся: ибо сей есть жребій брани. Ежели же кто изъ васъ Патроклово тѣло привлечетъ ко Троянскому воинству прогнавъ Еанша, сему дамъ едину половину корыстей моихъ, другую же оставлю себѣ и слава ему будетъ, какова и мнѣ есть.

Тако рекъ и вси съ яростію поспешили прямо сопровивъ Данаевъ устремляя копія: ибо сердце ихъ совершенную имѣло надежду отъяти трупъ отъ Еанша сына Теламонова. Безумные! воинствую многихъ онъ лишилъ живота защищая трупъ. Еантъ узрѣвъ стремленіе Троянскаго воинства вбѣгаетъ къ Менелаю. О другъ! о воспитанный Юпитеромъ Менелай!

нелай! не уповаю уже возвратишися живымъ намъ отъ брани; не шoliko страхъ меня обземлетъ о Патрокловомъ шблѣ, колико о моей собственной и о твоей главѣ, да не поспраждемъ оба что: ибо мглою брани. Екторъ все покрываетъ, намъ же паки приближается лютаѧ пагуба; но ускори воззваши. Данаевъ на помощь, ежели услышишь кто.

Такo рекъ и повинулся ему великодушный Менелай. Простеръ крѣпкій и великій гласъ къ Данаямъ вѣщаетъ: О любезные Аргивскіе вожди и князи! и кои у Атреевыхъ сыновъ Агамемнона и Менелая невозбранно пиршествуете и каждый повелѣваете народами; достоинство же и слава происходятъ отъ Юпитера; не удобно мнѣ есть каждаго вождя зрѣши, ибо шoliko возмущеніе брани происходитъ, но да придетъ кто самъ и воздвигнувъ сердце свое да не попустишь Патроклову шблу быши въ поруганіе псамъ Троянскимъ.

Такo рекъ и вскорѣ гласъ его услышалъ Еантѣ сынъ Илеевъ: первый чрезъ многія ряды совоинственниковъ шечетъ къ нему на помощь, за нимъ послѣдуетъ

Идо-

Идоменей и слуга Идоменеевъ Миріонъ подобный челоѡкоубійцѡ Арею; прочихъ же кто можешъ изчислити имена, какое множество помощниковъ собралосѡ къ Менелаю и возобновили брань? Первые ринулисѡ Троянскіе стѡсненныя ряды предводишельствующу Ектору. Аки при исходящихъ быспрошекущія рѡки раждается шумъ отъ стремящихся къ теченію волнъ и слышитсѡ гласъ внѡ бреговъ изрыгающаго моря; шаковъ былъ вопль Троянскаго воинства. Ахеяне же единое сердце имущіе стояли окрестъ Патроклова тѡла ограждены мѡдными щитами и на блистающіе шлемы ихъ Юпитеръ Кронѡвъ сынъ излилъ великую мглу: ибо и его прежде любилъ, доколѡ живъ былъ тынъ Минишѡевъ, и не хотѡлъ дабы тѡло его псамъ враговъ было въ свѡдѡ; чего ради послалъ къ нему на помощь совоинственниковъ.

Первые Трояне приближасѡ отогнали Ахеянъ, кой оставя трупъ потекли вспѡть. Великодушныя же Трояне никого отъ нихъ не убили, хотѡ и желали, повлекли къ себѡ трупъ, отъ коего Ахеяне уже на нѡкоторое разстояніе отдалилисѡ; но

даки

паки обратилъ ихъ Еантъ, который образомъ и дѣлами по мужескивенномъ Ахиллъ сынъ Пилеевомъ превосходилъ прочихъ Ахейнъ. Течетъ со дерзновеніемъ чрезъ первые ряды совоинственниковъ крѣпостию подобенъ вепрю, который на горахъ юношей молодыхъ и псовъ удобно разгоняетъ, когда обращаютъ его на пространныя пути; тако знаменитый Еантъ сынъ славнаго Теламона удобно вшедъ во множество Троянъ разсыпалъ крѣпкіе ряды ихъ, кои къ Пашроклоу тѣлу приближились и желали всемъ сердцемъ восхити его привлеци ко граду, дабы тѣмъ содѣлати себѣ славу. Въ то время дерзновенный Ипповой сынъ Лиоа Пеласгійскаго привязавъ ремѣнь къ ногѣ Пашрокловой влеклъ его къ себѣ, желая получить отъ Ектора и прочихъ Троянъ честь; но се незапно ниспаде на него пагуба, коей никшо изъ совоинственниковъ не могъ оповратити, хопя и желали. Теламоновъ сынъ устремясь чрезъ множество поражаетъ его во главу; разрушается шлемъ украшенный конскими власами произенъ бывъ остриемъ великаго копія, разрушается крѣпость членовъ,

опу-

опускаешъ изъ рукъ на землю ногу великодушнаго Пашрокла, падешъ и самъ надъ мертвымъ шлоу преклоненъ разлучася съ плодоносною Лариссою не воздавъ любезнымъ родителямъ за воспитаніе благодаренія: ибо маловременна была его жизнь, когда сокрушилъ его мужественный Еаншъ.

По семъ Екторъ мечешъ на Еанша блистающее копье, но сей узрвъ уклонился и избѣжалъ спремленія смертоноснаго; но въспо его возпріялъ смерть знаменитый Схедій Ифитовъ сынъ, кой мужествомъ превосходилъ всѣхъ Фокіянъ и обихалъ во славной Панопеи обладая многими народами; сего Екторъ поразилъ въ рамо, и остріе копья прошло на другую страну; падешъ со звукомъ и возгремѣло оружіе на немъ. Еаншъ пакимечешся на Форкина сына Фенопова задищающаго трупъ Иппофоевъ и поражаетъ его копьемъ во чрево, раздирается крѣпкая броня и остріе проходитъ внутрення, падешъ на песокъ возклоняся на локоть. Тогда первые Троянскіе ратники и храбрый Екторъ по малу начали отступать; Архивъ же возносилъ гласъ восхи-

восхищили къ себѣ трупы Форкія и Ипинооя и совлекли отъ раменъ ихъ броню. Тогда паки Троянское воинство по безсилію своему принужденобъ было укрышся во градъ; Аргивяне же не взирая на совѣшы Юпитера собственною своею крѣпостію и мужествомъ восприяли бы славу, ежели бы не возбудилъ Енея Аполлонъ воспріавъ образъ Нерифанпа, сына Ипинова, который у пресшарѣлаго отца своего провозвѣспникомъ состарѣлся сохраняя въ сердцѣ своемъ премудрыя совѣшы, сему Аполлонъ уподобяся и пришедъ ко Енею вѣщаетъ: Еней! како могли бы вы спасти градъ вашъ безъ бога? Ибо видѣлъ я нѣкоторыхъ мужей уповающихъ на могущество, на крѣпость, на мужество и дерзновеніе свое и имѣющихъ народъ неустрашимый, намъ же Юпитеръ побѣды желася паче, нежели Данаямъ, но вы сами боишесь и бѣжишеся отъ брани.

Тако рекъ, Еней же, возрѣвъ на него скоро, позналъ бысть сирѣломещущему Аполлону; возопивъ убо, ко Ектору вѣщаетъ: Екторъ и вы всѣ, храбрые дождя Троянъ и пришедшіе на помощь посрамленіе

ите нынѣ есть намѣ, тако бѣжати во
 градъ смирившимся отъ храбрыхъ Арги-
 вянъ по нерадѣнію нашему. Се нѣкто
 отъ боговъ нынѣ представъ мнѣ возвѣ-
 стилъ, что самъ высочайшій Юпитеръ
 будетъ намѣ во брани помощникъ; взы-
 демъ убо безстрашно сопротивъ Данаевъ
 и не попустимъ ихъ отвлеци въ покоѣ.
 Напроклово тѣло къ кораблямъ своимъ.
 Тако рекъ и первый мещется всѣхъ со-
 воицъ ственниковъ; по немъ воздвиглося и
 прочее множество и стали сопротивъ
 Ахейнъ. Въ то время Еней прободаетъ
 копіемъ Леокрита сына Ариствантова вѣр-
 наго друга Ликомидова: храбрый воин-
 ственникъ Ликомидъ узрѣвъ падшаго его
 возмутился сердцемъ, шепчетъ и ставъ
 вѣло близко мещетъ блистающее копіе и
 поражаетъ онымъ пастыря народовъ Ап-
 саона сына Иппасова, кой пришелъ отъ
 плодоносной Пеоніи и по Астеропей былъ
 знаменитый ратникъ. Мужественный
 Астеропей узрѣвъ падшаго своего друга
 поколебася духомъ, шепчетъ и самъ сре-
 зипися съ Данаими, но никоимъ образомъ
 не возможно было: ибо ограждены отъсю-
 ду крѣпкими щитами стояли окрестъ

Патроклова шѣла и предѣ собою держали копія. Еаншѣ же обшекая всѣхъ ободрялъ повелѣвая, да никто отѣ Патроклова шѣла вспяшъ не отступитѣ, ниже дерзнетѣ кто отлучася отѣ совоинственниковѣ сражашися съ Троянами, но не отступно быти при шѣлѣ Патрокловомѣ и защищати его.

Тако повелѣвалѣ чудный Еаншѣ; земля уже тогда напоялася багряною кровію и великое множество падало мертвыхъ какѣ отѣ страны Троянѣ и ихъ помощниковѣ, шако и отѣ Аргивянѣ; ибо не безѣ пролитія своей крови и сѣи сражались, но много меньше умерщвлено было отѣ Данаевѣ: ибо непрестанно другѣ друга ободряли ко отпгнанію зловреднаго труда пагубныя брани. Тако рашѣ кипѣла на подобіе огня, ниже моглѣ быти сказаши тогда, что солнце и луна пребывающѣ невредимы; всѣ покрыты были иглою брани; ибо сильнѣйшіи стояли при шѣлѣ Патрокловомѣ; прочіи же Трояне и Ахеяне спокойно сражались подѣ воздухомѣ, и сіяніе солнца летало острее, облака же ни отѣ коея страны видѣти не возможно было, ниже отѣ горѣ, и бранѣ
была

была безотдыхновенная, всюду разсыя-
 ся воинства убѣгая смертоносныхъ стрѣлъ;
 кои же были въ срединѣ, тѣ претерпѣ-
 вали болѣзни отъ воздуха и сраженія, и
 самые дерзновеннѣйшіе мужи уязвляемы
 были остріемъ оружія. Двое же знаме-
 нитые воинственники Орисимидъ Анти-
 лохъ доселѣ не слышали о смерти Па-
 трокла, но мнѣли, что еще живъ обрѣ-
 тается, исражается въ первомъ смятеніи
 со Троянами; взирая же на смерть и бѣг-
 ство совоинственниковъ брань шворили
 особъ: ибо тако повелѣлъ Несторъ возбу-
 ждая ко брани отъ кораблей: ужасное
 же сіе возмущеніе брани чрезъ цѣлый
 день происходило, и отъ непрестаннаго
 труда колѣна, лядвія, ноги, руки и ли-
 це въ потъ омочалось сражающихся му-
 жей: окрестъ Патрокла великодушнаго
 Ахиллова друга.

Какъ когда мужъ дастъ великаго во-
 ла наполненную тукомъ кожу растяги-
 вать народамъ; сіи же приавъ оную и
 стоя вокругъ напрягающъ силы свои.
 Вскорѣ проходишь отъ нея влажностъ и
 шукъ изсыкается отъ сильнаго напряже-
 нія; тако Трояне и Ахейне влекли Па-

прокловъ трупъ желая всемъ сердцемъ
сѣи принести къ кораблямъ, Трояне же
во градъ свой и окрестъ его мяшежъ не-
сказанный производилъ. Тогда ниже самъ
народохранишель Арей, ниже Аѳинская
Паллада, хопя бы великій гнѣвъ объялъ
ея сердце, не сошворила бы поношенія.
Толико шруда мужамъ и конямъ въ день
шой ниспослалъ Юпитеръ Патрокла ради.

Божественный же Ахиллъ по сіе вре-
мя не зналъ о смерти Патрокловой: ибо
брань далеко была отъ кораблей подъ
самою Троянскою твердынею, и для то-
го никогда не помышлялъ во своемъ серд-
цѣ умерщвлену быти ему, но уповалъ,
что паки возвратится живъ къ кораб-
лямъ своимъ; ибо непременно надѣялся,
что безъ присутствія своего не возможно
опровергнути града ниже при себѣ: ибо
часто о семъ вопрошалъ матеръ свою,
которая и открывала предъ нимъ изво-
леніе великаго Юпитера; но тогда не
повѣдала ему о злоключеніи, какое содѣ-
лалось, что паче всѣхъ возлюбленнѣйшій
другъ его погубилъ животъ свой.

Трояне же и Ахейне окрестъ Патро-
кла устремляя копія непрестанно сра-
жались

жались и другъ друга умерщвляли. Тогда нѣкто отъ Ахейнъ рекъ ко своимъ совоинственикамъ тако: О други! безчестно будетъ намъ возвратиться къ кораблямъ своимъ, когда пожреть насъ всѣхъ земля на семъ мѣстѣ; ибо много полезнѣе будетъ сіе, нежели мужественнымъ Троянамъ предати Пашроковъ трупъ, да отвлекутъ его во градъ свой и тѣмъ содѣлаютъ себѣ славу. Равнымъ образомъ и отъ Троянскія страны единъ единого увѣщевали тако: Хотя и всѣмъ намъ купно должно будетъ умерети здѣ, но никакъ да не дерзнетъ никто ошши опсюду.

Такъ другъ друга ободряя подвигались на брани и вопль ужасный по воздуху восходилъ къ небесамъ. Кони же Ахилловы далече отстоя отъ брани, какъ шокмо почувствовали, что возница ихъ, палъ на песокъ мертвъ отъ рукъ челоукоубійцы Ектора, плакали не утѣшно; и хотя мужественный Автомедонтъ сынъ Діореевъ многожды понуждалъ ихъ бичемъ, ласковыми словами и страхомъ, но они ниже къ кораблямъ стоящимъ на пространномъ Еллиспонтѣ, хотѣли ити,

ниже паки возвратитися на брань ко Ахейнамъ, но аки надгробный камень лежишь неподвижно на могилѣ мужа или жены; тако твердо стояли кони имѣя подѣ собою великолѣпную колесницу преклонивъ главы къ землѣ и воздыхая желаніемъ возницы источали горячія слезы по челюстямъ на землю; прекрасныя гривы ихъ размешаны лежали по выямъ въ нечистотѣ и небреженіи. Юпишеръ же сынъ Кроновъ зря сѣшваніе ихъ милосердствовалъ и поколебавъ главою вѣщаетъ во своемъ сердцѣ: О злополучные! почто мы дали васъ царю смертному Пилею, вы же бессмертные и состарѣвшіяся немогущіи? или для того, дабы между несчастными людьми и вамъ спрдасти печали? ибо отъ всѣхъ шварей, кои на землѣ ползаютъ и дышутъ, нѣтъ ничего бѣдственнѣе человѣка. Но не будетъ вами управляти Екторъ, ниже всадетъ на колесницу сію, ниже я дозволю. Или не довольно, что имѣетъ броню Ахиллову и ею хвалится тщетно? вамъ же въ колѣна и сердце ниспослю крѣпость да и Автомедонта изнесете отъ брани къ Мирмидонскимъ кораблямъ; ибо еще дамъ

дамъ вамъ славу убити нѣкоего мужа, до-
колѣ прійдетъ къ кораблямъ, и тогда зай-
детъ солнце и священная ночь прійдетъ.

Такъ рекъ и вдохнулъ колѣнамъ крѣ-
пость великую, они же отрясше прахъ
отъ гривъ понесли скоро легкую коле-
сницу къ Ахейскому и Троянскому воин-
ству. Автомедонтъ же хотя и сокру-
шался печалію о смерти друга своего,
но всюду оными дѣлалъ устремленіе аки
орелъ на гусей; удобно избѣгалъ Троян-
скаго возмущенія, удобно же самъ напа-
далъ поспигая чрезъ множество народа,
но не убивалъ мужей; ибо не возможно
было единому сидя на священной оной
колесницѣ мешати копіе купно и управ-
ляти божественными быстрыми конями.
Наконецъ узрѣвъ его мужественный Ал-
кимедонтъ сынъ Лаеркея сына Емонова,
и приближася къ колесницѣ вѣщаетъ ко
Автомедонту: Автомедонтъ! кто онъ
бѣговъ толь пагубный совѣтъ положилъ
въ сердцѣ швоемъ и отъявъ здравый ра-
зумъ повелѣлъ изыти на брань сопротивъ
первыхъ рядовъ Троянскаго ополченія?
извѣстно тебѣ, что совоинственникъ швой
убишь, брону же Ахиллову Екшоръ имѣя

на раменахъ своихъ съ веселіемъ торжествоуешь.

На сіе Автомедонтъ сынъ Діорея отвѣщаеъ ему: Алкимедонтъ! знаю, что никто отъ Ахейнъ равенъ быти тебѣ не можетъ знаніемъ управляти копей и смирятн силы ихъ, какъ токмо единъ подобающій совѣтами богамъ Пашроклъ доколѣ онъ живъ былъ; нынѣ же смерть и рокъ постигаеъ, взыди убо на колесницу и воспріими бразды сія и бичъ, я же сиду на землю и буду сражатися пѣшій.

Тако рекъ; Алкимедонтъ возшедъ на колесницу вскорѣ приалъ бразды и бичъ, Автомедонтъ же нисшелъ на землю: Знаменистый Екторъ познавъ Ахилловыхъ коней абіе вѣщаеъ ко Енею стоящему близъ его: Еней! премудрый совѣтникъ мужественныхъ Троянъ! се видѣлъ я копей Ахилловыхъ пришедшихъ на брань со безсильными возницами и надѣюся получить ихъ, ежели бы твое сердце со мною было согласно: ибо всадники сіи не могутъ стерпѣти нашего нападенія ниже сраженіемъ прошившихся.

Тако рекъ и повинулся ему храбрый сынъ Анхисовъ покрывъ рамена швердыми кожаными щитами обложенными крѣпкою мѣдію, потекли дерзновенно и съ ними великодушный Хромій и богоподобный Аридъ уповая сердцемъ убити Автомедонта и возницу его и ошгаши безсмертныхъ коней оныхъ. Безумные! воистинну не безъ пролишя своей крови имѣли вспять возвратиши отъ Автомедонта; кой воздавъ моленіе ошцу боговъ Юпитеру весь исполнился мужества и крѣпости и вскорѣ къ вѣрному своему другу вѣщаетъ тако: Не далече держи отъ меня коней сихъ, но дабы близъ самага моего хребта дышали: ибо мню, что челоукоубійца Екторъ не престанетъ устремляшися противъ насъ, доколѣ взыдетъ на божественныхъ Ахилловыхъ коней и убивъ насъ приведетъ Аргивскихъ мужей ряды въ шрепешъ, или самъ между первыми падетъ.

Тако рекъ вопіетъ къ Еантамъ и Менелая: Аргивскіе вожди Еанты и Менелай и вси дерзновеннѣйшіи мужи! воспріимите попеченіе о семъ Патрокловомъ тѣлѣ, задушите его, прогоните спремленіе

Иленіе сопротивныхъ мужей, и отвори-
те отъ насъ день ярости; се Екторъ,
Еней и вси избранные отъ Троянъ те-
кутъ жесочае умножити плачевную
брань; но все сіе во власти боговъ по-
ложено есть; нынѣ же вергну и я копіе
мое, сіе же все предавъ попеченію все-
сильнаго Юпитера. Рекъ и сотряся
копіе великое мещетъ сопротивъ Ари-
стова щина, кой устремленія его не
могъ воспятити, но остріе мѣди про-
шедъ твердостъ и сокрушивъ полъ вон-
зается во чрево. Аки мужъ острою сѣ-
кирою ударяетъ вола созади роговъ и
пресѣкаетъ жилу, онъ же отскочивъ па-
детъ; тако Аристъ отскочивъ палъ на
хребетъ, остріе же копія растерзавъ
внутренняя сокрушило крѣпость его чле-
новъ. По семъ Екторъ мещетъ копіе на
Ашомедонта, но сей узрѣвъ избѣжалъ
пораженія его преклонивъ главу; Екторо-
ву копіе не содѣлавъ ни какого вреда вон-
зается въ землю сотрясающуся древу.
Тогда паки Арей привелъ въ безсиліе крѣ-
пость; уже хотѣли сражаться мечами,
ежелибъ не расшоргли ихъ мужествен-
ные Еанты, кои на вопль Ашомедонта
скоро

скоро приблизились. Екторъ, Еней и Хромій убояся ихъ ошступили, вспяшь оставя Ариста лежащаго съ растерзанымъ сердцемъ. Подобящійся же сильному Арею Автомедонтъ совлекъ отъ раменъ броню въ превозношеніи реклъ: нынѣ я воисшинну содѣлааь облегченіе сердцу мертваго Патрокла, хотя и не равнаго ему убилъ мужа.

Такъ реклъ, и взявъ окровавленные корысти положилъ на колесницѣ и самъ восшелъ имѣя руки и ноги обогренныя кровію аки левъ растерзавшій вола.

Паки крѣпкая, многоплачевная и лютая брань умножается окрестъ Патроклова тѣла и мятежъ сей воздвигла Паллада Аѳинская нисшедъ отъ неба, которую предпослалъ пространновидящій Юпитеръ возбудити Данаевъ; ибо изволеніе его премѣнилось. Какъ когда Юпитеръ простираетъ на небѣ порфировидную радугу во знаменіе смертнымъ приближающіся брани или грядущія зимы; которая людямъ приноситъ отдохновеніе во трудахъ земныхъ, овцамъ же шворитъ вредъ; тако Аѳинская богиня покровенна бывъ багрянымъ облакомъ нисшла во о-
полченіе

полченіе Данайское и ободрила каждого мужа. Приявъ же образъ и не ушесимый гласъ подобной Финику и перваго возбудивъ храбраго Менелая сына Атрея вѣщаешъ къ нему: шебъ о Менелай печаль и поношеніе будешъ, ежели Ахиллова вѣрнаго друга тѣло растерзаютъ быстрыя псы подъ стѣнами Троянскими; воспріими убо мужество и ободри народъ весь.

На сіе великодушный Менелай отвѣщаль тако: почтенный Финикъ! древній старче! ежели бы Аѳинская богиня послала мнѣ крѣпость и отвратила лешаніе стрѣлъ, желалъ бы я взыти на брань и содѣлати помощь Патроклу: ибо нестерпимо преогорчается сердце мое смертію его, но Екторъ подобно пламени неистовствуетъ своею крѣпостію; ниже престаешъ умерщвляти мужей сильныхъ; ибо ему Юпитеръ славу посылаетъ.

Такъ рекъ и возрадовалася божественная Паллада, что ея прежде всѣхъ боговъ призывалъ на помощь; укрѣпляетъ рамена его и колѣна и посылаетъ въ перси дерзновеніе мухи, которая хо-
тя

пѣ и часто прогоняема, бываетъ отъ чело-
вѣческаго шѣла, но ужалиши всегда
ищишя и кровь челоѣческая приятна
ей; ꙗковымъ дерзновеніемъ наполнила
Паллада сердце Менелая. Приблизися
убо къ Пандроклову шѣлу мещемъ копіе
блистающее. Былъ нѣкто между Троя-
нами знаменитый мужъ Подей сынъ И-
стионовъ, богатъ, силенъ и много почи-
таемъ отъ Ектора: ибо былъ ему другъ
и любезный собесѣдникъ. Сего Менелай
обращающагося къ бѣгству поразилъ въ
поясъ и остріе мѣди сокрылося во вну-
тренности чрева его; падешъ со зву-
комъ на песокъ; Менелай восхитивъ
трупъ отвлекъ его ко своимъ совой-
нственникамъ. Ектора же не далече стоя-
ющаго воздвиглъ Аполлонъ приавъ на се-
бя образъ Фенона сына Асіева, кой оби-
талъ въ Авидѣ и паче всѣхъ прешед-
шихъ на помощь любезнѣйшій ему былъ;
сего Аполлонъ приавъ подобіе вѣщаетъ:
Екторъ! кто нынѣ отъ Аргівянъ бояшь-
ся тебя будешъ, когда ты единого у-
спрашилъ Менелая, кой прежде мало-
душенъ былъ во брани, нынѣ же единъ
шокмо бывъ убилъ твоего вѣрнаго друга

и храбраго воинственника Подея сына Иетіонова и ошвлелъ его во свои полки.

Тако рекъ и темный печали облакъ покрылъ Екшорово сердце: шечепъ расторгая первые ряды облеченъ горящею мѣдію. Тогда Юпитеръ воспріялъ блистающій свой щитъ и мглою покрылъ Иду; мечетъ блистанія страшныя и громы сильныя; поколебалъ гору Иду, дая Троянамъ побѣду, Ахейи же приводя въ шрепетъ. Тогда первый Пинелей вождь Віомійскаго воинства обратился къ бѣгству: ибо Полидамантъ уязвилъ его копіемъ въ рамо и остріе растерзало плоть его даже до кости; Екторъ же поразилъ во длань великодушнаго Ліиша сына Алекстріонова, кой устрашась изшелъ отъ брани: ибо не имѣлъ надежды уязвленною рукою держати копія и брань шворити со Троянами. Идомеи узрѣвъ Ектора гонящагося за Ліишомъ поражаетъ въ персіи близъ сосца, но копіе сокрушилося о твердую броню Екшорову. Трояне устрашились. Екторъ же паки шечепъ ко Идоменею сыну Девналову стоявшему на колесницѣ мечетъ

мещеѣ на него копѣе, но оное измѣни-
ло; вмѣсто же его поражаетѣ Миріонова
друга и возницу Кирана, кой послѣдо-
валѣ за нимѣ отѣ благонаселеннаго Лик-
ша: ибо съ начала оставя корабли при-
шелѣ пѣшій и былѣ великою помощію
сопротивѣ Троянѣ; но тогда какѣ по-
спѣшалѣ на колесницѣ желая сотворити
помощь Идоменею и отвратиши день
яростный, погубилѣ животѣ подѣ руками
человѣкоубійцы Ектора, кой пронзивѣ близѣ
уха челюстѣ сокрушилѣ зубы и языкѣ
пресѣклѣ, падешѣ отѣ колесницы на
землю и испускаетѣ отѣ рукѣ бразды,
кои Миріонѣ восхитивѣ къ себѣ и укло-
няяся отѣ поля реклѣ ко Идоменею: по-
шечемѣ нынѣ скоро, доколѣ приблизимся
къ нашимѣ кораблямѣ; самѣ ты видиши,
что изнемогающѣ Аргивскія силы.

Тако реклѣ Миріонѣ; Идоменей же
погналѣ коней къ кораблямѣ, ибо на-
палѣ страхѣ на сердца ихѣ. Великоду-
шный же Еантѣ познавѣ, что Юпитерѣ
даетѣ побѣду Троянамѣ вѣщаетѣ къ Ме-
нелая: О злополучіе! воистинну несмы-
сленѣ былѣ бы той человѣкѣ, который
не позналѣ бы, что Юпитерѣ подаетѣ
славу.

славу Троянамъ: ибо кшо ни мещетъ
 отъ нихъ стрѣлы, малосиленъ или муже-
 ственъ, вси равно поражаютъ; но Юпи-
 теръ управляетъ все; наше же всѣхъ
 верженіе щещно есть и токмо земля
 нмъ поражается. Но пошчимъ избра-
 ши полезнѣйшій совѣтъ, да или исхи-
 шимъ Патрокловъ трупъ, или сами во-
 звратяся здравы будемъ въ радость воз-
 любимымъ друзьямъ нашимъ, кои, мно-
 го взирая къ намъ сокрушаются пе-
 чалію и не уповаютъ понести намъ пла-
 менныя крѣпости и неприкосновенныхъ
 рукъ челоукоубійцы Ектора, но мнятъ,
 что вси падемъ при корабляхъ нашихъ.
 О дабы былъ кшо здѣ отъ совоинствен-
 никовъ нашихъ, кой скоро возвѣстилъ
 бы Ахиллу сыну Пилееву о нашемъ зло-
 ключеніи: ибо не уповаю свѣдому ему
 быти, что любезный другъ его погу-
 билъ животъ свой; но не могу увидѣши
 никого такого отъ Аргивянъ: ибо вси
 мы купно и кони наши покровенны тьмою.
 О отче Юпитеръ! но ты прогони тьму
 сію отъ сыновъ Ахейскихъ, пошли ясность
 и сошвори да узрятъ очи наши свѣтъ; по-
 губи насъ, ибо тебѣ шако угодно есть, но
 погуби во свѣтъ.

Тако

Тако рекль; отецѣ же боговѣ и челоуковѣ призрѣль на слезы Еанта: вскорѣ рассыпалъ шму, прогналъ облакѣ; воссіяло солнце и вся брань открылася. Тогда Еантѣ мужественному Менелая вѣщаетъ: простри твой взорѣ на всѣ страны о Юпиперомѣ воспитанный Менелай! еда можеша увидѣти еще въ живыхъ великодушнаго Анпилоха сына Несторова да пошлеша его скоро къ боже-ственному Ахиллу возвѣстити, что паче всѣхъ любезнѣйшій другѣ его погибъ.

Тако рекль и повинулся ему мужественный Менелай. Аки левѣ шомимый гладомѣ настигаетъ на мужей и псовѣ, кои чрезѣ всю ночь бодрствуя не попускаютъ восхитити отъ грады вола, но яростію своею ничего не успѣваетъ: ибо многія сопротивъ его отъ рукъ дерзновенныхъ мещутся стрѣлы и горящіа лучи, коихъ при всей своей люто-сти боится; за упряже отходитъ отъ нихъ съ преогорченнымъ сердцемъ: тако бодрственный Менелай оставилъ Пашрокла съ великимъ нехотѣніемъ, бояся, дабы Ахейсѣ отъ зѣльнаго страха не остави-

ли, его на расперзаніе сопротивнымъ. При отшествіи же со усердіемъ просилъ Миріона и обоихъ Еантовъ: О храбрые Аргивскіе военачальники! нынѣ подобаесть вспомнянути о кропости злополучнаго Папрокла: ибо когда въ живыхъ обрѣтался ко всѣмъ былъ благосклоненъ; нынѣ же смерть и рокъ обладаетъ имъ.

Такъ рекъ отшелъ великодушный Менелай обращая взоръ на всѣ страны. Аки Орелъ, о которомъ повѣдають, что паче всѣхъ воздушныхъ птицъ острѣйшее имѣесть зрѣніе, и что отъ высочайшаго его паренія быстротекущій заяцъ не можетъ укрышися лежа въ густыхъ кушарникахъ, но усмотрѣніемъ его восхищенъ бывъ скоро погубляетъ животъ въ когтяхъ его; тако твои тогда, о воспитанный Юпитеромъ Менелай, свѣтлыя очи всюду обращали во пространномъ Ахейскомъ воинствѣ, дабы узрѣши сына Несторова, еще ли онъ между живыми числяется. Но се, вскорѣ познаетъ его на лѣвой странѣ брани ободряющаго воиновъ и возбуждающаго ко сраженію.

Мужественный Менелай приближася къ нему вѣщаетъ: Знаменимый Аншилохъ!

внуши

внуши нынѣ плачевную вѣсть, которая о дабы никогда не приключилась; но уже мню, что и самъ ты зря познаеши, въ какое злополучіе богъ низринулъ Данаевъ; побѣду одержали Трояне, избранный же отъ всѣхъ Аргивянъ Патроклъ скончалъ животъ на брани оставя по себѣ великое Данаемъ сокрушеніе. Теки убо скоро къ кораблямъ твоимъ и возвѣсти сіе божественному Ахиллу, да елико можно поспѣшишь исхитити обнаженный трупъ: ибо бронею его владѣть уже страшный Екпторъ.

Такъ рекъ Менелай; Антилохъ слышавъ сіе пораженъ стоить; языкъ его не можетъ произнести ни единого слова, очи наполнились слезами, гласъ юношескій пресѣкся; но ниже тако пренебрегъ повелѣнія Менелая, печетъ со скоростію оставя оружіе свое Лаодоку другу, кой близь его обращалъ коней; несутъ отъ брани быстрыя ноги слезящаго Антилоха имѣющаго возвѣстити Ахиллу сыну Пилееву слово горестное. Ниже свое сердце о великодушный Менелай желало помогати удрученнымъ совившимся, когда отшелъ Антилохъ,

М 2

оставя

оставя Пиллійскому воинству печаль. Но повелѣлъ божественному Еврасимиду быши на мѣсто его, самъ же пакы возвратился къ Патроклову тѣлу. Приближаясь къ Еантамъ незнапно вѣщаетъ имъ: Уже послалъ я Анпилоха съ возвѣщеніемъ къ Ахиллу, но мню, что не придетъ нынѣ на брань, хотя и зѣло преогорчится на люшаго Ектора: ибо никакъ не возможно ему сражашися безоружному со Троянами. Изберемъ убо нынѣ полезнѣйшій совѣтъ; да или исхитимъ Патрокловъ трупъ, или сами себя спасая отъ смерти потщимся убѣжать отъ нападенія Троянскаго.

Великій Еантъ сынъ Теламоновъ отвѣщалъ ему на сіе: Всѣ твои слова благопристойны суть о пресловутый Менелай! но ты и Миріонъ, колико можно скоро пришекъ и восхитивъ тѣло потщитесь изнести отъ брани, мы же созади будемъ сражашися со Троянами и божественнымъ Екторомъ имѣя едино сердце и едино имя, кои всегда прежде всѣхъ ожидаемъ свирѣпыя брани пребывая неразлучно.

Тако рекъ, Миріонъ же съ Менелаемъ пришекъ восхищипи тѣло на рамена. Троянское же воинство узрѣвъ похищаемый трупъ воздвигло необычайный вопль и многіе ринулися за Менелаемъ и Миріономъ. Аки за уязвленнымъ вепремъ гонятся псы предъ очами юношей ловцовъ и съ яростію текутъ желая растерзати, но когда вепрь уповая на свою крѣпость обращается къ нимъ, тогда отступаютъ и рассыплются во всѣ стороны, тако Трояне слѣдовали за Ахейцами поражая ихъ мечами и копьями обоюду острыми. Но когда Еанши обратились и стали сопротивъ ихъ, тогда отъ страха у Троянъ измѣнился цвѣтъ въ лицѣ и никто не дерзалъ воздвигнуться къ сраженію за мертвое Патроклово тѣло.

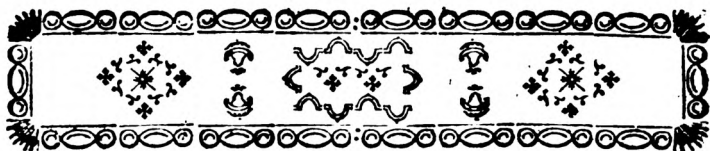
Тако сѣи изнесли трупъ отъ мятежа къ кораблямъ. Вскорѣ по себѣ востаетъ паки жестокая брань. Аки огонь возгорѣвшійся нечаянно нападетъ на градъ мужей, неистовствующій же пламень воздвизаемый бурного вѣтра силою подастъ многіа крѣпкія дома: тако неукрошимое возмущеніе происходило отъ

сраженія Троянскаго и Ахейскаго воинства щитами и копіями всоруженныхъ мужей и отъ конскаго во всѣ страны преристанія.

Менелай же и Миріонъ уже отдалились отъ брани. Аки два осла совокупивъ крѣпкія свои силы влекутъ по каменистому пути бревно или великое дерево на созиданіе корабля, сердце же ихъ страдаетъ отъ труда, пота и отъ напряженія силъ; тако оныя два знаменишыя Ирои весли Папроклово тѣло со всякимъ желаніемъ. Отъ хребта же защищали ихъ мужесшвенные Еаншы. Аки лѣсистый холмъ пропягающійся по всему полю удерживаетъ воды и быстро текущихъ рѣкъ яростному наводненію возбравяетъ разлишися, вскорѣ стремленію ихъ предѣлы полагаетъ на полъ и силы его никакое водъ упорство подвигнути не можетъ; тако дерзновенные Еаншы воспящали лютому нападенію Троянъ, кои совокупными силами слѣдовали; паче же всѣхъ неистовствовали два свирѣпыя вишязи, Еней сынъ Анхивой и чудный Екшоръ. Аки спадо воробьевъ или галокъ летятъ съ великимъ

воплемъ, когда видяшъ гонящагося за ними ястреба, кошорый малымъ птицамъ наноситъ горькую смерть: тако отъ Ектора и Енея Данайскіе юноши текли вознося мятежныя гласы и забывъ сопротивляшися. Многія тогда прекрасныя оружія пали окрестъ рва, и брань ни мало не преславала.

ОМИРОВОЙ ИЛІАДЫ

ПѢСНИ ОСЬМОЙНАДЕСЯТЬ.

с о д е р ж а н і е.

Ахиллѣ познавъ о смерти Патрокловою плачетъ съ великимъ сердца сокрушеніемъ; мать же Фетида исшедъ отъ моря утѣшаетъ его и советуетъ воздержатися отъ брани, доколѣ прінесетъ отъ Ифеста броню. Ахиллѣ по повелѣнію Иры безоруженъ исходитъ кораблю и являюща Троянамъ, кон узрѣвъ его поражаются страхомъ и во время бѣгства многіе отъ нихъ сокрушаются. Мирмидоняне же Патроклово тѣло омывають. Ифестъ приутошовляетъ Ахиллу броню.

ПѢСНЬ XVIII.

СИГМА.

Тако Трояне и Ахеяне подвизались во брани на подобіе горящаго огня; Аншилохъ же въ то время приближился

ся съ возвѣщаніемъ къ божественному Ахиллу, коего обрѣтаешь на кораблѣ помышляющаго о томъ, что уже совершилось, и съ воздыханіемъ вѣщающаго ко своему великодушному сердцу тако: Увы! что паки мужественные Ахейцы возмущаются близъ кораблей расбѣяны по всему полю. Да не исполнятъ боги зловредныхъ моего сердца помышлений; какъ нѣкогда мнѣ матерь моя предвѣщая рекла, что избранному отъ всѣхъ Мирмидонянъ еще при жизни моей отъ рукъ Троянскихъ зайдетъ свѣтъ солнечный, или воистинну храбрый Патроклъ сынъ Менитіевъ умерщвленъ есть? злополучный! но я повелѣвалъ ему, когда отвратитъ зловредный огонь, дабы паки возвратился къ кораблямъ и не дерзалъ бы сражаться со Екторомъ.

Таковыми мяшуща Ахиллу помышленіями предсталъ знаменитый сынъ Несторовъ; проливая же горячія слезы открываетъ печальное возвѣщеніе: О сынъ премудраго Пилея! воистинну горестную нынѣ услышиши вѣсть, . коей не подобало бы исполниться: лежашъ уже Патроклъ; и окрестъ обнаженнаго

его шѣла брань люшая происходитъ;
оружемъ же швоимъ украшается стра-
шный Екшоръ.

Тако рекъ; и темный печали об-
лакъ покрылъ божественнаго Ахилла: о-
боими руками взявъ горячій песокъ по-
сыпалъ на главу и онымъ приашлое ли-
це свое обезобразилъ и благовонная одеж-
да отъ нечистоты песка пошенила;
самъ же распроспертъ лежалъ на землѣ,
прекрасныя власы терзая руками; рабы-
ни же, коихъ Ахиллъ и Патроклъ по-
лучили въ корысть, воздвигли страшное
рыданіе сокрушаяся сердцемъ и ишедъ
вонъ стали окрестъ божественнаго Ахил-
ла бѣя въ перси руками и крѣпосиъ чле-
новъ ослабѣла всѣхъ. Отъ другія же
страны Аншилохъ плакалъ источая сле-
зы и держа за руки Ахилла: ибо боял-
ся, да не пронзитъ выи своея желѣзомъ.
Спенанія же благороднаго его сердца и
страшный вопль слышала священная
его мать сѣдѣющая во глубинахъ мор-
скихъ у престарѣлаго отца своего; вско-
рь по томъ и сама возрыдала. окружена
бывъ богинями, кои обитають во глу-
бинѣ моря и нарицаются Нирейды. Тамо
были

были Главка, Фалія, Кимодока, Нисея, Спія, Фоя, красящаяся великими очами Алія, Кимовоя, Акшея, Лимнорія, Мелита, Іера, Амфиовя, Агава, Доша, Провоя, Феруса, Динамена, Дексамена, Амфинома, Калліанира, Дорида, Паиопа, благообразная Галашея, Немерта, Апсевда, Калліанаса, Климена, Іанира, Іанасса, Мера, Орнөія, красящіяся власами, Амаөіа, и прочія коими наполнена была въ пучинахъ морскихъ серебряная пещера; всѣ сїи совокупно бїя въ персїи воздвигли плачь и первая Фетида начала рыдаши въщая шако.

Приблизитесь возлюбленные сестры Нирейды, да услышите всѣ, коликая болѣзнь мое пронзаетъ сердце! увы! о я злополучная! О несчастно во ушрөбѣ носившая! родила сына благообразнаго, крѣпкаго и избраннаго между Ироями; воспитавъ его аки древо на плодосной землѣ послала на корабляхъ ко граду Илїанскому на брань сопротивъ Троянѣ зловредныхъ; но его уже не воспрїиму паки возвращающагося въ жилища Пилесвы; нынѣ же доколь живъ есть и доколь свѣтъ солнечный видишь, ошѣ печалю

чали испаеваетъ, яже помощи никакой ему содѣлать не могу. Но иду, да узрю возлюбленнаго моего сына и услышу, какая вина есть плача его.

Тако вѣщая оставляетъ пещеру, послѣдуютъ ей и прочія богини проливая слезы, раздѣлялася вода морская окрестъ ихъ. Пришедъ во плодоносную Троянскую страну сѣли на берегу, гдѣ Мирмидонскія стояли корабли окрестъ божественнаго Ахилла, къ коему и представала священная мать его Фетида, и неутѣшно рыдая объемятъ руками главу возлюбленнаго своего сына и со слезами къ нему вѣщаетъ: О дражайшій сынъ что плачешь? какая болѣзнь объемятъ сердце твое? повѣдай и не сокрой; какъ прежде ты воздѣвая руки ко Юпитеру молилъ его о утѣсненіи сыновъ Ахейскихъ при корабляхъ ихъ, дабы страдая злоключенія возтребовали отъ тебя помощи, тако все и совершилось.

Божественный, Ахиллъ воздохнувъ изъ глубины сердца отвѣщалъ ей: Священная моя Мать! знаю, что все сіе совершилъ Юпитеръ; но какое мнѣ отъ того ула-

услажденіе, когда погибъ возлюбленный мой другъ Патроклъ, коего я паче прочихъ друзей почиталъ и любилъ равно какъ и главу мою, но я погубилъ его; челоукоубійца же Екторъ (о чудное зрѣніе!) красуется бронею, которую безсмертные боги какъ великолѣпный даръ дали Пилею въ день шопъ, когда они шебя на ложе смертнаго мужа положили, о колико бы полезнѣе было шебъ обихати тамо съ морскими богинями; Пилею же поящи жену смертную; нынѣ же и твое сердце снѣдаетъ безмѣрная печаль о сынѣ, что не узриши его возвращающагося паки въ домъ свой; и мнѣ сердце не совѣщаетъ жити и обращаться между мужами, ежели Екторъ первый не погубитъ живота своего пронзенъ бывъ моимъ копьемъ и воспріиметъ отмщеніе за смерть моего возлюбленнаго друга Патрокла сына Менитіева.

Рыдающая Фетида паки ошвѣщала ему: о сынъ мой! скоро умрешь, какъ и самъ ты нынѣ рекъ, ибо послѣ Ектора абіе и шебъ готова смерть.

Божественный Ахиллъ воздохнувъ отъ сердца вѣщаетъ на сіе; желаю умерети, шопъ

тогѣ часѣ, когда не сотворилъ я по-
 мощи умирающему другу моему, кой
 разлучся далеко отъ своего отечества
 погиблъ; не подобало ли и мнѣ купно
 отвратителемъ быти обиды. Нынѣ же
 когда не возвращуся въ любезную оте-
 чественную землю, ниже былъ во свѣтѣ
 Патроклу и прочимъ совоинственникамъ,
 изъ коихъ многіе уже сокрушены сущъ
 отъ руки спрашнаго Ектора, но пре-
 бываю въ корабляхъ безплодную земли
 тяжестію, одаренъ бывъ крѣпостію,
 какую никто отъ мужественныхъ Ахейнъ
 не имѣетъ, совѣтами же превосходятъ
 многіе. О дабы распря отъ боговъ купно
 и отъ человекъ погибла и гнѣвъ, кото-
 рый и мудраго человека неистовствовать
 принуждаетъ, и который слаждше меда
 упоетъ сердца мужей и умножается аки
 дымъ, какъ и нынѣ раздражилъ меня
 Царь мужей Агамемнонъ. Но хопя и бо-
 лѣзненно, оставимъ нынѣ, что прежде
 содѣяно, сокращая возлюбленное въ пер-
 сяхъ сердце и по нуждѣ. Нынѣ же иду,
 да обрящу зловреднаго Ектора губителя
 дражайшія главы; смерть же тогда прі-
 яму, когда Юпишеру, и прочимъ без-
 смертнѣ

смертнымъ богамъ угодно будетъ совер-
шити: ибо не избѣжала смерти и крѣ-
пость Иракліева, кой Юпитеру Царю сы-
ну Кронову любезнѣйшій былъ, но не-
стерпимый гнѣвъ Царицы Иры смирилъ
его; тако и я умру, когда подобный
сему рокъ приблизится, буду лежати
мертвъ, токмо нынѣ да воспріиму благую
славу, и да нѣкоторую ошъ Троянскихъ
и Дарданскихъ женъ принужу воздыхати
бѣдспивенно и обоими руками опираши
шекущія по молодымъ ланишамъ горячія
слезы и тогда уразумѣетъ, что я долго
воздержался ошъ брани.

Сребряноногая богиня Фетида отвѣща-
ла ему: Истинну сынъ мой вѣщаеши:
похвально есть сотворити помощь о-
скорбляемымъ другамъ; но знаменнымъ
твоимъ оружіемъ Трояне обладаютъ, Ек-
торъ же нося его на раменахъ своихъ
превозносятся; но уповаю, что не долго
порадуется: ибо приближается къ нему
смерть. Помедли убо восходити на по-
раженіе Ареево, доколѣ узриши мя пакы
пришедшую на мѣсто сіе; завтра же
купю съ восхожденіемъ солнца возвращу-
ся къ тебѣ и принесу ошъ Царя Ифеста
великолѣпную броню.

Такѣ

Тако рекла божественная **Θεσιда** и обратилася вспять отъ сына своего къ морскимъ сестрамъ вѣщая имъ: Вы нынѣ снидите во пространныя морскія нѣдра, да узрите морскаго спарца и домъ отца нашего, и тамо возвѣстите ему все; яже восхожду на престарѣлый **Олимпъ** ко знаменитому **Ифесту** молиши его, да благоволилъ сыну моему даши великолѣдную и отъсюду блистающую броню.

Тако рекла священная **Θεσιда** и сестры ея вскорѣ пошли въ морскую бездну; сама же богиня красящаяся бѣлѣйшими паче серебра ногами восходитъ на небо, да принесетъ сыну своему броню.

Въ то время **Ахейне** бѣжа въ великомъ возмущеніи отъ **Екшора** челоукоубійцы пришли къ кораблямъ, и **Еллиспоншу** и не могли спасати отъ стрѣлъ тѣло **Ахиллова** друга **Патрокла**: ибо паки ихъ **Троянское** воинство постигло на коняхъ. **Екшоръ** же сынъ **Пріамовъ** крѣпостію своею неистовствовалъ подобно пламени: шрижды онъ прикасался къ ногамъ **Патроклова** трупѣ желая отбѣжати его, и шрижды его обое **Еаншы** съ великимъ

ликимъ устремленіемъ силъ своихъ отторгали, но онъ уповая на мужество свое иногда метался на все множество, иногда оспановлялся и страшно вопіялъ ко Троянамъ, но никоимъ образомъ не опшупалъ вспясть. Аки страшнаго льва зѣльнымъ томимаго голодомъ отъ пораженнаго имъ шучнаго вола не могутъ опгнаши сельскіе пастухи: тако два сильные Еаншы дерзновеннаго Ектора не могли прогнаши отъ тѣла Патроклова; и воисшинну исторглъ бы его отъ рукъ Ахейскихъ и тѣмъ приобрѣлъ бы себѣ неизреченную славу, ежелибъ не пришла съ поспѣшностію отъ Олимпа быстроептующая богиня Ирида къ божественному Ахиллу съ возвѣщеніемъ да вооружится; сію предпослала священная Ира тайно отъ Юпитера и прочихъ боговъ. Ставъ же предъ Ахилломъ вѣщаетъ ему: Страшный паче всѣхъ мужей Пилеевъ сынъ! востани и сотвори помощь Патроклу, ради котораго нестерпимое сраженіе приближается къ кораблямъ и всѣ другъ друга умерщвляютъ; Ахейне защищая, Трояне же похищати желая и привлеци ко граду своему, паче же всѣхъ Екшорѣ

мещеся и сердце ему совѣщаетъ, дабы
опсѣченную отъ млада въи главу вон-
зиши на древо: но восшани и ободри швой
духъ (да устыдится мужественное серд-
це пвое) не попусти шѣлу друга шво-
его въ посмѣянїе быши Троянскимъ псамъ;
тебѣ будеть поношенїе, ежели шѣло Па-
шроклово поругано будепѣ.

Тако рекла, божеспивенный Ахиллѣ
вопрошаетъ: Божеспивенная Ирида! кто
опѣ боговъ послалъ тебя ко мнѣ съ ша-
ковымъ возвышенїемъ?

Быспропекущая богиня отвѣщала ему:
Славная царица Ира, жена Юпитерова
послала меня къ тебѣ, о чемъ ни самъ
Юпитеръ сѣдѣщїй въ превыспреннихъ не-
бесахъ, ниже инный кто опѣ безсмерт-
ныхъ обитающихъ на пространномъ Олим-
пѣ свѣдомъ естѣ. Мужественный Ахиллѣ
отвѣщаетъ ей: Како възду нынѣ ко сра-
женїю? ибо оружіемъ моимъ обладаетъ
Екторъ; возлюбленная же моя матеръ
не повелѣла мнѣ вооружатися, доколѣ не
узрю ее пришедшую ко мнѣ: ибо обѣщала
мнѣ принести опѣ Ифеста великолѣпную
броню, другаго же оружія не знаю, въ
которое бы могъ я облещиса, какъ
шюкмо

поклоу щипѣ Еанта сына Телямонова, но мню, чю онѣ и самѣ въ первыхъ рядахъ воинства обращаеся поражая копѣемъ враговъ защищая мертвого Патрокла.

На сіе паки отвѣщаеъ ему вѣтренонная богиня Ирида: знаемъ и мы совершенно, чю оружіемъ пвоимъ Трояне обладають; но ты исшедъ ко рву, хоша лице пвое яви, да Трояне узрѣвъ себя усшрашаися и опступяпѣ опѣ брани, озлобленные же Ахейскіе сыны тѣмъ временемъ воспріимутъ ошдохновеніе, кошорое во брани маловременное бываетъ.

Тако вѣщая опходитъ быспрошекущая Ирида; возлюбленный же Юпишеру Ахиллѣ воззвигся опѣ мѣста и Аѣнская Паллада возложила на рамена его спрашный свой щипѣ, главу же его оградила влашымъ облакомъ и блистающій пламень исходилъ окрестъ его. Аки дымъ исходящій во градъ возноесится на воздухъ далеко опѣ острова, коего враги облежатъ брань ужасную швора чрезъ весь день; по захожденіи же солнца горящъ вездѣ огни многіе и блистаніе восходитъ на высоту, да узрѣтъ живущіи близъ

ихъ и прїидутъ на корабляхъ сотвориши
 помощь; тако отъ Ахилловой главы ис-
 ходило сіяніе на воздухъ. Ишедъ внѣ
 швердыни приблизился ко рву и сшаль
 особъ отъ Ахеянъ: ибо соблюдалъ пре-
 мудрое матери своея завѣщаніе. Тамо
 стоя возопилъ, такожде и Паллада А-
 өинская возгремѣла и тѣмъ содѣлала не-
 изреченный мятежъ во Троянскомъ воин-
 ствѣ. Какъ страшенъ есть граду гласъ
 трубы происходящій, отъ облажащихъ
 его враговъ, тако страшенъ былъ гласъ
 Пилеева сына. Трояне же услышавъ по-
 колебалися вси сердцами и крѣпкіе ихъ
 кони обращали колесницы вспяшь: ибо
 предчувствовали сердцемъ болѣзни имѣю-
 щія вскорѣ прїити. Возницы же узрѣвъ
 на главѣ Пилеева сына, страшное бли-
 станіе огня, кои возгла Аөинская богиня,
 поражены стали страхомъ. Трижды во-
 зопилъ божественный Ахиллъ стоя при
 рвѣ и трижды возмущалися Трояне и
 ихъ знаменишые помощники, и въ то
 время погибло тамо двенадцать мужей
 отъ Троянскаго воинства.

Ахеяне сохраня Папроклово тѣло отъ
 возмущенія положили его на одрѣ и воз-
 люб-

Любленны совоинственники обстоиали его со слезами, за ними же послѣдовалъ божественный Ахиллъ и терзаяся душою проливалъ горячія слезы, когда узрѣвъ вѣрнаго своего друга лежащаго на одрѣ прободеннаго остриемъ копія, коего самъ послалъ съ коньми и колесницами на брань, но возвращающагося паки не приялъ.

Въ то время священная Ира послала неушомимое солнце прошивъ хребтъ его въ пучины Океановы; солнце сокрылося и Ахейне престали отъ кровожаждущія брани и смертоноснаго сраженія, отъ другія же спраны Трояне отступивъ разрѣшили коней отъ колесницъ и собиралися на сонмъ прежде приуготовленія вечера; въ совѣщъ стояли вси и ниже единъ дерзнулъ състи. Ибо вси трепетали отъ страха, что Ахиллъ долго въздерживаясь отъ брани наконецъ явился.

Тогда мудрый Полидамантъ сынъ Панѳоевъ начинаетъ совѣщати имъ; ибо онъ единъ моглъ разумѣти прошедшее и будущее, Ектору же льшми былъ равенъ, ибо въ едину ночь обое родилися;

но Екторъ силенъ былъ копѣмъ, Поли-
дамантъ же совѣшами, кои тако и оп-
крываетъ: Прилѣжно помыслише возлюб-
ленные други! я совѣшую ошыми во
градъ и не ожидати утѣренія божествен-
ныя денницы на полъ близъ кораблей:
ибо далеко мы отстоимъ отъ града на-
шего. Доколѣ гибвался на Царя Агамен-
нона пресловушый мужъ Ахиллъ, дошолъ
удобнѣ было сражатися намъ съ Ахея-
нами, и я радовался бывъ при корабляхъ
ихъ; ибо уповалъ плѣненымъ быши имъ,
нынѣ же зѣло спашуся Пилеева сына.
Гордой же духъ его не восхождетъ на
шомъ же пребывати полъ, гдѣ прочіе
Ахеяне со Троянами сражаются, но взы-
детъ на брань ко швердынь нашей; и
такъ ошидемъ во градъ, имите вѣру
имъ, что тако будетъ. Нынѣ прину-
дила его священная ночь укрытися, ког-
да же за ушра содѣлавъ усѣрженіе со
оружіемъ постигнемъ насъ пребывающихъ
здѣ, тогда многіе почувсвуютъ ярость
копія его; но кто спасется отъ него,
тотъ съ радостію придетъ во священ-
ный Троянскій градъ, многихъ же ра-
сшверзающъ отъ насъ псы и враны. О
дабы

дабы уши мои сего не слышали! Но когда моимъ словамъ восхощеши повѣриши, хощя и огорчены бывъ, ношю можемъ въ собраніи положити совѣтъ о силахъ нашихъ; градъ защитишя пвердыми врагами; мы же за утра купно съ денницею облечемся во все оружіе и выйдемъ на спражницы, тогда онъ узритъ огорченіе свое, ежели восхощетъ изыти отъ кораблей и съ нами сражашися окрестъ Троянскія пвердыни. Знаю, что пакы обратится къ кораблямъ своимъ, когда тщешно бѣгая во всѣ страны окрестъ града изнемогутъ кони его, внутрь же стѣнъ градскихъ не попустишь разумъ устремитися ему, ниже разоритъ оныхъ, но прежде быстрыя псы наши растерзаютъ его.

Жестокосердый Екторъ возрѣвъ на него яростію наполненными очами рекъ: Полидамантъ! ты и по нынѣ ни чего мнѣ приятнаго не возвѣщаеши. Какъ совѣтуеши возвратитися намъ во градъ? или не довольно вы заключены пребывали въ сихъ стѣнахъ? прежде всѣхъ разныхъ народовъ люди градъ Царя Пріама нарицали изобилующимъ мѣдоу и злашомъ,

шомъ, нынѣ же всѣ драгоцѣнныя сокровища погибли, многія сѣжанія во Фригію и въ Меонію проданы, когда прогнѣвался на насъ Юпитеръ; нынѣ когда онъ же благоволилъ намъ воспріявши славу отъ кораблей и прогнати Ахейнъ до моря, не открывай о безумный! зловредныхъ сихъ твоихъ совѣтовъ предъ народомъ; ниже мню, дабы кто отъ воинства Троянскаго повинулся тебѣ, ниже я попусти; но сотворите вси, какъ я вамъ повелю, и повинитесь моимъ словамъ: нынѣ по всему воинству да воспріимете вечерю и потщитесь храниши сражу и вси единомысленно бодрствовать. Когда же кто изъ васъ сокрушается печалію о своемъ сѣжаніи, шомъ да ошдастъ оное въ общенародное употребленіе: ибо лучше да наслаждаются оными сограждане, нежели Ахейне. Заутра же купно съ восходящею зарею облекшесь бодрственно въ крѣпкую броню, воздвигнемся къ Данайскимъ кораблямъ на брань. Ежели самую истинною Ахиллъ воспалъ отъ кораблей, узришь онъ свою пагубу, когда восхождетъ: ибо не побѣгу я отъ смертоноснаго сраженія, но стану со-
прошивъ

противъ его непоколебимо, да или онъ воспріиметъ побѣду, или я: ибо побѣда есть общая, и желающаго убиши убиваетъ.

Такъ предъ сонмомъ Екторъ возвѣщалъ; Трояне же слышавъ сіе всплескали. (безумные! воистинну опіяла разумъ ихъ Паллада Аѳинскія) Зловреднымъ совѣщаніемъ Ектора вси явились послушными; мудрому же Полидаманту, кой полезное предвѣщалъ, ни единъ не повинулся. По отшествіи отъ сонма все воинство восприяло вечерю; Ахейне же чрезъ всю ночь при шѣлѣ Патрокловомъ воздыхая плакали. Между ими же первый Пилеевъ сынъ начинаетъ горестный плачь положивъ руки на перси друга своего и испуская частыя воздыханія. Аки левъ шерзается печалію, когда мужъ ловець похищитъ отъ вѣпальща его скимновъ, многія преходитъ юдоли желая обрѣсти и зѣльный гнѣвъ объемлетъ сердце его; тако Ахиллъ тяжестно воздыхая вѣщаетъ Мирмидонянамъ! О злополучный я! воистинну щетное слово испустилъ я въ день шотъ, когда ободряя Ироя сего въ домъ Менишѣевомъ обѣдался по опро-

Н 5

верженіи

верженіи Троянскаго града возвратити
его въ Опоецѣ зѣваго и со спяжані-
емъ корыстей многихъ; но не всѣ чело-
вѣческія желанія Юлиперъ совершаетъ;
обоимъ намъ опредѣлено сію Троянскую
землю обогрѣти собственною нашею кро-
вію: ибо ниже меня возвращающагося прѣ-
иметъ въ домъ свой престарѣлый всад-
никъ Пилей, ниже священная матерь
Фетида, но сія земля воспріиметъ меня.
Нынѣ же, о дражайшій мой Патроклъ!
когда я послѣ тебя долженъ умерети, не
предамъ твое тѣло землѣ, доколѣ не
принесу на мѣсто сіе главу и оружіе
зловреднаго убійцы твоего Ектора и
двенадцать сыновъ Троянскихъ заколю
предъ огнемъ твоимъ во опущеніе смерти
твоея, тѣмъ временемъ при корабляхъ
сихъ будешь лежать не погребеннымъ;
окрестъ же тѣла твоего день и ночь
будушь рыдати Троянскія и Дарданскія
жены, коихъ мы приобрѣли трудомъ,
храбростію и копіемъ опровергая знаме-
нитыя грады разноязычныхъ народовъ.

Такъ рекъ божественный Ахиллъ,
по семъ повелѣлъ поставити на огонь
шаганъ великій, дабы вскорѣ обмыти
кровь

кровь отъ Патроклова трупa. По совершеніи умовенія намазали тѣло масломъ, въ язву же влили девятишогодишнюю благовонную маслъ и возложивъ на одръ покрыли тонкою плащаницею отъ главы и до ногъ, по верхъ же бѣлою одеждою. По томъ чрезъ всю ночь юкрестъ Ахилла и Патроклова тѣла воздыхали Мирмидоняне проливая слезы.

Въ то время Юпитеръ ко своей сестрѣ и женѣ священной Ирѣ вѣщаетъ: Исполнилось на концѣ желаніе твое, почтенная Ира, воздвигся уже храбрый Ахиллъ отъ кораблей своихъ; воистинну отъ тебя рожденны суть Ахейскіе народы.

Царствъ обладательница священная Ира отвѣщала ему на сіе: Несноснѣйшій супругъ! какое слово рекъ ты мнѣ? когда смертный человѣкъ не имѣя шлюхъ премудрости можетъ равному исполнити хотѣніе, яже, которая высочайшею надъ всѣми богинями есмь, какъ по родству, что я сестра твоя, тако и по союзу что женою твоею нарицаюся, ты же надъ всѣми безсмертными царствующи, не должна ли была совѣща-

ши

ѣи Троянѣ пагубу раздражена бывъ
ими?

Тако сѣи между собою разглагольство-
вали. Божественная же Ѧешида тѣмъ
временемъ приближалася къ неплѣнному,
блистающему и великолѣпнѣшему паче
всѣхъ небесныхъ чертоговъ Ифестову мѣд-
ному дому, который онъ самъ создалъ.
Тамо обрѣтаешъ его при мѣхахъ въ по-
мѣ упражняющагося со скоростію: ибо
тогда трудился въ дѣланіи дваццати
шреножныхъ сѣдалищъ, дабы стояли при
стѣнахъ чуднаго его дому; подъ каждую
сѣдалища ногу содѣлалъ златыя колеса,
дабы сами собою восходили къ божествен-
ному подвигу и паки обращались въ
домъ. Чудное зрѣніе! работа уже при-
ходила къ концу, токмо ушки приуго-
товляя дѣлалъ гвозди.

Въ сихъ трудахъ обрѣтающуся И-
фесту приближалася сребряноногая бо-
гиня Ѧешида, которую тогда узрѣла
прекрасная Харита жена знаменишаго
Ифеста, исшедъ во срѣщеніе приемлѣтъ
за руки, и тако вѣщаетъ: Божественная,
почтенная возлюбленная Ѧешида! како
пришла въ домъ нашъ не бывъ никогда
въ

въ ономъ прежде сего? но слѣдуй за мною, да предложу тебѣ пищу угощенія.

Такъ вѣщая повела Ѳешиду далѣе и посадивъ на великолѣпномъ сѣдалищѣ, подъ ногами же стояло подножіе. Вскорѣ по семъ призываетъ мужа своего вѣщая тако: Прійди сюда Ифестъ! Ѳешида желаетъ видѣти тебя. Знаменитый художникъ Ифестъ отвѣщаетъ ей: Воистинну удивляюсь я, что внутрь моихъ чертоговъ обрѣщается священная богиня, которая сохранила меня въ болѣзни, когда я низпалъ отъ высоты небесныя по злобѣ безсудныя моея матери; она хотѣла меня укрыши хромаго суща и воистинну понеслъ бы я въ сердцѣ моемъ болѣзни многія, ежелибъ не воспріяли меня на лоно свое Ѳешида и Евринома дщерь поглощающаго и паки изрыгающаго воды Океана; у нихъ пребылъ я девять лѣтъ исполняя многія дѣла ихъ во глубокой пещерѣ, гдѣ окрестъ меня неизмѣримаго, шумнаго и пѣнящагося Океана прошекали воды и я ниже единъ отъ боговъ или смертныхъ кто свѣдомъ былъ о мнѣ, но шокмо знали Ѳешида

Өешида и Евринома, кои спасли меня. Подобаеѣ убо мнѣ, ошѣ всего сердца да сошворю возблагодареніе пришедшей нынѣ въ домѣ мой прекрасной Өешидѣ за спасеніе живоѣа моего; но пы нынѣ предложи ей пищу угощенія, доколѣ я положу въ сохраненіе мѣхи и вся орудія мои. Реклѣ и абіе воссталѣ Ифестѣ великое хромоное чудовище ошѣ наковальни. Взялѣ мѣхи ошѣ огня и всѣ орудія, коими работалѣ, положилѣ въ ковчегѣ серебряный, губкою же отерлѣ обѣ руки, лице, твердую выю и власами обросшія перси; облекшися же во одежду приемлетѣ жезлѣ дебелий и исходилѣ вонѣ. Окрестѣ же хромаго Царя спекающія златыя рабыни подобныя живымѣ дѣвицамѣ, кои имѣютѣ разумѣ, гласѣ и крѣпосиѣ, ошѣ безсмертныхѣ же боговъ изучены дѣламѣ человеческимѣ; сии рабыни исполняли Царевы повелѣнія. Ифестѣ приближася къ Өешидѣ, которая сидѣла на златомѣ пресполѣ, вземлетѣ за руку вѣщая къ ней: Божественная, почтенная, возлюбленная Өешида! како пришла въ домѣ нашѣ, не бывѣ никогда въ ономѣ прежде сего? Повѣдай мнѣ вину при-

пришествія твоего; яже всѣмъ сердцемъ
желаю исполнити тебѣ все, что могу
и что должно исполнити.

Богиня Феида отвѣщаетъ ему со
слезами: Знаменитый Ифестъ! ни единая
отъ богинь пребывающихъ на Олимпѣ
полюшко не терзается печальными по-
мышленіями, коликія мнѣ послалъ Юпи-
теръ болѣзни въ сердце. Едину отъ
всѣхъ морскихъ дѣвицъ совокупилъ онъ
меня съ мужемъ смертнымъ Пилеемъ сы-
номъ Еаковымъ; съ великимъ сопротивле-
ніемъ возшла я на ложе его; нынѣ же
онъ печальною старостию сокрушенъ ле-
житъ въ своихъ чертогахъ. Но кромѣ
сего имѣю другія печали: Юпитеръ бла-
говолитъ мнѣ родити сына, котораго я
и воспитала какъ избраннаго отъ Ироевъ,
и онъ возросъ аки древо на плодоносной
землѣ; по семъ отпустила его съ кора-
блями на брань ко граду Троянскому,
но его уже не воспріиму паки возвратив-
шагося въ домъ Пилеевъ, нынѣ же доколѣ
живъ есть и доколѣ свѣтъ солнечный ви-
дитъ провождаетъ дни свои въ сокруше-
ніи сердца, я же помощи никакія содѣ-
лаши ему не могу. Дѣвицу, которую
ему

ему сыны Ахейскіе избрали въ награжденіе, исторгль отъ рукъ его Царь Агамемнонъ, о семъ онъ болѣзнуя сокрушается сердцемъ, Трояне же Ахеянъ заключили при корабляхъ, ниже попускаютъ вонъ изыти. Тогда военачальники Данайскіе просили его о помощи со общаніемъ знаменитыхъ и многихъ даровъ, но онъ отпрекся изыти самъ ко отъвращенію постигшаго ихъ злоключенія; вмѣсто же себя одѣвъ во оружіе свое Патрокла и давъ ему многое воинство повелѣлъ изыти на брань. Весь тотъ день происходило сраженіе при Скейскихъ вратахъ, и воистинну тогда опровергли бы Ахеяне Троянскій градъ, ежелибъ великодушнаго сына Менистіева великій вредъ сотворившаго въ Троянскомъ воинствѣ не убилъ Аполлонъ между прочими ратниками Ахейскими и не далъ бы воспріяти славы Ектору. За его смерть нынѣ обѣмлю колѣна твои, да благоволиши сыну моему вскорѣ умрети имѣющему содѣлать щитъ, шлемъ, крѣпкіе сапоги и панцырь: ибо броню, которую онъ прежде имѣлъ, погубилъ, вѣрный другъ его сокрушенъ бывъ отъ Ектора, Ахиллъ же лежитъ на пескѣ шерзаяся душою. Зна-

Знаменитый Ифестъ на сіе отвѣщалъ ей: дерзай и сердца твоего не сокрушай печалію о семъ, о дабы я возмогъ избавити его отъ горькія смерти моею помощію, когда содѣлаю ему броню, которую кто ни узритъ отъ мужей смертныхъ, будетъ удивлятися ей.

Тако вѣщая оставилъ Оетиду въ чертогахъ, самъ же отшелъ къ мѣхамъ, кои приближивъ къ огню повелѣлъ дѣйствовать: всѣ двадцать мѣховъ дышали испуская всякаго рода дыханіе способное пламени, которое дабы иногда спѣшащему было силено, въ противномъ же случаѣ слабо: какъ Ифестъ желалъ, тако и дѣло совершалось. Въ печь положилъ твердую мѣдь, олово, злато и серебро, по семъ приуготова великую наковалью единою рукою взялъ тяжелый млатъ, другою же клещи и во первыхъ содѣлалъ щитъ великій, крѣпкій и отсюду чудный, окрестъ его положилъ свѣтлый Троянскій и блистающій ободъ, отъ вѣшнѣхъ же страны серебряный висѣлъ ремень. Щита сего было пять рядовъ, и представилъ на немъ удивительною хитросплетенію многоразличныя дѣла: тамо

изобразилъ землю, небо, море, неупомимое солнцѣ, полную луну, всѣ звѣзды, коими увѣичано небо, плеяды, Іяды, силу Оріонову, медвѣдицу, кошорую иначе нарицаютъ возкомъ, и кошорая шамъ же обращающаяся наблюдаетъ Оріона и едина она не знаешь умывавшися во Океанѣ.

Тамо изваялъ два прекрасныя града разноразныхъ народовъ: въ единомъ отъ нихъ были бракосочетанія и пиршества, жевѣшъ вели сѣ возженными свѣщами отъ чертоговъ ко граду, великое восклицаніе радостныхъ пѣсней слышно было во всѣ сираны; юноши разноразно обращающаяся плясали, между ними же трубы и свирѣли всюду издавали гласъ; жены стоя въ вратахъ удивлялися, народа же великое множество спекалося въ собраніе. Тогда произошла распря: два мужа спорили между собою о плащѣ цѣны за убишаго человека; одинъ отъ нихъ утверждалъ объявляя народу, что отдастъ все требуемое имъ, другій же отрицался, что ни чего не принималъ, и оба желали пометѣ дѣла разрѣшити свидѣтелемъ; граждане же вопіяли всякъ своей

своей странѣ помогая; провозвѣстники воздерживали народъ отъ смятенія и старцы градскіе сидѣли во священномъ кругѣ на шесаныхъ камняхъ имѣя въ рукахъ провозвѣстническія жезлы, съ коими обшекая народъ, открывали мнѣніе свое, посредн же ихъ лежали два шалаша злата, кошорое да дастся тому, кто самый истинный судъ возвѣститъ.

Другіи же градъ облежали два воинства сіяющія во оружіи, имѣющія разное желаніе: сіи хотѣли градъ во вся испребити, другіи же шокмо раздѣлиши на двѣ части все спяжаніе, колико ни обрящется во всемъ пространномъ градѣ, но первые упорствовавали сему; вооружаются убо тайно къ подсадѣ. На швердынь же вмѣсто стражей стоятъ младыя жены, несмысленныя дѣшны и мужесланные древностію. Воины исходятъ, предводишельствуютъ имъ Арей и божественная Аѳинская Паллада, оба одѣяны во златыя одежды, имѣя великолѣпное и страшное оружіе и какъ боги являющся во славу паче смертныхъ. Пришедъ къ рѣкѣ, гдѣ удобное мѣсто обрѣли для

подсады и гдѣ всѣ стада обыкновеніе имѣли напаяшися, тамо возлегли покровенны бывъ блестящею мѣдою; отъ нихъ недалеко сидѣли двое соглядатаи, ожидая когда появляшся стада овецъ и воловъ, кри чрезъ краткое время и идущъ, за ними же послѣдуютъ два пастуха играя на свирѣляхъ: ибо не предоущали сихъ съшей. Воины нападъ внезапно убили пастуховъ, стада же тучныхъ воловъ и бѣлыхъ овецъ отгнали. Живели града сѣдѣи въ сонмѣ услыша великій мятежъ во стадахъ, мещутся на быстрыхъ коней, текутъ и вскорѣ приближаются; остановясь начинаютъ брань при берегахъ рѣки, другъ друга поражаютъ острыми копѣями, тамо прерисстаютъ вражда, смятеніе и смертоносной рокъ; инный держишь живаго но уязвленнаго, инный хочетъ пронзити ни чѣмъ еще неповрежденнаго, инный уже мертваго влечетъ за ноги, инный несетъ на раменахъ одежду обогренную кровію мужей; вси же сѣи дѣла съ шолікою хитростію изваяны были на щитѣ семъ, аки бы живые люди сражались и похищали мертвые трупы.

Кромѣ

Кромѣ сего изобразилъ тамо пространное, тучное и прижды оранное новое поле, гдѣ многіе земледѣльцы упражнялися въ трудахъ обращая ярѣмъ воловъ, и когда дѣлашели земли обратню пришли на край поля, тамо приступивъ мужъ подавалъ каждому отъ нихъ чашу сладкаго вина.

Еще представилъ великое поле со зрѣлымъ хлѣбомъ, гдѣ дѣлашели земли держа въ рукахъ острые серпы производили жатву, гдѣ снопы иные падали на бразды, иные же связываны были. Царь же между ими съ молчаніемъ держа скипетръ на браздѣ стоялъ и радовался сердцемъ; провозвѣстники же закладъ тучнаго вола приуговаривали пиршество подъ сѣнію дуба, жены же отъ бѣлыхъ муки вечерю земледѣльцамъ.

Въ другомъ мѣстѣ содѣлалъ отягченную многимъ плодомъ виноградная прекрасную лозу отъ злата, вѣтви же ея были черныя, окрестъ же ея обвелъ ровъ отъ синяго олова, и единая была спезя къ ней, гдѣ носильщики ходили, когда собирали виноградъ; дѣвицы же и молодые юноши играли не злобиво и въ пле-

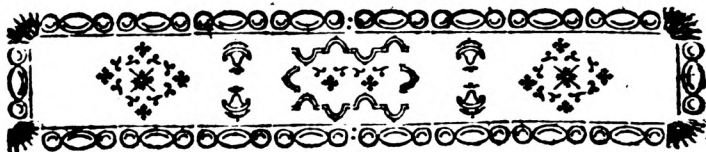
шенихъ кошницахъ носили сладкіе плоды, между ими единъ игралъ приятно на свирѣли и сладкимъ гласомъ воспѣвалъ прекраснаго Лина; прочіи же всѣ совокупно плеская руками плясали, движеніемъ ногъ послѣдуя гласу и числу словъ его.

Паки начершалъ отъ злаша и олова стадо воловъ, кои рыкая исходили отъ стоялъ на значную пажись къ быспрошекущей рѣкѣ, въ коей при берегахъ произрасталъ великій тростникъ, чешыре пастуха были содѣланы отъ злаша и шли совокупно съ волами; за ними же послѣдовали девять быспрыхъ псовъ; тамо два льва восхитивъ отъ первыхъ воловъ шучнаго овна влекли на страну; мещутся на нихъ юноши со псами, но они не вриая на устремленіе ихъ растерзавъ кожу овна пожирали внутренняя и кровь; пастыри же щещно наущали псовъ, кои страшася ярости львовъ бѣгали отъ нихъ, дабы и сами не были растерзаны и шокмо стоя издалека лаяли.

Паки знаменитый Ифестъ изобразилъ веселую долину и въ ней изобильную пажить овчую, стояла, кущи ограды и радостныя лики подобныя шѣмъ, какія
нѣкогда

иногда Дедалъ изобразилъ во островѣ Кносѣ прекрасной Ариаднѣ; тамо дѣвицы и юноши Алфесивіины плясали имѣя сплешенныя между собою руки и одѣяны были во одежды тонкія блестящія аки помазаны масломъ; дѣвицы украшены были вѣнками, юноши же препоясаны влашыми мечами висящими на серебряныхъ поясахъ и бѣгали вокругъ съ удивительною легкостію, иногда же паки обращались и стояли по своимъ рядамъ; двое же отъ сихъ пляшущихъ пѣли дѣлая малое иблдвиженіе посреди всѣхъ; приятныя же сіи лики окружало великое множество радующагося народа, на ободѣ же сего удивительнаго щипа положилъ проспранство окружающаго землю водами Океана.

По совершеніи твердаго и великаго щипа содѣлалъ панцырь сіяющій паче огненнаго пламени, шлемъ украшенный влашымъ перомъ и сапоги отъ олова. Когда же окончалъ всѣ сіи труды пресловутый Ифесѣ, положилъ броню предъ матерію Ахилловою, которая аки ястребъ низлещѣвшій отъ покрывающагося снѣгомъ Олимпа восхитила оружіе отъ Ифеста и понесла къ сыну своему.

ОМИРОВОЙ ИЛІАДЫ

ПѢСНИ ДЕВЯТОЙНАДЕСЯТЬ

содержаніе.

Даніель пріемъ изготовленную броню Ифестомъ, отъ матери своей Тетида и отринувъ гнѣвъ свой умоляетъ будучи Данаями, пріемлетъ обѣщаніе съѣсть отъ Агамемнона дары; и когда прочѣе принимали лищу, онъ облекшись въ броню и возложивъ на себя оружіе выводилъ ратниковъ своихъ на браня. Но единъ изъ жоней его предвозвѣщалъ ему лагубу, на коего онъ со гнѣвомъ негодуесть.

ПѢСНЬ XIX.

ТАВЪ.

Дзенница исходила уже отъ водъ Океановыхъ возвѣщая безсмертнымъ и земнороднымъ приближеніе дневнаго свѣта, какъ божественная Тетида приближалася къ Мирмидонскимъ кораблямъ,

алиѣ, нося великолѣпные дары отъ Бога возлюбленному сыну своему, коего обрѣтаеѣ възлежащаго при Патрокловомѣ тѣлѣ и проливающаго неушодимыя слезы, окрестѣ же его стояли многіе совоинственники плачущіе; тамо предсшавъ посредѣ ихъ божественная Ѳешида вземлетъ Ахилла за руку и нарицая по имени вѣщаетъ: Сыне мой! оставимъ нынѣ печаль сію; хотя и прискорбно есть, когда уже единожды изволеніемъ боговъ умерщвленъ есть другъ твой. Но ты прими сіи великолѣпные и знаменитые Ифесшовы дары, каковыхъ никто отъ смертныхъ не имѣлъ на раменахъ своихъ.

Тако вѣщая положила предъ Ахилломъ броню, которая отъ тяжести возгремѣла; Мирмидоняне же возрѣвъ на оную устрашилися и ниже единъ могъ на оную болѣе взирати обѣяшы бывъ боязнію. Ахиллѣ же узрѣвъ паче возпламенился гнѣвомъ; очи его сверкали спрашно аки огонь: радовался обращая въ рукахъ божественные великолѣпные дары; когда же довольно насладился сердцемъ рассматривая оныя, вскорѣ пошомъ вѣщаетъ матери своей: Мати мои!

сїи дары Ифесовы супн̄ь безсмертныхъ
боговъ дѣла, онѣ́ человѣкъ же никто не
возможешь содѣлани шаковыхъ. Нынѣ́
убо я воистинну облекуся во оружіе сіе;
но вѣло бояся, дабы тѣмъ временемъ не
повредилоя тѣло Патроклово, когда мухи
выидущъ въ азвы и произведущъ червей,
въ костяхъ истлѣетъ мозгъ и все тѣло
возсмердитъ.

Божественная Оеппида отвѣщала ему
на сіе: Сынъ мой! да не имѣешь сердце
шное попеченія о семъ; я пошущу от-
вратиши шлетворныхъ мухъ, кои уби-
тыхъ на брани подаютъ мужей; хотя
бы онъ лежалъ чрезъ цѣлый годъ, тѣло
его всегда будетъ невредимо, но еще и
лучше прежняго; ты же ошвергнувъ гнѣвъ
на пастыря мужей Царя Агамемнона, со-
бери Ахейскихъ ироевъ на сонмъ, воору-
жися вскорѣ на брань и препояшися крѣ-
постію силъ.

Тако вѣщая вдохнула въ него дерз-
новенное мужество, Патроклу же влила
въ ноздри благовонную авиросію и кра-
сный вектаръ, дабы тѣло его было
твердо. Тѣмъ временемъ божественный
Ахиллъ пошелъ на брегъ моря вопіа
стра-

страшно и тѣмъ возбудилъ Ахеянъ, кои обрѣталися при корабляхъ: кормчіи и раздаватели пищи, всѣ спекалися на сонмъ, для того, что Ахиллъ явился; ибо многое время воздержался ошъ брани, двое же Ареевы слуги храбрый Діомидъ сынъ Тидеевъ и премудрый Одисей шли хромя и подпираяся копіями: ибо язвы ихъ не исцѣлены еще были, приближася сбли въ первомъ собраніи мѣстѣ; послѣди же всѣхъ-пришелъ и Царь мужей Агамемнонъ такожде имѣющій язву, копорую содѣлалъ ему на брани копитемъ Коонъ сынъ Аншиноровъ.

Сосшедшимся всѣмъ Ахеянамъ первый между ими воставъ божественный Ахиллъ начинаетъ тако: Сынъ Арреевъ! не полезнѣ ли бы обоимъ намъ было давно тако примиришися, нежели какъ прежде мы другъ на друга гнѣвалися сокрушая сердца наши злобою за едину шокмо дѣвицу? О дабы не познавшая мужескаго ложа божеспивенная Артемида пронзила оную стрѣлою въ день шотъ, когда я Лирнисъ разорилъ! не шoliko бы Ахеянъ поглотила земля подъ руками Троцнскими ошъ гнѣва моего. Ектору убо

и Троянамъ сіе будетъ въ радость, Ахейне же мню, что долго будутъ памятовати о нашей распри. Но хотя и прискорбно, оставимъ сіе, что уже содѣлано, прекратимъ вражду сердецъ нашихъ и по нуждѣ: нынѣ воиншину я первый отвергаю гнѣвъ мой; ибо не должно гнѣваться непрестанно. Потщися убо скорѣе возбудити храбрыхъ Ахейнъ ко брани, да и я исшедъ во сръшеніе Троянамъ искушу: восхопятъ ли они еще медлити при корабляхъ нашихъ, но мню, что съ радостію подвигнутъ колына свои, кто восхощетъ убѣжати отъ жопія нашего.

Такъ рекъ, и возрадовалися мужественные Ахейне познавъ, что великодушный Ахиллъ прекрашилъ гнѣвъ.

По семъ Царь мужей Агамемнонъ ставъ не посредѣ Аргивянъ, но особливо на мѣстѣ возвышенномъ начинаетъ тако: О возлюбленные Данайскіе совоинственники, слуги непреклоннаго Ареса! похвально есть внимати, когда кто хошетъ проспирати рѣчь, и дабы никто ему не препятствовалъ: ибо во множествѣ народа како возможно вишійствовати и искусному или слушаши

слушаши его? раздражается же тогда и неупомимый проповѣдникъ. Нынѣ я хочу отвѣщаши Ахиллу, вы же вси преклоните сердца ваши, да каждый отвѣ васъ уразумѣетъ мои слова.

Многажды Аргивяне напоминали о тебѣ швоя миѣ укоризны; не я виновникъ обидъ твоей, но Юпитеръ, не преодолимый рокъ и обитающая во мракъ Еринія, они на сонмъ ввергли въ мое сердце злобную Ашу въ день томъ, когда я похитилъ твое воздаяніе. Но что бы я тогда сотворилъ? Богъ все совершаетъ. Страшна есть Юпитерова дочь Ата, которая злобою своею всѣхъ смертныхъ оскорбляетъ; ноги ея сушь мягки, ниже прикасается къ землѣ, но восходитъ на главы человѣческія повреждая ихъ. Она уже другаго меня прельстила: ибо она прежде огорчила Юпитера, кой паче всѣхъ боговъ и смертныхъ есть лучшій, но Ира жена бывъ своими хитростями его обольстила въ день томъ, когда Алкминъ во благосозданномъ градѣ Фивахъ приближалось время родити силу Ираклеву.

Онъ хваляся тогда предъ всѣми богами
реклъ: Внушите вси боги и вси богини
слова мои, кои сердце мое днесъ пове-
лѣваетъ открыти предъ вами: сей день
помощница раждающихъ Илию изведетъ
на свѣтъ мужа, кой будетъ обладати
всѣми сосѣдними градами, отъ рода тѣхъ
мужей, кои отъ моего суи крови.

Соплещающая ковы божественная Ира
на сіе оповѣщала ему: прельщаешься
Юпитеръ; не исполняйся слова твоего.
Ежели праведно ты рекъ сіе, кленися
нынѣ предо мною клятвою величайшею,
что будетъ царствовать надъ всѣми со-
сѣдами мужъ тотъ, кой въ сей день па-
детъ при ногахъ жены отъ мужей тѣхъ,
кои отъ моего суи крови.

Такъ рекла священная Ира; Юпитеръ
же никакъ не позналъ ея лести, но
клялся великою предъ нею клятвою,
послѣ же зѣло болѣзновалъ о томъ. Ира
мещется отъ вышины Олимпа и вскорѣ
приближается ко Ахейскому Аргу, гдѣ
знала жену Соенела сына Персея но-
сящую во утробѣ возлюбленного сына,
кормому седьмой мѣсяцъ былъ. Сего Ира
въ тотъ день извела на свѣтъ прежде
над-

надлежащаго времени родовъ; Алкминѣ же возпрепятствовали тогда родити ниже допустила помощницѣ Иліей. Сама паки возвращающа на Олимпъ возвѣстивши Юпитеру и приближася къ нему вѣщаетъ: Молвіеиосный отче Юпитеръ! хошу предъ тобою нѣкое слово открывши: уже родился мужъ благій, кой будешь обладаи Аргивянами: сей есть Еврисеей сынъ Сеееловъ; отъ твоего рода произшелъ и ему пристойно царствовать надъ Аргивянами.

Такъ рекла; тогда Юпитерово сердце поразила жестокая болѣзнь. Вскорѣ во-схитилъ Ашу за главу и во гнѣвѣ бывъ клялся великою клятвою, что никогда на Олимпъ и на украшенное звѣздами небо не возвратится Аша, которая всѣхъ въ злключеніи ввергаетъ. Такъ рекъ низвергъ отъ неба Ашу, которая вскорѣ пришла обитати между людьми. Юпитеръ же всегда послѣ того воздыхалъ, когда видѣлъ возлюбленнаго сына своего упражняющагося въ несшерпимыхъ трудахъ по повелѣнію Еврисееву. Такъ и я, когда великій Екторъ погубилъ Аргивянъ при корабляхъ, не могъ избѣжа-
ти

ти богини Атты, которая единожды повредила мнѣ. Но когда я принялъ вредъ и всемогущий Юпитеръ объялъ разумъ мой, хочу паки примириться и даю тебѣ неисчисленные дары. Встань убо на брань и возбуди прочее воинство, я же дары тебѣ всѣ ошдамъ, кошорыя вчера предъ тобою въ сѣни общалъ божественный Одиссей; и когда желаеши помедли исходиши на брань, да слуги взявъ отъ корабля моего дары принесутъ на мѣсто сіе, и тогда познаеши самъ, обильно ли естъ воздаяніе мое къ тебѣ.

Божественный Ахиллъ на сіе отвѣщалъ ему: Сынъ Атреевъ! знаменитѣйшій Царь мужей Агамемнонъ! сотвориши мнѣ воздаяніе дарами, какъ праведно естъ, или опрещиши, въ швоей власти состоишь; нынѣ же зѣло скоро помышляши надлежишь о брани: ибо не будетъ намъ пользы, когда Трояне тако приближившіися къ намъ паки убѣгутъ отсюду. Почто медлиши намъ? ибо еще великое дѣло не совершено: хочу да узрятъ вси Ахилла между первыми совоинственниками опровергающаго копѣемъ

емѣ Троянскіе ряды и шѣмѣ каждый отѣ
васѣ ободренѣ бывѣ да сражаешся неу-
страшимо со врагами.

Премудрый Одиссей на сіе отвѣщалъ
ему: Богоподобный Ахиллъ! укроти стре-
мленіе швое, не взывай на брань глад-
ныхъ сыновѣ Ахейскихъ: ибо не малое
время должно будешъ употребити на
сраженіе, когда единожды сойдутся ряды
мужей и когда богъ пошлетъ обоимъ
странамъ крѣпость, но прежде повели
всѣмъ Ахейнамъ насытитися пищею и
виномъ; ибо сіе естъ крѣпость и дерз-
новеніе; человекъ же не вкусившій пищи
никако, чрезъ весь день даже до захожде-
нія солнца не уможетъ брань творити,
хотя бы мужественное имѣлъ ко брани
сердце, но члены его тайно ослабѣва-
ютъ, жажда и гладъ приходятъ, изне-
могаютъ колѣна въ пуши; кто же на-
сытитися виномъ и пищею, тотъ мо-
жетъ весь день творити брань со врага-
ми, сердце его дерзновенно и члены не
ушомышя, доколѣ конецъ брани при-
идетъ. Отпусти убо народъ и повели
приготовити всѣмъ пищу. Царь же
мужей Агамемнонъ да принесетъ дары
свои

свои и положишъ посреда снага сего, да вси Ахеяне узряшъ явственно, и ты возвеселишися сердцемъ твоимъ; онъ же спавъ между Аргивянами да сошворишъ предо всѣми кляпву, что никогда не восходилъ на ложе дѣвцы своея, ниже имѣлъ съ нею дѣло, какое законъ естествова Царь мужамъ и женамъ представилъ и тѣмъ укротилъ гнѣвъ сердца своего; но себѣ да сошворишъ себѣ въ сѣни своей изобильное во всемъ угощеніе. Ты же Агамемнонъ чрезъ сіе праведнѣйшій будешь и ко прочимъ: ибо ни малаго нѣшъ поношенія въ томъ, ежели Царь простаго мужа пощиняся умолиши, когда онъ первый показалъ сему обиду.

Царь мужей Агамемнонъ отвѣщаетъ Одиссею тако: Сынъ Лаертовъ! радуюся слышавъ слова твои, кои всѣ благоприспужно исчислявъ повѣдалъ ты предъ нами; воиспину хощу клятися и сердце мое сообщиваетъ, ниже являюся предъ богами клятвопреступникомъ. Да пребудешъ убо Ахиллъ тѣмъ временемъ на семъ мѣстѣ, да останутся же и прочіи вси пришедшіи совокупно съ нимъ, доколь принесутся дары отъ сѣни моея и сошво-

сътвориѣхъ кляшву. Тебѣ же самому я заповѣдаю и повелѣваю, да избравъ зна-менишѣишихъ отъ всѣхъ Ахейѣхъ юношей, принесете изъ корабля моего дары, кои вчера общали мы даши Ахиллау и купно да приведете женѣ; Талейвѣи же отъ всего пространнаго Ахейскаго воинства да приуготовитъ вепря къ закланію въ жертву Юпитеру и солнцу.

Мужеславенный Ахиллѣ отвѣщаѣ ему: препрославленный Царь мужей Агамемнонъ! въ иное время непремѣнно должны бы были вы сіе сотворити, ежели бы какое опдохновеніе брани послѣдовало и не было бы никакого огорченія въ моемъ сердцѣ; нынѣ же многіе лежатъ прободены, коихъ убилъ Екторъ получивъ славу отъ Юпитера. Поспѣшайте убо вечераши; но я воистинну повелѣлъ бы нынѣ сыномъ Ахейскимъ изыти на брань и не вкушая пищи, по захожденіи же солнца, когда сотворимъ отмщеніе за нашу обиду, приуготовили бы великую вечерю. Прежде же не видѣтъ во уста мои ниже пища, ниже пиіе; помышляюще не престанно о смерти друга моего, кой прободенъ остриемъ копія лежитъ образъ

II 2

щенъ

денѣ погамъ ко дверямъ сѣни, окрестѣ же его рыдаютъ совоинственники. Не пекуся убо нынѣ о семѣ, но токмо убійство, кровь и смертное воздыханіе мужей во умѣ моемъ обращающся.

Премудрый совѣтникъ Одиссей отвѣщая рекъ ему: Прехрабрѣйшій паче всѣхъ Аргівянъ Ахиллъ сынъ Пилеевъ! знаменитостію рода твоего и крѣпостію силъ много превосходиши меня, я же побѣждаю тебя премудростію совѣтовъ: ибо я прежде тебя рожденъ есмь и множайшія видѣлъ приключенія; да почіетъ убо сердце твое на моихъ совѣтахъ.

Чревомъ же не подобаетъ Ахелѣямъ плакати о мертвыхъ: ибо вѣло многихъ по вся дни смерть поглощаетъ. Но кѣмъ бы когда имѣлъ ошъ труда успокоеніе? всякаго же мертваго надлежитъ предати землѣ; неуиолимое имѣющъ сердце тѣ, кои ежедневно плачутъ. Но кто спасется живъ ошъ кровожаждущія брани, тому должно поминать о пищи и пишіи, дабы вѣдше неуиолимыми силами могъ сражаться со врагами имѣя тѣло облеченное крѣпкою бронею, ниже взирая на прочихъ совѣшмъ укрывающся ошъ

отъ брани: ибо таковыя совѣты будутъ ему во зло, когда кто не изыдетъ на брань, но останется при корабляхъ Аргивскихъ; но укрѣпивъ ряды наши сошворимъ устремленіе на дерзновенныхъ Троянъ и воздвигнемъ брань жестокою. Рекъ и абіе поемлетъ съ собою сыновъ знаменитаго Нестора, Мегипта сына Филеева, Феоанта, Миріона, Ликомида сына Кроконтіева и Меланиппа; восприемлютъ путь и приближаются къ сѣни Агамемнона сына Апреева; едва шокмо слово было сказано, абіе и дѣло совершенно: несутъ семь тагановъ, кои общалъ Агамемнонъ Ахиллу, двашцать новыхъ мѣдныхъ кошловъ, двенадцать ведущъ коней, семь женъ избранныхъ знающихъ дѣла приличныя рукабъ ихъ, осьмую же прекрасную дщерь Врисееву; Одиссей же предшествуетъ неся десять шланцовъ злата, за нимъ послѣдуютъ и прочіи Ахейскіе юноши съ дарами; пришедъ же въ сонмъ положили оныя посредѣ всѣхъ.

Тогда Агамемнонъ восталъ отъ мѣста, богоподобный же Тадеивій предсталъ жасшырю народовъ держа въ рукахъ

вепря: Агамемнонъ извлекъ ножъ, который всегда у него висѣлъ при влагалищѣ меча, опрѣзавъ же онымъ опъ вепря власовъ простираетъ руки къ Юпитеру, прочіи же Аргивяне вси пребывали тогда въ молчаніи, со вниманіемъ слушая царя, кой взирая на высоту небесъ начинаетъ молившись тако: Да вѣсть нынѣ высочайшій и всевидящій Юпитеръ, солнце, земля и Ериніи, которые подъ землею наказуютъ людей творящихъ ложную кляпву, что я никогда не вознеслъ моея руки на Врисееву дщерь, ниже возшелъ на ложе ея, ниже другаго какого съ нею употребилъ дѣла, но во все оное время пребыла невинною; когда же сія клятва моя есть ложна, да накажутъ меня боги величайшими злоключеніями, каковыя посылаютъ они всѣмъ клятвопреступникамъ. Рекъ и абіе опсѣкъ главу вепря острѣемъ меча; Талевій же ввергъ оную въ волнопитаемыя морскія пучины во снѣдь рыбахъ. Посемъ Ахиллъ вставъ опъ мѣста вѣщаетъ ко всему Данайскому сонму: Отче Юпитеръ! воистинну великій вредъ испосылаеши на людей твоихъ. Никоимъ обра-

образомъ прежде сего не возмогъ бы
подвинути сердца моего Агамемнонъ,
ниже опъялъ бы противъ желанія мо-
его Врисееву дочь; но Юпитеръ та-
ковымъ средствомъ восхотѣлъ многимъ
содѣлать пагубу Ахейнамъ. Идите убо
нынѣ на вечерю, послѣ же воздвигнемся на
брань.

Такъ рекъ и отпустилъ отъ сонма
все собраніе: расбѣялися вси Ахейне каж-
дый во свой корабль; дары же воспріявъ
мужественные Мирмидоняне повесли къ
кораблю божественнаго Ахилла и поло-
жили оныя въ сѣни его, по шомъ поса-
дили женъ, коней же слуги отпустили
на пашву; прекрасная Врисеева дочь
подобляясь златой Афродитѣ узрѣвъ
Патроклово тѣло прободенное остриемъ
оружія, пала на оное и воздвигла вели-
кое рыданіе терзая перси, младую выю
и прекрасное лице, рыдая же вѣщаеъ
такъ: Возлюбленный моему злополучному
сердцу Патроклъ! исходя отъ сѣни сего
живаго я тебя здѣ оставила,нынѣ же
какъ возвращаясь обрѣпаю тебя мертваго.
О князь народовъ! тако ли всегда будешь
воспыхати меня влоключенія! мужа, ко-

ему вручили меня отецъ и почтенная
 моя мать, видѣла я предъ гра-
 домъ прободеннаго остріемъ оружія;
 шрехъ возлюбленныхъ единоутробныхъ
 моихъ братіевъ шомъ же всѣхъ сово-
 купно смертоносный день поглотилъ.
 И когда мужа моего убилъ великодуш-
 ный Ахиллъ и опровергъ божественнаго
 Миниша градъ, тогда ты меня не до-
 пускалъ плакати утѣшая, что содѣ-
 лаеши меня женою прехрабраго Ахилла
 и опведеши въ корабляхъ во Фтію и
 сотвориши бракъ въ Миридонялахъ. Не-
 насытно убо плакати буду всегда о
 смерти твоей. Тако вѣщала проливая
 слезы, воздыхали же и прочія жены
 подъ предлогомъ о Патрокловой смерти,
 но въ самомъ дѣлѣ о своихъ собствен-
 ныхъ злополучіяхъ. Окресѣ Ахилла
 собраны спюяли Ахейскіе старцы моля
 его, да пріиметъ пищу; но онъ отпре-
 жался съ воздыханіемъ вѣщая къ нимъ:
 Возлюбленные совоинственники! молю
 васъ, ежели кто хошетъ послушати,
 не принуждайте меня ниже къ пици,
 ниже къ пишю: ибо сердце мое пер-
 заешися люшою болѣзнію; до заходенія
 солн-

солнца пребуду не вкушая пищи и шерпю.

Такъ рекъ отпустилъ прочихъ Царей; Агамемнонъ же и Менелай, боже-сповенный Одиссей, Несторъ, Идомей и престарблый всадникъ Финиксъ остались утбшая въ печали его; но при всемъ своемъ стараніи не могли его утбшиши. Тогда онъ паки воспоминавъ о Патроклѣ съ горестнымъ въздыханіемъ рекъ: воистинну и ты нбкогда о възлюбленбйшій паче всбхъ совоинственниковъ но несчастный! твоими руками поспбшно и щцательно предлагалъ мнѣ въ сбни моей сладкую пищу, когда прочіе Аргивяне вооружались на плачевную брань противъ дерзновенныхъ всадниковъ Троянъ, нынѣ же по смерти твоей не жаждетъ мое сердце ниже пищи ниже питія сокрушаяся о тебѣ: ибо какое вящшее злокаюченіе можетъ постигнути меня? хотя бы я услышалъ умерщвленнаго отца моего проливающаго нынѣ во Фтїи горячія слезы о сынѣ своемъ, кой во отдаленной странѣ за ненавистную Елену брань шворипѣ со Троянами; или шже бы позналъ о възлюбленномъ сынѣ моемъ,

кой нынѣ воспитается во островѣ Скиръ,
 ежели еще живѣ до селѣ пребываетъ Не-
 оптолемѣ прекрасный. Прежде сердце
 мое уповало, что я единѣ умру во Тро-
 янской странѣ разлучася съ Аргивскою
 многоплодною землею, ты же возврати-
 шися ко Фініи здравѣ и изведеши моего
 возлюбленнаго сына бѣи Скира на ко-
 раблѣ и покажеши ему все мое спяжаніе,
 рабынѣ и пространство возвышающагося
 дому моего; ибо мню, что Пилей
 или совершенно умерлѣ, или живетъ
 окончивая дни оубѣ многоболѣзненныхъ
 старости и отъ печали ожидая пла-
 чевнаго извѣщенія, когда услышишь о
 смерти моей.

Тако вѣщая плакалѣ; прочіи же
 вельможи воздыхали приводя на память
 кто что оставилѣ во своемѣ домѣ.
 Юпитерѣ же взирая на слезы ихѣ мило-
 сердствовалѣ и вскорѣ по семѣ ко Аѳин-
 ской Палладѣ вѣщаетъ: О дщерь моя!
 или уже во все оставила ты благаго
 мужа? по что не имѣеши попеченія въ
 сердцѣ твоемѣ о Ахиллѣ? зри се онѣ при
 корабляхѣ сидитѣ проливая слезы о сво-
 емѣ возлюбленномѣ другѣ; прочіи насы-
 щаются

щаюся пищею, онъ же ничего вкусить не желаетъ. Иди убо и ороси сердце ево благовонною амвросіею и сладчайшимъ Некшаромъ, да не ослабѣетъ отъ глада.

Такъ вѣщая послалъ давно желающую всѣмъ сердцемъ божественную Палладу, которая аки птица имѣющая распростершыя крыла спустилась отъ неба по воздуху. Ахеяне же тѣмъ временемъ по всему воинству приуговлаивались на брань. Аѳинская богиня приблизясь къ Ахиллу оросила сердце его нектаромъ и амвросіею, дабы колѣна его не оскудѣли отъ крѣпости; сама же паки по семъ возвратилась на небо ко всесильному отцу своему.

Уже текутъ Аргивяне отъ кораблей. Какъ когда густыя облаки едины за единымъ бѣгутъ со устремленіемъ погоняюще ихъ бурному ворею: тако тогда Ахейскія блистающія шлемы, щипы твердые, брони крѣпкія и копья острия неслися отъ кораблей; блистаніе же восходило къ небесамъ и радовалася окресная вся земля отъ сіянія оружія, звукъ ошъ ногъ Ахейскаго воинства далече

лече слышанъ былъ. Божественный же Ахиллъ вооружался посредъ совоинственниковъ, скрежещъ зубовъ его былъ страшенъ, очи горѣли аки пламень огненный, сердце же объято было нестерпимою болѣзнію. Раздраженъ убо бывъ Троянами облекаешя въ дары божескіе, коя содѣлалъ ему знаменишый Ифестъ: во первыхъ обуваешя въ сапоги угошованныя съ серебрянными зашпешками, по семъ возлагаетъ на перси панцырь, на бедрахъ повѣсилъ мечъ ибдый украшенъ серебряными гвоздьми, по томъ приемлетъ въ руки щитъ великій и швердый, отъ котораго блистаніе исходило аки блистаніе луны. Какъ когда на морѣ во время темныхъ ноци плавающимъ кораблямъ зрится свѣтъ огня горящаго въ пущыи на высокихъ горахъ, но иныхъ мореплавашихей свирѣпыя ошрѣвають отъ пристанища волны и далече отъ сопушиковъ уносятъ во пространство моря: тако отъ Ахиллова удивительнаго щита изливалося сіяніе на воздухъ; по томъ возлагаетъ на главу тяжкій шлемъ, коего блистаніе было аки блистаніе звѣзды; окрестъ

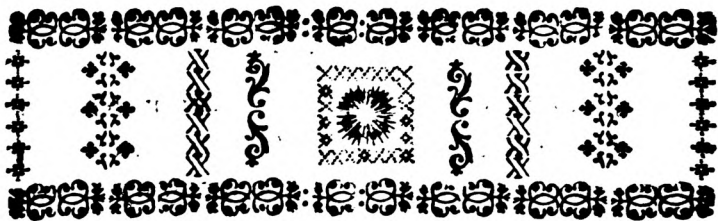
о́крестѣ же его колебалосѣ златое перо, содѣланное премудрымѣ Ифестомѣ. Облеченѣ же бывѣ божественный Ахиллѣ и-скушаетѣ броню свою движеніемѣ пѣла; приличны ли и сходственны членамѣ его знаменитые дары, которые аки крыла возвышали пастыря народовѣ. На конецѣ изведемѣ отѣ влагалища тяжелое великое и дебелое копіе, кое мудрый Хиронѣ иссѣклѣ на горѣ Пилѣ въ дарѣ опиду его во смерть Ироевѣ: копія сего никто отѣ Ахейнѣ мешати не могѣ, но токмо единѣ Ахиллѣ. Коней же со тща-ніемѣ приугощивали Автомедонтѣ и Алкимѣ; облекли ихѣ въ весь крѣпкій снарядѣ. Автомедонтѣ приемѣ бичѣ и бразды сѣлѣ на мѣстѣ управленія коней, по семѣ восходитѣ создаи его и Ахиллѣ блистая во оружіи аки солнце, и сѣ великимѣ прещеніемѣ повелѣваетѣ конямѣ вѣщая имѣ тако: Ксанѣ и Валій! знаменитое исчадіе Подарги! инымѣ образомѣ нынѣ помышляйте, дабы спасти вамѣ всадниковѣ своихѣ и возвратити ихѣ здравыхѣ паки къ Данайскимѣ полкамѣ, когда насытимся бранію, ниже да оставище тако насѣ, какѣ Пашроклѣ мертвѣго.

мертваго. Быстрый Ксанѣвъ обративъ въ Ахиллу главу и исторгль отъ яра гриву, которая тогда простерлася до земли, отвѣщаль ему: (гласъ же послала ему божественная Ира) Воистинну еще спасемъ тебя нынѣ прекраснѣйшій Ахиллѣ! Но день гибели твоея уже приближается, мы же ни въ чемъ виновны сему не будемъ, но великій богъ и немилосердый рокъ: ибо и прежде не отъ нашего нерадѣнія и медлѣнности Трояне совлѣкли броню отъ раменъ Патрокловыхъ; но прекраснѣйшій изъ боговъ, коего родила красящаяся власами божественная Липа, убилъ его между первыми совоинственниками и тѣмъ содѣлалъ Екшору славу. Мы воистинну потекли бы равно съ дохновеніемъ Зефира, о коемъ повѣдають, чѣмъ легчайшій есть паче всѣхъ вѣтровъ: но самому тебѣ определено убіену быти отъ бога и мужа сильнаго.

Такъ вѣщающаго прекратили гласъ Ериніи. Мужественный Ахиллѣ воздохнувъ отъ сердца вѣщаетъ ему: Ксанѣвъ! прилично ли тебѣ предрекаши о моей смерти? знаю воистинну и самъ, что
 мнѣ

мнѣ положенъ предѣлъ погибнути въ сей
 странѣ далече сушу отъ возлюбленнаго
 отца и матери, но не престану, до-
 колѣ Троянѣ обильно насыщу брѣню.
 Реклѣ и абіе возопивъ мещеша съ пер-
 выми рядами направляя быспрршекущихъ
 коней на Троянскіе полки.

ОМІРОВОЙ ИЛІАДЫ ПѢСНИ ДВАДЕСЯТОЙ

с о д е р ж а н і е.

По изволенію Юпитера вселомоществуютъ всѣ Боги; Ахейнамъ божественная Ира. Лѣвинская Паллада, Посидонъ, Ифестъ и боговѣстникъ Ермѣй; Троянамъ же Афродита, Аполлонъ, также де Артемида, Лита, Арей и Схамандръ. Посидонъ похрѣвъ Енея облакомъ избавляетъ его отъ наладенія Ахилла. Ахиллъ излагаетъ какъ многихъ ииныхъ, такъ и Полидора сына Пріамова; и Екторъ съ нимъ сошедшися избавляется бѣгствомъ вселомоществующу ему Аполлону; но Ахиллъ прочихъ гонитъ ко граду.

ПѢСНЬ XX.

ИПСИЛОНЪ.

Т^ако неупомимые Ахейскіе, воинственники окрестѣ. Ахилла сына Пилеева вооружадися при корабляхъ равнымъ

равнымъ образомъ и отъ сопротивныя страны Трояне приуговлялися на брань стоя на возвыщающемся поля мѣстѣ. Въ то время Юпитеръ повелѣлъ Ѧмидѣ созвати боговъ на сонмъ отъ высоты Олимпа многоудольнаго. Богиня общекая всѣхъ боговъ повелѣла имъ взыти въ домъ Юпитеровъ. Тогда вси какъ рѣчные боги, кромѣ Океана, тако и Нимфы обитающія въ прекрасныхъ дубравахъ, при источникахъ рѣкъ и на орошенныхъ поляхъ собиралися въ домъ погоняющаго облаки Юпитера; пришедъ же сѣли на блистающихъ сѣдалищахъ, кои содѣлалъ олицу Юпитеру великолѣпнымъ художествомъ знаменитый Ифесъ. Тако боги собиралися къ верховному повелителю пространныя высошы небесъ; ниже самъ окружающій землю водами Посидонъ преклушался повелѣнй богини Ѧмиды, но съ прочими совокупно исшедъ отъ моря возлегъ посреди всѣхъ и вопрошаеъ Юпитера тако: Почто паки молѣносный ошецъ, призваъ ты боговъ на сонмъ? или помышляеши что о Троянахъ и Ахеянахъ? ибо зрю, что паки возгорѣлася между ими непримиримая брань.

Погоняя во едино облаки Юпитеръ отъ-
вѣщаетъ ему: Позналъ шы, о Посидонъ!
совѣщанія моего сердца, для кого я со-
бралъ къ себѣ боговъ; имѣю воистинну
попеченіе и о погибающихъ. Но я нынѣ
пребуду на высотѣ Олимпа возлежа, оп-
куда взирая буду улаждаѣться сердцемъ,
вы же вси отыдиѣте отсюда ко Троя-
намъ и Ахейнамъ и помогайте имъ, кому
чье сердце како совѣщаетъ: ибо когда
единъ Ахиллъ сражаться будетъ со Тро-
янами, ни малѣйше не возмогутъ сопро-
тивъ его стати; ибо и прежде они у-
зрѣвъ его вострепешали; нынѣ же когда
сердце его зѣло преогорченно есть о
смерти друга, бояся да не противъ во-
ли судьбы опровергнешъ свѣдѣнія града
сего.

Такъ рекъ сынъ Кроновъ и абіе воз-
двигъ жестокою брань. Приближающся
вси боги ко сраженію имѣя разныя же-
ланія сердецъ: ко пристанищу кораблей
поспѣшающъ Ира, Аѣинская Паллада,
окружающій землю Посидонъ, премудры-
ми совѣтами украшенный Ермій и превоз-
носящійся крѣпосію Хромоногій Ифестъ;
ко Троянскому же воинству текутъ крѣп-

ко вооруженный Арей, вѣчною молодостию красящійся Аполлонъ, стрѣломещущая Артемида, Лиша, Ксанев и радостношворная Афродита. Доколѣ боги пребывали особь ошѣ смертныхъ мужей, дошолѣ Ахейне зѣло радовались, что Ахиллѣ многое время не исходя ошѣ кораблей, явился совокупно съ ними на брани; на всѣхъ же Троянѣ напалѣ нестерпимый страхъ, когда узрѣли мужественнаго Ахилла сіяющаго въ великолѣпнѣ оружїа и подобящагося смертоносному Арею. Когда же боги приблизились ко сраженію, тогда воспала жестокая между обоими воинствами распря. Аѣина же иногда стоя въ твердыни при рѣѣ, иногда являясь на шумныхъ бретахъ простирала страшный гласъ: равнымъ образомъ и ошѣ сопровивныя страны подобный темному облаку! Арей иногда со спѣны града вопїалѣ ко Троянамъ ободряя ихъ, иногда же при возлюбленныхъ богами струяхъ рѣки Симоента.

Тако блаженные боги возбуждая оба воинства совокупили ко сраженію и содѣлали кровопенасышную вражду. Тогда

отецъ боговъ и челоуѣковъ всесильный Юпитеръ, возгребѣвъ страшно отъ высоты небесныя; Посидонъ же восколебалъ пространство земли, верхи высочайшихъ горъ, подвигалися вси основанія изобилующей испочниками Иды, стражницы Троянскихъ стѣнъ, весь градъ и корабли Ахейскія; убоился обладающій преисподними обиталищами Царь Аидовей, убоясь же мещется со престола вопія, да не распоргнетъ надъ нимъ Посидонъ хлябій земныхъ и да не откроюшся предъ всѣми мрачныя и ужасомъ наполченныя пространныя дома его, коихъ и сами безсмертныя боги страшатся. Тогда ужасная буря востала отъ распри сошедшихся боговъ: ибо сопротивъ Посидона Царя стоялъ Фивъ Аполлонъ имѣя быстрыя стрѣлы; сопротивъ Ареса, Аѳинская богиня Паллада; сопротивъ великолѣпныя Иры, златое имѣющая копье, громогласная стрѣломещущая Аршемида, сестра Аполлонова; сопротивъ Леты, премудрый Ермій; сопротивъ Ифеста, великая и многопучинная рѣка, которая отъ боговъ нарицается Ксанеомъ, отъ челоуѣкъ же Скамандромъ.

Тако

Тако боги восставали проотивъ боговъ. Ахиллъ же паче всего желалъ обрѣсти во всѣхъ полкахъ лютаго врага своего Ектора: ибо сердце ему повелѣвало кровію его насытити сильнато рапника Арея. Въ то время Аполлонъ послалъ Енею великую крѣпость, возбудилъ его сопротививъ Ахилла. Воспріявъ же на себя Аполлонъ образъ и гласъ подобный Ликаону сыну Пріамову вѣщаетъ ко Енею: Премудрый совѣтникъ Троянскій! гдѣ твои прещенія, кои ты пришествуя со Троянскими Царями общалъ имъ и хотѣлъ изыти на сраженіе сопротививъ самаго Ахилла сына Пилеева.

Еней на сіе отвѣщалъ ему: Сынъ Пріамовъ, что принуждаеш не хотѣщаго меня сразиться съ Гордымъ сыномъ Пилеевымъ? воистинну не въ первое уже изыду нынѣ сопротививъ его, но и прежде копіе его устрашило меня, когда напалъ на стада наши и разорилъ грады Лирнисъ и Пидасъ; но Юпитеръ тогда вдохнувъ мнѣ крѣпость и пославъ моимъ колѣнамъ легкость, отъ смерти избавилъ меня; воистинну погибъ бы я тогда отъ рукъ Ахилла и Пакхиды, которая

предшествуя ему вездѣ помогала дая совѣшъ убивать копѣмъ Делеговъ и Тро-
янъ. Никшо убо отъ мужей не возмо-
жетъ изыти сопрошивъ Ахилла: ибо
всегда нѣкто единъ отъ боговъ съ нимъ
присудствуетъ отвращая отъ него па-
губу; копѣ же его всегда лѣзаетъ прямо
и ни когда не падетъ доколѣ пронзитъ
человѣческое тѣло. Но когда бы и мнѣ
богъ послалъ равный жребій брани, во-
станину не безъ труда побѣдилъ бы ме-
ня, хотя бы и весь онъ былъ мѣднѣй.

Царь Аполлонъ сынъ Юпитеровъ от-
вѣщая рекъ ему: Ирой! моли и ты
безсмертныхъ боговъ: ибо повѣдають,
что и ты рожденъ отъ Афродиты дщери
Юпитеровой, онъ же отъ богини много
меньшѣ, ибо его мать есть отъ мор-
скаго старца, твоя же отъ Юпитера.
Но устремля прямо неушомимое копѣ
твое, ниже устращишься свирѣпыхъ словъ
его и яросныхъ угрозъ.

Такъ вѣдая вдохнулъ великую силу
пастырю народовъ Течетъ Ирой чрезъ
первыя ряды вооруженъ блестящею мѣдью.
Божественная Ира вскорѣ познавъ Ахил-
сова сына устремляющагося сквозь мно-
жество

жество мужей сопровивъ Ахилла и призвавъ къ себѣ боговъ тако вѣщаетъ имъ: Царь Посидонъ и ты премудрая Паллада! помыслише вы нынѣ въ сердцахъ вашихъ, како дѣла сіи будутъ: се Бней облеченъ сіяющею броней идешъ сопровивъ Пилеева сына ободренъ бывъ Аполлономъ; но пошдимся мы нынѣ отъ врашии его вспять отсюду и да нѣкоторая отъ насъ предстанетъ Ахиллу и дастъ ему крѣпость и силу, да не ослабѣетъ сердце его и да познаетъ, что его сильнѣйшіи боги любятъ; отъ противныя же страны суть немощны, кои и прежде Троянамъ помощниками были во брани. Мы же сошли отъ неба на брань сію для того шокмо, дабы Ахиллъ не претерпѣлъ чего злаго нынѣ отъ Троянъ, послѣ же восприметъ то, что Парка при рожденіи его сопряла нитью. Но когда Ахиллъ не позналъ сего предреченія боговъ, устрашится послѣ узрѣвъ отъ боговъ кого исшедшаго сопровивъ его на брани: ибо трудно взиращи на боговъ, когда они являющся откровенно.

Сотрясающій землю Посидонъ отвѣ-
щалъ ей: Ира да не преоторчится серд-
це твое въ оправдѣ; ибо и не прилич-
но тебѣ. Не хошу я съ богами вступа-
ти въ распрю; но паче отыдемъ съ пути
сего особъ на высокое мѣсто, попеченіе
же о брани смертнымъ оставимъ; когда
же Арей и Фивъ Аполлонъ начнутъ брань,
или воспрепятствуютъ и не допустятъ
Ахилла ко брани, тогда вскорѣ и мы
на томъ же мѣстѣ съ ними вступимъ во
сраженіе. Уповаю, что немедленно воз-
вратятся пакы на небо въ собраніе про-
чихъ боговъ по нуждѣ усмирены бывъ
крѣпкими нашими руками.

Тако рекъ Посидонъ предшествуетъ
ко огражденной землянымъ валомъ боже-
ственного Ираклія стѣнѣ, кою сооруди-
ли ему Трояне и браноносца Аѳина во
набѣжаніе отъ пожренія Кишова, когда
бы онъ погналъ его отъ бреговъ на поле.
Тако Посидонъ возлежалъ со пречими бо-
гами, спрестъ же ихъ распростертъ былъ
темный облакъ: отъ Троянскія же стра-
ны со свѣломъ Аполлономъ и
градоразрушителемъ Ареемъ сидѣли про-
чіе боги совѣщая помышленія сердецъ;
но

но брань начинать не хотѣли. Юпитеръ же сидя на высотѣ Олимпа возбуждалъ оба воинства, коими все поле наполнено было и сіяніе мѣдныхъ брони отъ мужей и коней простиралось всюду. Уже возгремѣла земля подъ ногами стекающихъ ко сражанію.

Се два мужа по превосходству избранные сынъ всѣхъ исходятъ посредѣ обоихъ воинствъ готовы брань начать: Еней сынъ Анхисовъ и божественный Ахиллъ. Во первыхъ же исходятъ Еней съ превозношеніемъ колебля шлемъ крѣпкій нося страшный щитъ предъ персями и гордяся твердымъ копьемъ; отъ другія страны шечетъ Ахиллъ. Аки лютый левъ, коего дерзновенные ловцы собранные въ великомъ множествѣ хотятъ убити, съ начала идеть презирая всѣхъ, но когда кто отъ сильныхъ юношей поразитъ его копьемъ, обращается разверзая челюстей зіянія, покрывая зубы пѣною, испуская отъ персей ужасный стонъ и ободряя самъ себя къ нападенію, мещетъ съ пламенною яростію, да или кого расперзаетъ или самъ прободенъ падетъ: тако Ахиллъ поощряемъ былъ крѣпостию своею и му-

жествоу изыти во срѣщеніе великодушно-
му Ектору.

Соседшимся же мнѣ близко первый
вѣщаетъ божественный Ахиллѣ: Еней!
что шоль далеко исшедъ мнѣ воинства
стоиши? или совѣщаетъ тебѣ сердце
сразиши со мною упоено бывъ надеж-
дою получиши царствованіе надъ муже-
ственными Троянами и достоинство Ца-
ря Пріама? но хотя и убіеши меня,
не мысли, что воздастъ тебѣ таковое
награжденіе Пріамъ: ибо имѣетъ онъ соб-
ственныхъ чадъ своихъ, и самъ еще
твердъ, ниже оскудѣли силы его. Или
чаеши, что Трояне изберутъ тебѣ поле
угобженное паче прочихъ, способное къ
насажденію древесъ и къ дѣланію земли
въ наслажденіе твое, когда меня убіе-
ши? но уповаю, что трудно тебѣ бу-
детъ исполниши сіе: ибо мню, что уже
и прежде страшился ты копія моего.
Или забылъ, когда я отгналъ тебя отъ
стадъ твоихъ на Идейскихъ горахъ?
тогда ты бѣжа не обращался вспять
и сокрылся въ Лирисъ, но я пришедъ
разорилъ его съ помощію Аелійскія Пал-
лады и всесильнаго Юпитера, наѣвилъ
жеиъ,

женѣ, лишнѣ свободныхъ дней и отшелѣ ихъ съ собою; себя же тогда спаслѣ Юпишерѣ и прочіе боги. Нынѣ же уповаю, что не спасешия отъ рукъ моихъ, какъ помышляеши во швоемъ сердцѣ; но я совѣшую тебѣ возвратиши здраву къ воинству швоему, ниже ожидаши моего устремленія, доколѣ не постраждеши вла какого: ибо совершившееся дѣло и безумный разумѣшѣ.

Еней на сіе отвѣщая реклѣ ему: Сынѣ Пилеевѣ! не мысли устрашиши меня швоими словами аки несмысленнаго младенца: ибо разумѣю я самѣ какъ досадительными такъ и истинными отвѣщаши словами. Извѣстны мы другъ о другѣ, о родѣ и о родишеляхъ нашихъ по славѣ многихъ людей. Но какъ ты въ лице не видѣлѣ никогда моихъ родишелей, равнымъ образомъ ниже я твоихъ; повѣдаюшѣ, что ты родился отъ отца знаменитаго Пилея, отъ матери же прекрасныя морскія богини Фетиды; я же нарицаюся сыномъ великодушнаго Анхиса, мать же моя есть Афродита. Нынѣ же о комъ ибудь изъ насъ възрыдаюшѣ дражайшіе родишели наши: ибо не уповаю
воз-

возвратишися намъ отъ брани разлучен-
 нымъ дѣпскими словами. Но когда же-
 лаеши вѣдати и о всемъ нашемъ поко-
 лѣнїи, знай, что оно многимъ извѣстно
 есть: во первыхъ погоняющїи облаки
 Юнистеръ родилъ Дардана, кой создалъ
 Дарданїю; ибо не былъ еще сооруженъ
 разноязычныхъ народовъ священный градъ
 Илїи, но всѣ обитали окрестъ изобилую-
 щїя источниками горы Иды. Дарданъ
 же родилъ сына Царя Ерихонїя, копо-
 рый тогда имѣлъ множайшее паче всѣхъ
 смертныхъ спяжане: сего мужа при-
 шысящи кобылъ паслися при озерѣ имѣя
 многихъ жребящъ; пасущихся же ихъ у-
 врѣвъ ворей возлюбилъ и приравъ на себя
 подобїе коня пребылъ сѣнѣсколькими отъ
 нихъ; кой очреватѣвъ наконецъ родилъ
 двенадцать жребящъ. Сїи когда скакали
 по насѣянному хлѣбомъ полю и бѣгали
 по верхъ класовъ, но бѣгая не сокруша-
 ли ихъ; когда же бѣгали по волнамъ
 пространнаго моря, бѣгали аки по су-
 хому берегу. Ерихонїи родилъ Троянамъ
 Царя Троя; отъ сего же родилися при-
 пресловутые сына: Иллъ, Ассаракъ и
 божественный Ганимидъ. Сей послѣдній
былъ

былъ тогда прекраснѣйшій отъ смертныхъ. Боги же за красоту восхищили его на небо, дабы былъ Юпитеру виночерпій и обиталъ бы между безсмертными. Отъ Илла же родился сынъ знаменитый Лаомедонтъ; Лаомедонтъ же родилъ Тиеона, Пріама, Лампа, Клишїя и Икетаона отрасль Арееву. Ассаракъ родилъ Капія, Капій же родилъ Анхиса отца моего; Пріамъ же родилъ божественнаго Ектора. Се начало крови моея! се происхожденіе рода моего! но Юпитеръ силу мужей умножаетъ и сокращаетъ по своему благоволенію: ибо онъ сильнѣйшій есть паче всѣхъ. Но оставимъ сіи аки младенческія разглагольствїя простирати стоя, посреди сраженїя всего воинства: ибо можемъ оба мы другъ другу толико содѣлати укоризнъ, что нашихъ словъ и стовесельный не вмѣститъ корабль; языкъ же человѣческій удобообращаемъ есть; многоразличныя суть между смертными слова, которыя безъ препятствїя отъ устъ нашихъ изливаются: какое слово скажешь, такое и услышиши. Но почто мы взаимныя другъ прошиво друга творимъ доношенїя аки жены,

жены, кои во гнѣвѣ своемъ воздвизають пагубную распрю и на пуши бывъ другъ на друга изрыгають укоризны праведныя и ложныя, ибо гнѣвѣ ко всему принуждаетъ; дерзновеннаго же моего мужества не воспяшиши словами, доколѣ не сразишися оружіемъ. Испышаемъ убо другъ друга копіями нашими. Реклѣ и абіе мещѣ копіе съ великою силою; возгремѣло остріе копія отъ ударенія въ щипъ, который вскорѣ возвышенъ былъ Ахилломъ на руку и поставленъ предъ перся; устращилъ божественный мушъ: ибо мнѣлѣ, что удобно пронзится щипъ отъ пораженія великодушнаго Енея. Но сей несмысленный не помышлялѣ того во умѣ своемъ, что великолѣпныя дары боговъ шрудно есть сокрушити; какъ и тогда щещно было пущено копіе его, ниже твердость щита пронзилася отъ него: ибо злато сохранило божественныя дары. Два ряда остріе копія прошло, но оставались еще три; ибо пящъ рядовъ положилъ на щипѣ Ифестъ: два мѣдныхъ, два оловянныхъ, пящый же рядъ отъ злата, на которомъ и копіе Енеево оставовилося. По семъ Ахиллѣ мещѣ великое

кое копіе свое на Енеевъ щитъ: падешъ
 остріе подъ ободомъ, гдѣ шончайшая
 мѣдь и шончайшая кожа была; Пиліада
 проходишь на сквозь и возгрѣбъ щитъ
 отъ ударенія его. Еней преклонился со
 страхомъ держа предъ собою щитъ; ко-
 піе же Ахиллово пролетѣвъ чрезъ хре-
 бешъ вонзилось въ земль. Еней избѣжавъ
 смершнаго пораженія паки спалъ прямо;
 страхъ излился во очи, когда узрѣвъ,
 что копіе близъ его спойтъ вонзенное.
 Ахиллъ извлекаетъ острый мечъ и съ
 великимъ воплемъ устремляется. Еней
 вскорѣ восхищаетъ великія тяжести ка-
 мень, котораго ниже два мужа, каковы
 суть нынѣ смершныя, могли бы понести,
 но онъ удобно всюду обращалъ то: ме-
 щетъ на устремляющагося Ахилла, но
 тяжесть камня падетъ на щитъ, на
 шлемъ или что сохранило божественнаго
 мужа отъ смерти. Ахиллъ приближася
 къ Енею, вскорѣ бы лишилъ его живота,
 ежелибъ сошрясашель земли Посидонъ не
 поразумѣлъ; познавъ же приближающуюся
 Енею смерть вѣщаетъ ко прочимъ без-
 смертнымъ богамъ: Увы! воистинну бо-
 лѣзную о великодушномъ Енеѣ, кой ско-
 ро

ро, отъ рукъ Пилеева сына сидеть въ адѣ, прелыщенъ бывъ совѣшани стрѣломещущаго Аполлона. Несмысленный! не разумѣлъ того, что не поможетъ ему сопровивъ горчайшія смерти. Но почто невинный сей страждетъ болѣзни за чужія бѣдствія? онъ обитающимъ во пространномъ Олимпѣ богамъ приносишь дары всегда приятныя. Пошдимся убо сохраниши отъ смерти, да не како прогнѣвается и Юпитеръ, ежели Ахиллъ умертвитъ его: ибо еще повелѣваетъ рокъ спастися ему, да не погибнетъ безъ сѣмени и въ неизвѣстности родъ Дардана, коего Юпитеръ возлюбилъ паче всѣхъ своихъ чадъ родившихся отъ смертныхъ женъ; ибо возненавидѣлъ уже онъ родъ Пріама Царя. Нынѣ же крѣпость Енеева будешь обладати Троянами и сыны сыновъ его, кои произыдутъ во времена попомственныя.

На сіе божественная Ира отвѣщала ему тако: Посидонъ! самъ ты рассуди во умъ твоемъ о Енеѣ, спаси ли его, или попустиши сокрушиться отъ рукъ Ахилла сына Пилеева: ибо я и Аѳинская Паллада заклиналися между всѣми богами
никогда

никогда не отвращати пагубнаго дѣла
отъ Троянѣ, ниже когда вся Троя
будетъ пожирася пламенемъ огня; во-
спалаишь же оную мужесшвенные сыны
Ахейскіе.

Сопрясашель земли Посидонѣ слы-
шавъ сіе идетъ ко брани и ко преску
оружія, приближася же гдѣ Еней и зна-
менишый Ахиллѣ сражались, вскорѣ из-
ливаешь предъ очи Пилеева сына мракъ;
извлекъ же копіе отъ Енеева щита по-
ложилъ предъ ногами его, Енея же содѣ-
лавъ легкимъ возвысилъ отъ земли на
воздухъ. Тогда Анхисовъ сынъ гонимъ
рукою божіею прескакивалъ многія ряды
мужей и многихъ коней; и вскорѣ пришелъ
на край многомятежныя брани, гдѣ Кая-
коны вооружилися къ сраженію. Тогда
окружающій землю водами Посидонѣ при-
ближася къ нему вѣщаетъ.

Еней! кто отъ боговъ прошиво же-
ланія твоего повелѣваетъ тебѣ исходи-
ти на бравъ и сражати со Ахилломъ,
кой превосходитъ тебя крѣпостію силъ
и любезнѣйшій есть безсмерткымъ? но
когда уже исшелъ во срьшеніе ему, о-
шуди да не прежде времени снидеша въ
с шенныя

темныя адовы жилища; когда же Ахилла постигнетъ рокъ и смерть поглотитъ душу его, тогда сражайся дерзновенно со всѣми избранными мужами: ибо никто отъ Ахейнъ не убьетъ тебя.

Сіе рекъ ославилъ его. Въ то время мужественный Ахиллъ прогнавъ отъ очей мракъ темный все узрѣлъ ясно; воздохнувъ же вѣщаетъ ко своему великому духу: воистинну великое чудо зрю моими очами! Се копѣе мое лежишь предомною на землѣ, но мужа, на коего вергуль я оное желая убить, не вижу. Воистинну и Еней любимъ есть бессмертными богами, я же мнѣлъ, что онъ превозносится тщетно. Да погибнетъ убо онъ; знаю, что не восхощенъ болѣе искушать меня, когда нынѣ съ радостію избѣжалъ отъ смерти; теку убо возбудить мужественныхъ Ахейнъ и искушу прочихъ Троянъ исцѣдъ имъ во срѣшеніе. Рекъ и абіе мещетъ къ Данаискому воинству и тамо ободряетъ каждаго мужа вѣщая: храбрые Ахейне! не далеко нынѣ стойте отъ Троянъ, но да изыдетъ мужъ сопротивъ мужа и да сражаешься вси безбоязненно: ибо единому

единому мнѣ не возможно есть шолкое
множество постигати людей и со всѣми
брань творити. Ниже самъ безсмертный
богъ Арей, ниже Аѳинская браноносица
Паллада шолкому воинству возмогушъ
сопрошивъ спати. Я же колико могу,
руками, ногами и всею моею крѣпостию
сражаюсь не прешану и уповаю, что
ниже мало не отступлю, но пошеву
прерывая всѣ на сквозь ряды злодѣйскіе
и мню, что никто не возрадуется отъ
Троянъ, кому прикоснешся копіе мое.

Такъ вѣщая возбуждалъ совоинствен-
никовъ. Отъ Троянскія же спраны зна-
менитый Екшоръ повелѣвая воздвигнувшись
своему воинству сопровивъ Ахилла обо-
дрялъ шако: Великодушные Трояне! не
устрашайшесь Ахилла: ибо сражаюсь
словами готовъ и я хотя сопровивъ бо-
говъ, но копіемъ не возможно есть: ибо они
много паче крѣпчайшіи суть насъ; Ахиллъ
же не содѣлаетъ конца своимъ словамъ;
всегда будешь онъ превозношиться сло-
вами но брань оставитъ безъ дѣйствія.
Иду убо во срѣшеніе ему, хотя бы онъ
былъ руками подобенъ огню, силою же
раскаленному желѣзу.

Тако рекъ ободря воинство свое : приближающа Трояне возвысивъ копя ; смѣшались обоихъ воинствъ силы съ силами и восталъ великій вопль. Въ то время Фивъ Аполлонъ ставъ предъ Екшоромъ вѣщаетъ : Екшоръ ! никакъ да дерзнеша изыти противъ Ахилла нареди всего воинства , но всегда старайся отъ нушь воинства и отъ среды всего возмущенія разиши его , да не копѣмъ , или приближася мечемъ умершвишь тебя.

Тако рекъ Аполлонъ ; Екшоръ слыша гласъ вѣщающаго бога устрашился и вшелъ внутрь воинства своего. Ахиллъ же вооруживъ сердце крѣпостію мечется во Троянскіе полки съ ужаснымъ воплемъ и тамо перваго убиваетъ мужественнаго Ифитіона вождя многихъ народовъ , коего прекрасная Нимфа Наида родила славному градоразрушителю Оприншею. Сего Ахиллъ прямо устремляющагося поразилъ среди главы , которая вскорѣ расщѣлася на двѣ части , падетъ со звукомъ ; Ахиллъ же съ превозношеніемъ возопилъ къ нему : ужаснѣйшій паче всѣхъ мужей Ифитіонъ уже поверженъ лежитъ ;

се здѣ тебѣ смерть, родъ же твой при
озерѣ Гигейскомѣ, гдѣ земля наследная
при рѣкахъ Иллѣ и Ермѣ. Тако хваляся
реклѣ, Ифитіона же покрываетъ облакъ
смертный и вскорѣ Ахейскіе кони со-
крушаютъ колесницами члены его. По-
семъ убиваетъ мужественнаго, отврати-
теля брани Димолеонова сына Антинорова
поразивъ его въ шлемъ; не воспретявша
важъ тогда силамъ Ахилла мѣднѣй-
ный шлемъ покрывающій ланиты его;
но остріе сокрушивъ мѣдъ крѣпкую со-
крушаетъ и кость, и внутрь главы мозгъ
сбѣжалъ съ кровію. Послѣ сего прон-
заетъ копіемъ во хребетъ Ипподаманша
нишедшаго отъ колесницы и бѣгущаго
предъ собою; падетъ испуская душу со-
стономъ. Аки возревѣтъ олень окрестъ
Еликонскаго Царя влекомый юношами на
закланіе, радуется же сею жертвою и
колеблющей землю Посидонъ: Тако, реву-
щаго Ипподаманша оставляетъ муже-
ственная душа. Ахиллъ возносится по-
семъ на божественнаго; Полидора сына
Пріамова, коему отецъ не позволялъ
сражаться: ибо лѣтами былъ младшій
отъ всѣхъ и ему любезнѣйшій, скоро-

стію же ногъ превосходилъ всѣхъ. Тогда онъ отъ юношескаго неразумія хваляся быстрою ногъ бѣгалъ между совѣнн-
ственниками, доколѣ погубилъ живошъ свой. Ахиллъ поразилъ его посреда хреб-
та, гдѣ злая прѣшкѣ соединяютьсѣ по-
ясѣ; острѣ копѣ проходитъ чрево, па-
дѣтъ на колѣна сѣ воплемъ, преклонясь
же собираетъ къ себѣ внутренняя изли-
вшаяся отъ язвы и вскорѣ ношъ темная
покрываетъ очѣ его.

Екторъ узрѣвъ брата своего Полидо-
ра преклоньшагося къ землѣ и въ рукахъ
держащаго внутренняя ужаснулся и мракъ
печали обьялъ сердце его, ниже могъ
далеко ошѣти; но прямо шечѣтъ во срѣ-
щеніѣ Ахиллу подобно пламени устрем-
ля острѣ копѣ свое. Ахиллъ же уз-
рѣвъ шекущаго его возрадовался и сѣ
превозношеніемъ вѣщаетъ: Се близъ естѣ
мушъ, кой паче всѣхъ раздираетъ мое
сердце и кой убилъ почтеннаго друга
моего; не будемъ долѣ другъ друга у-
бѣгать. Рекъ; и абѣ възрѣвъ на Ек-
тора яростнымъ ономъ вѣщаетъ ему:
приблизися ко мнѣ, да скорѣ воспримѣ-
ши конецъ живота твоего.

Мужественный Екторъ не убоясь прещеній сихъ ошвѣщаетъ: Пилеевъ сынъ! не надѣйся устрашити меня словами аки несмысленнаго младенца: ибо могу я и самъ укоризны и угроженія тебѣ сошворити. Знаю, что ты превосходиши меня крѣпостію твоею, но все сіе во власти боговъ положено. Что скажешь, когда я меньшія имѣя силы исторгну душу твою копіемъ симъ? ибо и мое копіе изощрено есть.

Рекъ, и сотрясъ копіе мечемъ на Ахилла, но божественная Паллада легчайшимъ дохновеніемъ своимъ отвратила стремленіе отъ него; возвратився же паки къ Ектору пало предъ ногами его. Ахиллъ неистовствуя съ ужаснымъ воплемъ мечется убити его; но Аполлонъ покрывъ Ектора темнымъ облакомъ удобно аки богъ исхищаетъ его отъ смерти. Трижды порѣвался дерзновенный Ахиллъ и трижды ударялъ воздухъ копіемъ, но когда въ четвертое устремился аки злобный духъ возопилъ страшно, вѣщая къ нему: паки злодѣй избѣжалъ ты нынѣ отъ смерти! но воистинну зрю, что приближается пагуба твоя; паки

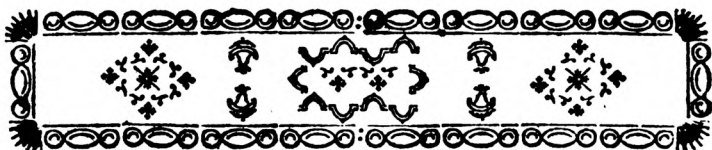
жынь твой животъ сохраненъ есть отъ Фива Аполлона, коему всегда долженъ ты молишися исходя на многоящезную брань. Воистинну и послѣ сошедшися поражу тебя смертію; уповаю, что и мнѣ отъ боговъ есть вѣкто помощникъ, нынѣ же взыду сопротивъ другихъ Троянъ, кого поспыгну.

Тако вѣщая разитъ копіемъ Дропа посредѣ выи. Падетъ знамениый мужъ предъ ногами изрыгая душу съ кровію. Оставля же сего, паки крѣпкаго и великаго мужа Димоха уязвляетъ копіемъ въ колѣно и воспяшилъ стремленіе его, извлекъ же мечъ отъземлетъ животъ. Потомъ Лаогона и Дардана сыновъ Вѣантовыхъ обоихъ вкупѣ низвергаетъ отъ колесницы на землю, единого пронзивъ копіемъ, другаго же мечемъ сокрушивъ. Трой сынъ Аласторовъ зря пагубу свою шечетъ во срѣщеніе Ахиллу, обымаетъ колѣна его и молитъ, дабы не умерщвляя пощадилъ и милосердствуя о молодыхъ его лѣтахъ отпустилъ живаго. Безумный не разумѣлъ того, что мужъ сей преклонится не можетъ, ибо тогда не помышлялъ уже о крошесши, ниже о помило-

милова; и, но алкаѣ исповсцвовати
 яросшію. Въ то самое время, когда Трой
 обымалѣ колѣна, Ахиллѣ вонзаепѣ мечѣ
 ему въ сердце, наполняется нѣдро кро-
 вію черною и пѣма смертная покрываепѣ
 очи желающему живоца. По семѣ разитѣ
 Мулія копѣмѣ во ухо и острѣ мѣди из-
 лешаепѣ во другое ухо; послѣ сего у-
 даряепѣ мечемѣ во главу Ехекла сына
 Атинорова; весь мечѣ обагрился кровію,
 смерть же вѣчная смѣжила очи его. Паки
 прободаепѣ копѣмѣ Девкалеона въ рамо,
 гдѣ совокупаются жилы; сей предвидя
 смерть и язвою спрадая ожидаепѣ при-
 ближенія его; Ахиллѣ ударяепѣ мечемѣ
 въ выю и повергаепѣ главу далеко со
 шлемомѣ, испадаепѣ мозгѣ, пѣбло же
 распростерто лежищѣ на землѣ. Паки
 течепѣ на храброго мужа Ригма сына
 Пиреева, который пришелѣ отѣ Оракій-
 скія плодоносныя страны; сего разитѣ
 копѣмѣ и острѣ мѣди вонзаепѣся посре-
 дѣ чрева; падепѣ мужѣ отѣ колесницы
 на песокѣ; по семѣ обращающаго коней
 возницу его пронзаепѣ во хребетѣ копѣ-
 емѣ; и низвергаепѣ на землю, кони же
 его возмушились. Аки свирѣпствуетѣ

огнь во глубокихъ долинахъ окрестъ безводныя горы и темный лѣсъ пожирается отъ него, вътрѣ же сопрасая дохновеніе свое всюду разливаеъ пламень; шако Ахиллъ прерисная во всѣ страны аки неисповый духъ убивалъ всѣхъ безъ пощадыня. Пошекла земля черною кровію. Какъ когда отъ сопряженныхъ подъ яремъ воловъ для сопреи въ гумѣ пшеницы испончеваются подъ ногами ихъ класы; шако подъ великодушнымъ Ахилломъ быстрошекуще кони сокрушали члены мертвыхъ и щипы. Напоилася внутрь ось и вся колесница окроплена кровію возметаемою отъ конскихъ копытъ. Ахиллъ желая приобрьсти славу, неприкосновенныя свои руки оскверилъ, обагралъ нечистошою крови проливаемая отъ него.

ОМИРОВОЙ ИЛІАДЫ

ПѢСНИ ДВАДЕСЯТЬ ПЕРВОЙ

с о д е р ж а н і е .

Троянское олохненіе разсѣянное на двѣ части гонитъ Ахилла нное во градъ, нное къ быстрой-хущей рѣкѣ Схамандру; и дванадцатъ лѣтнихъ юношей влечетъ на смерть во отмищеніе Патроклу; Лихаона же Пріамова сына и Астеролея убиваетъ. Когда же божественный Ксанфъ воздвиглъ свои лучины и выступилъ изъ бреговъ, изземлетъ Ахилла отъ лагубы Ифестъ лустипный огонь по водамъ и по полямъ. На лднецѣ сами боги браня творятъ. Ахилла удерживаетъ Аполлонъ воспріимъ на себя образъ Агенора, и видомъ бѣгства обманываетъ его, Трояне же между тѣмъ здравы отходятъ во градъ.

ПѢСНЬ XXI.

ФИ.

Ахилла поражая Троянъ, рассѣялъ воинство ихъ на двѣ части: нныхъ

вѣхъ гналъ къ потокамъ быстротекущія
 рѣки Ксанѳа, коего родилъ безсмертный
 Юпитеръ, другихъ же чрезъ ко граду,
 откуда прошедшаго дня въ великомъ воз-
 мущеніи бѣжали Ахейцы, когда неистов-
 ствовалъ знаменитый Екторъ. Тамъ Тро-
 яне обращены къ бѣгству спремидися
 всюду; божественная же Ира излила
 предъ очи ихъ великій мракъ, дабы во-
 спрепятствовать бѣгству ихъ. Въ ве-
 ликомъ множествѣ низвергались Трояне
 во глубину рѣки и падали съ ужаснымъ
 шумомъ, возгремѣли глубокія Скамандро-
 вы потоки, раздаются страшный гласъ
 по всѣмъ берегамъ; плаваешь войско во
 всѣ страны съ великимъ воплемъ превра-
 щаемы пучинами. Аки пруги летящъ
 отъ страха къ водѣ, когда не далече
 отъ себя узрящъ возженный огонь: тако
 отъ Ахиллова лица бѣжали Трояне и
 глубокія Ксанѳовы потоки наполнялись
 мужами и конями. Ахиллъ оставя копье
 свое на берегу преклоненное ко древу ме-
 щется въ рѣку подобно злобному духу
 имѣя шокмо мечъ и сердце наполненное
 помышленіями о пагубѣ Троянъ; пора-
 жаетъ обращая всюду, вознесишся стовъ
 ужа-

ужасный отъ умерщвляемыхъ мечемъ, обогрилася вода кровію. Аки отъ великаго Делфина малыя рыбы убѣгая со страхомъ укрывающся въ норахъ пристанища корабельнаго (ибо вскорѣ пожираетъ, которую поѣшигнешь), тако Трояне низвергалися отъ стремнинъ во глубину Скамандрову. Когда же ушомилися руки посѣченіемъ, двенадцать живыхъ юношей извлекль отъ рѣки и поспановя ихъ на берегу аки спрашливыхъ козлятъ, связаль руки ихъ сзади хребта ремнями, коими они были препоясаны и предаль ихъ своимъ совоинственникамъ, да отвещушъ къ Ахейскимъ кораблямъ въ опущеніе Папрокловой смерти; самъ же паки мещется съ яростію къ убійству. Тамо незапно предсталъ онъ во срѣшеніе бѣгущему изъ рѣки Ликаону сыну Пріамову, коего нѣкогда самъ же онъ пришедъ нощію взялъ въ плѣнъ въ вертоградъ отчемъ посѣкающаго смоковничьи вѣтви на сооруженіе колесницы; но се вечаянное зло приближалось къ нему; божественный Ахиллъ тогда отшель его на корабляхъ въ островъ Лимнъ, гдѣ сынъ Іасоновъ Иетіонъ бывъ пришельцемъ

демъ далъ великую цѣну искупленія и свободивъ отъ плѣна послалъ его къ божественной Арисвѣ. Откуда тайно утекъ пришелъ въ домъ отца своего, гдѣ одинадцать дней пребывалъ веселяся со своими друзьями; во второй же десятокъ день паки предалъ богъ его въ руки Ахилла, кой вскорѣ имѣетъ и не хопящаго послаши въ домъ темнаго ада. Познавъ убо его божественный Ахиллъ бѣгущаго изъ рѣки безъ шлема, безъ щита и безъ копія (ибо ослабѣвъ колѣнами и изнемогъ отъ поща, все сіе повергъ на землю) съ воздыханіемъ вѣщаетъ къ своему великодушному сердцу: Какое удивленіе вижу днесь моими очами! воистинну мужественные Трояне, коихъ я умертвилъ, паки восстанутъ отъ мрака смертнаго: какъ и сей проданъ бывъ во островъ Лимнъ избѣжалъ отъ пагубнаго дня; не воспятило ему ниже волнующееся пространство моря, кое и по нуждѣ многимъ воспрещаетъ путь; но да вкусишь нынѣ копія нашего остріе, и тогда узрю явственно и познаю равнымъ ли образомъ и отъ него спасется, или обыметъ его пшашельница всѣхъ земля, жоторая и
крѣп-

хрѣпчайшаго мужа преклоняешѣ.

Такъ помышляя стоя; Ликаонъ же печетѣ со шрепетомъ желая объяши колѣна его: ибо душа его жаждала помилованія и убѣжища отъ лютыя смерти. Но яростный Ахиллъ вознесъ уже копіе, дабы пронзити его; въ то самое время приблизился Ликаонъ и преклоняся объялъ колѣна его, копіе же пролетѣвъ чрезъ хребетъ вонзилось въ землю, алкая напиться кровію мужа. Тогда единою рукою обымалъ колѣна Ахилловы, другою же держалъ копіе и не отпускалъ, но со слезами молилъ его вѣщая тако: Воспитанный Юпитеромъ Ахиллъ! швоимъ прикасаюся колѣнамъ, тебѣ молюся, умилосярдися надо мною достойнымъ швоего помилованія: ибо у тебя перваго вкушалъ я даръ божественныя димитры въ день оный, когда ты меня взялъ въ плѣнъ, извлекъ изъ вертограда и разлучивъ со оцемъ и со всѣми возлюбленными продалъ во знаменитый островъ Лимъ и тѣмъ приобрѣлъ стяжанію твоему приращеніе сто воловъ; нынѣ же хочу искупитися утроенною прошивъ сего цѣною: ибо второй наде-
сашь

сѣть естъ дель мнѣ, какъ во градъ сей
прибыль пострадавъ многія заключенія;
нынѣ же злобный рокъ положилъ меня въ
твои неприкосновенныя руки. Воистинну
зрю, что я ненавидимъ Юпитеру, кой
паки предалъ меня тебѣ; крашкремен-
наго родила меня матерь Лаодея, дочь
престарѣлаго Алсея, кой обитая при
рѣкѣ Сантиоентѣ во градъ Пидасъ обла-
даетъ храбрыми Лелегіанами; сего дочь
между иными многими имѣлъ Пріамъ
маложницею, отъ коея двое мы рожде-
ны; но ты перваго Полидора сокрушилъ
остріемъ копія твоего, нынѣ же и мнѣ
приближается пагуба: ибо не уповаю
избѣгнути отъ рукъ твоихъ, но близъ
есть конецъ живота моего. Сохрани убо
на твоемъ сердцѣ слова, кои предъ то-
бою изреку: пощади животъ мой: ибо я
не единоутробный братъ Екшору, кой
убилъ мужественнаго и крошкаго друга
твоего.

Тако знаменитый сынъ Пріамовъ мо-
лилъ Ахилла, но немилостивый отъ него
услышалъ отвѣтъ: Не исчисляй предо
мною даровъ твоихъ, ниже умножай раз-
глагольствія; ибо доколѣ Патрокла не
посшигла

достигла смерть, могъ я нѣсколько преклонившися на моление Троянъ; многихъ я отъ нихъ плѣнилъ и продалъ; нынѣ же отъ всѣхъ Троянъ не избѣжитъ смерти никто, кого богъ въ мои руки предастъ, паче же отъ сыновъ Пріамовыхъ; но умри и ты другъ; что тщетно воздыхаешь? умеръ и Патрокъ, который много лучший тебя былъ. Не видиши ли, коль я великъ и благообразенъ? отца мнѣ знаменитаго, мать же моя естъ богиня; но послъ тебя и ко мнѣ смерть и неутомимый рокъ пріидетъ утро, или вечеръ, или полдень, когда кто или копѣмъ или стрѣлою поразивъ ошметъ животъ мой.

Такъ рекъ неукротимый Ахиллъ и разрушается крѣпость Ликаоновыхъ колѣнъ и сердце томится, опускаетъ копѣе и сидитъ простирая обѣ руки. Ахиллъ же извлекъ острый мечъ ударяетъ въ выю и все обоюдное остріе проходитъ внутрь; Ликаонъ лежитъ распростертъ на землѣ источая кровь черную и орошая землю. Ахиллъ повелѣлъ восхитивъ за ногу ввергнуши въ рѣку и съ посмѣяніемъ къ нему вѣдаетъ тако: Здѣ нынѣ обитай съ рыбами,

бами, кои безъ страха полижутъ крови
отъ язвы твоея; уже матерь твоя не
возложитъ тебя на'одръ, ниже проліетъ
слезы надъ тѣломъ твоимъ, но водовраш-
ный Скамандръ понесетъ во глубокія пу-
чины моря; тогда иная скачущая по
волнамъ рыба ниспустишся во глубину,
дабы напиться отъ бѣлаго шука Ли-
каонова. Да погибнете, доколѣ плѣнимъ
градъ вашъ, и да погибнете вси вы отъ
лица моего погоняющей васъ десницъ мо-
ей. Не поможетъ вамъ пространноше-
кущая рѣка сія, коей вы отъ древнихъ
уже лѣтъ приносите въ жертву многихъ
воловъ и въ пучины ея ввергаете живыхъ
коней; но и тако будете погибати злою
смертію, доколѣ воздадите мстѣ за
смерть Патроклову и за пагубу Ахейнъ,
коихъ вы убили при корабляхъ во время
моего отсудствія.

Такъ рекъ Ахиллъ и преогорчился
кличеніемъ его божественный Скамандръ;
помышлялъ же во умѣ, како воздержитъ
Ахиллово неистовство, отъ Троянъ же
отвратитъ пагубную язву. Тѣмъ вре-
менемъ Ахиллъ держа вѣрное копіе свое
шечетъ сопротивъ Астеропа сына Пи-
легонова,

Легонова, коего родила старшая отъ Акесамевоыхъ дочерей Перияя, совокупився ложемъ съ быспрошекущею рѣкою Аксіемъ. На сего Ахилла устремился; онъ же ишедъ отъ рѣки стаясь сопровтивъ Ахилла имѣя въ рукахъ два копія; крѣпость же ему вложилъ въ сердце Ксанѳъ: ибо раздраженъ онъ былъ на Ахилла за мужей, коихъ безъ пощады убивалъ онъ въ водахъ его. Сопѣдшимся же между собою имъ первый божественный Ахилла вопрошаетъ Астеропея тако: Кто ты, и отъ какихъ мужей, который дерзаеши опати сопровтивъ меня? несчастныхъ опцевъ чада исходящъ во срѣщеніе крѣпости моеи.

Знаменитый Астеропей сынъ Пилегоновъ отвѣщаетъ ему тако: Великодушный Пилеевъ сынъ! почче вопрошаеши о родѣ моемъ? отъ далѣчайша плодоносная страны Пеоніи есмь, и привелъ съ собою копеносное воинство; первый надеяшъ есмь мнѣ день сей, какъ пришелъ я во страну сію; родъ же мой происходишъ отъ пространношекуща рѣки Аксія, который чистѣйшу воду изливаетъ на землю, и отъ котораго рожденъ есмь

Т 2

крѣпкій

ирѣпкій копѣемъ ошецѣ мой Пилегаонѣ ;
нынѣ же пресловущый Ахиллѣ начнемъ
брань.

Тако реклѣ во превозношеніи и абіе
божественный Ахиллѣ возносишѣ великое
копѣ свое ; сильный же Ирой Астеропей
отѣ обоихъ рукъ два копѣя испускаешѣ
(ибо равно и лѣвою рукою какѣ и десною
моглѣ мешати) единымъ отѣ нихъ уда-
ряешѣ во щитѣ, но твердосши его прои-
виши не моглѣ : ибо дары божествениыя
сохранядо злашо, другимъ же легко ка-
саетсѣ ласкою десныя руки его, истекла
отѣ раны кровь черная, копѣ же про-
дешѣ далече вонашлося въ землю желая
напишатисѣ кровію. По семъ Ахиллѣ
мещешѣ свою Пиліаду на Астеропея же-
лая убити, но стремленіе копѣя сего
было шещешио : ибо цѣлая половина вон-
зиласѣ во брегѣ рѣки ; вскорѣ убо из-
влекѣ отѣ влагалища висящій на бедрѣ
мечѣ острый, съ яростію печешѣ на
него. Тѣмъ временемъ Астеропей прии-
ды пожушалсѣ сильною рукою исторгну-
ти копѣ его отѣ стремнины и шрижды
ослабѣвали силы его. Въ четверное же
когда преклонилѣ къ землѣ хотѣлѣ сокру-
шити

ниши его, но Ахиллъ пришекъ рассѣкаетъ мечемъ чрево его посреда и извлекаетъ животъ; вся внутренняя его изливается на землю и тѣла смертная покрывается очи умирающаго.

Ахиллъ восшедъ на перси Астеропеевы совлекъ отъ раменъ броню его и со превозношеніемъ вѣщаетъ: Тако нынѣ лежи! труднѣе тебѣ со всемогущаго Юпитера сынами твориши брань, хотя ты и повѣдалъ, что родъ твой происходитъ отъ пространно шекущія рѣки; мой же родъ есть отъ великаго Юпитера: родилъ меня Пилей сынъ Еаковъ мужъ обладающій многими Мирмидонянами, Еакъ же былъ отъ Юпитера. Колико убо Юпитеръ превосходитъ силою своею быстрыя рѣки, толико и происходящій отъ него родъ лучшій есть рода рѣки. Тебѣ помогаетъ рѣка, ежели можетъ сотворити какую помощь, но сопротивъ Юпитера восстави ко брани не подобаетъ: ибо ниже Ахелойскій царь можетъ равняться ему; ниже дерзаетъ противитися ему великое могущество неимѣннаго Океана, отъ котораго вси рѣки, море, источники и потоки происходятъ,

но и сей препенешъ пламенныя молвы
его и ужасается страшнаго грома, когда
восшумитъ отъ неба. Рекъ и исторгъ
отъ берега копье, Астеропея же лишивъ
живота оставилъ тамо лежащаго на пе-
скѣ и паки шечетъ постигнуши храбрыхъ
Пеонянъ, кои со страхомъ бѣжали при-
рѣкъ видя избраннаго вождя своего умер-
щвленнаго остриемъ меча отъ рукъ сы-
на Пилеева, постигнувъ же убилъ Вер-
силоха, Мидона, Астипила, Мниса, Ора-
сія, Енія и Офелеста; убилъ бы онъ
тогда и множайшихъ Пеонянъ, ежелибъ
не преогорчился на него Скамандръ, кой
восприявъ образъ человѣческій вѣщаетъ
къ нему отъ глубокия пещеры тако: О
Ахиллъ! со излишествомъ неистовству-
ешь, и со излишествомъ умножаешь сви-
рѣпство на мужей; ежели Юпитеръ далъ
тебѣ крѣпость убить всѣхъ Троянъ из-
гнавъ отъ меня на поле, помысливъ со-
держай: наполнены уже трупамъ ве-
селыя мои пошoki, ниже могу болѣе из-
ливати печенія моего въ божественное
море имѣя заключенныя исходища мертвы-
ми тѣлами, ты же убиваешь ненасытно.
Престани убо; страхъ меня объемлетъ;
а Князь народовъ!

Ве-

Великодушный Ахиллѣ ошѣщалъ ему на сіе: Да будуще сія шако, какъ ты вѣщаеши божественный Скамандръ, но я не престану убивати гордыхъ Троянѣ, доколѣ прогоню ихъ во градъ и искушу крѣпость Ектора: онѣ ли убѣстѣ меня, или я его.

Такъ рекъ мещетсѣ паки на Троянѣ подобно неистовому духу. Быстропротекущій же Скамандръ возвавъ Аполлона вѣщае: возлюбленный другъ! спрѣлومهющій сынъ Юпитеровѣ! почто неисполняеши повелѣній отца твоего, кой со шщаніемъ заповѣдалъ, дабы ты неоплучно былъ со Троянами творя имѣ помощь, доколѣ прѣидетѣ вечерѣ темный и осѣнитѣ плодоносящую землю?

Вѣ то время знаменитый копѣемъ сынъ Пилеевѣ мещетсѣ отъ берега на средину рѣки. Восшумѣлъ Скамандръ кипящими волнами, всѣ попоки возмущивѣ изрыгаетѣ на Ахилла, множество погналъ труповѣ плавающихъ вѣ немѣ, коими наполнилъ его мужественный сынъ Пилеевѣ, измешаетѣ оныя на землю рыкая аки свирѣпый оленѣ, живыхъ же спаслъ во своихъ водахъ сохраняя ихъ во глубокихъ

пучинахъ; страшно возревѣли воды пѣ-
 нящіяся окрестъ божественнаго Ахилла,
 кипящія ударяютъ волны въ щитъ его,
 уже не можетъ на ногахъ стояши крѣпко,
 объемлени руками велебующей высокій
 ильми, но онъ исторгается съ корнемъ
 и падая влечетъ за собою весь низъ
 берега, густыми вѣтвями воспанилъ
 стремленіе водъ, паденіе же его было
 Ахиллу вмѣсто моста; искочивъ отъ рѣ-
 ки со скоростію по полю течетъ устра-
 шенъ бывъ, но великій богъ не преста-
 етъ отъ гнѣва своего: паки воздвиглъ
 потемнѣвшія воды на божественнаго мужа,
 дабы прогнати его отъ брани, отъ Тро-
 янъ же отвратиши пагубу. Ахиллъ ош-
 бѣжалъ, колкое есть верженіе копія и-
 мѣя стремленіе подобное плетеному
 ору, кой силами и скоростію всѣхъ
 ищущъ превосходитъ; страшно гремитъ
 на персяхъ бѣгущаго мѣдъ; Скамандръ
 послѣдуетъ за нимъ съ великимъ шу-
 момъ. Коликократь божественный А-
 хиллъ хотѣлъ стати противъ быспро-
 ты его, дабы познать, еда вси безсмер-
 тные боги обитающіи въ пространныхъ
 небесахъ восшамъ на него; толико кратъ
 пѣня-

пбнящаяся вода божественныя рѣки покрывала плещи его, но онѣ спасалъ животѣ свой возвышаяся на ногахѣ, душою же зѣло сокрушался. Видя убо ослабѣвающія свои силы воплемѣ со слезами зря на небо: Ошче Юпитерѣ! ежели нынѣ никшо онѣ безсмертныхѣ не хочешѣ меня избавити отѣ нападенія рѣки сея, то что претерплю я на послѣдокѣ? никшо отѣ небесныхѣ боговѣ не виновенѣ естѣ сея моя бѣды, какѣ шокмо прельстившая меня возлюбленная моя маперѣ, кошорая предвѣщала мнѣ убіену быти подѣ швердынею града сего смертоносными стрѣлами божественнаго Аполлона. О дабы убилѣ меня Екшорѣ, кой здѣ храбрѣйшимѣ паче всѣхѣ воспитанѣ! и тако убилѣ бы меня мужѣ крѣпкій и обезоружилѣ бы крѣпкаго. Нынѣ же долженѣ я погибнути смертію поносною, погруженѣ вѣ великой рѣкѣ, аки малое пасшущее дитя, кое ушопаетѣ преходя чрезѣ пошокѣ во время осенняго наводненія.

Тако рекѣ и се мгновенно приблизився къ нему Посидонѣ и Аѣинская Паллада сшали предѣ нимѣ и взявѣ ру-

ками за руки ободрили духъ его своимъ увѣреніемъ. И тогда сопрясатель земли Посидонъ вѣщаетъ ему: Сынъ Пилеевъ! не преспеши ниже ужасайся; ибо по благоволенію всесильнаго Юпитера я и Аѳинская Паллада пришли къ тебѣ на помощь. Знай, что не опредѣлено тебѣ судьбою умереть въ рѣкѣ, узриши, что вскорѣ Ксанѣвъ престанетъ гнать тебя. Внуши убо совѣщанія наши: Да не почіюшъ руки твои отъ многоплачевныхъ сея брани, доколь прогониши Троянъ и заключиши ихъ во градъ; когда же убіеши Ектора, вскорѣ обратишься къ кораблямъ твоимъ, и тогда воспріимеши славу. Тако заповѣдавъ обратились въ собраніе безсмертныхъ; Ахиллъ же устремился на поле полнъ бывъ шекушія воды. Сгамандръ гнѣваяся на него вѣще напругалъ силы свои, но познавъ, что Аѳинская богиня послала Ахиллу крѣпость призывающъ Симоента на помощь, вопія къ нему: Возлюбленный братъ! потщимся обое совокупными силами укротить дерзость мужа сего; ибо вскорѣ опровергнешъ онъ швердыню великаго града Прѣмова; уже Трояне противились не могутъ

'гушъ

гумъ люшости его. Помоги убо молико
можно скоро, воздвигни всѣ испочники и
наполни потоки водами; восшани убо
великая вода и сошвори сильный и со-
крушеніе древесѣ и камней, да пресша-
нетъ мужъ сей отъ неистовства. Уповаю,
что ниже крѣпость, ниже благолѣпія
лица, ниже знаменитая броня его не по-
могутъ, но покрою шиною и воздвигну
надъ нимъ гору песка, ошкуду не воз-
могутъ Ахейне собрати костей его и
шамо будетъ ему гробъ. Реклъ и абіе
устремился на Ахилла изрыгая воды съ
великимъ шумомъ и меща на него пѣну,
кровь и шрупы; уже Ахиллъ покрывает-
ся весь волнами. Ира узрѣвъ его въ ош-
чаяннѣ возопила, боясь, да не пожретъ
глубина Ксанеова и вскорѣ въщаетъ ко
своему возлюбленному сыну Ифесту:
Укрѣпись дражайшій хромоногій сынъ! ибо
зрю, что противо тебя вооружаешься
Ксанеъ: Воздвигни убо силы твои и и-
спусти великій пламень; я же взмиду на
море и возбужду ужасную бурю, которая
огнемъ своимъ пожжетъ главы и оружіе
Троянъ, ты же попали древа стоящія
при Ксанеовыхъ брегахъ и на самого его
пусти

пусти пламень, блюдися же да не како прельстишъ тебя ласканіемъ или угроженіями и да не воздержиши гнѣва твоего, доколѣ я возопію къ тебѣ; тогда погаси пламень.

Тако рекла священная Ира; Ифестъ же приуготовя великій огонь пустилъ на поле и попалилъ тамо многія трупы, горѣли нлмы, шополи, миршы, лошѣ, ива и кленѣ, кои окрестѣ веселыхъ поттоковъ рѣки вездѣ росли, горѣли отѣ дохновенія Ифестова рыбы, горѣло все устремленіе.

Скамандръ видя свое изнеможеніе молишъ Ифеста вѣдая тако: Знаменитый художникъ! не шокмо я, но и нижеинный кто отѣ безсмертныхъ возможеть пропивишися пламенному гнѣву твоему; да изженешъ Ахиллѣ Троянѣ изъ града, не хочу имъ помогаши, почто съ тобою твориши мнѣ-распрю? Тако реклъ пожираемъ бывъ огнемъ; по семъ возноситъ гласъ къ божественной Ирѣ моляся тако: Величайшая богиня! почто сынъ твой паче всѣхъ теченіе мое желаетъ прекрашити? воиспинну не толико я помогаю Троянамъ, колико прочіе боги, но и шако престану, ежели повелиши,
да

да престанетъ убо и сынъ твой отъ гнѣва, я же клянуся, что никогда отъ Троянъ не буду отвращати пагубнаго дня, ниже когда и вся Троя пламенемъ будетъ объяша; да пожгущъ убо оную въ конецъ сыны Ахейскіе.

Божественная Ира услышавъ моленіе Скамандра, абіе вѣщаетъ ко Ифесту: Возлюбленный сынъ! прекрати гнѣвъ твой; ибо не прилично мучить безсмертнаго бога смертныхъ ради челоуѣкъ.

Такъ рекла и вскорѣ повинулся Ифестъ велѣнію ея, погасилъ огонь; Скамандръ же паки направилъ воды свои къ веселому шеченію. По усмиреніи же ярости Ксанѳовой сѣи два бога престали отъ гнѣва, но между прочими богами восстала великая распря и всѣхъ сердца раздиралися несогласными помышленіями.

Сшекаются съ великимъ шумомъ: Поколебалася пространная земля, возгремѣло безпредѣльное небо. Владычествующій же всѣмъ Юпитеръ возлежа на высотѣ Олимпа вскорѣ позналъ о семъ; утѣшается сердце его радостію зря возмущаемое между богами смятеніе. Не долго медлили: Первый щитосотрясатель начинаешъ

чинаетъ Арей и устремляется ко Аѳинѣ имѣя въ рукахъ копіе мѣдное, пришекъ же къ ней въщаетъ съ поношеніемъ: О пестя муха! почто паки между богами твориши возмущеніе? воистинну нена-сышное дерзновеніе къ сему тебя при-нуждаетъ. Или не помниши, како шы Тидеева сына Діомида наустила уязвиши меня? и сама предъ лицомъ всѣхъ воспри-явъ копіе прямо устремилася на меня и сіе прекрасное тѣло уязвила; сего ради уповаю, что пріимеши нынѣ опмищеніе за вся содѣянная мнѣ шобою.

Тако кровоненасышный Арей въщая съ яростію ударяетъ великимъ копіемъ въ страшный божественный Аѳины щитъ, коего ниже самъ смертоносный всесиль-наго Юпитера перунъ могъ бы поразить. Премудрая богиня отступя вспянь взе-млетъ сильною рукою лежащій на полѣ черный крѣпкій и великій камень, кошо-рый отъ древнихъ мужей положенъ былъ въ знаменіе предѣла пажити. Симъ пора-жаетъ крѣпкаго Арея близъ выи: Пре-клоняюща швердыа колъна его, падетъ на землю простираяся шѣломъ на седми десятинахъ земли, возгребла окрестъ его

его страшная броня и власы покрылися прахомъ. Засмѣялась Аѳинская Паллада и съ поруганіемъ вѣщаетъ къ нему тако: Безумный! или доселѣ не позналъ еще ты колько превосхожду тебя моею крѣпостію? како дерзаеши съ твоими силами изыти мнѣ во срѣщеніе. Тако да накажу тебѣ заклинанія магическія твоя, которая прогнѣвана бывъ шобою зловредный подала совѣтъ: ибо ты оставя Ахейскіхъ, твориши помощь клѣвдопреступникамъ Троянамъ.

Тако вѣщая отвратила свои блистающія очи. Юпитерова же дщерь Афродита пришедъ воспріяла его за руку и изводишь отъ брани тяжелыя испускающаго дыханія и съ трудомъ собирающаго духъ. Величественная богиня Ира познавъ Афродиту ведущую Ареса, вскорѣ вѣщаетъ ко Аѳинѣ: О неупоминная дщерь Юпитера Егѳона! се паки она бесстыдная зловреднаго Ареса изводишь отъ брани посреде всего мѣста; но приступи къ нимъ.

Тако рекла; премудрая же Паллада радуясь сердцемъ устремилася къ Афродитѣ и пришекъ ударяетъ крѣпкою рукою

кою въ перси: Вострепешало любезное сердце Афродиты, потряслися колѣна ея и вскорѣ падеть на землю; и шако лежатъ обое на многопытающей землѣ. Аѳина же съ посмѣяніемъ вѣщаетъ къ нимъ: Тако вси помощники Троянскія вооружающіися сопрошивъ мужественныхъ Аргивянъ да будущъ великодушны и дерзновенны, какъ Афродита пришедшая на помощь Арею и дерзнувшая прошивишися моею крѣпости; симъ образомъ давно бы мы окончали брань низложивъ крѣпкое огражденіе Троянскаго града.

Тако рекла и усиѣхнулась божественная Ира. Ко Аполлону же сотрясающій землю Посидонъ вѣщаетъ: Фивъ! по чѣму мы оплучась отъ прочихъ стоимъ праздно, когда прочіи начали уже брань; великое поношеніе будетъ намъ предъ всѣми небесными жишелями, когда мы не содѣлавъ сраженія возвратимся на небо въ свѣтлозарный домъ погоняющаго облаки всесильнаго Юпитера; начинай брань: ибо ты младшій меня дѣлами, мнѣ же поносно будетъ, когда я начну; зане прежде себя родился я и большія дѣла разумѣю. Невмысленный! шако ли сердце твое малодушно

малодушно есть? или забылъ ты, кѣ-
 лико мы едины отъ всѣхъ боговъ пре-
 терпѣли въ ненавистномъ семъ Троян-
 скомъ градѣ озлобленія, когда пришедъ
 отъ Юпитера служилъ цѣлый годъ въ-
 родомному Лаомедонту за обѣщаніе ве-
 ликаго мздовоздаянія, и повиновалися
 всѣмъ его повелѣніямъ. Воистинну я
 Троянамъ соорудилъ градъ сей, и соз-
 далъ сію твердыню пространную и крѣп-
 кую, дабы непреодолима была. Ты же
 на хребтахъ многохолмныхъ и крася-
 щіяся шемными лѣсами священныя горы
 Иды паслъ великія стада воловъ; ко-
 гда же припшѣйшихъ часовъ облада-
 тельницы божественныя Оры прибли-
 жилися къ намъ со предѣломъ, дабы
 сошворити намъ сладчайшее по досто-
 инству награжденіе, тогда гордый царь
 Лаомедонтъ лишивъ насъ и малѣйнаго
 мздовоздаянія отпустилъ со ужаснымъ
 прещеніемъ. Тебѣ, люшый сей мужъ, гро-
 зилъ связать руки и ноги, и послать
 изгнанникомъ въ далечайшіе острова;
 обоимъ же намъ непремѣнно хотѣлъ обрѣ-
 зать уши: но мы оспавя его пошли
 всплать несказанною печалію сокрушая
 у сердца

сердца наши и гибваяся за мзду, которую не исполнилъ намъ клятвопреступный сей царь. Тако ли убо воздаещи ошмщеніе народамъ симъ? Почто равно съ нами не пощипиши, дабы вбродомные Трояне, жены и чада ихъ со всякимъ поношеніемъ въ конецъ погибли.

Стрѣломещущій царь Аполлонъ ошвщаешъ ему шако: сопрясатель земли! вонстинну безумнымъ нареклъ быши меня, когда бы я сопротивъ тебя хошѣлъ воздвигнути брань бѣдныхъ рода челоуѣкъ, кои подобно лисвию иногда цвѣшущъ ядуще плоды земныя, иногда паки погибающъ лишаяся живота; но мы елико можно скоро пощипимся престать отъ брани, смершныя же да сражаются сами.

Тако вѣщая обратился вспять: за не боялся простерши руки сопротивъ родственика своего; дѣвственная же сестра губительница звѣрей божественная Артемида, раздражена бывъ великимъ гнѣвомъ, вѣщаетъ къ нему съ поношеніемъ: бѣжиши сильный стрѣлецъ, побѣду же усшупаеши. Посидону суетнымъ

нымъ превозношеніемъ давъ ему гордиться. Безумный! почто лукъ сей носиши тщетно? Опнынъ я не услышу тебя превозносящагося въ дому отца моего, какъ прежде ты хвалился между безсмертными богами, что готовъ сражаться съ сильнымъ Посидономъ.

Такъ рекла сильная обладательница льсовъ; но стрѣломещущій Аполлонъ ничего ей на сіе не отвѣщалъ.

Священная же Юпитерова женаладычица земныхъ царствъ Ира приступивъ къ ней съ зельнымъ преогорченіемъ начинаетъ поносить тако: безнудная! како дерзаеши ты противо меня сѣсти? не удобно есть тебѣ сразиться со мною, хотя ты и стрѣлы носиши: зане Юпитеръ надъ смертными шокмо женами поставилъ тебя львомъ и далъ власть убить, какую хоцещи; воиняину удобіе поражаши звѣрей обитающихъ въ льсахъ, нежели брань твориши съ сильнѣйшими, но когда хоцещи испытай сразиться, да совершенно познаеши, колико я превосхожу тебя крѣпостію силъ.

Рекла и обѣ руки ея восхишила лѣвою дланію, десницею же совлекла отъ раменъ ея шулъ со стрѣлами, коими и била ее и разсыпалися всѣ стрѣлы. Богиня же по томъ со слезами побѣжала аки голубица спасшаяся отъ нападенія ястреба сокрылася въ разсѣлины каменныхъ горы. Тако стрѣломещущая Аршемида со слезами понеслась оставя лукъ и стрѣлы.

Но семъ Юпитеровъ посланникъ Аргоубійца Ермій приближився къ Липѣ вѣщаетъ: Почтенная Липа! я съ тобою сражаюсь не буду: ибо трудно есть брань пворити прошивъ женъ погоняющаго облаки Юпитера; зане удобнѣе паче всѣхъ безсмертныхъ боговъ можеша побѣдити меня крѣпостію силъ твоихъ.

Тако рекъ быспротекущій Ермій; божественная же Липа поднявъ отъ земли лукъ и собравъ размешанныя по всему полю стрѣлы потекла во слѣдъ любезныя своей дщери, которая пришедъ на Олимпъ во блистающія Юпитеровы чертоги, сѣла при ногахъ его проливая горячія слезы; вскорѣ убо ошецъ ея, сынъ Кроновъ, преклонивъ къ себѣ

себѣ вопрошаетъ пріятно усмѣхаяся :
Возлюбленная дщерь ! кто отъ небо-
жителей шоль дерзновенно и безумно
могъ огорчить тебя аки явно сошво-
рившую нѣкое зло ?

Благовѣщанная Артемида на сіе оп-
вѣщаетъ отцу своему тако : сладчай-
шій отче ! красящаяся бѣлизною жена
твоя Ира сіе мнѣ содѣлала , когда воз-
горѣлася распря и брань между безсмер-
тными богами.

Такъ сіи между собою разглаголь-
ствовали. Тогда Фивъ Аполлонъ оп-
шелъ во священный градъ Троянскій :
ибо великое имѣлъ онъ попеченіе о бла-
гоукрѣпленныхъ стѣнахъ его, да не бу-
дутъ разрушены отъ Ахейвъ прежде
опредѣленнаго дня своего. Прочіи же при-
сносущные боги обратились на Олимпъ,
иные радуясь, иныя же сокрушаяся пе-
чалію и возлегли купно со свѣтоноснымъ
отцемъ своимъ Юпитеромъ.

Тѣмъ временемъ божественный Ахилъ
погублялъ мужественныхъ Троянъ и бы-
стрыхъ коней ихъ. Какъ когда дымъ
отъ воспаленнаго града гнѣвомъ боговъ
восходитъ къ высотѣмъ небесъ и многымъ

тогда рождаются печали, трудъ же
всѣмъ: Тако Ахиллѣ тогда всѣмъ Тро-
янамъ содѣлалъ болѣзни и мученіе. Пре-
старѣлый же Иліанскаго града царь Прі-
амъ сию на высокой стражницѣ вскорѣ
позналъ лютаго Ахилла, когда узрѣвъ
Троянское воинство мяшущееся и обра-
щающееся къ бѣгству, зане ни какія
силы не могли прошивиши яроси его.
Съ плачевнымъ убо воплемъ нисшедъ
отъ стражницы на землю увѣщаеашъ
при твердынь знаменитыхъ стражей
стоящихъ при вратахъ града: ошвер-
спыя держите врата мужественные
стражи, когда приблизится воинство
наше ко граду обращенное въ бѣгство.
Воисшину я зрю, что близко уже
Ахиллѣ мяшетъ народы Троянскіе; ны-
нѣ мню, что всѣмъ будетъ погибель;
но когда внидутъ совоинственники на-
ши во градъ, паки затворите оныя:
ибо зѣло боюся, дабы зловредный сей
мужъ не пришеклъ во градъ.

Тако рекъ Троянскаго града царь
Пріамъ и повинулись словамъ его стра-
жи, ошверзли врата и шѣмъ содѣлали
спасеніе своимъ совоинственникамъ. Бо-
жествен-

жестяенный же Аполлонъ исшелъ во сръшеніе да отврати́тъ пагубу отъ Троянъ, кои прямо шекли ко граду и къ высокой швердынь его изнемогая отъ жажды и покрышы прахомъ; Ахиллъ же безъ пощаде́нія гналъ ихъ ко́пьемъ, и люшость нестерпимая обладала сердцемъ его; зане желалъ приобрьсти славу. Тогда воистинну великодушныя силы Ахейскія плѣнили бы гордящуюся высокими спражницами Трою, когда бы Фивъ Аполлонъ не послалъ божественнаго, дерзновеннаго и крѣпкаго мужа Агинора сына Анпинорова укѣпивъ сердце его мужествомъ; синавъ же близъ его, да отврати́тъ горчайшую смерть, восклонился на древо покровень бывъ великою мглою.

-Агиноръ познавъ градоразрушителя Ахилла остановился имѣя сердце волнующееся различными помышленіями; воздохнувъ убо шако въ себѣ вѣщаешь: О злоключеніе! ежели я буду животъ мой спасти отъ сего мужа бѣгствомъ, куда и прочіи мои совоинственники шекутъ поражены ужасомъ, знаю совершенно, что постигнешъ меня и безъ

помилованія убієшъ безоружнаго; когда же оставлю моихъ совоинственниковъ возмущающихся отъ ярости его, и побѣгу отъ града чрезъ сіе поле, доколѣ прищеку ко Идейскимъ вершинамъ и шамо сокроюся въ густыхъ лѣсахъ; тогда по захожденіи солнца во время ночныхъ шумовъ омыю тѣло въ рѣкѣ и прохладився отъ лота, безопасно могу возвратиться ко граду. Но почему возлюбленное мое сердце о семъ помышляетъ? Ежели онъ увидитъ меня мяшущагося въ мысляхъ, знаю, что постигнетъ быспрешною ногъ своихъ, и тогда уже не будетъ времени избѣжати мнѣ смерти и немилосердаго рока: ибо крѣпчайшій есть паче всѣхъ смертныхъ; когда же предъ градомъ изыду ему во срѣщеніе, воистинну знаю, что тѣло его, равно какъ и прочихъ людей подвержено уязвленію всякаго остраго орудія, душа въ немъ шакожде едина какъ и во мнѣ, подобно и смертнаго плѣніа боящаяся, какъ и всѣ земнородные, но шокмо Юпитеръ сынъ Кроновъ хочетъ его прославити славою своею.

Тако

Тако вѣщая въ себѣ, обратился и сталъ сопротивѣ божественнаго Ахилла; мужественное же его сердце воспламенялося яростію ко брани и сраженію. Аки неукротимый шигръ исходя ошѣтемнаго лѣса сопротивѣ неустрашимого лонца звѣрей, не боится ниже устрашается сердцемъ, хошя и слышитъ лаліе многихъ псовъ, и хошя деревянный какій мужъ предларивъ его уязвитъ копіемъ или стрѣлою, однако побуждаемый лютостію и силами, уступити не хошетъ, но свирѣпствуя неустрашимо мещетъ на все: тако великодушный Агиноръ сынъ знаменитаго Аншинора не желалъ бѣжати, доколѣ не испытаетъ крѣпости Ахилла пресловутаго Ироа Дамайскаго. Держа же предъ собою швердый щитъ и направляя копіе великое и дебелое велегласно вопіалъ вѣщая къ нему тако: Суетная воиншину надежда пишала швое сердце, о знаменитый Ахиллѣ! когда уповалъ ты, что нынѣшняго дня возможети пѣлѣнши градъ великодушный Троянъ; несмысленный! еще довольно будетъ Аргивскому воинству болѣзней: ибо многіе

У 5

внушрь

внутрь его обрѣтаемся мужи крѣпкіе
 и дерзновенные, кои за дражайшихъ ро-
 дищелей, за женъ и за чадъ неослабно
 будемъ защищати швердыню Иліанскую;
 ты же неустрашимый ратоборецъ при
 всемъ швоемъ дерзновеніи и мужествѣ
 пріимеши нынѣ смерть. Реклъ и игно-
 венно мещетъ отъ сильныхъ руки копіе,
 коего остріе со стремленіемъ ударяетъ
 Ахилла въ берцо: спрашно возгребли
 новосоруженные мѣдные сапоги; остріе же
 копія отскочивъ падетъ безъ успѣха на
 землю, не содѣлавъ ни малѣйшаго вре-
 да: ибо чудные дары бога Ифесга бы-
 ли спасеніемъ отъ язвы. По семъ воз-
 носишся Ахиллъ на божественнаго Аги-
 нора, но стрѣломещущій Аполлонъ Пи-
 леева сына лишилъ славы: ибо исхи-
 тивъ Агинора отъ врагъ смерти и по-
 крывъ темнымъ облакомъ послалъ не-
 вредимаго отъ брани во градъ, Ахилла
 же прельстивъ обратилъ отъ убійства
 народнаго. Ибо все подобіе Агинора прі-
 явъ на себя сталъ предъ лицемъ Ахил-
 ла, кой чая быти истинну, устремилъ
 ся во слѣдъ его, желая постигнути
 легкостію ногъ своихъ, и доколь бѣгалъ
 по

по всему полю погоня всегда къ пучино-
изобилующему Скамандру; шѣмъ вре-
мемъ пораженное страхомъ Троянское
войнство пришло ко граду; всѣ рину-
лись внутрь укрѣпленныя твердыни, и
ниже единъ дерзнулъ пребыти въ оныя,
ниже соглядати своихъ совойнственни-
ковъ, кто палъ во сраженіи, или кто
получилъ спасеніе бѣгствомъ, но вси ме-
тались съ радостію во градъ, кого то-
лко сохранили крѣпкія колѣна и ско-
рыя ноги.

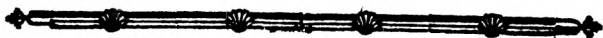

ОМИРОВОЙ ИЛІАДЫ

ПѢСНИ ДВАДЕСЯТЬ ВТОРОЙ.

С о д е р ж а н і е.

По сохрытіи всего Троянскаго воинства, единъ
Ехторъ остался на полѣ близъ града ожида
я къ себѣ Ахилла, отъ коего слера вѣжитъ, по
томъ по совѣту Паллады остановился и сра
жается. Наконецъ Ахиллъ убилъ его и привязавъ
трупъ къ своей колесницѣ, влечетъ чрезъ поле
къ кораблямъ; Трояне же заключившіеся во
градъ видя сіе плачутъ.

П Ъ С Н Ъ XXII.

Х И.

Трояне аки спада козловъ пребыва
я заключенны во градъ наслажда
ли покоемъ утомленные отъ безмѣрнаго
труда, пили и уполяли жажду восклонив
шеся на шверды отражденія; Ахейне
шѣмъ временемъ приближались къ швер
дымъ

дыѣ отражаяся крѣпкими щитами; Ектора же пагубный рокъ принудилъ остаться при сѣбѣхъ Италійскихъ и при врагахъ Скейскихъ.

Тѣмъ временемъ стрѣломедующій богъ Фивъ, Аполлонъ къ Пилесу сыну тако вѣщаетъ: О мужественный Ахиллъ, дерзновенный ратоборецъ! почто бывъ смертнымъ человѣкомъ уповаѣ на дерзость ногъ твоихъ желаеши постигнути меня безсмертнаго бога? Како не позналъ ты, что я богъ есмь, и како могути силы твои свирѣпствовать сопротивъ крѣпости моея? или ты ни мало не помышляеши о злоключеніи Троянъ, кои всѣ нынѣ яростію меча твоего прогнаны и заключены во градъ, ты же паки обратился къ убійству? Но не имѣй надежды умершвиши меня: ибо безсмертный есмь.

Божественный мужъ Ахиллъ великимъ воспаленъ бывъ гнѣвомъ отвѣщаетъ ему тако: Аполлонъ! воистинну злореднѣйшій ты паче всѣхъ боговъ; ибо прельстивъ меня нынѣ отпращилъ отъ града; воистинну многіе бы еще пали мертвы на землѣ отъ копія сего; нынѣ же лишилъ

лишилъ ты меня великія славы, Тро-
янъ же избавилъ отъ смерти; достой-
ное отъ меня воспріалъ бы ты мще-
ніе, когда бы возможно было.

Такъ рекъ мещется со превозноше-
ніемъ ко граду. Аки конь побѣдитель
нося колесницу пещетъ не чувствуя
ушомленія силъ своихъ; тако легкія
свои ноги великодушный Ахиллъ напри-
авлялъ преристая поле, на персяхъ же
имѣя блестящую броню аки звѣзду на-
рицаемую Песъ Оріоновъ, которая всхо-
дитъ во время осени, и свѣшлыя лучи
ея во полунощи видимы между многими
звѣздами; сіяніе ея величайшее, но зна-
меніе вредоносное: ибо многимъ людямъ
наноситъ смертныя огневицы.

Престарѣлый Троянскаго града царь
Пріамъ узрѣвъ стремленіе его возноситъ
рыданіе, біетъ главу, простираетъ ру-
ки на небо, вопіетъ отъ спражницы
къ сыну своему Ектору, кой тогда спю-
ялъ предъ врагами градскими, желая
всемъ сердцемъ сразитися со Ахилломъ;
Пріамъ проливая источники слезъ мо-
литъ его вѣщая: Возлюбленное чадо,
дражайшій Екторъ! не дерзай, уповая
на

на силы твои, единъ безъ прочихъ твоихъ совойншвенниковъ ожидаши зловерднаго мужа Ахилла, да не погубиши возлюбленнаго живоша твоего смиренъ бывъ подъ руками его: ибо много превосходишь себя крѣпостію своею. О дабы шодико любезенъ онъ былъ безсмершнымъ богамъ, колико мнѣ, вскорѣ бы его псы и враны разтерзавъ пожрали, и тогда болѣзни сокрушающія душу мою прекратились бы на вѣкъ; многихъ уже онъ храбрыхъ сыновъ моихъ пожралъ, иныхъ сокрушивъ остріемъ меча, иныхъ же въ далекія продавъ страны; но и нынѣ между всѣми Троянами пришехшими во градъ не могу видѣши двухъ моихъ сыновъ Ликаона и Полидора, коихъ родила мнѣ избранная въ женахъ царица Лаофоя; и ежели они обрѣшются въ живыхъ, воисшину не пощажу мѣди и злата на искупленіе ихъ: ибо многое спяжаніе далъ дочери своей въ даръ престарѣлый отецъ великоименный Алфей. Но когда уже поглотилъ ихъ вѣчный ада мракъ, о коликая будетъ болѣзнь ошцу и машери родившимъ ихъ! ускори убо и ты выйши во градъ

градъ спасая твой животъ, да не прежде времени умрешь отъ рукъ сего лютаго челоѣкоубійцы. Види убо во градъ, молю пия дражайшее чадо! да спасеши Троянъ и женъ ихъ, и да не воспоржествуетъ Пилеевъ сынъ славою и превозношеніемъ о смерти твоей; пощади престарѣлаго и злополучнаго отца твоего, коего Юпишерь во вратахъ старости ходетъ погубити смертію поною. Любезный сынъ! отврати отъ насъ день ярости и мщенія, да не узрятъ очи мои безчисленныхъ и нестерпимыхъ приближающихся бѣдъ: умерщвляемыхъ безъ пощады сыновъ, поругаемыхъ и похищаемыхъ дочерей, разбиваемыхъ о землю младенцевъ, съ посябіемъ влекомыхъ женъ во плѣнь отъ рукъ немилосердыхъ Ахейнъ, опровергаемыхъ чертоги; на конецъ и меня самого пронзивъ кто копіемъ или поразивъ оснріемъ меча, повергнетъ мертваго во вратахъ дому, и тогда расшерзаютъ плотоядные псы, коихъ я воспиталъ при трапезѣ моей охраненія ради двора моего, и въ преддверіи будутъ лежать насыщенные кровію моею. О страшное при

при концѣ жизни воспоминаніе ! Младому же человѣку прободенну или сокрушенну бывшу на брани, воистинну не постыдно есть лежать, и во время смерти похвально сносить всякое заключеніе ; но когда надъ сѣдыми власами и надъ сляченными древностью членами поругаются ненасытные псы , и обнаживъ сшывѣніе умерщвленнаго старца ; о коль бѣдственно ! о коль горестно терпѣти сіе !

Тако вѣщая престарѣлый царь Прямъ, слабыми руками перзалъ сѣдые власы отъ главы своей, но совѣты его не могли преклонити Екшорова сердца.

Паки отъ другія спраши перзающая утробою матеръ его Екава пролила слезы и единою рукою обнаживъ перси, другою же показывая сосцы вѣщаетъ : Сладчайшее чадо ! возлюбленный сердцу моему Екшоръ ! обрати взоръ твой , сотвори почитаніе и милость надъ рыдающею матерію твоею , воспомяни о сихъ сосцахъ, кои во младенчествѣ ушолыли плачь твой и со всякимъ болѣзнованіемъ воспитали тебя ; воспомяни о семъ и повинися слезному моему

моему моленію: пощися убѣжати отъ рукъ лютаго врага сего вшедъ внутрь швердыни, гдѣ и прочіи твои совоинственники укрылися. Злополучный! не дерзай изыти во сръшеніе сопрѣшивъ непреодолимаго мужа; ибо когда онъ воспріиметъ побѣду, воинствую не оплачешь матеръ твою дражайшее исчадіе свое лежащее на ложѣ, ниже возрыдаешь изобилующая сплѣтѣніями молодая жена твоя, но при Данайскихъ корабляхъ напоиши кровію твоею псовъ и шбломъ твоимъ насыпиши враговъ.

Такъ сіи съ великимъ плачемъ и болѣзненнымъ сердцемъ вѣдая, молили Ектора, но никакъ не могли устращиши или слягчиши сердце его. Аки гнѣздящійся въ разсѣлинѣ горы великій драконъ ожидае ловца собираетъ люшый лѣдъ, шещрлетъ яростъ, мецетъ всюду пламенный взоръ, и извиваяся окресъ вышалища своего готовъ устремитъ на всякое оружіе: тако великодушный Екторъ непреклонную имѣя крѣпость ожидае приближающагося Ахилла стоя при спрашнѣхъ и преклоняся на щипъ; воспламеняся же злобою, со превозношеніемъ

шеніемъ вѣщаетъ ко своему возлюблен-
 ному сердцу: О поношеніе! прилично ли
 мнѣ творити сіе? Како спою при твер-
 дынѣ сей помышляя искати убѣжища
 во градѣ и угонзнути отъ рукъ мужа
 сего? Не сошворитъ ли мнѣ укоризны
 первый Полидаманъ, кой въ сію зло-
 вредную ночь совѣдалъ мнѣ оповѣсти
 Троянское воинство внутрь града; ко-
 гда губитель народовъ божественный
 Ахиллъ отъ Мирмидонскихъ кораблей
 воздвигался на брань; но я жестоковый-
 ный презираю совѣшы его, кои воинствъ-
 ну всѣмъ намъ полезны тогда были;
 нынѣ же отъ непреклонности и безумія
 моего погубивъ толикое множество на-
 рода, хотю спасти собственный мой
 животъ? Да не будетъ сіе! стыжуся
 великодушныхъ Троянъ и жемъ ихъ, да
 не когда меньшій и безсильный кто ре-
 четъ съ посмѣяніемъ тако: се Екхоръ
 упова на свое мужество и превозносясь
 крѣпостію погубилъ народъ! како то-
 гда услышавъ сіе возмогу стерпѣти?
 вѣщающую пріобрящу похвалу, когда или
 я убивъ Ахилла возвращуся съ веселѣ-
 емъ во градъ, или самъ отъ рукъ его

сокрушенъ бывъ со славою умру за градъ
и за любезный мой народъ. Но и пакы,
ежели оставя щитъ и шлемъ и прекло-
нивъ колѣе къ стѣнѣ, пойду безоруженъ
во срѣщеніе гордому Ахиллу, и общаю
предъ нимъ возвращаши Апреевымъ сы-
намъ прекрасную въ женахъ Елену и
вся спяжанія ея, кои принеслъ Але-
ксандръ на корабляхъ во Трою, и ежели
всѣ сокровища, хранящіяся во градъ мо-
емъ раздѣлю Ахейскому воинству и ве-
личайшею клятвою заклану главу мою,
что ничего предъ ними не ушаю во гра-
дѣ семъ, но все предамъ въ корысть и
въ награжденіе Данаемъ; какую получу
ограду? Но почто о семъ вѣщаетъ мое
сердце? како пойду къ нему съ меле-
ніемъ, или како возмогу явиться предъ
нимъ со уничиженіемъ духа моего? ибо
не сотворишъ мнѣ ни малѣйшаго почте-
нія ниже милосердія, но надменъ киче-
ніемъ убіетъ безоружнаго аки не могу-
щую прошивишися жену. Прилично ли
мнѣ съ нимъ разглагольствовати, какъ
разглагольствуешь юноша съ дѣвицею со-
крываясь на дубѣ или на высокой горѣ,
и совѣщая о тайныхъ любовныхъ дѣ-
лахъ?

лахъ? Но паче довлестъ испыташи ору-
жіемъ, кому подастъ Юпитеръ славу.

Такъ Екторъ помышлялъ во своемъ
сердцѣ ожидая Ахилла, кой уже при-
ближался къ нему подобенъ пламенному
рашпоборцу Арю, сотрясая въ десницѣ
жровожаждающее копіе страшную Пилі-
аду; мѣдная же броня покрывающая всѣ
тѣло его, блистала аки молнія или
пламень огня, или аки восходящее солн-
це. Екторъ познавъ его устрашился
сердцемъ, и не возмогъ пребыти на мѣ-
стѣ своемъ, оставилъ врата и взыскалъ
спасеніе бѣгствомъ, но не обрѣлъ его.
Равнымъ образомъ и Ахиллъ познавъ
Ектора течетъ во слѣдъ его, и скре-
щестъ зубами желая постигнуть его.
Аки быстрый ястребъ сидя на горахъ
созерцаетъ птицъ во свѣдъ себѣ, узрѣвъ
же голубя мечется всѣми силами и съ
шумомъ крилъ раздирая воздухъ устрем-
ляется долу и низу, зане душа его
шуминая голодомъ алчетъ насытитися
сладкою сею корыстію: тако дерзно-
венный Ахиллъ окрестъ Иліанскія твер-
дыни направлялъ неупоминныя свои ко-
лѣна за бѣгущимъ Екторомъ. Есть не

дадече отъ града прекрасное исходище
сладкія рѣки Скамандра имѣющее при
себѣ два источника, отъ коихъ въ еди
номъ вода теплая, и окрестъ его исхо
дитъ дымъ, аки дымъ горящихъ печи;
въ другомъ же вода студеная, и во вре
мя знойнаго лѣта подобна снѣгу или
граду или крѣпкому льду; устия же
ихъ обложены каменіемъ шесанымъ; ша
но во время мира и доколѣ Ахейскіе сы
ны не пришли во страну сію, Троян
скія жены и дѣвицы обыкновеніе имѣли
умывашися. Къ сему мѣсту приехали
два знаменитые ирои, единый убѣгалъ,
другой же поспѣвая; но поспѣгающій
вѣдше умножалъ свои силы: ибо не жер
тва и не жона вола (награжденіе ри
сшающихъ иужей) поощреніемъ были ему,
но душа мужественнаго всадника Екшо
ра возбуждала его.

Въ то время весь соборъ безсмертныхъ
боговъ совокупно возлежа въ свѣтоносныхъ
Юпитеровыхъ чертогахъ со удивленіемъ
взирали на мужественный подвигъ ироевъ
сихъ. Тогда первый ошедъ боговъ и человѣ
ковъ молвіеносный Юпитеръ тако начи
наетъ: Безсмертные! внишите моиѣ сло
вамъ:

вамъ: се зрю возлюбленнаго мнѣ мужа го-
нима окрестъ Иліаускихъ стѣнъ сильною
рукою Данайскаго пресловутаго всадника
Ахилла; сердце же мое вѣло прискорб-
но естъ о приближающемся концѣ живо-
ту Ектора, кой многія мнѣ тучныхъ
головъ бедра приносилъ на высотѣ мно-
гохолмныя горы Иды и во своемъ градѣ;
нынѣ же тщится низринуть его во шму
преносную мужественный Ахиллъ у-
пова на быспрошу легкихъ ногъ сво-
ихъ. Помысливъ убо днесь, и преду-
ставимъ наши совѣщанія: спаси ли се-
го знаменистаго Троянскаго мужа отъ
горька смерти или оставимъ сокруши-
вша крѣпости его отъ рукъ велико-
душнаго Ахилла сына Пилеева.

Такъ рекъ мещущій громы сынъ
древняго Крона; премудрая же дщерь
его божественная Паллада Аѳинская
рекла къ нему: О погоняющій облаки,
всесильный отецъ Юпитеръ! како свя-
щенный швой уста могли возглаголани
се? мужа подлежаща плѣнью, древле
опредѣленнаго умерети, паки хочещи спа-
сти отъ плачевныя смерти? Твори,
что угодно зрится тебѣ, но помы-

сли и то, что вси безсмертныя возне-
годуютъ о семъ.

Наводящій страшныя тучи Юпи-
теръ отвѣщалъ ей: дерзай возлюблен-
ное мое порожденіе браноносная Палла-
да! да не устращаешься душа твоя
словъ моихъ; не жестокимъ сердцемъ
глаголалъ я оныя; хочу явиши къ те-
бѣ мое благоволеніе; твори, что совѣ-
щаютъ желанія твои, не ужасайся мо-
его прещенія, твори и не преставай.

Такъ рекъ, опустивъ отъ себя
дщерь свою Аѳину, которая съ радостию
вскорбь низшла отъ высоты Олимпа на по-
ля Троянскія, гдѣ божественный Ахиллъ
неутомимою горя яростию бѣгалъ за
Екторомъ. Аки наученый песъ на го-
рахъ младаго еленя возбудивъ отъ ло-
жа гонимъ прескакивая холмы и пре-
рытая долины; и хоща сей ища спа-
сенія животу своему предваритъ сокры-
тися въ темныя чащи, но гонящійся
люшый звѣрловитель собирая обонані-
емъ слѣды его течетъ неутомимо и вско-
рѣ обрѣтаетъ: тако великодушный, но
злополучный ратоборецъ Екторъ бѣ-
жалъ отъ ярости и быстроты ногъ
Ахилла

Ахилла сына Пилеева, но никакo не
могъ укрышися отъ пламеннаго взора
его; и колико крашъ покушался онъ
бѣжати ко вращамъ града, дабы тамо
обрѣсти спасеніе и защищеніе отъ сто-
ящихъ на твердынь совонисшвенниковъ,
шолко Ахиллъ предварялъ его всегда
обращая къ полю. Какъ человекъ во
снѣ миншъ постигати бѣгущаго, но на-
како не можеть, тако Екторъ не могъ
убѣжати отъ Ахилла, ниже Ахиллъ
постигнути Ектора, кой воиспину не
набѣжалъ бы горчайшіа смерти, ежели
бы въ послѣднее Аполлонъ изшедъ ему
во срѣщеніе не вселилъ крѣпости и бы-
спроты въ кодыа его. Ахиллъ бѣгалъ
за Екторомъ подавалъ знаки главою къ
воисшву своему шоря всѣмъ прещеніе
пустиши стрѣлы на своего сопротив-
ника, дабы кто поразивъ не воспріалъ
славы отъявъ у него побѣду. Когда же
въ четвертое пришекли ко источни-
камъ, тогда ошецъ боговъ и челоуковъ
просхералъ вланыя вѣси и положилъ на
оныхъ два предѣла горнайшіа смерти,
едивъ Ахилла, другіе же сильному усми-
ришело коней Ектору; владѣ же оныя

посредѣ, подбѣмлетъ выпры, и абие
преклонилъ день смерти Епифоровой и
низшелъ во адъ. Тогда вспаилъ его
Фавъ Аполлонъ, ко Ахиллу же присту-
пила премудрая богиня Паллада и спавъ
близъ его вѣщаетъ къ нему шакдъ:

Возлюбленный Юпитеру знаменитый
Ахилл! нынѣ на коней уповаю
я, что великую содѣлаешь Ахемнамъ
славу убивъ ненасытнаго во брани Ек-
тора: уже вѣсть ему нынѣ возможно-
сти спастися отъ насъ, хощи бы и
самъ стрѣломещущій Аполлонъ много
перепрѣлъ падъ съ Моленіемъ предъ ли-
цемъ отца всѣхъ Юпитера Егюка, но
ты нынѣ эдѣ помедли да почтении отъ
ушомлени, а же приближаяся къ нему
совѣщаніи моими преклоню его сража-
шся съ шобю.

Тако рече Аенна; Ахиллъ же воз-
радовался сердцемъ, понинулся во вѣс-
савъ вскочонся на боевое мѣдное ко-
нѣ. Богиня вставя его пошла къ дѣр-
вовенному Ектору, встрѣтивъ же на се-
бя подобіе шлани и непонимая гласа
Дифова, и спавъ близъ его вѣщаетъ:
Возлюбленный другъ! воншину зрю,
что

что зѣло тебя притѣсняетъ скорый
Ахиллъ, легкими ногами гоня окрестъ
Пріамова града, но укрѣпимся и ста-
немъ совокупно противъ дерзновенія его.

Страшно колеблющій шлемомъ ве-
ликій Екторъ отвѣщаеиъ ей: Діифовъ!
воистинну и прежде ты мнѣ любезнѣй-
шій былъ паче всѣхъ братіевъ, коихъ
родила Екава и Пріамъ, нынѣ же еще
вѣщаеиъ имѣю почитати тебя моимъ серд-
цемъ, когда моя ради помощи не устра-
шился ты изыти отъ града прочимъ
всѣмъ моимъ совоинственникамъ сокрыв-
шимся и пребывающимъ внутрь онаго.

Премудрая Аенна паки вѣщаеиъ къ
нему: Возлюбленный братъ! воистин-
ну зѣло молили меня отецъ, почтен-
ная мать и друзья мои всѣ совокуп-
но припадая къ ногамъ моимъ, дабы я
не исходилъ отъ града (ибо вси стра-
шались крѣпости Ахилловой), но мое
сердце сокрушалось зѣльною о тебѣ пе-
чалью. Станемъ убо нынѣ сопротивъ
его и всѣмъ мужествомъ готовы бывъ
сразимся съ нимъ, не пощадимъ копій
нашихъ, да узримъ Ахиллъ ли убивъ
насъ восторжествуетъ при корабляхъ
своихъ

своихъ надъ нашими окровавленными ко-
рысьми, или смирился подъ копѣемъ
твоимъ.

Тако рекда Аѳина и лестно пред-
шесѣвуемъ Ектору; сошедшимся же имъ
единъ прошивъ другаго первый спраш-
ный шлемоносецъ Екторъ вѣщаетъ ко
Ахиллу: сынъ Пилѣевъ! уже огньишь не
устрашуся тебя, какъ прежде прене-
шалъ силъ твоихъ прошекая проекраш-
но окрестъ великаго града Пріамова и
не дерзалъ оидаши нападенія твоего,
нынѣ же сердце совѣщаетъ мнѣ противо-
статьи тебѣ, да или убью тебя или
самъ убитъ отъ тебя буду. Но пре-
жде призовемъ боговъ: ибо они вѣривъ-
шіе намъ будутъ свидѣтели и храни-
тели нашихъ завѣщаній; когда Юпи-
теръ пошлетъ мнѣ знаменитую побѣду
и ошуму отъ тебя душу, тогда я не
обнажу тѣла твоего, но шокмо совлеку
броню, трупъ же твой отдамъ Ахея-
намъ; тако и ты Ахиллъ сотвори со
мною. Ахиллъ свирѣпымъ образомъ воз-
зрѣвъ на него отвѣщалъ: Екторъ! не
предлагай мнѣ тщетно завѣщаній тво-
ихъ: какъ явнѣ вѣрныхъ влещь ме-
жду

жду львами и людьми, ниже волки со
агницами имѣють согласное сердце, но
всегда единъ прошивъ другаго помыш-
ляетъ злое; тако не возможно быти
любви между мною и тобою, и ничто
же помогуть намъ кляшвы, доколѣ единъ
изъ насъ падъ мертвъ насытитъ кро-
вию страшнаго воинственника Арея. Вос-
прими убо мужество; нынѣ подобаетъ
тебѣ быти сильну и дерзновенну рат-
нику; уже нѣсть надежды избѣжати
тебѣ отъ смерти: ибо вскорѣ Паллада
Аѳинская сокрушитъ тебя копіемъ мо-
имъ; нынѣ купно примемъ мщеніе за
вся злая моихъ совоинственниковъ, ко-
ихъ ты убилъ неистовствуя копіемъ.

Рекъ и сотрясти копіе великое ме-
щетъ на Ектора; но сей узрѣвъ спаса-
ся отъ стремленія его: ибо сидѣлъ предъ
усматривая; копіе же прелетѣвъ вонзи-
лося въ землѣ. Паллада исторгнувъ оное
паки подала Ахиллу невидима бывъ Ек-
торомъ, кой къ мужественному Ахил-
лу тако вѣщаетъ: подобійся богамъ
великодушный Ахиллѣ! солгале тебѣ ко-
піе швов, и не позналъ ты положеннаго
Юлишаромъ предѣла жизни моея. Не ты

ли коварными шлоими словами хотѣлъ
меня обольстити, дабы я устращася
тебя забылъ крѣпость и мужество мое.
Воишину не возиши мнѣ бѣгущему ко-
пія твоего во хребетъ: се готовыя пер-
си! пронзай ихъ стремительно, когда
угодно еси богу; нынѣ же самъ блю-
дися копія моего, или все оное сокроется
въ шѣлъ твоимъ, и тогда воишину
легчайшая Троянамъ будетъ брань: ибо
ты единъ величайшая имъ пагуба.

Рекъ и абіе вергнулъ копіе, кое
съ шумомъ полетѣвъ ударяется посре-
дѣ щита Ахиллова, но пакы шлещетъ
отъ него далече и падетъ безъ успѣха
на землю. Екшоръ же преогорченъ бывъ,
что копіе его тщетно было отъ руки,
возмущился печалію: ибо не имѣлъ при
себѣ другаго копія. Призываетъ къ се-
бѣ Діфова вопія къ нему великимъ гла-
сомъ, проситъ отъ него копія, но ни-
гдѣ его не видишь; познавъ же во умѣ
часъ пагубы своей возопилъ: нынѣ уже
воишину зрю, что боги призываютъ
меня ко смерти; зане уповалъ я, что
мужественный Діфовъ обрѣтается со
мною, но се онъ пребываетъ внутри Илан-
скихъ

скихъ стѣнъ, меня же тако прелѣсти-
ла Аеліаская Паллада; приближалася
убо горкая смерть ко мнѣ, и уже не
далече отстояшъ, вѣсть уже надежды
мнѣ уготовануши отъ нея. Воистинну лю-
безно нѣкогда было Юпитеру и стрѣло-
мещущему исчадію его Аполлону сохра-
няши жившъ мой, какъ и сохраняли
до днесь, нынѣ же постигаешъ меня не-
избѣжимый предѣлъ, но не умру без-
славно и не яко воинъ малодушный, но
содѣлаю нѣчто великое и достойное слу-
ха предбудущихъ временъ.

Тако рекъ обнажаетъ острый, шты-
кѣй и великій мечъ, кой висѣлъ при бе-
дрѣ его, съ яростію мещется на Ахил-
ла. Аки высокопарный орелъ узрѣвъ въ
высошѣ младую агницу или зайца съ
великою быстротою нисходитъ на поле
желая похищати пищу себѣ; тако Ек-
торъ шечетъ сотрясая мечъ, равнымъ
образомъ и Ахиллъ укрѣпивъ сердце лю-
тою крѣпостію устремляется на Екто-
ра, предѣ персями нибѣ великолѣпный
щитъ, колеблется сляющій на главѣ
его шлемъ, движущся на шлемъ златыя
власы, конхъ Ифестъ положилъ довольно.
Какъ

Какъ вечерняя звѣзда нарицаемая Есперъ
 восходя въ вечеру паче всѣхъ звѣздъ сі-
 яетъ нощію и прекраснѣйшая стоитъ
 на небѣ: тако блистало остріе копія
 въ десницѣ Ахилла, кой совѣщавъ па-
 губу божественному Ектору, созерцалъ
 на шлѣ его мѣста удобнѣйшаго ко у-
 извлечію; вane весь покрытъ былъ крѣп-
 кою мѣдною броней, которую со убѣ-
 еннаго имъ Патрокла совлеклъ; и се-
 вршъ не покровенное мѣдію шло, гдѣ
 выя ошдѣляется отъ раменъ, и гдѣ че-
 ловѣку ближайшая смерть. Тамо пора-
 жаетъ Ахиллъ Ектора копіемъ; остріе
 пролетаетъ сквозь выю его, но горшакъ
 не разстерзало, дабы умирая нѣ-
 сколько словъ могъ произнести. Па-
 детъ мужъ чудный на песокъ; Ахиллъ
 же съ киченіемъ вѣщаетъ къ нему: Ек-
 торъ! или ты уповалъ, что убивъ Па-
 трокла самъ пребудешь живъ, о мнѣ
 же отсутствующемъ ничего не помыш-
 лялъ? Безумный! или не зналъ ты,
 что я много лучшій ошмшитель его
 остался въ корабляхъ моихъ? Се со-
 крушилъ я крѣпость холмовъ твоихъ!
 шебя съ поношеніемъ расшерзають пси

и пшцы; друга же моего Патрокла со славою погребуиъ Ахеяне.

Знаменитый Екшоръ ослабѣвая въ силахъ, ошѣщаетъ ему. Жизнью твоею, милосердіемъ и родителями твоими молю тебя; не предаждь меня на свидѣніе псамъ Ахейскимъ, но воспріявъ отъ отца и матери моя изобильныя дары, мѣдъ и злато, ошдай тѣло мое въ домъ мой, да Трояне и жены ихъ сошворятъ мнѣ мертвому честв сожалѣніемъ.

Ахиллъ свирѣпымъ образомъ возрѣвъ на него рекъ: не щися умоляти меня псѣ ниже милосердіемъ моимъ, ниже родителями. О когда бы крѣпость и духъ мой дозволили мнѣ, воиспину не ошрекся бы самъ я шервая плоть твою ясти! шако ты меня преогорчилъ; и нѣсть человека, кой бы могъ возвращити псамъ отъ главы твоея, хотя бы въ десять или двадцать крапъ толнкихъ даровъ положили предо мною; ниже самъ Пріамъ сынъ Дардановъ возможетъ искупити тебя златомъ. Не возложитъ убо мать тѣла твоего на одръ, ниже оплачетъ родившая тебя, во непременно расшерзаютъ тебя пси и пшцы.

Великодушный Екторъ умирая оп-
вѣщалъ ему: воистинну предвидѣлъ я
о тебѣ, но не послушалъ совѣтовъ; зрю,
что желѣзное въ тебѣ сердце. Но блю-
дися и ты да не како отмстятъ те-
бѣ за меня боги въ день оный, когда
Паридъ и Аполлонъ со всею крѣпостію
твоею сокрушатъ тебя во вратахъ
Скейскихъ.

Такъ вѣщающа покрываетъ конецъ
смертный и душа излетѣвъ отъ со-
ставовъ нисходитъ во адъ оплакивая
жребій свой, и оставляя крѣпость со-
юзностию

Ахиллъ ко умершему паки вѣщаетъ:
умирай, я же тогда восприму смерть,
когда Юпитеръ и прочіи боги благово-
дятъ скончати животъ мой. Реклъ и
абіе исторгаетъ отъ тѣла копіе, поло-
живъ же оное на землѣ, совлеклъ окро-
вавленную броню отъ раменъ его. Тѣмъ
временемъ пришекли многіе отъ сыновъ
Ахейскихъ, и взирая на шрупъ Екто-
ра удивлялися возрасту и чудному ви-
ду его, и не было никого отъ стоя-
щихъ тамо, кой бы не содѣлалъ раны
мершвому тѣлу; иные же другъ ко
другу

другу съ посмѣянiемъ вѣщали: се во-
истинну нынѣ Екшоръ удобнѣйшійъ жѣ
прикосновенiю, нежели когда воспаляѣ
корабли Ахейскіе. Тако ругались и всѣ
стоящіи уязвляли копiями. Ахиллъ же
совлекши броню и спавъ между Ахея-
нами вѣщаетъ: О возлюбленные Арге-
скіе князи и вожди! когда боги даро-
вали мнѣ убити мужа сего, кой посто-
яко зла единъ нанеслъ намъ, колько
вси совокупно не содѣлали, потщимся
испытати окрестъ града оружіемъ,
да уразумѣемъ; какую мысль имѣюшъ
Трояне: оставятъ ли они градъ свой
убишу сущу Екшору, или и по смер-
ти его хотятъ пребывать въ ономъ?
Но почто о семъ помышляетъ мое сер-
дце? Се при корабляхъ лежитъ Патроклъ
мершвъ не оплаканъ и не погребенъ;
могу ли я его забыти, доколѣ между
живыми обрѣшаюся и доколѣ движуща
сiи колѣна? И хотя во адъ приходимъ
въ забвеніе о мершвыхъ, но я и тамо
возлюбленнаго друга не забуду. Нынѣ
о юноши Ахейскіе воспоемъ пѣснь Апол-
лону и возвратимся къ кораблямъ на-
шимъ, сего же повлечемъ. Воспріали

великую славу, убили божественнаго
 Екшора, коимъ Трояне аки богомъ пре-
 возносилися. Рекъ и абіе сотворилъ
 надъ Екшоромъ дѣла безобразныя: близъ
 пашъ обоихъ ногъ пронзилъ жилы и
 продѣвъ ремни привязалъ верху коле-
 симцы, главу же оставилъ влачишися
 по землѣ; самъ возшедъ на колесницу
 и вознесши съ собою броню, погналъ ко-
 ней. Текущу ему воссталъ великій прахъ
 ошъ земли, коимъ красныя власы его
 наполнилися, и покрывалася онымъ вся
 глава его нѣкогда многимъ народамъ зна-
 менишая, но шогда Юпишеромъ пре-
 данная врагамъ на посмѣяніе во своей о-
 шечественной землѣ. Машерь увидѣвъ
 сіе страшное дѣло, низвергла ошъ гла-
 вы покровъ, и взирая на сына своего
 шерзаетъ власы и воздвигла ужасное
 рыданіе; болѣзненно вопіетъ и дражай-
 шій ошедъ его и весь народъ во градъ
 лютымъ стономъ и плачемъ одержимъ
 ешъ равно аки бы все Иліанское селе-
 ніе и швердыня ихъ пожиралася огнемъ.
 Стоящій же окрестъ престарѣлаго и бо-
 лѣзнію снѣдаемаго царя князи едва мо-
 гли удержавши нудящагося его изыши
 чрезъ

чрезъ враша Дарданскія. Но онъ повергая-
ся на землю и каждого мужа нарицая по
имени, молилъ слезно вопія: Любезные
други! уснокойшеся, не печальшеся о
мнѣ и оставше меня единого изыщи
отъ града къ кораблямъ Ахейскимъ.
Буду молиши мужа сего безчеловѣчнаго
и спрашная содѣвающаго; кпю вѣда-
ешъ, еда не устыдится лѣшъ моихъ и
не сотворитъ ли милосердія надъ ста-
ростію моею? Ибо и онъ такого же оп-
щя имѣетъ, кой родилъ его и воспи-
талъ во вредъ Троянамъ, паче же всѣхъ
мнѣ содѣлалъ болѣзни убилъ многихъ
младостію цвѣшущихъ сыновъ, о коихъ
всѣхъ не столько шерзаюся, колико о
единомъ Екшорѣ; и люшая сія печаль
низринетъ меня во адъ. О когда бы онъ
скончалъ животъ свой въ рукахъ моихъ,
шако бы я и родившая его несчастная
матерь насытились бы слезами и пе-
чалію!

Такъ вѣщалъ сѣшуя и купно съ нимъ
воздыхали граждане; между женами же
Троянскими Екава воздвигла лютый плачъ
вопія шако: Сладчайшее чадо! почто
я несчастная живу по смерти твоей

X 3

стра-

страдаю нестерпимыя болѣзни? Ты мнѣ
день и ночь былъ слава великая предъ
народами, польза всѣмъ Троянамъ и ихъ
женамъ, кои тебя аки бога восприни-
мали: ибо воистинну ты мнѣ былъ слава
великая въ жизни швоей; нынѣ же смерть
и адъ обѣмлютъ тебя.

Такъ вѣщаю проливая слезы; жена
же Андромаха донныя ничего не слыша-
ла о смерти мужа своего Екшора (ибо
ни одинъ вѣстникъ пришедъ къ ней не
повѣдалъ, что мужъ ея остался въ
врагѣ градскихъ) въ то время она въ
домѣ своемъ ткала волну чистую испе-
цряя разными цвѣтами; рабынямъ же
повѣдала возжечь огонь и поставивши ко-
шелекъ съ чистою водою, дабы Екшору
возвратившемуся отъ брани уготовивши
тѣплое умовеніе. Несчастная! не разу-
мѣла того, что мужа ея убила боже-
сшвенная Паллада руками Ахилла. Ко-
гда же услышала рыданіе и стонъ про-
исходящій отъ спражницы, вострепе-
тали всѣ соснавы ея, падешъ на зем-
лю изъ рукъ упражненіе ея и вскорѣ
вѣщаетъ къ рабынямъ: шеките, слѣ-
дуйте двѣ со мною, да узрю, какія со-

совершаются дѣла : ибо слышу гласъ почтенныя моея свекрови, сердце во внутренности моея шепеще, даже до устъ, колѣнъ моихъ оскудѣваетъ крѣпость. Или уже приближается нѣкое зло Прѣамовымъ сынамъ? О дабы сего слова не слышали мои уши! но нѣкій ужасъ обѣмлетъ душу мою, и ужасаюсь, дабы дерзновеннаго мего Екшора храбрый Ахиллъ единого оплучивъ отъ града и постигнувъ на полѣ не сокрушилъ печальнаго мнѣ мужества его, на кое уповаю, никогда не пребываетъ во множествѣ мужей, но далече мещется брань пшоря съ сопротивными и никому не уступая въ крѣпости силъ своихъ.

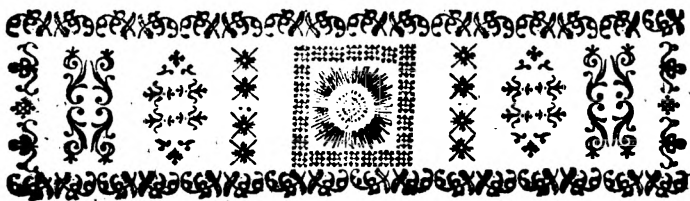
Такъ вѣщая исходитъ отъ дому возбуждаема духомъ и подобна неистовствующей, съ нею купно слѣдовали и рабыни. Пришедъ же ко сражницѣ стала предъ множествомъ народа взирая въ поле, и вскорѣ познаетъ мужа своего, безъ пощады влекомаго конями къ кораблямъ Ахейскимъ: ношъ темная покрываетъ очи ея, падетъ вспяшь и прекращается дыханіе; далече низвергается

отъ главы ея все украшеніе и вѣнецъ
даннй златою Афродитою въ день оный,
когда знаменитый Екторъ отъ дому
Іетіонова поялъ ее въ жену себѣ вели-
кія пославъ дары. Тогда многіе стоя-
ли при ней сродницы держащія на ру-
кахъ опчаянную въ жизни Андромеду,
которая пришедъ въ память и собравъ
духъ, чуднымъ образомъ рыдая возо-
пила: Екторъ! я злополучная и ты къ
единому жребію обое рожденны; ты во
Троѣ въ домъ Пріамовомъ, я же въ Ом-
рахъ при многодубравномъ Плакѣ въ до-
мъ Іетіона, кой несчастный несчастную
воспиталъ меня отъ младенчества. О
когда бы не родилися мы: ты нынѣ во
мракѣ земли нисходиши во дворы ада,
я же къ печали и сокрушенію остаюся
на землѣ горестною вдовицею; сынъ же
нашъ младенецъ не будетъ во утѣше-
ніе тебѣ, ниже мнѣ въ пользу: ибо, хо-
тя сія плачевная брань Ахейская и про-
течетъ; но ему всегда шрудъ и болѣз-
ни будутъ и нивы его прейдутъ во стя-
жаніе иныхъ, день сиротскій лишитъ
его всѣхъ сверстниковъ, всюду будетъ
ошгоняемъ; не единожды омочитъ сле-
зами

вами лице свое, прїидетъ ко другамъ
отца своего и восхитишъ за одежду ихъ;
они милосердствуя подадутъ ему ка-
плю отъ своея чаши, онъ губами при-
коснется, горшани же не омочитъ; ино-
гда и рабъ изгонитъ его отъ пиршества
бїа и ругаяся съ бесчестїемъ и вѣщая:
ошуди отсюда, уже отца твоего нѣсть
на пиршествѣ. Злоюлучный Астіанактъ
со слезами возвращается къ матери вдо-
видѣ, Астіанактъ, кой прежде на ко-
лѣнахъ отца своего питашеля единый
шюкмо мозгомъ и сладкимъ шукомъ ов-
чимъ; когда же преклонялъ его сонъ,
почивалъ на возглавіи, на лонѣ пита-
тельница или на мягкомъ ложи имѣя
сердце наполненное сладостїю. Нынѣ же
сынъ разлучився со отцемъ дражайшимъ
постраждемъ много. О плачевный сынъ!
когого Трояне нарицають Астіанактомъ;
ибо ты единъ защищалъ имъ врата и
высокую швердыню, нынѣ же тебя о
Екторъ! при корабляхъ Ахейскихъ на-
гаго растерзають пси и снѣдятъ чер-
ви тебя, у кого толико въ домъ ле-
житъ одеждъ мягкихъ и великолѣпныхъ,
содѣланныхъ руками жемъ. Все же сіе

попаляю огнемъ : ибо къ какому бу-
душъ они упошребленію , когда не бу-
деши въ нихъ лежати ? Да будущъ
убо они во славу Троянъ и ихъ женъ.
Тако рыдала Андромаха и съ нею ку-
пно стонали всѣ жены.

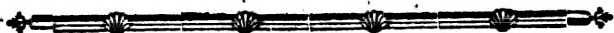

ОМИРОВОЙ ИЛІАДЫ ПѢСНИ ДВАДЕСЯТЬ ТРЕТІЕЙ.

С о д е р ж а н і е.

Ахиллѣ ошправляетъ погребеніе Патроклѣ, и просію неистовствуя въ честь его закалаетъ при гробѣ двенадцать Троленскихъ знаменитыхъ юношей, въ жертву приноситъ лсовъ, коней и иныхъ скотовъ; по томѣ совершаетъ погребательные подвиги, на коихъ Діомидъ побѣждаетъ конями, Одиссей бѣганіемъ, прочіи же разными образами; на конецъ позорище отходитъ.

П Ъ С Н Ъ XXIII.

П С И.

Т^ако Трояне въздыхая плакали по
Екторѣ во всемъ градѣ; Ахейне
же пришедъ ко Еллиспонту вси рассѣяли-
ся по своимъ кораблямъ. Но Ахиллѣ сво-
ему воинству не повелѣаъ ошлучатися
вѣщая

вѣщая къ нему тако: Возлюбленные мои совоинственники, храбрые Мирмидоняне! потерпите опрѣшати быспрошекущихъ коней отъ вашихъ колесницъ, но съ коньми и колесницами приближася къ Патроклу оплачемъ смерть его: (ибо сія подобаетъ честь мертвымъ); насладився же слезами и печалію опрѣшимъ коней и воспріимемъ вечерю вси здѣ.

Тако рекъ, си вси воздвигли плачь, первый же между ими началъ Ахиллъ, и воинство проекратно вода коней окрестъ Патроклова трупѣ плакало, плакала между ими неутѣшно и Ѡешида; омочался слезами песокъ, омочалася вся крѣпкая броня воинская отъ жалѣнія по полю мужественномъ ратоборцѣ; сынъ же Пилесѣвъ положивъ челоукоубійственныя руки на перси возлюбленнаго друга своего со слезами возопилъ вѣщая тако:

Радуйся дражайшій сердцу моему Патроклѣ! радуйся и во обиталищахъ ада! се тебѣ совершаю все, что прежде общалъ я тебѣ: убилъ Ектора, привлекъ его трупъ къ тебѣ, повергаю оный предъ тобою, да растерзаютъ его свирѣпыя псы, и ошмѣвая смерть твою

швою заколю дванадесять Троянскихъ знаменистыхъ юношей предъ костромъ сожженія швогого.

Рекль и абіе сотворилъ надъ Екшоромъ дѣло недостойное: ницѣ на землѣ распросперлъ его предъ одромъ Патрокловымъ; и по шомъ все его воинство со-влекло броню свою; каждый отрѣшилъ коней своихъ и всѣ возлегли близъ ко-рабля Ахиллова; сей же предложилъ имъ изобильную вечерю: многіе тогда острі-емъ желѣза повержены были волю, многія овцы, козы и тучныя свиньи распро-сширалися на огнѣ; вездѣ окрестъ Па-троклова трупъ текла кровь; Ахилла же Данаискіе цари повели ко Агамемнону съ трудомъ укрѣпляя его ярящагося о смерти друга. Пришедшимъ же имъ въ сѣнь Агамемнона абіе пастырь наро-довъ провозвѣстникамъ повелѣлъ поста-вить на огнѣ кошелъ съ водою, дабы омыти отъ Ахиллова тѣла запекшуюся кровь убитыхъ имъ. Но сей съ великимъ упорствомъ отрекся и положилъ кля-тву въщая: клянуся Юпитеромъ, кой величайшій и премудрѣйшій есть паче всѣхъ боговъ, клянуся, что не при-коснешся

коснется ко главѣ моей умовеніе доколѣ
не возложу Пашрокла на костерѣ, со-
здамъ ему могилу и оспригу власы:
ибо не будешь сердцу моему опныи
вѣщшія печали, доколѣ духъ сохра-
нился во мнѣ, ниже вкушу нынѣ не-
навистныя мнѣ пищи; за утра же о царѣ
мужей Агамемнонѣ повели сѣщи дрова, ко-
лико пошребно есть на сожженія мерш-
ваго нисходящаго во мрачныя сѣни, да ско-
рѣе отъ очей моихъ поемлешь его огонь, во-
инство же обратишься къ дѣламъ своимъ.

Такъ рекъ, и вси повинулися ему и сѣ ра-
достію послушали. Пригошева же вечерю
сѣ веселіемъ пиршествовали и каждого по
желанію не было ни въ чемъ недосташка;
по насыщеніи пищею и пишіемъ всякъ воз-
вращился во свою сѣнь и тамо почилъ во
сладкомъ снѣ. Ахиллѣ же лежалъ при брегѣ
волношумящаго моря на чистомъ мѣстѣ
со многими Мирмидонянами шажко возды-
хая. Когда же сладкій сонъ приводящій
къ забвенію душевныя возмущенія раз-
лился по всѣмъ изнемогшимъ прекрас-
нымъ его членамъ, пришла душа подоб-
ная возрастомъ, очами и гласомъ неца-
стному Пашроклу и въ шакія же одежды
oble-

облеченная, ставъ же надъ главою его
вѣщаетъ: спиши о Ахилл! о мнѣ же за-
былъ ты? доколѣ я былъ, имѣлъ ты
всякое о мнѣ попеченіе о мертвомъ же
не радиши; скоро погреби мя, да вниду
во врата; се далече отгоняющъ меня
души, тѣни мертвыхъ, ниже даюшъ
мнѣ съ прочими совокупно преѣхати чрезъ
рѣку, но тщетно скипаюся окрестъ
дому пространными вратами хваща-
гося ада. Подаждь убо мнѣ руку да въ
последнее оплачу себя; ибо не къ тому
пріиду уже отъ преисподнихъ мѣстъ
паки къ тебѣ, когда предадите меня
сожженію; ниже (какъ прежде живые)
отлучася отъ прочихъ совоинственниковъ
будемъ совѣщати наши помышле-
нія: ибо меня поглотила ненавистная
смерть, которая и при рожденіи моемъ
опредѣлена была; но и тебѣ самому
о богоподобный Ахилл; положенъ пре-
дѣлъ скрѣпчати подъ твердынею му-
жественныхъ Троянъ. Иное тебѣ воз-
вѣщу, и возрадуюся, когда послуша-
еши меня: да не разлучиши костей
моихъ отъ костей твоихъ, но да поло-
жиши ихъ совокупно, какъ совокупно

и воспитаны мы въ домѣ вашемъ, когда меня шолко малаго суца Менишій изъ Опоента привелъ къ вамъ по винѣ зло- вреднаго убійства въ день шопѣ, когда я не по хотѣнію, но по неразумію и въ дѣтской игрѣ раздраженъ бывъ убилъ Амфидоманшова сына; когда храбрый всадникъ ошецъ твой Пилей вріявъ меня въ домъ воспиталъ со шщаніемъ. и нареклъ твоимъ слугою; тако и кости наши да сокроетъ единый златый оный ковчегъ данный почтенною швоею матерію.

Скороногій Ахиллъ отвѣщая рекъ ему: почто о дражайшая глава пришедъ ко мнѣ твориши о семъ завѣщаніе? Во- истинну все сіе со шщаніемъ исполню и послушаю какъ повелѣваеши мнѣ; но приблизися ко мнѣ, да поне мало объ- емшися взаимно насладимся горестнымъ плачемъ.

Тако рекъ простерлъ руки, но при- коснувшись не могъ; зане душа его аки дымъ подъ землею нисшла съ ропша- ніемъ. Ахиллъ воспрянувъ отъ сна со ужасомъ и ударивъ руками слезно возо- пилъ: Увы! воистинну сущъ шѣни и души

души во адѣ, но внутренносней нѣбесныхъ не имѣютъ они: ибо ношю нещаснаго Патрокла душа чудно во всемъ ему подобная представъ мнѣ со слезами и воздыханіемъ творила завѣщаніе.

Такъ рекъ возбудилъ во всѣхъ желаніе ко слезамъ. Плачущимъ же имъ окрестъ Патроклова трупѣ, явилася багряноперстная заря. Тогда царь Агамемнонъ повелѣлъ извести воловъ и возбудити мужей отъ кущъ на посѣченіе лѣса; Миріонъ же мужъ благій оруженосецъ челоуколюбиваго Идомея паче всѣхъ поощрялся ко трудамъ симъ. Пошли мужи дровосѣцъы нося въ рукахъ острыя сѣкиры и крѣпкія ужа, предъ ними же шли ослы; прошедъ же крушыя и покашыя мѣста, холмы и долины, на конецъ приблизилися ко изобилующей источниками горѣ Идѣ, вскорѣ начали посѣкать высокіе дубы, кои падая издавали шумъ и трескъ; Ахейне же привязавъ оныя ко осламъ опускали чрезъ густыя кустарники, вси же дровосѣцъы несли пни; ибо тако повелѣлъ Миріонъ слуга великодушнаго Идомея. Поверженнымъ бывшимъ дровамъ

намъ на брегъ, Ахиллъ повелѣлъ воз-
 двигнути великій костеръ Патроклу и
 самому себѣ, по томъ когда ошвсюду
 положили многія сухія дрова все мно-
 жество бывшее тамо возлегло. Ахиллъ
 даки вскорѣ повелѣлъ препоясашися во-
 инству своему оружіемъ и каждому за-
 пряжи коней въ колесницу. Все сіе ско-
 ро совершилося: восходящъ всадники ку-
 дно и возницы; предшествовующъ всад-
 ники, послѣдующъ имъ въ великомъ мно-
 жествѣ пѣши, посреда же несли шло
 Патрокла, други его; и весь шрупъ по-
 крытъ былъ власами, кои отспригая
 довоинственники метали на него; гла-
 ву его поддерживалъ Ахиллъ, имѣя ли-
 це смущенное великою печалію, зане
 храброго друга своего опускалъ во адъ.
 Когда же пришли къ мѣсту сожженія
 положили шло, гдѣ повелѣлъ имъ Ахиллъ,
 и вскорѣ умножили удобъ возгорающіяся
 вещи. Тогда даки мужественный Ахиллъ,
 новое нѣчто предпріалъ во своемъ серд-
 цѣ: ставъ особъ отъ костра, опрѣзалъ
 власы свои, кои со тщаніемъ писалъ
 Сперхію рѣкъ, со гнѣвомъ же взирая на
 Черное море, вѣщаетъ: Сперхіе! тщет-
 но

шно тебя, отецъ мой. Пилей молилъ,
общаяся, когда я возвращуся въ лю-
безную отечественную землю, осприщи
тебѣ власы мои и принеси священную
сночисленную жертву и пшдесашъ агн-
цовъ при источникахъ, гдѣ храмъ и
олтарь тебѣ воздвигнушъ есть. Тако
молилъ тебя престарѣлый мой отецъ;
но ты желанія его не исполнилъ. Ны-
нѣ убо когда не возвращуся въ мое лю-
безное отечество, вручаю власы мои
мужественному Патроклу да посенешъ
овныя съ собою. Тако рекъ и положилъ
власы въ руки друга своего и шѣмъ
вѣмъ воздвигнулъ ко слезамъ; и во-
мѣстину свѣтъ солнечный зашелъ бы
въ плачъ семъ, когда бы Ахиллъ не по-
велѣлъ молчати; ибо ставъ предъ Аге-
мемниномъ вѣщаетъ: Атреевъ сынъ! ще-
бѣ паче всѣхъ и твоимъ словамъ народъ
Ахейскій повинуется; и слезамъ быва-
етъ насыщеніе; время убо пресшати
отъ плача. Ты нынѣ отпусти отсю-
ду народъ, да уготовашъ себѣ вечерю,
мы же поспѣемъ хлѣбъ воздаице,
какого намъ нѣ, гдѣ ономъ есть мѣсто
рыи, вожди же да останутся. Царь

мужей Агамемнонъ слышавъ сѣ вскорѣ
отпустилъ войнство къ кораблямъ; по-
гребашели же собравъ дрова воздвигли
костеръ отъ всѣхъ странъ во сто ша-
говъ, и на верьху онаго положили пѣло
Патрокла. По семъ заклали многихъ
овецъ и воловъ, отъ всего же заклан-
наго скоша ошдѣлили шукъ, коимъ
Ахиллъ отъ главы и до ногъ покрылъ
пѣло Патрокла, мяса же скошовъ по-
ложены были окрестъ костра; многіе
тамо испощены сосуды съ медомъ и
масломъ, чешыре жестоковыхъ ко-
ня ввержены въ костеръ; девять было
у царя Ахилла домашнихъ псовъ, изъ
коихъ шакъ же зажавъ двухъ предалъ
огню. По семъ совѣщевая злое во сво-
емъ сердцѣ, дванадесять знаменитыхъ
сыновъ Троянскихъ зажавъ мечемъ, рав-
нымъ образомъ повергавъ въ костеръ. На
концѣ блеснулъ огонь, Ахиллъ же взы-
ваетъ къ возлюбленному другу своему
вѣщая: радуйся Патрокла и въ домъ
ада! все уже совершилъ я тебѣ, что
прежде обѣщалъ: зажавъ дванадесять
знаменитыхъ сыновъ Троянскихъ, ко-
ихъ купно съ тобою огонь пошребитъ;
Ектора

Екстора же никакѡ не предамъ сожже-
нію, но сибдѣмъ его псы.

Тако рекъ со гнѣвомъ; но желаніе
его не исполнилось: ибо псовъ Юпите-
рова дочь Афродита отгоняла день и
нощь, и шло его намазала розовымъ
елеемъ, дабы ничто не прикоснулось
вредное. Фивъ же Аполлонъ оградилъ
его чернымъ облакомъ отъ неба даже
до поля, и покрылъ все оное мѣсто, на
коемъ лежалъ трупъ, дабы сила солнца не
иссушила жилъ и членовъ его; Патрокловъ
же костеръ горѣти не можеть. Тогда
паки иное помышляетъ божественный
Ахиллъ: ибо отступивъ не много отъ
костра молилъ вѣтровъ Зефира и Ворея
обѣщая имъ знаменитую воздасти жер-
тву, и изливая вино отъ златыхъ ча-
шъ просилъ, дабы скорѣе пришли и воз-
будивъ огонь попалили Патрокловъ трупъ
купно и дрова.

Быстропротекущая Ирида слышавъ мо-
леніе его, пошла возвѣстити о семъ
вѣтрамъ, кои въ то время въ великомъ
множествѣ совершали пиршество въ домъ
бурнодышущаго Зефира. Ирида, скорѣ
пришекъ спала при дверяхъ на камен-

шомъ прагъ; вѣтры узрѣвъ богиню, всѣ
 воспали отъ мѣстъ и молили вниши въ
 чертогъ къ себѣ; но она ошрекшися
 отъ входа вѣщаетъ имъ: не имѣю вре-
 мени медлѣти съ вами; ибо паки воз-
 вращаюся къ потокамъ Океана въ зем-
 лю Еѳіоповъ, гдѣ приносятъ они сто-
 численную жерству безсмертнымъ; тамо
 и я купю съ прочими вкушати буду
 жерству ихъ. Но нынѣ Ахиллъ Ворея и
 шумнаго Зефира молишь прїипи обѣ-
 щевая великую принести жерству, дабы
 возбудили огонь на костръ, гдѣ поло-
 женъ мертвый Патроклъ, коего вси оп-
 лакиваютъ Аргивяне.

Такъ вѣщая отходитъ; Ворея же
 и Зефиръ абіе мещутся съ безмернымъ
 шумомъ возмущая предъ собою облаки;
 вскорѣ по семъ пришекли къ морю и отъ
 бурноноснаго ихъ дыханія восшумѣла вся
 вода волнами; приближася ко Троянскому
 граду, ринулися на костеръ; закипѣвъ
 и съ прескомъ разлился по всѣмъ стра-
 намъ великій огонь, и вѣтры чрезъ всю
 ночь не преставаая шумнымъ дыханіемъ
 совокупно умножали пламень; равнымъ
 образомъ и великодушный Ахиллъ ни
 мало

мало не преклоняясь сномъ, отъ златыхъ чаши изливалъ вино и окроплялъ имъ землю призывая душу злополучнаго Папирокла. Аки отецъ оплакиваетъ сожженные кости сына своего, кой во младости скончавъ дни свои оставилъ родителямъ печаль неутѣшную: тако Ахиллъ проливалъ слезы сожигая тѣло друга своего, и часто приходилъ ко срубу воздыхая непрестанно. Когда же явилася денница возвѣщая приближеніе солнца на землю, и когда багряная заря рассыпалася по морю, тогда костеръ началъ погасати и пламень преспавалъ; вѣшры же паки возвратились ко своему жилищу протекая Эракійское море, кое отъ дохновенія ихъ закипѣло бурными волнами.

Ахиллъ отшедъ на другую страну сруба падетъ на землю утомленный и вскорѣ сонъ сладкій объемлетъ чувства его. Тѣмъ временемъ прочіи Ахейскіи князи собиралися ко Агамемнону; отъ приближающихся же къ нему умножившійся шумъ и мятежъ возбудилъ Ахилла, кой воспрянувъ отъ сна и сдѣлавъ тако къ нимъ выдѣавъ: Сыны Апрее-

вы и вы Аргивскіе вельможи! пощипи-
 шесѣ угасиши весь костеръ краснымъ
 виномъ, колико обьяла сила огня, по
 томъ соберемъ кости возлюбленнаго мо-
 его друга Пашрокла и различимъ оныя
 отъ прочихъ костей, кои всѣ ясно рас-
 положены были: ибо Пашроклово тѣло
 лежало посреда костра, прочіи же по
 угламъ онаго совокупно горѣли кони и
 мужи. Собравъ же дражайшія мнѣ ко-
 сти, положимъ во златой чашѣ и уд-
 военнымъ шукомъ покроемъ оныя, доко-
 лѣ и самъ я сиду во адѣ; гробницу
 же не збо великую повелѣлъ я содѣла-
 ши, но посредственную; послѣ же и сію
 Ахейне да воздвигнете высокую и про-
 странную, кои по мнѣ останешесь при
 корабляхъ вашихъ живыми.

Тако рекъ и повинулись ему съ
 желаніемъ сердца: прежде угасили ко-
 стеръ краснымъ виномъ, колико обы-
 малъ пламень; по томъ собравъ кости
 и обложивъ шукомъ, во златой чашѣ со
 слезами опнесли въ сѣнь, и тамо по-
 крыли тонкою плащаницею; назначивъ
 же мѣсто гробницѣ, положили основа-
 ніе окрестъ костра, и ископавъ землю
 полили

полили оную виномъ, содѣлавъ же могилу возвратилися въ кущи. Но Ахиллъ удержавъ князей и вельможъ посадилъ на проспирванномъ мѣстѣ назначенномъ къ подвигамъ; отъ кораблей же износили награжденія: коплы, треноги и бѣлое желѣзо, изводили коней, ословъ, воловъ и красныхъ женъ.

Во первыхъ положилъ награжденіе коннымъ ристашелямъ; первому, жену лѣпообразную и знающую приличныя рукамъ дѣла; треногъ съ рукоятъми въ двадцать двѣ мѣры; второму, шестилѣшнюю и неукрощенную кобылуносящую жребя; третіему, новый бѣлый котелъ въ четьре мѣры; четвертому, два шаланша злата; пятому, новую чашу имѣющую четьре ноги.

Воставъ же отъ мѣста вѣщаетъ: сыны Апреевы и вы прехрабрые князи Ахейскіе! сіи награжденія лежащія на мѣстѣ подвиговъ ожидаютъ конныхъ ристашелей. Когда бы мы за другое что подвизались, воистинну я первой воспріавъ награжденіе отнеслъ бы въ сѣнь мою; сами вы знаете, колико мои кони доброшою своею превосходящъ прочихъ:

чихъ: ибо безсмертны сущь; Посидонъ далъ ихъ отцу моему Пилею, отецъ же паки мнѣ отдалъ ихъ. Нынѣ убо я пребуду празднымъ, такожде и кони мои; зане лишились они крѣпкаго и крошкаго своего управителя, кой многжды умывъ ихъ водою возливалъ елей на гривы; нынѣ они праздно стоя оплакивають его и печался сердцемъ, гривами касаются землѣ. Препояшитесь убо вы, кто уповаеши на быстроту коней своихъ и на крѣпость колесницъ.

Тако вѣщая возбудилъ Данайскихъ всадниковъ сердца къ подвигамъ: перьвый воздвигся царь мужей Евмилъ сынъ знаменитаго царя Адмета, кой совершенно изученъ былъ въ правленіи коней. Послѣ сего исходитъ храбрый Діомидъ сынъ великаго Тидея, подѣ яремъ же привелъ коней Троянскихъ, коихъ нѣкогда восхишилъ отъ Енея, самаго же его спаслъ Аполлонъ. По Діомидъ являеися богорожденный Менелай, подѣ колесницу же привелъ коней Агамемнонову Еоу и своего Подарга. Ефу Агамемнону въ даръ далъ Ехеполь сынъ Анхисовъ, дабы не слѣдовати съ нимъ

во Троянскую страну, но пребывая въ домъ наслаждашися веселіемъ: зане Юпитеръ даровалъ ему великія богатства и обиталъ во плодоносномъ Сикіонѣ. Четвертый пріуготовилъ коней Аншилохъ сынъ великодушнаго царя Нестора, колесницу же несли Пилійскіе кони. Несторъ приближася къ сыну своему и порицалъ ему наставленіе благое и премудръ бывъ разумному сыну вѣщаетъ: Любезный Аншилохъ! воистинну тебя младаго суща возлюбили Зевсъ и Посидонъ и совершенному искусству научили управляти коней; не много убо тебя должно мнѣ наставляти. Ибо извѣстно тебѣ, како подобаеши обращаться; но кони твои зѣло медлительны въ бѣганіи, и мяю, что тебѣ будетъ отъ нихъ посрамленіе; прочихъ же твоихъ соподвижниковъ кони скорѣйшіи, но возницы ихъ меньше тебя знаютъ управляти ими. Положи убо ты всякій съѣвшъ мой на сердцѣ съ благосклонностію, да не лишенъ будешь награжденія: древодѣлецъ превосходнѣйшій бываетъ искусствомъ, не силами; искусствомъ

ствомъ пакн коричй управляетъ на моръ корабль въспрамн зыблемый въ волнахъ; искусствомъ побѣждаетъ возница возницу; но кшо уповая на колесницу и коней несмысленно отвращаетъ ихъ во всѣ страны, тогда кони заблуждая въ бѣганіи, жестоковѣйными являюся ко удержанію. Но кшо и худшихъ имѣя коней знаешь ими управлять и разумѣешь когда и какимъ образомъ воспрягнуты бразды перваго коня, и прилѣжно назираешь предшекущаго, тошъ всегда скорѣе приближается къ назначенному мѣсту. Положеннаго же предѣла знакъ ясно открою тебѣ: на локошъ свержъ земли стоитъ сухое древо, дубъ или Певкъ, токмо не гнѣющее отъ дождя, по обоемъ же странамъ положены шамо въ тѣсномъ пути два бѣлые камни, о-крестъ же оныхъ мѣсто равное и удобное къ теченію коней; или нѣкоего древле умершаго челоука гробъ здѣ, или отъ древнихъ людей положена граница, нынѣ же божественный Ахиллъ содѣлалъ предѣломъ вашихъ подвиговъ. Ты убо приближаяся къ нему, всею крѣпостію шущися ноголяши коней швоихъ; самъ
нѣ-

нѣсколько преклонися къ лѣвой странѣ, отъ дѣсныя же руки коня коли съ великимъ воплемъ и ослаби ему бразды. При самомъ же совращеніи съ пути воспрягни лѣваго коня шоль крѣпко, дабы казалось прикасашися краю колеса; но блюди преткнутися о камень, да не како уязвиши коней и сокрушиши колесницу; и тогда прочимъ будетъ радость, шебъ же посрамленіе; кромѣ сего возлюбленный сынъ имей разумное предохраниеніе; когда при совращеніи предупредиши прочихъ, тогда никшо уже не возможетъ тебя постигнути, хотя бы кто гналъ и на Адришовомъ быстротекущемъ конѣ Аріонѣ, кой отъ бога рожденъ былъ, или на оныхъ Лаомедонтовыхъ, кои здѣ воспитаны сущь.

Такъ Нилеевъ сынъ Несторъ окончивъ сыну своему полезное наставленіе, накі съль на своемъ мѣстѣ. Пятый Миріонъ пріуготовилъ коней. Вскорѣ по семъ восходишъ каждый на свою колесницу; Ахиллъ же начинаетъ мешати тревѣ, кой и падешъ на перваго Антилоха, сына Несторова, послѣ сего на Емвила, де шомъ на знаменитѣяго
царя

царя Апреева сына Менелая, послѣ сего на Миріона, послѣди же всѣхъ на храбраго Тидеева сына Діомиды.

Ставшимъ же всѣмъ въ порядокъ, Ахиллѣ назначилъ предѣлѣ ристанія ихъ далече на равномъ полѣ, и близъ онаго посадилъ назирашелемъ божественнаго Финика вѣрнаго спутника Дилеева, дабы наблюдалъ каждаго шеченіе, и послѣ открылъ бы всю истинну. Все совокупно возносяшъ бичи, ударяющъ браздами, увѣщеваяющъ коней словами; поспѣли отъ кораблей далече на поле, полъ персями же коней восталъ прахъ аки облакъ или буря, возвѣвающъя власы противъ дыханія вѣтровъ, колесницы быстро прошекая поле иногда касались пылашелейницъ всѣхъ матери земли, иногда подымались выпрь, возницы же снотя на колесницахъ претепщали сердцемъ, всякъ желая снискашъ себѣ побѣду, съ великимъ воплемъ потуждали коней. Но какъ уже послѣднее совершали шеченіе, обращая пакы къ синему морю, тогда каждаго всадника искусство открывалось и быстрота дѣтей означалась. Вскорѣ по семъ лѣтъли бы-

быстрые кони царя Евмила; за ними
 шли Троянские кони храброго Діоми-
 да, не въ далекомъ отстояніи, но зѣло
 близко: ибо во все время теченія ихъ
 казалось, что аки на колесницу вос-
 ходящъ, теплое же твое дыханіе спу-
 скали прямо на хребетъ Евмила и гла-
 вы ихъ лежали на немъ. И воистинну
 предускорилъ бы Діомидъ Евмила, или
 сомнительная была бы побѣда, когда
 бы Фибъ Аполлонъ проогорченъ бывъ Діо-
 мидомъ не исторгъ отъ руки его би-
 ча. Поились слезы изъ очей раздра-
 женнаго ироя: ибо видѣлъ съ вѣщаю
 скоростію бѣгущихъ Евмиловыхъ коней,
 своихъ же къ посрамленію ослабѣваю-
 щихъ; но не укрылось предъ божествен-
 ною Палладою коварство Аполлоново
 огорчившее Тидеева сына: скоро при-
 ближалася къ пастырю народовъ и по-
 дала ему бичъ, конямъ же вдохнула
 крѣпость. Сама со гнѣвомъ идетъ ко
 Армишову сыну и аки сильная богиня
 сокрушаетъ яремъ конскій, разрѣшается
 вся связь крѣпкая, возвращаютъ отъ пу-
 ти быстрые кони: самъ всадникъ ли-
 ченный мужества низвергается на землю.

и падетъ близъ колеса, повреждаетъ
лакши, уста и ноздри, раздрается
лобъ, и вскорѣ очи его наполнились сле-
зами, свѣшлый гласъ заключился во
устахъ.

Тѣмъ временемъ Діомидъ направля ко-
ней, далече предупредилъ прочихъ со-
подвижниковъ: зане премудрая Паллада
желая ему славы послала конямъ его
крѣпость; за нимъ слѣдовалъ велико-
душный Менелай. Аншилохъ за Мене-
лаемъ погоня коней отца своего, обо-
дрялъ ихъ великимъ гласомъ вопія тако:
ускоряйше, напрягайтесь koliko силъ
имѣете! воистинну я не повелѣваю вамъ
противуборствовать съ коньми храбра-
го Діомиды, коему Паллада предполо-
живъ побѣду послала имъ крѣпость и
скорость, но прошу васъ, потщитесь
предускорити Менелая коней; не о-
слабѣвайте возлюбленные, да не будете
посрамлены отъ Евы жены сущіа. Что
изнемогающе быстрые мои кони? Тако
вѣщаю и воистинну исполнится. Уже
не будешь имѣти попеченія о васъ пре-
старѣлый отецъ мой Несшоръ, но вско-
рѣ убьешь васъ острымъ мечъ, когда
отъ

отъ нерадѣнія воспріимемъ меньшее награжденіе. Ускоряйте убо и постигните царя Менелая; шагди я самъ узрю, како въ тѣсномъ пути обольстятъ его хитростію, и уповаю; что не угонятъ отъ меня.

Тако Антилохъ увѣщевалъ коней своихъ, кои убояся царева гласа, въ краткое время прошекли много пути; вскорѣ по семъ воинственнѣйшій Антилохъ узрѣлъ тѣсношу пути, гдѣ была расщелина земли и оупъ стекающія зимнія воды поврежденъ былъ путь и все мѣсто содѣлалось глубоко. Тамо Менелай направлялъ коней опасаяся, дабы сошедшимся обоимъ не сокрушити колесъ; предупредивъ же Антилоха гналъ коней, совратя отъ пути. Наконецъ ушрашився ко Антилоху вѣщаетъ: сынъ Несторовъ! неразумно управляеши коньми швоими, удержи ихъ; зане путь здѣ тѣсенъ есть, се вскорѣ узриши просиравнѣйшій, блюди, да не како отъ взаимнаго ударенія сокрушатся колесницы наши и сами себѣ вредъ тогда содѣлаемъ.

Тако рекъ Менелай; Антилохъ же видѣше погонялъ коней, аки бы не слышалъ

шалъ вѣщающаго Менелая. Коликое стремленіе круга верженнаго отъ руки юноши испытающаго силы младости своей, шoliko предупредили кони Анпилоховы коней Менелаяевыхъ, кой добровольно удержалъ ихъ, избѣгая явныя опасности конямъ, колесницамъ и самимъ себѣ; Анпилоху же въ слѣдъ возопилъ понося его со гнѣвомъ: Анпилохъ! зловреднѣйшій ты паче всѣхъ человѣкъ, погибни несмысленный! несправедливо нарицающъ тебя Ахейне разумнымъ. Но при всей твоей побѣдѣ не получиши награжденія безъ кляшвы.

Такъ вѣщая погонялъ коней съ великимъ воплемъ: не медлите, не будите печальны; ослабѣющъ ноги и утомятся колѣна ихъ прежде нежели ваши: ибо обоимъ они лишились младости и суть стары.

Такъ рекъ; кони же убояся царева гласа напрягли силы, и вскорѣ приблизились за Анпилохомъ. Аргивяне же сидя при подвигѣ назирали коней, кои прошекая поле возбуждали великій прахъ. Первѣй Идомоней царь Критскій разсуждалъ о скорости коней: ибо сидѣлъ особъ на высокой спражницѣ; услышавъ же гласъ вопіющаго возницы и познавъ коня,

коня, (который имѣлъ на челѣ бѣлое
 пятно аки луну, прочимъ же шѣломъ
 былъ рыжій) вставъ отъ мѣста вѣща-
 етъ: О возлюбленные Аргивскіи вожди
 и князи! единъ ли я зрю коней или
 купно и вы? Се другихъ уже вижу при-
 ближающихся коней, другаго и возницу.
 Воистинну тѣ, кои прежде побѣдище-
 лями являлись, вредъ какій претерпѣли
 на полѣ: ибо совершенно я прежде ви-
 дѣлъ Евмиловыхъ коней текущихъ предъ
 всѣми ко предѣлу. Нынѣ же никакo не
 могу ихъ видѣши, хотя и всюду очи
 мои мещутся по Троянскому полю; или
 самъ возница не удержавъ бразды, не
 возмогъ направить ихъ ко предѣлу, и
 иню, что сокрушивъ колесницу и самъ
 ниспалъ; кони же разъяренные соврати-
 ли на страну; но взгляните и вы куп-
 но; ибо я не могу совершенно распозна-
 ти. Мужъ же приближающійся зрится
 мнѣ Ептолинъ родомъ царь Аргивскій,
 сынъ храбраго Тидея Діомидъ.

Еантъ сынъ Илеевъ слышавъ сіе на-
 чинаетъ поносить его дерзостными сло-
 вами вѣщая: Идоменей! почто безъ ра-
 зума лжеша предо всѣми? Діомидовы

кони еще далече текутъ на полѣ; шы же хошя между Аргивянами и не младшій, но очи твои мало видяшъ; языкъ же твой всегда безумно лжешъ; не прилично тебѣ быти многоглаголивымъ: ибо суть здѣ, кои превосходятъ тебя честію; предшекущи же кони воисшинну суть Евмиловы, какъ и самого его вижу держащаго въ рукахъ бразды на колесницѣ.

Царь Крипскій раздраженный вопреки ему отвѣщаешъ: Еантъ! шы токмо любилель распри и безстудный злословецъ, въ прочемъ же между всѣми Аргивянами шы ничто: зане разумъ твой стропшивъ есть. Положимъ нынѣ въ залогъ, треногъ или кошелъ; судією же обое поставимъ Агамемнона, да познаеши, чьи суть предупреждающіе кони.

Такъ рекъ Идомей; Еантъ же скоро восставъ отъ мѣста со гнѣвомъ пакы хочешъ ему жестокими отвѣщаши словами; и воисшинну еще на многое время продолжалася бы между обоими распря, когда бы не Ахиллъ прекратилъ оную вѣщая: Еантъ и Домей! оставше зловредную вашу распрю и доса-

дишельныя слова; воисшинну не прилично вамъ творити сіе, когда прочихъ должны вы отъ сего воздержати. Сидите паче и взирайте на коней, ристатели же сами скоро притескутъ къ награжденію, и тогда узнаете доброшу Аргивскихъ коней, и кто первый, и кто послѣдній.

Тако вѣщающу Ахиллу приближается Діомидъ непрестанно погоня коней, кои протекая путь подымалися выспрь копытами возмешая прахъ на всадника, колесница же сіяющая златомъ и оловомъ, несомая быстрыми коньми, малыя вѣло на песокъ оставляла по себѣ слѣды колесъ. Мужественный же ристатель притекши сталъ на срединѣ подвига; великій тогда потъ отъ персей и отъ выи коней падалъ на землю. Самъ всадникъ нисшедъ отъ колесницы постановилъ бичъ при ярмѣ; храбрый же оруженосецъ его Соенелъ воспріавъ въ награжденіе жену повелѣлъ отвести въ сѣнь Діомидову и отнести треногъ съ рукоятъми, самъ же отрѣшилъ коней отъ колесницы.

Послѣ Діоміда прішеклѣ Антилогѣ предваривъ Менелая коварствомъ не скоростію коней; но и тако Менелай въ малѣйшемъ разстояніи былъ отъ него.

Колико отъ колеса отстоитъ конь несущій царя на колесницѣ чрезъ малое разстояніе, распилаясь же по полю, власами хвоста своего касается оси; въ толикомъ разстояніи былъ Менелай отъ Антилоха, хотя прежде отъ него разлучился на верженіе круга, однако скоро постигъ его (ибо Агамемноновой Евы непрестанно умножалась сила), но когда бы еще большее подлежало имъ печеніе, воистинну безъ сомнѣнія предупредилъ бы Менелай Антилоха.

За Менелаемъ на разстояніе пущенныя отъ лука стрѣлы печешъ дерзновенный Миріонъ вѣрный слуга Идоменея: ибо тяжелы были кони его.

Послѣдняя была колесница Евмила сына Адмитова, коего узрѣвъ божественный Ахиллѣ милосердствовалъ о немъ, ставъ же между Ахейцами вѣщаетъ: се избранный мужъ, но послѣдній гонимъ коней своихъ; дадимъ убо ему награжденіе, какъ должно второе.

Тако

Тако рекъ и вси явились согласны хопѣнію его; но Антилохъ сынъ великодушнаго Нестора воставъ, праведно отвѣщалъ вопреки тако: О Ахиллъ! велѣ миѣ содѣлаеши огорченіе, когда исполниши швое слово; ты долженъ опѣяши у него награжденіе: ибо повредилася его колесница, умедлили кони и самъ бывъ сильный не моглъ управити ихъ. Подобало убо ему молиши боговъ, дабы не явишься послѣднимъ къ воспріятію награжденія. Но когда милосердствуеши и хощеши сотворити ему воздаяніе, имѣеши въ сѣни швоей много злаша и мѣди, изобилуеши овцами, суть у тебѣ рабыни и иное лучшее награжденіе; отъ всѣхъ сихъ можеши наградити его послѣ или нынѣ да похвалятъ тебя Ахейяне, коня же принадлежащаго миѣ никому не уступлю; и кшо хощетъ за него со мною сразитися, да изыдеши испыташи крѣпость рукъ своихъ.

Тако рекъ; мужественный же Ахиллъ разсмѣялся благодаря Антилоху; ибо любезный другъ его былъ, на слова же его отвѣщалъ тако: Антилохъ! когда повелѣваеши другое сотворити ему воз-

даянїе, скоро совершу сіе: дамъ ему на-
грудникъ златый, коего краи сушь отъ
блистающаго олова и воистинну будешь
достоинъ его.

Реклъ и абїе повелѣлъ возлюблен-
ному Автомедонту извести отъ сѣни
общанное; кой отшедъ скоро принеслъ
и отдалъ въ руки Евмилу, сей же при-
нялъ благодаря.

По семъ воспалъ Менелай болѣзную
сердцемъ, коего жестоко раздражилъ дер-
зновенный Антилохъ. Превозвѣстникъ по-
давъ Менелаю жезлъ повелѣлъ молчаши
Аргивянамъ; самъ же богоподобный мужъ
начинаетъ тако: Антилохъ! что со-
творилъ ты предо мною? поругалъ ты
мужество мое, воспрепятствовалъ въ
печенїи моимъ конямъ, предпочитая сво-
ихъ много худшихъ. Но вы Аргивскїи
вожди и князи положите судъ между
обими нами, не творя помощи, да не
речетъ кто послѣ отъ Ахейнъ: се Ме-
нелай насильственно обидѣлъ Антилоха,
отбѣявъ положеннаго въ награжденіе коня;
Антилоховы же дони много лучши были,
и самъ крѣпостію и мужествомъ прево-
сходилъ Менелая. Сошворю убо я самъ

и

и мню, что никто на меня за оный не возропщетъ: ибо праведно все будетъ. Аншилохъ! приближися ко мнѣ какъ должно. Ставъ предъ коньми швоими и предъ колесницею возми бичъ, коимъ прежде погонялъ ты коней и клянися окружающимъ землею Посидономъ, что ты не по желанію и не коварствомъ воспрепятствоваша тебѣ колесницы моя.

Такъ рекъ; Аншилохъ же на сіе отвѣщае ему тако: О царь Менелай! прости мнѣ нынѣ; ибо я много младшій тебя есмь, ты же превосходиши меня и лѣтами и честію; ты вси, какія младаго человека бывають прoderзосши; острѣйшія суть мысли его, но слабы разсужденія. Буди убо терпѣливъ; коня же онаго самъ тебѣ отдаю, и ежели что большее востребуеши изъ дому моего, воистинну лучше желаю отдашь, нежели лишитися твоего сердца и вся дни быти предъ богами ненавистнымъ. Рекъ и абіе приведе коня отдае его въ руки Менелая, коего сердце возрадовалоса тѣмъ. Аки роса ниспадающая во дни солнечнаго зною ободряетъ класы расшундаго житя: тако швоа о

Менелай возвеселилася душа и паки на сіе Атреевъ сынъ отвѣщалъ :

Антилохъ ! нынѣ самъ я уступаю тебѣ во гнѣвъ моемъ, видя разумное твое послушаніе и разуму покорствующую младость : похвальнѣе есть швориши старшимъ охраненіе, нежели соплепать сѣши. Воистинну инной кто не толь скоро могъ бы прекрашши гнѣвъ мой; но ты, мудрый отецъ твой и брашъ много понесли и претерпѣли меня ради, повинуюся убо моленію твоему и отдаю коня по истиннѣ мнѣ принадлежащаго, да уразумѣютъ вси, что духъ мой никогда не гордъ и не жестокъ. Рекъ и абіе вручилъ коня Ноимону другу Антилохову, самъ же взялъ мѣднй котелъ.

Четвертый Миріонъ получилъ въ награжденіе два шаланша злата.

Пятое награжденіе оставалася чаша, кошую Ахиллъ воспріавъ чрезъ все собраніе понесъ и приближася къ Нестору вѣщаетъ: Великій мужъ ! почтеннѣйшій старче ! пріими и ты сей даръ въ память гогребенія Патроклова : зане не уврѣши уже его ошъ нынѣ между Аргивянами.

вянами. Сіе же награжденіе даю тебѣ шунѣ; ибо ни на какій подвигъ не выйдши со Ахейянами ниже похвалишися предъ ними крѣпостію рукъ, или скоростію ногъ, или стрѣляніемъ или искусствомъ въ борбѣ: зане многотрудная спарость обладаетъ уже членами твоими.

Тако вѣщая подаетъ ему чашу, которую пріѣвъ съ радостію Несторъ ошѣщалъ: Сыне! воиспипну все сіе реченное тобою праведно есть: уже оскудѣла крѣпость колѣнъ, и рамена движущся медлительно. О ежели бы я шако младъ былъ и толико силы мои возрастали бы, какъ когда въ Вупрасѣ царя Амаринкея погребали Епеяне, сыны же царскіе при подвигъ положили награжденіе. Тогда никакій мужъ не явился мнѣ равнымъ, ниже ошѣ Епеянъ, ниже ошѣ Пиліянъ, ниже ошѣ храбрыхъ Еполянъ: шамо побѣдилъ я сильнымъ удареніемъ руками Инопова сына Клитомидея; бореніемъ повергъ Анкея Плевронскаго; легкостію ногъ посрамилъ храбраго Ификла; копьемъ превосшелъ Филея и Полидора; коньми токмо предупредили меня сыны Акшоріоновы побѣждающе множество завистію,

вистію, въ томъ наипаче, что уже многія отъ нихъ отбѣяль награжденія; ристашели же оныя были близнецы и единъ отъ нихъ управляль коньми, другіе же погонявъ ихъ. Таковъ я былъ нѣкогда! нынѣ юноши покажише толкѣ дѣла! я же долженъ и по нехотѣнію покориться многоболѣзненной и печальной старости, тогда и я между пресловутыми рашаами былъ не послѣдній. Даръ же сей о Ахиллѣ пріемлю со благодареніемъ, и радуется сердце мое, что всегда памяшуеши о моемъ усердіи, и что не забвешь въ почитаніи, какое пристойно мнѣ воздаватися отъ Аргивянъ; тебѣ же за сія да подадутъ боги велію свою милость.

Такъ рекъ Несторъ; Ахиллѣ же выслушавъ похвалу его и опшедъ во множество князей, пакы предложилъ имъ шрудившій подвигъ: единому противъ единого сражаться руками; въ награжденіе побѣдишело привелъ шестилѣтнюю неукрощенную и не удобъ могущую укротиться ослицу, побѣжденному же круглую чашу.

Спавѣ же между Аргивянами вѣща-
етъ: Сыны Атреевы и вы Аргивскіе кня-
зи! повелимъ двумъ избраннымъ мужамъ
сразишися руками, и тогда вси позна-
ютъ Ахеяне, кому Аполлонъ свою сла-
ву подастъ, шотъ въ награжденіе прі-
метъ сію способную ко трудамъ ослицу;
побѣжденный же да возыметъ чашу.

Тако рекаъ Ахиллъ; и се вѣе исхо-
дитъ мужъ крѣпкій и великій довольно
искусившійся въ шаковыхъ сраженіяхъ
Епій сынъ Панопеевъ; положивъ руку на
ослицу вѣщаетъ: да изыдетъ на мѣ-
сто сіе, кто желаетъ получиши чашу;
сію же ослицу, мню, что никто изъ
Аргивянъ кромѣ меня не возметъ: ибо
могу похвалишися знаніемъ и крѣпостію
рукъ моихъ; довольно, что признаю себя въ
нашоящей брани быти не неискуснымъ:
ибо нѣсть человека, кой бы во всѣхъ
дѣлахъ моглъ изученнымъ быти; сопро-
тивнику же моему что возвѣщу, то и
сочиню: разорву тѣло его и сокрушу
кости. Да предстанутъ убо съ нимъ
купно и попечители, кои бы изнесли
его смирившагося подъ руками моими.

Тако

Тако рекъ и вси умолкли; единъ знаменишый мужъ Евріалъ воспротивилъ ся ему: Евріалъ сынъ Микистея сына Талаонова, кой вѣкогда приходилъ въ Оивы на погребеніе Идипова сына, и тамо побѣдилъ всѣхъ Оивянъ. Пресловушый ратоборѣцъ Діомидъ желая сему ошъ всего сердца побѣды увѣщевалъ его, и самъ имѣлъ о немъ попеченіе: во первыхъ препоясалъ его поясомъ; по томъ далъ ему крѣпкія ремни.

Се препоясаны два сильные вишязя являющся посредъ подвига: направляющъ мышцы крѣпкія, простирающъ руки сильныя, спекаются оба совокупно; смѣшались руки, падушъ удары тяжкіе, звучащъ челюсти дебелия, ошъ всѣхъ членовъ истекаетъ потъ великій. Се успрямляется божественный Епій, тяжело поражаетъ Евріала въ ланиту; не долго стоялъ ирой сильный, ослабѣли вѣ составы. Аки рыба во время бурнаго Ворея отрѣзаема бываетъ отъ берега, немная же вода покрываетъ оную во глубинѣ моря: тако сильнымъ удареніемъ отринутъ былъ Евріалъ. Великадушный Епій воздвигнувъ его отъ земли отдалъ

совоинственникамъ, кои повели его зыблющагося на ногахъ, изрыгающаго кровь черную, вращующаго главу на всѣ strany; изведши отъ множества посадили близъ себя лишившагося памяти, и вскорѣ принесли ему чашу.

По семъ Ахиллѣ предлагаетъ престо награжденіе желающимъ искушиться борьбою; побѣдителю даетъ великій треногъ способный ко огню, и Ахейне цѣнили его цѣною въ дванадесять воловъ; побѣжденному же представилъ жену знающую дѣла приличныя, которую цѣнили въ четыре вола. Спавъ же между Аргивянами вѣщаетъ: восшаните, кто хочетъ искушиться и за сіе награжденіе.

Такъ рекъ; и се исходитъ великій Еантъ сынъ Теламоновъ и хитроковарный Одиссей; препоясаны являются посредъ подвига; взаимно емлются крѣпкими руками; аки добрый древодѣлецъ созидающій домъ крѣпко соединяетъ бревна, дабы избѣжать нападенія вѣтровъ; тако два сильные ирои восхищали другъ друга, печетъ отъсюду потъ, хребты и рамена кровавыми покрылись пятнами; каждый желаетъ себѣ побѣды, но ни Одиссей,
Еанша,

Еанша, ниже Еаншъ Одиссея многое время не можешъ преодолѣши, и когда узрѣли досадующихъ о семъ Ахейнъ, тогда Еаншъ рекъ: богорожденный сынъ Лаершовъ премудрый Одиссей! или побѣждай, или мнѣ сотвори побѣду. Тако рекъ подѣмлетъ его, Одиссей же ударяетъ Еанша по бѣдрѣ и повергаетъ на землю, самъ падетъ на перси ему; удивилося все множество. Но семъ паки хошетъ повергнути его Одиссей, но подѣяти не могъ; и тако сплешеными взаимно ногами обое падутъ на землю. Паки вставъ, шрешіе хотѣли начати, но Ахиллъ удержавъ вѣщая: не препирайшеся болѣе и не мучишеся всуе, равная побѣда обоемъ, равное и награжденіе пріавъ ошдыше, дабы и прочіи Аргивяне имѣли время подвизашися.

Тако рекъ и повинулись, хотѣнію его; ошерли прахъ и облеклися во одежды. Ахиллъ паки иныя предлагаетъ награжденія за скорость ногъ. Первому серебряную хитросодѣланную чашу вѣщающую шесть мѣрѣ, красою же превосходила всякое хитрое искусство на землѣ; зане мудрые Сидоняне оную дѣлали

дали, Финикіане же преплывая море при-
пекли во пристанища царя Феоанта и
поднесли ему въ даръ; Евней же сынъ
Іасоновъ далъ Патроклу во искупленіе
Ликаона сына Пріамова. Сію шогда по-
ложилъ въ награжденіе подвиговъ и въ
память возлюбленнаго своего друга. Вто-
рому великаго и ушученнаго вола; прес-
тѣму полшаланта злата. Ставъ же
между Ахейнами вѣщаетъ: востаните,
кто уповаетъ на быспрошу ногъ своихъ.

Тако рекъ, и абѣ является на по-
двигъ Еантъ сынъ Илеевъ, за нимъ слѣ-
дуеъ блгій совѣтникъ Одиссей; по немъ
исходитъ Антилохъ сынъ Несторовъ;
ибо онъ всѣхъ юношей побѣждалъ скоро-
стію ногъ. Сшали вси въ порядокъ, Ахиллъ
же показалъ предѣлъ шеченія ихъ. Вскорѣ
по семъ первъый мещетъ Еантъ, за нимъ
устремился вѣло близко Одиссей ударя
слѣдами во слѣды и дыханія испуская на
главу его; народъ же воздвигъ великія гла-
сы, желая ему побѣды, и воплемъ ободряла
посшигающаго. Когда же приближались
уже къ концу шеченія, Одиссей молиъ во
умъ своемъ премудрую Аѳину: услыши о
богиня! снйди ко мнѣ во благое вспоможе-
ствованіе.

Тако рекъ и услышала моленіе его божественная Паллада; руки, ноги и всѣ члены его содѣлала легкими. Когда же шоль близко было шеченіе ихъ, что узрѣли награжденіе, тогда Еантъ тако содѣйствующей Палладѣ, поползнувши-мися ногами падешъ на мѣстѣ, гдѣ про-липа была кровь закланныхъ воловъ при погребеніи Патрокла; уста и ноздри наполнилися оною кровію. Тѣмъ време-немъ Одиссей предваривъ его пришекъ и взялъ чашу; Еантъ же пришедъ восхи-щилъ вола за роги очищая кровь и ко Ахейнамъ вѣщая тако: о koliko вре-да содѣлала ногамъ моимъ богиня Пал-лада, которая всегда аки матерь пред-спіюишь и вспомошествоуетъ Одиссею.

Тако рекъ и всѣхъ тѣмъ подвинулъ къ смѣху. Антилохъ же послѣднее вос-пріалъ награжденіе вѣщая ко Аргивя-намъ тако: свѣдущимъ намъ всѣмъ реку, други мои, что и нынѣ боги почитаютъ старшихъ людей; Еантъ мало старше меня лѣтами, Одиссей же древняго по-рожденія и перьвыхъ людей, и уже на-рицаютъ его пресстарѣлымъ, но никто отъ Ахейвъ предъ нимъ легкостію ногъ похва-

похвалишися не можешъ кромѣ Ахилла,

Такъ рекъ и сотворилъ почтеніе божественному Ахиллу; кой отвѣщае ему: не тщетная и тебѣ воздастся похвала, но се даю тебѣ полшаланша злата.

Такъ вѣщая подаетъ ему злато; Ахиллохъ же пріимъ оное радуся.

Ахиллъ паки износитъ великое копье, щитъ и шлемъ, оружіе царя Сарпидона, кое отъялъ Патроклъ убивъ его; ставъ же посреде Аргивянъ вѣщаетъ: да изыдутъ избранные два мужа облеченные во броню и со оружіемъ, взаимно испытати предъ всѣми нами силу своихъ, и кто предупредивъ пронзитъ броню, посѣчетъ тѣло, и прикоснется внутренностямъ, сему дамъ серебряный мечъ Фракійскій, кой пріобрѣлъ я въ корысть отъ убіеннаго мною же Астеропея; сіе же оружіе да будетъ имъ общее, и предложу имъ въ сѣни моей вечерю изобильную. Такъ рекъ, и се является великій Евпѣи сынъ Теламоновъ, за нимъ исходитъ мужественный Діомидъ. Посреде же всего множества облечшихся во крѣпкую броню, стали единъ сопротивъ единому всѣмъ сердцемъ го-

швы сражались, страшные другъ на друга мещутъ взоры; ужасъ объялъ всѣхъ Ахейнъ; стекающія дыша влобою; троекратное творятъ нападеніе, троекратное творятъ усурменіе; и се великій Кантъ пронзаетъ копіемъ твердый Діомидовъ щитъ; но шбу его не прикоснулся, зане воспрепятствовала крѣпкая мѣдная броня, Діомидъ же всегда направлялъ остріе копія поверхъ щита Кантова на выю его. Ахейне бояся лишиться толь великаго воинственника, повелѣли преставъ пріяти обоимъ равное награжденіе. Тогда Ахиллъ подавъ ему мечъ со влагаищемъ и со опоясаниемъ, паки предложилъ метаніе круга, коимъ прежде металъ царь Іетіонъ, и коего убилъ божественный Ахиллъ; кругъ же оный со прочими стяжаніями принеслъ на корабляхъ.

Ставъ же между Аргивянами вѣщаетъ: изыдите и сей родъ сраженія испытайте хотяще: побѣдишело въ награду дастся сей кругъ: аще имать пространныя пучныя поля; пасыри его и пахари не возымѣютъ нужды оставя свои стада и поля ходити во градъ и купити

пищи жельза, зане довольно будутъ
нимѣши онаго ошъ круга сего на пять
годовъ.

Тако рекъ и исходитъ воинствен-
ный Полипитъ, за нимъ крѣпкій Леон-
тѣй, Еантъ сынъ Теламоновъ и муже-
ственный Епій. Снали всѣ въ порядокъ;
и первый Епій пріемлетъ кругъ и вра-
щая его мечетъ; засмѣялися вси Ахе-
яне; впорый пушаетъ отрасль Ареева
Леонтѣй; третій мечетъ великій Еантъ
сынъ Теламоновъ, ошъ крѣпкія же руки
его метаніе превосходитъ прочихъ. Но
когда пріялъ кругъ, воинственный По-
липитъ, шоліко метаніемъ превосшелъ
все назначенное подвига мѣсто, колико
мужъ пасущій спадю мечетъ жезлъ,
кой вращаяся прелетаетъ спада воловъ.
Все множество возопило, совоинственники
же Полипитовы воставъ отнедали цареву
награжденіе къ кораблямъ.

Ахиллъ пакы предложивъ стрѣлы,
полагаетъ и награжденіе, десять вели-
кихъ и десять малыхъ сѣкиръ, далече
на песокъ постановилъ корабельное дре-
во, привязавъ же на немъ тонкою вервю
за ногу голубя, повелѣлъ стрѣляти въ

него, и кто убьетъ голубя, шотъ всѣ великія сѣкиры понесешъ во свою сѣнь; кто же не улучивъ пшцы, прикоснется верви шокмо, шотъ возмешъ малыя сѣкиры.

Тако рекъ; и исходитъ сильный царь Тевкръ, ему послабуетъ Миріонъ вѣрный сонутникъ Идоменеєвъ. Начинающъ метати во шлемъ жребій, кой и падетъ на перьнаго Тевкра; вскоръ пушаетъ острую стрѣлу, но царю Аполлону не общалъ принести отъ первородныхъ агнцовъ жертвы; и тако не улучилъ пшцы, зане Аполлонъ ему воспрепятствовалъ, прикоснулся же верви шокмо близъ ноги, копорая была привязана; вскоръ пресѣченная вервь горькою стрѣлою, ниспустилася на землю, голубъ же возвышается къ небу. Возопиши Ахейне; Миріонъ со скоростію восхищаетъ лукъ, стрѣлу же давно готовую держалъ: вскоръ стрѣломещущему Аполлону общаетъ принести знаменитую жертву отъ агнцовъ первородныхъ; узрѣвъ же голубя высоко подъ облаками, пушаетъ острую стрѣлу и поражаетъ онаго подъ крыло. Стрѣла падетъ

падесть предъ ногами Миріона, птица же
сбѣ на древѣ корабельномѣ низвѣсила
выю, рассыпалось перье и вскорѣ духъ
отъ членовъ излестѣль, тѣло же далече
отъ древа ниспало; удивился народъ,
кудно и ужаснулся. И тако Миріонъ
взялъ десять великихъ сѣкиръ, Тевкръ
же десять малыхъ опнеслъ въ корабли
свои. Ахиллъ пакы износитъ велико копѣе
и новый пошелъ цѣною въ единого вола;
и воспали мужи искусные въ стрѣля-
ніи, первый пространновладѣющій царь
Агамемнонъ, вперый слуга Идоменея
Миріонъ. Ахиллъ же къ нимъ выдвѣсть:
Сынъ Лпреевъ! знаемъ колико превосхо-
диши всѣхъ крѣпостію силъ и стрѣля-
ніемъ; прѣими убо сіе награжденіе оп-
ходя въ корабли твои, Миріону же даю
копѣе, когда твоему сердцу угодно я же
хощу.

Тако рекъ и повинужся ему царь
мужей Агамемнонъ; Миріону же далъ мѣд-
ное копѣе; далъ также и провозвѣстни-
ку Талейню прекрасное награжденіе.

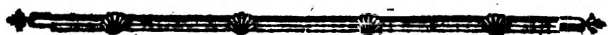

ОМИРОВОЙ ИЛІАДЫ

ПѢСНИ ДВАДЕСЯТЬ ЧЕТВЕРТОЙ И
ПОСЛѢДНЕЙ.

С о д е р ж а н і е.

Юпитеръ имѣя колеченіе о Ехторѣ, Фетиду посылаетъ хъ сыну ея Ахиллу, дабы онъ отдалъ шло Ехторово; Ириду же посылаетъ ко Пріаму, дабы принеся Ахиллу дары искупленія, шло же сына взявъ бы Пріамъ препровожаемый Ерміемъ, зой на Греческихъ стражей навелъ глубокой сонъ, приходитъ ко Ахиллу и умоливъ его пріемлетъ сына, относитъ его во градъ, погребаетъ, и гражданамъ предлагаетъ пиръство великое.

П Ъ С Н Ъ XXIV.

О М Е Г А.

Озковчаннымъ бывшимъ подвигамъ, народы разсѣялися каждый ко своему кораблю, и тамо пріугошова себѣ вечерю наслаждалися пріятнымъ сномъ. Ахиллъ же воспоминаая о любезномъ своемъ

онъ другъ не преставаѣ отъ слезъ, ниже сонъ вся смиряющій могѣ прекло-
 нити его, но вращался сюду и сюду
 нмѣя въ сердцѣ Патроклово мужество и
 крѣпость, коликѣ знаменитыхъ дѣлъ по-
 казалъ, коликѣ вкушъ съ нимъ постра-
 далъ бѣдствій, неоступно съ нимъ ве-
 здъ былъ на брани и во многобѣдствен-
 ныхъ морскихъ волнахъ. Сіе все поми-
 ная проливалъ слезы и лежалъ ово на
 боку, ово на хребтѣ, ово на персяхъ.
 Тогда паки вставъ обращался взирая
 съ печалію на брегъ моря и видѣвъ зарю
 освѣтившую море и всѣ брега. Но ко-
 гда онъ запрегъ коней подъ колѣсницу,
 и Ектора привязалъ позади оныя, три-
 жды влачилъ его окрестъ Патроклова
 гроба; самъ паки вшедъ въ сѣнь почилъ
 отъ трудовъ; Ектора же оставилъ на
 пескѣ тамо распростертаго, лежащаго
 на чревѣ. Аполлонъ милосердствуя о
 мертвомъ, отъвратилъ всякое отъ него
 поношеніе покрывъ шѣло его златымъ
 щитомъ, дабы не было раздираемо вла-
 ченіемъ. Милосердствовали о немъ и про-
 чіи боги взирая и молили добраго согла-
 дашся Ермія да похищитъ его; всѣмъ

безсмертнымъ сіе угодно было кромѣ
 Иры, Посидона и Паллады, кои тако
 были огорчены какъ съ начала ненави-
 сненъ имъ былъ градъ Трояскій, царь
 Пріамъ, народъ и сынъ его Александръ,
 кой пришедшихъ нѣкогда сихъ богинь
 въ кушу его презриль, воздалъ же по-
 хвалу шой, которая послала ему горе-
 стное сладострастіе. Когда же двана-
 десятая явилася денница, тогда свѣто-
 носный Аполлонъ ставъ посреда безсмер-
 тныхъ вѣщаетъ: Вредоносные боги! не-
 благодарни вы естѣ; не вамъ ли нѣко-
 гда Екторъ въ жертву сожигалъ туч-
 ныхъ воловъ бедра и цѣлыхъ козъ? Ны-
 нѣ же уже мертва суща не хотите за-
 щитами его, дабы узрѣли жена, ма-
 терь, сынъ, отецъ и народъ, кои во-
 исшинну вскорѣ сожгли бы его огнемъ и
 достойное воздали бы повинованіе. Но
 вы хотите помогати зловредному Ахил-
 лу, коего ниже разумъ достоинъ похвалы,
 ниже сердце преклонно естъ. Аки левъ
 совѣщевая въ сердцѣ токмо лютость,
 надменнымъ духомъ и нося во умѣ вели-
 кое насиліе идетъ во овчія стада вос-
 хищшии шамо виду себѣ: тако Ахиллъ
 погу-

погубилъ всякое милосердіе, ниже имѣетъ онъ стыда, кой людямъ зло бываетъ и вредный и полезный. Или никто не лишается возлюбленныхъ своихъ или единоушробнаго брата или сына, но воистинну плакавъ и рыдавъ довольно, на конецъ забываетъ печаль? Терпѣливый духъ данъ есть человѣку. Ахиллъ же убивъ Ектора привязываетъ его къ колесницѣ и влачитъ окрестъ гроба Патроклова. Воистинну не прилично ему творити сіе хотя и силенъ есть. Прогнѣваемся убо и мы на него: зане злобствуя, бесчувственной землѣ творишь поруганіе.

Прогнѣванная Ира отвѣщала ему на сіе: да будетъ слово твое тако стрѣломещущій! но равную ли воздаете честь Ектору и Ахиллу? Екторъ есть человѣкъ подлежащій смерти и сосцами воспитанъ жены смертныя; Ахиллъ же есть порожденіе богини, которую я сама воспитала и возрастила и отдала въ жену Пилею, кой любимъ былъ безсмертными, и всѣ были на бракъ ихъ; пиршествовалъ и пы тамо съ твоею свирѣлю, о соучастникъ непоtreбныхъ! о всегда невѣрный.

Пого-

Погоняющій облаки Юпитеръ отвѣ-
щая реклъ ей: Ира! не вовсе гибайся
на боговъ: не равная Ахиллу и Екшо-
ру честь будетъ, но Екторъ любезнѣй-
шій былъ богамъ паче всѣхъ человѣкъ
обитающихъ во Троянской странѣ, та-
кожде и мнѣ; зане никогда не оставилъ
меня безъ даровъ, ниже оскудѣлъ ол-
тарь мой отъ жертвы, шука и прино-
шенія: ибо сія честь подобаетъ намъ.
Но Ектору тайно отъ Ахилла похи-
щену быти не хочу, и не возможно;
зане всегда день и ночь пребываетъ съ
нимъ мать. Но кто отъ боговъ при-
зовешъ ко мнѣ Ѳетиду, да нѣкое благое
слово возглаголю къ ней: да приметъ
Ахиллъ отъ Пріама дары, Екшора же
да отпуститъ.

Тако реклъ и абіе воздвиглася бур-
ноногая Ирида возвѣстити сіе: пришедъ
же посреда Сама и Имвра падетъ во глу-
бину моря аки свинцовое ядро положен-
ное въ рогъ вола нисходитъ на дно пло-
тояднымъ рыбамъ нося смерть. Тамо
Ирида обрѣшаетъ во пространной пе-
щерѣ Ѳетиду сѣдящую посреда иныхъ
многихъ морскихъ богинь и оплакиваю-
щую

щую дражайшаго своего сына смерть, которая должна ему приключиться во плодоносной Троѣ, далече отъ отечества. Быстроотекущая Ирида сшавъ предъ нею вѣщаетъ: Воспани Ѳешида! се отецъ премудрыхъ совѣтовъ сильный Юпитерь зоветъ тебя!

Серебряноногая богиня Ѳешида отвѣщала ей: Что хочетъ мнѣ повелѣти сей великій богъ? стыжуся быти между безсмертными: ибо ношу въ сердцѣ моемъ неисчетныя печали; но иду и исполню все что ни повелитъ.

Такъ божественная рекла Ѳешида; и абіе возьметъ черный покровъ, коего черняе никакая одежда не можетъ быти: емлется пути, предшесивуешь же ей вѣтреноногая Ирида; скюду и скюду окрестъ ихъ раздѣляется вода морская. Восшедъ на брегъ скоро подьемающся на небо; тамо обрѣтають простиранивидящаго Кронова сына, окрестъ же собранныхъ сѣдящихъ блаженныхъ присносущныхъ боговъ; сѣла близъ отца Юпитера уступившей мѣсто Аѳинѣ; Ира подала ей златую чашу и увеселила словами.

Когда Ѡетида пивъ нѣсколько опѣ чаши отдала оную Ирѣ, тогда отецъ боговъ и человѣковъ начинаетъ къ ней тако: Богиня Ѡетида! что тако смущенна возшла ты на Олимпъ, нося въ сердцѣ несстерпимыя болѣзни? Знаю я и самъ. Но внуши, какія ради вины повелѣлъ я воззвати себя къ намъ: девять дней уже продолжается между безсмертными распря за тѣло Екшорова и за градоразрушителя Ахилла. Многіе воздвигли соглядая Аргоубійцу, дабы онъ похищилъ тѣло Екшорова; но я славу сію храню Ахиллу соблюдая почитаніе и дружество ко мнѣ твое. Но ты убо скоро иди ко Ахейскому воинству и возвѣсти сыну твоему гнѣвъ боговъ; паче же всѣхъ я преогорченъ имъ: зане гнѣвомъ неистовствуя, донинѣ Ектора держишь при корабляхъ и не отпускаешь; нынѣ поне меня единого да устрашитъ и да отпустишь Ектора. Я же къ великодушному Пріаму пошлю Ириду, дабы онъ шедъ къ кораблямъ Ахейскимъ искупилъ сына своего принеся ко Ахиллу дары могущіе увеселиши душу его.

Тако

Тако рекъ и повинулася ему морская богиня Фетида: скоро нисшедъ отъ высоты Олимпа приближалася къ сѣни сына своего; обрѣтаетъ его внипрь оныя болѣзненно стѣнящаго, окрестъ же его многихъ друзей усердно трудящихся и пріуготовляющихъ ему обѣдъ: шамо закланная лежала великорунная овца.

Почтенная матерь приближася къ сыну сѣла и взявъ его за руку вѣщаетъ: Чадъ мое! доколь плача и болѣзнуя будиши сѣдати сердце твое забывъ плещу и сонъ? полезно въ печали и любовію насладишися съ женою: ибо жизнь твоя крапика, и уже приближается смерть и неминуемая судьба; но внуши моимъ словамъ; зане отъ Юпитера послана я возвѣстити тебѣ: глаголетъ онъ, что боги на тебя гнѣваются, паче же всѣхъ безсмертныхъ онъ тобою преогорченъ есть, зане ты во гнѣвѣ не исповствуя, Ектора донынѣ держиши при корабляхъ и не отпускаеши. Отпусти убо, пріавъ дары искупленія.

Быстроногій сынъ ея Ахиллъ отвѣщалъ: да прійдетъ кто, и принесши дары да возметъ отъ меня тѣло Екторово,

рово, когда тако угодно зришся всесиль-
ному отцу боговъ.

Тако мать и сынъ разглагольство-
вали между собою. Юпитеръ же при-
звавъ Ириду посылаетъ во священную
Трою вѣдая тако:

Скоротекущая Ирида! оставя пре-
бываніе Олимпа теки во Трою и тамо
возвѣсти великодушному Пріаму, да ис-
купитъ возлюбленнаго своего сына тѣ-
ло, принесши Ахиллу дары могущіе у-
веселити душу его. Да идетъ же къ
кораблямъ Ахейскимъ единъ, и да не
возметъ никого съ собою отъ Троян-
скихъ мужей; токмо да послѣдуетъ ему
снаршій провозвѣстникъ, кой будетъ
управляти ословъ и колесницу и паки
принесетъ во градъ Екшорово тѣло, да
не будетъ же ему страхъ какій въ серд-
цѣ, ниже да убоятся смерти: ибо дамъ
ему пушеводителя, самаго Аргоубійцу
Ермія, кой предвидетъ предъ нимъ,
доколь введетъ его въ шатеръ Ахил-
ловъ. Тамо да отринетъ всякую бо-
лезнь: ибо самъ не убіетъ и прочимъ всѣмъ
запретитъ: зане не безуменъ есть, ниже
продерзкій, ниже злобный, но зѣло
усердно

усердно тщится пощадиши мужа покорствующаго.

Такъ рекъ Юпитеръ; скороногая же Ирида абѣ мещется отъ Олимпа, нося возвышеніе отца боговъ. Пришедъ ко Пріаму, зришь вездѣ рыданіе и сшонъ: сыны окреснѣ отца сбѣдѣши въ чертогѣ, омочали одежды свои слезами; самъ же старецъ посредѣ ихъ лежалъ обвертѣвшися весь долгою ризою; на главѣ же и выи его многія были нечистоты, кои самъ своими руками посыпалъ ваяаяся на землѣ; дочери его и невѣстки весь домъ наполняли плачевнымъ воплемъ воспоминавъ тѣхъ, кои тогда многіе и храбрые лишася живота пали подъ руками Аргивскими. Юпитерова посланница ставъ предъ Пріамомъ вѣщаетъ ему краткими словами: (ибо трепетъ объялъ члены его) Пріамъ, сынъ Дардановъ! дерзай сердцемъ и не устрашайся: зане пришла я къ тебѣ возвышшии, не влосе, но благое; я есмь Юпитерова посланница. Онъ хотя и далече отстоитъ, но милосердствуетъ и всякое о тебѣ имѣетъ попеченіе; повелѣваетъ же, да искуниши божественнаго Ектора, при-

Ш

несши

несши Ахиллу дары могущіе увеселиши душу его; да идещи же къ нему единѣ и никшо инный отъ Троянскихъ мужей, шокмо да послѣдуешъ съ тобою спаршій провозвѣстникъ, кой будетъ управляти ословъ и колесницу, и привезетъ во градъ шѣло сына твоего; да не будешъ тебѣ помышленіе о смерти, или инный страхъ какій: ибо пушеводишемъ тебѣ будетъ Аргоубійца, кой предвидетъ предъ тобою, доколѣ внидещи въ шатеръ Ахилловъ. Тамо да отринеши всякую болзнь: ибо самъ не убіетъ и прочимъ запретитъ. Зане не безуменъ есть, ниже продерзскій, ниже злобный, но зѣло усердно щипшся пощадиши мужа покоршвующаго.

Сіе возвѣсшивъ быстрошекущая Ирида возвратилася паки на Олимпъ; Пріамъ же повелѣлъ сынамъ угодоваши ословъ и колесницу и привязаши къ ней ковчегъ; самъ восходитъ въ высокій, благовоинный, кедровый чертогъ, въ коемъ многія досшойныя удивленія лежали дѣла, и призвавъ жену Екаву вѣщаетъ: Злополучная! присланъ былъ ко мнѣ отъ Юпитера вѣстникъ, дабы я шедъ ко Ахейскимъ

скимъ кораблямъ искупилъ возлюбленнаго моего сына принесши Ахиллу дары могущіе увеселиши сердце его; но скажи мнѣ, что ты помышляеши о семъ? Мнѣ же дерзновеніе и духъ зло совѣщаваютъ, да иду ко Ахейскому воинству и къ кораблямъ Ахилловымъ.

Такъ рекущу Пріаму возрыдала жена его: Увы! камо сокрылся разумъ твой, коимъ прежде процвѣталъ ты между пришельцами и гражданами твоими? Какъ хоцещи ити единъ къ кораблямъ Ахейскимъ предъ лице мужа, кой многихъ и храбрыхъ убивъ сыновъ твоихъ? Жельзное воистинну каменное въ шебѣ. Когда токмо возришь на тя сей мужъ невбръный и жестокій, воистинну не помилуешь ниже постыдишся убить тя. Будемъ убо оплакивати дражайшаго сына смерть пребывая въ домъ нашъ, когда шако всесильная судьба при рожденіи его положила, дабы растерзану ему быти отъ псовъ мужа кровожаждуща, коего, о ежели бы возможно мнѣ было напасть растерзати и съѣсти внутренняя его, тогда отмстила бы я за злодѣйство причиненное сыну моему: ибо

онъ убиѣ сладчайшее мое исчадіе никое же зло содѣлавшаго, но защищающаго Троянъ, женъ и чадъ ихъ, ниже помышляющаго о страхъ ниже о бѣгствѣ.

Престарѣлый царь божественный Пріамъ отвѣщалъ ей: не удерживай меня хотящаго ити и не буди въ моемъ домѣ пшницею предвѣщающею зло; не послушаю твоихъ совѣтовъ. Когда бы кто отъ смертныхъ или прорицатель, или жрецъ, или гадатель сіе мнѣ повелѣвалъ, воистинну могъ бы я нареши лжею и отрелся бы исполниши; нынѣ же самъ я видѣлъ и слышалъ глаголющаго ко мнѣ бога; иду и не останущся вошше глаголы его. Когда же опредѣлено мнѣ умрети при корабляхъ Аргивскихъ, желаю: ибо убіенъ буду держа во объятіяхъ сына моего, и довольно насышися слезами.

Такъ рекъ и отверзаетъ хитросодѣланные ковчеги; отшуду вземлетъ двадцать чешыре верхнихъ прекрасныхъ одеждъ, толико же и нижнихъ, двадцать чешыре великолѣпныхъ ковровъ, десять талантовъ злата, два премога, чешыре кошла, по семъ пріемлетъ чашу, кошо-

которую дали Фракіане во время по-
сольства его; великій воинстинну даръ,
но не пощадилъ и ея: ибо всѣмъ серд-
цемъ желалъ искупити возлюбленнаго
сына. Собравшихся же къ нему граж-
данъ всѣхъ отгонялъ отъ дому своего
жестокими понося словами: отыдите без-
судные, отыдите совѣщатели злыхъ!
еда мало въ домахъ вашихъ слезъ? По-
что о мнѣ печешеся? или ни вочто вмѣ-
няете болѣзни посланныя мнѣ отъ Юпи-
тера? Увы! лишился дражайшаго сына,
но скоро познаете и вы: по смерти его
мало будетъ Ахейнамъ труда плѣнити
васъ; мои же очи не узрятъ плѣненія ва-
шего и опроверженія града сего: зане
предварю снити въ домъ ада.

Тако вѣщая мещется на народъ съ
жезломъ отгоняя ихъ, и вси повинулись
гнѣву его. По семъ съ великимъ преще-
ніемъ поносятъ сыновъ своихъ: Елена,
Парида, Агаѳона, Паммона, Аншифона,
Полиста, Діофова, Иппоея и Агава, со
гнѣвомъ же повелѣвая вопіетъ: ускоряй-
те развращенные безчестные сыны! о
когда бы вси купно за единого Ектора
пали мершвы при корабляхъ Данайскихъ!

О злополучный! родилъ сыновъ храбрыхъ и послушныхъ, и мною, что ни единый не остался отъ живыхъ таковымъ, каковы были крѣпкій воинственный Мисторъ и храбрый всадникъ Троилъ; вы же лжецы, плясатели, любители пиршествъ, всенародные похитители агнцовъ и козловъ. Но доколѣ буду медлѣти ожидая колесницы? Скоро все сіе возложите на ословъ, да совершу путь мой.

Такъ рекъ; они же убояся прещенія отеческаго, скоро приготовили колесницу, изнесли отъ чертога богатые дары за главу Ектора, запрягли крѣпкихъ подъяремныхъ ословъ, коихъ нѣкогда Мислане дали Пріаму въ знаменитый даръ; Пріаму же подъ колесницу привели коней, коихъ самъ онъ въ домъ воспишалъ со всякимъ раченіемъ.

Такъ Пріамъ и провозвѣстникъ его пріуготовлялися, совѣщая между собою премудрые совѣты. Екава же смущеннымъ духомъ пришедъ къ нимъ, имѣя въ десницѣ златую чашу наполненную сладкимъ виномъ и ставъ предъ царемъ вѣщаетъ: Царю! пріими сію чашу и вкуси отъ нея въ честь Юпитеру отцу.

ду, и моли его, да здравъ возвратишися въ домъ отъ мужей злодѣевъ: ибо прошиво моего желанія влечетъ тѣя духъ твой ко Ахейскому воинству, и моли Кронава сына Идейскаго, кой на всю Трою призираетъ, моли его, да пошлетъ тебѣ въспника быструю птицу отъ десныхъ странъ летящую, которая паче всѣхъ птицъ любезнѣйшая ему, и коея сила есть величайшая; да узрятъ ея очи твои, и симъ предвѣщаніемъ обрадованъ пойдеши къ кораблямъ Аргивскимъ. Когда же пространновидящій Юпитеръ не пошлетъ тебѣ своего сего въспника; при всемъ твоимъ великомъ желаніи не совѣтую тебѣ ити къ Данайскимъ полкамъ.

Богopodobный Пріамъ отвѣщалъ ей тако: О жено! сіе твое завѣщаніе исполнити не ошрекуюся: заве благо есть воздѣваши руки ко Юпитеру, еда не помилуетъ ли. Реклъ и повелѣлъ рабыцѣ Таміи принести чистую воду: сія вскорѣ предстала со умывальницею. Царь умывъ руки, пріемлетъ отъ жены своя чашу; ставъ же посредѣ двора, съ моленіемъ вкусилъ отъ вина взирая на небо и тако вѣщая:

Препрославленный, величайшій отче Юпитеръ! дающій повелѣнiя отъ высокія горы Иды! пошли мнѣ вѣспника твоего, отъ десныхъ страны быструю птицу, которая тебѣ наче всѣхъ птицъ любезнѣйшая и сила ея величайшая есть, да узрѣвъ ея, обрадованъ пойду къ кораблямъ Аргивскимъ.

Тако рекъ моляся и услышавъ его премудрый Юпитеръ. Скоро послалъ совершеннѣйшую хищную птицу, чернаго орла летящаго отъ десныхъ страны. Колкая есть высота дверей въ пространномъ чертогѣ мужа богатаго, толико распростерты были крыла орли, узрѣвъ же его вси возрадовалися и сердца исполнилися веселiя. Царь Пріамъ скоро восходитъ на колесницу; отверзлися врата и востоналъ помостъ: напереді шли ослы носящiи на колесницѣ провозвѣспника и дары; позади же кони, коими управлялъ царь: преходятъ градъ; многіе провождали его други со слезами, аки на смерть идущаго. Пришедъ на поле обратилися паки во градъ сыны и вси ближніи его.

Юпитеръ узрѣвъ на пространномъ полѣ престарѣлаго царя Пріама, милосердствовалъ о немъ; а бже же призвавъ любезнаго сына Ермія вѣщаетъ къ нему: Ермій! знаю, что тебѣ паче всѣхъ пріятно есть вспомошествовати людямъ и страждущимъ въ несчастіяхъ. Иди убо днесъ, и препроводи царя Пріама къ кораблямъ Ахейскимъ тако, дабы никто не увидѣлъ и не позналъ его, кромѣ единого Ахилла, къ которому и приведешь его.

Такъ рекъ; и повинулся ему вѣстникъ Аргоубійца: вскорѣ привязываетъ подъ ноги сапоги злешые и вѣчные, кои носили его всюду чрезъ море и по пространству земли равно съ дыханіемъ вѣтра; по семъ пріемлетъ жезлъ, коимъ усыпляетъ очи мужей, ихъ же восхощаетъ, и паки возбуждаетъ отъ сна. Сей жезлъ имѣя въ рукѣ полетѣлъ сильный Ермій. Приблизився ко Троѣ и ко Еллиспонту, пріемлетъ на себя подобіе царскаго юноши, коего младость пріятна всѣмъ.

Пріамъ и провозвѣстникъ его пренеде великій гробъ древняго Ила, оша-

новили ословъ и коней при рѣкѣ для напоенія ихъ; убо уже темноша вечерняя приближалася на землю. Провозвѣстникъ узрѣвъ недалече стоящаго Ермія, вѣщаетъ ко Пріаму :

Внуши сыне Дардановъ! настоящее приключеніе пребуеѣ великаго разсужденія: се зрю мужа, и мню, что мы скоро погибнемъ; пошечемъ убо отъ него на коняхъ, или припадемъ къ нему и обымемъ колѣна, еда не помилуетъ ли.

Такъ рекъ провозвѣстникъ; устрашился Пріамъ и смутился духъ его, содрогнулись и вострепещали слабыя члены его; стоишъ изумленъ. Ермій приближився емлетъ его за руку и вопрошаетъ.

Камо ошче направляеши коней и ословъ твоихъ въ нощное время, когда вси смертныя спятъ? или ты не боишися враговъ и непріятелей твоихъ Ахейнъ, кои близъ тебя суть; когда же кто узритъ тя съ шолыкимъ богатствомъ грядущаго, что тогда помыслиши? Самъ уже ты не младъ еси, и послѣдующій тебѣ старъ есть; како убо можеше спрошывишися, когда кто

напа-

нападетъ обидѣши васъ? Но я тебѣ
никакого зла не содѣлаю, паче же за-
щитищу отъ обидъ: зане подобенъ ты
возлюбленному отцу моему.

Богopodobный царь престарѣлый Прі-
амъ отвѣщалъ ему. Любезный сыне!
воистинну тако суть сія; но еще
нѣкій богъ и меня покрываетъ рукою
своею, кой такого мнѣ пушеводителя
послалъ во срѣшеніе, какъ ты зриши-
ся шѣломъ и образомъ чудный и разу-
ма божественнаго. Блаженныхъ ты ро-
дителей исчадіе!

Божественный вѣстникъ Ермій паки
отвѣщалъ ему: воистинну сшарче ре-
ченное тобою есть праведно. Но повѣ-
дай мнѣ истинну: сіи многія и драгія
сокровища въ чужую ли землю посы-
лаеши, да тамо сохраняются цѣлы? или
вси вы отъ страха хотите оставити
градъ вашъ? Ибо убитъ уже сынъ твой
шоль знаменитый мужъ и много извѣ-
стный Ахейнамъ ратникъ.

Богopodobный царь, престарѣлый Прі-
амъ слыша сіе вопрошаетъ его: повѣ-
дай мнѣ; кто ты шоль знаменитый
юноша, и отъ какихъ родителей ро-
денъ

денѣ еси? Како совершенно знаеши о смерти злополучнаго сына моего?

Премудрый Ермій отвѣщалъ ему : како испытуеши меня и вопрошаеши старче о божественномъ Екторѣ? Многократно я сими очами видѣлъ его на страшной сей брани , и како онъ прогнавъ Ахейя даже до кораблей убивалъ ихъ тамо безъ пощады , разсѣкая и прободая остріемъ оружія. Мы же стоя удивлялися непреклоннымъ силамъ его: ибо Ахиллъ огорченъ бывъ Агамемнономъ не ошущалъ насъ на брань; я же слуга его , и на томъ же корабль съ нимъ приплылъ во страну сію; родомъ я Мирмидонянинъ; отецъ мой нарицаешся Поликторъ и имѣеши многія стяжанія , сшаростию же во всемъ подобенъ тебѣ; шесть сыновъ остались при немъ въ домъ , мнѣ же седмому палъ жребій , слѣдоваши во страну сію; нынѣ же отъ кораблей пришелъ я на сіе поле. Утру же бывшу паки Аргивяне воздвигнутъ брань окрестъ града вашего: зане праздность воинству Данайскому зрится тягостна , и цари Ахейскіе не могутъ воздержати желанія ихъ и стремленія ко брани.

Злопо-

Злополучный царь Пріамъ паки вопрошаешъ его: когда ты слуга божественнаго Ахилла, молю тя повѣдай мнѣ всю истинну; еще ли сынъ мой лежитъ при корабляхъ его, или уже разсѣченъ на части и преданъ на сѣденте псамъ?

Аргоубійца Ермій отвѣщаетъ ему: О старче! ниже псы, ниже пшицы когда либо прикасались къ тѣлу сына твоего, но донинѣ еще лежитъ при кораблѣ Ахилловомъ; дванадесятый уже день смерти его, но тѣло ни чѣмъ невреждено есть, ниже ядѣтъ его черви; шокмо Ахиллъ, когда божественная заря восходитъ, немилосивно влачитъ его окрестъ гроба Патроклова. Удивился бы ты и самъ узрѣвъ его, како лѣпообразенъ и не измѣненъ лежитъ; омыта кровь, и не обращеши нигдѣ нечистоты, затворились всѣ раны, кои возложены на него были: ибо многіе уязвляли его копіями. Тако шебѣ блаженные боги сохраняютъ сына твоего и мертва суща! ибо любезенъ былъ имъ и при жизни своей.

Такъ рекъ Ермій; старецъ же возрадовався духомъ отвѣщалъ ему: О чадо! воншинну благо естъ даяши богомъ приличные

личные дары; сынъ же мой никогда не забылъ въ жизни своей обитающихъ на Олимпѣ боговъ; сего ради вспомянули они его и во время смерти. Пріими убо отъ рукъ моихъ въ даръ себѣ прекрасную чашу сію и съ помощію боговъ приведи мя ко Ахиллову шапру.

Ермій паки отвѣщаѣ ему: старче! искушаещи мя младаго суща. Но не сотворю сего, дабы я принѣлъ дары твои тайно отъ Ахилла; спрашуся его всѣмъ сердцемъ и сиыждуся корыстолобствовать, да послѣ не постражду зла. Пушеводишемъ же готовъ я быти тебѣ даже во Аргивскую знаменитую страну моремъ ли или сухимъ путемъ, и не будетъ кто бы дерзнулъ при мнѣ какое либо зло содѣлати тебѣ.

Рекъ и абіе мещется на колесницу; воспріавъ же бразды и бичъ вдохнулъ конямъ и осдамъ великую крѣпость; скоро приближаются ко стражницамъ кораблей; переходящъ ровъ; шамо видящъ стражей шруждающихся окрестъ вечери. Ермій изливаетъ глубокий на всѣхъ сонъ, сокрушаетъ заперы, отверзаетъ врата, внутрь вводитъ Пріама со всѣми

ми дарами его, приближаются ко Ахиллову дому, кой создали ему Мирмидоняне отъ елевыхъ древесъ, окрестъ его содѣлали пространный дворъ со крѣпкимъ огражденіемъ, дверь же укрѣплена была единымъ дебелимъ запоромъ, кот его при зашвореніи и отворсшии дверей подымали три мужа, Ахиллъ же единъ.

Тамо Ермій открываетъ особъ дарю Пріаму, и низшедъ отъ колесницы на землю вѣщаетъ ему: О старче! знай! что я есмь безсмертный богъ Ермій посланъ отъ Юпитера препроводиши тебѣ; но я паки ошведу ниже явлюся предъ очами Ахилла: ибо завистно будешъ, шоль явю безсмертному богу любяши смертнаго человѣка. Ты убо вшедъ обими колѣна Ахилловы и ноги его опцемъ, прекрасною матерію и сыномъ, да тако преклониши сердце его къ милосердію.

Такъ рекъ полетѣвъ вѣстникъ Юпитеровъ на пресвышлый Олимпъ. Пріамъ низшедъ отъ колесницы на землю, оспавляетъ провозвѣстника своего на шомъ же мѣстѣ повелѣвъ ему держати коней и ословъ; самъ идетъ прямо въ домъ

изнутри онаго обрѣшаетъ Ахилла сѣдѣ-
щаго со друзьями своими; храбрый Авто-
медонъ и отроцъ Ареева Алкимъ пред-
стояему, служили; ибо многое уже вре-
мя не вкушалъ пищи ниже пища, по-
гда же еще предложенъ былъ столъ. Прі-
амъ невидимъ ошъ прочихъ, вшедъ въ
чертогъ и ставъ предъ Ахилломъ обѣ-
смлетъ колѣна его, лобызаетъ челоуѣ-
коубійственныя, и сильныя руки, кои
ошъ многихъ сыновъ его исторгли жи-
вотъ. Какъ когда кто содѣлавъ убій-
ство во отечественной землѣ, и спасая
свой животъ бѣжитъ въ чуждую землю
и ко иному народу, пришедъ же въ домъ
богатаго гражданина, всѣхъ зрѣніе об-
рацаетъ на себя со удивленіемъ: тако
Ахиллъ изумился увидѣвъ богоподобнаго
Пріама; удивлялися и прочіи другъ на
друга взирая. Пріамъ стоя предъ Ахил-
ломъ на колѣнахъ молилъ его тако:

Богоподобный Ахиллъ! воспомани оп-
ца твоего достигшаго таковыхъ же, какъ
и я, лѣтъ, и стоящаго на прагъ рав-
ныя со мною старости. Кто вѣдаетъ
не прешериваетъ ли онъ далече оп-
судствующу тебѣ и не страждетъ ли
ошъ

отъ сѣбѣднихъ мужей каковыя либо обиды, защищающаго же не видишь никого; но токмо радуешься сердцемъ, слыша, что ты обрѣтаешься живъ, и всякій день уповаешь видѣти любезнаго своего сына возвращающагося отъ Трои. Я же воистинну злополучившій есмь: ибо имѣлъ я здѣ многихъ и храбрыхъ сыновъ, но мню, что ни единъ отъ нихъ не остался. Пятьдесятъ ихъ было мнѣ, когда сыны Ахейскіе пришли во страну сію: девять надесять рождены отъ единого чрева, прочіи же отъ иныхъ женъ обитающихъ въ домъ моему; но многихъ ихъ неистовый Арей сокрушилъ колѣна. Былъ единъ дражайшій паче всѣхъ мнѣ сынъ, кой охранялъ всю крѣпость града нашего и живущихъ въ немъ, но сего ты не давно убилъ творящаго брань за ошечество Ектора; его ради пришелъ я ко Ахейскимъ кораблямъ, нося къ тебѣ многіе и богатые дары желая искупити тѣло его. Воздай убо хвалу и честь богамъ и меня самого помилуй вспомянувъ отца твоего, я же много паче злополучившій его; возмоглъ понести, чего никто отъ

ъ
иныхъ

инныхъ челоѡкъ не понесетъ: лобзаю
руки мужа убійцы сыновъ моихъ.

Тако вѣщая возбудилъ во Ахиллѣ же-
ланіе плакати о ошѣ: Пріамъ лежа-
щій при ногахъ Ахилловыхъ неумѣнно
плачетъ воспоминавая сына своего знаме-
нишаго ратника Ектора; Ахиллѣ же
проливаетъ слезы воспоминавая ово ошѣ,
ово любезнаго друга Пашрокла, возно-
симый же ошѣ обонхъ стонъ, слышанъ
былъ во всемъ дворѣ. На концѣ Ахиллѣ
насытився слезами скоро востаетъ ошѣ
мѣста и самъ Пріамъ ошѣ земли подъ-
емлетъ. Преклсненъ бывъ къ жалости
сѣдинами, кой главу и браду его укра-
шали. Ставъ же предъ нимъ и воздо-
хнувъ тако вѣщаетъ:

О злополучный царь! воиншину мно-
гая злая понеслъ ты на швоемъ сердѣ.
Но како дерзнулъ ты пріити единъ къ
кораблямъ Ахейскимъ предъ лице мужа,
кой многихъ убилъ сыновъ твоихъ? Зѣ-
ло крѣпко швое сердце. Сядемъ убо здѣ
на сѣдалищахъ, прекрашимъ печали и бо-
лѣзни наши, ибо нѣтъ никакія пользы
плакати и сокрушати; зане тако вос-
хотѣли блаженные боги, дабы мы смерт-
ные

ные провождали житіе наше въ печа-
ли; они шокмо свободны суть, отъ вся-
каго возмущенія. При дверяхъ дому
Юдиферова лежатъ два сосуда напол-
ненныя дарованіями; одинъ благими,
другій же злыми. Когда онъ дастъ ко-
му, смѣсивъ отъ обоихъ сихъ даровъ,
щепъ иногда провождаетъ дни свои въ
радости, иногда въ печали; когда же
дастъ дому, отъ злыхъ шокмо дарова-
ній, тогда всѣмъ подверженъ злоклю-
ніямъ; онъ и на сей всепитательницѣ
земли претерпѣваетъ гладъ, и обра-
щается ниже онъ боговъ, ниже онъ че-
ловѣкъ дочтенъ. Се отцу моему Ци-
лею боги даровали знаменитые дары
отъ рожденія его: ибо паче всѣхъ смер-
тныхъ возвеличенъ есть благополучіемъ
и богатствомъ, царствуетъ надъ Мир-
мидонянами, самъ смерщенъ сый, жену
имѣетъ богиню безсмертную; но и на него
богъ положилъ нещастіе, что ни еди-
наго не имѣетъ исчадія сыновъ, кой бы
царствовалъ по немъ; меня родилъ еди-
наго сына, но и того скоро имѣющаго
дмреши: ниже могущаго содѣлать ему
при старости благоугожденіе; зане да-

лече ошлученъ отъ опечестѣва пребываю
во странѣ сей, озлобляя себя и сыновъ
твоихъ. Слышали мы, что и ты въ-
егда былъ блаженъ въ мѣстахъ, кои
объемлетъ Лесвъ, Макарь, Фригїя и весь
просторный Еллиспонтъ: процвѣталъ
ты сынами и украшенъ былъ богат-
ствомъ паче всѣхъ живущихъ во стра-
нахъ сихъ. Но когда боги послали гнѣвъ
свой, всегда окрестъ града твоего брани
и убійства мужей. Терпи убо и не бо-
лѣзуй сердцемъ о неизбѣжимомъ при-
ключеніи: ибо ничто не успѣши печа-
лію о сынѣ твоёмъ, ниже воскресити
его, но паче зло какое поспраждеши.
Богонодобный царь Пріамъ отъвѣдалъ ему:
Великодушный Ахиллъ! не могу сидѣ-
ти, доколѣ сынъ мой Екторъ лежишь
не погребенъ; но отпусти мя, да узряшь
его очи мои; ты же воспріявъ принесен-
ные мною великіе дары, благополучно
наслаждайся ими, и радуясь да прінде-
ши во опечествленную землю твою: ибо
ты мнѣ дозволилъ еще жити и видѣши
свѣтъ солнца.

Ахиллъ возрѣвъ на него свирѣпымъ
лицемъ рекъ: старче не раздражай мя
нынѣ;

нынѣ; знаю и самъ, что должно опустити Ектора. Сіе же Юпитерово изволеніе обѣявила мнѣ родившая меня мать, морскаго старца дщерь; знаю, что и тебя нѣкто отъ боговъ привелъ къ кораблямъ Ахейскимъ: ибо никто отъ смертныхъ не дерзнулъ бы прійти къ воинству Данайскому, ниже укрылся бы отъ стражей, ниже запоры вратъ нашихъ отверзлъ бы безъ труда. Не возбуждай убо къ болѣзнямъ сердца моего, да со всѣмъ твоимъ прошеніемъ не оставлю тебя въ домъ мой, и да не явлюся преступникомъ Юпитеровыхъ повелѣній.

Такъ рекъ и убоясь старецъ повинулся глаголамъ его: Ахиллъ аки левъ мечется изъ чертога, за нимъ текутъ слуги его Алкимъ и Автомедонъ, коихъ по Патроклѣ почиталъ онъ паче всѣхъ Ахейнъ. Тогда ввели они провозвѣстника Пріамова, отрѣшили коней и ословъ, изнесли Екторовы главы величольпные дары; отъ коихъ Ахиллъ оставилъ двѣ верхнія одежды и едину исподнюю, дабы Екторово тѣло облеченное ошдаши въ домъ. Призвавъ же рабынь повелѣлъ омыти тѣло его и пома-

зати масломъ тайно отъ Пріама, дабы онъ узрѣвъ сына и печалію приведенъ бывъ ко гнѣву не возбудилъ Ахиллова сердца содѣлати убійство и тѣмъ преступити Юпитерова изволеніе. Рабыни омывъ шѣло и намазавъ масломъ, облекли въ великолѣпныя одежды; самъ же Ахиллъ со Автомедонѣмъ и Алкимомъ подбѣмъ отъ одра на руки, шѣло возложивъ на колесницу; по томъ проливая слезы возопилъ ко своему другу въщая тако: Возлюбленный Пашрокъ! да не преогорчишя на мя душа твоя, когда услышиши сый во адъ, что я божественнаго Ектора отдаю возлюбленному отцу: ибо далъ онъ мнѣ во искупленіе его знаменитые дары, отъ которыхъ и тебѣ колико прилично воздамъ.

Тако рекъ, паки идеть въ чертогъ и тамо сѣвши на сѣдалищи стоящемъ при стѣнѣ вѣщаетъ ко Пріаму: Престарѣлый мужъ! се сынъ твой уже отданъ тебѣ по желанію твоему и лежитъ на колесницѣ; за утра же самъ возсіявшей денницѣ узриши его при отшествіи твоёмъ; нынѣ же подобаетъ вспомнявши и о вечери. Зане и прекрасная

сная Нова не забыла и пищи; хотя и дванадцать ея чадъ совокупно погибли въ домъ: шесть младыхъ сыновъ, столько же и дочерей; сыновъ убилъ Аполлонъ отъ сребрянаго лука стрѣлами, дочерей же всѣхъ поразила обладашельница льсовъ Артемида. Ибо смертная оная жена превознесла себя паче безсмертныя. Лишъ, хваляся, что сама она родила дванадцать чадъ, богиня же Лишъ токмо двухъ. Но и сѣи двое бывъ погубили всѣхъ ея чадъ, кои во убійствѣ своемъ лежали десять дней, и ни-что не бысть погребаяи ихъ; зане Кроновъ сынъ Юпитеръ претворилъ людей въ камни; въ десятый же день погребли ихъ сами жители небесъ. Но и тако воспоминала она о пищи, когда утомилаcя плачучи. Нынѣ же превращена бывъ богами въ камень, непрестанныя питаетъ во своемъ сердцѣ бользни, обитая въ Сипилѣ, между пустыми горами на камняхъ, гдѣ, какъ повѣдаютъ, есть обиталище божественныхъ Нимфъ, кои окрестъ рѣки Ахелоя пляшутъ. Сего ради о божественный старче попечемся и мы нынѣ о вечери; послѣ же, когда

придеши во градъ, оплачи сына твоего и
пролей надъ тѣломъ его обильныя слезы.

Такъ рекъ мужественный Ахиллъ
и скоро вставъ отъ мѣста заклалъ овцу
бѣлую; други же его содрали кожу, раз-
сѣкли на части и вонзивъ на рожны по-
ложили на огонь; когда же все изжари-
ли, Автомедонтъ привѣзъ кошницы съ
хлѣбомъ, расположилъ на столѣ; Ахиллъ
же раздѣлилъ мяса и вси простерли ру-
ки на предложенную пищу. Когда же
насытились пищею и пишемъ, Пріамъ
взирая на Ахилла, удивлялся возрасту
и красотѣ его; ибо богамъ подобенъ
зрѣлся; Ахиллъ же удивлялся Пріаму,
взирая на величественный образъ его и
слушая премудрыя слова. Насытившись же
взаимно зрѣніемъ, богоподобный Пріамъ
вѣщаетъ: Великодушный Ахиллъ! даждь
мнѣ почисти поне на малое время, да на-
сладимся пріашнымъ сномъ: ибо не за-
шворялися очи мои отъ самаго шого вре-
мени, какъ сынъ мой подъ руками тво-
ими скончалъ животъ свой, но всегда воз-
дыхаю, и неисчетныя болѣзни питаю
въ сердцѣ моемъ, повергаясь во оградъ
дому на гноищи и ни малѣйшія не при-
ималъ

имааь свѣди; нынѣ же вкусилѣ и пищи,
и краснымъ виномъ омочилъ горсть мою.

Такъ рекъ Пріамъ; Ахиллъ же повелѣлъ другимъ своимъ и рабынямъ угощевати ложе, постлаши мягкіе ковры и покрыши лучшими и драгими покрывалами. Рабыни исшедъ отъ дому со свѣщильниками, скоро постлали два ложа; тогда Ахиллъ Пріаму сказалъ: Возлюбленный старецъ! иди и почій въ дому, да не кто отъ Ахейнъ придетъ, какъ и всегда сидятъ со мною полагая совѣты какъ должно; отъ нихъ когда кто узритъ тебя ночью и повѣдаетъ о тебѣ пастырю народовъ Агамемнону, тогда воистинну препятствіе и медлѣніе будетъ во искупленіи сына твоего. Но повѣдай мнѣ истинну: колико желаеши свободныхъ дней на погребеніе божественнаго Ектора, дабы и самъ я остался въ покоѣ, и воинство удержалъ бы отъ брани?

Богopodobный царь Пріамъ отвѣщалъ ему: когда позволяеши мнѣ да совершу погребеніе возлюбленному сыну моему приличное, сіе швоя о Ахиллъ! сошвериши благодать со мною. Но знаеши

Ѣ 5

самъ,

самъ, что мы внутри града нашего заключены пребываемъ, а съже на сожженіе далече отстоятъ на горѣ, и Трояне зло бояшся изыти. Десять дней будемъ оплакивати его въ домъ; въ десятый сошворимъ ему погребеніе, народу же пиршество; въ первый на десять созидаемъ надъ нимъ гробницу; во второй на десятый день паки начнемъ брань; когда нужда повелитъ.

Божественный Ахиллъ отвѣщалъ ему: да будутъ сія тако тебѣ Пріамъ! воздержу брань столько время, сколько ты желаеши.

Такъ выйдая пріемлетъ десницу его въ залогъ, дабы не боялся сердце его. И тако Пріамъ со провозвѣстникомъ отходятъ въ присѣнокъ на уготовленное тамо ложе; полагая же между собою совышы, почли въ прішномъ снѣ. Ахиллъ же почивъ во внутренней чертогъ, и съ нимъ совокупно прекрасная дочь Врисеева; равнымъ образомъ вси небесныя жители и Аргивское воинство чрезъ всю ночь усмирены были сладкимъ сномъ. Единаго Ерміа не могъ объяти сонъ; ибо помышлялъ онъ во своемъ сердцѣ, какъ царя Пріама изведетъ отъ
ко-

кораблей, дабы не увидѣли бодрственыя спражи врагѣ. Пришедъ убо къ нему и славъ при возглавѣи вѣщаетъ: О старче! како не боишия ты бѣдъ? Когда уже отпустилъ тебя Ахиллъ, како спиши между врагами? Нынѣ испуляя мертвѣго сына твоего, помысли коликѣ далъ дары; за тебя же живаго что возжелають даши оставшіеся сыны твои, когда познаетъ о тебѣ Агамемнонъ и прочіи Аргивяне?

Такъ рекъ Ермій, и устрашился царь Пріамъ, скоро повелѣлъ востати провозвѣстнику. Самъ же Ермій угошовалъ имъ коней и ословъ, и никому не познавшу извелъ колесницы ихъ отъ кораблей чрезъ воинство. Когда же приближилися къ попокамъ изобилующія пучинами рѣки Ксанѳа, коего родилъ отецъ боговъ Юпитеръ, Ермій оставя тамо ихъ возвратился на пресвѣшлый Олимпъ.

Уже багрянородная денница распалася по лицу вся земли, какъ Пріамъ и провозвѣстникъ приближилися ко граду со плачемъ и рыданіемъ, и никто ихъ прежде не узрѣвъ, какъ подобная

бная во всемъ влѣшай Афродитѣ дщерь
Пріамова Кассандра. Она прежде всѣхъ
вѣло рано восшедъ на Пергамскую стра-
жницу, познала возлюбленнаго своего оп-
на сходящаго на колесницѣ, брата же
своего узрѣла лежащаго на одрѣ везо-
момъ ослами. Страшно возрыдала и на
весь градъ испустила вопль: прїидите
Трояне и Троянки! возрите на Екшора,
изыдите во сръшеніе, какъ нѣкогда жи-
вому возвращающемуся отъ брани при-
носили поздравленіе.

Такъ вопіяла сестра его, и вскорѣ
ни единъ мужъ и ни одна жена не оспа-
лися во градъ: вси шекутъ проливая не-
ушолимыя слезы; сръшають Екшора
близъ вратъ. Первыя, возлюбленная
жена и почтенѣйшая матерь его, шер-
вая власы ринулися къ колесницѣ, ме-
нцуются на шѣло, обѣмлютъ главу; не
могутъ насытитися лобзаніемъ; прочее
же стоящее окрестъ колесницы множе-
ство рыдало неутѣшно. И воистинну
цѣлый день до захожденія солнца пла-
кали бы по Ексорѣ при вратахъ, еже-
ли бы Пріамъ не воспрепятствоваль вѣ-
щая къ народу: ошныдите, дайте ко-
лесни-

лесницамъ путь, и послѣ, когда при-
иду въ домъ, колико угодно насыщай-
шеся слезами.

Такъ рекъ и раздѣлилися вси на
двѣ страны и дали ибѣсто колесницамъ.
Пришедъ въ домъ положили тѣло на одрѣ
и близь его постановили пѣвцовъ на-
чальниковъ плача, жонъ пѣли плачевныя
пѣсни и вси жены воздыхали. Первая
Андромаха жена цесовѣкоубійцы Ектора
падъ на тѣло его и объявъ главу на-
чинаетъ плачь:

Сладчайшій мужъ! тако ли во мла-
дыхъ лѣтахъ погубилъ ты животъ свой,
меня же оставилъ вдовицею, и сына
младенца сиротою, коего мы злополу-
чныя родили, и коему не уповаю при-
иши къ совершенному возрасту: ибо
скоро опровергнушя высоты града сего.
Посибѣ уже ты неупоминимый спрѣжъ
Иліанскихъ стѣнъ; ты охранялъ всѣхъ
женъ и малыхъ чадъ, нынѣ же скоро
пойдутъ они во плѣнъ на Данайскихъ
корабляхъ, купно и я съ ними. Ты же
дражайшее чадо! или пойдешь со мною
и будешь тамо исполняши дѣла не при-
личныя рукамъ твоимъ, шруждаяся предъ
ними-

немилостивымъ владыкою; или вѣнше
восхищивъ за руку, сиремглавѣ низри-
нишъ отъ стражицы, гнѣдаяся, кому
или отца, или сына, или брата убилъ
опещъ пшой, Екшоръ? ибо вѣло многие
Аргивяне сокрушены руками его. О надо!
коль неутрошимъ опещъ пшой былъ во
брани! сего ради и жаряи неутѣшию по
шемъ плачешъ во всемъ градѣ. О дра-
жайшій Екшоръ! koliko ты родимельмъ
новимъ оставилъ печати и слезъ! мое
же сердце паче всѣхъ люшыхъ раздире-
ни будущъ болѣзни; ибо не простерлъ
ты мнѣ ошъ дожа при смерти: сладчай-
шія руки твоя, ниже единю и послѣд-
нее услышала я слово, кое всегда бы
вспоминала, проживая день и ночь го-
рячія слезы.

Тако плакала младая Андромака, и
еси купно воздыхали тѣсны. По шомъ
страшное вознесла рыданіе пошпенная
машерь его Екава. Дражайшее паче всѣхъ
сыновъ чадо мое Екшоръ! воистинну
какъ при жизни любезенъ ты былъ бо-
гамъ бессмертнымъ, тако и по смерти
имѣли они пошеченіе о тебѣ: ибо про-
чихъ моихъ сыновъ Ахилъ пѣвая про-
давалъ

давалъ въ даленія страны; въ Смиѣ;
Имврѣ и въ Лимиѣ; тебя же лишивъ
животѣя бспрѣмѣ жопія, хотя и много
жды влачилъ окрестъ Патроклова гробъ,
но тѣмъ не воскресилъ друга сво-
его; ты же нынѣ ничимъ не вредишь и
не измѣнишь цѣвша лица, лежиши въ
черпугахъ моихъ; подобенъ тому, кого
Аполлонъ своими божественными убилъ
спрѣлами.

Такъ рыдала Екава и всѣхъ возбу-
дила къ неуполимымъ слезамъ. Послѣ
же ея воздвигла плачь прекрасная Еле-
на: возлюбленнѣйшій паче всѣхъ, срод-
никовъ, деверь мой, божественный Эк-
торъ! Ночью я не погибла прежде, доко-
лѣ бжтвобраный мужъ мой Александръ
не привелъ меня въ страну сію. Уже
двадцатый годъ идешь, какъ я оста-
ва опечесствѣ мое обитаю въ Троѣ, но
никогда отъ тебя не слышала досади-
тельнаго или жестокаго слова; паче же,
когда кого видѣла отъ сродниковъ шво-
рящаго мнѣ укоризны, ты всегда увѣ-
щевая воздѣрживалъ ихъ своимъ сми-
ренномудріемъ и крошкими словами. (Но
о коль опецъ швой мой же свекоръ всегда
ко

во мнѣ милосшивѣ!) сего ради солѣзную
всѣмъ сердцемъ плачу о тебѣ и о моемъ
купно злополучіи. Уже ршнынѣ во всей
пространной Трои не будетъ никто ко
мнѣ милосшивѣ, ниже дружелюбенѣ; но
все отъ меня возымѣютъ отвращеніе.

Такъ плакала Елена и все множе-
ство народа съ нею воздыхало. На ко-
нецъ Пріамъ къ народу ѡбщаетъ:

Собирайте нынѣ отъ лѣсовъ дерева
ко граду, никакого не имѣя страха отъ
Ахейнѣ: ибо Ахиллѣ отпущая меня отъ
кораблей ѡбщаль не прежде начати
брань, какъ когда прійдетъ дванаде-
сятая заря.

Такъ рекъ Пріамъ; народъ же уго-
товалъ ословъ и воловъ съ колесницами,
вскорѣ исходящѣ отъ града исполниши
повелѣніе царево. Девять дней собирали
безчисленные деревья. Когда же явилася
осѣщающая смертныхъ десятая денни-
ца, тогда изнесли тѣло пресловутаго
Ектора проливая безчисленные слезы,
вознесши же на верхъ костра запали-
ли дерева. Восшедшей же утророжден-
ной единонадесятой багряноперспной ден-
ницѣ, собралось все множество народа
окрестъ

окрестѣ Екторова сожженія и во перы-
выхъ изливая красное вино погасили огонь,
коликѣ обымалѣ пламень; по томѣ бра-
шїа и други его, собравѣ кости со сле-
зами, положили во злшомѣ ковчегѣ, и
покрыли тонкою багрянцею. На концѣ
положили въ яму, и утвердивѣ оную
великимѣ каменїемѣ, легкую содѣлали
могилу, при коей сидѣли стражи, дабы
прежде времени не напали Аргивяне.
Возвратившимся же отѣ Екторова по-
гребенїа Троянамѣ, предложено было въ
домѣ боговоспитаннаго царя Прїама ве-
ликолѣпное пиршество.

Тако Трояне совершали погребенїе
знаменитаго воинственника Ектора.

КОНЕЦЪ ОМИРОВОЙ ИЛІАДЫ.

Стиховѣ имѣетѣ 17043.

115.738

✓
ПРОВЕРЕНО

1931 г.

ОДИССЕЯ

ГЕРОИЧЕСКОЕ

ТВОРЕНИЕ

199

ОМІР

Переведена съ Еллиногрече-
скаго языка.

Печатана въ Москвитинской Сенатской
Типографіи иждивеніемъ А. Свѣпущкина.

1788 годѣ.

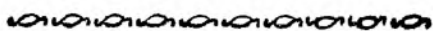
Съ одобренія опредѣленныхъ
Ценсоровъ.

ОМИРОВОЙ ОДИССЕИ

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ

Алфа.

:~:~*

Повѣждь, Богиня! мнѣ о много-
~~* обрацавшемся мужѣ, кой по
раззореніи священныя Трои, збло
много странствуя, многихъ наро-
довъ видѣлъ грады, и нравы ихъ
позналъ; въ сердцѣ же своемъ не-
изчешныя на морѣ прѣперилъ бо-
лѣзни съ великимъ попеченіемъ,
желая соблюсти животъ свой и
возвращеніе спутниковъ. Но и
такъ при всемъ своемъ желаніи не
могъ спасти ихъ отъ пагубы; ибо
сами они отъ своего безумія по-
Часть I. А 2 гиб-

гибли, когда всевидящаго Солнца
тучныхъ кравъ пожрали: за сіе
злодѣяніе опѣяпѣ и день возвра-
щенія ихъ во отечество.

Сихъ злоключеній нѣкую часть
возвѣсти и намъ, О дщи Діева!
Всѣ прочіе Ахейне, кои на брани
и на морѣ спаслися отъ смерти,
были уже во своихъ домахъ; сего
же единого мужа знаменитая Ним-
фа Богиня Калипса держала во сво-
ихъ пещерахъ, желая имѣти его
мужемъ своимъ. Но когда прибли-
жилось время, въ кое боги опре-
дѣлили ему возвращеніе во Иѳаку;
зналъ и тогда о подвигахъ, кои
подобало ему понести отъ возлюб-
ленныхъ своихъ. Всѣ безсмертные
милосердствовали о злополучномъ
Одиссеѣ; единъ токмо царь Поси-
донъ непрестанно на него гнѣвал-
ся, до самаго возвращенія въ отечество его. Сей обладающій вода-
ми царь опшелъ нѣкогда къ оп-
даленнѣйшимъ деіонамъ [кои раз-
дѣ-

дѣляются на двѣ части: единыя обвиняють на востокѣ, а другіе на западѣ] приносящимъ споспешную жертву отъ ововъ и агнецовъ, и тамо присутствуя услаждался ихъ пиршествомъ; прочіе же боги всѣ собралися въ свѣтозарныя чертоги къ великому Дію: тогда отецъ боговъ и челоѣковъ начинаетъ къ нимъ тако: О koliko смершныя обвиняють все и ложно насъ боговъ, и всю вину своихъ зоключеній возлагають на насъ единыхъ! Но сами отъ своего безумія, кромѣ нашего изволенія низвергаются во всѣ напасши: какъ и нынѣ Эгисей поялъ себѣ въ жену жену царя Агамемнона, коего также убилъ при его возвращеніи, бояся люшныя смерши, о коей мы ему предскли, повелѣвъ Ермію да возвѣстивъ Эгисеу тако: Блуди пояши жену царя Агамемнона, и да не убіеши самаго его: занемщеніе не минуемое произыдетъ

А з

отъ

отъ Ореста, когда въ совершенныя
приспѣетъ лѣта, и возжелаетъ
пріяти достояніе свое.

Такъ повѣдалъ ему Ермій. Но
Эгисей не преклоненъ явился ко
благимъ совѣшамъ: сего ради нынѣ
достойную мѣсть пріемлетъ.

Богиня Аѣинская, премудрая
Пачада, отвѣщала ему: отецъ
боговъ, сыне Кроновъ! Воистинну
Эгисей достойною погибъ смертію;
тако да погибнуть и всѣ шворяще
таковая злодѣянія. Но я паче
всего сокрушаюся о злополучномъ
Одиссее, кой, многое время ошда-
ленъ отъ своихъ возлюбленныхъ,
прежертвуетъ на сердцѣ тяжкія
болѣзни, пребывая въ островѣ
Огигии, гдѣ есть пупъ моря: тамо
обитаютъ знаменитая Нимфа, Бо-
гиня Калипса, дочь сильнаго Ат-
ланта, коему всѣ глубины морскія
суть свѣдомы, и кой всѣ столпы
высокія, на нихъ же небо и земля
ушверждаются, держитъ на раме-
нахъ

нахъ своихъ: сего прекрасная
дщерь хранитъ въ дому своемъ
злополучнаго и неутѣшно плачу-
щаго Одиссея, утѣшая его крош-
кими и сладостными словесами,
дабы забылъ отечество свое Иеакъ;
но онъ желаетъ поне единый дымъ,
изходящій отъ своея земли, узрѣ-
ти, и тогда умерети. Ты же, опче
мой! доселѣ не обратишь къ нему
сердца своего, ниже воспомянешь,
коликія приносилъ онъ тебѣ жер-
твы при корабляхъ Ахейскихъ во
странѣ Троянской. Опче мой!
что тако гнѣваешься на него? —
Погоняющій облаки всесильный Дій
отвѣщалъ: Дити моя! Какое слово
днесъ ты рекла мнѣ? Какъ могу
я забыть набожнаго Одиссея, всѣхъ
смертныхъ мудростію превъщаю-
щаго и многія обѣты творящаго
безсмертнымъ? Единъ токмо По-
сидонъ непрестанно на него гнѣ-
вается за сына своего Полиеима,
когого родила Нимфа Феооса, дщерь

морскаго старца Форкина, смѣсив-
ся любовію съ Посидонѣмъ, и коего
Одиссей лишилъ зрѣнія. Отъ са-
маго того времени злобствуетъ
на него Посидонъ. И хотя убити
его не можетъ, но всячески щипи-
ся не допустить до отечества.
Положимъ убо совѣтъ, како устро-
ити ему возвращеніе, Посидона же
опвлещи отъ гнѣва; ибо ничего
не можетъ единъ противу всѣхъ
боговъ.

Божественная Паллада отвѣ-
щала ему: Всесильный отецъ Дій!
Когда угодно зрится предъ всѣми
богами устроить Одиссею возвра-
щеніе въ домъ; послемъ Ермія въ
островъ Огигію, да скорѣйшее при-
несетъ богинѣ Калипсѣ возвѣщеніе
о опущеніи его отъ острова ея.
Я же отъиду во Иеаку ободрити
духъ сына его, и возбудиши дабы
онъ, созвавъ на сонмъ всѣхъ Ахе-
яцъ, возбранилъ входъ въ домъ
свой женихамъ, кои закалаютъ
все-

всегда на пиршество себѣ тучныхъ овецъ и воловъ. Послю его въ Спаршу и островъ Нилъ испытать о славѣ отца своего, и да приобрѣтетъ отъ всѣхъ людей себѣ почести. ---- Сіе рекши, привязываетъ къ подошвамъ ногъ своихъ златые сапоги, кои съ дыханіемъ вътра имѣли силу носить и по морю и по земли, и пріявъ въ десницу великое дебелое и острое копье, коимъ сокрушаетъ во брани мужей, на нихъ же гнѣвается, низходитъ отъ высоты Олимпа съ великимъ спремленіемъ, мгновенно является во Иѳакѣ во образѣ Тафійскаго вождя Мента, и, ставъ въ преддверіи дому Одиссеева, обрѣтаетъ жениховъ веселящихся и пьющихъ. Предвозвѣстники и рабы разтворяли въ чашахъ вино съ водою; иные опирали столы, а другіе предлагали пищу и раздѣляли мяса. Тилемахъ же сидѣлъ тогда между женихами, сокруша-

яся сердцемъ и помышляя о единомъ токмо пришествіи отца своего, дабы внезапно возвратившись содѣлалъ всѣмъ женихамъ лютую смерть, и пріялъ отъ всѣхъ честь и наслѣдіе имѣнія своего. Тако помышляя, узрѣлъ Палладу во образѣ мужа; и возставъ абіе идетъ гнѣваяся, что шоль долго странно-пришелецъ стоитъ при дверѣхъ, и приближився къ нему емлетъ за десницу, и тако вѣщаетъ: Радуйся странниче! Вниди внутрь чертога, да дружелюбное отъ насъ пріимешь угощеніе и насладишься нашимъ пиршествомъ, потомъ возвѣстишь о всемъ, еже потребно тебѣ зрится.

Тако вѣдая, предшествоуетъ, а богиня Аѣинская ему послѣдуетъ; и вшедши въ чертогъ постановляетъ копіе свое при столпѣ, идѣже Одиссеевы копія стояли. Тилемахъ вскорѣ посадилъ странника на великолѣпномъ сѣдалищѣ

лицѣ и подалъ подножіе; мѣсто же сѣдѣнія угошавилъ ему особъ, дабы гость не раздражился шумомъ и мятежемъ кичливыхъ жениховъ, и дабы способнѣе было вопрошать о отсутствіи отца своего. Рабыня принесла воду для умовенія рукъ; другая постановила столъ; домостроительница же принесла хлѣбъ и многія яствы; и наконецъ поваръ въ златыхъ чашахъ представилъ разныя мяса. --- Тѣмъ временемъ входящѣ и женихи; и вси по ряду пріемлющѣ мѣста свои; проспиряющѣ руки къ предложенной пицѣ; опроки виномъ чаши наполнили. Когда всѣ насытились, наки приступили къ пѣнію и плясанію; провозвѣстникъ подалъ Фимію пѣвцу цѣвницу.

Тогда Тилемахъ, преклонивъ главу къ божественной Палладѣ, дабы никто отъ прочихъ не слышалъ, начинаетъ сиде глаголати: Любезный гость! Молю да нераз-
Ара-

дражишися на мои слова, кои от-
крыши хочу предъ тобою: оста-
вимъ сихъ мужей утѣшаться пѣ-
ніемъ и плясаніемъ; ибо они чуж-
дый поядаютъ хлѣбъ и спяжаніе
мужа, коего, какъ мню, кости
въ отдаленной спранѣ на не свѣдо-
мой земли лежа согниваютъ отъ
дождевныя влаги, или обнажен-
ныя морскими водами вращаются.
Но когда бы узрѣли они его возвра-
тившася во Иѳаку; воистинну паче
бы возжелали себѣ скорѣйшаго и бы-
страго печенія, нежели украшать-
ся златомъ и одеждами. Но зрю,
что сего злополучнаго мужа по-
жрала смерть лютая, и погибла
надежда видѣти день его возвра-
щенія. Но, оставя сѣе, молю те-
бя, повѣдай мнѣ истинну: кто
ты? Отъ какого народа? Кій градъ
твой? И кто родители твои?
Какіе мореплаватели завезли тебя
въ островъ сей? Въ первый ли разъ
ты сѣмъ пришелъ, и никто тебѣ
здѣсь

адѣсь не свѣдомъ? Или отъ давна
знаешь родителей моихъ? Ибо мно-
гіе спранные мужи посѣщали домъ
сей, коего владыка всѣмъ былъ
любезенъ.

Премудрая Паллада отвѣща-
ла ему: Истинну о всемъ возвѣ-
щу тебѣ: имя мое есть Меншей;
нарицаюся же сыномъ знаменита-
го Анхилла; владычествую надъ
народомъ Тафійскимъ; во островъ
сей пришелъ я на корабль съ
сопутниками преплывая море ко
иноплеменнымъ народамъ во градъ
Темесу; несу же съ собою чистое
желѣзо, дабы приобрѣсти тамо
мѣдь; корабль мой спойтъ дале-
че отъ града во пристанищѣ Ри-
фрейскомъ; спраниюпрїимство и
дружество имѣемъ отъ давнаго вре-
мени, о чемъ повѣдать тебѣ мо-
жетъ престарѣлый Лаэртъ, кой
нынѣ, какъ я слышалъ, не входитъ
уже во градъ, но сокрушаяся пе-
чалію обитаетъ на селѣ съ еди-
ною

ною престарѣлою рабынею, предлагающею ему пищу и пиіе, когда изнеможешъ отъ трудовъ, упражнялся непрестанно въ смотрѣніи вертограда своего. Нынѣ пришелъ я сѣмо узрѣти отца твоего; но онъ, какъ сказуюшъ, обрѣщается въ чужихъ земляхъ, и боги препятствуютъ его возвращенію. И мнѣ сіе извѣстно, что Одиссей до днесъ живъ есть, обитаетъ въ отдаленномъ нѣкоемъ островѣ, гдѣ суровыя и жестокосердые мужи держатъ его насильственно. Я же тебѣ предвозвѣщу, како боги полагаютъ на сердца моемъ; нѣсмь бо прорицатель, ниже свѣдомы суть мнѣ гаданія, но уповаю, что слова мои всеконечно сбудутся: не долго уже Одиссей оплученъ будетъ отъ своей опчины, и ниже желѣзныя пуги могутъ его удержати; но воистинну по своему мудрому разуму обрящешъ средство избѣжати отъ пугу, и
прійти

прійши во опечесшвенную землю. Ты взаимно повѣдай мнѣ, не сынъ ли ты премудраго Одиссея? Очи, глава и все лице твое являющѣ мнѣ быши истиннымъ его исчадіемъ; зане многократно мы съ нимъ имѣли дружественное обращеніе, прежде даже не отъиши ему во Трою съ прочими Ахейнами, отъ самаго того времени никогда мы не видѣли другъ друга.

Тилемахъ отвѣщаль ему: Матерь моя повѣдала мнѣ, что я сынъ его; самъ же истинны сея не знаю; ибо никому не свѣдомо есть мое рожденіе. Но О, когда бы я былъ сынъ онаго храбрѣйшаго мужа, кой бы во своемъ владычествѣ живой спокойнѣ достигъ машипыя старости! Днесь же злополучнѣйшій паче всѣхъ смертныхъ есть отецъ мой.

Аѳинская богиня рекла ему: Воистинну боги послали тебѣ рожденіе знаменитое. Но еще повѣдай

дай мнѣ, какое сѣе въ дому тво-
емъ пиршество? И что есть со-
браніе сего народа? Какое дѣло
привлекло тебя къ веселому сему
ликованію? Не бракъ ли совершает-
ся? Токмо зрю, что пиршествую-
щіе здѣсь мужи зѣло буйственныя
творятъ дѣла, на кои ни единъ
разумный мужъ, пришедъ сѣмо,
не могъ бы взирать безъ крайняго
огорченія.

Тилемахъ въ отвѣтъ ему сѣе
рекъ: О возлюбленный посѣщитель!
воистинну домъ сей былъ нѣкогда
знаменитъ, богатъ, и чуждъ вся-
каго поношенія, доколѣ пребывалъ
въ немъ владыка его; но нынѣ бо-
ги иное о немъ устроили, предавъ
его посмѣянію всѣхъ людей; ош-
ца же моего содѣлали униженнымъ
паче всѣхъ смертныхъ. Поистин-
нѣ не сѣтовалъ бы я толико о
немъ, когда бы убіенъ онъ былъ
на брани отъ Троянъ, или по
окончаніи брани мирна. скончалъ
дни

дни живота своего на рукахъ друзей своихъ. Знаю, что тогда воздвигли бы ему Ахеане великолѣпную гробницу, я же наслѣдовалъ бы въ предбудущія времена велію и благую славу. Нынѣ же разперзали его скверныя аріи; и тако погибъ безвѣстно и безславно, оставя сердцу моему несперпимыя болѣзни и воздыханіе: но не энемъ шокмо единомъ сокрушаюся; имѣю бо и инныя низпосланныя отъ боговъ зоключенія: вѣдаешь, колико знаменитыхъ юношей обитаетъ въ Дулихіи, Самѣ, Закинѣ и во всей Иеакійской странѣ: --- всѣ они пребываютъ мапери моея въ супружество, которая ниже опвредися брака, ниже конца исканіямъ содѣлать можеть: они же безъ пощады разтощаютъ домъ нашъ; да и меня самаго, мню, вскорѣ погубятъ.

Божественная Паллада отвѣщала ему: Воистинну достойно

Часть I.

Б

жаж-

жаждешь возвращенія отца своего, дабы содѣлалъ онъ мщеніе симъ женихамъ безсуднымъ. О когда бы онъ, пришедъ днесъ въ домъ сей, сталъ во дверяхъ, имѣя шлемъ, щитъ и два копія, и тако былъ бы мужесшвенъ, какъ я видѣлъ его въ дому нашемъ пьющаго и веселящагося, когда возвращался отъ града Эфира отъ царя Ила, сына Мермерова, [къ коему ѣздилъ на корабль, желая тамо обрѣсти смертоносный ядъ, для напоенія стрѣлъ; но сей опрেকся ему даши; зане боялся боговъ: далъ же ему отецъ мой; ибо зѣлого любилъ:] когда бы таковъ Одиссей нынѣ явился предъ женихами; воистинну не долго бы жизнь ихъ продолжилася! Но сіе состоитъ во власти боговъ. Тебѣ же совѣшную помышляши о прогнаніи отъ дому твоего оныхъ; внемли убо моимъ совѣшамъ: заутра собери на сонмъ старѣйшинъ града сего

сего и прочихъ ИѡакїянѢ; простири къ
нимъ рѣчь о наносимыхъ тебѢ оби-
дахъ; во свидѣтели же постави без-
смертныхъ боговѢ; а женихамъ пове-
ли каждому опѣиши въ домѢ свой;
матерь свою, когда возжелаетъ
вступити въ супружество, опну-
сти въ домѢ ко опцу ея; тамо
родители ея совершатъ бракъ, и
наградятъ достойнымъ въномъ,
какое прилично дать возлюблен-
ной дочери. Самому же тебѢ совѣ-
щую уготовати избранный опѢ
всѢхъ корабль со двадесятїю со-
путниками, и опѣиши въ чуж-
дые грады испытать славу о опцѢ
твоемѢ. Впервыхъ направь путь
твой во градъ ПилѢ, и тамо во-
проси божественнаго царя Несто-
ра; по семъ во градъ Спарту къ
царю Менелаю, кой послѣдній изъ
всѢхъ АхейнѢ возвратился во оп-
чизну свою. И когда услышишь,
что отецъ твой живѢ есть и воз-
вратится во Иѡаку; тогда хощя

и съ печалію , но претерпи , ожидая единъ годъ. Когда же воистину познаешь , что уже онъ умеръ , тогда , пришедъ въ домъ свой , воздвигни великолѣпную насыпь и гробницу , и отправь достойное великаго мужа поминаеніе. Окончавъ сіе , положи совѣты въ душу твою , како вознести руки на погубленіе неистовыхъ мужей сихъ ; и тайно или явно смерть имъ содѣлать ; зане уже не прилично тебѣ взиращъ на опроческія дѣла. ----- Или не слышалъ ты , какую славу отъ всѣхъ людей получилъ Орестъ , когда воздалъ мщеніе Эгисѣу , убійцѣ отца своего. Тако и ты , возлюбленный другъ , будь мужественъ и дерзновенъ , да въ предбудущія времена произрастетъ о тебѣ благая слава. Я же нынѣ отхожду на корабль свой къ спутникамъ , кои зѣло , мню , ожидаютъ моего возвращенія. Ты самъ о себѣ имѣй промышленіе , и со-

сохрани слова мои на швоемъ серд-
цѣ.

Аѳинская богиня, рекши сіе,
оплещаетъ яко высокопарная пти-
ца, вдохнувъ дерзновеніе и муже-
ство въ сердце Тилемаха, кой не-
медленно по семъ пришелъ въ со-
браніе жениховъ, внимавшихъ
тогда божественному пѣвцу Фи-
мью, воспѣвавшему плачевное Ахе-
янъ отъ Трои возвращеніе, како-
вое имъ представлено премудрою
Палладою. Царица Пинелопа, услы-
шавъ пѣснь сію низходитъ отъ
своего чертога, слѣдующимъ за
нею двумъ рабынямъ, и пришедъ
къ женихамъ, стала во дверяхъ,
имѣя предъ лицемъ тончайшій по-
кровъ, и испустивъ слезы, тако
вѣщаетъ къ пѣвцу: Фимій! Во-
истинну многія тебѣ свѣдомы сущь-
ныя пѣсни, къ утѣшенію сердецъ
человѣческихъ, и въ прославленіе
боговъ и знаменитыхъ мужей; во-
спѣвай убо отъ сихъ пѣсней, ка-
кую

кую сердце твое избересть; отъ сего же плачевнаго пѣнія воздержися; зане перзаетъ оное мою упробу, приводя на память дражайшую главу моего супруга, коего славою вся Эллада и Аргивская земля есть наполнена.

Мудрый Тилемахъ отвѣщалъ ей: Возлюбленная мати! Почто возбраняешь пѣвцу сему воспѣвати пѣсни, какія ему угодно? Ибо не пѣвцы виновники нашей печали, но само всесильный Дій, дающей всякому человѣку смыслъ и разумъ по своему изволению. Не обвиняй убо сего пѣвца, что воспѣваетъ злословіе Данайскихъ Ироевъ; ибо всѣ люди наипаче воспѣваютъ такую пѣснь, которая новѣйшею прославится. Ты убо, когда желаешь слушати пѣніе, не огорчаися на Фимію; ибо не единъ Одиссей не могъ узрѣти дня возвращенія своего, но и многіе другіе вожди погибли на пути своемъ.

смѣ. Когда же горестно тебѣ зрится иѣнїе сїе, опѣди въ тѣвой чертогѣ, и тамо исполняй дѣла свои, шакожде и надѣ рабынями имѣи смотрѣнїе, да нелѣнностно исполняюшѣ повелѣнное имѣ. Разглагольствовати же предостави мужамѣ, и паче всѣхѣ мнѣ, совершенную власть надѣ домомѣ симѣ имѣющеу,

Пинелопѣ, слыша сїе, обѣемлется изумленїемѣ, и, слагая глаголы сыновнїе на сердца своемѣ, опходитъ въ чертогѣ свой, и тамо предается слезамѣ о возлюбленномѣ Одиссеѣ, доколѣ божественная Паллада не низпослала сладкїи сонѣ на ея вѣжди.

Тилемахѣ, по опшествїи ея, начинаетѣ глаголати къ женихамѣ сице: Знаменилные юноши, безмѣрною упоенные гордостїю! Пиршествуйте нынѣ съ веселїемѣ, и не износите никакого шума: заутра же соберемся всѣ на сонмѣ, гдѣ

предѢ всѣмъ сотворю вамѢ запреще-
ніе входить въ домѢ мой: ищи-
те инуда пиршествѢ; или взаимно
другѢ друга зовите въ ваши дома
и угощайте. Когда же пріятнѢе
вамѢ зрится единого мужа распо-
чати сѣжаніе, до конца испо-
щайте; я же призову боговѢ во сви-
дѣтельство, и уповаю, что все-
сильный Дій не оставитѢ дѣлѢ
вашихѢ безѢ опмщенія; воистинну
въ дому семѢ погибнете горькою
смертію.

Женихи, слышавѢ сіе сѢ до-
сажденіемѢ, удивлялись дерзно-
веннымѢ словамѢ Тилемаха, коему
Анфиной сѢ посмѣяніемѢ отвѣт-
ствовалѢ тако: Возлюбленный
другѢ! Сами боги поистиннѢ на-
учили тебя высокомѢрнымѢ и веле-
рѣчивымѢ быти и дерзновенно гла-
голати; или громомещущій Дій хо-
щетѢ поставитѢ тебя царемѢ надѢ
островомѢ симѢ: да тебѢ и при-
надлежитѢ по наслѣдію отца тво-
его

его сіе достоинство.---- Тилемахъ рекъ ему: Воистинну не опрекся бы я пріять дара сего; токмо съ соизволенія отца боговъ и чело- вѣковъ, всесильнаго Дія. Можно ли нареци не достойнымъ дѣломъ, обладати многими людьми, когда отъ сего богатство и почтеніе вскорѣ раждается? Но я знаю, что и кромѣ меня суть во Иѳакѣ многіе знаменитые юноши и почтенные старцы, кои достойны являясь сея высокія чести. Уже нѣсть въ живыхъ храбраго Одиссея; и тако буду я царемъ и облада- телемъ надъ домомъ своимъ и надъ рабами, опцемъ моимъ мнѣ стя- жанными.

Евримахъ отвѣщалъ ему: Вла- дычество надъ островомъ симъ во власти боговъ состоятъ. Ты же владычествуй самъ надъ домомъ твоимъ и надъ всемъ имѣніемъ; ибо нѣсть челоуѣкъ, кой бы могъ насильственно отъять стяжаніе

Б :

твое,

твое, доколѣ островъ сей будетъ обитаемъ. Но я хочу спросити тебя, кто здѣсь былъ оный спранный мужъ? Отъ какія земли? Отъ какого народа? И отъ какихъ родителей имѣетъ происхожденіе? Возвѣщеніе ли тебѣ о отцѣ твоемъ принесъ, или собственною нуждою завлеченный приходилъ сѣмо? Како шоль скоро сокрылся отсюда, что мы не могли взаимно другъ друга познати: лице же его зрится быти не простаго человека.

Тилемахъ въ отвѣтъ тако вѣщалъ: Воистинну уже исчезла надежда къ возвращенію родителя моего. Не иму отнынѣ вѣры никакому возвѣщенію, кто бы откуду ни принесъ оное, ниже внемлю гаданіямъ прорицателей, когда матерь моя призываетъ вопросити ихъ. Спранныкъ же оный издревлѣ есть свѣдомый Лаэрту и Одисею; родъ его есть отъ народа
Та-

Таёйскаго, имя ему Меншей, сынъ Анхилловъ, обладашеть своего народа.

Тако рекъ Тилемахъ: но самъ зналъ, что во образъ семъ была безсмертная богиня. Утѣшавшимся же женихамъ пѣніемъ и плясаниемъ, приблизился вечеръ; тогда всѣ ко сну отходятъ. Такожде и Тилемахъ идетъ во свою ложницу, предшествовающей со свѣпильникомъ престарѣлой рабынѣ Евриклеѣ, купленной Лаэртомъ цѣною за двадесять воловъ; и тамо со-
влекши съ себя одѣяніе, возшелъ на одръ волнуяся многими помышленіями.

ОМИРОВОЙ ОДИССЕИ

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

Вита.

Когда явилася божественная
утренняя заря; Тилемахъ, воз-
ставъ

ставъ отъ ложа, облеклся въ одежды, повѣсилъ на рамена мечъ, на ноги надѣлъ сапоги; и по изшествіи изъ ложницы, абіе повелѣлъ провозвѣстникамъ созвати на сонмъ Ахеанъ. --- Собравшуся множеству народа, идетъ и Тилемахъ, имѣя въ рукѣ копіе, послѣдующимъ ему двоимъ псамъ. Божественная Паллада излила на него благодать свою; и весь народъ удивился величественному его зрѣнію. Пришедъ на сонмище, сѣлъ на сѣдалищи отца своего. Былъ тамо нѣкто пресварѣлый Египетскій ирой, искусившейся знаніемъ во многихъ дѣлахъ, коего сынъ Аншифъ, находившись купно съ Одиссеемъ на Троянской брани на возвратномъ своемъ отшуда пути снѣденъ въ послѣднюю вечерю лютымъ Киклопомъ Полиеймомъ, и имѣвшей кромѣ сего еще трехъ сыновъ, изъ коихъ единъ обращался между женихами; двое же не

неоплучно пребывали со опцемъ, исполняя его повелѣнїя. --- Сей, тогда проливъ токи слезъ, начинаетъ тако: Мужесшвенные Исакіяне! Внушите, что возглаголю вамъ: никогда между нами не было поликаго собранїя отъ самаго того времени, когда Одиссей на брань отбылъ. Нынѣ же кто собралъ насъ сѣмо? Отъ младыхъ ли юношей, или отъ старцевъ кто? Кого нужда привлекла къ сему? Воинство ли сопротивное слышалъ кто приближающееся къ намъ, или общенародное какое зло хочетъ открыти? Разуменъ и благъ зрится мнѣ человекъ сей, кой въ злочленїи хочетъ сотворить помощь. Всесильный Дїй да обратиъ ему во благое все, что въ умѣ своемъ ни помышляетъ.

Тилемахъ, слышавъ сіе, зѣло возрадовался; ставъ же посредѣ собранїя, прїемлетъ отъ провозвѣстника жезлъ, и обращая къ
оному

оному старцу, тако начинаетъ :
 Почтенный мужъ ! Не далече есть
 человекъ оный, о коемъ испыту-
 ешь : се я есмь, кой созвалъ васъ
 на сіе собраніе : не знаю ничего,
 ниже о сопротивномъ воинствѣ,
 ниже о общенародномъ - злѣ; но
 привлекло меня къ сему собствен-
 ное мое дѣло. Два злключенія
 постигли домъ мой : первое, ли-
 шился я опца, кой нѣкогда вла-
 дычествовалъ надъ вами со всякою
 кротостію и любовію; второе зло
 люпѣише есть паче перваго, ко-
 торое вскорѣ низпровернетъ домъ
 мой, и вся стяжанія разсыплетъ.
 Сыны знаменитыхъ мужей здѣсь
 обитающихъ, насильственно при-
 нуждаютъ матеръ мою пріять су-
 пружество. Къ достиженію же сего
 не хотятъ итти къ опцу ея, кой
 можетъ достойнымъ ѣномъ на-
 градитъ дщерь свою, и отдать
 тому, кого самъ изберетъ; но
 пребывающъ всякій день въ дому на-
 шемъ,

темъ, и творятъ веселыя ликованія, закалая воловъ, овецъ и козъ; вино же пѣютъ безъ всякаго пощаждѣнія, и иная множайшая спяжанія разпочаютьъ всеу; зане нѣсть мужъ, каковъ былъ Одиссей, который бы отъвращилъ зло сіе отъ дому нашего; ибо я и юнъ есмь и безсиленъ. Когда бы была во мнѣ крѣпость, воиспину прогналъ бы враговъ отъ дома моего; ибо совершаются не сперпимыя дѣла, и сокровища съ понсненіемъ разграбляются. Вознегодуйте сами на свои дѣла, усъидитесь сосѣднихъ языковъ, убойтеся гнѣва боговъ, да не како прогнѣваются и воздадутъ мечь за ваши злодѣянія. Молю васъ во имя всесильнаго Діа и праведной Оемиды, воздержитесь, други мои, отъ обидъ таковыхъ, и оставьте единого меня сокрушаться печалію. Когда же благосердый мой отецъ огорчалъ васъ каковою либо обидою,

взы-

взыщете на мнѣ яростнымъ сердцемъ отмщенія вашего : а если не престанете тщетно расточати имѣніе мое, блюдишеся, да не постигнетъ васъ месть наша ; ибо дошолъ не престанемъ опъ васъ взыскивать благихъ своихъ, доколѣ совершеннаго воздаянія не получимъ.

Сіе рекши изпустилъ токи слезъ, и согнѣвомъ повергъ жезлъ на землю. Тогда всѣ пребыли въ глубокомъ молчаніи ; и никто не дерзнулъ опвѣщать ему досадительными словами. Единъ токмо Антиной тако начинаетъ : Не укротимый и велерѣчивый Тилемахъ ! Праведно ли творишь намъ укоризны, желая предъ всѣми насъ обезславить ? Воистинну не мы виновники швоея печали, но единая мать швоя, которая, ежедневно соплетая ложь, прельщаетъ насъ своими хитросостями ; ибо скоро уже минуетъ третій годъ, какъ
она

она сердца наши помитѣ обманамъ ; всѣмъ даетѣ надежду ; шворитѣ обѣщанія ; предпосылаетѣ вѣстниковъ ; въ сердцѣ же иное соумышляетѣ : какъ нѣкогда начавъ великую шкати одежду , пришедъ къ намъ , тако рекла : Знаменитые юноши ! Когда дражайшій мой Одисей скончался ; молю васъ потерпите ускоряти бракомъ , доколѣ не совершу сѣ шканіе на погребеніе престарѣлому Лаэрту , когда необходимая смерть прекратитѣ дни его , да не какая отъ Ахейскихъ женъ поругается мнѣ , когда не покровенъ будетѣ лежати шой , кшо при жизни многимъ обладалъ шякачѣмъ . Сими лесшными словами преклонила насъ къ вѣрояшю . Но она что совершала днемъ , оное ношю разрѣшала : и тако хитрость сѣ сокрывалась отъ насъ при лѣта . Наставшуже четвершому году возвѣстила намъ иѣкая отъ рабынь о лезши ея ; и

Часть I:

В

сами

сами мы обрѣли разрѣшающую тка-
нiе; и тако по нехотѣнiю окон-
чала. Женихи тебѣ тако совѣту-
ютъ, дабы и тебѣ и всѣмъ было
извѣстно: мать твою Пинелопу
спусти изъ дома твоего, и по-
веди ей вступить въ супружество
съ тѣмъ, кого отецъ ея изберетъ,
или кого сама возжелаетъ:
когда же нѣсколько еще лѣтъ бу-
детъ сплетать подобныя хитро-
сти, томя сердца наши; воистин-
ну не преспадемъ расплатъ на-
слѣдiе твое, доколѣ одинаковыя
помышленiя будутъ имѣти на
сердцѣ: она тѣмъ приобрететъ
великую славу; а тебя съѣстъ
сердоболѣе о истощаемомъ богат-
ствѣ. Мы не отыдемъ отъ дому
твоего, ниже приступимъ къ дѣ-
ламъ нашимъ, доколѣ не воспрiи-
мемъ по своему желанiю супру-
жества.

Тилемахъ отвѣщалъ ему: Ан-
тиной! Возможно ли мать родив-
шую

лую и воспитавшую меня изгнашь
 изъ дому прошивъ ея желанія?
 Отецъ мой или живъ сый, обрѣ-
 щается во ошдаленныхъ странахъ;
 или уже скончалъ животъ свой.
 Не болѣзненноли будетъ душѣ мо-
 ей ошдаши многое имѣніе Ика-
 рію, когда ошпущу къ нему дщерь
 его, мою же мать Пинелопу?
 Не сотворитъ ли мнѣ наказанія и
 отецъ мой, когда, возвратився въ
 домъ, не узритъ въ немъ жены
 своей? Чшоже воздастъ мнѣ Богъ,
 когда мать ошходя ошъ дому
 своего, будетъ заклимати меня
 ошмщеніемъ дщерей ада, лютыхъ
 мучительницъ Еринній? Не будетъ
 ли мнѣ поруганія и ошъ челоѣкъ?
 Воиспинну не сотворю сего мате-
 ри моей. Вы же ошавыте ошъ нынѣ
 домъ мой, ищите другихъ пир-
 шествъ, или взаимно другъ друга
 зовише на угощеніе въ дома ваши;
 когда пріятнѣе вамъ видится еди-
 наго мужа разточати спяжаніе,

испощайте : я призову боговъ во свидѣтельство , и уповаю , что всесильный Дій не оставитъ дѣлъ вашихъ безъ отмщенія : въ дому семъ смертію воистинну погибнете .

Такъ вѣщающу Тилемаху , се парятъ два орла отъ высокія горы , кои прилетѣвъ въ посредѣ сонма , обратилися единъ противу другаго , начали сражаться крыліями и когшями , и взирая на главы всѣхъ мужей , смерть предвѣщали ; но семъ наки полетѣли на десную страну чрезъ градъ и домъ Одиссеевъ , вси , на сіе взирая , чудились . Престарѣлой же ирой Алисѣерсѣ , искусившейся во многихъ гаданіяхъ , тако начинается : Мужественные Иезкіяне ! Послушайте глаголовъ моихъ , паче же всѣхъ вѣщаю къ ищущимъ Пинелопы ; зане имъ скорая приближается пагуба ; не далече бо Одиссей обрѣщается отъ своя отчизны ;

ны ; но зѣло близъ есть , и пред-
успрояетъ горькую смерть онымъ,
и инымъ многимъ во Иеакѣ оби-
щающихъ. Попищися убо, О юно-
ши ! преспаши отъ безумія ваше-
го заблаговременно : предвѣщаю
вамъ сіе не ложно , но довольно
искушенъ бывъ ; ибо уповаю ,
что съ Одиссеемъ свершилося мое
предсказаніе. Когда отходилъ онъ
на брань , я ему прорекъ , что по
претерпѣннѣ многихъ напастей и
лишився всѣхъ спутниковъ , не
свѣдушу никому , въ двадесятый
годъ прїидетъ во свое отечество.
Се нынѣ воистинну сіе совер-
щается !

Евримакъ отвѣщалъ ему : Лег-
комысленный старецъ ! Иди провѣ-
щевай такъ сынамъ твоимъ , да
не постраждутъ какого зла въ
предбудущее время : я же много
лучшій тебя прорицатель есмь :
воистинну многія сущь пшцы
нодѣ небесами , - но не всѣ способ-

ны къ гаданію. Знаю совершенно и то, что Одиссей давно уже погибъ. О когда бы и ты совокупно съ нимъ погрязъ! дабы толь не-смысленно гадашельствуя не безусловствовалъ всеу, и не возбуждалъ бы раздраженнаго Тилемаха ко гнѣву. Зрю, что уповаеши получить отъ него дары нѣкіе. Я же прорекаю, что когда ты старъ и многому обученъ будучи, возбудити юношу сего къ вѣдущему гнѣву, злѣйшая напасть его постигнетъ: а тебѣ, старецъ! сотворимъ наказаніе, кое нанесетъ тебѣ тяжкія болѣзни. И такъ совѣщую Тилемаху отпустить мать ко отцу ея; тамо сотворятъ ей бракъ, и наградятъ вѣномъ, какое приличествуетъ дащи возлюбленной дочери. Мы же не престанемъ требовати Пинелопу въ супружество; ибо никого не боимся, ниже велерѣчія и прещенія Тилемахова, ниже взираемъ на

на твое суемысленное пророчество, за что вящее отъ насъ прїимешь ненавидѣніе: стяжаніе ихъ паки начнемъ разпочати, доколѣ Пинелопы не прїиметъ супружества; ниже отъидемъ искать другихъ невѣстъ, и не сотворимъ конца начатому дѣлу.

Тилемахъ рекъ ему: Евримахъ! и вы прочіе знаменитые женихи! Не прошу васъ о семъ, ниже воспоминаю; знаютъ уже всѣ боги и всѣ Ахеане; но токмо молю васъ дать мнѣ корабль и двадцать спутниковъ; ибо хочу отъйти во островъ Пилъ и во градъ Спаршу, испытати славу о оцѣ моемъ; и когда услышу что онъ живъ есть, потерплю еще единъ годъ, ожидая его возвращенія: когда же познаю, что уже не наслаждается сіяніемъ солнца, возвратився въ домъ мой, созижду великолѣпную ему гробницу, и воздамъ достойное поминаеніе.

Сїе рекши, сѣлѣ на своемѣ
мѣстѣ. Посемѣ возставѣ вѣрный
Одиссеевѣ другѣ Меншорѣ, вѣ
смотрѣніе и храненіе коему пору-
чилѣ онѣ при отшествїи на брань
весь домѣ и все имѣніе, тако на-
чинаетѣ: Внушите, что возгла-
голю вамѣ: да не будетѣ ни единый
царѣ изѣ бывшихѣ на брани Тро-
янской крошокѣ, храняй истинну
и благочестїе, но дабудутѣ всѣ та-
ковые обладатели царствѣ жесто-
косерды, не праведны и насиль-
ственны, когда никто не воспоми-
наетѣ о царѣ Одиссеѣ, кой кѣ
народу своему крошокѣ былѣ, аки
отецѣ чадолюбивый. Не гнѣваюсь
я на молодыхѣ жениховѣ, не по-
добныя дѣла творящихѣ; ибо на
свои главы разшощаютѣ спяжан-
ное царемѣ Одиссеемѣ, о возвра-
щенїи коего никогда не помышля-
ютѣ: гнѣваюсь же паче на всѣхѣ
васѣ, что столь малаго числа мла-
дыхѣ юношей не можете воздер-
жать

жашъ отъ чиненія обидъ и насильствія.

Ліокришъ отвѣщалъ ему вопреки : Не смысленный Меншоръ ! можешь ли ты вообрѣсти намъ въ дѣлахъ нашихъ ? Когда бы и самъ Одиссей пришедъ сѣмо, помыслилъ изгнати насъ отъ дому своего , воистинну не возрадовалася бы жена его ; зане смерть бы скорая его постигла. Ошудите убо вси къ дѣламъ своимъ ; Тилемаху же предъуготовяшъ путь Меншоръ и Алисферсъ , други отца его ; мню бо никогда онъ не совершитъ сего путешествія.

Такъ вѣщающу, всѣ отходяшъ въ дома свои ; женихи же идушъ паки въ домъ Одиссеевъ. Тилемахъ, пришедъ на брегъ моря, и шамо умывъ руки , принесъ Палладъ моленіе тако : Услыши мя , великая богиня ! домъ мой вчерась посѣпшавшая , и по морю пріять путь повелѣвшая , да испышаю о ошцѣ

моемъ: но се нынѣ препятствуютъ мнѣ Ахеяне, паче же всѣхъ женихи гордые,

Тако молящуся Тилемаху, абіе явилася Паллада во образѣ Меншора, и шаквая къ нему глаголетъ: Тилемахъ! Когда ты имѣешь духъ мужества Одиссеева, во истинну не щещенъ будешь путь твой: когда же бы ты не его былъ сынъ, и рожденъ не отъ Пинелопы, знай, что предприемлемыя побою дѣла никогда бы желаемаго конца не имѣли. Но какъ не оставила тебя мудрость Одиссеева, и зришися быти мужественъ и не ленокшенъ, уповай съ дерзковеніемъ, что дѣла твои произыдутъ во благое преуспѣянiе. Сего ради не взирай на преценіе и гордость безумныхъ жениховъ; ибо не вѣдаятъ, что приближается имъ пагуба и неизбѣжимая смерть, которая всѣхъ ихъ пожретъ въ день единъ. Будь скоро готовъ къ пу-

ти

ти швоему; а я какъ другъ рожда-
шаго тебя всюду послѣдую тебѣ,
угошоваю карабль, и соберу море-
плаващелей. Иди убо нынѣ въ домъ
твой, и обращайся между жени-
хами; угошовъ въ напушіе хлѣбъ
и вино: между шѣмъ я взыду во
градъ, и, тамо созвавъ сопутни-
ковъ желающихъ, изберу лучшей
изъ всѣхъ корабль; и снабдивъ его
всемъ потребнымъ, вскорѣ низъ-
идемъ во глубину моря.

Тилемахъ, повинуюся гласу
богини, опходитъ спѣшно въ домъ,
гдѣ обрѣщаетъ жениховъ, обѣдъ
угошворяющихъ. Анпиной, узрѣвъ
его, идетъ ему во срѣщеніе, и
взявъ за руку, вѣщаетъ къ нему
съ посмѣяніемъ: Высокомѣрный и
неукротимый Тилемахъ! Изжени
отъ сердца твоего вредные совѣ-
ты и помышленія, паче же пре-
бывай съ нами, ядя и пія съ ве-
селіемъ какъ прежде: Ахейне ме-
жду

жду шѣмъ уголовятъ тебѣ ко-
рабль и спутниковъ.

Тилемахъ отвѣщае ему: Другъ
мой Анпиной! Возможно ли мнѣ
во множествѣ гордыхъ юношей пир-
шествовать и веселишься спокой-
но? Или не довольно вамъ, что
безъ пощады разшочали вы мои
сокровища, когда я еще былъ не
смысленъ: нынѣ же когда раз-
умѣю все и познаю благіе совѣты,
испытаю и узрю, не возмогу ли
нанести вамъ пагубы и смерти,
опшедъ ли во островъ Пилъ, или
здѣсь пребывая. Но ошеду, и пущь
мой будетъ мнѣ въ пользу.

Сказавъ сіе, изпоргаетъ свою
руку отъ руки Анпиноевы. По
семъ нѣкто отъ жениховъ паки
рекъ: Се како Тилемахъ уголов-
ляетъ намъ смерть! Воистинну
или отъ Пила или изъ Спарты при-
ведетъ себѣ помощниковъ, или отъ
Эфиры

Эфиры принесетъ смертоносный ядъ , и разтворивъ съ виномъ въ чаши , уготоваетъ намъ , и тако всѣхъ погубитъ смертію.

Тако разглагольствоваши женихи. Тилемахъ же не взирая на ихъ посмѣяніе , опходитъ въ чертогъ , въ коемъ хранилися одежды , въ ковчехахъ лежавшія , злато , мѣдь , благоуханный елей , и сосуды наполненные старымъ , чистымъ и божественнымъ виномъ , блюдымымъ къ пришествію Одиссееву. Тамо отпнувъ всегда заключены были двери , и пребывала въ ономъ день и ночь престарѣлая рабыня Еврикля , дочь Писинорова , которую узрѣвъ Тилемахъ вѣщаетъ : Возлюбленная питательница ! Наполни мнѣ дванадесять сосудовъ сладкаго онаго вина , кое блюдеши для отца моего Одиссея , и опверстія оныхъ укрѣпи твердо ; двадесать мѣръ въ мѣхи вложи чистыя

Чистыя муки; и все сіе собери во едино мѣсто: покмо блюдися, да не увѣдаешъ кто о семъ, кромѣ тебя единый. Наставшей же ноци, когда махеръ мой взыдетъ въ ложницу почиши, все сіе возьму съ собою; зане отхожду въ Спарту и Пилъ услышати о оцѣ моемъ.

Евриклея слышавъ сіе, возрыдала, и проливъ слезы, вѣщаетъ тако: Возлюбленное чадо! Откуда вселилося въ твое сердце таковое помышленіе? Како хочешь итти въ столь отдаленныя страны? Одиссей погибъ у неизвѣстныхъ народовъ: ты же единъ зришися предъ нами яко зѣница ока. Кто вѣдаешъ, не устроятъ ли тебѣ женихи по опшесствіи твоемъ пагубы? Сами же все твое имѣніе раздѣлятъ между собою. Молю тя, не отлучайся отъ дому твоего, но пребуди съ нами. Помысли, возможно ли тебѣ понести морскія злоключенія и странствованія?

Тиле-

Тилемахъ речетъ ей : Пита-
тельница ! дерзай и не устрашай-
ся; зане пущь сей предпріемлю не
безъ промысла Божія ; токмо кля-
нися мнѣ, что не возвѣспишь о семъ
матери моей, доколѣ прійдетъ два-
надесятый день, или когда сама
возжелаетъ видѣти меня, и о тѣхъ
другихъ увѣдаетъ о опшесствіи
моемъ; ибо не хочу, дабы она
меня ради изнуряла свое благо-
образіе.

Такъ глаголаѣ Тилемахъ. Ев-
риклей же сотворивъ кляшву, ис-
полнила вскорѣ его повелѣніе. Тѣмъ
временемъ божественная Паллада,
обшекая градъ, собрала морепла-
вателей : послѣ пришедъ къ Нои-
мону, сыну Фроніеву, корабль ис-
просила. Наставшей ноци и по-
мрачившимся всѣмъ спезямъ, сна-
бдивъ нужнымъ корабль, и изведъ
на море, постановила во приста-
нищи, куда и всѣ хотящіе воспрі-
ять пущь сей собралися. Посемъ
пре-

премудрая богиня невидимо вшедъ въ собраніе жениховъ, излила сладкое дреманіе на вѣжди очей ихъ, и абіе вси опходящъ въ дома почиши: къ Тилемаху же во образъ Меншора представъ вѣщаетъ: Любезное чадо! Храбрые твои сопутники къ кораблю уже собралися; тебя единого токмо къ опшествію ожидаютъ. Что убо оплагаемъ время? Почто медлимъ? Пойдемъ скоро.

Тако вѣщая, предшествоуетъ: Тилемахъ послѣдуетъ стомамъ ея. Пришедъ къ кораблю, обрѣтающъ тамо всѣхъ сопутниковъ въ готовности. Тогда Тилемахъ рекъ имъ: Пойдемъ, други мои! принесемъ опъ дому моего, что потребно есть къ напушю; уже все собрано и лежитъ готово: о опшествіи же моемъ ниже рабыни, ниже сама машерь Пинелопа свѣдома есть; единая токмо престарѣлая Евриклея знаетъ.

Сіе сказавъ, предшествуетъ. Пришедъ въ домъ, и взявъ угощенное, опнесли на корабль, и все положили сохранно. Божественная Паллада, возшедъ на корабль, и сѣдши на кормѣ, близъ себя посадила Тилемаха. Вскорѣ все приведъ въ порядокъ, опрѣшили корабль; и сѣдши по мѣстамъ, ялися плаванію. Богиня абіе послала благоносиѣшнй вѣтръ, кой дыханіемъ своимъ вскорѣ разпространилъ вѣтрила. Корабль уже несется по морскимъ водамъ, разсѣкая быспроптою своею шумящія и пенящіяся окрестъ его волны. Мореходцы сѣдши спокойно. Тилемахъ повелѣлъ имъ наполнити чаши виномъ: исполнену же бывшу его повелѣнію, пили всѣ, колько желали въ честь боговъ, а наипаче въ славу Аѳинскія Паллады.

И тако всю ночь и чрезъ весь день съ веселіемъ путь свой совершали.

Часть I.

Г

Оми.

ОМИРОВОЙ ОДИССЕИ

ПѢСНЬ ТРЕТІЯ.

Гамма.

Солнце, оставя жилище оке-
 яна, восходитъ на твердь небес-
 ную, неся свѣтъ безсмертнымъ
 и земнороднымъ; Тилемаховъ ко-
 рабль приближается къ Нилееву
 граду Пилу. Вшедъ во пристани-
 ще, видятъ божественнаго Несто-
 ра, со всѣми знаменитыми Пилія-
 нами на берегу моря приносящаго
 жертву отъ черныхъ тельцевъ мор-
 скому царю Посидону. Тогда бо-
 жественная Паллада вѣщаетъ къ
 Тилемаху тако: Любезный другъ!
 Олнынъ стыдъ уже не свойственъ
 тебѣ; сего ради и морскій путь
 ты прешелъ, дабы услышать
 славу о щцѣ швоемъ, кая сокры-
 ваетъ его земля, или кая смерть
 постигла. Иди убо прямымъ пу-
 темъ къ царю Нестору, да узримъ
 какій

какій совѣтъ подастъ намъ: шок-
мо моли его, да повѣдаетъ истин-
ну; ложь бо ему совѣмъ не свѣдо-
ма; зане зѣло есть разуменъ.

Тилемахъ отвѣтствовалъ ей:
Возлюбленный Менсоръ! Како при-
ступлю къ столь знаменитому ца-
рю? Како сотворю ему цѣлованіе?
Въ разумныхъ разглагольствіяхъ
я еще доселѣ не обращался: сты-
жуся, младъ будучи, вопрошати
сѣдинами украшеннаго мужа. ----
Премудрая Аѣина отвѣщала: Ти-
лемахъ! иное предумоури въ
умѣ швоемъ; иное же Богъ послетъ
тебѣ; ибо мню, что не безъ
промысла боговъ рожденъ ты и
воспитанъ.

Тако разглагольствуя, ше-
ствуюшъ вкупѣ въ знаменитое со-
браніе Пиліанъ, гдѣ божествен-
ный Несторъ сидѣлъ со своими сы-
нами, а вельможи окреситъ его
угошоваляи пиршественная. Узрѣвъ
же странниковъ, идущъ имъ во
Г 2 сръ-

срѣщеніе; и Пизистратъ сынъ Несторовъ приближившись къ нимъ, емлетъ за руки; и сажаетъ обоихъ на мягкихъ кожахъ близь оча своего и брата Өрасимида; потомъ предлагаетъ предъ нихъ пучныя части мяса, наполняетъ златую чашу виномъ, и мало вкусивъ отъ нея, вручаетъ Палладѣ, тако вѣщая: Возлюбленный странникъ! Прійми чашу сію и вкушай отъ нея въ возблагодареніе царю Посидону; зане и вы удостоились бывъ участниками пищества его; подаждь и сему швоему соупнику, да и онъ равное принесетъ моленіе безсмертнымъ; ибо всѣ мы требуемъ отъ боговъ покровительства. Зрю, что онъ юнъ есть и лѣтами равенъ мнѣ; сего ради первому тебѣ подаю сію чашу.

Такъ рекши, вручаетъ чашу. Богиня зѣло возвеселилася, видя мужа столь праведна и разумна, и начинаетъ тако моленіе: Содержай зем-

землю, царю Посидонѣ! не отри-
ни моленія нашего, днесь тебѣ
приносимаго. Впервыхъ божеспи-
веннаго царя Нестора и сыновъ
его прослави велією славою, також-
де и всѣмъ предстоящимъ здѣсь
воздаждь радостное воздаяніе за
закланная тебѣ отъ нихъ жертвы:
посемъ даждь Тилемаху и мнѣ
возвращеніе съ счастливымъ окон-
чаніемъ дѣла, коего ради пришли
мы сѣмо.

Тако молилася Паллада; но
сама все совершала: посемъ пода-
ла чашу Тилемаху. По насыщеніи
пищею и пишемъ пресловущый
царь Несторъ начинаетъ тако:
Возлюбленные гости! Нынѣ хочу
васъ спросити, кшо вы есте?
Откуда прилаваете спези мор-
скія? Дѣло ли какое имѣете? Или
суешно по морямъ аки разбойники
заблуждаете, предавая животъ въ
великія опасности, и нося озлоб-
ленія ближнимъ?

Тилемахъ, ободренный боги-
нею отвѣщалъ: Божественный ца-
рю! Мы пришли отъ острова
Иоакимъ, не для общественнаго дѣ-
ла, но собственною нуждою убѣж-
денные: хотимъ увѣдати о царѣ
нашемъ, о моемъ же отцѣ Одис-
сѣ, купно съ тобою, какъ повѣ-
даютъ, опровергшемъ Троянскія
спѣны. О всѣхъ прочихъ Ахеа-
нахъ, тамо бывшихъ, мы слыша-
ли, кто, гдѣ, и какою смертію
скончался; смерть же отца моего
Діи содѣлалъ неизвѣстною, и ни-
кто не можетъ подати вѣрнаго из-
вѣщенія, на морѣ ли, или на землѣ
погибъ отъ мужей непріятель-
скихъ. Сего ради ко твоимъ при-
падаю колѣнамъ, повѣждай мнѣ,
ежели гдѣ его видѣлъ, или что
слышалъ о немъ, не сокрой ни-
чего, милосердствуя и болѣзнуя
о мнѣ; но возвѣсти истинну.

Престарѣлый Несторъ рекъ
ему: Возлюбленный другъ! Попро-
шая

шая о семѣ, приводишь мнѣ на память всѣ злѣключенія, претерпѣнныя храбрыми сынами Ахейскими на морѣ и на сушѣ во время Троянскія брани. Тамо лежитъ бранноносный рапай Эантѣ, тамо чудный крѣпостію Ахиллѣ, тамо другъ его дерзновенный Патроклѣ, тамо убіенѣ лежитъ и возлюбленный мой сынѣ, неустрашимый воинѣ Антилохѣ, чудную легкость и быстроту въ бѣганіи имѣвшей. Всѣхъ же напастей, нами понесенныхъ, ниже чрезъ пять или шесть лѣтъ не возможно изчислити; ибо чрезъ девять лѣтъ устроили мы разныя ковы къ опроверженію онаго града. Едва наконецъ всесильный Дій помогъ намъ сокрушити враговъ нашихъ; шокмо мудростію и разнообразными ухищреніями никто не могъ превзойти Одиссея, имѣвшаго разсужденія и совѣты во всѣхъ дѣлахъ и собраніяхъ равныя и одинаковыя со мною.

По разрушеніи же града обратили-
 ся мы вспяшь на корабляхъ въ
 дома свои. Но Богъ разсыпалъ
 всѣхъ Ахеянъ, Великіи Дѣи за
 безуміе и за неправды предуспро-
 идѣ всѣмъ печальное возвращеніе,
 паче же совѣтомъ раздраженный
 Паллады, которая и между сына-
 ми Ахреевыми воздвигла великое
 несогласіе; ибо Ахеане собралися
 на сонмъ прошиву обыкновенія
 градъ захожденіемъ солнца, [и
 при томъ пришли обремененные ви-
 номъ]: Менелай совѣтовалъ тамо
 немедленно воспріять путь во своѣ
 отчизны: Агамемнонъ же увѣще-
 валъ, дабы нѣкое время пребыли,
 для принесенія жертвъ ко умило-
 стивленію раздраженный Паллады;
 не вѣдалъ бо безумный, что про-
 гиѣванные боги неудобъ преклонны
 суть къ милости. И такъ всѣ
 Ахеане, возмущаяся единъ проши-
 ву другаго, воздвигли великій
 шумъ и разпрю отъ неравныхъ
 желаній

желаній. Нощъ оная вся препро-
ведена въ зловредныхъ и несогла-
сныхъ помышленіяхъ. Заутра воз-
ставъ, низвели корабли на море;
собравъ все имѣніе, и посадивъ
плѣнныхъ женъ, отправилися. Но
Агамемнонъ съ другою частію во-
инства пребылъ тамо. Плаванію
нашему Богъ предуготовилъ бла-
гополучный путь. И такъ при-
сшали мы во островъ Тенедъ, для
принесенія жерщвъ громомещу-
му отцу боговъ Дію, кой новыя
паки намъ устроялъ зоключенія.
Ибо многіе отъ насъ отлучився,
присшали къ Одиссею и царю Ага-
мемнону; я не смотря ни на кого
сбравъ нѣколикое число кораблей,
ялся бѣгу; зане предузналъ, что
Богъ предъуготовляетъ нагубу. За-
мною слѣдовалъ и Діомидъ со сво-
ими спутниками. Но Менелай поз-
дно пришелъ къ намъ въ Лесвъ,
гдѣ мы совѣщевали о долговремен-
номъ нашемъ путешествіи, и не
Г 5 знали,

знали, выше ли острова Хію, оставя его влѣвѣ плыти къ острову Псиріи, или ниже Хіоса къ Миманшу? Молили Бога показати намъ знаменіе; и абіе повелѣно намъ итти во Еввію, дабы избѣгнути зоключенія. И такъ пришли мы нощію въ Герестъ, гдѣ многочисленныя царю Посидону принесли жертвы. Четвертый день былъ, какъ Діомидовы корабли прибыли въ Аргъ: я же держалъ путь ко граду моему Пилу; ибо благопоспѣшный вѣтръ не преспавалъ намъ способствовать. И такъ здравъ въ домъ свой я возвратился. О прочихъ же моихъ совоинсцвенникахъ, которые изъ нихъ на морѣ погибли, и которые спаслися, не знаю. Токмо слышалъ, что Неополемъ, сынъ Ахилловъ, съ Мирмидонянами приплылъ во свою отчизну благополучно; такожде Филокшипъ со своею дружиною и мудры Идомей совершили путь свой

свой безвредно, не потерявъ на морѣ ни единого изъ спутниковъ, на брани спасшихся. О царѣ Агамемнонѣ, мню, сами знаете, како погибъ коварствомъ безстыднаго Эгисеа, и какое мщеніе воздалъ ему Орестъ за смерть отца своего. Тако и тебѣ, чадо, подобаетъ быть мужественну, да обряцешь отъ будущихъ племенъ славу.

Тилемахъ отвѣщалъ ему: О велія слава Ахейнъ, божественный царю! Воистинну достойную Орестъ содѣлалъ мечь Эгисеу. О когда бы и мыѣ боги толикое даровали мужество къ отмщенію безстыднымъ женихамъ, кои не довольствуясь своими злодѣянїями и несносными обидами, соумышляють на меня нагубу; но вижду, что боги не опредѣлили мыѣ сея чести; подобаетъ убо терпѣти до нѣкоего времени.

Царь Несторъ насіе рекъ ему: Слышалъ и я, что многіе юноши,
ища

ища матери своея въ супружество, содѣвають тебѣ великія обиды. Но повѣдай мнѣ, добровольно ли сіе терпишь, или граждане свои возненавидѣли тебя, слушая гласа боговъ? Какое не помышляютъ безумные, что Одиссей возвратився внезапно въ домъ свой, единъ ли или со многими, накажетъ ихъ за злочинія? Когда бы божественная Паллада столько тебя любила, koliko опца твоего, коему всегда являлася откровенно, востыинну скоро престали бы они помышляти о супружествѣ.

Тилемахъ такій отвѣтъ далъ: Великоимениный царю! Я никогда не надѣюся щоль великія чести сподобиться, хотя бы и сами боги бысть тому благоволили. Ужасъ меня объемлетъ таковыя слова отъ тебя слышащаго.

Паллада, во образѣ Ментора находившаяся, тако Тилемаху отвѣ-

вѣщала : Не праведны сущь тако-
выя твои помышленія ; зане Богъ
и отдалече можешь спасти чело-
вѣка ; лучше бы и я восхотѣлъ
многѣя напаси подѣяти въ пу-
ти , шокмо безвредно въ домъ воз-
вратиться , нежели какъ Агамем-
нонъ благоуспѣшно свершивъ путе-
шесствіе , въ отечествѣ своемъ по-
гибъ ухищреніями коварнаго Эгис-
еа и лестию жены своея Клисте-
нестры . Общія же всѣмъ смерти
и самые боги не могутъ воспяши-
ти . Рано или поздно надлежитъ
всѣмъ умерети .

Тилемахъ отвѣщала ей : Воз-
любленный Менторъ ! Оставимъ
се ; ибо я знаю , что боги погу-
били отца моего , и кътому не узрю
въ домъ свой его возвратившаго-
ся . --- Тебя же , богоподобный царь
Несторъ ! хочу спросити : како
Агамемнонъ умерщвленъ ? Гдѣ въ
то время былъ Менелай , братъ
его ?

его? Коимъ образомъ коварный Эгисей смерть ему устроилъ?

Несторъ рекъ ему: Внемли чадо! Повѣдаю тебѣ истину: когда бы Менелай обрѣлъ живаго Эгисея, воистину повергъ бы его на поле въ снѣдь псамъ и птицамъ; и ни одна бы отъ Ахейскихъ женъ его не оплакала. Мы тогда, бывъ на брани, претерпѣвали различныя напасти и труды; но онъ въ то время, пребывая празденъ въ дому своемъ, имѣлъ единое тщаніе, дабы лестными словами преклонить къ безспуднымъ желаніямъ царицу Клитемнестру, съ начала долго пребывавшую непобѣди-
мою, доколѣ былъ при ней пѣвецъ, коему Агамемнонъ при опшествіи поручилъ въ смотрѣніе весь домъ и жену, и коего Эгисей появивъ нѣкогда съ собою на необитаемый островъ, оставилъ его тамо въ корысть и въ снѣдь птицамъ, по возвращеніи же опшуду
поялъ

поялѣ царицу въ домѣ свой , болѣе уже не прошивившуюся . Многія принесѣ жертвы богамѣ , многія великолѣпныя украшенія , одежды и злато истощилѣ во храмы въ возблагодареніе , что шоль знаменитое совершилѣ дѣло , каковаго никогда не чаялѣ . Мы тогда съ Менелаемѣ по дружескому нашему совокупно отѣ Трои преплавали море ; и когда достигли до Сунія , Аѣинскаго мыса , Аполлонѣ тамо Менелаева кормчія (*) убилѣ стрѣлами . Сего ради и по нехошѣиію оставили свое путешествованіе , дабы сотворитѣ другу своему погребеніе , и воздаѣ честь помяновеніемѣ . Окончавѣ сіе накіемлется пути совѣми кораблями , и вскорѣ приходитѣ къ Малейской высокой горѣ , гдѣ всесильный Дій , пославѣ бурные вѣтры , воздвигѣ волны аки горы великія , и корабли разсѣялѣ на двѣ

(*) Фронція сына Ониторова .

двѣ части ; изъ коихъ одна зане-
сена была бурею въ Критскую
страну , гдѣ обитаютъ при по-
токахъ рѣки Іордана Кидоняне , а
другая ко предѣламъ Горшинскимъ ,
гдѣ множество мѣлкаго каменія
препятствуетъ волнамъ умножаться .
Тамо едва сами плаватели
спаслися отъ смерти ; корабли же
отъ волнъ при камняхъ великій
вредъ претерпѣли . Но Менелай
самъ съ пятію кораблями прине-
сенъ былъ къ Египту , и тамо со-
биралъ злато и другія вещи , за-
блуждая въ иноплеменныхъ наро-
дахъ . Тѣмъ временемъ коварный
Эгисей пріялъ дерзновеніе устро-
ить смерть царю Агамемнону , по-
коривъ весь народъ во власть свою ,
и царствовалъ надъ Микинянами
семь лѣтъ . Въ осьмый же годъ
пришедъ отъ Аѳинъ мужествен-
ный его сынъ Орестъ , отмстилъ
смерть отца своего , убивъ лютою
смертію злокозненного врага сво-
его ,

его, и представивъ Аргивянамъ вечерю въ воспоминаніе вѣроломныя своя мапери и нечесливаго Эгисеа. Въ сей самый день возвратился и Менелай, имѣя на корабляхъ многія сокровища. --- Тако и ты, возлюбленное чадо! не многое время пребуди отдаленъ отъ дому твоего, да не како все твое стяжаніе разхитятъ поль неистовые женихи; ибо шдешао будешь заблуждашь въ чужихъ странахъ: паче же совѣтую тебѣ пріяти пушь къ царю Менелаю; поелику онъ недавно прибылъ во свою отчизну, преплавая пространство морей, и видѣлъ многихъ чуждыхъ народовъ, откуду и щиды въ единый годъ не могутъ прилешти. Иди убо къ нему на корабль твоемъ. Когда же хочешь сужимъ пушемъ пушешествовать; дамъ тебѣ коней и колесницу, послю сыновъ моихъ да проводятъ тебя въ Лакедемонъ къ велико-

Часть I. Д име-

именитому царю Менелаю , коего моли, да повѣдаетъ тебѣ истинну.

Такъ разглагольствовавшу Нестору , солнце сокрыло лучи свои въ водахъ океана , и ночь наступила. Тогда божественная Паллада рекла Нестору : Великодержавный царю ! Праведенъ и благъ есть совѣтъ твой ; разсѣките убо языки оныя , и возложите на огонь : разсворите и вино въ чащахъ , давъ возблагодареніе богамъ вкусивъ отъ него , насладимся сномъ ; ибо солнце уже лучи свои сокрыло.

Такъ произрекшей богинѣ , провозвѣстники абіе подали всѣмъ воду для умовенія рукъ ; юноши , наполнивъ чаши виномъ , раздѣлили каждому оныя ; языки же во огонь ввергли. Послѣ сего возставъ , отъ вина вкусили.

Тогда мнимый Меншоръ и Тилемахъ хотѣли отъйти на корабль ; но Несторъ удержалъ ихъ тако вѣщая : Самъ всеильный Дій

и прочіе боги да не допустятъ до сего, чтобы вамъ ошѣпи на корабль почиши. Или я вовсе нищъ есмь, и не имѣю ниже одежды, ниже ложа, ниже покрововъ? ---- Никогда не будетъ сіе, дабы возлюбленный сынъ великодушнаго Одиссея, пришедъ въ домъ мой, на корабль почивалъ, доколѣ я живъ остануся, и доколѣ сыны мои пребудутъ въ домѣ семъ, угощая всѣхъ приходящихъ съмо. ---- Аѣинская богиня отвѣщала ему: Великоимениный царю! да будетъ по швоему хотѣнію. Тилемахъ останется въ дому швоемъ, и здѣсь почіетъ; а я ошѣиду къ кораблю укрѣпиши мысли сонутниковъ нашихъ, и иѣчто повелѣти имъ; ибо я между всѣми ими старшій нарицаюся.

Сіе рекши, отходитъ во образѣ ошлепающія пшицы. Ужасъ всѣхъ объемлетъ: и Несторъ зѣло удивляясь, вѣщаетъ къ Тилема-

ху : Возлюбленный другъ ! Зрю ,
 что и ты будешь непобѣдимъ во
 брани , когда шоль юна сущаго
 тебя сами боги въ пуши швоемъ
 руководствуютъ . Но мню , что не
 инный кто отъ небожителей былъ
 днесъ съ тобою , какъ премудрая
 богиня Паллада , которая и опца
 швоего между Аргивянами зѣло
 прославила . Будь убо , о боже-
 ственная дщи Діева ! и къ намъ
 милослива ; послѣ славу швою мнѣ ,
 сынамъ моимъ и возлюбленной су-
 пружницѣ : я же въ жершву тебѣ
 принесу не укрощенную краву , ро-
 та ея позлашивъ чистымъ зла-
 томъ .

Сіе окончавъ , грядетъ въ домъ
 свой , и всѣ ему послѣдуютъ . Та-
 мо преспарѣлый царь , посадивъ
 всѣхъ на сѣдалищахъ , повелѣлъ
 чаши наполнити виномъ , чрезъ
 десянь и единое лѣто домострои-
 тельницею соблюденное , и при-
 несши божественной Палладѣ мо-
 леніе ,

леніе, вкусили коликѣ кто желалъ.
Посемъ спходятъ всѣ почивати.

Когда же явилася багряновидная утренняя заря; Неспоръ оставъ отъ одра, облекшися въ одежды и изшедъ изъ дому, сѣлъ при вратахъ на камняхъ, имѣя въ рукѣ скипетръ. Собралися предъ него и всѣ сыны его: Ехевронъ, Спратій, Персей, Аритъ, Орасимидъ и Пизиспратъ пришелъ съ Тилемахомъ. Тогда боюнодобный Неспоръ начинаетъ тако: Возлюбленные чада! Скоро пощипиися совершивъ желаніе мое, къ умилоствленію премудрыя дщери Діевы Паллады, пощипиши наше празднество вчера съ благоизволившей: единъ отъ васъ да идетъ на село, и повелитъ привести шучную не укрощенную краву; другій да идетъ къ кораблю Тилемахову, и приведетъ съмо всѣхъ его спутниковъ, оставя токмо двоихъ для стражи; претій да повелитъ прій-

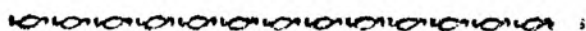
ти злаларю Лаэркею: прочіе пусть пребудуть здѣсь наблюдая, да уготовяютъ намъ рабыни обильное и великолѣпное пиршество.

Тако рекъ: и абіе исполнено было повелѣніе царя, кой пришедшему злаларю вручилъ для позлащенія роговъ злато. Исполнишуся позлащенію, повели краву Спратій и Эхевронъ; воду для омовенія рукъ и муку несъ Аришъ; сѣкиру для убіенія кравы держалъ Ѳрасимидъ, а Персей имѣлъ чашу для пріятія текущія крови. Божественный царь Несторъ, взявъ муку и воду, принесть моленіе Палладѣ, и отрѣзавъ нѣсколько власовъ отъ главы кравіей, во огонь ввергнулъ. Скоро посемъ Ѳрасимидъ приближився, возноситъ сѣкиру, ударяетъ краву во выю, по пресѣченіи ей жилъ на землю упавшую. Дщери же, супружница Нестора Евридика, младшая дщерь Клименова, и жены сыновъ его

воздвигли рыданіе. Пизистратъ приступивши, заклалъ оную совершенно; и по истеченіи крови, раздѣлили на части. Бедры окропивъ тукомъ, предназначилъ въ жертву богинѣ; а прочія части угодовали на пиршество. По сожженіи жертвенныхъ частей, лидеръ Несторова Поликаста пришедъ, омыла Тилемаха, и все тѣло умасливъ еле-емъ, облекла его въ чистую и свѣтлую ризу. Младый ирой по умовеніи сѣлъ близъ царя Нестора, сіяя удивительною красотою. Когда всѣ пищею и пищемъ насытились; тогда сѣдиною украшенный ирой рекъ: возлюбленные чада! Скоро Тилемаху угодовыше коней и колесницу, да совершитъ желаемое свое путешествіе.

Тако ему рекшу; и абіе исполнено было его повелѣніе. Домоспиротельница угодовила имъ на путь сладкія яствы, и наполнила мѣхъ виномъ. Тилемахъ сѣ

Пизистратомъ вшедъ на колесницу, мгновенно оставляютъ градъ; и весь оный день въ пути препроводили. Зашедшу солнцу, достигаютъ они града Фирама, и становящся въ дому Діоклея, сына Орсилохова, угостившаго ихъ и предложившаго дары: по вечери же чрезъ всю ночь сладкимъ сномъ наслаждалися. По восходѣ денницы, паки емятся пути, и чрезъ весь день на быстрыхъ коняхъ оный совершали.

ОМИРОВОЙ ОДИССЕИ

ПѢСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Делта.

Наконецъ, достигнувъ пространства: и великолѣпна: града Лакедемона, шествуютъ прямо къ чертогамъ славнаго Царя Менелая, кой
тогда

тогда творилъ пиршество градскимъ старшинамъ, поржествуя браки сыновей и дщери, кою при одежаніи еще Трой обручилъ сыну бранноноснаго Ахилла; [ибо бракъ сей самымъ богамъ бысть благоугоденъ]. Она во градъ Мирмидонъ провождена была на коняхъ и колесницахъ. За сына же своего мужественнаго Мотапенеа, отъ рабыни въ старости прижитаго, поялъ дщерь жителя Спартанска Алектора; ибо Елена родивъ ему едину дщерь Эрміону, благолѣбную яко Афродису, пребыла уже неплодна. Тако ужики и граждане цареви, по всѣмъ пространнымъ чертогамъ пиршествовали. Между ими искусный пѣвецъ, ударяя въ гусли, воспѣвалъ пѣсни, и два плясца посреда плясали.---- Тилемахъ и славный Несторовъ сынъ, приближився ко вратамъ дому царева, низшли съ колесницы. Этеоней, рабъ Менелаевъ,

уэрѣвъ ихъ , неукосненно идеѣтъ къ нему съ извѣщеніемъ , и пред- ставъ предъ очи его , ; тако вѣ- щаетъ : Великій царю ! Пришли сѣмо два юноши , кои мнятся бы- ти отъ роду великаго Дія : рцы убо , отрѣшимъ ли кони отъ коле- сницъ ихъ ? Или да идуѣтъ къ страннопріемцамъ ?

Крошкій Менелай , шяжко воз- дохнувъ , тако отвѣщаль : Эше- оней ! толико легкомысленъ никог- да ты не бывалъ. Днесъ же яко опрокъ опроческая глаголешъ. Мы въ пушешествіи сами многими бы- ли спраннопріемлемы , и цѣлы во свою опчизну возвратилися , [да и впредъ спасетъ Богъ отъ всякія напасти] . И такъ иди и отрѣши кони странниковъ отъ колесницъ ихъ ; самихъ же ихъ введи сѣмо , да намъ соликовствуюѣтъ.

Эшеоней по глаголу цареву спѣшно течетъ , и созываетъ про- чихъ рабовъ , да слѣдуютъ ему.

По

Потомъ отрѣшаютьъ отъ ига упря-
 жденныхъ коней , и привязавъ ихъ
 къ яслямъ ; предлагаютьъ предъ
 нихъ житю и овесъ ; путешествен-
 никовъ же вводятъ въ чертоги ца-
 ревы , куда вшедъ они , обѣяты
 были безмѣрнымъ удивленіемъ ; за-
 не злато повсюду аки солнечный
 свѣтъ блистало. Насытивъ очи
 зрѣніемъ , приходять ко умываль-
 ницамъ , гдѣ рабыни омывъ ноги ,
 и умасливъ главы елеемъ , облекли
 ихъ въ свѣтлыя одежды , изъ ру-
 на истканныя. Послѣ въ сопрово-
 жденіи единой изъ рабынь , несшей
 въ златомъ сосудѣ воду , пред-
 ставъ предъ царя Менелая , сѣли
 близъ его на сѣдалищахъ. Предъ
 нихъ представлены были многія
 яствы , различныя мяса и съ ви-
 номъ сосуды. Царь Менелай , по-
 давъ десницу , тако привѣтство-
 валъ : Вкушайте съ веселіемъ : по-
 слѣ , какъ насытитесь , повѣдай-
 те намъ , отъ коея страны есте?

Мню

Мнѹбо васъ быти отъ роду не про-
стаго.

Сіе рекши, предлагаетъ предъ
нихъ шучныя части мясѢ. Тиле-
махъ, насытився пищѣмъ и пи-
щею, преклонивъ главу къ Пизи-
спрату, тако на ухо вѣщаетъ:
Любезный Пизиспратъ! Виждь ис-
ходящее по всѣмъ чертогамъ сія-
ніе злата, серебра, мѣди, янтаря
и слоновой кости, Великолѣпіе
сіе, на кое я взирая восхищаю-
ся, подобись обиталищу Олим-
пійскаго Зевеса. Царь, уразумѣвъ
имъговоренное, и обратясь къ нимъ,
тако начинаешъ: Возлюбленные ча-
да! Кто изъ чловѣкъ можетъ
уподобиться Дію! Чертоги бо его
и украшенія состоятъ изъ веще-
ства неплѣннаго. Что до земно-
родныхъ, не многіе со мною мо-
гутъ сравниться въ великолѣпїи.
Многая поистиннѣ въ странство-
ванїи моемъ пострадалъ я злая,
и не прежде въ домъ возвратился,
какъ

какъ по седми лѣтѣхъ. Я былъ на островѣ Кипрѣ, въ Финикіи, у Египтянъ, Еѳіоплянъ, Сидонянъ, Эремвишянъ и въ Ливіи, гдѣ суть агницы совсѣмъ опъ прочихъ опмѣнныхъ породы; прое-кратно бо въ году плодятся; сего ради ни домовладыка, ниже пастырѣ не имѣютъ недосыпка ни въ сырѣ, ни въ мясахъ, ниже во млекѣ. Тѣмъ временемъ, какъ заблуждалъ я по симъ спранамъ, братъ мой коварствомъ своей жены испилъ смертную чашу. Опшолъ ничто меня не услаждаетъ. Слышали вы, мню, опъ опцевъ вашихъ во время моего спранствованія о расхищеніи стяжанія моего. Лучше бы мнѣ при претіей часпи оныхъ оспатися; токмо бы здравы были мужи, при облежаніи Трои падшіе. Ибо я, оплакивая ихъ жребій, не исхожду изъ чершоговъ. Скорбь, то утѣшаетъ меня, то успокоеваетъ; кратка бо сладость оныя.

онил. Но ни о комъ толико не болѣзную, колико объ Одиссеѣ, изъ всѣхъ Ахейхъ величайшіе труды за меня подъявшемъ, который доселѣ странствуетъ; и не свѣдомо, живъ или мертвъ. Оплакивающихъ его преспарѣлый Лаэртъ, благотрудная Пинелопея и Тилемахъ, младенцемъ оставленный.

Тилемахъ, услышавъ о имени отца своего, пролилъ токи слезъ, опирая ихъ багряницею. Менелай, узрѣвъ сіе, мыслилъ спросить о причинѣ плача. Тѣмъ временемъ входилъ прекрасная Елена. Мгновенно Адраспа постановила ей сѣдалище; Алкиппа несла за нею драгоценныя ковры; Филона же златую пряслицу, на коей руно было еіюлеповаго цвѣта, и дебрюную крабушку, подаренныя Алкандрою, женою Поливія, Оивовъ Эгиптіацескихъ жителя, кой Менелаю въ даръ далъ двѣ серебряныя умывальницы, два шреножника и десять
та-

шалантовъ злата. - Царица, сѣдѣ
за пряслицу и подспавивъ подно-
жіе, тако ко своему супругу на-
чинаешъ глаголати: Царю! Отъ
какія страны сѣи пришельцы, въ
дому нашемъ витающіе? Не вѣ-
даю, истинно или иѣтъ сердца
моего чувствованіе; шокмо его оп-
крою: никогда бо видѣла подоб-
ныхъ симъ юношамъ мужей или
женъ. Паче же удивляешъ меня
то, что въ единомъ изъ нихъ по-
знаю Тилемаха, сына великодуш-
наго Одиссея, бывшаго вкупѣ съ
вами на брани Троянской, и въ пе-
ленахъ его оспавившаго.

На что тако въ отвѣтъ ей
рекъ Менелай: Возлюбленная су-
пруга! и я мню тоже самое; ибо
юноша сей, очи, образъ и власы
имѣетъ Одиссеевы. Что сѣе ис-
тинно есть, утверждаетъ меня
паче то, что онъ при напомино-
веніи моемъ о Одиссеѣ, пролилъ
шоки

поки слезѣ, опирая ихъ своею
ризою.

Здѣсь пресѣкъ рѣчь его Пизиспратѣ, сынѣ Несторовѣ, и си-
це возглагодалъ: Великоимениый
Царю! Воистинну онѣ есть сынѣ
Одиссеевѣ: но таишѣ о себѣ; скро-
менѣ бо зѣло. Пришедѣ сѣмо, не
хотѣлѣ предѣ побою, коего гла-
сомѣ яко божественнымѣ мы ушѣ-
шаемся, тщетныя вѣщаши глаго-
лы. Несторѣ далѣ ему меня вѣ
сопутника; возжелалѣ бо тебя ви-
дѣши, да облегчишѣ или самымѣ
дѣломѣ, или совѣщаніи скорбѣ
его, вѣ кою ввергаешѣ шесуствѣе
родившаго его; нѣсть бо ему ушѣ-
шающаго. Вѣ такомѣ соспѣчаніи
днесѣ Тилемахѣ обрѣщается.

Кроткій Менелай тако отвѣ-
щалѣ: Безсмертныя боги! И такѣ
вѣ дому моемѣ вишаетѣ сынѣ дру-
желюбнѣйшаго мнѣ мужа, многія
болѣзни за меня подѣявшаго! Гро-
момощудій Дій! благоволи, да
узрю

узрю его самого нѣкогда. Я въ честь ему воздвигнулъ бы въ Аргѣ градъ и зданія, и со всемъ родомъ и людьми призвалъ бы его во оный: тогда бы вѣдущую возымѣли мы между собою любовь, кою разорвать развѣ бы сильна была смерть едина. Но сего, мню, Богъ не хочетъ.

Такъ вѣщая, возбудилъ во всѣхъ рыданіе. Плакала Елена, плакалъ Тилемахъ, плакалъ самъ Менелай. Не могъ воздержаться отъ слезъ и сынъ Несторовъ, вспомняувъ о не повинномъ Антилохѣ, убійennemъ отъ сына златорныя девицы, и тако началъ вѣщати къ царю: Царю Менелай! Ког. ни случилось намъ разглагольствовать о тебѣ; Несторъ всегда прославлялъ паче прочихъ земнородныхъ мудрость твою. И тако днесъ послушай меня: престани сѣтовать; не пристойно бо сіе швориши во время вечера: вско-

рѣ явился паки златозарная денница. --- Всякое бѣдство долженствуетъ быти сносимо; ибо всякъ есть смерщенъ, и всякъ подверженъ сему жребію; хотя спринци власы и почипи изъ очей слезы и есть долгъ бѣднаго человѣческа. Вѣдаешь ты, что братъ мой, превозшедшей всѣхъ быспрошою въ ристаніи, и искусвомъ во брани, также испилъ смертную чашу; но я не скорбѣлъ и не печалился.

Менелай тако ему рекъ: Возлюбленнымъ другъ! Все шобою реченное прилично есть стару и благомудру мужу; и колико разумно глаголешь, толико благороднаго родителя имѣешь. Воистинну ты еси сынъ достойный родившаго тебя, коему бысть свыше благоизволеніе препровести дни старости въ дому своемъ и веселиться мудростію и доблестію сыновъ своихъ. Престанемъ отселъ скорбѣти; начнемъ омывъ
руки

руки вечеряши; заутра же поглаголемъ съ Тилемахомъ искреннѣе.

Преславшу ему глаголаши; абіе Асфаліонъ подалъ воду для умовенія рукъ: по томъ всѣ вкупѣ начали вкушати. Тогда Еленъ благоугодно было вложити въ вино нѣкое зѣліе, кое ирѣяшо будучи въ ономъ, шворишъ забвеніе печали, и гнѣвъ уполяешъ, яко ни едина слеза изъ отей не издадеши, хотя бы отецъ или маперь умерли; или бы брата или возлюбленное чадо предалъ кто смерти. Такое распеніе хранила у себя царица, кое подарено было ей Полидамною, женою Θона Египтянина, гдѣ земля производитъ многіе какъ вредоносные, такъ и спасительные злаки, открытые Аполлономъ, паче всѣхъ смертныхъ искусствомъ врачевать превозшедшимъ.

Когда угощевали оное смѣшеніе, Елена тако рекла: Царю Ме-

нелает, и вы сыны храбрыхъ мужей! Почасту великій Дій злое въ доброе, и доброе во злое премѣняетъ; всябо можешъ. Днесь убо ипршешествуйте, взаимною бесѣдою утѣшаяся. Почредѣ и я рещи намѣрена все, [хотя то будешъ на-че силъ моихъ], что ни учинилъ достопамятнаго Одиссей несчастный; и како онъ обболстилъ народъ Троянскій, когда бѣдствовали Ахеане, за жестокосердіе наказуемые.---- Онъ облекшись въ раздранное рубище въ подобіи раба вшелъ для соглядатайства во градъ Трою, гдѣ никто его не позналъ, кромѣ меня единой. Я о немъ вопросила; но онъ притворно отпрекся; и не прежде открылъ свое намѣреніе, доколѣ я, умывъ его, умастивъ главу елеемъ, и облекши во одежду, не клялася, что не повѣдаю о немъ Троянамъ. Послѣ сего посредствомъ своей хитрости предавъ смерти многихъ жителей

шелей града, къ Ахеанамъ возвратился. Тогда всѣ жены Троянскія рыдая, вопіяли: едина я внутренно веселилася; желала бо возвратиться во свою опчизну, оплакивая свое заблужденіе, вспоминая о дщерѣ, о супругѣ, и укоряя себя за безуміе.

Менелай, пресѣкши рѣчь ея, тако начинаетъ вѣщаши: Все сіе праведно рекла, возлюбленная жено! Во многихъ странахъ бывалъ я, видѣлъ мужей и бранноносныхъ и мудрыхъ; но ни гдѣ не обрѣлъ подобнаго несчастному Одиссею. Коль много сей ирой учинилъ тогда мудраго, когда князи Ахейскіе засѣдѣ въ коня, [въ числѣ коихъ и я обрѣшался], уготовлялися нанести конечные удары Троѣ. Ты наконецъ шуда пришла съ Діфовомъ; и я мню, самъ Богъ вложилъ тебѣ сіе въ сердце; шроекратно осмотрѣвъ тайный входъ въ коня, нарицала

по имянамъ всѣхъ ироевъ Ахейскихъ. Я, Діомидъ и разумный Одиссей, сѣдя внутри онаго, слышали твои вѣщанія, и мы оба готовы были съ усстремленіемъ или илыши изъ него, или оповѣщати тебѣ; но мудрый Одиссей намъ возбранилъ. Всѣ прочіе юноши Ахейскіе молчали. Единъ шокмо Антикъ хотѣлъ оповѣщати тебѣ; но Одиссей и ему заградивъ уста, спасъ чрезъ 'то всѣхъ Ахейянь. Дошолъ пребывали мы въ семъ состояніи, доколѣ не пришла ты обратно.

Когда царь Менелай преспалъ, тлаголаши, Тилемахъ тако къ нему рекъ: Храбрѣйшій Менелай! Адамонтово сердце его ни чѣмъ бо сокрушенно быти можетъ. Но, повели намъ ложе угошовати; за не сонъ зоветъ во свои обѣщанія.

Изрекшу сіе Тилемаху, Елена абіе повелѣла немедленно рабынямъ на переходахъ постлати постели,

по-

положиши покрывала, ковры и срачицы. Рабыни съ возженнымъ свѣточемъ спѣшно пекушъ исполнители повелѣнное царицею. Одры уготованы. Тилемахъ и сынъ Несторовъ провождены шуда почти. Самъ же Менелай съ Еленою легъ въ верхнихъ чертогахъ дома.

Когда злопозарная денница явилася; царь восставъ отъ одра, облекшись во одежды, повѣсивъ на ramo обоюду острый мечъ, надѣвъ сапоги, и пришедъ къ Тилемаху, тако начинаетъ: Возлюбленный Тилемахъ! Кая нужда побудила тебя чрезъ столь далекий путь прійти съмо? Народная ли, или своя собственная? Повѣжда мнѣ истину.

Тогда Тилемахъ отвѣщалъ: Царю Менелай! Пришелъ я съмо, да увѣдаю о опущъ моемъ; въ дому нашемъ происходятъ многія неустройства. Онъ исполненъ есть враждебными мнѣ людьми, кои

ища въ супружество матери моея, закаляютъ овецъ, и распощаютъ своевольнѣ ошеческая спяжанія. И шако молю шя, повѣдай мнѣ о кончинѣ его, ежели ты оную видѣла, или слышала отъ кого-либо; злосчастенъ бо есть отъ рожденія матерняго. Возвѣсти истинну о всѣхъ дѣянїяхъ и глаголахъ учиненныхъ при облежанїи Трои опцемъ моимъ, гдѣ Ахейне подѣляли толикїе труды и напасши; и ничего не утай.

Тогда шяжко воздохнувъ Меланъ, начинаетъ глаголати: Увы! како безсильные юноши дерзаютъ почти на ложѣ столь сильнаго и крѣпкаго мужа? Аки младая лань съ еленемъ возхитивъ дѣшей сильнаго льва, усыпляетъ ихъ на холмѣ въ густой дебри; сами же пасутся во злочной юдоли: но сей пришедъ, и не видя исчадія своего, пропскаетъ всюду; по семъ обрѣвши еленя съ ланію, и обоихъ
разъ

разтерзавъ пожираетъ : тако
 Одиссей возвратився , содѣлаетъ
 горькую женихамъ пагубу. Ошче
 дѣй , Паллада и Аполлонъ ! О ког-
 да бы таковъ нынѣ возвратився
 Одиссей , предъ гордыми женихами
 явился , каковъ былъ въ Лесвѣ ,
 когда сражался съ сыномъ Фило-
 мида , коего сокрушивъ , низвергъ
 мужественно. Тогда всѣ Ахеане
 возрадовалися. Всконечно бы они
 узрѣли днесь вскорѣ конецъ горест-
 наго своего брака. О чемъ же ме-
 ня вопрошаешь , и жаждешь увѣда-
 ни , возвѣщу тебѣ истинну , еже
 открылъ мнѣ о немъ нѣкій ста-
 рецъ , любящій истинну ; Безсмерт-
 нымъ , зане не принесъ я имъ
 должныя жершвы , угодно было
 меня пренлавающаго въ домъ съ
 пути совратиши во Египецъ , не
 доѣзжая коего есть нѣкій островъ
 Фаръ зовомый , до коего на кораб-
 лѣ споспѣшесуемомъ въпрами съ
 разпущенными въпрами попре-
 бенъ

бенъ день плаванія. Тамо обрѣ-
таемся самое пространное приста-
нище, гдѣ запасшися водою, паки
вдаются морю; тамо ради прошив-
ныхъ вѣтровъ пребылъ я двадес-
ять дней. Когда бы не призрѣла
на меня и не спасла нѣкая богиня
Идооея, дочь Прощеева, надо-
мною сжалившаяся; сугубое по-
спигло бы меня злосчастіе. Заблуж-
дающіе бо питаются на семъ
островѣ ловленіемъ рыбы. Вель-
ми не смысленъ еси, странниче,
тако рекла оная богиня ко
мнѣ приолижився, что, или по
опчаянію или добровольно доселѣ
здѣсь пребываешь и печалію утѣ-
шаешься. Ежели еще нѣколико
дней здѣсь премедлишь, навсегда
злосчастенъ останешься; ибо со-
путники твои начинаютъ серд-
цемъ смущаться. Я ей отвѣщаль:
истинну тебѣ реку; мню бо ты изъ
богинь нѣкую быти: не произволь-
но здѣсь пребываю; но вижду, что
какій

какій нибудь богъ гнѣваяся на
меня, возбраняетъ возвратиться
во отечество. Спранниче! глагола-
ла она мнѣ, я тебѣ повѣдаю ис-
тинну: въ сей странѣ есть нѣкій
богъ моря Протей, вѣдающій всѣ
глубины водныя и Цепсуну слу-
жащій, кой, какъ повѣствуютъ,
ошещъ мнѣ есть: когда ты его
какимъ либо ухищреніемъ имеши;
повѣдаешь тебѣ все подробно о
пути твоемъ, о далекости онаго,
о твоемъ возвращеніи, паче же
одѣющемся въ дому твоемъ. — Но
како, рекъ я, возмогу сіе учинити;
боги бо прозорливѣйшіе суть земно-
родныхъ? — Сице, ошѣщала мнѣ бо-
гиня: когда солнце достигнетъ
средины дня, тогда Протей при-
вѣянїи зефира, изшедъ ляжетъ на
брегъ посредѣ морскихъ животно-
ныхъ, посшайно спящихъ, и излу-
скающихъ нестерпимое отъ себя
зловонїе: ты же избравъ троихъ
вѣрнѣйшихъ тебѣ мужей, прихо-
ди

дѣ сѣмо: я васѣ положу вкупѣ съ
 оными чудовищами, посредѣ коихѣ
 Протей аки пастырь посредѣ агн-
 цевѣ покоится. Когда узрите его
 уснувши, тогда потребна ваша
 смѣлость и сила, и нападѣ на не-
 го, держите крѣпко дошолѣ, дон-
 деже не узрите его подобна спя-
 щему; зане кѣ освобожденію свое-
 му преобразашся будешѣ въ раз-
 ныя подобія, какѣ шо въ землю,
 въ животныхѣ, въ воду и огнь;
 тогда разрѣшивѣ его, вопросы,
 кто изѣ бессмертныхѣ на себя
 гнѣвается, и что предопредѣлено
 о швоемѣ возвращеніи. Тако рек-
 ши, дошѣ очей моихѣ сокрылася
 Тогда пошелѣ я спѣшно кѣ кор-
 блямѣ своимѣ, и тамѣ сотворивъ
 всѣ вкупѣ вечерю, опочили.

Когда утренняя заря показа-
 лась; тогда я избравѣ троихѣ
 вѣрнѣйшихѣ мнѣ друзей, и при-
 звавѣ боговѣ въ помощь, пошелѣ
 въ назначенное богинею мѣсто,
 тамо

свою. При сихъ его словахъ весь духъ мой возмутился; не желалъ бо паки вдаваться толь далекому и многотрудному плаванію. Потомъ рекъ ему: все сіе, еже повелѣваеши, сотворю: но возвѣсти мнѣ истинну: всѣ ли полководцы Ахейскіе, бывшіе на брани Троянской, коихъ мы оставили съ Песноромъ, возвратились во свои отчизны? Или нѣкіе изъ нихъ погибли? Онъ отвѣдалъ: сыне Амреевъ! Почто о семъ вопрошаеши меня? Не довѣтъ бо тебѣ сіе вѣдати, ниже испытovati: да и не мню, чтобы я не прослезился, когда подробавъ все тебѣ повѣдаю: Многіе изъ ихъ наказаны, а многіе спаслись. Все и доднесь еще странствуютъ; ты единъ еси изъ ихъ. Лякъся флотомъ своимъ претерпѣлъ ты Нептуна многія искушенія, по по безднамъ морскимъ носяся, по кораблями о камни ударяся. Во истинну избѣгнулъ бы онъ отъ смер-

ти,

ти, какъ ни былъ Палладою ненавидимъ, когда бы не изрекъ нѣкоего нечесливаго слова, и тѣмъ вѣщающе боговъ не прогнѣвалъ, похваливша, что мечь не возбранитъ ему спастися отъ наглости водъ морскихъ. Тогда богъ морей, не стерпя его мечпаній, пріемлетъ во гнѣвъ презубецъ, и сильною рукою ударивъ о камень, сокрушилъ оныи, коего часть едина осталась на своемъ мѣстѣ, а другая, на коей сидѣлъ Аяксъ, погрязла вкупѣ съ нимъ въ безднѣ моря. Такимъ образомъ погибъ сей вождь. Братъ твой такожде безъ особливаго покровительства великія Ириды едва ли бы спас отъ гибели; онъ уже достигъ Малейскія горы, какъ внезапно стремленіемъ вѣтровъ опнесенъ былъ къ самому Аргу, гдѣ по Ѡдессѣ державствовалъ сынъ его Эгисей. Но какъ и шамо никакого зла ему не приключилоя; то въ

возблагодареніе богамъ, что благо-
волили безвредно возвратиться во
отечество, пролилъ радостныя
слезы. Уже корабль присталъ ко
брегу. Спражъ поставленный ко-
варнымъ Эгисеомъ спреци его, ко-
ему за сіе далъ онъ два таланта
злата, и которыи чрезъ цѣлый
годъ стерегъ, узрѣвъ съ высокія
башни корабль, сиѣнно печешъ со
возвѣщеніемъ къ царю, кой ков-
схвужа на брата швоего, избирзешъ
отъ людей. двадесять отважнѣ-
шихъ мужей, повелѣваетъ угошо-
вати пиршество, самъ же на коняхъ
и колесницахъ изходитъ къ царю
Агамемнону во срѣщеніе, злое въ
сердцѣ на него соумышляя, и во
время пированія, яко кола при-
яслѣхъ, невинно закалаешъ, и
всѣхъ его сопутниковъ погуб-
ляешъ.

Когда окончалъ повѣствованіе
старецъ, я весь смутился духомъ,
и сѣдя на пескѣ плакалъ, жить
Часть I. Ж болѣе

болѣе и взираѣть на солнце не желая. Когда же насытился я плачемъ; онѣ паки мнѣ рекѣ: Сыне Атреевъ! Престани сѣтовати; помышльй паче о твоемѣ въ отчизну возвращеніи; ежели не предвариши своей гибели, то Орестѣ на вечери убіеѣтъ тебя. Когда онѣ рекѣ сіе; я ободрившись духомѣ, вѣщаль ему: Вѣдаю я то; но повѣждь мнѣ, кто есть мужѣ третій, кой спранствуетѣ; желаю бо о немѣ извѣститься, хотя и печаленѣ есмь? Онѣ мнѣ отвѣщаль: Одиссей сынѣ Лаэртиевѣ, когото я видѣлъ сиѣдателя печалію, обитающаго въ домѣ богини Калипсо, которая по нехотѣнію его держиѣтъ во своемѣ островѣ, зане ни корабля, ни сопутниковѣ онѣ не имѣеѣтъ, и лишенѣ есть всякія надежды къ возвращенію когда-либо въ отчизну. Ты же, знаменитый Менелай! не узриши въ Аргѣ смерти, но преселенѣ будешь въ Елисейскія поля,

вѣ

въ мѣсто веселія, гдѣ и Рамаданѣ
 пребываетъ, гдѣ нѣтъ ни дождей,
 ни снѣга, ни спужи, но къ про-
 хлажденію жителей дуютъ всегда
 благорастворенные эфиры; зане
 имѣешь женою Елену и зять еси
 Дію.

Сіе рекши сокрылся мгновен-
 но въ море. Я же въ крайнемъ
 смущеніи духа съ друзьями своими
 возвратился къ кораблямъ, гдѣ
 сотворивъ по обыкновенію вечерю,
 опочили на берегу моря.

Когда денница на златозарной
 колесницѣ явилася; тогда мы, вос-
 прянувъ отъ сна, низведъ кораб-
 ли на море, поднявъ щеглы и раз-
 пустивъ вѣтрила, ялися плава-
 нію. По прибытіи во Египетѣ,
 принесъ я богамъ сточисленные
 жертвы, и тако ихъ умилостививъ,
 потомъ воздвигнувъ Агамемнону по-
 добающую его достоинству гробни-
 цу, возвратился безпрепятственно
 въ отеческую землю; зане без-

смертныя благопоспѣшный вѣтрѣ
послали.

И тако я хочу, да пребудешь
ты въ дому моемъ опселѣ двана-
дцать дней; послѣ чего давъ те-
бѣ въ даръ трехъ коней съ богато-
убранною колесницею, и для при-
ношенія богамъ жертвенныхъ дра-
гоценный сосудъ, да воспоминаеши о
мнѣ во всѣ дни живота своего, оп-
ущу тебя съ миромъ.

Тилемахъ рекъ тако: Веліко-
именитый царю! Не удерживай ме-
ня только дней. Когда бы не же-
лалъ я возвратиться въ домъ и узрѣ-
ти отца, радъ былъ бы у тебя
чрезъ цѣлый годъ пребыти; вельми
бо утѣшаютъ сердце мое твои бе-
сѣды; да и сопутники мяшутся,
мню, въ Пилѣ мыслю. Что же до
даровъ твоихъ; то даждь мнѣ что
либо такое, что сокрыши, или
носиши возможно. Коней же не
пріемлю; но оставляю здѣсь, гдѣ
житъ и ячменю во избыткѣ; зане
Иеа

Иеака , ради неплодородія своего , не способна содержать оныхъ , кромѣ сернѣ единыхъ.

Тилемаху тако рекшю , Менелай ослабился , и пріѣвъ его за десницу , тако вѣщалъ : Возлюбленное чадѣ ! Отъ благороднаго опца рожденъ еси , благородная и глаголеши . Я премѣню тебѣ дары ; возможно бо есть сіе , и дамъ тебѣ изѣдому моего драгоценнѣйшее : чуднаго художества сребряную чашу , и позлащенные умывальницы творенія Вулканова , кои подарилъ мнѣ Федимъ царь Сидонскій , когда я въ дому его вишалъ .

Тѣмъ временемъ , какъ они тако разглагольствовали ; граждане собиралися къ царю на пиршество , ведя съ собою овецъ инося вино ; жены же ихъ хлѣбы . Такимъ образомъ въ дому Менелая обѣдъ угощевали .

Ж

Между

Между тѣмъ женихи въ дому Одиссеевъ различными забавами нагло увеселялися. Антиной и Эвримахъ, силою паче всѣхъ превосходившіе, были изъ нихъ начальнѣйшими, изъ коихъ предъ перваго представъ нѣкогда Ноимонъ, сынъ Фроновъ, тако рекъ: Антиной! Свѣдомъ ли ты, когда Тилемахъ паки прибудетъ изъ Пила? Взялъ бо мой корабль, въ коемъ мнѣ нужда нынѣ настоитъ для отвезенія въ Илиду дванадесяти кобылицъ ко укрощенію муловъ, въ ярмо предназначенныхъ. Симъ вѣщаніемъ привелъ онъ всѣхъ въ удивленіе; ибо не мнили Тилемаха быти въ Пилѣ, но съ пастырями, или овцами гдѣ-либо на полѣ обращаться.

Антиной тако рекъ ему: Повѣдай мнѣ истинну, когда Тилемахъ отсюду удалился? Кто съ нимъ изъ юношей сопутствуютъ? Отъ зѣбшняго ли града, или наемники и плѣн-

плѣнные? Силою ли отбѣялъ у тебѣ корабль, или ты далъ ему добровольно?

Ноимонъ отвѣщалъ: Корабль далъ ему я добровольно; да и кто бы отказать могъ, когда онъ просилъ онаго? Послѣдовали же за нимъ многіе отъ здѣшняго града знаменитые юноши подъ предводительствомъ Менпора, или паче бога; зане Менпора я вчерась здѣсь видѣлъ; и сіе вельми удивляетъ меня. Тако рекши, возвратился въ домъ отца своего.

Тогда женихи, преставъ о преимуществѣ прѣтися, собиралися всѣ въкупѣ. Антиной же съ видомъ печали во гнѣвѣ, кой въ сердцѣ чувствовалъ, начинаетъ тако вѣщати: Праведные боги! Воистинну Тилемахъ учинилъ тяжкое преступленіе. Како сей отрокъ дерзнулъ насъ не послушати, и со избранными юношами удалиться? Ожидати надлежитъ отъ него

зла вѣщаго: но сіе да отвратишѣ
всесильный Дій. Устройте убо мнѣ,
днесъ корабль и двадесять соупни-
ковѣ, да иду и погублю его, вѣ оше-
чественную землю возвращающа-
гося, на брегѣ Иеаки, или Сама.

Всѣ единогласно похвалили его
намѣреніе. Потомѣ возставѣ отѣ
мѣстѣ своихѣ, пошли вѣ домѣ
Одиссеевѣ,

Пинелопѣ вскорѣ увѣдала о
зломѣ жениховѣ совѣщаніи. Воз-
вѣстилѣ же ей о томѣ провозвѣ-
стникѣ Медонтѣ, бывшей вѣ
храминѣ, вѣ коей женихи ковѣ
сплещали, слышавшей ихѣ совѣ-
щѣ, и слѣшно предѣ царицу при-
текшей со извѣщеніемѣ обѣ оныхѣ.
Она же сими словами его срѣщи-
ла: Медонтѣ! Почто пришелѣ сѣ-
мо? Или реци повелѣнное отѣ
жениховѣ, да престанутѣ рабы-
ни отѣ дѣлѣ своихѣ и уготовуютѣ
пищественная? Да не являют-
ся сего дня они сѣмо. Доколѣ
щво:

творить будете насильствѣ дому цареву, и вредить Тилемаху? Сказывали, мню, вамъ въ юности отцы ваши, колико знаменитъ Одиссей между ими почитался. Ни кому бо никакого зла не сотворилъ. Се есть качество великаго мужа! Но ваши сердца и нечестивыя дѣла показываютъ васъ быши къ его благодареніямъ не чувствительныхъ.

Медонтъ по вдохновенію самая премудрости тако отвѣщалъ: Великоименитая царица! Зло сіе не толико важно въ разсужденіи замышляемаго женихами; но да отвратишь оное всесильный Дій! Они совѣщались умертвивши возвращающагося Тилемаха, отбывшаго въ Пилъ и Спаршу, да увѣдаетъ о отцѣ своемъ.

Царица отъ сего возвышенія содрогнулася. Сѣтуя и пребывъ чрезъ нѣкое время безгласна; потомъ прерывающимся и томнымъ

гласомъ тако начинаетъ вѣщати :
Почто сынъ мой отсюду удалил-
ся ? И кая нужда побулила его
вдашися морю ? Или да и его па-
мять погибнетъ ?

Не вѣмъ, отвѣщаль ей провоз-
гласникъ, Богъ ли какій вдохнулъ
въ него, или душа его возжелала
отбѣйти въ Пилъ, да увѣдаетъ о
возвращеніи отца своего, или из-
вѣстится, какою смертію онъ
скончался.

Такъ рекши, оставляетъ ца-
рицу, коя не возмогши отъ сер-
дечной туги сѣдѣти насѣдалищѣ,
прешла на прагъ чертожный, и
горько рыдала. Плакали окрестъ
ея и рабыни какъ юныя, такъ и
престарѣлыя, къ коимъ она во
слезахъ тако вѣщала : Внемлите,
другини ! Боги паче мѣры и паче
прочихъ сверстницъ меня наказу-
ющъ. Они отбѣяли у меня велико-
душнаго, добродѣтельнаго и па-
че всѣхъ Ахейнъ прославившагося
супру-

супруга : днесъ лишили и возлюбленнаго сына , о отбытїи коего я даже не вѣдала. Увы ! злосчастныя , когда вы знали о семъ , по что меня ни едина отъ сна не возбудила ? Я отъ такового предначинанїя или бы отвратила его , или бы паче умерла при его очахъ. Призовите ко мнѣ невольника Додїя , верхоградъ мой спрегущаго , да возвѣстишъ онъ о семъ Лаэрту , кой , мнѣ , возможеть объявити въ народъ о намѣренїи хотящихъ убить исчадіе прославившагося храбростїю Одиссея.

Престарѣлая Еврикля отвѣщала ей тако : Госпоже ! Хотя повелишь меня предать смерти , хотя оставишь живу , ничего отъ тебя не ушаю. Я о опшесствїи Тилемаха была свѣдома , и дала ему на путь вина и хлѣба ; но онъ принудилъ меня клятися , дабы не прежде дванадесяти дней тебѣ возвѣстити , да не изнеможешь отъ

пе-

печали. Омойся убо, и облекшись во свѣшлыя одежды, вниди въ вечеряльницу, и тамо помолися вкупѣ съ рабынями богинѣ Аѳинской, дщери Діа Эгейскаго. Она его спасетъ отъ всякія напасти; старца же не сокрушай печалію.

Сіе рекши, умѣрила печаль и слезы царицы, коя умывся, облекшись въ свѣшлую ризу, и вшедъ въ вечеряльницу, всыпала муку въ кошницу, и тако помолилася Палладѣ: Не укротимая богиня, дщи всемогущаго Діа! Внемли моему моленію, и ежели когда-либо въ жертву тебѣ въ дому Одиссеевѣ принесенный волъ или агнецъ благопріятенъ явился, не забуди сего: спаси мнѣ сына, и разсыпь навѣщы въ жену меня ищущихъ.

Такъ изрекши прослезилася. Богиня услышала ея моленіе. Женихи же въ предхрамїи недоумѣвали: и нѣкто изъ нихъ подстрекаемъ бывъ гордостію, тако рекъ:

Кичъ.

Кичливая царица, вижду, днесъ готовится избрати единого отъ насъ себѣ въ мужа, невѣдая, что сыну ея гибель устрояется: -- Но сіе речено бысть по незнанію божескихъ предопредѣленій. Аншиной отвѣщаѣ: О неблагоприятіе! Престаньте сицевая глаголати, да не како услышавъ кто возвѣститъ ей о семъ. Совѣтъ нашъ подобаетъ совершить тайно.

По семъ избраны были двадцатѣ знаменитыхъ мужей, съ которыми Аншиной пошедъ на брегъ морской, низвелъ корабль на морѣ, устроилъ щеглу, разположилъ гребла, поднялъ вѣтрила и спалъ въ назначенномъ мѣстѣ. Тамо угощована имъ была вечерняя трапеза; и они ожидали токмо наступленія ночи.

Пинелона же по вшествіи своемъ въ вечеряльницу, не вкусивъ ни пищи, ни питія, пребывала гладна, и помышляла токмо о опасности,
пред-

предстоявшей сыну, подобно боя-
щемуся льву, окруженному ловца-
ми, сѣши ему успрояющими. Ког-
да по многихъ и различныхъ во-
ображеніяхъ сладкимъ сномъ успо-
коилася; тогда Аѣинская богиня,
дабы облегчити печаль ея, сице-
вую хитрость успроила: пред-
ставила ей во снѣ Ифшиму, сес-
тру ея, да утѣшитъ сѣпующую
и слезящуюся Пинелопу, коя вшедъ
въ чертогъ, и ставъ подлѣ главы
ея, тако рекла: Сестро! Спиши ли?
Безсмертные боги возбраняютъ те-
бѣ сѣповать и скорбѣти: сынъ
твой здравъ возвратится, зане
не повиненъ есть предъ ихъ очами.
Пинелопе во снѣ ее спросила: Се-
стро! Какое сѣмо пришла? Обитая
толь далече прежде сего не посѣ-
щала меня. Какое могу по твоему
хотѣнію престаши отъ сѣпова-
нія, когда велія скорбь меня снѣ-
даетъ? Лишилася бо добродѣтель-
нѣйшаго паче всѣхъ Ахеянъ, ве-
ли-

ликодушнаго и знаменитаго супруга : лишаюся днесь и возлюбленнаго сына , кой въ юности сущій , не могущій понести трудовъ , и не знающій плавати , не вѣмъ камо отшелъ на корабль ? О немъ днесь сокрушаюся и сѣшую , да не погибнешь , или въ далекихъ справахъ , или на морѣ ; зане многи суть враги ему , кои желая умертвити его , составляютъ навѣшны.

Привидѣніе рекло ей : Уповай , и не отчаявайся ; имѣешь бо сынъ твой мудрую сопутницу , Палладу Аѣинскую , коя сжалився на твой слезы , послала меня возвѣстити тебѣ о семъ. ---- Когда ты богиня еси , и по гласу богини пришла сѣмо , вѣщала Пинелона , повѣждаи ли живѣли онъ , или уже мертвъ , и низшелъ въ царство мертвыхъ ? -- Не могу тебѣ , рекло привидѣніе , сего открыти ; не лѣтъ бо щещная глаголаши . Сіе сказавъ , аки вихрь исчезло .

Пик-

Пинелона же воспрянувъ отъ ена, восхищалася шоль вождельнымъ соніемъ. Женихи тѣмъ временемъ соумыслившіе о погибели Тилемаха, пристали къ нѣкому каменистому острову, между Иакою и Самомъ лежащему, и имѣющему съ обѣихъ странъ многія способныя пристанища, и тамо исполнити злодѣяніе уповали.

ОМИРОВОЙ ОДИССЕИ

ПѢСНЬ ПЯТАЯ.

Елсидонъ.

Когда денница, оставивъ Тирона, и неся свѣтъ небеснымъ и земнороднымъ, отъ одра возстала, тогда боги собралися во едино сонмище. Богиня Аѣинская изчисливъ предъ ними всѣ напасти, странствующимъ Одиссеемъ подѣляя, тако начинаетъ вѣщать: Отецъ бо

Боговъ, всесильный Дій, и вы безсмертныя! Яко величавый царь присно жестокъ и каменосердъ есть, помышляя токмо въ сердцѣ своемъ злая; тако ни единъ изъ гражданъ, надъ коими владычествовалъ добродѣтельный Одиссей, не воспоминаетъ днесь о его къ нимъ милосердіи. Онъ на островѣ Нимфы Калипсы, коя по любви его удерживаетъ, терпитъ многія напаски; не имѣетъ бо ко општествію своему въ отечественную землю ни корабля, ниже спутниковъ. Кромѣ того сотворено совѣщаніе убити сына его, въ домъ возвращающагося, и оплучившагося въ Филъ и Спаршу, да увѣдаетъ о отцѣ своемъ.

Небодвижитель Дій отвѣщалъ сице: Дщи моя! Почто таковая глаголешь? Не сама ли соумыслила тако мстити Одиссею? Тилемаха предаю во власть тебѣ, да швоимъ заступленіемъ здравъ прїидетъ во

Часть I. 3 своя

своеси ; можеши бо сіе. Женихи
ничтоже успѣютъ. По семъ об-
ратився къ Ермію, рекъ: Возлюб-
ленный сынъ! Поди и возвѣсти
Нимѣ непремѣнное наше благово-
леніе, да опуститъ долгостран-
ствующаго Одиссея, кой безъ пу-
теводительства безсмертныхъ и
земнородныхъ, но своими силами
со многимъ трудомъ, опселъ въ
двадесятый день достигнетъ пло-
доносныя Схеріи, земли феакіанъ,
кои почтутъ его яко безсмертна,
и одаривъ златомъ и другими оде-
ждами толико, елико ниже при
Трои въ добычу возмогъ бы онъ
получить, опустятъ его съ ми-
ромъ на корабль во опечество.
Тако предназначено ему есть прі-
ити во свояси, и узрѣти своихъ
искреннихъ.

Ермій пріавъ повелѣнное, при-
вязываетъ немедленно къ ногамъ
своимъ крылія, и взявъ въ десни-
цу лозу, емлется пути, пролета-
етъ

етъ Піерію, и спускается съ пре-
выспреннихъ спранъ въ море, раз-
сѣкая волны, яко гоголь рыбу ло-
вящій; достигаетъ острова, изхо-
дитъ на сушу, и шествуетъ пря-
мо къ жилищу Нимфы, кою обрѣ-
таетъ прядущую злѣшымъ вретѣ-
номъ волну, и пѣсни воспѣвающую.
По всему грошу ся изходило прі-
ятное отъ горящаго въ нещи кед-
ра благовоніе еиміамное. Весь
островъ исполненъ былъ древесамъ
ольховыми, шополовыми и ки-
гарисными, на коихъ повсюду гнѣз-
дились пшцы. Окрестъ ея оби-
телища находился зеленѣющійся
виноградъ плодами обремененный;
протекали четыре потока, единъ
со другимъ наки соединяющіеся:
злачные луга покрыты были разно-
образными цвѣтами. Мѣсто сіе
даже безсмертнаго могло восхи-
пить. Здѣсь вѣстникъ божескій,
аки очарованный, премедлилъ нѣ-
кое время. Потомъ входитъ
3 2 внутрь

внустрѣ гроша Нимфы, мгновенно его познавшія; зане знаютъ единѣ другаго боги, хотя и далече обитаютъ. Несчастный Одиссей тогда тамо не обрѣтался; но сѣдя на брегѣ моря, и взирая на пространство водъ, воздыхалъ и проливалъ слезы.

Калипса посадивъ Ермія на сѣдалищѣ, спросила тако: Кая вина пришествія твоего, Ермій? Прежде бо никогда меня не посѣщалъ. Что повелиши, да сотворю? Все бо, что могу, исполнити не ошрекуся. Послѣдуй за мною; зане хочу тебѣ предложить снѣди. Тако рекши представила предъ него амвросію и нектаръ.

Ермій насытився питіемъ и пищею, тако отвѣщалъ: Вина пришествія моего есть сицевая, внимай: прислалъ мя къ тебѣ Дій, [ибо кто бы добровольно въ столь дальній путь пустился?] Коего повелѣнія ниже преслушати, ниже ушакъ

успѣши не возможно, и повелѣваетъ тебѣ немедленно опустити вишающаго днесь у'тебе Одиссея, злосчастнѣйшаго паче всѣхъ Ахейанъ, при Троѣ бранствовавшихъ, и прогнѣвавшихъ Лейнскую богиню, коя воздвигнувъ вѣтры и бурю, погубила многихъ его соупниковъ; зане предопредѣлено есть выше ему узрѣти иѣкогда отечественную спрану и своихъ искреннихъ.

Такъ глаголющу ему, Калипса содрагается, и сице речетъ: О боги! Колико вы несправедливы! И ревнуете, когда кая либо изъ богинь любитъ инаго! Не поразила ли въ Оршигѣи стрѣлами Артемида Орїона за любовь съ Авророю? Лучшей ли имѣлъ жребій и Язонъ любленный Артемидою, ко-го Дій убилъ громомъ? Тако за-видуете вы днесь и мнѣ, любящей смертнаго, и спасшей его отъ по-топленья, когда Дій, сокрушивъ

З з

корабль

корабль на морѣ громомъ, погубилъ прочихъ его спутниковъ. Я его призрѣла, возлюбила и обѣщала учинити безсмертнымъ. Но когда благоугодно естъ великому Дію, зане не возможно его повелѣнія преслушати, пусть онъ идетъ, и еще спрѣдѣтъ, отпущу его. Хотя нѣтъ у меня ни корабля ни спутниковъ, да провождѣю его; не сокрою ничего однако, како можетъ безвредно возвратиться.

Отпусти, отпусти его, рекъ паки Меркурій; гнѣва бо всемогущаго Діа чрезъ сѣе избѣгнешь. Тако сказавъ, оставилъ мгновенно островъ.

Калипса пріавъ повелѣнное, идетъ спѣшно къ Одиссею, и обрѣтаетъ его на брегѣ моря сѣдѣющаго, и неутѣшно сѣдующаго о невозможности въ отечество возвратиться, гдѣ обыкновенно въ скорбеніи дни свои влачилъ, а но-

щи препровождалъ въ гротѣ. Она приближився къ нему, тако вѣща-
етъ: Злосчастный! Доколѣ бу-
дешь сѣтовать и сокрушаться?
Престани; зане охотно желаю от-
пуститьи тебя: токмо устрой
себѣ ладію, и обложи ее досками,
да возможешь море преплыти. Я
же давъ тебѣ воду, вино, хлѣбъ
и одежды, посю отъ хребта
благоносиѣнный вѣтръ, да невре-
димъ преплывешь въ свое отече-
ство при благоизволеніи безсмерт-
ныхъ.

Отъ сихъ словъ бѣдствіями
угиѣтаемый Одиссей пришедъ въ
иступленіе, рекъ: Богиня! Зрю,
что ты не о благополучіи моемъ
промышляши, но напасъ мнѣ
устроишь. Какъ могу въ ладіи
преплыти пространныя и неукро-
пимыя воды морскія? Когда не
поклениши мнѣ, не отъиду; да
не постражду что либо злое.

Такъ ему глаголющу, Нимфа

осклабилася , и рекла : Ты искони еси не довѣряющѣ. Да будутѣ убо свидѣтелями небо , земля и воды Стиксскія , [нѣсть клятвы сея у боговѣ большія] что ни единого на тебя зла не соумышляю ; но все сіе творю аки бы себѣ самой : заче далече отстоишѣ мысль моя отѣ лукавства , и сердце искренно.

Сиде рекши , предшесствуетѣ ему ; Одиссея же слѣдуетѣ за нею , и достигнувѣ гроша , входяшѣ внутрь онаго . Тамо предѣ Одиссея представлены были многоразличныя снѣди , смертными вкушаемая , а предѣ Нимфу амвросія и нектарѣ.

По семѣ когда насытились , Калипса тако начинаетѣ : И такѣ желаеши , дражайшій Одиссей , въ отечественную страну возвратиться ? ---- Но не радуйся о семѣ ; заче , прежде нежели достигнеши оныя , обременяшѣ тебя многая злая . Тако есть опредѣлено свыше .

По

Помысли , колико бы счастливе
ты былъ , когда бы здѣсь со
мною вкупѣ оспался; зане без-
смертіе бы тебѣ даровала. Почто
толико жаждешь узрѣти жену
твою нижшую и лѣнотою и до-
стоинствомъ рода всякія безсмерт-
ныя? Ибо земнородные ни въ чемъ
съ богами равнялися не могутъ.

Воистинну сіе тако , отвѣ-
щаль Одиссей : вѣмъ бо Пинелопу
и благоразуміемъ и родомъ тебя
быти низшую ; ибо она смертна ,
ты же безсмертна . Однако хощу ,
и никогда желати не престану
отъити во свояси , и узрѣти день
своего возвращенія . Какія свыше
ни назначены бѣдствія , стер-
плю всѣ ; ибо многая на брани и на
морѣ пострадалъ , сего ли устра-
шуся ?

Такимъ разглагольствовавшимъ ,
солнце уже сокрылося , и повсю-
ду мракъ разпространился : тогда

онѢ пошелѢ въ ложницу свою опочити.

Когда утренняя заря явилася, Одиссей возставѢ отѢ сна, облекся во одежды: оставила сонѢ и Калипса; и надѢвъ тонкую ризу, опоясався поясомѢ и главу украсивѢ леншѢемѢ, помышляла о опущеніи Одиссея. ПосемѢ вручаеѢ ему обоюду острую сѢкиру, на древо масличное насажденную, и ведетѢ на край острова, гдѢ росли высокою небесѢ касавшіяся, сухія и способныя кѢ плаванію древа, какѢ-то сосны, шополѢ и ели; и показавѢ мѢсто, вспянь возвращается. Одиссей началѢ сѢщи оныя, и благоуспѢшно дѢло его явилося. СрубилѢ же древесѢ числомѢ двадесать, и со щипаніемѢ ихѢ очистилѢ. ТѢмѢ временемѢ возвратився Нимфа, принесла вершлѢ, и способствовала ему въ сплоченіи досками и перекладинами судна, кое столько искусно было устроено,

но, аки бы рука художничья со-
зидала. Посемъ соорудилъ щеглу
и соразмѣрную оной раину, устро-
илъ для управленія кормило, и
къ возпрепятствованію волнамъ изъ
ивовыхъ вѣшвѣй соплѣлъ плѣшени-
цу; изъ плашна же, Калипсою при-
несеннаго, содѣлалъ вѣшрило, кое
прикрѣпивъ веревками къ раинѣ,
и разпростерши его, низвелъ на-
конецъ кораблецъ, въ чешыре дни
совершенный, на море. Въ пятый
же день богиня омывъ его, давъ
одежду, единъ мѣхъ съ виномъ,
а другій съ водою, и прочія по-
шребныя снѣди, отпустила съ
миромъ, пославъ ему отъ хребта
попушный и благоушишный вѣшрѣ.
Одиссей съ веселіемъ оставляемъ
брега, разпростираемъ вѣшрило,
и сѣдѣ на кормѣ, управляетъ
кормиломъ, бодрствено примѣлая
движеніе планетъ и звѣздъ небес-
ныхъ, яко ниже сонъ не могъ
побѣдѣти его, и держася всегда
по

по совѣту богини Калипсы лѣвыя страны. На послѣдокъ по осминадесяти - дневномъ плаваніи, усматриваетъ лѣсистыя горы страны Феакійской, до коея недалекъ уже пушь ему оставался.

Тѣмъ временемъ могущій Нептунъ, шествуя отъ страны Еѣіопской, и издалече съ Солимскихъ горъ узрѣвъ преплавающего морскія спези Одиссея, дрогнулъ сердцемъ, и тако самъ себѣ рекъ: Воистинну боги во время моего пребытія у Еѣіоплянъ иное объ Одиссеѣ соумыслили, кой уже близъ Феакійской страны находится, гдѣ судьбою предопредѣленъ конецъ всѣмъ его бѣдствамъ. ---- Многія однако напасты еще онъ претерпитъ.

Тако рекши, во едино соимнище собираетъ облаки; и взявъ въ десницу презубецъ, возмущаетъ воды; посылаетъ вѣтры, воздвигаетъ бурю, покрываетъ вкупѣ море

море и землю облаками, и день внезапно во мрачную ночь преобразуется. Со всѣхъ чепырехъ споронъ дули вкупѣ всѣ вѣтры. Тогда Одиссей смутися духомъ и поколебався сердцемъ, тако къ себѣ въ печали вѣщаетъ: Увы! что посемъ со мною злощастнымъ будетъ? Познаю, что все глаголанное богиною есть праведно; рекла бо, что постигнутъ меня во время преплыванія моего многая злая. Все сѣе днесъ сбывается. О все-сильный Дій! Коликія пы навелъ тучи! Коль сильно возмутилъ море! И коликія воздвигъ вѣтры и бурю! Днесъ предъ очами моя гибель. Блаженны и сто кратъ суть блаженны погибшіе при облежаніи Трои Ахейне. Почто не умеръ я въ оный день, когда Троянскіе ратники устремилися прошиву меня съ копьями при пораженномъ Ахиллѣ? Ахейне поминаеніе бы о мнѣ творили, и память бы

бы мою праздновали. Днесъ же предназначено естъ мнѣ горестную смерть вкусиши.

Тѣмъ временемъ, какъ тако онъ вѣдалъ, устремляется на него яростная волна, низпровергаетъ кораблець, сокрушаетъ щеглу, изпоргаетъ изъ рукъ кормило, райну съ вѣтриломъ ввергаетъ въ море и покрываетъ водами самага морешествователя, кой борясь съ бурей, изъемлетъ главу изъ воды, и изблевавъ изъ устъ оную, ищетъ свое удно, паки въ него садится, и мня спаслися отъ конечныя погибели, шуду и сюду волнами носится. Яко осенній вихрь размѣшаетъ по полямъ мякину; тако кораблець порѣваемъ былъ совсѣхъ странъ вѣтрами.

Ина, дщерь Кадмова, смертною нѣкогда бывшая, и послѣ преобращенная въ морскую богиню, узрѣвъ Одиссея, тако съ волнами борющаяся, пришла въ сожалѣніе,

и

и явився ему въ видѣ ушки, изъ воды изшедшій, и сѣдѣ на носѣ судна, тако вѣщала: Злосчастной смертной! Чемъ ты прогнѣвалъ всемогущаго бога морей, поликакая злая на тебя воздвизающаго? Уповай, не можешъ бо погубиши себя, хощя и вельми сего желаетъ, внемли шокмо моему увѣщанію: оставь кораблець на произволеніе вѣтровъ, сложи съ себя одежду, и спасайся плаваніемъ въ землю Феакійскую. Пріими сію повязку, и подвяжи поѣ рамена, зане она всякій спрахъ и погибель можешъ отирашати. Когда же достигнешь брега, и на оный изыдешь, вержи оную пакы въ море. Тако рекши въ нѣдра водъ сокрылася.

Несчастный Одиссей, помышляя о семъ явленіи, и воздохнувъ, тако вѣщалъ самъ себѣ: Увы мнѣ! Не ухищреніе ли устрояется отъ кого либо изъ безсмертныхъ, снижи мнѣ съ кораблеца повелѣющаго?

щаго? Но я сему не повинуся; далеко бо отстоишъ отсюда спра-на оная, идѣже обѣшовано мнѣ приѣжище. Дошолѣ по волнамъ носимься буду, доколѣ ладія сія вконецъ не сокрушится. Тѣмъ временемъ, когда онъ тако помышлялъ въ сердцѣ своемъ, богъ моря повелѣлъ устремиться на него великой и страшной волнѣ, отъ коея тако разсыпался кораблець Одиссеевъ, яко бурный вѣпръ развѣваетъ сухія плевы. Тогда мореплаващель, ишъ дѣ на едину изъ досокъ, соелекши съ себя одежду и привязавъ подъ рамена повязку, ввергнулся въ море, разпростирая къ плаванію длани.

Узрѣвъ сіе, могущій Нептунъ, и покивавъ главою своею, рекъ тако: Иди днесъ, и претерпѣвай вящшая злая, дондеже достигнешъ людей добродѣтельныхъ. Не скоро еще бѣдства прекратятся. Тако рекши, направилъ кони свои

ко своему жилищу. Но богиня Лописка укротивъ прочіе вѣтры, повелѣла шокмо дыхати Борею, да безвредно обѣшовавныя страны достигнетъ Одиссей, кой по двудневномъ плаваніи, имѣя предъ очами всегда смерть, на претій день, когда буря престала, и небо просвѣтилось, узрѣлъ невдалекѣ сушу и лѣсъ; и толико же возрадовался, елико дѣти желаютъ здравія отцу, одержимому долговременнымъ недугомъ; ибо и ногами и руками стремился ускорити плаваніе. Находяся же близъ берега, услышалъ шумъ и ревъ волнъ, обѣ оныя ударявшихъ. Но брегъ сей ради крутости и нависшаго каменія былъ не приступенъ.

Тогда наки поколебався сердцемъ Одиссей, и тяжко воздохнувъ, рекъ: Горе миѣ! Хотя все-
 сильный Дій и сподобилъ меня узрѣти сушу; но возбраняетъ изы-
 Часть I. И ши

ти на оную; зане брегъ отъсюду
наполненъ каменіемъ и обуревае-
ся яростными волнами, яко нико-
имъ образомъ не можно сташи но-
тою, да не како спремленіе водъ
опорвавъ низринетъ во глуби-
ну оныхъ, и трудъ мой подешенъ
останетъся. Когда же плавая, ис-
каши буду способнаго ко изытію
мѣста, боюся, да не унесетъ буря
въ пространство моря, да не погло-
титъ велѣніемъ бога морей кишъ;
вѣмъ бо колико онъ на меня гнѣ-
вается.

Тѣмъ временемъ, когда тако
онъ размышлялъ, стремилась уда-
риться о брегъ ужасныя величи-
ны волна, отъ коея воистинну со-
крушились бы его кости, ежели
бы онъ, наставленъ будучи Пал-
ладою, не ухватился обѣими ру-
ками за камень, и тако не спас-
ся отъ пораженія; не единократ-
но бо сицевымъ образомъ избѣгалъ
отъ смерти. Яко каракашицъ,
из-

ишедшей изъ раковины, подобашъ пренести многія болѣзни: тако избѣзвился Одиссей, держася за камень, кой нанослѣдокъ силою своею покрыва яроспная волна, отъ чего воистинну погибнулъ бы онъ, когда бы наки наспавленіемъ покровительствовавшія богини Аѣинской, изшедъ изъ нѣдръ водныхъ, не ялся плаванію близъ брега для отысканія пристанища. И тако достигнувъ нѣкоего мѣста равнаго, не имѣвшаго каменія, и вѣспрами не обуреваннаго, возрадовался, и началъ тако молитися въ умѣ своемъ: Покровителю сихъ странъ! Избѣгая отъ гнѣва Посидона, швою ищущу предспашельства; всякъ бо земнородный странствуя, ищеть у безсмертныхъ защищенія; тако я, многая претерпѣвый, ко твоимъ колѣнамъ днесъ припадаю: Умилостивися надо мною; во всемъ бо покоренъ тебѣ явлюся. И рекшу ему сѣ,

волненіе укропилось, возспала пишина, и открылося безопасное пристанище. Но Одиссей отъ изнеможенія упалъ. Вся внутренняя его наполнилася водою, ушами и въ носъ текшею, яко ни гласа, ни дыханія не было; обьяла бо его сильная слабость.

Когда же онъ успокоился и пришелъ въ себя; то желая разрѣшиться отъ обязательства богини, вергнувъ повязку въ море, коя вскорѣ бысть девидама. По семъ изшелъ изъ воды, сѣлъ для отдохновенія на кустъ сашниковый, лобызая землю. По не многомъ времени птяжко воздохнувъ, рекъ: Увы мнѣ! Доколѣ буду злая терпѣши? Что по семъ будетъ со мною? Когда опочію здѣсь, боюся, да не како отъ хладныхъ росы и мраза лишуся здравія плѣснаго: Когда же успокоюся въ дубравѣ, страшуся, да не разтерзають по-

погруженнаго во сладкій сонъ лю-
 пые звѣри. Однако нашедъ по-
 слѣднее средство лучшимъ, идетъ
 сиѣнно въ лѣсъ, не въ далекъ на-
 ходившейся. Тамо узрѣвъ два дре-
 ва масличныя, сквозъ густоту
 листвѣя коихъ ни дыханіе въ-
 шровъ пройти, ниже лучи солнца
 проникнути, ниже дождь омочи-
 ти не могутъ, и подъ сѣнью коихъ
 во время зимы не единому шокмо
 человѣку, но многимъ удобно пре-
 быти отъ мразя не вредимымъ, воз-
 веселился, и устроивъ себѣ изъ
 онаго ложе, легъ опочити. Яко
 искра огня въ пеплѣ, въ отдале-
 нѣи отъ людскихъ селеній живу-
 щимъ пущыннымъ хранимая,
 не угасаетъ; шакъ добродѣтель-
 ный Одиссей укрывся масличнымъ
 листвѣемъ, сладкимъ сномъ упо-
 коился, къ укрѣпленію силъ отъ
 многотруднаго пути Аѣинскою бо-
 гинею посланнымъ.

ОМИРОВОЙ ОДИССЕИ

ПѢСНЬ ШЕСТАЯ,

Зита.

Тако почивалъ бѣдственнѣй
 Одиссей, сномъ и трудами измо-
 женный. Между тѣмъ божествен-
 ная Паллада грядетъ къ феакій-
 скому народу, кой прежде оби-
 талъ во пространной Иперіи близъ
 гордыхъ Киклоповъ; но сіи тѣхъ,
 уповая на свои силы, раззореніемъ
 оскорбляли; пошому добродѣтель-
 ный Навсифой изведъ ихъ отшуду,
 посадилъ въ Схеріи далече отъ со-
 общенія прочихъ всѣхъ мужей;
 создалъ имъ градъ, и дома огра-
 дилъ твердынею, сооружилъ та-
 кожде храмы богамъ, и раздѣлилъ
 поля, но сей скончавъ животъ свой
 низшелъ во адъ. Въ сіе же время
 владычествовалъ надъ феакіанами
 премудрый Алкиной. Къ нему пог-
 да въ домъ божественная Аѳина,

СО

сообщившая великодушному Одиссею
 во. вращеніе, абіе входитъ въ чер-
 ногъ, въ коемъ почивала дщерь ве-
 ликодушнаго Алкиноя Навсикая,
 возрастомъ и красотою подобная
 бессмертнымъ, отъ обоихъ же
 странъ дверей почивали двѣ рабы-
 ни, подобныя харишамъ. Прему-
 драя Лейна, аки тончайшее дыха-
 ніе въпра вполѣ въ ложницу
 ея, и воспріявъ на себя подобіе
 дщери славнаго мореплавателя Ди-
 манша, которая отъ всего сердца
 ею любима была, и тако въздаетъ
 къ ней: Навсикая! Како поль нера-
 дивую родила ты мать твою. Се
 многія одежды твои лежатъ въ
 пренебреженіи, время же брака
 твоего уже приближается; и тог-
 да какъ тебѣ самон, такъ и про-
 чимъ, кои поведутъ ты, подоба-
 етъ облещися въ свѣтлое одѣяніе;
 ибо отъ сего въ народъ раждаетъ
 слава благая, возрадуются же
 и родившіе ты отецъ и мать.

Воспани убо заутра съ явившеюся зарею, и иди для измовенія оныхъ; я же купно послѣдую тебѣ во твою помощь, да скорѣе дѣло совершится; ибо недолго уже будешь дѣвицею. Зане многіе въ Феакійскомъ народѣ, избранные юноши желаютъ поясти ты въ жену себѣ. Заутра убо проси отца твоего, да повелитъ угошоваши тебѣ ословъ и колесницу, для отвезенія одеждъ твоихъ къ рѣкѣ; зане тако много честнѣе есть, нежели ити ногами, да и мыльницы далече отстоятъ отъ града.

Сіе сказавъ, отходитъ премудрая Афина на Олимпъ, гдѣ вѣчное обиталище есть боговъ, и гдѣ ниже вѣтръ, ниже дождь, ниже снѣгъ могутъ прикоснуться; но не постижимая свѣтлостъ летаетъ безъ облаковъ, и не исповѣдимое окружаетъ сіяніе, въ коемъ боги наслаждаются вѣчно. Въ сіе блаженство возшла божественная Паллада,

лада, И се обѣ явилася денница, которая и возбудила отъ сна прекрасную Навсикаю, удивляющуюся бывшему сновидѣнію; идетъ съ поспѣшеніемъ къ родителямъ своимъ, и обрѣтаетъ ихъ вѣнужь своихъ чершговъ; матерь ея сидѣла тогда со прочими рабынями при огнищѣ, и прѣла багряную волну: отца же видитъ изходящаго на сонмище къ Фсакійскому народу, и ставъ предъ нимъ вѣщаетъ тако: Дражайшій отче! Молю тя, поведи мнѣ уготовати колесницу; ибо хочу ити къ рѣкѣ, измыти одежды, кои многія лежатъ не чисты; зане и тебѣ самому отче мой обращающемуся всегда въ народномъ собраніи, подобаетъ имѣти чистое одѣяніе; такожде и сыны твои, мои же братья, изъ коихъ двое суть супружны, три же суть юноши, желаютъ къ общенародному плясанію предстати въ чистыхъ одеждахъ: о всемъ

же томъ единой мнѣ вѣщающее паче,
всѣхъ належитъ попеченіе.

Такъ рекла: о бракѣ же воспомина-
ти предъ отцемъ устыдила-
ся. Но онъ разумѣвая, отвѣщаѣ
къ ней: Возлюбленная дщи! Не
запрещаю тебѣ, ниже въ колесни-
цѣ, ниже во иномъ чемъ; иди
скоро, и угощавашъ рабы колес-
ницу тебѣ,

Такъ рекъ: и абіе повелѣлъ
о всемъ рабамъ, кои вскорѣ уго-
щавали колесницу и ословъ. На-
всикая вскорѣ износишъ отъ хра-
нилища одежды, и возлагаетъ на
колесницу; матеръ же ея напол-
няетъ кошницу разною сладкою
пищею, и наливаетъ мѣхъ красна-
го вина, давъ еще златый сосудъ,
елеемъ наполненный. Навсикая воз-
шедъ на колесницу, пріемлетъ въ
руки бразды и бичъ, понуждаетъ
къ печенію ословъ, кои вскорѣ по-
семъ принесли всѣхъ къ свѣшлю-
текущимъ рѣчнымъ водамъ. Тамо

низ-

приходящѣ всѣ отъ колесницы, и
 ошрѣшивъ ословъ, ведущѣ ихъ къ
 шумному паслищу злаку; по семъ
 износятъ одежды; корыта на-
 полнивъ водою, начали едина предъ
 другою со всякимъ тщаніемъ из-
 мывать. Окончавъ сіе разпростер-
 ли измоченныя одежды по чистому
 каменистому берегу моря. Сами
 же умылся, и намазався елеемъ
 возлегли на правѣ пріяти пищу,
 доколѣ солнечное сіяніе изсушитъ
 одежды. Все дѣвицы насытився
 пищею, и низложивъ отъ главъ
 своихъ увясла, начали играши мя-
 чемъ. Навсикая же начинается пѣ-
 снь. Аки стрѣломещущая Арте-
 мида, шествуя по горамъ, или
 Тайгету или Ериманфу, увеселяет-
 ся стрѣляніемъ сериъ, или бы-
 стрыхъ сленей, съ нею же купно
 и дщери Діа Егіоха, прекрасныя
 Нимфы утѣшаются, радуясь серд-
 цемъ вкупѣ съ матерію своею Ли-
 тою; сама же Артемида, хоша и
 всѣ

всѣ ея спутницы прекрасны, превосходятъ всѣхъ возрастомъ и величествомъ: тако неукрощенная дѣвица Навсикая являлася между всѣми рабынями. Когда же были готовы къ возвращенію въ домъ свой, и изсушенныя одежды возложены на запряженную колесницу; тогда паки премудрая Паллада вдохнула въ сердце ихъ, дабы Одиссей возпрянувъ отъ сна, узрѣлъ царскую дочь, которая бы отвела его къ Феакійскому народу. Царевна Навсикая, междѣ мячь къ единой рабынь; но сей не улучивъ своея цѣли, успремился въ глубокую пучину. Все громогласно возопили, возбуждается и Одиссей; сѣдѣ же, тако совѣцуетъ во умѣ своемъ: Увы мнѣ! Къ какому народу паки пришелъ я сѣмо! Не знаю, какіе здѣ обитаютъ мужи? Обидливы ли и досадили, или праведны и страннопріемны, и помышленія ихъ къ богамъ почи-

чии писельны? Како? Слышу гласъ
жсиѣ или Нимфѣ, кои обитають
на высокахъ горѣ или при рѣкахъ,
или при зеленыхъ лугахъ? Или
такожде люди подобные сущъ мнѣ?
Возставъ убо испытаю самъ, и
узрю моими очами.

Такъ вѣщая, идетъ тайно ме-
жду древами. Аки левъ обитающій
въ горахъ, упова на крѣпость
свою, идетъ мокрый, не спрашася
вѣтровъ; очи его аки огнемъ го-
рящъ, желаетъ обрѣсти спада
овецъ, или воловъ; и когда же гла-
домъ удручаемый приближается
ко оградѣ взыскаши пицу себѣ:
тако Одиссей приближался къ дѣ-
вицамъ, не помышляя, что въ ху-
домъ находящися рубицѣ, зане вле-
кла егонужда. И се является предъ
ними весь во сластоу морской.
Успрашилися дѣвицы, вси разсѣ-
ялися по берегу, едина токмо Алки-
ноева дщерь предстоитъ неустра-
шимо;

шимо; зане Аѳина вдохнула въ сердце ея дерзновеніе, и спрахъ отъяла отъ всѣхъ членовъ. Одиссей помышляетъ во умѣ своемъ: приближилися ли къ дѣвицѣ и объяши колѣна ея, или издавеча ставъ простерши къ ней моленіе, дабы подала другую одежду и показала градъ? Тако помышляя за лучшее избираетъ молишися издавече, дабы не огорчити дѣвицу. И тако съ хитростію и со смиреніемъ вѣщаетъ къ ней: Смиренно молю тя О царице! отъ безсмертныхъ ли ты кто, или отъ человѣкъ; ежели ты отъ безсмертныхъ, кои обитаютъ во пространствѣ небесъ, воиспину подобою зрю тя возрастомъ, величествомъ и красотою дщери великаго Діа Артемидѣ; но когда ты отъ смертныхъ кто, околь блаженны суть отецъ и мать родившіе тя! претлаженны суть и братія твои, коихъ сердца не сказанною радостію наслаж-

; да-

даюшся, зря тебя шолкое поро-
жденіе, грядущее къ веселому ли-
кованію. Но счастливѣйшій паче
всѣхъ шотѣ, кто безчисленнымъ
украшивъ шя вѣномъ опведетъ въ
домъ свой, зане никогда я не ви-
дѣлъ подобнаго тебѣ челоѣка ни-
же мужа, ниже жены; со изумле-
ніемъ взираю на шя. Недавно ви-
дѣлъ во остроеѣ Дилѣ, близѣ
Аполлонова шрсбища младое возра-
стающее масличное древо, [ибо и
въ сіе мѣсто со многимъ моимъ
народомъ совершилъ я путеше-
ствіе, кое великихъ зоключе-
нѣй было мнѣ виною:] тогда уз-
рѣвъ я оное древо, долгое вре-
мя былъ во удивленіи и во изум-
леніи; ибо никогда шоль краснаго
земля не проиращала. Тако и на
тебя, прекрасная! взирая удивля-
юся, не доумѣваю и шрспещу объ-
яши колѣна швоя: ибо нестерпи-
мая болѣзнь одержитъ духъ мой.
Вчерась въ двадешатый день плава-
нія

нїя моего отъ острова Огигїи по
кораблекрушенїи моемъ долго вос-
хищаемъ былъ волнами и свирѣпы-
ми бурями; нынѣ же нѣкимъ бо-
гомъ принесенъ во страну сію;
дабы и здѣ спрадати; ибо не мню
прїити оныхъ концу, но еще го-
товяшъ мнѣ боги множесество зомъ.
Ты убо, О царице! яви надо мною
милость; къ тебѣ бо первой по
претерпѣнїи многихъ бѣдствїй при-
шелъ я, никого отъ челоуѣкъ
не зная, кои на землѣ сей и во гра-
дѣ обитають, подаждь мнѣ руби-
ще, покажи мнѣ градъ. Тебѣ же
боги да воздадутъ вся; елика серд-
це твое желаетъ, мужа, порожд-
денїе и согласїе благое: ибо нѣсть
лучшаго и краснѣйшаго ничего,
какъ когда мужъ и жена соглас-
ными совѣтами управляють домо-
строицельство. Злодѣемъ сїе въ
болѣзнь, благодѣтельнымъ же лю-
дямъ въ радость, паче же имъ са-
мимъ.

Навси-

Навсикая отвѣщала ему: Спран-
ниче! не разумному зрю тебя по-
добнаго мужу; но высочайшій Дѣй-
всякое благополучіе раздаешъ лю-
дямъ благимъ и злымъ, всяко-
му какъ самъ хочешъ велико-
душно. Убо тебѣ подобаетъ все
сносити. Нынѣ же, когда при-
шелъ ты къ нашему граду и на-
роду, не оскудѣюшъ отъ тебя ни-
же одежды, ниже иная вещь, ка-
кая прилична есть человѣку бѣд-
ствіями угнѣтаему; покажу тебѣ
градъ сей и не сокрою имени на-
рода сего: Феакіане населяюшъ
градъ и землю сію, я же есмь
дщерь знамениаго Алкиноя, кой
со благою славою владычествуя,
обладашъ народомъ симъ.

Тако рекла, и абіе возопила
къ дѣвицамъ своимъ: Воздержите
ваше бѣгство рабыни! Камо бѣжи-
те, узрѣвъ мужа? Или вы мните
нѣкоего пришедшаго отъ враговъ;
ибо нѣсть здѣ человека, ниже бы-

пи можешѢ, кой бы пришедѢ въ землю феакіанѢ, содѣлался врагомѢ; зане они паче всѣхѢ любезны суть богамѢ. ОбитаемѢ же далече на самый край моря, и ниже кто иной отѢ народовѢ имѣетѢ съ нами сообщеніе; сей же нѣкто странникѢ пришелѢ съмо удрученный злополучіемѢ; подобаетѢ убо нынѢ о немѢ имѣти всякое попеченіе; зане всѢ есмы отѢ всесильнаго Дія спраннопріимцы и спранники. Подаяніе же всякое хотя и малѣйшее пріятно ему есть; дадите убо сему спранному пищу и питіе.

Тако рекла; рабыни же повинаяся, посадили Одиссея подѢ тѣнью, и положили близъ его чистыя одежды, подали ему златый сосудѢ съ елеемѢ и повелѣли умыться въ рѣкѢ. Одиссей къ нимѢ отвѣщаль: Возлюбленные мои! Опуступите отсюду не далече, да омыю отѢ тѣла моего всю сла-
ность

пошпѣ морскую, и да помажуся елеемъ; ибо многое время не вилѣлъ я на шѣлѣ моемъ помазанія; предѣ лицомъ же вашимъ не умыюся никогда.

Тако реклѣ; и абіе рабыни опходящѣ, и возвѣщающѣ о семъ владычицѣ своей. Одиссей же вшедъ въ рѣку, началъ умывать главу и все шѣло, и оперши всю сланость морскую, изходитъ отъ рѣки, намазывается елеемъ, по семъ облакается во одежды, ему данныя Навсикаею. Тогда Аѳинская богиня, дочь Діева, содѣлала лице его величественнѣйшимъ, и все шѣло шучнѣйшимъ; отъ главы его разрослась власъ, подобная цвѣту іакинеу. Одиссей сѣлъ на брегъ моря, сіяя красотою и величествомъ. Навсикая воззрѣвъ на него, удивилася, и тако вѣщаетъ къ рабынямъ своимъ: Внушите, дѣвицы! Что хочу повѣдати вамъ: воистинну мужъ сей пришелъ

шелъ въ землю нашу по произволенію всѣхъ боговъ, обитающихъ на Олимпѣ; ибо прежде я ни во что его вмѣняла; нынѣ же во всемъ зришся подобенъ быти богамъ. О когда бы таковъ мнѣ мужъ призванъ былъ во градъ семъ! Когда бы и сей возжелалъ пребывать здѣ! Подайте странному сему пищу и питіе.

Такъ рекла; они же со спраніемъ исполнили ея повелѣніе; предложили Одиссею пищу и питіе, и онъ съжадностію насыщалъ свое чрево; ибо долго не вкушалъ пищи. Впрочемъ Навсикая иное предпріяла, собравъ одежды положила на колесницу, возшедъ же и сама на оную вѣщаетъ ко Одиссею: Востани нынѣ, О спранниче! Да идеши во градъ, и тамо пошлю тебя въ домъ отца моего, гдѣ, мнѣ, узриши всѣхъ знаменитыхъ феакіанъ. Но сотвори тако: доколѣ я буду шествовати по полямъ и по нивамъ, дошолъ и ты съ моими рабынями скоро

скоро слѣдуй за моею колесницею. Когда же приблизимся ко граду, гдѣ стоятъ высокія стражницы; отъ обоихъ же странъ градъ зрится красное пристанище, и тамо входъ тѣсный, корабли же вводятся по пути, и всякому есть свое стояло; тамо есть окрестъ Посидонова храма великолѣпное и пространное отъ камней изсѣченное мѣсто; тамо всякія сооруженія кораблей устрояются; ибо Феакіане не имѣютъ попеченія ни о лукахъ ни о шулахъ, но о единыхъ токмо корабляхъ, на кои уповая далече преплаваютъ волнящееся море: ихъ я боюся поносной славы, дабы кто злобный не помыслилъ тако: Кто сей великій и красный странникъ слѣдующій по Навсикаѣ? Гдѣ толикаго обрѣла человѣка? Воистинну мужъ ея будетъ, или отъ иныхъ народовъ привлекла его на корабль своемъ, или нѣкто по ея моленію отъ боговъ низшелъ съ

неба на землю къ ней , и будетъ
имѣши его во вся дни мужемъ ?
Благо содѣлала когда сама вездѣ
обходя , обрѣла себѣ мужа спран-
наго ; Феакіанъ же , кои многіе
и зѣло знаменитые со опщаніемъ
ищутъ ее въ жену себѣ , презрѣ-
ла. Тако псмыслятъ ; мнѣ же бу-
детъ поношеніе. Но я бы и сама
огорчилась на такую , которая
при жизни отца и матери , безъ
ихъ позволенія опкровеннымъ бра-
комъ совокупила бы съ мужемъ.
Внуши убо , спраннице ! совѣту
моему , дабы со всякимъ поспѣше-
ніемъ приобрѣдѣ ты препровожде-
ніе и возвращеніе отъ отца моего
въ домъ свой. Вскорѣ узримъ мы
близъ Палладина пуши прекрасную
дубраву , растущую отъ сѣнноли-
ственныхъ тополѣвъ , окрестъ коея
есть зеленѣющее поле ; тамо
отца моего есть село и цвѣтущіе
сады на шолікое разстояніе отъ
града , колико гласъ вопіющаго мо-
жетъ

жѣтѣ слышанѣ быти. Тамо сѣдѣи, помедли; доколѣ мы приближимся ко граду, и внидемѣ въ домѣ отца моего. Когда же помыслиши во умѣ; что мы пришли уже въ домѣ свой, тогда воспани и ты, и вшедѣ во градѣ, испишуй о домѣ царя Алкиноя, коего удобно есть всякому познати, и самомалѣ шей отрокѣ можетѣ ко оному привести; ибо нѣтъ подобнаго ему во всемѣ Феакійскомѣ градѣ. Бывѣ же внутрь двора, колико можно, щисися пріити въ чершого матери моя, которая всегда сидитѣ при огнищѣ, упражняяся въ пряденіи, и приклоняся ко сполну. Окрестѣ ея сидятѣ рабыни; тамо и престолѣ отца моего не далече отѣ нея, гдѣ онѣ наслаждаяся виномѣ, сидитѣ аки иѣкто отѣ безсмертныхѣ. Узрѣвъ же матерѣ мою, простири руки твои къ колѣнамѣ ея, дабы благоволила тебѣ зрѣши

день возвращенія ро отечество
твое, хощя и зѣло далече нынѣ
опстоиши отъ него; когда же она
явитъ тебѣ въ томъ свое соизво-
леніе, имѣй надежду, скоро узри-
ши возлюбленныхъ твоихъ, и прій-
деши въ домъ и во отечественную
землю твою. Тако рекши, погна-
ла ословъ, а за нею поспѣшали
рабыни и Одиссей. Солнце сокры-
лося, когда они приблизились къ
дубравѣ, посвященной Палладѣ.
Одиссей сидя одинъ, начинаетъ
молиши Аѳинскую богиню такъ:
О неукротимая дщи сильнаго Діа!
Когда прежде ты не внушила мо-
ленія мсего во время обуреванія,
которое воздвиглъ на меня сильной
царь Посидонъ; даждь поне нынѣ
предстати мнѣ предъ Феакіанами
любезну и обрѣсти отъ нихъ ми-
лосердіе.

Такъ молящагося услышала
Аѳинская Паллада. Сама же не
явилася ему; ибо страшилася
Посидона, кой зѣло преогорченъ
былъ

блѣ на Одиссея и гнѣвался, доколѣ
пришелъ мужъ оный во свою землю.

ОМИРОВОЙ ОДИССЕИ

ПѢСНЬ СЕДЬМАЯ.

Ита.

Тѣмъ временемъ Навсикая при-
ходитъ въ домъ свой; и входящую
ее во врата срѣщаютъ опвсюду бра-
шїя, кои вскорѣ опрѣшили ословъ
опъ колесницы и одежды внесли
внупръ хранилища; дѣвица же ше-
ствуетъ во свой чертогъ, гдѣ пре-
старѣлая Еврим дуса, смотритель-
ница ложницы и ниташельница ея,
возжгла огонь и уголовила вечерю.
Тогда Одиссей восстаетъ соверши-
ти путь ко граду. Паллада же бла-
годѣтельствуя ему, покрыла его ве-
ликимъ мракомъ, дабы кто неисто-
вый опъ феакїанъ узрѣвъ его, не

содѣлалъ обиды, и не спросилъ бы: отъ какія земли идетъ? Когда же былъ при самомъ вшествіи во градъ; тогда Аѳина пріявъ на себя образъ юношки, несущія водоносъ, идетъ къ нему во стрѣшеніе. Одиссей ее вопрошаетъ тако: О чадо! Можешь ли мнѣ показать домъ царя спраны сея Алкиноя? Ибо я спранникъ есмь, и по претерпѣннѣи многѣхъ золъ пришелъ съмо отъ далекаго земли, и не знаю ни единого отъ человѣкъ, кои во градѣ семѣ обитаютъ.

Паллада отвѣщала ему: Воистинну покажу тебѣ домъ желаемый тобою; ибо и отецъ мой близъ его живетъ. Иди убо съ молчаніемъ; не разглагольствуй ни съ кѣмъ ни вопрошай о чемъ; ибо жишѣли сѣи не тщательнѣе воспріемлютъ приходящихъ отъ иныя земли спранниковъ, уповая на быспрошу кораблей своихъ, на коихъ преплаваютъ не измѣримое простран-

спранство моря; и кои аки перо,
или помышленія скоры.

Сіе скончавъ богиня, предше-
сшвуетъ Одиссею; онъ же скоро
спослѣдуетъ столамъ ея. Прему-
дрый Одиссей со удивленіемъ взи-
раетъ на пристанище, на кораб-
ли, на знаменитые дома, на ве-
ликую твердыню и на высокіе
огражденные холмы. Когда при-
близилися къ черпогамъ царевымъ;
тогда пакі начинаетъ богиня къ
нему тако: Спранниче! Се оный
домъ есть, окомъ вопрошалъ ты
меня. Внутри же его обрящеши
знаменитыхъ отъ всего града му-
жей, совещающихся пиршество: но
твое сердце да не устрашитъ тя
предсташи имъ; ибо дерзновенный
мужъ во всякихъ дѣлахъ счастливъ
есть, хотя бы и отъ иныя спраны
пришелъ; но прежде всего узриши
тамо царицу, коей имя Ариша и
отъ тѣхъ же родителей имѣетъ
свое бытіе, отъ коихъ родился и
царь

царь Алкиной; ибо во первыхъ Навсифай родилъ Посидонъ отъ Перивіи, меньшія дщери Евримедонтовой; Навсифай же родилъ Риксинора и Алкиноя. Но перваго убилъ стрѣломенушій Аполлонъ; осталась же токмо едина дщерь Аришта, кою и поялъ въ жену себѣ Алкиной, и толико почиталъ ее, колико ни едина жена по всей земли не была почтена отъ мужа своего и любима отъ всѣхъ дѣтей и отъ всѣхъ гражданъ, кои на нее, когда шествуютъ по граду, взираютъ аки на безсмертную. Сія когда явитъ тебѣ свое благоволеніе; имѣй надежду внийти во отечественную землю и во градъ твой. Сіе сказавъ богиня, оспавляетъ Схерію и по морю грядетъ къ Мараѡну и ко знаменитымъ Аѳинамъ, и входитъ въ домъ царя Ерихеея. Одиссей же идетъ ко двору Алкиноя многими мяшущійся помышленіями, доколѣ не при-

приблизился къ мѣдному помосту, кою блистаніе, аки отъ солнца или луны, по всему дому разносилось. Отъсюду было мѣдное огражденіе; златые врата зашворяли входъ; серебряные веревы утверждены были въ мѣдномъ прагѣ; златые и серебряные отъ обоихъ странъ стояли псы, коихъ содѣлалъ чудный Ифестъ во охраненіе дому Алкиноева; внутрь же окресмъ мѣднаго огражденія утверждены были сѣдалища; тамо зрѣли были хипрѣйшія и тончайшія завѣсы, дѣла рукъ женскихъ: тамо Феакійскіе знаменитые мужи сидѣли, ядя и пїя во весь годъ; тамо стояли златые ююши при хипросодѣланныхъ престолахъ, держа въ рукахъ горящія чрезъ всю ночь, и по всему дому сіяющія свѣщи для пиршествующихъ; въ домѣ было пятьдесятъ рабынь, изъ коихъ иныя упражнялися въ жерновахъ, другія пряли и ткали

вол-

волну. Колико Фсакійскіе мужи совершенно искусны суть въ быспрѣишемѣ мореплаваніи; толико ихъ жены хитростными почитаются въ шканіи волны. Въ же двора сего близъ вратъ есть пространнѣйшій садъ огражденный опъ всюду спѣною, въ коемъ высокія и зеленѣющіяся произрастали древа: груши, яблони, смоковницы и маслины: плодъ же отъ нихъ никогда ни зимою ни лѣтомъ не оскудѣвалъ, но чрезъ весь годъ пребывалъ; ибо дышущій тамо всегда зефиръ ихъ произращалъ, и къ созрѣнію приводилъ. Груша спарѣется послѣ груши, яблоко послѣ яблока, ягода послѣ другой ягоды, и смоква послѣ смоквы. Тамо были два и спочника: единъ пропекалъ по всему саду, другой же отъ противныя страны скрывалъ теченіе свое подъ прагъ двора сего, гдѣ всѣ граждане довольствуются водою сею. Такія были

были благоразположенія боговъ къ царю Алкиною. Одиссей насладивъ духъ свой зрѣнїемъ, ускоряетъ вниши въ домъ сей, гдѣ вскорѣ обрѣтаетъ феакійскихъ вождей и совѣтниковъ, творящихъ приношеніе мудрому созерцашелю Аргоубійцѣ Ермію; ибо послѣдняго его молили, когда уже помышляли о снѣ. Бѣдственный странникъ огражденъ бывъ великимъ мракомъ отъ Паллады, предсталъ предъ царицу Аристу и царя Алкиною. Отъяту же бывшу оному облаку, объемлетъ колѣна царицы, коя незапно узрѣвъ мужа зѣло удивилася. Одиссей же тако начинаетъ къ нимъ: О дщи храбрѣйшаго Риксинора, и вы феакійскіе вожди, къ вашимъ ногамъ повергаюся по претерпѣнїи величайшихъ золъ; да подадутъ вамъ боги блаженную жизнь и чадамъ вашимъ вся благая въ домѣ, и честь отъ всего народа. Молю васъ, угощайте мнѣ скорое оп-

те-

шествіе ко отечеству моему, отъ котораго многое время оплученъ претерпѣваю напасти. Сіе рекши, сѣлѣ близъ огнища на песокѣ: они же всѣ пребыли въ глубокомъ молчаніи. Наконецъ престарѣлый ирой Ехеней, кой между всѣми феакіанами и лѣшами, и краснорѣчіемъ, и искусствомъ многимъ знаній первымъ почитался, начинается тако: Царю Алкинсе! Воиспинну не прилично тебѣ, дабы странникъ сей сидѣлъ близъ огнища на песокѣ; сіи же ожидающъ твоего повелѣнія; воздвигни убо его отъ земли и посади на сѣдалищѣ; повели провозвѣстникамъ наполнити чашу виномъ, да сотворимъ честь молніеносному Дію, кой страннымъ и пребующимъ помощи всегда спутешествуетъ; вечерю же да предложитъ ему домостроительница. Алкиной взялъ Одиссея за руку, воздвигъ его, и посадилъ на сѣдалищѣ, на коемъ сидѣлъ

шо-

тогда сынъ его Лаодамантъ; воду принесла рабыня въ златой умывальницѣ; потомъ представили ему столъ на полненный многою пищею, кою Одиссей насыщался, koliko желалъ. По семъ Алкиной вещаетъ провозвѣстнику: Пропонной! подаждь всемъ въ чаши вино, да принесемъ великому Дію благодареніе.

Когда всѣ насытились питемъ, Алкиной паки начинаетъ: Внушите, Феакіанскіе вожди и совѣтники, что хочу вамъ возвести: Нынѣ идите въ домъ, и пріимите даръ сна; за утру же множайшихъ призвавъ градоначальниковъ угостимъ съ подобающею честію спранныи пришедца сего, и сотворивъ жертву богомъ положимъ совѣты о возвращеніи его, дабы онъ подъ нашимъ провожденіемъ безболѣзненно, безпечально, и съ радостію могъ пріиши во свое отечество, и да не поспраждаетъ

ни какого зла въ пуши , доколѣ
 прїдешь во свою землю. Тогда
 паки да претерпеваешь то, что
 судьба при рожденїи его ему поло-
 жила, ежели же опѣ безсмертныхъ
 кто во образѣ его пришелъ къ
 намъ; воистинну нѣчто иное бо-
 ги о насъ помышляютъ; ибо и пре-
 жде всегда являлися намъ откро-
 венно; и когда приносили имъ
 священныя жершвы , пиршествова-
 ли съ нами равно какъ и мы. Одис-
 сей отвѣщалъ ему: Царю Алки-
 ное ! Отрини сїи помышленїя ,
 ибо я несмь безсмертнымъ подо-
 бенъ, ниже тѣломъ, ниже лицомъ;
 но есмь какъ и прочїе всѣ люди,
 кои жизнь свою влачатъ въ болѣз-
 няхъ и напастяхъ; имъ я подо-
 бенъ. Возвѣстилъ бы я вамъ нынѣ
 многїя мои зоключенїя, кои по
 изволенїю боговъ претерпѣлъ: но
 днесъ оставите мя вечеряши; ибо
 ничто тако не есть досадитель-
 но, какъ чрево, кое и во всѣхъ на-
 па-

пастяхъ и болѣзняхъ понуждаетъ
о себѣ воспоминаши; какъ и меня,
хотя и непрестанно сокрушаютъ и
угнѣтаютъ печали сердце мое, къ
пищѣ и питію влечетъ жадный
стомахъ; и вся тогда приключенія
предаетъ забвенію, и только самъ
желаетъ наполниться. Васъ же нынѣ
молю, ускорите съ послѣдующею
за утро зарею устроить вашъ со-
вѣтъ о провождѣніи моемъ во отечество,
кое поне единожды узрѣвъ,
съ радостію оставлю животъ свой;
то есть, все мое спяжаніе рабовъ
и благолѣпный домъ. Тако рекъ
онъ, и всѣ похвалили слово его, и
совѣщали препроводити спранника
въ домъ его. По окончаніи вечера
всѣ ошходящъ въ дома свои ко
сну; единъ токмо Одиссей остался
съ царемъ Алкиноемъ и Аришою.
Темъ временемъ рабыни износили
сосуды путешественныя. Ариша уз-
рѣвъ на немъ одежды свои, кои сама
съ рабынями устроила, вѣщаетъ ко

Одиссею : Сстранниче ! возвѣсти
 намъ , кто еси ? Отъ какихъ на-
 родовъ пришелъ къ намъ ? Кто далъ
 тебѣ сѣи одѣжды ? Ты намъ по-
 вѣдалъ , что заблуждая по морю
 пришелъ сюда . Одиссей отвѣщалъ
 ей : О знаменитая царице ! Во-
 истинну неудобно нынѣ всѣ и счи-
 слиши напасти , кои на меня отъ
 боговъ низпосланы . Но кратко
 повѣмъ нынѣ о чемъ вопрошаеши
 мя : далече отсюда лѣжишь на мо-
 рѣ нѣкоторый островъ , нарица-
 емый Огигія , гдѣ дщерь преслову-
 таго Атланта , хитрая и благо-
 лѣпная богиня Калипса обитаетъ ,
 и ниже отъ боговъ кто , ниже
 отъ смертныхъ имѣютъ съ нею
 обращеніе ; но единого меня зло-
 получнаго привелъ къ ней нѣкій
 богъ ; зане молніеносный Дій со-
 крушилъ корабль мой , палящъ мол-
 ніею посреди чермнаго моря , гдѣ
 прочіе мои всѣ сопутники погибли
 въ водахъ ; я же на единой дскѣ со-
 крушен-

крушеннаго моего корабля по пучинамъ пространнаго моря носимъ былъ девять дней, въ девятую же ночь принесли меня боги ко острову Оигіи, гдѣ сія богиня обитаетъ. Она воспріявъ меня сощущаніемъ, пишала съ любовію, и обѣщалася содѣлати безсмертнымъ и не старѣющимъ во вся дни живуща; но сердца моего ни како не могла преклонити. Тамо пребылъ я семь лѣтъ. Одежды же данныя мнѣ ею всегда омочалъ слѣзами. Наставшу осмому году повелѣла мнѣ по соизволенію Діа, или и сама она тако премѣнила сердце, отъиши во опеченство; оплуснула меня въ корабль, много дала нищи, сладкаго вина и одеждъ, послала мнѣ благополучный и безвредный вѣтръ. И тако я седминадесять дней совершалъ путь мой по морю; въ осьмый же надесять день явились темныя горы земли вашей; тогда возрадовался злополучное
 К ъ сердце

сердце мое, аки предвѣщая, что
 еще принадлежатъ мнѣ многія на-
 пасти, которыя сотрясающій зем-
 лю Посидонъ вскорѣ послалъ на мя,
 и пресѣкъ путь мой; ибо пустилъ
 бурныя вѣтры, возмутилъ мор-
 скія воды страшными бурями, и ни-
 какимъ образомъ корабль мой не-
 могъ споясти по средѣ обуреваемо-
 го моря; скоро волны разсыпали
 оной. На конецъ престала буря,
 я же плаваніемъ спасаяся, вѣтромъ
 и водою принесенъ былъ къ вашей
 землѣ, тамо исходящаго мя поверг-
 ла волна на землю, близъ великихъ
 камней на веселомъ мѣстѣ. Но я
 возвращаяся паки предался плава-
 нію, доколѣ не пришелъ къ рѣ-
 кѣ, гдѣ мѣсто было спокойнѣй-
 шее, не имущее камней, и защищен-
 ное отъ вѣтровъ; тамо ободрился
 духъ во мнѣ. На конецъ прибли-
 жалася шихая ночь; и я отхожду
 въ лѣсъ, гдѣ собравъ многія ли-
 ствія, почилъ между древами, и
 богъ

богъ послалъ на меня глубокий сонъ. Тако ослабѣвшимъ сердцемъ спалъ подъ листвѣмъ чрезъ всю ночь до полудня. Уже солнце преклонялося, какъ сонъ меня оставилъ. И се скоро узрѣлъ я играющихъ рабынь дщери твоея, сама же между ими подобною богинямъ являлася. Къ ней тогда пришелъ я, и излилъ предъ нею моленіе, кое она, аки благое изчадіе, и не опринула; подала мнѣ довольную пищу и сладкое вино; умыла въ рѣкѣ, и облекла въ сѣи одежды. Се тебѣ истинну повѣдалъ. Алкиной отвѣщалъ ему: Спранниче! Воистинну не благоприсстойно содѣлала дщерь моя, что купно съ рабынями не привела тебѣ въ домъ нашъ.

Мудрый Одиссей отвѣщалъ ему: Великій царю! Не обвиняй въ семъ невинныя дщери твоея; ибо она повелѣла мнѣ купно съ рабынями слѣдовать; но я отъ того опрекся, бояся дабы не раздражи-

лося сердце твое, когда узриши
человѣка странна, идущаго съ
юными дѣвицами; подозрѣвающій
бо на земли есть родъ человѣческъ.

Алкиной отвѣщаль ему: Стран-
ниче! Не тако сердце мое съ лег-
комысліемъ преклоняется ко гнѣ-
ву; честное же всегда прилично.
О Дій! Паллада! и Аполлонъ! Ко-
гда бы и ты странниче тоже мы-
слилъ, что и я; воиспину имѣлъ
бы ты дочерь мою въ жену себѣ,
и пребывая здѣ нарицался бы мо-
имъ ближайшимъ родственникомъ,
далъ бы тебѣ домъ, и многое спя-
жаніе. [но прошиву хотѣнія тво-
его ни кто тебя здѣ не можетъ
удержати: сіе и отцу боговъ Дію
есть противно.] Препровожденіе
же тебѣ во отечество воиспину
угошоваю заутро: нынѣ убо иди
и насладися сномъ; а я морепла-
вашелямъ повелю надзираши ши-
шину времяки, дабы безбоязненно
привести тебя въ домъ, кой хотя

и далѣе отспойтѣ Еввѣйскія земли, которая, какѣ повѣдають видѣвшии оную, зѣло вѣ дальномѣ разстоянїи лежишѣ отѣ насѣ: возвѣспили мнѣ о семѣ наши граждане, кои отвозили цзяра Радаманеа, да узришѣ Тишїя, сына земли; и тако они совершили путь сей вѣ единѣ день безѣ всякаго труда; и того же дня привезли его наки обратно вѣ домѣ. Познаеши и самѣ коль наши легки корабли, и коль искусны гребцы вѣ мореплаванїи. Тако глаголаѣ Алкиной; Одиссей же радуся духомѣ рекѣ: Отче Дїй! Молю тя, да совершитѣ Алкиной все сказанное имѣ, и да пронесетѣ имя его по всей земли; я же прїиду во отечество мое.

Тако сіе разглагольствовали; царица же Ариша повелѣла рабынямѣ, да угопвають ему ложе, кои исполнивѣ повелѣнное, зажгли свѣди, и пришедѣ ко Одиссею вѣщають: Воспани странниче! Да по-

ника, кой заблуждая по морю не давно пришелъ въ домъ Алкиноя царя, образомъ же подобенъ есть безсмертнымъ. И тако возбудила во всѣхъ сердца; наполнилися всѣ спогны и сѣдалища народомъ, и взирали со удивленіемъ на Одисея, коему тогда Паллада на главу и рамена излила благодать, дабы любезнѣйшій, почтеннѣйшій и величественнѣйшій явился предъ всѣми Феакїанами, и совершилъ подвиги, въ коихъ искуснѣйшими тогда они почитались. Собравшуся же великому множеству народа, Алкиной начинаетъ тако: Внушите, Феакїйскіе судїи и совѣтники, что возглаголю вамъ: странникъ сей не знаю откуда пришелъ въ домъ мой, отъ восточныхъ или отъ западныхъ народовъ, и проситъ опущенія въ домъ его; пощимся убо угошоваши мы оное; ибо ни кто ни когда не приходилъ въ домъ мой, дабы долго ожидалъ сосле-
за-

зами отпущенія ; изведемъ убо
новый корабль на море ; да въздушъ
на него пятьдесятъ два гребца из-
бранные съ веслами ; да угошуютъ
вскорѣ и веселое пиршество ;
юношамъ сіе повелѣваю. Вамъ же,
знаменитые старцы ! завѣдаю ити
въ домъ мой , да тамо угошимъ
спранноприщельца сего ; да не опре-
чешся ни единъ : призовите и
пѣвца Димодока , коего Аполлонъ
научилъ воспѣвати пѣсни , ко ушѣ-
шенію сердецъ нашихъ.

Такъ рекши , предшествоуетъ ;
старѣйшины же града за нимъ гря-
дуть . Тѣмъ временемъ провозвѣ-
стникъ съ поспѣшеніемъ идетъ
призвати пѣвца ; избранные же
пятьдесятъ два юноши по повелѣ-
нію цареву идутъ на брегъ моря
къ кораблю , кой вскорѣ изведъ на
глубину , утвердили на немъ въ-
сприльное древо , привязали въспри-
ла , и положили гребла какъ дол-
жно , отвели корабль далече на
море.

море. По семъ идущъ къ царю Алкиною, гдѣ всѣ мѣста и преграды наполнялися множествомъ собравшихся мужей: Многіе тамо были престарѣлые и молодые, для коихъ Алкиной повелѣлъ заклаши дванадесять овецъ, осьмь свиней и двоихъ воловъ во угошваніе имъ пиршества.

Тѣмъ временемъ и провозвѣстникъ привелъ пѣвца, коему божественная Муса послала два дара, благій и злый, сирѣчь, лишила его зрѣнія; но научила воспѣвати сладостныя пѣсни. Провозвѣстникъ подалъ ему сѣдалище близъ столпа посредѣ пиршествовавшихъ; цѣвницу же его повѣсилъ на гвоздѣ, и показалъ, како можетъ оную осязати руками; предложилъ ему столъ и кошицу съ пищею, такожде чашу съ виномъ, да пьетъ, колико сердце его восхощетъ. Все собраніе простерло руки къ пѣвцу. Когда же насытились вси питіемъ

и пищу; тогда божественная Му-
са возбудила пѣвца, да воспоетъ
славу мужей, кои тогда просла-
вились дѣлами своими до небесъ.
Димодокъ воспѣваетъ раздоръ, быв-
шей нѣкогда между Одиссеемъ и
Пелеевымъ сыномъ Ахилломъ: царь
же Агамемнонъ радовался серд-
цемъ, когда первые военачальники
Ахейскіе между собою были не
согласны; ибо тако Пиеійскій Апол-
лонъ предрекъ ему, когда прихо-
дилъ къ нему просити отвѣта:
и тогда открылося начало зло-
ключеній Данайскихъ и Троян-
скихъ по произволенію великаго
Дія. О семъ тогда воспѣвалъ Ди-
модокъ. Одиссей же слушая сіе
проливалъ слезы, покрывъ лице
одеждою дабы сокрыти отъ Феа-
кіанъ печаль свою. Когда же пере-
скавалъ Димодокъ воспѣвати; то-
гда и онъ отнималъ ризу отъ
лица своего. Алкиной единъ поз-
навъ сіе, сѣлъ близъ его, и паки
ус-

услышавъ тяжкія выпускающаго
Одиссея, воздыханія, тако вѣща-
шъ: Внушите, Феакійскіе мужи!
Мню, что уже насытились мы
пищею и насладились пѣніемъ;
нынѣ убо изыдемъ и сотворимъ
подвиги, дабы спрaпнопришелецъ
сей пришедъ ко ошечество повѣ-
далъ тамо, колико мы превосхо-
димъ прочихъ народовъ борьбою,
крѣцостию рукъ, плясаніемъ и
бѣганіемъ.

Тако рекши, предшествуетъ;
Димодока же взявъ за руку ведетъ
на назначенное для подвиговъ мѣ-
сто. Великое множество сильныхъ
юношей за царемъ слѣдовало. Та-
мо возсталъ Акроней, Окїалъ,
Елатрей, Павшей, Примней, Анхі-
алъ, Ершмей, Поншей, Прорей,
Тоонъ, Анависиней, Амфіалъ сынъ
Полинїевъ; возсталъ и Эврїалъ,
подобный челоукоубійцѣ Арю,
кой по Лаодамантѣ возрастомъ и
красотою превосходилъ всѣхъ феа-
кіянъ;

кїянѢ; возсшали такожде и при
сыны Алкинѡевы, ЛаодамантѢ, Алїй
и Клипѡней. Сїи первые начали
подвигѢ отѢ положеннаго мѣста
бѣганїемѢ; и возносітся аки прахѢ
отѢ вѣпра по всему полю: по
семѢ начали борѣбу, вѢ коей по-
бѣдилѢ всѣхѢ ЭврїалѢ; вѢ пляса-
нїи же явился искуснѣйшїй паче
всѣхѢ АмфїалѢ; вѢ мѣтанїи кру-
га сильнѣйшїй ЛаодамантѢ, сынѢ
АлкинѡевѢ. Когда же вси насыпи-
лися сими забавами, ЛаодамантѢ
вѣщаетѢ: Други мои! ПопросимѢ
и сего страннаго, ежели знаешѢ
какїй подвигѢ, надѣяся или на
крѣпкїя рамена, или на бедра,
или на швердѡсть рукѢ, или на
непоколебимую силу выи, но мнѡ
что юность его измождена многи-
ми напастѣми; ибо не уповаю,
дабы вѣщшее какое зло могло при-
вести челѡвѣка вѢ безсилїе, какѢ
море, кое и самаго крѣпчайшаго
мужа сокрушаетѢ. ЭврїалѢ отъ-
вѣ-

вѣщалъ ему: Истинну повѣдалъ ты, Лаодамантъ! Иди убо и глашай его самъ.. Лаодамантъ, ставъ предъ Одиссеемъ, вѣщаетъ: Странниче! Повѣдай намъ, въ какихъ ты искусился подвигахъ? Ибо во-истинну прилично тебѣ знати оныя; зане нѣсть вящшїя славы человѣку въ жизни его, какъ показати твердость рукъ и ногъ своихъ; отгнавъ убо печаль отъ сердца, иди испытати силы твои: отшествїе же твое во отечество уже близко есть; зане и корабль изведенъ уже на море и сопутники готовы.

Одиссей отвѣщалъ ему: Лаодамантъ! Что мя искушаете съ посмѣяніемъ? Болѣзнь сердце мое, а не подвиги объемлютъ. Прежде я неизчешныя претерпѣлъ напасти, и много зла пострадалъ; нынѣ же сию въ вашемъ собранїи, отпущенїя требуя, о коемъ прошу царя и весь народъ сей. Эври-

Часть I. Л алъ,

алѢ, отвѣщая ему, съ явнымъ посмѣянiемъ, рекъ: Спранниче! Зрю что ты лѣнivu мужу подобенъ, и никакіе подвиги тебѣ сущь не свѣдомы, какіе токмо мѣжду людьми обрѣтаются; но мню, что ты изъ тѣхъ корабленачальниковъ, кои преплаваютъ море, желая обрѣсти пользу отъ единого купечествованiя.

Одиссей воззрѣвъ на него свирѣпымъ окомъ, рекъ: Юноше! Не праведно вѣщаеши; и зрю, что ты подобенъ мужу спрощивоязычну. Боги не всѣмъ равно раздѣляютъ дары свои. Иной лицемъ неблаголѣпенъ есть, но Богъ наградиъ его краснорѣчіемъ; иные взираютъ на лице его со отвращенiемъ, а другіе слушаютъ мудрыхъ и крошкихъ словесъ его со удивленiемъ и сладостію, и во всѣхъ собраніяхъ чудное нѣчто слышати отъ него уповаютъ. Когда же шествуетъ по граду, вси на него взираютъ
аки

аки на важнаго мужа. Иной таки благолѣпѣмъ лица подобенъ естъ безсмертнымъ; но сладости словесъ нималѣйшїя не имѣетъ: Тако и твоего лица лѣнота зрится аки безсмертная; разумъ же твой исполненъ естъ спронїивости. Ты раздражилъ сердце мое буйствомъ языка твоего; но вскорѣ познаеши, что подвиги ваши давно мнѣ суть извѣстны; и уповаю, что былъбы я первый между вами, доколѣ надѣялся бы на крѣпость рукъ своихъ; нынѣ же одержимъ есмь лютиѣйшими болѣзнями, кой понесъ и на бранѣхъ противъ крѣпчащихъ мужей и на свирѣпомъ морѣ. Но и при всѣхъ сихъ злключенїяхъ испытую подвиги ваши; зане не воздержный языкъ твой лѣно раздражилъ болѣзненное мое сердце.

Гекши сіе, во всей одеждѣ устремился, и со гнѣвомъ восхищаетъ камень, много большій и мягчайшій того, коимъ феакї не

играли. Одиссей удобно вращая его нѣсколько времени аки коло въ рукахъ, твердыми раменами метнетъ зѣло далече, и премѣшаетъ всѣ Феакійскія цѣли. Паллада же во образѣ мужа поставила знаменіе, гдѣ печеніе камня остановилось: и тако вѣщаетъ къ Одиссею: Странниче! Се и слѣбный можешь осязаніемъ познаши знаменіе сіе; зане оно далече зѣло отстоимъ отъ прочихъ: Ты же дерзай и уповай на подвиги; ибо ни единъ отъ Феакіянъ къ сему мѣсту не достигнетъ. Тако рекла Паллада. Одиссей возвеселимъ сердцемъ познавъ, что столь благопріятствующаго себѣ видѣлъ друга, и къ Феакіянамъ тако вѣщалъ: Вы нынѣ вергните камень сей; я же и другій тяжчайшій перваго пушу отъ рукъ моихъ; идите убо и испытайте силы ваши со мною; ибо зѣло вы меня раздражили: испытайте, реку, или

или руками, или борьбою, или бѣганіемъ; не опрекуся отъ всѣхъ феакіянъ, кромѣ единого Лаодаманта, зане страннопріемникъ мой онъ есть: кто же со другомъ восхождетъ прѣніе имѣти? Буй есть потъ мужъ и ни въ чемъ не смысленъ. --- Отъ прочихъ же мужей не отрицаюся; да и подвиги всѣ хочу, предъ вами доказать, какіе токмо на земли между людьми обрѣтаются. Первый бѣя спрѣлою моею, желаннаго достигнулъ мужа, во множествѣ враговъ сопротивныхъ, хотя и многіе защидали его со воинственники, и напругали луки свои на мя; единъ токмо фелокситъ превосходилъ меня въ спрѣляніи на Троянской брани: прочихъ же всѣхъ нынѣ сущихъ, и хлѣбомъ питающихся на земли мужей уноваю побѣдити. Но со древними людьми не хочу препися, ниже со Иракліемъ, ниже со Евритомъ Ихалійскимъ, кси

Л з

дерз-

дерзнули даже съ богами во искусствѣ стрѣлянїя пренїе имѣти, за-
что великій Еврипъ, не достиг-
нувъ стрелости вскорѣ умеръ; ибо
раздраженный Аполлонъ за то, что
вызывалъ его на подвигъ стрѣля-
нїя, умертвилъ его. Похваляюся
также имѣтанїемъ копїя, ели-
ко ни кто инный не похвалился
стрѣлою. Единаго токмо бѣганїя
божся, дабы кто отъ Феакїанъ
побѣдилъ мя; ибо зѣло въ волнахъ
морскихъ изнуренъ есмь, да и пи-
ща зѣло малая въ кораблѣ была;
и потому несказанно ослабѣла швер-
досъ колѣнъ моихъ.

Тако рѣкъ Одиссей; и всѣ пре-
были въ глубокомъ молчанїи, единъ
Алкиной отвѣдалъ ему: Прїятно
есть намъ слушати слова твоя,
когда желаеши показати храбрость
твою за то едино, что тебя Феа-
кїйскій мужъ раздражилъ на под-
вигъ, уничтожая крѣпость твою,
коя

коя всякаго бы смершнаго удивила.
 Но внуши и мои глаголы, да по-
 вѣдаеши прочимъ героямъ, когда
 будеши въ домъ твоемъ пирше-
 ствовати съ женою и чадами ливо-
 ими, вспомяни тамо и о нашемъ
 знаніи, какія всеильный дѣла намъ
 предоставилъ ошъ древнихъ вре-
 менъ и предковъ; ибо не уповаемъ
 мы на твердость рукъ, ниже по-
 хвалимся борьбою; но единымъ лѣх-
 кимъ и скорымъ бѣганіемъ, такожде
 быстрымъ плаваніемъ по морю въ ко-
 рабляхъ; всегда обращаемся въ пир-
 шествахъ, въ пѣніи, въ веселіяхъ
 ликованіяхъ, въ премѣненіи драгихъ
 тончайшихъ одеждъ, въ шеплахъ
 баняхъ, и поиваемъ на мягкихъ
 ложахъ. Вы же феокиае, начните
 нынѣ плясаніе, да сиринноприше-
 лецъ сей возвратився во свое оде-
 чество пронесетъ о васъ всюду
 благую славу; такожде колико
 превосходимъ прочихъ въ знаніи
 мореплаванія, бѣганія, плясанія и

пѣнїя : Димодоку же скоро принесите отъ дому моего цѣвницу.

Такъ рекъ Алкиной ; и абїе провождѣстникъ возставъ идешъ въ домъ царевъ. Жребїемъ же избранные юноши, девять начальниковъ игръ, очисти́ли мѣсто для плясанїя. Тѣмъ временемъ провозѣстникъ принесъ цѣвницу Димодоку, ишедшему со оною на средину; окрестъ же его стали молодые юноши, изученные искусству всякаго плясанїя; и уже мгновеннымъ движенїемъ возбуждали свои ноги. Одиссей со изумленїемъ удивлялся, взирая на приуготовленїе ногъ ихъ. Димодокъ началъ воспѣвати о любви Арея и златовѣнчанной Афродиты : во первыхъ како они другъ ко другу пылали любовїю въ дому Ифесповомъ, како скоро возвѣстало ему всевидящее солнце о семъ. Ифестъ услышавъ горестное возвѣщенїе, течешъ съ поспѣшенїемъ во свою куз-

кузницу, сокрывая во глубинѣ сердца великое мщеніе; утврждаетъ наковальну, сооружаетъ не преломныя и не разрушимыя оковы; содѣлавъ хитрость сію, спѣшитъ въ чертогъ свой, гдѣ спяло ложе его, тамораспростираетъ надъ нимъ сѣть сію, кою никто отъ боговъ не могъ видѣти; ибо тончайшая была паче теней паука; устроивъ ухищреніе сіе, притворяется идущимъ во островъ Лимнѣ. Арей познавъ о его отшесствіи, ускоряетъ ити въ домъ его, желая насладиться любовію Афродиты, коя токмо что пришла отъ всесильнаго отца своего Діа, и сидя покоилася. Тѣмъ временемъ входитъ въ чертогъ неистовый Арей, и взявъ за руку ее вѣщаетъ: Идемъ, возлюбленная моя! Возвеселимся; ибо нѣсть нынѣ въ домъ царя Ифеста, но отшелъ далече во островъ Лимнѣ къ Синтійскимъ жителямъ.

Тако рекъ Арей: равно не противно было и Афродитѣ съ нимъ веселиться. Когдаже возшли въ особенный покой, тогда сѣти Ифестовы начали расширяться надними, яко ни како не могли они ни двинути, ни возстати съ мѣста. Тогда вознали явно, что нѣсть надежды ко избѣжанію. И се возвратился знаменитый Ифестъ, не дошедъ Лимна; ибо солнце созерцая дѣла ихъ, возвѣстило о всемъ ему; онъ печетъ скоро въ домъ съ раздраженнымъ сердцемъ, и спавъ въ преддверіи страшно возопилъ на небо, и гласъ его слышали вси боги. Отче Дій, и вы всѣ присносущныя боги! Прїидите, да узрите смѣхотворныя и нестерпимыя дѣла; како мнѣ хромцу Афродита, дщерь Діева, содѣлала поношеніе! Се любилъ зловреднаго Арея за то, что онъ красенъ лицомъ и здравъ ногами, яже безсиленъ есмь: вина же сему есть

ра

родившій мя: зрите , како они наслаждакся любовію, я же терзаюся сердцемъ. Но уповаю , что опшнынѣ не восхотѣтъ умножати стыда мѣ; зане опѣ съшей сихъ не возмогушъ свободитися до толѣ, доколѣ опецъ возвратитъ все вѣно, кое мною дано ему за дщерь его.

Тако рекъ; и абіе вси боги собралися къ мѣдному дому царя Ифеста. Пришелъ туда Посидонъ, и Ермій со Аполлономъ. Боги же пребывали въ своихъ чертогахъ. Прочіе боги ставъ въ предверіи , воздвигли велій смѣхъ, в.ирая на хитросъ мудраго Ифеста, и тако нѣкто опѣ нихъ рекъ: не всегда съ успѣхомъ происходятъ злыя дѣла; иногда и хромый постигаетъ ногами крѣпкаго, какъ нынѣ Ифестъ уловилъ Арѣя, быстрѣйшаго паче всѣхъ боговъ.

Тако между собою разглагольствовали боги: и Аполлонъ ко Ермію

мїю рекъ: Вѣспниче боговъ! Восхощеши ли опнынѣ въ сихъ крѣпкихъ узахъ почивати на ложѣ со златозарною Афродитою? Ермій отвѣщалъ ему: О когда бы сіе мнѣ случилось, царь Аполлонъ! и хотя бы сіи не разрѣшимыя узы еще крѣпче устроилися, вы бы всѣ боги и богини узрѣли, что не опрѣкся бы я почити со златою Афродитою.

Такъ рекъ: и вси велїи смѣхъ воздвигли. Единъ токмо Посидонъ не смѣялся, и многажды просилъ Ифеста, дабы разрѣшилъ любящихся, тако вещая: Разрѣши, молю тя, Арее и Афродиту отъ оковъ твоихъ; я же сотворю тебѣ воздаяніе, какое пребуеши предъ всѣми богами.

Ифестъ отвѣщалъ ему: не сотворю сего; трудно бо есть получити обѣданное, когда не можно спати противу поручителя, како могу я тебя связати, поли-

ко

ко сильнаго между безсмертными? Посидонъ отвѣщалъ ему: Когда Арей упечетъ, не сотворивъ тебѣ воздаянїя; то я все сіе тебѣ воздамъ. Ифестъ рекъ ему: Не прилично будетъ отринуть твое моленіе. Сїе сказавъ, разрѣшилъ отъ узъ связанныхъ. Узники получивъ свободу, скоро разлучилися: единъ ошшелъ во Оракїю, Афродита же во оспровъ Кипръ и Пафъ, гдѣ стоитъ дубрава отъ древесъ благовонныхъ, ей посвященная. Тамо, харишмы умывъ владычицу свою, намазали безсмертнымъ елеемъ, облекши во свѣтлыя одежды.

Сїе Димодокъ воспѣвалъ: Одиссей и прочїе всѣ со услажденїемъ слушали. Посемъ Алкиной повелѣлъ Алїю и Лаодаманту подвиги показати; ибо никто ихъ немогъ въ игрѣ побѣдити. Единъ изъ нихъ прїявъ мячъ, пустилъ зѣло высоко; а другїй поднявся отъ земли
вверхъ,

вверхъ, восхищалъ его низпадаю-
щаго, доколѣ ногами къ землѣ
прикоснется. Тогда Одиссей ко
Алкиною рекъ: Царю! Воиспину
есть праведно твое общаніе; со
изумленіемъ бо взираю на искус-
ство сихъ юношей.

Тако ему рекшу, Алкиной ра-
дуюся сердцемъ, вѣщаетъ къ фе-
акіаномъ: Внушите, вожди феакій-
скіе и князи! Странный гость сей
зрится мнѣ быти премудръ; да-
димъ убо ему спранныпріемные да-
ры; зане дванадесять знамени-
тыхъ царей владычествуете надъ
симъ народомъ; я же есмь претій-
надесять: принесите убо каждый
отъ дому своего едину свѣтлую
одежду, и единъ талантъ чиста-
го злата; и все сіе собравъ, оп-
несите въ домъ мой, да гость сей
пиршествуетъ съ нами радостною
душею. Эвриалъ пусть самъ при-
мирится съ нимъ словами и дара-
ми;

ми; ибо зѣло не прилично раздражилъ его.

Такъ рекъ царь, и вси похвалили глаголы его. Посемъ повѣли провозвѣстнику угошоваши дары. Но Эвриалъ отвѣщая, рекъ: Царю Алкиное! Симъ мечемъ по повелѣнію твоему хощу отъ него приобрѣсти примиреніе. Онъ весь есть мѣдянь, рукоятіе его серебряное, а влагалище отъ кости слоновой. Сіе вѣщая, вручаетъ оный Одиссею, рекши тако: Радуйся, спранный опче! Ежели слово какое противно сказано, да восхитятъ вскорѣ вихри на воздухъ; тебѣ же да подадутъ боги благополучно возвратитися во свою отчизну, и узрѣши искреннихъ своихъ; зане многое время оплущенъ отъ нихъ спраждеши злая.

Радуйся и ты, возлюбленное чадо! Одиссей отвѣщалъ ему, боги да подадутъ и тебѣ вся благая; меча же сего не имѣй отселъ же-
ла-

ланія видѣши въ рукахъ твоихъ ,
когда его во знаменіе примиренія
мнѣ опдалъ. Рекъ сїе, и абїе пре-
поясуешъ его.

Солнце уже сокрылося тогда,
когда знаменитые дары приносимы
были въ домъ Алкиноевъ , коего
сыны положили ихъ близь матери
своея. Собравшимся же всѣмъ, Ал-
киной ко Аришѣ вѣщаетъ: прине-
си сѣмо драгоцѣнный ковчегъ , и
тамо вложи свѣшлую и чистую
одежду; повели угошовати огонь, и
возложиши на него кршелъ съ во-
дою , да измовенный узришъ всѣ
дары, Феакїанами принесенные; и
да насладишся пиршествомъ и иѣ-
ніемъ. Я же ему въ знакъ моя
дружбы подарю сїю златую чашу,
да воспоминаешъ о мнѣ во вся дни,
пїя изъ нее въ честь великаго Дїа
и прочихъ боговъ въ дому своемъ.

Такъ рекъ: и абїе царица по-
велѣла рабынямъ угошовати теп-
лую воду; сама же принесла отъ
чер-

чертога своего драгій ковчегъ, въ
кой вложила принесенныя Феакіа-
нами одежды, злато и свои двѣ
ризы, тако во Одиссею вѣща-
етъ: Самъ тогда имѣй о немъ смотрѣ-
ніе, когда путь воспріимеши, да-
бы кто не сотворилъ тебѣ обиды,
когда крѣпкій сонъ на кораблѣ
тебя обниметъ. Вскорѣ по семъ
Одиссей заключилъ ковчегъ; а Ари-
ста повелѣла рабынямъ умыти его:
Одиссей съ радостію повинулся
сему; ибо многое время не насла-
ждался теплою мыльницею, опне-
лѣже оставилъ островъ прекрас-
ныя Калипсы. Рабыни умывъ Оди-
сея, облекли въ чистыя одежды.
Онѣже изшедъ отъ бани, грядетъ
къ пиршествующимъ мужамъ. То-
гда Навсикая, дщерь Алкиноева,
стоя при прагѣ, и воззрѣвъ на
идушаго Одиссея, удивилася вели-
честву лица его, и тако вѣща-
етъ: Радуйся странниче! Когда
пріидеши во отечественную землю,

вспомяни и о мнѣ, что ты за спасеніе жизни твоея долженъ мнѣ воздаяніемъ. Одиссей отвѣщалъ ей: Великодушная дщи великодушнаго царя Алкиноя! Да подасѣ мнѣ облакодвижитель дѣй видѣши опечесство мое и домъ! Воистинну не престану приносить во вся дни тебѣ благодареніе; ибо ты, любезная дщи, сохранила животъ мой. Рекъ, и абіе сѣлѣ на сѣдалищѣ близъ царя Алкиноя. Пиршествующіе тогда уже мяса раздѣляли, и пѣли вино. Тѣмъ временемъ провозвѣстникъ привелъ пѣвца Димодока, коего и посадилъ посредѣ всѣхъ близъ стола. Одиссей вѣщаетъ провозвѣстнику: Прими сію шучную свинаго мяса частъ, и подаждь Димодоку да ястѣ; ибо всѣ пѣвцы на земли въ великомъ сущъ у людей почтеніи и любви; зане сама божественная Муса ихъ научила пѣнію. Провозвѣстникъ поспѣвая Одиссею, подалъ
мясо

мясо Димодоку прїявшему оное со удовольствїемъ.

Когда пищею и пишемъ вси насытились , Одиссей наки вѣщаешъ къ пѣвцу: Паче прочихъ смертныхъ достоинъ еси ты хвалы: воистинну или Муса , или самъ Аполлонъ научили тебя пѣнію; ибо зѣло красно повѣспивуещи о всѣхъ дѣянїяхъ и трудахъ Ахейскихъ , аки самъ тамо былъ , или отъ кого слышалъ. Нынѣ убо молю тя , воспой о уготованномъ тогда древяномъ конѣ , коего устроилъ хитроспный Эпей при помощи Паллады , и коего Одиссей ввелъ внутрь Тройнской твердыни , посадивъ въ него храбрѣйшихъ Ахейскихъ мужей , опровергшихъ спѣны Илійскія. Когда о семъ мнѣ праведно возвѣспиши , воистинну славу о тебѣ пронесу по всей земли , колико наградилъ тебя Богъ знанїемъ пѣнїя.

Димодокъ повинувся ему, уго-

говалъ цѣвницу, и началъ пѣнїе
отшпуду, како Ахеанѣ возшедѣ
на корабли, отшли отѣ бреговѣ,
оставя на оныхѣ многія горящія
огни; прочіе же со Одиссеемѣ со-
кровенны сидѣли внутрь коня, ко-
ею сами Трояне вовлекли внутрь
твердыни; какія совѣщанія о немѣ
полагали; иные совѣщовали раз-
сѣщи его на части; другіе возве-
сти на высоту горы, и низринут
въ морѣ; нѣкїи утверждали
оставити его, аки веліе чудо для
умилоспивленія боговѣ, при коемѣ
мнѣнїи вси утвердились; ибо судь-
бою опредѣлено было, дабы погиб-
нути граду сему отѣ онаго чуд-
наго коня. Посемѣ воспѣвалъ,
како градъ сей вконецѣ раззо-
ренъ былъ; како Одиссей съ Ме-
нелаемѣ взошли въ домѣ Дїйфо-
ва, и коликую сотворили шамо
сѣю при вспоможенїи Паллады.

О семѣ воспѣвалъ Димодокъ:
Одиссей же терзался сердцемѣ и
проли-

проливалъ слезы, аки жена плачетъ
о возлюбленномъ своемъ супругѣ,
кой предъ градомъ и народомъ палъ
мертвъ, защищая чадъ своихъ и
весь градъ отъ грядущаго гнѣва
сопротивныхъ; тогда она видя, или
умирающаго, или еще трепещуща-
го отъ смертоносныхъ язвы, жа-
лостно надъ нимъ рыдаетъ и стѣ-
неть; тако Одиссей нлакалъ, во-
споминая прежніе труды, чего ни
кто не могъ познати, кромѣ еди-
наго Алкиноя, кой сѣдши близь
его вѣщаетъ къ Феакіанамъ: Вожди
и совѣтники Феакійскіе! Повелите
Димодоку престати отъ цѣвницы;
зане, какъ мню, не всѣмъ есть
во утѣшеніе пѣніе его; ибо оп-
нелѣже начали мы вечераши, а
Димодокъ пѣніе свое, спранный
сей гость не преставаѣ плакати:
да престанетъ убо отъ пѣнія,
и мы сами собою начнемъ весе-
лишися; ибо для сего мужа уго-
товано все сіе ликованіе и дары:

тебя же о чемъ вопрошу , повѣдай мнѣ , молю тя , истинну : Скажи мнѣ имя , данное тебѣ отъ родителей твоихъ ; зане нѣсть ни единого человѣка безъ имени ; ибо едва токмо рождается кто , абѣе нарицается оное : возъѣсти намъ землю твою , градъ и народъ , да опшвезупѣтя на желаемое мѣсто корабли наши ; поелику феакіане не имѣютъ на корабляхъ своихъ ни кормчѣевъ , но сами разумомъ своимъ постигаютъ намѣренія людей ; имъ свѣдомы всѣ грады и поля ; зѣло скоро преплываютъ воды морскія ; и ниже единожды приключилося , дабы когда отъ мрака морскаго заблудили или погибли . Отецъ же мой Навсироѣ повѣдалъ мнѣ , что царь Посидонъ огорчается на насъ за то , что мы имѣемъ путеводителей зѣло совершенныхъ : повѣдалъ также и сіе , что онъ общался корабль нашъ , возвращающійся отъ препровожденія ,

по-

погубити среди волнѣ морскихѣ;
а окрестѣ града сего воздвигну-
ти гору высочайшую. Сіе воз-
вѣстилѣ мнѣ пресварѣлый роди-
тель мой, но сотворишѣ ли сіе
дѣй, или оставишѣ? Вѣ его состо-
ишѣ волѣ. Повѣдай убо намѣ
истинну, молюшя, вѣ какихѣ за-
блуждалѣ ты земляхѣ? Вѣ какихѣ
былѣ градахѣ? Какіе видѣлѣ на-
роды? Гдѣ люди благодѣтельны,
странныпріемны и боятся бога?
Гдѣ вопреки сего безчеловѣчны,
звѣроподобны и неправедны? Рцы
намѣ, о чемѣ ты плакалѣ? И что
тогда помышлялѣ, когда слушалѣ
воспѣваемыя труды и напасти
Ахейскіе; такѣ же о проверженіе
Иліанскихѣ спѣви? Боги тако
благоустроили, дабы градѣ сей при-
нялѣ конечную пагубу; да и всѣ
потомственныя времена о семѣ во-
споминаютѣ. Или кто отѣ твоихѣ
ближайшихѣ родственниковѣ палѣ
мертвѣ предѣ градомѣ симѣ? Или

и кто отъ возлюбленныхъ друзей,
превосходившей премудрыми совѣ-
тами даже единоутробнаго брата?

ОМИРОВОЙ ОДИССЕИ

ПѢСНЬ ДЕВЯТАЯ,

Юта.

Добродѣтельный Одиссей отвѣ-
щалъ Алкиною: Препрославленный
царю! Воистинну пріятно есть
слушати такого пѣвца; ибо упо-
ваю, что нѣтъ ничего восхи-
тельнѣе въ жизни видѣти весь на-
родъ веселящійся, и ликованія со-
провождаемая сладкопѣніемъ, сто-
лы наполненные мясами и хлѣбомъ,
вино со изобиліемъ изливаемое въ
сосуды, и раздаемое всѣмъ пол-
ными чашами. Сіе мнѣ величайшимъ
увеселеніемъ зрится быти; и се
приближилось время открыть пла-
чевныя свои злоключенія, къ вя-
щей

шей болѣзни сердца моего: имя
мое есть Одиссей, извѣстный всѣмъ
земнороднымъ ради чудныхъ ухи-
щреній; ибо слава о мнѣ небезъ
касается. Обитаю во знаменитой
Иеакѣ, въ коей есть славная гора
Ниришъ, многими древами украшен-
ная, и окрестъ коея находящся
островы, Дулихій, Самъ, и Закинѣ.
Иеака соединяется съ твердою
землею, и лежитъ на сѣверѣ; а
оныя острова на востокъ и пол-
день. Страна моя хотя камениста
и малоплодна; но народъ въ ней
крѣпокъ: и нѣсть земли ея прі-
яшнѣ. Здѣ мое опечество, градъ
и домъ. Колико богиня Калипса
и богиня Кирка отъ сего сладчай-
шаго и любезнѣйшаго моего жили-
ща ни щилися мысль мою оп-
вращиши; но ни когда не возмогли
того учиниши. И тако нѣсть въ
свѣтѣ ничего пріяшнѣ страны
опечественныя и родителей. Нынѣ
внуши плачевное мое отъ Трои

возвращеніе : оставивъ Троянскіе бrega, принесены мы были къ рѣкѣ Исмару, къ народу нарицаемому Киконы. Тамо раззоривъ градъ, предалъ всѣхъ смерти; женъ же и вся стяжанія раздѣлили по себѣ. По семъ повелѣлъ я скоро отшуду моимъ спутникамъ бѣжати; но они не повинувся моимъ совѣтамъ, начали закалать овецъ и воловъ, и съ жадностію вино пили. Киконы же разсѣянные отъ страха, скоро возвѣстили ссѣдамъ своимъ, кои обитали на твердой землѣ, и были множайшіи и крѣпчайшіи, изучены на коняхъ и иѣшіе брань пѣриши. Абѣе вси собралися въ несчетномъ множествѣ, аки листыѣе во время весны; тогда воистинну великій гнѣвъ Діевъ низлился на насъ; ибо они притекши къ кораблямъ нашимъ, содѣлали жестокую сѣчу, поражая насъ мѣдными копѣями. Доколѣ было уiero и продолжался день, дотолѣ

лѣ могли мы стояти прошиву ихѣ множества: когда же день началѣ преклоняться кѣ вечеру, тогда Киконы преодолѣли Лхейнѣ; и отъ каждаго корабля погибло оныхѣ шесть. Оттуда пускаемся далѣе сѣ печальнымѣ сердцемѣ; но радуясь, что сами спаслися отѣ смерти. Погоняющій облаки Дѣи послалѣ кораблямѣ нашимѣ свирѣпый вѣтрѣ сѣ жестокою бурей, море и землю покрывѣ, мрачными облаками, якобы ночь отѣ неба низпала. Корабли разсѣялися всюду; вѣтрила на три и на четыре части силою вѣтра разшерзаны: но мы собравѣ ихѣ положили вѣ хранилища; корабли же отъвели кѣ твердой землѣ, гдѣ пребыли два дни и двѣ ночи, изнемогая отѣ трудовѣ и печали.

Когда же вѣ третій день заря явился; тогда мы утвердивѣ древа кѣ щегламѣ привязуемая, и разпростерши вѣтрила, паки
ялися

ялися плаванію. Вѣтрѣ и корм-
 чіи управляли кораблемъ нашимъ:
 и воистинну тогда пришелъ бы я
 безвредно во свою отчизну: но
 волны и вѣтрѣ борей, при Малеи-
 скихъ островахъ, отгнали насъ къ
 Кіеирѣ. Девять дней тамо носи-
 мы были вѣтрами, и въ десятый
 достигли земли Лотофаговъ. Та-
 мо изшедъ на брегъ, наполнили
 мѣхи свѣжею водою, и укрѣпилися
 пищею. Потомъ послалъ я двоихъ
 избранныхъ своихъ спутниковъ
 и провозвѣстника испытати, ка-
 кіе тамо обитають народы. Они
 пришедъ въ землю сію познали,
 что народъ сей ни какого зла не
 помышляетъ имъ содѣлати, и на-
 рицаются отъ нѣкоего сладчайша-
 го плода, Лотъ зовомаго, кой еже-
 ли вкусишь, абіе забудешь отече-
 ство свое, и не восходишь возвра-
 титься во оное; но тамо навсе-
 гда съ Лотоядцами останешься.
 Спутниковъ моихъ я силою от-
 пу,

туду извлекъ, и связавъ поса-
дилъ на сѣдалищахъ корабельныхъ,
и повелѣлъ прочимъ скоро отрѣ-
шивъ корабли вдатися плаванію,
бояся, дабы и послѣдніе не при-
коснулись онаго. Ошуду прихо-
димъ въ землю кичливыхъ и жес-
токовыйныхъ Киклоповъ, кои на-
дѣяся на боговъ, ни сѣютъ, ни
разводятъ; но сама земля неоран-
ная и не воздѣланная приноситъ
имъ всякіе плоды, пшеницу, жи-
то и вино: и Дій посылаетъ на
оную дождь ко плодородію. Они
не имѣютъ ниже собраній, ниже
законовъ; обитаютъ на высотахъ
горъ, во глубинахъ пещерныхъ;
и каждый даетъ уставъ токмо въ
дому своемъ женамъ и дѣтямъ,
не имѣя вовсе о взаимствіи помы-
шленія. Островъ ошъ пристани-
ща простирается къ землѣ Кик-
лоповъ не великъ, не зѣло далече
и не близко; наполненъ весь лѣ-
сомъ; безчисленное множество на-
хо-

ходитсѣ тамо сернѣ; ибо не препятствуютъ ихъ умноженію ни прихожденіе людей шуда, ниже насиліе ловцовъ. Вся, говорю, сія земля пребываетъ не воздѣлываема, пишая единыхъ токмо козъ. Киклопы ни кораблей, ни древодѣлей, ни сообщенія со иными народами не имѣютъ. Земля ихъ могла бы приносиши всякіе плоды и зелія; зане сущъ тамо орошенныя и влажные луга: паче всего были бы тамо во изобиліи зеленѣющія виноградныя лозы; земля для сѣянія тучна и глубока; пристанище шоль спокойно, яко не надобно метати котвѣ, или вервьями укрѣпляти: и когда кто пристанетъ ко оному, безъ всякаго страха пребыватьи возможетъ, елико восхоцетъ, и доколѣ въпры благоносишны явятся: при входѣ во пристанище течетъ вода свѣшлая, коея источникъ скрывается въ пещерѣ. Здѣ пристали мы, и нѣкій богъ былъ намъ путе-

води-

водишелемъ въ нощи темной ; ибо распространялся тогда окрестъ кораблей нашихъ мракъ густой , и луна свѣтъ свой скрывала ; зане все небо исполнено было облаками , яко не могли мы ниже острова видѣти. Когда иригнали мы корабли свои ; тогда изшедъ на брегъ моря , собрали всѣ въприла , и опочили сномъ сладкимъ , лучезарныя зари ожидая.

Когда явилася денница , тогда возставъ мы , входимъ внутрь острова , и удивляемся всему. Нимфы же , дщери Діевы , гласомъ своимъ возбудили горныхъ сернъ ; и абіе пріемлемъ луки и копія , и раздѣлився на три части , пускаемъ стрѣлы , и богъ послалъ намъ обильную ловитву. Всѣхъ тогда находилося при мнѣ дванадесять кораблей , изъ коихъ каждый получилъ себѣ въ добычу по девяти козъ ; мнѣ же единому дали десять. И тако весь оный день до захожденія

нїя солнца препроводили мы, ядѣ многїя мяса, и пїя сладкое вино, коего со изобилїемъ взяли при раззоренїи града Киконовъ. По семъ проспираемъ взоръ къ земли Киклоновъ, кои не далече отъ насъ были, видимъ возходящїй дымъ, и слышимъ шумъ ихъ и блеяніе овецъ и козъ. По захожденїи солнца наслаждалися сномъ на брегъ моря. Когда златозарная денница явилася; тогда я собравъ моихъ спутниковъ, рекъ имъ: Все вы пребудете здѣсь, возлюбленные други! Я же на корабль своемъ, съ моимъ сотрудникомъ, пойду и испытаю, какіе обитающъ здѣ мужи? Обидливы ли, строптивы и неправедны? Или спраннопрїемны и благодарны? Тако рекши, возшелъ на корабль мой съ своими спутниками. Приставъ же ко берегу, и изшедъ изъ корабля, узрѣли при морѣ высокую пещеру, огражденную лаврами, гдѣ великое множе-

ство

ство находилося воловъ, овецъ и козъ, близъ коея стояло высокое зданіе, устроенное отъ изсѣченнаго каменія, отъ соснѣ и дуба. Здѣ обиталъ чудный мужъ, кой спада свои пасъ далече отъ прочихъ, и ни съ кѣмъ не имѣлъ сообщенія; ибо то было чудовище страшное, и ниже подобное чело-вѣку хлѣбъ ядущему; но верху высокихъ горъ, высокою своею отъ прочихъ отличающемся. Тогда повелѣлъ я спутникамъ моимъ пребывать при кораблѣ: самъ же избравъ дванадцать мужей, и взявъ мѣхъ красного сладкаго вина и нѣсколько пищи, иду въ домъ того чуднаго, крѣпкаго и не знающаго законовъ ниже истинны мужа. Вскорѣ приблизились мы къ пещерѣ, гдѣ самаго его не обрѣли; ибо пасъ спада свои на тучной пажити. Стоя внутри пещеры, удивляемся сосудамъ, полнымъ сыра; стойла наполнены были агн-

Часть I. Н цами

цами и козлами, и заключены особо: младыя пребывали въ единомъ, а старыя въ другомъ мѣстѣ. Тогда, сопутники мои молили мя, дабы взявъ нѣколико сыровъ, и похитивъ отъ стойлъ козловъ и агнцевъ, возвратиши къ кораблю, и спасиши плаваніемъ: но я не гнулся, [воистинну полезнѣе бы повинушися] и не хощѣлъ отъищи, доколѣ самаго не узрю, и не воспріиму отъ него дары и угощеніе. И тако возжеши мы огонь пребывали въ пещерѣ, и яли сыръ, ожидая его пришествія. И се идешъ съ шумомъ страннопріимецъ нашъ, неся невѣроимную тяжесть сухихъ дровъ, кои повергъ на земли пещеры съ ужаснымъ спухомъ; мы же устрашенные разсѣялися всѣ по угламъ. Онъ пригнавъ насыщенныхъ козъ доилъ по ряду; оновъ же и козловъ оставилъ внѣ ограды. По семъ устіе пещеры заградилъ великимъ камнемъ, коего ниже двадцать

десять двѣ колесницы шведыя
могли бы отъ земли подыти.
Млека едину часть оставилъ на
заквашеніе, а другую разлилъ въ
сосуды для питія во время вечера.
Когда всѣ сіи дѣла окончилъ, воз-
жегши огонь, спросилъ насъ: стран-
ны! Кто вы есте? Откуда пре-
дете море? Куплю ли дѣте,
или безумно странствуете, на-
рицаемая разбойниками, кои живое
свое предають великимъ напас-
тямъ?

Тако рекъ; наши же сердца
стѣ страха содрогнулись, слыша
ужасный гласъ его, и видя самое
чудовище: но при всѣмъ томъ дер-
знулъ я отвѣдати ему: Родомъ мы
Ахеане, возвращаемся отъ Трои,
идемъ въ дома пущи, заблужда-
емъ по морю, бывъ разсѣяны по-
всюду, и нарицаемся воины царя
Агамемнона, коего слава до не-
бесъ простирается. Тебя же мо-
лимъ со смиреніемъ, припадая къ

стопамъ твоимъ, да подашь намъ даръ угощенія, какой есть приличенъ спраннымъ, и воздаждь славу богамъ: мы же твои рабы есмы. Великій Дій есть сильный мститель за спранныхъ и пребующихъ помощи.

Такъ мнѣ рекшу, отвѣщаль жестокимъ сердцемъ: Несмысленъ, зрю, еси странникъ! Когда боговъ твоихъ совѣшуеши мнѣ бояться и почитать; не знаютъ бо Киклоны вашего Дія, козою воспитанного; ниже на нрочихъ они взираютъ; зане сами есмы много превосходимъ ихъ. Не устращуся я гнѣва Діева, и не пощажу тебя, ниже соупниковъ твоихъ, когда душа моя возжелаетъ погубить васъ: Но повѣдай мнѣ, гдѣ стоитъ корабль твой? Далече ли опсюду?

Такъ рекъ искушая; но я познавъ лести его, отвѣщаль ему лукавными словами: Сопрясаящій землю

землю царь Посидонъ сокрушилъ его о камни близъ земли вашей; насъ же вѣтръ принесъ сѣмо, и тако избѣжали мы пагубы.

Тако рекъ я: онъ же ничего не опѣщая устремился на моихъ соопутниковъ, и двоихъ возхитивъ, ударяетъ о землю: сокрушились главы несчастныхъ; печетъ мозгъ на землю: по сѣмъ разсѣкши на части, уготовилъ себѣ вечерю; аки свирѣный левъ пожираетъ, и не оставилъ ниже внутреннихъ частей, ниже костей мозгомъ наполненныхъ. Мы же плача проспираемъ руки къ великому Дію, и видя страшныя дѣла приходимъ въ опчаяніе. Киклопъ наполнивъ свое ненасытное чрево человѣческою плотию, и утоливъ жажду млекоу, повергся посреда нещеры между спадомъ. Тогда я хотѣлъ устремиться великодушно, и пронзиши мечемъ сердце его; но другое обстоятель-

ство учинишь сїе мнѣ воспрепятствовало; ибо по умерщвленїи его ни како не могли бы отъ устїя пещеры отвалили камень; и тако лютоѣшею бы смертію погибли. В^ѣ роздыханїяхъ и безъ сна проводили мы ночь оную.

Когда же утренняя заря явилася, чудовище возставъ отъ сна начало доити сшада свои, какъ подобаетъ, и подпустило дѣшей къ матерямъ для ссанїя млека. По семъ паки двоихъ отъ насъ восхитивъ, равнымъ же образомъ угощало ястїю: насытився же отвалило отъ дверей камень, и погнало сшада на паству, заградивъ паки устїе въ пещеру онымъ. Я пребывая тамо вкупѣ съ моими сопутниками, совѣщалъ ему пагубу и ошмщенїе; токмо бы Паллада помощь свою послала. Се же созѣвъ кїй благъ мнѣ явился: стояла въ пещерѣ нѣгдѣ Киклопова дебелая сырая масляная палица,

ца,

ца, толкїя толстошы, какъ щегла на кораблѣ. Отъ сей я на единъ лакоть отсѣвши, повелѣлъ спутникамъ своимъ очистиши ея; потомъ самъ заоспривъ оную, положилъ въ горящій огонь, и послѣ сокрылъ ее въ скотскомъ навозѣ, коимъ вся пещера была исполнена; на концѣ повелѣлъ имъ метнути жребій, кой бы дерзнулъ со мною оное обожженное древо вонзати во око чудовищу, когда оное обьяпо будетъ сномъ крѣпкимъ. И тако чешыре спутники мои явились избранные, я же между ими пятый. Вечеръ приблизился: и се идетъ спрашилище наше, и вогнавъ все спядо свое, [тако ли ему угодно явилось, или того богъ восхотѣлъ,] и заградивъ пещеру сѣло доити скотъ млеконосящій. По окончаніи дѣла своего, паки восхитивъ двоихъ отъ насъ, и ударивъ о землю, угопывало себѣ вечерю изъ сокрушенныхъ

членовъ ихъ. Тогда я наполнивъ чашу виномъ моимъ, и приближився къ нему вѣщаю: Немилосердый Киклопъ! Пріими вино въ чашѣ сей, и пей оное, насытився человѣческими мясами; познай, какое пище въ кораблѣ нашемъ хранилося: я же въ знакъ благодаренія послѣ испію, дабы ты явивъ надъ нами милосердіе, отпустилъ въ домъ безвредныхъ. Почто тако не истово свирѣпствуеши надъ нами? Кто можешь въ предбудущія времена пріищи къ тебѣ? Тако рекъ я: онъ же пріявъ чашу съ виномъ, и выпивъ оное все, зѣло возрадовался. Потомъ просилъ еще тѣмъ же виномъ наполнити сосудъ, вѣщая: даждь мнѣ еще пиши отъ вина сего: и повѣдай имя твое, да дамъ тебѣ даръ угощенія, о коемъ ты возрадуешься; ибо сія плодоносная земля хотя приноситъ вино избранное Киклопамъ; но сіе пище есть небесное и безсмертное. И тако

тако наполнивъ вторую чашу, также и третью, подалъ ему: онъ же отъ безумія съ жадностію поглощалъ оное. Когда же Киклоповъ разумъ обуялъ отъ силы вина; тогда я пришедъ къ нему въщаю веселымъ лицомъ: внуши, имя мнѣ есть Утисъ. Тако нарицали меня отецъ, мать и вси ближніи. Тако я рекъ: онъ же отвѣщалъ мнѣ жестокимъ гласомъ: Я Утія по всѣхъ его спутникахъ пожру послѣдняго; се тебѣ будетъ даръ угощенія.

Рекши сіе разпростерся на земли, склонивъ на единую сторону дебѣлую свою выю. Когда одолѣлъ его сонъ, и началъ изрыгати имъ піемое и ядомое; тогда взявъ я оное уготованное мною древо, положилъ въ пепелъ горящій, а спутниковъ своихъ укрѣпилъ совѣтами, дабы кто устращився прочь не отбѣжалъ. Когда древо во огнѣ раскалилося, и со-

Н 6

дѣла-

дѣлалось пламенно, я изъявѣ его
опшуду, принесѣ къ спящему
Киклоу, стоявшимъ окрестъ ме-
ня сонутникамъ, и оное вонзивъ
въ его око, вращали всѣ съ вели-
кими силами. Кипитъ кровь на
горячемъ древѣ, горитъ зеница,
огонь снѣдаетъ вѣжди, и прескъ
издаетъ кореніе ока. Спрашно
возопилъ Киклопъ; возспенала го-
ра, и мы ужаснувся по пещерѣ
разсѣялися. Онъ извлекши изъ
ока многою кровію омоченное дре-
во, повергъ оное на страну въ
пещерѣ; и съ великимъ воплемъ
созываетъ прочихъ Киклоповъ,
по высотамъ горъ въ пещерахъ
обитавшихъ. Они спекаются от-
всюду, и ставъ окрестъ его жи-
лица, вопрошаютъ: Что тако,
Полиѳемъ! вопіеши нощію, воз-
будивъ насъ отъ сна? Кто тебя
озлобилъ? Не изъ смертныхъ ли
кто овецъ твоихъ угналъ? Или
самого тебя убилъ лестію а не
силою?

силою? Полюимъ изъ пещеры от-
вѣщаль имъ: Возлюбленные мои!
Утисъ убилъ мя лестію. Они рекли
ему: Что же? Когда единъ пребы-
вавши, кто не можетъ на нести
обида тебѣ? Но кто гнѣва Діева
можетъ избѣжати? Моли убо отца
твоего, царя Посидона.

Такъ сказавъ, паки разсѣяли-
ся. Сердце же мое возрадовалось,
что совѣтъ и имя мое его прель-
стили. Киклонъ, мучимый болѣз-
нію, спонетъ и въздыхаетъ. Вско-
рѣ по семъ отваливъ камень отъ
дверей, сѣлъ на странѣ оныхъ,
осязая руками, не уловитъ ли
кого изъ насъ со овцами исходя-
щими. Тако уповалъ мя быти не
смысленнаго. Но я тогда помыш-
лялъ лучшее избрати, сирѣчь, со-
дѣлати спасеніе моимъ соупни-
камъ и себѣ самому. Употребе-
ны мною были всѣ совѣты и ухищ-
ренія, для сохраненія живота;
зане великая напасть предстояла.

И се что избралъ я за лучшее въ сердцѣ своемъ. Въ стадѣ его обрѣталися тучные, великорунные и крѣпкіе овны, коихъ связ лѣ я по три вкупѣ, дабы могла нести каждая стая по единому предъ собою мужу: по странамъ же сихъ прехъ еще шли по единому овну къ вѣщающей безопасности. А самъ я избравъ себѣ лучшаго и тучнѣйшаго паче всѣхъ ововъ, легъ подъ чрево его, держася крѣпко руками за густую его волну. И тако съ воздыханіемъ препровождали мы остатки ночи.

Когда утренняя заря явилася, Киклопъ началъ выпускати ововъ и козловъ на паству. Козы же и овцы недоенные блеяли по пещерѣ; зане сосцы ихъ млекою обременены были; ибо пасырь ихъ мучимъ былъ нестерпимою болѣзнію. И тако всѣхъ овецъ осязалъ руками. Но безумный того не позналъ, что нѣкіе овны между собою были связаны;

заны; и послѣдній изъ нихъ шелъ мой овенъ, кой несъ меня подъ собою, различными помышленіями мяшущагося. Сего Полиѣимъ есязавъ руками, вѣщаетъ къ нему: О возлюбленный мой овенъ! Что тако послѣдній опъ пещеры изходиши? Прежде всегда выходилъ ты на паству первый; съ зеленыя травы и мягкихъ цвѣтовъ къ потоку текъ ты первый; и въ вечернее время въ сѣи стойла возвращался ты первый: нынѣ же почто послѣдній грядеши? Или болѣзнуеши о окъ пашыря твоего, кое пагубный нѣкій мужъ со своими спутниками изпоргъ, прельстивъ прежде виномъ разумъ мой; мужъ, реку, зовомый Утисъ? Но не уповаю, дабы онъ угонзнулъ опъ рукъ моихъ. О когда бы ты имѣлъ такой разумъ и гласъ, како я; воистинну открылъ бы мнѣ, гдѣ онъ опъ крѣпости моя скрывается: вскорѣ узрѣлъ бы ты текущій по сей пещерѣ

пещерѣ мозгѣ изъ главы его; тогда сердце мое успокоилось бы отъ сего пришедшаго на мя злоключенія. Тако рекши, оппустилъ отъ себя овна. Когда онѣ нѣсколько отъ пещеры и двора удалился; я первый разрѣшився, освободилъ и моихъ товарищей, съ которыми вкушѣ многія пучныя спада Киклоповы опогналъ къ кораблямъ нашимъ, гдѣ съ безмѣрнымъ вожделѣніемъ узрѣли насъ сопутники наши, что мы спаслися отъ смерти; о пояденныхъ же плакали и воздыхали. Но я повелѣлъ имъ престаши отъ слезъ, и вогнавъ спада въ корабли, брега сїи оставити. Вскорѣ все было исполнено; и море уже разсѣкалося веслами. Когда шoliko мы отъ пристанища удалилися, елико гласъ вонющаго слышанъ быти могъ; тогда начинаю я чудовище раздражати словами: Киклопъ! Тако ли сладко было пожирати тебѣ въ пещерѣ со-

сопутниковъ мужа безсильна? И воиспінну должны были неминуемо постигнути тѣ сїи злосключенїя. Ибо ты не убоялся страннопришельцовъ поядати въ дому своемъ, се тебѣ опѣ великаго Дїя и прочихъ боговъ мщенїе. Тако вопїялъ я къ нему. Онъ же паче преогорчився, опшоргаетъ вскорѣ верхъ великія горы, и мецетъ его на насъ, едва не улучивъ кормила. Опѣ низнадшаго великаго камня наводнилося море, и волны паки понесли корабль нашъ ко берегу; но я восхитивъ высокое древо, опрѣялъ оный опѣ земли, повелѣлъ спутникамъ всѣми силами налещи ко избѣжанію опасности на весла. Когда паки опплыли мы далече; второе начинаю огорчати. Киклопа, сколько спутники ни молили меня сего не шворити, тако говоря: Злополучный! Почто хочещи еще раздражати мужа люта, кой едва не погубилъ корабля нашего

шего верженіемъ камня? И тогда воистинну всѣ бы мы погибли; нынѣ же паки услышавъ гласъ твой, не преложно сокрушитъ главы и корабли наши. Или не видѣлъ ты, koliko далече мещетъ невѣроящную тяжесть? Но великаго моего духа укропши не могли, и я возвысивъ гласъ свой гордымъ сердцемъ возопилъ: Киклопъ! Когда кто отъ земнородныхъ спроситъ о лишеніи ока твоего, рцы, что устроилъ тебѣ оное градоразрушитель Одиссей, сынъ Лаертовъ, родомъ изъ Иеаки.

Тако рекшу мнѣ, Киклопъ ужасно возсенавъ, отвѣщаль: Увы мнѣ! Се древнія прореченія совершились нынѣ надо мною! Былънѣкто здѣ мужъ прорицай, именемъ Тилень, сынъ Евримовъ, всѣхъ предсказаніями превосходившей, и въ семъ испытаніи состарѣвшійся, кой мнѣ предвозвѣстилъ, что лишенъ буду зрѣнія отъ рукъ Одиссея :

бѣя : и я всегда уповалъ, что прїидетъ сѣмо нѣкто мужъ величсвомъ возраста и чудною крѣпостію силъ одаренный; нынѣ же вижду, что не достойный человѣчскимъ именемъ нарицатися, малый и вовсе безсильный, прельстивъ меня силою сладкаго вина, увы ! лишилъ меня зрѣнія. Но молю тя, возвратися ко мнѣ Одиссей ! Да воздамъ тебѣ дары страннопрїимства, и да упрошу великоимениатаго Посидона, коего я сыномъ нарицаюся, о благопоспѣшномъ твоємъ плаваніи. Онъ когда восхождетъ, уврачуеъ мое око, чего никто бѣ прочихъ боговъ и безсмертныхъ учинити не можетъ.

Я отвѣщалъ : О когда бы возможно было, войспинну и всего живота твоего лишилъ бы тя, низпославъ въ сѣни смертныя. Ока же твоего войспинну ни кто не возвратитъ тебѣ, ниже самъ Посидонъ.

Часть I.

О

Ки.

Киклопъ воздѣвъ руки на небо, молился ко опцу своему Посидону: О ты, содержишь землю, царю Посидонъ! Внемли моему молению: когда я есмь сынъ твой, а ты мнѣ отецъ еси, даждь да градоразрушитель Одиссей не узритъ своего опечесства Иѳаки. Когда же судьбою ему опредѣлено видѣти искреннихъ своихъ, прїити въ домъ и опечесственную землю; содѣлай, да возвратится поздновѣ чуждемъ корабль, по претерпѣніи многихъ бѣдствій, и по лишеніи всѣхъ своихъ спутниковъ; такожде въ дому своемъ зло да обрядетъ. Сиде онъ молился, и услышанъ отъ царя Посидона: по семъ паки опшоргнувъ отъ горы большій прежденяго камень, всѣми силами вергнувъ во слѣдъ намъ, и едва не сокрушилъ кормило. Паки закипѣли волны отъ многого наводненія; но корабль несенъ былъ уже вдалѣ, и приближался къ землѣ.

лѣ. Такимъ образомъ приставъ ко острову, гдѣ стояли прочіе корабли наши съ сопутниками, ожидавшими насъ со слезами, и вшедъ во пристанище, корабли поставили на сушѣ. По семъ изшедъ сами на брегъ моря, извели отъ кораблей Киклоповы стада, и раздѣлили поравну, яко ни единъ не остался лишенъ своей части: великаго же онаго овна дали мнѣ, коего тучныя бедра принесъ я въ жертву Кронову сыну, великому Дію, свѣтомъ обладающему; но онъ не внималъ нашему моленію, и помышлялъ токмо о единой пагубѣ нашихъ кораблей и сопутниковъ.

Тако весь оный день до захождения солнечнаго препроводили мы, ядя тучныя мяса, и пїя сладкое вино. Когда солнце сокрылось, и наступила мрачная ночь; мы легли почти на брегъ моря. По возшествіи денницы повелѣлъ

рїю пиршествуютъ вѣ веселїи, на-
сыщаяся сладкими снѣдями, и на-
слаждаяся пѣснями, нощїю же по-
чивая съ своими женами на мяг-
кихъ ложахъ. Цѣлый мѣсяцъ мы
были тамо угощаемы, и вопроша-
емы о всемъ, что касалось до Тро-
янского царства, кораблей Ахей-
скихъ, и о возвращенїи оныхъ. Я
же на все ошвѣщалъ, какъ подо-
бало. Напоследокъ молилъ царя
о отпущенїи меня во отечество,
кой ни вѣ чемъ не ошрекся по-
даши мнѣ помощи, вручивъ мнѣ
великій мѣхъ, вѣ коемъ заключе-
ны были всѣхъ бурныхъ вѣтровъ
дыханїя; ибо всесильный Дїй по-
ставилъ его надъ оными повели-
телемъ; и коихъ хочетъ смиря-
етъ, коихъ же хочетъ возноситъ.
Мѣхъ оный привязалъ я на кораб-
лѣ златою вервою, дабы ни малѣй-
шїй вѣтръ не изшелъ оштуду:
для препровожденїя же нашего
далъ намъ дыханїе зефира; но мы

сами погибли отъ своего безумія. По девяти деннонощномъ непре-
сханномъ плаваніи нашемъ, въ де-
сятый день явилася уже отече-
ственная земля наша, и нощію зри-
мы были люди, ходящіе со свѣто-
чами; тогда я изнеможенный отъ
труда, уснулъ крѣпкимъ сномъ;
зане непрестанно побуждалъ ко-
рабль къ скорѣйшему пріишю во
отечество. Въ то время сопуш-
ники мои подозрѣвая, что я везу
злато и серебро, отъ Эола царя
мнѣ данное, тако между собою
разглагольствовали: О боги! Ко-
лико человѣкъ сей отъ всѣхъ лю-
бимъ есть и въ великомъ почтеніи
находится, въ какую спрану ни
пріидетъ! Онъ многія сокровища
и драгоцѣнныя вещи отъ корыстей
Троянскихъ несетъ въ домъ свой;
мы же возвращаемся тщи имѣя ру-
ки. И царь Эоль такожде по дру-
жеству далъ ему дары. Разрѣшимъ
убо мѣхъ сей, и узримъ, коликому
числу.

числу воиновъ хранился въ немъ
сребра и злата. Тако разглаголь-
ствовали, и превозмогъ совѣтъ
вредоносный. Едва мѣхъ разрѣша-
ли, какъ всѣ вѣтры ринулися оп-
шуду; и устремився на море, воз-
двигли волны аки горы, кои насъ
плачущихъ далече опнесли отъ
опечесства. Я воспрянувъ отъ сна,
не зналъ что о семъ помыслити.
Низринутися ли во глубину водъ,
и тамо погибнути; или съ молча-
ніемъ сносиши, дондеже между
живыми обрѣтаюся? Великодушно
понесъ я сіе досажденіе, и не по-
губилъ живота своего; шокмо со-
крывшись отъ всѣхъ, лежалъ въ
кораблѣ, сокрушаяся печалію. Со-
путники же мои плачущіе неслися
наки ко острову Золѣйскому. Тамо
исшедъ на брегъ, и почерпнувъ
воды, укрѣпили сердца пишіемъ и
пищею. Тогда я, избравъ двоихъ
отъ спутниковъ, гряду въ домъ
царя Зола; и обрѣтаю его внутри

чертоговъ пиршествующаго съ царицею и съ чадами своими. Они узрѣвъ насъ, не доумѣвали и вопрошали: Како паки возвратился сѣмо Одиссей? Какій злый духъ нацалъ на тя? Мы бо опустили тебя со тщаніемъ, дабы достигъ ты безбѣдно отечества, или куда тебѣ угодно было. Тако вопрошали: я же смиреннымъ сердцемъ отвѣщалъ имъ: Зловредные соупники и бѣдственныи сонъ содѣлали сѣе мнѣ; и тако молю васъ паки, сотворите намъ помощь, коея отъ васъ единыхъ мы уповаемъ. Сими словами хотѣлъ я ихъ преклониши; всѣ пребыли въ молчаніи. По семъ царь воззрѣвъ на насъ гордымъ окомъ, отвѣщалъ: Скоро иди отъ оспрова нашего, паче всѣхъ человѣкъ не благодарнѣйшій; зане не долѣетъ угощати и опущати съ дарами такого мужа, кой есть безсмертнымъ богамъ противенъ: Отъиди, реку тебѣ,

тебѣ, скоро; зане прошиву хощѣ-
нія боговъ пришелъ сѣмо.

Мы оставляемъ чертоги; оп-
ходимъ сѣ въздыханіемъ, и преда-
емся плаванію сѣ сокрушеніемъ
сердецъ и въ опчаяніи; зане со-
крылся уже день нашего возвра-
щенія. Шестъ дней, толико же и
нощей плавали мы по морю. Въ
седьмой дець пристали къ высо-
кому граду Ламу, имѣющему враша
свой зѣло далече, гдѣ пастырь
пастыря вызываетъ на чреду свою,
другій же слыша изходитъ; и
пщательный и безсонный пастырь
сугубую получаетъ мзду, едину
за воловъ и коней, а другую за
овецъ и козъ; ибо путь нощи ко
дню зѣло есть кратокъ. Прибли-
жився шуда, входимъ во приста-
нищѣ, огражденное отъ обѣихъ
странъ высокимъ каменіемъ: бре-
га далече начинающіеся, совокуп-
ляющся наподобіе устїя, и тако
входъ ко пристанищу творятъ

пруднымъ. Тамо они корабли свои держали; тамо и мы свои привязали: ибо въ мѣстѣ семъ никогда не бываетъ волнъ ни малыхъ, ниже великихъ; но непрестанно вождѣнная тишина пребываетъ. Я единъ повелѣлъ постановити корабль свой внѣ пристанища, на краю берега. По семъ возшедъ на возвышенное мѣсто, обращалъ всюду взоръ мой; но не возмогъ увидѣти ни какихъ дѣлъ отъ рукъ человѣческихъ; узрѣлъ токмо дымъ отъ земли исходящій. Тогда послалъ я троихъ изъ спутниковъ моихъ для согляданія, какіе тамо обитаютъ мужи. Они отшедъ нѣкое разстояніе, приблизились къ равному пути, гдѣ на колесницахъ возящъ отъ горъ лѣсъ высокій. Тамо узрѣвъ они дѣвицу, дочь сильнаго Аншифата, царя Лестригонскаго, на встрѣчу идущую, для почерпнутія отъ источника воды, спросили у нее: Какій народъ здѣ
оби-

обитаешѢ, и какій царь владычествуетѢ надѢ онымѢ? Дѣвица вскорѢ показала высокій домѢ отца своего, куда вшедѢ мои соупшники, обрѣли царицу сѣдѣющую, аки нѣкія высокія горы великій реѣхѢ, устрашилися взора ея. Она вскорѢ взываетѢ отѢ града мужа своего Антифата, кой возвратився, единаго отѢ нихѢ восхитилѢ и угощивалѢ вечерю; двое же устремилися вѢ бѣгство и пришли кѢ кораблямѢ. АнтифатѢ возноситѢ вопль по граду. Лестригоны услышавѢ гласѢ его, спекаются отъсюду вѢ безчисленномѢ множествѢ, не людямѢ но исполинамѢ подобные, и ошторгая камни великія отѢ горѢ, мещутѢ на корабли наши. ВозстаетѢ шумѢ и трескъ погибающихѢ мужей и сокрушающихся кораблей; несутся злополучные мои соупшники аки рыбы уловленные на горестную вечерю. ДоколѢ сѣя жестокая пагуба

губа свирѣпствовала ' внутрь пристанища , шѣмъ временемъ я извлекши мечъ , отсѣкъ онымъ уже корабельное , и скоро повелѣлъ пріяти вѣсла , дабы избѣжати предстоящаго злключенія : и абіе понуждаемы страхомъ смерти , узрѣли корабль нашъ на глубинѣ моря : прочіи же все безъ изыятія погибли тамо . Отсюда накіе предаемся плаванію съ печальнымъ сердцемъ , и по нѣскольку дней пристали ко острову Эевокому , гдѣ обитала прекрасная и почтенная богиня Кирка , единоутробная сестра царя Эефы ; обое же рождены они отъ солнца отъ матери Персы , дщери Океановой . Тамо тайно изшедъ въ пристанище , [воиспичну нѣкій богъ намъ былъ пушеводителемъ] лежали два дни и двѣ ночи утружденные печалію и трудомъ . Въ претій день , когда явилася заря , я пріявъ мечъ и копіе , возхожду на высокое мѣсто ,

сто, дабы узрѣти дѣла человѣчскія, и слышати гласъ смершныхъ. Долго стоялъ я обращая взоръ свой всюду. По семъ увидѣлъ чрезъ густыя древа и лѣсъ отъ чертоговъ богини Кирки дымъ исходящій. Долго помышлялъ я во умѣ своемъ, ищи ли шуда? Но за лучшее призналъ, избравъ спутниковъ, предпослать для испытанія. Тогда недалече уже я опустошеннаго корабля; тогда воистинну нѣкто милосердая отъ боговъ, послалъ мнѣ на пути великаго еленя, кой отъ зною солнечнаго тека ушолити жажду свою, и коего я посредѣ хребта сквозь ребра копіемъ пронзилъ; остріе желѣза проходишъ на другую сторону, звѣрь падаетъ съ ревомъ, и испускаетъ духъ: я же припекши къ нему, извлекъ копіе; и положивъ оное на землѣ, сплѣлъ отъ тонкихъ вѣтвей вервь, и скрѣпилъ оною ноги его; по семъ взявъ его

на

на рамо, влеку упираяся о копѣе
свое. Пришедъ къ кораблю, по-
вергъ его на землю предъ моими
сопутниками, вѣщая имъ съ уми-
леннымъ сердцемъ: Други мои! Хо-
тя и несстерпимая печаль насъ со-
крушаетъ; но не обрѣтаемся еще
въ сѣни смертной; вспомняемъ
убо о пищи, да не истощимъ гла-
домъ силы наши. Сопутники вско-
рѣ повинулися моему увѣщанію.
По томъ изшедъ на брегъ, со
удивленіемъ взирали на еленя; за-
не зѣло великъ былъ; и насытив-
ся зрѣніемъ, умыли руки, и уго-
щали обычную вечерю. Тако весь
онъ день до заходящаго солнца
препроводили мы въ яденіи мясъ
и пиши сладкаго вина. Когда же
солнце сокрылося, и настала ночь;
тогда легши мы на брегъ сномъ
наслаждалися. По возхожденіи де-
ницы, я собравъ на сонмъ сопу-
тниковъ, вѣщаю имъ тако: Други
мои! Мы нынѣ не вѣдаемъ, гдѣ во-
стокъ,

стокъ, гдѣ западъ, гдѣ сѣверъ и гдѣ югъ; прїимемъ убо совѣтъ, чино въ такомъ злообстоятельствѣ подобаетъ намъ творити. Видѣлъ я отъ высокаго мѣста островъ, отъсюду окруженный моремъ, и лежащій зѣло низко; видѣлъ такожде и дымъ посредѣ онаго чрезъ густые древа и дубраву исходящій. Тако рекъ я; и вси воспрепешали сердцемъ, воспоминавая жестокость Лестригонскаго Аншифата, и безчеловѣчїе Киклопа. Всі плакали неутѣшно; но слѣзы никакїя не принесли помощи. Я раздѣлилъ на двѣ части спутниковъ, и каждой далъ пушеводителя: надъ единою былъ я, а надъ второю мужественный Эврилохъ. По семъ начали метати жребїй въ мѣдяномъ шлемѣ. Жребїй падаетъ на Еврилоха, кой въ скорѣ направляеть стопы; ему послѣдуютъ двадцать два спутника со слѣзами; плакали такожде и мы, при кораблѣ

лѣ оставаяся. Они вскорѣ обрѣ-
 шають жилище богини Кирки,
 стоящее въ долинѣ, и со оружен-
 ное отъ песаныхъ камней на оп-
 кровенномъ мѣстѣ. Окрестъ онаго
 лежали лѣвы и волки, коихъ она
 смирила своими чарами. Они не
 устремилися на идущихъ; но ток-
 мо возставъ, помавали ошимами,
 аки псы видя своего владыку въ
 домъ идущаго. Сопутники мои ви-
 дя ихъ устрашилися; но томъ
 ставъ во дверяхъ храмины, слы-
 шашъ гласъ богини поющія, и
 пкущія пончайшее пряденіе. На
 конецъ князь мужей Полютъ, ко-
 его я паче всѣхъ моихъ сопутни-
 ковъ любилъ и почиталъ, вѣща-
 етъ прочимъ: Други мой! Воис-
 шинну слышу пкущую и поющую
 нѣкую богиню, или земнородную;
 толкнемъ убо во двери. Они съ
 кротостію сіе учинили. Богиня
 ишедъ, молишь ихъ внити внутрь
 чертога. Все послѣдуютъ ей безъ
 разъ

разсужденія; единъ шокмо Эври-
лохъ остался внѣ, подозрѣвая нѣ-
кую быти хитрость. Кирка введ-
ши ихъ, посадила на сѣдалищахъ,
и предложила хлѣбъ, сыръ, медъ,
вино, млеко и вредоносный ядъ, да-
бы вовсе забыли землю отече-
ственную. Когда они отъ вина
напились; тогда богиня взявъ
жезлъ нѣкій, ударяетъ каждо-
го единожды; и все всѣ превра-
щаются во свиней, имѣющихъ гла-
вы, гласъ, тѣло и власы свинные;
единъ только разумъ человѣчій при-
нихъ. По семъ заключила ихъ въ
стойла, и предложила пищу, ка-
кую ядятъ свиньи. Тѣмъ време-
немъ Эврилохъ пришелъ къ кораб-
лю своему съ возвѣщеніемъ о го-
рестномъ приключеніи своихъ со-
путниковъ, отъ страха и печал-
и долго немоги ни единого сло-
ва изъ успѣ испустити, и шо-
ча изъ очей едины шокмо слезы.
Наконецъ, по многомъ нашемъ

настоянїи, открылѣ все по ряду. Тогда я возложивѣ на рамена мечъ, и прїявѣ лукъ со стрѣлами, повелѣлѣ ему слѣдоваши со мною для показанїя пуши. Эврилохѣ обоими руками обѣявѣ мои колѣна, и проливая слезы, молилѣ тако: Благовоспитанный Одиссей! Молю тя, не влечи меня шуда, но остави здѣ; зане знаю, что ниже самѣ возвратишися опшуду, ниже кого опѣ сопутниковѣ приведиши сѣмо: но пощимся скоро бѣжати опсюду сѣ оставшимися друзьями; ибо естѣ еще время ко спасенїю опѣ злообстоятельствва. Тако рекшу ему, опвѣщалѣ я: Эврилохѣ! Пребуди на семѣ мѣстѣ ядя и пїя при кораблѣ, я же опхожду мноюю нуждою влекомый.

Тако рекши оставляю корабль; и прошедѣ лѣса и священныя холмы, уже приближаюся кѣ обитащу богини; и се зрю Ермїя, идущу-

идущаго ко мнѣ во срѣщеніе, во образѣ младаго и краснаго юноши, кой взявъ мя за руку вопрошаешъ: Злополучный! Камо идеши единѣ, не вѣдая пути здѣ? Всѣ сопутники твои превращены во свиней въ дому Кирки, и заключены лежатъ въ стойлахъ. Для освобожденія ли ихъ идеши? Но мню, что не возвратиши и самъ опшуду, и пребудеши яко и прочіи твои сопутники, когда не сохраню и не спасу тебя отъ грядущихъ бѣдствій. Пріими сіе спасительное средство, съ коимъ предстати можеша предъ богиню, и кое отвратишь отъ тебя день пагубный. Открою тебѣ и всѣ зловредные советы ея: она уготовитъ тебѣ пишіе, и хлѣбъ напишетъ ядомъ. Но ничемъ не можешъ одолѣти тя, когда употребиши средство сіе; зане всѣ вредоносныя силы отъ онаго уничтожатся. Внуши убо: когда Кирка уда-

П 2

ришъ

ришѣ жезломѣ своимѣ; тогда ты извлекши мечъ устремися на нее, аки убить желая. Она устрашився будетѣ глашати тебя на постелю свою; ты не опречайся ложя ея для спасенія друзѣ твоихѣ, да и самѣ дружелюбно отѣ нея прїяшѣ будещи: но прежде повели сотвориши великую клятву, что тебѣ ни какого зла не содѣлаешѣ, и что не сотворишѣ тя обнаженнымѣ, безсильнымѣ и все ослабѣвшимѣ.

Такѣ рекши изшорѣ отѣ земли нѣкій черныи корень, коего сокѣ подобенѣ млеку, и нарицаешся отѣ боговѣ Мелл. Ни какїи земнородныи не можешѣ достати его; богамѣ же все возможно. Ермїи вручивѣ мнѣ оной, отходитѣ на пресвѣплый Олимпѣ. Я же иду вѣ домѣ богини, имѣя вѣ сердцѣ многїя помышленїя; пришедѣ сталѣ близѣ дверей и возопилѣ; богиня же услышавѣ гласѣ мой, отверзла двери, и вводитѣ внутрь чер-

чертоговъ; по томъ посадивъ меня на великолѣпномъ сѣдалищѣ, и подавъ подножіе, принесла уготованное питіе, дабы сотворити мнѣ пагубу. Я же пивъ отъ онаго коліко хотѣлъ, остался не вредимъ. Посемъ ударяетъ мя жезломъ, вѣщая: Иди и ты такожде востойла къ прочимъ твоимъ спутникамъ, и лежи аки свинія тамо.

Тако рекла: я же извлеки мечъ успремился на богиню, аки желая убити. Она зѣло возопивъ, и пришевши ко мнѣ обѣяла колѣна мои, и со слезами тако вѣщала: Повѣдай мнѣ, кто еси ты? отъ какихъ народовъ пришелъ? Какій градъ твой? И кто родители твои? Недоумѣніе бо обдержитъ, како лютейшія сіи оправы не могли одолѣти тебя? Воиспину силы твои суть не побѣдимы. Молю тя, повѣдай мнѣ, не ты ли Одиссей, на кораблѣ отъ Трои возвращающійся, окоемъ мнѣ предрекъ Ермій?

Вложи во влагалище мечъ твой ,
и въздемѢ на ложе мое.

Я ошвѣщалъ : О богиня ! Какъ повелѣваеши мнѢ быти противу тебя крошку и не злобиву ? Ибо ты соупниковѢ моихѢ преобратила во свиней ; да и меня самаго желала погубити вовсе ; нынѢ паки зовещи меня на ложе твое. Воистинну никогда не възду на оное, дождеже не дашь великія кляпвы, что ни какого зла мнѢ не содѣлаеши.

Когда она положила между мною священную кляпву ; тогда я възшелъ съ нею на ложе ея. ТѣмѢ временемѢ четыре рабыни, бывшія въ дому ея, кои родилися отъ испочниковѢ, лѣсовѢ и рѣкъ, упражнялися въ разныхѢ служеніяхѢ. Едина уготовляла мягкія постели, вторая представила столъ со златыми чашами, и уготовила серебрянныя сѣдалища ; третія разпворяла сладкое божественное питіе въ великой серебрянной чашѢ ;
че-

четвертая принесши воду, поставила оную на огонь разложенный. Когда она воскипѣла, посадивъ меня во умывальницу, начала умывать совсякимъ говѣніемъ, возливая воду на главу и на рамена мои. Тогда болѣзни и шруды, сердце мое сокрушавшіе, прочь отступили. Окончавъ измовеніе, намастивъ главу елеемъ и облекши въ чистыя одежды, посадила мя на сѣдалищѣ, и предложила ястїе. Домостроительница принесши скорѣ хлѣбы, молилъ мя, да ямъ. Но все было проотивно сердцу моему; ибо я иное помышлялъ въ душѣ своей. Богиня познавъ, что я къ пищи не прикасаюсь, и сѣжу обремененъ великою печалію, и представъ предъ меня, тако вѣщаетъ: Что тако Одиссей сѣдиши подобенъ нѣмому, и сокрушаяся сердцемъ не простираеши рукъ твоихъ къ пищи? Или боишися какія лести? Но не устрашайся

сего ; зане положила предъ тобою великую клятву. Я отвѣщалъ ей : О богиня ! Кто бывъ праведный и честный мужъ , дерзнешъ прикоснуться къ ястїю и питїю , доколѣ не узритъ своихъ спутниковъ здравыхъ и освобожденныхъ ? Но когда ты отъ чистаго сердца повелѣваеши мнѣ ясти ; молю тя , разрѣши моихъ спутниковъ , да узрю ихъ не вредимыхъ предъ очами моими. Кирка абїе прїявъ жезлъ изходитъ ; и отверзши враща , изгоняетъ ихъ отъ стоялъ аки девятилѣтнихъ свиней ; по семъ каждого изъ нихъ помазуетъ нѣкїимъ елеемъ , абїе низпадающъ свинья власы , и вскорѣ превращаются во младыхъ юношей , много лучшихъ и благолѣпнѣйшихъ. Скоро познающъ мя стоящаго предъ собою , мещутся и емлютъ за руки , лїются у всѣхъ радостныя слезы , и рыданїе по всему дому разносится ; преклонилася къ милосердїю

и сама богиня, и пришедъ ко мнѣ
вѣщаетъ: Иди нынѣ Одиссей къ ко-
раблю твоему ; и во первыхъ изве-
дите его на сушу; а спяжанія, ле-
жащая во ономъ, сохраните въ
пещерахъ, и возвращаяся съмо
приведи всѣхъ соопутниковъ.

Тако рекла, и мужесшвенное
мое сердце повинулося совѣстамъ
ея. Опхожу къ кораблю, и обрѣ-
таю тамо соопутниковъ моихъ,
лѣющихъ обильныя слезы; они уз-
рѣвъ меня, окружили съ рыда-
ніемъ, и тако вѣщаютъ ко мнѣ:
О koliko сердца наши обрадованы
суть возвращеніемъ твоимъ, аки бы
нынѣ мы пришли во опечесшвен-
ную землю! Но молимъ тя, повѣ-
дай намъ о злоключеніи нашихъ
друзговъ. Я отвѣщаль имъ: Во пер-
выхъ потщимся извести корабль
на сушу, по томъ спяжанія наши,
и всѣ корабельныя сооруженія
сокроемъ въ пещерахъ; по томъ
всѣ слѣдуйте со мною къ черто-

гамъ богини Кирки, да узрите тамо друзейъ вашихъ ядущихъ и пьющихъ, и обильную пищу имѣющихъ.

Такъ я рекъ, и всѣ повинилися велѣнію моему; единъ Эврилохъ воспящалъ всѣмъ, вѣщая тако: О злополучные! Камо пойдѣмъ? Почему желаете себѣ пагубы, копорая постигнетъ насъ въ дому Кирки? Егда богиня оная превратитъ всѣхъ насъ или во свиней, или въ волковъ, или во львовъ; тогда будемъ спреци домъ ея по неволѣ. Такъ содѣлалъ и Киклопъ, когда были въ пещерѣ его соупутники наши, и съ ними Одиссей, коего неразуміемъ они погибли тамо.

Я слышавъ сіе, тако раздраженъ былъ, что помышлялъ извлечь мечъ опсѣщи ему главу, хопя и зѣло близкимъ родствомъ касался мнѣ; но соупутники мои пришекши ко мнѣ молили тако: Возлюбленный Одиссей! Оставимъ сего здѣ спреци корабль нашъ,

шы

ты же буди намъ предводитель
къ дому Кирки.

Сіе рекши, воспріемлемъ путь
отъ моря: но Эврилохъ не оспал-
ся при кораблѣ, и слѣдовалъ съ на-
ми; зане устрашился моего пре-
щенія. Тѣмъ временемъ Кирка ос-
тавшихся въ дому ея соупжни-
ковъ моихъ со тщаніемъ умыла,
и намазавъ елеемъ, облекла въ
одежды свѣтлыя; мы обрѣщаемъ
всѣхъ ихъ съ веселіемъ пиршес-
ствующихъ внутрь чертоговъ. Они
узрѣвъ насъ возрыдали отъ радос-
ти, и богиня пришедъ ко мнѣ,
вѣщаетъ: Любезный Одиссей! Пре-
станите нынѣ отъ слезъ; ибо
знаю я и сама, колико вы на мо-
рѣ претерпѣли напасей, и коли-
ко на земли неправедные мужи
содѣлали вамъ озлобленій; ядите
убо нынѣ съ веселіемъ, и пійте
вино, доколѣ сердца ваши укрѣ-
пятся радостію; какъ когда ос-
тавляли вы опечесство ваше Иаа-
ку,

ку, нынѣ же всегда во изгнаніи и во многутрудномъ странствованіи пребывая, не имѣете ни малѣйшаго отдохновенія.

И тако мы цѣлый годъ тамо пребывали, ядя многія мяса, и пія сладкое вино; когда же насталъ другій годъ, спутники мои опведши меня особъ вѣщали: Премудрый Одиссей! Нынѣ уже настало время вспомянути о отечествѣ нашемъ, когда опредѣлно тебѣ судьбою спасшися и видѣши домъ твой.

Такъ вѣщая преклонили сердце мое; и тогда весь оный день до захожденія солнца сидѣли мы пиршесвуя: и когда солнце сокрылось, и наступила ночь, вси почли сладкимъ сномъ. Я же подошедъ къ великолѣпному ложу Кирки, и объявѣ колѣна ея, [богиня услышала гласъ мой:] вѣщаю къ ней: О великая богиня! Соверши нынѣ обѣщаніе, кое дала ты намъ; отпусти насъ въ дома отечественныя;

ные; зане сердце мое давно уже стремится; и всѣ сопушники мои во время твоего отсутствія плачутъ окрестъ меня.

Богиня отвѣщала мнѣ: О премудрый Одиссей, сынъ премудраго Лаерта! Не хочу я отъ нынѣ, противу желанія вашего, пребывать вамъ здѣ: но прежде подобаетъ тебѣ совершити инный путь, по естѣ, видѣти домъ ада, и знаменитыя Персефоны, и вопросити душу Оивскаго слѣпаго прорицателя Тересія, коего разсужденія всегда тверды суть, и ему единому Персефона дала слышати гласъ человѣческій: тебя же отъсюду обыдутъ тѣни мертвыя.

Я же слышавъ сіе плакалъ неутишно стоя на ложѣ, и уже сердце мое не хотѣло болѣе жити, ниже видѣти солнечнаго свѣта. Когда же насытился я слезами, паки вѣщаю: О знаменитая Кирка! Кто мнѣ покажетъ путь сей?

сей? Зане никто отъ смертныхъ на корабль не приближался къ жилищамъ адовымъ. Она отвѣщала мнѣ: Не имѣй попеченія о путеводителѣ; токмо постави вѣтрильное древо, и разпростерши на ономъ парусы сѣди; корабль твой понесется дыханіемъ вѣтра Ворея. Когда преjdeши океанъ, тамо узриши не великій брегъ и дубравы знаменитыя Персефоны, гдѣ расшутъ безплодные древа, и лежатъ не гладкіе твердые камни; тамо на глубинѣ океана останови корабль твой, а самъ иди въ обитель темнаго ада, гдѣ во Ахеронѣ, Пирифлегееонѣ, Кокиѣ изходище Стига, и прочія двѣ рѣки стекаются со ужаснымъ шумомъ; здѣ приступая ко оному мужу, изкопай яму глубиною и шириною на единъ лакоть, и сотвори приношеніе всѣмъ мертвымъ, во первыхъ отъ меду, по семъ отъ сладкаго вина, третіе отъ

отъ чистыя воды, наконецъ при-
 совокупи и бѣлыя муки. На конецъ
 моли мертвыхъ души, и обѣщай-
 ся, когда прїидеши во Иеаку, прине-
 сти имъ въ жертву тучную без-
 плодную краву, и соорудиши имъ
 зданіе отъ богатыхъ спяжаній;
 а Тересію единому особъ принести
 въ жертву чернаго и избраннаго
 овна. Совершивъ моленіе заколи чер-
 наго овна и черную овцу, обрати-
 ся лицомъ ко Ереву; самъ же стѣ-
 иди прочь ко изходящамъ рѣки; то-
 гда многія тамо души присту-
 пятъ; и ты вскорѣ повели сопу-
 тникамъ твоимъ закалати мно-
 гихъ овецъ, и снявъ кожи ихъ
 приносить въ жертву богамъ ада
 и Персефонѣ. Самъ же со обнажен-
 нымъ мечемъ сиди, и ни единыя тѣ-
 ни не допускай до крови, донде-
 же услышиши Тересію. Сей про-
 рицатель и вождь народовъ скоро
 прїидетъ къ тебѣ, и возъѣститъ
 образъ пути твоего чрезъ море.
 Тако

Тако богиня совѣщевала мнѣ; и шѣмъ временемъ явилася златопреспольная заря. Тогда Кирка облекла меня во одежды шонкія, чистыя и свѣтлыя; а чресла мои препоясала златымъ поясомъ, и на главу возложила покрывало; я же ходя по дому возбуждалъ моихъ спутниковъ: возстаните, други мои! отъ сна и идемъ въ путь: за- не уже и сама богиня повелѣла. Они скоро возставъ угощивалися ко опшесствію. Но и опсюду не могъ я опвесити всѣхъ безвредныхъ спутниковъ. Иѣкшо былъ Елпиноръ, юнѣйшій всѣхъ лѣтами, кой ниже на брани храбрости, ниже въ совѣтахъ разума показати могъ. Сей въ дому Кирки излишнимъ упоенный виномъ, желая обрѣсти прохладженіе, когда услышалъ шумъ и мяшежъ приуговоряющихся спутниковъ, незапно воспрянулъ отъ сна, и позабылъ, что ему подобаетъ низѣйти по великой де-

лествицѣ, низпалѣ отѣ покрыва
дому, и тако сокрушилася выя
его, а душа низшла во адѣ. Я
представѣ спутникамѣ моимѣ
реклѣ: Вы помышляете что мы от-
ходимѣ ко отечеству нашему, но
Кирка предрекла намѣ инный путь.

Они услышавѣ сѣе, рыдали и
перзали власы свои; но плачѣ имѣ
ни какія не принеслѣ помощи. И
такъ отходимѣ мы къ кораблю
нашему, проливая горькія слезы.
Тѣмѣ временемѣ богиня Кирка при-
шедѣ къ кораблю нашему, привя-
зала овна чернаго и овцу, не види-
ма бывѣ отѣ очей нашихѣ; ибо
боговѣ не хотящихѣ ни кто не мо-
жетѣ видѣти.

ОМИРОВОЙ ОДИССЕИ

ПѢСНЬ ПЕРВАЯНАДЕСЯТЬ.

Ламвда.

Когда мы пришли къ кораблю
нашему, во первыхѣ низвели оный
Часть I. Р на

на море; по семъ утвердивъ вѣтрильное древо, разпростерли на немъ вѣтрила; и вогнавъ внутрь спада наши, входимъ и сами, проливая обильные слезъ токи: и абіе благопоспѣшный вѣтръ по повелѣнію сильныя богини Кирки наполнилъ наши вѣтрила, а мы все сооруженіе корабельное угощавъ, сѣли порядочно. И тако весь оный день проводивъ во благополучномъ плаваніи, наконецъ узрѣли мы зашедшее солнце и наступившую тьму. Въ то время корабль нашъ приблизился ко предѣламъ неизмѣримаго океана, гдѣ ниже возходящее, ниже полуденное, ниже заходящее солнце взираетъ на нихъ своими лучами. Тамо поставили мы корабль на суши, спадаже изведши вонъ, сами паки воспріяли путь ко странѣ, которую показала намъ священная Кирка. Жертвы несли Перимидъ и Эврилохъ. Я же извлеки мечъ, ископалъ онымъ

яму

яму всюду въ единѣ лакошѣ.

Сотворивъ возліянiе, по повелѣнію богини Кирки, всѣмъ мертвымъ, обѣщался пришедъ во Иѳаку принести душамъ ихъ въ жертву безплодную краву; Тересію же единому особъ черную и избранную овцу. Сотворивъ моленіе и обѣщаніе, заклалъ овецъ, и кровь ихъ изпочилъ въ яму: и се души мертвыхъ изходятъ отъ ада: невѣсты, юноши, многотрудные старцы, юныя дѣвы новымъ плачемъ сокрушенныя; многіе тамо видимы были уязвленные копіями на кровавой брани отъ руки сопротивныхъ. Онѣ съ не терпимымъ воплемъ обшекая яму, привели меня въ великій шрепешъ. Тогда повелѣлъ я моимъ сопутникамъ отъ закланныхъ овецъ сняти кожи и сожещи мяса ихъ въ жертву богамъ, крѣпкому аду и не умолимой Персефонѣ. Въ сiе время обнаживъ мечъ, спалъ я близь ямы, и ни одну

Р 2

мертвую

мертвую тѣнь не допускалъ приближиться ко оной, доколѣбъ услышу грядущую душу Тересія. И се первая тѣнь пришла ко мнѣ Елпинора, коего тѣло не было еще сокровенно въ землю, но лежало въ домѣ богини Кирки не оплакано и не погребенно: зане тогда другій предстоялъ намъ трудъ.

Я узрѣвъ его пролилъ слезы, и спросилъ: Елпиноръ! Какъ ты предварилъ насъ сѣмо? Онъ отвѣщалъ мнѣ: Смирень бывъ злымъ рокомъ духа и крѣпостію вина сналъ на кровѣ дому богинина, и возпрянувъ незапно отъ сна, и вращаяся, низпалъ отпуду и сокрушилъ выю, и тако симъ самымъ пушемъ низшла сѣмо душа моя. Нынѣ убо заклинаю тебя именами отца твоего, супруги твоея и сына твоего, коего единого оставилъ ты во Иѡакѣ; когда возвратишия ко острову Эейскому, вспомяни о мнѣ, и не остави мя не оплаканнаго, да не

не прогниѣваются на тебя ради меня боги; шѣло же мое со всемъ моимъ оружіемъ предаждь земли, и воздвигнувъ высокую могилу, водрузи надъ оною при брегѣ моря весло, коимъ я, живъ бывъ, разсѣкалъ морскія воды. Я ему отвѣщалъ: Воистинну все сіе сотворю. По семъ приходитъ душа матери моея Антиклей, дщери Автоликовой. Я возрѣвъ на нее пролилъ слезы; но приблизиться къ крови не допустилъ, доколѣ не услышу Тересія. И се грядетъ душа Ѳивскаго прорицателя, въ рукахъ имѣя златый скипетръ, и познавъ мя вопрошаетъ: Что пришелъ сѣмо, О злополучный! оставя свѣтъ солнечный, видѣши мертвыя тѣни и плачевную страну? Но отступи отъ ямы и сокрый мечъ твой во влагалищѣ, да испію крови, и тогда истинну повѣмъ тебѣ.

Такъ рекъ; а я отступивъ прочь сокрылъ мечъ мой. Тересіи

сѣй приступивъ, напился крови, и
 тако начинаетъ: О возвращеніи
 желаеши вопросиши, Одиссей! Но
 богъ тебѣ положилъ его зѣло
 многоспруднымъ; ибо немню, дабы
 Посидонъ преспалъ отъ гнѣва за
 сына своего, у коего испорглъ ты
 око. Хотя претерпиши много зла;
 одноко прїидеши въ домъ швой.
 Токмо ты и спутники швы да
 воздержите души ваши въ день
 оный, когда пристанетъ корабль
 вашъ ко острову Франакійскому,
 гдѣ обрящете пасущихся пучныхъ
 кравъ всевидящаго и всеслыщаща-
 го Солнца. Къ симъ когда не при-
 коснетесь, и оставите безвред-
 ныхъ, воистинну прїидете въ до-
 мы ваши; когда же содѣлаеши имъ
 вредъ, воистину предвѣщаю тебѣ
 смерть и всѣмъ швоимъ спутни-
 камъ, и кораблю сокрушеніе. Ты
 самъ хотя и спасеши, но зѣло
 поздно; и погубивъ всѣхъ спутни-
 ковъ и претерпѣвъ многія напа-
 сти,

ести, прїидеши въ домъ швой, гдѣ
 паки обрящеши убїйство, и гор-
 дыхъ мужей поядающихъ спяжа-
 нїя швоя, и ищущихъ дарами же-
 ну швою въ супружесство себѣ. Но
 пы воистинну сотвориши мщенїе
 имъ за обиды сія. По избїенїи же-
 ниховъ оныхъ, паки возшедъ на
 корабль предайся плаванїю, доко-
 лѣ не прїдеши къ народамъ, кои
 не знаютъ ниже моря, ниже кора-
 блей, ниже веслъ, ниже крилъ ко-
 рабельныхъ, ниже ядятъ пищи
 разтворенныя солїю. Се же тебѣ
 знаменїе: узриши тамо идущаго
 тебѣ во срѣщенїе путника, кой
 скажетъ тебѣ: *Что ты на рамиъ
 твоемъ несещи лолату.* Тогда ты
 весло швое водрузивъ тамо въ зе-
 млю, принеси въ жертву царю По-
 сидону овна, барана и вепря, обѣ-
 щаваяся при шомъ по возвращенїи
 въ домъ швой принести спочислен-
 ную жертву, всѣмъ богамъ. Само-
 му же тебѣ смерть прїдетъ отъ

Р 4

моря,

моря, которая убіесть тебя изможденнаго глубокою старостию; но живущіе окрестъ тебя народы будутъ благополучны. Се истинна тебѣ предречена!

Такъ рекъ онъ. Но я паки вопрошаю его: О Тересій! воистинну сіе тако предуспроили боги; но молю тя, повѣдай мнѣ, се вижду душу умершія матери моея, коя не хочетъ ниже воззрѣти на меня, ниже что проглаголати; скажи, царю! како можетъ она познати меня?

Тересій отвѣщалъ ему: Всякъ пришедшій къ тебѣ и испивъ крови, повѣдаетъ истинну тебѣ; кому же мечемъ возбраниши, и кто не испіетъ отъ крови, вспяшь обратися. Сіе скончавъ, отходитъ Тересіева душа внутрь ада.

Я же сидѣлъ тамо со обнаженнымъ мечемъ, и се пришла мать моя, и испивъ отъ крови, вскорѣ познала меня, и тако со слезами
вѣ-

вѣщаетъ: Сыне мой! Какъ пришельцы въ мрачную страну живѣ обрѣтаясь? Не могутъ съмо пріѣхати всѣ живущіе; зане раздѣляютъ насъ великія рѣки и страшныя изходы, въ первыхъ океанѣ. Или отъ Трои возвращаясь на корабль, и заблуждалъ по морю? Или и до нынѣ не видѣлъ ты Иаки, и возлюбленныя жены твоея? Возлюбленная мати моя! обѣщавъ я ей, нуждою влекомый, пришелъ я въ мрачныя сѣи тѣни, да вопрошу Ѳивскаго Тересіа о пути моемъ; зане и до днесь не видѣлъ опеченства моего; но странствую по морю, претерпѣвая напасти. Но молю тя, повѣдай мнѣ; како пресѣкла смерть дни живота твоего, повѣдай о отцѣ моемъ и о сынѣ, еще ли въ рукахъ ихъ сохраняется спяжаніе мое? Или инный кто обладаетъ онымъ? Скажи мнѣ и о женѣ моей, еще ли пребываетъ съ сыномъ своимъ, и хранишь домъ

и вся спяжанія? Или уже кому другому поручила ложе свое? Она о всемъ повѣдавъ мнѣ истинну, умолкла. Я же помышлялъ во умѣ, прикоснувшись къ ней; прижды устремлялся объяти ее, и прижды исчезала отъ рукъ моихъ аки сонъ, или аки соніе. Я болѣзнуя о семъ, спросилъ маперь мою: Возлюбленная маши моя! Почто не могу объяти тебя, дабы мы и въ сихъ мѣстахъ объемшися взаимно насытились плачемъ?

Увы! чаче всѣхъ злополучнѣйшій сыне мой! рекла она мнѣ: таковой есть законъ человѣческій, да егда умретъ кто, тѣло и кости его подвергнутся плѣннью и сожгутся огнемъ, а душа его излетѣтъ отъ тѣла, бываетъ аки соніе. Но ты скоро оставивъ мѣстаси, иди ко свѣту живущихъ, и возвѣсти о семъ женѣ твоей.

Тогда приступили ко мнѣ многія знаменитыя жены и дочери, дабы

дабы пити кровь; но я извлекши мечъ не допускалъ ихъ, желая воспросити о родѣ ихъ: и абіе зрю идущую ко мнѣ Тиру, дщерь Салмоней, жену же Крифея сына Золова, коя любила прекраснѣйшую рѣку Енипея и близъ ея изходящу, всегда пребывала. Царь водѣ Посидонѣ возлюбилъ ю, пребылъ съ нею при устїи рѣки, повелѣвъ единой отъ воли подобной великой горѣ оградити обоихъ. Потомъ разрѣшивъ дѣвическій поясъ, излилъ на нее сладкій сонъ; по исполненїи любовныхъ дѣйствїй, взявъ ее за руку вѣщаетъ: Радуйся жено съ любовїю! Се по шествѣи года родиши двухъ сыновъ, коихъ воспитай со пщанїемъ: нынѣ же иди въ домъ свой, и блюдися сіе открыти кому либо.

Тако рекши низходитъ во глубины волнующагося моря. Тира же во уреченное время родила Пелїя и Нилея. Первый обиталъ во Таолкѣ

Лаолкѣ изобилуя многими сподами,
а вторый во градѣ Пилѣ. По семъ
родила мужу своему Есона, Фери-
та и Амиеаона. По ней видѣлъ
Антіопу, дщерь Асонову, которая
такожде повѣдала, что почила въ
обѣятіяхъ отца боговъ Дія, и
родила двухъ сыновъ, Амфіона и
Зифа, кои первые положили осно-
ванія седмиграднымъ Оивамъ, и
такъ соорудили высокія стражни-
цы. По семъ видѣлъ Алкмину,
жену царя Амфитріона, которая
родила великодушнаго Ираклія,
имѣвшаго сердце львиное, пребывъ
во обѣятіяхъ сильнаго Дія и сово-
купившись съ нимъ любовію на
ложѣ. Видѣлъ и Мегару дщерь
Креонта, жену же сына Амфитрі-
онова; видѣлъ и прекрасную Епи-
касту, матеръ Идипа, которая
отъ неразумія своего содѣлала ве-
λικое безстыдство, бывъ женою
сыну своему, кой отца убивъ,
матерь взялъ въ жену. Злодѣяніе
сіе

сіе открыли боги предъ всѣми
людьми. Идиѣ спрадая великія
болѣзни , владычествовалъ надъ
Ѡивами , а машерь прекративъ си-
ломъ дни бытія своего, низшла во
адъ ; видѣлъ такожде Хлору ,
меньшую дщеръ Амфіона, кою нѣ-
когда за красоту возлюбивъ Нилей,
поялъ себѣ въ жену , и отъ коея
родилися , Несторъ , Хромій и Пе-
риклименъ ; видѣлъ и знаменитую
Лиду , жену Тиндара , отъ коея
родилися Касторъ и Полидевкъ ;
сіи имѣя равную честь съ богами,
перемѣняли взаимно жизнь свою ;
ибо иногда обитали на земли , а
иногда во адѣ : по семъ видѣлъ
Ифимедію, жену Алоееву, коя ро-
дила двухъ сыновъ краткія жиз-
ни , Ота и Ефіалта прекраснѣй-
шихъ паче всѣхъ людей по Оріонѣ ;
земля ихъ воспитала ко удивле-
нію великихъ возрастомъ ; ибо ко-
гда протекло имъ девять лѣтъ ,
были въ широту девяти , и въ вы-
соту

соту девяти лактей; сїи хотѣли
нѣкогда воздвигнути брань проши-
ву безсмертныхъ, но Діевъ сынъ
отъ Липы убилъ ихъ. прежде при-
шествїя въ совершенныя лѣта;
видѣлъ Федру, Прокру и Аріад-
ну, дочь премудраго Миноя, ко-
торую нѣкогда отъ Криша увелъ
во Аѳины Оисей: видѣлъ Меру,
Климену и ненавистную Ерифилу,
которая за злато предала своего
мужа. Всѣхъ же знаменитыхъ
женъ чрезъ всю ночь не возможно
изчислити.

Такъ рече Одиссей; и всѣ си-
дѣли во глубокомъ молчанїи, усла-
ждаясь повѣстїю его. Тогда ца-
рица Ариана начинаетъ тако: Фе-
акійскіе вожди! Каковъ зрится
вамъ быти сей мужъ разумомъ,
лицемъ и величествомъ? Но онъ
воистинну страннопришелецъ мой
есть; и для того не ускоряйте
выпустить его, но уголовите да-
ры;

ры; зане щедрошою боговъ многія
мы имѣемъ снѣжанія.

По семъ престарѣлый мужъ Ехе-
ней глаголаѣ сице: Любезные дру-
ги! премудрая наша царица ис-
тинну рекла; повинитесь убо гла-
голамъ ея, и царь Алкиной самъ
предусмотритъ о всемъ. Алкиной
отвѣщаль ему: Воистинну, слово
сѣе исполнится, когда я пребуду
живъ обладая надъ Феакіанами.
Странникъ сей, хощя и проситъ
о отшествіи своемъ во отечество,
но да претерпитъ до завтра, до-
колѣ весь совершу даръ; о препро-
вожденіи же его да пощадятся
мужи, и паче всѣхъ мнѣ подоба-
етъ.

Одиссей отвѣщаль: Препросла-
вленный паче всѣхъ царю Алкиной!
Когда уголовите мнѣ препровожде-
ніе, и дадите знаменитые дары;
воистинну по повелѣнію вашему
не опрекуся цѣлый годъ пребыва-
ти съ вами: зане много полезѣе
бу:

будетъ явиться во отечествѣ съ полною рукою; ибо отъ сего послѣдуетъ честь и любовь отъ всѣхъ, кои узрятъ меня возвратившагося во Иѳаку.

Алкиной отвѣщалъ ему: Одиссей! воистинну мы взирая на тебя, не уповаемъ быти такого, какихъ многихъ питаетъ на себѣ земля, праздношапающихся и лжесоплешателей, коихъ всякъ можетъ познати. Твое же лице и великій разумъ показываютъ истинну твою повѣсти: по возвѣсти намъ и о твоихъ совоинственникахъ, кои совокупно были съ тобою при Илианскихъ стѣнахъ и остріемъ меча, или копія смерть пріяли; повѣдай о сихъ, еда видѣлъ кого между мертвыхъ тѣней? Ноцъ сѣя велика зѣло, и время сна еще не приближилось; я же готовъ слушати до самыя утренняя зари.

Одиссей отвѣщалъ ему: Великій царю Алкиное! есть время глагола-

голаши и есть время спать; но когда желаеши слушати, воистинну неопрекуся отъ повѣданія о моихъ совоинственникахъ, кои возвращаяся отъ брани въ дома, лестію зловредныхъ женъ умерщвлены безвинно. Когда царица Персефона прогнала души знаменитыхъ женъ; тогда приблизилась ко мнѣ душа царя Агамемнона и прочіе, кои погибли съ нимъ въ дому Егисеа. Она испивъ крови скоро меня познала, и проливая слезы, простираетъ ко мнѣ руки, желая объяти меня; но уже не было во оныхъ ни малѣйшя твердости и дѣйствія. Восплакавъ же и я спросилъ его: Царю Агамемнонъ! Какій рокъ зловредныя смерти сокрушилъ крѣпость твою? Посидонъ ли, воздвигши жестокія волны, погрузилъ тебя во глубинѣ? Или не праведные мужи убили на брани защищающаго градъ, жену и чадъ?

Часть I.

С

Онъ

Онѣ отвѣщалъ мнѣ: Мудрый Одиссей! Ниже Посидонѣ на морѣ, ниже неправедные мужи на земли сокрушили крѣпость мою; но пагубный Егисѣй и зловредная моя жена Клитемнистра устроили мнѣ пагубу пригласивъ меня въ домъ на пиршество. И тако погибъ я всякаго плача достойнѣйшею смертію. Окрестъ же меня лежали и прочіе мои спутники умученные лютейшею смертію. Знаю, что зѣло многихъ ты видѣлъ убитыхъ на брани мужей; но когда бы ты былъ при ономъ жалостнѣйшемъ нашемъ пораженіи; колико бы ты тяжчайшихъ выпустилъ отъ сердца воздыханій, колико бы возпрепечала душа твоя, зря окрестъ чашъ и наполненныхъ пищею столовъ поверженныхъ нашихъ тѣлъ, и весь помостъ пропекавшей горячею кровію! Тогда слышалъ я печальнѣйшій и плачевный гласъ Пріамовой дщери, прекрас-
ная

ныя Кассандры, которую равнымъ образомъ убила близъ меня сидѣвшую, злокозненная жена моя Клитемнистра. Тогда я, уже умиравшій, подѣвши руки, искалъ меча ко отмщенію; но безспудная моя жена отходитъ прочь, и ниже при самой смерти смѣжила очи мои, ниже зашлорила отверстыя уста мои. Тако нѣсть ничто вредоноснѣйшее и безспуднѣйшее паче жены, которая предпріиметъ таковыя злодѣянія, какъ и моя жена убивствомъ своего мужа содѣвается омерзѣніемъ предъ всѣми благонравными.

Я ему отвѣщалъ: Увы! Какъ родъ Атревъ погубленъ отъ громоглаголаго Діа за пагубныя совѣщанія женъ? Во первыхъ за Елену погибли многіе; и тебѣ смерть уготовала Клитемнистра, еще далече бывшему отъ отечества. На сѣе Агамемнонъ паки рекъ: Тако и ты Одиссей никогда не полагай всея

надежды на жену, и не открывай
 всѣхъ помышленій твоихъ; но
 иное повѣдай, иное же сокрой на
 сердцѣ твоємъ; но твоя, Одиссей!
 жена не предуготовитъ тебѣ смер-
 ти; зане зѣло разумна еси и бла-
 тими украшена нравами. Самъ ты
 вѣдаеши, коль младумъ оставили
 ее, когда отходили на брань, и
 сынъ ея тогда ссалъ сосцы, а ны-
 нѣ обрѣщается нѣгдѣ между пре-
 мудрыми мужами: возвеселился
 блаженный отецъ сыномъ своимъ,
 и радостию возрадуется сынъ,
 узрѣвъ отца возвратившагося въ
 домъ свой: но меня пагубная же-
 на пославъ преждевременно въ сіи
 мѣста, не допустила насладиться
 зрѣніемъ сына. Ты же сохрани мои
 слова: не явно, но тайно щисися на-
 правити корабль твой ко отече-
 ству; ибо не скоро подобаетъ яви-
 вѣру женамъ. Но молю шя, повѣ-
 дай мнѣ, ежели слышалъ ты о
 сынѣ моемъ Орестѣ, гдѣ онъ нынѣ
 обрѣ-

обрѣшается, во Орхоменѣ ли, или въ Пилѣ, или у Менелая въ Спартѣ? Токмо знаю, что еще не умерѣ.

Я ему отвѣщалъ: Сыне Атреевъ! Чшо мя вопрошаеши о семѣ? Ибо я и самѣ не знаю, живѣ ли онѣ, или уже умерѣ: не извѣстное же повѣдати естъ не похвально. Тако мы разглагольствоваши проливая слезы; и се приблизилися души: Ахиллова, Папроклова, Антилохова и Дантова. Тогда первая душа Ахиллова познавъ мя вопрошаетъ: Одиссей! Какое еще вѣщающее совѣщевая дѣло, пришелъ ты сѣмо? Како дерзнулъ приближиши кѣ симѣ мѣстамѣ, гдѣ единыя токмо шѣни и подобія умершихъ человекѣ обитаютъ?

Я ему на сѣе отвѣщалъ: Знаменишѣишій Ахейскій сыне Пилевъ! Пришелъ я сѣмо вопросиши Тересіа, какое средство обрящу, да прїиду живѣ во отечество мое; ибо и до нынѣ по всѣмѣ странамѣ

заблуждаю, претерпѣвая великія
напасты. Тебя, знаменитѣйшій
Ахиллѣ! почишаю паче всѣхъ смер-
тныхъ блаженнѣйшимъ, кои были
и кои будутъ; ибо прежде мы по-
чишали ты храбрымъ браннонос-
цемъ, нынѣ же паки владычеству-
еши надъ мертвыми. Ахиллѣ опъ-
вѣщалъ мнѣ: Не воспоминай мнѣ
о смерти; ибо лучше бы я желалъ
быти сельскимъ жителемъ, и прі-
имая мзду наемнику, работалъ бы
мужу нищѣ, кой и самъ не имѣетъ
пропитанія, нежели обладати мер-
твыми; но молю ты повѣдай о сы-
нѣ моемъ, уже ли можетъ взыти
на брань и явиться доблествен-
нымъ воинственникомъ? Повѣдай
также и о Пилѣ опъ мнѣ;
еще ли сохраняютъ Мирмидоняне
къ нему почтеніе свое? Или уже
во всей Фессаліи и Фтіи всѣ его
презираютъ за то едино, что спа-
росъ овладѣла его членами; ме-
ня же мстителя уже не видятъ
подъ

подъ солнечными лучами, какъ
нѣкогда бывъ при Троянскихъ стѣ-
нахъ сокрушалъ избранное ихъ во-
инство, защищая возлюбленныхъ
Аргивянъ? О когда бы я таковъ
пришелъ въ домъ ко отцу моему;
воистинну показалъ бы крѣпость
мою и бранноносныя мышцы тѣмъ,
кои творятъ отцу моему обиды,
и не воздають ему почитанія!

Я ему отвѣщалъ: О отцѣ тво-
емъ Пилѣ воистинну ничего я
не слышалъ; о сынѣ же твоемъ
Неоптолемѣ возвѣщу, какъ подо-
бѣшъ; ибо самъ я его отъ остро-
ва Скира привелъ на корабль ко
Ахейскому ополченію, гдѣ, когда
военачальники вступали въ совѣты,
онъ первый тогда предъ всѣми от-
крывалъ свои мнѣнія, единъ токмо
Неспоръ и я ему противорѣчили;
прочимъ же ни кому не уступалъ:
коликоже онъ убилъ на брани зна-
менистыхъ мужей, воистинну исчи-
слиши не могу? Но О коль великое

явилъ онъ дѣло, когда убилъ пре-
словутаго ироя Еврипила, сына Ти-
лефова, окрестъ коего многіе по-
вержены лежали Кишеяне! Когда же
вошли мы избранные отъ всѣхъ
Ахейнъ внутрь онаго коня, коего
соорудилъ Эней; тогда всѣ вожди
трепетали и плакали; но я его не
позналъ ниже малѣйшимъ страхомъ
возмущенна, токмо многожды про-
силъ всѣхъ изыти изъ коня, сотря-
сая рукоятіе меча своего, и острое
копье на пагубу Троянамъ. Когда
раззорилъ Пріамовъ градъ; онъ
пріявъ достойную часть отъ ко-
рыстей, возшелъ на корабль здравъ,
и ни мало не вредимъ, какъ быва-
етъ на брани, гдѣ безъ разбору
Арей неистовствуетъ.

Такъ я ему повѣдалъ; онъ же
обрадованъ отходитъ, шествуя
по зеленому полю. Многія тамо
стояли и инныя печальныя души,
возвѣщая свои наказанія. Единаго
токмо Данша сына Теламонова

ду-

душа стояла далече отъ меня, гнѣваяся за приобрѣщенное мною Ахиллово оружіе по суду, кой предложили сыны Троянскіе, матерь его Өешида и Аѳинская Паллада. Воистинну лучше бы мнѣ лишенну быши сея побѣды, нежели толікую главу зрѣти прежде времени низшедшую во адъ, каковъ былъ Эантѣ, кой благолѣпіемъ лица и крѣпостію силъ и мужественнымъ дерзновеніемъ превосходилъ всѣхъ Ахеанъ, кромѣ единаго Ахилла. Но я возопилъ къ нему: Прехрабрѣйшій Эантѣ, сыне Теламоновъ! Или ты и по смерти не хочещи оставити гнѣва твоего на меня за зло-вредное оружіе, кое послѣ содѣлало великія зоключенія Ахеянамъ, лишившимся твоего защищенія? Ибо ты единъ всѣмъ намъ былъ крѣпкою пшвердынею. Сего ради равною какъ о Ахиллѣ, тако и о тебѣ сокрушаемся печалію. Дѣй же страшно возненавидѣлъ Ахеянъ, какъ и

С ъ

тебѣ

тебѣ послалъ смерть лютую. Приближися убо, О царю! да насытимся взаимнымъ разглагольствіемъ, смири не преодолимую крѣпость твою, и оприни досажденія великія души твоея.

Тако я его молилъ; но Зантъ ничего не отвѣщавъ, отходитъ ко прочимъ душамъ во мрачныя сѣни. По семъ видѣлъ Миноя, сына Діева, державшаго въ рукахъ златый скипетръ, и даващаго судъ мертвымъ, кои въ великомъ множествѣ стояли окрестъ его. Позналъ я тамо и чуднаго Оріона съ желѣзнымъ - не сокрушимымъ железомъ, ловящаго звѣрей по горамъ и полямъ. По семъ узрѣлъ я Титію, сына земли, разпростерта лежавша на помостѣ, долгою въ девять десятиинъ, окрестъ коего стояли плотоядныя птицы, перезая внутреннія его части; но онъ ухъ немогъ отгнати; ибо хотѣлъ питати любовь къ богинѣ Липѣ,

шед-

шедшей къ Панопеянамъ. Видѣлъ
тамо и Таншала мучима люпыми
болѣзнями, кой стоялъ въ водѣ
по самыя уста, жаждалъ напишися,
но не могъ; ибо колько кратъ пре-
клонялъ главу для утоленія жа-
жды, толико вода отъ него сокры-
валася, а подъ ногами его зрима
была сухая земля; близь его стоя-
ли древа, надъ главою же висѣли
плоды созрѣвшіе, груши, разнovid-
ныя яблоки, смоквы и зеленныя
маслины, къ коимъ когда Таншалъ
простираетъ руки, желая вкуси-
ти отъ нихъ, но они абіе въпрямъ
возхищаемы были на воздухъ. По
семъ узрѣлъ Сисифа, носящаго на
гору съ безмѣрнымъ трудомъ ве-
ликій камень, кой егда бываетъ
вознесенъ уже на самый верхъ го-
ры, мгновенно изторгается отъ
рукъ его, и со стремленіемъ ле-
титъ долу: Сисифъ тѣже труды
наки воспріемлетъ, и непрестанно
обращается въ оныхъ. По семъ ви-
дѣлъ

дѣлѣ подобіе Иракліево, кой самѣ сидѣлъ между безмершными, наслаждаяся божественнымъ пиршествомъ, и имѣя жену прекрасную Иву, дщерь великаго Діа и прекрасныя Иры; окрестъ его былъ воцѣлъ мрачныхъ тѣней, аки гласъ цѣлицъ несущихся отовсюду; самѣ же подобенъ былъ темной нощи; въ рукѣ имѣлъ лукъ и стрѣлу, перси его были препоясаны златымъ ремнемъ, на коемъ изображены чудныя дѣла, страшныя вепри, великіе медвѣди, ужасныя львы, сраженія, смертоносныя брани и человекоубійства. Онѣ скоро познавъ мя вопрошаетъ со слезами: Мужественный Одиссей! Или и ты такожде спраждеши великія напасти, каковыя и я понесъ нѣкогда, обрѣтаясь подѣ солнечными лучами? Я нарицался сыномъ великаго Діа, но труды претерпѣлъ неизреченные; ибо повинуюся мужу безсильнѣйшему, отягченъ

тченѢ былѢ отѢ него не стерпимыми прудами: какѢ нѣкогда по повелѣнію его извелѢ я отсюду не укротимаго пса; ибо не обрѣталѢ инаго многопрѣдѣльнаго подвига; но я извелѢ пса онаго отѢ сихѢ мрачныхѢ мѣспѢ: путеводители мнѢ тогда были Ермій и Паллада.

Сѣе скончавѢ отходящѢ внутрь ада, я же пребывалѢ тамо нѣсколебимо ожидая пришествія прочихѢ древнихѢ ироевѢ, Оисея, Пиріеоя и иныхѢ прославленныхѢ мужей; но прежде начали собираться иныя души въ несчетномѢ множествѢ и со ужаснымѢ шумомѢ. Я устрашенѢ бывѢ зѣло, дабы не послала ко мнѢ отѢ ада Персефона страшное чудовище Горгонскую главу, и скоро отшедѢ къ кораблю моему, повелѢлѢ спутникамѢ отпрѣшати его. Гшедши въ корабль, сѣначала по рѣкѢ веслами путь нашѢ совершали, но
при-

приблизився къ океану, благопо-
спѣшнымъ вѣтромъ управляемы
быди.

ОМИРОВОЙ ОДИССЕИ

ПѢСНЬ ВТОРАЯ, НАДЕСЯТЬ.

Mr.

И тако скончавъ мореплава-
нiе наше, паки пристали ко остр-
ову Эейскому, гдѣ деищны свя-
щенное есть обиталище, и ея ли-
ки, и солнца восхожденiе; тамо мы
вышедъ на брегъ моря, корабль по-
ставили на суши. Когда явилася
упрeнная заря; тогда я предпо-
слалъ сопутниковъ моихъ, дабы
взяли отъ дому богини Кирки
тѣло умершаго Елпинора, кое на
брегъ моря предавъ огню, соору-
дили высокую могилу, и надъ гро-
бомъ весло водрузили. Богиня Кир-
ка

ка познавъ о нашемъ возвращеніи
отъ ада, зло скоро пришла къ
намъ, послѣдующимъ за нею двумъ
рабынямъ, хлѣбъ, мяса и вино
несшимъ, и спавъ посреда насъ
вѣщаетъ: Злополучные! Како жи-
ви суще низходили въ дома ада?
Двоекратно убо будете вы мер-
твые, когда вси единожды шокмо
умираютъ. Сядите убо и укрѣпи-
теся пищею, и пейте вино; за-
упраже, когда явится заря, отъ-
идете въ путь вашъ, кой вамъ по-
кажу, и открыю все, да не како
злыми вашими совѣтами или не-
разуміемъ погибнете на морѣ или
на земли.

Такъ совѣщевала намъ богиня.
Мы сѣдши препроводили весь день,
ядя не исчислныя мяса и пїя слад-
кое вино. Когда же наступила
нощь, всѣ мои сопутники почили
при кораблѣ; а меня богиня взявъ
за руку, отвела на страну особъ,
и возлеиши при мнѣ вопрошала о
всемъ.

всемъ. Я все видѣнное мною во адѣ открывъ предъ нею умолкъ. Богиня наки начинаетъ тако: Возлюбленный Одиссей! Уже все побою испытано есть: но внуши, я повѣмъ тебѣ нѣчто новое; самъ же Богъ приведетъ тебѣ на память: во первыхъ прїидеши къ Сиринамъ, кои всѣхъ людей прельщаютъ тако, что всякъ приставшей тамо, и слышавъ гласъ и пѣніе ихъ услажденъ бываетъ толико, что не узришь жену и чадъ веселящихся о возвращеніи его. Они сѣдятъ на зеленомъ полѣ, близъ ихъ стоитъ высокій холмъ отъ согнившихъ костей и пруповъ человеческихъ. Ты не останавливай тамо корабля твоего; но смягчивъ воскъ, вложи его во уши сопутникамъ твоимъ, дабы никто не могъ слышати ихъ пѣнїя. Самъ же ты, когда хочеши, слушай пѣніе ихъ; токмо прежде повели привязати руки и ноги твои къ вѣтрильному дереву крѣпкими

кими ужами; и когда будеши мо-
лиши совоинственниковъ своихъ
о отрѣшеніи швоемъ, тогда крѣп-
чайше да свяжутъ тебя. Миновавъ
сихъ зловредныхъ женъ узриши
два пути, о коихъ возвѣщу тебѣ;
пы же слова мои сохрани на серд-
цѣ швоемъ: тамо стоятъ двѣ
высокія каменные горы, гдѣ съ
не стерпимымъ шумомъ ударяютъ
ся морскія волны. Горы сіи отъ
боговъ нарицаются заблуждашель-
ными, гдѣ никакія птицы немо-
гутъ прелетѣти, ниже сами голу-
би, кси ошцу боговъ дію носятъ
безсмертное питіе; но всегда единъ
отъ нихъ похищается горою, и
намѣстѣ имѣющаго погибнути все-
гда великій діи посылаетъ излиш-
няго голубя въ дополненіе числа.
Тамо ни единъ корабль не прехо-
дилъ безъ пагубы; но какъ все
твердое сооруженіе онаго мно-
венно разрушается; тако и шѣла
мужей поглощаются внезапно сви-

рѣпymi волнами и кипящею бурею. Единѣ шокмо корабль, нарицаемый Арго, прешелѣ тамо безѣ вреда, совершая путь отѣ Эеты; но воистинну погиблѣ бы и оной, когда бы Ира его не препроводила; зане Іасонѣ былѣ ей любезенѣ. Едина отѣ сихѣ горѣ высокою своею касаетѣся небесамѣ, и окружена есть темными облаками; на верхѣ ея никогда не возходитѣ свѣтлостѣ небесная, ииже во время лѣта, ниже во время осени; ни какіи смертныи не можетѣ взыти на ню, ниже опшуду снити; ибо зѣло есть гладка: по средѣ горы есть темная пещера, отверзшїемѣ стоимѣ на западѣ. Тамо направи шеченїе корабля швоего толь далече, колико человѣкѣ стрѣлою можетѣ достигнути. Тамо обитаетѣ Скилла, страшный вопль износящая; гласѣ коея аки гласѣ младаго львицища; сама же ужасное есть чудовище, и никто возрѣвѣ на нее не порадуетѣся, хотя

Хотя бы и самъ богъ изшелъ во
срѣшеніе ея. Дванадесять имѣетъ
ногъ, но видомъ всѣ скверныя;
шессть вый зѣло долгихъ, толико
же и главъ, коихъ зіянія ограж-
дены суть премея рядами великихъ
зубовъ, наполненныхъ спрашною
смертію. Едина часть тѣла ея
погруженна лежитъ въ пещерѣ;
а выи со главами и оптверзстыми че-
люстями всегда зряся на откро-
венномъ свѣтѣ; ибо погружая ихъ
во глубину моря, созерцаетъ ок-
рестъ горы на пищу себѣ делфи-
новъ, морскихъ псовъ, спрашныхъ
киповъ и иныхъ разныхъ чудо-
вищъ, коихъ въ безчисленномъ
множествѣ питаетъ Амфипри-
па. Здѣсь ни единъ корабль безъ
вреда не проходилъ; но всегда
каждою главою по единому му-
жу сіе чудо похищало отъ ко-
рабля. Другую гору узриши мень-
шую, и опстоящую толико, ко-
лико можетъ человекъ изъ лука

достигнути стрѣлою. На ней стоитъ великое сѣннолиственное смоковничное древо; тамо обитаетъ не умолимая богиня Харивда, которая прижды изрыгаетъ изъ себя морскія воды, и паки прижды оныя поглощаетъ сѣнеобычнымъ шумомъ. Блюдися убо тамо приближаться, паче же когда поглощаетъ воды; зане тогда уже ниже самъ Посидонъ возможетъ избавити тебя отъ пагубы сея. Но ты, колико можно, приближаясь ко Скиллѣ, тщися зѣло скоро преплыти кораблемъ твоимъ; ибо лучше есть лишиться шести спутниковъ, нежели всѣмъ погибнути купно.

Тако совѣщевала мнѣ богиня; я же отвѣщалъ ей: Но молю ты, о великодушная Кирка! Повѣдай мнѣ, како избѣгнувъ отъ Харивды, сотворю достойное мщеніе Скиллѣ за смерть спутниковъ моихъ? Она отвѣщала мнѣ: О злополучный Одиссей!

соей! Еще ты о ратныхъ помышля-
еши дѣлахъ? Или и прошиву без-
смертныхъ хочещи воздвигнуши
брань? Ибо Скилла воистинну не
боится смерти; зане она есть
бессмертное, нестерпимое, величай-
шее и не преодолимое смертоносное
зло. Боюся бо, да не пакы, сотворивъ
устремленіе, постигнешъ васъ, и
толкими же главами толико му-
жей пожрешь. Но ты протекая па-
мо, велѣимъ гласомъ зывай имя
Кратей; ибо сія есть матерь родив-
шая чудо сіе; она шокмо едина
можетъ умирити ее. По семъ прї-
идеши ко острову *Фринакійскому*,
гдѣ многія Солнцевы кравы и шуч-
ныя овцы пасутся. Тамо узрите
семь стадъ овецъ, толикоже и
кравъ; каждое стадо содержитъ въ
себѣ по пятидесяти. Нѣсть въ нихъ
порожденія; ибо никогда не уми-
раютъ. Пастыри ихъ суть дще-
ри Солнца отъ *Нееры*, *Фееуса*
и *Лампешія*, коихъ родивъ и вос-

пишавъ божественная матеръ, послала на островъ сей пасты отеческія стада, къ коимъ ежели вы не прикоснетесь, воистинну прїидете во Иѡаку; когда же содѣлаеши имъ вредъ, предвѣщаю всѣмъ смерть не избѣжимую. Ты самъ хотя и спасеши, но въ домъ твой прїидеши зѣло поздно, и погубивъ всѣхъ спутниковъ. Тако вѣщающей богинѣ, возходитъ златозрачная денница. Тогда премудрая Кирка оставивъ меня въ домъ отходитъ. Я же возбудивъ отъ сна спутниковъ моихъ, повелѣлъ приуготовлятися къ пути. Они скоро исполнивъ мое велѣніе, восходящъ на корабль, гдѣ разположивъ все оружіе, и сѣвши по мѣстамъ начали разсѣкать морскія воды веслами. Богиня послала во слѣдъ нашъ благопоспѣшный вѣтръ, кой наполнивъ вѣтрила, несъ корабль нашъ съ великою скоростію, управляемый кормчіимъ.

Тогда

Тогда я кѢ сопутникамѢ моимѢ начинаю тако: Други мои! Не подобаетѢ единому или двоимѢ шокмо знаши предвѣщанія, кои возвѣстила мнѢ богиня Кирка; но воистинну повѣдаю предѢ всѢми, да или умремѢ, или спасемся всѢ совокупно: се вопервыхѢ прїидемѢ ко сладкопѣсеннымѢ СиринамѢ, коихѢ гласа и цвѣтоноснаго ихѢ поля всячески подобаетѢ вамѢ бѣжати; мнѢ же единому повелѣла богиня слушати пѣніе ихѢ, шокмо прежде да привяжете мя крѣпкими ужами кѢ вѣтрильному древу; и когда я буду молиши васѢ о отрѣшеніи моемѢ, тогда вы паче укрѣпите ужи. Тако вѣщающе мнѢ, се корабль нашъ благопоспѣшнымѢ несомый вѣтромѢ, приблизился ко острову СиринѢ; абіе настала тишина велія, и вѣтрѢ успокоился. Сопутники мои возставѢ и собравѢ парусы положили оныя вѢ кораблѢ, которой кѢ те-

ченію понуждали греблами. Тогда я воспавъ отсѣкъ великую часть вогу, и претиралъ оный руками; смячившуся ему зѣло отъ солнечнаго зноя, заткнулъ всѣмъ сопутникамъ моимъ уши; а они руки и ноги мои крѣпкими ужами привязали къ вѣтрильному дереву, сами наки начавъ продолжати путь веслами. Когда же толико отстояли отъ острова Сиринъ, колико гласъ вопіющаго можетъ слышанъ быти, тогда они познавъ плаваніе нашего корабля, восѣли тако: Велія слава Ахейнъ, О знаменитый Одиссей! Остави сѣмо корабль твой, пріиди къ намъ, да услышиши сладкій гласъ нашъ; ни какій бо отсюду корабль не отходилъ не бывъ услажденъ нашимъ пѣніемъ, и не познавъ многихъ хитростей отъ насъ; знаемъ мы колико злоключеній изволеніемъ боговъ претерпѣли Аргияне и Трояне. Извѣстно намъ все что

что ни есть на многопитающей земли.

Тако воспѣвали; и мое сердце зѣло услаждалося ихъ гласомъ. Тогда я помизая очами моими, молилъ о отрѣшеніи моемъ, но Перимидъ и Еврилохъ возставъ крѣпчайшими ужами связали меня тако, что ни малѣйше не могъ двинушися. Когда преплыли островъ сей, и уже не слышали гласа Сиринъ; тогда спутники мои отвѣявъ отъ ушей воскъ, и меня разрѣшили. По семъ вскорѣ узрѣлъ я дымъ, и великія возходящія волны, услышалъ также и нестерпимый шумъ, абѣе устрашился всѣ; мецутъ изъ рукъ весла, прессталъ корабль отъ теченія своего, не имѣя веслъ напряженія.

Тогда я бѣгая по кораблю, увѣщевалъ спутниковъ моихъ тако: Други мои! Уже мы многія злключенія испытали; но богиня

повѣдала, что злѣйшаго прошиву
 того не будетъ, когда заключены
 мы были въ щемной пещерѣ люта-
 го Киклопа; но и опшуду мудры-
 ми моими совѣтами и хитростію
 освободилися. Попшдитесь убо и
 нынѣ воспріяти мужество ваше, и
 повинишесь глаголамъ моимъ, прї-
 имите весла, и напрягайте оными
 всѣ силы ваши къ теченію кораб-
 ля нашего; еда не поможетъ ли
 намъ великій Дій спастися и отъ
 сего зла. Ты же кормчій, что по-
 велю, сохрани на сердцѣ швоемъ;
 зане вся сила корабля швоими ру-
 ками управляется. Се зриши из-
 ходящій дымъ и великія волны;
 шамо направи корабль швой, и взи-
 рая на камень шщися избѣжати
 отъ гибели. Тако я увѣщевалъ,
 и сопутники мои повинулися со-
 вѣтамъ моимъ. Но о Скиллѣ вос-
 помянуши имъ боялся, да не како
 уштрашенны бывъ отъ трудовъ
 прешанутъ. Я воиспину забылъ
 по-

тогда повелѣнія Кирки, которая
вовсе завѣщала мнѣ безоружну
шамо пребыти; но я тогда oble-
ченъ бывъ всемъ оружіемъ, и имѣя
въ рукахъ два великія конія, спо-
ялъ на самомъ верхѣ носа кора-
бельнаго; ибо отшуду уповалъ я
узрѣши Скиллу, имѣющую содѣла-
ти моимъ сопутникамъ великую
пагубу. Всюду проспиралъ я взоръ
мой созерцая окрестъ горы, но
ни гдѣ не могъ узрѣти; и тако со
шрепешомъ и со слезами проходи-
ли шѣсноу мѣста сего. Въ сіе
время бурная Харивда съне сказан-
нымъ ужасомъ поглощала морскія
сланныя воды; и когда паки отпры-
гала оныя, вся возмущенна была
не стерпимымъ шумомъ, аки конобъ
съ klokoшущою водою стоящій на
великомъ огнѣ; верхи же высокихъ
камней окроплялися всюду капля-
ми возметаемыхъ водъ; вся гора
наполнялася громомъ, и отступа-
ющимъ водамъ зрима была земля

и песокъ; возтрепетали наши сердца отъ страха пагубы; и мы уже не помышляли о Скиллѣ, которая въ самое сіе время возжила мгновенно отъ корабля шесть сопутниковъ, кои крѣпостію и мужествомъ превосходили прочихъ. Я обращаю увидѣлъ шокмо руки и ноги ихъ подъятыхъ Скиллою на воздухъ, и трепещущихъ въ челюстяхъ ея. Тогда [О плачевное зрѣніе!] въ послѣднее услышалъ я призывающихъ имя мое на помощь къ себѣ. Аки рыбы, лещною уловленные пищею и поверженные на песокъ, трепещутъ желая снискати паки въ воду; тако трепетали руками и ногами сопутники мои влекомые къ горѣ, гдѣ во дверяхъ пещеры терзало чудовище вопіющихъ и простирающихъ ко мнѣ руки. Многія понесъ я злоключенія на земли и на морѣ, но польбѣдственнаго и жалостнаго никогда не видѣлъ.

Пре-

Прешедъ сія зловредныя мѣста, приблизилися къ прекрасному оспрову Солнца, гдѣ многія папучномѣ злѣкѣ питалися его спада. Я еще бывъ на морѣ, издали слышалъ ревущихъ кравъ, и блеяніе овецъ. Тогда вспомняулъ я слѣпато Фивскаго прорицашеля предвѣщаніе, и Зейскія богини Кирки, которая многожды совѣщовала мнѣ бѣжати отъ оспрова сего, и не возходити тамо на землю.

Когда уже не далече были отъ оспрова, тогда я начинаю къ спутникамъ моимъ: Други мои! внушите завѣщаніе, какое слышалъ я отъ Фивскаго Тересія и отъ богини Кирки: бѣжимъ по повелѣнію ихъ, бѣжимъ всѣми силами отъ оспрова сего, надъ коимъ владычествуетъ всѣхъ освѣщающее Солнце; ибо отсюда постигнетъ насъ необходимая смертоносная пагуба.

Такъ я совѣщевалъ, и всѣхъ
объ-

объяло уныніе великое: Эврилохъ же отвѣщалъ мнѣ зѣло досадительными словами: О злополучный Одиссей! Еще крѣпость твоя не оскудѣла отъ тебя, ниже твердѣсть членовъ твоихъ ослабѣла; воистинну всѣ составы твои желѣзные суть: Нынѣ изнемогли мы отъ великихъ трудовъ и безсонія; и ты не допускаеши насъ взыти на землю, гдѣ бы могли уготовати вечерю; но повелѣваеши слѣпо заблуждати по морю чрезъ всю ночь, когда иначе возходятъ вѣтры и возносятся волны, многажды и корабли сокрушаются. Кто убо тогда спасется отъ смерти, егда возстанетъ буря отъ сѣвера или юга, и свирѣпыя волны разсыплютъ корабль противъ изволенія боговъ? Предадимся убо темной ночи, и изшедъ на сушу да уготоваемъ себѣ вечерю, завтра же паки взыдемъ на корабль, и путь воспримемъ.

Тако

Тако рекъ; и всѣ повинулись совѣшамъ его. Тогда я совершенно позналъ, что нѣкто отъ боговъ предуспрояетъ намъ пагубу, и видя, ихъ непреклонность тако вѣщью имъ: Когда вы всѣ совокупно нудите меня единого почти здѣсь; молю васъ, сотворите священную клятву, что изшедъ на островъ сей, когда узрите тамо кравъ или овецъ, не убѣете ни единыя отъ нихъ, но съ молчаніемъ пребудете ядя пищу, которую Эейская Кирка дала намъ.

Тако рекъ я имъ; и они по повелѣнію моему сотворивъ клятву вошли въ пристанище, гдѣ сладкая текла вода. Всѣ изшедъ отъ корабля угощевали вечерю, и насытився пищею и пиіемъ, плакали о своихъ сопутникахъ, коихъ пожрала ненасытная Скилла; плачущимъ же имъ пришелъ сладкій сонъ. Когда была третія часть ноци,

нощи, и уже звѣзды преклонялися; тогда громоглаголющій Дій послалъ жестокій вѣтръ съ ужасною бурей, облаками зашмилъ землю и море; низпала ночь темная отъ небесъ. Когда явилася утренняя заря, вовлекли мы корабль го пристанище, гдѣ была пещера, и обиталище Нимфъ, и я тако начинаю къ моимъ спутникамъ вѣщати: Други мои! Пиду и питіе имѣемъ мы на кораблѣ нашемъ; для сего отъ пасущихся здѣсь спадъ сихъ воздержите руки ваши, да не постигнетъ насъ зло какое; зане сїи спада суть всевидящаго и всеслышащаго Солнца.

Такъ я ихъ увѣщевалъ, и они обѣщались быти мнѣ послушными. Цѣлый мѣсяцъ бурные отъ сѣвера и юга вѣтры препятствовали намъ совершати путь. Спутники мои доколѣ имѣли хлѣбъ и вино на кораблѣ, дошолъ воздержалися
отъ

отъ воловъ, спасая животъ свой; но когда все напушѣе на кораблѣ истощилося, тогда они ловили рыбъ, птицъ и звѣрей; зане гладъ удручалъ ихъ чрево. Во единъ отъ дней тѣхъ отшелъ я особъ во островъ принести моленіе богамъ, дабы показали мнѣ путь къ возвращенію въ домъ. Когда далече уже отъ всѣхъ оплучился, тогда въ нѣкоемъ мѣстѣ, защищенномъ отъ вѣтра, молился всѣмъ богамъ, обитающимъ на Олимпѣ, кои послали на очеса мои сладкій сонъ. Въ то самое время возспалъ Евридохъ, яко предводителъ пагубнаго совѣта, и тако начинаетъ: Внушите злополучные други слова мои! Всякій родъ смерти ненавищенъ есть каждому человеку, но умрети голодомъ ничто же есть мучительнѣйшее. Опведемъ убо отъ Солнцевыхъ стадъ нѣсколько избранныхъ кравъ, и во первыхъ принесемъ отъ нихъ жертву безъ

Часть I.

У

смерт.

смертнымъ богамъ; но семъ и самъ насышимся: и когда прїидемъ во Иѳаку, тогда вскорѣ высокоотекущему богу Солнцу соорудимъ великолѣпный храмъ, и положимъ тамъ многія драгоцѣнныя украшенія. Когда же прогнѣвается за своихъ кравъ, и восхощетъ насъ погубити, то защитятъ насъ другіе боги. Но я лучше желаю погубити животовъ среди глубины морскія, нежели на пустомъ островѣ долго шаяти голодомъ. Тако пагубу совѣщевалъ Еврилохъ, и всѣхъ прочихъ преклонилъ на страну свою. Вскорѣ отпугнали кравъ; ибо недалеко паслись отъ корабля. Потомъ собравъ листовіе отъ младаго дуба, зане не имѣли пшеницы, сотворили богамъ моленіе. Послѣ заклавъ кравъ и снявъ кожи ихъ, бедра покрытыя шукомъ принесли въ жертву богамъ, а прочія мяса и внутреннія части изжаривъ сами поѣли. Тогда сладкій сонъ низпалъ отъ очей

очей моихъ, спѣшу ийти къ кораблю моему. Приближающуся мнѣ ко берегу, се прихотишъ мнѣ сладкаго обонянiя дыханiе; тогда я со слезами возопилъ на небо: О великiй Дiй, и вы вси прочiе боги безсмертныя! Воистинну къ великой моей пагубѣ низпослали вы сонъ на меня; познаю, что соуплники мои пребывая едины содѣлали великое зло. Абiе Лампешiя приходитъ ко отцу своему съ возвѣщенiемъ о похищенныхъ кравахъ. Солнце^е услышавъ сiе, раздраженнымъ сердцемъ вопiетъ: Отче Дiй, и вы вси безсмертныя боги! Отмстите соуплникамъ Одиссеевымъ убившимъ кравъ моихъ, коими я утѣшался возходя на небо, или опшуду низходя на землю; когда же не узрю на нихъ мщенiя за обиду мою, низйду въ жилища адовы, и тамо буду освѣщаши мертвыхъ.

Собираяй воедино облаки,
У 2 ошецъ

отецъ боговъ Дій, отвѣщалъ ему:
 О Солнце! Воистинну безсмерт-
 ныхъ боговъ и смертныхъ людей
 обитающихъ на земли будеши освѣ-
 щаши; зане сихъ мужей скоро на-
 кажу; низвергну опъ десницы мо-
 ея палящую молнію, сокрушу ко-
 рабль ихъ, самихъ же потоплю
 во глубинѣ моря. Сіе я слышалъ
 опъ богини Калипсы, коей возвѣ-
 стилъ о семъ вѣстникъ боговъ
 Ермій. Я пришедъ къ спутни-
 камъ, каждого поносилъ недостою-
 ными словами, помощи ни малѣйшія
 не зря ни откуду, зане кравы уже
 были закланы. Боги послали спраш-
 ния имъ предзнаменованія: полза-
 ли кожи убитыхъ кравъ, и воц-
 зенныя на рожнахъ мяса, такожде
 жаренныя и сырыя издавали мыча-
 ніе, аки живыя кравы. Шесть
 дней злополучные мои спутники
 насыщались мясами шучныхъ Солн-
 цевыхъ кравъ. Наставшу седьмому
 дню, престалъ вѣтръ, и бури
 утихли;

ушихли; тогда мы возшедъ на корабль ушвердили вѣтрильное древо, и разпустили на немъ вѣтрила. Когда мы оставили островъ, и ни откуду не видѣли земли, токмо небо и море; тогда молніеносный Дій воздвиглѣ надъ кораблемъ нашимъ великій облакъ; потѣмнѣло море предъ нами, прекратилося и плаваніе наше, ибо свирѣпствующій зефиръ спремительно низпалъ на насъ, воздвигнувъ бурный вихрь: абіе прерываются крѣпкія ужи, сокрушается вѣтрильное древо, падаетъ все орудіе внутрь корабля; кормчій поражается громомъ во главу, и мгновенно сокрушившимся всѣмъ костямъ его, падаетъ во глубину моря. Дій паки возгремѣвъ мечетъ на корабль палящую молнію; все швердое его сооруженіе поколебалоса; падаютъ въ море бѣдственныя мои сопутники, и аки птицы ищущія рыбъ плаваютъ окрестъ корабля;

У •

зане

зане богъ отъялъ ихъ возвращеніе
въ дома. Я же недоумѣніемъ и
страхомъ одержимый ходилъ по
кораблю, доколѣ всѣ дски его си-
лою волнъ на разсыпалися; едино-
шукмо дно осталось, и вѣприль-
ное древо, на коемъ былъ ремень
привязанъ. Я оба сіи древа свя-
завъ крѣпко сѣлъ на нихъ, и
носимъ былъ жестокими вѣпра-
ми. Тогда бурнодышущій зефиръ
ушихлъ, на мѣсто коего возсталъ
ношъ, несущій сердцу моему не-
стерпимыя болѣзни. И тако всю
нощъ оную носимъ я былъ по вол-
намъ. Возшедшу солнцу, увидѣлъ
пакъ страшную Скиллу и смерто-
носную Харивду; сія тогда погло-
щала морскія воды. Я предавъ ко-
рабельное дно и вѣприло на погло-
щеніе ей, самъ возхитилъ единъ
великій сукъ споявшія тамо смо-
ковницы, и держалъ оный всѣми
силами, висѣлъ неприкосновенно
ни къ чему ногами, ниже взыти
могъ

могъ выше ; ибо вътви едина онѣ
 другія въ великомъ были разсто-
 яніи. И тако непрестанно дер-
 жалъ возхищенный мною сукъ, до-
 колъ паки Харивда не извергла ко-
 рабельное дно и вътрильное древо,
 тогда, когда мужъ дающій судъ
 воспаетъ отъ сонма, и идетъ въ
 домъ обѣдаши. Въ сіе самое вре-
 мя явились древа оныя изшедшія
 отъ Харивды; тогда я низпустил-
 ся на оныя, и понре глава моя
 во глубину водъ. Сѣдши посредѣ
 совершалъ плаваніе вмѣсто веслъ
 руками. Скиллу же опецъ боговъ
 не допустилъ дабы узрѣла меня ;
 ибо воиспинну не избѣжалъ бы
 смертоносныя пагубы. И тако де-
 вять дней носимъ я былъ въпра-
 ми по морю, а въ десятый при-
 несли меня боги ко оспрову Оги-
 гии, гдѣ обитала знаменитая бо-
 гиня Калипса, которая любила ме-
 ня, и со щданіемъ угощала. Но
 почто о семъ воспоминаши? Ибо

я уже повѣдалъ вамъ сіе; да и самому мнѣ не пріятно есть сказанное повторяти.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

115.228

9 НОЯ. 1930

115.839 ✓

115.839 ✓

:

ОДИССЕЯ
ГЕРОИЧЕСКОЕ
1995 ТВОРЕНИЕ
ОМИРА

1995

Часть вторая
СТОИТЕЛЯ
Б. Ю. ПЕА
Переведена съ Еллиногече
скаго

Печатаана въ Московской Сепаниской
Типографіи лжд веснечъ А. Свѣшущкина.
1788 года.

:

Съ одобренія, опредѣленныхъ
Цензоровъ.

ОМИРОВОЙ ОДИССЕИ
ПѢСНЬ ТРЕТІЯ НАДЕСЯТЬ.

И И.

* * *

Такъ Одиссей скончалъ свое по-
вѣствованіе; и слушающіе
всѣ пребывали въ глубокомъ мол-
чаніи. Тогда Алкиной начинаетъ
такъ: Великій Одиссей! Когда боги
привели тебя въ домъ нашъ; не
мню, дабы ты заблуждалъ по морю,
но прямымъ путемъ прійдешь въ
Часть II. А 2 домъ

домъ твоей. Вамъ же, О знаменитые
Феакіане, кои всегда въ моемъ до-
му пиршествуете, пїя со изоби-
ліемъ сладкое вино и слушая пѣв-
ца, повелѣваю тако! Се дары ва-
ши, одежды драгоцѣнныя, разно-
образное злато, и инныя многія
сокровища лежатъ уже въ ковче-
гѣ! Дадимъ убо нынѣ ему каждый
изъ насъ по единому шреногу и
по единому конобу; все сіе послѣ
соберемъ отъ общества народнаго;
ибо трудно есть единому шолікое
даніе сотворити.

Тако рекъ Алкиной; и всѣмъ
угодно было слово его. Всѣмъ отхо-
дящъ въ дома насладитися сномъ.
По возшествіи же денницы, не-
сутся конобы и шреноги, кои самъ
царь Алкиной положилъ подъ сѣ-
далищами въ корабль тако, дабы
ни единому мужу не препящсвова-
ли простираши весла. По семъ
всѣ пришедъ въ домъ Алкиноевъ,
помышляли о пиршествѣ. Самъ
Ал-

Алкиной зажавъ вола принесѣ въ .
 жертву всѣми обладающему Кро-
 нову сыну Дію. Потомъ и всѣ при-
 ступили съ веселіемъ къ пирше-
 ству, воспѣвающе между ими Ди-
 модоку. Великодушный Одиссей
 многожды обращалъ взоръ свой на
 солнце, желая скорого опшествія
 въ домъ свой. Аки мужъ земле-
 дѣлецъ вращая рало волами на но-
 вомъ полѣ, съ радостію взираетъ
 на заходящее солнце; зане жела-
 етъ вечеряши; и идущу ему пре-
 гибаются колѣна; тако Одиссей
 увидѣлъ сокрывшійся свѣтъ солн-
 ца, и вскорѣ начинаетъ феакіа-
 намъ, паче же всѣхъ молитъ
 Алкиноя; Царю Алкиной, и всѣ зна-
 менитые феакійскіе градоначаль-
 ники! Молю васъ, опустите меня
 опсюду въ домъ мой, сами же радуй-
 тесь; зане уже совершилося, чего
 желало сердце мое; се гошово препро-
 вожденіе и знаменитые дары; что все
 невредимо да сохранятъ боги, да
 узрю

узрю такожде жену мою и всѣхъ друзейъ здравыхъ. Вы пребывайте здѣсь ушѣшая женѣ, дщерей и сыновъ вашихъ; и боги да подадутъ вамъ вся благая, и да ни едино зло не прикоснется къ народу вашему.

Тако рекъ Одиссей; и всѣ положили совѣтъ отпустить его. Тогда Алкиной ко провозвѣстнику вѣщаетъ: Понтоной! наполни чашу виномъ, и подаждь всѣмъ, да сошворивъ моленіе великому Дію, отпустимъ сего страннопришельца во отечество его.

Тако рекъ; Понтоной, исполняя повелѣніе царя, подалъ чашу съ виномъ; и когда всѣ вкусили, тогда Одиссей подалъ чашу царицѣ Ариѣ, тако вѣщая къ ней: Радуйся царице! во вся дни, доколѣ прійдетъ старость и смерть, не минуемая человѣческія приключенія. Сенинъ отхожду отъ васъ, ты же пребывая въ дому твоемъ радуйся о Алкиноѣ царѣ, о сынахъ и

о народѣ. Тако рекши Одиссей
 возпріемлетъ путь къ кораблю. То-
 гда Алкиной предпослалъ провоз-
 вѣстника на брегъ моря; Ариша
 же послала рабынь, изъ коихъ
 едина посла чистую одежду, вто-
 рая ковчегъ, претія хлѣбъ и кра-
 сное вино. Все сіе мореплаватели
 положили въ корабль; Одиссею
 угощевали пошелою; кой вшедъ
 сѣлъ на своемъ мѣстѣ. Сопутни-
 ки его опрѣливъ корабль начали
 разсѣкати морскія воды веслами.
 Тогда на Одиссея падаетъ сладкій,
 крѣпкій и подобный смерти сонъ.
 Корабль же несущій храброго му-
 жа летѣлъ аки быспрѣйшая пти-
 ца. Когда явилася возвѣщающая
 пришествіе солнца денница; то-
 гда легкій корабль феакійскій при-
 ближался ко острову Иеакъ. Одис-
 сей забывъ всѣ напасти спалъ
 аки мерзвый. Есть тамо мор-
 ского старца Форкина пристани-
 ще: двѣ страны берега аки изсѣ-

ченныя простерлися въ море, и
 аки руками объемяющія; тамо не
 прикасается въпрѣ, ниже колеб-
 лются отъ волнъ корабли; но сто-
 ятъ аки привязанные. На верху
 сего пристанища стоитъ сѣнноли-
 ственное масличное древо; не да-
 лече отъ сего узриши неждрущем-
 ную, но веселую, гдѣ обитаютъ
 священные нимфы, нарицаемыя Нэ-
 яды; внутрь коея стоятъ камен-
 ныя чаши и водоносы; тамо гнѣ-
 здящся пчелы; тамо нимфы уди-
 вленія достойное совершаютъ тка-
 ніе; тамо обрящеши два студен-
 ца вѣчная воды; тамо двои суть
 двери, едины на востокъ, другія
 на западъ; въ первыя входятъ
 токмо безмерныя боги, а вторыя
 отверзши суть для входу человѣ-
 ковъ. Здѣ феакійскіе мореплава-
 тели корабль постановили, и Одис-
 сея изнеся со всею постелею
 положили на песокъ ошягченнаго
 крѣпкимъ сномъ. Дары же, дан-
 ныя

ныя отъ Феакіанъ, положили прикорени масличнаго древа, далече отъ пути; дабы кто отъ мимоходящихъ людей, доколѣ Одиссей возпріятъ отъ сна, не похишилъ; сами же наки возвращаются во свою отчизну.

Тогда Посидонъ вспомняувъ преденія свои, коими угрожалъ Одиссею, тако начинаетъ ко отцу боговъ: Отче Дій! Уже я отнынѣ не зрю между безсмертными почтенія, когда и смертные Феакіане не чтятъ меня, имѣя произхожденіе отъ моего рода; ибо я тако положилъ въ души моей, дабы Одиссей по претерпѣннѣ великихъ напастей и въ крайней нищетѣ пришелъ въ домъ свой; возвращенія его никогда не хотѣлъ я отбѣяти; ибо ты тако благоизволилъ и сотворилъ обѣщаніе. Нынѣ же Феакіане препроводили его во отечество, и спящаго положили на брегъ, обогативъ не исчисленными да-

рами: златомъ, мѣдью и великолѣпными одеждами, сколько никогда бы не принесъ отъ корыстей Троянскихъ, хотя бы и не вредимъ возвратился. Молніеносный Дій отвѣщалъ ему: О колеблющій морскія бездны Посидонъ! Какое слово изшло днесь изъ устъ твоихъ? Какъ могутъ боги презираши ты, древнѣйшаго и могущественнѣйшаго царя? Когда кто отъ человѣкъ, уповая на свои силы, не воздасъ тебѣ почтенія, твори съ нимъ елико хоцещи, и что сердцу твою угодно зрится.

Посидонъ отвѣщалъ ему: Давно бы я сотворилъ мщеніе; но тебя спращуся и почитаю: нынѣ хочу погубити на морѣ корабль Феакійскій, да воздержатся отъ препровожденія людей; предъ градомъ же ихъ воздвигну высокую гору. Громомещущій Дій отвѣщалъ ему: Отче глубины морскія! Сердцу моему за лучшее зрится, когда весь
на-

народъ отъ града узритъ приближившейся корабль къ земли; тогда превратиши его въ великій камень, подобны во всемъ кораблю, да вси взирая на него удивляются; предъ градомъ же воздвигни возвышенную гору.

Посидонъ слышавъ сіе отходитъ къ Феакіанамъ, гдѣ узрѣвъ приближившейся оныи корабль, абіе превращаетъ его въ камень, и самъ отходитъ. — Тогда видѣшіе сіе удивлялися; и тако совѣщевали: Что сіе зримъ? Како корабль нашъ, приставшей уже ко берегу, неключимъ пребываетъ на морѣ?

Тогда Алкиной отвѣщалъ имъ: Други мои! воиспину древнія отца моего совершающія днесь прореченія. Онъ возвѣстилъ, что нѣкогда Посидонъ прогнѣвается на Феакіанъ за провожденіе страннопришельцевъ, и что корабль погубивъ на морѣ, предъ градомъ воздвигнетъ великую гору. Все сіе
нынѣ

нынѣ сбывается надѣ нами. Повинитесь убо словамъ моимъ; оставимъ опныиѣ препровожденіе людей сѣмо приходящихъ: Посидону же принесемъ въ жертву дванадесять овновъ, дабы помиловалъ насъ, и не заградилъ бы нашего града каменною горою.

Такъ рекъ Алкиной; и всѣ отъ страха угошovali овновъ, и заклавъ принесли въ жертву царю Посидону.

Тѣмъ временемъ возпрянулъ отъ сна великодушный Одиссей, лежа на отечественной землѣ, отъ коея многое время былъ отлученъ, и не могъ ея познати: да и божеспивенная Паллада оградила его густымъ облакомъ, дабы все отъ очей его сокрыти, и дабы не познала его жена, ниже инный кто во градъ, доколѣ не сотворитъ отпущеніе женихамъ, нестерпимыя досажденія ему шворившимъ. Все Одиссею зрѣлося превратно: пути, при-

пристанища, горы и вертограды. По томъ возставъ взираетъ на отечественную землю; послѣ проливъ слезы ударяетъ въ перси, и тако вѣдаетъ: Увы мнѣ! Въ какую землю наки принесенъ я? Не вѣмъ, праведные ли и благошворительны обипающіе здѣсь мужи, или обидливы и дѣлающіе насиліе? Кому несу вѣдъ сѣи? Гдѣ я самъ заблуждаю? О когда бы все сѣе всталося у Феакіанъ! а меня прсироводили бы ко иному царю, кой возлюбивъ мя привелъ бы въ мою отчизну. Теперь же не знаю, куда сокрою сѣи сокроища; и боюсь здѣ оставить, да не како въ корысть другимъ оныя будутъ. О населяющіе небеса! Тако ли Феакіане суть праведны, разумны и о всѣхъ попечительны? Они дали обѣщаніе прсироводиши меня въ отечество мое Иааку; но сего не исполнивъ отвезли мя въ чуждую землю. О милосердый отче Дій! Ты на всѣхъ зем-

земнородныхъ призираеши, и всѣхъ предъ тобою согрѣшающихъ наказуеши; накажи убо днесь и Феакіанъ меня обидѣвшихъ. Но изочшу днесь вещи мои, и узрю всѣ ли сохранны? Или что либо похитивъ отъ оныхъ сокрылися мои пушеводители?

Сице рекши исчисляетъ злато, мѣдъ, одежды, шреноги и конобы. Все сіе зрѣтъ въ цѣлости, и ходя по брегу моря проливаетъ токи слезъ о своемъ отечествѣ. И се Паллада пріявъ на себя образъ младаго и украшеннаго добротворчїемъ паспыря овецъ, на раменахъ своихъ имѣющаго двоякую тончайшую одежду, на ногахъ красные сапоги, и держащаго въ рукахъ копїе, предстала ему. Одиссей узрѣвъ возрадовался, идетъ во срѣщенїе, и тако вѣщаетъ: Любезный другъ! Се перваго обрѣтаю тебя на мѣстѣ семъ: радуйся убо; и срѣщенїе твое да будетъ мнѣ благимъ

гимъ преднаменованіемъ. Молю
тя, сохрани сіи мои сокровища,
соблюди и меня самого; къ тебѣ
бо прибѣгаю аки къ благодѣтелю,
и твои колѣна обѣмлю, моля да
повѣдаши мнѣ истинну, какая
есть сія земля? Какій народъ сей?
И какіе сунуть мужи? Островъ ли
есть? Или швердая плодоносная
земля, берегами касающаяся мо-
ря?

Лѣннская Паллада отвѣщала
ему: Исмысленъ еси странниче,
или ошдалече пришелъ еси? Како
вопрошаеши о земли сей, которая
многимъ свѣдома, какъ обитаю-
щимъ на востокѣ, такъ на полуд-
ни и на западѣ? Воистинну сія
земля есть швердая, не зѣло плодо-
носная, не пространная и не могу-
щая питати коней; но пшеницу
и вино раждаетъ со изобиліемъ;
зане всегда дождь и роса окропля-
ютъ оную на пажитъ козамъ и во-
ламъ; обрѣщается здѣсь и лѣсъ
раз-

разнаго рода, для коего обильныя и всегдашнія наноенія хранятся. И такъ имя Иѡакїискїя земли извѣстно есть и восбранѣ Троянской, которая, какъ повѣдають, зѣло далече отстоитъ отъ Ахаїи.

Одиссей услышавъ о отечественной землѣ своей, зѣло возрадовался, и тако рекъ въ умѣ своемъ: ниже сей повѣдалъ мнѣ истинну. Потомъ съ хитростію вращая свои помышленія, тако начинаетъ: Воистинну слышалъ я о Иѡакѣ, бывъ во отдаленномъ отсюду и пространномъ островѣ Криптѣ: нынѣ и самъ пришелъ съ симъ стяжаніемъ, толико же бставя сыномъ своимъ, и заблуждаю въ чужихъ странахъ; ибо убилъ я Идоменеева сына быспрошекущаго Орсилоха, кой легкостію ногъ своихъ побѣждалъ всѣхъ Крипскихъ мужей въбѣганїи. Сего умертвилъ я оспріемъ оружїя; зане хотѣлъ лишиши мя всея корысти Троянскїя,

скія, за которую понесѣ я неиз-
четныя на сердцѣ моемъ болѣзни,
проходя жестокія брани мужей и
морскія пагубныя воды: не за отца
моего былъ я во странѣ Троянской,
но самъ повелѣвалъ надъ воин-
ствомъ. Тако убилъ я Орсилоха
остріемъ копія на селѣ, присѣдя
въ тайномъ ловительствѣ со дру-
гомъ моимъ. Тогда ночь была зѣ-
ло темная, и никто отъ чело-
вѣкъ не могъ узриши насъ; онъ же
позналъ мя, когда я изпоргалъуже
душу отъ шѣла его. Содѣлавъ убій-
ство сіе, вскорѣ пришелъ я на фи-
никійскій корабль, и тамо морепла-
вателейъ обѣщавъ довольную мзду,
молилъ ихъ, дабы препроводили ме-
ня во страну Илидскую, гдѣ влады-
чествуютъ Епійяне, или во островъ
Пилъ; но ихъ свирѣпыя волны и
сильные вѣтры отгнаши отъ шуду и
не хотящихъ. Тако мы ночью заблуждая по морю, со многими тру-
домъ пришли въ сіе пристанище,

хотя и зѣло были гладны; зане ни мало не помышляли о вечери; но изшедъ отъ корабля поверглися вси на земли: тогда зѣло сладкій и крѣпкій ушрѣжденнаго мя обѣялъ сонъ. Сопутники изнеши отъ корабля всѣ мои сокровища, положили ихъ на песокъ, гдѣ я и самъ лежалъ, отрѣшивъ корабль, и единого меня оставивъ, направили путь во страну Сидонскую.

Тако рекшу ему; премудрая Паллада паки пріавъ на себя образъ жены доброзрачныя, величественныя и знающія дѣла рукъ женскихъ, вѣщаетъ къ нему: Воистинну нѣсть подобнаго тебѣ, злокозненный Одиссей, лжесоплешателя. Еще ли ты не доволенъ своими ухищреніями. Находяся во опечесственной землѣ уже, но не хочещи престати отъ лжи швоея. Но оставимъ сѣе; зане ты и я совершенно вѣдаемъ всякія ухищренія: ты всѣхъ смертныхъ превосхо-

ходиши краснорѣчіемъ и лестными
словами; а я всѣхъ смертныхъ
боговъ могу побѣдити премудро-
стію и совѣсами. Однако ты не
позналъ мя быти Палладу Аѳин-
скую, дщерь Діеву, которая все-
гда во всѣхъ трудахъ твоихъ не
опешунно предстоишь и сохраня-
ешь тебя, какъ недавно предъ
всѣми феакіанами сотворила ты
любезна. Цынь наки пришла къ
тебѣ съмо подати совѣтъ, како
соблюдши сокровища, данныя тебѣ
по вдохновенію моего разума отъ
феакіанъ: поѣмъ, коликія подо-
баешь тебѣ въ дому своемъ поне-
сти болѣзни, кои претерпиши и
по нехотѣнію: ниже отъ мужей,
ниже отъ женъ кому повѣдай о
пришествіи твоемъ; но съ молча-
ніемъ пренеси всѣ обиды, тебѣ
творимыя. Мудрый Одиссей опъ-
вѣщалъ ей: О великая богиня! во-
истинну никто отъ смертныхъ
не можетъ познати ты удобно;

зане всякій образъ на себя пріемле-
ши; вѣдаю совершенно и то, что ты
не изреченное являла мнѣ прежде
благоволеніе, когда сыны Ахейскіе
воздвизали брань восстранѣ Троян-
ской, когда разрушили градъ царя
Пріама, и когда опшуду пріяли
путь на корабляхъ въ дома свои;
но Богъ рассыпалъ всѣхъ Ахейнѣ:
опшолѣ не видѣлѣ я тебя, О дщи
Діева! ниже позналѣ возходящую
на корабль, дабы опвратиши опѣ
меня зоключеніе; но всегда имѣя
сокрушенное печалію сердце, соб-
ственнымъ своимъ разумомъ пре-
одолѣвалъ всѣ напасти, доколѣ
боги не положили инаго о мнѣ со-
вѣта. Нынѣ заклинаю тя опцемъ
пвоимъ, и молю, да повѣдаеши мнѣ
истинну, уже ли я обрѣлѣ опече-
ственную мою землю; ибо не мню
себя быти во Иѡакѣ, но обращаши
въ чуждей землѣ; ты же вѣ-
щаеши сицевая, да разумъ мой
обольстиши.

Дѣи-

Аѳинская богиня Паллада рекла ему: Всегда ты имѣши въ сердцѣ швоемъ не удобовѣрояшныя помышленія; сего ради не попусти быти злополучнымъ; ибо вельми одаренъ премудростію, разумомъ и краснословіемъ: другій мужъ по толикомъ отсутствіи, пришедъ въ домъ, зѣло желалъ бы узрѣти жену и чадъ своихъ; но швое сердце не жаждетъ того, доколѣ не испыташи вѣрность супружницы швоея, которая всегда пребываетъ въ дому своемъ, дни и нощи въ непрестанныхъ слезахъ провождая. Я всегда знала и уповала, что ты лишився всѣхъ своихъ спутниковъ, непременно въ домъ свой возвратиши; но не хотѣла противитися царю Посидону, кой зѣло гнѣвался на тя, что возлюбленнаго его сына лишилъ зрѣнія. Но внуши, я покажу тебѣ предмѣстіе града, да вѣру имѣши словамъ моимъ: се пристанище

Б ъ

мор-

морскаго старца Форкина, на верху
коего стоишѣ масличное древо; се
и пещера свидѣнныхъ нимфѣ На-
ядѣ, идѣже ты многократно при-
носишѣ спочисленныя жертвы; се
и великая гора, огражденная гу-
стымъ лѣсомъ. Сіе рекши Палла-
да прогнала отѣ очей его тем-
ный облакѣ; и абіе земля явилася.

Одиссей узрѣвъ отечественную
страну возрадовался, и облобы-
завъ землю, яко питательницу,
разпростершими руками молишѣ
нимфѣ тако: Божественныя дѣвы
Наяды, дщери великаго Діа! Пре-
жде никогда не уповалъ я васѣ
узрѣти; но днесь великимъ гласомъ
взываю къ вамъ: радуйтесь; во-
истинну принесу вамъ дары какъ
и прежде, ежели шокмо дщерь Ді-
ева Паллада благоволишѣ жиши
мнѣ, и сподобитѣ увидѣти возлю-
бленнаго моего сына.

Паллада ошѣщала ему: Дер-
зай, мужественный Одиссей! Имѣй
на-

надежду въ сердцѣ твоємъ: нынѣ же пошщимся сокрыти смяжаніе сіе внутрь пещеры, да пребудетъ не вредимо; и положивъ между собою совѣщаніе, дабы все во благое споспѣшествовало.

Сиде рекши предшествоуетъ ему богиня направляя стопы къ пещерѣ, дабы обрѣсти тамо сокровенное мѣсто. Одиссей внесши внутрь оныя всѣ вещи, злато, мѣдь и другія Феакійскія одѣянія, положилъ тамо, и заградилъ камнемъ устье пещерное. По семъ сѣдши оба подъ дровомъ масличнымъ разсуждали, како неистовымъ женихамъ нанести пагубу; и богиня начинаетъ тако: Мудрый Одиссей! помышляй нынѣ, како вознести крѣпкія твои мѣшцы на безсудныхъ жениховъ, кои при года уже владычествуютъ въ дому твоємъ, желая склонить великими дарами возлюбленную супружницу твою Пинелопу въ жену себѣ;

бѣ; но она всегда сокрушаетъ сердце печалію, ожидая твоего пришествія; всѣхъ ободряетъ надеждою, и каждому творитъ обѣщаніе; но сердце ея отстоитъ отъ того далече,

Одиссей отвѣщалъ ей: Воистинну погибъ бы я злою смертію въ чертогахъ царя Агамемнона; но ты заступленіемъ своимъ спасла меня; подаждь убо и днесъ совѣтъ твой, и научи, како накажу оныхъ нагихъ юношей; молю шакожде тебя, пребуди неопступно со мною, ободряя сердце мое мужествомъ, какъ при разрушеніи Троянскихъ твердыней. Когда будешь предстояти мнѣ, О всемогущая богиня! воистинну не отрекися противоборствовать премоу спомину крѣпкихъ мужей; зане мышца твоя заступитъ мя.

Аѳинская Паллада рекла ему: Имѣй надежду, всегда буду съ тобою,

тобою , и нигдѣ не оставлю тя. Когда устроимъ тако, мню, что омочится помость дому твоего кровью и мозгомъ нѣкоего мужа отъ жениховъ оныхъ, кои истощающъ твои стяжанія нынѣ. Но прежде сопворю тя предъ всѣми людьми не знаемымъ; изсушу кожу на всѣхъ членахъ твоихъ; низпаду и власы оны главы твоея; облеку тебя въ раздранное рубище, на кое всякъ возрѣвъ отвратиши оныя тебѣ очи свои; превращу также и лице твое въ лице безобразное. Тако явишися предъ всѣми женихами, предъ своею супружницею и сыномъ, младенцемъ въ дому твоёмъ оставленнымъ. Теперь во первыхъ иди къ пастырю своему, свиней спрегущему, и всякаго блага тебѣ желающему; любящему Тилемаха сына твоего, и почитающему царицу Пинелопу, коего обрящещи сѣдящаго при свинѣяхъ, пасомыхъ при Врановомъ

Б у

камень

каменѣ и при источникѣ Ариѳеусѣ :
 тамо пребуди у него, и вопрошай о
 всемѣ подробно. Я же отхожду въ
 Спарту женами красную извести
 отшуду возлюбленнаго сына твое-
 его, кой отшелъ изъ дому своего
 къ Менелая, желая испытати сла-
 ву о тебѣ, еще ли ты въ живыхъ
 обрѣтаешься.

Мудрый Одиссей отвѣщалъ ей :
 Почто убо не открыла ему воз-
 вращенія моего; или желала ты,
 дабы онъ такожде, заблуждая по
 морю, претерпѣвалъ напасти; а
 спяжаніе мое отъ чуждыхъ му-
 жей было расхищаемо?

Премудрая богиня рекла ему :
 Не имѣя попеченія о немъ; мнѣ
 угодно было послати его шуда,
 да приобрететъ о себѣ благую
 славу; не претерпитъ ни какія
 напасти; но спокоенъ пребываетъ
 въ дому цзя Менелая, имѣя все
 предъ

предъ собою со изобиліемъ. Хотя и присѣдѣшъ нѣгдѣ съ кораблемъ въ ловишельствѣ многія юноши, желая погубити его при возвращеніи во Иеаку; но сіе не исполнится; и паче сами погибнушъ, снизшедъ въ сѣни смертныя, яко не праведные мужи, спяжанія твоя пожирающіе.

Сіе рекши премудрая Паллада касася его жезломъ; и абіе на всѣхъ членахъ кожа его иссушается, पिщадающъ отъ главы власы, лице и всѣ черты превращаются во образъ глубокою старостію сляченного старца; очи его аки гнушною слѣпою помраченные быти зрятся; по семъ облачается въ вѣхое рубище, на рамена возлагаетъ голую еленью кожу, вручаетъ жезлъ и диравую кошницу. — Тако положивъ совѣты разлучились: и богиня удаляется въ Лакедемонъ къ его сыну.

ОМИ-

ОМИРОВОЙ ОДИССЕИ

ПѢСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ НАДЕСЯТЬ.

Кси.

Добродѣтельный Одиссей, оста-
 вля пристанище, печетъ по много-
 трудному пути чрезъ не проход-
 ныя дебри и чрезъ хребты хол-
 мовъ шуда, гдѣ богиня Паллада
 показала ему обрѣсти пастуха,
 кой о всѣхъ его спяжаніяхъ имѣлъ
 великое попеченіе; обрѣщаетъ его
 сѣдящаго при домѣ на высокой
 стражницѣ, которую самъ во оп-
 сущствіе царя, не свѣдущей Пине-
 лопъ и престарѣлому Лаэрту, со-
 орудилъ отъ великихъ камней, огра-
 дивъ ее терніемъ, ушвердивъ отъ
 обѣихъ странъ многими и крѣпки-
 ми дубовыми столпами, и создавъ
 тамо дванадесять вершеповъ, и
 стойла свиніямъ, гдѣ въ каждомъ
 содержались по пятидесяти; ве-
 при же лежали внѣ ограды, и были
 зѣло

зѣло въ меньшемъ количествѣ; ибо каждой день пастухъ посылалъ по единому шучному и избранному отъ всѣхъ на снѣденіе женихамъ. Всѣхъ же было пристра шестьдесятъ вепровъ. При вращахъ всегда лежали чешыре пса, подобные неукротимымъ звѣрямъ, самимъ пастухомъ воспитанные. Тогда угощевлялъ онъ себѣ сапоги, разрѣзывая на части кожу вола; прочіе же ошлучились въ разные мѣста: трое пошло на пашву свиней, четвертаго послалъ онъ ко граду, по нехотѣнію отвести вепря на пищу гордымъ женихамъ. Псы узрѣвъ идущаго Одиссея междутся на него съ яростію и ревомъ. Одиссей хитроостно сѣлъ, и аки отъ страха повергъ свой посохъ на землю. Но пастырь притекши спѣшно ко вращамъ, каменіемъ прогоняетъ по разнымъ мѣстамъ псовъ, и тако вѣщаетъ къ Одиссею: О старче! войстинну внезапно тебя раз-
тер-

перзали бы псы сїи; и пѣмѣ бы
 содѣлалѣ ты мнѣ укоризну и по-
 ношеніе, не взирая на то, что
 боги и кромѣ сею послали болѣз-
 ни и воздыханія; ибо о возлюблен-
 номѣ моемѣ царѣ всегда сокру-
 шаюся и плачу, свиней 'сихѣ пи-
 шая для худаго чрева; а онѣ, кто
 ѣсть? Еда не пѣтъ ли голодомѣ
 заблуждая въ чуждыхѣ народахѣ
 и въ отдаленныхѣ странахѣ; еже-
 ли еще живѣ, и наслаждается сол-
 нечнымѣ сїяніемѣ? Слѣдуй стар-
 че по мнѣ, да укрѣпишися пищѣ-
 емѣ и пищею, и послѣ повѣдаеши,
 откуда пришелѣ сѣмо, и какія тер-
 пиши напасти? Тако рекши пред-
 шествуетѣ, и введши въ покои по-
 садилѣ на мягкой кожѣ дикія серны.
 Тогда Одиссеи возрадовался, что
 возпрїяшѣ былѣ отѣ своего раба,
 и сице рекѣ къ нему: Странно-
 прїимче! да подадутѣ тебѣ безсмер-
 тные боги все, что желаеши, когда
 шоль милоспиво возпрїялѣ меня.

Па-

Паспухъ Эвмей отвѣщалъ ему:
 Хотя бы кто и паче бѣднѣйшій
 пришелъ сѣмо, воистинну не пре-
 зрѣлъ бы я; зане вси мы богатые
 и убогіе отъ единого есмы Дія;
 даръ же нашъ сей хотя и малъ,
 но отъ сердца производитъ. Сія
 есть должность рабовъ, боящих-
 ся своихъ царей и обладателей.
 Но я воистинну не узрю возвраще-
 нія моего царя, кой весьма меня
 любилъ, и далъ мнѣ обильное стя-
 жаніе, аки милосердый царь даетъ
 возлюбленному своему; домъ, жре-
 бій земли, и вождельнѣющую жену:
 и яко дѣй всѣ дѣла по трудамъ
 умножаетъ; тако и мои труды
 зѣло умножаются. Воистинну не
 малую бы узрѣлъ я опраду, когда
 бы владыко мой здѣсь состарѣлся;
 но вижду что онъ погибъ. О
 когда бы тако весь родъ Елены из-
 чезъ со всемъ коренемъ! Ибо мно-
 гихъ мужей крѣпость ради ея со-
 крушилася; такъ какъ и возлюб-
 лен-

ленный царь мой за честь Агамемнона пошелъ на брань прошиву мужей Троянскихъ.

Сіе рекши препоясаясь, и идетъ ко стояламъ, гдѣ содержалися ве-при, приводитъ опшуду двоихъ, закаляетъ ихъ, и разбѣкши мяса на части возгнѣждаетъ огонь, и на рожны оныя вонзаетъ. Когда изжарились, то посыпавъ чистою мукою предлагаетъ предъ Одиссея, и подаетъ чашу съ виномъ. Потомъ самъ, ставъ на странѣ, рекъ Одиссею: Яждь нынѣ, странниче! что ядятъ рабы; ибо шучныхъ венрей ядятъ безспудные женихи безъ всякаго пощаждѣнія. боги хотя не любятъ злыхъ дѣлъ, и почитаютъ истинну и добродѣтели человѣческія; но Дій и не праведныхъ мужей милуетъ и сущимъ въ чуждей земли посылаетъ пропитаніе; они же наполнивъ корабли сокровищами оходятъ въ
 дома

домы свои; однако страхъ, муча-
щій сердца ихъ, всюду слѣдуетъ
за ними. Женихи же царицы мо-
ея Пинелопы воистинну, какъ мню,
знающъ о совершившейся смерти
царя моего; ибо не хотящъ над-
лежащичь образомъ требовати ее,
ниже иппи во свои дома; но съ
молчаніемъ разпочають вся бла-
гая, не имѣя ни малѣйшія жалости;
зане каждый день и каждую ночь не
по единой и не по двѣ, но многія
купно закалываютъ жершвы; и вино
пѣютъ безъ всякаго пощаждѣнія.
Воистинну многія имѣлъ онъ стя-
жанія, koliko ни единъ отъ зна-
менитыхъ мужей на всей землѣ,
и въ самой Иѳакѣ, ниже двадесать
мужей толико имѣли богатства;
внуши, я тебѣ исчислю: дваве-
сять стадъ было воловъ, толико
же овецъ, скнней и козъ; пасы-
ри были иные наемные, иные царя
моего; тамо при концѣ поля па-
сущся десять и елика стадо ко въ
Часть II. подѣ

подѢ смотрѣніемъ еѢрныхъ служителей, изѢ коихъ каждый день всякъ принсипѢ по единой шучной и избранной козѢ кѢ женихамъ, а я посылаю кѢ нимъ лучшаю ошѢ веррей. Тако глаголаѢ Евмей: Одиссей же сѢ жадностію продалѢ мяса и пилѢ вино, терзаяся сердцемъ о нанесеніи пагубы женихамъ.

Окончавъ вечерю и укрѣпився пищею, по томъ пріавѢ наполненную виномъ чашу ошѢ рукъ Евмеевыхъ, тако кѢ нему вѣщаетъ: Возлюбленный мой другъ! повѣдай мнѢ имя купившаго тебя ошѢ спяжаній своихъ, шоль богатаго и сильного мужа, и зачешѢ царя Агамемнона, какъ ты рекъ, потибшаго; ибо Дій и прочіе бессмертные боги помогутъ, да возвѣщу тебѢ, ежели я его видѣлѢ; ибо зѢло много странствовалѢ.

Евмей ошѣдалѢ: Ни единѢ изѢ странныхъ мужей, приходившихъ во Иеаку, не повѣдалѢ истинны

су-

супружницѣ его Пинелопѣ и возлюбленному сыну Тилемаху; но всѣ желая снискати милосливное угощеніе, безстудно ложь соплетали, ошнудъ истинны не зная. Всякій странникъ пришедъ съ о старается владычицу мою оболсшить хитрыми обманами; она же всему емля вѣру, угощаетъ дружелюбно, испытуя о немъ и лія слезы непрестанно. Се должностъ жены, когда супругъ ея скончалъ живонъ во странѣ чуждей. Тако и тебя, старче! зрю готовящагося соплести нѣкую ложь, да дадутъ тебѣ одѣяніе. Я самъ вѣдаю, что давно уже можетъ быть ищицы хищныя разтерзали плоть ею; а душа обитаетъ во адѣ; или рыбы пожрали въ морѣ, а кости лежатъ на брегѣ, многимъ пескомъ покровенныя. Тако погибъ царь мой, оставя всѣмъ друзьямъ своимъ нестерпимую болѣзнь и пугу, паче всѣхъ мнѣ; ибо камо ни пойду, не обрѣ-

ту инаго шоль милосердаго и кроп-
каго царя; аще ъзыду въ домъ ко
отцу и матери моеи, гдѣ рожденъ
и воспитанъ есмь, не шoliko воз-
плачу, хотя и желаю узрѣти ихъ,
коliko сѣлую о смерти царя мое-
го Одиссея. О имени сего, О стран-
ниче! и въ отсушствіи сущаго, со
страхомъ я воспоминаю; ибо вель-
ми любилъ и почиталъ мя сер-
дечно.

Храбрый Одиссей отвѣщалъ:
Другъ мой! хотя ты и щистишия
ушверждаешь, что не прїидетъ сѣмо
Одиссей; но я со клятвою увѣряю
тебя, что уже возвращаешься царь
твой, и когда онъ совершенно воз-
вратится, тогда за мое предска-
заніе даръ мнѣ да воздашь, и да обле-
чешь въ цѣлыя и новыя одежды;
преждеже, хотя и зѣльною убѣ-
ждаемъ буду нуждою, ничего не
возприму; зане паче врагъ адо-
выхъ противенъ мнѣ есть той,
кто нищетою угнѣщаемый тео-
ришъ

ришѢ ложныя возвѣщенія. Да бу-
детѢ свидѣтель убо нынѢ всесиль-
ный Дій, спранипріемный столѢ
сей и домѢ Одиссея, кѢ коему
погда пріиду, что вся сія, какѢ
я рекѢ, скоро сбудутся. Сего са-
маго года прибудетѢ вѢ отечество
Одиссей, во изходѢ сего текущаго
мѣсяца, или вѢ началѢ слѣдующаго,
пришедѢ вѢ домѢ свой накажетѢ
всѣхѢ творящихѢ поношеніе женѢ
его и сыну.

Евмей ошѣдѣалѢ: Старче! ни-
же я воздамѢ тебѢ дарѢ за радости
сію, ниже Одиссей пріидетѢ вѢ
домѢ свой. Но ты вкушай вино сѢ
молчаніемѢ; сіе же остави и не
воспоминай болѣе; ибо воистинну
сердце мое снѣдается печалію,
когда кто воспоминаетѢ о благо-
ушробномѢ царѢ моемѢ. Остави
мнѢ священную кляпву; Одиссей
же да пріидетѢ, чего я, пресстарѢ-
лый ЛаэртѢ и мудрая ПинелопѢ сѢ
мужественнымѢ ТилемахомѢ вель-

ми желаемъ. Но я паки начинаю плакати о исчадіи, кое рождено Одиссеемъ, кое богами воснигнано аки младое насажденіе древа, и о коемъ я мнилъ, что оно между мужами будетъ ничимъ же меньшее опца, какъ совѣтами, такъ и чудными дѣлами; но нынѣ вижду, нѣкто отъ боговъ, или отъ чловѣкъ совратилъ разумъ его отъ истинны; ибо не свѣдущей и самой мамеръ, отшелъ во островъ Пилъ, дабы извѣстипися о опцѣ своемъ; теперь назираютъ неистовые женихи, да убіютъ его въ домъ возвращающагося; да все сѣмя славнаго Аркисія во Иѳакѣ изпребится. Но оставимъ и о немъ воспоминѣши, убіенъ ли будетъ, или спасешся, токмо да покроешь его всеильный Дій своею рукою. Нынѣ повѣдай мнѣ о своихъ злоключеніяхъ, и открой самую истинну: кто ты? Отъ какихъ странъ пришелъ? Кій градъ твой? И кто твои

твои родители? Въ какомъ кораблѣ прибылъ на островъ сей, и какіе мореплаватели нарицающси привезшіе тебя? Ибо знаю, что ты не пѣшій пришелъ сѣмо.

Мудрый Одиссей отвѣщалъ: Повѣдаю тебѣ истинну, шокмо да будешь на долгое время пища и вино, дабы мы пребывая въ семъ вишалищѣ, спокойно могли насыщаться; прочіе же да исполняющѣ дѣла свои: мало бы было цѣлаго года для окончанія повѣсти о моихъ злключеніяхъ, каковыя изволеніемъ боговъ понесъ я на сердцѣ моемъ; внимай: родъ мой есть отъ знаменишаго острова Крита; отецъ мой былъ мужъ зѣло богатый; у него и иные многіе сыны суть, рожденные отъ законныя жены, кромѣ меня единого, прижитаго отъ купленной наложницы, однако равнокакъ и прочіе, ему любезнаго; имя его было Касторъ, сынъ Илаковъ; онъ Кристянами, ради богат-

ства и честныхъ чадъ, аки благо-
дѣтель нѣкій былъ почитаемъ; но
смерть, яко разрушительница все-
го, низвела его въ сѣни смертныхъ;
тогда прочіе сыны раздѣлили его
спяжаніе по жребію; мнѣ же зѣло
мало дали, удѣливъ отъ собствен-
наго по части; я поялъ жену зѣ-
ло отъ знаменитыхъ и богатыхъ
родищелей за свое мужество; ибо
былъ я не лѣнostenъ, ниже убѣ-
галъ отъ брани: но нынѣ все сіе
оскудѣло, и я уповаю, что ты
взирая на меня, можеша познаши
о моей доблести; зане воинспинну
Дрей и Афинская Паллада не устра-
шаннымъ дерзновеніемъ и крѣпо-
стію силъ одарили меня, паче же
когда и опралъ я на подсаду му-
жей сильныхъ, устрояя против-
нымъ пагубу; тогда мужествен-
ное мое сердце ни мало не пред-
ставляло очамъ смерти; но пер-
вый изходя оспріемъ копія пора-
жалъ мужей сопротивныхъ. Та-
ковъ

ковѣ я былъ во брани. Но домаш-
ніе шруды, дѣла и воспитаніе
чадѣ были мнѣ противны; ибо все-
гда я помышлялъ о мореплаваніи,
о брани, о стрѣлахъ и копьяхъ; и
все, что другимъ страшно, было
мнѣ пріятно. Тако Дій устроилъ
мое сердце. Иный увеселяется
шрудami; на противъ того я, до-
колѣ сыны Ахейскіе стопы свои
положили во Троянской спранѣ,
владычествовалъ надъ девятію на-
родами и надъ кораблями, проти-
ву чуждыхъ людей ополчаяся. То-
гда всего имѣлъ я обильно, чего
сердце мое ни желало; много прі-
обрѣталъ и послѣ. И тако вскорѣ
домѣ прославился богатствомъ;
а самъ я честію и почтеніемъ пре-
вознесенъ былъ отъ Кристьянъ. Ко-
гда же великій Дій предназначилъ
мнѣ не пріятный путь, въ коемъ
мноіе погибли крѣпкіе мужи;
тогда повелѣно мнѣ и знамени-
тому Идоменею вести корабли во
В 6 Трою.

Трою. Отъ сего опрещися не имѣлъ я ни какія праведныя вины, а при томъ боялся и безславія. И тако девять лѣтъ мы ратовали прошиву Троянъ; а въ десятый годъ опровергнувъ царство Пріамова, паки на корабляхъ ялися пуши въ дома свои. Но Дій разсыпалъ всѣхъ Ахеанъ. Великій Дій мнѣ предъустроилъ другія напасти; ибо единъ токмо мѣсяць пребылъ я въ домѣ моемъ, утѣшаяся чадами, младою супругою и стяжаніемъ. Послѣ сего возжелалъ я видѣти Египетъ, уготовалъ девять кораблей, собралъ мореплавателей и спутниковъ. Шесть дней съ веселіемъ пиршествовали мои избранные: а я въ то время многія приносилъ богамъ жертвы. Въ седьмый день оставя Крисъ, емлемся плаванію, споспѣшествующу вѣтру ворею, яко ни единъ корабль не былъ поврежденъ; но всѣ благополучно текли управляемы вѣтромъ и

и кормчими. Въ пятый день нашего плаванія узрѣли мы водоорошаемый Египетъ. Тогда повелѣлъ я спутникамъ своимъ, поставя корабли въ рѣкѣ Египетской, извести ихъ на сушу, и самимъ пребывать тамо. Посемъ послалъ я нѣсколько мужей для согляданія земли сея: но они отъ невоздержанія, и уповая на силу свою, начали опустошати поля, похищати женъ и младенцевъ, и ихъ умерщвляти. Абѣе пронеслася о семъ во градъ слава. Египтяне услышавъ о семъ, текутъ купно съ возходящею зарею: все поле наполнилося пѣшими и конниками. Тогда отецъ боговъ Дій вложилъ въ сердце спутниковъ моихъ страхъ и бѣгство, и ниже единъ отъ нихъ возмогъ стати противу Египтянъ; ибо отъсюду обстояла ихъ смерть. Многіе поражены были остріемъ оружія, иные живые въ плѣнъ отведены; а мнѣ Дій иное въ сердце

це вложилъ помышленіе. [О когда
бы шамо я умеръ! Ибо новая пе-
чаль по семъ меня объяла] Скоро
низложилъ я отъ главы моей шлемъ,
отъ раменъ щипъ, и копіе повергъ
на землю; и по томъ изшедъ во срѣ-
шеніе царю, объемлю и лобызаю
его колѣна. Онъ же явивъ мило-
сердіе, спасъ мя отъ смерти,
посадилъ на колесницу свою и при-
везъ въ домъ плачуща. Тогда во-
истинну многіе отъ Египтянъ,
устремляя противъ меня копіи
свои, убиши желали; но царь со-
блюлъ животъ мой, бояся гнѣва
Дія, кой злыхъ дѣлъ терпѣти не
можетъ. Тамо препроводилъ я
сѣдмь лѣтъ, и собралъ множество
злаша; ибо тогда давали мнѣ оное.

Когда насталъ осьмый годъ;
тогда нѣкто Финикіанинъ мужъ,
наставникъ всякія лжи, и древній
льстецъ, кой многое уже зло со-
дѣлалъ людямъ, пришедъ ко мнѣ,
прельстилъ меня своими совѣтами

ишши

иши въ Финикію, гдѣ домъ о-
нъ все имѣніе обрѣталось. Тамъ
пребылъ я у него цѣлое лѣто, по
проществіи коего паки взялъ ме-
ня онъ съ собою плыти на кора-
блѣ въ Ливію, аки для опнесенія
нѣкоего бремени, въ самой же ве-
щи продаши мя вознамѣрился, и по-
лучиши великую мзду. Хотя я и
подозрѣвалъ его, но слѣдовалъ по
нехотѣнію. Корабль нашъ совер-
шалъ путь свой при благополуч-
номъ дыханіи вѣтра; и уже былъ
противу острова Крита, какъ Дію
угодно было внезапно устроиши
мнѣ пагубу. По преществіи Крита
ни откуду невозможно было узрѣти
земли; тогда Кроновъ сынъ воз-
двигъ надъ кораблемъ нашимъ тем-
ный облакъ; помрачилось предъ
нами море; страшно возгремѣлъ
отецъ боговъ; метнулъ на корабль
молнію; кой вскорѣ разсыпался;
плавашили низринулися въ море, и
такъ Богъ отъялъ ихъ возвраще-
ніе;

нїе ; а миѢ послалѢ вѢ руки вѢ-
 шрильное древо ко избѢжанїю
 смерти ; я обѣялѢ его руками , и
 держася крѣпко носимѢ былѢ по
 морю девять дней , и вѢ десятую
 ноцѢ принесли мя волны кѢ земли
 Беспротской , гдѢ царевѢ сынѢ уз-
 рѣвѢ меня изнемогшаго голодомѢ и
 трудами , привелѢ вѢ домѢ ко оп-
 цу своему Фидону , кой милосливо
 меня принявѢ облекѢ вѢ чистыя
 одежды . ТамослышалѢ я о ОдиссеѢ ,
 коею угощали спраннопрїимствомѢ
 и обѣщались проводитьи во отече-
 ственную землю ; показаны были
 мнѢ и сокровища имѢ собранныя ,
 злато , мѣдь , и чистое желѣзо ;
 толико лежишѢ богатства его вѢ
 дому царя Беспротскаго , что и до
 десятаго поколенїя обильно онаго
 будешѢ . О самомѢ же ОдиссеѢ по-
 вѣдалѢ царь , что онѢ опшелѢ ко
 граду Додону услышати тамо
 отѢ дуба Дїева отвѣстѢ , како прї-
 иши ѡ Иеаку , тайно или откровен-
 но .

но. Даже самъ царь Фидонъ, пїя въ
чашѣ боговъ вино, предомною клял-
ся, что уже корабль и мореплава-
тели всѣ готовы для препровожд-
денія его во опечесшвенную зем-
лю. Меня онъ оппустилъ прежде;
ибо случился корабль Ѳеспроскїи,
идуцій во островъ Дулихіа, на ко-
емъ повелѣлъ меня онъ опвезти
со всякимъ тщаніемъ къ царю Ака-
сшу. Но спутники мои ~~мыслили~~
о мнѣ пагубный совѣтъ, ~~да~~мы еще
навести зоключеніе.

Опшедшу кораблю нашему на
море, сопричли меня вскорѣ къ
рабамъ; совлекли съ меня свѣт-
лая одежды, и возложили гнусное
и раздранное рубище, кое на мнѣ
ты днесъ зриши; при захожденіи
солнца пришли мы ко Иѳакїйскимъ
веселымъ полямъ; тамо связали
меня крѣпко ужищемъ; а сами вы-
шедъ на брегъ моря шворили вече-
рю. Но боги разрѣшили меня отъ
оковъ оныхъ; и тако покрывъ гла-
ву

ву рубищемъ, изпустился я тайно въ море, совершалъ плаваніе напрягая обѣ руки. На конецъ скоро изшелъ на брегъ, и далече оплученъ бывъ отъ враговъ моихъ, лежалъ повергшись подъ густымъ дубомъ. Они не видя меня ниже воздохнули, ниже искаши мыслили, и ялися обратному плаванію. Тако сохранивъ меня боги сподобили, бѣши въ дому мудраго мужа, и солнечное сіяніе еще видѣши.

Евмей рекъ тогда: О злополучный странникъ! воистинну зѣло преклонилъ ты сердце мое къ соболѣзованію, возвѣсивъ всѣ твои злосчастія; но не иму вѣры словамъ твоимъ, какъ повѣдалъ ты о царѣ моемъ. Прилично ли тебѣ въ пакихъ крайностяхъ находящемуся лгати? Знаю и самъ я совершенно о Одиссеѣ, что онъ зѣло богамъ есть ненавистенъ, за премудрыя его умышленія и совѣты, на брани пропиву Троянъ имъ

имѢ явленныя , гдѢ когда бы онѢ
 възпрїялѢ смерть , или бы на ру-
 кахѢ ближайшихѢ друзей своихѢ
 скончался ; Ахеане воистинну бы
 соорудили ему великолѣпную гро-
 бницу , ошѢ чего вѢ предбудущїя
 времена возрасла бы велїя слава о
 немѢ ; но нынѢ , мню , разтерзали
 его сѢ безчестїемѢ арпїи . Я все-
 гда ошлученѢ пребываю при свинї-
 яхѢ , и не восхожду никогда ко
 граду , доколѢ не повелишѢ мудрая
 царица Пинелона , услышавѢ како-
 вое либо о немѢ возвѣщенїе ; ибо
 всегда и всякаго о немѢ тамо во-
 прошають , вездѢ разглагольству-
 ютѢ и сокрушаются печалїю о дол-
 говременномѢ царя ошлученїи ; на-
 прошивѢ того неистовые жєлихи
 радуются , истощая безѢ наказа-
 нїя его стяжанїя . Я сѢ самую
 того времени престалѢ вопроша-
 ти и испытывать о царѢ своемѢ ,
 какѢ нѣкто ЕполїанинѢ прель-
 стилѢ меня ложнымѢ извѣщенїемѢ ,

сказывая, что онѣ убивѣ нѣкоего
знаменистаго мужа, заблуждалѣ
отѣ наказанія во многихѣ спра-
нахѣ; и наконецѣ пришелѣ ко мнѣ;
я его приняла дружелюбно; и онѣ
мнѣ повѣдалѣ что видѣла Одиссей
въ Кришѣ у царя Идоменей, вооб-
новляющаго жестокою бурей со-
крушенные корабли, и что прѣ-
идетѣ или лѣтомѣ, или осенью со
многимѣ богатствомѣ и съ сопу-
тниками: тако и ты, старче!
пришедѣ въ домѣ мой, не щѣйся
возблагодаритѣ ложью и лестію;
ибо не воздамѣ тебѣ за сіе чести,
ниже окажу любовь, и милосерд-
ствую токмо о тебѣ изѣ почте-
нія къ спраннопріемлющему Дію.

Одиссей отвѣщала ему: Во-
истинну сердце швое не преклонно
къ вѣрояшю, когда и кляшѣ мо-
ей не внемлеши, сотворимѣ убо за-
вѣщаніе, и боги, на Олимпѣ оби-
тающіе, да будутѣ между нами
свидѣтелями: когда возвратишя
царь

царь твой въ домъ сей, тогда да облечеши меня въ чистыя одежды, и опустиши во островъ Дулихїи; ежели же не прїидетъ, какъ я тебѣ повѣдалъ, тогда повели мя рабѣмъ своимъ низринуты съ высокія горы въ море, да всякъ ницъ воздержится отъ ложнаго возвѣстія.

Евмей рекъ: Спранниче! Какъ нынѣ, такъ и въ предбудущія времена да сохранился во всѣхъ людяхъ благая слава о мнѣ и о моемъ добродѣянїи. Како могу, приведши тебя въ домъ мой, и предложивъ дары угощенія, или биши тебя, или отбѣяти животъ твой, и послѣ проспрѣши руки свои къ моленію Дію, сыну Кронову? Но время уже уготовати вечерю. Се скоро прїидутъ мои сопастыри.

Тако между собою они разглагольствоваши: и се пришли пастыри со стадами, и заключили ихъ по обыкновенію во свои стояла. Го

семѢ Евмей рокѢ имѢ: Приведите сѣмо лучшаго опѢ вепрей, да вѢ честѢ сего спраннопришелца возвеселимся всѢ вкупѢ; ибо мы многую печаль ради свиней претерпѢваемѢ, другіе же шруды наши безѢ наказанія поядаютѢ.

Тако рекши, началѢ сѣщи дрова; а прочіе привели шучнаго пятилѣшняго вепря. Тогда Одиссей не забылѢ воздаши богамѢ моленіе, и опрѣзавѢ власы опѢ главы свинныя, молилѢ всѣхѢ боговѢ о возвращеніи Одиссея вѢ домѢ свой; по семѢ ударяетѢ вепря во главу дубовою дебелою налицю, и опходитѢ прочь; пасыри заклавѢ уюшовали какѢ подобаетѢ вечерю. Одиссей раздѣлилѢ свинію на седмь частей, едину нимфамѢ, другую Ермію, а другія прочимѢ богамѢ; хозяина же самаго почтилѢ цѣлымѢ хребтомѢ, сказавѢ къ нему тако: О дабы ты Евмей тако возлюбленѢ былѢ опцу боговѢ Дію,
како

како почтилъ мя нынѣ въ таковомъ
состояніи сущаго благими своими!

Евмей отвѣщалъ ему: Яждь
нынѣ странниче! и насыщайся
всемъ, что имѣемъ; Богъ же, какъ
всемогущъ есть, и иное подаситъ,
а другое оставишь, яко ему уго-
дно зрится. Рекъ, и начатки вина
посвятилъ богамъ безсмертнымъ;
по семъ вкусивъ отъ него, подалъ
чашу Одиссею блгнѣе его сидѣше-
му: а ясное радѣлъ всѣмъ Ме-
савлій, коего купилъ Евмей въ оп-
сущствіе царя своего у Тафіянъ,
не свѣдущей Пинелопѣ и преспа-
рѣлому Лаэрту. Наконецъ насы-
тився вси пиціемъ и пищею, ко
сну отходятъ. Нощъ тогда была
бурная, мрачная и дождливая; а
дыханіе вѣтра изходило зефира.
Одиссей искушая Евмея, не подаситъ
ли ему онъ, или единъ отъ пасты-
рей одежды, для защищенія отъ
хлада, тако вѣщаетъ: Внуши Ев-

мей и вы всѣ прочіи пастыри! По-
 вѣмъ вамъ нѣкое слово со прѣоз-
 ношеніемъ; ибо вино принуждаетъ
 всякаго къ безумію, и многѣжды
 премудрыхъ убѣждало пѣти, смѣ-
 ялися, плясати и нѣкія не лѣпныя
 рѣчи глаголати: но когда я началъ
 предъ вами быти велерѣчивъ, не
 утаю: О ежели бы тако былъ я
 младѣ, и таковыя же имѣлъ силы,
 когда на Троянской брани подъ
 присмотромъ Одиссея, яко прочихъ
 вѣспавника, Менелая сына Атре-
 ева, и моимъ угошворялася подсада,
 когда пришедъ мы ко граду и къ
 высокой его твердынѣ, лежали со-
 кровенно во оружїи между бла-
 номъ и тресстіемъ! Нощь тогда
 была вельми тяжостна ради бурнаго
 дыханія ворея, и снѣга претворив-
 шагося въ голошь, и аки кристалльны
 щипы наши содѣлывавшаю; тогда
 прочіе всѣ имѣли верхнія одежды,
 и спали спокойно, покровены бывъ
 шими; я же отходя оставилъ
 одежду

одежду свою безразсудно ; ибо не уповалъ быти шоль сильному хладу, и взялъ съ собою единъ шокмо щитъ и тонкую одежду. Какъ наступила прешія спража нощи, и звѣзды преклонялися; тогда снавъ я близъ Одиссея , толкнулъ его лакшемъ, тако вѣдая: Возлюбленный Одиссей ! Скоро не буду уже я въ живыхъ ; зане хладъ сей погубитъ меня ради недосыанка верхня одежды , кою я по неразумію оставилъ ; и тако не обрѣтаю шеперь средствъ ко спасенію.

Рекшу мнѣ тако , отвѣщавъ онъ тихимъ гласомъ : Умолкни нынѣ, да не услышитъ кто о семъ отъ Ахеянъ. По семъ къ прочимъ вѣщаетъ совоинственникамъ : Внушите любезные друзья ! Се нѣкошорое сновидѣніе мнѣ нынѣ явилось : отъ кораблей далече мы опстоимъ ; да идешь убо отъ насъ нѣкто , и возвѣститъ царю Ага-

мемнону, дабы онъ прислалъ большее число мужей сѣмо.

Тако рекъ; и се вскорѣ возставъ Ооантъ, сынъ Андреоновъ, и повергнувъ верхнюю одежду пошелъ къ кораблямъ. Я же восхитивъ оную, спалъ до самаго возхожденія денницы. О когда бы и нынѣ кто отъ васъ далъ мнѣ какую либо одежду, храня дружество и почтеніе ко благому мужу, коего днесъ всѣ презираютъ, зря во гнусныя одежды облеченнаго! Евмей отвѣщалъ: Старче! воистинну за премудрыя твои глаголы достоинъ ты хвалы; сего ради ниже одежда, ниже иная кая вещь, приличная странну и убогу мужу, не оскудѣетъ отъ тебя; ибо заутра паки облечешися въ твое одѣяніе; зане всѣ мы имѣемъ токмо поединой. Когда прійдетъ возлюбленный сынъ Одиссеевъ, той наградитъ тебя свѣтлымъ одѣяніемъ.

нїемъ, и опуститъ, камо сердце
твое желаетъ.

Сїе рекши възстаетъ, и близь
ложа его възгнѣваетъ огонь; по-
стелю Одиссею устрояетъ изъ мяг-
кихъ козїихъ и овчихъ кожъ, по-
крываетъ его густошерстною и
теплою одеждою, въ которую самъ
онъ облакался при возхожденїи
хладныя зимы. Тако Одиссей по-
чивалъ: и всѣ съ нимъ прочїе му-
жи; единъ токмо Евмей не спалъ,
и облекшися во оружіе, изшелъ
для стреженїя свиней. Одиссей
радовался сердцемъ, что мужъ сей
толико усерденъ, и хранитъ стя-
жанїе въ отдаленїи сущаго царя
своего; что возложивъ на рамена
острый мечъ, облекшися во одеж-
ду для защищенїя отъ бури, прї-
явъ въ руки копїе въ помощь псамъ
противу злыхъ мужей, бдитъ о
безопасности вепрей подъ швердымъ
покровомъ лежавшихъ.

ОМИРОВОЙ ОДИССЕИ

ПѢСНЬ ПЯТАЯ НАДЕСЯТЬ.

Омикронъ.

Тѣмъ временемъ премудрая Паллада пришла ко Одиссееву сыну, неся ему совѣщаніе о возвращеніи въ домъ, и обрѣтаетъ его съ Пизистратомъ въ чертогахъ царя Менелая почивающаго. Сынъ Несторовъ сладкимъ сномъ покоился; но Тилемахъ не могъ наслаждаться даромъ симъ чрезъ всю ночь, смущаяся попеченіями о отцѣ своемъ. Тогда Аѳинская богиня предсхавъ предъ него вѣщаетъ: Тилемахъ! не благо твориши, что долгое время оплученъ пребываеши отъ дому твоего, оставя все наслѣдіе мужамъ, какъ и самъ знаеши, горделивымъ и ссѣжанія твоя истощающимъ: щедро ты пущь сей воспріималъ. Моли убо скоро Менелая, да отпуститъ тебя;

тебя; невѣмъ, еда обрящещи матеръ твою въ домъ; зане уже отецъ и братія повелѣваютъ ей были женою Евримаха, кой всѣхъ прочихъ жениховъ превосходитъ дарами. Блуди убо, да не все наслѣдіе взято будетъ отъ дому. Самъ ты вѣси, какій разумъ имѣютъ жены; всегда щцаются умножити домъ того, кто поймешъ въ супружество; прежнихъ же чадъ и мертваго мужа вовсе забываютъ. И такъ пришедъ въ домъ свой, преноручи все рабынямъ, коихъ самъ усмотришь благо тебѣ желющими, дондеже тебѣ самому пошлютъ боги вождѣнную жену. Что же повѣдаю тебѣ, сохрани оное на сердцѣ твоємъ: се избранные и сильнѣшіе юноши сирегутъ въ тѣсномъ мѣстѣ между Иакою и Самомъ, желая убить тебя прежде пришествія твоего во отечество; но не уповаю сему сбытися; а прежде сами погибнутъ. И
шакъ

такъ потщися ты корабль свой
препроводити ношю, далече устрав-
нися отъ острововъ оныхъ; то-
гда нѣкто отъ безсмертныхъ, кой
всегда хранитъ и спасаетъ тебя,
пошлетъ благопоспѣшный вѣстръ.
И когда приплывешь ко Иѳакійскимъ
брегамъ, корабль и всѣхъ сопутни-
ковъ опуститъ во градъ, а самъ
взыди къ пастырю Евмею, кой вся-
каго блага тебѣ желаетъ, и тамо
преупокойся, и посли его во градъ
сѣ възвѣщеніемъ о пришествіи сво-
емъ къ вѣрной Пинелопѣ, что ты
здравъ отъ Пила возвратился.

Сіе рекши удалилася богиня
на пресвѣшлый Олимпъ. Тилемахъ
же возбудивъ отъ сна сына Несто-
рова, вѣщаетъ: Возстани, любез-
ный Пизистратъ! да угошоваемъ
кони, и въ путь отбидемъ.

Пизистратъ отвѣщалъ: Тиле-
махъ! Что тако ускоряешь от-
шествіемъ своимъ въ ночь мрач-
ную? Се скоро взыдетъ свѣшозар-
ная

ная денница; потерпи убо, доко-
лѣ Менелай возставъ одаритъ тя,
и дружелюбно самъ опуститъ;
ибо странники всегда воспомина-
ютъ о томъ страннопріимцѣ, кой
изъявляетъ свое дружество.

Тако рекъ Пизистратъ: и се
явилася златовидная утренняя за-
ря. Тогда царь Менелай возставъ
отъ одра, на немъже покоился съ
прекрасною Еленою, приходитъ къ
нимъ. Тилемахъ съ поспѣшеніемъ
облекшися во одежды, изходитъ
къ нему во срѣщеніе, и тако вѣ-
щаетъ: Великоименитый царю!
молю тя, опуститъ мя нынѣ во оче-
чествое мое; ибо великое желаніе
ообъемлетъ меня видѣти домъ свой.
Царь Менелай отвѣщалъ: Любез-
ный Тилемахъ! воистинну не дол-
го тебя буду здѣсь удерживати
противу твоего желанія; ибо и са-
мому мнѣ противенъ такій стран-
нопріемникъ, кой пришедшаго къ
нему иногда много любитъ, иногда
много

много досаждаешъ ; средняго убо держашся должно . Равное зло бываетъ , кто не хотящаго странника изгоняешъ , и кто желающему отъити возпротивляется . Человѣка страннаго любити довлѣетъ , доколѣ хоцешъ въ дому обитати , желающаго же отпущенія , не удерживати . И такъ пребуди ты здѣсь краткое время , доколѣ уготую тебѣ дары , и доколѣ представятъ намъ избранныя ясновы ; ибо полезнѣе будетъ укрѣпившися ийдею въ столь далекий путь пускайся : и ежели желаси видѣти Елладу и средину Арга , воистинну не отрекуся самъ слѣдовать съ тобою , скоро повелю уготовати колесницу и кони , и поведу тебя по градамъ знаменитыхъ мужей , гдѣ никто не отпустишъ безъ даровъ , но каждый дастъ или мѣдяный преногъ , или конобъ , или двухъ ословъ , или златую чашу .

Мудрый Тилемахъ отвѣщалъ :
 Царю Менелай ! воистинну зѣло
 уже хочу опѣйти во отечество
 мое ; ибо никакого спража я не
 поставилъ надъ домомъ своимъ и
 надъ имѣніемъ ; сего для спрашу-
 ся, дабы испытуя о опцѣ своемъ,
 самому не погибнути ; и тогда все
 мое стяжаніе будетъ расхище-
 но. --- Въ то время возспалъ отъ
 лежа Епеоней, сынъ Воиѳеевъ, не
 далече отъ дому царскаго обитав-
 шей, коему царь повелѣлъ угошо-
 вати огонь, и мяса изжарити. Самъ
 же съ царицею Еленою и съ Мега-
 пенфомъ входитъ въ чертогъ, гдѣ
 хранилися его сокровища, тамо
 взявъ серебряную чашу, вручаетъ
 оную сыну своему, а Елена изъ
 ковчега возьметъ едину великую,
 испещренную и сіяющую аки свѣтъ
 одежду, входятъ всѣ паки въ чер-
 тогъ ; и Менелай тако вѣщаетъ
 къ Одиссееву сыну : Тилемахъ !
 Великій Дій, супругъ божествен-
 ный

ныя Иры, да совершишъ путь твой по желанію твоему! Пріими убо отъ меня драгоцѣнную сію серебряную чашу, коея края сушь отъ чистаго злаша, и дѣло рукъ Ифестовыхъ; кою подарилъ мнѣ Сидонскій царь, когда я возвращаяся со брани, вѣ дому его вишалъ. Рекши сіе повелѣлъ подати Мегалпенѣу чашу, и вручилъ оную Тилемаху. По семъ приступила царица Елена, имѣя вѣ рукахъ одежду, и тако глаголя: Возлюбленное чадо Тилемахъ! Се и я тебѣ даръ сотвориши ищуща; пріими его вѣ воспоминаніе отъ рукъ царицы Елены, и соблюди его женѣ твоей до времени супружества; нынѣ же отдаждь вѣ соблюденіе матери своей; и такъ отъиди съ радостію вѣ домъ твой, да узриши вѣ веселіи отчизну. Тако рекши, вручаеъ одежду Тилемаху. Все сіе Пизистратъ заключилъ во влагалище. Послѣ Менелай введши всѣхъ вѣ

дру-

другій чертогъ, посадилъ на сѣдла-
 лица. Рабыня принесла въ златой
 умывальницѣ воду со серебряною ло-
 жанію для измовскія рукъ, и поста-
 вила столъ; домостроительница
 предложила хлѣбъ и многія яствы,
 радуясь о угощеніи царемъ. То-
 гда Епеоней началъ раздѣляти
 мяса на части, а Меганснѣ раз-
 давалъ оныя: абіе всѣ руки про-
 стираютъ къ яденію. Пасынныя
 же пицую, возснѣютъ ошъ снѣла.
 Тогда Гилемахъ и Пизиспратъ
 угошавъ коней, возходящъ на
 колесницу и оставляютъ домъ;
 Менелай имъ предшесствуетъ, имѣя
 въ десницѣ златую чашу виномъ
 наполненную, дабы воздавъ благо-
 дареніе богамъ отшли въ пущь;
 по томъ сжавъ предъ конями ихъ,
 вѣщаетъ тако: Радуйтесе знаме-
 нитые юноши! возвѣстите наше
 желаніе здравія и царю Нестору, на-
 чальнику народовъ; ибо воиспин-
 ну, доколѣ продолжалась брань во
 Часть II. Д стра

странѢ Троянской, былѢ ко мнѢ онѢ крошкѢ и искрененѢ, аки милосердый отецѢ.

ТилемахѢ отвѣщаль: Все конечно все сѣе по повелѣнію швоему пришедѢ вѢ домѢ, возвѣспимѢ ему. О дабы и я пришедѢ во Иѣаку возвѣспилѢ тако отцу моему Одиссею, колико милоспиваго отѢ шебя удостоился я дружества, и коликія несу сѢ собою сокровища. Тако ему вѣщающу, прилетѣлѢ отѢ десныя страны орелѢ, неся вѢ кохшихѢ домоводнаго гуся, за коимѢ жены и мужи шекли сѢ во племѢ; и приближився кѢ нимѢ мещется отѢ десныя страны предѢ коньми: вси зря сѣе возрадовалися сердцемѢ. ПизиспратѢ же начинаетѢ тако: Помысли, царю Менелай! и разсуди, намѢ ли сѣе предзнаменованіе послалѢ БогѢ? Или тебѢ самому? Храбрый Менелай долго помышлялѢ, какѢ бы отвѣщати на сѣе: но царица Елена предваривѢ рекла;

да: Внушите мнѣ! Я буду гада-
тельствовать сіе предвѣщаніе,
какъ боги полагаютъ на сердцѣ
моемъ, и уповаю, что тако сбуди-
тся. Какъ орелъ, родившейся
въ горахъ, и тамо имѣющей чадъ
своихъ, пришелъ отшуду сѣмо,
и возхитилъ гуся, въ дому воспи-
таннаго; тако Одиссей по многомъ
спранствованіи и попретерпѣніи
великихъ напастей прїидетъ въ
домъ, и накажетъ за несповство
нечестивыхъ жениховъ, или уже
и нынѣ сокрываясь тамо, пред-
успроетъ пагубу.

Мудрый Тилемахъ рекъ: О да-
бы все шобою реченное совершилъ
всесильный Дій! Воистинну при-
несъ бы тогда тебѣ благодареніе,
аки богинѣ. Рекъ, и абіе ударяетъ
коней бичемъ, побуждая къ ско-
рѣйшему печенію. И тако Тиле-
махъ съ Пизистратомъ чрезъ цѣ-
лый день совершали путешествіе.
Когда солнце уже сокрылося, и

Д 2

затмѣ-

зашмилися всѣ пути; тогда они пришли въ домъ Діоклея, сына Орсилохова, родившагося отъ Алфея. Тамо угощены бывъ дружелюбно, опочили ночь спокойно. Явившейся же денницѣ, угошовавъ коней, пакки емлются пути. Скоро по семъ достигли проспраннаго града Пила.

Тогда Тилемахъ Пизистрапу вѣщаетъ тако: Возлюбленный другъ! Молю тя, исполни нынѣ свое обѣщаніе; остави нынѣ помышленіе о угощеніи меня. Ежели опцы наши связаны были неразрывнымъ союзомъ; то кольми паче мы равнолѣпны будучи, поспѣимся соблюсти оное. И дабы вѣнше ушвердиши взаимное согласіе, не оплучай мя отъ корабля моего, но остави здѣсь; зане боюся, да не како противу желанія моего престарѣлый отецъ твой удержитъ въ домъ своемъ, желая извѣявити дружелюбіе свое ко мнѣ; ибо мнѣ вельми нужно скорѣе въ домъ свой опѣйти.

Тако

Тако рекъ Тилемахъ: Пизистратъ же помышлялъ, како по достоянїю исполнии предъ нимъ обѣщанїе свое. И тако за лучшее признаетъ: обративъ коней ко берегу моря, вшедъ въ корабль, и внесши въ оной дары Менелаевы, полагаетъ ихъ со щіщанїемъ; по семъ къ Тилемаху вѣщаетъ тако: Скоро възди нынѣ на корабль свой, и ловели соупникамъ готовымъ быти къ отпущенїю, доколь я прїиду въ домъ мой, и возвѣду о тебѣ отцу моему; ибо совершенно вѣдаю непримѣрное его сердце; не отпуститъ ты отсюду, но самъ прїидетъ, и поведетъ тебя въ домъ свой, откуду не изыдеши щіщешно; вопреки же сего вельми огорченъ будетъ. Сїе рекши, понуждаетъ коней къ бѣжанїю во градъ Пилъ, и вскорѣ приходитъ въ домъ свой.

Тѣмъ временемъ Тилемахъ, возбуждая своихъ соупниковъ,

вопїешъ къ нимъ: Други мои! Скоро уготовите корабль, да въздемъ немедленно сами, и начнемъ плаваніе. Тако рекъ; и абїе повелѣніе его скоро исполнивъ на корабль возходятъ.

Когда Тилемахъ приносилъ моленіе Палладѣ; тогда пришелъ внезапно нѣкто странный мужъ, избѣгающій отъ Аргивскія страны за убїеніе нѣкоего благознаменитаго мужа, и прорицателемъ нарицающійся. Родъ его былъ отъ колѣна Мелампода, обитавшаго нѣкогда во градѣ Пилѣ, и имѣвшаго тамо домъ зело богатый, кой тогда у чуждыхъ народовъ обращался, убѣгая знаменитаго царя Нилея, кой все его спяжаніе взявъ насильственно, повелѣлъ его оковать пяжкими узами, и блюсти во градѣ Филакѣ, за содѣянное имъ дщери его великое спудѣянїе, которое вложила въ сердце его лютаѧ богиня Еринїя.

Но

Но онѢ спасшися отѢ смерти, и
 онѣгнавъ стада воловъ изѢ Филака
 во градѢ ПилѢ, совершилѢ не при-
 личное дѣло, приведѢ въ домѢ
 Нилея и жену брата его. Но Ни-
 лей отшелѢ къ другому народу
 во пространный АргѢ, гдѢ судь-
 бою ему опредѣлено было владыче-
 ствовати надѢ многими людьми.
 Тамо онѢ создавъ себѢ домѢ, по-
 ялѢ жену, отѢ коея родилѢ сы-
 новѢ Антифата и Маншїя; Анти-
 фатѢ же родилѢ Иклея, а Иклея
 Амфїараей, коего ошецѢ боговъ
 Дїй и АполлонѢ отѢ всего сердца
 любили; но онѢ не достигнувѢ ста-
 рости, погибѢ во градѢ ФивахѢ:
 ОтѢ него родилися АлкмаонѢ и Ам-
 филохѢ: Маншїй же паки родилѢ
 Полифидея и Клифа; но сего по-
 слѣдняго за красоту его возхищи-
 ла златосїянная богиня Ноя, да
 между безсмертными обращается,
 а Полифидея по смерти Амфїарае-
 вой АполлонѢ содѣлалѢ великимѢ

жрецомъ. Сего тогда сынъ Тео-
клименъ пришелъ къ Тилемаху,
жертву близъ корабля приносяще-
му, кой ставъ предъ нимъ вѣ-
щаетъ: Возлюбленный другъ! Ко-
гда я обрѣлъ тебя жертву прино-
сящаго; сею жертвою, твоею гла-
вою и твоими сопутниками закли-
наю ты, повѣдай мнѣ истинну;
кто ты? Отъ какія страны? Кій
градъ твой? И кто твои родите-
ли?

Тилемахъ отвѣщалъ: Стран-
ниче! Повѣмъ тебѣ подробно: Родъ
мой есть островъ Иеака, отецъ
Одиссей нарицался, но днесъ онъ
погибъ не извѣстною смертію: се-
го ради я съ сими сопутниками,
желая услышати о немъ, всюду
странствую.

Теоклименъ рекъ: Тако и я
бѣгу изъ отечества моего, убивъ
знаменишаго нѣкоего мужа; у ме-
ня суть многіе брѣшя и други во
странѣ Аргивской; однако опредѣ-
лено

лено мнѣ днесь судьбою заблужда-
ши въ чуждыхъ странахъ; вос-
прѣми убо меня на корабль твой,
и не отрини моего прошенія, да
не убіютъ мя гонящіеся за мною.
Тилемахъ ошеѣщалъ: Не изжену
тебя отъ корабля моего; слѣдуй
за мною, и прѣмеша отъ меня
дружеское угощеніе.

Тако рекши Тилемахъ, пріалъ
копѣе Ѳеоклименово, и положилъ
его на корабль; по томъ введши
и самаго прорицателя, посадилъ
близъ себя, и повелѣлъ спутни-
камъ корабль отвалили. Они по-
становивъ щеглу и утвердивъ рай-
ну разпустили вѣтрила и ялися
плаванію. Божественная Аѣна
послала имъ созда сильный вѣтръ,
дабы скорѣйше могли совершити
свое плаваніе. Сокрывшуся солнцу
достигли они во Елидской странѣ
града Фире, гдѣ обитаютъ Епѣа-
не. Отсюда паки стараются пре-
бѣжи встрѣчавшіеся острова, бо

Д 5

ая,

яся, да не уловятъ спрегущіе, и
и не нанесутъ внезапной пагубы.

Тѣмъ временемъ Одиссей и
Евмей со другими пастухами ве-
черяли. Когда же насытились пи-
щею и пищемъ; тогда Одиссей,
искушая старшаго изъ нихъ, вѣ-
щаетъ: Внушите любезные други!
Заутра рано хочу итти въ градъ
просити подаянія, да не буду во
отягощеніе себѣ и прочимъ тво-
имъ поварищамъ; подаждь убо мнѣ
наставленіе, и послѣди добраго пуше-
водишеля, да проводитъ мя шуду,
гдѣ я самъ буду скишатися, еда
никто не подаснѣ милостыни.
Пришедъ во градъ, принесу возвѣ-
щеніе мудрой Пинелопѣ; вниду въ
собраніе жениховъ, кои многія
имѣя яспвы и мнѣ подадутъ; а
я имъ потщуся оказывати по же-
ланію ихъ услуженія при помощи
Ермія, кой всѣ человѣческіе шу-
ды награждаетъ милостію и сла-
вою; легкою же моею скоростію ни
единъ

единъ человекъ не превзойдетъ мя; возжеши ли огонь, или сѣши дрова сухія; подаши ли чашу, или жарити мяса и наливати вино, все готовъ исполнити, что творятъ хутородные для знаменитыхъ.

Такъ рекъ Одиссей: Евмей отвѣщалъ ему со гнѣвомъ: Злополучный странникъ! Откуда низпало таковое помышленіе въ твое сердце? Воистинну желалши тамо погибнути, когда стремишися вниши во множество жениховъ, коихъ насильствіе и обиды возходятъ даже до небесъ. Не таковы тамо суть ихъ слуги, каковъ ты нынѣ зриши; но юноши облеченные въ драгія одежды, всегда украшены, и лицемъ благообразные; а полы всегда зѣло чистые, наполненные хлѣбомъ, мясами и виномъ. Лучше убо пребуди здѣсь; ибо никто присутствіемъ твоимъ не осягается, ниже я, ниже инный кто

отъ

отъ сонастырей моихъ. Когда же
 прїидетъ сынъ Одиссеевъ; онъ об-
 лечетъ тебя въ одежды прилич-
 нныя, и опуститъ камо сердце
 швое желаетъ. Одиссей отвѣщалъ
 ему: Дабудеши ты тако любезенъ
 отцу боговъ дію, какъ и мнѣ,
 когда ты спаслъ мя нынѣ отъ из-
 лишняго труда и печали; ибо ни-
 что есть тако не удобоуприми,
 какъ влачиться по чужимъ стра-
 намъ; но угождая пагубному на-
 шему чреву предприѣмлемъ злыя
 совѣшны, отъ коихъ предаемъ
 странствованію, а отъ странство-
 ванія рождаются вредоносныя пе-
 чали и нестерпимыя труды. Нынѣ,
 когда повѣдѣваеши здѣсь мнѣ пре-
 бывать, молю тя, повѣдай мнѣ о
 матери Одиссея и отцу его, ко-
 тораго онъ оставилъ при отше-
 ствіи своемъ во глубокой старос-
 тѣ, еще ли они наслаждаются сол-
 нечнымъ сіяніемъ? Или уже умерли
 и снизшли въ дома ада? Евмей от-
 вѣ-

вѣщалъ ему: Лаэртъ еще и до нынѣ живъ; но всегда молилъ Діа, дабы отъялъ душу его отъ тѣла; ибо нестерпимо болѣзнуетъ о сынѣ своемъ Одиссеѣ, и о женѣ, которую поялъ зѣло младую, и которая смертію своею содѣлала ему великую печаль, и низринула во многотрудную старость, какъ и сама отъ великія печали о сынѣ скончала животъ свой. Тако всякъ благошворительный и честный мужъ да не умретъ подобною смертію. Доколѣ она была въ живыхъ, хотя и печалилася; однако дошолъ пріятно мнѣ было вопрошати ю о всемъ, и все отъ нея испытовати; ибо сама она воспитала меня, купно со дщерію своею Кшименою, которую мало чимъ больше меня почитала. Когда пришли мы оба въ совершенный возрастъ; тогда Кшимену отдали въ супружество во островъ Самъ; а меня облекши въ избранныя одежды, послали

слали на село; и тогда любила она меня отъ всего сердца. Нынѣ же я и самъ требую всего, и труды мой день отъ дня умножаютъ блаженные боги, на коихъ я уповаю; отъ нихъ я всю имѣю пищу и питіе. Отъ царицы же моя ни чего пріятнаго не можно слышати, ниже слова, ниже дѣла; зане великое постигло зло домъ ея: мужи высокомѣрные и слуги ищутъ съ нею разглагольствовать и вопрошати о всемъ; требуютъ пищи и питія и всего потребнаго на село, что можетъ вселити сердце служащихъ.

Одиссей отвѣщалъ ему: О како малъ бывъ, оплучился ты отъ отечества твоего и родителей! Но повѣдай мнѣ градъ оный, въ коемъ обитаютъ отецъ твой и мать, отъ сопротивныхъ ли мужей раззоренъ бранію? Или единого тебя, оставленнаго при спадахъ, похищали мужи неправедные на корабли

бли свои, и опдали здѣсь въ домъ сей, пріѣвъ достойную мзду.

Евмей отвѣщалъ ему: Внуши, нынѣ съ молчаніемъ вкушай вино и насыщайся онымъ: нощи же сіи велики сущь, есть время и спати, есть время и разглагольствовати; сего ради тебѣ прежде времени не подобаетъ спати; зане и сонъ излишній приводитъ человека въ болѣзнь. Пусть прочіе мои сопастыри, когда желаютъ, отидутъ ко сну; ибо заушра, когда укрѣнятся пищею, съ возшедшею зарею погонятъ свиней на пашву; а мы здѣсь пребудемъ ядя и пїя и взаимнымъ о нашихъ печальныхъ злочленіяхъ повѣствованіемъ услаждаемся. Ибо многажды печали претерпѣнныя увеселяютъ сердце человека. Внуши убо о чемъ вопрошаеши меня: Есть островъ нарицаемый Сирія, лежащій выше Ортигїи, гдѣ солнце премѣняетъ свое печеніе. Хотя онъ и не вельми великъ, но
зѣло

зѣло способенъ къ паствѣ всякаго скота и овецъ, gobзующъ всякимъ хлѣбомъ и обилень виномъ; не бываетъ тамо никогда глада, ниже инныя какія вредоносныя тамо раждаются болѣзни. Но когда состарѣются во ономъ люди, тогда спрѣломеющій Аполлонъ и Артемидыа пришедъ убиваютъ оныхъ своими легкими стрѣлами. Тамо сушь два града; надъ обоими же ими владычествовалъ отецъ мой Ктисій, сынъ Орменовъ. Тамо нѣкогда на корабляхъ пришли знаменитые финикійскіе мужи, имѣя съ собою многія удивительныя вещи. Тогда была въ дому отца моего нѣкая жена родомъ финикіанка, коя красотою, возрастомъ и искусствомъ руководѣля всѣмъ тамо была извѣстна. Сію тогда приходшіе финикіане узрѣвъ моющуюся прельстили; ибо нѣкто отъ нихъ въ корабль познакомился съ нею; тогда онъ вопрошалъ сію же-

жену, кто она есть и откуда родомъ? Она вскорѣ показавъ домъ отца моего, отвѣщала: Родомъ я отъ града Сидона, дщерь есмь зѣло богатаго мужа Ариванта; но разбойники Тафійскіе похитивъ мя идущую съ поля, и приведъ сѣмо продали сему мужу, пріавъ достойное награжденіе.

Финикіанинъ оный рекъ ей: Когда желаеши, слѣдуй съ нами въ корабль нашемъ, да узриши родителей твоихъ; ибо они и доннѣ еще живы сушь, и имѣютъ зѣло великое богатство. Жена отвѣщала ему: Да будетъ тако, когда желаеши мнѣ блага; токмо сотвори те клятву, что безвредную меня въ домъ мой привезете. Тако рекла; они же всѣ клялися ей по хотѣнію. По семъ оная жена вѣщаетъ имъ паки: Молчите нынѣ, и да никто со мною ниже на пущи, ниже при источникѣ разглагольствуетъ, дабы кто узрѣвъ не по-

Часть II. Е вѣдалъ

вѣдалъ осемъ владыкъ моему, кой познавъ о семъ, предастъ меня въ тяжкія оковы, а вамъ предустроитъ смерть. И тако сокройте слово мое во умъ вашемъ: ускорите купити все полюбное къ напутію вашему, и когда будетъ корабль вашъ наполненъ пищею; тогда скоро да прїидетъ въ домъ мой иѣкто отъ васъ съ возвѣщеніемъ; я же взявъ злато и инныя драгія вещи, какія нести возможно, прїиду къ вамъ и съ сыномъ мужа сего, уже бѣгати могущаго, за коего вы обряцете зѣло великую цѣну, въ какія ни прїидете страны. Скончавъ сіе отходитъ въ домъ свой.

Финикіане цѣлый годъ пребывая у насъ, зѣло много прибыточествовали: и когда корабль свой наполнили многими товарами; тогда прислали единого мужа съ возвѣщеніемъ къ женѣ оной. Финикіанинъ пришедъ въ домъ отца моего, имѣя съ собою златое ожере-

реліе, украшенное многими илек-
шрами, на кое машерь моя съ сво-
ими рабынями долго взирала, уди-
вляясь великому его блистанію,
далъ тайный знакъ машери моей
помаваніемъ, и опходитъ къ ко-
раблю своему. Тогда она взявъ
меня за руки изходитъ вонъ; въ
единомъ чертогѣ обрѣвши сребря-
ныя чаши и спола пиршествовав-
шихъ мужей, кои купно съ опцемъ
моимъ въ то время изшли на сонмъ,
похитила шри чаши, и сокрывъ въ
лонѣ своемъ изнесла съ собою. Я
же слѣдовалъ ей по неразумію мо-
ему. Когда солнце сокрылося и
наспала ночь; мы пришли ко при-
станищу, гдѣ скоро обрѣли ко-
рабль оный. Финикіане пріѣвъ насъ
къ себѣ, скоро предалися плаванію,
дышущу благопоспѣшну вътру.
Шесть дней, толико же ночей со-
вершали мы путь нашъ; а въ седь-
мый день Артемида пришедъ уби-
ла машерь мою спрѣ и низ-

Е

вер-

вергла во дно корабля. Финикїане извлекши ее отшуду, низринули въ море на слѣденїе рыбамъ. Тогда я остался единъ, и печаль перзала сердце мое. Финикїане повинудся въпру и волнамъ, принесены были къ сему острову Иеакъ, гдѣ престарѣлый Лэртъ купилъ меня на свое стяжанїе; и тако узрѣлъ я землю сію.

Мудрый Одиссей отгѣщалъ ему: Воистинну зѣло подвиглъ ты сердце мое къ соболѣзнованію, повѣдая твои напасти. Однако милосердый Дій положилъ тебѣ за оныя мздовоздаянїе; ибо по сихъ злосключенїяхъ пришелъ ты въ домъ царя крошкаго и щедраго, кой даетъ тебѣ пищу и питїе невозбранно, и провождаеши жизнь твою безмятежно; напротивъ того я въ чуждыхъ странахъ заблуждая, паки пришелъ сѣмо въ не свѣдомую землю.

Такъ они разглагольствовавъ почили сномъ не малое время; ибо
вско-

вскорѣ явилася утренняя заря. Тѣмъ временемъ Тилемахъ возвратился въ отечественную страну: соопутники его собравъ въприла, и снявъ древо, на коемъ оныя привязываются, корабль вовлекли веслами въ пристанище, ввергли кошвы въ море и привязали крѣпкими ужами; сами же изшедъ на берегъ моря, угощали вечерю. Когда насытились всѣ пищею и питіемъ, Тилемахъ вѣщаетъ къ нимъ: Вѣ нынѣ на кораблѣ идите ко граду; я же взыду на село, да узрю труды и дѣла пастуховъ моихъ; заупрежду вамъ веселое пиршество со обильною пищею и питіемъ. Тогда Θεоклименъ вѣщаетъ къ нему: Возлюбленное чадо! Я въ какій домъ прииду во Иѳакъ? Или прямымъ путемъ повелиши вниши въ домъ пивой?

Тилемахъ отвѣщалъ ему: Не тако я тебѣ совѣтую сотворити; не входи въ домъ мой, не для того,

что не будещи угоженъ тамо, но сего ради, что многія досады сотворяшъ тебѣ во время моего не-присутствія; а припомъ не узришъ тебѣ и матеръ мою; зане мало является въ дому предъ женихами; паче же всегда во отдаленной горницѣ пребывая упражняешься въ тканіи. Я покажу тебѣ инаго мужа, къ коему въ домъ внидеши: обрядещи во градъ, знамениаго Евримаха, сына Поливіева, коего Маакіане почиташъ; ибо паче всѣхъ честнѣйшее имѣетъ обращеніе, и отъ всего сердца желаетъ пояти матеръ мою въ жену себѣ, и имѣти честь отца моего Одиссея. Сіе все предустроилъ обитающій на пресвѣшломъ Олимпѣ; но я уповаю что прежде брака постигнешъ ихъ день пагубный.

Такъ имъ разглагольствовавшимъ, се прилетѣла отъ десныхъ страны плица ястребъ, скорый вѣстникъ Аполлоновъ, держа въ
ког-

когтяхъ голубя, и терзая онаго
мешалъ періе посредѣ корабля и
самаго Тилемаха. Тогда Оеокли-
менъ призвавъ сопутниковъ, и
взявъ Тилемаха за руку вѣщаетъ:
Возлюбленный другъ! Не безъ Божія
промысла прилетѣла сія птица
отъ десныя страны; ибо я отъ
далече узрѣлъ оную; и тако реку,
вашего рода ничто же есть знаме-
нишѣйшее во всей Иѳакѣ; но вы
всегда надъ оною будете владыче-
ствовать.

Тилемахъ отвѣщалъ ему: О
дабы слово твое, странниче, совер-
шили присносущные боги! Воистин-
ну скоро позналъ бы ты друже-
ство наше, и узрѣлъ бы многими
дарами обогащеннаго тебя тако,
что всякъ нарекъ бы тебя благо-
получнымъ!

По семъ обратився Тилемахъ
къ Пирею, тако ему вѣщаетъ:
Вѣрный другъ мой Пирей! ты наче

всѣхъ своихъ спутниковъ моихъ былъ
мнѣ послушенъ; исполни убо паче
всего и нынѣ хощеніе мое; стран-
ника сего введи въ домъ твой, уго-
щай со щирнымъ и воздавай честь,
доколѣ я не возвращуся.

Пирей отвѣщалъ ему: Возлюб-
ленный Тилемахъ! хотя ты многое
время пребудеши на селѣ, однако
воистинну о странникѣ семъ не
отрекися всякое имѣти попеченіе,
и всемъ, что ни имѣю, угощати
его со щирнымъ буду.

Такъ рекши Пирей возходитъ
на корабль, и повелѣваетъ спут-
никамъ отпрѣшати ужи корабель-
ные, и плыти ко граду. Тилемахъ
же подвязавъ подъ ноги сапоги, и
взявъ отъ корабля копье свое,
идетъ на село, гдѣ обиталъ па-
схъ Евмей усердствующій и вся-
каго блага желающій владыкамъ
своимъ.

ОМИ-

ОМИРОВОЙ ОДИССЕИ

ПѢСНЬ ШЕСТАЯ НАДЕСЯТЬ.

Пи.

Когда златозарная заря явилася, неся свѣтъ земнороднымъ; тогда Одиссей со Евмеемъ возжегши огонь угошовали пищу пастухамъ, кои насытився, скоро пошли со стадами на паству. Тѣмъ временемъ Тилемахъ пришелъ на село свое. Псы узрѣвъ сто идущаго не лаяли, но шокмо приискши къ нему помавали ошибками: тогда ко Евмею Одиссей вѣщаетъ: Любезный другъ Евмей! воистинну грядешъ нѣкто сѣмо или отъ друзей твоихъ, или отъ иныхъ кто свѣдомыхъ тобою? Зане псы не лаюшъ на него, но шокмо ошибками ласкаются къ нему; я слышу уже здѣшную пошопъ ногъ идущаго человека.

Едва рекъ сие Одиссей; абѣ Тилемахъ сталъ въпреддверїи. Ев-

Е 5

мей

мѣй узрѣвъ его, мѣнуется со прѣпѣшомѣ, падаетѣ изѣ рукѣ чаша, въ коей разливораѣлъ вино; и прѣшекши къ царю лобзаетѣ главу его, очи и руки, проливая радостныя слезы. Аки нѣкоторый опецѣ, находяся въ глубокой старости, и имѣя единороднаго сына, коего судьба отвлечетѣ въ далѣчайшїя страны, и по десятилѣтнемѣ разлученїи узрѣвъ его возвратившагося въ домѣ свой, обѣмлетѣ съ неизреченною радостїю; тако обѣмлетѣ Евмей Тилемаха, и со слезами вѣщаетѣ къ нему: Пришелѣ ты, дражайшїй Тилемахѣ! сладкїй свѣтъ очей моихѣ! Могѣ ли я уповати, что узрю тебя возвратившагося отѣ Пѣла? Но вниди любезное чадо! да наслаждуся зрѣнїемѣ твоимѣ: ибо зѣло мало приходиши на село къ намѣ; но всегда пребываеши во градѣ; тако бо угодно естъ гордымѣ женихамѣ, предустрояющимѣ тебѣ пагубу.

Муз

Мудрый Тилемахъ отвѣщалъ: Видимъ совокупно, любезный другъ, во швое вишалище; ибо тебя я ради пришелъ сѣмо, да узрю тя, и услышу нѣкое слово. Повѣдай мнѣ, еще ли маперь моя пребываетъ въ дому своемъ? Или уже нѣкто отъ мужей оныхъ поялъ себѣ въ жену? Одиссево же ложе, не имѣя на себѣ возлежащихъ, осквернено есть паучинами.

Евмей отвѣщалъ ему: Воистинну еще маперь твоя великодушнымъ сердцемъ пребываетъ въ дому своемъ, дни и нощи провождая въ слезахъ и печали. По семъ пріявъ отъ него копѣе, ввелъ вънутрь вишалища. Тогда Одиссей возставъ уступилъ Тилемаху мѣсто; но онъ его удержавъ рекъ: Сиди возлюбленный странниче! мы же обрящемъ себѣ инное мѣсто; и есмь человекъ, кой все угошоваешъ. Тогда Одиссей паки сѣлъ на своемъ сѣдалищи. Евмей насладяеъ зеле-
ной

ной травы, покрылъ оную мягкою
кожею, и посадилъ тамо Тилема-
ха, сына Одиссеева; по семъ при-
несъ сосуды съ жареными мясами,
кои оспалися отъ прошедшаго дня;
и предложивъ хлѣбъ въ кошни-
цахъ, поставилъ и чашу съ ви-
номъ. И такъ Тилемахъ садится
проштиву отца своего Одиссея, и
наконецъ всѣ простираютъ руки
къ пицѣ. Тилемахъ насытився оною,
вопрошаетъ Евмея: Повѣдай другъ
мой! откуда пришелъ странникъ
сей? Какіе корабли принесли его
во Иеаку? Ибо мнѣ, что не пѣшій
пришелъ онъ съмо.

Евмей отвѣщалъ ему: Возвѣ-
щу тебѣ, возлюбленное чадо! Онъ
повѣдалъ мнѣ, что родомъ отъ
острова Крита, и странствовалъ
во многихъ народахъ, тако суди-
вшу Богу; на село же мое пришелъ,
тайно ушедъ отъ феспротскаго
корабля. Се нынѣ вручаю его тебѣ,
пиво-

твори съ нимъ что хочещи; зане онъ ищетъ отъ тебя милосердія.

Тилемахъ рекъ Евмею: Во-
истинну печальное слово сказалъ
ты мнѣ: како могу я воспріяти
въ домъ мой сего пришельца? Самъ
младъ есмь, и не имѣю шоліко
силъ, дабы могъ прогнати мужей
творящихъ мнѣ обиды; а матеръ
моя двоякимъ мящется помышле-
ніемъ; пребывати ли въ дому сво-
емъ и блюсти снѣжаніе, почитая
ложе мукъ своего, моего же опца,
и сохраняя славу народа? Или
быти кому отъ Ахейнъ женою,
кто лучше всѣхъ есть, и кто
большіе дастъ дары? Страннаго
убо сего, когда пришелъ онъ въ
домъ швой, облеку во одежды доб-
рыя, дамъ ему обоюдный мечъ и
сапоги, и опущу куда сердце
его желаетъ. Когда же тебѣ уго-
дно, содержи его въ швоемъ дому,
а я отъ дому моего буду присы-
лаши сѣмо всякую пищу и хлѣбъ
обиль-

обильнѣ, да лстѣ невозбранно, и да не будетѣ тебѣ и прочимѣ твоимѣ сопастырямѣ въ тяжестѣ. Но во градѣ никакѣ не опиущу его; ибо въ дому моемѣ обитающѣ мужи зѣло насильственны; боюся, да не сотворятѣ ему обиды; и тогда сердцу моему будетѣ нестерпимая печаль; зане сотвориши мщеніе никакѣ не возмогу, единѣ обрѣтаяся между толкимѣ множествомѣ сильныхѣ юношей.

Великодушный Одиссей отвѣщалѣ ему: Возлюбленный другѣ! и мнѣ возможно нынѣ глаголати: воистинну и мое сердце зѣло раздирается досадою, когда слышу, что неистовые женихи толкія творятѣ насильствія въ дому твоємѣ противу твоея воли. Но повѣдай мнѣ, по твоему ли изволенію сѣя спраждеши? Или возненавидѣлъ тебѣ народѣ, слушая гласа Божія? Или гину сѣю возлагаеши на сродниковѣ твоихѣ, коимѣ
отѣ

отъ сопротивныя спраны възпашается подати тебѣ помощь, хотя бы и великая отъ того родилася вражда? О когда бы я въ сихъ напастяхъ толико былъ младъ, или былъ бы я сынъ Одиссеевъ, или и самъ Одиссей возвратился отъ многаго странствованія! Воистинну далъ бы сію главу мою на отсѣченіе спранному мужу, когда бы я пришелъ въ домъ Одиссеевъ, не воздалъ мщенія мужамъ симъ. Но ежели бы они побѣдили меня своимъ множествомъ; воистинну желалъ бы я паче убіенъ быти въ дому моемъ, нежели шоль вредоносныя видѣти дѣла; въ поношеніе спраждущихъ пришельцовъ, вино безъ пощады и истощаемое и пищи поядаемыя непрестанно всякимъ безстудствомъ.

Тилемахъ спвѣщалъ ему! Нѣсть ни единыя отъ сихъ винъ, о коихъ ты мя спросилъ; но тако великій дѣй устроилъ надъ нашимъ

шимъ родомъ ; ибо Аркисій ро-
дилъ единого Лаэрша , Лаэршъ
же родилъ единого Одиссея , Оди-
сей же родилъ единого меня ; сего
ради другія помощи нѣсть ни еди-
ныя , и тако зѣло многія нынѣ
враги обитаютъ въ моемъ домѣ ;
ибо коликіе суть знаменитые му-
жи въ Дулихіѣ , въ Самѣ , въ За-
кинѣ и во всей Ифакѣ , всѣ сіи
пробуютъ матери моей въ супру-
жество ; но она ниже опрелекаетъ
отъ сего брака , ниже конца мо-
жетъ содѣлать , между тѣмъ без-
судные женихи истощаютъ домъ
мой безъ милосердія ; въ скоромъ вре-
мени и самого меня , мною , погу-
бятъ . Но все сіе во власти боговъ
состоитъ . Ты же , любезный другъ
Евмей ! иди скоро къ возлюбленной
матери моей Пинелопѣ , и возвѣ-
сти ей , что я здравъ обрѣшаюсь
на селѣ , и отъ Пила возвратился
благополучно ; между тѣмъ я пре-
буду здѣсь . Но блюдися , да ни-
кто

кто о мнѣ не услышитъ отъ прочихъ Ахеанъ; ибо всѣ они совѣщающъ мнѣ пагубу; шокмо мать моя да будетъ о мнѣ свѣдома.

Евмей отвѣщалъ ему: Довольно сіе разумѣю; но скажи мнѣ, еда съ симъ возвѣщеніемъ пріиду и къ злополучному Лаэршу, кой хотя и зѣло печалился о Одиссеѣ; но всѣ дѣла съ рабынями купно наблюдалъ въ своемъ домѣ, ялъ и пилъ, колико сердце его желало; но нынѣ, когда ты, возлюбленное чадо! отшелъ во островъ Пилъ, повѣдающъ, что ни чего ни ястъ, ни пѣстъ, ниже дѣла назираетъ; но непрестанно воздыхаетъ, плачетъ и печалію терзается.

Тилемахъ отвѣщалъ ему: Печально и сіе; но оставимъ до времени Лаэрша; ибо когда бы все по своему хотѣнію можно было познати смертнымъ, воистинну и мы ожидали бы возвращенія Одиссева.

Часть II.

Ж

И

И такъ иди, и возвѣсти о семъ токмо матери моей, не совращаяся съ пути къ Лаэрту; ибо знаю, что Пислопа скоро пошлетъ рабыню повѣдати ему оми. Вскорѣ по семъ Евмей угощавая въ путь отходитъ.

Тѣмъ временемъ Паллада, пріавъ на себя образъ величественныя и благолѣпныя жены, спала отъ страны входа въ домъ Евмеевъ, единому являся Одиссею; Тилемахъ же не могъ ее видѣти, ниже разумѣти, [ибо не всѣмъ боги являющіяся видимы] сотворила ему помаваніе, кое скоро познавъ Одиссей, изходитъ внѣ ограды и является предъ нею; тогда Аѣинская богиня вѣщаетъ тако: Любезный Одиссей! откройся уже нынѣ предъ сыномъ твоимъ, да положивъ совѣщаніе о убивствѣ жениховъ отидеши во градъ Иѣаку; я же всегда буду готова васъ защищать.

Рекши

Рекши сѣе касается жезломъ
Одиссея; и абѣе гнусное его рубище
претворяетъ въ свѣтлыя одежды,
возрастила тѣло и возвратила ему
младость; наполнилися ланишы, и
власы отъ главы и отъ брады про-
стерлися долгѣе и черные. Сѣе содѣ-
лавъ отходитъ на Олимпъ; а Одис-
сей паки вѣодитъ въ храмину. Тиле-
махъ узрѣвъ его устрашился, ме-
щетъ отъсюду на него взоръ свой,
помышляя, не отъ боговъ ли кто
является предъ нимъ тако; и абѣе
вѣщаешъ къ нему: Что есть сѣе
странниче? Се зрю тя во инный
образъ превращеннаго; зрю и оде-
жды твои премѣненныя, и все
тѣло иное; воистинну нѣкто отъ
боговъ, обитающихъ на Олимпъ,
нишелъ ты къ намъ на землю.
Но умилосердися, да сотворимъ
тебѣ жертву и принесемъ златые
дары.

Одиссей отвѣщалъ ему: Не
богъ я есмь; почто мя уподобляеши
Ж 2 без-

бессмертнымъ? Но отецъ твой, о
коемъ ты всегда воздыхаеши, пре-
шперѣвая отъ злыхъ людей великія
обиды.

Такъ рекши облобызалъ сына
своего, и пролилъ на землю мно-
гія слезы, кои никогда прежде
не являлися на очахъ его. Ти-
лемахъ же недоумѣвая отвѣщалъ
ему: Неиму вѣры, како сіе мо-
жетъ быти? Воистинну нѣкій
богъ прельщаетъ мя, и къ вѣдше-
му приводитъ воздыханію. Нико-
гда смертный человѣкъ своимъ
разумомъ не можетъ содѣлати
стараго младымъ, ежели не самъ
богъ пришедъ сотворитъ сіе: не-
давно я зрѣлъ тебя сляченного
старостію, и гнусно облеченного,
но нынѣ паки зрю подобнаго бо-
гамъ обитающимъ въ небесахъ.

Одиссей рекъ ему: Возлюблен-
ный Тилемахъ! не удивляйся зѣло,
ниже недоумѣвай видя возлюблен-
наго отца твоего, съ тобою куп-
но

но пребывающа и разглагольствующа; ибо не прїидетъ уже отъ нынѣ сѣмо другїй Одиссей; но я есмь оный, кой претерпѣвъ многія напасти, паки по двадешашилѣтнемъ странствованїи пришелъ во отечественную землю; превращенїе же сїе есть дѣло богини Паллады, которая все шворитъ тако, како хочетъ: иногда младаго, и въ добрыя одежды облеченнаго юношу претворяетъ въ нищаго старца; иногда же вопреки сему содѣваетъ; ибо безъ всякаго шууда могутъ боги и прославити смертнаго человѣка, и паки его уничижити.

Тако рекъ Одиссей; Тилемахъ мещется на выю любезнаго своего родителя и проливаетъ слезы. Паки возобновляется неумѣнное рыданїе, въ коемъ воистинну застигла бы ихъ темная ночь, когда бы Тилемахъ предваривъ отца не рекъ къ нему тако:

Ж •

Дра-

Дражайшій отецъ! Какіе мореплаватели, и въ какомъ кораблѣ привезли тебя во Ифаку? Ибо мнѣ, что не ибшій пришелъ ты сѣмо. Одиссей отвѣщаль ему: Возлюбленный сынъ мой! повѣдаю тебѣ истину: Знаменитые феакіане привезли меня во отечество мое, кои и иныхъ спранныхъ людей приходящихъ къ нимъ препровождаютъ всюду. Они привезши меня сѣмо спящаго положили на брегѣ; данные же отъ нихъ знаменитые дары лежатъ въ пещерѣ сокровенны поощію боговъ. Въ домъ сей пришелъ я по совѣту богини Аѣинскія, дабы помыслили намъ вкупѣ о отмщеніи за обиды жениховъ. Ты изчисли мнѣ всѣхъ ихъ, да положу совѣщаніе во умъ моему, возможемъ ли мы едины спастись противу ихъ, или другія помощи поребно будетъ искать?

Тилемахъ отвѣщаль ему: Возлюб-

любленный мой отче! Многожды слышалъ я славу о великомъ тво-емъ мужествѣ и о премудрыхъ со-вѣтахъ; но нѣчто превыше всѣхъ человѣческихъ дѣяній вѣдаеши нынѣ; недоумѣніе обдержитъ мя; возможно ли двумъ мужамъ сра-жаться съ великимъ числомъ. Ибо жениховъ не десять и не двадца-ть, но много больше. Се изо-чту ихъ предъ тобою: Отъ оспро-ва Дулихія пятьдесятъ два, отъ оспрова Сама двадцать чешыре, отъ Закнифа двадцать, отъ Иѳаки дванадцать; кромѣ сего шесть рабовъ, единъ провозвѣс-тникъ Медонтъ, и единъ пѣвецъ, два раба изученные угошворяши сладкія пищи. Со всѣми сими когда сразимся мы, виждь, да не прї-имемъ сами горькую смерть. Но ты, когда можеши, призови въ по-мощь, кого заблагоразсудиши; ибо кто отречется готовымъ серд-цемъ насъ защищать.

Одиссей рекъ: Псвѣмъ тебѣ нѣ-
что; ты вниши и разсуждай: до-
вольно ли намъ будетъ помощни-
ковъ всесильнаго Дія и Аѳинскія
богини Паллады? Или еще кого
взыщемъ въ помощь?

Тилемахъ отвѣдалъ: Не пре-
одолимы суть сїи помощники, кои
сѣдять превыше облаковъ, и вла-
дычествуютъ надъ всѣми смерт-
ными и бессмертными богами.

Вскоре они, Одиссей рекъ,
являсь къ намъ на помощь, когда
брань и мщеніе Ареево прощиву же-
ниховъ воздвигнемъ. Ты заутра
сѣ возхожденіемъ зари взыди въ
домъ свой, и тамо дерзновенно
разглагольствуй сѣ оными жестоко-
вѣйными мужами; меня же послѣ
приведетъ Евмей во образѣ нищаго
старца. Когда они будутъ мнѣ
швориши посмѣянїя, претерпи все
мужественнымъ сердцемъ; ежели
и чрезъ домъ повлекутъ мя за ноги,
или прїиму и ударенїя, все сноси
вели-

великодушно, и увѣщевай ихъ мягкими словами престаши отъ безумія; ибо я знаю, что они не послушаютъ твоихъ совѣтовъ; зане приближается уже день пагубы ихъ и мщенія. Чтоже реку тебѣ нынѣ, соблюди на сердцѣ своемъ: когда премудрая Паллада воздвигнетъ духъ мой ко брани; тогда сотворю тебѣ главою своею помаваніе; и ты уразумѣвъ оное, войди въ горній мой чертогъ, и тамо собравъ все мое раннее оружіе, постанови щадительно ко особой хранимъ. Ежели узрятъ женихи творящаго тебя сіе, и вопросятъ, отвѣщай имъ, что отъ дыму сохраняя сіе твориши; зане все отца моего оружіе не такое нынѣ зрится, какое онъ оставилъ при обществѣи своемъ во Трою; но отъ огня и дыму все пощемѣло и снѣдается ржею. Рцы и сіе: боюся припомъ и того, да нѣкогда опягчены бывъ виномъ, воздвигнете распрю; и тогда уяз-

Ж

вите

вите другъ друга, и оскверните
пиршество и брачныя приуготовле-
нiя; зане желѣзо само влечетъ къ
себѣ мужа. По семъ постави намъ
два меча, два копiя и два щита.
И тако послѣ мы притекши вос-
прiимемъ все уготованное; а Дiй и
Паллада помрачатъ ихъ разумы.
Реку тебѣ и сiе: когда ты сынъ
мой еси, и отъ нашея рожденъ
крови, виждь, да никто не позна-
етъ, что я обрѣтаюся въ дому
своемъ, ниже Лаэртъ, ниже Евмей,
ниже отъ домашнихъ кто, ниже
самая Писклопа; но токмо ты и я
познаемъ нравшу рабынь нашихъ,
искусимъ также и рабовъ твоихъ,
кто почитаетъ насъ и боится;
кто презираетъ и не воздаетъ тебѣ
почтенiя, въ такихъ лѣтахъ су-
щему. /

Тилемахъ отвѣщалъ: Отче!
воистинну познаеши духъ мой и
не устрашимое дерзновенiе; но сiе,
мню, не будетъ намъ полезно, ко-
гда

гда начнемъ испытывати нравы рабовъ нашихъ, взирая на дѣла ихъ; можемъ бо познати и послѣ; зане они распочающъ токмо домъ безъ всякаго пощаждѣнiя; о рабыняхъ же воистинну совѣстную тебѣ учинити назиранiе, кои не почитаютъ тебя, и суть безсудны.

Такъ Тилемахъ и Одиссей разглагольствовали. Тѣмъ временемъ корабль, привезшей Тилемаха изъ Пила, въ градъ прибылъ; мореплаватели ясли сто въ пристанище; по семъ вскорѣ послали въ домъ Одиссеевъ провозвѣстника съ возвѣщенiемъ Пинелопѣ о благополучномъ Тилемаха отъ путешествiя возвращенiи, что онъ обрѣщается на селѣ, дабы царица не проливали вошче слезъ о своемъ сынѣ. Провозвѣстникъ и Евмей, несущiе едино возвѣщенiе, другъ со другомъ сръжаются; и первый предварительно притекши предъ царицу, тако вѣщаетъ: Пинелопа!

Сынъ

Сынъ твой возвратился здравъ отъ острова Пила. По семъ Евмей приближився повѣдалъ все, что ни повелѣлъ Тилемахъ. Исполнивъ сіе, скоро отходитъ наки на село. Женихи услышавъ о семъ, зѣло вознегодовали; и изшедши изъ дому, сѣли близъ ограды при врагахъ. Тамъ Евримахъ начинаетъ тако: Други мои! мы уповали, что Тилемахъ путешествіе не совершитъ благополучно; нынѣ же содѣлалось вопреки нашимъ желаніямъ. Пошцимся убо послаши вѣстниковъ къ спрѣтущимъ его, да скоро отшуду возвратятся. Амфиномъ абіе узрѣвъ корабль вшедшій въ пристанище, и соглядатаевъ въприла собирающихъ, тако къ женихамъ вѣщаетъ: Или сами они узрѣвъ корабль Тилемаховъ мимошедшей не могли обрѣсти его. Тако рекъ: пловцы же возставъ отъ мѣстъ и изшедъ на брегъ моря, извели корабль на сушу. Оружіе отнесе-

но

но въ дома рабами ихъ; а сами они
 пошли всѣ во едино сонмище, гдѣ
 Анпиной, сынъ Евпиеевъ, начина-
 етъ тако: Когда Тилемахъ спасся
 нынѣ отъ смерти, воиспину сами
 боги о немъ промышляли; ибо по
 захожденіи солнца чрезъ всю ночь
 мы бодрствовали, разбѣзжая по
 морю до самыя зари, и назирая
 Тилемаховъ корабль, дабы убити
 въ немъ его. Но нѣкто, мню, отъ
 боговъ повелъ его безвредна. И
 такъ положимъ совѣшы, дабы уби-
 ти его здѣсь, и дабы никако отъ
 рукъ нашихъ не спасся; ибо не
 уповаю живу ему сущу исполни-
 ся желанію нашему; зане и самъ
 разумомъ и совѣтами предъ мно-
 гими преуспѣваетъ; да и народъ
 не совѣмъ намъ благопріятству-
 етъ. Пошщимся убо предвариши,
 доколѣ не соберетъ онъ Ахеянъ
 на сонмище, [ибо не оставитъ,
 мню, сего;] и тамо весь народъ на-
 гиѣвъ не подвигнетъ, повѣдавъ
 предъ

предѣ всѣмъ , что мы совѣщевали
ему смертоносную пагубу , но не
возмогли оныя свершити . Тогда
услышавъ о таковыхъ дѣлахъ на-
шихъ , вознегодуютъ на насъ ; и
мы послѣ должны спрѣшиться ,
дабы не постигло какое зло насъ ;
или дабы не изгнали насъ отъ зе-
мли сея ; и тогда будемъ скипа-
тися въ чуждыхъ народахъ . Пред-
ускоримъ сѣе , опѣявъ живомъ его ,
или на полѣ далече отъ града , или
на пути ; наслѣдіе же его раздѣ-
лимъ между собою , какъ подоба-
етъ ; домашнія снѣжанія оставимъ
машеръ сію и шому , кто въ жену
ее себѣ поиметъ . Но ежели сей
мой совѣтъ является предѣ вами
не полезенъ , и хотите , дабы онъ
живъ былъ и обладалъ отеческимъ
наслѣдіемъ ; то совѣшную не расточа-
ти больше его имѣнія , и отшедъ
въ дома свои , требовати Пинелопу
въ жену себѣ посредствомъ мно-
жайшихъ даровъ , и уповати , кому
судьба

судьба благоволилъ обладати ею. Тако рекъ; и всѣ пребывали въ глубокомъ молчаніи. По семъ Амфиномъ, сынъ знаменитаго царя Аристія, родомъ изъ острова Дулихія, кой всѣмъ женихамъ былъ предводитель, и Пинелопъ за кропкѣй нравъ и здравыя разсужденія пріяшенъ, тако рекъ: Други мои! не хочу я убійства Тилемаху; ибо царская проліянная кровь не оспанешся безъ опмщенія. Первѣе убо испытаемъ ошѣна боговъ. Когда на сіе будешь великаго Дія изволеніе; тогда я не токмо подамъ совѣтъ прочимъ; но и самъ исполню: ежели же намѣреніе наше прошивно богамъ, престапи лучше мню отъ сего злаго дѣла.

Тако рекъ Амфиномъ; и всѣмъ угодно явилось слово его. Вскорѣ по семъ возставъ, пошли въ домъ Одиссеевъ. Тогда мудрая Пинелопа, изшедъ отъ своего чертога съ двумя рабынями, спала въ дверяхъ дому,

дому, гдѣ пребывали женихи, и имѣя на главѣ покрывало, вѣщаетъ къ нимъ: Аншиной! Какое ты нарицаешься между знаменитѣйшими Поакіанами превосходнѣйшимъ во всѣхъ совѣсахъ и разглагольсвїяхъ? Злокозненный! Почему Тилемаху устроиши убійство и смерть, ниже зриаеши на невинность, коея самъ великій Дій есть свидѣтель? Или не знаешь, како онецъ твой пришелъ сѣмо, убѣгая отъ раздраженнаго народа? Ибо постигая Тафійскихъ разбойниковъ, вѣдми огорчилъ беспрощаиъ, кои были дружеслюбны, но его хотѣли убити, и все великое стяжаніе разсыпати. Однако Одиссей возпрепятствовалъ и удержалъ вредное ихъ спремленіе; ты же нынѣ домъ твоего благотворителя безстудно разпочаеши; и желая пояти меня въ жену, сына моего убити щдишися? Совѣшую убо тебѣ спложити сіе злое намѣреніе, да

и всѣмъ твоимъ единомышленникамъ о томъ же напоминаю.

Евримахъ, сынъ Полиевъ, отвѣщалъ на сіе: Премудрая Пинелопеа, дщи Икаріева! Да не смущается сердце твое таковыми помышленіями! Нѣсть здѣсь мужъ, ниже былъ, ниже будетъ, кой бы на сына твоего Тилемаха могъ вознести руки, доколѣ я живъ обрѣтаюся, и вижу себѣ солнечный. Что реку, то и будетъ: вскорѣ обогриши сіе коніе кровію шого, кто помыслилъ пагубу на Тилемаха; ибо помню я, како градоразрушитель Одиссей многжды малолѣтна суца мя держалъ на своихъ колѣнахъ, подавалъ мнѣ жаренныя мяса и поилъ сладкимъ виномъ. Сего ради Тилемахъ паче всѣхъ мнѣ есть любезенъ. Повелѣваю убо ему не бояшися нападенія жениховъ и смерти; отъ Бога же не возможно есть убѣжати.

Часть II.

3

Тако

Тако рекъ ушѣшая; въ самой же вещи первый былъ виновникъ соѣщанія ему пагубы. Пинелопя вознедъ въ горній чертогъ, наки предався рыданію о возлюбленномъ своемъ супругѣ Одиссеѣ, доколѣ Аѣинская богиня сладкій сонъ на вѣжди ея не излила. Тѣмъ временемъ уже преклоншуся дню къ вечеру, Евмей пришелъ обратно къ Одиссею и Тилемаху, кои тогда угощевляли вечерю закладъ единокѣпнаго вепря. Божественная Паллада приближився къ Одиссею, наки касается ему жезломъ, и наки прешворяетъ въ нищаго старца, дабы Евмей познавъ не возвѣсшилъ Пинелопѣ.

Тогда Тилемахъ первый вѣщаетъ къ нему: Повѣдай, любезный мой Евмей! Какій слухъ носится во градѣ, уже ли возвратилися женихи отъ ловительства? Или еще спрегутъ въ домъ моего возвращенія?

Во-

Вопрошенный рекъ: Не имѣлъ я попеченія вопрошати и испытывати о семъ; ибо пришедъ во градъ и возвѣстивъ повѣстное матери твоей, паки шѣлся возвращитися поспѣшно съмо; и тогда увидѣлъ я идущаго мнѣ на встрѣчу отъ твоихъ спутниковъ провозвѣстника, кой первый повѣдалъ о тебѣ твоей матери. Кромѣ сего, бывъ уже на пуши, гдѣ четверугольная зрится могила, видѣлъ я гонимый корабль въ пристанищѣ; многіе мужи были на ономъ; многіе блещали щипы и конія. Сихъ мною быши пагубоносныхъ твоихъ соглядатаевъ: а болѣе ничего не знаю.

Тилемахъ слышавъ сіе воззрѣлъ на отца, и тайно отъ Евмея ослабился. По семъ насытився пищею и пишемъ ко сну всѣ отходятъ.

ОМИРОВОЙ ОДИССЕИ

ПѢСНЬ СЕДЬМАЯ НАДЕСЯТЬ.

Ро.

Когда явилася багряновидная
депшица, тогда Тилемахъ подвѣ-
завъ подъ ноги сапоги, пріемлетъ
конѣ, рукамъ его способное, гото-
вится ити во градъ, и тако вѣ-
щаетъ ко Евмею: Любезный другъ!
Се я отхожду во градъ, да узришь
меня машерь моя; ибо мню, что
не престанешъ отъ слезъ и возды-
ханій, доколѣ не увидишь мя сво-
ими очами. Тебѣ же повѣлѣваю отвес-
ти сего страннаго мужа во градъ;
тамо всякъ подастъ ему, кто
восхощетъ, или хлѣбъ, или чашу
вина; ибо мнѣ, имѣющему на сер-
дцѣ толикія скорби, невозможно
всѣхъ странныхъ питати. Хотя
сѣ и прогнѣвается на меня, не
взираю; зане всегда люблю сп-
крывати истинну.

Одис-

Одиссей отвѣщалъ на сіе: Возлюбленный мой другъ! Не хочу и самъ болѣе здѣсь жи́ти; ибо ни-
щему полезнѣе обитати во градѣ,
нежели на селѣ. Иди убо, любез-
ное чадо! Меня же по повелѣ-
нію твоему отвѣдетъ сей мужъ,
когда согрѣюся и въздушъ тепло-
носные солнечные лучи; ибо оде-
жда сія малое подаетъ мнѣ за-
щищеніе отъ студени. Напрошивъ
того градъ, какъ вы сами повѣда-
ли, далече отсшолшъ отсюду.

Тако рекъ Одиссей: Тилемахъ
же спремися въ путь ко граду,
совѣщая женихамъ пагубу. По
пришествіи въ домъ, коіе по-
ставилъ при столпѣ, по томъ вхо-
дитъ въ чертоги, гдѣ первая уз-
рѣла его пишательница Еврикля со
прочими рабынями; и пришекши
къ нему со слезами, лобызаютъ
главу и рамена. Пинелопа услы-
шавъ о пришествіи сына, изхо-
дитъ отъ чертога аки Аршемида,

или златовидная Афродита, и приближився къ нему, емлетъ его во свои объятія, лобзаетъ главу и очи, и проливая слезы вѣдаетъ: Возлюбленный Тилемахъ! Пришелъ ты, сладчайшій свѣтъ очей моихъ! Моглали я уповать, что узрю тебя, когда отшелъ ты тайно во островъ Пилъ извѣститься о оцѣ твоёмъ.

Тилемахъ отвѣщалъ ей: Возлюбленная мати! Не приводи меня ко слезамъ, и не возмущай сердца моего, ежели я спасся отъ гибели; но возшедъ въ чертогъ умылся; и одевшись въ свѣтлыя одежды, обѣдай богамъ принести спочисленную жертву, еда благоволишь всемогущи Дѣи воздати отпущеніе? Я же спожоуду на сонмъ, да возглашу тамо нѣкоего странника, со мною пришедшаго, коего я предпослалъ на корабль въ домъ Пирея, да со тщаніемъ его тамо угождаетъ.

Такъ

Тако рекшу, Пинелопа возшедъ въ чертогъ исполнила все по завѣщанію сына, кой также изшелъ изъ дому, держа въ рукахъ копіе; за нимъ послѣдуютъ псы. Тогда божественная Паллада излила на него благодать свою. Народъ узрѣвъ его идущаго зѣло удивился, и вси женихи собралися окрестъ его, устами желая всякаго блага, въ сердцахъ же совѣщевая пагубу. Онъ изшедъ изъ среды многочисленнаго народа, входитъ въ собраніе; тамо сидѣль Меншаръ, Антифъ и Алиѳерсъ, древніе други отца его, кои вопрошали о всемъ его по единому. Тамо явился и Пирей, приведшей помянутаго странника Теооклимена, и тако рекъ къ Тилемаху: Возлюбленный другъ! пошли рабынь своихъ въ домъ мой, да возмутъ опшуду дары, данныя тебѣ Менелаемъ.

Тилемахъ рекъ: Другъ мой!

еще не извѣстно, какое дѣла мои
примутъ окончаніе; ибо когда
гордые женихи убѣютъ меня тай-
но, тогда раздѣлятъ и все мое
спяжаніе. Сего ради желаю оны-
ми дарами наслаждаться тебѣ па-
че, нежели отъ нихъ кому. Ко-
гда же ихъ пошлю въ сѣни смер-
тныя, тогда принеси ихъ ко мнѣ
въ домъ; я въ то время приму
сѣ радостию.

Сіе рекши, ведетъ въ домъ
странника, гдѣ обоихъ рабыни
умыли и умаслили масломъ. По на-
сыщеніи пищою и питіемъ, царица
Писелона начинаетъ шако: Любез-
ный Тилемахъ! Иныѣ я възду въ
чертогъ, и почію на ложѣ, кое
вельми меня побуждаетъ къ скор-
би, и всегда слезами моими оро-
шается, опшелъ же возлюбленный
мой Одиссей пошелъ со Апре-
евыми сынами на бракъ Троян-
скую. Но ты не могъ ничего воз-
вѣстипи мнѣ о ошѣ швоемъ, до-
колѣ

колѣ прїидутъ въ домъ нестерпимые женихи.

Тилемахъ отвѣщалъ: Возлюбленная мати! Повѣдаю тебѣ всю истинну: оспавя мы Иѳакїйскія берега, направили путь нашъ во островъ Пилъ къ царю народовъ Нестору, кой со всякимъ щанїемъ воспрїявъ меня любилъ аки отецъ сына, но о Одиссеѣ ничего не могъ повѣдати, живъ или мерщвъ обрѣщается; и отпустилъ меня къ Менелая, сыну Атресу, давъ миѣ кони и колесницу. Тамо видѣлъ я Аргивскую царицу Елену, за копорую многіе Ахеяне и Трояне волю боговъ сокрушили мышцы. Тогда спросилъ мя Менелай: коея ради вины пришелъ я въ Лаккедемонъ? Я ему возвѣстилъ всю истинну; на что рекъ миѣ онъ: Увы! како безмолвные юноши дерзнули почити на ложѣ полъ крѣпкаго и сильнаго мужа? Аки младая лань съ еленемъ возхитивъ дѣшей силь-

наго льва, усыпляетъ ихъ на холмѣ въ густой дебри; сами же пасутся въ злочной юдоли: но сей пришедъ, и не видя исчадія своего, прошекаетъ всюду; носемъ обрѣвши сленя съ ланію, и обоихъ разтерзавъ пожираетъ; тако Одиссей возвратився торкую женихамъ содѣлаетъ пагубу. Ошче Дій, Паллада и Аполлонъ! О когда бы таковъ нынѣ возвратився Одиссей явился предъ гордыми женихами, каковъ былъ въ Лесвѣ, когда сражался съ сыномъ Филомила, коего сокрушивъ низвергъ мужественно; тогда всѣ Ахейцы возрадовалися. Тако днесь оныя констину скоро бы узрѣли конецъ горестнаго своего брака. О чемъ же вопрошаеши и испытуеши, ничего не сокрыю, но возвѣдуду тебѣ все, елико повѣдалъ мнѣ морскій старецъ, любящій истинну.

Возвѣстивъ онъ мнѣ, что видѣлъ его сиѣдаема печалію, обитаю

тающаго въ домѣ богини Калиисы, которая по нехотѣнію держишъ его во своемъ островѣ; зане онъ не имѣя корабля, ни спутниковъ, не можетъ опшуду прѣйти во отечественную землю. Сіе шокмо повѣдалъ мнѣ Менелай; а я услышавъ сіе опшелъ отъ него; и боги поспѣшный въшрѣ пославъ, благоволили увидѣши паки отечество.

Тако рекши, возбудилъ сердце мапери своя къ вѣдѣнію сѣтованію. Тогда Осоклимсиъ начинаешъ рѣчь свою сице: Почтенная царице! Воистинну Менелай ничтоже вѣсть; но внуши мои глаголы, кои я хошу рещи предъ тобою; да буди днесъ свидѣтелями отецъ боговъ Дій, спраннопріемный столъ и домъ сей, въ коемъ шенерь обрѣтаюся, что воистинну Одиссей уже пришелъ въ отечественную страну, и нѣгдѣ сокровенно пребывая испытуетъ о дѣлахъ неистовыхъ жениховъ, и имъ совѣ-
ще-

щеваетъ пагубу. Сіе позналъ я
бывъ еще въ кораблѣ, и попомъ
открылъ Тилемаху.

Пинелопя рекла ему: О когда
бы совершилося слово швое, во-
испину позналъ бы ты мое дру-
жество, и получилъ бы дары такъ,
что всякъ узрѣвъ возмездіе, на-
рекъ бы тебя блаженнымъ!

Такъ Пинелопя, Тилемахъ
и Теоклименъ разглагольствовали.
Тѣмъ временемъ женихи предъ до-
момъ Одиссеевымъ на помостѣ раз-
ными играми утѣшались. Когда
же приблизилось время вечераши,
и уже приведены были овцы съсе-
ла, тогда Медонъ вѣдася къ
нимъ: Знаменитые юноши! время
уже вечераши. Идите въ домъ,
да угошоваемъ пиршество; ибо прі-
имати пищу во время есть благо-
попробно.

Такъ рекъ: и всѣ возставъ отъ
мѣстъ своихъ пришли въ домъ,
и угошовавъ вечерю насыпились.

Евмей

Евмей же пребывая на селѣ своемъ, вѣщаетъ къ Одиссею: Спранниче! время уже нынѣ ити во градъ, какъ повелѣлъ мнѣ Тилемахъ. Воистинну желалъ бы я поставити тебя стражемъ въ дому семъ; но боюсь, да не како прогнѣвается послѣ владыка и царь мой; ибо прещенія вышнихъ неудобъ терпимы суть. И такъ поидемъ шеперь; зане день уже много преклонился, и скоро настанетъ хладный всеръ.

Одиссей отвѣщалъ ему: Я уже готовъ есмь; отѣидемъ въ путь; но прежде даждь мнѣ посохъ, да не преткнуся на пуши, о коемъ вы повѣдали, что вельми есть поползновенъ.

Рекши тако, положилъ абѣ на рамена вѣшную диравую суму. Евмей вручилъ ему посохъ; и тако направили въ путь свои стопы. Наконецъ приблизилися ко граду, и находилися близъ источника, содѣла-

содѣланнаго Исакомъ, Ниришомъ и Поликторомъ, окрестъ коего была дѣбрь, въ коемъ вода была присношущая отъ высокїя каменныхъ горы, и въ коемъ всѣ граждане почерпали оную; тамо на верху былъ сооруженъ жертвенникъ, гдѣ всѣ путешествующіе приносили нимфамъ моленіе. Тамо срѣщаетъ ихъ Меланѣй, сынъ Доліевъ, ведя на вечерю женихамъ козъ; съ нимъ слѣдовали еще другіе два пастыри. Онъ узрѣвъ Евмея и Одиссея идущихъ, съ гордоснїю и уничиженїемъ рекъ: Се безумный идешь безумнаго! Тако всегда Богъ равнаго къ равному посылаетъ. Несмысленный пастухъ! камо ведещи сего ницѣго, пунейдѣца и досадишеля пиршесствующихъ? Войстинну многія онъ понесетъ на хребтѣ своемъ ударенїя. Дажь убо мнѣ его, да учиню спражемъ и назирателемъ спада моего, и будетъ носити сѣно въ пищу скотамъ.

тамъ. Но вижду, что ему не угодно
 приступиши ко трудамъ; ибо при-
 обыкъ къ праздности, и прятаяся
 въ народъ просиши милосыни для
 ненасытнаго своего чрева. Все
 что ни реку, исполнится сіе съ
 нимъ: когда увидѣтъ онъ въ домъ
 Одиссеевъ, многія тамо отъ рукъ
 мужей полетятъ на главу его
 подножія, и многія на ребрахъ
 своихъ узритъ раны. Тако вѣщая
 съ посмѣянїемъ ударяетъ его по
 бедрѣ пятаю. Тогда Одиссей раз-
 драженъ бывъ, помышляетъ: ус-
 шремилися ли на него, и подъявъ
 удариши главою о камень? Или пре-
 терпѣши? Однако понесъ муже-
 ственно на своемъ сердцѣ. Тогда
 Евмей много поносивъ Меланцію,
 наконецъ прибѣгаетъ къ моленію:
 О божественныя нимфы, дщери
 Дїеы! Ежели когда вамъ Одиссей
 отъ овновъ или козловъ принесъ
 въ жертву тучныя бедра, да прї-
 идетъ съмо, руководимъ самимъ
 богомъ!

богомъ! Тогда всѣ твои рассып-
лются посмѣянїя, кои нынѣ не-
истово тѣориши скипая по гра-
ду и ославляя спада, по нерадѣ-
нїю пестуховъ, погибающїя втунѣ.
Меланей рекъ: О други мои! ка-
кое слово хитрый сей песъ изрекъ
нынѣ? Воистинну нѣкогда послю
корабль для прибрѣтенїя многихъ
сокровищъ; Тилемаха же да убїетъ
самъ Аполлонъ въ дому его; или
да погибнетъ отъ рукъ жениховъ,
какъ и день Одиссеева пришествїя.

Сїе рекши оставилъ ихъ идущихъ въ молчанїи. Самъ скоро
приблизився къ дому, и вшедъ
внутри чернаго сѣлѣ бли въ Гври-
маха, коего нѣче всѣхъ любилъ.
Тамъ подали ему мно ія мяса, а
рабыня предложила хлѣбъ. По семъ
Фимій началъ играти предъ ними
пѣсни на цѣнницѣ. Тогда Одиссей
приблизився къ дому, и услышавъ
гласъ пѣнїя, емлетъ за руку Ев-
мея, и тако вѣщаетъ: Другъ мой!
Во-

Воистинну сей есть домъ Одиссе-
евъ? Удобно можно познаши сѣю
изъ всѣхъ прочихъ по единому ве-
ликолѣпному украшенію, по оградѣ,
по вратамъ и по укрѣпленію.
Познаю и то, что многіе тамо
обрѣтаются пиршествующіе мужи;
ибо воня отъ жаренія мясѣ касается
моего обонянія; слышу и гласъ
играющаго на цѣвницѣ, содѣланной
богами къ утѣшенію въ пирше-
ствахъ.

Евмей отвѣщалъ: Тако есть;
самъ можешь познаши. Но помы-
слимъ, како будутъ дѣла наши?
Или ты прежде вступи въ чертоги,
и спани тамо предъ веселящимися
женихами, я же остануся здѣсь; или
когда хочешь, пребуди здѣсь; но
только не замедли, да не кто уз-
рѣвъ отъ рабовъ, поразитъ тебя
удареніемъ, или вонъ ижденетъ
отъ дому; сего совѣтую тебѣ
блюдися.

Часть II.

И

Мудрый

Мудрый Одиссей рекъ: Довольно разумѣю швои совѣшны; но иди ты прежде; я же здѣсь остануся: ибо заушенія и раны давно мнѣ суть свѣдомы, а припомѣ и сердце имѣю мужесшвенное; зане много прешерпѣлѣ на моряхъ и на брани съ мужами. Пагубнаго же чрева, кое содѣваетъ много зла людямъ, никшо сокрыши не можетъ; ради его и корабли вооружающа, и не укрощимое море преплавають, неся смерть сопротивнымъ.

Тако они разглагольшвовали. Тамо при врапахъ на гноищи лежалъ несъ, Аргъ зовомый, коего самъ Одиссей воспиталъ, и опходя на брань въ дому оставилъ, коего рабы во отсутствіе царево всегда брали на ловишву сернѣ, еленей и зайцовъ, и кой за старость у всѣхъ былъ въ небреженіи. Сей узрѣвъ идущаго Одиссея, и познавъ быти владыку своего, низвѣсилъ уши, и ошибомъ помаваетъ; но приближися

тисся не могъ къ царю отъ осла-
бѣнїя. Одиссей узрѣвъ его изпу-
стилъ слезы, и вопрошаетъ Евмея:
Другъ мой! Удивляюсь воистинну,
видя пса сего въ небреженїи ле-
жащаго на гноищѣ; не знаю, па-
ковъ ли скоръ зрится въ бѣганїи,
каковъ зрится пѣломъ? Или онъ
есть отъ пѣхъ псовъ, коихъ домо-
лады при сполахъ всегда вос-
пишываютъ ради утѣшенїя?

Евмей отвѣщалъ: Сей несѣесть
давно умершаго царя моего. О ко-
гда бы таковъ онъ нынѣ былъ пѣ-
ломъ и дѣлами, какова оставилъ
его Одиссей при отшествїи во Трою,
воистинну удивился бы ты быстро-
тѣ его! Ибо какого ни узришь звѣ-
ря, не можешь не уловить его,
хотя бы оной во мрачныхъ лѣсахъ
укрывался, но вскорѣ по слѣдамъ
его обрѣтаешь; нынѣ же вовсе пре-
зрѣнъ есть: ибо владыка его по-
гибъ далече отъ отечества; рабы-
ни не даютъ ему никакія пищи;

да и рабы, когда не видятъ надѣ собою владычествующаго, не исполняютъ своихъ дѣлъ; ибо цѣлую половину мужества и храбрости отъземлетъ Дій, когда человѣка постигаетъ день ига и рабства.

. Сіе рекши входитъ внутрь чертоговъ къ гордымъ женихамъ. Песъ Аргъ, когда узрѣлъ своего царя въ двадесятый годъ, абіе скончалъ дни бытія своего. Тилемахъ узрѣвъ вшедшаго Евмея, и скоро призвавъ его къ себѣ, повелѣлъ пріяти сѣдалище. Провозеѣшникъ предложилъ ему многія мяса и хлѣбъ; и абіе онъ сѣлъ прошиу Тилемаха. Вскорѣ по семъ входитъ и Одиссей во образѣ нищаго старца, имѣя раздранныя рубища, и опираясь о посохъ, и сядиша при прагѣ на пути. Тилемахъ взявъ отъ кошницы мяса и хлѣбъ, колико руки могли вмѣстити, вѣщаетъ ко Евмею: Пріими сіе, и подаждь сему спранному мужу,

и скажи, дабы онъ отъ всѣхъ здѣсь
пиршествующихъ просилъ пищи;
зане стыдъ не приличенъ есть му-
жу нищу. Тако рекъ; Евмей же
пріѣвъ яству, и пришедъ ко Одис-
сею вѣдаетъ: Пріими сіе, стран-
ниче! Се тебѣ Тилемахъ даетъ,
повелѣвая равно и отъ всѣхъ здѣсь
сѣдѣющихъ просити себѣ пищи; зане
стыдъ мужу нищему есть не свой-
ственъ.

Одиссей отвѣщалъ ему: Силь-
ный царю Дій! Сотвори Тилемаха
между всѣми мужами блаженнымъ,
и исполни всѣ его желанія, какія
на сердцѣ своемъ онъ имѣетъ. Сіе
сказавши, обѣими руками данную
пищу пріемлетъ, и положивъ предъ
ногами своими на мѣшцѣ, ястъ во
время игранія пѣвцова.

Тѣмъ временемъ женихи воз-
двигли ропотъ и мяшежъ. Палла-
даже приближася ко Одиссею, воз-
будила его отъ всѣхъ жениховъ
просити подаанія, да познаетъ, кто

отъ нихъ есть праведенъ, и кто обидливъ? Дабы ни единъ изъ таковыхъ не избѣгъ пагубы. Возставъ идетъ просити; и стоя предъ каждымъ простираетъ руки, аки многое время въ нищестѣ обрѣтался. Женихи милосердствую подавали ему, и взирая на него удивлялися, и другъ друга вопрошали: Кто есть сей? И откуда? Меланѣй тако вѣщаетъ: Нищаго сего привелъ съмо пастухъ Евмей; откуда же, и кто онъ есть? Не знаю. Тако рекъ. Анпиной слышавъ сіе, начинаетъ поносиши Евмея: несмысленный пастухъ! Почто привелъ ты къ намъ старца сего? Или мало видимъ мы въ домѣ семъ скипающихъ и другихъ многихъ нищихъ, кои шокмо разрушаютъ веселыя наши пированія? Или ни во что вмѣняешь, когда всѣ таковыя поядаютъ сѣжанія царя? Но ты и сего привелъ.

Евмей отвѣдалъ: Анпиной! Какъ разуменъ будучи вѣщаеши не

неправая? Кто когда призываетъ
ошкуду странника? Развѣ отъ ша-
ковыхъ, кои суть обучены знанію
каковому либо? Напримѣръ, или вра-
ча, или древодѣля, или искуснаго
пѣвца? Ибо сіи суть люди на зем-
ли знаменитые; нищаго же и при-
шельца никто не призоветъ. Но
ты, Антиной! изъ всѣхъ жениховъ
досадишеленъ рабамъ дому Одиссе-
ева, паче всѣхъ мнѣ; но я не взи-
раю на тебя, доколѣ царица моя
Пинелопеа и сынъ ея Тилемахъ въ
дому своемъ пребудутъ.

Тилемахъ рекъ ко Евмею: Умолк-
ни и не разпространяй велерѣчія
твоего; ибо Антиной и самъ обыкъ
творити распри, прочихъ возму-
щая. Посемъ обратясь ко Анти-
ною, вѣщаетъ: Антиной! Ты рав-
ное о мнѣ имѣеши попеченіе, яко
отецъ о сынѣ; како убо гордымъ
гласомъ страннику сему повелѣва-
еши избити изъ дому моего? Да не
сотворитъ сего богъ. Подаждь ему,

колико хочеши , не возбраняю , но паче совѣтую. Не взираи въ семѣ случаѣ ниже на мать мою, ниже на прочихъ челядинцевъ Одиссея. Но знаю, что не таковы суть въ сердцѣ твоёмъ помышленія ; зане самъ паче желаеши насытитися , нежели другаго накормиши. .

Антиной на сіе рекъ: О веле-
рѣчивый и высокоумный Тилемахъ!
Какъ вѣщаеши сіе ? Когда бы всѣ
мы толико же дали ему пищи, во-
истинну чрезъ три мѣсяца , пре-
бывая неизходно въ дому своёмъ,
не пожралъ бы. Рекши сіе, возхи-
тилъ абіе поданное , и показалъ
ему; прочіе же всѣ наполнили хлѣ-
бомъ и мясами мѣщѣ нищаго ,
кой вскорѣ имѣлъ явитися истин-
нымъ Одиссеемъ, и кой отходя на
свое мѣсто , и пришедъ ко Анти-
ною тако вѣщаетъ : Друге ! Подай
мнѣ отъ пищи, елико хочеши; ибо
ты зришися мнѣ подобенъ быти
царю ; сего ради паче прочихъ по-

добаетъ тебѣ удѣлити отъ пищи
швоея; я же превознесу имя швое
повсюду: ибо и я нѣкогда имѣя ме-
жду людьми богатый домъ, нарицал-
ся благополучнымъ; и многажды
спраннымъ подавалъ отъ всѣхъ
вещей, какія шокмо имъ были по-
шребны. Имѣлъ я зѣло многихъ ра-
бовъ, и изобиловалъ всякими благи-
ми. Но великій Дѣй все по своему изво-
ленію отъѣялъ, пославъ меня съ за-
блуждающими всюду разбойниками
во отдаленную Египетскую спра-
ну, дабы тамо погибъ. И тако
спавши съ кораблями своими въ
Египетской рѣкѣ, повелѣлъ со-
путникамъ своимъ извлечь ихъ на
сушу и пребывать тамо; но томъ
избравъ нѣсколько отъ нихъ,
послалъ соглядати землю сію. Но
они повинуюся безумію своему
начали опустошати села и по-
хищати младенцевъ, коихъ уби-
вали. Египтяне услышавъ вопль,
скоро о семъ познали, и съ воз-
И с шед-

шедшею зарю пришекии, наполнили все поле нѣшими и конными. Но молніисносный Дій, не давъ крѣпости еонутникамъ моимъ, обратилъ ихъ въ бѣгство, и ниже единъ могъ стати противу Египтянъ, отъсюду насъ обышедшихъ. Тогда многіе отъ моихъ избранныхъ сокрушены бывъ остріемъ оружія, пали бездыханны на землѣ, а иные отъведены въ плѣнъ и работу; меня самого продали Дампору, сыну Иазіеву, владычествовавшему тогда надъ островомъ Кипромъ, откуда по многихъ напастьяхъ пришелъ я наконецъ въ сію землю.

Ангиной отвѣщалъ ему со гнѣвомъ: Какій богъ привелъ намъ сіе нестерпимое зло, и вмѣстѣ съ онымъ разрушителя нашихъ веселій? Отъиди, несмысленный спарецъ! отъ стола нашего, да не како паки вскорѣ узриши горестный Египетъ и островъ Кипръ; зане дерзновен-

повенно здѣсь предстоиши, и безспудно просиши милоспыни; а сѣи даюшѣ тебѣ невозбранно: ибо ни откуду не видяшѣ запрещенія, ниже пощадѣнія разумѣюшѣ, дая отѣ чуждыхѣ стяжаній; обильныя бо предѣ всякимѣ предлежашѣ пищи.

Мудрый Одиссей рекѣ: Далече отстоишѣ лице твое отѣ сердца. Воистинну, когда бы кто пришелѣ въ домѣ твоей просиши милоспыни, мню, что не подалѣ бы ты ему даже ниже самыя малыя части соли, когда сидя за чуждымѣ столомѣ, и всего довольно имѣя, не хочещи удѣлиши не большаго уломка хлѣба.

Слышавѣ таковыя слова Антиной, всемѣ сердцемѣ преогорчился, и возрѣвѣ на него яростнымѣ окомѣ, тако согнѣвомѣ рекѣ: Нынѣ вижду, что не изыдеши отсюду въ цѣлости, когда еще и поношенія швориши.

Рекѣ;

Рекъ; и абіе возхитивъ подно-
жїе, ударяетъ Одиссея въ десное
рамо близъ хребта; но Одиссей отъ
сего пораженія не поколебимъ пре-
быль, и покивавъ главою, совѣ-
щевалъ пагубу. По семъ отшедъ
на свое мѣсто, положилъ кошни-
цу мясомъ наполненную, и къ
женихамъ вѣщаетъ: Внушите, зна-
менитые юноши, слова мои! Нѣсть
досажденія, ниже болѣзни, когда
человѣкъ бїенъ бываетъ защищая
свои спяжанія, овецъ, воловъ,
или иное что; но Анпиной пора-
зилъ за враждебное чрево, кое
всѣмъ людямъ творитъ напасти.
И такъ ежели ницїе имѣютъ сво-
ихъ боговъ и дочерей ада, мучи-
тельница Еринїевъ; молю ихъ,
да обрящетъ Анпиной смерть
прежде его брака.

Анпиной отвѣщалъ: Яждь до-
садительный спраникъ съ молча-
ніемъ; или скоро опѣди отсю-
ду, да не извлекутъ тебя насиль-
ственно

сипению за руки и за ноги раби, и
наложашъ тебѣ многія раны. Та-
ко рекъ: и вси пиршествующіе зѣ-
ло вознегодовали на Аншиноя, и
нѣкто рекъ ему: Аншиной! Предъ
всѣми ты нестерпимъ и досади-
теленъ зришися. Почто бѣеши
страннаго сего пришельца? Еже-
ли суть боги на небесахъ; то они
суть всесильны, и многожды во
образѣ страннопришельцевъ обра-
щаются между людьми, назирая
злыя и благія дѣла ихъ. Тако
нѣкто говорилъ Аншиною; но онъ
ни чему не внималъ, и паче всѣхъ
нанесъ печаль Тилемаху, кой по-
кивавъ главою, совѣщалъ тайно въ
сердцѣ своемъ пагубу.

Мудрая Пинелопя услышавъ
бѣема странника въ дому своемъ,
тако рекла рабынямъ, ей о семъ
возвѣспившимъ: Тако да поразитъ
Аншиноя стрѣломещущій Аполлонъ.
Домостроительница Евринома оп-
вѣщала ей: Когдабы всѣ наши же-
ланія

ланія возпрїимали конецъ свой, воистинну ни единъ бы отъ жениховъ до ушрїя цблѣ не остался. Любезная питашельница! Пинелопарекла ей, хотя и всѣ они противны мнѣ сушь за свои злыя совѣщанія; однако Антиной паче прочихъ видится мнѣ враждебнѣйшимъ и страшнѣйшимъ паче самая смерти. Злополучный спранникъ проситъ въ дому у мужей пици, которую вси ему подають; а онъ поразилъ его ударенїемъ въ десное рамо. По семъ призвавъ Евмея, вѣщаетъ ему: Иди и призови ко мнѣ спранника, да сотворю ему поздравленїе, и вопрошу о всемъ, не видѣлъ ли онъ гдѣ злополучнаго моего Одиссея? Или не слышалъ ли что о немъ?

Евмей отвѣщалъ ей! Воистинну, моя царице! умолкли бы все Ахеяне, когда спранный мужъ сей начинаетъ глаголати, и уладилъ бы твое томящееся сердце;
ибо

ибо три дни и три ночи держалъ я въ дому своемъ; однако не могъ онъ совершити конца, изчисляя свои напасти. Какъ сладостнаго пѣвца всѣ гошвы слушати долгое время, и никто отъ сладкопѣнїя его не отвращаетъ слуха; тако онъ услаждалъ, доколѣ пребывалъ у меня. Тогда онъ мнѣ повѣдалъ, что Одиссей ему издревлѣ другъ, и обитаетъ въ Криѣ, что отпуду по претерпѣнїи многихъ напастей идетъ сѣмо; и слышалъ отъ царя Оесиротскаго, что онъ живъ, и что возвращается въ домъ съ великими сокровищами.

Пинелопа паки рекла: Иди и призови его сѣмо, да самъ все возвѣститъ предомною. Жиниховъ же оставимъ увеселятися тамо, когда ихъ сердца склонны къ ликованїю; ибо спяжанїя ихъ пребывающъ невредимы, токмо нашъ домъ разпочается; гдѣ каждый день закалающъ на пиршества свои во-
ловъ,

ловѢ, овецѢ и козѢ, и пїютѢ вино безѢ пощады. Зане нѣсть здѣсь мужѢ, кой бы могѢ изгнати ихѢ отѢ дому, каковѢ былѢ Одиссей. О когда бы онѢ возвратился вѢ отчизну, вскорѢ бы съ сыномѢ своимѢ отмстилѢ симѢ мужамѢ за наглость! Тако рекла Пинелопа. ТилемахѢ вѢ сѣе время чихнулѢ шоль сильно, что по всему покою разнесся гласѢ его; тогда Пинелопа ослабився говоритѢ Евмею: Иди скоро и призови ко мнѢ онаго спранника. Или не зриши, что сынѢ мой чихнулѢ вѢ самое то время, когда я скончала слова мои? Сего ради уповаю, что непремѣнная пагуба постигнетѢ жениховѢ моихѢ, и никто не избѣгнетѢ отѢ оныя. Когда же познаю, что онѢ возвыщаетѢ мнѢ истинну, облеку его вѢ новыя одежды.

Евмей пришедѢ къ Одиссею вѣщаетѢ: Спранниче! Матерь Тилема-

лемахова, а моя царица, мудрая
Пинелопя глашаетъ тебя, да
прїидешь къ ней: ибо хочетъ нѣ-
что отъ тебя испытати о мужѣ
своемъ; и ежели увидишь, что
вѣщаешь праведно, облечетъ те-
бя въ новыя одежды; для насы-
щенія же чрева и въ народѣ може-
ши обрѣсти прокормленіе.

Одиссей рекъ: Любезный Ев-
мей, всю истинну повѣмъ предъ
царицею: ибо совершенно свѣдомъ
есмь о Одиссѣ; зане равныя мы
съ нимъ понесли напасти. Но бо-
юся множества гордыхъ жениховъ,
коихъ наглости даже до небесъ
возходятъ; ибо когда нынѣ мужъ
Антиной пришедшаго меня въ домъ
сей, и ни единого зло сотворшаго по-
разилъ жестокимъ пораженіемъ;
Тилемахъ же, ниже иной кто отъ
возлежащихъ, ни малѣйшаго не по-
дали защищенія. Тогда къ кому
прибѣгну, когда женихи узрятъ
меня предъ царицею сѣдящаго, и

Часть II. I съ

съ нею разглагольствующаго? Моли убо Пинелопу, да потерпитъ до захожденія солнца; тогда при огнищѣ да вопрошаетъ о мужѣ, елико хочетъ.

Евмей слышавъ сіе отходитъ. Пинелопа увидѣвъ его вѣщаетъ: Почто не ведеши спранника онаго? Еда боится обидѣ? Или стыдится явишися предо мною? Но спранствующимъ стыдъ вельми не пристоеенъ.

Евмей рекъ: Нынѣ опрекся пріити къ тебѣ праведно, что и всякій разумный мужъ сотворилъ бы. Онъ спрашится обиды неистовыхъ жениховъ твоихъ; молитъ убо тебя потерпѣши до захожденія солнца; тогда и самой тебѣ, царице моя! удобнѣе будетъ разглагольствовать съ нимъ, и вопрошати о всемъ единой.

Пинелопа рекла: Несмысленъ зрится спранникъ сей; ибо нѣсть такова строптивость во всѣхъ
земно-

земнородныхъ, какова въ сихъ мужахъ.

Такъ рекшей царицѣ, Евмей опходитъ въ собраніе жениховъ, гдѣ узрѣвъ Тилемаха, вѣщаетъ ему сіе тайно: Возлюбленный Тилемахъ! Я опхожу нынѣ паки на село спрещи твое и мое спяжаніе, ты же здѣсь имѣй о всемъ попененіе. Паче всего блюди самаго себя, и тщаельно предусматривай, да не постраждеша зла какого; ибо многіе изъ числа сихъ неистовыхъ соумышляютъ на тебя пагубу. Но да погубитъ ихъ всѣхъ великій Дій прежде, нежели какое зло насъ постигнетъ.

Рекши сіе, абіе сѣлъ на сѣдалищѣ; и насытився пищею и пїемъ опходитъ на село, оставляя домъ полный пиршествующими съвеселіемъ; ибо женихи утѣшались тогда пѣніемъ и плясаніемъ; зане полдень уже приближился.

ОМИРОВОЙ ОДИССЕИ
ПѢСНЬ ОСЬМАЯ НАДЕСЯТЬ.

Сигма.

ВѢ самое сѣе время пришелъ
вѢ домѢ ОдиссеевѢ нѣкто общена-
родный нищій мужѢ, кой во Иѡа-
кѢ всѢхѢ превосходилъ алчностію
своею и ненасытнымъ чревомѢ;
ибо ялѢ и пилѢ непрестанно, но
крѢпости и мужества не имѢлъ
ни мало; возрастомѢ и лицомѢ былѢ
до удивленія великѢ; имя ему,
при рожденіи данное, было Арней,
а народѢ нарицалѢ его ИромѢ; ибо
отвсюду носилѢ шокмо возвѣстія,
когда кто посылалѢ оныя. Сей при-
шедѢ вѢ домѢ и узрѢвѢ Одиссея, сѢ
поношеніемѢ ему вѣщаетѢ: Скоро
изѢйди отсюду, несмысленный! Или
не видиши, что всѢ сѣи мужи по-
велѢваютѢ мнѢ изгнати тебя от-
сюду; но я стыжуся. Иди убо
скоро, да не како распря произы-
детѢ между нашими руками.

Одиссѣй

Одиссей възрѣвъ на него яростнымъ окомъ, отвѣдалъ: О злополучный! Рекъ ли, или что сотворилъ я тебѣ досадительнаго? И завидую ли кому въ подаяннѣи лици? Помостъ сей удобно можешь помѣстити обоихъ насъ. Почто убо завидуеши чуждыхъ благихъ? Зрю, что и ты такій же гадъ пресмыкающійся, какъ и я: но боги подаютъ всѣмъ потребное, и о всѣхъ равное имѣютъ попеченіе; не возбуждай убо меня ко гнѣву, да не како старъ будучи, обатрю перси и уста твои; я же обрящу покой, и уповаю, что не прїидеши заутра сѣмо въ домъ Одиссеевъ.

Алчный Иръ отвѣдалъ: Други мои! Видите ли коль много хвалится сей влачащійся спранникъ? Но скоро узритъ отъ сихъ рукъ моихъ наказаніе; сокрушу челюсти его и зубы рассыплю. Пречояшися убо нынѣ, да познаютъ здѣсь всѣ,

всѣ, како возможеши противоста-
ти младшему мужу?

Такѣ сѣи два мужа при дверехъ
воздвизали распрю съ великимъ за-
паденіемъ. Антиной зря сѣе зѣло
радовался, и тако вѣщаетъ къ же-
никамъ: Други мои! Воистинну не
было здѣсь прежде подобнаго зрѣ-
лища, какое нынѣ боги послали
намъ во утѣщеніе. Се странникъ
и Ирѣ творятъ взаимно распрю о
своемъ мужествѣ; пошлѣмся убо
ихъ соединити,

Рекъ сѣе; и всѣ стали окрестѣ-
нищихъ пѣхъ. Тогда Антиной накі
глаголетъ: Внушите мужествен-
ные Ахейне! Чрева сѣи козѣи, на
огнѣ лежащія, напомнимъ шукомъ
и кровію, и дадимъ тому, кто
явѣшся опѣ нихъ побѣдителемъ;
той всегда съ нами будетъ пир-
шествовати; другаго же ни какого
нищаго не попустимъ сюды вниити.

Такѣ рекъ Антиной; и всѣмъ
угодно было слово его. Одиссей по-
семъ

семъ отвѣщалъ: Знаменитые юноши! Хотя совсѣмъ не возможно есть мужу старому, многими напасѣми угнѣщенному, со младшимъ сражаться; но къ сему приводитъ меня враждебное для всякаго чрево. Прежде сего сотворите мнѣ священную клятву, да никто отъ васъ не предваритъ меня удареніемъ и не сотворитъ помощи Иру.

Рекъ сіе Одиссей, и всѣ дали священную клятву.

По семъ Тилемахъ вѣщаетъ: Злополучный странникъ! Когда хочещи и надѣещися на свою крѣпость, иждени отсюду шунядца сего; изъ сихъ же знаменитыхъ Ахейскихъ юношей ни единого не бойся; зане всякъ прикоснувшейся къ тебѣ узритъ множайшихъ противу себя сражающихся: я владыка дому сего; да повинутся убо мнѣ всѣ князи, Евримахъ и Антихой.

Такъ рекъ Тилемахъ. Тогда Одиссей препоясаясь раздранными

рубицами. Паллада абіе представѣ
ему содѣлала полнымъ тѣло его.
Женихи узрѣвъ тучныя бедра, крѣп-
кія рамена и широкія перси его,
вельми удивилися, и нѣкто отъ нихъ
рекъ тако къ ближнему своему: Во-
истинну скоро нашъ Ирѣ сляченъ
будетъ отъ ударенія сего странни-
ка, коего крѣскія и тучныя лядвіи
всѣ мы днесь видѣли. Ирѣ слышавъ
сіе содрогнулся всемъ сердцемъ.
Но рабы и нехотящаго препоясавъ
повели на средину, отъ чего всѣ
уды его возпрепешали. Анпиной
рекъ ему: Воистинну лучше бы не
быти тебѣ рожденну, нежели толь-
щественно превозносишся предъ со-
тбленнымъ старцемъ, коего днесь
толико боишься. Но что скажу
тебѣ, все то совершится: когда
сей мужъ, обремененный многими
напастями, явится предъ нами по-
бѣдителемъ, пошлю тебя на кора-
блѣ къ жесточайшему изъ всѣхъ
смертныхъ зѣвроподобному царю
Ехешу,

Ехешу, кой отсѣчетъ тебѣ уши, носъ и прочіе уды, и псамъ повергнетъ на разтерзаніе.

Сіе глаголющу Антиною, Ирѣ еще болѣе содрогнулся. По семъ оба изшедъ на средину, разпростираютъ руки. Одиссей между тѣмъ разсуждаетъ, поразитъ ли его тако, да животъ со удареніемъ купно отѣмется, или шокмо едва дышущаго повергнуть на землю? Но послѣднее избираетъ за лучшее, да не возложатъ на него вины Ахейне. И тако оба возносятъ руки: прежде ударяетъ Ирѣ Одиссей въ десное рамо; по томъ Одиссей поражаетъ Ира въ выю подъ ухо и сокрушаетъ кости и челюсть. Злополучный Ирѣ абіе изрыгаетъ изъ горшани своя черную кровь, падаетъ на помостъ съ воплемъ, извергаетъ отъ устенъ зубы и бьетъ землю ногами. Женихи зря сіе, воздвигли смѣхъ ужасный. Одиссей же взявъ Ира за ногу, извлекаетъ

отъ чертоговъ на дворъ, и тамо
 близь ограды поставивъ его при
 врапахъ, даетъ въ руки посохъ,
 тако къ нему вѣдая: Нынѣ здѣсь
 стой опгоняя отъ дому свиней и
 псовъ, и не буди господствуя надъ
 спранными и нищими, да не вянущее
 зло поспраждеши. Рекиши сїе па-
 ки входитъ въ чертогъ, и та-
 мо возложивъ на рамена мѣщъ
 свой, сѣлъ на прежнемъ мѣстѣ.
 Женихи спавъ окрестъ его, ушѣ-
 шались многимъ смѣхомъ; и тако
 нѣкто отъ нихъ говорилъ: Отецъ
 боговъ Дій и всѣ безсмертныя да
 подадутъ тебѣ все, что сердце
 твое желаетъ! Ибо ты единъ со-
 творилъ, что ненасытный Ирѣ
 преспанетъ скоро скишатися въ
 народъ нашъ, коего вскорѣ мы
 послемъ ко царю Ехешу.

Одиссей слыша сїе, возрадо-
 вался о побѣдѣ надъ Иромъ. Ан-
 тиной вскорѣ предложилъ ему ко-
 зїе чрево, шукомъ и кровію напод-
 немъ.

ненное, Амфиномъ взявъ отъ кошницы два хлѣба принесъ ему, и пріявъ чашу съ виномъ, вѣщаетъ: Радуйся странниче! Боги да подадутъ тебѣ обладати богатствомъ, кое стяжалъ ты прежде.

Одиссей рекъ ему: Возлюбленный Амфиномъ! Воистинну зриши-ся быти вельми разуменъ; ибо и отъ такого отца рожденъ еси, о коемъ я слышалъ, что нарицается Нисъ, обитаетъ во островѣ Дулихій, зѣло богатъ есть и честенъ. Сего ради внуши слова мои; Ничто не есть шоль безсильно на земли, какъ челоуѣкъ, изъ всѣхъ двигающихся и ползающихъ животныхъ; ибо никогда не мнитъ, что постигнетъ его злѣключеніе, доколѣ боги подають крѣпость и движутся ноги. Ежели же обрящетъ его день рока; тогда и по нехотѣнію все сноситъ. Таково есть помышленіе челоуѣческое, какое ежедневно посылаетъ отецъ боговъ

боговъ и человекѣвъ; зане и я нѣ-
когда между мужами блаженъ на-
рицался. Тогда много шворилъ не-
праведнаго и злаго, уповая на крѣ-
пость свою, на отца и братіевъ.
Нынѣ воззри, что есмь? Сего ради
всякъ не праведный мужъ да не
упоуетъ на свое благоденствіе,
но съ кротостію да обладаетъ
своими спяжаніями, отъ боговъ
дарованными. Видиши днесъ сихъ
жениховъ, не правая творящихъ.
Они чуждое имѣніе разточаютъ
насильственна, и не почитаютъ
жену мужа, кой уже не далече
отъ опечеснѣна своего обрѣщается,
и зѣло скоро и незапно здѣсь явитъ-
ся. Сего ради да возхитишъ тебя
отсюду Богъ, и да отведетъ въ
домъ шѣой; ниже да изыдеши ему
во срѣщеніе, когда прійдетъ сѣмо;
ибо мною, многихъ жениховъ про-
ліется кровь отъ руки ищущія
мищенія.

Тако рекши вкусилъ отъ ви-
на;

на; и паки чашу подалъ Амфино-
му, кой отходитъ въ собраніе
жениховъ съ сокрушеннымъ серд-
цемъ и поникшею главою; зане
оное предвѣщало приближающуюся
пагубу, коея и не избѣжалъ воз-
пятившей Палладѣ; ибо пріѣлъ
мечь отъ руки мужественнаго
Тилемаха.

Тѣмъ временемъ богиня Аѣин-
ская вдохнула царицѣ Пинелопѣ,
да явится предъ женихами, да-
бы вѣдше возпалили сердца ихъ
къ неистовству, и да множайшею
славою возвеличена предстанетъ
предъ сына и мужа, нежели како-
ва была прежде. По сему вѣщаетъ
она своей домостроительницѣ: Ев-
ринома! Хопя мнѣ женихи и вель-
ми ненавистны суть; но сердце
мое желаетъ нынѣ явиться предъ
ними, да реку нѣкое полезное слово
сыну моему, дабы оспорожно обра-
щался между ими; ибо они уста-
ми благое глаголютъ, а въ серд-
цахъ

цахъ совѣщають пагубу. Евринома рекла ей: Возлюбленное чадо! Истинно естъ вѣщаніе швое; иди убо къ сыну швоему, и возвѣсти все ничего не сокрывая. Но прежде умой шѣло швое и намажи ланины, да не явится лице швое орошенное слезами, кой всегда проливати неприлично: зане уже имѣши такого сына, какого иначе видѣти отъ боговъ просила.

Пинелопа отвѣщала ей: Евринома! Не совѣщай мнѣ сего, да предстану благолѣпною; ибо всю мою красоту погубили уже боги, ошнелѣже возлюбленный мой Одиссей отбылъ на корабляхъ во Трою; но повели пріити съмѣ ко мнѣ Автоноѣ и Ипподамѣ, да предпояшъ мнѣ въ собраніи жениховъ; зане едина възыши къ мужамъ спыждуся.

Евринома абіе отходитъ возвѣстиши рабынямъ. Между шѣмъ божественная Паллада изливаєтъ сонъ

сонѢ на очи царицы, которая во-
склонився на ложѢ почила; и всѢ
члены ея ослабѢли. Тогда богиня
послала ей безсмертное благолѢ-
пїе, дабы всѢ Ахеане ей удивили-
ся; украсила лице ея небеснымѢ
доброзрачїемѢ, подобно Ксоерїй-
ской АфродитѢ, когда она, отхо-
дя на веселое ликованїе, умащает-
ся; содѢлала ее величественнѢй-
шею, тучнѢйшею и бѢлѢйшею паче
слоновыя кости. Тако сотворивѢ,
паки на ОлимпѢ отходитѢ. Тогда
пришли двѢ рабыни вѢ чертогѢ
владычицы своея, которую абїе
оставилѢ сладкїй сонѢ; и возставѢ
ушерла ланишы, и тако глаголетѢ:
Воиспинну шомящуюся мя печа-
лїю преклонилѢ сладкїй сонѢ. О
когда бы всечистая Артемида по-
слала мнѢ вскорѢ шоль легкую
смерть, да не сокрушается долѢ
сердце слезами, печалїю и непре-
станнымѢ желанїемѢ видѢши воз-
любленнаго супруга!

По

По семъ изходитъ отъ горняго чершого, послѣдующимъ за нею двумъ рабынямъ. Пришедъ въ чертогъ жениховъ, спала на прагъ, имѣя покровенное лице тончайшимъ покровомъ, предстоящимъ рабынямъ отъ обѣихъ спранъ. Женихи воззрѣвъ на царицу, восхищались отъ радости и изумленія, и паяли отъ любви сердцемъ.

Царица Пинелопѣ вѣщаетъ ко своему сыну: Воистинну помышленія твои суть нынѣ не тверды, и сердце не дерзновенно. Когда былъ отрокъ, тогда совѣщевалъ лучшія дѣла; напротивъ того днесъ, достигнувъ совершеннаго возраста, не имѣешь основательнаго разума. Какое въ дому нашемъ сего дня совершилося злодѣянiе? Како спранный мужъ сей отъ жениховъ понесъ поношеніе и обиду? Какій пришелецъ оспыныи можетъ внийти въ домъ нашъ не пріявъ досажденія? Тебѣ же послѣ-

слѣдуетъ отъ того безславіе и поношеніе.

Тилемахъ отвѣщалъ: Возлюбленная мами! Не обвиняю тебя, что гнѣваешься на меня праведно. Однако я въ сердцѣ своемъ разумѣю и благія и злыя дѣла: токмо устрашаютъ меня отовсюду окружающіе Ахеане, и соумышляющіе пагубу; а я не имѣю ни откуду помощи. Распря же между симъ спранникомъ и Иромъ содѣлалася не по совѣту жениховъ; но сами собою оную воздвигли; и сей явился побѣдителемъ. Отче Дій, Паллада и Аполлонъ! сотворите, да тако сихъ жениховъ сокрушатся гордыя главы, и вся крѣпость ихъ рассыплется мгновенно, какъ нынѣ Иръ сѣдитъ при врагахъ покивая главою аки пьяный, и уже не можетъ возстати на ноги, ниже отъити въ домъ свой; зане ослабли всѣ его составы.

Такъ мамеръ съ сыномъ раз-
 Часть II. К гла-

тлагольствовали. По семъ Евримахъ къ Пинелопѣ рекъ: Премудрая царице, дщи Икаріева! Когда бы всѣ Ахейне узрѣли тебя нынѣ, воистинну множайшіе женихи собралися бы въ домъ сей на пиршество; ибо ты едина всѣхъ женъ превозходиши красою, величествомъ и разумомъ.

Евримахъ! Пинелопа рекла, воистинну все мое тѣло, красоту и разумъ погубили боги, опшелъ же Одиссей мой со иными Аргивянами отбѣжалъ подъ Трою. О когда бы онъ возвратився управлялъ жизнiю моею, воистинну вѣдшую бы приобрѣла я славу; напротивъ того нынѣ единокъ имѣю сокрушеніе отъ низпосланныхъ богами золъ на меня неисчетныхъ! Съ коликою горестію воспоминаю я о разлученiи Одиссея со мною, кой бывъ со мною въ Карпѣ, и взявъ меня за десную, тако рекъ: Возлюбленная Пинелопа! Не уповаю я, что бы
всѣ

всѣ Ахейне возвратилися отъ Трои благополучно и безвредно; ибо повѣдають, что народъ сей вельми мужественъ во брани, искусенъ въ стрѣломечаніи и дерзновенъ въ сраженіи; сего ради не знаю, благоволишь ли мнѣ Богъ въ домъ свой возвратиши? Или во Троянской спранъ предастъ сопротивнымъ? Для сего все мое стяжаніе предаю твоему попеченію. Помни отца и не забуди мать, какъ нынѣ, такъ и въ мое отсутствіе. Когда сынъ прійдетъ въ возрастъ, не возбраняю тебѣ, оставивъ домъ, посягнути иному мужу. Тако онъ завѣщалъ мнѣ. Нынѣ все то сбывается. Явится оная пагубная ночь, когда нечестивый бракъ мой приблизится. Боги отъ меня все блаженство отъяли; терзаетъ душу мою и сіе, чего прежде никогда не знала, что требуя благія и богатая въ супружество жены, распри межд собою воздвизаете, и закалаете на

пиршество чуждыхъ овецъ и воловъ. Но уповаю, что наглость сія безъ наказанія не преидетъ.

Одиссей слыша сіе возрадовался, что Пинелопа дары жениховъ отвергала, сердца ихъ услаждала пріятными словами; но разумъ ея совѣщевалъ иное.

По семъ Антиной тако начинаетъ: Премудрая царице! Кто принесетъ какіе либо дары отъ Ахейнъ, пріими; ибо не благо есть отвергати даемое. Мы ниже къ дѣламъ нашимъ приступимъ, ниже отыдемъ въ нѣкое мѣсто, доколѣ не посягнеша единому отъ Ахейнъ, коего паче прочихъ лучшимъ изберѣши.

Сіе рекъ Антиной: и всѣмъ угодно слово его явилось. Каждой послалъ въ домъ свой провозвѣстника даровъ ради. Антиноевъ рабъ принесъ великую, драгоценную и щедренную верхнюю одежду со двумя надешаію златыми застежками;

ками; Евримаху провозвѣстникъ подалъ златое ожереліе, кое отъ илекспровъ сіяло аки солнце; Евридаманту принесены были трояственныя златыя усерязи, подобно звѣздамъ сіяющія; Пизандру, сыну царя Поликтора, драгоценное зарукавіе. И тако каждый разными дарами штилися почтими царицу Пинелопу, которая абіе уходитъ въ чертогъ свой, и рабыни несутъ за нею дары. По семъ женихи приступили къ плясанію и пѣнію, и доколѣ приспѣлъ вечеръ, услаждалися. Тогда зажгли при свѣточа, и возложили на огонь сухія дрова; а рабыни держали предъ ними горящія свѣщи. Одиссей вѣщаетъ къ нимъ: Рабыни царя Одиссея! идите въ чертоги къ царицѣ вашей, и тамо утѣшая ее сидите, и упражняйтесь въ шканіи и пряденіи волны: а я пребуду здѣсь, свѣтя предъ всѣми, когда восхотѣю, не отрекуся и до ушренія

К 3

зари;

зари; ибо никакой меня прудъ не
преодолюшѣ.

Тако рекъ: тогда всѣ воздвиг-
ли великій смѣхъ, изъ коихъ пер-
вая Меланѳа, дочь нѣкоего Долія,
которую сама Пинелопе аки дочь
свою воспитала, и всемъ сердцемъ
любила; но она не хотѣла ушѣши-
ти царицу, въ печали сущую, по-
слушаніемъ; ибо любила Евримаха,
отвѣщала Одиссею такъ: Бѣдный
странникъ! Воистинну разумъ твой
отступилъ отъ тебе, и ко сну
иши не хоцещи, или въ подобное
тебѣ собраніе; но пребывая здѣсь
досаждаешь дерзновенно всякому,
никого не бояся. Или вино все-
конечно обьяло разумъ твой, или со-
всѣмъ несмысленъ еси, что столь
далече разширяешь твое велерѣчіе?
Или превозносишься тѣмъ, что по-
бѣдилъ нищаго Ира? Блюдися, да
не кто обрядется лучшей тобою
побѣжденнаго, кой сокрушитъ гла-
ву твою, и изженетъ тебя изъ
дому

дому сего, обагровѣ мною кровію.

Одиссей возрѣвъ на нее яростно, рекъ: Безстудная псица! Хочешь ли, да шедъ возвѣщу о семъ Тилемаху, кой всѣ члены твои разтерзаетъ? Тако вѣщая привелъ всѣхъ женъ въ великій страхъ, кои скоро отходятъ во свои мѣста боязливыми ногами. Одиссей же единъ токмо пребывая, держалъ свѣщи, и устремляя взоръ свой на всѣхъ жениховъ, совѣщевалъ имъ непремѣнное убійство, кое вскорѣ и совершится.

Богиня Паллада не допускала ихъ воздержатися отъ шворенія неслосныхъ досажденій, дабы тѣмъ вяцше преогорчивъ сердце Одиссея, побудити его къ опмѣненію. Тогда Евримахъ тако начинаетъ раздражати его, вѣщая: Внушите, знаменитые юноши! Не безъ Божіяго изволенія пришелъ сей мужъ въ домъ Одиссеевъ; зрится мнѣ, что

К 4

свѣщи

свѣщи сѣи горятъ вѣнѣ; ибо и
ошѣ главы еѣ, на коей нѣтъ ни
единого власа, имѣемъ довольно сѣя-
нїя. Посемъ обратясь ко Одиссею
вѣщаеши: Странниче! хочещи ли,
да воспрїиму тебя на село мое въ
работу собирать хврасѣе, и древа
насаждаши? Я дамъ тебѣ доволь-
ную мзду, хлѣбъ и пищу; облеку
тебя во одежду и въ крѣпкіе са-
поги. Но вижду, что шруды тебѣ
зѣло противны суть, и желаеши
лучше для насыщенїя алчнаго сво-
его чрева всюду скишатися?

Не помышляй тако, Евримахъ!
рекъ Одиссей, ежели бы мы съ то-
бою положили завѣтъ во время лѣ-
та, когда бывають наипаче дол-
жащїе дни, равными косами и
одинаковую траву косиши, не вку-
шая пищи до захожденїя солнечна-
го; тогда узрѣлъ бы ты терпѣнїе
мое и неудобь-носимый шрудъ рукъ
моихъ: или ежели бы возжелалъ
ты равно крѣпкими волами, единой
шя.

тяжести ралами, и единой пшвердоси, ораши землю; тогда бы испыталъ ты мои неушомимыя силы: ежели бы также всесильный Дѣй воздвиѣ брань, и я имѣлъ бы щитъ, шлемъ и два копѣя; тогда не нарекъ бы ты меня боящимся бѣглецу, но узрѣлъ бы въ первыхъ рядахъ дерзновенно сражающагося. Не поноси убо безвременно меня алчностію чрева; ибо зрю, что разумъ твой не укротимъ есть, и мнѣ швориши не сносную обиду. Ты днесъ зришися великъ и мужественъ поклоушѣмъ, что нево множествѣ людей, какъ на брани подобаетъ, обращаешся. Ежели же бы Одиссей пришелъ съмо, скоро бы сѣи широкія враша бѣгущему тебѣ отсюду показались тѣсными.

Евримахъ гордымъ окомъ воззрѣвъ на него рекъ: О злополучный! За сѣе дерзновенное междушолыкимъ множествомъ знаменитыхъ мужей твое велерѣчіе скоро

прїимешь отъ меня наказанїе. Како не обрѣтается въ сердцѣ твоємъ страха? Или разумъ твой объятъ есть нїяніемъ? Или отъ безумїя таковая вѣщаешь? Или превозносишься побѣдою надъ Иромъ? Рекши сїе возхитилъ подножіе, и мещетъ на Одиссея, но въ него не улучивъ, [ибо онъ уклонився сѣлъ при ногахъ Амфинома,] поражаетъ единого отъ рабовъ въ десную руку; падаетъ изъ рукъ его умывальница, падаетъ и самъ на землю. Прочїе же женихи воздвигли великое смященїе, и тако нѣкто отъ нихъ рекъ: О когда бы спранникъ сей погибъ ирежде прїишесствїя своего въ домъ нашъ; воистину не содѣлалъ бы такого между нами возмущенїя! ибо нынѣ воздвигаемъ распрю съ нищимъ, и нѣсть ни какого увеселенїя въ нашемъ пиршествѣ; зане благое злымъ препобѣждается.

Мудрый Тилемахъ вѣщаетъ по
семъ

семѢ кѢ женихамѢ: Злополучныя ! или всѢ безумствуєте? Зрю что ни пища ни питіе вѢ васѢ не вмѣщается. Воистинну нѣкто отѢ боговѢ васѢ возмущаетѢ. ОкончавѢ убо сѢ веселіемѢ пиршество, идите вѢ дома, и тамо, когда хопите, почійте и сномѢ насладитесь; но я никого не изгоняю.

Сіе ему вѣщающу, зѣло всѢ преогорчилися, и единѢ на другаго взирая, удивлялися дерзновенію Тилемахову.

АмфиномѢ познавѢ огорченіе жениховѢ, вѣщаетѢ кѢ нимѢ: Други мои ! Никто отѢ васѢ да не раздражается на праведныя слова, ниже да отвѣщаетѢ что вопреки. Совѣшую вамѢ не прикасаться кѢ сему спраннику, ниже кому либо отѢ рабовѢ, кои суть вѢ дому Одиссея. Да подастѢ намѢ виночерпій чашу, и вкусивѢ отѢ нея, колико чье сердце желаетѢ, отѢйдемѢ вѢ дома и почіемѢ. Спранна-

Такъ рекшу ему; Тилемахъ повинуюся отцу, и призвавъ Евриклею къ ней вѣщаетъ: Питашельница! иди и заключи всѣ двери, гдѣ обитаютъ рабыни, да ни еди-на отъ нихъ извидетъ; доколѣ я вшедъ во хранилище, очищу ору-жїе отца моего, и разположу со-хранно; ибо по опшествїи его все до нынѣ лежало въ небреженїи; я же былъ младъ и несмысленнъ.

Евриклея отвѣщала: Возлюб-ленное чадо! Да подадутъ тебѣ бо-ги смыслъ и разумъ соблюдать домъ, и о всемъ спяжанїи имѣши попеченїе. Но кто предъ тобою держати будетъ свѣтильникъ, когда нехоуши, да ни еди-на отъ рабынь здѣсь предстоитъ? Тиле-махъ рекъ: Спранный сей мужъ къ таковомъ случаѣ мнѣ послу-житъ; ибо нехоу, дабы онъ впу-нѣ ялъ пищу, хотя и отдалече пришелъ.

Еври-

Евриклѣя повинуюся Тилемаху, со тѣмъ исполнила его повелѣнїе. Тогда Одиссей и Тилемахъ вшедъ во хранилище угощали себѣ шлемы, щиты и копїя; а Паллада держала предъ ними свѣщильникъ, отъ коего прекрасное всюду изливалося сїянїе, кое узрѣвъ Тилемахъ, тако вѣщаетъ ко опцу: Ошче мой! Воистинну велїе чудо зрю нынѣ: се спѣны, всѣ сѣдалища и всѣ столпы сїяютъ аки отъ великаго пламени огненнаго; всеконечно нѣкто отъ боговъ здѣсь предстоитъ.

Одиссей отвѣщая ему: Умолкни, воздержи помышленїя свои и не вопрошай; ибо таковыя сущѣла боговъ, на Олимпѣ обитающихъ. Тако вѣщая изходятъ отъ хранилища въ прежнїй чертогъ; и Одиссей паки говоритъ Тилемаху: Иди ты и почій; а я останусь здѣсь, да вѣще испытаю рабынь и жену мою Пинелопу,

коя,

коя, мню, о всемъ будетъ меня вопрошати.

Тилемахъ отшедъ наслаждался сномъ до утренняя зари. Тѣмъ временемъ Одиссей пребывая единъ, совѣщевалъ вкупѣ съ Палладою женихамъ пагубу. Тогда царица Пинелопа грядетъ отъ чершого своего подобно Артемидѣ, или златообразной Афродитѣ, съ двумя рабынями, кои вскорѣ поставили ей близъ огня сѣдалище, серебромъ и слоновою костію украшенное; но семъ подали подножіе, мягкою кожею покрытое; тамо сѣла царица. Рабыни спѣшно угодовавъ столъ, принесли хлѣбъ со многими яствами, и чашу съ виномъ поставили. Наконецъ угасивъ горящія свѣди, зажгли вмѣсто оныхъ сухія дрова для освѣщенія.

Меланеа увидѣвъ Одиссея паки начинаетъ его поносить, тако вѣщая: Злой странникъ! Ты и нощю пришелъ въ домъ нашъ согла-

глядати женѢ? Скоро изѣиди опсюду, злополучный; или абѣе поражу тебя симѢ горящимѢ деревомѢ, и тако не хощя изѣидеши.

Одиссей възрѣвъ на нее свирѣпымѢ окомѢ, отвѣщалѢ: Нецѣстная! Что тако гнѣвливымѢ сердцемѢ наступаеши на меня? Или что гнусно зрится тебѢ лице мое, и раздранныя видиши на мнѢ одежды? НищѢ есмь, и скитаяся прошу пищи; ибо нужда влечетѢ къ сему. Тако всѢ спранныя и не имущіе творятѢ. ИмѣлѢ нѣкогда и я богатый домѢ, и блаженнымѢ нарицался; многажды подавалѢ спраннымѢ, чего отѢ меня ни требовали, и не взиралѢ на лице; имѣлѢ я многихѢ рабовѢ, и исполловалѢ множайшими благами, кои богатство человѣческое составляють; но днесъ изволеніемѢ всесильнаго Діа всего лишился. Сего ради подоблетѢ и тебѢ, младя жена! блюстися, да не мгновенно
из-

изчезнетъ твоя радость, коею нынѣ паче прочихъ рабынь кичишися. Блюдися, да не како прогнѣванная царица предгорчится на тебя; или самъ Одиссей пришедъ сотворишъ тебѣ наказаніе; ибо есть еще надежда къ его возвращенію. Ежели же вовсе погибъ онъ; то сынъ его Тилемахъ въ такомъ уже есть возрастѣ, что ни едина отъ рабынь, въ дому семъ безчинствующая, отъ него не утаится.

Пинелона слышавъ сіе, почоситъ Меланеу раздраженнымъ сердцемъ: Дерзновенная и безспрашная псица! Мнѣ извѣстны всѣ твои злочинія, кои своею главою очистиши. Или я тебѣ не рекла, что хочу спранника сего о мужѣ моемъ вопрошати; о коемъ толикое время, сѣтую? По семъ обратився ко Евриномъ вѣщаетъ: Подаждь сѣдалище, мягкою кожею покрытое, да сядетъ на ономъ спранникъ сей, и возвѣститъ мнѣ

Часть II. Л все,

все, что вопрошу о мужѣ моемъ. Евринома со щданіемъ исполнила повелѣніе царицыно. Сѣдшу Одиссею, Пинелопа тако начинаетъ: Спранниче! во первыхъ повѣдай мнѣ: кто еси ты? Отъ какого народа? Кій градъ твой? И кто твои родители?

Знаменитая царице! Одиссей рекъ, воистинну никто изъ земнородныхъ не превзойдетъ тебя мудростію; зане до небесъ благая слава о тебѣ возходитъ, яко о нѣкоемъ премудромъ царѣ, кой богобоязненъ будучи, надъ многими и крѣпкими мужами владычествуетъ сохраняя и правду; земля со изобиліемъ ему приноситъ вино и пшеницу; древа стоятъ обременены плодами; скоты раждаютъ благовременно; море изобильно даетъ рыбы; народы подъ его державою живутъ въ веселіи и благоденствіи: но все сіе происходитъ отъ премудраго его управленія.

Ты

Ты убо блаженная въ женахъ! ко-
прошай меня о всемъ другомъ;
родъ же мой и опечество остави,
да не како къ вянущему воздыханію
и съшованію симъ напоминовеніемъ
сердце мое возбудиши; и мнѣ въ чуж-
демъ дому плакати и воздыхати
нѣсть пристойно, да не прогнѣва-
ющся на меня рабыни, или паче ты
сама, и да не помыслятъ что сле-
зы проливаю опягченный виномъ
многимъ.

Пинелопя рекла: Странниче!
Воиспину безсмертные боги опѣ-
яли всю мою крѣпость, красоту
и славу, опнелъ же Одиссей съ про-
чими Аргивянами во Трою отпра-
вился. О когда бы онъ возвратив-
ся располагалъ моею жизнію, вянущая
бы слава о мнѣ пронеслася!
Напрошивъ того нынѣ токмо со-
крушаюся болѣзнію, и болѣзнь сію
боги на меня низпослали; ибо ко-
лико ни есть знаменитыхъ мужей,

Д а

вла-

владычествующихъ надъ островами
 Дулихїемъ, Самомъ, Закинфомъ и
 въ самой Иаакѣ, всѣ они не хопя-
 щую меня просятъ въ жену себѣ
 и домъ распочають: сего ради не
 имѣю попеченія ниже о странни-
 кахъ, ниже о нищихъ, ниже о
 провозвѣстникахъ, кои для обще-
 народной пользы прудятся; но
 одинаго токмо Одиссея день и ночь
 желая видѣти, сердцемъ исстае-
 ваю. Женихи ускоряютъ бракомъ,
 но я лещу имъ соплетаю. Въ на-
 чалѣ вдохнулъ мнѣ нѣкій богъ со-
 ткаши тонкую и вельми великую
 верхнюю одежду. Тогда я жени-
 хамъ моимъ рекла: Знаменитые
 юноши! Когда Одиссей мой умеръ,
 то потерпите ускоряти бракомъ,
 доколѣ не совершу одежду на по-
 требеніе престарѣлому Лаэрту,
 когда неминуемая смерть его по-
 стигнетъ, дабы не посмѣялися мнѣ
 Ахейскія жены, когда безъ новаго
 одежды будетъ лежати той, кто
 пре-

прежде многимъ обладалъ стяжаніемъ.

Сею лестію преклонила я сердца ихъ; и тогда чпо днемъ со-
тыкала, нощію оное паки разръ-
шала. Такимъ образомъ три года
хитрость сію сокрывала, увѣряя
пѣмъ юношей. Но когда насту-
пилъ четвертый годъ, тогда, по-
извѣщенію нѣкоторыхъ безсуд-
ныхъ рабынь моихъ, женихи по-
знали коварство мое, и вшедъ въ
чертогъ мой узрѣли одежду, об-
личили меня въ оной и устращали
прещеніемъ; тогда и нехотя окон-
чила я начатое мною дѣло. Ны-
нѣ же не могу ни избѣжати про-
тивнаго мнѣ брака, ниже откуду
обрѣсти средство; ибо и роди-
тели мои понуждаютъ меня всту-
пити въ супружество, и самъ уже
сынъ огорчается, видя испущае-
мое свое наслѣдіе: видѣлъ, мною,
ты его, кодь великъ возрастомъ,
и способенъ разумомъ къ сохране-

нїю домостроительства; а Дїй по-
даешъ ему славу и благонравїе.
Повѣдай убо мнѣ, молю тя, о родѣ
и опечесствѣ твоємъ; ибо не ошѣ
древняго дуба, ниже ошѣ камен-
ныя горы рожденѣ еси.

Мудрый Одиссей отвѣщалъ:
Превознесенная царице, супруга
храбраго Одиссея! Како не преста-
еши вопрошати о родѣ моемъ? Но
повѣдаю тебѣ, хошя и множайшія
объимутъ меня скорби. Внуши:
Есть на Черномъ морѣ прекрасный
и плодоносный островъ Кришѣ, въ
коемъ безчисленное множество на-
рода обитаетъ: тамо девяносто
многонаселенныхъ есть градовъ;
языки во ономъ суть разные и смѣ-
шенныя; тамо пребываютъ Ахея-
не, Етеокрипы, Кидоны, Трихай-
скїе Дорїяне и Пеласги; тамо есть
великій и знаменитый градъ Кноссъ,
въ коемъ девять лѣтъ царство-
валъ собесѣдникъ великаго Дїя,
праведный Миней, отецъ велико-
душна-

душнаго отца моего Девкаліона ,
 кой родилъ меня и царя Идоменея;
 но сей бывъ старшій возрастомъ и
 мужествомъ храбрѣйшій , пошелъ
 на брань со Атреевыми сынами; а я
 остался въ дому нашемъ, гдѣ и ви-
 дѣлъ царя Одиссея, и далъ ему дары
 страннопріимства. Онъ во островъ
 Кришъ принесенъ былъ силою бур-
 ныхъ вѣтровъ , идя во Трою и
 заблуждая отъ острововъ Малей-
 скихъ; и едва спасшися отъ корабле-
 крушенія , нопановилъ корабль
 во многотрудномъ пристанищѣ при
 Амнисѣ , гдѣ пещера богини Илиѣи
 обрѣщается. Отшуду пришедъ во
 градъ вопрошалъ о Идоменеѣ , на-
 рицаяся другомъ и страннопріем-
 никомъ его; но Идоменею былъ
 единоедесятый день , какъ онъ въ
 пути находился. Я его введши въ
 домъ принялъ дружелюбно, и уго-
 стилъ со всякимъ щаніемъ. Для
 спутниковъ же его отъ народа
 собралъ муку , вино и воловъ , да
 Л 4 насыща-

насыщаются. И тако пребыли Ахеяне въ Кришѣ дванадесѣть дней ; ибо дыханіе воря шоль было бурноносное , что не возможно стояти человѣку на земли : но въ прешій надесѣть день ушихшу въпру, возшли они на корабль и ялися плаванію.

Тако повѣствуя соплегалъ ложь подобную истиннѣ ; Пинелопаже слушѣ сѣ проливала слезы , аки снѣгъ, отъ шепла распаяшій , сѣ высокихъ горъ текущій. Одиссей хотя и милосердствовалъ о плачущей женѣ своей ; но очи его неподвижны стояли , аки твердые роги , или желѣзо. Пинелопаже насытився плачемъ рекла ему : Нынѣ уповаю искусиши тебя ; когда воиспину ты угощаль въ дому своемъ мужа моего ; повѣдай убо мнѣ , въ какія одежды онѣ облеченъ былъ , какій возрастомъ и лицемъ , и какіе были егѣ соупшники ?

Одиссѣ

Одиссей рекъ : Царице! Не
удобно естъ, прешедшу толику вре-
мени, и единожды въ двадесять лѣтъ
видѣшему мужа, повѣдаши осемь
особенно. Но возвѣщу, колико пом-
ню : одежду Одиссей имѣлъ тон-
чайшую, двоякую, багряную; за-
стежки были златыя, на коихъ
изображенъ былъ песъ держащій
въ переднихъ ногахъ препецуща-
го еленя, и желающаго освободити-
ся отъ смерти. Видѣлъ такожде
нижнюю одежду, цвѣтомъ подоб-
ную сухому луку, сіяющую аки
солнце, на кою взирая многія же-
ны удивлялися; шокмо сего не
знаю, въ сѣи ли облеченъ былъ
одежды въ дому своемъ, когда на
брань отходилъ? Или кто далъ
ему на пути въ знакъ угощенія?
Ибо многихъ друзей имѣлъ Оди-
сей у себя, такъ какъ и я, пода-
ривъ ему мѣдьяный мечъ и двоякую
багряную короткую одежду, опу-
стилъ его со всякимъ щаніемъ.

Провозвѣстникъ у него былъ невеликъ возрастомъ, горбатъ, шломоу чернъ, власами кудрявъ; имя ему было Евриватъ, коего Одиссей паче всѣхъ почиталъ спутниковъ.

Сіе вѣщая паче расправилъ сердце царицы, истинну повѣствованія познавшія, коя по многомъ сѣшваніи съ воздыханіемъ вѣщала къ Одиссею: Почтенный спарче! Прежде я милосердствовала о тебѣ яко о злополучномъ странникѣ; опнынъ же будеши мною всегда почитаемъ, и наречешися моимъ другомъ; ибо сама я отъ ковчега своего изъявъ оныя одежды, о коихъ ты мнѣ повѣдалъ, дала ему, и для вѣщаго украшенія златыя застежки возложила. Но я уже не узрю его въ дому семъ, и не воспріиму во свои обѣщанія возвращающагося отъ Трои, коя не достойна и воспоминанія.

Почтенная царице! отвѣщала ей Одиссей, престани опнынъ изсу-

сушати тѣло твое, и не сокру-
 шай печалію сердца твоего всег-
 дашнимъ плачемъ: но я не осуж-
 даю тебя за сіе; ибо иная жена
 и чуждаго погубивъ мужа, коему
 родила дѣшей зазорно, плачетъ и
 въздыхаетъ; koliko вѣдше тебѣ
 подобаетъ сѣтовати о Одиссеѣ,
 кой подобенъ былъ безсмертнымъ.
 Опри слезы твои, и внуши глаголы
 мои, я же повѣдаю тебѣ истинну:
 бывъ я недавно у Оспиротскаго ца-
 ря слышалъ, что Одиссей живъ, и
 уже готовъ возвратиться во оче-
 чество свое, нося многія съ собою
 драгоценныя сокровища; токмо по-
 губилъ корабль и всѣхъ путеше-
 ственниковъ при Ориникійскомъ островѣ;
 ибо прогнѣвался на него страшный
 Дій и всевидищее Солнце, коего шуч-
 ныхъ кравъ заставъ, появи его со-
 путники; сего ради погибли всѣ въ
 водахъ морскихъ; а Одиссей спасши-
 ся на корабельномъ днищѣ, пришелъ
 въ землю Феакійскую, гдѣ его весь
 на-

народъ почиталъ аки бога, и многія давъ ему спяжанія, хотѣлъ его препроводити въ отечество; и уже давно Одиссей пришелъ съмо, ежели неблагоугодное ему явилось, собравъ имѣніе въ чуждой земли, съ онымъ въ домъ прибыти. Тако мнѣ повѣдалъ Теспротскій царь Фидонъ, и клялся, что корабль стоитъ уже на морѣ, и мореплаватели готовы къ его отпущенію во Иеакъ; меня же прежде отпустилъ; ибо прилучился идущій отсюда корабль съ хлѣбомъ во островъ Дулихій. Онъ мнѣ показывалъ имѣніе, собранное Одиссеемъ, коего и до десятаго колѣна во преизбыточествіи будетъ; повѣдалъ, что онъ отшелъ во градъ Додону услышати Діевъ отвѣтъ отъ дуба, явно или сокровенно во отчизну возвратится? Когда онъ здравъ нынѣ, воистинну не далеко отсюда обрѣтается; въ чемъ сотворю тебѣ и священную клятву:

ву: да будетъ свидѣтелемъ всеиль-
ный Дійи домъ мужественнаго Одис-
сея, въ коемъ нынѣ пребываю, что
все сіе исполнится по глаголамъ
моимъ; сего самаго года во изходѣ
сего мѣсяца, или въ началѣ слѣ-
дующаго Одиссей пріидетъ съмо.

Мудрая Пинелопе рекла ему: О
когда бы исполнились слова твои,
любезный странникъ! воистинну
позналъ бы ты мое дружество, и
многіе воспріялъ бы дары. Но какъ
помышляю во умѣ моемъ, тако и бу-
детъ; ниже Одиссей возвратится въ
домъ, ниже ты получишь препрово-
жденіе; ибо нѣсть владыка въ дому
семъ подобенъ Одиссею, кой бы тако
воспріималъ и отпускалъ странни-
ковъ. Вы же рабыни, умойте сего
почтеннаго спарца, и уготовите
ему ложе и покровъ теплый, да
такъ почіетъ до возшествія ден-
ницы; завтра паки его умойте и
умасните елеемъ, да купно съдя
съ Тилемахомъ въ чертогъ, насла-
дится

дѣтся пиршествомъ, дабы ни единъ
отъ зловредныхъ оныхъ жениховъ,
зря сіе, не дерзнулъ отнынѣ
сотвориши и малѣйшія обиды въ
дому нашемъ. Ибо можешь ли ты,
странникъ, познаши разумъ и со-
вѣщаніе всѣхъ женъ, когда не имѣя
добрыя одежды и облеченъ гнусно,
будеши пиршествовати со знамени-
тыми мужами? Но мы всѣ смерт-
ные краткую и скоротекущую
жизнь имѣемъ. Кто есть жестоко-
сердъ и не умолимъ, сего всѣ лю-
ди злословятъ, наипаче по смерти
его; а кто благъ и крошкъ, сего
странствующіе мужи пронесутъ
имя со славою по всему лицу зем-
ному, и возвеличатъ честію, яко
поистиннѣ достойнаго оныя.

Мудрый Одиссей рекъ ей: Пре-
вознесенная въ женахъ царице!
мягкія постели, драгія одѣянія и
богатые покровы воистинну спали
мнѣ ненавистны съ того самаго
времени, какъ я оставилъ сѣбѣгомъ

по-

покрытыя Критскія горы; и такъ сплю нынѣ, какъ и прежде провождающеи безсна нагнутомъ одрѣ, ожидая утрення зари; невзыдетъ на сердце мое пріятное умовеніе ногъ, ниже которая отъ сихъ женъ прикоснется ко мнѣ, развѣ шокмо обрящется разумная и престарѣлая жена, толико же сколько и я печалей понесшая; сія шокмо да умыешь ноги мои.

Пинелопа рекла ему: Удивляюся смиренію и цѣломудрію твоему: есть здѣсь въ дому моемъ престарѣлая и разумная жена, которая со всякимъ щиріемъ и любовію воспитала царя моего Одиссея, воспріявъ на свои руки при самомъ его рожденіи: сія тебѣ, хотя и согбенна есть древностію, ноги умоешь. Возстани убо скоро, любезная Евриклея! и умой сего странника, кой руками и ногами подобенъ естъ царю твоему Одиссею;

сею; ибо въ злополучіяхъ всякій
человѣкъ можетъ состарѣться.

Тако рекла Пинелопа: Еврик-
клея же закрывъ руками лице
почишъ слезы, и со плачемъ тако
говоритъ: Увы! любезное мое ча-
до Одиссей! Како паче всѣхъ смер-
тныхъ возненавидѣлъ тебя все-
сильный Дій, имѣющаго богобояз-
ненное сердце? Никто изъ земно-
родныхъ шолко не сожегъ туч-
ныхъ бедръ, ниже принесъ сто-
численныхъ жертвъ ему, колико
ты, злодѣшнѣйшій мой царю!
моля его о достиженіи глубокія
старости и о совершенномъ воспи-
таніи возлюбленнаго сына; но онъ
вовсе опѣялъ днесъ день твоего
возвращенія. Кто вѣдаетъ? Егда
не тако ли и тебѣ, во опдаленіи
сущему, шворятъ чуждыя жены
посмѣяніе, какъ нынѣ сему стран-
нику безстудныя рабыни обиду
содѣлали? --- И тако сихъ неисто-
выхъ женъ убѣгая посмѣянія, ты
опри-

отпринулъ умовеніе; но я со всякимъ желаніемъ исполняя хотѣніе царицы, умою ноги твои; ибо сердце мое несказанными мятежся болѣзнями. Но внуши что реку: многіе злополучные странники и приходили въ домъ нашъ; однако ни единого отъ нихъ не видѣла я столько подобна Одиссею, колико тебѣ; зане и шблосложеніемъ, и гласомъ, и ногами зришися ему подобенъ.

Престарѣлая жено! Одиссей рекъ ей, всѣ видѣвшіе насъ тако глаголюшъ, что мы зѣло другъ другу есмы подобны, какъ и ты сама днесъ вѣщаешь.

Рекъ сіе Одиссей. Еврикля взявъ умывальницу, впервыхъ налила воды студеной, потомъ теплой. Одиссей сѣвши при огнищѣ, обратился лицомъ къ темному мѣсту, предразсуждая, дабы Еврикля пріавъ за ногу не узрѣла язву ей свѣдомую, и шѣмъ все

бы дѣло не открылося. Рабыня
начавъ мыши скоро познала мѣ-
сто язвы, кою нѣкогда содѣлалъ
вепрь, поразивъ зубомъ идущаго
Одиссея ко Авполику дѣду и къ
сынамъ его, кой людей снабдевалъ
пашьбою и клятвою; ибо все то
ему низносилалъ Ермій, коему онъ
многія приносилъ отъ оновъ и коз-
ловъ жертвы. Авполикъ нѣкогда
пришедъ во Иеаку, обрѣлъ ново-
рожденнаго дщерію своего сына,
коего Еврикля возставъ отъ ве-
чери, и положивъ на свои колѣна,
такъ вѣдала: Мужественный Ав-
поликъ! самъ ты нынѣ нареки
имя сыну дщери твоея; ибо къ
вождедѣнію многихъ онъ родился.

Авполикъ отвѣдалъ: Зять
мой и дщерь да нарекутъ имя ему;
ибо многимъ мужамъ и женамъ
бывъ я на пущи давалъ сіе имя:
да наречется онъ Одиссей. Когда
онъ прїидетъ въ отроческой воз-
растѣ, тогда да взыдетъ ко мнѣ
въ

въ Парнассѣ, гдѣ имѣю я много
спяжаніе, отъ коего дамъ ему
всего обильно и опущу въ домъ
радующася. По глаголу его при-
шелъ Одиссей, дабы прїяти дары.
Авполикъ съ сынами своими вос-
прїялъ его радостно; а жена его
Амфию облобызала главу его и
очи. Тогда Авполикъ повелѣлъ
сынамъ своимъ заклаши пашилъш-
наго вола и угошавши вечерю.
Такъ весь оный день до заходе-
нія солнца провождали въ пирше-
ствованіи; но томъ ко сну всѣ
отшли. Когда утренняя заря яви-
лася, сыны Авполиковы емлютъ
Одиссея на ловитву звѣрей со пса-
ми. Пришедъ они на гору Пар-
нассѣ пустили псовъ, да обоня-
ютъ слѣды звѣрей. Одиссей слѣ-
дуетъ купно съ ними, потрясая
острымъ копьемъ, и назирая всѣ
глубокіе вершины. Тамо въ нѣко-
торой густой дебри, кошую ни-
же солнечныя лучи своимъ сіяніемъ

емѢ проицали, ниже великій снѣгѢ
могѢ пройти, шокмо великое мно-
жество низпаднаго опѢ древесѢ
листвѢя всюду зримо было, лежалѢ
великій вепрь, кой услышавѢ шумѢ
людей и лаяніе псовѢ, изходитѢ
опѢ лѣса, спрашно подбѣавѢ твер-
дѢя щетины на дебелий своей выѢ,
опѢ очей мещетѢ огненное зрѢніе,
и приближився останавливается про-
тивѢ ихѢ: тогда первый Одиссей на
него сѢ копѢемѢ своимѢ устремляетѢ
ся, желая исторгнути живопѢ его;
но звѢрь предваривѢ уязвляетѢ его
вѢ ногу выше колѢна, исторгая зу-
бомѢ нарочитую часть тѢла, ко-
сти повредить невозмоги. Одис-
сей однако поражаетѢ его вѢ дес-
ное рамо, и острѢе копѢя прохо-
дитѢ навывлетѢ; вепрь падаетѢ
разпростертый на песокѢ, живопѢ
извергая. ПослѢ сего сыны Авто-
ликовы приступивѢ ко Одиссею,
многое щѢпаніе о немѢ имѢли; по-
нѢкѢими шептами старались удер-
жати

жати текущую кровь, то обвязывали рану. По семъ обратно въ домъ отходящъ, гдѣ Автоликъ употребивъ многія труды, скорѣ исцѣлилъ отъ болѣзни Одиссея; наконецъ наградивъ знаменитыми дарами, отпустили въ домъ радующаяся. Отецъ и матеръ узрѣвъ его здраваго возвратившася вельми возвеселилися, и вопрошали о его путешествіи. Одиссей извѣщая ихъ о всемъ по единому, показалъ и язву вепремъ нанесенную, которую тогда Евриклей познавъ, отъ изумленія опустила ногу, и уклонився на противную спрану пролила воду изъ дохани; внезапная радость и страхъ объяли душу ея; онѣмѣлъ языкъ во устахъ; послѣ пришедъ въ себя, тако вѣщаетъ: Тебя ли зрю, любезное чадо Одиссей? Како не могла я познати тебя прежде, доколѣ всего не осязала? По семъ воззрѣвъ на Пинелопу, хотѣла объявити о

М ъ

при-

присутствѣи ся мужа; но царица
тогда имѣла умъ и очи обращен-
ныя на другое, по дѣйствию бо-
гини Паллады; Одиссей же шѣмъ
времемъ возхитивъ Евриклею за
горлань, и заградивъ уста ея
речешъ: Питательница! или ты
хощеши погубити меня, коего са-
ма сосцами твоими воздоила? Не
сокрываюся уже предъ тобою; я
есмь Одиссей, кой въ двадешное
лѣто, по претерпѣнїи многихъ
напастей, пришелъ во свою отчи-
зну; и когда открылъ о мнѣ богъ
предъ тобою, молчи, да ни единъ
человѣкъ услышитъ въ дому семъ.
Вопреки же, когда не исполниши
моего повелѣнїя, внуши, что со-
творю: когда Богъ поможетъ мнѣ
воздаши мечь всѣмъ женихамъ,
и когда начну убивати прочихъ
безчинствующихъ рабынь моихъ;
тогда воиспину и тебя не по-
щажду, но убїю непременно.

Чадо мое! Евриклея отвѣщала,
извѣ-

извѣстенъ тебѣ твердый мой разумъ; сохраню все въ молчаніи, и пребуду аки камень или желѣзо. Когда Богъ смиритъ гордыхъ жениховъ твоими руками; тогда возвѣщу тебѣ и о рабыняхъ, кои творятъ дому твоему поношеніе, и суть развращенны.

Одиссей рекъ: Не требую, питательница! твоего извѣщенія; скоро и самъ познаю и уразумѣю о всѣхъ; ты же токмо храни молчаніе, прочія дѣла предоставивъ промыслу божескому.

Такъ они разглагольствовали. Посемъ Евриклея взявъ умывальницу, идетъ отъ черпoga излиши воду. Одиссей скончавъ умоуеніе, и умастився елеемъ, паки сѣлъ при огнищѣ, желая согрѣшися, и язву покрылъ рубищемъ. Тогда Пинелона приблизився къ нему начинаетъ:

Спраннниче! уже приближается часъ къ отходу на ложе, зане

сонѣ и въ печали сущихъ объем-
 лепѣ. Что до меня; то Богъ по-
 слалъ на меня толикую напасть,
 что днемъ услаждаюся, плача,
 воздыхая, сѣтуя и назирая дѣла
 своихъ рабынь; а нощію, когда
 сонѣ всѣхъ преклонитѣ, лежу на
 одрѣ шертаема будучи различны-
 ми помышленіями. Яко Аидона,
 дщерь Пиндзреева, въ началѣ об-
 новляющіяся весны, сѣдя на зеле-
 ныхъ густыхъ деревьяхъ, сладкій
 свой гласъ всюду разливаешѣ, при-
 зывая имя возлюбленнаго своего сы-
 на Ишила; отъ Зиеа царя рожден-
 наго, коего умертвила сама по
 заблужденію, обьяша бывъ ярос-
 тію и неистовствомъ: тако и
 мое сердце сугубымъ мящется по-
 мышленіемъ, въ дому ли вкупѣ съ
 сыномъ пребывать, и храниши стя-
 жаніе, почиая ложе возлюблен-
 наго супруга, и соблюдая славу на-
 рода; или посягнути избранному
 отъ Ахейнѣ, кто множайшіе да-
 да.

дары, восхождѣ прїяти меня въ супружество; ибо доколѣ былъ сынъ мой младъ и несмысленъ, не можно было мнѣ оставити домъ и вступити въ бракъ; нынѣ же достигнувъ онъ совершеннаго возраста и разума, молишъ уже меня оставити домъ, гнѣваяся, что наслѣдіе его распочается женихами. Но оставя сіе, внуши мое сновидѣніе, и разсуди оное: Имѣю я въ дому своемъ двадесять гусей, кои отъ воды ядятъ всегда пшеницу, я же взирая на нихъ увеселяюся; но жду отъ горы лежащаго орла, кой мечется съ выси, и нападая каждому навью, всѣхъ по единому убиваетъ, и пакки устремляется на воздухъ: я же во снѣ плакала и рыдала, и видѣла собравшихся окрестъ меня многихъ Ахейскихъ женъ ради моего утѣшенія; по семъ видѣла орла на кровѣ дому моего сѣдѣщаго, и гласъ ко мнѣ тако простирающа-

щаго: Дерзай, дщи Икаріева! не сновидѣніе есть сіе, но самая истинна, которая сбудется. Подъ образомъ гусей разумѣй ты жениховъ твоихъ; я же, что былъ прежде орелъ, нынѣ есмь пришедшій мужъ твой къ тебѣ. Таковъ гласъ былъ орла; и вскорѣ послѣ того сладкій сонъ меня оставилъ. Но воспрянувъ отъ сна зрю въ самой истинѣ гусей пшеницу ядущихъ.

Одиссей отвѣщалъ: Царице! почто изъясняти сновидѣніе? Когда самъ Одиссей повѣдалъ тебѣ оное, какъ все содѣлаетъ, и како женихамъ приближася день смерти и пагубы ихъ, и что ни одинъ отъ нихъ оныя не избудетъ.

Странниче! Пинелопа речетъ ему паки, воистинну бывающъ сновидѣнія, кои предвѣщаютъ правду; и суть сновидѣнія, кои не сбываются; ибо двои суть враша
сно-

сновидѣній; едины сотворены отъ
роговъ; а другія отъ слонова
кости. Кои отъ слоновыхъ врагъ
изходятъ, сѣи прельщаютъ наде-
ждою, и щещны суть слова ихъ:
напротивъ того исходящѣе отъ
роговыхъ врагъ предвѣщаютъ ис-
тинное. Но я мню, что мое сно-
видѣніе не сими врагами изходитъ;
да будетъ убо мнѣ и сыну моему
пищица. Внуши мои слова: Сѣя
поносная заря прищедъ на вѣки
разлучитъ меня отъ дому Одис-
сеева; зане хочу предложити под-
вигъ женихамъ, да чрезъ двадзе-
сять колецъ натягши лукъ, спа-
рающся пустити стрѣлу; кто
окажетъ сѣе искусство, въ коемъ
Одиссей весьма силенъ былъ, за
того выйду въ замужество, и вни-
ду въ его чертоги; сей же домъ,
всякимъ спяжаніемъ наполненный,
въ коемъ я получила младость
свою, оправдою, и уповаю поне
узрѣши его въ сновидѣніи.

Ца.

Царице! мудрый Одиссей отвѣ-
щалъ ей, не предлагай нынѣ подвига
сего женихамъ; ибо прїидетъ прежде
сѣмо Одиссей, доколѣ женихи твои
напрягають будущъ лукъ, и чрезъ
всѣ кольца стрѣла ихъ пройдетъ.
Мудрая Пинелопа рекла ему; Воз-
любленный странниче! когда хоче-
ши въ дому моемъ пребывать, и
разглагольдспвіями своими упѣша-
ти меня, воистинну не взыдетъ
дреманіе на вѣжди мои; но не
можно человѣку всегда пребыти
безъ сна; ибо таковой жребій
всѣмъ намъ положили боги. Нынѣ
убо взыду . я въ черпогъ свой, и
почію на одрѣ, кой всегда моими
слезами орошаю, отнелѣ же возлю-
бленный мой Одиссей отправился
въ недостойную воспоминанія Трою;
и ты также повели себѣ уго-
товати поспѣю или на земли,
или одрѣ принести.

Сіе рекши отходитъ она въ
черпогъ свой, и съ нею купно ея
ра-

рабыни, куда вшедъ плакала о возлюбленномъ своемъ супругѣ Одиссеѣ, доколѣ божественная Паллада не излила на вѣжди ея дреманіе.

ОМИРОВОЙ ОДИССЕИ

ПѢСНЬ ДВАДЕСЯТАЯ.

Илсилонъ.

Одиссей уготовалъ себѣ постелю отъ мягкихъ кожъ, почилъ въ преднемъ чертогѣ, а Евринома возложила на него покровъ. Тамо славный мужъ лежалъ безъ сна, совѣщевая пагубу женихамъ. Но рабыни, имѣвшія прежде съ женихами порочную любовь, исходя отъ чертога царицына, воздвигли невоздержный смѣхъ, изъясняя велію радость. Одиссей помышлялъ, успремитъся ли на нихъ, и каждой содѣлаши смерть? Или оста-

павиши въ послѣдній разъ любовь
познаши съ женихами? Ибо сердце
его досажденіемъ раздиралось, и бѣя
въ перси тако единъ вѣщаетъ:
Претерпи мужественное сердце!
Когда ты злѣйшее нѣчто пренесло
въ день оный, въ кой не побѣдимый
Киклопъ подалъ сильныхъ твоихъ
сопутниковъ: но ты пребыло то-
гда дерзновенно, доколѣ мудрость
не извела изъ пещеры. Тако рекъ
въ своемъ помышленіи, и духъ его
пребылъ терпѣливъ, вращая всю-
ду мыслями, како простреши руки
на жениховъ, числомъ многихъ

Тогда божественная Паллада,
низшедъ отъ небесъ, воспріяла на
себя образъ величественныя жены;
и ставъ близъ главы его речетъ:
Почто паки не спиши, паче всѣхъ
смертныхъ злополучнѣйшій? Се
домъ твой; се видѣлъ ты жену и
сына, какого всякъ бы желалъ
имѣти.

Му-

Мудрый Одиссей отвѣщалъ :
 Великая въ богиняхъ дщи Діева !
 Воистинну все сіе тако есть, какъ
 ты рекла : но я помышляю нынѣ,
 како простерти руки едину суще-
 му прошиву множества жениховъ,
 кои всегда пребывающъ неразлуч-
 но : кромѣ сего и вѣдущее нѣчто
 предлагаетъ мнѣ разумъ мой ; ко-
 гда я по благоволенію Діа и тво-
 ею помощію ихъ убію ; тогда камо
 сокроюсь отъ гнѣва народа ? О
 семъ я помышляю нынѣ.

Злополучный ! божественная
 Паллада рекла , или не вѣдаешь ,
 что и смертный, надѣясь на дру-
 гаго смертнаго , повинуется его
 совѣту , и не имѣетъ толико по-
 печенія ? Напротивъ того я нари-
 цаюсь богиня, и сохраняю тебя не-
 опустуно во всѣхъ трудахъ тво-
 ихъ. Откровенно реку тебѣ : ко-
 гда и пятьдесятъ полковъ разно-
 язычныхъ народовъ обидутъ насъ,
 желая убити ; воистинну возможе-
 ши

ши отгнаши воловъ и тучныхъ овецъ ихъ. Но наслаждайся нынѣ сномъ: зане всю ночь проводиши безъ онаго болѣзни есть: о прочемъ же не пекися.

Сіе изрекши, изливаетъ сонъ на очи его; а сама отходитъ паки на Олимпъ пресвѣтлый. Когда Одиссей успокоился; тогда жена его Пинелопеа возставъ отъ сна, плакала сѣдя на своемъ ложѣ. Насытився сѣтованіемъ, приноситъ богинѣ Артемидѣ жалобу, сіе вѣщающая: Чистая и добродѣтельная дщерь Діева, богиня Артемиде! свергни въ перси мои острую стрѣлу твою, и изпоргни томящійся духъ отъ тѣла сего; или да восхишишь меня вихрь, и отнесешь на невѣдомыя степи, или да повергнешъ при исходящихъ волнующагося океана! какъ Пиндареевыхъ дщерей восхитили нѣкогда вѣтры, а родителей ихъ погубили боги, послѣ коихъ онѣ однѣ въ дому оста-

остались сиротами, но Афродита
 пишала ихъ сыромъ, медомъ и слад-
 кимъ виномъ, Ира послала имъ кра-
 сошу паче всѣхъ женъ, и дарова-
 ла разумъ, Артемида украсила ве-
 личествомъ, а Паллада научила
 хитродѣланію, женскимъ рукамъ
 приличному; когда Афродита оп-
 лучилась на Олимпъ, молиши громо-
 мещущаго Діа, коему злополучіе
 и благоденствіе смертныхъ всегда
 есть свѣдомо; тѣмъ временемъ дѣвъ
 оныхъ возхитили злобныя Арпіи,
 и предали ихъ въ работу не умо-
 лимымъ Ериніямъ: тако да погу-
 бятъ меня небесные боги, да снѣду
 въ сѣни смертныя, и тамо узрю
 возлюбленнаго моего Одиссея; не
 хочу бо возвеселити сердце инаго
 хуждшаго мужа. Но всякая печаль
 бываетъ удобопреносима, когда
 человѣкъ днемъ воздыхаетъ и бо-
 лѣзнуетъ, а нощи препровождаетъ
 во снѣ, вся благая и злая преда-
 ющемъ забвенію, когда внидетъ во

Часть II. Н ОЧИ

очи челоѡку: мнѣ единой вредоносное безсоніе боги послали. Сію ноцѣ видѣла я во снѣ нѣкоего возлежаща со мною мужа, кой во всемѣ подобенѣ Одиссею, на брань опшедшему; тогда возрадовалосѣ мое сердце: ибо не уповала быши сонію, но самой истиннѣ.

Тако вѣщающей Пинелопѣ, явиласѣ денница. Одиссей услышавѣ гласѣ вопіющіѣ царицы, помыслилѣ, что познавѣ о немѣ жена стоимѣ рыдая надѣ его главою. Скоро возхитивѣ постелю положилѣ на сѣдалищѣ, а воловію кожу изнесѣ вонѣ; потомѣ воздѣвѣ руки молишѣ: Ошче Дій, и всѣ безсмертные! Когда я по вашему изволенію пришелѣ вѣ мое опечество, да речетѣ кто ошѣ воспрянувшихѣ здѣсь людей благое слово, и да явись нѣкое ошѣ всесильнаго Дія знаменіе!

Тако молящасѣ царя Одиссея услышалѣ ошѣцѣ боговѣ и челоѡѣ.

ловѣковъ: абіе возгремѣлъ отъ пресвѣтлаго своего жилища. Возрадовался Одиссей. По семъ услышалъ гласъ жены мелющія муку въ жерновахъ, при коихъ двѣнадцать рабыни обращали, дѣлая пшеничную и ячменную муку, коя чувствуя изнемогшія свои силы, и оспановивъ жерновный камень, тако вѣщаетъ: Отче Дій! Ты единъ управлени богами и смертными; ибо днесъ возгремѣлъ ты отъ чистаго и ни малѣйшія тучи не имѣющаго небесе, являя нѣкоему изъ смертныхъ свое чудо; исполни убо мое слово, кое предъ тобою возглаголю: да будетъ сей послѣдній день, въ кой неистовые женихи моя царицы воспріимутъ желанное пиршество; зане всѣ уже мои силы отъ труда изнемогли ихъ ради: да будетъ имъ сія послѣдняя вечеря.

Одиссей услышавъ таковыя слова рабыни, паче возрадовался. Тѣмъ

временемъ прочія жены собрався въ домъ, великій огонь на огнищѣ вспалили.

Тилемахъ же возставъ отъ ложа облекся во одежды; возложивъ на рамо мечъ и обувся въ сапоги, пріемлетъ крѣпкое и острое копье; по семъ изшедъ изъ ложницы, и ставъ на прагъ тако вѣщаетъ ко Евриклеѣ: Довольно ли вы странника онаго почтили пищею и ложемъ? Или тако лежитъ въ небреженіи? Ибо матерь моя хотя и разумна есть; но иннаго худшаго страннопришельца воспріемлетъ безразсудно со всякою милостію: а сему избранному не хочетъ воздати почтенія.

Престарѣлая Евриклея рекла: Любезное чадо! Не обвиняй всуе матерь свою; ибо вина онъ пилъ колько хотѣлъ, и ялъ пищи колько душа желала; но когда возхотѣлъ почисти, тогда царица повелѣла уготовати ложе. Однако онъ

онъ какъ злополучный и многобѣд-
ственный спрaжникъ не спалъ на
мягкой постелѣ, но лежалъ въ пред-
дверіи на сырой воловѣй кожи; и
мы на него шокмо покровъ возло-
жили.

Тако рекла Еврикля. Тиле-
махъ пріѣвъ копіе изходитъ на
сонмъ къ мужественнымъ Ахея-
намъ. Тѣмъ временемъ Еврикля,
дая повелѣніе рабынямъ, вѣщаетъ
такъ: Идите скоро, окропите домъ,
и уголовите всякое украшеніе,
положите на сѣдалищахъ разно-
цвѣтные ковры, оприте всѣ сто-
лы губками, очистите чаши и блю-
да; инныя идите ко источнику, и
принесите воду; ибо мню, что
скоро и зѣло рано пріидутъ сѣмо
женихи; зане и для всѣхъ день сей
есть праздничный. Тако рекла; и
всѣ повинулися ея велѣнію. Два-
дцать рабынь пошли на источникъ
для почерпнутія воды, прочія же
всѣ шрудилися внутрь дому. Между
и з тѣмъ

тѣмъ собралися женихи, пришли
отъ источника и рабыни; вскорѣ
по семъ пришелъ и пастухъ, при-
ведъ съ собою проихъ тучнѣйшихъ
вепрей, и пустилъ ихъ во ограду
паслися; узрѣвъ же Одиссея, въ-
щаетъ къ нему тако: Спранниче!
или и до днесь презираютъ тебя
въ дому семъ, и не воздаютъ по-
чтенія какъ и прежде? Одиссей
рекъ: Да воздадутъ мечь за та-
ковое поношеніе сами боги, какое
не праведные мужи творятъ мнѣ
въ чуждемъ дому, не имѣя ни ма-
лѣйшаго стыдѣнія.

Тако они разглагольствовали;
и се пришелъ другій пастухъ Ме-
ланей, приведъ съ собою лучшихъ
отъ всего стада крѣ женихамъ
на пиршество, коихъ привязалъ
на дворъ внутрь ограды; и узрѣвъ
Одиссея, паки начинаетъ его по-
носиши: Несносный спранникъ! ты
и до днесь еще пребываеши въ дому
семъ, творя сущимъ въ немъ ве-
ликія

дикія огорченія? Но вижду, что не прежде отсюда изыдеши, доколѣ не испытаеши рукъ нашихъ; ибо безъ стыда скитаешися, прося здѣсь пищи: или не обрящеши въ другомъ мѣстѣ въ Ахей пиршествъ?

Тако рекъ. Но Одиссей ничего не отвѣдалъ, токмо поживавъ главою совѣщадъ пагубу. Наконецъ третій пастухъ идетъ Филипій, приведъ съ собою безплодную краву, и десять пучныхъ козъ. Сей увидѣвъ Одиссея, и приблизився ко Евмею, вопрошаетъ: кто есть сей странникъ, недавно въ домъ нашъ пришедшей? Отъ какого народа, и отъ какихъ родителей повѣдаетъ быти свое произхожденіе? Воистинну зрю его подобна тѣломъ владычествующу царю; но боги въ великую погружаютъ бездну злополучій странствующихъ людей, когда и на царей низпосылаютъ напасти.

Рекши и приближився ко Одиссею, глаголетъ ему: Радуйся странный опче! Да възбладаеши пакы стяжаніемъ, коимъ наслаждался прежде; ибо зрю тебя низверженнаго во многія напасти. Опче Дій! Нѣсть вредительнѣйшаго опъ боговъ, паче тебе единого; зане не милосердствуеши надъ лядми, опъ тебе рожденными, низвергая ихъ во всякія злоключенія. Не могу опъ слезъ я воздержатися, когда воспоминаю о Одиссеѣ; ибо мню, что онъ заблуждая въ чуждыхъ народахъ имѣетъ одежды раздранныя, [ежели живъ токмо еще обрѣщается.] Но когда низшелъ въ сѣни смершныя, увы любезнаго моего Одиссея, кой младаго меня сущаго еще взявъ опъ Кефалійскаго народа, послалъ на село пасши кравъ, безъ числа нынѣ умножающихся, кои чуждыми мужами поядаются, не взирая на сына его, ниже боя-

ся

ся боговъ безсмертныхъ; но тошвы, даже и все имѣніе отсущствующаго царя по себѣ раздѣлити. Многожды помышлялъ я отѣйти съ сими крѣпостями лучше въ чуждую страну, нежели здѣсь пребывая видѣти напасти; и уже давно бы отъ инаго высокопочтительнаго царя уклонился я; ежели бы не мнилъ, что возвратишся паки злополучный царь мой, кой всѣхъ неистовыхъ жениховъ аки прахъ разсыплетъ.

Одиссей отвѣщалъ: Вижду, что ты мужу безумному не подобиши; ибо имѣеши благій разумъ: сего ради кленуся тебѣ великою клятвою, да будетъ въ томъ свидѣтель самъ отецъ боговъ Дій, страннопріемный столъ и домъ, въ коемъ нынѣ пребываю, что тебѣ здѣсь сузю прїидетъ Одиссей въ домъ свой, и когда хочешь очами своими узрѣти поражаемыхъ смертію жениховъ, въ

Ц

дому

дому семъ нынѣ господствующихъ
воистинну узриши.

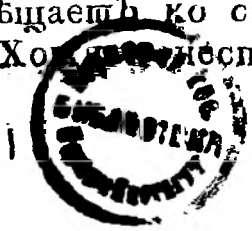
Пастухъ рекъ ему: Спранни-
че! О когда бы сѣ слово твое ис-
полнилось! Воистинну позналъ бы
ты, како силы и руки мои ему
бы послѣдовали. Тако и Евмей мо-
дилъ боговъ о возвращеніи Одиссея.

О семъ они взаимно бесѣдова-
ли. Между тѣмъ женихи пред-
устроили пагубу и смерть Тиле-
маху. Сѣ имъ соумышляющимъ,
прилетѣлъ отъ лѣвыя страны
орелъ, держа въ рукахъ уловлен-
ную голубицу; и тогда Амфиномъ
къ прочимъ сопиршественникамъ
рекъ: Други мои! Воистинну совѣ-
щаніе наше о убійствѣ Тилемаха
не исполнится: оставя убо сѣ
приступимъ къ пиршеству. Тако
рекъ Амфиномъ: и всѣмъ угодно
было слово его. По семъ пришедъ
въ домъ Одиссеевъ, верхнія оде-
янія положили на сѣдалища. По-
слѣ начали закалать козъ, овецъ,
вепрей

вепрей и пучную краву. Скоро наконецъ угошovali трапезу. Тогда Тилемахъ посадилъ Одиссея внутрь чертога онаго на помостѣ, поставивъ предъ него небольшой столъ съ обильною пищею, и наполнивъ злшую чашу виномъ, тако вѣщая; Спранниче! Здѣсь нынѣ сѣди со прочими мужами, насыщая пищу и пїя вино, колико сердце твое возжелаетъ; досажденїя же и поношенїя жениховъ я отвращу отъ тебя своею рукою; зане домъ сей не есть общенародный, но царя Одиссея, въ коемъ я владыкою нарицаюся. Вы убо знаменитые юноши! Воздержите сердца ваши отъ поношенїя, и да ни какїй раздоръ и шумъ между вами не произыдетъ.

Сими словами Тилемаха всѣ зѣло огорчилися, кусая губы и удивляясь его дерзновейю. По семъ Анпиной вѣщаетъ ко своимъ собесѣдникамъ; Хоть и нестерпи-

мо

мо слово Тилемахово; но понесемъ, любезные други! Удивляюсь, великимъ прецѣнемъ онъ устрашаетъ, и жалѣю, что всемогущій Дій не попустилъ намъ исполнити свое желаніе; тогда воистинну смирили бы гордость сего велерѣчиваго провозвѣстника.

Тако рекъ Антиной. Но Тилемахъ не взиравъ на слова его. Тѣмъ временемъ провозвѣстники привели чрезъ градъ священную сточисленную жертву къ Аполлоновой сѣниолиственной дебри, гдѣ и прочіи Ахейцы собрались. По семъ угодовавъ пиршество, съ веселіемъ совершали праздникъ новомѣсячія. Тогда и Одиссею положили равную часть; ибо тако повелѣлъ Тилемахъ. Но божественная Паллада не допускала жениховъ воздержатися отъ поношенія и спростивости языка, дабы видѣше подвигнуть сердце Одиссея ко отмщенію. Былъ нѣкто въ числѣ

слѣ жениховѣ мужѣ неистовый
Ктисиппѣ, родомѣ изѣ острова
Сама. Сей надѣяся на безчислен-
ное стяжаніе своего опца, желалѣ
пробрѣсти Пинелопу вѣ жену се-
бѣ, и тогда сѣ превозношеніемѣ
рекѣ кѣ прочимѣ женихамѣ тако:
Внушите знаменитые юноши! Стран-
никѣ сей хощя и имѣетѣ равную
и достойную часть пищи; [ибо
неправедно было бы обидѣти жре-
бѣемѣ всякаго пришельца вѣ дому
Тилемаха:] однако и я пощуся
даши ему дарѣ угощенія, да и
самѣ подастѣ его, кому восхо-
щетѣ.

Сіе рекши емлетѣ отѣ кон-
ницы кравію ногу, и всею силою
мещетѣ на Одиссея. Но сей укло-
нився избѣжалѣ пораженія. Тиле-
махѣ яростно возрѣвѣ на Кти-
сиппа, вѣщаетѣ ему сѣ досажде-
ніемѣ: Ктисиппѣ! Тебѣ же сіе по-
лезнѣе, что не поразилѣ стран-
ника; воистинну тогда пронзилѣ
бы

бы я тебя копѣемъ моимъ, и
оцеу въмѣсто брака сотворилъ бы
тебѣ погребеніе. Сего ради да
блюдется всякъ опнынъ дѣлаши
не пристойныя досажденія въ дому
моемъ; ибо самъ я нынѣ разумѣю
и знаю, какъ благія, такъ и
злыя дѣла. Прежде былъ я не
смысленъ, и съ терпѣніемъ до-
селѣ взиралъ на закланія овецъ:
на испощаемое безъ пощады ви-
но и на поядаемый хлѣбъ; ибо тру-
дно есть удержати многихъ еди-
ному. Престаните убо отъ всѣхъ
злочиній. Воистинну вожделѣн-
іе бы мнѣ умрети; [ибо желаете
меня убити] нежели взира-
ти всегда на шоль злодѣйскія поступ-
ки, на бѣемыхъ странниковъ и на
рабынь насилуемыхъ.

Всѣ молчали когда вѣщалъ
сіе Тилемахъ. По прошествіи нѣ-
кого времени Агелай, сынъ Да-
маспоровъ, начинаетъ тако: Дру-
ги мои! Недостойно есть гнѣва-
тися,

тисся, или съ досажденіемъ отвѣщаши на праведно реченныя слова. Воздержитесь убо шворити обиды спраннымъ и рабамъ сущимъ въ дому Одиссея. Тилемаху же и матерѣ его реку нѣкое крошкое слово, ежели угодно явится предъ ними: Доколѣ сердце ваше имѣло надежду видѣти возвращеніе въ домъ свой Одиссея, никто отъ насъ не желалъ пребывать въ домѣ семъ; но днесъ, когда всѣмъ опкровенно и явно есть, что его нѣсть больше въ живыхъ; сего ради рцы матери швоей, да избереши себѣ мужа, кого восхощетъ, и кто множайшіе сдѣлаетъ ей дары. Тогда ты съ веселіемъ будещи наслаждаши наслѣдіемъ отца своего; а она отъидетъ соблюдать домъ инаго мужа.

Любезный Агелай! рекъ Тилемахъ, кленуся Діемъ и болѣзными отца моего, который мертвъ ли, или живъ заблуждаетъ въ оп-
да-

даленныхъ странахъ, кленуся, что не препятствую мащери своей пріяти супружество; но паче совѣтую ей избрать себѣ мужа, какого восхощетъ сама: Я съ своей стороны дамъ ей многіе дары. Не хотящую же боюсь удалить изъ дому досадительнымъ словомъ; да не сотворитъ сего Богъ.

Такъ рекъ Тилемахъ: тогда божественная Паллада послала на жениховъ невоздержный смѣхъ, и помрачила разумъ ихъ; ибо они смѣялись принужденно, и аки чуждыми устами; окровавленные поядали мяса; очи наполнены были слезами, и сердца плачь предчувствовали.

И се прорицатель Теоклименъ вѣщаетъ къ нимъ: О злополучные! Откуда зло сіе на васъ низверглось! Зрю главы ваши, лице и стопы тьмою покровенныя; се слышу и рыданіе; ланиты ваши слезами орошаются; мрачныя тѣни стоятъ въ преддверіи; по всему двору

ру заблуждаютъ мертвецы; открываеяся адъ во всей своей тьмѣ; солнце отъ небесъ сокрылося, и падетъ на васъ мгла смертоносная.

Такъ рекши, подвигъ ихъ къ вящему смѣху: и Евримахъ, сынъ Поливѣевъ отвѣщаетъ: Други мои! Нечего шовствуемъ сей новопришедшей странникъ; скоро убо его воны изведите; зане свѣтлый день ношю нарицаетъ.

Евримахъ! отвѣщалъ Феоклименъ, не пребую я отъ тебя пугливости; имѣю бо очи, уши и ноги, и разумъ мой не заблуждаетъ: съ сими спутниками изыду отсюду; зане проразумѣю приближающуюся вамъ пагубу, отъ коея никто не спасется, и ниже единъ кто избѣгнетъ изъ жениховъ, въ дому Одиссеевъ не праведная творящихъ. Сіе рекши оставляетъ домъ царевъ, и отходитъ къ Пирею, кой воспріалъ его

сѣ радостію. Женихи взирая единѣ на другаго, паки начинаютѣ Тилемаха раздражати, шворя посмѣяніе надѣ приходящими кѣ нему странными; и иѣкто отѣ нихѣ сїе рекѣ: Воистинну никто толико не разумѣетѣ прїимати странныхѣ кѣ домѣ кѣ себѣ, колико ты, приведѣ нынѣ сѣ собою новаго и неизвѣстнаго пришельца, алчущаго пищи, и жаждущаго вина; шрудовѣ же не знающаго, и не имѣющаго крѣпости, но землю шокмо шягощащаго. Посемѣ и другїй возставѣ сказалѣ: Тилемахѣ! когда хочещи, скоро послемѣ странно-пришельцевѣ твоихѣ на кораблѣ вѣ Сикилійскую страну, гдѣ, какѣ уповаю, не малое они приобрѣшутѣ себѣ спяжаніе. .

Сиде женихи шворили поношеніе. Но Тилемахѣ, не помышляя о безумїи ихѣ, вѣралѣ шокмо на отца своего, ожидая всегда повелѣнія его кѣ вознесенїю рукѣ на неистов-

неисповствующихъ жениховъ. Пинелоп сидя на уготованномъ ей сѣдалищѣ въ собраніи ищущихъ ее въ жену, каждое ихъ слово слышала. ---- Женихи хотя съ веселіемъ и безбоязненно поядали уготованныя на обѣдъ яствы; но вечера для нихъ будетъ самая горестнѣйшая, каковую богиня и Одиссей имъ угошовавъ вскорѣ предложашъ.

ОМИРОВОЙ ОДИССЕИ

ПѢСНЬ ДВАДЕСЯТЬ ПЕРВАЯ.

Фил.

Царицѣ Пинелопѣ премудраѣ Паллада вдохнула въ умъ предложить женихамъ въ дому Одиссея въ лукъ и чистое желѣзо въ подвиги, яко начало убійства. Возходитъ по лествицѣ въ горній свой чертогъ съ рабынями, гдѣ

О 2

лежа-

лежали сокровища царскія, мѣдь, злато и крѣпкое желѣзо: тамо лежалъ и лукъ со многими смертоносными стрѣлами, въ даръ данными въ Лакедемонѣ Ифитомъ, сыномъ Евришовымъ, когда онъ сръшился въ дому воинспвеннаго Оршилоха съ Одиссеемъ, кой тогда былъ въ Мессинѣ для полученія долгу, которымъ весь народъ Мессинскій былъ ему обязанъ; ибо сїи мужи отгнаши изъ Иеаки на корабляхъ триста овецъ съ пастухами, коихъ ради и послалъ его отецъ и прочіе старцы. А

фитъ искалъ погибшихъ дванадесять кобылицъ, толико же ослаицъ, ко всякимъ трудамъ изученныхъ. Но сїе самое вскорѣ нанесло ему смерть и пагубу; ибо Ираклій, сынъ не устращимаго Дїя, по пришествїи Ифитовомъ въ домъ его, дружелюбно воспрїявъ его, и предложивъ, яко странному, нищю, убилъ послѣ, не устрашився
ни

ни гласа боговъ, ниже стола стран-
нопріемнаго, и коней удержалъ у
себя. Онъ бывъ въ семъ пудешест-
вїи, срѣтился съ Одиссемъ, и въ
знакъ дружбы далъ ему оный
лукъ, коимъ прежде пользовался
великій Еритъ, и по смерти ос-
тавилъ сыну своему. Напрошивъ
того Одиссей Ифиту далъ мечъ
и копіе въ знакъ будущаго дру-
жескаго страннопрїимства; но ко-
имъ не могли взаимно почпиши;
зане добродѣтельный Ифитъ прї-
ялъ смерть отъ рукъ Ираклїя.
Лукъ оный не былъ съ Одиссеемъ
на брани; но въ воспоминаніе лю-
безнаго друга, дома былъ остав-
ленъ. Пинелопа прїявъ лукъ и
шулъ стрѣлами наполненный сб-
ла, и положивъ его на колѣнахъ
плакала неутѣшно. По семъ по
многомъ пролишїи слезъ, изхо-
дитъ опшуду къ женихамъ, неся
лукъ и шулъ, яко смерть гор-
дыхъ мужей, и конечную ихъ на-

губу: рабыни несли ковчегъ, въ
коемъ лежали желѣзо и мѣдь, под-
виги царя Одиссея. По томъ при-
шедъ предъ жениховъ спала при
праѣ, имѣя на лицѣ тончайшій
покровъ, гдѣ предстояли отъ
особнхъ спранъ ей рабыни, и та-
ко начинается:

Внушите, гордые женихи! кои
поносное дому сему шворите на-
паденіе, ядя и пїя непрестанно
въ ономъ, и не зря предъ собою
царя моего, не могли доселѣ отъ
обидъ и поношенія воздержаться:
се лукъ и стрѣлы Одиссея! Кто
убо напругши его пустишъ стрѣ-
лу чрезъ всѣ дванадцять ко-
лецъ, того нарекуся женою, и
пойду съ нимъ совокупно оставя
домъ сей, въ коемъ отъ младости
своей обитала, имѣя всякое въ
немъ обиліе; и мню, что воспомина-
ну о немъ хощя въ сновидѣніи.

Сїе рекши повелѣла Евмею пред-
ложиши лукъ и желѣзо, кой воз-
прѣ-

пріявѣ со слезами, положилъ на назначенномъ мѣстѣ; и паки началъ плакати взирая на лукъ царя своего.

Анпиной не преставаая отъ поношенія, вѣщаетъ тако: Не смысленные селяне, ежедневно щещу помышляющіе! Что тако проливаете слезы, умножая печаль въ сердцѣ царицы вашей, которая и безъ вашего досажденія всегда сокрушается о возлюбленномъ своемъ мужѣ? Но или ядите съ молчаніемъ, или изшедъ вонъ, гдѣ хотите, проливайте слезы; лукъ же оставите здѣсь для подвига женихамъ. Мню, что не обрящется ни единый изъ насъ, кой бы напрягъ его; ибо нѣсть здѣсь человекъ, каковъ былъ Одиссей; самъ я его видѣлъ; и хотя не смысленъ былъ, но помню.

Сіе вѣдая устрашалъ прочихъ жениховъ, самъ уповая на прящи лукъ, и сквозь всѣ кольца пу-

пустиши стрѣлу, которая острѣе
самъ онѣимѣль ѣкусиши отъ рукъ
Одиссея, коего тогда не почиталъ,
и возмущалъ всѣхъ своихъ совѣ-
стниковъ.

По семъ Тилемахъ начинаетъ
такъ: Мужественные Ахейскіе юно-
ши! Внушите что реку: Во-
истинну содѣлалъ меня великій Дій
безумнымъ; что смѣюся и утѣшаю-
ся по своему неразумію, когда ма-
терь моя, оставляя домъ сей, хо-
щетъ посягнути за другаго му-
жа. Возстаните убо и соверши-
те подвигъ, отъ матери моей ца-
рицы Пинелопы предложенный; я-
не подобная ей жены, какъ вы (а-
ми знаете, не обрѣщется, ниже
въ Пилѣ, ниже въ Аргѣ, ниже въ
Микѣнахъ, ниже во Ипирѣ и ниже
въ самой Иеакѣ. Но къ чему мнѣ
такъ перевозносити мать свою?
Возстаните, и извиненіями своими
не продолжайте времени, да у-
зримъ всѣхъ мужество и крѣпость.
Но

Но прежде всѣхъ я испытаю лукъ сей, и когда напругши его пущу стрѣлу чрезъ всѣ кольца; тогда мать моя ко иному мужу не опѣидетъ.

Рекши сіе низлагаетъ отъ раменъ верхнюю одежду, и возлагаетъ на оныя мечъ. По семъ копервыхъ, поспанавляетъ кольца, по ископанному прямо рву; по томъ осыпаетъ оныя землю: женихи взирая на сіе зѣло удивлялися, чего прежде ни когда не видѣли. Тилемахъ ставъ на помостѣ пріемлетъ лукъ, испытуетъ его твердость; трижды напругалъ тетиву его, и трижды оную опущалъ, не надѣяся на свои силы; въ четвертую крапу воистинну напругъ бы; когда бы Одиссей, давъ ему тайный знакъ, не удержалъ отъ сего.

Тилемахъ положивъ лукъ на помостѣ вѣщаетъ тако: Други мои! Или я совершенныхъ достигнувъ лѣтъ, будучи немогущъ и

О ;

без-

безсиленъ , или не уповаю на младость свою , не дерзаю простерти рукъ сопротиву мужа , обиды мнѣ творящаго. Приступите убо вы , силами крѣпчайшіе меня , испытайте твердость лука , и тако скоро совершимъ подвигъ свой. Сіе рекши сѣлѣ паки на своемъ мѣстѣ.

Посемъ Аншиной къ своимъ собесѣдникомъ глаголетъ тако: Други мои ! Возстаните всѣ порядку отъ десныя страны , гдѣ вино подаютъ намъ виночерпій.

Тако рекъ Аншиной , и предъ всѣми угодно явилось слово его. Первой встаетъ Ліодъ , сынъ Иноповъ , кой былъ у нихъ прорицателемъ , и кой прочихъ жениховъ за безумныя ихъ неистовства зѣло ненавидя сидѣлъ отъ всѣхъ отдаленнѣйшій. Сей ставъ на помостѣ испытуетъ лукъ ; но тщетно упорствовавъ противъ твердости его , и изнемогши силами , тако вѣщаетъ : Знаменитые юноши ! Зрю ,
что

что силы мои не вмѣщаютъ лука сего твердости: да воспріиметъ убо иныи кто; ибо я уповаю, что лукъ сей многихъ и сильныхъ отъ насъ мужей лишитъ крѣпости и живота. Сего ради лучше есть умереть, нежели нарицаяся живыми, не приобрѣсти того, чего всякій день здѣсь пребывая ожидаемъ съ неизреченною радостію. Нынѣ хотя кто изъ васъ и уповаетъ въ сердцѣ своемъ пояти въ жену себѣ Пинелопу; но испытавъ лукъ, инную отъ Ахейскихъ женъ будетъ искать себѣ невѣсту.

Сіе рекши поставилъ лукъ на помостѣ, и отшелъ на свое мѣсто.

Анпиноу слышавъ сіе съ досажденіемъ вѣщаетъ: Лѣодѣ! како возмогъ ты изглаголати столь поносно? Не могу слышати сего безъ великаго огорченія, что лукъ сей, коего ты единъ не напругъ, лишитъ многихъ отъ насъ крѣпкихъ мужей силы и живота. Вѣдай убо,
что

что мать твою не родила тебя къ сему способнымъ; но прочіе сущіи здѣсь юноши напрягутъ его. Посемъ обратився къ пастуху Меланею вѣщаетъ: Скоро возпали въ дому семъ огонь, и постановя сѣдалище принеси часть тука, да согрѣвшійся лукъ помажемъ, и испытавъ твердость его совершимъ подвигъ. Меланей скоро исполнилъ повелѣнное. Но и тако не напрягли юноши лука сего; ибо у всѣхъ силы истощились.

Антиной токмо и Евримахъ бывъ паче всѣхъ крѣпчайшіе, сему не прикасались; но скоро оба исходятъ отъ дома. За ними слѣдуетъ и Одиссей со двумя пастухами; и изшедъ внѣ двора, Одиссей вѣщаетъ къ пастухамъ тако: Любезные други! Сердце совѣщаетъ мнѣ нѣчто открыти предъ вами; скажите мнѣ, готовы ли вы были помощниками Одиссею, когда бы его богъ внезапно поставилъ предъ вами?

ми? Или паче желаете защищати жениховъ, нежели царя своего? Пастухъ Филишій рекъ: О когда бы отецъ боговъ совершилъ наше желаніе, и привелъ бы къ намъ Одиссея! Скоро позналъ бы ты крѣпость мою и дерзновеніе. Таковымъ образомъ и Евмей просилъ боговъ о возвращеніи въ домъ своего владыки. Одиссей познавъ истинное ихъ желаніе, паки вѣщаетъ: Се я между вами обрѣшаюсь царь вашъ Одиссей, кой по претерпѣніи многихъ ланастей въ двадесятый годъ пришелъ въ землю отечественную; и я знаю, что вы токмо единые желали моего возвращенія; опъ прочихъ же рабовъ никто мнѣ не усердствуетъ. Сего ради повѣдаю вамъ истину, когда богъ поможетъ мнѣ стерти рогъ жениховъ сихъ, обоимъ вамъ дамъ женъ, награжду обильнымъ спяжаніемъ, и созижду каждому особый домъ близъ моихъ чершоговъ; тогда будете

дете нарицашися мнѣ и Тилемаху
 ближними и брашїями. Но да вѣща-
 шую вѣру имете, и познаете ис-
 истинну словѣмоихѣ, отккрыю предѣ
 вами явный знакѣ; сїе рекши по-
 казалѣ имѣ ногу, вѣщаая: Зрите,
 се язва оная, которую нѣкогда
 содѣлалѣ мнѣ вепрь на горѣ Пар-
 насѣ бывшему на ловитвѣ звѣрей
 съ дѣшїями дѣда моего Автолика.
 Евмей и Филиштїй познавѣ истинну,
 объемяшѣ цзя, лобзашѣ главу
 и рамена его; равнымѣ образомѣ и
 Одиссей облобызалѣ главы и руки
 ихѣ. Плачущимѣ имѣ воистинну
 ношѣ бы приближилася, когда бы
 Одиссей не удержалѣ ихѣ тако
 вѣщаая: Престаните отѣ слезѣ и
 рыданїя, да не кшо узрѣвѣ насѣ
 плачущихѣ возвѣспитѣ всѣмѣ въ
 дому сущимѣ; но приуготовився
 внидите въ домѣ, токмо не всѣ
 совокупно; прежде вниду я; вы же
 мало помедливѣ за мною слѣдуй-
 те: сїе вамѣ да будетѣ шамо зна-
 ме-

меніе : когда по требованію моему женихи не восхотѣху мнѣ дати лука, тогда ты, любезный Евмей, взявъ его подаждь мнѣ въ руки; по семъ скоро повели заключиши двери, гдѣ обитаютъ рабыни: ежели кто услышитъ отъ рабовъ нашихъ стонъ, воздыханіе и нѣкій мяшежъ, то да никто вонъ не извидетъ, но да пребываетъ на мѣстѣ, исполняя дѣла свои. А тебѣ, другъ мой Филишій! повелѣваю твердо заключиши врата дома нашего.

Рекши сіе входитъ въ сонмище жениховъ, и пришедъ сѣлъ на своемъ мѣстѣ. Вскорѣ явились Евмей и Филишій. Евримахъ же тогда держа лукъ, вращалъ его сюду и сюду, нагрѣвая теплою огня; но никакъ не могъ напярѣи, и тяжелыя испуская воздыханія, вѣщаетъ тако: Други мои! воистину зѣло прискорбно есть всѣмъ намъ, не токмо брака ради, [ибо
мно-

многія суть жены Ахейскія, какѣ во Иѳакѣ, такѣ и въ прочихъ градахъ;] но паче всего, что много не достаесть силъ нашихъ къ напряженію лука, каковы были силы царя Одиссея: поношеніе и укоризна о семъ слышати по насъ будущимъ.

Евримахъ! отвѣщаль мужественный Анпиной, не тако сіе будешъ; и самъ сіе разумѣши: нынѣ въ народѣ есть праздникъ великаго Бога, кто убо въ сей день лукъ напрягаешъ? Положите его, а кольцы всѣ оставите пребывать тако; ибо мню, что никто не похититъ ихъ. Ты же виночерпій подаждь намъ вина, да всякъ ѣкусивъ отъ него по своему желанію, оставитъ лукъ до иннаго времени. Меланѳію повелите заутра привести лучшихъ отъ всего стада козъ, да тучныя ихъ бедра принеши въ жертву царю Аполлону, паки испы-

пытаемъ лукъ, и совершимъ подвигъ.

Сіе рекъ; и всѣмъ угодно было слово его. Провозвѣстники подали женихамъ для умовенія рукъ воду, а рабы наполнивъ чашу виномъ, раздѣляли всѣмъ оное. Когда насытились, koliko чье сердце желало; тогда Одиссей соплѣшая лестъ, тако рекъ предъ всѣми:

Знаменитые женихи царицы Пинелопы! внушите, что реку вамъ, паче же всѣхъ Евримаха и Антиноя молю: вы нынѣ оставили испытаніе лука въ честь праздника; поведите убо мнѣ даши лукъ оный, да купно съ вами испытаю крѣпость рукъ моихъ; и еще ли шолко силъ имѣю, какъ прежде; или спранствованіе и нищета изстребили оныя.

Тако рекъ; и всѣ вельми на него вознегодовали, бояся, да не напряжетъ лука, и тѣмъ содѣлаетъ всѣмъ посмѣяніе.

Часть II.

П

Анти-

Ачшигой яростнымъ на него
 возрѣвъ окомъ, речешъ: О злопо-
 лучный спранникъ! Нынѣ познаю
 я, что нѣсть въ тебѣ ни малѣй-
 шаго разума; ибо не любиши спо-
 койно между нами пиршествовати:
 скажи, чего тебѣ не достаетъ? Ты
 токмо слушаеши наши рѣчи и раз-
 глагольствуй, чего никакій спран-
 ный ницѣй не творитъ. Вижду,
 что вино тебя къ сему приводитъ;
 ибо оно и другихъ многихъ твоя-
 ритъ безумными, кто пьетъ его
 со излишествомъ. Вино и знаме-
 нитому Кеншавру Евритіону содѣ-
 лало вредъ въ дому мужественна-
 го Пиреоя, къ Ланиамъ шедше-
 му; поелику многимъ питеемъ по-
 мрачивъ разумъ свой, содѣлалъ
 тамо великое безуміе; тогда силь-
 ные ирои обьяшы бывъ сильнымъ
 гнѣвомъ, извели его на дворъ, и
 обрѣзали уши и ноздри. Таковымъ
 образомъ опшелъ онъ опшуду, на-
 казанъ бывъ за невоздержность въ
 питіи:

питїи: тако и ты понесеши многїй вредъ, когда лукъ сей направиши; и мню, что ни единый тогда не подастъ тебѣ въ дому семѣ защїиженїя; но вскорѣ отомлемъ тебя на кораблѣ къ люшѣйшему царю Ехесту, откуда во вѣкъ не изыдеши; яждь убо и пей здѣсь съ молчанїемъ, и съ лучшими мужами не тѣори распри.

Мудрая Пинелопе рекла ему: Антиной! Не праведно и не похвально есть творити обиды странникамъ, въ домъ Тилемаховъ приходящимъ. Или ты уповаеши, что странникъ сей надѣся на свои силы, когда наприжетъ лукъ, отвѣдетъ мя въ домъ и содѣлаетъ своею женою? Ниже ты надѣся сего, ниже инный кто изъ васъ.

Мудрая царице Пинелопе! отвѣщаль Евримахъ, никакъ мы сѣ не помышляемъ; но убѣгаемъ дародныя молвы, дабы кто не сказалъ, что мужи безсильные и мало-

душные ищутъ пояси въ жену себѣ жену мука крѣпкаго и бранно-носнаго; ибо не могли они напряди лука; спранный же нѣкто и нищій пришедъ безъ труда напрядъ и пустилъ стрѣлу чрезъ всѣ кольца. Тако будутъ глаголати въ народѣ, и намъ произойдетъ стыдъ и поношеніе.

Евримахъ! Пинелопа рекла, прилично ли знаменишымъ въ народѣ мужамъ поядати чуждый хлѣбъ, и распочати домъ ироя, великими дѣлами прославившагося? Но вы сами сіе творите себѣ поношеніе. Спранникъ сей образомъ есть величественъ, тѣломъ зраченъ и произхожденіе имѣетъ отъ рода знаменишаго, дайте убо ему лукъ, да чзримъ, [когда напряжетъ и возгичитъ его славою Аполлонъ;] да дамъ ему сапоги, коніе и мечъ, и опущу куда сердце его желаетъ.

Ти-

Тилемахъ посемъ вѣщаетъ къ Пинелопѣ: Возлюбленная мами! Нѣсть человѣкъ ниже во Иеакѣ, ниже во всей Илидской странѣ, кой бы не хотѣющаго мя могъ принудити, и хотѣющему возбранити. Я токмо во всѣхъ Ахеянахъ имѣю власть и право даи лукъ, кому восхощу. Ты же вшедъ въ чертогъ свой исполняй дѣла, какія приличны суть тебѣ, такожде рабынямъ повели, да со щирѣмъ творятъ имъ порученное. О лукъ попеченіе имѣши предослави мужамъ, паче всѣхъ мнѣ, коего власть больше всѣхъ надъ домомъ симъ простирается.

Пинелопѣ слыша сѣе, въ изумленіи отходитъ во свой чертогъ, соблюдая мудрыя слова Тилемаха; и пришедъ наки начинаетъ плакати о возлюбленномъ своемъ супругѣ, доколѣ божественная Паллада не излила на очи ея сладкаго дреманія. Тогда Евмей пріавъ лукъ

несетъ къ Одиссею. Женихи узрѣвъ сїе, воздвигли всѣ великій мятежъ, и нѣкто опъ нихъ рекъ: Несмысленный пастухъ! Камо несиши лукъ сей? Положи его здѣсь, да не вскорѣ разперзающъ тебя псы, побоя воскормленные.

Евмей убояся прещенія многихъ мужей, паки положилъ лукъ на томъ же мѣстѣ. Опъ другія оспраны Тилемахъ со гнѣвомъ возопилъ къ нему: Безумный! Почто слушаеши ихъ? Скоро подаждь мнѣ лукъ, да не поразивъ ты на село иждену. О когда бы я имѣлъ столько силъ противу всѣхъ жениховъ сихъ, колико противу тебя и-бю; воистинну многихъ опсюду оппустилъ бы ишли въ дома ихъ съ пелалію; ибо всѣ творятъ дѣла не праведныя.

Тако рекъ Тилемахъ: женихи посмѣявся ему, престали опъ гнѣва. Евмей паки повинуюсь гласу Тилемаха, прїявъ лукъ принесъ къ

къ Одиссею, и положилъ при его
ногахъ.

Тилемахъ тайно призвавъ Ев-
риклею, и изведъ вонъ речешъ ей:
Иди спѣшно, и во всемъ домѣ за-
ключи двери и врата твердо. Еже-
ли кто услышитъ стонъ, или воз-
дыханіе, или нѣкій мятежъ, то
да не изходитъ оуѣ мѣста своего;
но да исполняетъ повелѣнное.

Такъ рекъ Тилемахъ; и абіе
исполнено было его повелѣніе. Па-
схухъ Филиппіи, изшедъ вонъ тай-
но, и пришедши ко оградѣ, заклю-
чилъ врата тамо, и узрѣвъ не да-
леке лежащее сухое дебелое дерево,
укрѣпилъ на немъ симъ опроверженіе
оныхъ. По семъ возвратився пакы
сѣлъ на своемъ мѣстѣ, со щирнѣ-
емъ взирая на Одиссея, кой тогда
вращалъ сюду и сюду лукъ свой,
испытую, не повредили ли его черви
во время столь долгаго отсутствія.
Тогда оуѣ жениховъ нѣкто обра-
тився къ ближнему рекъ: О коль

хитръ и искусенъ есть стрѣлецъ
сеи! Мню, чю и въ дому его такіе
же обрѣщаются луки; или хочетъ
подобны сему содѣлати? Виждь,
какъ вращаетъ его въ рукахъ сво-
ихъ пресмыкающійся спранникъ.
Иной сіе говорилъ: О когда бы
всегда толико ему было пользы,
колико нынѣ возможетъ лукъ сей
напряди! Тако творили женихи
посмѣяніе. Но Одиссей не взирая
на ихъ рѣчи, соглядалъ твердосць
лука, и узрѣлъ его ни чемъ не по-
врежденнаго. Аки искусный пѣвецъ
на новой цѣвницѣ удобно напряга-
етъ струну; тако Одиссей безъ
всякаго затрудненія десною рукою
напрягаетъ тетиву лука, которая
отпущена бывъ отъ крѣпкихъ пер-
стовъ издала звукъ, подобный
гласу поющія ластовицы. Во всѣхъ
женихахъ воздрепешали сердца, и
измѣнился цвѣтъ на ихъ лицахъ.
Великій отецъ боговъ Дій, посылая
ему благое знаменіе, возгремѣлъ
отъ

отъ превыспреннихъ странъ. Одиссеи возрадовался сердцемъ, видя къ себѣ благоволеніе сильнѣйшаго изъ боговъ, ирѣемлетъ едину стрѣлу, лежавшую при столѣ, а прочія сокровенны были внутрь шула, возложивъ оную на шествію, и напятиши лукъ, пуцаетъ десницею. Стрѣла неся свое остріе лешитъ, и мгновенно проходитъ сквозь всѣ кольца, наченши отъ перваго даже до послѣдняго.

Посемъ тако рекъ къ Тилемаху: Вижль, се спраннопришелецъ, пребывая въ дому швоемъ, не содѣлалъ тебѣ посмѣянія, ниже стрѣла отъ лука пущенная совратилася на страну отъ цѣли, ниже изнемогли руки отъ многошруднаго напряженія лука. Воистинну суть во мнѣ еще силы и крѣпость: не тако содѣлалось, какъ прежде женихи мною посмѣвались. Но уже время нынѣ угошоваши вечерю симъ знаменимымъ Ахейнамъ, доколѣ

свѣтъ есть; послѣ же насладимся
пѣніемъ, слушая гласа цѣвницы:
ибо сіе есть украшеніе веселыхъ
пиршествъ.

Рекши тако, и возрѣвъ на Ти-
лемаха помизаетъ очами; а сей по-
знавъ хощеніе отца, вскорѣ при-
носитъ острый и тяжелый мечъ,
и подаетъ въ руки Одиссею, и ко-
піе пошановляетъ при сѣдалищѣ,
потомъ и самъ въ бранное оружіе
облекается.

ОМИРОВОЙ ОДИССЕИ

ПѢСНЬ ДВАДЕСЯТЬ ВТОРАЯ.

Жи.

Одиссей для облегченія совокъ
нѣкоторыя рубища отъ раменъ сво-
ихъ, и абіе возшелъ на прагъ, дер-
жа въ рукахъ лукъ и шуль на-
полненный стрѣлами, кои скоро
и..

изсыпавъ предъ своими ногами, тако къ женихамъ вѣщаетъ: Храбрые юнши! Се невинный подвигъ сей совершенъ есть мною; нынѣ паки хочу избрати другій предметъ, коею цѣли никто доселѣ не улучилъ: да пошлетъ убо Аполлонъ мнѣ славу свою. Рече тако, направляетъ мгновенно стрѣлу на Антиноя, кой въ самое сѣ время подбѣжавъ чашу приносилъ къ устамъ пиши вино отъ нея, смерть же на мысль ему не всходила; ибо кто могъ подумати, чтобы единъ дерзнулъ съ шолкимъ множествомъ сражаться, и содѣлати смертноносное убійство? Одиссей пустивъ стрѣлу поражаетъ его въ горшанъ: острѣе пролетаетъ сквозь выю, падаетъ отъ рукъ чаша, падаетъ и самъ державшій оную на помостѣ; ручьемъ течетъ отъ ноздрей кровь его, пренецетъ лежа на полу всѣми удами, ударяетъ ногами о землю, опровергаетъ столъ со всѣми яства-

яствами, хлѣбъ и мяса валяшся
подъ ноги жениховъ, вино смѣши-
вается съ кровію. Прочіе юноши
узрѣвъ знамениаго мужа падша
мертва, всѣ возшумѣли, и возставъ
опъ сѣдалищъ воздвигли велій мя-
шежъ; мещущъ взоръ по всѣмъ
спѣнамъ, но нигдѣ ни щита ни
копія не обрѣтають.

По семъ въ ярости возопили на
Одиссея: Безумный странникъ!
Тако ли пуцаеши стрѣлы и на
мужей уже? Се приближилася са-
мому тебѣ лютая смерть; ибо ты
умерщвилъ нче всѣхъ Ахейскихъ
юношей знамениаго; сего ради
и самъ поверженъ будеши пшцамъ
на снѣденіе.

Тако вѣщая уповали, что убій-
ство содѣлано имъ неумышленно;
но того невоображали безумные,
что всѣхъ не минувая пагуба по-
спигнуть долженствовала.

Одиссей воззрѣвъ яростнымъ
окомъ, вѣщаетъ къ нимъ: О без-
суд-

спудные псы! Тако ли не уповали вы моего возвращенія отъ Троянскіѣ страны въ домъ сей? Вы разпочали мое имѣніе, требовали жену въ супружество отъ живаго мужа, не бояся боговъ мщенія, ниже отъ людей поношенія. Сего ради всѣмъ вамъ нынѣ конецъ живота приближился.

Женихи слышавъ сіе паче содрогнулись. Всякъ взираетъ, камо отъ лютыя смерти избѣжати. Единъ Евримахъ рекъ: Когда ты воистинну пришелъ сѣмо царь Иаакійскій Одиссей, праведно есть слово твое о учиненныхъ нами тебѣ обидахъ; многія были наши злодѣянія и въ домѣ и на селѣ; но пошѣ, кто всему былъ виновникъ, мертвъ уже лежитъ. Знаменитый юноша Анпиной желалъ приобрѣсти въ жену не токмо царицу Пинелопу, но помышлялъ и царство надъ Иаакійскимъ народомъ пріяти, содѣлавъ сыну своему пай-

тайное убійство. Но всесильный Дій не благоволилъ желанію его исполнишися. Се онъ предъ очами всѣхъ лежитъ поверженъ мертвъ; пощади убо насъ народъ твой. Мы тебѣ все, елико испостижили отъ дому твоего, возвратимъ со щазаніемъ; каждый отъ насъ приведетъ тебѣ двадесять воловъ; дадимъ обильно серебра и золота, сколько сердце твое возжелаетъ. Престани нынѣ отъ гнѣва и милосердствуй о насъ.

Одиссей возрѣвъ яроснымъ окомъ, отвѣщалъ: Евримахъ! Когдабы и все наслѣдіе опцевъ своихъ принесли ко мнѣ, и умножая умножили бы дары ваши, воиспину и тогда не престану отъ убійства, доколѣ всѣхъ васъ во адъ не низрину. Нынѣ вамъ два предлежатъ пути, или сражаться, или бѣгствомъ спасатися; но мнѣю, что ни одинъ отъ рукъ моихъ не избѣгнетъ.

Сіе рекъ Одиссей; и всѣхъ обѣ-
лѣ ужасѣ. По томъ Евримахъ об-
ратився къ прочимъ своимъ дру-
гамъ тако глаголетъ: Любезные
собратія! Вѣдаю, что мужъ сей
не воиметъ нашему моленію; но
когда пріялъ лукъ и шуль, стрѣ-
ляти будетъ безъ пощады, до-
колѣ не избѣетъ всѣхъ насъ: сра-
зимся убо и сами, извлекайте ме-
чи, защищайтесь отъ стрѣлъ вмѣ-
сто щитовъ столами, соберемся
всѣ вкупи, устремимся соединен-
но, изженемъ его отъ мѣста, со-
крушимъ двери, извидемъ во градъ
и вознесемъ тамо вопль; и тако
въ послѣдній разъ пуститъ онъ
свою стрѣлу.

Тако вопія извлекаетъ мечъ
обоюду острый, со страшнымъ шумомъ
ушщелывается на Одиссея.
Одиссей пускаетъ въ него стрѣлу,
поражаетъ его въ перси близъ со-
сца, остріе стрѣлы проходитъ въ
сердце, падаетъ отъ рукъ Еврима-
ховыхъ

ховыхъ мечь, опровергается столъ,
 проливается вода отъ чаши, отъ
 болѣзни сердечной бѣетъ онъ че-
 ломъ о землю, съ шумомъ сошря-
 саетъ сѣдалище, ногами его попи-
 раемое, и закрываетъ очи тьма
 вѣчная. Посемъ Амфиномъ сопрѣ-
 тивъ Одиссея съ мечемъ мещется;
 но Тилемахъ предваривъ его по-
 ражаетъ копѣемъ между рамена-
 ми, остріе изходитъ на другую
 страну персей, падаетъ мужествен-
 ный ирой со спухомъ на землю и
 бѣетъ оную. Тилемахъ оставляетъ
 вонзенное въ трунѣ копѣе, бояся,
 да не поразитъ кшо мечемъ во гла-
 ву: и притекши спѣшно къ Одис-
 сею речетъ: Опче мой! Повели,
 да принесу тебѣ щитъ, два копія
 и шлемъ; и самъ облекшися въ
 броню, прикажу и двумъ пасту-
 хамъ пріяти оружіе.

Одиссей рекъ: Теки скоро, и
 исполни все сіе, доколѣ суть еще
 спрѣлы,

стрѣлы, да не проженутъ мя отъ дверей, когда единъ остануся.

Тилемахъ повинуюся опцу, спѣшно идетъ въ хранилище, гдѣ лежало оружіе, пріемлетъ чешыре щита, осмь коній и чешыре шлема. Все сіе принеши скоро ко опцу, тамо прежде самъ облакается въ мѣдяную броню; и паспухи такожде облеклися во оружіе и стали окрестъ Одиссея, кой доколѣ имѣлъ стрѣлы, дошолѣ каждою поражалъ единаго отъ нихъ мужа, и падали всѣ другъ за другомъ. Наконецъ по измешаніи стрѣлъ, полагаетъ лукъ свой при спѣнѣ, укрываетъ рамена свои щитомъ, на главу шлемъ возлагаетъ, и пріемлетъ въ руки два копія мѣдяны. Были нѣкія врага, коими изходити можно было на поле, сіи повелѣлъ Одиссей Евмею стрещи со всякимъ раченіемъ. Агелай тогда къ прочимъ женихамъ рекъ тако: Изъидите скоро во вра-

Часть II.

Р

та,

та, и возмѣстите въ народѣ, да соберутся сѣмо; и тако противу воли мужѣ сей престанешѣ отѣ убійства.

Меланей отвѣщалѣ ему: Храбрый Агелай! Никакѣ не возможно сего содѣлати; зане всѣ изходы заключены крѣпко. Но лучше вамѣ принесу отѣ хранилища оружїе. Сїе сказавѣ возходитѣ по лѣспвицѣ, гдѣ лежала броня ратная; и тамо взявѣ дванадесять щитовѣ, шолїко же копїй и шлемовѣ, принесѣ все сїе кѣ женихамѣ. Тогда возтренишали колѣна Одиссея, узрѣвшаго облекшихся ихѣ во оружїе, и копїями потрясающихѣ, кой тако вѣщаетѣ Тилемаху: Воистинну нѣкая отѣ рабынь, или самѣ Меланей, въ дому нашемѣ воздвизающѣ на насѣ брань многотрудную.

Тилемахѣ рекѣ: Отче мой! Я сїе содѣлалѣ отѣ неразумїя моего, что забылѣ двери чершого онаго
заклю-

заклучиши, и оставилъ отверзши. Иди убо скоро, любезный Евмей! и крѣпко заклучи входъ оный; и виждь, кшо сѣ тако содѣваетъ? Отъ рабынь ли кто? Или Меланейи? Доколѣ сѣ тако разглагольствоваши; наспухъ Меланейи паки идетъ еще принести оружіе.

Евмей познавъ сѣ къ Одиссею вѣщаетъ: Бранноносный мой царю! Се пагубный Меланейи паки идетъ въ чертогъ оружія ради. Рцы убо, убили ли его тамо, когда преодолѣю? Или привесть къ тебѣ съмо, да отъ своихъ рукъ пріиметъ достойное мщеніе за содѣянные имъ въ дому своемъ злодѣянія? Одиссей отвѣщалъ: Я и Тилемахъ останемся здѣсь, дабы возбранити исходъ женихамъ; вы же идите скоро, и связавъ ему руки и ноги, подымите къ столпу, да тако долго вися прешерпитъ тяжчайшія болѣзни.

Евмей и Филистій отходятъ во хранилище, и тамо обрѣвши Меланейя оружіе собирающаго, спановаясь при входѣ тайно, да изымутъ его несущаго оное: и се злополучный, неся въ единой рукѣ древній Лаэртовъ щитъ, а въ другой шлемъ, емлется Евмеемъ и Филистіемъ, кои устремився на него и возхищивъ за власы вовлекли паки внутрь чертога, и тамо связали его, какъ повелѣлъ Одиссей. Евмей отходя съ посмѣянїемъ рекъ ему: Тако нынѣ Меланейя на мягкомъ семъ одрѣ провождай ноцъ; ибо прежде отъ тебя никогда не сокрывалася заря, когда приводилъ ты шучныхъ козъ для пожренія алчнымъ женихамъ.

По семъ заключивъ твердо входъ дверей, возвращаются къ Одиссею. Тогда божественная Паллада предстала ему во образѣ Меншора. Одиссей узрѣвъ богиню возрадовался, и тако вѣщаетъ: Возлюб-

любленный Меншоръ! Изжени отсюда всякое злодѣянїе, и возмняи о другѣ твоемъ, и о всѣхъ благихъ, имъ содѣянныхъ. Тако рекъ онъ: ошъ другія же страны женихи воздвигли прещенїе, и первый Агелай со гнѣвомъ вѣщаетъ:

Меншоръ! блюдися противу насъ сражашися и сихъ защищаши; ибо когда убїемъ Одиссея и сына его; воистинну и ты съ ними погибнешь, а спяжанїя оставшіяся послѣ насъ предадимъ разхищенїю; ниже сыновъ, ниже дочерей, ниже самую Пинелопу оставимъ пребывать во градѣ.

Тако рекшу ему, богиня Аѳинская раздраженнымъ сердцемъ вѣщаетъ ко Одиссею: Злополучный царю! Гдѣ прежнія твои силы и крѣпость? Камо сокрылося мужество? Тако ли ты нынѣ зришися дерзновенъ, какъ когда девять лѣтъ противу Троянъ за царицу Елену сражался непрестанно? Не

ты ли сокрушилъ многихъ храбрыхъ мужей крѣпость? Не твоимъ ли совѣшомъ великій градъ Пріамовъ сохренѣ? Какъ убо нынѣ пришедъ ко свое отечество, и видя предъ очами все стѣжаніе, сихъ безсильныхъ мужей устрашаешися? Но приближися ко мнѣ, и стани здѣ, да узриши, како твои ко мнѣ благодѣлїя почитаетъ Менторъ.

Такъ вѣщала богиня; но совершенной псбды еще не послала, и испытывала мужество и крѣпость Одиссея и его сына. Посемъ опшедъ сѣла сонрошиѣ его на перекладѣ дому во образѣ ластовицы. А жениховъ возбуждали къ сраженію, Агелай, Евриномъ, Амфимедоншъ, Димоншолемъ, Цизандръ и Поливъ; ибо сїи крѣпчайшіе были паче всѣхъ въ живыхъ оставшихся, и живомъ соей защищавшихъ; прочіе же под-
вер-

вержены смертоносному пораженію.

Агелай тако речешъ къ нимъ; Други мои! доколѣ сей мужъ будетъ тако неисповестеовати? Се щдеславный Менторъ уже оставилъ его; они едины токмо остались во дверяхъ: сего ради не всѣ совокупно бросаите копія, но пошдитесь во первыхъ поразити самаго царя. Когда послешъ намъ Дій свою славу убиши его; уже не столько останешся намъ попеченія о прочихъ.

Сіе ему рекшу, мещутъ всѣ на Одиссея копія свои. Но Аѳинская богиня всякое стремленіе содѣлала не дѣйствительнымъ: ибо инныя изъ нихъ вонзилися въ стѣну, инныя въ двери. И тако всѣ съ царемъ бывшіе спаслися отъ пораженія. Тогда Одиссей тако вѣщалъ: Други мои! пошдимся и мы вергнути копія наши во множество ихъ: се уже они, къ усугубленію

губленію своїхъ злодѣяній, и насѣ
покушаються изпребити. И тако
всѣ четверо вергають на жени-
ховъ конія; тогда Одиссеево вон-
зается во Димопшолема, Тилема-
хово сокрушаетъ Евріода, Евмеево
поражаетъ Елаша, а Филистіево
низлагаетъ Пизандра. Женихи пе-
кутъ во внутренняя дому. Но
побѣдители извлеки отъ повер-
женныхъ прунувъ конія, устрем-
ляюся паки на все ихъ множе-
ство. Женихи вторично спавъ
вкупѣ, мецуть на нихъ конія:
однако и сіе тщетно ихъ было
покушеніе: сдино токмо копіе Ам-
фимедонтово спрсмленіемъ своимъ
слегка повредило поверхность ру-
ки у Тилемаха, такожде Кписип-
пово прикоснулося оспріемъ мѣди-
десному раму Евмея, но безъ ма-
лѣйшаго уязвленія. Пошомъ Одис-
сей со своими мецетъ на нихъ ко-
пія. Самъ онъ убиваетъ Еврида-
манша, Тилемахъ поражаетъ Ам-
фиме-

Фимедонта, Евмей сокрушаетъ Полива, а Филиппъ низвергаетъ Кинисиппа, и тако со превозношеніемъ къ нему глаголетъ: Сыне Полиерсовъ! нынѣ воздержися отъ спротивости языка своего и велерѣчія; се тебѣ воздаяніе за кравію цогу, кошую ты подалъ царю моему.

Тѣмъ временемъ Одиссей низлагаетъ Агелая, Тилемахъ пронзаетъ Ліокрита посредѣ чрева, и остріе въ хребетъ излетаетъ.

Тогда божественная Паллада находяся на высотѣ вознесла щитъ свой: видя сіе всѣ женихи устрашились, и текутъ по разнымъ мѣстамъ разбѣяны, аки разбѣянные во время жаркихъ и должайшихъ дней кравы.

Одиссей и Тилемахъ со двоими пастухами аки плотоядные орлы мещутся на малыхъ птицъ, не имѣющихъ ни силы сопротивитися, ни быстроты крылъ спасати-

ся бѣгствомъ; текутъ во слѣдѣ жениховъ; всюду за ними устремляются; поражаютъ безъ разбору; слышное слышится стenanіе умерщвляемыхъ: весь помостъ наполняется теплою кровію. Люди притскши къ Одиссею объемлетъ его колѣна, и тако со смиреніемъ вѣщаетъ: Великодушный царю! юзми моему моленію, и воспріявь слова мои, яви надо мною милосердіе; ибо мню, что ни единая опѣ рабынь твоихъ не вознесетъ намя никакого зла и неправеднаго дѣла. Но когда видѣлъ я прочихъ жениховъ, обиды и неисповѣства шворящихъ; всячески шцился ихъ воздержати; но мнѣ они не повиновались; сего ради достойное воспріяли наказаніе; я токмо между ими былъ прорицатель, и ни какого злочинія не содѣлалъ: когда убо за сіе равно мертваго мя повергнешь; то какое воздаяніе будетъ за дѣла благія? Одиссей возрѣвъ на

на него гордымъ окомъ, рекъ: Когда ты нарицаешься прорицателемъ, воининну и ты желалъ, дабы погибъ день моего возвращенія; самъ же хотѣлъ пояти жену, и дѣтей отъ нее раждаши; сего ради не надѣйся избѣгнути горькія смерти. Рекши сіе подѣмлетъ мечъ убіеннаго Агелая, коимъ поражаетъ вскорѣ Ліода посреде выи: и тако падаетъ отъ раменъ глава его на песокъ.

Между тѣмъ Фимій пѣвецъ, кой всегда призыванъ былъ противу желанія къ женихамъ, стоялъ близъ дверей со своею цѣвницею, помышляя въ себѣ, сѣсти ли изшедъ изъ дому при жертвенникѣ великаго Дія, гдѣ Одиссей и Лаэртъ многія бедра приносили въ жертву, или пришекши къ цзрю объяти его колѣна и просити пощады. Последнее избравъ за лучшее, полагаетъ цѣвницу между чашею и сѣдалищемъ, и пришекши къ Одиссею

сею обѣмлетъ его колѣна, и вѣщаетъ со смиреніемъ: Великодушный царю! молю тя, призри на мое моленіе, и сотвори милость со мною. Самъ ты воистинну разкаешься послѣ, когда убіеши невиннаго пѣвца, кой знаменитыхъ мужей и боговъ прославляетъ своимъ пѣніемъ: я самъ собою научился; но Богъ вдохнулъ мнѣ разумѣши все пѣніе; сего ради молю тя, не отѣими главы моея. Самъ возлюбленный сынъ твой Тилемахъ возвѣститъ тебѣ, что я не по хотѣнію моему приходилъ въ домъ твой, но по принужденію множайшихъ и сильнѣйшихъ мужей, по окончаніи циршества, призыванъ бывъ для увеселенія пѣніемъ.

Тилемахъ по семъ вѣщаетъ къ Одиссею: Отче мой! воздержи руки твои отъ убійства; не умерщвляй пѣвца Фимія и сохрани живопѣ провозвѣстнику Медонту, кой всегда во младенчествѣ моемъ имѣлъ

о миѢ попеченіе , ежели не убилъ
его или Филипій , или Евмей , или
самъ ты съ нимъ срѣпився.

Медонтъ абіе услышавъ гласъ
Тилемаха , [ибо лежалъ подъ сѣ-
далищемъ покрытъ воловією ко-
жею , желая избѣгнути смерти ;]
возстаеиъ опшуду , и притекши
къ Тилемаху , обѣмлетъ его ко-
лѣна , тако вѣщая : Возлюбленный
Тилемахъ ! Се я здѣсь есмь ! Молю
тя , укропи гнѣвъ опца твоего ,
да пощадишь живоуъ мой и не по-
губишь яряся на прочихъ мужей ,
кои разпочали домъ его , тебя ни
во что вмѣняя .

Одиссей являя веселый видъ
опвѣщаль : Дерзай и не спрашися ;
сынъ мой спасаетъ тя опъ смер-
ти , и сохраняетъ живоуъ твой ,
да познаеши самъ , и возвѣстиши
прочимъ , что лучше благое , не-
жели злое творити . Изѣидите убо
отсюду съ пѣвцемъ Фиміемъ , и
сѣди-

сѣдите на дворѣ до совершенія дѣла, какое мнѣ подобаетъ.

Рекшу тако Одиссею, они обое изшедѣ во дворѣ, сѣли при олтарѣ Діевѣ, и всюду обращали взорѣ ожидая убіенія. Тѣмъ временемъ Одиссей проходилъ между трупамы мертвыхъ, созерцая, не сокрывается ли кто живой; но всѣхъ видитъ мертвыхъ лежащихъ и въ крови плавающихъ. Аки рыбы отъ моря ловцамы на брегѣ извлеченныя, освѣщены бывъ лучамы солнца, лежатъ на пескѣ мертвыя; тако женихи разпросилены и неподвижны лежали на помостѣ.

По семъ Одиссей вѣщаетъ къ Тилемаху: Иди и призови пишательницу Евриклею, да нѣкое реку ей слово. Тилемахъ пришедъ къ ней говоритъ: Иди скоро къ отцу моему, да нѣчто отъ него услышиши. Евриклея возставъ абіе послѣдуетъ Тилемаху, и пришедъ

шелъ обрѣтаетъ Одиссея между
 убіенными женихами. Аки левъ
 разтерзавъ тучнаго вола, и по-
 жравъ его идетъ чрезъ поле, имѣя
 челюсти свои и перси окровавленные,
 даже взоръ его страшенъ: тако
 Одиссей сидѣлъ посреѣ мерт-
 выхъ труповъ, имѣя руки и ноги
 кровію обогрѣныя. Евриклея уз-
 рѣвъ мертвыя тѣла и текущую
 всюду кровь, возноситъ великое
 рыданіе; но Одиссей скоро возвра-
 тилъ ей сіе рекши: Любезная
 Евриклея! сокрой радость свою на
 сердцѣ, и не воздвизай гласа; ибо
 недостойно есть убійствомъ му-
 жей превозноситься. Судьба и опре-
 дѣленіе боговъ злыя ихъ дѣянія
 очистиши моею рукою; зане ниже
 злему, ниже благому мужу, кой
 пріидетъ къ нимъ, не воздавали
 чести: сего ради за свое буйство
 пріяли поносное мщеніе. Повѣдай
 убо и изчисли днесъ предо мною
 женъ, кои никого опѣ домашнихъ
 моихъ

моихъ, не почитали, и со жениха-
ми неистовствовали.

Чадѣ мое! Евриклея отвѣщала,
повѣдаю тебѣ всю истину: пять-
десять рабынь обрѣщается въ дому
твоемъ, коихъ мы обучили пря-
денію и тканію волны, и испол-
няти всякую работу; но отъ нихъ
двѣнадцать вступили въ безсту-
дныя дѣла, и ниже меня, ниже
самую царицу Пинелопу не почи-
тали. Тилемахъ недавно пришелъ
въ такую возрастъ, но маперь не
допускала его имѣти надъ рабы-
нями смотрѣніе. Но повели мнѣ
взыти въ чертогъ, да возвѣщу о
тебѣ женѣ твоей, коей иѣкій богъ
послалъ крѣпкій сонъ.

Одиссей рекъ: Помедли еще
возбуждати Пинелопу; но иди и
приведи съмо рабынь, кои до ны-
нѣ творили дѣла неподобныя.

Сіе рекшу Одиссею, Евриклея
абіе отходитъ исполнити повелѣ-
ніе царя, кой шѣмъ временемъ
при-

призвавъ къ себѣ Тилемаха и обоихъ пастуховъ вѣщаетъ имъ: Начните сіи трупы износити отсюда вкупѣ съ рабынями; измойте всѣ сѣдалища и столы водою, и оприште губками. Когда очистите домъ весь, изведите рабынь на дворъ и тамо близъ отдаленныя ограды разсѣките ихъ мѣчами, и изпоргните отъ тѣлесъ ихъ души, да впредь никакого здѣсь неистовства не будетъ, каковое прежде съ женихами имѣли.

Такъ вѣщающую Одиссею, входятъ рабыни и лѣютъ горестныя слезы. Изнесли они во первыхъ трупы убіенныхъ, положивъ ихъ подъ крыльцомъ, по семъ омыли водою сѣдалища и столы, и оперли губками: Тилемахъ со Евмеемъ и Филистіемъ тщательно очищали помостъ отъ крови умерщвленныхъ, а рабыни нечистоту вонъ износили. По очищеніи всего дома изводятъ рабынь внутрь двора,

Часть II.

С

по

поставляють всѣхъ во единомъ
тѣсномъ мѣстѣ, откуда не возмо-
жно имъ было никако убѣжать.

Тогда пришедъ къ нимъ Тиле-
махъ рскъ: Не хочу чистую смер-
тію опѣяти живомъ у сихъ без-
спудныхъ, кой на главу мою и
на главу матери моея многія из-
ливали поношенія.

Рекши сіе протягаетъ кора-
бельное ужище отъ единого стол-
па къ другому, и возвысилъ оное
такъ, дабы невозможно было но-
гами земли прикоснуться; каждой
возлагаетъ сило на шею, и всѣхъ
въ верхъ подѣмлетъ. Тогда воз-
препешали злополучные ногами,
но на краткое время. Посемъ из-
водятъ на среду двора Меланѳія,
коему опрѣзавъ носъ и уши по-
вергли псамъ на снѣденіе; опсѣк-
ли такожде руки и ноги. Нако-
нецъ совершивъ всѣ дѣла, и умывъ
руки и ноги, къ Одиссею въ чер-
тогъ возвращаются, кой вскорѣ
но-

повелѣваетъ Евриклеѣ тако: При-
неси ко мнѣ сѣру и огонь, да со-
творю въ дому куреніе; между
тѣмъ ты иди, и призови ко мнѣ
Пинелопу со всѣми рабынями. Ев-
риклея рекла ему: Чадо мое! Все
сѣе скоро исполню; токмо повели
мнѣ прежде принести чистыя оде-
жды, да облечешися во оныя; ибо
въ сихъ рубищахъ обращаться те-
бѣ не подобаетъ.

Прежде всего принеси мнѣ
огнь, рекъ Одиссей. Евриклея по-
винувся изволенію цареву, вскорѣ
подала ему огонь и сѣру. Одиссей
возставъ сотворилъ въ всемъ до-
му великое куреніе. Евриклея тѣмъ
временемъ идетъ повѣдаши рабы-
нямъ о возвращеніи царя своего,
кои услышавъ о семъ текутъ
спѣшно со свѣтильниками, и при-
шедъ въ чертогъ, гдѣ пребывалъ
Одиссей, всѣ съ великою радостію
становятся окрестъ его, прино-
сятъ поздравленіе, объемятъ и

лобызаютъ главу, рамена и руки:
и тако вселися въ сердце царево
сладкое желаніе ко слезамъ и воз-
дыханію; ибо всѣхъ тогда началъ
въ умъ своемъ познавати.

ОМИРОВОЙ ОДИССЕИ

ПѢСНЬ ДВАДЕСЯТЬ ТРЕТІЯ.

Пси.

Евриклея входитъ въ чертогъ
къ царицѣ съвозвѣщеніемъ о прибы-
тіи мужа ея, имѣя крѣкія ноги
и пвердыя колѣна, и ставъ надъ
главою ея, тако вѣщаетъ: Восста-
ни отъ одра, возлюбленная дщи!
Да узриши явно, что всякій день
жаждеши увидѣти. Се твой непобѣ-
димый Одиссей возвратився обрѣ-
тается въ домѣ, онъ смертію по-
разилъ гордыхъ жениховъ, кои
домъ

домъ и все имѣніе распочали, сына своего ни во что вѣняя.

Любезная питательница! отвѣщала ей Пинелопеа, воистинну нынѣ безумною тебя сотворили боги, кои и зѣло мудраго могутъ сдѣлать немысленнымъ, и буюго премудрымъ: тако и твой разумъ они днесъ отъняли; прежде во всемъ ты была смысленна; почто сими словами огорчаеши паче болѣзненное мое сердце, и возбуждаеши отъ сладкаго сна, кой обѣмши слезящія непрестанно очи, всѣ уды мои связалъ крѣпко. Ибо никогда столь крѣпко я не спала, отнелѣже Одиссей отшелъ въ ненавистную мнѣ и не достойную воспоминанія Трою. Изъиди убо отсюду, и паки возвратися къ дѣлу своему. Воистинну скоро съ великимъ огорченіемъ изгнала бы отсюду другую отъ рабынь, когдабы она, прельщая симъ ложнымъ извѣщеніемъ, отъ сна меня возбудила. Но тебѣ

въ семѣ старость вспомошество-
ешѣ.

Любезная дщи! Евриклея ре-
ла паки ей, не прельщаю тебя;
но воистинну пришлѣ Одиссей;
воистинну возвратился онѣ въ домѣ
свой. Одиссей есть оный стран-
никѣ, коего въ дому швоемѣ всѣ
презирали. Тилемахѣ единѣ давно
зналѣ уже о семѣ, но отца свое-
го мудростію скрывалѣ отѣ всѣхѣ
его прибытіе, ради наказанія гор-
дыхѣ жениховѣ швоихѣ за неистов-
ство.

Пинелопя слышавѣ сіе возра-
довалася, и сскочивѣ отѣ одра,
обѣмлетѣ питательницу, и про-
ливѣ слезы отѣ очей ѣбщаетѣ:
Любезная Евриклея! Возвѣспи мнѣ
правду, воистинну ли мужѣ мой
Одиссей пришелѣ въ домѣ свой? И
како единѣ будучи дерзнулѣ про-
стерти руку прошиву множества
юношей, кои всегда совокупно въ
домѣ семѣ пребывали?

Еври-

Евриклея отвѣщала: Не видѣла я, ниже слышала что либо; шокмо слышала спенаніе умерщвленныхъ; ибобы заключены были въ опдаленной храминѣ, и сидѣли въ великомъ страхѣ. Но когда сынъ твой, по повелѣнію отца своего, позвалъ меня, тогда обрѣла я Одиссея стоявшаго посредѣ мертвыхъ, кои всѣ, единѣ близь другаго на каменномъ помостѣ лежали. Ты сама тогда гозрадуешься сердцемъ, когда узриши его, аки льва, обогреннаго кровію. Нынѣ всѣ они лѣжащѣ вкупѣ на дворѣ; а Одиссей великимъ огня куреніемъ очищаетъ домъ, повелѣзъ миѣ звать себя къ себѣ. Гряди убо со мною, да оба обрадуете сердца свои; зане довольно уже прешерпѣли вы великихъ горестей; днесь же исподнилося ваше желаніе: возвратился владыка дому, обрѣлъ тебя и сына своего, и жениховъ, содѣлавшихъ вамъ злая наказалъ всѣхъ смертію.

С

Любез-

Любезная питательница, Пине-
лопа рекла, премедли сею радостію
превозносишися; ибо сама ты зна-
еши, что Одиссея въ дому сѣмѣ
всѣ воспріяли бы съ радостію, и
паче всѣхъ сыну, рожденному отъ
обоихъ насъ, Тилемаху явился бы
онъ любезенъ. Но возъѣщеніе швое
не есть праведно, какъ ты сказу-
ешь. Воистинну иѣкто отъ боговъ,
преогорчившися на дѣла и насиль-
ственные обиды жениховъ, нака-
залъ ихъ смертію; ибо никому
они отъ смертныхъ не воздавали
почести, ни злomu, ни благому,
кто ни приходилъ сѣмо; сего ра-
ди за неправду свою, воспріяли
месть; Одиссей въ далекой стра-
нѣ отъ Ахейскія земли погибши
самъ отбѣялъ и день возвращенія.

Евриклея наки глаголетъ: Ча-
до мое! Какое слово изшло днесъ
изъ устъ твоихъ? Ты вѣщаеши,
что мужъ швой никогда не возвра-
тится въ домъ сей: не праведно
сіе,

сіе ; онѣ нынѣ сѣдишѣ здѣсь предѣ
огнищемѣ ; сердце швое всегда есть
неимовѣрно. Скажу убо тебѣ и яв-
ственное знаменіе : Когда я умыва-
ла его , тогда познала язву оную ,
которую иѣкогда нанесѣ ему вепрь
на горѣ Парнассѣ ; и я въ то же
время хотѣла о немѣ тебѣ откры-
ти ; но онѣ уста мои со гнѣвомѣ
заградилѣ. Слѣдуй днесъ за мною ;
и когда я о Одиссеѣ повѣдала
ложѣ , смерти буду повинна.

Пинелона отвѣщала : Возлюб-
ленная Евриклея ! Совѣщы божіе и
зѣло мудрому челоѣку не удобно
есть познаши. Идемѣ убо къ сы-
ну , да узрю жениховѣ убіенныхѣ
имужа ихѣ умертвившаго.

Сіе рекши низходитѣ отѣ
чертога многими помышленіями мя-
шущися : ошдалече ли ставѣ во-
прошати мужа своего , или при-
ближився главу и руки его облобы-
зати.

Вшедѣ убо во храмину , сѣла
С ѣ со-

сопротивъ Одиссея при сїянїи огня близъ другїя спѣны. Одиссей сидѣлъ при столпѣ, имѣя очи долу поникшія, и ожидая, начнетъ ли великодушная жена съ нимъ разглагольствїе, видя предъ лицомъ своего мужа.

Она долгое время сидѣла въ молчанїи; ибо душа ея была обята великимъ изумленїемъ: иногда взирала на его лице, иногда не доумѣвала, видя въ гнусныя одежды облеченнаго.

Наконецъ Тилемахъ къ Пинелопѣ начинаетъ рѣчь: Возлюбленная мати! Почто шлоко жестоко-серда? Почто шлоко чуждаеши-ся опца моего? Сѣдши близъ его, ниже вступиши, или очемъ испытаеши? Воистинуу ни какая жена не имѣетъ шоль крѣпкаго сердца, что бы не рещи чего либо, мужу своему, кой по претерпѣнїи многѣхъ бѣдъ, въ двадесятый годъ пришелъ во свою опечественную земѣ.

землю ; но сердце твое превозходитъ твердость камня.

Пинелопя рекла ему : Сынъ мой ! душа во мнѣ изумленна пребываетъ , и не могу начати сънимъ разглагольстейя , ниже на лице его воззрѣти . Когда же праведно онъ Одиссей , и возвратился въ домъ свой ; всеконечно другъ друга познаемъ ,

Тако рекла ; Одиссей ослабився вѣщаетъ къ Тилемаху : Сыне ! остави матеръ твою да искуситъ меня , еда не лучше ли тогда меня познаетъ ; днесъ же , зане гнусенъ есмь , и раздранныя на мнѣ одежды видитъ , сего ради презираетъ меня , и не хочетъ пріяти за мужа своего . Но оставя сѣе положимъ совѣтъ , како дѣлу нашему благій конецъ дати ; ибо когда кто и единого убіетъ мужа , но не имѣетъ защитниковъ , бѣжитъ оставляя сродниковъ и отечественную землю . Напротивъ того

го мы избии многихъ, и знамени-
тѣйшихъ во Иѣакѣ. Сего ради пове-
лѣваю совѣшоватися другъ со дру-
гомъ.

Тилемахъ рекъ ему: Ты самъ,
любезный мой опче! о семъ пред-
усматривай, зане слышалъ я, что
ты премудрыми своими совѣтами
превозшелъ всѣхъ земнородныхъ;
мы готовы послѣдовать тебѣ, и
колько силъ есть, не отрекуся
отъ дерзновенія.

Одиссей отвѣщалъ: Открою
тебѣ совѣтъ мой, кой зрится мнѣ
полезнѣйшимъ: Впервыхъ умый-
теся и облокитесь въ свѣтлыя
одежды; тоже повелите и рабы-
нямъ сотворити; по семъ да пред-
шествоуетъ намъ пѣвецъ со сво-
ею цѣвницею и плясаніемъ, дабы
идущіе по пути, или окрестъ насъ
обитающіе, услышавъ сіе помы-
слили, что бракъ совершается.
Сіе же будетъ сея ради вины, да
не прежде разбидется слава по гра-
ду

ду о убійствѣ жениховъ, доколѣ мы не изѣидемъ на село наше, гдѣ и положимъ совѣтъ, какій посланъ будетъ отъ великаго Дія.

Такъ рекъ; и всѣ съ радостію исполнили повелѣніе царево. Во-первыхъ умывся одѣяніе; угощивалися и жены; по семъ пѣвецъ пріавъ цѣвницу, во всѣхъ возбудиъ желаніе къ пѣнію и плясанію. Весь домъ возшумѣлъ отъ звука пляшущихъ и отъ гласа поющихъ мужей и женъ. Слышавшіе сіе внѣ дома тако разглагольствовали: Во-истинну нѣкто отъ жениховъ поемлетъ въ жену себѣ царицу нашу, многими желанную: невѣр-ная! не похотѣла побѣди о домѣ перваго мужа до его возвращенія.

Такъ прочіе помышляли истиннаго дѣла не разумѣя. Тѣмъ временемъ домостроительница Евринома умыла Одиссея, и помазавъ
еле.

всемъ облекла въ свѣшлыя оде-
 жды: Паллада же излила на него
 благодать свою, возвративъ благо-
 лѣніе, зрѣніе содѣлавъ величествен-
 нѣе, шѣлу давъ шучность, и власы
 на главѣ украсивъ подобно цвѣту
 Іакинѣову. Аки челоуѣкъ, коего
 Ифесѣ и Паллада научили совер-
 шати многохитростныя дѣла, об-
 ливаетъ сребро златомъ; тако
 Аѣинская богиня излила Одиссею
 на главу и на рамена благодать
 свою, кой по изшествіи отъ бани
 подобенъ казался безсмертнымъ,
 и сѣдши на прежнее мѣсто про-
 шивъ жены своей, тако къ ней на-
 чинаетъ: Блаженная въ женахъ!
 Воиспинну боги содѣлали сердце
 твое твердѣйшимъ паче всѣхъ
 женъ; ибо никакая жена толико
 великодушно не поступилабы при
 узрѣніи мужа, кой по претерпѣ-
 ніи великихъ бѣдствій въ двадца-
 тый годъ пришелъ бы въ страну
 отечественную. Но ты, питатель-
 ница,

ница, угошовай мнѣ ложе, да поне
единѣ почію; зане жена моя серд-
цемѣ подобится швердости желѣза.

Великій мужѣ! мудрая Пине-
лопа рекла, ниже сама я превоз-
ношуся, ниже тебѣя уничижаю, ни-
же зѣло удивляюся, токмо знаю
совершенно, какей ты былѣ оп-
ходя на кораблѣ своемѣ изѣ Иеаки.
Но ты Евриклея! угошовай ему
одрѣ, и положи мягкую постелю
сѣ покровомѣ внѣшрь онаго черсто-
га, кой отѣ него самого устробенѣ.

Тако рекла искушая мужа.
Но Одиссей раздраженѣ бывѣ свое-
ю супружницею тако опѣщаль:
Любезная жена! Воистинну пора-
зила ты сердце мое рекши сѣе.
Кто положилѣ одрѣ мой на дру-
гомѣ мѣстѣ? Не удобно сѣе сотво-
риши и вельми хитрому челоуѣку,
развѣ единѣ токмо Богѣ, а не отѣ
челоуѣкѣ кто; зане веліе знаменіе
положено тамо, кое никто инный,
токмо я поставилѣ. Внѣшрь огра-
ды

ды было сѣннолиственное масличное дерево цвѣтущее и зеленое, белое аки столбѣ. Тамо основалъ я брачный свой чертогъ, соорудивъ его отъ чистыхъ камней, устроивъ на немъ крѣпкій покровъ и положивъ твердыя двери; всѣ вѣтви древесныя отъ самаго кореня очищены; къ совершенному устройству чего употреблено мною всякое подобающее искусному древодѣлю орудіе; дерево сие таковымъ содѣлано для того, чтобы были ему аки непоколебимому столпу; отсюда начиная, простирается одрѣмой, украшенный златомъ, серебромъ и слоновою костью, на коемъ посплана багряная воловья кожа. Се тебѣ знаменіе! Не вѣдаю, тако ли и до днесь непоколебимо пребываетъ моя ложница? Или нѣкто отъ человѣкъ разрушилъ оную?

Тако рекъ; и Пинелопа познавъ истинно реченныя имъ признаки, абіе вострепешала сердцемъ и душою;

шею; и проливая слезы, печетъ кѣ мужу своему; простираетъ руки на выю его; лобзаетъ главу и лице его, и тако вѣщаетъ: Возлюбленный Одиссей! молюся, да не огорчаешься на мя; зане и во инныхъ случаяхъ паче прочихъ человекъ былъ ты разуменъ: но боги пославъ намъ напастъ, не благоволили, да пребывая неразлучно, наслаждаемся младостию, и достигнемъ старости. Не раздражайся убо, любезный супругъ! и не гнѣвайся, что я въ началѣ узрѣвъъ ты не объяла тако; ибо сердце мое всегда спрашилося, дабы кто пришедъ, не прельстилъ лестными словами: зане многіе соплетающъ пагубныя ухищренія. Ниже сама Аргивская Елена, дочь Діева, не полюбила бы иноплеменника, когда бы знала, что сыны Ахейскіе паки отведутъ ее въ домъ отечественный. Но Богъ возбудилъ въ сердцѣ ея сотворити дѣло не

подобное, отъявъ отъ сердца ея помышленіе о величайшемъ будущемъ бѣдствіи, которое и насъ постигло. Днесъ когда явныя знаки повѣдалъ ты мнѣ о ложѣ нашемъ, коего никакой человѣкъ не видѣлъ, шокмо ты, я и единая рабыня Акторида, кою отецъ далъ мнѣ отходившей въ домъ твой, и которая хранила двери ложницы нашей, жестокое сердце мое преклоняеши къ вѣрояшю.

Такъ вѣщая подвигла Одиссея ко многимъ слезамъ, кой плакалъ радуясь, что имѣетъ жснѹ пріятную и разумную. Аки когда Посидонъ вѣспромъ и волнами корабль сокрушилъ, и многіе тогда погибли въ водахъ; а спасающіе жившъ свой плаваніемъ радостными очами взираютъ на приближающуюся къ нимъ землю, на кою избѣжавъ отъ смерти съ веселіемъ изходятъ, имѣя многую окрестъ
шѣла

иѣла прилипшую сланость : тако Пинелона не ушомимыми очами взира-
рала на Одиссея, не отѣмля рукъ
отъ его выи. И воистинну во вза-
имномъ плачѣ ихъ явилася бы бо-
жественная заря, когда бы Аѣни-
ская богиня не продолжила пече-
нiе ноци, заключивъ злапозарную
денницу въ океянѣ ; и коней ея
свѣмѣ носящихъ земнороднымъ
удержавъ отъ стремленiя. Тогда
Одиссей вѣщаетъ къ супружницѣ
своей : Пинелона ! еще не къ концу
всѣ наши подвиги приведены, но и
во грядущее время великiй и не
удобъ сносимый трудъ предлежитъ,
кой однако подобаетъ мнѣ совер-
шаши. Зане шако душа Тиресiева
мнѣ завѣщала въ день оный, когда
я низходилъ въ жилища адовы,
желая испыпати о возвращенiи мо-
ихъ сопутниковъ и о своемъ соб-
ственномъ. Но любезная жена !
идемъ нынѣ въ ложницу нашу и
насладимся сладкимъ сномъ.

Пинелопа рекла ему: Когда бо-
ги благоволили тебѣ прїиши въ домъ
и отечество, ложе всегда гошово
будетъ, когда сердце швое воз-
желаетъ. Но когда Богъ открылъ
сердцу швоему подвигъ оный, и
ты разумѣши его; повѣдай убо и
мнѣ о немъ; ибо мню, что въ пред-
будущее время услышу; но скоро
познаши естѣ полезнѣише.

Одиссей отвѣщалъ: Любезная
супруга! что мя къ сему принуж-
даеши? Повѣдаю и не сокрою отъ
тебя ничего: но мню, что сердце
швое не возрадуется о томъ, ни-
же я самъ радуюся. Внуши: про-
рицатель оный повелѣлъ мнѣ про-
ходиши многіе грады людскіе, имѣя
въ рукѣ весло, доколѣ наконецъ не
прїиду къ народамъ, кои не зна-
ютъ моря, не ядятъ пищи съ со-
лїю, ниже знаютъ что либо о ко-
рабляхъ, веслахъ и крылахъ оныхъ.
Онъ мнѣ повѣдалъ и знаменіе, кое

и тебѣ открою: когда узрю идущаго во срѣщеніе мнѣ другаго путешественника, которой узрѣвъ меня несущаго на рамяхъ весло скажетъ, что ты лопашу на плечѣ носишь? Тогда повелѣлъ мнѣ водрузити гребло въ землю, и принести царю Посидону священную жертву, агнца, овна и вепря; по семъ опѣиши въ домъ, и тамо всѣмъ богамъ сотвориши спочисленное принощеніе. Смерть же мнѣ прїидетъ отъ моря слабая, которая въ глубокую старость пришедшаго меня сразитъ; окрестные народы будутъ блаженны. Вся сія, какъ онѣмнѣ предъявилъ, сбудутся непременно.

Пинелопа рекла ему: Когда боги послышъ тебѣ благоденственную старость, надежду имѣеши, что избѣжиши отъ всякимъ впредь злосключеній.

Тако Одиссей и Пинелопа разглагольствовали. Тѣмъ временемъ

Евринома со Евриклеею уготовляли имъ одръ отъ мягкихъ ризъ при возженныхъ свѣщахъ. Пославъ оный, Евриклея отходитъ въ свою храмину, а Евринома, идущимъ имъ въ чертогъ предшествовала со свѣщею, и препроводивъ ихъ паки возвратилася въ свое мѣсто. Одиссей и Пинелопея съ веселіемъ возходятъ на древнее ложе. Тилемахъ же съ пастухами окончивъ плясаніе, повелѣли престали отъ онаго и всѣмъ рабынямъ. И тако отходятъ всѣ почити. Одиссей съ супружницею насладився сномъ препровождали прочее время другъ со другомъ въ разглагольствіяхъ. Едина повѣдала, koliko претерпѣла печали взирая на множество жениховъ, кои безъ пощады закалили волю и овецъ, и ненасытно виномъ угивались. Одиссей съ своей спорою возвѣстивъ все по ряду, koliko нанесъ озлобленія людямъ, и koliko самъ претерпѣлъ напастей.

стей. Пинелопа совниманіемъ слуша-
шая возхищалася душою, и ниже
малѣйшій сонъ смѣжилъ ея вѣжди,
доколѣ всѣ не окончалъ. Началъ
онъ вопервыхъ съ того, како ус-
мирилъ Киклоновъ, како пришелъ
въ тучную землю Лотофаговъ;
что содѣлалъ ему Киклопъ, и ка-
ко оптимсилъ ему за смерть своихъ
сопутниковъ, безъ милосердія
онимъ пожранныхъ; како пришелъ
къ царю Фолу, воспріявшему его
съ любовію и дружелюбно отпу-
стившему; но судьба не благоволи-
ла пріини во опечество, ибо же-
стокая буря восхитивъ далече
отнесла въ море; по семъ како
пришелъ въ пристанище Лестриго-
новъ, кои всѣ корабли и всѣхъ его
сопутниковъ погубили, токмо онъ
единъ на своемъ кораблѣ и бышіе
на немъ избѣжали отъ смерти;
повѣдалъ такожде о лести и ко-
варствѣ богини Кирки: како низ-
ходилъ въ жилища адовы вопроси-

ши душу Фивскаго Тиресія, гдѣ видѣлъ всѣхъ своихъ сопутниковъ и маперь породившую и воспитавшую его; како слышалъ сладкіе гласы Сиринъ; како проходилъ морскіе камни, страшную Харивду и неумолимую Скиллу, коя никогда людей безвредно не пропускаетъ; како сопутники его убили солнечныхъ кравъ, и како за сіе злодѣяніе громоме дущій Дій пламенною молніею поразилъ корабль его, и тамо въ морѣ погибли всѣ оставшіеся его сопутники; единъ токмо онъ плаваніемъ спасся отъ смерти; наконецъ како достигъ острова Огигійскаго, и тамо долгое время обиталъ у нимфы Калипсы, которая желая его имѣти своимъ мужемъ, не отпускала отъ себя, угощала со щазаніемъ, общалася учинити безсмертнымъ и никогда не старѣющимъ; но никако сердца его не могла преклонити; како отшуду по претерпѣннѣи

мнѣ

многихъ напастей пришелъ къ Феакіанамъ, кои его отъ всего сердца почтили, и обильно наградивъ златомъ, мѣдію и драгими одеждами, препроводили въ любезную землю опечесства. Когда сіе скончалъ послѣднее повѣствованіе, сладкій сонъ, вся попеченія души прогоняющей, напалъ на его члены,

Аѳинская Паллада познавъ, что Одиссей насладился уже сладкимъ сномъ, денницу абіе воздвигла отъ океана, да несетъ свѣтъ смертнымъ. Тогда Одиссей возставъ отъ ложа вѣщаетъ женѣ своей: Пинелопе! довольно уже мы сномъ насладились и пренесли горестей; ты ожидая моего возвращенія, сердцемъ сокрушалася; а мнѣ Дій и прочіе боги путь къ возвращенію во отчизну препинали. Нынѣ убо ты храни спяжаніе, сущее въ дому нашемъ; овецъ же по-

Т ъ

жран-

жранныхъ женихами, ово самъ при-
обрящу въ корысть, ово Ахеане
воздадутъ, доколѣ всѣ стояла не
наполняшся. Я днесъ отхожу на
село, да узрю возлюбленнаго мо-
его отца, кой непрестанно о мнѣ
болѣзнуешъ. Внуши что реку
тебѣ: се вскорѣ при возхожденіи
солнца промчится слава по всему
граду о убіеніи жениховъ; сего
ради ты взыди въ горній чертогъ
съ рабынями, сѣди тамо, ни на
кого не взирай, ниже вопрошай о
чемъ. Рекъ, и абіе облекшися во
оружіе, повелѣлъ пріяти Тилема-
ху и обоимъ настырямъ брони.
Вскорѣ всѣ вооружилися; и отверз-
ши врата изходящъ, предшес-
твующу Одиссею. Уже тогда свѣтъ
осіялъ землю; но божественная
Аѳинская Паллада покрывъ ихъ
мглою, вскорѣ извела внѣ града.

ОМИ-

ОМИРОВОЙ ОДИССЕИ

ПѢСНЬ ДВАДЕСЯТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
И ПОСЛѢДНЯЯ.

Омега.

ТѢмъ временемъ Киллинійскій Ермій взывалъ души умерщвленныхъ мужей, имѣя въ рукѣ златый жезлъ, коимъ смѣжаетъ очи людей, ихъ же хочетъ; и паки коихъ хочетъ отъ сна возбуждаетъ. Симъ онъ помавая предводительствовалъ; а онѣ за нимъ слѣдовали. Аки непомыри, излепая отъ глубины мрачныя пещеры, скрежещущъ и между собою сцѣпляются: тако души шествовали за Ерміемъ соскрежешаніемъ близъ водъ океана, близъ бѣлаго камня, близъ солнцевымъ вратъ и сонливаго народа.

Вскорѣ приближився къ значному полю, гдѣ обитали души
ви-

видѣнія скорбящихъ, обрѣтають
 тамо души, Ахилла, Папрокла,
 Антилоха и Эанта, кой по Ахил-
 лѣ зракомъ и всѣмъ тѣломъ пре-
 возходилъ Данаевъ. Посемъ под-
 ходишь къ нимъ многими болѣзнь-
 ми сраженная душа Агамемнона со-
 инными многими, кой въ дому
 Эгисеовъ одинакую смерть пріѣли.
 И тогда душа Ахиллова начинаетъ
 тако: Сыне Атреевъ! мы тебя на-
 рицали паче всѣхъ ироевъ любез-
 нѣшимъ быти молніеносному Дію,
 зане зѣло надъ многими и храбры-
 ми владычествовалъ ты народами
 во странѣ Троянской, гдѣ Ахеане
 претерпѣли многія напасши. Къ
 тебѣ ли убо первому должна была
 смерть приступити, отъ коея ни
 кто изъ рожденныхъ спастися не
 можетъ? О когда бы ты при Трои
 вкусилъ оную; тогда воистинну бы
 всѣ Ахеане содѣлали тебѣ велико-
 лѣпную гробницу, и тѣмъ сыну
 своему въ предбудущія времена
 при-

приобрѣлъ бы ты великую славу!
Но судьба представила пожренну
тебѣ быти злополучною смертію.

Душа Агамемнонова рекла на
оіе: Храбрый Ахиллѣ, благопо-
лучный сынѣ Пелеевѣ; ты окон-
чалѣ живошѣ свой при obleжаніи
Трои, и лежалѣ на пескѣ распро-
стершій, забывѣ коней правленіе;
многіе тогда Трояне и избранные
сыны Данайскіе окрестѣ тебя повер-
жены лежали, убиты бывѣ на силь-
ной рапи: мы же весь день сра-
жались; и воиспинну не престали
бы отѣ брани, когда бы громодер-
жецѣ Дій не прекратилѣ оныя
страшною бурей. Тогда изнесли
мы тебя отѣ мѣста сраженія къ
кораблямѣ, и положивѣ на одрѣ
омыли благолѣпное шѣло твоео шеп-
лою водою и вонями помазали.
Всѣ тогда проливали слезы власы
свои оспригши. Матерь извѣспив-
ся о твоемѣ убіеніи, грядетѣ отѣ
моря

моря съ прочими богинями, велій
воплъ испуская по морю. Тогда
шрепешъ объялъ всѣхъ Ахейнъ; и
воистинну усстремившися хопѣ-
ли шенци на корабли, если бы нѣ-
кій премудрый въ совѣтахъ и во
многихъ древностяхъ искусившей-
ся старецъ не удержалъ ихъ
тако вѣщая: Стойте Аргивяне, и
не ужасайтесь сыны Данайскіе!
Се мать съ прочими богинями
шесствуетъ во срѣшеніе мертвому
своему сыну:

‘Такъ рекъ, и всѣ страхъ от-
ринули. Тогда окрестъ тебя ставъ
дщери морскаго старца, болѣзнен-
но рыдали, по семъ облекли въ
неплѣнныя одежды; девять Мусъ,
едина за другою сладкимъ гласомъ
пѣли плачевныя пѣсни, и шѣмъ
всѣхъ Аргивянъ возбудили къ пла-
чу, такъ что ни единого не
обрѣлъ бы ты не испускающаго
слезы. Седьмьнадесять дней и
нощей

нощей плакали по тебѣ безсмертныя боги и земнородные; въ осьмый же надсять предали тѣло твое огню, многихъ заковъ шучныхъ овецъ и черныхъ краивъ. Предали тебя огню въ одѣянїи знаменишомъ, умащенна многими водами и медомъ. Въ то время знашное количество ироевъ Ахейскихъ, конниковъ и пѣшцевъ окрестъ горящаго костра стоявъ въ оружіи творили подвиги, отъ чего произшелъ зѣлный шумъ. По сожженїи костей твоихъ, собрали мы воупріе бѣлый пепелъ твоихъ во двоеное вино съ маслїю, для коихъ матеръ твоя дала златый ковчегъ, даръ Дїониса, творенїе же знаменишаго Ифеспа. Тамо, бранный Ахиллъ! лежишь твоей пепелъ кунно съ космьми Патрокла сына Менишїева: но кости Антилоха, коего ты паче всѣхъ рашаезъ по Патроклѣ почиталъ, особъ положены. На томъ мѣстѣ, идѣ

прои..

произходило твоего пѣла созже-
 ніе, сооружена высокая и велико-
 лѣпная гробница, всѣмъ священ-
 нымъ Аргивскимъ воинствомъ, да-
 бы всѣ плавающіе по морю, кои
 нынѣ сущь, и кои впредь будутъ,
 отдалече могли оную видѣти. Ма-
 терь по совершеніи моленія бо-
 гамъ предложила подвиги, и за-
 оныя множайшія награжденія из-
 браннѣйшимъ отъ Ахейнъ. Мно-
 гажды бывалъ я при погребеніи
 знаменитыхъ мужей и царей, и
 видѣлъ, како препоясуются юно-
 ши къ подвигамъ, и какія тѣ-
 ряютъ имъ воздаянія; но ни что въ
 сравненіи оныхъ награжденій, ка-
 ковыя представлены по тебѣ бо-
 гиней Фетидою; зане вельми бо-
 гамъ ты былъ любезенъ. Тако и
 по смерти превознесенно есть твое
 имя, и всегда и во всѣхъ языкахъ
 велія о тебѣ гремѣти будетъ сла-
 ва. Мнѣ же коя польза, что сра-
 жался? Зане громоглаголющій Діи
 при

при возвращеніи моемъ совѣщаль
мнѣ поносную смерть отъ рукъ
Эгисеа и пагубныя жены.

Тако они разглагольствовали.
И се грѣдешъ къ нимъ Аргоубійца
Ермій, ведя съ собою души жени-
ховъ, Одиссеемъ убіенныхъ. Ага-
멤нонова тѣнь познавъ Амфиме-
донша, сына Меланѳея, вѣщаетъ
къ нему: Амфимедонтѣ! что по-
спрадавѣ пришли вы въ сію сѣнь
смертную, при томъ всѣ избран-
ны и равнолѣтны есте? Войстин-
ну никто бы, избирая въ цѣломъ
градѣ, не избралъ лучшихъ му-
жей. Посидонѣ ли жизнь у васъ
отбѣяла во время плаванія, воз-
двигнувъ зѣлыя вѣтры и страш-
ныя волны? Или не праведные му-
жи, поражая стада воловъ и овецъ,
отбѣяли и вашъ животъ? Или брань
творя за градъ и за женъ вашихъ?
Отвѣщай мнѣ вопрошающему тебя;
ибо я иѣкогда угощенъ былъ тс-
бою. Помниши ли, когда я съ му-

жественнымъ Менелаемъ обиталъ въ дому вашемъ, пришелъ увѣщевати Одиссея, дабы кунно съ нами отправился на Троянскую брань, по преклоненіи коего цылый мѣсяцъ мы плавали по морю?

Амфимедонтъ рекъ ему: Помню все сіе побою реченное, и повѣдаю тебѣ истинну, какая намъ смерть приключилась: всѣ мы желали получиши въ жену себѣ супружницу царя Одиссея Пинелопу, коя ниже отрицалася брака, ниже совершала оный, предуспроя намъ смерть и люшую нагубу; на послѣдокъ соплела слѣдующее ухищреніе: постановивъ она станъ начала ткаши великое и тонкое плашно, тако намъ рекши: Младые мои женихи! когда побѣдоносный Одиссей умеръ, потерпите ускоряти бракомъ, доколѣ не совершу одежду на погребеніе престарѣлому Лаэршу; ежели враждеб-

дебная смерть пресѣчетъ дни живота его, дабы нѣкая отъ Ахейнокъ не поругалася мнѣ, узрѣвъ безъ одѣянiя лежаща того, кто многимъ въ жизни обладалъ стяжанiемъ.

Таковымъ ея словамъ сердца наши повинулись. Но она сотканное днемъ паки разрѣшала нощiю при горящихъ свѣщильникахъ. Тако лещь сiя сокровенна пребывала три года. Наставшу четвертому лѣту, нѣкая отъ рабынь возвѣстила намъ о ея коварствѣ; и мы обрѣвши ее разрѣшающую шканiе, принудили вскорѣ по семъ прошивъ воли окончати, кое измывъ послѣ показала намъ устроенное, солнечному сiянiю или лунѣ подобное. Тѣмъ временемъ не свѣдомо откуду и какiй духъ поставилъ на село Одиссея, гдѣ пастухъ обиталъ; туда пришелъ и сынъего Тилемахъ, возвратився изъ

Пила на кораблѣ. И тако положивъ
 совѣтъ о убійствѣ нашемъ, пришли
 во градъ; Тилемахъ первѣе, а Одис-
 сѣй послѣ приведенъ бывъ пасту-
 хомъ во образъ нищаго старца
 на посохъ восклоняющагося, и въ
 толь гнусныя рубища облеченна-
 го, что ни единый отъ насъ не
 могъ познати внезапнаго его при-
 шеспейя; но всѣ мы пѣворили
 надъ нимъ поруганія, ово словами,
 ово удареніями: однако онъ всѣ
 досажденія долго сносилъ терпѣ-
 ливно. Наконецъ, когда возбудилъ
 въ немъ премудрый Дій Эгіохъ дер-
 зновеніе; тогда онъ съ Тилема-
 хомъ избравъ крѣпкую броню по-
 ложили въ чертогъ, у коего двери
 заключили твердо: послѣ пове-
 лѣлъ женѣ коварно предложити для
 подвига лукъ и желѣзо намъ злопо-
 лучнымъ; но къ напряженію онаго
 всѣ наши силы были слабы. Когда
 пришелъ оный лукъ въ руки Одис-
 сея; тогда всѣ мы жестокими пре-
 шили

шили словами ему не касаться: единѣ шокмо Тилемахѣ повелѣлъ ему дати. Одиссей пріявъ лукѣ, напргѣ его безѣ труда, и пустилъ желѣзо чрезѣ всѣ кольца; по семѣ возставѣ на помостѣ, извергѣ отѣ шула всѣ стрѣлы; и яростно воззрѣвъ на насѣ мещетѣ едину въ насѣ, и поражаетѣ оною царя Антиноя, послѣди и всѣ смерть пріемлемѣ, и падлемѣ во множествѣ. Но воиспину иѣкто отѣ боговѣ въ то время поборалѣ имѣ; зане и прочіе единомышленники послѣдуя Одиссееву и Тилемахову мужеству, убивали насѣ дерзновенно: отѣ умерщвленія насѣ изходило всюду страшное стenanіе, по всему помосту кровь протекала. Тако, царю Агамемнонѣ! мы погибли. Тѣла же и доднесѣ еще не погребенны лежатѣ въ домѣ Одиссеевѣ; иѣо никто о семѣ еще оцѣ друзей нашихѣ не свѣдомѣ, кои бы раны омывъ отѣ

У з

кро-

крови, и возложивъ пѣла на одры, насъ оплакали; зане таково есть воздаяніе умершимъ.

Агамемнонова пѣнь рекла: Благополучный сынъ Лаэртиовъ, премудрый Одиссей! И тако ты стяжалъ жену съ великою добродѣтелію. Какъ благи были помышленія дщери Икаріевой, и какъ незабвенно было ей имя мужа Одиссея! Сего ради хвала о добродѣтели ея никогда не умолкнетъ; но боги содѣлають земнороднымъ красную пѣснь въ честь мудрыя Пинелопы. Напротивъ того дщерь Тиндарова, совѣщевая пагубныя дѣла, убила дѣвственнаго своего мужа; памяшь убо ея между людьми пребудетъ ненавистна и безславна для всѣхъ молодыхъ женъ, хотя иная отъ нихъ будетъ и добродѣтельна.

Тако души разглагольствовали въ селеніяхъ адовыхъ. Одиссей и прочіе съ нимъ отъ града изшедшіе,

шіе, скоро достигли села, кое
нѣкогда самъ Лаэртъ пріобрѣлъ
своими трудами. Тамо былъ домъ
со многими иными вишальцами,
гдѣ обитали потребные слуги,
со угожденіемъ ему работающіе;
тамо пребывала и пресварѣлая Си-
килійская жена, коя тщательное
имѣла попеченіе о Лаэртѣ. Тогда
Одиссей напухамъ и сыну рекъ:
Вы нынѣ идите въ домъ, и тамо
лучшую отъ свиней закладъ уго-
товите трапезу; а я пойду иску-
сити отца моего, еда познаетъ
меня шолкое время отсутствовав-
шаго.

Сіе рекши, военную броню вру-
чаетъ слугамъ, кои вскорѣ въ домъ
пришли. Одиссей приближился къ
верпограду, и вошедъ въ оный,
не обрѣщаетъ Долю, ни сыновъ
его, ниже прочихъ рабовъ; но
всѣ отлучилися для собранія
жврасія для огражденія онаго:
У 4

еди-

единого токмо видить отца, дре-
во очищающаго, кой облеченъ былъ
въ раздранное рубище, лыста его
обязаны были вѣхою воловѣю ко-
жею, дабы избѣжати уязвленій,
на рукахъ имѣлъ рукавицы къ за-
щитѣ отъ шиповъ, на главѣ
былъ покровъ отъ козней кожи,
въ означеніе старости. Одиссей
увидавъ отца, старостію изможден-
наго и печалію сокрушеннаго, спалъ
тогда на соху трушю и пролилъ
слезы; послѣ думалъ, притечь ли
къ отцу, и облобызавъ его все
повѣдалъ, како пришелъ во отчиз-
ну, или прежде спросити его и
испытати. Тако помышляя при-
ближается къ Лаэрту, кой въ
то время окопывалъ корень, и
спавъ предъ нимъ вѣщаетъ: О стар-
че! возшнну великое имѣши зна-
ніе и раченіе управляти верхогра-
домъ симъ: се ниже малѣишее дре-
во, ниже смоковница, ниже лоза
виноградная, ниже масличина, ни-
же

же груша, ниже бразды зрятся
 безъ приэрбнїя. Но скажу тебѣ
 нѣчто, ты же не раздражися о
 семъ: почто самъ о себѣ не ради-
 ши, и въ глубокой старости на-
 ходяся видиши не доброзраченъ,
 ниже одѣянъ, какъ подобаетъ? Ибо
 владыка сего стяжанїя не можетъ
 тебя обличити за нерадѣніе. Но
 образъ твой и величественный видъ
 являющъ быти тебя не рабскаго
 состоянїя; зане подобенъ еси ца-
 рю, кой умываяся и насыщаяся
 пищею почиваетъ великолѣпно;
 ибо сіе есть обыкновеніе преста-
 рѣлыхъ. Но повѣждь мнѣ истин-
 ну, чїй ты рабъ, и чїй садъ на-
 зираеши? Повѣдай и сіе, истинно ли
 я обрѣтаюся во Иѳакѣ, какъ ска-
 залъ мнѣ нѣкто срѣщившейся со
 мною, не довольно разуменъ? Ибо
 не смѣлъ онъ ниже отвѣщати,
 ниже слушати словъ моихъ, какъ
 я его вопрошалъ о другѣ моемъ,
 еще ли въ живыхъ онъ обрѣщается,

или уже мертвъ и въ сѣии смерти
ней обрѣщается. О немъ и тебѣ
я повѣдаю, ты же внуши: Нѣко-
гда я во опечесствѣ моемъ воспрі-
ялъ въ дому страннаго мужа къ
намъ пришедшаго, [ибо до него
ни единаго у себя не видѣлъ я при-
шельца;] кой повѣдалъ мнѣ, что
родомъ изъ Иеаки, сынъ Лаэрта
сына Аркисіева. Я угостилъ его
дружелюбно въ присутствіи мно-
гихъ, и далъ ему страннопріемные
дары, какія приличны, а имен-
но: семь талантовъ чистаго зла-
та, серебряную чашу, дванадесять
ковровъ, тридцать шесть раз-
ныхъ одеждъ и чепырехъ благо-
образныхъ женъ, коихъ самъ онъ
возхотѣлъ избрати, и кои знали
пристойныя ихъ полу руководѣля.

Престарѣлый Лаэртъ проливая
слезы отъвѣщалъ: Странниче! во-
истинну та есть самая сія зем-
ля, о коей вопрошаеши; но мужи
не

не праведные и насильственники
 обладаютъ ею. Данные же дары
 тобою суть щедры; ибо когда бы
 ты обрѣлъ погрѣшителя живаго во градѣ
 семъ, воистинну со многими возда-
 яніемъ и съ дружескимъ угощені-
 емъ опустилъ бы тебя. Но скажи
 ми истинну, коликѣй годѣ идешь,
 какъ ты угощалъ твоего друга, а
 моего злополучнаго сына, коего да-
 лече отъ отечества, или въ морѣ ры-
 бы пожрали, или на земли звѣрямъ
 и птицамъ бысть въ разтерзаніе,
 и коего ниже отецъ и мать, по-
 крывъ тѣло его, оплакали, ниже
 мудрая жена Пинелопы, положивъ
 на одрѣ, и смѣживъ очи возлюб-
 леннаго супруга, слезами оросила?
 Ибо сіе есть воздаяніе мертвымъ.
 Но повѣдай ми: отъ какихъ на-
 родовъ пришелецъ еси? Кой градъ
 твой и кто родители? Гдѣ сталъ
 корабль, привезшей тебя сюда?
 Или купечествовати въ чуждемъ
 кораблѣ прибылъ сѣмо, и сопут-
 ники

ники твои, препроводивъ тебя, пакы ялися плаванію?

Мудрый Одиссей рекъ ему: Похваляю тебѣ истинну; опечесство мое есть градъ Аливантъ, и обитаю тамо во знаменишомъ домѣ, сынъ есмь Афиданша царя, сына Полипимонова, а имя мнѣ Епиритъ. Принесенъ я въ страну сію по внезапному случаю, заблуждая отъ Сиканіи; корабль мой спойтъ близъ нѣкоего села далече отъ града; пятый годъ печетъ какъ я видѣлъ Одиссея, изъ моего опечесства опщедшаго. Злополучный! воистинну идущу ему въ путь видны были отъ десныя страны благопредвѣщащельныя птицы; я радуясь о семъ предзнаменованіи отпустилъ его такожде веселящегося. Ибо сердца наши уповали еще насладитися взаимнымъ угощеніемъ и дружескими дарами.

Такъ рекъ; и се болѣзненный
мракъ

мракъ покрылъ Лаэрта, кой взявъ
обѣими руками песокъ, съ тяж-
кимъ воздыханіемъ посыпалъ онымъ
сѣдую главу свою. Тогда поколе-
бался Одиссей сердцемъ и смушил-
ся воздыханіемъ, зря опча сво-
его снѣдаема печалію; потомъ ме-
щется къ нему на выю, и тако
вѣщаетъ: О возлюбленный опче!
я самый потъ есмь, о коемъ ты
испытуеши, и кой въ двадесятый
годъ пришелъ въ опчественную
землю; преспани убо отъ плача;
зане подобаетъ мнѣ нѣчто реци
тебѣ и дѣломъ ускоряти: я убилъ
въ дому нашемъ всѣхъ жениховъ,
за зловредныя дѣла имъ опмще-
вая.

Лаэртъ отвѣщалъ ему: Когда
ты сынъ мой возвратившейся въ
домъ, скажи мнѣ нѣкое явное зна-
меніе, да увѣрюся.

Одиссей рекъ: Опче мой! се
виждь язву оную, которую нѣко-
гда

гда содѣлалъ мнѣ вепръ на Парнассѣ, когда ты и почтенная мать, посылали меня ко Автолику отцу ся, дабы пріяти отъ него обѣтованные дары. Се такожде повѣдаю тебѣ и о древахъ, побою мнѣ данныхъ, когда я во отроцествѣ слѣдовалъ за побою въ вертоградъ семъ; ихъ ты мнѣ нарекъ и исчислилъ по единому; далъ ты мнѣ шринадесять грушъ, десять яблонь, чешыредесять смоковницъ, обѣщаяся впрעדъ дать пшадесять плодоносныхъ браздъ, гдѣ всякаго рода во свое время раждаются ягоды.

Тако рекъ. Тогда престарѣлый Лаэртъ содрогнулся сердцемъ и возшрепешалъ колѣнами, познавъ явныя знаменія, Одиссеемъ реченныя; мецетъ изнемогшія руки на возлюбленнаго своего сына, а Одиссей пріемлетъ отца почти бездыханна во свои объятія.

Ла-

Лаэртъ собравъ духъ, вѣща-
етъ тако: Отче Дій! воистинну
еще вы, бессмертные боги, обита-
ете на Олимпѣ, когда безстуд-
ныхъ мужей наказали за свои зло-
чинія. Токмо днесъ смущаюся сер-
дцемъ, да не како всѣ Ахейне при-
тескутъ сѣмо, или пошлутъо семѣ
возвѣстити въ Кефаллинскіе гра-
ды.

Мудрый Одиссей отвѣщалъ:
Возлюбленный отче! дерзай и не
пекися о семѣ; но паче идемъ въ
домъ лежащій близъ верхограда;
ибо я предпослалъ тудѣ Тилемаха
и пастуховъ, дабы угоповали ско-
ро намъ ястіе:

Но семѣ отходятъ въ домъ,
гдѣ обрѣтають Тилемаха и пасту-
ховъ сѣкущихъ мяса, и красное
вино растворяющихъ. Тѣмъ вре-
менемъ великодушнаго Лаэрта омы-
ли водою, и помазавъ елеемъ, об-
лекли въ чистое одѣянїе: Палла-
да

да же Лѣинская представѣ содѣ-
лала образѣ его величественнѣй-
шимѣ. Одиссей узрѣвъ отца из-
шедшаго отъ бани, аки нѣкоего
отъ боговъ, удивился, и тако къ
нему речетъ: Отче мой! воистин-
ну нѣкто отъ боговъ содѣлалъ
лице твое благолѣпнѣйшимъ и усугубилъ величество.

Лаэртъ рекъ: Отче Дій, Пал-
лада и Аполлонъ! О когда бы я
былъ таковъ, какъ плѣнилъ укрѣ-
пленный градъ Нирикъ, обладая
Кефаллинскими берегами, воистин-
ну вскорѣ неистовыхъ жениховъ
отъ дому нашего изгналъ бы, или
сокрушилъ бы ихъ колѣна; во-
истинну тогда бы ты возрадовалъ-
ся душою.

Такъ они разглагольствовали.
По угошвленіи яствъ сѣли всѣ
по чину, и едва токмо присту-
пили къ яденію, какъ входитъ
престарѣлый Долій со своими сы-
на.

нами, отъ дѣлъ упружденные,
кои узрѣвъ царя своего и познавъ
явно, стали во дверяхъ изумлен-
ны. Одиссей воззвавъ къ нимъ крош-
кимъ гласомъ речетъ: Престани-
те удивлятися, приступите къ
вечери; ибо давно уже желаемъ
ясти, токмо васъ ожидали. Ста-
рецъ простерши руки печетъ къ
нему, а Одиссей пріѣвъ его лобза-
етъ въ ланиту. Долій съ радо-
стными возопилъ слезами: Возлю-
бленный царю! уже мы и помыш-
ляши престали о твоемъ возвра-
щеніи; но бессмертные привели
тебя къ намъ по желанію сердецъ
нашихъ; живи убо, и во вѣки р-
дуйся; да подадутъ тебѣ боги в
кое благоденствіе! Но возвѣзды,
мнѣ, уже ли знаешь мудрая Пенѣ-
лопа о твоемъ пришествіи? а въ
пошлемъ сказать ей о тебѣ? Ъ со-
редѣ

Старче! Одиссей стѣбѣцалъ
не пекися о семъ, Пинелопе ужю

Часть II.

Ф

сѣте

свѣдома. Сіе рекши паки возсѣлѣ. Равнымъ образомъ и сыны Долія привѣстствовали царя, цѣловавъ его руки. Посемъ сѣли всѣ по ряду близъ своего отца. Тако всѣ вкупѣ вечеряли. Между тѣмъ по всему граду скоро изшла молва о избіеніи и смерти жениховъ. И се текутъ отъсюду со многимъ воздыханіемъ и шумомъ въ домъ Одиссеевъ, износятъ мертвыхъ и погребаютъ; бывшихъ изъ другихъ градовъ вдаютъ рыбаармъ для препровожденія каждаго въ домъ свой. По семъ съ сокрушенными одердцами собираются на сонмъ, гдѣ соувый Евпиеей возсталъ; ибо не испобъ сносимая печаль обьяла сердца дего о смерти сына Антиноя, о первѣе убилъ Одиссей, и протѣ слезы, тако начинаетъ: По уи мои! воиспину веліе препочленіе сотворилъ мужъ сей пиліанамъ; первое отходя на брань прелъ многихъ и храбрыхъ мужей,

по-

погубилъ ихъ тамо всѣхъ съ ко-
раблями своими; ныйъ же возвра-
тився единъ, предалъ смерти из-
бранныхъ Кефаллискихъ юношей.
Предваримъ убо, да не ушечетъ
или въ Пилъ, или въ Елиду, гдѣ
владычествуютъ Енеяне; идемъ,
или послѣ непрестанно будемъ сиѣ-
далися печалію; зане будетъ намъ
поношеніе и ошъ потомственныхъ
народовъ, когда за смерть сыновъ
своихъ и братій не сотворимъ оп-
мщенія; самая жизнь мнѣ будетъ
ненавистна, и лучше желаю быти
въ числѣ мертвыхъ, нежели сіе
оставиши. Воздвигнемся убо, да
не ускорятъ они бѣгствомъ.

Скончавъ сіе проливалъ слезы,
и сожалѣніе объяло всѣхъ Ахейнъ.
Медонтъ же и пѣвецъ бывшіе въ
дому Одиссея, и представъ въ со-
браніе, тако Медонтъ посредѣ
всѣхъ вѣщаетъ: Внемлите Изаки-
ане! мудрый Одиссей училъ дѣло
Ф 2 сіе

сіе не безѢ изволенія боговѢ; ибо я самѢ видѢлъ нѢкоего отѢ бессмертныхѢ при немѢ стоящаго, во всемѢ подобнаго Меншору; оный богѢ иногда являлся предѢ ОдиссеемѢ, побуждая его кѢ дерзновенію; то устремлялся иногда кѢ женихамѢ, ихѢ возжигая; и тако всѢ они пали мертвы.

Таковая ему глаголющу, на всѢхѢ нападаетѢ страхѢ. ПосемѢ пресѢарѢлый ирой АлиѢерсѢ, сынѢ МаспоровѢ, тако начинаетѢ: Любезные ИѢакіяне! внимлите и мѢимѢ глаголамѢ: убійство сіе произошло отѢ вашего небреженія; ибо вы не повиновались ниже мѢнѢ, ниже Меншору, дабы воздержати сыновѢ своихѢ отѢ безумія, кои пшворили неправедныя обиды и всякія злочинія, распочая стяжаніе, и не чтя жену мужа отѢ всѢхѢ АхейнѢ избраннаго, коего не уповали возвращенія. Да будетѢ убо
ша-

такъ: повинитесь увѣщаніямъ моимъ; оставите начинаемый вами мѣшѣтъ, да не како пріиметъ кто-либо лютую смерть и по нехотѣнію.

Такъ рекъ, и абіе большая часть крамольниковъ устремляющся въ дома съ великимъ шумомъ, и не пріявъ совѣща Алиѣерова, облакаются во оружіе, повинуются совѣщамъ Евпиева, собираются предъ градомъ, и вскорѣ текутъ въ путь. Прочіе же всѣ во градѣ остались. Евпиевъ, бывъ предводителемъ, уповалъ отмстити за смерть сына своего; но судьба не благоволила и ему здраву въ домъ возвратиться; ибо куда спремился, пріялъ смерть тамо. Тѣмъ временемъ Аѣинская Паллада представъ предъ отцемъ боговъ, сына Кронова, сицевѣащаетъ: Отче Дій, владыко господствующихъ! повѣждь мнѣ, ка-

ко совѣщеваетъ твое сердце? Воздвигнешь ли брань и убійство между симъ народомъ? Или последи обоимъ сторонамъ согласіе?

Погоняяя облаки сынъ Кроновъ отвѣщалъ ей: Дщи моя! почто мя о семъ вопрошаеши? Не ты ли сама предположила совѣтъ, дабы Одиссей пришедъ въ домъ, жениховъ наказалъ? Твори убо, како хочещи; я же тебѣ реку, како подобаетъ; когда Одиссей жениховъ наказалъ, да царствуетъ навсегда, положивъ вѣрные завѣщанья; а мы въ сердца людей о смерти сыновъ и братій вложимъ забвеніе; и тако всѣ пребудутъ во взаимномъ согласіи; богатство и любовь на нихъ обильно да изліется.

Такъ рекъ отецъ боговъ. Паллада же съ радостію низходитъ отъ высоты Олимпа. Одиссей съ домо-

домочадцы сними насытився пи-
цею тако вѣщаетъ: Да изыдеи
кто отъ васъ и узриетъ, не те-
купъ ли къ намъ мятежники. Сынъ
Доліевъ изшедъ и спавъ во вра-
тахъ, зреть множество гряду-
щихъ, вопіетъ тако къ Одиссею:
Скоро вооружайтесь, се приближи-
лися. По семъ возставъ, каждый
возлагаетъ броню; Одиссей съ дво-
ими паспухами, Тилемахъ и шесть
сыновъ Доліевыхъ вооружилися;
приняли такожде оружіе Лаэртъ
и Долій, украшенные сѣдинами и
преслѣблые ратники. По томъ
отверзши врага изходятъ всѣ на
поле, предшествующу Одиссею. И
се скоро предстала къ нимъ Пал-
лада дщерь Діева во образѣ Мен-
тора. Одиссей узрѣвъ богиню воз-
радовался, и тако къ Тилемаху
вѣщаетъ; Любезный сынъ! нынѣ
яви швое дерзновеніе приступивъ
ко брани, гдѣ познаются храбрые
мужи; не сотвори поношенія роду
пред-

предковъ своихъ, кои по всей земли прославились мужествомъ и крѣпостію.

Возлюбленный опче! Тилемахъ рекъ ему, узриши, когда желаеши, что не содѣлаю посрамленія роду швоему, какъ ты вѣщаеши. Лаэртъ слыша сіе возрадовался, и тако глаголетъ: Милостивые боги! какій сей день? Воиспину зѣло веселюся. Се внукъ и сынъ шворятъ прѣнїе о храбрости.

Аѣинская Паллада представъ Лаэрту рекла: Сыне Аркисіевъ! сошворивъ моленіе отцу боговъ Дію и Палладѣ его дщери, скоро вознеси копїе швое и вергни оное. Тако вѣщая вдохнула крѣпость. Лаэртъ принеши мольбу мецетъ копїе и поражаетъ Евпїею вѣ чело, ко-его не зацѣпилъ даже швердый шлемъ; но острїе копїя проходѣтъ сквозь кость; прошивникъ падаетъ со звукомъ отъ брони

воз-

возгремѣвшей. Одиссей и сынъ его
мещущся на прочихъ крамольни-
ковъ, мечами и копѣями поражая.
Тогда воистинну всѣ бы погибли,
и ни одинъ бы въ домъ не возвра-
тился; когда бы Паллада не воз-
держала всѣхъ, велѣмъ возопивъ
гласомъ: Престаните отъ брани,
и скоро разѣидитесь безъ проли-
тїя крови.

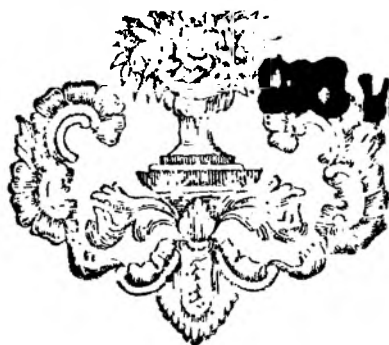
Тако вѣщающей богинѣ, объ-
емлещъ всѣхъ ужасъ; и отъ гласа
ея всѣ повергнувъ оружіе на зе-
млю, текущъ ко граду живомъ
своей сдѣся. Одиссей же страшно
возопивъ мещется во слѣдъ бѣгу-
щихъ, аки орелъ высокопарящій;
но всесильный Дій мещетъ предъ
лицемъ дщери своея Паллады па-
лящую молнію, коя абіе ко Одис-
сею тако вѣщаетъ: Сынъ Лаэртовъ!
воздержися, и прекрати запаленіе
брани, да не преогорчится на тя
громомещущій отецъ боговъ Дій.

Тако

Тако глаголющей богинѣ, Одиссей повинулся радуясь сердцемъ. Премудрая же Паллада посредѣ обѣихъ странъ представъ во образѣ Ментора, мирные завѣщы положила на вѣки.

К О Н Е Ц Ъ

ВТОРОЙ И ПОСЛѢДНЕЙ ЧАСТИ.

ПОГРѢШНОСТИ.

Въ первой части

Напечатано.		Читай.
Стран : стро :		-----
36.	18. Алисеерсѣ,	Алиеерсѣ,
41.	14. Алисеерсѣ,	Алиеерсѣ,
78.	20. дебряную	сребряную
89.	24. споспѣшествуемѣ	споспѣше-
		сствуемѣ
131.	25. ему	ему
173.	4. Многіе	Многіе
195.	15. Эпей	Эней
280.	7. Эпей ;	Эней ;
310.	5. на разсыпалися ;	не разсыпа-
		лися ;

Во второй части

67.	10. попретерпѣнн	по претер-
		пѣнн
191.	8. разумная	разумная
236.	18. постухами ;	пасухами ;

